КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предисловіемъ*. **Н. И. Стороженка**. . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича**. (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ**. (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельницины. **М. Старицкаго**. (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. . . . . 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова**. . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . . 289—310

Библиотека "Руниверс"

стр.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.). О. Л. . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА Н. С. . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная комиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Угличскаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. Н. М. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Ѳ. Левицкаго. л) Литовская метрика. м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

Библиотека "Руниверс"

ОТР.

Новороссіи Сообщ. И. С. к) Обычай ломать скорлупу яйца. Н. Ѳ. Сумцова. ц) Письмо А. К. Деливина къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. М. П. Старицкаго. ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). Н. М. б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). Н. М. в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. Н. М. г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. Ѳ. Титова. д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. А. Л. е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». А. Лотоцкаго. ж) Першій русско-американскій календарь. А. Л. з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. і) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Н. М. к) «Койросъ Подолія» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. Н. М. л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Е. П. м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовецъ, Козаки и Море. Поэма. W. 21—32, 49—62. . . . . 76—94

Библиотека "Руниверс"

стр.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).

Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (*въ концѣ книги*)

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою Кіевъ, 25 октября 1897 года.

Библиотека "Руниверс"

СЛАВЯНАМЪ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Предлагаемое вниманію читателей „*Кіевской Старины*“, до сихъ поръ неизвѣстное, неоконченное стихотвореніе Шевченка найдено нами при изученіи дѣла о членахъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, хранящагося въ Архивѣ Департамента Полиціи [1]). Стихотвореніе Шевченка, сохранившееся въ бумагахъ Н. И. Костомарова, относится къ 1846 или началу 1847 г. и было отраженіемъ взглядовъ кіевскаго кружка панславистовъ, во главѣ котораго стояли Гулакъ и Костомаровъ. Идея панславизма, т. е. мысль о желанномъ соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ въ одну дружную семью, зародилась въ Чехіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Мысль эта воодушевляла собою и старшее поколѣніе русскихъ славянофиловъ, видѣвшихъ въ собраніи славянъ воедино историческую миссію Россіи. Въ стихотвореніи Хомякова *Орелъ* (1832 г.) поэтъ напоминаетъ сѣверному орлу не забывать младшихъ братьевъ, которые, скованные цѣпями иноплеменниковъ, ждутъ его призыва.

И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья
Прострешь надъ слабой ихъ главой.

---

[1]) За дозволеніе имъ пользоваться приносимъ глубокую благодарность Е. В. П. Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкину.

Библиотека "Руниверс"

Когда въ сороковыхъ годахъ началось въ Европѣ славянское движеніе, значительная часть русской интеллигенціи была убѣждена, что Россія воспользуется этимъ движеніемъ, вступится за права угнетенныхъ славянскихъ народностей, вырветъ ихъ у Австріи и составитъ изъ нихъ отдѣльное государство подъ своей гегемоніей. Кіевскій кружокъ поборниковъ панславизма шелъ дальше и мечталъ объ образованіи великаго славянскаго государства на федеративныхъ началахъ. „Мы не могли уяснить себѣ—говоритъ въ своей Автобіографіи Н. И. Костомаровъ—въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться нами воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляемъ будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые законы и права, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ и единая центральная власть". Такія идеи или мечты раздѣлялъ и Шевченко, и этимъ объясняется его воспѣваніе русскаго двуглаваго орла, будто бы уже разорвавшаго своими когтями сковавшія славянъ цѣпи, и предсказаніе скораго конца крѣпостному праву и панству, какъ явленію отжившему, несоотвѣтствовавшему имѣющему водвориться царству равенства и свободы. Хотя стихотвореніе Шевченка обрывается на стихѣ: „слава тоби, Украино!", но весьма возможно, что окончаніе его найдется въ бумагахъ другихъ членовъ Кирило-Меѳодіевскаго общества.

Н. И. Стороженко.

Славянамъ.

Диты славы, диты славы!
Часъ вашъ наступае:
Отъ Банатокъ до Камчатки
Гоминъ розлягае.
Отъ Банатокъ до Камчатки,
Отъ Финнъ до Боспора
Розришаетьця загадка
Велыкого спора;

Библиотека "Руниверс"

Розрываютця кайданы
Неволи й неславы;
Сгине, счезне братня свара
Ворогъ нашъ кровавый,
И освите наше небо
Сонечко свободы,
Стануть вкупи передъ Богомъ
Вольныи народы;
Поклонятьця Роспятому
Завитъ його прыймуть,
Ворогивъ тысячелитнихъ
Вороги обіймуть;
Узрять те, на що глядилы
И доси не зрилы,
Взнають те, що земля й небо
Всимъ давно открылы:
Тильки тамъ, де Духъ Господень,
Тильки тамъ и воля!
Де любовъ Хрыстова й правда—
Тамъ счастя и доля.
Ясне небо Славянщины
Покрыла темнота,
Безпросвитна, нерозумна
Давняя негода...
Що жъ за гоминъ чудный ходыть
Отъ краю до краю?
А чи винъ що изгадуе,
Чи що провищае?
А мы слухалы и чулы
Й до серця прынялы,
Не скажемо, правый Боже,
Шобъ все разибралы.
Не намъ, Боже, выкладаты
Небесни глаголы!
Суды, Боже, нашу долю
По Твоіи воли!

Библиотека "Руниверс"

Ты даешь намъ розумиты,
Кому скильки треба,
Молымося, выглядаймо
Твого часу зъ неба.
Молитеся, диты славы,
Выглядайте часу!
Прыслухайтесь до святого
Небесного гласу!
Мырытеся, очищайтесь
Отъ пьянства й порока,
Любися, скоро блысне
Звизда отъ востока.
Горе панству лукавому,
Шо въ гасло неволи
Обернуло хрестъ всечесный,
Гасло вичной воли!
Горе тымъ, шо словомъ Божимъ
Розумъ подавлялы,
Для корысти, для мамоны
Правду уживалы [1]).
Горе вченымъ, котри злее
Добрымъ нарекалы,
Тымъ шо истыну святую
Отъ простыхъ ховалы—
Всимъ продажнымъ филозофамъ!
Одъ духа святыни
Розвіютця ихъ хытрощи
Якъ пылъ по пустыни!
Любитеся, диты славы,
Любовъ насъ спасае!
Слава, честь тоби во вики,
Орле нашъ двоглавый!
Бо ты шпонамы своимы
Вырвавъ изъ неволи,

[1]) Далѣе идетъ пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ поруги давній на свитъ
Славянскую долю!
Слава Чехамъ! яснымъ свитомъ
Наукы темноту
Розгопяйте, пробужайте
Славянску дремоту!
Слава тоби, люде добрый,
Изъ Славянъ Славяне,
Въ день воскресный станешъ въ слави
Межъ всимы братамы.
Слава Сербамъ за ихъ писни,
За чистую виру
Въ мылость Божу, за ненависть
Проты изувира.
Слава, честь вамъ, браты ляхы,
Мыръ вамъ, вична згода!
Згыне панство лукавое
Воскресне свобода!
Слава тоби, Украино...

Библиотека "Руниверс"

СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА[1].

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА II.

Населеніе.

Догадки о времени основанія селъ и происхожденія колонистовъ.—Кіевскій и бѣлорусскій элементы въ составѣ населенія.—Различіе наружности, одежды, психическихъ особенностей жителей.—Антагонизмъ селъ и кутовъ: весняники, поддразниванія, кулачные бои и драки молодежи разныхъ кутовъ.—Однородность мѣстнаго панства и черты стародворянской жизни.

Какъ устныя народныя преданія, такъ и письменныя свидѣтельства умалчиваютъ о времени заселенія сѣверовосточной части Лубенскаго уѣзда, за исключеніемъ Снѣтина. Онъ одинъ только упоминается въ числѣ имѣній Вишневецкихъ и намѣченъ на картѣ Боплана 1-й половины XVII в., изъ чего слѣдуетъ заключить, что остальныя поселенія еще тогда не существовали; изъ универсала же Мазепы 1689 г., которымъ переданы охочекомонному полковнику Ильѣ Новицкому: опустѣлое городище Снѣтинъ, Исачки, Шеки (Щеки), Литвяки и Гребище (Гробыще [2]), видно, что всѣ они были уже селами въ то время, слѣдовательно ихъ возникновеніе должно быть отнесено къ половинѣ XVII в.,—эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Съ такимъ заключеніемъ согласны

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 9.

[2]) Стороженко. Н. В. „Кіев. Стар." 85 г., VIII, стр. 444, 446 и 457.

Библиотека "Руниверс"

и народныя преданія, установляющія, что вездѣ, кромѣ Снѣтина, панской колонизаціи предшествовала козацкая [1]). При такомъ предположеніи уясняется нѣсколько и другой вопросъ: откуда вышли колонисты, населившіе сѣверовосточный уголъ Лубенскаго уѣзда ? Конечно мѣстности, найболѣе пострадавшія во времена польско-козацкихъ войнъ и руины, должны были дать найбольшее число переселенцевъ на лѣвый берегъ Днѣпра вообще и въ Лубенщину въ частности. Тако ю мѣстностью была правобережная Украина [2]). Что касается Снѣтина , то, опустошенный за приверженность къ Дорошенку [3]), онъ заново колонизованъ Новицкимъ, которому поручалось размѣщеніе правобережныхъ прочанъ съ приказаніемъ селить внутри края, а не на берегу Днѣпра [4]). Подтвержденіемъ высказаннаго положенія о заселеніи сѣверовосточной лубенщины выходцами изъ Кіевской губерніи, кромѣ историческихъ свѣдѣній, слѣдуетъ еще слѣдующія данныя: частое упоминаніе въ мѣстныхъ пѣсняхъ Кіева [5]) и событій правобережной Украины [6]), полная тожественность лубенскихъ и кіевскихъ пѣ-

---

[1]) По преданію козаки Моргуны вытѣснены панами изъ Шекъ, какъ Иванчане изъ Хорошковъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе на мѣстѣ въ названіи бывшей пасики „Моргунивщиной."

[2]) За Днѣпръ бѣжали во времена Хмельницкаго, руины и слѣдующихъ мѣстъ: Лысянки, Чигрина, Черкасъ, Медведовки, Жаботина, Мошенъ, Ладыжина, Умани, Брацлавля, Паволочи, Корсуня, Канева, Крылова, Мліева, Богуслава, Ржищева, *Деренковца*, Драбовца, Староборья, Бѣлоозерокъ, Бѣлой церкви, Богуслава, Синицы, Ольшанки (Рубанъ. Крат. Лѣт., стр. 20, 123, 126 и 128; Костом. Руина, Вѣст. Евр. 79 г. VII, стр. 449, 80 г., VII, 239, 41., 268., VIII, 402, 404 и IX., стр. 7, 15, 16; Антоновичъ и Бецъ. Историч. дѣятели. Кіевъ. 85 г., стр. 45; Антоновичъ. „Кіев. Стар. 96 г,, X, стр. 5; Бант.-Каменскій. I, 254; Кулишъ. Зап. о Южн. Руси., т. I, стр. 82, 83).

[3]) Бант. Каменскій., ч. II, стр. 117 и примѣч. на стр. 20. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣятели. стр. 81.

[4]) Вѣстн. Евр. Руина. кн. VIII 1880 г., стр. 402 и 404.

[5]) Напр: „Славный Кіевокъ", „Съ Кіева идутъ—все панова." „Тимъ славенъ Кіевокъ, що вси святіи." „Прилетивъ соколъ съ Кіева у дворъ", „изъ Кіева гости." (См. мои Рожд. святки Луб. у., стр. 5, 7 и 15).

[6]) Напр. историческая пѣсня о Левенцѣ, представленная въ редакцію „Кіевск. Стар.".

Библиотека "Руниверс"

сенъ [1]), сходство снѣтинскаго историческаго разсказа о борьбѣ царицы съ царемъ, приведеннаго въ 1-й главѣ настоящей статьи, съ такимъ же разсказомъ Кіевской-губерніи; насмѣшливое прозваніе жителей сел. Волчка: „Вовчане—деренчане," позволяющее догадываться о происхожденіи послѣднихъ изъ сел. Деренковецъ на Роси, ниже Корсуна [2]).

Но кіевская колонизація не была единственной. Рядомъ съ ней замѣтно довольно значительное бѣлорусское (литовское) вліяніе. Оно слышится въ названіи цѣлыхъ селеній и кутовъ (Лит-

---

[1]) Напр. слѣдующія одинаковыя пѣсни.

Кіевской губ.	Луб. уѣзда.
Колядки.	
У Чуб., т. 3., стр. 271	„Загадано, заповидано
Драгом. и Антон. стр. 27 (запис. въ м. Дымерѣ и Черняховѣ).	Милорад. Рожд. святки луб. у., стр. 6.
Чуб., стр. 305 (Дымецъ).	На стр. 11. Рожд. Св.
Свадебныя пѣсни.	
Чуб., т. 4. №. 5, 6, 7. (Гостомысль).	Свад. пѣсни Луб. у. Кіевъ 90 г.— № 76.
№ 172.	№ 8.
— 188.	— 2.
— 199.	— 135.
— 193.	— 112.
— 197.	— 214.
— 198.	— 64.
— 200. (Жаботинъ)	— 28.
— 202.	— 10.
— 434.	(въ моей рукописи).
— 506.	Свад. пѣс. 91.
— 546.	— 96.
— 555.	— 101.
— 877.	— 141.
—1128. А.	(въ рукописи).
— 594.	Ibid.
Чуб. т. V. Разныя пѣсни	
№ 77. Васильков. у. и Тараща	Въ рукописи.
№ 113. (Жаботинъ)	Ibid.
Гринченко, Этнограф. матер., т. 2.	
№ 135. вирша, запис. въ Каневскомъ уѣздѣ.	Ibid.

[2]) Максимовичъ вспоминаетъ о Деренковцахъ въ I т. Собр. Сочин. стр. 687.

Библиотека "Руниверс"

вяки), въ фамиліяхъ жителей (Литвины, Литвиненки, Поцяпуны, Шарушинскіе, Шаревскіе и т. д.) и особенно въ одинаковыхъ вѣрованіяхъ и народныхъ произведеніяхъ лубенскихъ и бѣлорусскихъ, такъ что первые при сличеніи оказались изобилующими бѣлоруссизмами и болѣе родственными сѣверозападнымъ образцамъ, чѣмъ другимъ малорусскимъ [1]). Затѣмъ не могло пройти совершенно безслѣднымъ долгое пребываніе въ лубенщинѣ охочекомоннаго полка, набиравшагося, какъ извѣстно, кромѣ Малороссіянъ, также изъ поляковъ, волоховъ, сербовъ [2]), откуда произошли фамиліи: Ляшки, Волошины, Сербины и т. д, а фамиліи Сабадашей, Билыковъ и др. указываютъ на татарское происхожденіе. Итакъ, главнымъ признакомъ, характеризующимъ населеніе сѣверовосточной части лубенскаго уѣзда будетъ его смѣшанность, неоднородность, выражающаяся и теперь въ значительныхъ различіяхъ типовъ, наружности, одежды, народной психологіи не только отдѣльныхъ селъ, но даже кутовъ. Впрочемъ, одинъ изъ наружныхъ признаковъ—ростъ населенія—повсемѣстно понизился. Теперь вездѣ преобладаетъ средній ростъ, а въ Шекахъ—низкій. Замѣчаніе Короповскаго о болѣе высокомъ ростѣ козаковъ въ сравненіи съ крестьянами [3]) къ данной мѣстности не примѣнимо. Напримѣръ, козачьи фамиліи с. Литвяковъ: Терцы и значительная вѣтвь Заикъ, извѣстная подъ уличнымъ названіемъ Прудкихъ, малорослы, съ короткими саблевидными ногами, наоборотъ—почти всѣ крестьяне хуторовъ Путивцева, Церковнаго и Волчьей долины высоки и стройны. Головы жителей вообще невелики; непропорціонально большія головы попадаются иногда только въ Снѣтинѣ. Въ Снѣтинѣ же замѣтно рѣшительное преобладаніе бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ, даже голубыхъ глазъ; въ другихъ селахъ господствуютъ темнорусыя волосы. Жители Волчка смуглы и черноволосы. По отношенію къ цвѣту волосъ необходимо еще

---

[1]) Вліяніе бѣлорусскаго элемента на составъ населенія Лубенскаго уѣзда выдѣлено мною въ особую статью.

[2]) Костомаровъ. Руина въ Вѣстн. Евр. 80 г., X, стр. 68.

[3]) Полт. Губ. Вѣдомости. № 43., стр. 2. Ростъ козаковъ показанъ: 2,5 – 2,8 крестьянъ: 2,4—2,6.

Библиотека "Руниверс"

одно замѣчаніе: между крестьянами больше блондиновъ, среди козаковъ—брюнетовъ. Преобладающей формой носа у мужчинъ все еще будетъ продолговатый съ горбинкой. Но много также круглыхъ, короткихъ. Кромѣ пониженія роста, вырожденіе выразилось еще уменьшеніемъ долголѣтія и ослабленіемъ физическихъ силъ народонаселенія. Далекой сказкой звучатъ теперь слѣдующіе разсказы.

1.

Писля манифеста дряный народъ ставъ, а тоди я самъ бачывъ, якъ чоловикъ у Лубняхъ на ярмарку, третяку телыцю пиднявъ на плечи, тай понисъ. Узявъ рубля грошей. Або Дзвонко бильшъ аршына шырыны у плечахъ мавъ. Возьме на мызынець пятыпудову гырю и черезъ голову попре[1]).

2.

Давнійшъ люды булы здоровійши и довго жылы. Недавно булы таки, що захватылы якъ на манастырь робылы: Зима, Полянка. У насъ чоловикъ такый бувъ у Вовчку, що кобылу такъ якъ овечку пересадыть у леваду, а хазяинъ дознався, шо пасецця коняка,—а куды вона влазыть, шо нема вылазкы? Такъ хазяинъ той заберигъ, шо якъ же воно водыть? Подывывсь, якъ той пересадывъ кобылу, ничого не сказавъ—тай пишовъ[2]).

Вырожденіе коснулось и женщинъ. По словамъ старожиловъ онѣ были прежде выше ростомъ, плотнѣе[3]), красивѣе. Несмотря на преобладаніе свѣтлыхъ волосъ въ цѣлыхъ волостяхъ, мѣстный вкусъ все еще предпочитаетъ брюнетокъ. Отзывы о бѣлокурыхъ женщинахъ вообще сдержаны. „Ловка дивка, ловка молодыця“—всё, на что можетъ разсчитывать красивая блондинка.

Когда литвяковскій парень выбралъ себѣ молодую за Сулой, свекруха съ неудовольствіемъ говорила: „казавъ чорнява, а вона руда якъ собака“. Впрочемъ, брови у мѣстныхъ женщинъ вообще темнѣе волосъ, даже и въ Снѣтинѣ. Прямыя брови больше

---

[1]) Н. Ивахненко.

[2]) А. Ковпа.

[3]) Арендар. т. I., стр. 250.

Библиотека "Руниверс"

нравятся, чѣмъ дугою. Лобъ у малороссіянокъ некрасивъ, толстъ, нечистъ, вѣроятно вслѣдствіе обычая закрывать его платкомъ. Большіе открытые глаза не нравятся, предпочитаютъ продолговатые, узкіе. „Очи мовъ на лоби, вытрышкувата“, говорятъ о большихъ, выпуклыхъ глазахъ. Цвѣтъ глазъ сѣрый и голубой въ снѣтинской волости, въ волчковской—карый съ зеленоватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ спѣлаго жолудя. Замѣчаніе покойнаго Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. о преобладаніи вздернутыхъ носовъ у женщинъ полтавской губерніи правильно, почти всѣ женскіе носики болѣе или менѣе приподняты на концѣ. Едва-ли не самая некрасивая часть лица мѣстной малороссіянки—ротъ. Онъ великъ, губы толстоваты, отчего дивчата усвоили привычку сжимать губы („пышающця“). Лица круглыя съ полными щеками и короткимъ подбородкомъ. Различіе типовъ еще усиливается разнообразіемъ модъ, выражающимся преимущественно въ головныхъ повязкахъ. Дѣвушки Волчковской волости носятъ широкія, низкія повязки („салотовки“). Очипки женщинъ въ видѣ гребня, отчего головы выходятъ широкими („макитры“). И тѣ, и другія надвигаютъ платокъ на самыя брови. Въ Снѣтинской волости повязки выше, остроконечныя, очипки съ складкой. Въ Литвякахъ и Снѣтинѣ одежды со сборами сзади („до фантивъ“), короткія, въ Хорошкахъ со складками, а въ Шекахъ съ клиньями, удлиненныя по сенецкимъ образцамъ. Кромѣ наружности и одежды, еще и въ обыкновеніяхъ разныхъ селъ, даже кутовъ, есть различія. Напримѣръ, свадебный ритуалъ каждаго села имѣетъ свои особенности. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодые и ихъ свиты проводятъ вмѣстѣ дѣвичъ-вечеръ на особыхъ досвиткахъ; вѣнковъ не вьютъ. Въ Снѣтинѣ—въ домѣ молодой; въ Волчковской волости дѣвичъ-вечеръ почти совершенно отсутствуетъ: здѣсь совьютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Свадебныя пѣсни каждаго села свои особенныя, часто неизвѣстныя въ другомъ. Старыя пѣсни: историческія, колядки и др. сохранились лучше въ снѣтинской волости, гдѣ женщины и дивчата вообще поэтичнѣе. Самый языкъ снѣтинскій необыкновенно картиненъ, а въ Шекахъ попадаются подчасъ архаическіе обороты. Населеніе волчковской волости реальнѣе, прозаичнѣе; оно самое скуд-

Библиотека "Руниверс"

ное въ уѣздѣ въ отношеніи къ пѣснямъ, сказкамъ, преданіямъ. Жители Литвяковъ пріобрѣли репутацію насмѣшливости, а Волчка—странности [1]). Различіе происхожденія вызвало нѣкоторый антагонизмъ какъ цѣлыхъ селъ, такъ и ихъ частей, выражающійся, между прочимъ, въ веснянкахъ, которыми части селъ перекликаются по вечерамъ. Особенно задирательны литвяковскія веснянки, чуждыя всякой поэзіи, порой состоящія изъ голой брани, которыя поютъ притомъ поспѣшно, вызывающимъ образомъ [2]). Антагонизмъ селъ выражается также взаимными перебранками и насмѣшками: Вовчане-деренчане, кобылу винчалы! раздается крикъ пастушковъ изъ-за Сулы. Литвякивци—дурни вивци, на повитци: бе! или: литвякивци—дурни вивци, позлазылы на комору тай мекають. Литвякивци—коси ворочкы [3]). Литвяковцы такъ отвѣчаютъ на это: Снитынци—шанькы [4]). Снитыньски дукы [5])! пойилы гадюкы и кривъ полызалы, намъ не сказалы!—Снитыньскый бакань, снитыньски бакани! (?)—Вовчаньска палюга! [6]). Въ различныхъ народныхъ обыкновеніяхъ ощущается также антагонизмъ праваго и лѣваго берега Сулы. Литвяковскіе и волчанскіе парни не ходятъ на досвитки, вечерницы, игрища въ Снѣтинѣ, предпочитая въ этомъ случаѣ болѣе отдаленную Бересточь; снѣтинскіе—въ Литвяки и Волчокъ. Первые охотнѣе женятся у себя въ домѣ и въ Засульской волости, чѣмъ въ болѣе близкой снѣтинской, какое обыкновеніе также способствовало отчасти устойчивости типовъ. Антагонизмъ селъ

---

[1]) Нигдѣ не встрѣчается столько идіотизмовъ, какъ въ Волчкѣ: авежъ вмѣсто авжежъ, палюга, вм.—палка, пасоля, вм. квасоля и т. д.

[2]) Напр.

На юрчанскій на улыци
Дивки дурноваты.
Бодай же вы, сучи дочкы
Зъ ума посходылы
Ой, не ходы Сабадашу
На улыцю нашу.

[3]) Въ Литвякахъ хустки шьютъ наискось.

[4]) Снѣтинцы ходятъ съ сумочками (шаньками) черезъ плечо на ярмаркахъ и базарахъ.

[5]) Или гепыкы—дукы.

[6]) Палюга—палка въ Волчкѣ.

Библиотека "Руниверс"

поддерживался еще въ прошедшемъ и началѣ текущаго вѣка кулачными боями на Сулѣ. Народная память сохранила имена главныхъ героевъ кулачекъ въ слѣдующихъ разсказахъ:

1.

У старыну у Снитыни и у Лытвякахъ на риздвяныхъ святкахъ, а то и раньше, собираюцця молоди чоловикы и парубкы, сотъ на два чоловика, выходять до велыкого затона и кулачацця. Договоръ такый, що по пыци и по ногахъ не можна быть, а по ребрахъ и пидъ груды. Хто полетыть зъ нигъ, того не бьютъ. Якъ Лытвякивцивъ бильша сыла, то загонять по Сули ажъ у Снитынъ, а Снитынци пидойдуть та загонять тихъ ажъ на мостыще. Грыцько Шквыря бувъ за атамана. Винъ бувъ чоловикъ милкый, сухый, тонкый, у накожни клавъ кремни, такъ якъ ударывъ якогось Шеретюка пидъ груды, такъ у того поясъ лопнувъ и ножемъ зубы рознималы и водою одлывалы. На санкахъ одвезлы зъ ричкы, черезъ дви недили померъ. А то ставлять стилъ на лёду, снитынци складають 25 рубливъ, а лытвякивци и соби. Шквыря якъ поборовъ, получывъ 25 рубливъ, а лытвякивець мулъ пустывъ и зоставсь нежывымъ. Съ того часу закрылы кулачкы и бориння,—литъ мало не сто [1]).

2.

Якъ Снитынци былысь на гори надъ Сулою биля Плаксинець, батько мій стоявъ зъ парубкамы осторонь. Колы пидбига снитынець, якъ ударыть батька, такъ и кровь у ёго пишла зъ носа. Батько скынувъ кожухъ, накынувъ очамы де винъ, якъ розигнавсь, якъ ударывъ того снитынця, такъ винъ и роспластавсь на леду. Покынулы его тамъ, а снитынцивъ якъ овець погналы, ажъ у самый Снитынъ [2]).

3.

У Снитыни парафія зъ парафіею зчипалысь. Отець Васыль Кузьмыньскій [3]) бачыть у викно, шо позъ его бижыть куча-

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

[2]) Тарасъ Печеный, хут. Церковнаго.

[3]) Священникъ м. Снѣтина конца XVIII и начала XIX в.

Библиотека "Руниверс"

нынъ Макуха тай каже: „колыбъ мои лита вернулысь, ябъ его свыснувъ!“ А поповычъ стоить каже: „позвольте мени, батюшка!“—Ступай, каже отець Васыль. Поповычъ передивсь у просту одежу, а Макуха напротывъ бижыть, такъ той у бикъ якъ шеменувъ Макуху, той и упавъ [1]).

4.

До нашого дида грыще ходыло. Парубкы нанимають музыку на рождественныхъ празныкахъ, идуть на Сулу и крычять на Высачкивцивъ: „а, ну, выходить“. Ти выходять та якъ зачнуть кулачыцця, хахлацьки рукавыци понадивають та сбижацця; якъ хто упавъ, то того лежачого не бьють. А въ нашого дида юпка латана, винъ мовъ у подушци, якъ ударыть высачкивьскій чоловикъ, такъ не допкуля. Та ото якъ убылы двохъ чоловикъ Вовчане высачкивьскихъ, тай упретылы, щобъ не былыся [2]).

5.

Якъ есть высачкивьскы люды: Рысь та Баша, то Вовчанъ заганялы, а якъ нема, то Высачкивцивъ. Рысь не бывсь, а тилькы двыгавъ плечыма [3]).

6.

На валу въ Снитыни, де гуляе пидгоряньска челядь, выконують стилъ,—звецця дукъ челядскій. Посередыни сидають дивчата, а парни ихъ окружять. До ихъ у городокъ не можно ходыть кучанскимъ парубкамъ, а якъ зъ городка прыйдуть парубкы на кутокъ, то ихъ тамъ бьють. Чоловикъ трыдцять кучанскихъ парнивъ пишло на валъ. Кучане поздоровкалысь. Герасыменко й пыта: „зачимъ прыйшлы, собакивци [4]). Заразъ Акыма по пыци, у того и трубка вылетила зъ зубивъ, а якъ Акымъ давъ Герасыменку по пыци, той не встоявъ. Якъ пишлы его мисыть, такъ у рядни прынеслы додому, черезъ тры дни померъ [5]).

[1]) Иванъ Чухно.

[2]) Алексѣй Ковпъ.

[3]) Егоръ Бобоха, с. Исачекъ.

[4]) Прозваніе крестьянъ помѣщика П. Ѳ. Андреева, по уличному Собачника.

[5]) Николая Ивахненка.

Библиотека "Руниверс"

Если, такимъ образомъ, основнымъ признакомъ крестьянскаго и козачьяго населенія снѣтинской и Волчковской волостей лубенскаго уѣзда представляется разнородность его состава, то, напротивъ, почти все мѣстное дворянство, кромѣ homines novi, путемъ разновременныхъ браковъ породнилось съ фамиліей Новицкихъ. Понятно, какой интересъ для исторіи края могли бы имѣть какія нибудь письменныя данныя объ этой фамиліи: мемуары, документы, письма; но за неимѣніемъ такихъ данныхъ поневолѣ приходится довольствоваться блѣдными, отрывочными, не всегда достовѣрными устными преданіями. Эти преданія знаютъ, напримѣръ, только о мускульной энергіи родоначальника Новицкихъ, полковника Ильи, да о его происхожденіи отъ польской рыцарской фамиліи, умалчивая о военной и административной дѣятельности этого выдающагося человѣка. По словамъ недавно скончавшейся столѣтней его правнучки Маріи Акимовны Андреевой, Ильяшъ поссорился съ миргородскимъ полковникомъ Даниломъ Апостоломъ изъ-за вопроса о родовомъ превосходствѣ и въ дракѣ выбилъ ему глазъ далеко не рыцарскимъ способомъ—кулакомъ. Крестьяне также передаютъ о слѣдующей расправѣ Новицкаго съ конемъ. Илья бувъ дуже сыльный. Купывъ винъ коня смырного и красывого. Понайиздылы гости; винъ йимъ и хвалыцця: якого я коня купывъ красывого. Повивъ гостей дывыцця на того коня, увиходыть у конюшню, выправывъ руку и вдарывъ коня по кряжу: „вотъ у меня лошадь“. А кинь якъ хлыпонувъ его. Илья не здавсь та на кучера каже: а выведы мени его. Той узявъ вывивъ ему коня зъ конюшни. Такъ Илья завивъ кулакъ, якъ торохнувъ у лобъ, такъ кинь тилькы затрусывсь. Убывъ [1]).

О ближайшихъ потомкахъ Ильяша народная память не сохранила даже и такихъ воспоминаній, только помѣщики конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка представляются какими то неясными тѣнями; такъ, одинъ изъ предковъ угасшей вѣтви Новицкихъ—Федорянъ былъ пьяница. „Кажуть, иде старый пипъ отець Васыль Кузьмынскій; завернуть его до пана. Пье батю-

[1]) И. Чухно.

Библиотека "Руниверс"

шка, покы схоче, а дали—тикать! то панъ крычыть: „а ну, хлопци, держить попа!“ Его сынъ Павлусь или Павлыкъ былъ богатъ. „У его гроши якъ у Манька [1]) бочкамы стоялы; худобы багато, земли тожъ“, но, несмотря на богатство, онъ былъ такъ скупъ, что для него по три раза разогрѣвали борщъ и нѣсколько дней держали жаренаго цыплынка, покуда не выбрасывали собакамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ и тамъ заказывалъ себѣ только однихъ цыплятъ, предполагая, что и тамъ они такъ-же дешевы, какъ въ Снѣтинѣ. При такой скупости онъ долженъ былъ сурово относиться даже и къ мелкимъ имущественнымъ проступкамъ У него, послѣ извѣстнаго числа розогъ, истязаемому предъявляли кусокъ дерева и спрашивали: яке? Если послѣдній могъ еще отличить кленъ отъ береста, то наказаніе продолжали до потери сознанія. Послѣ такого наказанія человѣкъ похожъ бывалъ „на падлюку“. „Люды одъ его тикалы безбашъ, мандрувалы. Де хатка—тамъ паниматка де прыхылыцця; чы въ лузи, чы де“. Одинъ изъ братьевъ Павлуся былъ гораздо добрѣе, но за то „якъ тилькы пидійметця дивка на ногы, такъ и переведе“. Послѣ такихъ тяжелыхъ сценъ, слушатель отдыхаетъ на разсказахъ о невинныхъ странностяхъ дѣтей бригадира Андрея Новицкаго, Иванѣ Новицкомъ и Иринѣ Хорватъ. Первый служилъ сначала при посольствѣ, а потомъ засѣлъ безвыѣздно въ Исачкахъ. Онъ никогда не одѣвался и ходилъ всегда только въ грубой рубашкѣ изъ десятки и такомъ же халатѣ. Повидимому, онъ былъ однимъ изъ собирателей земли. Сохранилось много купчихъ крѣпостей первой четверти текущаго вѣка о покупкѣ имъ отдѣльныхъ участковъ и цѣлыхъ имѣній у козаковъ сел. Волчка и Исачекъ и закладная о займѣ у него козакомъ Иваномъ Скороходомъ 60 руб. ассигн. подъ залогъ земли, стоющей 80 р., срокомъ на полтора мѣсяца, съ условіемъ оставленія земли заимодавцу при неплатежѣ въ срокъ, но въ народныхъ разсказахъ Иванъ Андреевичъ представляется кроткимъ („плохимъ“) паномъ. Бывало смолотятъ люди пшеницю, а утромъ сами же и заберутъ, а пану скажутъ, что свиньи съѣли.—А, супесови

---

[1]) Извѣстный богачъ лохвицкаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

кабаны, рѣшаетъ баринъ, ну, кабаны наши и пшеница наша! Еще большими причудами славилась Ирина Андреевна, болѣе извѣстная подъ именемъ генеральши Хорватъ, строительница литвяковской церкви, въ которой есть престолъ св. Ирины. Генеральша ѣздила въ гости въ сопровожденіи четырехъ лакеевъ, изъ которыхъ два вели ее подъ руки, а два шли за нею. Ей нравилось напоить этихъ лакеевъ и наслаждаться ихъ перебранкой. Домъ Хорватовой отличался широкимъ гостепріимствомъ, на пріемы съѣзжалось окрестное дворянство. Она одаряла гостей, и подарки были иногда чрезвычайно странные: глазетовые жилеты, напримѣръ. Среди обѣда входилъ крестьянинъ и, привѣтствуя Хорватову: здрастуй, Орышко! клалъ возлѣ нея кисетъ.—Я оце потрудывсь, начиналъ онъ разговоръ.—Може бъ ты, Омелько, полудновавъ? спрашивала генеральша.—Тай выпью чарку, отвѣчалъ послѣдній. Начиналось угощеніе. Этотъ переодѣтый крестьянинъ былъ шутъ. Шутовъ было тогда много, ихъ брали съ собой въ гости. Роль шутовъ исполняли заѣзжіе, поляки, даже какой-то унтеръ-офицеръ. Роль заключалась не столько въ остротахъ, сколько въ грубыхъ продѣлкахъ. Напримѣръ, одинъ изъ шутовъ, можетъ быть упомянутый унтеръ-офицеръ, придумалъ набросать въ кровати панночекъ мелко изрѣзанной конской шерсти для того, чтобы онѣ не спали всю ночь. Невзыскательное деревенское общество слушало разсказы такого шута съ наслажденіемъ. Едва онъ раскрывалъ ротъ, какъ на встрѣчу его шуткамъ уже появлялись улыбки и поощрительные взрывы смѣха. Обыкновенно такой шутъ обладалъ скуднымъ репертуаромъ нѣсколькихъ избитыхъ анекдотовъ, но долженъ былъ передавать ихъ въ лицахъ, изображая жидовъ, цыганъ, поповъ пьяныхъ, беременныхъ женщинъ. Въ хорѣ онъ могъ невзначай оглушительно взвизгнуть, во время танцовъ—проплясать козачка, исполняя самыя рискованныя па. Прадѣдовскіе обычаи сохранялись еще нѣкоторое время; въ началѣ текущаго вѣка сватовство производилось у пановъ посредствомъ старостъ, перевязанныхъ красными „гарнитуровыми“ (изъ gros de Tours) рушниками, вѣнчались всегда утромъ. Благословляли молодыхъ образами мѣстной живописи. Вмѣсто коровая ставился на столъ большой пря-

Библиотека "Руниверс"

никъ; молодого при выѣздѣ осыпали зернами, орѣхами и конфетами, которые хватали дѣти. Въ понедѣльникъ бывалъ еще и перезовъ. Когда Марія Петровна Новицкая выходила замужъ, въ началѣ столѣтія, перезовъ шелъ отъ двора Новицкихъ въ Лубнахъ черезъ весь городъ къ собору. Перезовъ вела Трофимовская. Дамы приплясывали по улицамъ, гукали и пѣли:

Великого лугу калина,
Чесного батька дытына...

Около того же времени стали измѣняться дѣдовскіе обычаи и языкъ. Лубенскій маршалъ Акимъ Андреевичъ Новицкій писалъ по-русски. Среди бумагъ сохранилась его записка сестрѣ на червономъ тузѣ:

Якимъ Аннѣ здоровья желаетъ,
Съ именинами ее поздравляетъ
И хлѣбъ-соль отъ усердія посылаетъ.

А его единственная дочь Марія Акимовна, вышедшая замужъ за П. Ѳ. Андреева, напѣвала:

Бракъ прелестный воображала,
Какъ въ невѣстахъ я была,
Въ немъ все счастіе полагала
И прямыхъ утѣхъ ждала.

ГЛАВА III.

Хозяйственное положеніе населенія до манифеста 19 февраля 1861-го года.

Начало крѣпостного права и причины его возникновенія.—Изобиліе земли и ея плодородіе.—Недостатокъ капитала.—Невыгоды положенія козаковъ; закрѣпощеніе.—Распаденіе козаковъ на богатырей и безземельныхъ.—Голодные годы.—Свободный и крѣпостной трудъ.—Примѣръ большого хозяйства.

По народнымъ историческимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ предыдущихъ главахъ, населеніе края начато козаками съ праваго берега Сулы и отсюда распространилось на лѣвый. Панская колонизація присоединилась къ козацкой позже, съ конца XVII в., когда Илья Новицкій сталъ закликать народъ, бѣжавшій съ праваго берега Днѣпра и заселять свои владѣнія. Такъ

Библиотека "Руниверс"

началось крѣпостное право. Причиной его возникновенія не могъ быть, конечно, недостатокъ въ землѣ, которой было тогда вволю. Волостямъ снѣтинской, волчковской и части тиковской, прокармливающимъ теперь пятнадцатитысячное населеніе, легко было прокормить населеніе втрое и вчетверо меньшее [1]), довольствовавшееся незначительными запашками [2]) вслѣдствіе плодородія почвы. Съ десятины, дающей теперь какой нибудь десятокъ копъ, прежде ставилось—30 [3]). Арнаутка давала 8—9 пудовъ съ копны. Ячмень и овесъ не считались и хлѣбомъ. Человѣкъ выоретъ, бывало, десятину на баштанъ и не соберетъ. Бывали огромные арбузы. Батюшка однажды въ старину, выбирая арбузы, сталъ на колѣни, взялъ два арбуза подъ мышки, да не могъ уже и подняться. Вслѣдствіе незначительнаго спроса на землю, и цѣны на нее стояли низкія до размежеванія и освобожденія крестьянъ. Такъ, въ 1731 г. Григорій Кулябка скупалъ земли отъ Шелудченковъ и Кузьменковъ въ Волчкѣ и Бересточи по 1—80 коп. помѣрокъ [4]). Въ 1785 г. жилой грунтъ въ с. Литвякахъ проданъ за 6 руб. 50 коп. ассигн. и тамъ же 4 марта 1896 г. грунтъ въ восьмую часть десятины за 2 руб. на нашъ счетъ, а полевая земля постепенно росла въ цѣнѣ отъ 4 руб. за десятину въ первой четверти настоящаго столѣтія до 15 руб. предъ освобожденіемъ. Козакамъ не было тогда и надобности покупать землю, такъ какъ наемная плата за пользованіе ею была ничтожна. Можно было выкосить травы на 7, 8, даже 20 копенъ за уго-

---

[1]) Въ половинѣ XVIII в., когда населеніе осѣлось и сохранились исповѣдныя росписки въ архивахъ мѣстныхъ церквей, населеніе Снѣтина не превышало 1000 душъ (теперь тамъ 2661), Хорошковъ въ 1744 г.—793 (теперь 2300), Исачекъ—500 д., (а теперь 1371) и Литвяковъ въ 1832 г.—2053, а теперь въ 1896 г., вмѣстѣ съ хуторами въ приходѣ—3819 душъ.

[2]) Въ XVIII выходило орать по разсказамъ старожиловъ с. Литвяковъ, слышавшихъ отъ предковъ, 15 плуговъ въ Литвякахъ, гдѣ теперь пашетъ 300 плуговъ.

[3]) Кулишъ. Зап. о Южн. Руси, т. I, стр. 144. 40 коп. ставилось на одномъ днѣ оранки.

[4]) Лазаревскій. „Кіев. Стар.“ 85 г. V, стр. 8.—Послѣдующіе факты взяты изъ документовъ. Особенности ихъ: неточность измѣренія, напр. день оранки, упругъ, на 1-го косаря, иногда вмѣсто мѣры только перечисленіе границъ и включеніе могорыча въ договоръ.

Библиотека "Руниверс"

щеніе владѣльца квартой водки [1]). Еще и въ 40-хъ годахъ хозяинъ предоставлялъ даровое пользованіе перелогомъ съ условіемъ выорать за то эту землю подъ гречиху. Половинщики отдавали вначалѣ 7—10 копну урожая хозяину, затѣмъ третью часть рольи или бороздны хозяину и только предъ манифестомъ—половину [2]). Жали за 3-й снопъ, молотили за 4—5 коробки [3]). Основная причина крѣпостного права лежала, такимъ образомъ, не въ затруднительности доступа къ землѣ, а въ недостаткѣ средствъ у части переселенцевъ для самостоятельнаго веденія хозяйства—въ недостаткѣ капитала. По крестьянскимъ свѣдѣніямъ паны давали первымъ поселенцамъ воловъ и другой инвентарь, да и самый отработокъ въ началѣ былъ легокъ. Пановъ было мало, крестьянинъ, бывало, только помогаетъ имъ: поработаетъ день, а женщина другой—и будетъ. Требинскіе за Лубнами предлагали во второй половинѣ XVIII в. крестьянамъ въ пользованіе 3 дес. пахати, 1 дес. сѣнокоса, лѣсъ и очеретъ за отработокъ 18 дней въ году [4]). Вообще же отбываніе панщины заключалось тогда въ десятинѣ урожая въ пользу пана, перевозкѣ ему дровъ и сѣна и 2-хъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю [5]). Вслѣдствіе такихъ льготныхъ условій панщины, и козаки стали „пидлазыть пидъ панивъ“ для избѣжанія походовъ и платежа на консистентовъ и распродавали земли помѣщикамъ по безденежнымъ купчимъ [6]). Такъ получились непонятные на первый взглядъ факты: владѣніе семьями крестьянъ сел. Литвяковъ по 30—80 дес. земли [7]). Такое подданство козаковъ могло быть въ началѣ вполнѣ фиктивнымъ, тѣмъ болѣе что и въ послѣдующее время крѣпостные имѣли право посылать вмѣсто себя на работы наймита и наймичку. Обыкновенно че-

---

[1]) Въ Спѣтинской церковной книгѣ замѣчено: Иванъ взявъ травы въ острови на 3 пятака.

[2]) Короновск. Полт. Вѣдом. 90 г., № 47, стр. 2.

[3]) Теперь 7—8 снопъ отработкомъ и 9—10 коробки тамъ, гдѣ удержался еще этотъ способъ умолота.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 96 г., № 9, стр. 220.

[5]) Макотинъ. Прикр. крест. въ Малор. Русское Богатство 94 г. № 2, стр. 37.

[6]) Тепловъ въ Зап. о Ю. Руси т. 2, стр. 181 и 182.

[7]) Пузырки владѣли—80, три семьи Бойковъ по 50 дес. каждая, Кумонки—50 и Юрченки—30 дес.

Библиотека "Руниверс"

тыре хозяина нанимали тогда одного наймита. Самыя взысканія съ козаковъ производились крайне сурово. Сборщики вели неисправнаго плательщика къ рѣкѣ на ледъ и обливали водой „поки вона замерзне на голови якъ на стриси.“ Отъ рѣки приводили назадъ, держа за усы съ обѣихъ сторонъ. Производили также „закуцію“, т. е. разоряли печь, выбивали окна, наливали въ хату воды и топили вещи. „Давнійшъ по козакахъ було не добре жыть—драча велыка“, замѣчаютъ по этому поводу старожилы. Подобныя мѣры заставляли козаковъ „пидходыть пидъ панивъ“, но закрѣпощеніе скоро стало безповоротнымъ, такъ какъ помѣщики рядомъ ограничительныхъ мѣръ: запрещеніемъ продавать посполитымъ землю безъ согласія владѣльца, соглашеніемъ послѣднихъ не принимать отходящихъ крестьянъ, арестомъ крестьянской семьи и имущества [1]), еще до прекращенія въ 1783 г. вольнаго перехода сдѣлали его практически невозможнымъ. Два разсказа изъ крестьянскихъ фамильныхъ преданій такими чертами рисуютъ картину этого переходного состоянія.

1.

Попереду уси булы вильны, а жыть було оскудно, коло панивъ лехше. Чоловикъ помогае пану робыть. У Снитыни худо, йде въ Жданы [2]),—поки панъ не запысавъ у свою кныжку. Мій дидъ такъ пидійшовъ, а якъ стало худо, то винъ хотивъ утекты на Запорожжя отакъ, якъ теперъ у Таврію ходять. Винъ тамъ побувъ та хотивъ забрать и семейство. Вернувсь, зайшовъ у шынокъ, поздрастувавсь, выпывъ. Тутъ доложылы до пана, поставылы сторожу на ничъ. Такъ винъ поборсувавсь ничъ, пійшовъ до пана тай помырывсь и не пысавъ уже на Запорожжя. Такъ було росказують батько [3]).

2.

Дидъ мій бувъ козакъ Прыхидько, Иванъ Михайловычъ. Такъ якъ тоди тисно було жыть козакамъ,—за подушне прыти-

[1]) Мякотинъ Рус. Бог. 1894 г. № 2, стр. 37. Рубанъ. Кратк. лѣтопись. XXVII.

[2]) Село лохвицкаго уѣзда.

[3]) Отъ Григорія Науменка (Кесхички) м. Снѣтина.

Библиотека "Руниверс"

снялы, то дидъ вертивсь, вертивсь, тай пидійшовъ пидъ помищыка, такъ не скажу пидъ якого. Якъ пожылы съ пивгода, ставъ и панъ прытиснять. Дидъ утикъ, панъ давай ёго ловыть. Дидъ, утикавши, упавъ вночи у горлату яму, а тамъ була насыпана зола зъ огнемъ. Дидъ терпивъ, терпивъ та ставъ крычать: рятуйте! Вытяглы дида и заперлы въ острогъ. Черезъ то его и сталы звать Печеным. Дидъ зъ острога утикъ, за нымъ салдаты, винъ у воду пидъ латаття и цилый день сыдивъ въ води, такъ и запысалы: втопывсь. Дидъ, диждавшы вечора, подавсь дали. Пидъ Жданамы, якъ стало розвыдняцця, дидъ сховавсь у купку конопель. Жинка прыйшла брать конопель, злякалась, думала: анцыфиръ [1]), крычыть: рятуйте! Дидъ каже: Богъ зъ тобою, молодыце, дай кусокъ хлиба та никому не хвалысь. Досыдивъ дидъ до вечора, упять хода на Лытвяки до генеральши Хорваткы. Вона вырядыла йихъ у Путывцивъ хуторъ за хазяина. Дидъ жывъ тамъ бильше 40 литъ. Хорватка передъ смертю напысала ему волю, а не утвердыла судомъ, а дворови сказылы: „якъ намъ нема воли, той ему не треба! Тай спалыли дидову волю [2]).

Эти разсказы и раньше приведенные примѣры Иванчанъ и Моргуновъ доказываютъ, что паны прошлаго столѣтія, помимо косвенныхъ мѣръ, старались обращать козаковъ въ посполитыхъ и насильственными способами. Въ Снѣтинской волости, гдѣ жили болѣе богатые и вліятельные паны, эти стремленія сопровождались успѣхомъ: почти всѣ козачьи роды были порабощены или вытѣснены изъ Шекъ, Хорошковъ и отчасти Снѣтина; въ Литвякахъ же, гдѣ поселились менѣе значительныя отрасли Новицкихъ, козаки удержались и составляютъ половину населенія, а въ Волчкѣ и Бересточѣ, въ которыхъ не было имѣній Новицкихъ, козаковъ подавляющее большинство. Но и козачество въ свою очередь разложилось на бѣдняковъ и богатырей. Богатыри имѣли довольно значительныя поземельныя владѣнія; за Линывыми, напр., числилось до 300 дес. земли въ урочищахъ: „Фалевомъ“ и „Гаю“, большая пасѣка, много скота, денегъ. Ихъ богатство объясняли даже знакомствомъ съ дьяволомъ. Голодные годы:

[1]) Люциферъ.

[2]) Отъ Тараса Печеного, изъ хут. Церковнаго.

Библиотека "Руниверс"

1833, 34 и 48 еще больше усилили имущественную разницу. Воспоминанія объ этомъ времени живо въ народной памяти. Въ 1833 г. посѣвы ржи, пшеницы и ячменя совсѣмъ не взошли; пропалъ даже картофель. На житахъ уродила лобода, какъ лѣсъ. Народъ сжалъ лободу, засыпалъ въ коши и кормился ею цѣлый годъ. Къ хлѣбу подмѣшивали полову и жолуди, въ гречаную муку—золу, въ ржаную—бѣлую глину. Ѣли хлѣбъ изъ проса и овса, а за неимѣніемъ его—высивки, мякины изъ пшена. Бураки квасили съ зеленью (гичью), терли и ѣли почки липы и щавій (Rumex obtusifolius или crispsus). Пили соленую воду. „Батько купылы хлибъ у Лохвыци,—разсказывала бабуся, сама въ дѣтствѣ распухшая отъ голода до пояса,—диты радіють, скачуть, колы розризалы,—ажъ полова: тилькы зисподу и зверху коржъ.“ Бывали и случаи голодной смерти. „У чоловика тоди вмерло двое дитей. Лежать воны день и два, нихто не йде хоронить, шо въ того чоловика нема хлиба. Винъ у волость, та ажъ тоди поховалы.“ На слѣдующій годъ люди собирали уже хлѣбъ гдѣ ни попало: „не було мого й твого“, а сходъ помѣщалъ жать къ хозяевамъ обѣднѣвшихъ козаковъ за третій снопъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ паны успѣвали прокормить крестьянъ, въ другихъ разрѣшали продажу земли на прокормленіе. Тогда пала цѣнность земли до 2 руб. за десятину; былъ случай уступки земли за 2 коробки сухарей. „Съ 33 и 34 годовъ, говоритъ Коронавскій, когда былъ голодъ, цѣна земли достигала 10 руб. ас. за десятину, и тогда явились крупные поземельные собственники изъ крестьянъ и козаковъ и много безземельныхъ“ [1]). Параллельно паденію цѣнъ на землю, шло вздорожаніе хлѣба въ 10, даже 20 разъ противу нормы. Пудъ ржаной муки стоилъ 1 руб. 50 к., а печенаго хлѣба—7 коп. фунтъ, и продавецъ, боясь отпустить большее количество, тутъ же откусывалъ и съѣдалъ лишній кусочекъ. Необходимо припомнить, что такія цѣны на хлѣбъ появились тогда, когда рядная плата была еще крайне низка: мужчина получалъ тогда 10—15 руб. [2]), женщина [3]) 8—

[1]) Полт. Вѣд. 90 г., № 47, стр. 3.

[2] и [3]) Коронов. Полт. Вѣд. 90 г., № 48, стр. 2.

Библиотека "Руниверс"

10, парень 5—7 и дѣвушка—2 руб. въ годъ. Тогда чаще служили за одежду. Напримѣръ, женщина за годовое услуженіе получала: кожухъ, плахту, пару запасокъ и скатерть, дѣвка—юпку, 2 запаски и на сорочку полотна; подростки служили годъ за чоботы или запаску, полотно на сорочку. Поденная заработная плата не превышала тогда 6—10 коп. жнецу или косарю, 3—5 коп. гребцу, $1^1/_2$—3 коп. погоничу въ день. Въ петровку бабы пряли цѣлый день за $1^1/_2$—3 коп. Таковъ былъ вольнонаемный трудъ. Обязательный трудъ представляется въ первой половинѣ текущаго вѣка въ такихъ чертахъ: норма панщины, три дня въ недѣлю, соблюдалась не во всѣхъ среднихъ и небольшихъ имѣніяхъ, на которыя распалось наслѣдіе Ильяша Новицкаго. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне работали 4 дня помѣщику, а пятницу и субботу себѣ. Случалось, что люди располагали лишь однимъ днемъ въ недѣлю для себя, тогда какъ вначалѣ крѣпостного права, наоборотъ, должны были отбыть только одинъ день въ недѣлю владѣльцу. Въ страдную пору порядокъ работъ измѣнялся. На косовицу выходили всѣ, толокой, и косили весь іюнь пану; крестьяне по $^1/_2$ дес. въ день или 2 дес. въ 5 дней; женщины гребли скошенное сѣно. Въ жатву баба жала 2 копы, 2 копы 15 сноповъ, а кормящая грудью дитя—$1^1/_2$ к. въ день ржи и озимой пшеницы, а ярины—по $2^1/_2$ копны. Въ одной изъ экономій накидали даже по 4 копы въ день женщинѣ и аккуратный нѣмецъ самъ измѣрялъ шнуркомъ снопы. „Ничь вызволяла, мисяцъ зійде и зайде, а мы жнемо“, разсказывали крестьянки. Тягловые обязаны были перевезть 30 копъ въ день. Земля пахалась преимущественно крестьянскими плугами, такъ какъ половина крестьянъ была тягловыми. Женщины, кромѣ обыкновенныхъ полевыхъ работъ, должны были еще спрясть въ три срока: въ Филипповку, мясоѣдъ и великій постъ по 60, а въ нѣкоторыхъ экономіяхъ и по 90 пасомъ пряжи. При такомъ размѣрѣ обязательной пряжи, женщины не могли одѣваться такъ, какъ теперь; прилежныя имѣли по 3 рубашки, лѣнивыя—одни рубцы. Въ жатву виднѣлись черныя молодицы съ голыми плечами, едва прикрытыя запасками. Положеніе крестьянъ видно яснѣе на примѣрѣ большого снѣтинскаго хозяйства. Стараго

Библиотека "Руниверс"

хозяина, Лубенскаго маршала, Акима Новицкаго народныя воспоминанія изображаютъ добрымъ, снисходительнымъ паномъ, при которомъ людямъ жилось сносно. Дочь его, Марія Акимовна, вышла замужъ за П. Ѳ. Андреева и принесла ему большое приданное: половину Снѣтина, Исачки и нѣсколько хуторовъ. Въ этомъ свободномъ отъ долговъ имѣніи числились: винокуренный и селитренный заводы, стадо холмогорскаго скота въ 40 коровъ съ 3-мя быками („одынъ муругый, два перыстыхъ"), конскій заводъ съ 5-ю жеребцами, испанскія овцы. На работу выходило 10 экономическихъ и 15 крестьянскихъ плуговъ. Рядомъ нововведеній Андреевъ совершенно измѣнилъ такое положеніе вещей. Онъ завелъ: крахмальную, бумажную, табачную и сигарную фабрики, на которыхъ работало до 500 рабочихъ подъ руководствомъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Ему же приписываютъ введеніе табаку въ лубенскомъ уѣздѣ, для чего вывезены сѣмена и табачникъ изъ м. Срѣбнаго, и первый посѣвъ сдѣланъ въ 1817 г. Желая избѣжать посредничества табачныхъ купцовъ, онъ же задумалъ отослать табакъ своихъ плантацій прямо въ Ирбитъ (по словамъ крестьянъ „въ Казанъ-городъ") на 25-ти конныхъ повозкахъ съ подводчиками изъ крѣпостныхъ, но предпріятіе это, какъ видно, было плохо организовано: денегъ не хватило, подводчики кинули табакъ гдѣ то на заѣзжемъ дворѣ, распродали возы, сбрую, лошадей и возвратились далеко не всѣ. Такія широкія, неудачныя предпріятія и жизнь не по средствамъ, напримѣръ содержаніе 360 собакъ, привели къ полному разстройству дѣлъ и обѣдненію крестьянъ, которые должны были работать для себя по ночамъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ оставалось по одному только волу, а у большинства ни одного; одна корова приходилась на три двора, а лошадей въ Снѣтинѣ можно было найти развѣ у козаковъ. Вдова Петра Ѳедоровича, Марія Акимовна также очутилась въ плачевномъ положеніи. Настали голодные годы, люди разбрелись въ разныя стороны: были у священниковъ, ремесленниковъ, даже у евреевъ. Пятнадцать мальчиковъ отработывали въ Харьковѣ у Богомолова за долгъ покойнаго Андреева. Марія Акимовна думала помочь горю, устроивъ маленькій опытъ гинайкократіи. Вся администрація: приказчики,

Библиотека "Руниверс"

десятники, табачники, ключники назначались изъ женщинъ, которыя имѣли право и посѣкать крестьянъ. Гинайкократія не помогла, и уже сыну Петра Ѳедоровича пришлось собирать разбитую храмину, но дѣятельность этого сына принадлежитъ большею частью другому времени, когда манифестъ 19 февраля принесъ съ собой новую весну, и потому не войдетъ въ настоящую статью.

В. Милорадовичъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ[1].

(1846—1877 г.г.).

6.

С.-Петербургъ, 1846, сент. 16.

Я не зналъ, что Общество Ваше пользуется благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры. Прошу-жъ освободить изъ-подъ лапы Никитенка: 1, заглавіе разсказа объ *Уніи*, замѣненное по неволѣ другимъ, 2, въ разсказѣ о Степанѣ Плахѣ и царѣ Петрѣ освободите все зачеркнутое имъ, а потомъ уже, для складу, и мною. Окончаніе этого преданія прекрасно, но какъ Никитенко нѣкоторыя строки замаралъ, такъ я уже съ досады и все его зачеркнулъ. Вы-же воскресите. 3, Въ *Очаковской бѣдѣ* не упустите поставить рядъ точекъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ восклицанія: «О, якъ-же не гарно лаеться»! или: «такъ и ляпнувъ на всю губу» и т. п. Да нельзя-ли поневолѣ вымышленнаго *Верходумова* напечатать вездѣ: *Потемкинъ*?—ибо этотъ разсказъ къ нему относится. Извѣстно, что Потемкинъ любилъ загинать по-московски. Вмѣсто *вельможнаго* нужно въ такомъ случаѣ напечатать: *свѣтлѣйшій*. Прочія преданія зачеркнуты мною по особеннымъ причинамъ, и ихъ печатать не надо. Я думаю, цензура Ваша позволитъ напечатать и *Путешествіе по другому свѣту*. Очень буду радъ. Я цѣню его высоко. Изъ прочихъ религіозныхъ преданій напечатайте, что можно, и въ такомъ случаѣ помѣстите ихъ по оглавленію, которое поневолѣ переправлено.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 9.

Библиотека "Руниверс"

Милутиновичъ мнѣ очень понравился, но какъ я живу въ одной комнатѣ, то не могъ помѣстить его у себя. Я надавалъ ему только книгъ для сербскихъ библіотекъ.

Лѣтопись Іозефовичева дѣйствительно доведена до конца, но я уже не писалъ къ нему, потому что писалъ объ этомъ два раза и сказалъ все, что только могъ. Если онъ такъ безпеченъ, или холоденъ, или безчувственъ, или глупъ, что не исполнитъ моей просьбы по тѣмъ двумъ письмамъ, то напрасно больше и писать къ нему. На него можно подѣйствовать развѣ дубиною.

Прошу меня увѣдомить, какая гостинница ближе къ Вашей квартирѣ? Я, можетъ быть, проживу въ Москвѣ мѣсяцъ и два. Хочу у Васъ кое-чему поучиться и прочитать по Вашему указанію все, что мнѣ необходимо прочитать. Да еще хочу поработать въ Вашемъ архивѣ для своей Черной Рады. Хочется мнѣ, чтобъ это былъ не вымыселъ, а истина, до чего уже я достигъ значительно.

Что Вы на это скажете, еслибъ я изъ Москвы отправился въ Харьковъ для доставленія Вамъ оттуда всего, что у Харьковцевъ есть. Если они такъ малодушны, что не рѣшаются передать Вамъ своихъ рукописей, то не думаю, чтобы были такъ низки, что не позволятъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему. Можетъ быть я тамъ рѣшу вопросъ о пѣсняхъ. Какъ гнусна такая недовѣрчивость, необщительность и какая-то безсмысленная любостяжательность.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Прошу Васъ сообразить, сколько мѣста займетъ въ Вашемъ журналѣ Черная Рада на украинскомъ языкѣ. Она объемомъ равна Михайлу Чарнышенку, но вспомните, что Чарнышенко разгонисто напечатанъ. Можетъ-ли она быть помѣщена въ одномъ нумерѣ? Ее хотѣлъ бы я напечатать во время пребыванія въ Москвѣ. Нѣсколько экземпляровъ этого романа проложили-бы мнѣ путь въ самыя суровыя Харьковскія души, и многое устроилъ-бы я на пользу исторіи и словесности нашей.

7.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 8.

Что это Вы замолкли, почтеннѣйшій Іосифъ Максимовичъ? Мнѣ нужно знать, открыли-ли Вы въ Вашемъ журналѣ новый отдѣлъ и можетъ-ли *Черная Рада* быть напечатана въ немъ вся вдругъ и немед-

Библиотека "Руниверс"

ленно по пріѣздѣ моемъ въ Москву, т. е. около 15 ноября? Если нѣтъ, то я отдамъ ее заблаговременно здѣсь въ цензуру и, по пріѣздѣ въ Москву, немедленно приступлю къ изданію ея на свой счетъ. Для меня это сдѣлалось вопіющею потребностью. Не могу долѣе переносить, что послѣ повѣстей Основьяненка мы, малороссіяне, совсѣмъ уснули со своею литературою. Откладывать же до возвращенія изъ заграницы слишкомъ долго. Итакъ покорнѣйше прошу Васъ обстоятельно меня обо всемъ увѣдомить.

Кстати: оттиски мои Лѣтописи Самовидца покорнѣйше прошу разослать не такъ, какъ я прежде писалъ, а слѣдующимъ образомъ:

1, 50 экземпляровъ передать въ лавку Москвитянина.

2, 100 экземпляровъ отправить въ Кіевъ М. Вл. Юзефовичу.

3, 50 экземпляровъ въ Петербургъ его высокородію Павлу Петровичу Максимовичу на Васильевскомъ островѣ въ 12-ю линію между большимъ и среднимъ проспектомъ въ собственномъ домѣ.

4, 30 экземпляровъ въ Харьковъ профессору Амвросію Лукіяновичу Метлинскому.

5, 5 экземпляровъ въ Чигиринъ Михайлу Антоновичу Грабовскому.

6, 10 экземпляровъ въ Екатеринославъ губернскій Григорью Тимофеевичу Мизко.

7, 40 экземпляровъ въ Черниговъ Ѳедору Андреевичу Китченку, инспектору гимназіи.

8, 15 экземпляровъ оставить для меня. Если нужно будетъ дать нѣсколько экземпляровъ въ цензурный комитетъ, то прошу Васъ отдѣлить нужное число отъ 4 посылки, т. е. отъ 30 экз. назначенныхъ Метлинскому.

Когда оттиснутся преданія, покорнѣйше прошу поступить съ ними точно также.

На оберткѣ Лѣтописи Самовидца и Преданій прошу напечатать: цѣна 1 р. сер.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Приложенное при семъ примѣчаніе надобно припечатать въ преданіяхъ въ началѣ. Прошу Васъ при корректурѣ ввести вездѣ Ваше е. Да еще нужно ставить апострофъ въ такихъ словахъ, какъ *панъ отець, к'зна що* и т. п.

Дѣло мое вотъ-вотъ окончится въ Комитетѣ Министровъ. Я пробуду здѣсь для приготовительныхъ занятій еще съ мѣсяцъ.

Библиотека "Руниверс"

Еще прошу послать два экземпляра Лѣтописи Самовидца, а потомъ и преданій въ Богуславъ, кіевской губерніи, священнику мѣстечка Стеблева отцу Симеону Левицкому, да 2 экз. въ Каневъ священнику о Александру Андреевскому. Все это добрые люди и полезные. Прилагаются письма къ обоимъ священникамъ; Вы вложите въ книги.

Уже готовъ былъ отправить письмо это, какъ получилъ книжку *Чтеній*. Предисловіе Ваше мнѣ нисколько не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что оно необходимо. Любопытно знать, когда выйдетъ конецъ Лѣтописи Самовидца! Меня сильно занимаютъ варіанты и дописки.— Спасибо-жъ вамъ, да й вельми спасибі!

Пише й до мене Срезн. те-жъ саме, ажъ нудно читать. Де що роскажу про его дуже погане, якъ побачимось.

За Самовидца я виноватъ; во-вопервыхъ, я не зналъ, что списокъ Костомарова не полонъ и не точенъ, во вторыхъ, я давно уже просилъ Юз. о присылкѣ мнѣ своего, и нимало не сомнѣвался въ томъ, что еще успѣю доставить Вамъ конецъ.

Бант.-Кам. видно добрый человѣкъ; спаси ёго, Господи, за се!

Ожидаю отвѣта, долженъ-ли я идти къ цензору съ *Черною Радою*?

О Липовскомъ я уже зналъ. Горе!

П. К.

Зам. о *Лѣт. Самов.* на стр. 27, столб. 1, стр. 35, *Яко молодою лѣта Хмельницкаго.* Смотрите, не *молодолѣта-ли*? Выше строка 30, вмѣсто *лживость*—нужно *хтивость*.

Примѣчаніе къ преданіямъ. Буквы â, ê, û, î, ô, ŷ со значками должно читать какъ русское *и;* букву *е* должно читать какъ французское *е*, а букву *е*, какъ русское *е;* букву ѣ должно читать, какъ русское и; окончаніе *ться* должно читать *цьця*.

8.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 18.

Дней черезъ пять Вы получите отъ меня критическій разборъ Лѣтописи Самовидца, который покорнѣйше прошу Васъ оттиснуть въ концѣ и при отдѣльныхъ 300 экземплярахъ.

Ожидаю отъ Васъ извѣстія о томъ, открыли-ли Вы новое отдѣленіе въ журналѣ? Скоро-ли можетъ выдти 2-й № *Чтеній*? Сколько нужно за переверстку преданій въ маленькія страницы, которыхъ бы

Библиотека "Руниверс"

изъ каждаго столбца вышло двѣ? Можетъ ли поступить въ печать *Черная Рада* къ тому времени, какъ я пріѣду въ Москву? Въ противномъ случаѣ я хочу печатать ее на свой счетъ и потому заблаговременно долженъ обратиться къ цензору. Ожидаю отъ Васъ извѣстія.

Дѣло мое подписано наконецъ Государемъ, и я скоро надѣюсь получить отъ академіи бумагу. Можетъ быть, не долго потомъ проживу здѣсь: мнѣ нетерпѣливо хочется видѣться съ Вами.

Вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ Вы получите еще двѣ вещицы: 1, проэктъ объ уничтоженіи Греко-Россійской вѣры въ польскихъ областяхъ, представленный Польскому правительству въ половинѣ XVIII вѣка однимъ ксендзомъ іезуитскимъ. (Можетъ быть и подложный, но тѣмъ не менѣе любопытный, какъ орудіе, къ какимъ прибѣгали преобразователи Польши) 2, Объ устройствѣ панскихъ домовъ, дворовъ и земель въ сѣверной части Черниговской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка, статья, составленная мною по бумагамъ, полученнымъ отъ А. И. и М. И. Ханенковъ.

Недавно я послалъ Вамъ замѣтки при чтеніи печатной Лѣтописи Самовидца, для помѣщенія въ число опечатокъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

9.

С.-Петерб., 1846, окт. 18.

Наконецъ я уволенъ отъ службы. Думаю скоро ѣхать въ Москву. Что Вы на это скажете? Здѣсь я, не имѣя руководителя, буду биться въ *чтеніи*, какъ путникъ въ снѣгахъ безъ дороги; а въ Москвѣ Ваши указанія облегчатъ мнѣ приготовительныя занятія. Не правда-ли?

Въ цензуру *Черной Рады* отдавать теперь уже некогда. Не лучше ли будетъ, если я поручу ее Вамъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ»? Зачѣмъ хлопотать мнѣ самому, когда у меня есть такой славный издатель? Экземпляръ русской Черной Рады, совершенно готовый къ печати, я оставилъ у Плетнева. Если бы Вы нашли охотника купить право перваго изданія за 1000 руб. сер., наличными деньгами, то пусть обратится къ Петру Александровичу. Ожидаю отъ Васъ извѣстія и спѣшу къ Вамъ; впрочемъ, буду не раньше, какъ черезъ 2 недѣли.

Библиотека "Руниверс"

Въ предыдущемъ письмѣ я просилъ Васъ о присылкѣ мнѣ сюда первыхъ засѣданій Вашихъ «Чтеній». Несмотря на мой скорый выѣздъ, я прошу Васъ не откладывать присылки оныхъ. Также и оттиски *Лѣтописи Самовидца* желалъ-бы я получить до отъѣзда, почему можно ихъ выслать прямо на мое имя.

Вашъ П. Кулѣшъ.

10.

Октября 21, 1846.

Пожалуйста не удивляйтесь моимъ странностямъ. Недостатокъ нѣкоторыхъ матеріаловъ и скудость времени, которое употребляю на занятія, необходимыя для моего путешествія, заставили меня отложить разборъ *Лѣтописи Самовидца*. Итакъ печатайте безъ разбора. Послѣ можно будетъ потолковать о ней основательнѣе, когда напечатаются другіе источники.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Двухъ обѣщанныхъ статей не посылаю, потому что самъ могу привезти ихъ. Торопиться не для чего.

11.

С.-Петербургъ, Октября 22, 1846.

У меня тутъ есть давній мой знакомый и соученикъ, нѣкто Сердюковъ, человѣкъ неизвѣстный, но великій любитель и знатокъ Украинской исторіи. Онъ-то заохотилъ было меня къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными. Когда жъ я, увидѣвъ, что эта работа поглотитъ послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, отложилъ ее, онъ взялся самъ за это дѣло и готовитъ обширную статью, въ которой между прочимъ, на основаніи Симб. Сборника и другихъ источниковъ доказываетъ, что сочинитель *Лѣт. Самов.* былъ Ракушка, сотникъ, а потомъ протопопъ. Мнѣ кажется, Вамъ лучше всего—напечатать ее безъ истолкованія; а я съ нимъ поговорю, и можетъ быть онъ согласится напечатать свою статью въ «Чтеніяхъ». Если согласится, то я напишу Вамъ, когда именно Вы получите отъ меня его рукопись.

Раду постараюсь поскорѣе доставить цензору. Не можете-ли Вы мнѣ сказать, во сколько времени могутъ у Васъ, въ Москвѣ, напе-

Библиотека "Руниверс"

чатать ее? Соображаясь съ этимъ, я отниму нѣсколько дней отъ Петербурга, чтобы пробыть подолѣе въ Москвѣ.

Не сдѣлаютъ ли мнѣ препятствія паэрки (ʌ) и ударенія? Есть-ли они для буквъ ѝ, ў, ѐ и пр. Если бы у Васъ нашелся исправный въ поставленіи бумаги и типографскихъ пособій книгопродавецъ, то я уступилъ бы ему романъ за извѣстное число экземпляровъ. Онъ долженъ только обязаться поставлять въ недѣлю столько то печатныхъ листовъ, чтобы не задержалъ меня въ Москвѣ. Чѣмъ больше дастъ онъ мнѣ экземпляровъ, тѣмъ лучше; впрочемъ я согласился бы за третью часть завода. Экземпляры должны быть брошюрованы на его счетъ и къ сроку. Если угодно, потолкуйте съ кѣмъ-нибудь. Еще условія: хорошая бумага, какой мнѣ угодно форматъ и хорошій шрифтъ.

Если же Вы найдете, что съ книгопродавцами невозможно будетъ уладить этого дѣла, то я Васъ покорнѣйше буду просить взять для меня въ долгъ бумаги на 1200 экз., а я Вамъ для расплаты съ купцомъ деньги вышлю черезъ полгода. На печать же у меня деньги есть.

Покорнѣйше прошу Васъ выслать мнѣ прежніе номера «Чтеній». Я думаю, Вы можете сдѣлать это безплатно. Да если бъ еще немедленно!

Вашъ П. Кулѣшъ.

P. S. Подъ именемъ «Исторіи о презѣльной брани» Костомаровъ разумѣетъ Лѣтопись Грабянки, которой авторъ ему былъ неизвѣстенъ. Я ему сообщилъ его имя. И такъ, если Вы получили отъ кого-либо полный списокъ, то и можете тамъ отыскать его ссылку.

12.

С.-Петербургъ. 1846, ноября. 2.

Готовлюсь къ отъѣзду. Если не начали печатать преданій, то перемѣните правописаніе такъ: выбросьте всѣ *â*, *ê*, *ô*, *у*, *ъ* и на мѣсто ихъ поставьте *и*, также окончаніе *ться* перемѣните на *цьця*, *нья* на *ньня* и т. д. Ваше *е* остается во всей силѣ. Не удивляйтесь такой внезапной перемѣнѣ вѣры. Я давно подумывалъ объ этомъ. Ахъ, да! Еще нужно выбросить вездѣ *ы* и на мѣсто его поставить простое *и*. Звукъ ы не украинскій.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Библиотека "Руниверс"

13.

С.-Петербургъ, 1846 г. ноября 7.

Покорно Васъ благодарю за первые четыре № № «Чтеній». Въ то же время я получилъ тюкъ изъ гимназіи и нашелъ въ немъ: 1, экземпляръ засѣданія 28 сентября и 2—4 экз. четырехъ сочиненій Венелина. Письма при тюкѣ не было, и я не знаю, для меня ли присланы эти книги, или для какого-нибудь употребленія. По крайней мѣрѣ знаю, что одинъ экземпляръ для меня. Покорно благодарю!

Я уже писалъ къ Вамъ, что Украинскую «Черную Раду» напечатаю у Васъ. Что касается до русской, то оставлю до возвращенія изъ заграницы. Не хочется напрашиваться съ своимъ добромъ къ Погодину. Надъ Лѣтописью Самовидца Вы потрудились славно! Благодарю Васъ отъ лица всей чувствующей себя Малороссіи. Я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но Академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно. А все дѣло только въ томъ, чтобы выдать мнѣ бумаги. Придется просидѣть здѣсь до конца Ноября, что очень скучно: ни то дома, ни то въ дорогѣ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

14.

Коханый и шановный нашъ
Осипъ Максимовичъ!

Панъ Юзефовичъ исказавъ, що за тымъ не можна теперечкы перевесты Вашого брата на друге мѣсце, що тамъ учитель мае свій двиръ и оселю; дакъ жаль зруйноваты чоловика; а скоро лучицця, заразъ переведе.

Рыгельмана нема въ Кіеви

Про портретъ Рыгельмана старого написавъ у Чернѣговы.

Про письма Орлика памятаю, та постривайте: тутъ лихо транылось,—може и мынецця. Колыбъ-то мынулось!

Грондській ище не ввесь перетлумаченый та ще и Костомара не перегледивъ, чи такъ переведены технычни слова.

Грабянкы не даютъ; самы друковатымуть.

Може, достану Вамъ Ерлыча: написавъ до Свыдзинского. Штука важна, якъ и Самовыдець.

Библиотека "Руниверс"

Прошу Васъ:

1. Выслать (и цѣну назначыть) у Борзну Никол. Дан. Бѣлозерському: а) Народописаніе Ваше и карту, б) особый одтыскъ Коныськаго (нехай се буде excerptio).

2. Костомари тожъ выслать и цѣну означить, 5, 6, и 7-й выпускы Чтеній, да и далшъ высылаты, а винъ платытыме.

3. Якъ не одослалы ще Ханенкови 50 экз. Самовидця, дакъ одослать ихъ Юзефовычу окроме сотни.

4. Юзефовычъ просыть выслаты ему усѣ Чтенія зъ самого початку и надалшъ высылаты, а винъ платытыме.

Костомарыны писни друкуйте: я казавъ, что винъ не суперечыцця!

Люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Вкраини. Знаю добре, що никого, опрычъ ей не визьму за себе, вернувшись изъ Нимещыны. Дакъ щобъ ій не було у столыци якось моторошно, що бачите, не зна языкивъ, беру зъ собою за гряныцю. А въ ей и грошеняты є,—буде за що жыты у Нѣмещыни. И братъ ій иде зъ намы; дакъ, колы мыни треба буде одлучытысь у якый дыкый народъ, дакъ винъ пры ій зостанецця на той часъ чы у Прази, чы у Видни, чы де ынде. Не судите-жъ мене и не корите за се. Безъ серця ябъ ничого въ свити не вродывъ: така моя натура.

Вашъ П. Кулѣшъ рукою властною.

Р. Б. 1847 Стычня 9. Борзна.

Николаю Даниловичу Бѣлозерскому, въ Борзну, Черниговской губернiи, для передачи П. А. Кулѣшу.

15.

Осипъ Максимовичъ!

Сей панычъ суть предобрый и предорогый нашъ землякъ; дакъ будьте ласкáвы—примите ёго такъ, якъ и мене самóго.

П. Кулѣшъ рукою властною.

1847, ст. 10 Борзна.

Истынно Т. Шевченко [1]).

---

[1]) Автографъ. *А. Т.*

Библиотека "Руниверс"

16.

1847, Стычня, 29 Хуторъ Мотрозовка, коло Борзны.

Посылаю Вамъ, шановный Осипъ Максымовычъ, письма Гетьмана Орлыка, переписаныи рукою Генерального Хорунжого Ханенка. Та зъ тымъ у купи и роспысаные, кому послаты Украинскіи преданія. Прошу Васъ надруковати на обгорткахъ цѣну: 50 копѣекъ серебромъ щобъ усяке знало, по чимъ продавати. Одвиту на мій лыстъ изъ Борзны одъ Васъ ище не одобравъ.

Оженивсь я 24 числа. Гарна и разумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу исторыю, а пѣсни такъ спѣвае (та все наськы), що ажъ серце радуецця.

П. Кулѣшъ рукою властною.

Расписаніе.

кому послать Украинскія народныя преданія (NB 600 экземпл.)-

1. Его Высокородію Мих. Владим. Юзефовичу въ Кіевъ. . . . . 200 экз.
2. Его Высокор. Павлу Петровичу Максимовичу, въ С.-Петербургъ, на Васильевск. Острову, въ 12-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ собственномъ домѣ. . . . . 170 экз.
3. Его Высокор. Мих. Ив. Ханенку, въ Новгородъ—Сѣверскъ. . . . . 52 экз.
4. Его Высокобл. Михаилу Ант. Грабовскому въ Чигиринъ . . . . . 5 экз.
5. Его Высокобл. Ивану Вас. Росковшенку, инспектору гимназіи въ Тифлисѣ. . . . . 2 экз.
6. Его Превелебію отцу Симеону Левицкому, въ Богуславъ, а оттуда въ м. Стебловъ. . . . . 2 экз.
7. Его Высокобл. Ѳедору Андреевичу Китчетку, инспект. гимназіи въ Черниговѣ. 101
8. Его Превосход. Осипу Мих. Гладкому, Таврич. губерніи въ г. Бердянскъ, а оттуда въ Петровскую крѣпость. 2 экз.
9. Ѳедору Христіановичу Гренбергу, въ Каневъ . . 1 экз.
10. Николаю Семеновичу Гукову въ Глуховъ . . . 4 —
11. Его В. Никол. Дан. Бѣлозерскому въ Борзну. . 10 —

Библиотека "Руниверс"

12. Его Высокопреподобію отцу Игнатію Головинскому, Г. Ректору Католической Духовной Академіи, въ Петербургѣ. . . . . 2 экз.

13. Въ книжную лавку Москвитянина. . . . . 20 экз.

14. Его Высокобл. Амвросію Лукіановичу Метлинскому, профессору университета въ Харьковѣ. . . . . 1 экз.

П. Кулѣшъ.

На оберткѣ прошу Васъ, Осипъ Максимовичъ, приказать напечатать: Цѣна 50 коп. сер.

Еще:

15. *Его* Превелебію, господину пробощу Изопольскому, въ Бѣлую церковь, Кіевской губ. . . . . 1 экз.

16. Григорью Николаевичу Кулѣшу, ученику Новгородъ—Сѣверской гимназіи, въ Новгородъ Сѣверскъ. . . 1 экз.

17. П. А. Кулѣшу въ Варшаву . . . . . 24 экз.

18. Льву Ивановичу Боровиковскому учителю гимназіи въ Полтавѣ . . . . . 1 экз.

17.

1847, лют. 7, Хуторъ Мотроновка.

Сердюковъ, мабудь, не получывъ ще одъ Васъ тыхъ книжокъ, що мыни, зъ Вашей ласкы слидуютъ. Ось ёго адресъ: Петру Яковлевичу Сердюкову въ С.-Петербургъ. Доставить въ Университетъ швейцару, для передачи по адресу. Прошу Васъ довидатысь, чы одослано ёму, що треба.

Орлыка вже пославъ Вамъ. А теперь посылаю эксцептъ зъ правъ Малороссійскихъ. Тутъ есть преважныи речы, для внутреннёго быту украинського. Колы надрукуете, то 20 экземл. отпечатайте для Ник. Дан. Бѣлозерського (бо се его книжка), а 20 для мене, да до его усе й одошлите при малесенькимъ лыстыку. Якъ же не надрукуете, такъ верните ему рукопись. Вона принадлежала генералу Простоквашыну, коменданту Глуховському, за Розумовськаго. Такъ списокъ хорошій, мабудь у Коллегіи написанный.

А Ерлыча не дають, бо тамъ есть протывъ Петра Могылы каверзы, такъ боящця, щобъ не пропустылы друкуючы. А Ляхамъ того то й хочецця, щобъ те було надруковано. А важна штука! Жаль да

Библиотека "Руниверс"

ничого робыты! У Кіеви побачусь изъ Грабовскимъ, такъ еще попро бую благаты. Чы Вы можете усе друковать, щобъ ни написано було на попивъ?

Колы послалы лыстъ на имя Юзефовыча, то одберу у Кіеви, а тутъ ще нема ёго.

Теперъ же до Васъ отъ яка просьба. Пыше панъ Плетневъ, що кн. Шихматовъ звелывъ одправыть на мое имя у Берлинъ лыстъ «касательно распоряженій департамента, изъ какихъ миссій я могу требовать своего жалованья».

Дакъ теперъ треба мыни дать знать Берлынській мыссіи, щобъ те пысмо выслалы мыни въ Варшаву на имя Петра Никол. Очкина, товарища Министра финансовъ. А я не знаю, якъ пысать (адресъ) у ту миссію, да й чы на имя Секретаря (а якъ ёго зовутъ, чы що, не знаю) чы може якъ инше. Дакъ будьте ласковы напышите лыстъ одъ мого имени и внизу зробите мій факсимиле: П. Кулѣшъ [1]) да и одправте въ Берлинъ, щобъ выслалы мыни той лыстъ у Варшаву. А то каже Плетневъ «можетъ выйти непріятное для Васъ недоразумѣніе», якъ та мыссія одрапортуе, що й не бачыла й не чула про такого чоловика. Колы-жъ такъ не можна, то прошу Васъ написаты мыни адресъ, и одынъ экземпляръ его послать у Кыевъ, на имя Костомарова, а другой у Варшаву на имя Очкина, щобъ я заразъ изпысався зъ Берлыномъ; бо я въ той Берлынъ заразъ не поиду, а поиду у Прагу Чеську, якъ вы мыни пораилы.

Жинка моя Вамъ кланяецця нызенько.

Занотуйте, що одинъ экземпляръ преданій треба послаты у Полтаву Боровыковскому Леву, учителю гимназіи. Одорвать же сей экз. отъ тыхъ, що назначены Н. Д. Бѣлозерскому.

2) Въ рукописи лежать писни, записанныи Бѣлозерськымъ. Про Йвася Коновченка сама красча. Ище одинъ варіантъ прышлю.

1) Ище въ середыни прыпыска адресу. Дывысь избоку.

3) Адресъ: Помпею Михаиловичу Бѣлозерскому, поручику Е. В. Короля Нидерландскаго гусарскаго полка, для передачи П. А. Кулѣшу. Царства Польскаго въ г. Билы.

---

[1]) А дата нехай хоч таке буде: Варшава 1847, февр. 7.

Библиотека "Руниверс"

18.

Шановный и Высокоповажный нашъ
Осипъ Максымовычъ!

Колысь, швендяючи по Вкраини, натрапывъ я на одного дяка та й знайшовъ у ёго старовицьки бурсацьки псальмы. Посылаю Вамъ ихъ, чы не згодяцця бувае Вамъ воны до друку? Колы-жъ ни, то дарую ихъ у Ваше книгохранилище.

А для того пана, що колысь у Васъ бачывъ у вечери,—забувъ якъ ёго зовуть,—посылаю кусокъ автографу Грабовскаго изъ ёго Literatury i Krytyki.

Завтра вже иду зъ сёго зачарованого куточка! А куточекъ гарный, нема чого сказаты.—Колы чытамы Черну Раду, то напышите. Може, по Вашему, треба яки словця пидправыты. То напышите яки и якъ бы Вы пидправыли, то я може й скажу: «добре, переправте. Я чоловикъ погидливый. А що? чы ще Преданія не друкуюцця?.

Якъ будете пересылать лысты до мене одъ моихъ знакомыхъ, то распечатуйте уси щобъ дурно не платыть висовыхъ за конверты.

Вашъ П. Кушѣшъ рукою властною

1847, февр. 13 Мотроновка.

У Кіеви на рыночку орелъ воду носить,
Ой тамъ козакъ свого пана хорошенько просить:
Пусти мене, пане-атамане, зъ Кіева до дому
Не вручивъ я дивчиноньки своеи ни кому.
„Дай намъ Боже, панове-молодци, недиля дождати,
То буду васъ що недиля до дому пускати“.
Коли тая, пане-отамане, недилонька буде,
Що на мою дивчыноньку знаходятся люди
(...?)
И дощъ нейде, и хмары нема, а въ синечкахъ слизько:
Одкланявся козакъ дивци у ниженьки низько.
Ой давъ-же винъ одклиного коня вороного;
Вона ему одклиночку—шиту хустиночку:
„Ой на тоби хустиночку уста протырати,
За для славы козацькои сидельце вкрывати.
Ой якъ гляну на сидельце згину свое сердце,
Ой якъ гляну на хустину згадаю дивчину.
Чи не дивчина, чи не рыбчина сю хустину шила:
Вона мини молодому серденько всушила.

(Записавъ у Кіевск. П. Вас. Бѣлозерскій. 1845).

Василь Бѣлозерскій засылае Осипу Максымовичу щирый поклонъ за его безцинны труды для коханой Украины.

Библиотека "Руниверс"

19.

1847, февр. 20, Кіевъ.

Отъ же я вже въ Кіеви. Скоро буду и въ Варшави. У Юзефовыча отъ Васъ лысту не знайшовъ, а есть тилько *Лѣтопись Самовидца*. Напышите, що Вы тамъ писалы?

Юзефовычъ казавъ мыни, що Плетневъ писавъ до его про Вашего брата. Не знаю, що то винъ теперъ зробить?

Бачивсь я и зъ Свыдзинськымъ и уговорывъ его передаты Вамъ Ерлычя. Буде скоро винъ самъ писаты до Васъ. Ще багацько де-чого обицявъ Вамъ прыслаты. Я радъ, що Вы оце почнете зъ нымъ листоватысь. Винъ такой же бібліографъ, якъ и Вы, поздоровъ Васъ Боже!

Вашъ П. Кулѣшъ.

Познакомывсь я зъ молодымъ Рыгельманомъ. Хорошій чоловикъ, хорошій. О *Чтеніяхъ* каже, що вони Судиенку послалы зъ Москвы на имя М. Максымовыча, котораго тоди не было въ Кыеви, якъ воны прышлы; а можна про ныхъ довидатысь тилько тоди, якъ Максымовычъ прыиде въ Кыевъ; а колы онъ прыиде, сего нихто не скаже; а самъ винъ хочъ бы и сказавъ, то збреше (се вже одъ себе я прыписавъ).

Станція за Радомысломъ, верстовъ 120 одъ Кіева, 1847, февр. 26

Не послався я Вамъ лысту, дожыдаючись одъ одного земляка пѣсень, которыи тутъ приложены. Теперь же, щобъ знаты Вы, що вже въ дорози пышу на станціи, а пошлю може зъ Жытомыра. А гарны варіянты! поцмокаете, якъ прочытаете!

20.

Варшава. 1847, марта $^{7}/_{19}$.

Нема одъ Васъ а ни словечка. Будьте ласкавы, пышите, що найшвыдче, чы посылалы вы до мене куды лысты? бо писля того, якъ я писавъ до Васъ, ничого не одобравъ ще зъ Москвы. То вже теперь треба Вамъ про все написаты. Адресъ у Варшаву на мое имя, тилько прыписаты: *Оставить до востребованія въ отдѣленіи zależatych listów.* Ще ни въ кого не бувъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Може не розберете, одъ кого. Такъ отъ же: Кулишъ.

Библиотека "Руниверс"

21.

Варшава 1847, марта $^{17}/_{29}$

Шановный мій Пане брате
Осипъ Максымовычъ!

Нема та й нема одъ Васъ ни слуху, ни духу. Не буду жъ писаты й я до Васъ ни про що, поки не одберу одъ Васъ листу, щобъ уже Вамъ одвитовагы. А що теперечки я до Васъ пышу, такъ се ось для чого. Есть тутъ у Варшави одынъ лихъ Мыкуцькый. Служивъ винъ у москаляхъ, будучы взятый у некруты, да якъ зробылы его черезъ четыры роки офыцеромъ, такъ винъ заразъ и покынувъ службу да й давай учыцця. А вже ему лѣтъ за 30. У славяньскыхъ языкахъ винъ знае сылу, не учыть ихъ, а есть; изъ такою охотою пережовуе усякый коренець и виточку. Мацновськый его поважае и уповае, що зъ іого выде колысь значный фылологъ. Вже и теперъ винъ посылавъ у Академыю Наукъ одну фылологычну росправу, и Академыя черезъ Плетнева изъявила іому свое благоволенье (шкода, що тилько словамы!) Отъ же цей Мыкуцькый жада докынчаты свою науку у Московському университети подъ Вашымъ руководствомъ, да сердешный, не знае, чы прымуть іого на казенный коштъ; то не сміе одважытысь ыты въ Москву. Якъ же бъ, каже, хто впевнывъ іого, що именно винъ знайде тамъ на казенному кошти прытулокъ, то я бъ, каже, шпыкомъ оце по весни пустывся и хочъ знохволя, а добрався бъ до Москвы. Такъ колы маете вы тамъ таку миць щобъ іого въ тому заспевныты, такъ пышите, нехай сердега йде до васъ у Москву. Може зъ іого буде якый Юнгманъ або що! тодi вамъ на земли дяка, а въ царствi небеснимъ радость.

Изъ щырою прыязню Вашъ П. Кулишъ.

А що преданія? А що Черная Рада? Чы писавъ до Васъ Свидз..? Якъ ни, то я іого понукатыму, бо винъ иде одъ колына Фабія Кунктатора

22.

Добрый мой землякъ и другъ
Осипъ Максимовичъ!

Письмо это вручено Вамъ братомъ моей жены, Викторомъ Михаиловичемъ Бѣлозерскимъ. Я уже въ Тулѣ на службѣ, а онъ будетъ ѣхать

Библиотека "Руниверс"

черезъ Тулу домой. Прошу Васъ вручить ему Черную Раду для доставленія мнѣ. Да еще одна просьба. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ «Чтеній», какія до сихъ поръ мнѣ высланы. Если можно, прошу Васъ выслать мнѣ ихъ въ Тулу съ самаго начала и впредь высылать. Я не теряю надежды, что мнѣ опять позволятъ печатать; тогда я Васъ отблагодарю. Увѣдомите меня о всѣхъ запутанностяхъ книжныхъ нашихъ дѣлъ. На мнѣ долженъ быть денежный долгъ, я хочу его очистить. Если у Васъ есть для меня какіе нибудъ книжные гостинцы, Викторъ Михайловичъ мнѣ доставитъ. Даже и самыя Чтенія не худо бы теперь же вручить ему для передачи мнѣ. Да еще просьба. Ваше общество издало недавно драгоцѣнную Книгу Большему Чертежу. Не можете-ли снабдить меня однимъ экземпляромъ? Вообще, сколько можетъ общество дарить мнѣ своихъ изданій, прошу Васъ снабжать меня ими. Я буду ему и Вамъ благодаренъ въ послѣдствіи своимъ сотрудничествомъ и доставленіемъ матеріаловъ. Не пишу Вамъ ни о какихъ посторонникъ обстоятельствахъ: все это вамъ разскажетъ Викторъ Михайловичъ, котораго Вамъ рекомендую, какъ умнаго и добраго человѣка, независимо отъ того, что онъ мой родственникъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

1847, сент. 1. С.-Петерб.

Андр. Павл. Миклашевскій въ канц. Тульскаго Воен. Губ.

23.

Тула, 1847, окт. 7.

Милостивый Государь.
Осипъ Максимовичъ!

Во избѣжаніе всѣхъ засвидѣтельствованій для почтовой конторы, гдѣ меня не знаютъ, я послалъ Вамъ адресъ моего хозяина, оружейника Авинира Яковлевича Салищева-Жучкина, въ Посольской улицѣ, въ собственномъ домѣ, и просилъ Васъ высылать на его имя слѣдующіе мнѣ экземпляры издаваемаго Вами журнала. Теперь меня на почтѣ знаютъ, и Вы можете высылать книги на мое имя. Мнѣ здѣсь очень, очень скучно. Вообразите, что я не имѣлъ возможности до сихъ поръ ни съ кѣмъ познакомиться хоть столько, чтобъ бывать у него въ домѣ. Такъ всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того

Библиотека "Руниверс"

образованія, при которомъ знакомство было-бы пріятно, а не тягостно. Жена уѣхала въ Малороссію отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща. Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку,— не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу молча и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи. Прочихъ совсѣмъ не знаю, кто они независимо отъ ихъ должностей. Думаю, что это такъ будетъ и во все время пребыванія моего въ Тулѣ. Теперь книги только да бѣдная моя полруга будутъ моими собесѣдниками. Поэтому-то прошу Васъ, добрый Осипъ Максимовичъ, распорядиться, чтобъ мнѣ поскорѣе выслали Вашъ журналъ.

Васъ отъ всей души почитающій П. Кулѣшъ.

Часто хвораю. Здоровье мое сильно разстроено.

24

Декабря 22, 1847, Тула.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Господине мой Осипъ Максимовичъ!

Не писалъ я къ Вамъ по нѣкоторымъ курьезно-непріятнымъ обстоятельствамъ; я считалъ себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любитъ. Теперь же, когда Вы столь радушно ко мнѣ отозвались, я съ истиннымъ удовольствіемъ Вамъ отвѣчаю. И во первыхъ благодарю Васъ за всѣ вообще и за каждую въ особенности книги «Чтеній». Я получилъ ихъ отъ первой и до послѣдней, и въ сладость мнѣ было ихъ чтеніе и перечитыванье. Во вторыхъ, какъ малая частица тѣхъ, для кого вы трудились, приношу Вамъ за себя и за всѣхъ добрыхъ людей, ихъ же люблю воистину, мою душевную благодарность. Въ третьихъ молю Бога, да укрѣпитъ Вашъ духъ и да хранитъ неугасимымъ чистый пламень, горящій на жертвенникѣ души Вашей.

Срезневскій грустно подтвердилъ невыгодное мое о немъ мнѣніе. Не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Писать къ нему не хочется, во первыхъ потому, что на него письма дѣйствуютъ только тѣми строками,

Библиотека "Руниверс"

которыя затрогиваютъ его самолюбіе, а во вторыхъ потому, что я для людей его сорту теперь совсѣмъ не то, что́ былъ во время оно. Попробуйте еще разъ потребовать у него моею рукою написанныхъ и сообщенныхъ ему для переписки пѣсенъ. Пріятно имѣть дѣло съ литераторами, которымъ не попадайся ничто въ руки!

Я, слава Богу, благоденствую, поколику это возможно въ Тулѣ. О занятіяхъ своихъ не скажу ничего особеннаго. Читаю, учусь,—вотъ и все. Новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы. До сихъ поръ я не служилъ безъ всякаго жалованія.

Вопросъ: не знаете ли Вы въ Москвѣ честнаго, знающаго дѣло и притомъ вамъ коротко знакомаго человѣка, къ которому можно-бы обратиться съ просьбою купить и выслать въ Тулу хорошій фортепьянъ для моей старо́й?

Другой вопросъ: Не могу ли я чрезъ Васъ или чрезъ кого нибудь другого выписывать изъ Москвы книги русскія, французскія, нѣмецкія, польскія и англійскія, чтобъ прилагать на пересылку столько, сколько вѣсятъ всѣ вмѣстѣ!.

Третій вопросъ: Что Вы думаете дѣлать съ моими преданіями? и сколько я долженъ выслать вамъ денегъ за бумагу?

Просьба: не можете-ли достать и выслать мнѣ печатнаго объявленія объ иностранныхъ журналахъ, съ означеніемъ цѣнъ и адресовъ, по которымъ можно выписывать. Хочу разширить вокругъ себя узкій Тульскій горизонтъ и на перекоръ судьбѣ стать съ вѣкомъ на равнѣ.

За симъ цѣлую Васъ мысленно. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: просто *въ Тулу*: меня почтари знаютъ.

Сейчасъ познакомился съ однимъ образованнымъ человѣкомъ Шиманскимъ, у котораго есть роспись иностраннымъ журналамъ: итакъ не трудитесь присылать.

25.

1848, янв. 6, Тула.

Драгій мой Господине
Осипъ Максимовичъ!

Благодарю Васъ душевно за новую книжку «Чтеній». Благодарю и за извѣстіе, какъ выписывать книги изъ Москвы. Теперь же позвольте обратиться къ Вамъ вотъ съ какою просьбою. Какъ давній

Библиотека "Руниверс"

сожитель Московскихъ ученыхъ людей и какъ человѣкъ, набравшій въ голову себѣ всякаго добра Московскаго и не-Московскаго, Вы должны знать Ивана Грознаго, якъ риднаго батька, и что только о немъ есть гдѣ напечатано, то вы уже давно усе вы́нышпорылы и записали или въ памяти закарбовали. Такъ сдѣлайте милость, добродію, напишите мнѣ, какія книги, кромѣ Курбскаго, который у меня есть, подобаетъ мнѣ выписать, чтобъ узнать Ивана Грознаго по-Вашему. Видите ли вспала ми умъ похоти, у добрый часъ поговорить, а въ лихій помовчать, написать про Ивана Грознаго романъ, а перше романа исторію. Я іого не ненавижу по-Карамзинсви, а жалѣю о немъ, и винъ у мене у души сыдыть изъ своими крутыми норовами и гарячымъ серцемъ. Охъ, лышечко! оце жъ я не встерпгся, та й почавъ по своіому урядъ писаты. Ще довидаются старшы́и, то бытымуть. Ну да вже-симъ бидъ, а одынъ одвитъ! Да ще поименуйте такіи книжки, по которымъ бы я взнавъ такъ добре Москву якъ Кіевъ. Да ще и цина яка тымъ книжкамъ, той и того не забудте. А письни вже я якъ-небудь выцапаю у Срезневськаго, и колы будете пичатать, то не друкуйте мого гришнаго именья и К. не друкуйте, а выдавайте писни подъ своимъ власнымъ призвыщемъ. А що К. не буде на Васъ за се сердиця, то я порука: не ищеть бо винъ суетной славищи, а тилько пользы душевной добрымъ людемъ. Колыжъ хочете то поставте пидъ моими письнями П. К. а пидъ его Н. К. Зъ насъ и сего буде.

Вашъ П. Кулишъ.

(Продолжсніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXIII.

Четыре года пролетѣли надъ Субботовымъ, какъ четыре дня. Съ богомолья Ганна вернулась совсѣмъ другимъ, обновленнымъ человѣкомъ. Ни тѣни былыхъ колебаній и тревожныхъ сомнѣній не ощущала она въ своей душѣ; она снова была сильна и крѣпка, и горѣла попрежнему одною страстною и чистою любовью къ отчизнѣ, какъ зажженная въ грозу и ненастье страстная свѣча.

Уговоривъ Ганну взять съ собой его козаковъ, коротко простился съ ней Богунъ и бросился въ глубь Украйны, да такъ и пропалъ безъ вѣсти. Изрѣдка доносились смутные слухи о какихъ-то смѣлыхъ набѣгахъ, при чемъ упоминалось и его имя; но никто не зналъ навѣрное, въ какую степь, въ какой боръ бросился развѣвать свое горе удалой казакъ.

Вскорѣ по возвращеніи Ганны въ Субботовъ прискакалъ къ ней гонецъ изъ Каменца съ письмомъ отъ Богдана, въ которомъ тотъ извѣщалъ ее о своемъ новомъ назначеніи отъ короля. Вмѣстѣ съ письмомъ къ Ганнѣ было письмо и къ Золотаренкѣ. Смутными и неясными выраженіями намекалъ Богданъ послѣднему о расположеніи короля къ козакамъ, о желаніи его опереться на нихъ, въ случаѣ какого либо государственнаго переворота, сообщалъ о томъ, что ему предстоитъ какая-то важная и тайная поѣздка, и просилъ Золотаренка употребить все свое вліяніе на старшинъ, чтобы удержать казаковъ отъ возстанія и подождать его возвращенія, потому что съ нимъ связаны великія, но скрытыя дѣла. И дѣйствительно, слухъ-ли о письмѣ Богдана, или истощеніе, наступившее послѣ бур-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 9.

Библиотека "Руниверс"

наго возстанія и неудачнаго похода, или новые „утиски“ панскіе, медленно надвигающіеся и охватывающіе всю Украйну, такъ пригнетили народъ, но только вся Украйна зловѣще затихла и занѣмѣла въ сдержанномъ молчаніи, какъ затихаетъ все въ природѣ въ послѣднюю минуту передъ ужасной грозой: какое-то томленіе, какое-то удушье чувствовалось всѣми.

Въ письмѣ къ Ганнѣ стояла еще приписка про Олексу Морозенка... „Любый хлопецъ, писалъ Богданъ,—пропалъ безъ вѣсти въ Днѣпровскомъ Лиманѣ; утонуть-то онъ не могъ,—ему и весь Лиманъ переплыть не въ диковину,—а вѣроятно взятъ татарами въ плѣнъ... Такъ пусть твой братъ, или Ганджа пошлетъ развѣдчиковъ въ татарскіе города и мѣстечки: ничего не пожалѣю для выкупа... мнѣ жаль хлопца, какъ сына родного“.

Это извѣстіе повергло всю семью Богданову въ „тугу“: всѣ любили добраго, привязаннаго, даровитаго хлопца, какъ члена семьи—и паны, и дворня, и хуторяне, всякому онъ памятенъ былъ то услугой, то лаской, то веселымъ отзывчивымъ нравомъ. Пани Хмельницкая побивалась за нимъ, какъ бы за Тимкомъ, или за Андрійкомъ; Ганна вмѣстѣ съ нею плакала безутѣшно. Дивчата за своимъ любимцемъ рыдали на взрыдъ, но особенно потрясена была глубокимъ, недѣтскимъ горемъ Оксана: она ломала свои рученки, въ изступленіи билась о полъ головой и, захлебываясь неудержимыми потоками слезъ, повторяла одну только фразу: „никого у меня теперь нѣтъ, никого!“ Кончилось тѣмъ, что дѣвочка таки заболѣла отъ непосильной тоски. Много хлопотъ стоило и бабѣ, и Ганнѣ, пока подняли ее съ постели; два раза посылали въ Чигиринъ даже по знахарку, такъ она было разнедужилась въ огневицѣ. Когда-же Оксана наконецъ встала, то въ блѣдномъ и печальномъ личикѣ ея, съ огромными, черными глазами, никто не могъ и узнать прежней румяной, какъ яблочко, вертлявой, какъ волчокъ, звенящей, какъ колокольчикъ, дѣточки... Оксана стала тиха и задумчива, мало принимала участія въ дѣтскихъ играхъ, а больше всего—или молча сидѣла за работой, или тихо разговаривала съ Ганной про Олексу, или вмѣстѣ съ нею молилась о немъ...

Ганджа и Золотаренко справлялись и на запорожьѣ, и въ Очаковѣ, и въ Кафѣ, и въ Бахчисараѣ, но нигдѣ никакихъ извѣстій о запропавшемъ Олексѣ не нашли,—словно о немъ и слѣдъ простылъ, такъ что Ганна отслужила уже было тайно о погибшемъ панахиду.

Золотаренко часто наѣзжалъ въ Субботовъ навѣщать семью Богдана, но, видя, что тотъ такъ долго не возвращается и извѣстія о немъ, изрѣдка получаемыя, носятъ самый неопредѣленный характеръ, переселился и совсѣмъ туда, посѣщая свое Золотарево только изрѣдка. Заѣзжали иногда въ Субботовъ и нѣкоторые изъ старшинъ,

Библиотека "Руниверс"

поразспросить, поразвѣдать что-либо о Богданѣ или объ общихъ интересахъ, да такъ и уѣзжали, не узнавъ ничего опредѣленнаго. Иные, впрочемъ, какъ Нечай и Чарнота, потерявъ терпѣніе ждать чего-то необычайнаго, стремились съ бурною рѣшимостью начать хоть что-либо малое на свой страхъ; но трудно было поднять теперь уныло затихшій народъ...

Другіе-же, какъ Бурлій и Пешта, спѣшили алчно оклеветать Богдана, а самимъ подыграться къ властно воцарявшейся въ краю шляхтѣ. Вообще-же жизнь въ Субботовѣ шла тихо и мирно, не возмущаемая никакими внѣшними событіями. Ганна хлопотала съ хуторянами, что заселили въ послѣднее время весь лѣвый берегъ Тясмина длиннымъ поселкомъ, а теперь уже въ балкѣ за лѣсомъ выростали, какъ грибы, новые хатки и хутора. Дѣвочки росли дружно. Катря и Оксана совсѣмъ сошлись и сдѣлались закадычными пріятельницами; одна только маленькая Оленка все еще держалась за Ганнину „спидницю“.

Къ концу года поулеглось горе въ юномъ сердцѣ Оксаны: молодость взяла таки свое: ея сердечную утрату смягчила нѣсколько горячая привязанность къ ней Катри, на которую она отозвалась всѣми струнами своего сиротливаго сердца. Каждый разъ на лицѣ Ганны появлялась теплая улыбка, когда вечеромъ, проходя по свѣтлицѣ, она замѣчала молоденькихъ дѣвочекъ, забившихся въ уголъ. Онѣ иногда о чемъ-то шептались, съ лукавыми личиками и загоравшимися глазками, обрывая, при появленьи Ганны, рѣчь, а иногда Катря нѣжно ласкала и утѣшала, „розважала“ Оксану: въ этихъ головкахъ зарождалисьуже свои интересы, свои секреты, свои радости и печали... Звонкій смѣхъ Катри раздавался то здѣсь, то тамъ и разгонялъ сумрачную тишину Субботовскаго дома; на второй годъ сталъ къ нему присоединяться хоть изрѣдка и смѣхъ Оксаны.

Тимко быстро росъ и крѣпчалъ. Онъ обѣщалъ быть коренастымъ и крѣпкимъ козакомъ. Лицо его, слегка тронутое оспой, нельзя было назвать красивымъ, но съ годами оно начинало принимать все болѣе и болѣе нѣкоторую своеобразную прелесть дикаго и необузданнаго характера. Онъ напоминалъ молоденькаго необъѣзженнаго коня съ густою гривой, гордо поставленною шеей, коротким немного тупымъ носомъ и глазами вѣчно полными строптиваго огня. Ученье его съ профессоромъ-дьякомъ подвигалось весьма туго, за то за уроками Золотаренки и Ганджи Тимко забывалъ цѣлый міръ. Вскочивши на невыѣзженнаго жеребца, онъ мчался на немъ, сломя голову, по степи, и возвращался домой такой-же неукротимый и горячій, какъ и дикій, взмыленный конь. Андрійко учился вмѣстѣ съ нимъ тоже всѣмъ военнымъ „экзерциціямъ“, одинъ лишь боль-

Библиотека "Руниверс"

ной и хиленькій Юрась жался все около матери, выпрашивая у бабы гостинцы, или взбирался на колѣни къ Ганнѣ и просилъ ее разсказать ему „гарную“ сказочку. Когда-же свѣтлая головка мальчика склонялась разскащицѣ на грудь, и сказка тихо прерывалась, не дошедши до конца, передъ глазами Ганны тихо всплывали какими-то смутными тягучими прядями отрывки старыхъ воспоминаній, и казалось все это Ганнѣ такимъ чуждымъ и далекимъ, и каждый разъ она застывала на одномъ и томъ же вопросѣ: неужели все это пережила и перечувствовала она?...

Къ концу второго года, осенью, въ Филиповку уже, былъ переполошенъ Субботовскій дворъ. Позднимъ вечеромъ раздался сильный стукъ въ браму и воротарь не могъ добиться отъ ломившагося въ ворота, кто онъ? Это возбудило подозрѣнье въ дѣдѣ; онъ послалъ за Ганджой и сообщилъ ему, что какой-то татаринъ,—хотя и темно, а онъ этихъ чертей узнаетъ и „поночи“,—торгаетъ и бьетъ рукояткой сабли въ ворота.

— Да онъ одинъ, или за нимъ стая?—спросилъ, зѣвая и не совсѣмъ еще отрѣшившись отъ сладкаго сна, Ганджа.

— А кто ихъ разберетъ... може за нимъ и „зграя“.

— Э, полно, дали-бы знать „огнищами“ по всей Украйнѣ, коли бъ прорвался сюда какой-либо загонъ „голомозыхъ“... Отворяйте браму смѣло, а я вотъ наготовлю для привѣта кривулю.

Звякнули болты, заскрипѣли ворота; какая-то стройная фигура ворвалась въ отверстіе и бросилась опрометью на дѣда, заключая его въ крѣпкія, порывистыя объятія.

— Что за сатана? Кто ты?—отбивался отъ татарина дѣдъ, желая заглянуть ему прямо въ глаза. Но татаринъ увернулся, и оставивши дѣда, бросился съ объятіями къ Ганджѣ.

— „Силяй айлекимъ якши“!—пробормоталъ оторопѣлый Ганджа,—только какъ тебя величать, пріятель, изъ какой ты орды?

— Да Олексой величать! Илъ не узнали?—отвѣтилъ наконецъ звонкимъ, радостнымъ голосомъ татарчукъ.

— Олексой! Морозенкомъ?—вскрикнули изумленные до суевѣрнаго ужаса дѣдъ и Ганджа, и въ свою очередь бросились обнимать оплаканнаго было мертвеца.

Вѣсть о воскресшемъ и прибывшемъ Олексѣ молніей облетѣла всю челядь: казаки, парубки, молодицы и старухи выскочили къ брамѣ и подняли восторженный гвалтъ. Разросшійся во дворѣ шумъ, перемѣшанный съ криками изумленія, радостными привѣтствіями, взрывами смѣха, всполошилъ наконецъ и хозяекъ дома. Первая проснулась пани, страдавшая и безъ того безсонницей, разбудила бабу и послала за Ганной. Выскочила Ганна на „ганокъ“, увидѣла,

Библиотека "Руниверс"

что у воротъ копошился народъ, и замерла, взволнованная радостнымъ и тервожнымъ предчувствіемъ. Не дядько-ли? Не господарь-ли нашъ?—блеснуло въ умѣ Ганны, и отъ одной этой мысли затрепетало такъ ея сердце, что она инстинктивно прижала руку къ груди... Она впрочемъ не сразу могла узнать, кто пріѣхалъ: Морозенко переходилъ изъ объятій въ объятіи и не могъ протиснуться скоро къ „будынку“.

Наконецъ Олекса вырвался изъ объятій и быстро взбѣжалъ на „ганокъ“. При свѣтѣ вынесенныхъ на крыльцо „каганцевъ“ и свѣчей, Ганна увидала какого-то молодого татарина, быстро бѣгущаго къ ней.

— Кто это, что такое?—вскрикнула она, невольно отступая.—Я, я, Олекса, панно Ганно,—раздался знакомый голосъ, и Ганна не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ молодого хлопца.

— Ты-ты?.. Откуда, какимъ образомъ?—повторяла Ганна, всматриваясь въ лице Олексы. Все разскажу... Господь спасъ... а Оксана?—Но Олекса не докончилъ своего вопроса: двери въ эту минуту распахнулись настежъ и какая-то маленькая фигура съ босыми ногами и наскоро наброшенной юпченкой, съ громкимъ крикомъ—Олекса! бросилась къ нему на шею.

— Оксана, Оксаночка, дивченко моя! Ты босая, раздѣтая повторялъ Олекса, цѣлуя ее и прижимая къ себѣ вздрагивающее отъ рыданій тѣльце дѣвочки; но Оксана ничего не слыхала, охвативши его шею руками; она повторяла сквозь слезы только одно слово: любый... любый... любый... хорошій мой... мой!

— Всѣ были тронуты этой радостной встрѣчей сиротливыхъ дѣтей. Наконецъ Оксану удалось увести въ комнату; за нею вошелъ Олекса и всѣ остальные. До самаго разсвѣта никто не ложился спать въ Субботовскомъ домѣ. Въ печи развели огонь, принесли ѣду и питье; Оксана не отступала ни на одну минуту отъ Олексы; сжавши его руку въ своей рукѣ, она повторяла потихоньку съ дѣтской улыбкой:—Ахметка, Ахметка; ты теперь настоящій Ахметка.—И Олекса ласково улыбался дивчинкѣ, гладя ее по черной кудрявой головкѣ. Дѣйствительно, въ этомъ татарскомъ нарядѣ онъ былъ до того похожъ на татарченка, что никто бы даже изъ своихъ не узналъ въ немъ козака. Когда наконецъ измученный и полузамерзшій Олекса подкрѣпился и отогрѣлся, всѣ окружили его и стали слушать его разсказъ о томъ, какъ онъ спасся изъ турецкой неволи.

— Дѣло было вотъ какъ, панове,—говорилъ Олекса, подсовываясь къ огню:—когда гетманъ послалъ меня на развѣдки, я усталъ крѣпко, причалилъ „човенъ“, да и заснулъ. Да такъ вѣдь крѣпко заснулъ, что и не слыхалъ какъ лодку отчалило отъ берега, какъ растерялись мои весла... словомъ, самъ виноватъ, но вышло

Библиотека "Руниверс"

такъ, что вмѣсто, осетра, я со своимъ челномъ попалъ въ татарскія сѣти.

— Ну, да и розумный-же ты, хлопче, ей Богу,—улыбнулся широкой улыбкой Ганджа, похлопывая Морозенка ладонью по спинѣ,— и какъ это только они изъ тебя, раба Божьяго, не наварили доброй „юшки“?

— То-то и дѣло, что едва Господь спасъ!—усмѣхнулся и самъ Олекса.—Разсердились они на меня здорово, сперва за то, что я имъ сѣти порвалъ, а потомъ, какъ увидали на мнѣ крестъ, да узнали, что козаки прорвались ночью въ Черное море, такъ и совсѣмъ мнѣ круто пришлось. Порѣшили всѣ, что я „шпигъ“ и что меня надо повѣсить, либо посадить на колъ, да и баста. Ужъ я и божился, и увѣрялъ ихъ въ томъ, что я природный татаринъ, что меня насильно крестили, что я отъ козаковъ изъ неволи къ нимъ и бѣжалъ— никто мнѣ не вѣрилъ; даромъ что я и по-татарски съ ними говорилъ—не вѣрятъ, повѣсить да и конецъ! Наконецъ таки сглянулся надо мной Господь, нашелся одинъ старый татаринъ, признался въ томъ, что зналъ моего отца: тогда порѣшили оставить меня въ живыхъ; но такъ, какъ мнѣ никто не вѣрилъ, то меня заковали по рукамъ и ногамъ, да такъ и гоняли съ другими плѣнниками на работы. Цѣлый годъ старался я добиться у надсмотрщика ласки, работалъ за трехъ, съ плѣнниками не говорилъ, держался природнымъ татариномъ,—ну и стали ко мнѣ мои хозяева поласковѣе, на другой годъ позволили руки расковать. Такъ прошло еще съ полъ года, а на седьмой мѣсяцъ, темной ночью роспилилъ я свои „кандалы“, взялъ у хозяевъ за свою вѣрную службу—поясъ съ дукатами, хлѣбъ, кожухъ, добраго коня, да и былъ таковъ!

— Эхъ молодецъ, ей Богу молодецъ!—вскрикнулъ шумно Ганджа,—будутъ изъ тебя люди!

— Только не думайте, что мнѣ это такъ легко удалось,—продолжалъ Олекса,—ге-ге! Сколько разъ уже я думалъ Богу душу отдавать! Зима, морозъ лютый, волки, звѣрье всякое, степь какъ море, а я весь тутъ, только и удалось одинъ ножъ съ собой захватить.

— Ну, ну говори, все говори!—подхватили окружающіе.

До самаго свѣта разсказывалъ Олекса о всѣхъ тѣхъ ужасныхъ приключеніяхъ, которыя ему пришлось перенести въ пути. Нѣсколько разъ принималась всхлипывать Оксана, слушая о страшныхъ случаяхъ, что грозили смертью ея любому Олексѣ. Находчивость и смѣлость хлопца приводили всѣхъ окружающихъ въ шумный восторгъ. Наконецъ, уже только свѣтомъ всѣ разошлись по своимъ угламъ.

Позднимъ утромъ вышли дивчатка въ общую свѣтлицу. На дворѣ стоялъ яркій зимній день; морозныя окна сверкали; въ печи трещалъ огонекъ; на столѣ уже былъ приготовленъ „снiданокъ“.

Библиотека "Руниверс"

Оксана взглянула на Олексу и изумилась: передъ ней былъ не оборванный, промерзлый татарченокъ, а молодой статный козачекъ, съ густымъ пухомъ надъ верхней губой. Олекса подошелъ и поцѣловалъ Оксану, но сегодня Оксанѣ сдѣлалось почему-то неловко отъ этого поцѣлуя; костюмъ-ли такъ измѣнилъ Олексу, или причиной этому былъ густой пушекъ надъ губой козака, который она только теперь замѣтила,—но Оксана вся вспыхнула и опустила глаза...

Такъ пролетѣлъ незамѣтно цѣлый мѣсяцъ, а за нимъ и другой. Олекса разсказывалъ постоянно Катрѣ и Оксанѣ о всемъ пережитомъ имъ въ плѣну, объ Оксаниномъ отцѣ, котораго онъ нашелъ въ Сѣчи, о томъ, какъ они приготовлялись къ морскому походу... Дѣти были неразлучны, но несмотря на всю ихъ взаимную любовь и привязанность, между ними не было той безразличной дѣтской откровенности, которая была въ то время, когда Олекса возилъ Оксанкѣ вкусные гостинцы въ бѣдную хатку дьяка. Причиной всему былъ этотъ темный пушекъ надъ его губою, который смущалъ Оксану и дѣлалъ Олексу похожимъ на взрослаго козака.

Дни летѣли такъ незамѣтно, какъ только могутъ летѣть самые счастливые, беззаботные юные дни. Однако къ началу весны Олекса становился все озабоченнѣе и озабоченнѣе, и наконецъ объявилъ Оксанѣ, что такъ какъ неизвѣстно, когда вернется батько Богданъ, то Ганджа и Золоторенко совѣтуютъ ему ѣхать на Запорожье и приписаться къ какому-либо куреню, чтобы научиться козаковать. Оксана была страшно опечалена этимъ извѣстіемъ, только постыдилась уже, какъ прежде, излить тутъ-же сейчасъ при Олексѣ свое горе въ слезахъ; она только заморгала усиленно вѣками и спросила Олексу дрожащимъ голосомъ:—и ты поѣдешь?

— Что жъ дѣлать, Оксаночка, надо ѣхать! Не ходить же мнѣ за плугомъ, вѣдь я козакъ,—отвѣтилъ Олекса и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но она вырвалось отъ него и юркнула изъ комнаты. Цѣлый день искалъ Олекса встрѣчи съ Оксаной, но Оксана умышленно избѣгала его; только поздно вечеромъ, встрѣтивши Олексу въ сѣняхъ, она быстро подбѣжала къ хлопцу и сунувши ему въ руки какой-то предметъ, прошептала:—не снимай никогда, никогда: если ты умрешь—я умру.—Олекса раскрылъ свою руку, въ ней лежала надѣтая на шнурочекъ ладонка.—Любая моя,—прошепталъ Олекса, подымая голову, и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но дивчынки уже не было въ сѣняхъ.

Черезъ нѣсколько дней Олекса уѣхалъ. Сборы были недолгіе. Какъ не крѣпилась Оксана, но при прощаньи разразилась горькими слезами и снова повисла на шеѣ у Олексы, какъ и въ прежній разъ. Олекса тоже готовъ былъ расплакаться и, если-бы при этомъ про-

Библиотека "Руниверс"

щаньи не случился Ганджа, передъ которымъ Олекса хотѣлъ уже показать себя козакомъ, онъ не поручился бы за себя.

Олекса уѣхалъ; въ Субботовскомъ домѣ стало снова тихо, дѣвочки еще чаще стали забиваться въ уголокъ и шептаться о чемъ-то между собой...

Въ началѣ третьяго года вернулся въ Субботовъ Богданъ. Первые дни промчались въ шумной радости и обоюдныхъ разспросахъ. Богданъ мало чѣмъ измѣнился, только движенія его сдѣлались элегантнѣе, сдержаннѣе, а выраженіе лица болѣе замкнутымъ. Пріѣхалъ онъ бодрый и энергичный, полный блестящихъ надеждъ. Въ разговорахъ съ Золотаренкомъ Богданъ сообщилъ о своихъ успѣшныхъ хлопотахъ при иностранныхъ дворахъ, особенно при Венеціанскомъ, о томъ, что многое поручено ему и что въ будущемъ готовятся великія событія. Впрочемъ, всѣ эти извѣстія Богданъ передалъ Золотаренкѣ съ глазу на глазъ, обязавъ его хранить все въ глубокой тайнѣ. Вѣсть о возвращеніи Богдана быстро облетѣла окрестность. Всѣ наперерывъ старались повидаться съ паномъ-сотникомъ, такъ долго и безвѣстно пропадавшимъ. Начались пышные пріемы, кутежи и попойки. Благодаря письмамъ Оссолинскаго, Богданъ сейчасъ по возвращеніи получилъ снова въ управленіе свою сотню, но дѣла службы мало занимали теперь пана сотника; съ какою-то непонятною страстью предавался онъ всѣмъ развлеченіямъ, стараясь прослыть непобѣдимымъ „запіякой“ на пирахъ, словно желалъ своимъ новымъ поведеніемъ замаскировать старыя связи и новую, скрытую роль. И дѣйствительно, вся окрестная шляхта, какъ русская, такъ и польская, наперерывъ зазывала къ себѣ симпатичнаго весельчака пана сотника, который сдѣлался теперь самою популярною личностью. Дома-же онъ бывалъ очень рѣдко; съ Ганной хотя и былъ ласковъ попрежнему, однако, несмотря на это, она чуткимъ женскимъ сердцемъ замѣчала въ Богданѣ непонятную еще ей самой перемѣну. Да, съ нею онъ былъ ласковъ попрежнему, но никогда уже не говорилъ онъ такъ тепло и открыто, какъ въ старое, доброе время; его разговоръ становился теперь и затемненнымъ, и уклончивымъ, да и вообще Ганна замѣтила, что онъ избѣгаетъ разговоровъ съ ней, касающихся его плановъ и положенія страны. Иногда впрочемъ Богдана охватывала какая-то мучительная тревога. Простившись съ Марылькою, онъ первое время часто вспоминалъ о ней съ болью и тоской. Его мучила неизвѣстность судьбы маленькой красавицы, оставленной имъ чужимъ людямъ. Часто справляяся онъ о ней въ своихъ письмахъ, но не получалъ на эти вопросы никакого отвѣта. Сначала эта неизвѣстность мучила его сердце, но вѣчные переѣзды, хлопоты, тонкія и опасныя политическія порученія, жизнь

Библиотека "Руниверс"

при иностранныхъ дворахъ,—все это невольно отвлекало его вниманіе. Наконецъ, замѣтивши, что Оссолинскій умышленно въ своихъ письмахъ избѣгаетъ всякихъ частныхъ вопросовъ, Богданъ рѣшилъ, что и ему неудобно справляться о судьбѣ Марыльки и пересталъ упоминать о ней, и мало-по-малу образъ молодой красавицы какъ бы совсѣмъ исчезнулъ изъ сердца козака. Поджидая теперь гонца отъ Оссолинскаго, онъ и не вспоминалъ о ней: онъ весь былъ охваченъ какими-то великими, но тайными надеждами и, желая убить томительное время ожиданья, искалъ все новыхъ и новыхъ знакомствъ, пируя цѣлыми недѣлями, почти забывая о семьѣ. Когда же онъ бывалъ въ Субботовѣ, то предавался больше интересамъ хозяйства; то сидѣлъ въ млынахъ, или устраивалъ суконвальни, то пропадалъ въ лѣсу, наблюдая за новыми постройками, то вмѣстѣ съ „майстромъ“ Шаповаломъ сооружалъ на манеръ иноземныхъ, диковинный „витрякъ“ о четырехъ крыльяхъ, то охотился со своимъ сыномъ Тимкомъ, то по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ пасѣкахъ.

Въ безоблачные, жаркіе дни любилъ онъ лежать въ тѣни на шелковистой травѣ или на мягкомъ коврѣ, слѣдя за пѣвучимъ полетомъ пчелъ, попивая холодное пиво или наливку. Здѣсь онъ предавался своимъ думамъ, затѣвалъ новые планы, обдумывалъ прошлыя предпріятія.

— О чемъ все, пане господаре, думу гадаешь?—спроситъ, бывало, подсѣвши къ нему дѣдъ.

— Да не поймаешь, дѣду, и думъ,—отвѣтитъ словно разбуженный Богданъ,—разлетѣлись по всѣмъ концамъ нашей Украйны...

— Охъ, и широкіе то концы,—закиваетъ уныло сѣдою головою дѣдъ,—да толку мало... Что наши-то „поробляютъ“?

— А что, гудутъ по ульямъ!

— Гудутъ! А роевъ не пускаютъ,—буркнетъ съ досадою дѣдъ, почесавъ свою сѣдую голову.

— Еще не вызрѣли,—улыбается Богданъ.—Придетъ часъ-пора, запоетъ, зазвонитъ крыльями матка, и вылетятъ съ шумомъ на яркое солнце безчисленные рои...

— Дай-то Боже!—вздохнетъ дѣдъ.

Такъ прошелъ годъ.

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ все тревожнѣе поджидалъ Богданъ какихъ-то гонцовъ изъ Варшавы. Каждое утро онъ встрѣчалъ Ганну однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „А что, не прибылъ ли кто ночью“? Но вотъ уже годъ былъ на исходѣ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Богданъ, а ни гонцы, ни вѣсти изъ Варшавы не доходили до Субботова.

Библиотека "Руниверс"

Шумное энергичное настроеніе начинало мало-по-малу покидать Богдана, мѣсто его занимало молчаливое и сдержанное недовольство.

Такъ начался и второй годъ.

Стояло знойное, душное лѣто. Уже около мѣсяца земля не получала дождя. Вялыя, пыльныя деревья опустили свои полумертвые листья. На поляхъ почти сожженные солнцемъ хлѣба не подымали своихъ колосковъ. Каждый вечеръ на горизонтѣ показывались смутные края отдаленныхъ тучъ; но утромъ яркое и жаркое солнце снова подымалось на сухомъ, безоблачномъ небосклонѣ.

Въ небольшой верхней горенкѣ субботовскаго дома сидѣли у раскрытаго окна, склонившись надъ большою книгой, двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ была постарше и указывала той, которая была помоложе.

— Э, Оксано,—обратилась укоризненно старшая, покачивая головой,—ты сегодня „разлодарничалась“—и въ книгу смотришь, и словно не видишь.

Смуглое личико молоденькой дѣвочки покрылось густымъ румянцемъ.

— Душно, панна Ганна,—отвѣтила она, не подымая глазъ.

— Ахъ ты-жъ, „лодарка“, а мнѣ развѣ не душно?—ласково улыбнулась Ганна, дотрогиваясь до черныхъ, какъ смоль, волосъ Оксаны.

— То панна, а то я.

— Ну, такъ что-жъ, что то я, а то ты?

Дѣвочка хотѣла было что-то отвѣтить, но вдругъ схватилась съ мѣста и, обвивши шею Ганны руками, начала быстро шептать ей на ухо: „потому что панна добрая, хорошая, гарная, любая, а я лодарка поганая, неслухьяная“.

— Ну, ну, годи, дивчыно!—перебила ее съ ласковою усмѣшкой Ганна, подымая съ лица дѣвочки изъ синя-черные завитки волосъ, изъ подъ которыхъ на нее глянуло смуглое, молоденькое личико съ черными глазами на синихъ бѣлкахъ и бѣлыми, блестящими зубками,—а можетъ ты и совсѣмъ не хочешь псалтыря читать?—заглянула она ей въ глаза.

— Хочу, хочу!—вскрикнула молоденькая „дивчынка“, снова обвивая руками шею Ганны.—Это только что лѣтомъ душно... а зимою, правда-жъ, панна Ганна, я лучше читала, правда-жъ лучше?

— Правда, правда.

— Съ меня „онде“ и всѣ „дивчата“ смѣются,—продолжала Оксана, не подымая глазъ,—говорятъ, что я для того учусь псалтырь читать, чтобы выйти замужъ за стараго пономаря и помогать ему на клиросѣ.

Библиотека "Руниверс"

— А ты за стараго пономаря не хочешь?

— Ну-у!—провела Оксана широкимъ шитымъ рукавомъ сорочки по своему лицу.—За пономаря, да еще за стараго? —глянули лукаво изъ-за рукава ея глазенки.—Ни за что!

— А за кого-жъ ты хочешь?

Смуглое личико снова вспыхнуло.

— Отъ еще выдумали... ни за кого!—послышалось смущенно изъ-за рукава.

— Ну, добре, добре! А можетъ покуда еще почитаемъ неиножко, вотъ хоть до этой каѳизмы?

Оксана быстро вскочила на ноги и усѣлась снова за книгой. Въ комнатѣ послышалось монотонное чтеніе славянскихъ словъ по слогамъ.

— А сегодня будетъ дождь... Вонъ какіе на небѣ „баранцы!“—замѣтила вдругъ Оксана, обрывая сразу чтеніе и высовываясь въ окно.

— Дай Господи!—Ганна взглянула въ ту сторону, куда показывала Оксана и гдѣ дѣйствительно словно выплывали изъ-за горизонта волнистою грядой облака.

Двери скрипнули, и въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, повидимому, годомъ или двумя старше Оксаны. У ней были мягкіе русые волосы, каріе глаза и хотя она была одѣта такъ-же, какъ Оксана, въ плахту, въ питую сорочку и черевики съ мѣдными подковками, но тогда, какъ личико той носило какую-то своеобразную прелесть дикаго полеваго цвѣтка, въ наружности вошедшей былъ видѣнъ нѣкоторый оттѣнокъ шляхетности.

— Ганна, Оксана! Годи вамъ читать!—крикнула она весело съ порога.—Идите внизъ, во дворъ, тамъ тато съ Тимкомъ и съ козаками „герцъ“ устроили... Изъ „сагайдака“ стрѣляютъ, бьются на шаблюкахъ, скорѣй!

Не поджидая разрѣшенія Ганны, быстро сорвалась Оксана съ мѣста и бросилась къ вошедшей дѣвушкѣ. Вслѣдъ за ними спустилась и Ганна.

На широкомъ дворищѣ субботовскаго дома раздавались веселые возгласы и крики. Все мужское населеніе хуторка столпилось вокругъ небольшой группы, собравшейся въ концѣ двора. Оксана и Катря протолпились въ самый передъ. Среди широкаго круга разступившихся людей стоялъ съ обнаженною саблей Ганджа, а рядомъ съ нимъ и Золотаренко; оба тяжело дышали послѣ молодецкой схватки на саблякъ.

— Эхъ, были съ насъ люди!—махнулъ рукою Золотаренко,—а теперь отъ этой бабской жизни „отпасся“ совсѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

— А я, батьку, такъ застоялся,—улыбнулся широкою улыбкой Ганджа, оскаливая свои бѣлые волчьи зубы,—словно „барскій“ конь на конюшнѣ, такъ скажу тебѣ, кабы мнѣ теперь этихъ недолюдковъ штукъ пять, десять на руку—на „локшину“ бы покрошилъ... А ну, Тимошъ, подымай саблю, выходи на „герцъ!“—подмигнулъ онъ головой молодому хлопчику.—Покажемъ батьку, что у насъ и безъ него не даромъ время ушло!

Сжавши брови и едва преодолѣвая охватившее его смущеніе, выступилъ на средину круга въ одеждѣ для фехтованья Тимошъ.

— Да ну ихъ къ чортовому дядьку, эти панскія таци-цяци!—крикнулъ Ганджа, отстегивая ремни у латъ, и бросилъ ихъ съ силою на земь.—Только мѣшаютъ доброму козаку вольною грудью вздохнуть!—Ганджа широко распахнулъ воротъ своей сорочки и обнажилъ бронзовую мохнатую грудь.—Становись противъ меня, хлопче, да держись, не то разрублю!

А Тимко уже стоялъ съ обнаженною саблей въ рукахъ, закусивши губу и сверкая темными глазами изъ-подъ черныхъ бровей.

Сабля упала на саблю.

— Ой, Тимко, Тимко!—закричалъ со страхомъ Юрась, увидѣвъ, что сабля Ганджи засверкала надъ головой Тимка.

— Соромъ, Юрасю, развѣ ты не козакъ?—остановила его строго Ганна и взяла крѣпко за руку; мальчикъ замолчалъ, зажмуривая каждый разъ глаза, когда сабля Ганджи подымалась надъ Тимкомъ.

— Ловко, хлопче, ловко!—весело одобрилъ Тимка Ганджа, когда Тимку удалось дотронуться саблей до его руки.—Вотъ выучилъ себѣ на голову! Ну, подожди-жь ты у насъ! Мы тебѣ перцу, мы тебѣ съ макомъ, мы тебѣ и съ хрѣномъ!—приговаривалъ онъ, нападая то съ той, то съ другой стороны на хлопца; но Тимко, чувствуя на себѣ всеобщіе взгляды и взглядъ отца, казалось весь превратился во вниманіе и отбивалъ удачно всѣ удары.

— Славно, сынку, славно!—поддерживалъ сына Богданъ,—нападай на него, на вражьяго сына, смѣлѣй, смѣлѣй! Вотъ сюда съ лѣваго бока, съ лѣваго!

Наконецъ, Ганджа нанесъ Тимку ударъ по шапкѣ.—Ну, будетъ съ тебя!—остановился онъ, тяжело отдуваясь.—Заморилъ меня совсѣмъ: ишь вьется, какъ вьюнъ!

— Гораздъ, сынку, на первый разъ совсѣмъ гораздъ!—вскрикнулъ весело Богданъ.—Ужь если ты съ дядькомъ Ганджей рубился, такъ можешь смѣло противъ двухъ татаръ выступить!

Тимко весь вспыхнулъ отъ удовольствія и, проходя мимо дѣвочекъ, бросилъ на нихъ изъ-подлобья гордый, презрительный взглядъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ишь, чванится какъ—шепнула Оксана Катрѣ,—удивительное дѣло, что онъ можетъ противъ двухъ татаръ выступить, я бы тоже смогла двумъ татарамъ безъ всякой сабли выцарапать глаза...

— Ой, нѣтъ,—возразила Катря,—я ихъ боюсь; ночью, когда приснятся, такъ даже кричу во снѣ...

— Ухъ, душно!—вскрикнулъ Ганджа, проводя по головѣ рукой, и поднялъ къ верху глаза.—Ге-ге-ге! Да посмотрите, панове-молодцы, дождемъ запахло, ей-Богу.

Всѣ подняли головы; съ запада уже надвигалась медленно и плавно сѣрая ровная пелена.

— Дождь, дождь Богъ послалъ!—сбросили всѣ шапки и перекрестились на надвигающуюся тучу.

— А что, Ганджа, не хочешь-ли со мной помѣряться?—обратился къ черному козаку Богданъ,—можетъ, ты и батьку въ лобъ попадешь?

— Что-жь, коли и батька бить, такъ надо въ лобъ цѣлить!—разсмѣялся Ганджа.—Только ты вели, того, горло промочить, пересохло какъ Буджацкая степь!

— Ну, добре, добре!—разсмѣялся и Богданъ.

Ганджѣ поднесли полный „келехъ“ горѣлки. Не сморгнувши, осушилъ его однимъ залпомъ козакъ.—Ну, теперь хоть и сначала начинать,—отеръ онъ рукавомъ губы.

Богданъ расправился, махнулъ нѣсколько разъ саблею въ воздухѣ, отчего раздался рѣзкій свистъ, и, принявши твердую позу, поднялъ саблю на встрѣчу Ганджѣ.

Сабли встрѣтились. Всѣ затаили дыханіе; слышны были только удары клинка о клинокъ. Бой продолжался уже нѣсколько минутъ съ равной силой со стороны обоихъ, какъ вдругъ сабля Ганджи сверкнула, сдѣлала крутой прыжокъ и, описавъ въ воздухѣ большой полукругъ, перелетѣла черезъ его голову и, при общихъ восторженныхъ крикахъ, врѣзалась въ землю.

Ганджа стоялъ оторопѣлый, словно не понимая, что случилось и какимъ образомъ удалось батьку выбить саблю изъ его крѣпкой руки.

— Ну, да и батько,—почесалъ онъ, наконецъ, въ затылкѣ, разводя руками,—первый разъ въ жизни случилась со мной такая вещь!

— То-то-жъ,—усмѣхнулся Богданъ.

— Да какъ это ты умудрился? Рука у меня, какъ желѣзо...

— Штука, пане-брате! Мнѣ ее въ Волощинѣ одинъ майстеръ за сто червонцевъ открылъ. Видишь ли, сынку, на все наука!... Всему наука научитъ, а ты вотъ до нея не очень „припадаешь“, а батьку это обида.

Библиотека "Руниверс"

— Козаку науки не надо!—буркнулъ несмѣло Тимошъ.

— Какъ не надо? Да развѣ козакъ чѣмъ хуже другого умѣлаго человѣка?

— То панское да монашеское дѣло,—поддержалъ хлопчика и Ганджа,—а козаку сабля да крѣпкая рука,—вотъ и вся наука!

— Съ одною саблей, да съ кулакомъ далеко не уйдешь!—отвѣтилъ съ едва скрываемою досадой Богданъ.—Медвѣдь на что силенъ, а его вотъ такою штукой,—указалъ онъ на пистолетъ,—и дитя малое повалитъ. А до такой хитрости разумъ дошелъ. То-то вы всѣ такъ размышляете, а пусти васъ въ панскую господу или въ сеймъ, такъ ни бе, ни ме... ни ступить, ни разумное слово сказать. А панство и радо скалить зубы да величать васъ хлопскимъ быдломъ.

— Коли скалятъ зубы, такъ мы ихъ имъ и посчитать сможемъ.

— Посчитать то легко, Ганджа, да однимъ этимъ дѣла не выиграешь: коли „неукъ“, все равно обзовутъ хлопскимъ быдломъ.

— А начхать я хотѣлъ на ихнія панскія „вытребеньки!“—плюнулъ въ сторону Ганджа.—Кто меня „быдломъ“ обзоветъ, тому я „вьязы“ скручу, а танцовать, какъ „цуцыкъ“, для ихъ лядскаго сала не буду!

— Кто говоритъ тебѣ—танцовать!—вспыхнулъ Богданъ.—Козаку ни передъ кѣмъ танцовать не надобно, а надо такъ держаться, чтобъ и самого „уродзоного“ шляхтича за поясъ заткнуть. Тогда только тебя всѣ поважать будутъ и за равнаго сочтутъ. И правъ своихъ сможешь разумомъ добиться, а что все зубы считать да ребра ломать? Нужно, не одними руками, а и разумомъ бить, вотъ противъ такой силы не сможетъ никто!

Богданъ повернулся и направился широкими шагами къ крыльцу дома. Ганджа стоялъ въ той же позѣ съ лицомъ, выражавшимъ полное недоумѣніе; Золотаренко задумчиво покручивалъ усъ, а на лицѣ Тимка, со сжатыми плотно губами лежало выраженіе такого упрямаго сопротивленія, которое ясно показывало, что сынъ не согласится въ этомъ съ батькомъ никогда.

Къ вечеру все небо зятянуло сплошной сѣрою пеленой. Начали робко прорываться мелкія капли дождя, а потомъ онъ засѣялъ смѣло, какъ изъ частаго сита, теплый, ровный и благодатный. Воздухъ дохнулъ живительною прохладой и свѣжестью, навѣялъ на хуторянъ и проснувшіяся надежды на урожай, и сладкій, послѣ утомительнаго зноя, сонъ.

Нѣсколько разъ Оксанѣ чудились ночью какіе-то стуки въ ворота, какіе-то возгласы и топотъ чьего то коня, а Катря и Оленка спали, какъ убитыя, спокойно.

Библиотека "Руниверс"

Утромъ, чуть солнце показалось надъ горизонтомъ, Оксана быстро вскочила на ноги и, опустивши „кватырку", выглянула въ окно. Утро стояло дивное, влажное, сверкающее. Омытые дождемъ деревья, цвѣты и кусты такъ и горѣли на солнцѣ крупными каплями росы; трава, казалось, гнулась подъ этими тяжелыми, прозрачными каплями, унизавшими ее. Весело чиликали ободрившіяся птицы. Оксана снова оглянулась въ комнату. Бабы уже не было, а Катря еще спала крѣпкимъ сномъ.

— Катря, Катруся, вставай!—бросилась она весело будить подругу.—Посмотри только, какое славное утро!

Катря приподнялась и сѣла на лавкѣ, протирая кулаками глаза.

— Что, что такое?—проговорила она сквозь сонъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вставай, вставай же, Катрусе!—тормошила ее Оксана.—Ночью кто-то пріѣхалъ къ намъ. Я слыхала, право! Вставай, скоренько побѣжимъ, посмотримъ!

— О?—отняла Катря отъ глазъ руки, совершенно очнувшись уже отъ сна.—Кто-жъ бы это былъ?

— Не знаю, а можетъ Олекса...—шепнула она и прибавила торопливо,—одѣвайся скорѣе, увидимъ.

Въ одно мгновеніе дѣвочки сорвались и начали поспѣшно одѣваться. Умывши лицо холодной водой изъ глинянаго кувшина, онѣ туго заплели свои косы; но, сколько ни мочила Оксана волосъ водою, непокорные завитки продолжали упрямо выбиваться и изъ-за ушей и надо лбомъ. Туалетъ былъ скоро оконченъ. Оксана и Катря взглянули мелькомъ въ большое мѣдное зеркалце, гладко отполированное, и выбѣжали во дворъ.

— Ой, боюсь росы!—вскрикнула Катря, ступая босою ногой на мокрую траву.

— А я такъ люблю! Ухъ, славно какъ!—бросилась Оксана нарочно по самой густой травѣ —Побѣжимъ къ „гайку", можетъ, бабу встрѣтимъ, разспросимъ, а то къ шелковицѣ; еще рано: всѣ спятъ.

Дѣвушки побѣжали по утоптанной желтымъ пескомъ дорожкѣ. На душѣ ихъ было такъ весело и свѣтло, какъ и въ этомъ раннемъ, безоблачномъ небѣ. И свѣжее утро, и пріѣхавшій неизвѣстный панъ,—все это заставляло еще скорѣе биться ихъ молоденькія, полныя жизненной радости сердца. И потому все кругомъ казалось такимъ веселымъ, такимъ улыбающимся, такимъ смѣшнымъ.

— А какъ ты думаешь, Катря, кто-бы онъ былъ?—спрашивала Оксана, набивая себѣ полный ротъ шелковицей.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, не Олекса, вѣрно важный панъ какой,—замѣтила серьезно Катря,—когда-бъ только не старый...

— И „гарный!“... Я терпѣть не могу старыхъ, да еще поганныхъ... Ты-бъ, Катруся, хотѣла, что-бъ онъ былъ „билявый“, или „чорнявый?“

— Билявый.

— А я-бъ хотѣла, чтобъ онъ былъ чорнявый козакъ съ чорными вусами, съ чорными глазами, въ „аксамитномъ“ кунтушѣ,— щебетала Оксана.—Охъ, Боже-жъ мой, что ты надѣнешь Катря? Знаешь, я надѣну зеленый жупанъ и желтыя черевики. Хорошо будетъ, да?

— Да, а я надѣну голубой и новыя сережки, что мнѣ подарилъ тато. Ну-жъ бо, Оксано, довольно шелковицы, бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!..

— Господи! Да что-же это мы надѣлали?—всплеснула руками Оксана, смотря съ ужасомъ на свои черные пальцы и на чорные зубы Катруси.

— Да уже тамъ отмоемъ какъ-нибудь!

Дѣвушки взялись за руки и со звонкимъ хохотомъ бросились по направленію къ дому; какъ вдругъ изъ-за поворота аллеи прямо выросла передъ ними высокая мужская фигура.

— Ой!—вскрикнула Катря и бросилась въ кусты, а Оксана такъ и замерла на мѣстѣ.

Передъ ней стоялъ никто иной, какъ Олекса. Только-жъ, Боже мой, развѣ это былъ ея прежній, маленькій Ахметка? Предъ ней стоялъ высокій и статный молодой козакъ, не хлопчикъ, а настоящій козакъ, „высокій та струнκій, мовъ яворъ“, съ смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, съ чорными, еще небольшими усами и чуть-чуть приподнятыми бровями. На немъ былъ красный жупанъ, дорогіе пистоли и сабля.

Оксана стояла, какъ вкопанная, не отводя отъ него глазъ, будучи не въ силахъ двинуться. И радость, и смущеніе, и неожиданность сдушили ея трепетавшее сердце.

— Оксана!—только и могъ вскрикнуть отъ того-же восторга Олекса, останавливаясь передъ нею, какъ вкопанный; онъ съ изумленіемъ заглядѣлся на прелестную, раскраснѣвшуюся молодую дѣвушку, такъ неожиданно появившуюся передъ нимъ.

— Оксана, да неужели это ты?

Но этотъ знакомый голосъ въ одно мгновеніе отрезвилъ Оксану. И ея босыя ноги, и растрепанныя кудри, и черныя отъ шелковицы руки и зубы,—все это въ одно мгновеніе предстало съ изумительною ясностью передъ ней:

Библиотека "Руниверс"

„Господи, а она то такъ мечтала, такъ долго думала объ этой встрѣчѣ! Пропало, пропало все!“

— Ой!—вскрикнула Оксана, закрывая фартухомъ лицо, и бросилась опрометью по мокрой травѣ.

XXIV.

Много перемѣнъ за эти четыре года произошло въ Чигиринѣ. Старостинскій замокъ, угрюмо дремавшій надъ тихимъ Тясминомъ, въ послѣдній годъ обновился, принарядился и, открывъ свои сомкнутыя вѣки, глянулъ на свѣтъ. Отъ замка побѣжали внизъ между волнами густой зелени золотистыя сѣти дорожекъ; вокругъ него разостлались роскошными плахтами клумбы цвѣтовъ; съ боковъ пріютились красныя черепичныя крыши, разсыпавшіяся между садиками, вплоть до „Стараго мѣста“ (городской площади). Коронный гетманъ, староста Чигиринскій, рѣдко останавливался въ Чигиринскомъ замкѣ, а потому послѣдній и былъ прежде запущенъ. Но два года назадъ приглянулась старому магнату молодая красавица, дочь краковскаго воеводы князя Любомирскаго, и влюбленный старецъ переселился поближе къ своей желанной невѣстѣ, укрѣпивъ мѣсто Чигиринскаго старосты за своимъ сыномъ Александромъ, къ которому назначилъ подстаростой „дозорца“ своихъ „маетностей“, пана Чаплинскаго. Послѣдній успѣлъ заискать расположеніе у стараго Конецпольскаго, а молодому съумѣлъ залѣзть въ душу; онъ подмѣтилъ у юноши дряблую, падкую ко всякимъ вожделѣніямъ натуришку и сталъ потакать ей тайно во всемъ. Самъ, въ конецъ развращенный, онъ систематически развращалъ и гетманскаго сына, забирая въ свои руки его тряпичную волю: охоты, азартныя игры, кутежи, потѣхи, насилія, вальпургіевы ночи опьяняли изнѣженнаго магнатика чадомъ жизни и привязывали къ виновнику этихъ наслажденій, Чаплинскому. Когда же старый Конецпольскій удалился на Подолію, оставивъ сына самостоятельно хозяйничать въ Старостве, то Чаплинскій не сталъ уже стѣсняться въ виртуозности своихъ измышленій и закружилъ голову своего владыки въ безконечныхъ оргіяхъ и пирахъ... И Чигиринскій замокъ, и дворъ и самъ городъ закипѣли небывалымъ оживленіемъ, хотя это оживленіе принесло мѣстнымъ жителямъ много горя и слезъ.

Пониже стараго замка, на кручѣ, надъ самымъ Тясминомъ, въ тѣни садовъ чернѣло высокою крышей довольно большое и неуклюжее зданіе; за нимъ золотистыми ромбами выглядывали новыя гонтовыя крыши другихъ построекъ, надъ которыми, въ видѣ каланчи, высилась круглая башня; это была усадьба Чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго.

Библиотека "Руниверс"

Теперь подъ покровомъ мягкой украинской ночи и „будынокъ“, и садъ Чаплинскаго свѣтились огнями; на широкомъ, мигавшемъ отъ двигавшихся факеловъ дворѣ стояла сутолока и гамъ: стучали колымаги и „повозы“, фыркали кони, перебранивались кучера, суетилась прислуга, сновала туда и сюда придворная шляхта. Овдовѣвшій Чаплинскій, по истеченіи шестимѣсячнаго траура, праздновалъ сегодня свое новое кавалерство, задавалъ холостую пирушку—„хлопьяшникъ“...

За домомъ, въ саду, подъ охраной вѣтвистыхъ елей и сосенъ, пересаженныхъ искусственно на песчаный холмикъ, стояло обширное „гульбище“ (павильонъ); къ нему вела змѣйкой дорожка, окаймленная въ перемежку кустами папоротника и можжевельника. Самое „гульбище“ внѣшнимъ видомъ напоминало какое-то капище съ островерхою крышей; послѣдняя заканчивалась расплывшимся куполомъ, съ длиннымъ, торчащимъ шестомъ. Вокругъ этого купола шла узенькая, огражденная баллюстрадой, площадка, къ которой вела шаткая лѣстница, Съ этой площадки открывался чудный видъ на разлившійся озеромъ Тясминъ, на тающіе въ сизой мглѣ контуры праваго нагорнаго берега и на раскинутый гигантскій коверъ лѣваго. Внутри это „гульбище“ состояло изъ одной просторной свѣтлицы, къ которой примыкали съ двухъ сторонъ уединенныя бесѣдочки, густо обвитыя дикимъ виноградомъ и плющемъ. Внутренность ея была искусно отдѣлана березой: бѣлыя пластинки коры переплетались мозаикой съ темными фарнерами корня въ прихотливые узоры и словно коврами покрывали потолокъ и стѣны свѣтлицы, придавая ей необычайно оригинальный и кокетливый видъ. Незастекленныя, безъ рамъ, высокія окна, были полузавѣшаны извнѣ бахромою ползучихъ растеній, а внутри закрывались „матками“ (цыновками) изъ „осикняга“. При входѣ была во всю длину зданія широкая терраса. Мебель въ свѣтлицѣ состояла изъ свѣтлыхъ ясеневыхъ столовъ и плетеныхъ изъ краснаго „шелюга“ (родъ лозы) креселъ; но въ бесѣдкахъ стояли еще и широкія „канапы“ съ изголовьями, обитыя мягкими коврами.

Теперь всѣ столы были накрыты бѣлоснѣжными скатертями и гнулись подъ тяжестью канделябровъ, жбановъ, кувшиновъ, кубковъ и всевозможнѣйшихъ флягъ. „Матки“ на окнахъ и дверяхъ были подвернуты; внутренность свѣтлицы горѣла сотнями колеблющихся огней, а черезъ темныя отверстія оконъ врывались струи прохладнаго, напоеннаго смолистымъ запахомъ воздуха. Въ свѣтлицѣ и на террасѣ въ дорогихъ и пестрыхъ костюмахъ толпились группами гости; но у стола еще никто не сидѣлъ, видимо, ожидая прибытія какого-то важнаго лица. Самъ хозяинъ то и дѣло выбѣгалъ на террасу и разсылалъ на развѣдки своихъ казачковъ—„джуръ“.

Библиотека "Руниверс"

У одного изъ открытыхъ оконъ стоялъ зять хозяина, Комаровскій, молодой еще блондинъ, съ свѣтлыми безцвѣтными глазами, широкимъ носомъ и толстыми, чувственными губами; онъ разсказывалъ собравшимся вокругъ него вельможнымъ панамъ игривыя „побреховеньки“, заставлявшія всѣхъ покатываться со смѣху; особенно громко и съ засосомъ хохоталъ, поддерживая руками свою вмѣстительную утробу, откормленный на славу, съ бычачьей шеей, панъ Цыбулевичъ, пріѣхавшій изъ Волыни по личнымъ дѣламъ; за нимъ заливался звонкимъ и частымъ смѣхомъ худощавый и длинный, какъ жердь, „старшій“ (на основаніи масло-ставской ординаціи) надъ рейстровыми казаками, ополяченный нѣмецъ Шемброкъ; за этими фигурами то скрывался, то скромно выглядывалъ знакомый уже намъ панъ Ясинскій, втершійся какъ-то на-дняхъ, при посредничествѣ Чаплинскаго, въ свиту молодого старосты; онъ былъ одѣтъ просто, по шляхетски, и подобострастно хихикалъ, прищуривая свои красные, подпухшіе глаза и стараясь втянуть въ себя округлившееся за четыре года брюшко; за нимъ толпилось еще нѣсколько блестящихъ фигуръ молодой шляхты. У другого окна, яко-бы созерцая глубокое, усѣянное звѣздами небо, стоялъ его мосць панъ пробощъ и чутко слѣдилъ за разсказами, смакуя каждымъ словомъ въ тиши. Подъ елями прохаживались тоже нарядныя группы.

— Фу, пане... дай по́кой... отпусти душу!—почти задыхался панъ Цыбулевичъ.—Вѣдь лопну... „якъ маме ко́хамъ“! И безъ того духота, а ты еще поддаешь пару...

— „Пшепра́шамъ“, тутъ еще на духоту жаловаться нечего,—замѣтилъ худощавый Шемброкъ,—тутъ пышно, чудесно... вѣтерокъ, прохлада и этотъ боръ,—сказалъ онъ, махнувъ къ себѣ нѣсколько разъ рукою и стараясь вдохнуть благоуханіе ночи.

— Да, здѣсь восхитительно, очаровательно, ясное панство,—вмѣшался робко Ясинскій,—я во многихъ богатѣйшихъ „палацахъ“ бывалъ, но такого привлекательнаго уголка не находилъ нигдѣ.

Цыбулевичъ и Шемброкъ посмотрѣли небрежно на Ясинскаго.

— Ну, пане-тесте, здѣсь хвалятъ всѣ твое „гульбище“,—обратился ко входившему Чаплинскому Комаровскій,—и постройку, и борикъ, и твою фантазію находитъ панство прекрасными...

— Очень радъ, очень польщенъ, мои дорогіе, пышные гости,—подошелъ, самодовольно улыбаясь, хозяинъ,—для меня тоже здѣсь самый дорогой уголокъ въ моихъ владѣніяхъ: эти сосны и ели, этотъ песокъ и можжевельникъ, эта березовая отдѣлка напоминаютъ мнѣ, хотя слабо, мою милую Литву, и я здѣсь отдыхаю отъ трудовъ душою и тѣломъ.

— И предаюсь, добавь, тато, за ковшемъ добраго литовскаго меду, свободной нѣгѣ, услаждаемой нимфами...

Библиотека "Руниверс"

— Что-жъ, зять?—вздохнулъ невинно Чаплинскій,—„vita nostra brevisest".

— Клянусь Бахусомъ и Венерою—правда!—воскликнулъ Комаровскій.

— А, панъ поклоняется только двуипостасному богу!—засмѣялся октавою Цыбулевичъ.

— Иногда еще, пане, признаю и третьего—Меркурія...

— Да... игра и всякія прибыли, гешефты... опять вмѣшался Ясинскій,—безъ нихъ и первые два бога имѣютъ мало значенія... Есть вотъ „баечка"...

— А что же, пане,—прервалъ Ясинскаго Цыбулевичъ,—будемъ-ли мы посвящены во всѣ прелести нѣги литовской?

Объ этомъ его мосць будетъ судить лишь послѣ завтра,—развелъ руками Чаплинскій и съ загадочною улыбкой подошелъ подъ благословеніе пробоща.

На террасѣ стоялъ Хмельницкій съ полковниками Барабашемъ и Ильяшемъ. Первый выглядѣлъ уже старикашкой, съ отвислыми щеками и такимъ же брюшкомъ; держался онъ нѣсколько сутуловато и не совсѣмъ твердо въ ногахъ; огромные сѣдые усы его спадали длинными прядями на грудь, а узкіе прорѣзанные глаза изобличали татарское происхожденіе. Второй же былъ болѣе бодръ и темнымъ цвѣтомъ лица да характернымъ носомъ напоминалъ армянина.

— За границу я ѣздилъ по королевскимъ личнымъ дѣламъ... съ письмами къ тестю,—говорилъ Богданъ,—чего мнѣ скрывать отъ своихъ? Мнѣ шляхетное мое товарыство дороже, чѣмъ кто бы ни былъ: съ панствомъ шановнымъ мнѣ вѣкъ и жить, и служить, а тамъ,—махнулъ онъ рукою—„съ Богомъ, цыгане, абы я дома"...

— Это ты гораздъ, пане сотнику,—буркнулъ Барабашъ, мотнувъ усомъ,—кому, кому, а тебѣ съ нами... и рука руку, знаешь...

— И моетъ и „бруднитъ" (грязнитъ),—засмѣялся Богданъ.

— Хе!—клюнулъ носомъ Ильяшъ, набивая съ длиннымъ чубукомъ трубку,—но любопытно знать... даже бы нужно... что стояло въ тѣхъ письмахъ?

— Нельзя-же было, пане полковнику, разламывать печатей,—отвѣтилъ, пожавши плечами, Богданъ,—хотя и „кортѣло"... Такъ, съ углышка только могъ дагадаться, что дѣло шло о приданомъ... „Грошей" просилъ его королевская мосць,—добавилъ онъ шепотомъ.

— Ага, именно!—обрадовался догадкѣ Барабашъ,—король вѣдь дѣйствительно бѣднякъ—„харпакъ"... Гдѣ ему намъ допомочь? Нѣкоторые у насъ надѣются на короля... Пустое! „Попыхачъ" онъ у золотого ясновельможнаго панства...

Библиотека "Руниверс"

— „Якъ нема тата, то шукай ласки у ката“,—улыбнулся Ильяшъ, раскуривая трубку.

— Такъ ли, сякъ ли, а ѣсть надо...—засмѣялся и Барабашъ, а потомъ замѣтилъ Богдану:—скучали мы по тебѣ, пане, что рѣдко такъ жалуешь?

— Спасибо за ласку,—поклонился сотникъ:—боялся докучать, да и рои подоспѣли ..

— Пышное панство, прошу въ свѣтлицу къ столамъ!—крикнулъ на террасѣ Чаплинскій.—Его ясновельможная мосць уже ѣдетъ!

Длинною вереницей потянулись гости въ свѣтлицу. Хозяинъ торопливо началъ представлять ихъ другъ другу.

Хмельницкій страшно былъ озадаченъ появленіемъ своего врага, почти забытаго имъ за пять лѣтъ. Самъ Чаплинскій видимо чувствовалъ себя крайне неловко при представленіи своему свату Ясинскаго и пытался загладить эту неловкость ихъ примиреніемъ.

— Пана страшно грызетъ совѣсть за прошлое,—умильно заглядывалъ свату хозяинъ въ глаза,—онъ почти для того и пріѣхалъ, чтобы выпросить у тебя, друже, забвеніе ошибкамъ горячей и неразсудливой юности.

Ясинскій стоялъ во время этой тирады въ смиренной позѣ, съ опущенными долу глазами и поникшей головой.

— Что было, то минуло,—сказалъ небрежно Богданъ и, взявши подъ руку свата, отвернулся отъ Ясинскаго, сказавши:—я имѣю тебѣ, пане-брате, сообщить нѣчто важное.

Ясинскій проводилъ его злобнымъ, зеленымъ взглядомъ шакала.

Въ это время распахнули двери два козачка, и въ свѣтлицу быстро вошелъ самъ староста, молодой Александръ Конецпольскій, подъ руку съ княземъ Заславскимъ.

Не смотря на раннюю молодость, на лицѣ Конецпольскаго лежали уже слѣды отравы и пресыщенія, а вздернутый носъ и прищуренные глаза придавали ему нахальное выраженіе. Заславскій же былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, но необыкновенно тученъ; впрочемъ, лицо его дышало здоровьемъ и свѣжестью, а выраженіе его было крайне симпатично: и по одеждѣ, и по манерамъ можно было сразу признать въ немъ магната.

Въ свѣтлицѣ послышалось шумное движеніе: Чаплинскій бросился съ подобострастнымъ восторгомъ навстрѣчу; панство тоже понадвинулось привѣтствовать именитыхъ гостей.

— Вотъ я, пане,—обратился Конецпольскій къ хозяину,—привезъ къ тебѣ моего дорогого гостя, ясновельможнаго каштеляна Дубенскаго, князя Доминика Заславскаго,—прошу „ушановать“ его мосць.

Библиотека "Руниверс"

— Падамъ до ногъ!—захлебывался, изгибаясь, Чаплинскій.— За великую честь, за счастье! Челомъ бью ясноосвѣцоному панству, прошу на почетное мѣсто!

Поздоровавшись съ нѣкоторыми гостями и познакомивъ съ ними Заславскаго, Конецпольскій привѣтствовалъ остальныхъ наклоненіемъ головы и занялъ первое мѣсто, усадивъ по правую руку Заславскаго.

Теперь уже хозяинъ обратился съ пріятнымъ жестомъ ко всѣмъ:

— Прошу, пышное панство, занимайте мѣста, кому гдѣ любо: сегодня мы празднуемъ вольное свято утѣхъ и радостей жизни, свободу нѣжныхъ страстей, а передъ ними—всѣ равны. Не будемъ же тратить дорогого времени.

Съ одобрительнымъ шумомъ размѣстилось многочисленное общество за столами.

— Для начала, панове,—произнесъ торжественно Чаплинскій, наливая изъ объемистой фляги всѣмъ въ кубки какую-то золотисто-зеленоватую жидкость,—прошу васъ отвѣдать этой литовской старки, настоянной на звѣробоѣ и можевельникѣ.

— Недурно,—попробовалъ староста.—Ты вѣдь, пане „подручный“, обѣщалъ угостить насъ сегодня всѣми роскошами Литвы, начиная съ яствъ и питей и кончая болѣе сладкими прелестями?

— Темные лѣса и глубокія озера моей родины, со всѣми ихъ обитателями, видимыми и таинственными, со всѣми чарами нѣги, будутъ у ногъ ясновельможнаго пана,—произнесъ съ низкимъ поклономъ, разводя руками Чаплинскій.

— Это мы съ панамъ-пробощемъ оцѣнимъ,—подмигнулъ Конецпольскій.

— „Non possumus“,—опустилъ глаза пробощъ.

— Го-го!—засмѣялся староста.— „Potencia potenciorum“!

— А пока знайте, панове,—обратился онъ ко всѣмъ,—что мой помощникъ празднуетъ сегодня свою холостую свободу и возобновленную молодость, такъ нужно намъ поддержать его подержанныя силы.

— „Edamus, bibamus, ametus!„—воскликнулъ, поднимая кубокъ, Хмельницкій.

— „Amen!“—чокнулся съ нимъ Барабашъ.

— Виватъ! Слава!—подхватили гости шумно, одобривъ литовскую старку. Судя по возросшему сразу шутливому говору и смѣху, она дѣйствительно заслуживала большой похвалы.

Между тѣмъ, гайдуки втащили на столы въ огромныхъ „полумискахъ“ медвѣжьи окорока, буженину изъ вепря, лосьи копченые языки, полотки изъ дикихъ гусей, а къ нимъ въ вычурныхъ „мисахъ“—вазахъ разнообразныя соленья и приправы изъ лѣсныхъ ягодъ и разнаго рода грибовъ, да всякіе еще литовскіе сыры. Без-

Библиотека "Руниверс"

численное количество козачковъ засуетилось возлѣ гостей, то подавая, то принимая посуду, то ожидая другихъ приказаній.

Съ шумными одобрительными возгласами и жадностью накинулось панство на дары дремучей Литвы; цоканье ножей, усиленное сопѣніе и жеваніе неоспоримо доказывали, что гости отдавали имъ полную честь. Чаплинскій суетился, рекомендовалъ и самъ подкладывалъ лучшіе куски особенно почетнымъ для него лицамъ. Молча, кивками головъ да мычаніемъ, благодарила услужливаго хлѣбосола почтенная шлахта и только лишь вытирала платками, а то и бархатными „велётами“ своихъ роскошныхъ „кунтушей“ обильно выступавшій на подбритыхъ лбахъ потъ.

Послѣ первой смѣны, хозяинъ наполнилъ кубки гостей новою мудреной настойкой. На вторую скатерть поставлены были другія „полумиски“ и лохани съ разною маринованною, вареною, жареною, фаршированною рыбой, и все изъ литовскихъ озеръ, съ литовскими-же соусами и „потравками“.

Когда первый голодъ былъ утоленъ и съ меньшею жадностью стало набрасываться панство на снѣди, послышались за столами то тамъ, то сямъ короткія фразы.

— Да, у насъ новость, я и забылъ сообщить ясновельможному панству,—говорилъ замѣтно уже подогрѣтый старками панъ Чаплинскій,—у насъ вотъ въ Чигиринскомъ лѣсу, за Вилами, въ трущобѣ поселилась литовская вѣдьма, „чаклунка“, почище кіевской... вотъ такъ ворожитъ—не цыганкамъ чета! Кому изъ васъ, панове, желательно узнать свое будущее, такъ рекомендую: какъ на ладони увидите! А кромѣ того у нея найдутся вѣрнѣйшіе привороты и отвороты...

— Ну, этого намъ не потребуется,—скромно замѣтилъ панъ пробощъ.

— Очень самонадѣянно!—улыбнулся Заславскій.

— Гм, гм!—погладилъ усъ Барабашъ,—а мы такъ должны смирить свою гордыню.

— Хе? Намъ „подтоптаннымъ“ зѣло нужны „привороты“,—замѣтилъ Шемброкъ.

— А по-моему, пане-добродзѣю, найлучшій приворотъ—это дукаты!—пробасилъ князь.

— Святая истина!—пропѣлъ въ тонъ Ясинскій.

Всѣ захохотали. Сдержанное, натянутое настроеніе предъ лицомъ такихъ важныхъ магнатовъ, ослабленное нѣсколькими кубками доброй старки и другихъ настоекъ, теперь сразу упало, всякъ почувствовалъ себя развязнымъ и смѣлымъ.

— Въ какихъ это Вилахъ,—спросилъ небрежно Богданъ,—что на Татарскомъ току, или за Чортовымъ провальемъ?

Библиотека "Руниверс"

— За Чортовымъ, за Чортовымъ, гдѣ крутится бѣсомъ „бурчакъ“,—отвѣтилъ Чаплинскій, наполняя свату вновь кубокъ,—а что, думаешь попытать свою долю?

— И спрашивать нечего: наша доля затылкомъ стоитъ.

Совершили третье общее возліяніе, подали новую перемѣну. На этотъ разъ въ глубокихъ вазахъ появились литовскіе колдуны.

— Пышное панство!—заявилъ торжественно хозяинъ,—и рыба, и колдуны любятъ плавать, такъ вотъ рекомендую легкія прохладительныя—толстыя фляги наливокъ, ратафій, запеканокъ, мальвазій. Черпайте изъ нихъ обильно и спѣшно, ибо съ появленіемъ царя питей, нашего стараго, сѣдого меда, всякія пустяковины будутъ убраны.

— Добрая „рада“!—зашумѣли гости и потянулись всѣ къ флягамъ.

— Не буду времени тратить, ясновельможный пане!—крикнулъ уже смѣло Ясинскій, опоражнивая кубокъ.

Начались межъ сосѣдями и въ разбивку потчиванья и чоканья.

— Слыхали-ли, панове,—заговорилъ одинъ изъ молодыхъ землевладѣльцевъ,—вновь начались хлопскіе бунты.

— Что? Гдѣ?—обратились многіе къ шляхтичу.

— Да вотъ, у моего брата за Кіевомъ былъ случай: не захотѣли „панщины“ отбывать хлопы, стали галдѣть, что прежнимъ владѣльцемъ имъ даны зазывныя льготы.

— Ишь, ты!—заволновались нѣкоторые.—Послушай ихъ, такъ и хозяйство все брось!

— Ну, и что-же, пане-добродзѣю?—заинтересовался Заславскій, да и другіе притихли.

— Братъ-то, ясновельможный пане, расправился съ ними по-шляхетски: написалъ имъ новыя условія на спинахъ.

Взрывъ хохота прервалъ разскащика.

— Да, панове, а одно село, которому такое рѣшеніе не понравилось, сжегъ онъ до тла.

— Съ хлопами? Такъ начадилъ сильно!—икнулъ Ясинскій.

— И убытки понесъ, добавилъ мрачно Богданъ.

— Конечно,—загорячился панъ съ бычачьей шеей,—а что подѣлаешь? Вотъ и у меня въ сосѣдствѣ повѣсили экономa хлопы.

— Плохое предзнаменованіе,—отозвался Заславскій,—и многому виною мы сами.

— Конечно, ясноосвѣщоный княже,—подхватилъ развязно молодой шляхтичъ,—потворство, полумѣры, „паньканье“...

— Жестокость,—подсказалъ Шемброкъ.

Библиотека "Руниверс"

— Соблазняются такими мыслями многіе,—промычалъ Комаровскій.

— „Аще око тебя соблазняетъ, вырви его и верзи вонъ“,—съ чувствомъ сказалъ пробощъ, поднявши набожно взоръ.

— Отвратительная слабость,—зарычалъ Цыбулевичъ,—не манерничать нужно съ этимъ быдломъ, а залить сала за шкуру...

— Какъ князь Ярема кричитъ: „огнемъ и мечемъ!“—улыбнулся насмѣшливо Заславскій,—только вотъ въ чемъ бѣда: послѣ огня и меча ничего не остается.

— Да, ясный княже, намъ, властителямъ, это невыгодно,—сказалъ, покраснѣвши, Хмельницкій.

— Я вотъ потому и рекомендую лучшее правило—„канчукомъ“ и лозой!—выпятилъ багровые глаза Цыбулевичъ.

— Виватъ, пане!—потянулись многіе къ толстяку съ кубками.

— Виватъ!—поднялъ свой и Богданъ.—Вы тамъ канчуками разгоните, а народъ и бросится къ намъ, вотъ тогда въ помѣстьяхъ вельможнаго нашего панства и будетъ сила рабочихъ.

— Слава нашему пану сотнику!—закричали одни, а другіе расхохотались.

— Слава свату, слава!—чокнулся съ Богданомъ Чаплинскій.—Только и съ нашимъ подлымъ народомъ нужно камень за пазухой держать. Предпочитая регламентъ пана Цыбулевича, я предлагаю въ дополненіе еще болѣе остроумныя мѣры, какъ, напримѣръ: жажду, голодъ, холодъ, зудъ...

— Воистину, претерпѣвшій на тѣлѣ душу свою соблюдетъ,—вздохнулъ пробощъ.

— Отецъ мой,—замѣтилъ иронически Конецпольскій,—очень ужъ этому быдлу потворствовалъ,—льготы давалъ, поборы бралъ ничтожные, а потому такіе-жъ и доходы.

— Ну, мы ихъ увеличимъ!—задорно крикнулъ Чаплинскій.

— Я вѣдь, свате, тоже за доходъ: чѣмъ больше его въ нашихъ помѣстьяхъ, тѣмъ лучше,—вмѣшался Хмельницкій, якобы небрежнымъ, веселымъ тономъ, но замѣтно было, что въ голосѣ его прорывалась сдерживаемая злобная хрипота, изобличавшая внутреннюю бурю. Только, по-моему, первая забота добраго хозяина, чтобъ „быдло“ его было въ силѣ и въ тѣлѣ, а если его изнурить голодомъ, да холодомъ, да „нужею“, такъ работы съ него не будетъ; значитъ, и выйдетъ: „ни Богови свичка, ни чортови кочерга!“ А на счетъ дохода, такъ его можно увеличить, либо выдавливая сильнѣе изъ одной „макухи“ (жомъ) „олею“, либо увеличивая число „макухъ“.

Библиотека "Руниверс"

— Ловко, ловко, пане! Голова!—поддержали Богдана мѣстные шляхетные землевладѣльцы, а пьяненькій Барабашъ даже облобызалъ своего сотника.

— Теперь запугиваніе панства этимъ схизматскимъ хлопствомъ ., никчемно",—вмѣшался вдругъ въ разговоръ сильно охмелѣвшій Ясинскій.—У пана сотника все старое въ головѣ: минуло, прошло! Теперь, если бы что, такъ только мокрое мѣсто,—нагло онъ опрокинулъ свой кубокъ и разлилъ по скатерти драгоцѣнную влагу.

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ и Чаплинскій.

— А если отъ пана Цыбулевича и его сосѣдей перебѣгутъ къ намъ всѣ хлопы,—добродушно засмѣялся сѣденькій старичекъ,—такъ чтобы не было волненія...

— У Рѣчи-Посполитой хватитъ на всѣхъ „канчука"!—крикнулъ заносчиво Комаровскій.

— У меня-то волненій не будетъ, ручаюсь,—высокомѣрно сжалъ брови молодой староста,—хотя я и сокращаю, и уничтожаю эти глупыя льготы... Я и съ паномъ сотникомъ не согласенъ: по-моему, и „макухъ" нужно больше завести, и выдавить кажду посильнѣе.

Богданъ заскрежеталъ зубами и выпилъ залпомъ огромный кубокъ наливки.

Чаплинскій, замѣтивъ желчное раздраженіе своего патрона, поторопился замять эту опасную тему, начавъ разливать въ ковши новые хмѣльные дары своей родины. На столахъ появилась грудами жареная дичь—лебеди, тетерева, глухари, рябчики. Панство потянулось тащить на тарелки руками жирное, обложенное саломъ мясо, но ѣло уже болѣе лѣниво, небрежно, какъ говорятъ, „ялозило" имъ руки и губы. Лица у большинства гостей были сильно возбуждены, глаза горѣли, потъ скатывался свободно ручейками по лоснящимся, краснымъ щекамъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, панство,—началъ таки снова, тяжело отдуваясь, Цыбулевичъ,—а единодушія у насъ нѣтъ: если бы вся благородная шляхта постановила давить безъ потачекъ „псю кревъ", такъ давно бы эта сволочь и пищать позабыла...

— Не пищатъ только мертвые,—замѣтилъ тихо Богданъ.

— Ого!—подхватилъ нагло Ясинскій,—значитъ, панъ совѣтуетъ имъ всѣмъ снять „capita?"

— Я совѣтую пану,—улыбнулся презрительно тотъ,—просвѣтлить себя больше наливкой.

— Цо-о?—хотѣлъ было подняться Ясинскій, но не могъ. Сосѣди хохотомъ и говоромъ замяли эту неприличную выходку. Барабаша клонило ко сну, а другой сѣденькій старичекъ часто кле-

Библиотека "Руниверс"

валъ носомъ въ тарелку. Шумъ все возросталъ: панство принимало болѣе непринужденныя позы, распускало пояса...

Чаплинскій, моргнувши сосѣдямъ на Ясинскаго, началъ поощрять всѣхъ къ выпивкѣ, угрожая, что, при появленіи на столахъ меду, это все будетъ убрано.

— По-моему,—поднялъ авторитетно голосъ, молодой Конецпольскій,—дикую бестію сначала нужно заморить, усмирить, чтобы потомъ на ней ѣздить.

— Коня и быка, но не хлопа,—отозвался пробощъ, открывая съ усиліемъ посоловѣвшія очи.—Вотъ мой коллега на Волыни вздумалъ было пріучить хлоповъ возить себя въ возкѣ по „парафіи"... ну, и возили... Только... что бы вы думали, пышное панство? Какой, эти схизматы, невѣрный народъ! Возили, возили, а потомъ загрузили возокъ въ болотѣ, въ лѣсу, и разбѣжались... Бѣдный капеланъ такъ и остался на мѣстѣ, на добычу комарамъ и мошкѣ...

— Лайдаки! Шельмы!—закричали нѣкоторые, но большинство покрыло ихъ возгласы гомерическимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха!—покатывался на стулѣ Заславскій.—Воображаю капелана въ болотѣ съ цѣлою тучей надъ нимъ всякой дряни...

— Забавно!—засмѣялся Конецпольскій.

— Да,—захихикалъ, подыгрываясь къ патронамъ, Чаплинскій,—вѣроятно, отмахивался и отчесывался долго...

— А и комары вѣрно долго „гулы",—вставилъ Хмельницкій,—полакомившись на бѣломъ да хорошо откормленномъ тѣлѣ...

Новый взрывъ хохота покрылъ его слова.

Пробощъ поднялъ съ ужасомъ глаза вверхъ и сложилъ набожно руки...

Въ противуположномъ концѣ стола шелъ между двумя шляхтичами крупный споръ о собакахъ и держали пари, кто больше въ состояніи выпить. Ясинскій брался быть медіаторомъ... Справа какой-то „пидтоптаный" панъ доказывалъ Шемброку, что нигдѣ нѣтъ такого матеріала для гарема, какъ въ этихъ мѣстахъ; но толстый, съ бычачьею шеей панъ все упорно стоялъ на своей темѣ.

— Нѣтъ, что ни толкуйте, панове, а единодушія у насъ „нема": одинъ—сюда, другой—туда, а третій—чортъ знаетъ куда!

— Это-то, пане-добродзею, такъ!—отозвался Заславскій, вздымая свое шарообразное чрево.—Сенаторы и благоразумная шляхта не блюдутъ у насъ дружно Рѣчь-Посполиту ни въ „хатнихъ "интересахъ, ни въ „окольныхъ"... Замѣчается расколъ, грозящій повалить и нашу золотую вольность.

— Какъ? Что такое?—встрепенулся Конецпольскій, а за нимъ и другіе насторожили уши.

Библиотека "Руниверс"

— Да вотъ,—послѣ долгой передышки началъ Заславскій,—былъ я у великаго литовскаго канцлера Радзивила, такъ до него дошли смутные слухи, будто-бы нѣкоторые наши магнаты—nomina odiosa sunt—затѣваютъ что-то съ королемъ, вредное для нашей свободы.

Всѣхъ ошеломило это извѣстіе. Богданъ поблѣднѣлъ: неужели такъ тщательно скрываемая тайна сдѣлалась извѣстной до осуществленія?

— Сто дьябловъ!—ударилъ по столу кулакомъ Конецпольскій.

— Мокрая вѣдьма имъ въ глотку!—ругнулъ Цыбулевичъ.

— Sancta Mater!—всплеснулъ руками панъ пробощъ.

— Что-жъ это? Дурманомъ напоилъ кто-либо эти головы?—отнесся сочувственно и Чаплинскій.

— Главное, король,—подчеркнулъ Заславкій:—онъ, кажется, хлопочетъ объ увеличеніи своей власти и ищетъ клевретовъ...

— А въ какой-же хвостъ, ясный княже, смотритъ сеймъ?—посинѣлъ даже панъ Цыбулевичъ.

— Еще, пане-добродзѣю, идетъ только смутный слухъ,—отвѣтилъ Заславскій,—а когда будетъ что-либо положительное въ рукахъ, то сеймъ, конечно, распорядится...

Богданъ усиленно наливалъ себѣ кубокъ за кубкомъ и пилъ, чтобы скрыть отъ другихъ свое замѣшательство; ему казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него и что вотъ-вотъ сейчасъ начнется допросъ.

— Знаете... ясноосвѣщонное панство,—заговорилъ заплетающимся языкомъ Ясинскій:—Оссолинскій... у! это лисъ!.. Я только что изъ Варшавы... бывалъ тамъ вездѣ... у высшей знати... и слыхалъ... это изумительно... —„Якъ маме кохамъ“, пекельная штука!

— Какая?—поинтересовался Заславскій.

— Тонкая! Ваша яснѣйшая мосць!—нахально улыбался Ясинскій, бросая на Богдана вызывающій взглядъ,—я хорошо знаю Оссолинскаго... бывалъ у него...

— У ясноосвѣщоннаго пана канцлера?—воскликнулъ, пожавши плечами, Хмельницкій, желая осадить лжеца и подорвать къ нему довѣріе.

— Для козака это можетъ быть за диковинку,—прищурилъ презрительно тотъ глаза,—а для „уродзонаго“ шляхтича это „фрашки“ (пустяки)! А въ доказательство... я могу сообщить... что вотъ на дняхъ... у канцлера будутъ двѣ свадьбы...

— У него одна только дочь,—возразилъ Заславскій.

— Одна родная, ваша ясная мосць, а другая пріемышъ... да... просто пальцы оближешь!..

Библиотека "Руниверс"

— Цацюня? Хе, хе, хе!!—засмѣялся Барабашъ, зажмуривъ глаза и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Словно молотъ тяжелый упалъ Богдану на голову.—Это Марылька!—сверкнуло у него молніей и молніей же ударило въ дрогнувшее сердце. Не получая никакихъ извѣстій о Марылькѣ, во время пребыванія своего заграницей, не получая отъ нея отвѣта на посланное ей письмо уже изъ Субботова, Богданъ порѣшилъ, что панянка забыла его, поглощенная волнами новой, увлекательной жизни, и что ему, козаку, не къ лицу носить какую-то „болячку“ на сердцѣ про несбыточное чортъ-знаетъ-что... и вдругъ, при одномъ извѣстіи, онъ почувствовалъ въ сердцѣ боль, и такую щемящую да досадную, что даже бросилась ему въ лицо кровь и глаза сверкнули дикимъ огнемъ.

— Ну, такъ что-же развѣдалъ тамъ „вацпанъ“?—съ раздраженіемъ уставился староста на Ясинскаго.

— Что Осолинскій, ясноосвѣцонный задабриваетъ козачью старшину... О, это хитрая лисица... но и старшина тоже... ой, ой, ой!—не спускалъ онъ съ Хмельницкаго пьяныхъ глазъ.

— Это покленъ и на Осолинскаго, и на старшину!—крикнулъ, вспыливши, Богданъ и отвелъ смущенно глаза.

— Старшина вѣрна Рѣчи-Посполитой!—добавилъ Ильяшъ.

— Предана, какъ собака.. какъ „скаженая“,—забормоталъ Барабашъ, вытирая усами тарелку.

— Какъ одинъ да одинъ—два!—выпрямился Шемброкъ.

— Но, панъ сотникъ,—подчеркнулъ Конецпольскій,—вѣдь ты бывалъ у Осолинскаго... и, кажется, канцлеромъ взысканъ?

— Да, ваша вельможная мосць, былъ разъ,—отвѣтилъ, нѣсколько оправившись, Хмельницкій,—но никакихъ милостей не удостоился... Да и вѣроятно-ли, чтобъ государственный мужъ, вельможа и вдругъ бы сталъ откровенничать съ казакомъ, котораго въ первый разъ видитъ? Другое дѣло—панъ Ясинскій, что съ его ясною мосцью за панибрата.

— Да, да, за панибрата,—залепеталъ непослушнымъ языкомъ панъ Ясинскій,—потому что я крикну „не позволямъ!“ и всѣхъ заставлю на сеймѣ молчать, а съ козакомъ не станетъ никто и говорить. Зась!—хотѣлъ онъ сдѣлать рукою какое-то движеніе и покачнулся на стулѣ; Чаплинскій бросился и помогъ Ясинскому дойти до открытаго окна. Конецпольскій только махнулъ рукою.

Подали на столы послѣднюю перемѣну; разныя медовыя сласти, пирожки, соты липоваго меду и фрукты.

— Панове!—торжественно возгласилъ Чаплинскій.—Теперь начинается великій часъ вождѣленій.

— Кохаймося!—крикнулъ Комаровскій.

Библиотека "Руниверс"

— Виватъ!—подхватили другіе.

— Такъ я предлагаю, панове,—кричалъ хозяинъ,—скинуть жупаны и растегнуть пояса передъ появленіемъ нашего стараго литовскаго меду!

— Дѣло!—подалъ первый примѣръ Комаровскій, а за нимъ и другіе начали разоблачаться. Кто-то пошатнулся и упалъ, кто-то захрапѣлъ, съ кѣмъ-то сдѣлалось дурно...

— А гдѣ же твои литовскія нимфы?—обратился къ Чаплинскому захмѣлѣвшій староста.

— Не нимфы, ваша мосць, а „мавки“!

— Одинъ чортъ, лишь бы не духи, а осязаемыя; но онѣ, надѣюсь, прелестны и безъ нарядовъ?

— Совершенно,—покровы красоту оскорбляютъ. Я полагалъ бы, чтобы эти „мавки“ прислуживали намъ теперь и наполняли нектаромъ кубки.

Одобрительное ржаніе поддержало это предложеніе.

Богданъ, воспользовавшись общимъ возбужденіемъ и суетой, незамѣтно вышелъ изъ свѣтлицы.

— Но какъ панъ пробощъ? Благословитъ ли?—замѣтилъ Заславскій.

— Невинныя удовольствія освѣжаютъ душу,—опустилъ тотъ смиренно глаза,—но, чтобы не смущать васъ, братіе, я удалюсь въ бесѣдку, а хозяинъ мнѣ туда пришлетъ съ нимфой кружечку меду.

Вся мужская прислуга была удалена; „матки“ на окнахъ опущены. За дверью послышался хохотъ и визгъ дѣвичьичъ молодыхъ голосовъ, но среди нихъ доносились и тихія всхлипыванія да взрывы рыданій.

Началась безобразная оргія...

XXV.

Съ большимъ трудомъ удалось Богдану отыскать своего коня. На конюшнѣ и на дворѣ пана подстаросты шло такое-же повальное пьянство, какъ и въ покояхъ, только все здѣсь было еще проще. Выкаченная бочка водки была уже почти пуста, но два полупьяныхъ конюха еще трудились надъ нею, вставляя неумѣло ливеръ въ воронку; остальные по большей части уже храпѣли въ растяжку на зеленой травѣ и подъ „повозами“ своихъ господъ. Изъ переполненной лошадьми конюшни слышались ржаніе, храпъ и стуки копытъ о твердую землю. Лошади, не умѣстившіяся въ конюшнѣ, были просто привязаны у дышелъ или около высокихъ, вбитыхъ въ землю

Библиотека "Руниверс"

столбовъ. Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба словно заливалъ всю эту пеструю картину ровнымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

Наконецъ, Богданъ отыскалъ своего Бѣлаша, самъ осѣдлалъ его и вскочивши въ сѣдло, поскакалъ быстрымъ галопомъ по сонным чигиринскимъ улицамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ ровной и безлюдной степи.

Конь Богдана, несдерживаемый рукой, летѣлъ вскачь; видъ самого Богдана былъ такъ растерянъ и встревоженъ, что, казалось, сотникъ спѣшилъ скрыться отъ настигающаго его врага. Весь хмель, какой былъ въ головѣ козака, разомъ выскочилъ отъ послѣднихъ словъ Ясинскаго. О, этотъ Ясинскій, опять онъ встрѣтился на его пути и, какъ черный воронъ, всегда каркаетъ ему бѣду! Проклятая ящерица, раздавить бы тебя погою, чтобъ не наскудила бѣлый свѣтъ! Но и молодой панъ Чигиринскій староста слишкомъ мало смотритъ на старшихъ людей... Послѣ того, какъ князь Ярема выгналъ эту гадину изъ своихъ хоругвей и самъ старый Конецпольскій благодарилъ его за это, онъ смѣетъ принимать къ себѣ этого пса?.. О, это все штука пана-свата! Это онъ выволокъ Ясинскаго на свѣтъ! И съ какою радостью, съ какимъ ехидствомъ передавалъ этотъ выродокъ страшную вѣсть! Вырвать бы ему эти подкрученные усики и лживый, „облеслывый“ языкъ... Есть подозрѣніе на короля и на Оссолинскаго,—вспоминалъ отрывочно Богданъ,—думаютъ и на козацкихъ старшинъ. Да неужели же фортуна захочетъ такъ зло подсмѣяться надъ нами?... Кто дознался, кто додумался, кто?.. А можетъ и ложь?—Богданъ остановился.—Можетъ все выдумалъ онъ для того, чтобы прихвастнуть, чтобы уколоть меня? Ложь, ложь,—крикнулъ Богданъ почти радостно.—Говоритъ, что бывалъ у Оссолинскаго.. гдѣ ему у канцлера бывать? Однако, кто же могъ ему сказать о свадьбѣ? – Богданъ задумался.—Что-жъ дивнаго? Могъ быть въ Варшавѣ, искать мѣста, просилъ у канцлера, ну, и услыхалъ... вѣдь говоритъ—пріемышъ, а пріемышъ у канцлера одинъ...

Богданъ сбросилъ съ головы шапку и придержалъ разгорячившагося коня. Потонувшая въ лунномъ сіяніи степь вѣяла какою-то тихою, элегическою задумчивостью.—Марылька...—прошепталъ онъ тихо, опустивъ незамѣтно поводья и глянулъ, прищуря глаза въ мглистую даль, словно хотѣлъ разглядѣть тамъ въ туманномъ сіяніи дивный образъ, всплывавшій передъ нимъ.

— Четыре года назадъ, четыре года,—проговорилъ онъ задумчиво, незамѣтно для самого себя погружаясь въ волну какого-то сладкаго воспоминанія. Прошло нѣсколько минутъ. Богданъ очнулся.—Ясинскій говоритъ, что замужъ идетъ... Чтожъ, дай Богъ счастья! Лучшая доля!—Невольный вздохъ вырвался у него.—Эхъ, думаю, какой „красуней“ стала! Вѣрно и глазъ не оторвать! Тон-

Библиотека "Руниверс"

кая, да гнучкая, бѣлая, какъ морская пѣна, а волнистые золотое волосы и тогда падали до колѣнъ... Что-жъ, и не написала про свою долю „тату“, вѣдь татомъ звала тогда,—усмѣхнулся ѣдко Богданъ.—Э. да что тамъ разбирать!—Нагайка его рѣзко свистнула въ воздухѣ.—Тато-ли, братъ ли, а хотя бъ и мужъ,—женская память до завтрашняго дня.—У Богдана вдругъ поднялась въ душѣ глухая обида.—И за кого идетъ? Вѣрно за какого-либо магната! О, каждый изъ этихъ псовъ радъ полакомиться такимъ ласымъ кусочкомъ! Чтожъ, пусть идетъ, дай Богъ счастья! -- повторилъ онъ самъ себѣ нѣсколько разъ,—только названному батьку не мѣшало бы хоть словечко написать! Ну, да вздоръ!—крикнулъ вдругъ Богданъ сердито.—Какое мнѣ до того дѣло, кто за кого замужъ идетъ? Пусть тамъ хоть всѣ черти съ вѣдьмами „въ пеклѣ“ переженятся.—мнѣ наплевать! Вотъ канцлеръ, канцлеръ!—сжалъ онъ въ рукѣ нагайку.—Да и что знаютъ? Вѣрно только шальные слухи... А если довѣдаются о цѣли его поѣздки къ чужеземнымъ дворамъ?!—Ухъ,—заскрипѣлъ Богданъ зубами,—волки дикіе, собаки несытыя, наступили на горло, дохнуть не даютъ! Развѣдали уже и о королевскихъ планахъ! Да еслибы только узнать, кто выдалъ ихъ, колесовать его, четвертовать его, ирода, мало, живьемъ смолою залить! А въ случаѣ открытія заговора, что спасетъ его, Богданову, голову? Ужъ не охранная ли грамота короля?—Взволнованное лицо Богдана искривила ѣдкая, злая насмѣшка.—Нѣтъ, нѣтъ, вонъ тѣ „безглуздые“, саломъ заплывшіе, пьяные, жадные Чаплинскіе, Ясинскіе, Заславскіе,—перечислялъ онъ съ мучительною радостью всѣ знакомыя шляхетскія фамиліи,—они паны, они короли! Кинутъ тебѣ кусокъ—ѣшь и лижи панскую руку, какъ Ильяшъ, какъ Барабашъ, а толкнетъ панъ сапогомъ—притихни, молчи, чтобы крикомъ не разгнѣвать господина... да еще слушай ихъ рѣчи!

Передъ Богданомъ вдругъ встала сразу вся сцена у Чаплинскаго и свой неудачный отвѣтъ и замѣшательство; поздняя, безсильная злоба охватила его... О, что бы онъ далъ, чтобы вернуться теперь сейчасъ туда, чтобы отречься тутъ же, при всѣхъ, отъ своихъ словъ и бросить имъ всѣмъ въ лицо настоящій отвѣтъ! Ахъ, эти рѣчи!

Богданъ скрутилъ въ рукахъ нагайку и, изломавши ее съ сердцемъ на нѣсколько кусковъ, швырнулъ далеко въ степь.—Слушаютъ ихъ, слушаютъ козаки, а какъ сами заговорятъ, такъ попухнутъ чортовы панскія уши отъ козацкихъ рѣчей! А все канцлеръ, канцлеръ! Лисица хитрая, самъ не знаетъ, на какую ногу ступить! И будто за короля горой, и сейма боится, и намъ не хочетъ довѣриться и не открываетъ всего! Ужъ такъ тонокъ... Только забылъ вельможный панъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Охъ, тяжело!—вздохнулъ глубоко Богданъ, сбрасывая шапку,—тяжело такъ жить!

Библиотека "Руниверс"

Каждый день на сторожѣ—дурить шляхту, дурить своихъ, шляхты бояться, своихъ „зрадцевъ“ остерегаться, да и отъ преданныхъ таиться, и не знать ничего о томъ, что дѣлается тамъ!—Онъ пристально глянулъ въ сторону Варшавы, точно хотѣлъ разглядѣть тамъ что-то за далекимъ горизонтомъ.—А что, если тамъ все порвалось?—Богданъ почувствовалъ, какъ кровь отъ его сердца отлила тихо, медленно и мучительно зазвенѣла въ ушахъ.—Что то готовится въ будущемъ? Что то ждетъ впереди?... Тьма... неизвѣстность. Futurum incertum est,—прошепталъ онъ тихо, опуская голову на грудь.—О, если бы знать, что скрывается тамъ за этимъ темнымъ, непрозрачнымъ покровомъ будущаго: слава, свобода или позоръ и униженіе?... О, если бы хоть на одно мгновеніе приподнять этотъ темный покровъ?—Богданъ перевелъ свои глаза на звѣздное небо.—Возможно ли узнать грядущее? Зачѣмъ судьба скрыла его отъ насъ?... зачѣмъ?... Съ какою звѣздою связана его доля? Съ этою ли крупной, что такъ ярко сіяетъ въ самыхъ лучахъ мѣсяца, или съ той, что робко мерцаетъ въ голубой глубинѣ? Какія таинственныя силы управляютъ ихъ ходомъ?—Богданъ оглянулся; но кругомъ на горизонтѣ лежала только серебристая мгла.—Но, есть же люди, которымъ извѣстны и эти темныя, невѣдомыя силы, что управляютъ ими и вліяютъ на долю людей...

Сердце Богдана забилось сильнѣй и сильнѣе. Давно ужъ съ самаго возвращенія изъ за-границы, всѣ эти мысли глухо волновали его. Постоянное неопредѣленное положеніе вызывало страшную жажду знанія исхода задуманныхъ предпріятій, а видѣнное имъ за-границей всеобщее увлеченіе астрологіей захватило и Богдана своею волной. Мысли о вліяніи звѣздъ, о таинственныхъ темныхъ силахъ, управляющихъ судьбою людей, съ тѣхъ поръ не покидали его. Смутная тревога охватила Богдана.—Такъ, такъ для нихъ нѣтъ тайны, продолжалъ онъ размышлять, вспоминая знаменитыхъ астрологовъ и предвѣщателей, видѣнныхъ имъ въ чужихъ краяхъ;—предъ ними все открыто, какъ на ладони... они держатъ всѣ эти нити, двигающія человѣческую жизнь.—Вдругъ въ головѣ его ясно встали слова Чаплинскаго о ворожкѣ, такъ изумительно предсказывавшей всѣмъ судьбу.—Она можетъ и „привороту“,—и „отвороту“ дать,—повторилъ онъ почему то его слова и тутъ же разсердился на самого себя.—Э, да что тамъ приворотъ? Она можетъ сказать ему, что его ждетъ впереди! Гдѣ же живетъ она?... Говорили на Чортовомъ Яру, въ литовскихъ Вилахъ?—вспоминалъ уже лихорадочно Богданъ, собирая поводья и стискивая шенкелями коня. Часъ ночной... дремучій лѣсъ... можетъ быть и нападеніе... кто знаетъ?—пролетали въ его головѣ обрывки осторожныхъ соображеній, но желаніе узнать свое будущее

Библиотека "Руниверс"

сегодня же, сейчасъ же, такъ сильно охватило Богдана, что онъ рѣшительно повернулъ коня и поскакалъ по степи въ томъ направленіи, гдѣ долженъ былъ находиться огромный сосновый боръ.

Быстрая скачка не освѣжила его,— наоборотъ, съ каждымъ шагомъ коня сердце его стучало еще поспѣшнѣе и тревожнѣе. Кровь приливала къ головѣ и оглушительно шумѣла въ ушахъ. Вотъ вдалекѣ показалась темная полоса лѣса; вотъ она разростается еще шире, заняла весь горизонтъ. Еще нѣсколько минутъ и передъ Богданомъ ясно вырѣзались верхушки столѣтнихъ сосенъ, поднявшихся надъ общею линіей лѣса.

Гдѣ же искать колдунью?—соображалъ торопливо Богданъ.— Говорили, гдѣ-то недалеко отъ опушки, на старой мельницѣ, надъ глубокимъ „бурчакомъ“...

Лошадь въѣхала подъ густую тѣнь лѣса. Несмотря на лунную ночь, здѣсь было почти темно. Черныя, мохнатыя верхушки сосенъ медленно покачивались, издавая какой-то зловѣщій шумъ. Блѣдныя пятна луннаго свѣта, падавшія то здѣсь, то тамъ на обнаженные стволы, казались какими-то неопредѣленными, скользящими тѣнями, кивавшими изъ-за деревъ. Конь ступалъ медленно, вздрагивая и настороживая уши при каждомъ трескѣ вѣтки, попадавшейся подъ его ногу. Вскорѣ узенькая тропинка свернула налѣво, и Богданъ очутился на краю глубокаго песчанаго обрыва, въ глубинѣ котораго мчался мутный и быстрый ручей. Огромныя сосны съ обнажившимися корнями свѣшивались съ береговъ оврага, а нѣкоторыя, обвалившись, образовали висячіе мосты. Уже спустившійся къ горизонту мѣсяцъ освѣщалъ таинственнымъ, тусклымъ свѣтомъ дикую суровую мѣстность.

Вскорѣ оврагъ немного понизился, и Богданъ замѣтилъ невдалекѣ на разлившемся небольшимъ прудомъ ручьѣ ветхую, посѣрѣвшую отъ времени мельницу съ полуизломаннымъ колесомъ, торчавшимъ изъ воды, словно скорченные пальцы утопленника. Въ развалившейся крышѣ темнѣли тамъ и сямъ огромныя дыры. Пара огромныхъ летучихъ мышей то и дѣло влетали и вылетали изъ этихъ черныхъ отверстій. Ни малѣйшаго признака присутствія живого человѣка нельзя было замѣтить въ этой старой развалинѣ. Богданъ слѣзъ съ коня и осторожно спустился съ нимъ на развалившуюся плотину. Вода въ запрудѣ казалась черной, густой и глубокой; кругомъ все было тихо, мертво; черныя сосны не шевелились, только тонкія струйки воды, капая съ неподвижныхъ лотковъ, издавали таинственный, зловѣщій звукъ, да иногда раздавался съ сосѣдней сосны мрачный крикъ пугача: „поховавъ! поховавъ!“

Богданъ осмотрѣлъ свои пистолеты, ощупалъ кинжалъ, саблю, крестъ на шеѣ и принялся стучать въ окно. Долго стучалъ онъ

Библиотека "Руниверс"

безуспѣшно, наконецъ, внутри мельницы послышался тихій шорохъ,—дверь пріотворилась и на порогѣ показалось существо женскаго рода, но на столько отталкивающее и ужасное, что Богданъ невольно попятился назадъ.

Это было что-то невообразимо худое и костлявое, одѣтое въ рваные отрепья. Длинная птичья шея и руки старухи были обнажены; каждая кость, каждая жила выступали на нихъ рельефно изъ-подъ коричневой сморщенной кожи. Голову старухи покрывали сѣдые, всклокоченные волосы, спускавшіеся такими же запутанными узлами до самаго пояса. Одно вѣко ея было полуопущено, и изъ-подъ него глядѣлъ неподвижный зеленый глазъ; другой же, открытый, такъ и впился въ лицо Богдана.

— Ночь настала... Мѣсяцъ спустился... Пугачъ проснулся... Лѣшій не спитъ..,—зашипѣла она, вытягивая длинныя, костлявыя руки съ огромными черными ногтями.—Зачѣмъ ты ходишь, чего тебѣ нужно? Уходи, спѣши!

Но Богданъ уже овладѣлъ собою.

— Не трудись, старая вѣдьма, не испугаешь, не робкаго десятка!—остановилъ онъ ее смѣлымъ голосомъ.—Погадать пріѣхалъ; говорятъ, ты можешь каждому долю развѣдать.

Старуха. казалось, опѣшила сразу отъ такого смѣлаго обращенія.

— Пугачъ кричитъ... Лѣшій близко... Страшно, страшно! — завопила она снова, вытягивая свои руки къ Богдану и впиваясь въ него зрячимъ глазомъ.

Богдану сдѣлалось жутко.

— Что за вздоръ мелешь?—крикнулъ онъ на старуху.—Говори, можешь-ли долю мою разгадать? Скажешь,—онъ выбросилъ на руку нѣсколько червонцевъ,—твои будутъ, а будешь дурить, такъ и этимъ попотчую!—взялся онъ за прикладъ своего пистолета.

Колдунья бросила на него хищный взглядъ.

— Иди, иди!—проговорила она нараспѣвъ, выходя изъ мельницы и затворяя за собой дверь.

Однако, Богданъ пропустилъ ее изъ предосторожности впередъ, а самъ послѣдовалъ за нею. Ловко и легко, словно дикая кошка, начала она спускаться съ плотины подъ лотоки. Здѣсь внизу было и темно, и сыро, а вода казалась еще чернѣе и глубже, и словно притягивала къ себѣ козака. Богданъ едва поспѣвалъ за старухой, придерживаясь за выступы балокъ, покрытыхъ сырою и холодною плѣсенью. Нѣсколько разъ ему показалось, что изъ-подъ руки его выскользнуло что-то скользкое и холодное, не то ящерица, не то змѣя. Нѣсколько разъ онъ останавливался, и тогда старуха поворачивалась къ нему и, вытягивая костлявыя руки, повторяла своимъ

Библиотека "Руниверс"

шипящимъ голосомъ: „Иди, иди, иди!“ Такъ достигли они противоположнаго берега и пошли вдоль него, поднимаясь вверхъ по теченію потока. „Бурчакъ“, расширенный въ этомъ мѣстѣ плотиною, начиналъ кверху снова съуживаться, тѣснимый подступившими съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими берегами. Чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ выше подымались отвѣсные берега, а сдавленный потокъ ворчалъ все сердитѣй и грознѣй.—Наконецъ, старуха остановилась.

— Стой!—закричала она Богдану.

Богданъ оглянулся кругомъ. Ручей въ этомъ мѣстѣ круто подрѣзывалъ берегъ, образуя нѣчто въ родѣ пещеры; огромные корни вывороченной сосны, свѣсившіеся сверху, почти закрывали въ нее входъ, такъ что проскользнуть туда было довольно трудно. Сюда то, въ это темное логовище и вошла старуха.

— Стой, не шевелись!—продолжала она шипѣть, обводя Богдана таинственнымъ кругомъ, начерченнымъ на пескѣ.

— Дай саблю сюда!

Безпрекословно снялъ Богданъ саблю и отдалъ ее старухѣ.

Въ темнотѣ Богданъ услыхалъ только шипящій голосъ колдуньи, произносившій какія-то непонятныя заклинанія. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ стали: старуха вырвала саблю изъ ноженъ, воткнула ее въ землю, а сама начала быстро кружиться вокругъ нея, издавая дикіе, непріятные звуки... Богдану сдѣлалось жутко. Что это ему показалось?... Но нѣтъ, нѣтъ... каждый крикъ старухи повторяли тысячи другихъ голосовъ, то близкихъ и рѣзкихъ, то отдаленныхъ и глухихъ. Между тѣмъ старуха носилась вокругъ сабли все быстрѣй; каждую минуту она взбрасывала вверхъ свои костлявыя руки, и Богданъ видѣлъ каждый разъ ясно пятна какого-то страшнаго зеленоватаго свѣта, вспыхивавшія вдругъ на рукахъ старухи и освѣщавшія на мгновенье ея искаженное лицо, сѣдыя космы, летающія вокругъ головы, и черныя стѣны пещеры... Онъ чувствовалъ, какъ волосы начинали тихо подыматься у него на головѣ. Между тѣмъ, крики и вопли старухи раздавались все громче и громче... Казалось, весь лѣсъ наполнился тысячью безумныхъ голосовъ. Испуганный этимъ шумомъ пугачъ разразился дьявольскимъ хохотомъ и покрылъ всѣ безумные голоса. Наконецъ, старуха остановилась: она дышала тяжело и отрывисто. Привыкшими къ темнотѣ глазами Богданъ замѣтилъ, какъ порывисто подымалась ея тощая грудь подъ грязными лохмотьями; зрячій, зеленый глазъ старухи казался какимъ-то горячимъ угломъ, воткнутымъ въ глубокую впадину, а мертвый—такъ и не отрывался отъ Богдана, тускло выглядывая изъ-подъ опустившагося вѣка.

Библиотека "Руниверс"

На мѣсяцъ набѣжало облако, и въ пещерѣ стало совершенно темно. Старуха вырвала изъ земли саблю, провела по ней рукой и вдругъ вся сабля засвѣтилась какимъ-то зеленымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ, словно какой-то бѣлый дымъ заклубился надъ нею... Съ ужасомъ глядѣлъ Богданъ, а странный клубящійся дымъ то совсѣмъ заволакивалъ саблю, то подымался надъ нею, и тогда узкій клинокъ блестѣлъ страннымъ, невиданнымъ свѣтомъ.

— Вижу, вижу,—заговорила отрывисто старуха, то нагибаясь надъ саблей, то вглядываясь въ мужественныя черты Богдана, то снова переводя свои глаза на дымящуюся стальную полосу.

— Кругомъ тебя туманъ, туманъ... ничего не видно... боишься чего-то... ждешь большой бѣды... Такъ-ли я говорю?

— Коли назвалась колдуньей, тебѣ лучше знать,—отвѣтилъ сдержанно Богданъ; но въ душѣ его мелькнуло невольно:—правду, правду говоритъ, туманъ кругомъ... ничего не видно, боюсь бѣды...

— Знаю, знаю, все знаю!—крикнула старуха;-семь сестеръ—семь звѣздъ,—забормотала она тихо,—правая кривая, лѣвая глухая, помоги, помоги!...

— Помоги!—раздалось глубоко въ ущельѣ и то же слово повторилъ далеко, далеко еще разъ чей-то глухой, подземный голосъ. Богданъ почувствовалъ, какъ непріятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— На сердцѣ у тебя рана; думаешь, заросла?... Не заросла! нѣтъ, нѣтъ, вижу, сочится изъ нея кровь тоненькою струей,—продолжала старуха, не отрывая глазъ отъ Богдана.

— Марылька!—мелькнуло вдругъ у него въ головѣ и какая-то горячая волна залила его лицо.—Что-жь дальше?!—крикнулъ онъ нетерпѣливо.

— Тоскуешь, томишься,—продолжала старуха, вглядываясь въ клубы зеленоватаго дыма,—туманъ, туманъ, звѣзда твоя сіяетъ далеко, далеко, кругомъ много звѣздъ, и большихъ, и малыхъ. Жди, жди! Скоро она скатится къ тебѣ на „стриху“ и зажжетъ все.

Послѣднихъ словъ Богданъ не слыхалъ. „Марылька, Марылька,—это она!“—мелькало въ его головѣ.

— Туманъ разорвался!—продолжала лихорадочно старуха, хватая Богдана за руку.—Я вижу, вижу,—солнце всходитъ, блеститъ все кругомъ, загорается!—закричала она хриплымъ голосомъ. И весь лѣсъ огласился одушевленными криками: „Загорается, загорается!“

Богданъ почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула въ его лицо, уши и сердце. Оно билось такъ бурно, что, казалось, готово было лопнуть въ груди; шумъ наполнялъ его уши, а въ головѣ

Библиотека "Руниверс"

поднимались какимъ-то смутнымъ одуряющимъ чадомъ предсказанія старухи.

А старуха продолжала дальше, почти задыхаясь сама.—Всѣ звѣзды тухнутъ передъ солнцемъ, оно одно на ясномъ небѣ огнемъ горитъ высоко, высоко. Но вотъ, вотъ поднимаются черныя хмары, сюда, сюда плывутъ, хотятъ скрыть блестящее солнце. Нѣтъ, нѣтъ, не скроютъ! Вѣтеръ примчался. Буря, буря! Громъ! Блискавица!—кричала она дико, поднимая свои костлявыя руки.—Море вспѣнилось! Встаетъ! Волны поднялись! Ужасъ!! Ужасъ!!—Старуха остановилась и отбросила съ лица сѣдыя космы волосъ. Грудь ея высоко поднималась, на губахъ выступила бѣлая пѣна, жилы на худой шеѣ надулись, словно веревки.

— А дальше, дальше что?—крикнулъ нетерпѣливо Богданъ.

— Довольно, больше не спрашивай!—прохрипѣла уставшимъ голосомъ старуха.

— Все, все, до конца хочу знать!

— Мѣсяцъ спустился, разсвѣтъ недалеко, мышь улетѣла, пугачъ скрылся... страшно, страшно!—прошептала старуха.

— Все говори, вѣдьма, все до конца!—схватился за пистолеты Богданъ и бросилъ ей въ руку два червонца.—Скажешь—еще дамъ, а не скажешь—убью!

Но старуха уже носилась вокругъ обнаженной сабли въ своей изступленной, безумной пляскѣ. Снова громкіе вопли и безсвязныя слова огласили весь воздухъ. Наконецъ, старуха нагнулась надъ саблей и вдругъ съ громкимъ воплемъ отшатнулась назадъ. —Кровь!—закричала она дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Кровь!—подхватилъ невидимый голосъ и раскатился по всему лѣсу одинъ изступленный крикъ.—Кровь! Кровь! Кровь!

Схватилъ Богданъ саблю и какъ безумный бросился изъ ущелья; какъ безумный мчался онъ вдоль берега, рискуя ежеминутно свалиться въ воду, а дикій крикъ все гнался за нимъ.

Добравшись до Бѣлаша, онъ вскочилъ въ сѣдло и, пустивши поводья, полетѣлъ напрямикъ. Вскорѣ деревья начали рѣдѣть, свѣтлыя полоски показались между нихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній Богданъ очутился уже на опушкѣ лѣса. Степь дохнула ему въ лицо свѣжею живительною прохладой. Мѣсяцъ уже совсѣмъ спустился надъ горизонтомъ и казался теперь какимъ-то красно-золотымъ и тусклымъ. На блѣдномъ небѣ потухали звѣзды; только одна горѣла надъ востокомъ ярко и чисто, словно гигантскій изумрудъ. Вѣялъ прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ.

Проскакавши около версты, Богданъ пришелъ, наконецъ, въ себя и оглянулся назадъ. Лѣсъ уже виднѣлся на горизонтѣ только

Библиотека "Руниверс"

темною полосой. Богданъ бросилъ шапку, провелъ нѣсколько разъ рукой по головѣ и вздохнулъ широко, полною грудью.

— Ухъ!—вырвался у него облегченный, радостный вздохъ.

Сердце его стучало учащенно, бодро и сильно.—Что говорила, что обѣщала ему старуха?—старался онъ вспомнить обрывки предвѣщаній колдуньи.

— Да, да, она, звѣзда моя, скатится ко мнѣ, туманъ разорвется скоро, солнце засіяетъ, разгонитъ тучи, бурю... А дальше что говорила она? Кровь! Такъ, война, война! Чего-же бояться крови? Правда твоя, колдунья,—кровь впереди! Такъ, значитъ, всѣ эти панскіе набрехи—ложь; ложь и о заговорѣ и о ней! Колдунья знаетъ, ей все извѣстно, она не солжетъ!—Богданъ сжалъ рукою сердце.—О, когда-бы только поскорѣе, когда-бы хоть одна радостная вѣсть! Но тише, терпѣнье, терпѣнье... „Туманъ,—говоритъ она,—разорвется скоро и солнце засіяетъ, и погаснутъ всѣ звѣзды передъ нимъ!“

Богданъ поднялся въ стременахъ и глянулъ въ ту сторону, гдѣ находился Чигиринъ; тамъ уже опускалась за горизонтъ красная и круглая луна. Надъ Субботовымъ свѣтлѣло небо. Что то дѣлаетъ теперь пышное панство? Вѣрно лежатъ уже всѣ „покотомъ“ подъ лавами на коврахъ.—Что-же, пируйте, пируйте, ясновельможное панство,—улыбнулся смѣло Богданъ,—тѣшьтесь заморскими винами да сластями, издѣвайтесь надъ человѣкомъ, а мы—люди привычные, мы и ночь не поспимъ, а подумаемъ да потрудимся для васъ.

Впереди уже виднѣлись неясныя очертанія Субботова.

Богданъ потрепалъ Бѣлаша по шеѣ:

— Ну, сынку, собери силы, вотъ и домъ! Мало-ли исколесили за ночь!

Онъ пустилъ коню повода, и Бѣлашъ, замѣтивъ издали хуторъ, весело заржалъ и пустился вскачь.

Смѣлыя, бодрыя мысли толпою осаждали голову Богдана; но среди нихъ то и дѣло вырѣзывался дивный образъ Марыльки, такъ неожиданно воскресшій передъ нимъ.

Вотъ и Субботово. Богданъ остановился у воротъ и началъ стучать въ нихъ торопливо эфесомъ сабли.

Вскорѣ ворота отворились. Сопровождаемый радостнымъ визгомъ собакъ, Богданъ подскакалъ къ крыльцу и, бросивши поводья сонному козачку, хотѣлъ-было взойти на рундукъ и пройти на свою половину, какъ вдругъ двери быстро распахнулись, и на порогѣ показалась Ганна въ наброшенномъ на-скоро байбаракѣ.

— Что случилось, Ганна?—остановился въ изумленіи Богданъ.

Библиотека "Руниверс"

— Не идите туда, дядьку, нельзя: вамъ постлано на томъ рундукѣ,—заговорила она торопливымъ шепотомъ.—Какой-то панъ пріѣхалъ къ дядьку изъ Варшавы. Мы постелили ему тамъ...

— Ко мнѣ! Изъ Варшавы?—только могъ вскрикнуть Богданъ, чувствуя, какъ отъ бурнаго прилива радостнаго волненія дыханіе захватило ему въ груди. „Туманъ разорвется скоро,—вдругъ вспомнились ему слова колдуньи,— а можетъ быть, просто заѣхалъ по дорогѣ знакомый, а у меня уже и радость затрепетала".

— Но откуда ты знаешь, что панъ изъ Варшавы? Кто говорилъ тебѣ, кто?

— Слуги панскіе. Они сообщили, что панъ ихъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы.

— Господи! Не отринь!—перекрестился только Богданъ.

Встало блестящее солнце, зажгло сверкающимъ огнемъ крестъ на Субботовской церкви, позолотило верхушки вѣтвистыхъ липъ и стройныхъ тополей въ „гайкѣ" за „будынкомъ", окрасило яркимъ пурпуромъ бѣлыя трубы на хатахъ, разсыпалось лучами по скирдамъ и стожкамъ на гумнѣ, заиграло весело въ свѣтлыхъ струяхъ Тясмина и заглянуло, наконецъ, черезъ „гай" на широкій „рундукъ", гдѣ на коврѣ въ смѣлой позѣ спалъ непробуднымъ сномъ самъ господарь. Вчерашняя попойка, душевныя потрясенія, усилія воздержаться отъ вспышки, бѣшенная скачка и перечувствованный паническій ужасъ гаданья до того утомили Богдана, что онъ, несмотря на пріѣздъ интереснаго гостя, свалился въ одеждѣ на „кылымъ" и сразу заснулъ мертвымъ сномъ.

Уже Ганна сдѣлала всѣ распоряженія по хозяйству, приготовила „сниданокъ" и второй разъ подошла къ „рундуку" узнать, не проснулся-ли дядько? Но дядько, повернувшись прямо къ солнцу лицомъ, все еще богатырски храпѣлъ. Пожалѣла будить его Ганна и пошла въ пасѣку принести отъ дѣда свѣжихъ сотовъ къ „снеданку".

А прибывшій гость давно уже всталъ и гулялъ по „гайку", наслаждаясь и прохладною тѣнью роскошныхъ деревъ, и ясностью безмятежнаго утра, и легкостью воздуха, напоеннаго ароматомъ свѣжаго сѣна и меда.

Вышедши изъ „гайка", остановился онъ на пригоркѣ, откуда видна была свѣтлая лента рѣки, укрытая поникшими вѣтвями серебристыхъ вербъ, а дальше за Тясминомъ волновалось золотомъ море полей, обрамленное сизыми контурами дальнихъ лѣсовъ.

— Какая роскошь, какая прелесть!—восторгался мысленно гость.— Да, этотъ край одаренъ всѣмъ отъ Бога, потому то насиліе и алчность стремятся сюда съ обагренными руками въ крови, и не оста-

Библиотека "Руниверс"

новится это преступное стремленіе ни передъ чѣмъ... Только могучая, вооруженная рука остановить его сможетъ!

Незнакомецъ снялъ шапку съ бобровой опушкой, провелъ рукою по шелковистымъ пепельнымъ волосамъ и призадумался. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, не болѣе. Смуглое, мужественное лицо, съ выразительными голубыми глазами и смѣло очерченнымъ носомъ, дышало искренностью и прямотой; стройный, гибкій станъ и энергическія движенія изобличали силу и хорошо сохранившійся огонь юности.

Возвращаясь съ пасѣки, Ганна наскочила на пріѣзжаго пана и оторопѣла съ огромною миской въ рукахъ.

— Ой, на Бога! Вельможный панъ уже всталъ... Можетъ быть, была „невыгода“?

— Вояку то, панно? Да нашъ братъ и на „гарматахъ“ спитъ всласть, а на перинахъ и подавно.

— Отчего-жъ панъ такъ рано?—замялась она.—Такъ я разбужу „заразъ“ дядька...

— Не тревожь его, пышная панна,—улыбнулся гость,—мы—старые знакомые... Я прошелся въ проходку отлично. Здѣсь кругомъ такая утѣха для глаза—смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся.

— Да, мѣста здѣсь пріятныя,—взглянула на свою ношу Ганна и вспыхнула,—а по „тотъ бокъ“ Тясмина еще лучше.

— Рай, эдемъ,—улыбнулся гость,—и обитательницы его такія же.

Панна Ганна еще болѣе вспыхнула и не нашлась что отвѣтить.

— Немудрено, что онъ привлекаетъ къ себѣ все наше панство,—продолжалъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ гость,—какъ обѣтованная евреямъ земля, сулитъ онъ и богатства, и радости.

— Если вельможному пану нравится,—нѣсколько оправилась Ганна,—то какъ же этотъ край дорогъ намъ!

— Понимаю и не удивляюсь, что ваши братья и отцы защищаютъ, какъ львы, каждую пядь.

— Какъ же свое, споконвѣчное да не защищать?—опустила Ганна рѣсницы, и стрѣльчатая тѣнь побѣжала по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ,—тутъ и родились, и крестились, и выросли... что былинка, что кустикъ—родные.

— Мнѣ самому дороги эти чувства,—не сводилъ пріѣзжій съ Ганны очей,—и я презираю тѣхъ, кто посягаетъ на чужое добро и покой.

— Какъ? Панъ... католикъ, и такое?...—подняла она не него лучистые и свѣтлые, какъ утро, глаза.

— Къ сожалѣнію, этому панна имѣетъ право не вѣрить. Но между панами католиками есть все-жъ и такіе, что, кромѣ себя, любятъ другихъ и которымъ противно насиліе.

Библиотека "Руниверс"

Недовѣрчиво покачала головой Ганна:

— Я что-то не слыхала.

— Клянусь паномъ Богомъ и карабелой!—воскликнулъ искренно гость,—есть и такіе, хотя ихъ и мало.

— Какъ-бы это было хорошо,—тихо про себя замѣтила Ганна.

— Да, перестала-бы литься кровь, намъ-бы „жолнерамъ“ былъ отдыхъ, братьями-бы стали...

— Охъ, нѣтъ! Полякъ не можетъ признать насъ за братьевъ,—грустно вздохнула Ганна.—Католикъ презираетъ и нашу вѣру, и насъ... Развѣ панъ не католикъ?

— Нѣтъ, панно, католикъ; но не презираю ни вашей вѣры, ни васъ.

— Кто-жъ такой панъ?—взглянула въ глаза ему Ганна и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— „Уродзонный“ шляхтичъ,—засмѣялся пріѣзжій,—полковникъ его королевской милости войскъ, Радзіевскій,—поклонился онъ, ловко брякнувъ длинными шпорами.

Въ это время показалась изъ-за густыхъ кленовъ статная фигура Богдана; торопливо и сконфуженно подошелъ онъ къ своему гостю, простирая издали руки.

— Простите, дорогой пане-полковнику... Заспалъ, какъ „дытына“... Сроду со мной не бывало такого... Ну, привѣтъ же вамъ и миръ!—привѣтствовалъ Богданъ своего гостя.

Радзіевскій обнялъ и поцѣловалъ Богдана, подставляя, впрочемъ, больше свои щеки.

— Какія тамъ извиненія? Я соблазнился панскимъ „гаемъ“ и всталъ рано, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ.

— Кого, кого, а найпаче вельможнаго пана не ожидалъ,—искренно радовался гостю Богданъ.—Мнѣ и говорила Ганна, что кто-то пріѣхалъ, да я такъ былъ уставши, что мимо ушей пропустилъ... Просто и на думку не спадало, чтобъ мнѣ такая честь и радость... Такъ пойдемъ-же до „господы“... Милости прошу... Я такъ радъ.

— Спасибо, спасибо на ласковомъ словѣ,—пожалъ еще разъ руку Богдану полковникъ,—но у пана и здѣсь такая роскошь, что не оторвался-бы.

— Пріятно мнѣ это слышать... Нашему брату шатуну-„заволокѣ“ нѣтъ ничего отраднѣе, какъ свое гнѣздо.. Вѣдь все это дѣло вотъ этихъ лопатъ,—развернулъ Богданъ свои мощныя длани,—батько построилъ только „будынокъ“ у этого „гаю“, а то все была пустошь... А я уже и самый „будынокъ“ перестроилъ, а потомъ и

Библиотека "Руниверс"

все „дворище“, и всѣ хозяйскія постройки... Завелъ и садокъ, и „млынокъ“.

— Чудесно, пышно!—восторгался гость.—Просто такой уголокъ, что всякъ позавидуетъ.

— А поселокъ и другіе еще хутора, еслибъ панъ видѣлъ!—не удержалась похвалиться и Ганна.

— То уже дѣло этой головки,—указалъ съ радостною улыбкой на Ганну Богданъ,—и этихъ дорогихъ рукъ.

— Дядьку, что вы такъ хвалите,—вспыхнула она заревомъ,—что̀ при вашей головѣ всѣ?

— Ишь,—дотронулся онъ ласково до ея плеча,—какъ она дядька расхваливаетъ!—и потомъ, обратясь къ Радзіевскому, съ чувствомъ сказалъ:—золотое сердце! Всѣхъ это она, гонимыхъ правды ради, здѣсь пріютила, призрѣла, и на ея ласковый зазовъ стали расти хутора и поселки... А какой это славный народъ мои „подсосѣдки!“ Душа въ душу живемъ! И Господь милосердный не оставляетъ щедротами ни ихъ, ни „властителя“.

Ганна вся зардѣлась отъ дядькиныхъ рѣчей и не могла произнести ни одного слова; грудь ея волновалась, трепетала, глаза были полны слезъ.

— Вотъ это бы и нашимъ въ примѣръ,—мотнулъ головой Радзіевскій,—только у насъ, бѣдныхъ, нѣтъ такихъ золотыхъ сердецъ, а черезъ то нѣтъ ни такого тихаго рая, ни такой душевной отрады.

— Эхъ, пане полковнику!—воскликнулъ тронутымъ голосомъ Богданъ,—если бы среди шляхты хоть сотая доля была такой думки...—и взглянувши на Ганну, готовую расплакаться, весело измѣнилъ тонъ:—э, да мы совсѣмъ застыдили мою „доню“... Знаете-ли что? Ужъ коли пану такъ нравится мое логовище, то я покажу его мосци еще мою пасѣку.

— Чудесно!—потеръ руки гость.—И утро, и воздухъ,—не надышался-бы.

— Такъ знаешь, что, Ганно?—положилъ ей на голову руку Богданъ.—Тащи-ка намъ весь снѣданокъ на пасѣку, да не забудь оковитой, наливокъ и холоднаго пива, а эту миску съ сотами давай мнѣ, чтобы два раза не таскать.

Ганна была рада скрыть захватившее ее волненіе и почти бѣгомъ бросилась исполнять волю дядька: стройная фигура ея только мелькала между изумрудною листвой, пронизанною золотыми лучами.

Въ пасѣкѣ, въ углу надъ кручей, подъ тѣнью разложистыхъ липъ, былъ разостланъ коверъ и положены мягкія сафьяновыя подушки; тутъ-же, на низкихъ турецкихъ столикахъ, разставили разныя горячія и холодныя кушанья да всевозможнѣйшія фляги и жбаны

Библиотека "Руниверс"

напитковъ. Отсюда видъ былъ хотя и не такой широкій, но еще болѣе прелестный въ деталяхъ. За кручей игралъ жемчужно-пѣнистою чешуей Тясминъ; на другой сторонѣ черезъ рѣку шумѣлъ колесами млынъ; вода съ нихъ спадала алмазнымъ дождемъ и играла ломанною радугой въ глубинѣ рѣчки. Влажная пыль, насыщая воздухъ прохладой, доносилась даже до выбраннаго для завтрака мѣста; позади его тянулись подъ липами правильными рядами накрытые деревянными кружочками ульи; широко вокругъ пестрѣли душистыя медоносныя травы...

Насытившись солидными и вкусными блюдами, сотрапезники перешли къ „легуминамъ“ (сластямъ) и къ свѣжимъ сотамъ, запивая ихъ чудными наливками и холоднымъ пивомъ. Прислуга и Ганна оставили ихъ однихъ. Игривый, полусвѣтскій разговоръ, пересыпанный восторгами, комплиментами гостя и радушными припрашиваньями „господаря“ съ Ганной, теперь сразу упалъ; чувствовалась необходимость перейти на болѣе серьезныя и интимныя темы, а Богданъ не рѣшался, боялся... А что, если Радзіевскій просто заѣхалъ къ нему по дорогѣ, какъ давній знакомый, безъ всякихъ дѣлъ, безъ всякихъ отъ кого-бы ни было порученій? И всѣ эти радужныя мечтанія и наполнявшія его сердце волненія окажутся глупыми недоразумѣніями отуманенной вѣдьмовскими чарами головы? Что, если такъ? И Богданъ съ трепетомъ приступилъ, потолковавъ вообще о козачьихъ дѣлахъ и о направленіи панской политики, къ нѣкоторымъ близкимъ его сердцу разспросамъ.

— Панъ изъ Варшавы ѣдетъ?

— Изъ Варшавы, изъ Варшавы,—отвѣтилъ коротко гость, смакуя сливянку.

— Должно быть, перемѣнилась, давно не былъ,—мялся Богданъ, раскуривая „люльку“.—Панъ былъ тамъ у кого-нибудь, или заѣзжалъ только?

— Да, былъ у Оссолинскаго; отъ него ѣду.

Стукнуло у Богдана сердце. Можетъ быть, порученіе какое-либо, или важное извѣстіе? Но при этомъ блеснула ему въ голову и мысль о Марылькѣ: пьяная болтовня Ясинскаго про канцлера и его семью, хотя и не заслуживала довѣрія, а все таки до сихъ поръ сидѣла гвоздемъ въ его сердцѣ.

— Его княжья мосць одинъ теперь въ Варшавѣ, или съ семьей?—спросилъ онъ робко.

— Нѣтъ, со всею семьей.

— Ахъ, да,—вздохнулъ невольно Богданъ и почувствовалъ, что у него по спинѣ поползли муравьи,—я слыхалъ, что канцлеръ будетъ двѣ свадьбы играть—дочери и пріемыша?...

Библиотека "Руниверс"

— Ничего подобнаго не слыхалъ, а мнѣ бы онъ сказалъ, да и пани канцлерова никогда бы не скрыла.

— Такъ это брехня?—черезчуръ радостно изумился Богданъ, и, чтобы замять эту прорвавшуюся неловкость, началъ усердно угощать гостя ратафіей.

— Конечно,—посмотрѣлъ на него пристально Радзіевскій—я самъ ихъ при отъѣздѣ видѣлъ... Одна изъ нихъ, не помню уже которая, только удивительной красоты,—такъ даже просила передать пану поклонъ...

Богдану захватило духъ отъ волненія; онъ ощутилъ глубоко въ груди, въ тайникахъ, гдѣ зарождаются чувства, какую-то клокочущую радость, которая огнемъ подымалась по жиламъ и зажигала его дыханіе: правду, значитъ, говорила колдунья... Коли одно правда, то и все...

Чтобы скрыть свое волненіе, Богданъ порывисто всталъ, прошелся немного, осмотрѣлся кругомъ и потомъ, подсѣвши къ гостю поближе, рѣшительно уже спросилъ:

— Что же новаго привезъ намъ дорогой гость и чѣмъ можетъ панъ-полковникъ порадовать?

— Много и печальнаго, и весьма утѣшительнаго,—оглянулся подозрительно Радзіевскій.

— Здѣсь, пане-полковнику, безопаснѣй, чѣмъ въ запертой на засовъ свѣтлицѣ,—завѣрилъ Богданъ:—кромѣ глухого „пасишника“—вонъ въ томъ „куринѣ“—нѣтъ ни духа, да и видно далеко кругомъ...

— Это отлично,—успокоился Радзіевскій,—потому, что я съ паномъ хочу говорить откровенно, какъ воинъ съ воиномъ, по душѣ, и клянусь „найсвѣнтшимъ пацежемъ“, что въ моихъ словахъ не будетъ ни лжи, ни лукавства...

— Этому и безъ клятвы я вѣрю,—улыбнулся Хмельницкій,—стоитъ только взглянуть пану-полковнику въ очи, такъ по нимъ, что по книгѣ, можно читать всѣ думки и видѣть всю душу.

— Я не зналъ, что у меня такія болтливыя очи,—засмѣялся полковникъ,—а то бы надѣлъ „окуляры“.

— Не болтливыя, пане, а не лживыя, не такія, какъ у его княжьей мосци нашего канцлера,—откровенничалъ смѣло Богданъ, зная, что Радзіевскій не долюбливалъ Оссолинскаго за двуличность и стремился самъ поближе стать къ королю,—у тѣхъ-то ничего не прочтешь,—мутная слюда и только! Да онъ и рѣчью кудрявой завернетъ такъ свою думку, что и хвоста ея не поймаешь... Слушаешь, слушаешь, ловишь... вотъ, кажись, ужъ въ рукѣ... анъ „зыркъ“!—словно вьюнъ и выскользнулъ...

Библиотека "Руниверс"

— Ха! Захотѣлъ панъ кого ловить! Его не поймаетъ и кіевская вѣдьма и не разгадаетъ литовскій колдунъ! Я бы даже и не довѣрился этому хамелеону, да что дѣлать: мало у насъ искренно преданныхъ королю и благу „ойчизны“ людей, выбора нѣтъ. Я говорю о стоящихъ у кормила государственнаго корабля, — Конецпольскій дряхлый, умирающій, Любомірскій князь, молодой Остророгъ вашъ Кисель, Казановскій да и обчелся... Ну, изъ меньшей братіи еще найдется.

— Эхъ,—вздохнулъ горько Богданъ,—если-бъ на эту меньшую братію да на „простолюдъ“ искренно положились, то плюнь мнѣ татаринъ въ усы, коли-бъ не имѣли такой опоры, такого „мура“, изъ-за котораго не страшно бы было не то „королятъ“, а и самого бѣса съ рогами.

— Я въ этомъ глубоко убѣжденъ и стремлюсь убѣдить короля, чтобы онъ пересталъ колебаться и гнуться то туда, то сюда съ Осолинскимъ, какъ въ краковякѣ.

— Какъ въ око влѣпилъ!—оживился Богданъ и наполнилъ кубки. — Только теряется время и довѣріе преданныхъ людей... Вѣдь привезъ же я тогда отъ иноземныхъ дворовъ добрыя вѣсти: Венеція готова была растегнуть свои набитыя дукатами „саквы“, лишь бы польскій мечъ разсѣкъ чалму турку,—вѣдь ей безъ этого все снится кривой ятаганъ... При вѣнскомъ дворѣ мнѣ передали, что для короля весьма отрадно усиленіе власти его зятя, а герцогъ Мазарини прямо таки сказалъ, что деспотія одного человѣка можетъ еще устроять государства, но деспотія одного сословія надъ всѣмъ ведетъ къ неминуемой гибели... Ну, что-жь? Король былъ „бардзо“ доволенъ, Оссолинскій наговорилъ съ двѣ фуры красныхъ словъ и велѣлъ быть наготовѣ да ждать... Вотъ и ждемъ почитай третій годъ... да выходитъ на то, что „казавъ панъ, кожухъ дамъ, тай слово его тепле!“

— Нѣтъ, уже, кажется, ждать придется не долго: король и прежде былъ „персуадованъ“, а въ послѣднее время переписка съ Мазарини убѣдила его окончательно въ двухъ вещахъ: первое, что усиленіе своеволія сейма и „liberum veto“ влекутъ государство къ полной руинѣ, а второе, что только война можетъ взять своевольниковъ въ шоры, и что къ ней, къ войнѣ съ невѣрными, доброжелательны почти всѣ иноземныя панства.

— Да вѣдь и я тѣ же вѣсти изъ-за границы привезъ, а король еще раньше жаждалъ войны съ Турціей и на счетъ сеймоваго гвалту давно былъ въ „непокоѣ“,—замѣтилъ, раскуривая свою „люльку“ Богданъ.

— Все это такъ, да теперь „околичности“ подогнали бичемъ его осторожность,—сказалъ, Радзіевскій хлебнувъ сливянки.—Охъ, какая роскошь! Нектаръ!

Библиотека "Руниверс"

— Это изъ „угорокъ“,—улыбнулся довольный Богданъ,—а вотъ еще я налью „дуливки“, пусть панъ-полковникъ отвѣдаетъ.

— Не забудемъ и „дуливки“,—смаковалъ онъ сливянку, почмокивая губами и прищуривая глаза.—Да, такъ „околичности“ и заставили короля перейти отъ думокъ къ дѣлу. Вотъ по этому то поводу я и пріѣхалъ.

— Слава Тебѣ, Боже, еже благовѣстителя намъ послалъ!—произнесъ съ набожнымъ чувствомъ Богданъ.

— Прежде всего сообщу пану печальную вѣсть,—снялъ шапку полковникъ,—королева наша волею Божіею отошла въ вѣчность.

— Эта ангельская душа?—поднялся Богданъ, глубоко тронутый, и перекрестился.—О, какая потеря!

— Да, незамѣнимая,—вздохнулъ Радзіевскій.—Она жаждала этой войны съ невѣрными, какъ спасенія своей души: все свое приданое, даже украшенія и драгоцѣнности она пожертвовала королю на наемъ иноземныхъ войскъ, она умоляла его поднять права козаковъ и на нихъ опереться...

— Господи! Упокой ея душу въ лонѣ праведныхъ!—вздохнулъ глубоко Богданъ, поднявши набожно взоръ.—Я ее два раза видѣлъ,—продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Ея королевская милость съ такою кроткою довѣрчивостью спросила меня, будемъ ли мы защищать ее съ королемъ отъ всѣхъ враговъ? И я поклялся... Да,—опустился на коверъ Хмельницкій,—видно, уже такова наша доля, что все намъ доброе „до неба прямуетъ“, а все лихое—изъ болота ползетъ.

— „Богъ карае, Богъ и ласку дае“,—замѣтилъ Радзіевскій и, присунувшись поближе къ Хмельницкому, началъ говорить ему тихо, оглядываясь по временамъ изъ предосторожности.—Король самъ хочетъ и вѣрные люди совѣтуютъ ему вступить во второй бракъ: и наслѣдника такому чудному человѣку нужно имѣть, и заключить новую связь... Намѣчена принцесса французская, дочь Людовика, а потому и готовится новое посольство въ Парижъ... Можетъ быть, и панъ опять поѣдетъ—это первое...

— Лестно, но утѣшенія въ томъ немного,—прижалъ пальцемъ пепелъ къ люлькѣ Богданъ и сплюнулъ осторожно на сторону.

— Погоди, козаче,—улыбнулся гость.—Тьеполо, нунцій изъ Венеціи, прибылъ въ Варшаву и привезъ королю благословеніе святѣйшаго папы—поднять мечъ противъ невѣрныхъ.

— За это и я готовъ поцѣловать святѣйшаго въ „черевикъ“,—ободрился Хмельницкій,—ей-Богу!

— Еще не все: Венеція не только совѣтомъ, а и „скарбомъ“ своимъ помогать обѣщается... Даетъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ и уже отпустила часть въ задатокъ.

Библиотека "Руниверс"

— На рукахъ понесемъ дожей!—воспламенялся Богданъ.

— Еще не все: король рѣшился уже не развѣдывать, а нанимать таки у иноземцевъ войска, и я для этого ѣздилъ въ нѣмецкія земли; добрые тамъ пѣшіе-вояки, здоровые, ловкіе и не заламываютъ цѣны, а на словѣ стойки и своему хозяину вѣрны... Такъ вотъ несомнѣнно поручено будетъ и пану-сотнику, навербовать въ Парижѣ конницу, а особенно артиллерію.

— На карачкахъ туда полѣзу, коли такъ.

— А можетъ быть, славнаго козака отправитъ король на Запорожье, потому что нужно тамъ снаряжать „чайки“ и готовиться уже не къ набѣгу, а къ настоящему морскому походу на общаго врага.

— Такъ это значитъ „до зброи“!—схватился Богданъ, весь объятый кипучимъ восторгомъ, съ сверкающимъ отвагою взоромъ.

— А, можетъ быть,—поднялся и Радзіевскій,—пану вручена будетъ и булава, такъ какъ потребуется увеличить вчетверо „лейстровиковъ“, а такое войско безъ гетмана быть не можетъ.

— Булава? Это слишкомъ... Чрезмѣрно... Не мнѣ, не мнѣ о ней мечтать!—Это чадъ! Но войско... снова зашумитъ наше „карказинное“ знамя, заиграютъ вороные кони, загудутъ литавры, и людъ подыметъ голову изъ ярма! А?—отъ волненія задыхался почти Богданъ.—Дожить бы только до такой минуты и умереть у ногъ этого, Богомъ намъ посланнаго короля, умереть! Дожить бы только!—У Богдана блестѣли на глазахъ слезы.—Вѣдь это не шутка, пане, не шутка? Нѣтъ, твое благородное сердце на то неспособно, вѣдь это бы значило засадить пальцы въ рану и раздирать ее, рвать...

— Не поднялся бы у меня языкъ такія шутки шутить, мой дорогой по оружію товарищъ,—положилъ на его плечо свою руку полковникъ,—клянусь моею незапятнанною честью, моею любовью къ „ойчизнѣ“, что самъ король лично мнѣ то передалъ и поручилъ довѣдаться отъ тебя, потому что твоему слову вѣритъ король и тебѣ, какъ вѣрной персонѣ, ввѣряетъ свои завѣтные планы.

Такъ его найяснѣйшая мосць поручилъ узнать, можно ли положиться, что, по королевскому зову, станетъ тысячъ двадцать вооруженныхъ козаковъ, а на море—съ сотню „чаекъ“?

— Сто тысячъ!—крикнулъ азартно Богданъ,—бей меня сила Божья, коли лгу! Пусть мнѣ только дастъ свое слово король, такъ я подыму ему сотню тысячъ... и оружіе найдемъ, раздобудемъ!... Да я именемъ короля выверну всю Украйну... Вѣрь мнѣ, пане, вѣрь!

— Вѣрю,—обнялъ его горячо Радзіевскій,—вѣрю, что это можетъ сдѣлать Богданъ...

— Есть у насъ, пане-друже, и помимо меня горячія сердца и твердыя души!

Библиотека "Руниверс"

— Такъ благо вамъ, а, можетъ быть, черезъ васъ и угнетателямъ вашимъ! Да, я глубоко убѣжденъ, что разнузданные наши сейчики и вольные сеймы, словно взбѣсившіеся безъ узды кони, помчатъ нашу Рѣчь-Посполиту къ обрыву и рухнутъ вмѣстѣ съ нею въ „провалье“.... Нашимъ вѣдь магнатикамъ что? Заботятся лишь о своей пресловутой золотой волѣ, а всѣхъ остальныхъ готовы подъ ноги топтать. Только власть въ сильной рукѣ можетъ смирить этихъ безумцевъ и удержать державную колесницу отъ паденія... Но вѣдь пану извѣстно, что у нашего короля нѣтъ ни власти, ни права. Езусъ-Марія!... Вѣдь онъ не вправѣ имѣть ни пяди земли, не можетъ ее дать никому, кромѣ шляхты, вѣдь земля считается достояніемъ всего государства! Какъ же ему, суди самъ, пане, защищать ваши земли отъ захвата и грабежа, коли онъ безсиленъ, коли онъ не имѣетъ права держать войскъ болѣе двухъ тысячъ... а „кварцяныя“ и надворныя войска въ рукахъ вѣдь магнатовъ? Ты же знаешь, пане, что король не имѣетъ права ни объявлять войны, ни вершить мира, ни заключать иноземныхъ союзовъ... Такъ пойми же, пане, что всѣ эти задуманные имъ „вчынкы“ составляютъ преступленіе противъ „conventa pacta“, и король на себя поднимаетъ страшный рискъ, можетъ быть, даже расплату головой... Но, для спасенія отъ неминуемой гибели дорогой ему Польши, онъ готовъ жертвовать жизнью. Ваша доля, ваши права и королевскія тѣсно связаны: спасая его, вы спасаете и себя, поднимая выше его, вы добываете и себѣ счастье... Такъ, скажи мнѣ по чести, товарищъ, готовы ли вы стоять за короля?

— Головы положимъ всѣ до единаго, а не выдадимъ нашего батька! —обнялъ съ восторгомъ Богданъ Радзіевскаго.—Да если бы среди поляковъ были такія головы и сердца, какъ у пана, такъ болѣе преданныхъ братьевъ, какъ мы, не найти вамъ нигдѣ!... Эхъ, не стань между нами іезуиты, да не отумань вашихъ головъ гордыня, чтобы это была за мощь! Да пусть мнѣ вырветъ чуприну самая послѣдняя вѣдьма, коли-бъ не повалили подъ ноги всей Турціи, коли-бъ не раскинулись отъ моря до моря и не расправили-бъ крылъ отъ Карпатъ до Урала.

— Пышная думка!... Захватываетъ духъ! —воскликнулъ полковникъ,—и легко бы „справдиться“ могла, если бы на то ласка пана Бога.

Когда пришла Ганна звать панство къ обѣду, то она была поражена перемѣной въ дядькѣ: онъ словно выпрямился и помолодѣлъ, въ каждой жилкѣ его лица билась какая-то радость, глаза восторженно и бодро сверкали.

— Ганно,—обратился онъ къ ней,—завтра попроси отца Михаила утромъ отслужить намъ панихиду и благодарственный за-

Библиотека "Руниверс"

здравный молебенъ... Загадай сосѣдямъ, чтобъ всѣ были въ церкви... Нужно молиться и благодарить Вседержителя за несказанную къ намъ, грѣшнымъ, ласку!

XXVI.

Послѣ многихъ скитаній и тщетныхъ хлопотъ о службѣ, Ясинскій получилъ, наконецъ, у Чигиринскаго старосты мѣсто дозорцы надъ частью его обширныхъ маетностей. Дозорца находился всецѣло во власти и распоряженіи подстаросты, отъ котораго зависѣли и назначеніе, и смѣна такого рода должностныхъ лицъ, утверждаемая всегда старостой, а потому Ясинскій, чувствуя безконечную благодарность къ Чаплинскому, клялся ему быть вѣрнымъ слугой и безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ его желаній.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ громкаго „хлопьяшника“, не обошедшагося безъ человѣческихъ жертвъ, подстароста выѣхалъ вмѣстѣ съ Ясинскимъ осматривать чигиринскія владѣнія и сдавать въ вѣдѣніе дозорцы помѣстья. Ясинскій сразу же постарался выказать передъ патрономъ свои административно-экономическія способности въ изобрѣтеніи новыхъ доходныхъ статей, примѣняясь къ условіямъ каждой мѣстности. Съ полей хлопскихъ, за пользованіе ими, онъ предложилъ, кромѣ установленнаго отработка натурой, брать еще „до скарбу“ извѣстный процентъ съ ихъ урожая—„сноповое“, а съ общественныхъ выгоновъ и выпасовъ съ каждой штуки скота—„покопытное“; право строить свои мельницы рекомендовалъ онъ отобрать у хлоповъ; рыбную ловлю и охоту обложить тоже своего рода податью—„рыбное“, „пташиное“ и „звѣриное“; даровую же порубку запретить во всѣхъ лѣсахъ безъ исключенія, такое же запрещеніе наложить и на рубку тростника по озерамъ. Базары и торги въ мѣстечкахъ обложить особыми сборами, за вѣсы установить тоже плату. Кромѣ того, всѣ переправы на рѣкахъ обложить новымъ поборомъ: „поромнымъ“, а проѣзжія дороги—„шляховымъ“. Нѣкоторые изъ этихъ поборовъ, впрочемъ, уже существовали и здѣсь на практикѣ, но они взимались посессорами случайно,—нападеніемъ, грабежемъ,—а въ систему еще введены не были; Ясинскій же предложилъ ихъ регламентировать. Всю эту программу новыхъ доходовъ вывезъ онъ изъ Подоліи и Волыни, гдѣ она была уже введена и практиковалась успѣшно. Чаплинскій одобрилъ ее съ восторгомъ, но рѣшилъ вводить исподволь, пріучая къ новымъ порядкамъ этихъ хлоповъ-барановъ постепенно и незамѣтно; для болѣе же успѣшнаго процвѣтанія новыхъ экономическихъ началъ положено было усилить въ каждомъ селеніи надворныя команды. За собираніе этихъ мел-

Библиотека "Руниверс"

кихъ доходовъ взялись корчмари-евреи, которымъ они, по мѣрѣ водворенія, и сдавались на откупъ.

Ясинскій предложилъ еще Чаплинскому сдать и хлопскія церкви, да схизматскія требы въ аренду, завѣряя, что таковыя, на основаніи его наблюденій, могутъ давать огромный доходъ; но Чаплинскій, несмотря на алчность и на соблазнъ угодить этой мѣрой католическому духовенству, побоялся до поры, до времени вводить ее въ этомъ гнѣздѣ бунтовщиковъ, а рѣшилъ, по осуществленіи всѣхъ экономическихъ преобразованій, приступить осторожно и къ этому источнику доходовъ.

Въ одномъ изъ поднѣпровскихъ селеній Чаплинскій и Ясинскій встрѣтились съ Пештою, который спѣшилъ, по его словамъ, на Запорожье. За эти четыре года Пешта только полысѣлъ немного и какъ-будто обрюзгъ. Тайнымъ образомъ Пешта страшно заискивалъ у всей шляхты, а особенно у Чаплинскаго. Пріѣзжая въ Чигиринъ, онъ считалъ за величайшую честь посѣтить пана-подстаросту, оказывая всегда ему глубочайшее почтеніе и неизмѣнную преданность. Чаплинскому нравились и лесть Пешты, и его всегдашняя готовность подѣлиться съ подстаростой новостями, добытыми среди мятежныхъ козаковъ. Ясинскій сразу узналъ помилованнаго плѣнника Яремой и, на основаніи рекомендаціи своего патрона, дружески протянулъ ему руку. Чаплинскій пригласилъ къ себѣ Пешту на „вечерю“. Послѣ опрокинутыхъ трехъ, четырехъ „келеховъ оковитой“, да нѣсколькихъ ковшей чернаго пива съ поджаренными въ салѣ сухарями, Чаплинскій обратился къ Пештѣ съ такимъ вопросомъ:

— Ну что, пане, какія мысли бродятъ въ буйныхъ головахъ этой рвани? Ты вѣдь тамъ межъ ними таскаешься, такъ не выудилъли чего новаго, не поймалъ-ли какой зубатой „рыбины“?

— Поймать то еще не поймалъ, а ужь неводъ закинулъ,— сверкнулъ Пешта желтыми бѣлками въ сторону Ясинскаго.

— Смѣло при немъ говори, пане,—ободрилъ Пешту Чаплинскій.—Онъ мнѣ вѣрный и преданный слуга.

— Могила!—воскликнулъ Ясинскій, положивъ руку на сердце.

— Да, въ важныхъ „справахъ“ такое убѣжище необходимо,— повелъ рукою Пешта по лысинѣ, обнажавшей его сдавленную кверху голову.—Такъ вотъ что, вельможный пане: первое, что какъ ни кроются эти разжалованные „лейстровики“, а у нихъ одно только въ головѣ: бунтъ, месть и расправа.

— Еще не присмирѣли „лотры“?—ударилъ по столу кулакомъ Чаплинскій.—Кишки вымотать!

— Гдѣ жъ имъ присмирѣть,—захихикалъ ехидно Пешта,— коли ихъ постоянно „дурманятъ“ всякими обѣщаніями и надеждами?

Библиотека "Руниверс"

Находятся и межъ старшиною такіе Іуды, что въ глаза „удаютъ“ святыхъ, а за глаза чортовымъ ладаномъ кадятъ.

— Первый Хмельницкій, — не утерпѣлъ прошипѣть новый дозорца.

— Мой сватъ?—якобы изумился подстароста.

— Простите, ясновельможный пане, на словѣ, — съежился униженно Ясинскій.—Но я правды не могу скрыть отъ моего покровителя, хотя-бы и подвергся за это мести сотника. Я для моего благодѣтеля готовъ кровь пролить!

— Спасибо, я правду тоже люблю, а еще болѣе тѣхъ, кто для меня выискиваетъ ее повсюду.

— Что правда, то правда, не скрою и я,—продолжалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Мутитъ таки мой пріятель довольно; только въ послѣднее время ему, кажется, нитка „урвалась“, и вотъ это въ моей рѣчи второе.

— До правды? Это любопытно!—промычалъ, набивая себѣ трубку Чаплинскій, а Ясинскій бросился за угольками.

— Подорвалъ, видимо, къ себѣ довѣріе постоянною „брехней“,—кивнулъ головою Пешта.—Все сулилъ имъ, и запорожцамъ, и черни, какія-то близкія блага и льготы. Заставлялъ ждать да ждать. Ну, а они и надѣялись, и ждали чего-то, какъ жиды Мессію, да вотъ ужъ, кажись, у всѣхъ „жданки“ лопнули, того и гляди, что обманутые подымутъ на своего Мессію каменья.

— Что-жъ онъ такое обѣщалъ? На кого заставлялъ „покладать“ надежды?

— У этой лисы добрый хвостъ!—сверкнулъ Пешта злобно зрачками.—Ловко заметаетъ слѣды! Изъ сбивчивыхъ розсказней я могъ уловить только то, что Хмельницкій будто-бы имѣетъ какую-то высокую руку, что съ нею онъ все можетъ сдѣлать.

— Это очень вяжется со словами Заславскаго,—подчеркнулъ дозорцѣ Чаплинскій.

— Іезусъ-Марія!—пропѣлъ тотъ.—Это подтверждаетъ мои догадки. Но, пане,—обратился онъ къ Пештѣ,—этотъ аспидъ „дуритъ“ и вашихъ, и нашихъ. Я не могу простить себѣ, что замедлилъ посадить его на колъ черезъ эту соблазнительную „венгржину“, а потомъ какой-то дьяволъ шепнулъ князю Яремѣ заступиться за этого пса; но будь я въ зубахъ Цербера, коли эта голова не надѣлаетъ бѣдъ.

— Вѣрно,—прохрипѣлъ Пешта,—и чѣмъ скорѣе козаки извѣрятся въ этой лисицѣ, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для шляхты, и всѣ эти мятежныя бредни живо-бы исчезли, какъ роса на солнцѣ, еслибы среди этой оборванной „голытьбы“ появилась

Библиотека "Руниверс"

разумная голова, которая съумѣла-бы ихъ „забавить“ какими-либо цацками, примирить съ судьбою и успокоить на вѣки.

— Да вѣдь я тебѣ, пане, давно предлагалъ видный постъ,— замѣтилъ Чаплинскій,— стоитъ сказать старостѣ слово, а тотъ черезъ батька имѣетъ богатыя связи въ Варшавѣ.

— Цѣлую ручки,— поклонился Пешта,— но пока вамъ выгоднѣе держать меня, какъ вѣрнаго человѣка, въ тѣни, а когда опасность минетъ, тогда вельможный панъ меня на свѣтъ выведетъ.

— Слово гонору!—протянулъ руку Чаплинскій.

Пешта схватилъ ее и, дотронувшись до колѣна подстаросты, униженно поцѣловалъ свои пальцы.

— А теперь, пане,— злорадно продолжалъ Ясинскій,— вашъ знаменитый сотникъ плюнулъ уже на козацтво и хлопство: онъ подыгрывался и лгалъ, пока не заселилъ своего Субботова и Тясмина.

— Да, именно, заселилъ, какъ никто!—прервалъ дозорцу Чаплинскій, и въ его зеленыхъ зрачкахъ блеснулъ завистливый огонекъ.

— Такого хутора нѣтъ теперь и у вельможныхъ пановъ,— продолжалъ Ясинскій,— такъ-то! А теперь вотъ вельможный мой покровитель можетъ быть свидѣтелемъ,— у него на пиру Хмельницкій громогласно предлагалъ противъ всѣхъ козаковъ самыя ужасныя мѣры, не ограничиваясь даже ихъ истребленіемъ, потому что, по его словамъ, они замолчатъ только мертвые, а за хлоповъ такъ рекомендовалъ шляхтѣ давить съ нихъ побольше олеи, и вообще брался за усмиреніе „буйголовъ“.

— Наконецъ-то показалъ зубы!—заскрежеталъ даже отъ радости Пешта. Онъ всталъ и въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по покою.— Да, да... необходимо сообщить, обрадовать друзей,— говорилъ онъ отрывисто, потирая радостно руки.— Теперь я, ясный пане,— остановился онъ возлѣ Чаплинскаго,—ѣду на Запорожье, и по дорогѣ туда и обратно еще кое-куда заверну, и клянусь чортомъ кривымъ, что „рыбина“ попадетъ теперь въ мой неводъ, да, можетъ быть, и не одна! За сомомъ послѣдуютъ и щучки, а ужъ послѣ хорошаго улова, надѣюсь, ясновельможный панъ вспомнитъ...

— Я и безъ того пана не забываю,— снисходительно улыбнулся подстароста,— и всегда тебя считаю самымъ вѣрнымъ моимъ помощникомъ.

— Пока только полезнымъ по доставкѣ свѣдѣній,— опустилъ скромно голову Пешта,— но, когда придетъ время, и я заполучу крылья, тогда только вельможный панъ увѣрится, на сколько я смогу принести пользы и рѣчи Посполитой, и особенно его мосци...

— Такъ выпьемъ за крылья,—поднялъ кубокъ Чаплинскій,— за широкія, за ястребиныя!

Библиотека "Руниверс"

— Мнѣ бы и „шуликовыхъ“ было достаточно, если бы къ нимъ...—искривилъ ротъ улыбкою Пешта.

— Добавить когти и клювъ,—подсказалъ Ясинскій.

Всѣ расхохотались и осушили кубки.

А въ Субботовѣ жизнь текла тихо и мирно.

Въ первыя-же минуты пріѣзда въ Субботовъ, Хмельницкій узналъ, что Олекса спасся изъ плѣна и возвратился цѣлехонекъ домой, а потомъ отправился на Запорожье: радости Богдана не было границъ... а когда, наконецъ, увидѣлъ онъ живьемъ своего дорогого любимца, да еще такимъ „юнакомъ-низовцомъ“,—такъ онъ чуть не задушилъ Олексу въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Молодой запорожецъ отъ волненія и отъ восторженныхъ слезъ тоже не могъ произнесть ни слова, и на всѣ распросы своего батька только бросался къ нему порывисто съ новыми поцѣлуями и объятіями.

Дня два, или три передавалъ Богдану Морозенко въ отрывочныхъ разсказахъ о своихъ приключеніяхъ въ плѣну, о ласковомъ пріемѣ его „сичовиками“, о толкахъ на Запорожьѣ,—пока, наконецъ, теплая волна жизни не сгладила нервнаго возбужденія и не затянула всѣхъ въ прежнюю покойную, счастливую колею.

Имѣя въ виду новыя отлучки, Богданъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и хозяйства.

Первые дни по пріѣздѣ Морозенка Оксана страшно конфузилась и стѣснялась его присутствіемъ, а потомъ и привыкла, только по утрамъ она еще болѣе мучилась со своими упрямыми завитками; но, несмотря на всѣ старанія, это удавалось ей плохо, и черные, какъ смоль, завитки задорно выбивались надъ лбомъ и около ушей. Баба журила часто Оксанку за проявившуюся вдругъ небывалую разсѣянность; иногда, возвращаясь съ чѣмъ-нибудь изъ погреба, она незамѣтно для себя останавливалась съ „глечикомъ“ среди двора, да такъ и стояла, пока веселый голосъ Катри или Олены не выводилъ ее изъ налетѣвшей вдругъ задумчивости. Сидя съ „гаптованьемъ“ въ рукѣ, она часто роняла его на колѣни и устремляла поволокнувшіеся туманомъ глаза куда-то вдаль. Вечеромъ, когда всѣ ложились спать, Оксана опускала „кватырку“ окна и, высунувши голову, долго не могла оторваться отъ усѣяннаго звѣздами неба. „Чего ты не ложишься, дивчино?—заворчитъ баба, подымая сонную голову,—звѣзды считать грѣхъ!—Рѣдко кто слыхалъ теперь беззаботный, дѣтскій смѣхъ Оксаны; она не была ни грустна, ни печальна, она просто притихла и притаилась, словно обвернулась отъ всего міра

Библиотека "Руниверс"

тонкой пеленой, какъ обволакивается зеленой пленкой растеніе, тайно выращивая въ своихъ нѣдрахъ роскошный цвѣтокъ.

Большую часть времени Олекса проводилъ съ „дивчатками“. Онъ разсказывалъ имъ о томъ, что видѣлъ въ бусурманскихъ земляхъ, о тѣхъ стычкахъ, въ какихъ принималъ участіе на Запорожьѣ, о морскомъ походѣ, о бурѣ и гибели чаекъ.

Оксана слушала его, затаивъ дыханіе, а Олекса любовался невольно ея черноволосою головкой и зардѣвшимся личикомъ, и въ эти минуты онъ чувствовалъ какую-то необычайную близость и нѣжность къ этой молоденькой дѣвушкѣ, такъ робко льнувшей къ нему.

Когда же на дворѣ устраивались „герци“, Морозенко съ удовольствіемъ показывалъ всѣ тѣ хитрыя военныя штуки, какимъ научился на Запорожьѣ. Онъ умѣлъ на всемъ скаку прятаться лошади подъ брюхо, поднимать съ земли самые мелкіе предметы. И красивъ же былъ молодой козакъ, когда съ дикимъ гикомъ мчался мимо всѣхъ по полю, почти припавши къ шеѣ коня! Иногда же они съ дядькомъ Богданомъ устраивали поединки на шпагахъ. Козаки это оружіе употребляли рѣдко, а потому и наблюдали такіе поединки съ большимъ интересомъ.

— Ну, да и славный же вышелъ изъ тебя, хлопче, козакъ,— говорилъ весело Богданъ Морозенку, хлопая его по плечу, когда одобрительные крики зрителей прерывали поединокъ,—кто бъ это и сказалъ?

А Оксана замирала отъ восторга и, сжимая свое сердце руками,—печально думала про себя: „Нѣтъ, что я противъ него! Черная, какъ „чобитъ“, растрепанная, какъ вѣникъ... ему королевну, магнатку нужно, а я... ни батька, ни хаты,—такъ себѣ сирота!“

У Оксаны навертывались на глаза слезы, она спѣшила скрыться незамѣтно изъ толпы и, какъ ни допрашивала ее Катря, она никогда не могла добиться истинной причины ея слезъ.

Былъ жаркій лѣтній день. Разостлавши подъ густыми яворами рядно, Оксана и Оленка набивали малиною большую сулею, приготовляясь наливать наливку. Олекса лежалъ тутъ же, пышно вытянувшись на зеленой травѣ и заложивши подъ голову руки. Дѣвушки напѣвали звонкими молодыми голосами веселую пѣсню. И пѣсня вилась, трепетала, то поднимаясь, то опускаясь внизъ, словно блестящая бабочка въ яркій солнечный день. Иногда Олекса смотрѣлъ въ небо на плывущія облачка, но чаще взглядъ его останавливался на стройной молоденькой дѣвушкѣ съ черноволосою головкой...

— Эхъ, славно тутъ у васъ въ Субботовѣ!—вздохнулъ, наконецъ, Морозенко.— Кажется, никогда бы не выѣхалъ отсюда,никуда.

Библиотека "Руниверс"

— А ты развѣ собираешься уѣхать?—спросила несмѣло Оксана, подымая на него испуганные глаза.

— А какъ же! Вѣдь я теперь, голубко, не вольный хлопецъ, а запорожскій козакъ. Я и то боюсь, какъ бы куренной нашъ атаманъ не сказалъ, что я обабился здѣсь совсѣмъ.

— И скоро ты думаешь ѣхать?

— Да въ томъ и досада, что надо ѣхать какъ можно поскорѣе: здорово замѣшкался я у васъ.

— А когда вернешься?

— Ну, это ужь одинъ Богъ знаетъ, когда,—махнулъ Олекса рукою.—Кошевой нашъ атаманъ строгій, баловства не любитъ, безъ особой „потребы“ не пуститъ.

Губы Оксаны задрожали; она быстро поднялась съ мѣста.

— Куда ты, Оксано?—приподнялся и Олекса.

— Я за горилкой схожу.

— Да ты погоди, я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтила Оксана, не поворачиваясь къ нему лицомъ, и поспѣшными шагами пошла по направленію къ дому; но, обогнувши аллею и очутившись въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже Олекса не могъ ее видѣть, Оксана круто измѣнила направленіе и бросилась бѣгомъ въ темный гай...

Въ свѣтлицѣ, гдѣ спали дивчатки со старой бабой, было тихо и темно. У иконъ теплилась лампадка и освѣщала тусклымъ свѣтомъ спящія фигуры, расположившіяся кто на лавкѣ, а кто и на рядахъ на полу. Тишина прерывалась только громкимъ храпомъ старухи, да ровнымъ дыханіемъ спящихъ дивчатъ. Однако, несмотря на позднюю ночь, одна изъ фигуръ безпокойно поворачивалась и шевелилась подъ легкимъ рядномъ. Иногда оттуда слышалось сдержанное всхлипываніе или тяжелый вздохъ. Наконецъ, всклокоченная темноволосая головка осторожно приподнялась съ подушки и осмотрѣла всю комнату, затѣмъ приподнялась и вся фигура и, поджавши ноги, сѣла на своей постели.

— Катря, Катруся,—зашептала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, склоняясь надъ лицомъ спящей невдалекѣ подруги,—я перейду къ тебѣ.

— Что, что такое?—заговорила полусоннымъ голосомъ Катря, приподымаясь съ постели, но, увидѣвши заплаканное лицо Оксанки, на которомъ и теперь блестѣли слезы, она совершенно очнулась и спросила испуганнымъ голосомъ, обнимая подругу:—Оксано, Оксаночко, что съ тобой?

— Тише, тише, баба услышитъ,—зашептала сквозь слезы Оксанка.—Пусти меня, Катря, я лягу съ тобой.

Библиотека "Руниверс"

Обѣ подруги улеглись рядомъ. Катря обняла Оксану, а Оксана прижалась головой къ ея груди.

— Ну, что-жъ такое, чего ты плачешь, голубко?—говорила тихо Катруся, гладя Оксану по спутаннымъ волосамъ.

— Катруся, серденько, ты знаешь,—съ трудомъ отвѣтила Оксана, запинаясь на каждомъ словѣ и пряча свое лицо на груди подруги,—Олекса уѣзжаетъ на Запорожье опять.

— Такъ что же?—изумилась Катря.— Вѣдь онъ снова вернется.

— Когда вернется?—всхлипнула Оксана.—Говоритъ, что куренный атаманъ строгій,—самъ не знаетъ когда.

— Ну, а тебѣ же что?—спросила Катря и вдругъ остановилась; все лицо ея внезапно освѣтилось какой-то неожиданно-вспыхнувшей мыслью: она отодвинулась отъ Оксаны, взглянула ей въ глаза и тихо прошептала съ выраженіемъ какого-то испуга, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ:

— Оксана, ты „кохаешь его?“

Ничего не отвѣтила Оксана, а только заплакала еще громче и еще крѣпче прижалась къ груди подруги.

На лицѣ Катри такъ и застыло выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ. Она ничего не сказала, объятая вдругъ необычайнымъ почтеніемъ и трепетомъ передъ чувствомъ, проснувшимся въ ея подругѣ.

— Не плачь, не плачь, Оксаночко, все хорошо будетъ, голубка,—шептала она тихо, проводя рукою по головѣ подруги и еще не зная, что можно больше сказать.

Долго лежали такъ, вспугнутыя тихимъ появленіемъ новаго чувства, „дивчатка“, но, наконецъ, сонъ усыпилъ ихъ молодыя головки, и онѣ крѣпко заснули, тѣсно обнявшись вдвоемъ.

Рано утромъ всѣ были изумлены вѣстью о неожиданномъ, негаданномъ пріѣздѣ Богуна.

Онъ прискакалъ на разсвѣтѣ одинъ на взмыленномъ конѣ.

Еще всѣ спали въ будинкѣ, а они уже сидѣли съ Богданомъ, затворившись въ свѣтлицѣ.

Три года мало чѣмъ измѣнили Богуна, только лицо его стало темнѣе, да между бровей залегла рѣзкая складка.

Теперь, когда лицо его было взволновано и утомлено, она рѣзко выступала между сжатыхъ черныхъ бровей.

Несмотря на радостную встрѣчу, лицо Богуна было мрачно. Передъ козакомъ стоялъ жбанъ холоднаго пива, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Богданъ настолько обрадовался пріѣзду Богуна, что даже не обратилъ вниманія на его необычное настроеніе духа, на скрытую и

Библиотека "Руниверс"

въ торопливомъ пріѣздѣ, и въ полуфразахъ тревогу. Онъ бѣгло разспрашивалъ Богуна объ его житьѣ-бытьѣ, объ удачахъ и „пригодахъ“, не замѣчая, что „побратимъ“ таитъ что-то недоброе на сердцѣ.

— Ну, радъ я тебя видѣть, друже, такъ радъ, что и сказать не могу,—говорилъ онъ радостно, всматриваясь въ лицо Богуна.— Цѣлыхъ три года и не видалъ, и не слыхалъ! Да, ты вѣрно уже знаешь о моихъ странствованіяхъ? Эхъ, постарѣлъ я, должно быть, какъ старый песъ, а ты молодецъ молодцомъ, еще „краще“ сталъ!

— Дѣло не во мнѣ, друже,—отвѣтилъ, наконецъ, угрюмо Богунъ,—а въ томъ, что на Запорожьѣ погано...

— Погано? А что же такое случилось?—спросилъ озабоченно Богданъ, тщательно притворяя дверь.—Набѣгъ татарскій? Ярема?... Или что же?

— Нѣтъ, не то, и не то, а пожалуй хуже... Ополчилось на тебя все Запорожье, батьку... гудутъ всѣ курени, словно вылетѣвшіе на бой рои, не хотятъ больше ждать ни одной „хвылыны“. Кривоносъ уже бросился въ Вышневетчину, не дожидаясь товарыства, курени готовятся къ походу и, не сегодня-завтра, затопятъ всю Украйну.

— Какъ?! Что?! Кривоносъ бросился? Запорожцы готовятся къ походу?! —вскрикнулъ бѣшено Богданъ, схватываясь съ мѣста.— Остановить! Остановить, во что бы то ни стало! Я скачу съ тобою! Они сорвутъ всю справу, испортятъ все дѣло! —лицо Богдана покрылось багровою краской.—Своихъ, своихъ остерегаться пуще враговъ! Ироды, душегубцы! Въ такую минуту! Да вѣдь одною своею безумною стычкой они надѣнутъ вѣковѣчныя цѣпи на весь край! Э, да что тамъ разговаривать! Ѣдемъ сейчасъ, каждая минута—погибель!

— Постой!—остановилъ Багдана Богунъ, подымаясь съ мѣста,—тебѣ теперь не годится туда ѣздить. Я повторяю: встали на тебя всѣ запорожцы, обвиняютъ тебя въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ... Голова твоя...

— Что-о?!—перебилъ его Богданъ, отступая, и лицо его покрылось мертвой блѣдностью, а черные глаза загорѣлись дикимъ огнемъ.—Меня обвиняютъ въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ?... Отшатнулись отъ меня запорожцы?... Да кто же смѣетъ?—крикнулъ онъ бѣшено,—кто смѣетъ это говорить, кто?

— Всѣ!

Словно пораженный громомъ, молча опустился Богданъ на лаву. А Богунъ продолжалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты передъ своимъ отъѣздомъ прислалъ намъ изъ Каменца гонца, всѣ пріостановили свои дѣйствія. У меня въ Кіевщинѣ были собраны большіе загоны, въ Брацлавщинѣ еще большіе... Но мы бросили все и ждали тебя. Такъ прошло два года. Рейстровикамъ дали какую-то пустую поблажку... Когда ты вернулся изъ чужихъ земель и прислалъ къ намъ черезъ Ганджу извѣстіе о тайномъ наказѣ его королевской мосци ждать инструкцій тихо и смирно, пока ты не подашь „гасла“,—всѣ ожили на Запорожьѣ. „Заворушилось“ товарыство, начались толки, приготовленія, всѣ прославляли тебя. Но время шло, а отъ тебя не было никакихъ вѣстей. Горячка охватила товарыство. Съ каждымъ гонцомъ ждали „гасла!“ Такъ прошелъ и годъ, а отъ тебя все не было рѣшительныхъ извѣстій, а слалось только надоѣвшее всѣмъ слово „сидите смирно!“ Тѣмъ временемъ вороги твои приносили постоянно новыя розсказни о томъ, что ты братаешься со шляхтой, цѣлые дни и ночи гуляешь на пирахъ, пьешь съ нашими ворогами изъ одного ковша...

— Такъ, такъ... Я зналъ это... Своихъ остерегайся горше враговъ,—проговорилъ беззвучно Богданъ; на лицѣ его появилась горькая улыбка, а на лбу и возлѣ рта выступили словно врѣзанныя морщины,—вѣры нѣтъ ни у кого...

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо закричалъ Богунъ,—повѣрили этому не всѣ; Нечай, Чорнота, Кривоносъ, Небаба и другіе ребра обѣщали перетрощить тому, кто распустилъ такой слухъ! А несмотря на это, товарыство роптало все больше и больше. Уже четвертый годъ шелъ безъ всякаго дѣла, для харчей надо было затѣвать „наскоки“ и грабежи, а изъ Украйны съ каждымъ днемъ прибывали новые и новые рейстровики, которыхъ Маслоставская ординація повернула въ поспольство; они говорили о новыхъ утѣсненіяхъ, волновали все Запорожье и требовали возстанья, а отъ тебя не слыхать было ничего. Трудно стало сдерживать товарыство, тогда я послалъ къ тебѣ Морозенка сказать, чтобы ты торопился...

— Что могъ я сдѣлать тогда?—вырвалось у Богдана.

Оба помолчали.

— Передавать было нечего. Поквитоваться съ надеждами нельзя было, а благословить на бой было рано,—сказалъ угрюмо Богданъ, отошедши къ окну.

— Ну, а тутъ примчался на Запорожье Пешта. Не сношу я этого „хыжого“ волка,—сверкнулъ глазами Богунъ.—Онъ собралъ раду и объявилъ на ней, что ты хочешь всѣхъ поймать въ ловушку, что козаковъ ты усыпляешь „обицянками“, а самъ въ это время подсказываешь панамъ самыя жестокія противъ нихъ мѣры.

Библиотека "Руниверс"

— Змѣя!—повернулся быстро Богданъ, весь блѣдный, съ наливши мися кровью глазами,—это плата за жизнь!

— Да,—продолжалъ Богунъ,—онъ говорилъ, что былъ съ тобою на многихъ пирахъ, и всюду ты издѣвался надъ козаками, пѣлъ въ одну дудку съ панами, а на послѣдней пирушкѣ у Чаплинскаго,—онъ приводилъ въ свидѣтели еще какого-то шляхтича,—ты сказалъ молодому Конецпольскому, что до тѣхъ поръ, пока козаки будутъ живы, они все будутъ подымать головы, что только мертвые не пищатъ.

— А!—простоналъ Богданъ, опускаясь на лаву.

— Кіемъ хотѣлъ я расшибить ему голову!—продолжалъ еще болѣе запальчиво Богунъ,—но товарыство не допустило; тогда я головой своей поручился имъ, что все это ложь и клевета! Я просилъ ихъ обождать еще хоть недѣлю и бросился, сломя голову, сюда.

— Голова твоя пропала,—произнесъ медленно Богданъ, подымаясь съ мѣста.

Какъ окаменѣлый остановился передъ нимъ Богунъ.

— Голова твоя пропала, говорю тебѣ,—повторилъ глухимъ голосомъ Богданъ, съ лицомъ блѣднымъ, какъ полотно,—я говорилъ это, да!

— Ложь!—крикнулъ Богунъ, отступая отъ него и хватаясь за эфесъ сабли,—именемъ своимъ козацкимъ поклялся я, что голову отсѣку всякому, кто посмѣетъ повторить на Богдана эту клевету...

Ну, такъ вотъ она тебѣ, руби ее,—провелъ Богданъ рукою по шеѣ и гордо выпрямился предъ Богуномъ,—потому что все это я говорилъ.

Сабля съ громкимъ стукомъ выпала изъ руки Богуна.

Пролетѣла минута молчанія. Оба козака стояли одинъ передъ другимъ, окаменѣвшіе, неподвижные, словно готовились вступить въ бой; только Богданъ стоялъ теперь, смѣло выпрямившись, съ глазами горящими гордымъ огнемъ.

— Ты Одинъ мой Помощникъ и Покровитель,—произнесъ онъ, наконецъ, съ чувствомъ, подымая глаза на икону.—Одинъ Ты вложилъ мнѣ теперь въ руки возможность разбить эту черную клевету! Тебѣ, друже мой вѣрный и коханный,—обратился онъ къ Богуну, преодолѣвая подступившее волненіе,—я скажу все, а передъ другими, передъ тѣми, что могли повѣрить этой черной клеветѣ, не стану я говорить! Такъ, правда, я пилъ изъ одного ковша съ панами, я бывалъ на ихъ пирушкахъ, я смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ козаками, спроси обо мнѣ любого шляхтича, и онъ скажетъ тебѣ съ вѣрой что Богданъ Хмельницкій—свой человѣкъ! Все это дѣлалъ я, принималъ на себя всяческій позоръ, слушалъ панскія шутки и, сдавивши сердце, вторилъ имъ на пирахъ, все это дѣлалъ я для того,

Библиотека "Руниверс"

чтобы заработать имя „зрадцы козацкаго“, и я заработалъ его, но „зрадой“ честнаго имени своего не покрылъ! Вотъ,—проговорилъ онъ, отпирая въ стѣнѣ желѣзную дверцу и вынимая оттуда сумку съ золотыми и тайною инструкціей короля,—тутъ шесть тысячъ талеровъ, это только задатокъ, и приказаніе строить „чайки“ для участія въ предстоящей войнѣ. Вотъ это,—вынулъ онъ дальше серебряную булаву, перначъ и свернутое знамя,—передай отъ короля козакамъ и скажи имъ, что его найяснѣйшая мосць возвращаетъ имъ этими регаліями прежнюю свободу и призываетъ ихъ къ участію въ войнѣ.

Богданъ тряхнулъ рукою и съ шумомъ развернулось огромное малиновое знамя; знакомый шелестъ наполнилъ комнату и коснулся уха Богуна; передъ глазами его мелкнулъ золотой козацкій крестъ...

— Такъ!—гордо произнесъ Богданъ, высоко подымая козацкое знамя своею крѣпкою рукой,—все это я добылъ своимъ долгимъ стараніемъ, свези-же его на Запорожье и передай товариству, что „зрадникъ“ Богданъ Хмельницкій шлетъ запорожцамъ эту благую вѣсть!

— Друже, брате, батьку мой!—крикнулъ бѣшено Богунъ, заключая Богдана въ свои крѣпкія объятія.—Голову положу за тебя!

Послѣ перваго порыва бурнаго восторга, Богданъ усадилъ Богуна рядомъ съ собою и началъ передавать ему подробно весь свой разговоръ съ полковникомъ Радзіевскимъ, инструкціи и распоряженіи послѣдняго.

Между тѣмъ Ганна, изумленная и встревоженная неожиданнымъ пріѣздомъ Богуна, съ нетерпѣніемъ ожидала выхода дядька. Въ своей тревогѣ она даже ни разу не подумала о той неизбѣжной неловкости, которая ожидала ее при встрѣчѣ съ Богуномъ: она словно забыла все то, что произошло между ними, охваченная однимъ мучительнымъ сознаніемъ неизвѣстности.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Откуда пріѣхалъ?—повторяла она сама себѣ, то подымаясь наверхъ, то отправляясь въ пекарню, то въ погребъ, то снова возвращаясь въ свою комнату.—Его загнанный конь, видно, безъ отдыху скакалъ... О чемъ говорятъ они тамъ такъ таинственно и тихо?... Ахъ, вѣрно, новое горе,—сжимала она руки,—новыя муки впереди!“

Оксана и Катря съ изумленіемъ слѣдили за напряженнымъ волненіемъ Ганны. Съ самаго пріѣзда Богдана, всѣ въ домѣ привыкли видѣть ее такой замкнутой и тихой, словно ее уже не занимало ничто, а между тѣмъ она таила въ себѣ глубокую душевную муку. Сознаніе полнаго равнодушія со стороны Богдана убило всѣ терзанія ея совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ наложило глубокую и тяжелую пе-

Библиотека "Руниверс"

чать на все ея молодое существо. Къ тому-же рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни Богдана не могла ускользнуть отъ внимательнаго взгляда Ганны. Сначала она еще не придавала этому большого значенія; но чѣмъ больше предавался Богданъ шляхетскимъ пирамъ и забавамъ, чѣмъ меньше обращалъ онъ вниманія на окружающую жизнь, тѣмъ тяжелѣе становилось у ней на сердцѣ. Ее оскорбляло до глубины души, когда онъ возвращался съ какой-нибудь пирушки на третій, на четвертый день съ лицемъ раскраснѣвшимся, неестественно возбужденнымъ, съ веселыми пѣснями на устахъ, когда онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ дому, не справляясь ни объ ужасныхъ слухахъ, доходящихъ отовсюду, ни о здоровьи жены и дѣтей; тяжело было ей выходить угощать надменную и пьяную шляхту, которая такъ часто наполняла теперь ихъ молчаливый угрюмый домъ, но всего ужаснѣе было слышать тѣ оскорбительныя шутки и разговоры которые держалъ съ шляхтою въ своемъ домѣ Богданъ. О, какъ невыразимо мучительно было ей видѣть своего когда-то гордаго и самолюбиваго батька въ такой унизительной, холопской роли! Казалось, за всѣ эти издѣвательства и насмѣшки надъ народомъ онъ долженъ былъ бы раскроить черепа этимъ наглымъ, пьянымъ панамъ, а между тѣмъ онъ, Богданъ,—Ганна сама слыхала не разъ,—онъ вторилъ имъ! И Ганна уходила наверхъ, запиралась въ своей свѣтлицѣ, чтобы не слышать, чтобы не видать этого ужаса; но пьяный хохотъ и крики достигали и туда.—Боже мой, за что ты оставилъ насъ?—шептала она, сжимая свою голову руками, и грудь ея надрывалась отъ горькаго, тяжелаго рыданья, а голова съ отчаяньемъ падала на подоконникъ. А снизу доносилась пьяная польская пѣсня, въ которой она ясно слышала могучій голосъ Богдана. Никто не зналъ, что переживала она въ эти томительныя ночи. Однѣ только звѣзды видѣли бѣдную, одинокую дѣвушку, сгибающуюся отъ горькаго рыданія у темнаго окна. И когда она, измученная и истомленная, подымала къ небу полные слезъ глаза, оно сіяло надъ ея головою такъ величественно и безмятежно, словно говорило ей о мимолетности земныхъ радостей и мукъ, и на душѣ ея становилось легче, свѣтлѣе; звѣзды казались ей добрыми и ласковыми глазами какихъ-то невѣдомыхъ друзей, глядящихъ на нее изъ той глубокой дали...

Между тѣмъ каждый день приносилъ все болѣе грустныя вѣсти, а Богданъ точно и не слыхалъ ихъ, точно и забылъ навсегда все то, чѣмъ жилъ до сихъ поръ. Нѣсколко разъ въ Ганнѣ пробуждалась мысль отважиться поговорить съ дядькомъ, но Богданъ держалъ себя теперь такъ далеко отъ нея, что она никакъ не могла рѣшиться на это. Ганна видѣла ясно, что дѣдъ хмурится, что братъ ея угрюмо отстраняется отъ Богдана, что кругомъ противъ

Библиотека "Руниверс"

него растетъ недовольство, ропотъ и вражда, и она не могла сказать всѣмъ смѣло, что все это ложь и клевета. Иногда ей казалось снова, что все погибло, что спасенія не откуда и не отъ кого ждать, что они осуждены Богомъ на вѣчное рабство; но сила несокрушимой вѣры въ Богдана, а главное въ милосердіе Божіе подымалась изъ глубины души и укрѣпляла ее. Тревожное ожиданіе дядькомъ посла изъ Варшавы зарождало въ ней надежду на какіе-то тайные планы, хранимые имъ.

Пріѣздъ пана Радзіевскаго сразу ободрилъ ее, да встрепенулъ и Богдана. Онъ дѣятельно занялся распоряженіями по хозяйству, словно собирался въ далекій путь; но никто не слыхалъ отъ него ни слова ни о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ панъ Радзіевскій, ни о томъ, зачѣмъ это онъ старается такъ торопливо прикончить всѣ свои дѣла.

Теперь этотъ неожиданный пріѣздъ Богуна какъ-то невольно сопоставлялся въ ея воображеніи со всѣми дурными вѣстями, передаваемыми ей братомъ, и томительное предчувствіе чего-то недобраго сжимало ей сердце.

А время все шло и дверь изъ комнаты Богдана не отворялась. Уже и солнце поднялось высоко на небесномъ сводѣ, уже Ганна приготовила съ дивчатами весь „сниданокъ“ въ левадѣ, а Богданъ все еще не выходилъ изъ своей половины.

Наконецъ, волненіе Ганны дошло до такой степени, что она рѣшилась войти сама.

Покончивши всѣ раговоры съ Богуномъ, Богданъ собирался уже встать, какъ вдругъ дверь тихо пріотворилась и на порогѣ показалась Ганна.

— Можно, дядьку?—спросила она несмѣло, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно, голубка!—отвѣтилъ тотъ радостно, подымаясь съ мѣста и расправляя свои могучія плечи, словно желая стряхнуть съ тебя послѣдніе остатки тяжелаго волненія, пережитаго имъ въ эти нѣсколько часовъ.—А посмотри, какого намъ гостя Богъ послалъ! Да что же это ты не витаешь пана? Или не рада ему совсѣмъ?

Уже по веселому тону Богдана Ганна поняла сразу, что свиданіе окончилось чѣмъ-то радостнымъ.

— Рада,—отвѣтила она просто, обдавая Богуна ласковымъ сіяніемъ своихъ кроткихъ лучистыхъ глазъ.

А Богунъ стоялъ молча, не говоря ни слова, не отводя отъ Ганны восхищенныхъ очей.

Ганна потупилась.

Библиотека "Руниверс"

— То-то-жъ!—улыбнулся Богданъ.—Приготовь же намъ чего добраго на зубы. Шутка сказать, прискакалъ вѣдь изъ самой Сѣчи, не отдыхая нигдѣ.

— Я ужъ и то все приготовила,—отвѣтила Ганна.

— Ну, и ладно, а я достану самаго стараго меду, да разопьемъ его гуртомъ за здоровье нашего славнаго гостя. Ты-жъ опоряди здѣсь пана съ дороги.

Богданъ направился уже къ выходу, но остановился въ дверяхъ.

— Да приготовь еще мнѣ съ Морозенкомъ въ путь, что надо, а я пойду, да распоряжусь заранѣе лошадьми.

— Какъ въ путь?—отступила Ганна,—на долго ли? Куда?

— Намъ не надолго, на недѣльку, полторы, а ему,—указалъ онъ на Богуна,—ажъ до самой Сѣчи.

Дверь за Богданомъ затворилась.

Нѣсколько минутъ Богунъ еще стоялъ передъ Ганной молча, какъ бы не рѣшаясь заговорить. Восторженное выраженіе, вспыхнувшее на его лицѣ при видѣ Ганны, смѣнилось выраженіемъ какого-то грустнаго и глубокаго участія. Наконецъ, онъ подошелъ къ Ганнѣ, взялъ ее за руку и проговорилъ негромко:

— Какая ты стала тихая, Ганна!

— Тихая?—переспросила Ганна, стараясь улыбнуться, но улыбка у ней вышла болѣзненная и печальная.

— Тихая, тихая,—повторилъ настойчиво Богунъ, вглядываясь въ ея блѣдныя черты и большіе глаза.

Ганна почувствовала вдругъ, какъ отъ этого теплаго, ласковаго слова, давно не слышаннаго ею, какая-то безсильная слабость охватила ее. Ноги у ней задрожали; она оперлась рукою о столъ.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ „змарнила“ вся? Что сдѣлалось съ тобой?—продолжалъ Богунъ, не выпуская ея руки.—Можетъ, какое горе? Скажи мнѣ, Ганна, скажи!

— Такъ,—опустила глаза Ганна; тихій вздохъ вырвался невольно изъ ея груди,—тяжко, козаче...—прошептала она.

— Можетъ, тебя „зневажаетъ“ кто?—крикнулъ запальчиво Богунъ.—Слово только скажи, и я ему, будь то мой наилучшій „пріятель“, голову „кіемъ“ разсажу!

— Нѣтъ, нѣтъ,—покачала головой Ганна.—Не то. Тамъ, у васъ, на Запорожьѣ, только слухи доходятъ, а здѣсь, когда сама своими глазами видишь все, что дѣлается кругомъ,—говорила она тихо, останавливаясь за каждымъ словомъ,—и нѣтъ ни откуда спасенья... то такъ станетъ тяжко, такъ тяжко, что не хотѣлось-бы и жить.

Слова Ганны прервались, словно угасли.

Библиотека "Руниверс"

Богунъ угрюмо опустилъ голову. Наступило короткое молчаніе.

— Да не долго-жъ, Ганно, будемъ мы такой соромъ терпѣть,— вскрикнулъ онъ вдругъ, взбрасывая голову съ пробудившеюся энергіей,—чтобы „дивчата“ наши стыдились за насъ! Клянусь тебѣ, Ганно, когда бы насъ не уговаривалъ Богданъ, не сидѣли бы мы такъ тихо на Запорожьѣ, какъ бабы за веретеномъ. А теперь уже „годи!“ Вотъ только что передалъ онъ мнѣ счастливыя вѣсти...

— Боже мой!—захлебнулась отъ прихлынувшей радости Ганна, простирая къ иконѣ руки.—Ты не оставляешь насъ!

Все лицо ея освѣтилось такимъ вдохновеннымъ, восторженнымъ экстазомъ, что Богунъ невольно залюбовался ею.

— Ты говоришь, Ганна, что намъ хорошо было на Запорожьи, потому что къ намъ доходили только вѣсти?—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.— Нѣтъ, нѣтъ! Не знаю, какъ другимъ, но той тяжести, которую я выносилъ за эти три года въ сердцѣ, не сносить никому!—Онъ помолчалъ, какъ бы желая совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ и затѣмъ продолжалъ снова съ возрастающею горячностью:—Я не зналъ, куда броситься, чтобы задавить свою „грызоту“-тоску. Очертя голову, бросался я въ самые опасные набѣги, пускался на чайкахъ въ самую жестокую бурю, и видишь: ни „хвыля“, ни пуля не тронули меня! Слово козацкое тебѣ, Ганна, что если бы не думы о нашей бѣдной Украйнѣ, давно бы насадилъ я эту постылую голову на татарскій „спысъ!“ А вѣсти изъ родины приходили и къ намъ одна другой грознѣе; каждая изъ нихъ „шматовала“ мое сердце, а Богданъ все слалъ листы, умоляя насъ ждать еще, обѣщая впереди большія льготы отъ короля. Но, если бы ты знала, Ганна, какая мука ждать бездѣйственно, когда вотъ тутъ, въ груди, цѣлое море кипитъ! Такъ шло время. Не слышно было ни слова о королевскихъ льготахъ, а о насиліяхъ и „утискахъ“ панскихъ слышали мы каждый день... Мало того, всѣ бѣглецы, наполнявшіе Запорожье, приносили съ собой страшные слухи о Богданѣ, всѣ называли его измѣнникомъ, предателемъ, Іудой!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—перебила его горячечно Ганна, хватая за руку.—Вѣрь ему, вѣрь хоть ты одинъ! Онъ не измѣнникъ, не предатель!—Глаза ея наполнились слезами, голосъ задрожалъ, спазма сжала горло.—Онъ таитъ отъ насъ что-то, прикидывается равнодушнымъ; но я вѣрю, вѣрю, что онъ нашъ спаситель, что онъ спасетъ насъ!

Послѣднія слова вырвались у Ганны съ такимъ страстнымъ восторгомъ, что Богунъ бросилъ на нее изумленный взглядъ.

— Дай Богъ! Только одному человѣку не поднять такого великаго дѣла. А росказнямъ о Богданѣ я не повѣрилъ,—произнесъ онъ медленно, слово по слову, не спуская съ Ганны потемнѣв-

Библиотека "Руниверс"

шихъ глазъ,—я зналъ, что если ты здѣсь, Ганно, то всѣ разсказы объ измѣнѣ—ложь и клевета.

Онъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Но другіе думали не такъ. Запорожье присудило Богдана къ смертной карѣ; но я головой своей поручился за него „товариству“ и бросился, сломя голову, сюда.

— Когаче, брате мой,—рванулась къ нему Ганна,—да есть-ли у кого въ свѣтѣ такое сердце? Есть-ли кто въ свѣтѣ благороднѣе тебя?—и вся она была въ эту минуту одинъ восторгъ, одинъ порывъ.

Богунъ окинулъ ее всю восхищеннымъ взглядомъ. Казалось, еще минуту онъ колебался, не рѣшаясь заговорить, но было уже поздно!

— Ганно, я не хотѣлъ сюда ѣхать, я не могъ сюда ѣхать,—заговорилъ онъ горячо и сильно,—для спасенія Богдана, для спасенія всего козачества надо было ѣхать—и я прискакалъ, но теперь уже не могу молчать! Что мнѣ дѣлать, Ганно,—не придумаю, не знаю: приворожила ты до смерти меня!

Ганна вдругъ вся поблѣднѣла и словно съежилась, голова ея опустилась низко и, закрывши руками лицо, она проговорила тихо:

— Не надо, не надо... не говори!...

Но Богунъ уже не слыхалъ ея словъ!

— Три года не видѣлъ я тебя, Ганно, а не проходило и дня, чтобы я забылъ о тебѣ! „Горилкою“ думалъ я затопить свое сердце, да что горилка! Не зальешь его и пекельною смолой! Куда я ни бросался, вездѣ ты была со мной. Среди рева бури, среди грома сѣчи, въ дыму и пожарѣ,—вездѣ твой образъ былъ со мною и не покидалъ меня ни на „хвылыну“, ни на мигъ! Что дѣлать мнѣ, Ганно, счастье мое? Люблю я тебя, „кохаю“, какъ „божевильный“, одну тебя,—одну на всемъ свѣтѣ люблю!

Ганна стояла молча, еще ниже склонивши голову, не отымая рукъ отъ лица.

— Ты молчишь, Ганно? Такъ скажи-жъ мнѣ хоть одно слово: чѣмъ я не любъ тебѣ, за что ты не любишь меня? Да не сыщется никого въ цѣломъ свѣтѣ, чтобъ „кохалъ“ тебя такъ, какъ „кохаю“ я! Слово скажи—на край свѣта полечу для тебя, голову свою вотъ тутъ, не задумавшись, возлѣ ногъ твоихъ положу! Скажи-жъ мнѣ, Ганно, счастье, жизнь моя, что мнѣ сдѣлать, что мнѣ придумать, чтобъ полюбила ты меня?

— Боже мой, Боже мой!—вырвалось тихо у Ганны, и Богунъ замѣтилъ, какъ ея плечи начали тихо вздрагивать.

— Что-жъ, если рѣчи мои простыя не по сердцу тебѣ, Ганно, прости меня, грубаго козака,—опустилъ голову Богунъ,—не скажу я тебѣ больше ни слова: видно, такая ужъ моя доля, таковъ мой таланъ! Только не отымай у меня послѣдней надежды: я могу ждать,

Библиотека "Руниверс"

я буду ждать, пока „прокинется“ твое сердце, и съ радостью ,,порыну“ я отсюда на Запорожье, первымъ порвусь на врага, первымъ на смерть пойду, только-бы думка эта была у меня!...

Наступило тяжелое молчаніе. Видно было только, какъ плечи Ганны вздрагивали все сильнѣй и сильнѣй.

— Ганно, счастье мое, скажи-же мнѣ хоть одно это слово! — подошелъ къ ней Богунъ. — Не отнимай этой надежды у меня!

Ганна опустила руки; по лицу ея медленно одна за другой катились крупныя слезы.

— Охъ, козаче мой! — начала она съ невыразимою тоской, заламывая свои тонкія руки, — что-же мнѣ дѣлать съ собою, какъ принудить свое сердце? Да если-бы сила моя была!... Мертвое оно, мертвое! — и губы Ганны непослушно задрожали, она остановилась, потому что рыданіе захватило ей духъ.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — вскрикнула она, прижимая руки къ груди. — Не въ силахъ я ,,дурить“ тебя! Люблю тебя, козаче, какъ ,,велетня“, какъ друга, а больше... больше... Богъ видитъ — не могу!

На красивомъ лицѣ козака не дрогнула ни одна черта, только черныя брови его сжались сильнѣе.

— Что-жъ? — произнесъ онъ, наконецъ, гордымъ тономъ, забрасывая голову назадъ, и горькая улыбка искривила его лицо. — Спасибо тебѣ, Ганна, хоть за правду. Не намъ, козакамъ-нетягамъ, думать о счастьѣ. Оно не для насъ. Выняньчили насъ метели, да громы. Э, — перебилъ онъ самъ себя, — да что ужъ тамъ и говорить! Прощай, Ганна! Обо мнѣ не думай! Дай Богъ тебѣ счастья!

— Охъ, козаче, — вырвалось горько у Ганны, — не смѣйся надо мной!

— Но если я узнаю, кто причиной твоему несчастью, если здѣсь кто хоть подумаетъ ,,скрывдыть“ тебя, — продолжалъ Богунъ, понижая голосъ, — слово скажи, съ конца свѣта примчусь, и пожалѣетъ онъ, что на свѣтъ родился!

— Прости меня, прости меня! — зарыдала Ганна, протягивая къ нему руки.

— За что прощать? — перебилъ ее горько Богунъ. — Разбила ты, безталанная, безъ воли мое сердце! Да что о немъ говорить! Носило оно много горя, такъ много, что уже и не подъ силу ему. Авось сжалится надъ нимъ, наконецъ, чья турецкая сабля, — вскрикнулъ онъ горько, направляясь къ выходу, — избавитъ отъ мукъ навсегда!

— Нѣтъ! Стой! Ты этого не говори! — вскрикнула лихорадочно Ганна, хватая его за руку. — Будущее въ рукѣ Божьей, твое сердце вѣдь не твое, а наше, и мы его не отдадимъ тебѣ, — слышишь? — не отдадимъ никогда! — Голосъ ея звучалъ твердо и сильно, сухіе

Библиотека "Руниверс"

глаза горѣли какимъ-то горячимъ, вдохновеннымъ огнемъ. — Не намъ судилось счастье, правду ты сказалъ, не намъ! Но не для счастья мы живемъ! Развѣ ты не слышишь и днемъ, и ночью, какъ звонятъ наши цѣпи? Развѣ, ты не слышишь нашихъ слезъ и стоновъ, которые вотъ тутъ, въ этомъ сердцѣ безпрерывно дрожатъ? А! не говори о мукахъ и горѣ! Что значатъ наши муки передъ тою вѣковѣчною „зневагой“, какая огнемъ зажигаетъ всю нашу кровь?

И по мѣрѣ того, какъ говорила Ганна, лицо Богуна озарялось другимъ, отважнымъ, восторженнымъ блескомъ. Грудь поднималась высоко и сильно, глаза вспыхивали огнемъ.

— Туда лети,—продолжала Ганна горячо, протягивая впередъ руку,—неси братчикамъ счастливую вѣсть. Поднимайтесь бурею, хмарой.. О дайте-жъ намъ сбросить это ярмо позора! Дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!

— Ганно, жизнь моя!—вскрикнулъ порывисто Богунъ, склоняясь передъ ней.— Что ты дѣлаешь со мной?...

Уже совсѣмъ вечернѣло, когда къ крыльцу Субботовскаго дома подвели лошадей путникамъ. Лошадь Богуна замѣнили другой, сильной и привычной къ долгимъ переѣздамъ, къ которой на длинномъ поводѣ была привязана и другая, для перемѣны. Небо все заволокло сѣрыми тучами; склоняющееся къ западу солнце освѣщало все кровавымъ свѣтомъ.

Всѣ обитатели усадьбы собрались на крыльцѣ. Прощанье было короткое и сухое.

Богунъ подошелъ къ Ганнѣ.

— Помилуй Боже,—сказала она, крестя его склоненную голову.

— Бувай здорова!—проговорилъ твердо козакъ и, не взглянувъ ни на кого, подошелъ къ своему коню.

— Эй, не ѣхалъ бы ты на ночь, Иване, лучше бъ съ утра!—замѣтилъ серьезно дѣдъ, поглядывая на затянувшееся небо. —Что то погода нахмурилась... И не къ часу, славно осенью завыла...

— Нельзя, диду. Да это не бѣда: мыли насъ не мало дожди!—отвѣтилъ Богунъ, уже сидя на конѣ и собирая повода.

Богданъ попрощался со всѣми, перекрестилъ и поцѣловалъ дѣтей и, вскочивши въ сѣдло, крикнулъ громко, сбрасывая шапку и осѣняя себя крестомъ: „Съ Богомъ рушай!“

Лошади поднялись въ галопъ и понеслись со двора.

— Ты-жъ, друже, съ нами до самаго Чигирина?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они подъѣхали къ греблѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ коротко Богунъ, не поднимая глазъ,—я прямо на Золотарево, мнѣ надо еще и Золоторенка повидать.

Библиотека "Руниверс"

Богданъ бросилъ на него долгій и внимательный взглядъ: ни угрюмый, молчаливый видъ козака, ни краткость его отвѣта, словно произнесеннаго съ большимъ усиліемъ надъ собой, не ускользнули отъ этого внимательнаго, какъ-бы прозирающаго насквозь взгляда. Какая-то смутная догадка шевельнулась въ головѣ Богдана.

— Ну, что-жъ, такъ прощай!—произнесъ онъ громко, придерживая коня.—Такъ мы сейчасъ и попрощаемся: тутъ намъ сейчасъ заворачивать— мнѣ черезъ греблю направо, а тебѣ все прямо на полдень.

Козаки остановились, сбросили шапки, перекрестились, поцѣловались три раза и повернули въ противоположныя стороны лошадей.

Небо заволакивалось все сильнѣе; вѣтеръ крѣпчалъ и стлалъ передъ собой волнами сѣдой степной ковыль; осенній сѣрый полумракъ спускался надъ безбрежною степью; становилось холодно и темно.

Подъ нависшимъ сѣрымъ небомъ мчались теперь по безлюдной степи кони Богуна. Встрѣчный вѣтеръ подымалъ ихъ густыя гривы и развѣвалъ по вѣтру длинные хвосты. Богунъ надвинулъ на голову шапку и набросилъ на плечи керею. Вѣтеръ свистѣлъ у него надъ ухомъ, но онъ не слыхалъ его. Казалось, онъ былъ настолько погруженъ въ свои мысли, что не видалъ ничего передъ собою. Каждый шагъ коня уносилъ его все дальше и дальше отъ Субботова, отъ этого спокойнаго, уютнаго уголка, къ которому онъ всегда стремился душой. Но сожалѣнія уже не было въ душѣ козака: онъ снова мчался туда на югъ, на встрѣчу этому буйному вѣтру, подъ дождь и бурю, въ темноту и неизвѣстность, на встрѣчу опасностямъ и смерти. Тамъ, за нимъ, въ сомкнувшемся уже туманѣ, стояли двѣ женщины; онѣ указывали ему на Запорожье, онѣ толкали его. И одна изъ нихъ подымалась, величественная и прекрасная, словно мраморная богиня, въ золотистой одеждѣ, опоясанная синею лентой Днѣпра, но прекрасное лицо ея было строго и печально, а въ глазахъ, синихъ и глубокихъ, какъ небесная лазурь, стояла горькая слеза. Другая казалась совсѣмъ маленькой рядомъ съ величественною богиней, но тонкая рука ея указывала туда же, а сѣрые лучистые глаза смотрѣли съ восторгомъ на Богуна, и голосъ шепталъ, задыхаясь: „О, дайте-же намъ сбросить это ярмо позора, дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!“

Ночь наступала. Вѣтеръ свистѣлъ. Кони летѣли быстрѣй и быстрѣй. И вдругъ на встрѣчу бурному вѣтру раздалась среди наступавшаго мрака громкая смѣлая пѣснь козака:

„Ой, любивъ козакъ та дивчиноньку, якъ той батько дитыну,
А теперъ такъ и покидае, якъ на морѣ хвылыну!“

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка [1]).

V.

Формированіе восьми козачьихъ полковъ въ 1831 г.—Ходатайства князя Н. Г. Репнина о возвращеніи малороссійскимъ козакамъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей.—Обсужденіе этого вопроса въ особомъ комитетѣ; отдѣльное мнѣніе князя Н. Г. Репнина; его письмо къ графу А. Н. Чернышеву; опасенія сепаратизма.—Указъ 25 іюня 1832 г., регулирующій отбываніе малороссійскими козаками воинской повинности.—Переселенія козаковъ на Кавказъ.—Противникъ взглядовъ князя Н. Г. Репнина князь В. П. Кочубей.

Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830—31 гг., поразившее своею казавшейся неожиданностью и даже внезапностью [2]) и побудившее высшее правительство озаботиться изысканіемъ разнаго рода мѣръ къ скорѣйшему его подавленію, то одной изъ такихъ мѣръ въ самый тяжелый моментъ польской кампаніи 1830—31 гг., когда императоръ Николай Павловичъ былъ крайне недоволенъ бездѣятельностью тогдашняго главнокомандующаго графа Дибича [3]), былъ запросъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину о томъ, можно-ли сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, по примѣру 1812 года, въ самомъ скоромъ времени нѣсколько полковъ и выслать ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія къ подавленію возстанія.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 6.

[2]) Кн. Щербатовъ. Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. С.-Пб. 1894. Т. IV, стр. 3 и приложеніе № 3.

[3]) Ibidem. Стр. 9—22.

Библиотека "Руниверс"

Князь Н. Г. Репнинъ со свойственной ему горячностью отозвался въ благопріятномъ смыслѣ на сдѣланный ему запросъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 20 апрѣля 1831 года, живо характеризующемъ взгляды Репнина и заботливое отношеніе его къ интересамъ мѣстнаго населенія:

„Вашего Императорскаго Величества призывомъ малороссійскихъ козаковъ къ вооруженію, для содѣйствія къ прекращенію мятежа неблагодарныхъ поляковъ, оказываете имъ величайшее довѣріе, коего драгоцѣнность они въ полной мѣрѣ восчувствуютъ. Народъ сей, сохранившій доселѣ воинственный духъ предковъ своихъ, сохранилъ и древнюю ненависть къ ляхамъ, подъ игомъ коихъ стеналъ край сей болѣе трехъ вѣковъ. Предки оставались непоколебимы въ Православіи, при всемъ усиліи введенія уніи, и вѣрными Престолу, несмотря на ухищренія и прельщенія Виговскаго, Дорошенка и Мазепы. Таковыми будучи и потомки ихъ, нынѣ покоющіеся подъ мощнымъ, правосуднымъ и отеческимъ скипетромъ Вашимъ, я смѣло ручаюсь, что малороссійскіе козаки съ радостью поставятъ изъ себя поборниковъ за престолъ и отечество. Таковыя чувствованія одушевляютъ и дворянство здѣшнее, и живущіе на родинѣ легко поймутъ, что безъ содѣйствія ихъ невозможно будетъ вооружить и поставить въ скоромъ времени конные полки. Ни дворянство, ни козаки не помышляютъ о какомъ-либо вознагражденіи, ибо вѣрность и усердіе ихъ неограничены; но милосердное и отеческое сердце Ваше навѣрно не осудитъ меня за вѣрноподданническое донесеніе, что теперь предстоялъ-бы случай исполнить преднамѣреніе Вашего Императорскаго Величества, оказавъ помощь малороссійскимъ козакамъ, ограничивъ подати, ими вносимыя, суммою, изъясненною въ Высочайшемъ указѣ, данномъ здѣшнему гражданскому губернатору 11-го іюня 1816 г.[1]) и потомъ отмѣненныя указомъ 10-го декабря 1819-го года[2]). Уменьшеніе подати за право винокуренія ниже однимъ рублемъ дворянству низшему была-бы благодѣтельная помощь при нынѣшнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и сіе казалось-бы тѣмъ

[1]) П. С. З., № 26309.
[2]) П. С. З., № 28021.

Библиотека "Руниверс"

удобнѣе учинить, что, по возстановленіи спокойствія въ отечествѣ, необходимо должно будетъ приступить къ соображенію о перемѣнѣ сего акциза, столь, смѣю сказать, неосновательно и даже несправедливо обращеннаго въ поголовную подать. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, дерзость мою, и примите ее, какъ новый залогъ непоколебимой вѣрноподданической приверженности моей. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, князь Н. Репнинъ. 20 апрѣля 1831 года" [1]).

По полученіи такого благопріятнаго отвѣта на сдѣланный запросъ, 6 мая 1831 г. воспослѣдовалъ рескриптъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [2]).

Въ этомъ рескриптѣ говорилось между прочимъ:

„Князь Николай Григорьевичъ! Признавая необходимымъ имѣть въ составѣ вновь образуемой резервной арміи достаточное число легкой кавалеріи, повелѣваю Вамъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ мною и при семъ препровождаемыхъ положенія и штата, сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, въ двухъ ввѣренныхъ Вамъ губерніяхъ живущихъ, восемь полковъ легкой кавалеріи, и по мѣрѣ сформированія отправлять ихъ въ резервную армію, по назначенію главнокомандующаго оною генерала отъ инфантеріи графа Толстаго. Я увѣренъ что *воинственное сословіе малороссійскихъ козаковъ* ревностно воспользуется симъ случаемъ, дабы явить новый опытъ той непоколебимой вѣрности и того пламеннаго усердія къ Престолу и Отечеству, коими они всегда отличались".

Въ награду за скорое сформированіе полковъ снимались съ козаковъ недоимки по всѣмъ податямъ и, вмѣсто оброчной подати, налагалась подушная, „съ 1832 года впредь во все время существованія означенныхъ восьми полковъ", по 4 рубля съ ревизской души.

Далѣе, было обѣщано, „по минованіи нужды въ служеніи сего войска, относительно людей, въ оном бывшихъ, сдѣлать *особое* распоряженіе".

---

[1]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1853. I, стр. 176—177 смѣси.

[2]) П. С. З., № 4536. Срв. „Кіев. Стар." 1897 г., апрѣль, стр. 157.

Библиотека "Руниверс"

Объ исполненіи этого указа ближайшій свидѣтель, И. И. Сердюковъ,—служившій въ это время въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ въ своей „автобіографической запискѣ“ [1]) слѣдующее:

... „Въ 1830 году (читай—1831 г.), во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту (?) императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи кампаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили восемь полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно, между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Полки пошли, стали на границахъ (?) и по случаю скораго окончанія кампаніи [2]) послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой [3]). Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины“...

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ благосклоннаго отношенія высшаго правительства къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, всегда горячо отстаивавшій интересы населенія, входившаго въ составъ малороссійскаго генералъ-губернаторства, принося глубочайшую признательность Государю за оказанныя малороссійскимъ козакамъ льготы, счелъ удобнымъ напомнить во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 31 іюля 1831 года о тягости крѣпостнаго права для большинства помѣщичьихъ крестьянъ, обращенныхъ во многихъ случаяхъ въ несвободное состояніе изъ числа вольныхъ козаковъ, оплакивавшихъ свою

[1]) „Кіевск. Стар.“ Т. LV, стр. 193.

[2]) Манифестъ объ окончаніи польской кампаніи 1830—31 г.г. былъ обнародованъ 6 октября 1831 г. Кн. Щербатовъ, l. c. Приложенія, стр. 139—141.

[3]) Ген. Пузыревскій, авторъ изслѣдованія—Польско-русская война 1831 г. (Т. I, П. Спб. 1890 г.), при подробномъ перечисленіи русскихъ войскъ, участвовавшихъ въ кампаніи, упоминаетъ о 18 козачьихъ полкахъ (стр. 33 сл.), но у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, входили ли въ составъ этихъ полковъ и восемь малороссійскихъ, или это были исключительно великороссійскіе козаки.

Библиотека "Руниверс"

свободу, и тѣмъ самымъ давалъ понять, что слѣдовало бы возвратить этимъ случайнымъ рабамъ свободу, а вообще малороссійскимъ козакамъ ихъ вольности, отчего государственные интересы нисколько не пострадали бы, а скорѣе выиграли, такъ какъ козаки представляли бы всегда готовое войско, которое являлось бы по первому призыву отстаивать интересы общаго отечества, какъ они доказали это быстрымъ сформированіемъ восьми полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ.

„Я утверждалъ, говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей запискѣ, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту престола отъ оскорбленія и, къ счастію моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое...

... Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, исполнилось: полмилліона Вашихъ подданныхъ счастливѣе и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя Ваше...

... Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ, и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года, но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти ихъ къ козакамъ“...

Настойчиво добиваясь осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, обратившись въ сентябрѣ 1831 г. въ главный штабъ съ просьбой испросить разрѣшеніе Государя на роспускъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ по домамъ, послѣ того какъ они пробыли въ строю около трехъ мѣсяцевъ, сдѣлалъ опять попытку напомнить высшему правительству объ обѣщанной еще указами

Библиотека "Руниверс"

предшествовавшаго царствованія реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ, въ смыслѣ возвращенія имъ нѣкоторыхъ прежнихъ вольностей, а главное, обращенія ихъ въ особое военное сословіе. Князь настаивалъ на полной своевременности подобной мѣры, въ виду того, что малороссійскіе козаки и по своимъ воинскимъ доблестямъ и по своимъ національнымъ традиціямъ могли бы составить хорошій оплотъ со стороны мятежныхъ поляковъ, которые и на будущее время, быть можетъ, станутъ дѣлать попытки къ возстановленію своей политической самостоятельности, какъ это и случилось дѣйствительно въ 1863 году.

4 октября 1831 года, за два дня до изданія манифеста объ окончаніи польской кампаніи, князь Н. Г. Репнинъ обратился съ нижеслѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ о полной готовности малороссійскихъ козаковъ возвратиться къ ихъ прежнему военному быту и о своевременности проведенія подобнаго рода реформы:

„Всемилостивѣйшій Государь! Испрашивая черезъ посредство г. управляющаго главнымъ штабомъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшихъ повелѣній Вашихъ касательно временнаго роспуска резервныхъ эскадроновъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ, уже сформированныхъ, я думаю сими строками донести, что и при семъ послѣднемъ случаѣ малороссійскіе козаки вполнѣ доказали воинственный духъ предковъ своихъ. Готовность и усердіе, съ которыми они стремятся отъ сельскихъ занятій своихъ къ обязанностямъ и трудамъ военной службы, превосходятъ по истинѣ мѣру всякаго ожиданія и я счастливымъ себя почитаю, имѣя право ручаться Вашему Императорскому Величеству, что столь благородныя чувства малороссійскихъ козаковъ сливаются въ нихъ съ нелицемѣрною преданностью, вѣрностью и пламеннымъ усердіемъ къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! Съ гордостью можно сказать, что добрый народъ сей, не взирая на тягостныя событія протекшаго времени, поколебавшія его благосостояніе, памятуетъ токмо вѣрноподданническій долгъ свой къ Государю и любовь къ родинѣ своей. Я не ошибусь, если заключу, что чувствъ ихъ достаточно для составленія вѣрнаго и надежнаго воинства.

Библиотека "Руниверс"

Благотворная мысль Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію предупредила цѣль нынѣшняго всеподданнѣйшаго представленія моего; но, руководствуясь опытомъ долговременнаго пребыванія моего въ краѣ семъ, доставившемъ мнѣ возможность изыскать къ таковому преобразованію сего народа надежный способъ, сообразный съ его нравами, мѣстнымъ положеніемъ и выгодами общими, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить у Вашего Императорскаго Величества дозволенія представить къ Высочайшему благоусмотрѣнію Вашему новый проэктъ, мною по сему предмету нынѣ составленный.

Я льщу себя надеждою, что приведеніе предположенія моего было бы не невозможно.

Къ рядамъ побѣдоноснаго воинства Вашего присоединится значительный отрядъ вѣрныхъ и усердныхъ поборниковъ; на стражѣ у Днѣпра стоялъ бы противъ легковѣрія польскаго народъ воинственный, и благоденствіе полмилліона Вашихъ подданныхъ упрочится на долгія времена. Ходатайствуя о семъ, я долгомъ поставляю обратить прозорливое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на событія и послѣдствія времени. Въ 1812 году подобное же вооруженіе малороссійскихъ козаковъ встрѣтило въ семъ воинственномъ племени таковое же усердіе, ту же готовность и то же самоотверженіе. Побужденіемъ къ сему наиболѣе было торжественное обѣщаніе постояннаго учрежденія малороссійскихъ полковъ. Послѣдовавшая вскорѣ потомъ отмѣна и обращеніе сихъ ревностныхъ воиновъ опять въ казенные поселяне и къ рекрутскому набору повергло въ уныніе всѣхъ козаковъ и внушило имъ недовѣрчивость, свойственную народу мало образованному. Сіе то время должно рѣшительно почесть причиною упадка благосостоянія малороссійскихъ козаковъ, ибо они для вооруженія своего пожертвовали тогда десятками милліоновъ, когда нынѣ и одного не издержано. Безполезная трата сія, соединенная съ утратой семействъ, лишившихся подпоры и надежды своей, какъ слѣдствіе политической и нравственной ошибки правительства, очевидно, содѣйствовали совершенному разоренію козаковъ, и даже понынѣ многія семейства изъ нихъ

Библиотека "Руниверс"

съ стѣсненнымъ сердцемъ вспоминаютъ невозвратныя потери свои и *неисполненный обѣтъ правительства.*

Но чувства огорченія мгновенно исчезли при первомъ воззваніи Вашего Императорскаго Величества къ вооруженію. Козаки снова ополчились въ надеждѣ на благость Вашу: въ ней находятъ они залогъ общаго своего благоденствія. Они забыли всѣ труды, пожертвованія и самыя чувствительныя утраты, въ твердомъ упованіи, что милосердіе Ваше оградитъ отъ сиротства семейства ихъ, что они возвратятся въ домы свои, продолживъ срочное служеніе. На семъ то послѣднемъ основываю я проектъ преобразованія малороссійскихъ козаковъ [1]). При составленіи онаго, я руководствуюсь благотворнымъ предначертаніемъ Вашего Императорскаго Величества и нынѣшнее время почитаю самымъ удобнымъ къ приведенію онаго въ исполненіе, ибо значительное количество малороссійскаго войска уже составлено, остается только привести войско сіе въ надлежащую соразмѣрность съ цѣлымъ народонаселеніемъ и положить основаніе къ прочному основанію и положенію онаго" [2]).

Изъ настоящаго доклада видно, что „мысль обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію" и такимъ образомъ исполнить прежде данныя имъ обѣщанія, повидимому, продолжала держаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и, какъ говоритъ князь Н. Г. Репнинъ, какъ бы „предупредила" цѣль этого самаго доклада, но такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствовала его взглядамъ и задушевнымъ желаніямъ, то онъ поспѣшилъ представить проектъ военной организаціи малороссійскихъ козаковъ. Къ сожалѣнію, приходится повторить слова О. И. Бодянскаго, что „проектъ сей неизвѣстенъ"—среди бумагъ князя Н. Г. Репнина въ Яготинскомъ архивѣ его не нашлось, но за то сохранилась слѣдующая писанная рукою князя Н. Г. Репнина черновая безъ даты всеподданнѣйшаго рапорта, къ которому былъ приложенъ, повидимому, вышеупомянутый проектъ:

---

[1]) Редакторъ „Чтенія", покойный проф. О. М. Бодянскій, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „къ сожалѣнію, проектъ сей мнѣ неизвѣстенъ."

[2]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1863. I, отр. 193—194 смѣси.

Библиотека "Руниверс"

„Всемилостивѣйшій Государь! Имѣя счастье представить Вашему Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ проектъ положенія объ обращеніи малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію, составленный мною на основаніи благотворныхъ правилъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь! предначертанныхъ, я смѣло ручаюсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что приведеніе положенія сего въ исполненіе чрезвычайно улучшитъ нынѣшнее стѣсненное состояніе козаковъ. Они и позднѣйшіе потомки ихъ съ восторгомъ будутъ благословлять имя августѣйшаго благотворителя своего и Войско Малороссійское, конечно, докажетъ, что оно достойно вниманія, коимъ Ваше Императорское Величество оное осчастливили.

При составленіи сего проэкта, я твердо старался наблюсти два главныхъ правила: улучшить нынѣшнее положеніе козаковъ и вмѣстѣ, сколько возможно, сохранить пользу казны. Я льщу себя надеждою, что достигъ предположенной цѣли. Взносимыя нынѣ козаками подати значительно уменьшаются, а казна не только ничего изъ доходовъ своихъ не теряетъ, но пріобрѣтаетъ еще ежегодно значительную въ оныхъ прибыль. Уповаю твердо, что и прозорливое сужденіе Ваше оправдаетъ предположеніе мое, ибо оно основано не на какомъ либо поверхностномъ соображеніи, но на точномъ исчисленіи. Со всѣмъ тѣмъ я долженъ сознаться Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! что прочное и на твердыхъ основаніяхъ улучшенное благосостояніе малороссійскихъ козаковъ зависитъ отъ усовершенствованія ихъ внутренняго управленія. Предметъ сей не входитъ въ проектъ ихъ военнаго преобразованія, а потому я составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія, основанныя на опытѣ долговременнаго пребыванія моего въ здѣшнемъ краѣ, доставившемъ мнѣ случай съ достовѣрностью наблюсти недостатки нынѣшняго по сему предмету устройства и изыскать средства къ полезному исправленію оныхъ. Я буду имѣть счастіе представить правила сіи на благоусмотрѣніе Ваше,

Библиотека "Руниверс"

если удостоюсь получить на сіе Высочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества.

Благо народа Вашего есть постоянная цѣль всѣхъ трудовъ и попеченій Вашихъ, а потому я твердо убѣжденъ, что усердіе мое содѣйствовать благотворнымъ желаніямъ Вашего Императорскаго Величества пріймете Вы, Всемилостивѣйшій Государь! какъ пламенный порывъ вѣрноподданнаго, коему ввѣрили Вы устроеніе благосостоянія вѣрнаго и добраго народа Вашего" [1]).

Проектъ князя Н. Г. Репнина и вообще весь вопросъ о реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ былъ переданъ на обсужденіе особаго комитета, къ каковому способу предварительнаго разсмотрѣнія болѣе сложныхъ и важныхъ государственныхъ вопросовъ любилъ прибѣгать императоръ Николай I [2]).

Повидимому, члены комитета не вполнѣ сочувственно отнеслись къ проекту князя Н. Г. Репнина, такъ что ему пришлось выступить въ защиту предлагаемыхъ имъ мѣропріятій съ отдѣльнымъ мнѣніемъ отъ 13 апрѣля 1832 года:

„Совершенно раздѣляю заключеніе прочихъ гг. членовъ комитета, что для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или, лучше сказать, федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ, какъ то дѣлалось во время царствованія блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича со всѣми пріобрѣтеніями.

Но сія самостоятельность измѣнилась уже въ Малороссіи съ учрежденіемъ 16 мая 1722 года коллегіи въ Глуховѣ, а потомъ совершенно уничтожилась 10 ноября 1764 года прекращеніемъ гетманскаго званія.

Истекаетъ уже 110-й годъ, какъ Малороссія не составляетъ особой части въ государствѣ: судъ и расправа подчинены съ сего времени Правительствующему Сенату; власти духовныя зависятъ отъ Святѣйшаго Синода; доходы поступаютъ въ Государеву казну; жители ея производили работы для общей пользы государ-

[1]) Рукопись Яготин. арх. князей Репнинныхъ.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О. Т. 98, стр. 102.

Библиотека "Руниверс"

ства внѣ своихъ предѣловъ, какъ-то: ладожскаго канала, крѣпости св. креста, пограничныхъ линій и другія; изъ малороссіянъ, въ разныхъ губерніяхъ обитающихъ, составлялись регулярные полки: ландмилицкіе, пикинерные, гусарскіе, карабинерные и легкоконные, также корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ и особый гренадерскій полкъ, наконецъ, малороссіяне въ 1797 году подвержены всѣ безъ исключенія общимъ рекрутскимъ наборамъ и во всѣхъ родахъ воинской службы отличаютъ себя усердіемъ, повиновеніемъ и мужествомъ.

При всѣхъ сихъ измѣненіяхъ малороссіяне, непоколебимые въ Православіи, пребыли вѣрными Престолу. Ни несчастія, Провидѣніемъ на нихъ посылаемыя, ни отягощенія и притѣсненія, ни смуты, вблизи бывшія, не нарушили съ 1709 года спокойной покорности властямъ, отъ Самодержавія надъ ними поставленнымъ. Они все переносили, ища только помощи и защиты у Государей или собственнымъ моленьемъ, или ходатайствомъ ихъ начальниковъ.

Не послужитъ ли сіе какъ яснымъ доказательствомъ, что память бывшей самостоятельности совершенно исчезла въ Малороссіи, такъ и залогомъ для будущаго, что оная не возродится.

Тѣмъ менѣе обращеніе меньшей части малороссіянъ, составляющихъ сословіе тамошнихъ козаковъ, къ прежнему ихъ воинскому положенію можетъ возстановить между ними какую-либо самостоятельность, ибо они, бывъ разсѣяны на пространствѣ 61,000 квадратныхъ верстъ, не составляютъ даже ни одного цѣлостнаго изъ себя селенія, а вездѣ перемѣшаны въ оныхъ съ дворянами, разночинцами и крестьянами-казенными и помѣщичьими—слѣдственно и бытъ ихъ гражданскій долженъ остаться на общемъ положеніи.

По истинѣ малороссіяне суть совершенно русскіе и они подтвердили сіе событіями прошедшаго лѣта. Нарѣчіе, обычаи, одежда различествуютъ, но вѣра, Царь и Русь, есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная, а наслѣдственная вражда къ смежнымъ съ ними католикамъ—ляхамъ образуетъ изъ нихъ еще вѣрно на столѣтіе лучшихъ стражей противъ легкомыслія польскаго.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, желательно, чтобы всякая разница исчезла между единоплеменнымъ „народомъ, но вѣра, климатъ, законы и правила, принятые въ основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы и обычаи", по словамъ Екатерины II, „господствуютъ надъ человѣками", и она же сказала, „что худая та политика, которая то предписываетъ законами, что надлежитъ перемѣнить обычаями" (Наказъ Коммиссіи, ст. 45 и ст. 60).

Сіи истины должны руководить насъ при предлежащемъ намъ дѣлѣ.

Всемилостивѣйшій Государь нашъ, желая, чтобы полмилліона Его вѣрноподданныхъ сдѣлались счастливѣе, благоволилъ указать способы на сіе:

1. Обращеніемъ козаковъ на бытъ и повинность болѣе сходные съ ихъ нравами и обычаями.

2. Уменьшеніемъ податей до той степени, которую могутъ платить они безъ отягощенія.

3. Подтвержденіемъ правъ сихъ свободныхъ владѣльцевъ-поселянъ и поддержаніемъ чрезъ то въ семъ воинскомъ племени того „славолюбія", которое тоже, по словамъ Екатерины II, „служитъ твердой опорой правленій", (Наказъ, ст. 306).

Сими мѣрами подъ начальствомъ начальниковъ посторонних, постоянно дѣйствующихъ къ улучшенію благосостоянія малороссійскихъ козаковъ и къ образованію воиновъ, изъ нихъ набранныхъ, перемѣняются и нравы, и обычаи сего народа, ибо возвращающіеся изъ службы въ семьи свои, бывъ еще во всей силѣ возмужалости, дадутъ собратіямъ своимъ примѣры большаго трудолюбія, лучшей дѣятельности, нежели они нынѣ имѣютъ, слѣдственно они, по желанію Государя, сдѣлаются счастливѣе [1]).

Повидимому, къ этому же времени относится и сохранившаяся собственноручная, безъ даты, черновая письма князя Н. Г. Репнина къ графу Александру Ивановичу Чернышеву [2]), участвовашему, конечно, по званію генералъ-адютанта и това-

[1]) Рукопись Яготин. арх., съ надписью сверху—„подано въ засѣданіе Комитета 13 апрѣля 1839 г.".

[2]) А. И. Чернышевъ пожалованъ графскимъ достоинствомъ 22 августа 1826 г., княжескимъ 16 апрѣля 1841 г.

Библиотека "Руниверс"

рица начальника главнаго штаба, въ совѣщаніяхъ о реорганизаціи малороссійскихъ козаковъ и относившемуся къ нимъ, какъ видно, благосклонно, съ просьбой ходатайствовать предъ Государемъ объ освобожденіи дѣтей малороссійскихъ козаковъ, прослужившихъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, отъ поступленія въ кантонисты:

„Милостивый Государь, графъ Александръ Ивановичъ! Многими Высочайшими постановленіями, въ послѣдніе годы исходатайствованными Вашимъ Сіятельствомъ у Государя Императора въ пользу малороссійскихъ козаковъ, упрочено навсегда благосостояніе сего сословія. Имя ваше, нераздѣльное въ чувствахъ козаковъ съ возстановленнымъ и имѣющимъ возрастать благосостояніемъ ихъ, передается позднѣйшему потомству, какъ перваго ходатая за нихъ у Всемилостивѣйшаго монарха. Въ числѣ сихъ милостей одной изъ ближайшихъ къ сердцу имъ понятно есть оставленіе въ семьѣ дѣтей поступающихъ впредь на службу.

Нынѣ многіе изъ малороссійскихъ козаковъ, прослужившіе съ отличіемъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, возвратясь на родину и найдя сыновей своихъ записанными въ баталіоны военныхъ контонистовъ, являются ко мнѣ съ прошеніями о возвращеніи дѣтей ихъ въ семейства для поддержанія старости ихъ и вообще семействъ своихъ и хозяйственнаго быта.

Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что съ обращеніемъ малороссійскихъ козаковъ къ прежнему воинскому состоянію и съ учрежденіемъ вслѣдствіе того отдѣльнаго съ нихъ ежегоднаго набора на службу, сословіе сіе должно со временемъ сдѣлаться совершенно воинственнымъ и не подлежитъ уже всѣмъ постановленіямъ для другихъ сословій, а съ другой стороны, что отмѣненіемъ поступленія въ военные кантонисты сыновей козаковъ, состоящихъ на службѣ, какъ по незначительному числу оныхъ, такъ и по новому образованію набора, никакого ущерба въ поступающихъ воинахъ послѣдовать не можетъ и что напротивъ того оставленіемъ въ домахъ поступающихъ нынѣ въ кантонисты будетъ умножаться народонаселеніе козачьяго сословія, и въ особенности, поддержатся малыя семейства и общество чрезъ то получитъ существенную пользу.

Библиотека "Руниверс"

Я осмѣливаюсь представить о семъ на уваженіе Вашего Сіятельства, не благоугодно ли будетъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества, чтобы сыновья малороссійскихъ козаковъ, состоящихъ и имѣющихъ поступить на военную службу, были вовсе уволены отъ поступленія въ военные кантонисты и тѣ, которые записаны въ баталіонахъ, но по недостиженію предписаннаго возраста еще не поступили въ оные, были исключены изъ списковъ и оставлены при семействахъ своихъ“ [1]).

Мнѣніе князя Н. Г. Репнина, поданное въ особый комитетъ, не было принято во вниманіе императоромъ Николаемъ Павловичемъ и онъ присоединился къ мнѣнію тѣхъ членовъ комитета, которые придерживались того убѣжденія, что „для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оныхъ отдѣльныя самостоятельныя части, или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ.“ Конечно, это были ни на чемъ неосновательныя опасенія, такъ какъ князя Н. Г. Репнина ни въ какомъ случаѣ нельзя было упрекнуть въ проведеніи сепаратистическихъ взглядовъ, въ виду того, что онъ самъ заявлялъ, что „малороссіяне суть совершенно русскіе“ и что „вѣра, Царь и Русь есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная“; онъ лишь желалъ итти на встрѣчу правительству въ осуществленіи вопроса о военныхъ поселеніяхъ на болѣе гуманныхъ началахъ, каковой являлся отчасти потребностью времени, и хлопоталъ объ устраненіи излишнихъ репрессій по отношенію къ совершенно безобидному въ политическомъ отношеніи сословію малороссійскихъ козаковъ, только способствовавшихъ ихъ экономическому раззоренію.

25 іюня 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, опредѣлявшій обязанности козаковъ въ отношеніи военной службы и другихъ повинностей [2]), являвшійся, повидимому, тѣмъ „особымъ распоряженіемъ“, которое было обѣщано рескриптомъ отъ 6 мая 1831 г. Въ этомъ указѣ говорилось между прочимъ слѣдующее:

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.

[2]) П. С. З. № 5458.

Библиотека "Руниверс"

„Малороссійскіе козаки, въ полтавской и черниговской губерніи обитающіе, по особому снисхожденію къ разстроенному положенію ихъ, происходящему отъ недостатка земель и неимѣнія промысловъ, разновременно облегчаемы были въ платежѣ государственныхъ повинностей. Между тѣмъ, при дѣйствіи сихъ же причинъ, временная льгота, малороссійскимъ козакамъ дарованная, не могла существенно улучшить ихъ состояніе. Оно, напротивъ того, годъ отъ году болѣе разстраивалось, и нужды козачьяго сословія означенныхъ двухъ губерній постоянно возрастали въ той же мѣрѣ, въ какой само оно умножалось."

Желая облегчить козаковъ въ отношеніи уплаты податей, а также „утвердить въ военномъ состояніи, коимъ они, при пламенномъ усердіи, ревности и преданности къ Престолу, всегда отличались, особенно же въ послѣднее время, при столь быстромъ, по случаю мятежныхъ движеній въ западныхъ губерніяхъ, сформированіи изъ нихъ восьми кавалерійскихъ полковъ", императоръ Николай Павловичъ повелѣвалъ:

Учредить ежегодный наборъ по пяти человѣкъ съ тысячи, обращая рекрутовъ на укомплектованіе армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, съ назначеніемъ пятнадцатилѣтняго срока службы. Ежегодный срокъ набора устанавливался съ 15 января по 15 февраля, съ учрежденіемъ особыхъ присутствій, согласно правилъ рекрутскаго устава. По истеченіи пятнадцатилѣтняго срока службы, козаки могли возвращаться по домамъ.

Первый наборъ, согласно этому уставу, долженъ былъ быть произведенъ въ январѣ 1833 года.

Этимъ же указомъ повелѣвалось не отчуждать ни подъ какимъ видомъ козачьихъ наслѣдственныхъ земель, подтверждалось право питейной торговли „въ домахъ своихъ" и налагалось, вмѣсто всѣхъ прежнихъ податей, по два рубля въ годъ съ каждой ревизской души, включая въ это число 55 копѣекъ за право продажи вина.

Любопытныя свѣдѣнія о приведеніи въ исполненіе отчасти этого указа и позднѣйшаго, отъ 8 ноября 1832 г., нѣсколько его видоизмѣнявшаго, сообщаетъ очевидецъ, г. М. Номисъ, въ своихъ „замѣткахъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сер-

Библиотека "Руниверс"

дюкова" [1]). Изъ этого сообщенія видно, какъ оба указа поразили своей неожиданностью козаковъ и какъ они шли въ разрѣзъ съ желаніями князя Н. Г. Репнина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы возможно болѣе разрѣдить вольнолюбивый элементъ, мечтавшій о возстановленіи старинныхъ вольностей и обращеніи козаковъ въ ихъ прежнее воинственное состояніе, 30 сентября 1832 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія о переселеніи малороссійскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ однодворцами и прочими казенными поселянами для поступленія въ кавказскія козачьи линейныя войска и полки [2]).

Для облегченія козакамъ переселенія, еще въ 1831 г. были изданы два указа, въ одномъ изъ которыхъ отъ 18 февраля [3]) дозволялось совершать акты, представленные въ малороссійскія присутственныя мѣста отъ козаковъ, на продажу или залогъ ихъ пемель, по дѣламъ, вчатымъ до полученія указа отъ 25 ноября 1828 г., которымъ воспрещалась дальнѣйшая распродажа козачьихъ земель; въ другомъ указѣ, отъ 21 февраля [4]), дозволялось зереселяющимся въ Анапу козакамъ продавать собственныя ихъ земли, кому они желаютъ, кромѣ тѣхъ участковъ, которые со всѣхъ сторонъ граничатъ съ владѣніями другихъ козаковъ, каковые должны быть переуступаемы или сосѣднимъ владѣльцамъ козакамъ, или причисляемы къ общественнымъ или казеннымъ землямъ, съ назначеніемъ владѣльцамъ безобидной платы отъ казны.

Ко времени этого усиленнаго переселенія малороссійскихъ козаковъ на Кавказъ нужно отнести, вѣроятно, любезно сообщенный намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, изустный разсказъ одной старухи, слышанный имъ въ 1878 г. въ станицѣ Ардонской Терской области о „дивочомъ наборѣ". Старуха эта родомъ изъ м. Переволочной полтавской губерніи попала на Кавказъ въ 1832—34 гг., именно, вслѣдствіе „дивочого набора":—по ея разсказу тогда приказано было въ государственныхъ имѣніяхъ пол-

[1]) „Кіев. Стар." 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.
[2]) П. С. З. № 5630.
[3]) П. С. З. № 4371.
[4]) П. С. З. № 4763.

Библиотека "Руниверс"

тавской и черниговской губерній набрать 500 „дивчатъ“ и доставить по этапу на Кавказъ; распоряженіе это было исполнено и „дивчата“ были перевѣнчаны съ козаками, два полка которыхъ были командированы изъ малороссійскихъ губерній, послѣ участія въ усмиреніи польскаго возстанія, на Кавказъ и поселены тамъ станицами.

Главнымъ противникомъ взглядовъ князя Н. Г. Репнина относительно обращенія малороссійскихъ козаковъ въ ихъ „прежнее воинственное состояніе“, въ видѣ особой сословной единицы, былъ тогдашній предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ (съ 1827 г.), возведенный въ 1831 г. въ княжеское достоинство, Викторъ Павловичъ Кочубей, боявшійся призраковъ сепаратизма и подсказывавшій императору Николаю Павловичу о необходимости принятія немедленныхъ мѣръ къ полной ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочимъ населеніемъ края.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Письма Н. И. Костомарова къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ.

Извѣстно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился Н. И. Костомаровъ къ семьѣ Бѣлозерскихъ въ тѣ годы, когда постигла его бѣда, окончившаяся ссылкой въ Саратовъ въ 1848 году. Особенно близокъ къ семьѣ Костомаровыхъ (къ матери и сыну) былъ Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, помогавшій несчастной матери въ дѣлѣ хлопотъ ея у начальства о судьбѣ сына и составлявшій ей всѣ письма къ такимъ высокимъ особамъ, какъ гр. Орловъ и Дубельтъ. Во время пребыванія своего въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ велъ переписку съ В. М. Бѣлозерскимъ, и письма его, конечно, могутъ представлять большой интересъ для насъ, какъ свидѣтели тѣхъ настроеній, какія переживались изгнанникомъ въ его томительномъ уединеніи. Изъ Саратова-же переписывался онъ и съ Николаемъ Мих. Бѣлозерскимъ, какъ съ человѣкомъ, интересовавшимся тѣми-же вопросами науки, которые близки были и нашему историку. Часть этихъ писемъ, сохранившаяся у вдовы покойнаго Н. М. Бѣлозерскаго, любезно доставлена ею въ редакцію нашего журнала, за что мы приносимъ ей глубочайшую благодарность, а самыя письма помѣщаемъ тутъ-же, какъ интересные матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.

I.

Саратовъ іюля 16-го 1848 г.

Любезнѣйшій, незабвеннѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Не въ добрый часъ выѣхалъ я изъ С.-Пб. Вообразите, что маменьки до сихъ поръ нѣтъ, и извѣстія никакого... Если бъ я

Библиотека "Руниверс"

зналъ, что дѣлается на Руси, то ни за что бы не отпустилъ ее. Но проѣхавши 1500 верстъ пространства, тамъ и сямъ зачумленнаго холерою, да въ добавокъ прожив три недѣли въ городѣ, также не лишенномъ этой проклятой гостьи, я въ отчаяніи. Увѣдомите меня, пожалуйста, когда она выѣхала, если Вы сами здравствуете. Мнѣ же отвсюду скорбь и тѣснота велія: съ одной стороны грозитъ мнѣ потеря матери, потеря, которую я едва ли вынесу, ибо вслѣдъ за нею меня ожидаетъ ужаснѣйшее сиротство,—съ другой стороны матушка послала Мазуровой билетъ съ рыцарскою довѣрчивостью;—вмѣсто того, чтобы получить этотъ билетъ съ первой почтой, я не имѣю объ немъ увѣдомленія и черезъ пять почтъ; здѣсь же томитъ меня такая убійственная грусть, которую описать не возможно. Заняться нечѣмъ; читать нечего. *Горе мнѣ на чужинѣ* и только.

Сдѣлайте милость напишите ко мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомите меня: что стоитъ Allgemeine Zeitung за настоящій годъ; я попрошу Васъ, принявъ отъ меня деньги, выписать для меня этотъ журналъ, ибо мнѣ очень хочется систематически изучить перевороты 1848 года, а какъ этотъ журналъ, во-первыхъ, отличается обширностью, а, во-вторыхъ, придерживается консервативнаго духа, болѣе сообразнаго съ идеями нашего правительства и потому менѣе подверженъ проскрипціи, то кажется я не ошибусь, выбравши его за главный источникъ въ этомъ дѣлѣ.

Если будете писать Кулешу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулешу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ; П. А. безспорно созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить времени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античскаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслужившихъ справедливое удивленіе народовъ.

Прощайте.—Желаю Вамъ всякаго благополучія. Вамъ преданный на всегда Н. Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Узнайте, сдѣлайте милость, о Федорѣ Андреевичѣ Владиміровѣ и куда писать ему. Душевно уважая этого человѣка, я лишенъ возможности съ нимъ бесѣдовать до тѣхъ поръ, пока мнѣ будетъ извѣстенъ адресъ его. Губернаторъ опредѣлилъ меня переводчикомъ при своей канцеляріи, я получаю 1200 р. асс. жалов., но къ сожалѣнію, ничего не перевожу, и жажду дѣла!

II.

Саратовъ: іюля 20 1848 г.

Любезнѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Недавно я отправилъ Вамъ письмо, теперь посылаю другое, съ покорнѣйшей просьбой:

Такъ какъ у Васъ остается маленькая сумма, которую я (сумма-то собственно моя) предоставляю Вамъ или оставить на продолжительный срокъ, или заплатить по частямъ, или какъ угодно, но во всякомъ случаѣ *главное то, что у Васъ есть мои деньги. Это-то* меня побуждаетъ просить Васъ о слѣдующемъ: сходите въ магазинъ Исакова, подпишитесь за меня на Брюссельское изданіе Revue des deux mondes и предоставьте Исакову высылать его въ Саратовъ на мое имя. Газета эта стоитъ 12 р. съ перес. въ годъ.

Маменька пріѣхала и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.—Я доволенъ, что она передала Вамъ моего Отца Анастасія.

Вамъ предан. на всегда Н. Костомаровъ.

Холера, слава Богу, наконецъ прекратилась въ мѣстѣ моего изгнанія.

III.

Саратовъ. февраля 16-го, 1849 г.

Почтеннѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Я не знаю, что за причина, что Вы меня совершенно забыли, но не чувствую ничего за собою, потому и приписываю знаятіямъ Вашимъ по службѣ и разнымъ хлопотамъ то, что я

Библиотека "Руниверс"

не имѣлъ еще удовольствія получить отъ Васъ ни одной строчки за цѣлый годъ. Признаюсь, я думалъ даже, не постигла ли Васъ эпидемія и это меня очень безпокоило, но къ счастью знакомый мой, Герещенко, увѣдомилъ меня, что Вы живы, и прислалъ свѣдѣніе о мѣстопребываніи Вашемъ.

Я обращаюсь къ Вамъ съ слѣдующею просьбою: изъ суммы денегъ, которую Вы заняли, употребите—если это Васъ не обременитъ при Вашихъ обстоятельствахъ,—24 руб. сер. и отдайте ихъ въ газетную экспедицію, дабы оная мнѣ высылала за цѣлый 1849 годъ Allgemeine Zeitung; сдѣлайте для меня это одолженіе, какъ можно поскорѣе. Вы очень меня этимъ обяжете, а если не можете, то увѣдомите меня, чтобъ я иначе заблаговременно распорядился по этому предмету. Мнѣ очень было бы пріятно услышать вѣсть о Василіи Михайловичѣ и о Кулешѣ: здоровы ли они и гдѣ они?

Примите увѣреніе въ искренней моей къ Вамъ преданности, готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

Матушка моя Вамъ передаетъ свое глубочайшее уваженіе.

P. S. Сдѣлайте милость—не забудьте объ Allgem. Zeit. Я вамъ очень, очень благодаренъ за прошлогодній.

IV.

19 генваря 1851 г. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Благодарю за письмо и желаніе мнѣ добра! Въ извѣстіи Вашемъ о дѣлѣ матери моей мнѣ то кажется необъяснимымъ: почему дѣло приняло характеръ уголовный, когда на второй билетъ хозяина не явилось? Не должно ли бы послужить это скорѣе къ пользѣ матери моей и благополучнѣйшей развязкѣ дѣла. Если бы явился хозяинъ на второй билетъ, тогда казалось бы, было хуже, ибо тогда уже непремѣнно кто-нибудь изъ двухъ тяжущихся есть владѣлецъ спорнаго билета, а когда два билета, то можетъ быть одинъ изъ нихъ принадлежитъ матери моей, а другой Правдину. Потрудитесь, почтеннѣйшій Викторъ

Библиотека "Руниверс"

Михайловичъ, объяснить мнѣ это и скорѣе, потому что это ужасно томитъ и мучитъ. Мнѣ ужасное горе: меня обворовали въ ноябрѣ и украли билетъ Опек. Сов. на 8200 р. сер., однако именной, но тѣмъ не менѣе идетъ теперь публикація, а я сижу въ стѣснительномъ положеніи. Вотъ новая бѣда. Цѣпь горестей вяжетъ всю жизнь мою. Въ добавокъ я просился жениться, но меня не пустили въ Кіевъ. Ни за что. Горе! горе! горе! со всѣхъ сторонъ горе!

Извѣстіе объ освобожденіи Пант. Алек. доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему по кратковременномъ страданіи.

Свидѣтельствую истинное уваженіе моей матери Вамъ и супругѣ Вашей Ульянѣ Павловнѣ, и всему семейству ея. Примите отъ меня истинное желаніе Вамъ всѣхъ благъ, съ которымъ, при глубочайшемъ моемъ уваженіи и полной признательности за Ваше ко мнѣ участіе, пребываю Вамъ преданнымъ Костомаровъ.

Сегодня получилъ письмо Ваше; сегодня и отвѣчаю. Боюсь пропустить почту, чтобъ получить отъ Васъ скорѣе извѣстіе о дѣлѣ, а потому спѣшу и пишу такъ скверно.

Нѣкоторымъ разъясненіемъ къ этому дѣлу о пропажѣ билета служатъ сохранившіяся у вдовы Н. М. Бѣлозерскаго: довѣренность Т. П. Костомаровой на веденіе этого дѣла, письмо ея къ В. М. Бѣлозерскому, а также письмо къ нему-же—студента А. Г. Тихменева. Все это мы находимъ нужнымъ помѣстить здѣсь-же.

Довѣренность Т. П. Костомаровой на имя Г. Г. Сребдольскаго.

Милостивый Государь
Григорій Григорьевичъ!

Имѣя надобность ѣхать въ г. Саратовъ и лишаясь чрезъ это возможности лично наблюдать за дѣломъ о ломбардномъ билетѣ въ 1500 р. сер., присвояемомъ крестьяниномъ Правди-

Библиотека "Руниверс"

нымъ, я покорнѣйше прошу Васъ принять на себя трудъ слѣдить за этимъ дѣломъ вездѣ, куда бы оно ни поступило, а также подавать просьбы, если укажетъ надобность, выслушивать рѣшенія, объявлять довольство или недовольство, получать деньги и вообще поступать такъ, какъ Вамъ покажется найлучшимъ и, что бы Вы или довѣритель Вашъ по этому дѣлу законно ни учинили, я спорить и прекословить не буду.

Вашею покорнѣйшею ко услугамъ вдова капитана Татьяна Петрова дочь Костомарова.

2 іюня 1848 года.

Письма Т. П. Костомаровой къ В. М. Вѣлозерскому.

I [1]).

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Извините меня, что я осмѣлилась васъ безпокоить. Уже другой годъ я выѣхала столицы; отъ васъ не получаю ни одной строчки. Сынъ мой писалъ вамъ четыре письма, вы не дали отвѣту ни на одно письмо. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось такая перемѣна. Я чувствую ваше доброе расположеніе ко мнѣ, чувствительно благодарю васъ за ваше стараніе. Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня о моихъ деньгахъ, я уже никакого свѣдѣнія не имѣю, что тамъ дѣлается; неизвѣстность меня мучитъ. Я отчаялась уже ихъ получить. Я совсѣмъ было собралась ѣхать въ Петербургъ, сынъ мой заболѣлъ въ іюнѣ, до сихъ поръ лѣчится. Уже семь тысячъ прожили въ Саратовѣ; Богъ знаетъ, что будетъ съ нимъ, никуда не годится. Горькая наша жизнь! Прошу и умоляю васъ, добрый благодѣтель мой, увѣдомите меня о билетѣ; будьте такъ добры! Вы на дѣлѣ доказали мнѣ свою добродѣтель, и теперь надѣюсь на васъ. Я писала два письма Авдотьѣ Матвѣевнѣ: одно изъ Москвы, другое—Саратова, но забыла тотъ домъ, гдѣ онѣ жили; писала прямо Букуновой.

Прошу васъ покорнѣйше Авдотьѣ Матвѣевнѣ и всему ихъ доброму семейству засвидѣтельствуйте мое душевное почтеніе.

[1]) Съ сохраненіемъ стиля, но безъ сохраненія орфографіи.

Библиотека "Руниверс"

Благодарю ихъ за ихъ ласки и за доброе ко мнѣ расположеніе.

Прошу васъ, ежели можно, пришлите денегъ по векселю сколько можете; мы разоряемся въ конецъ за болѣзнію Николая.

Остаю, свидительствую вамъ мое душевное почтеніе, желаю вамъ всѣхъ благъ, милостивой государь, покорная къ услугамъ Татьяна Костомарова.

Адресъ: первой части въ домѣ Василія Степановича Смирнова.

1849 ноября 16. Саратовъ.

II [1]).

Саратовъ. генваря 22 1850 года.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Получивъ почтеннѣйшее письмо Ваше съ пятьюдесятью рублями серебромъ, я приношу Вамъ искреннюю благодарность, а еще болѣе за Ваше доброе расположеніе, оказанное благосклоннымъ принятіемъ на себя ходатайства по моему дѣлу съ Правдинымъ. Я написала на векселѣ, что нужно. Относительно того, сколько Вы можете тратить изъ той суммы, которую остались мнѣ должными, я совершенно предоставляю это на Ваше усмотрѣніе и прошу покорнѣйше не жалѣть этихъ денегъ, лишь бы была возможность скорѣе избавиться отъ халепы! Я только прошу Васъ покорнѣйше, если это Васъ не затруднитъ, прислать для моего сына отъ Белгизара итальянскую книгу Opera complete de Manzoni, которая стоитъ по каталогу 3 р. сер., и италіанскую грамматику, которая стоитъ 1 р. 70 (Martelli cour de langue italienne), что выйдетъ съ пересылкою не болѣе пяти рублей серебромъ, чѣмъ много одолжите моего сына, душевно Васъ уважающаго и искренно Вамъ преданнаго со дня знакомства съ Вами. Посылаю при этомъ довѣренность, совершенную въ Саратовской Гражданской палатѣ. Прошу покорнѣйше передать глубочайшее уваженіе мое почтеннѣйшей Вашей супругѣ Ульянѣ Павловнѣ и всему многоуважаемому семейству Вашему. Сынъ

[1]) Писано рукою сына.

Библиотека "Руниверс"

мой Вамъ кланяется и сердечно благодаритъ Васъ за участіе въ немъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и искреннею преданностью имѣю честь пребывать Вашею, Милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

III [1]).

4-го декабря. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Позвольте мнѣ воспользоваться для обращенія къ Вамъ съ просьбою. Со времени отѣзда моего изъ Санктпетербурга, я рѣшительно не знаю ничего о моемъ дѣлѣ, въ которомъ Вы, по добротѣ Вашей, принимали участье. Хотя сынъ мой не разъ писалъ Вамъ, но не получалъ отвѣта: вѣроятно, Вы имѣли на то свои достаточныя основанія. Теперь ѣдетъ въ Санктпетербургъ добрый нашъ знакомый Александръ Васильевичъ Герещенко. Сдѣлайте милость примите на себя трудъ объяснить ему, въ какомъ положеніи мое дѣло о билетѣ и не предстоитъ ли мнѣ необходимость самой отправиться въ Санктпетербургъ?

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности. Вамъ, милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

IV [2]).

Добрѣйшій Викторъ Михайловичъ.

Покорнѣйше васъ прошу пришлите мнѣ денегъ, не откажите въ моей просьбѣ. Я больна цѣлую зиму: ревматизмъ въ обѣихъ рукахъ, нарывъ на правой рукѣ, на ладони два раза рѣзали, теперь едва пальцы перо держутъ; свело пальцы, никуда не гожусь. Николай безъ должности, мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованья, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ.

---

[1]) Писано рукою сына.

[2]) Съ сохраненіемъ стиля.

Библиотека "Руниверс"

Меня доктора посылаютъ на сѣрныя воды въ Самару отъ ревматизма. А денегъ нѣтъ. Рука болитъ, не могу писать. Я на васъ надѣюсь, не оставьте безо вниманія моей просьбы, пожалѣйте меня безрукую.

Остаюсь съ моимъ уваженіемъ Татьяна Костомарова.

Апрѣля 25-го.

Письмо студента СПБ. Унив. Алекс. Григ. Тихменева (безъ даты; д. б. въ концѣ 1851 года) къ В. М. В.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Осмѣливаюсь обратитися къ Вамъ, хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ Вами, по дѣлу Татьяны Петровны Костомаровой о пропажѣ 1500 р. сер., по дѣлу, по которому Вы когда-то здѣсь хлопотали. Въ 1850, кажется увѣдомили Вы Татьяну Петровну, что дѣло о фальшивомъ предъявленіи права крестьянина Правдина на $1^1/_2$ тыс. сер., положенныя г-жею Костомаровой въ ломбардъ,—перешло въ уголовную палату. Съ тѣхъ поръ о положеніи этого дѣла Тат. Петр. ничего не знаетъ; когда я отправлялся въ Петербургъ изъ Саратова, то она поручила мнѣ справиться о немъ. Лишнее будетъ говорить Вамъ, какъ трудно это сдѣлать въ Присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ такое безконечное множество дѣлъ, въ которыхъ такъ кропотно отыскивать требуемое, тѣмъ болѣе для меня, потому что я не болѣе, какъ неопытный студентъ. По этимъ то причинамъ и вдобавокъ на основаніи общаго знакомства нашего съ Татьяной Петровной и почтеннымъ Николай Ивановичемъ,—я рѣшился писать къ Вамъ и просить Васъ о сообщеніи мнѣ всевозможныхъ подробностей дѣла, бывшаго въ Вашихъ рукахъ; кѣмъ и гдѣ производилось слѣдствіе? въ чью пользу оно кончилось? за какимъ номеромъ и когда поступило это дѣло въ уголовную палату, если только у Васъ сохранился этотъ номеръ? Неизвѣстно-ли Вамъ хода его въ уголовной палатѣ? Если невозможно Вамъ отвѣчать съ точностью на эти вопросы, то по крайней мѣрѣ приблизительно.

Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пант. Александ., ободрили меня и заставили рѣшиться написать это письмо къ Вамъ, увѣривъ меня, что Вы благосклонно примете его и почтите меня

Библиотека "Руниверс"

Вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Иванов. и къ Тать. Петров.

Я увѣрился въ этомъ такъ, что начинаю безъ сомнѣнія ожидать отъ Васъ отвѣта на мои вопросы, отвѣта, котораго я смѣю просить у Васъ въ наискорѣйшемъ времени.

Затѣмъ имѣю честь остаться Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугой А. Тихменевъ.

Адресъ мой. Въ С.-Петербургъ Студенту Петербургскаго Университета Александру Григорьевичу Тихменеву, въ Университетъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются два сохранившіяся письма Н. И. Костомарова къ Ник. Мих. Бѣлозерскому: тутъ ужъ мы находимъ не вопросы житейской суеты, но темы, соприкасающіяся съ наукой и литературой.

I.

(Получено изъ Саратова въ Хуторѣ Мотроновкѣ, Черниг. губ. Борзенскаго уѣзда 23 ноября 1856 г.)

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ.

Я получилъ письмо Ваше нѣсколько поздно и спѣшу послать Вамъ „сказаніе о гетманахъ до Богд. Хм.“, списанное съ рукописи XVIII вѣка. Благодарю Васъ отъ всей души за южно-русскія лѣтописи; я уже составилъ разборъ ихъ, который будетъ напечатанъ. Я покорнѣйше прошу позволить имѣть съ Вами постоянную переписку, тѣмъ болѣе, что мы занимаемся однимъ и тѣмъ же предметомъ. Я намѣренъ издать критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи Южной-Руси и пріостановился по причинѣ глазной болѣзни, оторвавшей меня отъ занятій; если мнѣ не будетъ хуже, я уѣду въ Петербургъ продолжать мое дѣло и прошу Васъ не лишить меня тогда Вашего добраго расположенія и совѣтовъ въ этомъ предпріятіи. Не знаю, сообщилъ ли Вамъ Пантелеймонъ Александровичъ то, что я ему писалъ относительно одной важной думы, но какъ Вы занимаетесь и собираніемъ народныхъ памятниковъ, то я не считаю излишнимъ извѣстить Васъ о слѣдующемъ. Одинъ малороссіянинъ, служащій въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, говорилъ, что онъ слышалъ въ Украинѣ думу, описывающую замурованіе гетмана Косинскаго въ каменный столбъ;—фактъ этотъ, какъ Вамъ извѣстно, находится у одного подозрительнаго Конисскаго.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ Вы живете въ Украинѣ, то Вамъ легко постараться отыскать ее, если она существуетъ, особенно при Вашемъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и совершенной преданности, съ которыми навсегда пребываю Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою Николай Костомаровъ.

Саратовъ. октября 21 1856 г.

II.

Получено (изъ Саратова?) въ Мотроновкѣ 1857 г., апрѣля 6-го.

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ!

Причиною медленности посылки то, что она было затерялась, однако отыскалась.

Изъ источниковъ, о которыхъ Вы пишете, Львовская лѣтопись напечатана въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г. Списокъ лѣтописи Грабянки не заключаетъ важныхъ отличій, и хуже напечатаннаго списка; въ собраніи реляцій и пр... хотя были любопытныя вещи, какъ напримѣръ, Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, гдѣ онъ запрещаетъ бунтовать противъ жолнеровъ (1652 г.), приказъ Сологубу, начинающійся очень забавно; *тобѣ скурвому сыну Сологубу*, реляція о битвахъ подъ Ж. Вод. и Корсунемъ по польски, но во время Кіевскаго погрома мнѣ не дослали самаго любопытнаго, такъ какъ пропали и лѣтопись Ерлича со множествомъ современныхъ пѣсенъ, чего я не могу забыть во всю жизнь. Двѣ лѣтописи въ 1849 я отослалъ Бодянскому, ибо тогда дѣятельность его въ изданіи южно-русскихъ лѣтописей подавала надежду и увѣренность, что всякій списокъ лѣтописи болѣе всего можетъ быть полезенъ, когда попадется въ его руки.

Краевскій не далъ мнѣ оттисковъ, хотя и обѣщалъ. Если Вы спросите: какъ это?—то я отвѣчу: *такъ*. Я напечаталъ въ Отеч: Запискахъ разборъ Вашего изданія. Вѣроятно уже Вы читали его. Въ концѣ апрѣля я уѣзжаю за границу, а потому если Вамъ будетъ угодно писать ко мнѣ, то пишите скорѣе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь Вамъ предан. Н. Костомаровъ.

Марта 12 1857 г.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, мѣстомъ для предстоящаго въ августѣ 1899 года археологическаго съѣзда избранъ нашъ Кіевъ, которому, какъ матери городовъ русскихъ, подобаетъ обставить этотъ съѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ не слабѣе, чѣмъ былъ обставленъ, напримѣръ, послѣдній съѣздъ въ Ригѣ. Мы сообщали уже (см. № 2, стр. 311) о тѣхъ подготовительныхъ занятіяхъ къ этому съѣзду, которыя происходили въ Москвѣ въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета. Теперь мы рѣшаемъ постоянно отмѣчать все то, что будетъ предпринято въ этомъ дѣлѣ новаго.

Для удобства веденія этихъ работъ, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года образовано кіевское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству съѣзда, которое въ іюнѣ мѣсяцѣ имѣло первое свое засѣданіе. Для ознакомленія читателей съ работами этого отдѣленія, мы помѣщаемъ, съ согласія членовъ его, полностію протоколъ этого засѣданія, разсчитывая и впредь, по утвержденіи каждаго новаго протокола, публиковать его для интересующихся ходомъ подготовительныхъ занятій.

Протоколъ перваго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, 20-го іюня 1897 г.

Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, присутствовали члены: проф. П. В. Владимировъ, проф. П. В. Голубовскій, проф. В. С. Иконниковъ, доцентъ В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, В. А. Кордтъ, В. Г. Лясковронскій, І. А. Малиновскій, проф. Н. И.

Библиотека "Руниверс"

Петровъ, проф. Т. Д. Флоринскій, проф. Ѳ. Я. Фортинскій, приватъ доцентъ М. Н. Ясинскій и В. И. Щербина.

1. По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, заслуж. ордин. профессоръ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ заявилъ, что, по просьбѣ г. Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, онъ въ концѣ мая приступилъ къ сформированію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 г. въ г. Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, для чего и обратился къ различнымъ существующимъ въ г. Кіевѣ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ съ предложеніемъ избрать депутатовъ или представителей въ означенное Отдѣленіе Предварительнаго Комитета, а равно и къ отдѣльнымъ лицамъ съ просьбой принять участіе въ трудахъ Отдѣленія въ качествѣ его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что до настоящаго времени получено согласіе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія Предварительнаго Комитета отъ слѣд. ученыхъ Обществъ и учрежденій, а равно отъ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ лицъ: 1) отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, которое въ засѣданіи 31 мая избрало своими депутатами въ означ. Отдѣленіе: В. И. Щербину, И. М. Каманина, М. Н. Ясинскаго, А. М. Лазаревскаго, В. П. Науменка, І. А. Малиновскаго и Вас. Г. Ласкоронскаго; 2) отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, депутатами котораго избраны: проф. Н. И. Петровъ и доцентъ В. З. Завитневичъ; 3) отъ Кіевской Археологической Коммиссіи, назначившей своимъ депутатомъ дѣйств. члена Коммиссіи О. И. Левицкаго; 4) Отъ Кіевской Духовной Академіи, депутатами отъ которой назначены проф. П. А. Лашкаревъ, проф. И. Н. Корольковъ и доцентъ Ѳ. И. Титовъ и 5) отъ профессоровъ П. В. Голубовскаго, Н. И. Петрова и Ѳ. И. Титова.

Кромѣ того, по предложенію В. Б. Антоновича, въ члены Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета единогласно избранъ приглашенный въ настоящее засѣданіе г. Ректоръ университета св. Владиміра Ѳ. Я. Фортинскій.

2. Затѣмъ г. Предсѣдательствующій въ настоящемъ засѣданіи предложилъ приступить къ выбору посредствомъ закрытыхъ записокъ должностныхъ лицъ Отдѣленія Комитета: предсѣдателя, секретаря и казначея. Всѣ присутствующіе въ засѣданіи члены Отдѣленія едино-

Библиотека "Руниверс"

гласно просили В. Б. Антоновича принять на себя званіе предсѣдателя, на что и послѣдовало согласіе.

По произведенной затѣмъ баллотировкѣ избранными оказались: въ секретари Отдѣленія Комитета М. Н. Ясинскій и въ казначеи И. М. Каманинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по заявленію г. Предсѣдателя и нѣкоторыхъ присутствовавшихъ членовъ, было тогда же признано необходимымъ, въ виду предстоящей Отдѣленію многочисленной переписки и вообще письменной работы, дать въ помощь секретарю Отдѣленія письмоводителя или писца, на что, а равно и на печатаніе бланковъ и проч. канцелярскіе расходы, рѣшено ассигновать потребную сумму изъ средствъ, находящихся и имѣющихъ быть въ распоряженіи Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета.

3. Слушали отношеніе Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, отъ 13 іюня за № 1037, адресованное въ Историческое Общество Нестора-лѣтописца 1) съ извѣщеніемъ объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ будущаго XI-го Археологическаго Съѣзда, 2) съ просьбой, обращенной къ Обществу Нестора-лѣтописца и въ частности къ его Предсѣдателю В. Б. Антоновичу, стать во главѣ дѣла по сформированію мѣстнаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и оказать всякое содѣйствіе Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ его трудахъ по устройству XI-го Археол. съѣзда въ г. Кіевѣ и 3) съ сообщеніемъ, что изъ Высочайше пожалованнаго Императорскому Московскому Археологическому Обществу на устройство археологическихъ съѣздовъ, предварительныя къ нимъ работы и изслѣдованія и изданіе трудовъ археологическихъ съѣздовъ и предварительныхъ къ нимъ комитетовъ постояннаго пособія, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей въ годъ, означенное Общество постановило передать Кіевскому Предварительному Комитету на изслѣдованія и прочія работы въ настоящемъ 1897 г. 1000 рублей. Къ этому г. Предсѣдатель присовокупилъ, что упомянутая тысяча руб. уже получена и вручена въ настоящемъ засѣданіи избранному казначею Отдѣленія.

4. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что, одновременно съ назначеніемъ г. Кіева мѣстомъ будущаго XI-го археологическаго съѣзда, было рѣшено обратить главное вниманіе на изслѣдованіе въ археологич. отношеніи Волыни и что на ассигнованную Кіевскому Отдѣленію Комитета 1000 руб. должны быть произведены текущимъ лѣтомъ раскопки и изысканія въ районѣ Волынской губерніи. Въ виду этого г. Предсѣдатель предложилъ присутствующимъ членамъ Отдѣленія заявить,

Библиотека "Руниверс"

не желаетъ ли кто-либо изъ нихъ взять на себя трудъ по изслѣдованію той или другой части Волынской губ., а вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ, что членъ Московскаго Археологическаго Общества Н. Ѳ. Бѣляшевскій и членъ корреспондентъ того же Общества г-жа Е. Н. Мельникъ вошли уже съ ходатайствомъ о порученіи имъ экскурсій изъ числа, предложенныхъ для изслѣдованія первобытныхъ древностей Волыни.

Выслушавъ представленныя г. Предсѣдателемъ соображенія о томъ, какія части Волыни наиболѣе нуждаются въ предварительномъ изслѣдованіи и раскопкахъ и какія средства потребны для этого въ текущемъ году, Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета опредѣлило: 1) поручить производство означенныхъ изслѣдованій и раскопокъ: В. Б. Антоновичу въ Кременецкомъ, Дубенскомъ и Заславскомъ уѣздахъ Волынской губ.; члену Московск. Археологич. Общества Н. Ѳ. Бѣляшевскому по обоимъ берегамъ р. Буга въ губерніяхъ: Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской, и члену корреспонденту того-же Общества г-жѣ Е. Н. Мельникъ въ Луцкомъ, Ровенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ Волынской губ. 2) просить поименованныхъ лицъ представить въ Отдѣленіе Комитета краткіе отчеты о произведенныхъ ими по его порученію разслѣдованіяхъ и 3) выдать или выслать нынѣ же каждому изъ вышепоименованныхъ лицъ пособіе въ размѣрѣ 200 руб. съ тѣмъ, что если эта сумма окажется недостаточной, то она можетъ быть увеличена до 250 рублей.

5) Слушали отношеніе г. Волынскаго Губернатора отъ 17 іюня 1897 г. за № 3540 о томъ, что имъ сдѣлано уже распоряженіе объ оказаніи чинами полиціи всякаго содѣйствія лицамъ, командированнымъ Комитетомъ въ Волынскую губернію для производства археологическихъ разслѣдованій и раскопокъ.

6) Слушали сообщеніе г. Предсѣдателя о предполагаемыхъ во время будущаго съѣзда поѣздкахъ и о томъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставлено Кіевскому Отдѣленію Предварительнаго Комитета.

Опредѣлено: просить г. Предсѣдателя составить проектъ этихъ поѣздокъ и между прочимъ одной въ предѣлахъ волынской губерніи.

В. Г. Григоровичъ-Барскій. (*По поводу 150-ти лѣтія со дня его смерти*). 7-го октября 1747 года скончался знаменитый нашъ паломникъ по св. мѣстамъ Европы, Азіи и Африки Василій Григорьевичъ Григоровичъ-Барскій.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолженіе 24-хъ лѣтъ неутомимый путешественникъ странствовалъ по св. мѣстамъ трехъ частей свѣта, составляя подробное описаніе видѣннаго. Описаніе его православныхъ святынь востока интересно благодаря рѣдкому безпристрастію разсказа объ этихъ мѣстахъ, бывшихъ почти terra incognita для путешественниковъ-иностранцевъ. Предки знаменитаго путешественника переселились въ Кіевъ около 1648 г., т. е. во время гоненій на православную вѣру, изъ своей родины подольскаго города Бара. Отецъ его, Григорій Ивановичъ, поселился въ Кіевѣ въ Печерской слободѣ, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1701 году нашъ славный «пѣшеходецъ». Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался живостью характера и, не смотря на противодѣйствіе отца, благодаря заступничеству матери, поступилъ въ кіевскую академію. Потомъ, подчиняясь давнему своему стремленію въ чужія страны, онъ оставилъ родной домъ, чтобы сопутствовать одному товарищу въ Львовъ. Тамъ, желая проникнуть въ іезуитскую академію, онъ объявилъ себя Барскимъ, уроженцемъ нольскаго города Бара, но обманъ скоро былъ открытъ, и 23 апрѣля 1724 года В. Г. вышелъ изъ Львова, направляясь въ «Баръ-градъ». А затѣмъ, черезъ Римъ, Флоренцію, Болонью и Феррару, онъ прибылъ въ Венецію, гдѣ изучалъ греческій языкъ. Изъ Венеціи черезъ Корфу, Хіосъ, Солунь, В. Г. прибылъ въ Палестину. Отсюда онъ посѣтилъ Каиръ, Александрію, Синай и поселился въ Триполи, гдѣ также изучалъ греческій языкъ. Путешествіе В. Г. было очень тяжелое, по нерѣдко случавшемуся полному отсутствію для того средствъ, и лишь благодаря сердобольнымъ людямъ добивался онъ своей цѣли.

Въ 1734 году В. Г. постригся въ монахи и удалился на островъ Патмосъ, гдѣ изучалъ греческую богословскую литературу. Въ 1741 г., соскучась за родиной, В. Г. писалъ своему товарищу Тодорскому, учителю новооткрытаго греческаго училища въ Кіевѣ, прося должности при этомъ училищѣ. Благодаря этому о Барскомъ узнала императрица Елисавета Петровна и чрезъ графа А. К. Разумовскаго приняла участіе въ его судьбѣ. Ему было предложено мѣсто посольскаго священника въ Константинополѣ, но В. Г. отказался и продолжалъ свои странствованія. Только въ сентябрѣ 1747 г., наконецъ, вернулся знаменитый путешественникъ на родину, но тутъ пожилъ не долго, такъ какъ 7 октября скончался. Кіевъ почтилъ его торжественнымъ погребеніемъ. И теперь еще сохраняется надгробная плита у церкви Братскаго монастыря, указывающая, гдѣ положенъ прахъ неутомимаго пѣшехода. Составленное Барскимъ подробное опи-

Библиотека "Руниверс"

саніе своего путешествія было напечатано уже въ концѣ прошлаго вѣка, а недавно повторено въ великолѣпномъ изданіи Палестинскимъ обществомъ.

Черниговская архивная коммиссія открыла свои дѣйствія. 15 іюня сего года состоялось первое ея публичное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ графа Г. А. Милорадовича, при участіи слѣдующихъ членовъ: князя Н. Д. Долгорукова, П. В. Евстафьева, Н. М. Волкова, Г. П. Булацеля, Ю. П. Антонюка, А. А. Ханенка, Н. П. Рудова, В. В. Баршевскаго, В. О. Круковскаго, А. А. Шанъ-Гирея, М. А. Доброгаева, Г. Г. Шикуса, А. Л. Ковалевскаго и Н. В. Серебренникова.

Объявивъ засѣданіе открытымъ и изложивъ вкратцѣ историческій ходъ возникновенія въ *Черниговѣ* ученой архивной коммиссіи, предсѣдатель, согласно уставу, предложилъ избрать правителя дѣлъ коммиссіи, каковымъ и былъ единогласно избранъ присутствовавшій въ засѣданіи членъ-корреспондентъ императорскаго общества любителей древней письменности и бывшій редакторъ его *П. Н. Тихановъ*.

Заспмъ на мѣсто отказавшагося помощника предсѣдателя Ф. М. Уманца, былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя князь *Н. Д. Долгоруковъ*

Для начала Трудовъ коммиссіи, предсѣдатель предложилъ напечатать свѣдѣнія о святителѣ *Ѳеодосіи* чудотворцѣ *Черниговскомъ* по новымъ, доселѣ неизданнымъ, мѣстнымъ источникамъ, какіе сохранились въ предѣлахъ *Черниговской* епархіи. Редакцію сего матеріала выразилъ готовность принять на себя членъ коммиссіи *М. А. Доброгаевъ*.

Послѣ того заслушаны были слѣдующія предложенія предсѣдателя:

1) О приведеніи въ порядокъ музея коммиссіи и библіотеки съ находящимися въ ней рукописями, причемъ *А. Л. Ковалевскій*, завѣдывавшій доселѣ библіотекою, изъявилъ желаніе продолжать свои занятія попрежнему безвозмездно. 2) Обратиться съ просьбою къ преосвященному *Антонію*, епископу *Черниговскому* и *Нѣжинскому*, о дозволеніи описать рукописи Елецкаго монастыря. 3) Обратиться къ *А. А. Ханенку* съ просьбою отъ имени коммиссіи—дозволить обозрѣть его архивъ и библіотеку, а также неизданныя сочиненія умершаго его отца, Александра Ивановича. О результатахъ по симъ двумъ пунктамъ постановлено доложить на слѣдующемъ очередномъ собраніи коммиссіи. 4) Обратиться съ просьбою къ г. предсѣдателю *Черниговскаго* ок-

Библиотека "Руниверс"

ружнаго суда о присылкѣ для разсмотрѣнія дѣлъ архива сего суда, подлежащихъ уничтоженію и 5) войти въ сношеніе съ архивными коммиссіями и учрежденіями, преслѣдующими историко-археологическія задачи.

Въ виду недостатка пособій при разработкѣ старины *Черниговскаго* края, г. предсѣдатель коммиссіи предложилъ всѣмъ членамъ для пользованія свою библіотеку.

Всѣ предложенія предсѣдателя приняты, а послѣднее съ благодарностью.

Засимъ избраны почетными членами коммиссіи:

Преосвященные Антоній, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій, и Евѳимій, епископъ Новгородсѣверскій, начальникъ губерніи Е. К. Андреевскій, Черниговскій предводитель дворянства князь Н. Д. Долгоруковъ, генералъ-лейтенантъ графъ Г. А. Милорадовичъ, графиня П. С. Уварова, графъ С. Д. Шереметевъ, А. М. Лазаревскій, В. В. Тарновскій, П. Я. Дашковъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалѣй, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и В. С. Иконниковъ.

Въ заключеніе князь *Н. Д. Долгоруковъ* сообщилъ, что *В. В. Тарновскій* предложилъ въ даръ *Черниговскому* губернскому земству свой музей, въ высшей степени замѣчательный по коллекціи собранныхъ тамъ древностей, относящихся до Малороссійскаго края, но даръ свой жертвователь обусловилъ помѣщеніемъ всего музея нераздѣльно въ *Черниговскомъ*, такъ называемомъ, домѣ Мазепы, гдѣ нынѣ находится архивъ губернскаго правленія. (*Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1172*).

Позволительный листъ святителя Феодосія Углицкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣтках. Настоящій документъ сохранился подлинникомъ у крестьянина м. Лѣтокъ (Остерск. у.) Ивана Юрченка и представленъ имъ въ Черниговскую архивную коммиссію для ея музея. Редакція мѣстныхъ губ. вѣдомостей воспроизвела документъ на своихъ страницахъ (1897 г., № 1268) фототипическимъ способомъ, а мы его перепечатываемъ, какъ документъ, указывающій на широкое распространеніе въ Старой Малороссіи цехового устройства ремесленниковъ, при чемъ цехъ отождествлялъ собою и церковное братство.

«Хотячи мѣти въ мѣстечку нашомъ Лѣтковичахъ, а при храмѣ Святителя и Чудотворца Ніколая, звычайный межи братствами порядокъ, постановилемъ и приказалемъ, абы всѣ ковальского, бондарского

Библиотека "Руниверс"

и рымарского ремесла господарѣ были зъ собою въ едномъ братствѣ и въ едномъ цеху, и абы таковый порядокъ межи собою заховали, яковый вездѣ заховуется, то есть повинны напродъ пилное мѣти о церквѣ Божой и о украшеніи еи старане, такъ тежъ и о иншихъ учинкахъ добрыхъ, и милосердныхъ незанедбане. Повинни мѣти бачене на нищихъ и уломныхъ ведлугъ преможеня своего. Болѣзнуючихъ зась межи собою братію должни суть посѣщати, а преставшихся о Господѣ—до гроба, зъ належнымъ порядкомъ, сполне всѣ, запроважати, для чого и покрывало на мары повинны мѣти и свѣчи великіе. Братъ зъ братомъ если бы который перемовився, передъ старшимъ братомъ да примирится, а если годенъ будетъ и каранія, то повиненъ будетъ вины до скринки братской дати фунтъ воску и чвертку ладану. Схадзку (sic) маютъ мѣти зъ собою братія въ двѣ недѣли. А если бы который братъ, кромъ слушной причины, не былъ на схадцѣ, той повиненъ дати до скринки осмакъ вины. Если для похорону, албо и для якого иншого дѣла схадзки потреба будетъ—маетъ старшій братъ цыху отъ себе послати, а братія обачивши цыху повинны будутъ на схадзку стати, а если бы кто цыху у себе задержалъ и до схадзки не сталъ, таковый шагъ вины заплатитъ. Братъ яковый же ковлекъ еслибы хлопца до ремесла принялъ, абы до скринки братской обвѣстного полъ фунта воску далъ. Научивши зась ремесла, повиненъ его поставити предъ всею братіею и вызволити, и на той же часъ повиненъ дати до скринки полъ золотого, фунтъ воску и чвертку ладану. А хто бы з недавно прихожихъ ковалей, бондаровъ и римаровъ цеху не поднавши важился роботу кому робити, таковый повиненъ будетъ до скринки полъ фунта воску дати. Приежджые зась ковалѣ, бондарѣ и римарѣ зъ своею на продажъ роботою, подъ часъ торговъ и ярмарковъ, повинны брату въ мѣстѣ старшому, а того цеху цехмистру конечне, подъ утратою своею немалою, обвѣститися. Такового порядку постановене абы въ вѣдомости всѣхъ было и въ повазѣ лѣпшой заставало, далемъ вышменованному братству и цеху сей листъ за подписомъ руки моей, а з печатью монастирскою. Писанъ въ монастиру святого архистратига Міхаила, Выдубицкомъ Кіевскомъ. Року 1687, февраля 10 дня».

Подписано слѣва: Ѳеодосій Углицкій, Ігуменъ монастыря В(ыдубицкого) Киевского, рукою власною.

Справа: Сей листъ на фундушъ ремесла ковалского, бондарского и римарского братству отъ моего антецессора данный, подписомъ и

Библиотека "Руниверс"

моей негодности руки непремѣнно утверждаю. Пахомій Подлузкій Ігуменъ монастыра Выдубицкого Кіевского святого Архистратига Михаила. М(апи) р(горріо).

Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Въ издававшемся въ 1883 г. художественно-литературномъ журналѣ *«Искусство»* (№ 6), напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе о той обстановкѣ, при которой совершился выкупъ знаменитаго Щепкина изъ крѣпости. Перепечатывая это извѣстіе полностью, прибавимъ, что, какъ видно изъ подписнаго листа, деньги на выкупъ были собраны преимущественно тогдашними полтавскими помѣщиками, но, какъ видно, благодаря главнымъ образомъ вліянію князя Репнина, давшаго сильный толчокъ этому дѣлу. Участіе въ подпискѣ гр. А. К. Разумовскаго объясняется тѣмъ, что это былъ тесть Репнина.

«Въ концѣ 1817 года, или въ началѣ 1818, М. С. Щепкинъ блистательно окончивъ свои дебюты въ Харьковѣ вмѣстѣ съ странствующей труппою иностранца Штейна, перебрался въ Полтаву, гдѣ при содѣйствіи начальника края, князя Н. Г. Репнина, устраивался въ то время постоянный театръ. Щепкинъ, Барсовъ и Угаровъ были звѣздами первой величины въ бѣдной фалангѣ артистовъ, пріютившихся въ Полтавѣ подъ покровительствомъ просвѣщеннаго вельможи; но прошло нѣсколько времени, и Щепкинъ оставилъ далеко за собою своихъ товарищей по искусству: публика отдавала ему видимое предпочтеніе. Всегда добросовѣстный артистъ, Щепкинъ не увлекался громкими овваціями, на которыя не скупилось въ пользу его полтавское общество, и постоянные сценическіе успѣхи не могли побѣдить въ немъ его врожденной скромности. Любовь къ Щепкину и высокое уваженіе къ его таланту росли съ каждымъ днемъ и, наконецъ, благодаря иниціативѣ князя Репнина, выразились фактомъ, имѣвшимъ огромное значеніе въ жизни тогда еще молодого артиста.

Князь Репнинъ затѣялъ устроить спектакль, сборъ съ котораго положено было употребить на выкупъ Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Эта мысль, высказанная однажды княземъ Репнинымъ, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ полтавскихъ жителей и окрестныхъ дворянъ. Положено было устроить подписку на кресла, и князь Репнинъ первый подписалъ 200 рублей ассигнаціями. Листъ пошелъ ходить по рукамъ, и скоро подписная сумма сбора дошла до крупной цифры 7207 р.

Библиотека "Руниверс"

Распоряженіе подпиской и самыя хлопоты по устройству спектакля возложены были княземъ Репнинымъ на г. Имберга, бывшаго въ то время директоромъ полтавскаго театра. Г. Имбергъ, свончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ 1864 года, незадолго до своей смерти отыскалъ въ своихъ старинныхъ бумагахъ подлинный подписной листъ. Вотъ вѣрная копія съ этого листа:

«Въ награду таланта актера Щепкина, для основанія его участи іюля 18—26 дня 1818 года».

Кресты:

Кн. Репнинъ [1]) 200, Божановъ [2]) 50, Князь Сергѣй Волконскій [3]) 500, Матвѣй Почека 50, Григорій Тарновскій 250, Францъ Реммерсъ 50, Георгій Забѣла 50, Андрей Петровскій 50, Неизвѣстный 25, Потемкинъ [4]) 700, Лашкевичъ 100, Галаганъ 100, Д. Алексѣевъ 100, Прасковья Почекина 100, Полковникъ Альбрехтъ 100, [5])... 50, Вильгельмъ Реммерсъ 25, Алексѣй Будлянскій [6]) 100, Кочубей 100, Дапо 50, Карповъ Ѳедотъ [7]) 30, Александръ Полетика 50, Катерина Забѣлина 25, Николай Александровичъ 50, Елисей Троцина 50, Андрей Брежинскій 50, Свѣчко 50, Оболонскій 25, Отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго 300, [8])... 25, Марковичъ 25, Генералъ-маіоръ Десентлоранъ 25, Неизвѣстный 25, NN [9]) 30, Федоръ Шелиховъ 40, Филиповъ 25, Безходарный 25, Клеца [10]) 25, Дмитрій Щемовъ 20, Чарнышъ 100, Войно 50, Войно 25, Багрѣевъ [11]) 100, Багрѣевъ [12]) 50, И. П. 50, Велецкій 25, Миклашев-

---

[1]) Съ подлиннаго списка г. Имбергъ снялъ копію, въ которую вошли нѣкоторыя поясненія относительно лицъ, подписавшихся въ подлинномъ спискѣ. Въ этой копіи противъ фамиліи князя Н. Г. Репнина написано: начальникъ тамошняго края.

[2]) По копіи Имб.—Егоръ Ильичъ Божановъ.

[3]) По копіи Имб.—князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

[4]) По копіи Имб.—графъ Потемкинъ.

[5]) Въ этомъ мѣстѣ фамилія въ подлинномъ спискѣ написана такъ неразборчиво, что даже самъ Имбергъ оставилъ ее неразобранною въ своей копіи.

[6]) Въ копіи Имберга прибавлено: полковникъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: купецъ изъ Харькова.

[8]) Тутъ опять слѣдуетъ фамилія, которая неразобрана и г. Имбергомъ въ его копіи.

[9]) Въ коп. Имб. прибавлено: купецъ.

[10]) Въ коп. Имберга прибавлено нѣжинскій грекъ.

[11]) Въ копіи Имб. написано Фроловъ-Багрѣевъ Алексѣй Петровичъ, бригадиръ.

[12]) Въ копіи Имб. написано: Фроловъ-Багрѣевъ Александръ Алексѣевичъ, тайный совѣтникъ.

Библиотека "Руниверс"

ская 10, Отъ неизвѣстнаго [1]) 250, NN [2]) 25, Павелъ Тутолминъ 50, Михаилъ Лесевицкій 25, Таптиковъ—по переводѣ получить отъ полицеймейстера Киценкова 1992, Отъ инспектора Высоцкаго [3]) 25, Отъ неизвѣстной 50, Отъ неизвѣстной 100, Макуринъ [4]) 25, Якубовичъ 10, Отъ генералъ-маіора Гельфрейха 25, Отъ Ушакова 25, А. Косякова [5]) 25, Неизвѣстный 100, Левченковъ 25, Ильяшенко 25, Сахновскій 25, Василій Галецкій 25, В. Тарновская 25, Павелъ Кованько [6]) 50, Турскій [7]) 25, Авраамъ Зеленскій [8]) 100, Кандура 10, Бродскій 100».

Подписанные полковникомъ Таптиковымъ 1992 р., какъ долгъ карточный, Киценковымъ не уплачены, а равно и еще нѣкоторыя суммы изъ подписныхъ».

Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. Въ воспоминаніяхъ А. А. Солтановскаго, отрывки изъ которыхъ печатались въ нашемъ журналѣ въ 1892—94 г., есть разсказъ объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ жизни Кіева въ 1846 году, когда всесильный ген.-губерн. Д. Г. Бибиковъ явился съ громовою рѣчью въ охрану личности женщины. Дѣло было такъ.

Среди кіевскаго купечества славилась въ то время красотою и институтскимъ образованіемъ дѣвица Б. Бибиковъ, какъ извѣстно—цѣнитель изящнаго, не оставилъ безъ своего вниманія красавицу Б. и ради нея бывалъ по субботамъ въ церкви Матери Божіей Скорбящей. Дѣвица Б., имѣвшая обширное знакомство между студентами и среди нихъ находившая обыкновенно кавалеровъ на танцовальныхъ вечерахъ и въ клубахъ, возгордилась ухаживаніемъ такой особы: проѣзжая по улицамъ, она перестала отвѣчать на поклоны влюбленной въ нее молодежи, а на вечерахъ отказывалась вовсе танцовать со студен-

---

[1]) Въ копіи Имб. означено, что это С. М. Кочубей.

[2]) Въ копіи Имб. прибавлено: гражданскій губернаторъ.

[3]) Въ копіи Имб. написано: отъ инспектора нѣмецкой колоніи Высоцкаго.

[4]) Въ копіи Имб. прибавлено: Александръ Васильевичъ, предводитель екатеринославской губерніи.

[5]) Въ копіи Имб. прибавлено: Павла Николаевича, начальника пѣхотной дивизіи.

[6]) Въ копіи Имб. прибавлено: Ивановецъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: полковникъ.

[8]) Въ копіи Имб. прибавлено: градскій голова

Библиотека "Руниверс"

тами, предпочитая военныхъ, особенно близкихъ къ Бибикову, а также чиновниковъ его канцеляріи. Нѣсколько сотъ студентовъ согласились наказать ее. Узнавъ отъ студента Сипягина, племянника Бибикова, что послѣдній въ ближайшую субботу обѣщалъ Б. пріѣхать въ церковь, они по одиночкѣ наканунѣ вручили священнику этой церкви записочки и деньги, прося каждый отслужить молебенъ за спасеніе Маріи (кажется—такъ было ея имя). Священникъ принималъ записки, не читая; хотя его и удивило, что студенты сдѣлались вдругъ набожными огуломъ, но прочитавши затѣмъ одну, другую записочку, не нашелъ ничего предосудительнаго и успокоился. Явилась вся знать, явилась Б., примчался съ адъютантами Бибиковъ. Священнику подаютъ цѣлый ворохъ записокъ, и начинается безконечное чтеніе этихъ записокъ, все—за спасеніе Маріи. Послѣ прочтенія штукъ двадцати, всѣ взоры обратились на Б. Бибиковъ позеленѣлъ отъ злобы. Еще нѣсколько десятковъ записокъ—и дѣвица упала въ обморокъ; ее вынесли и уложили въ карету. Бибиковъ назначилъ строгое разслѣдованіе, распекъ священника, но только всего и узналъ, что скандалъ этотъ устроенъ студентами; виновниковъ и зачинщиковъ скандала не обнаружили. Спустя нѣсколько дней Бибиковъ собралъ въ торжественный университетскій залъ всѣхъ профессоровъ и студентовъ и сократическимъ способомъ, задавая студентамъ вопросы и большею частью самъ рѣшая ихъ, прочелъ имъ лекцію о томъ, какова должна быть нравственность молодого благовоспитаннаго юноши... Можно пошалить въ домѣ терпимости; можно тихонько, не компрометируя предметъ своей страсти, понѣжиться съ нимъ въ саду подъ кустикомъ, или въ будуарѣ, особенно съ замужними дамами,—но компрометировать публично даму или дѣвицу—это верхъ безнравственности, и служитъ доказательствомъ грубыхъ, необразованныхъ нравовъ, которые не могутъ быть терпимы въ управляемомъ имъ учебномъ округѣ и университетѣ, о воспитанникахъ котораго онъ всегда лестно отзывался передъ своимъ и общимъ благодѣтелемъ, Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, заключилъ Бибиковъ. Но—вдругъ возвысилъ онъ тонъ до высшей степени—если ему попадется такой уродъ, то онъ даетъ честное и твердое слово, что быть такому или фельдшеромъ, или носить бѣлую ленту черезъ плечо [1]).

Для своего времени все это очень характерно!

[1]) Т. е. въ солдатахъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. Какъ извѣстно, предки Гоголя по женской линіи были изъ польской фамиліи Танскихъ, при чемъ полковникъ переяславскій Василій Танскій покинулъ Польшу еще при Петрѣ Великомъ и былъ однимъ изъ видныхъ полководцевъ во время войнъ Петра со Шведами. Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ потомковъ Танскихъ, Иванъ, задумалъ, для поправленія матеріальныхъ дѣлъ своихъ, начать розыски объ имущественныхъ правахъ наслѣдниковъ на тѣ имѣнія, которыя когда-то принадлежали, ихъ роду. Для этой цѣли онъ совершилъ поѣздку заграницу, гдѣ пробовалъ въ разныхъ архивахъ отыскивать фамильные документы. Чтобы лучше и бойчѣе вращаться на этомъ скользкомъ пути, Иванъ Танскій хотѣлъ заручиться довѣренностями отъ всѣхъ сонаслѣдниковъ—потомковъ рода Танскихъ, и обратился, конечно, и къ Василію Афанасьевичу Гоголю (отцу писателя), который и выдалъ ему таковую. Не знаемъ, была-ли по этому поводу болѣе обширная переписка у В. А. Гоголя съ И. Танскимъ, но одно изъ писемъ послѣдняго (отъ 5 янв. 1820 года) сохранилось въ бумагахъ родичей Гоголя и доставлено намъ въ редакцію. Письмо это интересно въ томъ отношеніи, что довольно подробно описываетъ всѣ проекты полученія эфемернаго наслѣдства и въ Лифляндіи, и въ Молдавіи, и въ Украинѣ, и въ Варшавскомъ Герцогствѣ, каковымъ дѣломъ увлекся, кажется, и В. А. Гоголь: по крайней мѣрѣ, не напрасно выдавалъ онъ довѣренность И. Танскому и препровождалъ къ нему фамильныя грамоты, разсчитывая хоть что-нибудь получить (чуть-ли не въ видѣ *отступного*) отъ молдавскихъ бояръ.

П. Н.

Милостивый Государь!
Василь Афанасіевичъ.

Возвратясь изъ-за границы, имѣлъ я честь получить два почтеннѣйшіе отзывы ваши ко мнѣ, первый отъ 25 апреля, и вторый отъ 16 маія отпущенные; а такъ же приложенные при послѣднемъ изъ нихъ, вѣрующій открытой листъ и выписъ изъ прошенія вашего, по извѣсному дѣлу.

Пріймите Милостивый Государь! съ моей стороны, чистосердечное изъявленіе, должной благодарности, за то обезпеченіе, безъ котораго (опасаясь неспровергнуть настоящее благосостояніе моего дому) вѣрно бы не могъ я дѣйствовать столь рѣшительно, чтобы

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать нужное, на общій щетъ, (хотя впрочемъ и для общей пользы) пожертвованіе, могущее сократить время тяжбы, дальнѣйшіе мои хлопоты и убытки, и доставить каждому изъ участниковъ, гораздо скорѣе, и съ большею надежностію, желаемый интересъ; естьли только то Богу угодно, и для меня возможно будетъ.—А при семъ случаи, поставляю себѣ за пріятную объязаность, довести къ Вашему свидѣнію, что я съ наступленіемъ прошедшей весны, віѣхавъ изъ дому, прожилъ за границею чрезъ все лѣто, и возвратился уже осенью; былъ въ Украинѣ, Галиціи, Лодомиріи, Молдавіи и въ Варшавскомъ Герцогствѣ; дѣлалъ во многихъ мѣстахъ кверенды, вынайшелъ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ древные документы, и по онымъ открылъ самое первоначальное мѣсто-пребываніе предковъ фамиліи Танскихъ, называемое Танскъ, который въ Варшавскомъ Герцогствѣ, на пруской границѣ, Плоцкаго воеводства, въ Праснискомъ повѣтѣ, надъ рѣкою Таною положеніе имѣетъ, и изъ 16-ти весей состоитъ.—Я въ немъ былъ, все что можно было ислѣдовалъ и получилъ урядовое свидѣтельство въ томъ, что имѣніе предками нашими Танскими, придомку Космидеръ оставленое, до настоящаго времяни извѣсно въ тѣхъ мѣстахъ, подъ названіемъ Космидровизны.—А что подлѣнно одинъ только нашъ домъ имѣлъ вышъ-писаной придомокъ, и что имѣніе въ Танску никому не продано и никакъ не укрѣпленно; о томъ имѣются у меня самые ясные доказательства.—Но какъ собранные мною на сей разъ документы, писаны на древнемъ готскомъ языкѣ, котораго въ Польшѣ весьма не многіе, а здѣсь ни кто не знаетъ, по чему и принужденъ я былъ оставить оные, для переводовъ въ Лембергѣ; то по сей причинѣ, избѣгая ошибки, и не могу судить еще теперь, съ довольною точностію, какъ велико сіе наслѣдство.—О имѣніяхъ же, находящихся въ Молдавскомъ Княжествѣ, которые (какъ извѣстно мнѣ) гораздо значительнѣе первыхъ, и оставленны послѣ преселенія уже Танскихъ изъ Танска, продолжаются и понынѣ выправки; потому что отисканные мною собственно на сей щотъ документы, не могутъ быть достаточными, къ возвращенію всей потерянной въ Молдавіи собственности; почему признавая поѣздку мою туда необходимою, тѣмъ больше сожалѣю я, что въ предковскомъ архиву вашемъ, не отискалось ни какихъ бумагъ, могущихъ сократить предлежащіе мнѣ хлопоты и убытки, не минуемо сопряженные съ таковыми продолжительными и затруднительными въ разныхъ мѣстахъ и актахъ отисканіями.—Я только и умѣряю сожалѣніе мое, на сей разъ тѣмъ, что по всѣмъ извѣснымъ мнѣ обстоятельствамъ и старинным запискамъ, почти несомнѣваюсь въ

Библиотека "Руниверс"

успѣхѣ, вынайти въ Молдавіи всѣ нужные крѣпости; къ чему не маловажнымъ поощреніемъ служить мнѣ, что я о сію пору нашелъ уже гораздо древнѣйшія, да еще и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ найти ихъ ни почему нечаялъ,—и что въ Молдавіи точно отдаютъ имѣнія, по таковымъ же претензіямъ; чему доказательствомъ есть нынѣ (сверхъ прежнихъ) примѣрное дѣло г. Гиджева, который прошедшаго лѣта получилъ до нѣсколька селъ, принадлежавшихъ нѣкогда предкамъ его, несмотря на то, что оные болѣе двухъ сотъ лѣтъ находились во владѣніи чужомъ.—Затѣмъ не щитаю уже за нужное, подробно объяснять вамъ Милостивый Государь! о имѣніяхъ, жалованныхъ Польскимъ Королемъ Сигизмунтомъ, прапрадѣду моему, Полковнику Северину Танскому, находящихся въ Лифляндіи подъ Кокенгузомъ, о которыхъ такъ же получилъ я теперь свидѣнія; ибо дѣдъ мой и братъ его, а вашъ предокъ Василій, еще за жизни ихъ, щитая со времяни присоединенія къ Россіи Лифляндіи, на отисканіе оныхъ пропустили земскую давность; такъ равно какъ я, и вся фамилія моя, на возвращеніе Украинскихъ вотчинъ, о чемъ помнится писалъ я къ вамъ прежде; а теперь покорнѣйше прошу васъ Милостивый Государь! здѣлать меня извѣснымъ, о лѣтахъ вашихъ; для того, что естли покрайней мѣрѣ вамъ непрепятствуетъ на сей случай, земская давность; то и за оные Украинскія имѣнія, по вашему праву надежно было бы кажется начать искъ; потому наипаче, что на оные я имѣю у себя, самые полные свидѣнія и документы.—И наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю я на себя здѣланную Вами мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ (нащетъ взятья съ собою за границу, имѣющихся у васъ Молдавскихъ грамотъ) препорученость; потому больше, что располагаю непремѣнно ѣхать въ Молдавію, и что сверхъ усерднаго желанія, оправдить предполагаемую на полученіе за нихъ денегъ надежду я нахожу еще на сей разъ, и собственный мой интересъ; ибо надѣюсь, что такого рода къ Молдавскимъ боярамъ отношеніе, легко можетъ доставить мнѣ въ томъ краи давно желаемые и искомые мною удобства и знакомства, посредствомъ которыхъ облегчатся труды въ отисканіи фамильныхъ документовъ и самыхъ имѣній.—Почему льстя себя таковою надеждою, и собѣрясь нынѣ къ отъѣзду въ Молдавію для рѣшительнаго окончанія дѣла сего, посилаю къ вамъ надежнаго нарочнаго моего, чрезъ котораго безъ всякаго сомнѣнія можете вы доставить ко мнѣ имѣющіесь у васъ Молдавскіе грамоты и партикулярные польскіе бумаги; которые естьли не при семъ случаи, то точно никогда уже ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ участниковъ, не

Библиотека "Руниверс"

могутъ быть полезными. А какъ изъ письма вашего видно, что неизвѣстна даже вамъ и цѣна, за которую они заложены; то я для большей вашей и собственной моей безпечности, покорнѣйше прошу назначить оную теперь; и при томъ твердо быть увѣреннымъ, что я несмотря на то, всевозможно постараюсь получить за нихъ къ вашей пользѣ сколько возможно будетъ больше, смотря по достатку владѣющихъ имѣніями, въ грамотахъ тѣхъ прописанными; а найпаче по выгодамъ, какихъ по содержанію ихъ возможно ожидать хозяевамъ имѣній, или ихъ сосѣдамъ. На случай же естьли докумены сіи, ни кому изъ Молдавскихъ бояръ неокажутся нужными; въ такомъ разѣ за возвращеніемъ моимъ изъ за границы, вы ихъ отъ меня всѣ въ цѣлости обратно получите. Съ совершеннымъ почтеніемъ, и нелицемѣрною преданостію, имѣю честь быть всегда.

Милостивый Государь! Вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Танскій.

Генваря 5 дня 1820. Хуторъ Жердева.

Странствованія чумака, бурсака и раба. 1). «1785-го году іюня 10 дня. Въ военнопоходной его выс-ства г-на генералъ-аншефа и кавалера М. В. Каховскаго канцеляріи вышедшій изъ Анадоліи съ полону малороссіянинъ Русовъ показалъ нижеслѣдующее:

Уроженецъ я переяславскаго малороссійскаго полку сотни босанской слободы Николаевки. По согласію съ другими той слободы жителями 18 человѣками, а какъ они по именамъ и прозваніемъ, по давнему времени не упомню, кромѣ двоюроднаго брата моего Максыма Хлѣбка и Кондрата, а прозванія не знаю, 774-го года подрядились мы у малороссіянина Василья Рецетоваго, которой жительство имѣетъ въ Ромнахъ, для доставленія изъ Стараго Оскола въ Арабать провіанта. Куда по прибытіи сваливши четверти съ повозокъ, поѣхали къ соляным озерамъ къ набранію на имѣющіяся у насъ повоски соли, и не доходя до показанныхъ озеръ 20-ти верстъ живущіе тогда въ двухъ деревняхъ по близости дороги татара съ двумя мурзами напали на насъ и передъ самимъ вечеромъ перевязали и раздѣлили какъ насъ, такъ повозки и волы всѣ по рукамъ. Изъ насъ же 15-ти человѣкъ куда увезли, я не знаю. Съ трехъ—меня, двоюроднаго брата моего Максима Хлѣбка и Кондрата, а по прозванію не знаю, держали въ горахъ 15 дней въ желѣзахъ, а какъ сіи татары названіемъ неизвѣстенъ. Потомъ повезли насъ для продажи въ Кефу что нынѣ именуется Ѳеодосія, гдѣ и держали въ тюрьмѣ дней

Библиотека "Руниверс"

съ 15-ть. Изъ числа жъ насъ трехъ брата моего двоюроднаго Максима Хлѣбка продали напередъ однимъ днемъ въ Царьградъ, а кому именно, не знаю. Потомъ и насъ двухъ купилъ анадолской турокъ Абдулла, куда и отправилъ обѣихъ изъ Ѳеодосіи напередъ зъ другимъ туркомъ Адибашею, а самъ еще оставался въ Ѳеодосіи, послѣ жъ насъ уже прибылъ въ Анадолію чрезъ 20 дней. И находились мы у него пять лѣтъ съ половиною. По прошествіи котораго времени означенной нашъ хозяинъ турокъ Абдулла померъ, то Кондратъ въ тожъ время потурчился и куда пошелъ, я не знаю. Меня жъ другой турокъ Аджи Деврючъ взялъ насильно къ себѣ, гдѣ и жилъ я у него двѣ недѣли, которой по минованіи того времени подарилъ меня турку жъ Деврючъ Агѣ, у коего также находился 12 недѣль во услуженіи. Потомъ и онъ Деврючъ Ага подарилъ меня уже турку Амеръ Агѣ, у коего находился во всякой работѣ для его нужной пять лѣтъ. А наконецъ уже неоднократно отъ него, Амеръ Аги, принуждаемъ былъ потурчиться, почему и увидѣлъ онъ мое къ сему несогласіе, просилъ, чтобъ тамъ женился на гречанкѣ, но я убѣждалъ его своею почти ежедневною прозбою по не желанію моему тамъ жить, чтобъ отпустилъ въ Россію. Которой предъ великимъ днемъ праздника черезъ двѣ недѣли потурецки и отпускную далъ. Будучи жъ во все сіе время въ полону, о намѣреніяхъ турковъ я ничего не слыхалъ, кромѣ что сожалѣютъ за Крымомъ. Опасной болѣзни тамъ нигдѣ не слыхалъ же. Потомъ я въ городъ прибулъ, гдѣ сѣвши на турецкое судно отправился въ Козловъ, въ коемъ и содержался въ карантинѣ 10 дней, по выдержаніи которого выпущенъ и явился у тамошнего коменданта г-на подполковника Гаузенберха, просилъ его, чтобъ далъ мнѣ россійской билетъ, которой на сіе сказалъ, что будетъ данъ. Однакожъ я жилъ тамъ дней съ 15-ть не видя на то никакой резолюціи, отправился съ подрядившимся тамъ малороссіяниномъ Григоріемъ, а какъ прозывается не знаю, подъ свозъ казенныхъ драницъ въ Карась Базаръ, гдѣ сложивши съ повозокъ драницы явился у его выс-ства для испрошенія въ домъ билета.»

Изъ Карасу Базара Русовъ препровожденъ подъ присмотромъ въ кіевское намѣстническое правленіе, куда прибылъ 10 іюля 1785 г., выдержавъ по дорогѣ шестидневный карантинъ на береславской заставѣ. Въ намѣстн. правленіи Григорій Папаіодоровъ перевелъ турецкую отпускную Русова, которая гласила: «Малороссіянину Симону отъ господина его Омеръ Агу. 1199 году отъ ешри объявляю я, нижеподписавшійся, что поелику крѣпостного человѣка моего Симона

Библиотека "Руниверс"

отпустилъ въ волю и дано ему мною дозволеніе поѣхать въ мѣста, въ какія пожелаетъ, какъ въ отечество, такъ и въ другія мѣста, то и выдана мною ему, Симону, сія записка, которая въ случаѣ какой нужды показана быть имѣетъ. Омеръ Ага».

Въ Кіевѣ Русову выдали билетъ на проходъ до Козельска, съ тѣмъ, чтобы явился въ тамошній нижній земскій судъ, которому посланъ 30 іюля указъ о водвореніи Русова на прежнее жилище.

(Дѣло кіев. нам. правл. 1785 г. № 230).

2) Въ 1785 году доставленъ въ саратовское, оттуда въ казанское и наконецъ въ кіевское намѣстническое правленіе явившійся добровольно къ черноярскому коменданту уроженецъ польскаго мѣстечка Павлича Андрей Александровъ, вмѣстѣ съ протоколомъ допроса. Въ протоколѣ между прочимъ сказано: «Подлинно Андреемъ его зовутъ, Александровъ сынъ, отъ роду ему 28 лѣтъ, родиною онъ польскаго мѣстечка Павлыча, отецъ его Александръ, чей онъ, не знаетъ, по прозванію Вервицкій, былъ оного мѣстечка рыболовъ, а мать называлась Афросиньей Ѳедоровой. И будучи онъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, показанною матерью своею отвезенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ и отданъ въ школу бурсу для обученія грамотѣ. Находился въ оной лѣтъ съ восемь. И во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы Введенскаго монастыря священникомъ Иваномъ Каменскимъ, который уже умре, отданъ кабардинскаго пѣхотнаго полку подлекарю Роману Григорьеву сыну Градовскому для опредѣленія въ какую нибудь службу, съ коимъ и былъ въ Турціи по разнымъ городамъ лѣтъ съ семь неопредѣленнымъ ни въ какую службу, а только находился при немъ во услуженіи. И по выходѣ изъ Турціи на моздокской линіи былъ года четыре. Потомъ оной подлекарь отъ службы отставленъ тѣмъ же чиномъ и отпущенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ имѣетъ свой дворъ, а онъ, Александровъ, остался отъ него на той же линіи и побывъ тамъ малое время, пришедъ въ городъ Астрахань, нанялся для работы въ Музуры хивинскаго посланника, какъ зовутъ, не знаетъ, на казенной ботъ, исъ платы въ каждой годъ по двадцати по пяти рублей, съ коимъ и былъ въ Персіи. Откуда возвратясь обратно въ городъ Астрахань и желая записаться въ казанскіе мѣщане, пошелъ къ городу Казанѣ, но не доходя до оной въ городѣ Черномъ Яру явился самъ-къ тамошнему коменданту... А что онъ подлинно отданъ былъ матерью ево въ городѣ Кіевѣ въ школу для обученія грамотѣ и во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы вывезенъ изъ оного подлекаремъ Градовскимъ ко опредѣленію въ

Библиотека "Руниверс"

службу, въ томъ свидѣтельствуется на находящихся въ помянутой школѣ учителей и учениковъ. А посему желаетъ въ какое-нибудь званіе записатца въ показанномъ городѣ».

Вервицкій доставленъ въ Кіевъ изъ Казани въ іюнѣ «за обывательскимъ присмотромъ,» чрезъ земскіе суды. Показаніе его подтвердили кіевскій мѣщанинъ Захарій Градовскій и игуменъ Кіево-петропавловскаго монастыря Софроній. «Въ разсужденіи чево (доносилъ въ октябрѣ 1775 г. кіевскій городничій Кругловъ) не находя никакова сомнѣнія въ немъ, Александровѣ, которой пожелалъ записаться въ здѣшнее мѣщанство, на основаніи законовъ въ вѣчное ея имп. величества подданство я ево принялъ и по приводѣ къ присягѣ для причисленія въ званіе, состоянію ево свойственное, отправилъ въ городовой кіевскій магистратъ».

(Дѣло кіев. нам. правленія 1785 г. № 293).

3) Въ августѣ 1809 г. кіевская полиція доставила въ губернское правленіе пойманнаго въ 4-й части города бѣжавшаго отъ купца Коцы человѣка Григорія Забоева, вмѣстѣ съ допросомъ его и объясненіемъ дворянина Ивана Гудима. Какъ видно изъ указа губ. правленія, въ своемъ объясненіи «Гудимъ пишетъ, что онъ, Забоевъ, его, Гудима, есть дворовой человѣкъ и что отданъ по учиненной здѣлки (въ черновой указа было сперва написано: «отданъ по контракту») одесскому 1-й гильдіи купцу Христофору Коцы, имѣющему жительство свое въ городѣ Херсонѣ, для продажи желающему купить, почему, не принимая его къ себѣ, проситъ отослать къ помянутому Коцѣ.» Забоевъ показалъ, что слѣдуя въ Херсонъ съ купцомъ Коцею и съ прочими работниками, бѣжалъ съ пути. Доставленный въ херсонскую городскую полицію, Забоевъ содержался подъ карауломъ и въ октябрѣ 1809 года отданъ Христофору Коцѣ за подпискою (Дѣло кіев. губ. правл. 1809 г. № 458. Куплено въ бакалейной лавочкѣ въ Кіевѣ). Подлиннаго протокола допроса, къ сожалѣнію, нѣтъ при дѣлѣ, почему трудно судить, какимъ образомъ достались Коцѣ остальные упоминаемые Забоевымъ работники и были ли они такими же назначенными для рынка рабами, какъ самъ Забоевъ, сданный владѣльцемъ на коммиссію купцу Коцѣ. Замѣтимъ, что по ревизіи 1811 г. въ Кіевѣ у разныхъ владѣльцевъ числилось дворовыхъ людей 692, въ томъ числѣ у «дворянина Гудимы» (имени не указано) 3 чел.; въ кіевскомъ уѣздѣ—106 дворовыхъ людей. По той же ревизіи показано за малолѣтними дѣтьми надв. сов. Ивана Гудимы Левковича мѣст. Нещеровъ (47 дворовъ, 184 влад. крестьянъ),

Библиотека "Руниверс"

но дворовыхъ за ними не числилось. (Рукоп. «Атласъ кіевской губерніи двѣнадцати повѣтовъ, съ статистич. описаніемъ», сочиненный губ. и уѣздными землемѣрами въ 1815 г.)

Сообщ. **Н. М.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Петра Дорошенка, Долинскаго, Имшенецкаго, Пронтницкаго, Тризны—*по 3 рубля;* Глядиковскаго, Иванова, Руденка—*по 2 рубля;* Долгорукова—*1 р. 50 к*; Баршевской, Гиршфельда, Гордона, Дубровой, Кибальчича, Ласкоронской, Лавриненко, Окерблома, Пташевскаго, Федоренка, Якубенка—*по 1 руб.*; Бажанова, Тессена, Цитовича—*по 50 к.*, а всего—*35 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *690 р. 77 к.* (см. № 9) составитъ—*725 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). *С.-Петербургъ, 1897. (Стр. 339+VI).*

Въ заключительной главѣ обзора обращено особое вниманіе на крупное участіе земства въ развитіи различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. За 1896 г. земскій сельско-хозяйственный бюджетъ возросъ на 787840 р., превысивъ 2.400.000 рублей. Нѣкоторыя частныя хозяйства продолжали попытки найти выходъ изъ тяжелаго положенія путемъ улучшенія производства, примѣненія болѣе выгодныхъ культуръ и т. п. «Но, по замѣчанію обзора (стр. 334), для обезпеченія интересовъ сельскаго хозяйства во всей ихъ совокупности, недостаточно ни этихъ отдѣльныхъ попытокъ, ни земскихъ усиленныхъ заботъ, ни компетенціи одного министерства земледѣлія; для этого требуются совмѣстныя мѣропріятія различныхъ правительственныхъ установленій».

При такихъ условіяхъ представляютъ особый интересъ свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ министерства земледѣлія, направленныхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ неземскихъ губерніяхъ юга Россіи. Выдѣлить ихъ на основаніи настоящаго обзора нерѣдко затруднительно и даже невозможно, такъ какъ обзоръ не задавался цѣлями пораіоннаго изслѣдованія изложенія этихъ мѣропріятій. Отмѣтимъ здѣсь крупнѣйшія изъ разработанныхъ министерствомъ или осуществившихся уже мѣръ содѣйствія.

Въ отчетномъ году назначенъ правительственный агрономъ для кіевской губерніи.—Обсуждая вопросъ о мѣстныхъ органахъ по с.

Библиотека "Руниверс"

хозяйственной части, с. хозяйственный совѣтъ м—ва нашелъ, что въ 9 западныхъ губерніяхъ, гдѣ имѣются предводители дворянства, проектируемые совѣтомъ уѣздные с. хозяйственные совѣты должны быть подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ 4—6 членовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приглашаемыхъ губ. предводителемъ дворянства, по соглашенію съ губернаторомъ, двухъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ, по назначенію губернатора, и представителей мѣстныхъ с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Губернскіе совѣты должны состоять, подъ предсѣдательствомъ губ. предводителя дворянства, изъ членовъ: представителя мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, представителя госуд. коннозаводства, по одному представителю мѣстныхъ уѣздныхъ с. х. совѣтовъ, с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Учрежденіе такихъ совѣтовъ мотивируется необходимостью союза съ мѣстными силами для надлежащаго осуществленія возложенныхъ на м—во задачъ. По выраженію обзора, эти учрежденія должны быть «на подобіе» существующихъ нынѣ во многихъ земскихъ губерніяхъ земскихъ с. х. коммисій или совѣтовъ.

Въ цѣляхъ борьбы съ вредителями садоводства и огородничества с. х. совѣтъ м—ва земледѣлія призналъ, между прочимъ, необходимымъ: 1) изданіе земствами, а въ неземскихъ губерніяхъ—«подлежащими учрежденіями» (распорядительными комитетами?), обязательныхъ правилъ объ истребленіи на плодовыхъ и огородныхъ растеніяхъ вредныхъ насѣкомыхъ, 2) разрѣшеніе въ нѣкоторыхъ раіонахъ истреблять зайцевъ во всякое время года, и 3) усиленіе наказанія за порчу деревьевъ въ чужихъ садахъ, срываніе плодовъ, и пр.

Г. Поггенполемъ составлены графики по с. х. метеорологіи для г. Умани. Цѣль графиковъ—изслѣдованіе соотношенія между урожаями с. х. растеній и ходомъ метеорологическихъ факторовъ.

Бюро по энтомологіи командировало для изслѣдованія кровяной тли 4 лица, обслѣдовавшія 12 губерній, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Крымомъ и на границѣ съ Зап. Европой. Продолжены изслѣдованія на старѣйшихъ свеклосахарныхъ плантаціяхъ кіевской губ. для точнаго установленія факта отсутствія свекловичной нематоды въ большой части Россіи. Лѣтомъ 1896 г. закончено изслѣдованіе маврскаго клопа (черепашки), причинившаго сильный вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ въ южной Россіи, закончено изученіе свекловичнаго и конопляного жучковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ блохъ, и указаны способы уничтоженія ихъ. Намѣчено изслѣдованіе южнорусскихъ толстоножекъ, изученіе вопроса о паразитахъ хлѣбнаго

Библиотека "Руниверс"

жука въ связи съ явленіемъ періодическаго размноженія и вымиранія этого насѣкомаго въ южной Россіи. Составлено наставленіе для борьбы съ гессенской мухой.

Приступлено къ разработкѣ вопроса о расширеніи уманскаго училища садоводства. Командированъ спеціалистъ для завѣдыванія контрольной сѣмянной станціей кіевскаго южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности. Признано необходимымъ имѣть разсадникъ племеннаго скота при уманскомъ училищѣ и тому же училищу оказано пособіе для расширенія насѣки. Для обезпеченія южно-русскихъ шелководовъ приняты мѣры къ большему развитію гренажа при томъ же училищѣ.

Устроенъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ г. Проскуровѣ (о немъ см. «Кіевск. Стар.» 1897 г. № 6), первый опытъ с. х. съѣздовъ въ западномъ краѣ. Замѣтимъ отъ себя, что до сей поры съѣздъ этотъ не имѣлъ никакихъ фактическихъ результатовъ. Пересмотрѣнъ общій вопросъ объ организаціи нашихъ с. х. выставокъ.

По отдѣлу земельныхъ улучшеній произведены въ двухъ казенныхъ дачахъ волынской губ. незначительныя осушительныя работы.

Введены правила 14 марта 1896 г. о должности лѣсныхъ ревизоровъ и хоз. мѣропріятіяхъ по казеннымъ лѣсамъ въ кіевской, подольской и волынской губ. (всего въ 33 губерніяхъ). Примѣненіе правилъ принесло замѣтную пользу казнѣ въ смыслѣ упорядоченія казеннаго лѣсного хозяйства и увеличенія доходности его.

Закончены рекогносцировки для собранія данныхъ объ условіяхъ питанія и истокахъ Днѣпра.

Отмѣтимъ, наконецъ, разработанный м—вомъ земледѣлія и уже утвержденный законопроектъ о надѣленіи землею начальныхъ училищъ различныхъ наименованій, какъ долженствующій когда-нибудь найти примѣненіе и въ нашемъ краѣ.

Изъ многочисленныхъ изданій м—ва (на которыя назначено въ 1896 г. 74. 986 р. и на 1897 г. 74. 986 р.) можно здѣсь отмѣтить изслѣдованія гидрогеологическаго отдѣла «Бассейнъ Днѣпра» (съ 3 картами).

«Обзоръ» обнимаетъ дѣятельность нижеслѣдующихъ учрежденій м-ва земледѣлія: с. х. совѣта, ученаго комитета, департамента земледѣлія, отдѣла земельныхъ улучшеній, отдѣла сельской экономіи и сельскохоз. статистики, департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, лѣсного и горнаго департаментовъ. Особая глава посвящена участію м-ва въ нижегородской выставкѣ.

Библиотека "Руниверс"

«Возбужденіе соотвѣтствующихъ вопросовъ, поддержаніе соотвѣтствующихъ ходатайствъ и участіе въ общегосударственной работѣ на пользу народнаго хозяйства должно составить главнѣйшую задачу м-ва земледѣлія и госуд. имуществъ и въ будущемъ», заканчиваетъ «Обзоръ».

Слѣдуетъ отдать справедливость скромной откровенности «обзора», но слѣдуетъ отмѣтить также, что въ нашемъ краѣ, повидимому, некому возбуждать ни вопросы, ни ходатайства. Этимъ должно объяснить, почему въ «обзорѣ», при всей его обстоятельности, нашъ край, можно сказать, выпалъ, точно изъ старой обломанной ландъ-карты, и разыскивать мѣропріятія по оному приходится чуть ли не при помощи микроскопа.

Н. М.

И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). *Кіевъ, 1897. Стр. 59. (Оттискъ изъ журнала „Вопросы нервно-психической медицины", т. II).*

Проф. Сикорскій ознакомился лично съ мѣстностью и оставшимися въ живыхъ свидѣтелями ужасающей драмы, о которой въ свое время сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія газетами. На основаніи добытыхъ отрывочныхъ данныхъ, по возможности провѣренныхъ путемъ опроса прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, авторъ нарисовалъ поражающую картину какъ общихъ психологическихъ настроеній въ старообрядческомъ скитѣ Ковалева, такъ и самыя подробности безпримѣрнаго несчастія—погребенія заживо 25 лицъ въ четыре пріема, подъ вліяніемъ страха грядущихъ несчастій, человѣкобоязни, обычной въ скитѣ безнадежной мрачности, подозрительности и раздраженія. По словамъ автора, идейное броженіе которое привело къ несчастію, началось осенью 1896 г. Говорилось объ ожидаемыхъ преслѣдованіяхъ старообрядцевъ, что ихъ будутъ ссылать, заточать въ остроги и тюрьмы, вообще о репрессивныхъ мѣрахъ противъ раскола. Въ ожиданіи несчастій, нѣкоторые запаслись теплымъ платьемъ на случай ссылки на далекій сѣверъ, распродавали за безцѣнокъ имущество. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму, рѣшено было уморить себя голодной смертью. Это рѣшеніе и приводилось въ исполненіе, когда часть обитателей скита подверглась заключенію за отказъ дать свѣдѣнія для переписи.

Библиотека "Руниверс"

Въ ноябрѣ и декабрѣ большинство жителей скита находилось въ состояніи почти непрерывнаго страха и тяжелыхъ мрачныхъ ожиданій, безъ проблеска надежды. Смерть, погибель казались неминуемыми. Первая мысль о закапываніи въ яму высказана была 13—лѣтней дѣвочкой и нашла уже подготовленную почву. Подготовительныя мѣры къ народной переписи лишь усилили такое настроеніе: перепись считалась знаменіемъ антихриста, внесеніе въ перепись—равносильнымъ антихристовой печати и вѣчной погибели человѣка. Созрѣло рѣшеніе закопаться во второй половинѣ декабря 1896 г. 23 декабря закопались 8 человѣкъ отъ 70 до 20 лѣтъ, одинъ 4-лѣтній и одинъ грудной ребенокъ; 27 декабря—5 человѣкъ, изъ нихъ трое дѣтей—7, 4 и 2 лѣтъ; 12 февраля заживо засыпаны 4 чел.; наконецъ, 28 февраля закопались 6 чел. Авторъ излагаетъ исторію этихъ закапываній, съ подробностями, производящими потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ дается подробная характеристика (съ 2 портретами) главнаго физическаго дѣятеля закапываній, Ѳеодора Ковалева, этого добраго, наивнаго и темнаго человѣка. По мнѣнію автора, въ данномъ случаѣ должно видѣть проявленіе той же психической заразы и патологическаго подбора, какая раньше наблюдалась проф. Сикорскимъ при изученіи т. н. малеванщины (въ кіев. губ.). Въ скитѣ Ковалева, по заключенію автора, на ряду съ сектантами было значительное число психопатическихъ субъектовъ и даже помѣшанныхъ. Впрочемъ, авторъ затрудняется, отнести-ли это психическое состояніе сектантовъ къ большой истеріи, или къ т. наз. taedium vitae, утомленію жизнью. Конечно, послѣ смерти изучаемыхъ субъектовъ, такія изученія представляются довольно трудными. Что до Ѳедора Ковалева, то авторъ приписываетъ ему умственную недалекость, слабую волю, нравственное обезличеніе подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ психическихъ вліяній, нѣкоторые дефекты въ лицевыхъ мышцахъ, ненормальность мимики. Но къ какому разряду психологическихъ отклоненій слѣдуетъ отнести состояніе Ковалева послѣ закапываній—авторъ съ точностью не поясняетъ. Такимъ образомъ, приходится отнести дѣйствія Ковалева къ вліянію эпидеміи.

Авторъ заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ мыслящихъ людей за свою попытку разъяснить подробности и причины терновской драмы. Такія изученія необходимы и должны продолжаться. Тѣмъ не менѣе, приходится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановиться надъ догадкою автора о связи терновскихъ событій съ открытіемъ мощей св. Ѳеодосія въ Черниговѣ, о замыслѣ Виталіи (тоже зако-

Библиотека "Руниверс"

павшейся 28 февраля) „устроить въ Терновскихъ хуторахъ священное мѣсто, богатое останками мучениковъ, у таинственныхъ могилъ которыхъ должны были стекаться поклонники, подобно тому, какъ это случилось въ Черниговѣ“ (стр. 58). Эта догадка представляется въ брошюрѣ проф. Сикорскаго лишенною всякой фактической подкладки, тѣмъ болѣе, что поведеніе Өед. Ковалева (на которое ссылается авторъ) при откапываніи могло быть возстановлено лишь путемъ позднѣйшаго опроса.

„Никогда печальное состояніе раскола—заключаетъ авторъ свой поучительный этюдъ—не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ. Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними. Каковы бы ни были понятія о расколѣ съ догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что всѣ держащіеся старой вѣры—дѣти того же добраго русскаго народа, что они строго хранятъ въ себѣ всѣ его народныя черты и остаются вѣрными народному духу даже за предѣлами отечества. Въ виду этого истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) является самымъ настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ долгомъ церкви и государства“.

Н. М.

Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. *Кіевъ, 1897 (стр. VIII+480+XXIX+12 приложеній+VI+карта). Ц. 3р. 50 к.*

Младенческое состояніе статистики нашего края уже давно побуждало военныя власти озаботиться соотвѣтственными изданіями матеріаловъ для описанія края, необходимыхъ для обширныхъ нуждъ военнаго вѣдомства Таковы военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ. 1850 г., военное обозрѣніе кіев. воен. округа Левицкаго и Беневскаго (1869 г.), матеріалы г. Тарановскаго (1882 г.), военно-стат. обозрѣніе Волынской губ. А. Забѣлина (1887 г.) и др. Настоящій трудъ г. Толмачева продолжаетъ ту же серію изданій и по программѣ своей близко подходитъ къ обозрѣнію поди. Забѣлина, но, судя по

Библиотека "Руниверс"

исполненной уже части, разсчитанъ на гораздо болѣе значительный объемъ: предполагается еще нѣсколько томовъ съ описаніями Подольской и неописанныхъ еще г. Толмачовымъ частей Кіевской и Волынской губерній.

Избранная для описанія часть Волыни и Кіевщины обнимаетъ пространство до 26.000 кв. миль, съ населеніемъ въ 790½ тыс. душ., въ томъ числѣ русскихъ (по оффиціальной терминологіи) 70, 95%, евреевъ 13, 38%, нѣмцевъ 8, 64%, поляковъ 6, 58% и чеховъ 0, 45%. Въ составъ раіона входятъ Овручскій и Радомысльскій уѣзды (безъ Брусиловской волости) и части уѣздовъ Кіевскаго, Житомирскаго Новградъ-Волынскаго и Ровенскаго. Такой выборъ раіона для описанія, внѣ зависимости отъ обычныхъ дѣленій, дѣлаетъ пользованіе работой г. Толмачева не удобнымъ для обычныхъ надобностей, но, конечно, не лишаетъ труда присущаго ему достоинства добросовѣстной сводки матеріала, какой удалось добыть путемъ сношеній съ казенными учрежденіями и должностными лицами, а также при рекогносцировкахъ офицеровъ ген. штаба. Составитель часто жалуется на встрѣченныя затрудненія при собираніи необходимыхъ матеріаловъ и на невозможность ихъ провѣрки. Судя по приведеннымъ въ книгѣ даннымъ, рекогносцировки, съ точки зрѣнія систематическаго описанія раіона, должны быть признаны неполными, болѣе или менѣе случайными, но, конечно, было-бы несправедливо требовать отъ рекогносцировокъ большаго, такъ какъ онѣ предназначены для нуждъ спеціальныхъ и лишь попутно могутъ дать полезный матеріалъ для полнаго статическаго обзора края. Насколько свѣдѣнія, которыми могъ располагать составитель, неполны, видно, напр., изъ того, что для опредѣленія количества крестьянской земли въ кіевской губ. ему приходится обращаться къ даннымъ начала 70-хъ годовъ (стр. 276).

Настоящій трудъ, какъ сказано, исполненъ весьма добросовѣстно и составляетъ цѣнный вкладъ въ небогатую нашу статистическую литературу. Хотя многія изъ приводимыхъ оффиціальныхъ данныхъ, по признанію самого составителя, должны быть принимаемы лишь съ многочисленными оговорками, подрывающими къ нимъ всякое довѣріе, но, съ другой стороны, въ книгѣ находимъ результаты личныхъ наблюденій и характеристики отдѣльныхъ мѣстностей и группъ населенія, представляющія живѣйшій интересъ для лицъ, мало знакомыхъ съ раіономъ: бѣдный, жалкій, забытый край—таково общее впечатлѣніе отъ этихъ характеристикъ. Нарисованная составителемъ печальная картина приводитъ его къ необходимости преподанія нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ совѣтовъ для поднятія населенія на высшій культурный уровень: необходимо иначе поставить школы, измѣнить условія быта духовенства, необходимо оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи евреевъ, и т. д. При всей своей доброжелательности, эти совѣты мало утѣшительны, такъ какъ авторъ не пытается намѣтить практическіе пути къ достиженію рекомендуемыхъ имъ цѣлей, что, впрочемъ, и не входитъ въ его задачу. Но если авторъ заявляетъ, напр. (стр. 159 и 209), что «населеніе коснѣетъ въ невѣжествѣ», «въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ еврейскаго ига сдѣлано уже многое, особенно нынѣ, со введеніемъ винной монополіи», что «положеніе всѣхъ этихъ массъ евреевъ, нынѣ согнанныхъ въ черту еврейской осѣдлости, безусловно печальное: нищета доходитъ до крайнихъ предѣловъ» и что по политическимъ убѣжденіямъ «евреи не представляютъ надежнаго элемента», ибо тянутъ къ Австріи,—то въ результатѣ получается картина довольно смутная. А между тѣмъ составитель намѣчаетъ еще нѣсколько такихъ же, на его взглядъ, ненадежныхъ элементовъ, и читающій остается въ тяжкомъ недоумѣніи, гдѣ же то justum medium, которое должно привести въ стройность всю эту пеструю картину. Намъ кажется, что задѣвать попутно и слегка всѣ такіе проклятые вопросы—не стоитъ труда.

Отсылая интересующихся раіономъ къ самому изданію г. Толмачева, укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя неточности изложенія, легко объясняемыя сложностью и обширностью предпринятой составителемъ работы.

Авторъ ошибается, полагая (стр. 166), что штундистское движеніе охватило уже 12 губерній, имъ перечисленныхъ: забыты Поволжье и Кавказъ. Несправедливо приписываетъ авторъ штундистамъ отрицаніе суда, войска, властей,—по всей вѣроятности онъ имѣлъ въ виду отдѣльныя проявленія т. наз. толстовства (тамъ же). Весьма сомнительно, чтобы т. наз. еврейскіе цадики являлись потомками основателя хассидизма Бешта изъ Межибужья (193). Не знаемъ, почему авторъ думаетъ, что евреямъ воспрещено пріѣзжать хотябы временно для скупки хлѣба въ селахъ (стр. 200). Неточно указаніе автора (стр. 211) на продолжающуюся эмиграцію изъ края нѣмцевъ-колонистовъ и что иммиграція ихъ усиливалась до закона 14 марта 1887 года: иммиграція подвигалась до изданія закона 14 марта 1892 года, а эмиграція послѣ закона 19 марта 1895 года прекратилась. Звучащее какъ-бы упрекомъ указаніе (взятое впрочемъ у А. За-

Библиотека "Руниверс"

бѣлина), что «каждая колонія управляется выборнымъ старостой-шульцемъ» слѣдовало-бы дополнить тѣмъ, что шульцы были заведены по требованію мѣстной полиціи. Неточно указаніе, будто колонисты вообще избѣгаютъ обращаться къ суду мѣстныхъ властей (стр. 212): нѣкоторымъ мировымъ судьямъ на Волыни колонисты даютъ наибольшее число дѣлъ. Невѣрно, что по закону 19 марта 1895 года колонисты съ окончаніемъ сроковъ арендъ не имѣютъ права заключать новыхъ контрактовъ: наоборотъ, законъ этотъ именно направленъ къ тому, чтобы избѣжать массоваго выселенія колонистовъ, вызваннаго закономъ 14 марта 1892 года; такимъ образомъ, возобновленіе контрактовъ нынѣ вполнѣ возможно, и эмигрировать приходится лишь арендаторамъ иностраннымъ подданнымъ, которыхъ не много, а не всѣмъ колонистамъ вообще, какъ полагаетъ авторъ (стр. 215, 216, 231). По закону 15 іюня 1888 г. иностранные колонисты (рус. подданные) вовсе не вводятся въ составъ сельскихъ обществъ, а лишь приписываются къ волостямъ: для принятія въ сельское общество требуется приговоръ послѣдняго. Не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ авторъ полагаетъ (стр. 296), что крестьяне, пуская скотъ по снятіи хлѣба на земли помѣщика, распредѣляютъ предварительно сервитутные луга и поля помѣщика между дворами: въ дѣйствительности, выпасъ производится «чередой» безъ всякаго распредѣленія, и противоположные факты неизвѣстны. Неточно указаніе (стр. 299), что при составленіи выкупныхъ актовъ площадь, занятая подъ лѣсами, была исключена изъ земли крестьянъ, подлежавшей обложенію выкупными платежами, и всѣ повинности за нее платились помѣщиками: такой порядокъ примѣнялся не всегда и не вездѣ; гдѣ такой порядокъ не былъ примѣненъ, тамъ за лѣсную площадь взимались выкупные платежи съ крестьянъ, и слѣдовательно эта площадь составляетъ крестьянскую собственность, а не сервитутъ.—Отдавая рѣшительное предпочтеніе натуральному способу обезпеченія продовольствія крестьянъ, авторъ, повидимому, слишкомъ категорически разрѣшаетъ этотъ сложный вопросъ (стр. 338). Содержаніе хлѣбныхъ запасовъ въ натурѣ не всегда выгодно и не вездѣ необходимо. Такъ, напр., въ мѣстностяхъ вблизи желѣзныхъ дорогъ нѣтъ настоятельной нужды въ натуральныхъ запасахъ.

Эти и нѣкоторыя другія неровности изложенія отнюдь не умаляютъ достоинствъ работы. Если мы указываемъ на нихъ здѣсь, то лишь съ цѣлью предупредить повтореніе подобныхъ погрѣшностей въ обѣщанныхъ дальнѣйшихъ описаніяхъ края.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе приведемъ изъ книги г. Толмачева нѣкоторыя цифровыя данныя по народному образованію, предполагая что они вызовутъ опроверженіе со стороны тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ.

По словамъ автора, въ овручскомъ уѣздѣ одна школа приходится на 124,1 кв. версту, на 2,232 чел.; на 1000 жителей 13,4 учащихся. Есть волости, гдѣ одна школа приходится на 448,6 кв. верстъ, въ другихъ почти на 7,000 жителей, въ третьихъ на 1000 жителей приходится 4,2 учащихся (стр. 454). «Если же принять во вниманіе, что въ общее число включены и школы грамоты, руководимыя часто безграмотными учителями, то положеніе школьнаго дѣла окажется еще печальнѣе. Въ дѣйствительности во многихъ селахъ въ сотнѣ дворовъ наберется 1—2 грамотныхъ; чтобы прочитать письмо, приходится обращаться къ помощи еврея, платя ему за это 5—10 коп. При такихъ условіяхъ нечего удивляться неразвитости населенія, его невѣжеству, его суевѣріямъ».

Н. М.

Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. *Москва. 1897 года, стр. 294 ц. 2 р.*

Въ 1892 году проф. Н. И. Петровымъ былъ изданъ первый выпускъ «Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ.» Въ немъ были описаны собранія рукописей Московскаго митрополита Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Недавно вышедшій изъ печати второй выпускъ того же изданія заключаетъ въ себѣ описаніе рукописей, хранящихся въ Кіево-Печерской лаврѣ, Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, Пустынно-Никольскомъ, Выдубицкомъ, женскомъ Флоровскомъ монастырѣ и въ Кіево-Десятинной церкви.

Занимающіеся историческими работами на основаніи первоисточниковъ прекрасно понимаютъ научное значеніе описаній рукописныхъ собраній. Такія описанія, прежде всего, указываютъ новые матеріалы для желающихъ заниматься разработкой историческихъ вопросовъ по первоисточникамъ и наводятъ ихъ на новые факты. А хорошо составленныя описанія рукописныхъ собраній даже и сами по себѣ иногда могутъ служить важнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разработ-

Библиотека "Руниверс"

кою оригинальныхъ вопросовъ. Требуется только, чтобы описаніе представляло не сухой и голый перечень рукописей, но давало бы ясное и полное понятіе о рукописи, ея происхожденіи, содержаніи, значеніи, и, по возможности, знакомило читателя даже съ самымъ содержаніемъ рукописи. Разумѣется, что составленіе подобнаго описанія представляетъ трудъ далеко нелегкій.

Описанія рукописей, хранящихся въ городѣ Кіевѣ, составленныя проф. Н. И. Петровымъ, принадлежатъ именно къ такого рода описаніямъ, которыя имѣютъ весьма важное значеніе въ наукѣ и которыя, поэтому, весьма желательны. О первомъ выпускѣ описаній рукописей, изданномъ въ 1892 г., было сказано своевременно. Во второмъ выпускѣ описаны рукописныя собранія, исторически сложившіяся въ самомъ Кіевѣ и потому имѣющія главнымъ образомъ мѣстный характеръ. Есть здѣсь, правда, рукописи и иногороднаго происхожденія, но и тѣ имѣютъ значеніе преимущественно потому, что свидѣтельствуютъ о такихъ или иныхъ историческихъ отношеніяхъ Кіева къ другимъ городамъ и мѣстностямъ и, слѣдовательно, не чужды мѣстнаго кіевскаго характера. Всѣ описанныя въ книгѣ рукописи важны не только по своему содержанію и языку, но и по немалочисленнымъ записямъ и припискамъ на нихъ, составляющимъ крупицы для восполненія мѣстной исторіи.

Въ своемъ Описаніи авторъ держится слѣдующаго порядка. Сначала онъ даетъ общее обозрѣніе рукописнаго собранія того или другого книгохранилища (напр., лаврскаго, михайловскаго и т. д.), гдѣ показываетъ число рукописей, кратко излагаетъ исторію образованія рукописнаго собранія, распредѣляетъ рукописи по языку и времени ихъ написанія и даетъ общую характеристику содержанія рукописей; а затѣмъ уже дѣлаетъ частичное описаніе рукописей, которыя при этомъ распредѣляетъ по отдѣламъ, сообразно ихъ содержанію, такъ что особо описываются рукописи по св. Писанію, толкованію его и библейской исторіи, по литургикѣ и каноническому праву, основному богословію и философіи, догматическому богословію, нравоученію и аскетикѣ, обличительному и сравнительному богословію, психологіи, проповѣдничеству, словесности, грамматикѣ и языкознанію, по гражданской и церковной исторіи—всеобщей и русской. Подробно и обстоятельно, по указанному сейчасъ способу, описываются, впрочемъ, рукописи только кіево-печерской лавры и михайловскаго монастыря, представляющія, должно замѣтить, наибольшій научный интересъ, какъ видно изъ описанія; рукописи же Пустынно-Никольскаго

Библиотека "Руниверс"

скаго, Выдубицкаго, Флоровскаго монастырей и Десятинной церкви описаны кратко и обще, безъ подраздѣленія рукописей на отдѣлы. Въ отношеніи къ каждой рукописи въ отдѣльности авторъ даетъ сначала внѣшнее описаніе, указывая ея названіе, дату происхожденія, форматъ, количество листовъ, автора (гдѣ есть указаніе, или возможно предположеніе), а затѣмъ, если рукопись представляетъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи, то авторъ описанія кратко знакомитъ читателя съ ея содержаніемъ, которое иногда излагается даже довольно подробно (см., напр., №№ 363 и 364 стр. 115—117 и др.). Благодаря этому послѣднему обстоятельству, описаніе проф. Н. И. Петрова можетъ служить прямымъ источникомъ при нѣкоторыхъ церковно-историческихъ трудахъ. Очень часто авторъ указываетъ литературу предмета, т. е. отмѣчаетъ, гдѣ была напечатана та или другая рукопись, при томъ полностію или in extenso, или гдѣ можно найти указаніе на нее. Описаніе снабжено обстоятельнымъ указателемъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать замѣченныя нами опечатки въ описаніи: 1) на стр. 2 строка 5 св. слѣдуетъ, очевидно, читать 1819, а не 1869 г., какъ напечатано, и 2) на стр. 127 стр. 3 св. слѣдуетъ читать Колосовскаго вм. Колтовскаго, какъ напечатано.

С. Ѳ. Титовъ.

Библиотека "Руниверс"

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Гамна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковскій Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Библиотека "Руниверс"

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Оповіданя С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Белоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повиді. 3) Петро Мирошныченко. Оповіданя. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Переясловицкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

Библиотека "Руниверс"

*** Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Перекпав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

*** Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський Михайло. Пятизлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий выходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

*** Левицький І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

*** Левицький Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

*** Левицький Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

*** Левицький Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатись на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

*** Левицький Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

*** Левицький Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

Библиотека "Руниверс"

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ ияты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. II. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Сандатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

Библиотека "Руниверс"

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа отъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшіе направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степь. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Стороженъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховикъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Позиси. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцьчо. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пидпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

VI.

Взглядъ князя В. П. Кочубея по вопросу о малороссійскихъ козакахъ; его письмо къ князю Н. Г. Репнину и отвѣтное письмо князя Н. Г. Репнина.—Освобожденіе козаковъ отъ рекрутскаго набора въ 1833 г.—Перепись козаковъ; переселеніе въ Кавказскую область.—Князь Н. Г. Репнинъ настаиваетъ на необходимости реформы административнаго строя малороссійскихъ козаковъ.

Князь В. П. Кочубей[2]) въ конфиденціальномъ письмѣ къ князю Н. Г. Репнину отъ 7 октября 1832 г. высказываетъ свои характерные принципіальные взгляды на управленіе Малороссіей.

„Хотя я по рожденію и хохолъ—пишетъ Кочубей—но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ".

Кочубею хотѣлось возможно скорѣе ассимилировать малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями въ государствѣ, уничтожить даже намеки на ихъ давнія традиціи. Сознавая, что козаки обнищены распоряженіями князя Я. И. Ло-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 10.

[2]) Род. 1768 г. † 1834 г.

Библиотека "Руниверс"

банова-Ростовскаго о сформированіи ополченія въ 1812 г., что вполнѣ согласовалось съ личными наблюденіями императора Николая Павловича, въ бытность его великимъ княземъ въ 1816 г., о чемъ упоминалось выше,—Кочубей стремился тѣмъ не менѣе къ тому, чтобы немедленно, почеркомъ пера, извлечь изъ козаковъ, какъ изъ безправной податной единицы возможно большій доходъ въ казну, наперекоръ всякой возможности, что хорошо понималъ даже тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ, менѣе знакомый съ вопросомъ о малороссійскихъ козакахъ, но смотрѣвшій безъ предвзятыхъ мыслей. Всѣми проводимыми имъ по отношенію къ козакамъ взглядами и принимаемыми имъ мѣропріятіями, Кочубей хотѣлъ показаться въ глазахъ высшаго правительства, говоря почти его словами, „болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе".

Приведемъ здѣсь цѣликомъ письмо Кочубея къ Репнину, въ переводѣ съ французскаго подлинника, въ высшей степени важное для характеристики Кочубея и его взглядовъ вообще, и въ частности, по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ.

„С.-Петербургъ, 7 октября 1832 г.—Вашъ адъютантъ уѣхалъ такъ внезапно, мой милый князь, что я не имѣлъ времени поручить ему передать Вамъ даже нѣсколько строкъ. Онъ пріѣхалъ, какъ нельзя болѣе кстати, и Вы можете быть вполнѣ довольны отсрочкой, дарованной козакамъ по набору. Быть можетъ, Вы не будете настолько же довольны распоряженіями, которыя долженъ былъ Вамъ послать на послѣднихъ дняхъ графъ Чернышевъ, по предмету другихъ Вашихъ представленій; они не согласуются вполнѣ съ этими послѣдними. Хотѣли избѣжать отдѣльной переписи козаковъ, такъ какъ втеченіе предстоящаго лѣта должна быть произведена генеральная ревизія; думали, что слѣдовало избѣгать всякаго мѣропріятія, которое могло бы возбудить малѣйшее подозрѣніе у козаковъ и увеличить ихъ недовольство, о чемъ здѣсь говорили; боялись, чтобы большое количество мелкихъ чиновниковъ или дворянъ, которымъ было бы поручено составленіе кадастра (поземельныхъ списковъ), не увеличили ни на чемъ неосновательнаго безпокойства козаковъ, не злоупотребили своими полномочіями и довѣріемъ къ нимъ

Библиотека "Руниверс"

правительства. Исходя изъ этого, мы подумали, что Вы могли-бы достичь нѣкоторыхъ результатовъ при помощи мѣропріятій, которыя я назову временными, и я думаю, что Вы можете достичь того, чтобы опредѣлить (конечно, не вполнѣ точно) количество земли, которымъ владѣетъ каждый козакъ въ волости, подъ благовиднымъ предлогомъ, что это свѣдѣніе необходимо для раскладки налоговъ. Когда бы этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ, при ревизіи была бы произведена провѣрка uti possidetis, а позднѣе можно было бы приступить къ подробному межеванію—дѣло очень трудное, конечно, но за которое прійдется рано или поздно взяться.

Я не буду Вамъ говорить о проектѣ Вашего воззванія къ козакамъ, оно составлено не по обычной формѣ оффиціальныхъ бумагъ въ провинціи. Постарайтесь избѣгать этого и держитесь установленныхъ формъ [1]).

По поводу этого дѣла Государь говорилъ мнѣ съ недѣлю тому назадъ о рапортахъ и многочисленныхъ разъясненіяхъ, которыя представилъ одинъ жандармскій полковникъ (если не ошибаюсь, Пановъ). Будучи уполномоченъ объѣхать различные уѣзды, въ которыхъ живутъ козаки, онъ рисуетъ печальную картину ихъ бѣдности и притѣсненій. Онъ представилъ Вамъ отчетъ о своей поѣздкѣ. Вы отдали приказы, чтобы устранить нѣкоторыя изъ послѣднихъ (притѣсненій) настолько, насколько это зависѣло отъ Васъ, но есть еще много вещей, которыя требуютъ исправленій и т. п. Его Величество, говоря мнѣ приблизительно то, что Вы только что прочли, прибавилъ, что онъ не имѣлъ времени просмотрѣть всѣ рапорты полковника, показавъ мнѣ примѣрно, какого объема дѣло, которое должно было бы лежать у него на столѣ. Болѣе я ничего не знаю объ этомъ. Нищета козаковъ должна быть велика, но можно ли скоро устранить вкоренившееся зло и кто главнымъ образомъ виновенъ въ немъ? По моему мнѣнію, князь Яковъ Лобановъ нанесъ ударъ козакамъ въ 1812 г. Онъ совершенно ихъ разорилъ сформированіемъ большого ополченія безъ всякой помощи со стороны правительства. Но какъ-

[1]) Мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина воззванія, о которомъ идетъ рѣчь.

Библиотека "Руниверс"

бы ни было въ прошломъ, нужно мудро заботиться о будущемъ. Министръ финансовъ продолжаетъ утверждать, что онъ согласился уменьшить налоги потому только, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что козаки ничего не будутъ платить. Нужно бы постараться выбить ему изъ головы эту мысль, основанную не знаю на какомъ соображеніи.

Впрочемъ, нужно сказать правду, что имъ очень трудно платить, когда они не имѣютъ ни земли, ни промышленности, ни сбыта. Мой Клеберъ прислалъ мнѣ недавно счетъ, изъ котораго видно, что крестьяне Диканьки должны мнѣ болѣе 5000 рублей за казенные налоги, которые мною за нихъ внесены. Мнѣ кажется, что, по отношенію къ козакамъ прійдется примѣнить великорусскій поземельный налогъ. Нужно будетъ устроить, чтобы тотъ, кто имѣетъ болѣе земли, болѣе и платилъ. Не знаю, не могли ли бы Вы включить въ эту категорію тѣхъ головъ и писарей, которые пріобрѣли земли отъ козаковъ, хотя они и получили кое-какіе маленькіе чины; я знаю такихъ въ Диканькѣ, которые притѣсняли козаковъ и купили у нихъ земли за безцѣнокъ.

Я разсуждаю обо всѣхъ этихъ предметахъ съ Вами, мой дорогой князь, съ полнымъ довѣріемъ и совершенной откровенностью. Я надѣюсь, что все это останется, конечно, между нами. Хотя я по рожденію и хохолъ, но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ.

Кузина подаетъ мнѣ надежду, что Вы скоро пріѣдете сюда. Я думаю, что послѣ того, какъ Вы сдѣлаете распоряженія о козакахъ, ничто не воспрепятствуетъ Вамъ исполнить Ваше предположеніе. Можетъ быть, Вы могли бы привезти съ собою, какъ имѣли намѣреніе, предварительныя соображенія о возможности

Библиотека "Руниверс"

введенія поземельнаго налога? Вы имѣли намѣреніе произвесть по этому предмету изслѣдованія частнымъ образомъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ вблизи Вашей обычной резиденціи. Хотя бы это было произведено всего въ нѣсколькихъ уѣздахъ, все-таки это дало бы нѣсколько полезныхъ данныхъ. Я не хочу начинать новаго листка. Кончаю увѣреніемъ въ моей искренней привязанности. Кочубей.

PS. Я ожидаю сегодня утромъ Наталію. Она пріѣдетъ изъ Варшавы, чтобы провести мѣсяцъ съ нами [1]).

Въ отвѣтъ на эту, такъ сказать, политическую исповѣдь князя В. П. Кочубея, князь Н. Г. Репнинъ отвѣчалъ также исповѣдью во французскомъ письмѣ отъ 27 января 1833 года, которое мы и приведемъ здѣсь въ переводѣ для сопоставленія съ письмомъ Кочубея:

„Полтава, 27 января 1833 г.—Я долженъ былъ бы уже давно отвѣтить на Ваше конфиденціальное письмо отъ 7 прошлаго октября, но до сихъ поръ не было удобнаго случая для пересылки отвѣта, теперь же я спѣшу воспользоваться отъѣздомъ полковника Дмитрія Степановича Селецкаго, ближайшаго моего сосѣда по Яготину [2]), честнаго человѣка, храбраго офицера, котораго я провелъ въ гвардію, человѣка, на котораго я могу положиться и который, вслѣдствіе крайне разстроеннаго усердной службой здоровья, прожилъ около пяти лѣтъ въ Малороссіи; я поручаю его, князь, Вашему благосклонному вниманію, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ сообщить Вамъ много подробностей о состояніи нашего края и въ особенности обо всемъ томъ, что касается козаковъ.

Такъ какъ наконецъ-то уже рѣшено произвесть новую ревизію въ теченіе нынѣшняго года, то совершенно естественно отло-

---

[1]) Наталія Викторовна, дочь Виктора Павловича, бывшая замужемъ за графомъ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, бывшимъ послѣ графа А. Д. Гурьева и графа В. В. Левашева черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ ген.-губернаторомъ, съ 12 ноября 1836 г. по 1840 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ—маіоръ, владѣлецъ имѣнія при с. Малютинцахъ Пирятинскаго уѣзда, верстахъ въ 30-ти отъ м. Яготина, отецъ бывшаго кіевскаго губернскаго предводителя дворянства П. Д. Селецкаго, записки котораго помѣщались на страницахъ „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

жить до этого времени и вопросъ о переписи козаковъ; это гораздо предпочтительнѣе, чѣмъ производить послѣднюю теперь; въ этомъ я совершенно согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ, но позвольте мнѣ поспорить съ Вами съ моей обычной откровенностью относительно другихъ пунктовъ Вашего письма.

Въ Петербургѣ очень ошибаются, предполагая, что среди козаковъ существуетъ духъ недовольства; напротивъ того, видя строгія мѣры, которыя принимаются для взысканія налоговъ, и принимая во вниманіе, что казенные крестьяне платятъ почти вдвое противъ нихъ, козаки начали чувствовать благодѣтельное значеніе указа 25-іюня; *скажите это съ полной увѣренностью, когда представится случай.*

Волненіе въ Полтавѣ не имѣетъ никакого значенія; все было успокоено при одномъ моемъ появленіи и строгомъ тонѣ, къ которому мои подчиненные не привыкли. Полковникъ Селецкій былъ свидѣтелемъ въ Лубнахъ набора болѣе двухъ тысячъ козаковъ въ линейные полки [1]); разспросите у него подробности этого. Ради Бога, будьте совершенно спокойны относительно нашихъ козаковъ,—это прекрасный народъ, у нихъ много общаго съ ихъ пріятелями—*волами*: имъ скажутъ *цобъ*—и они пойдутъ налѣво, *цабе*—пойдутъ направо, и Вы знаете, что волы только тогда становятся упрямы, когда ихъ заставляютъ тащить свыше ихъ силъ.

Вернемся къ вопросу о ревизіи. Порядокъ, какимъ теперь она производится въ Россіи, нелѣпость, такъ какъ при одинаковомъ количествѣ земли человѣкъ 40 лѣтъ самъ по себѣ гораздо богаче, чѣмъ другой 30 лѣтъ, имѣющій четырехъ малолѣтнихъ сыновей и дѣда 70 лѣтъ, которыхъ долженъ кормить, и однако послѣдній будетъ обложенъ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ первый, и всегда такъ будетъ, если не возьмутъ за основаніе раскладки подушнаго очередныхъ списковъ, которыми пользуются при наборѣ рекрутовъ; тогда подушное будутъ платить только работники (§ 100 новаго устава), и казна никогда на этомъ не

---

[1]) Срв. разсказъ объ этомъ очевидца г. М. Номиса. „Кіев. Стар.“ 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.

Библиотека "Руниверс"

потеряетъ, такъ какъ, согласно даннымъ политической экономіи, количество достигающихъ 18-лѣтняго возраста гораздо большее, чѣмъ количество умирающихъ между 18 и 60 годами, какъ Вы увидите, князь, въ приложеніи къ сему подъ лит. А [1]); только тогда мы перестанемъ слышать справедливыя жалобы или скорѣе вопли: „за что мы платимъ за солдатъ и умершихъ".

Мѣропріятія, которыя Вы называете временными, были предприняты мною въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ не по отношенію къ одной волости, но по отношенію къ двумъ уѣздамъ, полтавскому и черниговскому; въ полтавскомъ уѣздѣ эта задача была выполнена шестью чиновниками, въ черниговскомъ—четырьмя; все было исполнено въ обоихъ уѣздахъ менѣе чѣмъ въ три недѣли и не вызвало ни волненій, ни жалобъ. Мы имѣемъ по этимъ двумъ уѣздамъ статистическія данныя о числѣ козаковъ, если не безусловно точныя, то близкія къ дѣйствительности, а это все, что нужно. По моему мнѣнію, даже не нужно, чтобы правительство дѣлало точныя провѣрки, такъ какъ такого рода мѣра взволновала бы обывателей; достаточно лишь обложить податью волость по числу работниковъ и по количеству объявленной земли, и если даже и откроется впослѣдствіи большее количество, то не увеличивать подати впродолженіе десяти лѣтъ, но предоставить самимъ волостямъ сдѣлать новое распредѣленіе той-же подати, тогда можно быть увѣреннымъ, что Иванъ обнаружитъ то, что скрылъ Петръ, а этотъ послѣдній то, чего не объявилъ Григорій, ихъ собственный интересъ будетъ ихъ побуждать давать точныя свѣдѣнія о владѣніи каждаго изъ нихъ, ибо чѣмъ болѣе будетъ раздѣлена подать, тѣмъ легче будетъ платить. Втеченіе десяти лѣтъ, усердіемъ нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса военныхъ топографовъ, очень подвинуто дѣло кадастра (поземельныхъ списковъ) или земельнаго межеванія, которое одно можетъ дать правительству точныя данныя и средство наложить подати съ большею справедливостью, чѣмъ онѣ распредѣлены нынѣ.

---

[1]) Этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

Библиотека "Руниверс"

Разсмотримъ механическую сторону ревизіи. Какъ она производилась понынѣ? Каждое казенное поселеніе, а часто также и принадлежащія помѣщикамъ, въ особенности, если владѣлецъ отсутствуетъ, обращается къ писцу нижняго земскаго суда, или къ пономарю, или къ чиновнику, прогнанному со службы, чтобы составить ревизіонные списки. Обыкновенно медлятъ съ исполненіемъ до послѣднихъ дней назначеннаго срока, и тогда всѣ второпяхъ дѣлаютъ пропуски, а иногда по два раза вписываютъ; но наиболѣе часто случается первое, ибо писаря получаютъ денежныя благодарности за пропускъ именъ нѣсколькихъ стариковъ, въ разсчетѣ на ихъ близкую кончину, или нѣсколькихъ новорожденныхъ. Имѣются примѣры, что новорожденные мальчики записывались дѣвочками; послѣ этого администрація принуждена провѣрять, такъ что производится двойная работа, и первая исполняется, по крайней мѣрѣ, 200 лицами въ уѣздѣ, да вдобавокъ отребьемъ общества. Не лучше ли поручить это, какъ я думаю, пяти или шести чиновникамъ, уполномоченнымъ дѣйствовать во имя правительства и отвѣтственнымъ передъ закономъ, тогда какъ при теперешнемъ способѣ, въ случаяхъ неточности, наказуемыми являются не тѣ, которые составляютъ ревизіонные списки, но тѣ, которые заказываютъ ихъ составить, не будучи въ состояніи зачастую ихъ прочесть. Я осмѣливаюсь утверждать, что способъ, который я предлагаю, менѣе обременителенъ и будетъ гораздо болѣе точнымъ.

Вы оканчиваете, князь, параграфъ о переписи козаковъ нѣсколькими словами объ изложеніи моего воззванія, говоря, что оно не отвѣчаетъ принятымъ формамъ и что нужно держаться существующаго порядка; я же скажу на это, что нужно говорить народу языкомъ, который ему понятенъ, и что бумага, подписанная генералъ-губернаторомъ, произведетъ болѣе впечатлѣнія на мужиковъ, чѣмъ указъ, согласно принятымъ формамъ, подписанный совѣтникомъ Волдыревымъ, секретаремъ Выдринымъ и повытчикомъ Докукинымъ (имена дѣйствительно существующія въ одномъ судѣ, а не вымышленныя). Чтобы пояснить то, что я высказываю, я спрошу: какъ козаки поняли указъ 25 іюня, который является между тѣмъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ?

Библиотека "Руниверс"

Только, когда я объяснилъ имъ его приказомъ, мною подписаннымъ, и велѣлъ прочесть въ церквяхъ, начали они понимать его значеніе.

Если правительство довѣряетъ своимъ сановникамъ, то нужно, чтобы оно предоставляло имъ болѣе свободы дѣйствій, если же нѣтъ, то отзовите ихъ возможно скорѣе.

Безъ сомнѣнія, напряженіе всѣхъ силъ, которое вызвалъ у козаковъ князь Яковъ въ 1812 году, окончательно подорвало ихъ благосостояніе, но не этимъ нанесъ онъ имъ ударъ, а увеличеніемъ подушной подати въ самые бѣдственные годы, увеличеніемъ акциза на крымскую соль и несоразмѣрными наборами, производившимися послѣдніе годы. Умными распоряженіями въ ближайшемъ будущемъ можно скоро исцѣлить зло, но для этого—повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ, болѣе или менѣе доступныхъ, и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ особую контору, на подобіе департамента удѣловъ,—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ заодно съ ними „пановъ“. Успокойте, пожалуйста, министра финансовъ, что козаки полтавской губерніи заплатили втеченіе 1832 года солидную сумму въ 2,313, 374 р. 30 к., т. е. почти вдвое противъ того, что они заплатили въ 1831 году. Я ожидаю еще дополнительныхъ объясненій изъ черниговской губерніи, но я могу сказать съ увѣренностью, что общая сумма налоговъ съ козаковъ превыситъ $3^1/_2$ милліона; въ общей суммѣ поступило въ полтавской губерніи подушной подати 4,854,168 р. $74^3/_4$ к., т. е. на 2,063,065 р. $47^1/_2$ к. болѣе, чѣмъ въ 1831 г. Итакъ, вы видите, князь, что предположеніе графа Канкрина не основательно.

По поводу налоговъ я Вамъ скажу, что, хорошо разсмотрѣвши статистическія данныя о полтавскомъ и черниговскомъ уѣздахъ, столь различныхъ по ихъ мѣстоположенію и по развитію промышленности, я убѣдился, что невозможно будетъ распредѣлить налогъ исключительно на земли,—было бы слишкомъ много пролетаріевъ, которые были бы освобождены; слѣдовало

Библиотека "Руниверс"

бы обложить всѣхъ, признанныхъ работниками по очереднымъ спискамъ, и землю, какъ Вы увидите въ приложеніи подъ литерой В. [1]).

Я совершенно съ Вами согласенъ, что нужно повести серьезную аттаку противъ головъ и писарей, сдѣлавшихся коллежскими регистраторами и губернскими секретарями, и мнѣ казалось бы удобнымъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, основываясь на § 2 гражданской части указа 25 іюня, потому что отнынѣ тѣ, которые выходятъ изъ козачьяго сословія, должны платить оброкъ, который на нихъ налагаетъ унаслѣдованная ими земля; мнѣ кажется, что было-бы справедливо предписать, чтобы „*дворяне въ подушномъ окладѣ*“ и тѣ, которые изъ козаковъ сдѣлались *личными дворянами* по землѣ ихъ потомственной или отъ козаковъ пріобрѣтенной, были обложены козачьей повинностію“.

Вы видите, князь, что мое довѣріе къ Вамъ безгранично, ибо если бы мысль подобная этой сдѣлалась извѣстной здѣсь, то я нажилъ бы себѣ враговъ, но я ставлю себя выше всѣхъ этихъ мелкихъ соображеній и, защищая интересы владѣльцевъ и малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, слишкомъ горячо, по мнѣнію столичныхъ обывателей, я не ихъ единственно имѣю въ виду, но общее благосостояніе имперіи.

Я получилъ хорошее наслѣдіе благородства, вѣрности Государю и преданности отечеству и, конечно, показалъ первое и далъ неопровержимыя доказательства послѣднихъ.

Вотъ полный отвѣтъ на Ваше письмо, но однако я добавлю нѣсколько словъ къ моему письму о предметѣ очень важномъ, по моему мнѣнію, о которомъ я написалъ подробно министру внутреннихъ дѣлъ съ этой же окказіей: трудно представить себѣ безобразія, свидѣтелями которыхъ мы являемся ежедневно, вслѣдствіе продажи рекрутовъ въ Казенной Палатѣ; есть владѣльцы, которые продали по десяти и по двѣнадцати человѣкъ; вчера одна женщина, которая имѣетъ всего трехъ мужиковъ, представила одного, другая помѣщица—изъ двѣнадцати трехъ. Это положительно

[1]) И этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

Библиотека "Руниверс"

гнусность, которую настоятельно необходимо прекратить возможно скорѣе.

Нужно однако прекратить и мое маранье, но, по крайней мѣрѣ, оно будетъ неопровержимымъ доказательствомъ моего безграничнаго довѣрія и искренней преданности, которыя я питаю къ Вамъ на всю жизнь. Князь Репнинъ."

Хотя выше приведенное письмо князя Н. Г. Репнина и не относится въ значительной своей части къ интересующему насъ вопросу о соціальной судьбѣ малороссійскихъ козаковъ въ первой половинѣ XIX вѣка, но мы привели его здѣсь во всемъ объемѣ, въ виду того, что въ немъ рельефно обрисовывается нравственный обликъ гуманнаго, благороднаго, просвѣщеннаго и прямодушнаго государственнаго дѣятеля, отдававшаго свои силы и способности и не щадившаго даже своихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ на пользу края, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ волею своего Государя, въ силу чего онъ и старался облегчить съ той или иной стороны тяжкое положеніе небольшой сословной единицы, безусловно безопасной для цѣлостности такого могучаго государства, какъ Россія, въ отношеніи политическомъ, но имѣвшей всѣ данныя по своимъ воинственнымъ традиціямъ, чтобы принести, быть можетъ, существенную пользу въ дѣлѣ охраны общаго отечества какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ, въ чемъ въ тѣ времена ощущалась еще настоятельная потребность.

Но, несмотря на всю настойчивость князя Репнина, съ высказываемыми имъ мнѣніями по отношенію къ козакамъ въ Петербургѣ не соглашались, и дѣлаемыя правительствомъ распоряженія, по словамъ Кочубея, не согласовались съ его представленіями.

Единственная льгота, которая, по мнѣнію Кочубея, могла быть оказана козакамъ, въ виду ихъ тяжкаго матеріальнаго положенія, это освобожденіе отъ рекрутскаго набора въ 1833 году; и дѣйствительно, 8 ноября 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, которымъ повелѣвалось отложить предполагавшійся, согласно указу отъ 25 іюня 1832 г., въ 1833 г. рекрутскій наборъ съ козаковъ для укомплектованія армейскихъ кавалерійскихъ пол-

Библиотека "Руниверс"

ковъ до слѣдующаго 1834 года. Въ указѣ говорилось между прочимъ: „въ постоянномъ попеченіи Нашемъ о доставленіи вѣрно-любезному Намъ малороссійскому козачьему сословію, наравнѣ со всѣми прочими вѣрноподданными Нашими, выгодъ и облегченій, Мы признали возможнымъ обратить въ семъ году на укомплектованіе кавалеріи большую часть людей изъ состава сформированныхъ въ 1831 г. восьми малороссійскихъ козачьихъ полковъ, предоставивъ малороссійскому военному губернатору замѣнить нѣкоторое ихъ число очередными козаками, по неспособности ихъ къ службѣ и по другимъ особенно уважительнымъ причинамъ“ [1]).

Объ исполненіи этого распоряженія упоминаетъ въ своемъ письмѣ князь Репнинъ и подробно разсказываетъ М. Номисъ въ вышеупомянутыхъ уже нами своихъ „замѣткахъ“. Въ сущности говоря, указъ 8 ноября 1832 г. только лишь нѣсколько видоизмѣнялъ указъ 25 іюня 1832 г., но не измѣнялъ его по существу, такъ какъ козачье сословіе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ терпѣло ущербъ, измѣнялся лишь составъ жертвъ: вмѣсто набора новыхъ людей, зачислялись на службу вступившіе въ комплектъ ранѣе сформированныхъ восьми полковъ и разсчитывавшіе вернуться по окончаніи польской кампаніи по домамъ. Князь Репнинъ, производя описываемое М. Номисомъ распредѣленіе козаковъ по кавалерійскимъ полкамъ, выполнялъ одновременно оба упомянутыхъ указа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы извлечь изъ козачьяго сословія возможно болѣе дохода въ казну; такъ, 18 января 1833 г. состоялся сенатскій указъ объ обложеніи козаковъ, уволенныхъ изъ военной службы въ отставку и „поступившихъ въ первобытное состояніе“, пошлиною за право продажи вина [2]).

Чтобы точнѣе опредѣлить платежную способность всѣхъ податныхъ сословій въ имперіи, а въ частности и малороссійскихъ козаковъ, предполагалось произвести лѣтомъ 1833 г. гене-

---

[1]) П. С. З. № 5730.

[2]) П. С. З. № 5916.

Библиотека "Руниверс"

ральную ревизію, о чемъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Кочубей. И дѣйствительно 16 іюня 1833 г, воспослѣдовалъ манифестъ о производствѣ во всей имперіи новой народной переписи [1]).

Хотя Кочубею не хотѣлось, повидимому подъ видомъ того, чтобы не волновать козаковъ, какъ либо выдѣлять ихъ изъ состава прочихъ податныхъ сословій, но, очевидно, восторжествовало иное мнѣніе, и князь Репнинъ получилъ нижеслѣдующій рескриптъ отъ 21 іюня 1833 г. о произведеніи новой переписи малороссійскихъ козаковъ на особыхъ правилахъ:

„Господину Малороссійскому Военному Губернатору Генералъ-адъютанту Князю Репнину.

Разсмотрѣвъ представленіе ваше о порядкѣ произведенія новой переписи малороссійскихъ козаковъ и о приведеніи при томъ въ извѣстность земель и имущества ихъ, я уполномачиваю васъ, какъ на исполненіе сихъ предположеній *чрезъ особыхъ чиновниковъ*, которые имѣютъ быть вами командированы по селеніямъ козаковъ въ то время, когда изданъ будетъ манифестъ о произведеніи общей по государству переписи, такъ и на опредѣленіе по сей новой переписи, немедленно по окончаніи оной, сбора податей и наряда козаковъ въ военную службу на основаніи Указа Моего отъ 25 іюня 1832 года. Николай. Царское Село, 21 іюня 1833 года“ [2]).

Такъ какъ производство переписи, предпринятой для точнаго исчисленія налоговъ и податей и урегулированія выполненія воинской повинности, не могло быть сочувственно встрѣчено вольнолюбивыми козаками, чего опасались, какъ мы видѣли изъ письма Кочубея, и въ Петербургѣ, то, для удаленія изъ Малороссіи безпокойныхъ элементовъ, разрѣшалось указомъ отъ 12 октября 1833 года [3]), подобно тому какъ и раньше, отставнымъ солдатамъ изъ малороссійскихъ козаковъ переселяться съ семействами въ Кавказскую область, при чемъ, чтобы побудить ихъ къ этому, имъ обѣщана была слѣдующая льгота:

---

[1]) П. С. З. № 6265.
[2]) П. С. З. № 6277.
[3]) П. С. З. № 6484.

Библиотека "Руниверс"

„Изъ числа сыновей сихъ отставныхъ солдатъ, причислять къ козачьему сословію всѣхъ тѣхъ, кои рождены по водвореніи ихъ на участкахъ земли, рожденные же до водворенія ихъ должны оставаться въ званіи военныхъ кантонистовъ".

Несмотря на то, что ходатайства князя Репнина въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ, не согласуясь со взглядами центральнаго правительства, не были имъ удовлетворяемы, онъ продолжалъ настойчиво отстаивать интересы этой небольшой сословной группы, желая сохранить ее, реорганизовавши ее на новыхъ, но сродныхъ ей по духу началахъ.

Въ 1834 году представленные княземъ Репнинымъ проекты отчасти получили законодательное примѣненіе.

Н. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXVII.

Тихо ѣхалъ Богданъ на своемъ Бѣлашѣ; невеселыя думы роемъ гнались за нимъ и склоняли на грудь его буйную голову.— Отчего это такимъ сумрачнымъ разстался Богунъ?—думалъ онъ.— Неужели и у него въ груди зашевелилось недовѣріе ко мнѣ? Такія неоспоримыя доказательства моей правоты передъ родиной, передъ братствомъ, и все таки лучшій мой другъ, беззавѣтно-преданное мнѣ сердце, уѣзжаетъ съ отуманеннымъ окомъ, со скрытою тоской!... Что-же тогда остальные? Эхъ... тяжело гнуться и личину носить, а еще тяжелѣе, когда дорогіе люди не вѣрятъ, что это личина! Неужели-же и ты, „ненько“ моя, Украина, не повѣришь своему злополучному сыну и усумнишься въ его любви? Такъ вотъ! загляни сюда, въ самое сердце!—и Богданъ машинально рванулъ за бортъ своего жупана и растегнулъ сорочку. Пронзительный вѣтеръ прорвался съ злорадствомъ въ прорѣху и началъ охватывать рѣзкимъ холодомъ и спину, и грудь, но Богданъ этого не чувствовалъ; его согрѣвалъ внутренній жаръ, бурлившій отъ обиды кровь... Никто ему не нанесъ ее явно, но онъ ощущалъ въ себѣ ея остріе, которое, съ новымъ наплывомъ сомнѣній и думъ, вонзалось своимъ жаломъ все глубже и больнѣе. „Эхъ, а какъ это довѣріе нужно теперь, не для меня только, а и для дѣла! Все отъ него зависитъ: повѣрятъ,—притаятся, притихнутъ и помогутъ мнѣ до славной, желанной минуты усыпить враговъ и накинуть на нихъ, сонныхъ узду, не повѣрятъ,—прорвутся въ удалыхъ выходкахъ, разбудятъ собакъ и уничтожатъ въ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 10.

Библиотека "Руниверс"

одинъ мигъ такъ долго и съ такими мученіями ткавные мною сѣти! Вотъ хоть бы Кривоносъ... Не стерпѣлъ! Пошелъ вѣдь въ добри, да болота, разбивать свою тугу-тоску, тѣшить хотя чѣмъ-ничѣмъ свою месть, свою волю... А удержишь-ли его? Наврядъ-ли! Лютъ-то онъ на ляховъ очень, да и терпѣніе за это время ожиданій, пустыхъ и безплодныхъ, давно лопнуло, и не только у него, а почитай и во всѣхъ, оттого-то и трудно будетъ поднять снова въ нихъ вѣру и вооружить ихъ терпѣніе уже явной надеждой".

— Однако, что-же это мы, молоко или яйца на базаръ веземъ?—отозвался, наконецъ, къ Олексѣ громко Богданъ, трогая „острогами" коня.

Бѣлашъ вскинулся на дыбы и полетѣлъ ураганомъ, подымая облако пыли и закрывая ею едва поспѣвавшаго за нимъ юнаго запорожца.

Къ полуночи они достигли Днѣпра и, переправившись черезъ него ниже Крылова, заночевали въ селѣ Власовкѣ. Здѣсь Богданъ поразспросилъ у мѣстныхъ поселянъ, гдѣ находятся „жабовыны", и получилъ довольно неопредѣленный отвѣтъ, что многія непролазныя мѣста въ „плавняхъ", окруженныя топью, называются „жабовыною" и „жабовыннямъ" и „жабынымъ сидаломъ".

— Вотъ теперь и ищи его между плавнями,—почесалъ себѣ затылокъ Богданъ.—а ихъ ажъ до самыхъ пороговъ! За десять лѣтъ всѣхъ не обшаришь, хоть возвращайся домой!

Послѣ многихъ досадливыхъ и произвольныхъ рѣшеній, куда направить путь,—вверхъ ли по Днѣпру, или внизъ,—Богданъ остановился на послѣднемъ.

Его подвинуло на это такое соображеніе; Кривоносъ очевидно засѣлъ гдѣ-либо поближе къ гнѣзду своего врага Іереміи Вишневецкаго, но засѣлъ вѣроятно въ совершенно недоступномъ и безопасномъ мѣстѣ; вверхъ по рѣкѣ—„плавни" неважные и сухіе, а ниже Власовки начинаются топи... Значитъ, онъ въ первой такой трущобѣ и сидитъ, значитъ, туда, т. е. внизъ по Днѣпру, и путь имъ держать.

Поѣхали внизъ по Днѣпру и свернули вправо на „плавни". Къ вечеру заѣхали въ такія трущобы, что не было возможности двинуться дальше безъ провожатаго: тропинки, проложенныя въ густыхъ зарослях человѣкомъ и звѣремъ пересѣкались, вились, спутывались и приводили, то къ озеру, то къ болоту, то къ ужасной трясинѣ...

— Тутъ и заблудиться удобно,—замѣтилъ Богданъ,—особенно подъ вечеръ. Держи-ка, Олексо, лѣвѣе къ степи, авось на сухое выберемся...

Библиотека "Руниверс"

— Да и налѣво топко,—пробовалъ прорваться прямо черезъ камыши Олекса.

Богданъ приподнялся на стременахъ и окинулъ взоромъ темнѣющую окрестность: кругомъ моремъ желтѣлъ и волновался высокій камышъ; между верхушками его, украшенными золотыми метелочками, торчали на тонкихъ стебляхъ бархатныя темно-коричневыя головки; подъ напоромъ вѣтра все это колыхалось, гнулось и ходило широкими волнами; только вдали направо замѣтилъ Богданъ между „очеретомъ“ и зарослями верболозъ.

— За мною!—крикнулъ онъ и, промучившись достаточно, доѣхалъ таки уже почти въ сумерки къ верболозу, между которымъ неожиданно оказалась, на счастье, корчма не корчма, а скорѣе землянка, запрятанная совершенно въ густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ съ торчащими гривами камыша.

— Вотъ и добрались таки до жилья!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а стой, Олексо,—остановилъ онъ рукой козака,—да подержи-ка моего коня, а я загляну въ эту „халупку“, а можетъ, и передохнуть будетъ можно, и пронюхать кой-что, а то вѣдь дальше ни тпру, ни ну!

— Не опасно-ли одному, батько?—возразилъ съ тревогой Олекса.

— Э, сынку, козаку не нужно бѣгать опасностей, а нужно лѣзть на нихъ самому, тогда сатанинское порожденіе и хвостъ подожметъ.

Осторожно, то изгибаясь, то приподнимая нависшія вѣтви, Богданъ пробрался, наконецъ, по узкой и топкой тропинкѣ, къ этой хаткѣ на курьихъ ножкахъ и, заглянувъ въ окно, приложилъ ухо къ дверямъ.

Вечеръ уже наступалъ темный, мглистый, вѣтеръ ворчливо шелестѣлъ камышами; но Богданъ и при этомъ шумѣ уловилъ звуки какого-то разговора, происходившаго между двумя-тремя лицами—не больше, и замѣтилъ черезъ щель слабое мерцаніе потухающаго огня.

Постоявши немного и не дождавшись чего-либо опредѣленнаго, Богданъ съ нетерпѣніемъ толкнулъ ногою дверь и, согнувшись почти вдвое, вошелъ въ какую-то полутемную конуру. Сначала глаза его почти ничего не замѣтили, кромѣ красноватаго свѣтового пятна, мигавшаго на низенькомъ очагѣ, а потомъ, привикнувъ къ темнотѣ, различили въ углу двѣ фигуры, занѣмѣвшія при появленіи козака въ хаткѣ. Одна сидѣла у окна, совершенно заслонивши его спиною, а другая,—у стола, по ближе къ нему; третья же, которую онъ замѣтилъ послѣ, лежала навзничъ, раскинувшись передъ очагомъ, и, слегка тронутая красноватыми отблесками огня, напоминала распростертый окровавленный трупъ.

Библиотека "Руниверс"

— Помогай Богъ!—приподнялъ шапку Богданъ и, не замѣтивши нигдѣ образовъ, насунулъ ее снова на брови.

Фигуры какъ будто бы пешевелились немного, но не отвѣтили ничего на привѣтствіе.

— „Съ понедилкомъ“!—повторилъ Богданъ и получилъ въ отвѣтъ такое-же молчаніе.

— Эге,—подумалъ онъ,—что-то не ладно, коли и на привѣтствіе не отвѣчаютъ... А можетъ быть, это татаре?—мелькнуло у него въ головѣ.—Только вотъ этотъ, что лежитъ у ногъ, навѣрное козакъ,—развѣ... ужъ не зарѣзанъ-ли онъ? Богданъ ощупалъ рукою пистолеты и произнесъ привѣтствіе по татарски: „гошъ-гелды“!

Но и на это привѣтствіе, вмѣсто отвѣта, дальняя фигура лишь слегка свистнула. Это взорвало Богдана.

— У насъ, коли здороваются, то добрые люди благодарятъ и здороваются въ свою очередь,—произнесъ онъ вѣско,—а свистятъ только болотяники. Ну, а на свистъ и мы можемъ свиснуть... и Богданъ, дѣйствительно, свистнулъ, да такъ пронзительно, что ближайшій изъ молчаливыхъ обитателей заткнулъ себѣ уши, а Морозенко, услыхавъ этотъ свистъ, опрометью бросился къ хаткѣ и оторопѣлъ у дверей, соображая, откуда бы могло такъ свистнуть?

Во время разговора Богдана сидѣвшій у окна внимательно прислушивался къ его голосу, стараясь разглядѣть и лицо, и фигуру его; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ полутьма въ землянкѣ на столько сгустилась, что совершенно скрыла Богдана; когда же роздался его пронзительный свистъ, молчаливый наблюдатель не выдержалъ.

— Ну, тебя къ бѣсу, прохрипѣлъ онъ,—даже „лящитъ“ и звенитъ въ ушахъ.

— А было-бы не затыкать ихъ клейтухомъ на доброе слово,—отвѣтилъ Богданъ.—Вотъ ты теперь,—лысый тебя знаетъ, какъ величать,—хоть и помянулъ своихъ родичей, а все-же заговорилъ по-людски.

Опять наступило неловкое молчаніе.

— „Что-жъ,—подумалъ Богданъ,—не хотите говорить,—наплевать. А я погрѣюсь немного, перекушу съ Олексой, а то и подночую, пока не взойдетъ мѣсяцъ,—козачье солнце; въ темень-то можно угодить въ такое „багнище“, что и дна не достанешь! Только гдѣ-бы? Вотъ этотъ развернулся на весь полъ и мѣсто занялъ. Мертвый онъ, или пьяный?“—тронулъ его слегка ногою Богданъ.

Лежавшій захрапѣлъ.

— Э, посунься-ка, брате, немного!—отбросилъ тогда Богданъ въ сторону ноги лежавшаго козака и, сѣвши по-турецки передъ очагомъ, началъ набивать себѣ „люльку“.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ это тоже по-людски,—замѣтилъ дальній.—Забрался въ чужую хату и выпихаетъ хозяевъ, точно свинья въ чужемъ хлѣву „порается".

— А вотъ что я тебѣ на это, добрый человѣкъ, скажу,—чмокнулъ Богданъ „люлькой" и выпустилъ клубы удушливаго, ѣдкаго дыма, какого даже и черти боятся, наравнѣ съ ладаномъ.—Не люблю я, когда мнѣ не отвѣчаютъ, но еще больше не люблю, когда языкомъ „ляпаютъ",—такъ вотъ у меня и чешутся руки укоротить языкъ.

— Овва!—протянулъ ближайшій.

— Не дуже то и овва! А коли хочешь, такъ можно испробовать, потому, что со псами нужно по-песьи.

— А съ волками какъ?

— Такъ само: добрая собака и волка повалитъ.

— А ты уже, знать, доброю собакою сталъ, что и на людей лаешь? Ой, хвостъ подожмутъ!

— Не родился еще на свѣтъ такой сатана, чтобы мнѣ на хвостъ наступилъ!—сплюнулъ на сторону Богданъ и прижалъ пальцемъ золу въ „люлькѣ".

— Не изъ тѣхъ-ли ты, что покамышамъ бѣглецовъ-„втикачей" ищутъ, чтобы въ плуги запрягать?—замѣтилъ дальній съ сарказмомъ.

— Эхъ, вы, идолы съ бабскими „прычандалами",—мотнулъ головою Богданъ.—Въ камышахъ сидятъ, а нюху „чортъ-ма!" Козака до такой, прости Господи, погани равняютъ!

— Что-жъ ты, коли козакомъ назвался, козачьихъ обычаевъ не знаешь?—оживился сосѣдъ.

— Ага! вотъ оно что!—усмѣхнулся въ душѣ сотникъ и вдругъ крикнулъ пугачемъ: „пугу"!

— Пугу!—отвѣтили и собесѣдники.—А кто?

— Козакъ съ Лугу!

— А куда путъ держишь?—началъ допрашивать дальній.

— Въ болота, въ очерета, да въ непролазныя кущи!

— Зачѣмъ?

— Комаровъ кормить бѣлымъ тѣломъ козацкимъ, да искать темною ночью товарища.

— Не похоже,—буркнулъ себѣ подъ носъ дальній.

— Такъ здоровъ будь, коли такъ!—крикнулъ ближній, и оба незнакомца сняли шапки.

— Будьте и вы здоровы!—поклонился Богданъ.

— А кого ищешь? Не безносаго-ли бѣса?—спросилъ ближайшій.

Библиотека "Руниверс"

— Не безносаго, а двуносаго.

— Э, значитъ, до нашего батька?—обрадовался видимо собесѣдникъ.

— Молчи!—толкнулъ его сердито дальній.

Богданъ не замѣтилъ этого движенія.

— Можетъ, и до вашего батька,—отвѣтилъ онъ,—а до моего пріятеля.

— А коня можешь поднять подъ брюхо?—смѣрилъ сидящаго Богдана пристальнымъ взглядомъ дальній.

— Какіе кони, иныхъ можно и двухъ!—крикнулъ Богданъ и однимъ движеніемъ головы сдвинулъ на бекрень черную баранью шапку съ краснымъ донышкомъ и золотой кистью.

— Гм, гм!—протянулъ дальній.

— Ладно,—похвалилъ ближній.—Знать, дѣйствительно пріятель... только знаешь-ли, на какой „купинѣ“ онъ сидитъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не знаю! Можетъ, проведетъ?

— Провести-то можно,—отвѣтилъ тотъ какъ-то угрюмо и неопредѣленно,—только хлопца твоего мы тутъ оставимъ, не взыщи: такой уже у насъ законъ.—Богданъ промолчалъ: видимое дѣло—ему не довѣряли. Но, какъ они не довѣряли,—вотъ что смутило Богдана: недовѣряли-ль они ему, какъ вообще всякому незнакомцу, или они узнали его, Богдана Хмельницкаго и все таки не довѣряютъ ему? Однако какъ не обидно было для Богдана подобное отношеніе козаковъ, но въ виду слуховъ, переданныхъ ему Богуномъ, онъ рѣшилъ не открывать своего имени, а потому, помолчавши немного, Богданъ снова обратился къ незнакомцу, мѣняя тему разговора.

— А что, паны-браты, подѣлываетъ тутъ мой товарищъ?

— Охотится!—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, рубя огонь и осѣкая себя искрами. Богданъ ловилъ мгновенія, когда отъ огнива освѣщалось лицо сосѣда, но козакъ,—въ этомъ уже нельзя было сомнѣваться,—былъ остороженъ и, отворотившись къ стѣнѣ, закрылъ себя еще „видлогою“, изъ-за которой только и вырѣзывались при блескѣ искръ торчащими концами усы.

— А на что? На какого звѣря?

— На жидовъ,—сопѣлъ и пыхтѣлъ, раскуривая „люльку“ сосѣдъ,—на пановъ, да на экономовъ, особенно на перевертней... а попадется и его мосць ксендзъ—за красную дичь станетъ.

„Эхъ, не выдержалъ!—подумалъ Богданъ и ударилъ себя кулакомъ по колѣну,—и вотъ черезъ такого „палыводу“ встрепенутся паны и накроютъ насъ до поры, до времени!“ Но, чтобы скрыть

Библиотека "Руниверс"

свое внутреннее раздраженіе и развѣдать побольше, онъ воскликнулъ весело:

— Важно, добрая охота! Только это все игрушки! А чего-нибудь поважнѣй не затѣваетъ?

— О томъ ему знать!—отозвался сидѣвшій у окна, зажигая свой трутъ изъ люльки сосѣда.

— Само собой,—затянулся Богданъ,—его дѣло... Мнѣ только досадно-бы было, коли-бъ безъ меня прошло важное что-либо, а то давай Богъ!

— Ну, а ты самъ будешь кто?—спросилъ насмѣшливо дальній.

— Да я тоже... изъ одной степи!—замялся Богданъ.

Собесѣдники многозначительно замолчали и только пыхтѣли „люльками“, да по временамъ плевали подъ ноги.

Олекса вышелъ къ конямъ.

— Ну, а что тутъ слыхать вообще? Лютуютъ паны?—началъ снова Богданъ.

— А вотъ пойди, козаче, куда-либо въ мѣстечко, или на ярмарку, такъ увидишь,—отвѣтилъ, послѣ большой паузы, сидѣвшій у окна козакъ.

— А что?

— А то, что всюду ходятъ на костыляхъ, или ползаютъ калѣки,—замѣтилъ ближайшій.—У всѣхъ у нихъ отсѣчены правая рука и лѣвая нога; это паны „майструютъ“ такъ непокорныхъ... Развѣ не знаешь?

— Дьяволы!—прошипѣлъ Богданъ.

— То-то! И они, и ихъ потатчики!—буркнулъ дальній.

— А туда, къ Жукамъ...—вставилъ ближайшій козакъ,—всѣ церкви на костелы поперестроили, а благочестивымъ людямъ отводятъ для службы Божьей хлѣвы.

— Господи! Да что же это?—всплеснулъ даже руками Богданъ.—И люди имъ, каторжнымъ, не свернутъ шеи?

— Ждутъ батька... видишь!

Богданъ въ это мгновеніе, забывши о своемъ намѣреніи, готовъ былъ, казалось, броситься съ этими удальцами на мучителей: но, вспомнивъ цѣль своей поѣздки, затревожился еще болѣе, сознавая, что при такихъ обстоятельствахъ Кривоносъ не ограничится легкимъ полеваньемъ, а бросится въ самое пекло и надѣлаетъ бѣдъ.

— Эхъ, не сидится мнѣ!—всталъ онъ и размялъ свои члены.—Такъ бы и летѣлъ къ „побратыму!“ Что-жъ, проводите меня, друзи?

— Чего не провести,—отозвался дальній угрюмо,—провести можно, мнѣ и самому туда путь; только еще глухая ночь, темно,—можно потрафить и къ дидьку въ гости... Тутъ вѣдь надо проби-

Библиотека "Руниверс"

раться не конно, а пѣше, а въ иныхъ мѣстахъ и на брюхѣ; такъ оно ловче будетъ при мѣсяцѣ.

— Такъ я прилягу возлѣ коней,—покорился со вздохомъ Богданъ.—А когда посвѣтлѣетъ, то разбужу тебя, товарищъ,—не сердись.

Было уже за полночь, когда Богдана разбудилъ голосъ его страннаго знакомаго:—а что, козаче, пора и въ дорогу рушать!

Богданъ быстро схватился на ноги и съ изумленіемъ осмотрѣлъ своего провожатаго: одѣтъ онъ былъ болѣе, чѣмъ легко, на немъ были всего—закоченные по колѣни штаны, сорочка и легкіе постолы. Проводникъ приказалъ Богдану также снять лишнюю одежду и оружіе, и слѣдовать за нимъ. Это приказаніе не понравилось сотнику, тѣмъ болѣе, что проводникъ старался все-таки не поворачиваться къ нему лицомъ; но, замѣтивши, что и онъ не имѣетъ на себѣ никакого оружія, Богданъ рѣшился исполнить его требованіе. Такимъ образомъ, сбросивши все лишнее и передавши его Олексѣ, Богданъ отправился за своимъ проводникомъ. На дворѣ царствовалъ какой-то сѣрый полусвѣтъ; хотя луна уже было взошла, но сплошныя облака заволакивали все небо; при этомъ смутномъ свѣтѣ трудно было различать окрестные предметы, но проводникъ видимо зналъ отлично дорогу. Богданъ старался не отставать отъ него, хотя это оказывалось чрезвычайно труднымъ.

Дорога шла, казалось, нарочно по самымъ непроходимымъ мѣстамъ. Вся почва представляла изъ себя топкое болото: ежеминутно изъ-подъ ногъ Богдана выступала съ тихимъ шипѣньемъ вода; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ болото до того разжижалось, что идти по немъ не было никакой возможности; тогда проводникъ начиналъ прыгать съ кочки на кочку, покрикивая на Богдана: „гей, не отставай, не останавливайся, а то пойдешь къ дидьку!“ Такой способъ передвиженія страшно утомилъ Богдана, однако-же остановиться дѣйствительно не было возможности; болото грозило ежеминутно засосать въ свою тину всякаго, вздумавшаго бы отдохнуть хоть минутку на немъ. Въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, когда Богданъ думалъ, что имъ прійдется уже разстаться съ жизнью, проводникъ вдругъ нырялъ неожиданно въ камыши, Богданъ слѣдовалъ за нимъ и тамъ находилъ къ своему удивленію грубо намощенную изъ камыша и лозы „гатку“. Путешествіе тянулось уже больше часу; Богданъ чувствовалъ, что изнемогаетъ. Иногда ему казалось, что проводникъ умышленно колеситъ и снова возвращается на старое мѣсто: наконецъ, послѣ двухъ часовъ такого ужаснаго пути, имъ удалось достичь небольшого островка.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, ты подожди здѣсь немножко,—обратился къ Богдану проводникъ, за тобой прійдутъ,—и, не оборачиваясь къ Богдану, онъ скрылся въ густомъ лозняк‍ѣ, покрывавшемъ весь островъ.

Богданъ ничего не возразилъ; дотащившись до сухого мѣста, онъ повалился въ изнеможеньи на землю. Усталость превозмогла всѣ его чувства; съ полъ-часа лежалъ онъ такъ безъ мысли, безъ движенія, безъ воли... такъ прошелъ еще часъ,—никто не появлялся. Богданъ приподнялся и осмотрѣлся: кругомъ небыло ни души. Островъ окружало жидкое, топкое болото, терявшееся въ морѣ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ камышей. Сердце у Богдана заныло. Что это? Куда завелъ его провожатый? Ужъ не обманулъ-ли онъ его, не бросилъ-ли здѣсь на съѣденье мошкѣ и комарамъ?

Вотъ до чего дожился онъ, Богданъ, что и козаки сторонятся его и считаютъ предателемъ!

Богданъ сѣлъ, подперъ голову руками и тяжело задумался. Онъ не замѣчалъ, что разорванныя тучи давно уже сметены были съ лазурнаго неба, что солнце уже стояло въ зенитѣ, осыпая и его, и золотистый камышъ, и сочную зелень травы яркимъ, любовнымъ лучомъ; онъ не обращалъ вниманія, что жизнь вокругъ него проснулась и заиграла стрекотаньемъ, чирканьемъ, крикомъ, что надъ его головой проносились со свистомъ стаи чирковъ, куликовъ и бекасовъ, что высоко плыли ключомъ журавли, а еще выше парилъ широкими кругами орелъ,—все это скользило мимо, не оставляя никакого впечатлѣнія на его мрачной душѣ. Сознаніе, что ему не довѣряютъ товарищи, что отъ него прячутся, считаютъ его, быть можетъ, измѣнникомъ, предателемъ, обрушилось такою тяжестью на Богдана, что онъ согнулся подъ ней и сраженный обидой, тупо, безъ мысли лежалъ: всѣ думы его, всѣ тревоги, всѣ интересы скомкались въ хламъ, и онъ чувствовалъ одну лишь неотвязную боль отъ незаслуженной обиды.

Время уже приближалось къ полудню, когда за спиной Богдана послышались всплески воды и какая-то возня въ тинѣ, сопровождаемая гомономъ людскихъ голосовъ; Богданъ инстинктивно повернулся и увидѣлъ подходящаго къ нему друга Чарноту. За нимъ шло еще два какихъ-то козака. При видѣ Чарноты у Богдана въ груди вспыхнуло огнемъ чувство радости и заставило его сорваться съ мѣста; первое побужденіе его было броситься къ своему другу и обнять его горячо, но это движеніе подрѣзала ѣдкая мысль, что быть можетъ другъ оттолкнетъ его, какъ предателя Іуду... и Богданъ остановился въ мучительной нерѣшительности.

— Не узнаешь, что-ли, меня, друже мой?—радостно отозвался Чарнота, широко раскрывъ свои руки.

Библиотека "Руниверс"

— Узнать-то узналъ,—отвѣтилъ Богданъ съ дрожью въ голосѣ,—сердце подсказало, забилось, да на меня наплели враги такихъ подлыхъ напраслинъ, что боялся къ тебѣ подойти. Слушай, у Богуна...

— Стой, друже!—перебилъ его Чарнота,—и твоему сердцу, и твоему слову я, какъ себѣ, вѣрю: скажи прямо,—ты все тотъ-же, какъ былъ?

— Все тотъ-же и сдохну такимъ!—воскликнулъ Богданъ.

— Такъ и начхай на всѣ брехни и кривды, обнялъ его Чарнота,—а кто писнетъ—голову тому размозжу. Нашъ ты—такъ и пропадай все ворожье на свѣтѣ! А вотъ я тебѣ, друже, и горилку и одежу сухую съ собой захватилъ. Гей, Вернигоро! Вовгуро!—оборотился онъ,—захватили-ли все, что нужно съ собою?

— Все есть, батьку,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, подходя и подавая Чарнотѣ сорочку, штаны и жупанъ.

При звукѣ его голоса Богданъ вздрогнулъ и оглянулся: это былъ голосъ его таинственнаго проводника.

— Что это ты смотришь такъ, не признаешь-ли, или вовсе не знаешь? Вотъ это Лысенко Вовгуря, а тотъ вонъ Вернигора.

— Да, если-бы и зналъ ихъ, друже, то трудно было признать; все прятались отъ меня,—отвѣтилъ съ саркастической улыбкой Богданъ: —я ужъ думалъ, не шпиги-ли это Яремовскія? А ужъ какъ оставили меня на этомъ островѣ, такъ и совсѣмъ въ томъ увѣрился.

— Прости, батьку,—отвѣтилъ въ смущеньи Вовгуря:—это, для предосторожности: у насъ каждаго, кто къ батьку Максиму идетъ, сначала здѣсь оставляютъ, чтобъ не удралъ и не сообщилъ гончимъ псамъ про тропу къ намъ, а потомъ уже, поразглѣдѣвши да поразспросивши его и другихъ, однимъ словомъ, увѣрившись въ немъ, пускаютъ къ атаманскому куреню.

— Вы же меня, панове, съ самаго начала видно признали,—отозвался съ горькимъ упрекомъ Богданъ.—А все-таки, значитъ, и я—каждый, и я могъ бы утечь ко псамъ?

— Что ты, батьку-атамане, да развѣ свѣтъ можетъ перевернуться до горы, шутъ знаетъ, чѣмъ?—оправдывался какъ-то взволнованно Вовгуря.—Правда, на тебя плели всякія пакости,—водятся вѣдь и такіе поганные языки, какъ у бабъ, прости Господи... Но главное, тебѣ нельзя было пройти двухъ проходовъ безъ „матокъ“, такъ я и замѣшкался, пока вывязали ихъ четыре штуки, ей-Богу!

— Что-жъ, правда!—подавилъ со вздохомъ чувство боли Богданъ.—Въ военномъ дѣлѣ—ни для друга, ни для брата, ни для отца нельзя отступить отъ правила.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что тамъ старое, друже, вспоминать,—ударилъ Богдана по плечу Чарнота: —предосторожностей у насъ правда много, да иначе и нельзя, такая наша здѣсь доля: кругомъ ищутъ, рыщутъ вездѣ Яремины слуги, только это болото и защищаетъ насъ, а узнай они здѣсь нашу потайную тропинку—живо-бы накрыли! Потрудились правда братья занадто: видишь они у насъ,—указалъ онъ на Лысенка и Вовгурю,—на сторожевомъ посту тамъ стоятъ. Ну, а въ военномъ дѣлѣ, самъ знаешь, уже лучше пересолить, чѣмъ недосолить.

— Такъ, такъ,—согласился невольно Богданъ.

— Ну, а теперь одѣвайся поскорѣе, друже, да выпей для покрѣпленья силъ немножко вотъ этотъ „цѣлющей“ водицы, да и гайда въ дорогу. Братъ Максимъ уже давно насъ ждетъ.

Богданъ одѣлся, согрѣлся нѣсколькими глотками водки и путники отправились наконецъ въ путь; переправились по „маткамъ“, какъ по понтонамъ, на другую сторону, пошли зарослями, перебрались ползкомъ черезъ „чагары“, еще разъ переправились по „маткамъ“ и выбрались, наконецъ, на тотъ таинственный, затерявшійся между недоступными плавнями „жабиный островъ„, гдѣ усѣлся своимъ вольнымъ кошемъ Кривоносъ.

Весь островъ былъ покрытъ кудрявою зеленью прирѣчныхъ древесныхъ породъ, между которыми преобладала верба; сѣдоватыя, мягкія волны ея отливали серебромъ и придавали картинѣ особенную прелесть. При входѣ въ таборъ, для украшенія и для эмблемы, сидѣли на кольяхъ въ видѣ сфинксовъ, два ксендза; полусгнившіе трупы ихъ смотрѣли глазными ямами другъ на друга, оскаливши обнаженные зубы. На привычныхъ обитателей острова созерцаніе этихъ сфинксовъ не производило уже никакого впечатлѣнія, но каждое новое лицо, при видѣ ихъ, содрагалось и невольно закрывало глаза. Богданъ тоже отвернулся отъ нихъ. Боже, до какого звѣрства могутъ доводить людей насиліе и притѣсненье—пронеслась въ его головѣ грустная мысль.

Дальше, по обѣимъ сторонамъ тропинки, извивавшейся между густымъ, тѣнистымъ „гайкомъ“, висѣли то тамъ, то сямъ на вѣтвяхъ польскіе паны и жиды. При проходѣ съ этихъ придорожныхъ вѣхъ срывались цѣлыя тучи воронья и съ оглушительнымъ карканьемъ укрывали, словно чернымъ сукномъ, верхушки высокихъ ольхъ. У самой землянки атамана, что стояла впереди „начелѣ“, сидѣли на кольяхъ опять-таки два ксендза,—очевидно Кривоносъ оказывалъ имъ наибольшій почетъ.

По пути къ этой землянкѣ Чарнота отдѣлился было куда-то въ сторону и теперь вышелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ на встрѣчу Богдану.

Библиотека "Руниверс"

— Слыхомъ слыхать, видомъ видать!—протянулъ Кривоносъ ему еще издали руки,—какимъ тебя вѣтромъ занесло въ эти жабьи трущобы?

— Вѣтромъ добрымъ, хорошимъ,—отвѣтилъ взволнованно Богданъ,—давно жданнымъ и только теперь посланнымъ намъ Господомъ Богомъ.

— О?!..—обнялъ его Кривоносъ,—такъ это что же? Значитъ, и я дожился до такой радости? Только постой, постой, друже, какая вѣсть? Или такая, чтобы, засучивъ рукава, выкупаться по горло во вражьей крови и упиться ею до пьяна, или, можетъ быть, вновь „обицянки-цяценки, а дурневи радость“?...

— Нѣтъ, уже не обицянками пахнетъ,—возразилъ возбужденно Богданъ,—а скоро начнется и пиръ, да такой, что враги наши запляшутъ на немъ до упаду!

— Э, да на такихъ радостяхъ нужно выкупать и душу въ горилкѣ,—вскрикнулъ Кривоносъ.—Гайда-жъ въ мой курень!—Милости прошу: почти и мой уголъ, и мою чарку!

Землянка была вырыта очевидно наскоро и не приспособлена для жилья; она представляла довольно большую и не глубокую яму, прикрытую сверху лозой и дерномъ, а внизу устланную соломой. Черезъ солому просачивалась въ иныхъ мѣстахъ грязная вода, а потому сверхъ соломы набросаны были воловьи да овечьи шкуры, а сверхъ нихъ уже лежали плащи и полушубки. Въ углахъ валялось цѣнное оружіе и разная утварь, между которой блистала и серебряная посуда. Хозяинъ и Богданъ улеглись на шкурахъ, а Чарнота засуетился и черезъ минуту передъ ними появился огромный окорокъ, половина барана, хлѣбъ и сулея доброй горѣлки. Выпили по ковшу, по другому и принялись за ѣду. Утоливши голодъ, Богданъ разсказалъ подробно друзьямъ о рѣчахъ короля, о разговорахъ съ Оссолинскимъ и Радзіевскимъ, о планахъ этой кучки истинно-преданныхъ его величеству и благу отчизны людей, о желаніи ихъ „приборкать“ магнатовъ, поднявши власть короля, о стремленіи привлечь на свою сторону козаковъ, единственныхъ и вѣрнѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ помощниковъ, для чего и затѣвается ими война. Кривоносъ слушалъ эти доклады съ мрачнымъ вниманіемъ, опоражнивая ковшъ за ковшомъ и приговаривая себѣ изрѣдка въ усъ: „чулы“, слыхали!..

Когда же Богданъ прервалъ свой разсказъ, потянувшись за сулеей и за кухлемъ, то Кривоносъ глубоко вздохнулъ и произнесъ разочарованнымъ голосомъ:—„стара байка!“

— Да, ничего поваго,—вздохнулъ и Чарнота.

Библиотека "Руниверс"

— Постойте, панове,—улыбнулся Богданъ,—дайте промочить глотку!

— А коли такъ, друже, то промочи,—подсунули сулею товарищи.

— Видите-ли, братове,—крякнулъ Богданъ, и замѣтилъ вскользь Чарнотѣ,—добрая у тебя горѣлка, ровно кипитъ... Да, такъ видите ли, обо всемъ этомъ мнѣ намекали и въ письмѣ на Масловомъ Ставу, да лично-то я убѣдился въ правотѣ этихъ сообщеній, только свидѣвшись съ королемъ, послѣ морского похода, когда онъ меня отправилъ за-границу съ порученіями нанимать войска и заключать союзы.

— Все это, друже, журавель въ небѣ,—произнесъ нетерпѣливо Чарнота, закашливаясь отъ сильной затяжки дымомъ.

— Есть и синица въ рукѣ,—поднялъ голосъ Богданъ.—Вотъ сейчасъ получены мною черезъ полковника Радзіевскаго уже прямыя распоряженія готовить „чайки“ къ походу, получены на это и деньги; кромѣ того, присланы намъ бунчукъ, булава и наше старое, повитое славою знамя, увеличено число рейстровиковъ, обѣщано возвратить права.

— Наше знамя,—вскрикнулъ Чарнота, не слушая уже остальныхъ словъ Богдана,—вернулось изъ плѣна? Опять услышимъ шелестъ его!? И булава засверкаетъ передъ войскомъ? А съ нею и боевыя потѣхи... и бури... и грозы... и стоны враговъ, и козацкій покрикъ! Эхъ, други мои, браты родные!—обнялъ онъ порывисто Богдана.—Да вѣдь это такой пиръ, такой праздникъ, что сердце не выдержитъ сидѣть въ этой клѣткѣ,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—а выскочитъ отъ радости! Наливай, наливай полные, Максиме, ковши, чтобы черезъ край лилось, какъ у меня на душѣ!

— Это такъ, это взаправду,—потиралъ себѣ руки и Кривоносъ,—теперь уже держитесь... Насталъ „слушный часъ“, ужъ и задамъ же я моимъ благодѣтелямъ „бенькетъ“, такую пирушку, какой не было и въ пеклѣ на свадьбѣ сатаны съ вѣдьмой! Купаться буду въ крови! Выпьемъ же на погибель ворожью, на ихъ стоны, на крики, на корчи отъ мукъ!

Всѣ чокнулись и осушили переполненные ковши.

— Вы тамъ пускайте на дно „голомозаго“ турка, а я тутъ позаймусь съ мосцивыми ляшками... потѣшу душу свою!

— Нѣтъ, друже мой, рыцарю мой любый,—прервалъ Богданъ, положа на плечо его руку,—такъ не выходитъ; уже коли король на насъ опирается, то нужно его волю чинить и покоряться ей въ „боевой справѣ“.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ же это? Оставить ляшковъ-панковъ въ покоѣ, чтобы жирѣли здѣсь отъ людской крови?—вытаращилъ налитые кровью глаза хмѣлѣвшій уже Кривоносъ.

— До поры, до времени...—успокоилъ его Богданъ:—сначала королю нужно, чтобы мы нападеніемъ на невѣрныхъ вызвали ихъ на войну съ Польшей, а потомъ уже онъ, для защиты „ойчизны„, поднимаетъ „посполитое рушенье“, значитъ и всѣхъ козаковъ, станетъ во главѣ войска, возьметъ въ руки полную власть, приборкаетъ магнатовъ, поставитъ другіе законы, возстановитъ наши права...

— Стой, стой! Я что-то въ толкъ не возьму...—крикнулъ Кривоносъ,—словно вотъ путается въ башкѣ... Какъ же это? Дастъ права и все этакое... а когда же гнать изъ родныхъ земель лютыхъ ляховъ?

— Да и согласятся-ли еще паны съ королемъ? Они такой гвалтъ поднимутъ на сеймѣ, что и сюда долетитъ ихъ „veto!“ —добавилъ Чарнота.

— Вотъ тогда-то мы глотки имъ и заткнемъ,—закурилъ „люльку“ Богданъ,—для этого-то самаго и будетъ король насъ держать въ полномъ комплектѣ; война ему только и нужна для предлога, чтобъ поднять насъ, а тамъ уже нашею оружною рукою онъ будетъ стричь своихъ королятъ, какъ барановъ...

— А ежели проклятые ляхи не поднимутъ „гвалта“? —приподнялся Кривоносъ на локтѣ, загораясь адскимъ огнемъ.

— Такъ, значитъ, мы спокойно возьмемъ свои предковскія права и „запануемъ“ на родной Украинѣ...—поднялъ торжественно „люльку“ Богданъ.

— И не будемъ гнать и рѣзать ляховъ?

— Да на что-же,—коли дадутъ все намъ безъ боя?

— Нѣтъ! Не бывать этому!—заревѣлъ Кривоносъ и ударилъ кулакомъ съ такой силой о деревянный обрубокъ, что онъ подскочилъ, опрокинулся, разбивъ вдребезги сулею и раскидавъ ковши.

Разбитый „каганецъ“ покатился на землю. Въ палаткѣ водворился мракъ... Молча всталъ Чарнота, вышелъ ощупью изъ землянки, и возвратился съ новымъ „каганцемъ“; онъ установилъ опрокинутый обрубокъ, поставилъ на него новую сулею, „коганецъ“ и зажегъ его. Внутренность землянки снова освѣтилась тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Кривоносъ сидѣлъ, оперши свою голову на руки; у него изъ разбитаго о сукъ кулака текла кровь, ложилась темными пятнами на лбу, на щекѣ, застывала каплями на усахъ... но онъ не замѣчалъ этого... Богданъ и Чарнота мрачно молчали. Давило всѣхъ зловѣщее чувство.

Библиотека "Руниверс"

— Слушай, Максиме!—прервалъ наконецъ молчаніе Богданъ.— Не было и не будетъ до вѣку, до суду, чтобы ляхи-паны спокойно намъ уступили права! Кинутся они на насъ, какъ волки!

— Это вѣрно!—кивнулъ головой и Чарнота,—не уступятъ они намъ нашихъ земель, не уступятъ награбленнаго добра; зубами будутъ держаться, пока мы ихъ не выбьемъ до послѣдняго...

Кривоносъ облегченно вздохнулъ, провелъ рукою по лбу, покрытому крупными каплями пота, размазалъ по лицу кровь, поднялъ ковшъ и наполнивъ его оковитой, кинулъ въ ротъ молча.

— Не тревожься, братъ!—ударилъ его дружески по колѣну Богданъ,—будетъ пиръ кровавый и пьяный, только нужно намъ запастись пивомъ, а до того времени поуспокоить гостей: вотъ я и пріѣхалъ просить тебя, отъ имени братьевъ, оставить здѣсь на время „лыцарскія“ потѣхи, а отправиться съ нами на бусурманъ.

— Такъ и зналъ!—ударилъ себя въ грудь Кривоносъ.—Предчувствовало проклятое сердце!

— Друже мой! Усмири его!—промолвилъ съ глубокимъ чувствомъ Богданъ.—Ты свое сердце потѣшишь, а Украйнѣ, матери нашей несчастной, нанесешь ужасный ударъ...

Кривоносъ зарычалъ и заскрежеталъ зубами, какъ ущемленный въ западнѣ левъ.

— Вѣдь пойми,—продолжалъ Богданъ,—что сейчасъ, пока ни у короля, ни у насъ ничего еще не готово; пока мы безоружны, безсильны, то своимъ полеваньемъ ты только раздразнишь пановъ, разбудишь ихъ, всеоружныхъ, усыпленныхъ нашей мнимой покорностью, раньше времени и испортишь на вѣки всю „справу“...

— Проклятье!—вскочилъ Кривоносъ, и выпрямившись, ударился головой о потолокъ землянки; земля посыпалась градомъ, пламя въ „каганцѣ“ заколебалось отъ движенія воздуха удлиненными языками. Окровавленный, освѣщенный красноватыми пятнами мутнаго свѣта, съ сверкающимъ взоромъ, съ надвинутыми косматыми бровями, съ посинѣвшимъ шрамомъ и обнаженной до пояса грудью—Кривоносъ былъ по истинѣ ужасенъ и напоминалъ собою раненаго, разъяреннаго звѣря.

Тянулась нѣмая минута.

— Что же дѣлать, мой любый,—прервалъ ее, наконецъ, потрясенный Богданъ,—больше ждали,—меньше ждать... да и не ждать, а въ другомъ только мѣстѣ начать лыцарскій „герцъ“.

— Эхъ, брате Богдане,—отозвался горячо Чарнота,—да развѣ насъ только лыцарскіе „герцы“ манятъ. Вѣдь не дѣти мы, не безусые хлопьята!

Библиотека "Руниверс"

— Въ томъ-то и горе,—продолжалъ онъ,—что надо бросить все на волю этихъ изверговъ пановъ! Что татаре? Съ татарами можно жить по пріятельски, ей-Богу! Да вотъ, посуди: ни они земель у насъ не отнимаютъ, ни на свою вѣру не приневоливаютъ, ни нашихъ правъ не касаются... вотъ что! Позволяютъ даже по-сосѣдски пасть табуны на ихнихъ степяхъ, такъ же, какъ и мы имъ... Правда вѣдь? такъ?

Богданъ молча кивнулъ головою, а Кривоносъ остановилъ дикій, блуждающій взоръ на Чарнотѣ.

— Только-что вотъ...—возражалъ самъ себѣ Чарнота съ паузами,—иногда налетами грабятъ, такъ и мы недаримъ, а тѣшимъ также свою удаль. Да я скажу еще такъ, что и добре, что грабятъ, ей-Богу, добре! Отъ ихъ набѣговъ намъ даже польза... Разъ,—они не даютъ намъ спать, а будятъ... да, будятъ силу козачью, закаляютъ лыцарскую удаль, а два,—что „шарпаютъ“ и даже чаще нашихъ лютыхъ враговъ, заставляютъ ихъ искать у насъ помощи, а, стало быть, и намъ прибавляютъ больше вѣсу!

— Провались я на этомъ мѣстѣ,—захрипѣлъ, наконецъ, Кривоносъ,—коли Чарнота не правду сказалъ! А что станется, панебрате, если мы татаръ совсѣмъ повоюемъ? Вѣдь тогда они Польшѣ не будутъ страшны, а безъ нихъ мы не нужны. Тогда ляхи, мироѣды-мучители, на насъ и опрокинутся всею своею силой и задавятъ... вотъ оно что! Вотъ оно куда карлючка „закандзюбылась!“ Задирать-то татаръ, чтобы они били ляховъ,—добре, любо! А татаръ намъ бить, такъ все равно, что свою голову подъ обухъ подставлять.

Задумался Богданъ надъ этими рѣчами. Такія мысли смущали иногда и его голову: „А что взаправду, если это только интрига, если хотятъ соблазнить насъ шаткими обѣщаніями, поднять всѣхъ на борьбу съ бусурманомъ и, опрокинувши его за Черное море, раздавить безбоязненно все козачество? Какую тогда роль сыграю я для своей Украйны? Положимъ, что этому королю нельзя не вѣрить: онъ не лукавъ и чистъ сердцемъ, но онъ и не долговѣченъ. Не воспользуется-ли тотъ, кто его смѣнитъ, нашею кровью для нашей же погибели?“

—Правду сказали вы,—отозвался, наконецъ, громко Богданъ—и ты, Михайло, и ты, Миксиме, сущую правду: все можетъ статься, и вѣрить ляхамъ нельзя, да опериться намъ безъ этой войны невозможно; въ томъ-то и сила, что намъ нужно воспользоваться ихъ думкой, чтобы „збройно“ сѣсть на коня, а когда „засурмятъ“-затрубятъ наши трубы, да взовьется наше родное „кармазинное“ знамя, да заалѣютъ безконечными рядами алые верхи шапокъ и жупаны,—тогда то, братцы, и подумаемъ крѣпкую думу, на татаръ-ли съ ляхами ударить, или съ татарами на ляховъ?

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ такъ дѣло!—расправилъ брови Кривоносъ.

— Любо! Оживемъ!... Теперь ужъ и я выпью по самое... некуда!—потянулся Чарнота къ боченку.

— Такъ и помогите же мнѣ, друзья,—убѣждалъ Богданъ,—докончить съ ляхами игру... давно ужъ я ее веду... даже очертѣла.

— Поможемъ, поможемъ,—подхватилъ Чарнота.

— Мнѣ только усыпить нужно пановъ, пока сядемъ на коней, да саблями брякнемъ. Такъ вотъ отъ имени всего козачества бью я челомъ, чтобы вы на малое время бросили ваши камышевскія „жарты".

— А!—застоналъ даже Кривоносъ и такъ сжалъ кулаки, что кости хрустнули.—Все таки за старое! Да вѣдь это сверхъ человѣческой силы! Да знаешь!ли ты, что творятъ здѣсь эти идолы-аспиды?

— Все знаю, брате,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—и знаю, что нужно этихъ „вылюдковъ" карать; но для этой самой кары, для избавленія народа отъ египетской неволи, нужно пока воздержаться отъ кровавой мести.

— Да какъ же воздержаться?—вскрикнулъ Кривоносъ, потрясая руками.—Ну, пусть меня считаютъ за простого „камышника"-разбойника... Самъ я за себя и отвѣчу... Поймаютъ—сдерутъ шкуру, на колъ посадятъ, и баста... Эка невидаль!

— Эхъ, Максиме, Максиме!—покачалъ укоризненно головою Богданъ.—Да кто же Кривоноса, лыцаря, равнаго Яремѣ, посчитаетъ за простого „камышника?" Ты своими жестокими карами ожесточишь лишь врага. Клянусь тебѣ Богомъ и нашимъ краемъ безсчастнымъ, что ляхи взбудоражатся, заподозрятъ короля и размечутъ, какъ щепки, всѣ наши хитрые планы.

— Слушай, мой друже,—почти упалъ возлѣ Богдана Максимъ,—если-бъ ты заглянулъ вотъ сюда,—распахнулъ онъ совсѣмъ свою грудь,—и увидѣлъ, какая тамъ рана, окипѣвшая и гноемъ, и черною кровью, то ты бы отскочилъ въ ужасѣ... Я самъ туда боюсь заглянуть и прячу ее отъ людей... Ой, и жжетъ же она меня вѣчнымъ огнемъ, неугасимымъ, пекельнымъ!... Ты говоришь, что я не могу отъ жестокостей отказаться... всѣ меня звѣремъ считаютъ, но былъ же я когда-то не звѣрь! И это побитое сердце умѣло любить и знало ласку... Эхъ!—выпилъ онъ залпомъ ковшъ окованной и прилегъ головой на поднятыя на локтяхъ руки. Въ горлѣ у него что-то кипѣло и клокотало, плечи судорожно вздрагивали отъ страшной внутренней боли.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого страданія, которое повалило могучую силу къ землѣ, и занемѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

— Что тамъ вспоминать старое, Максиме!— положилъ ему руку на плечо Чарнота,—когда-бъ всякій изъ насъ распахнулъ свое сердце— страшно было бъ и глянуть кругомъ! Много запало туда лядской ласки! Э, да что тамъ!—вскрикнулъ онъ рѣзко, выпивая залпомъ ковшъ водки:—не всѣмъ-же выпадаетъ счастье! Кому любовь, кому тихая радость, а кому горе, да „зрада“,—все равно—неси, только смотри, чтобъ плечи не согнулись? И не согнутся! Не согнутся!—вскрикнулъ онъ, сверкнувши своими синими глазами:—въ землю уйдутъ, а не поклонятся никому и не попросятъ никого тяжесть ихъ раздѣлить!—Чарнота охватилъ голову руками и устремилъ свой взоръ въ мигающее пламя „каганца“... Казалось, передъ нимъ всплывало что-то далекое, прекрасное, незабвенное... По лицу его разлилась глубокая печаль...—Эхъ, все вздоръ, все вздоръ на свѣтѣ!—вскрикнулъ онъ съ невыразимой горечью, словно хотѣлъ этимъ восклицаніемъ оторвать свою мысль отъ мучительныхъ воспоминаній:—одна только горилка и можетъ приголубить козака!—И съ этими словами, Чарнота налилъ себѣ полный ковшъ водки, и выпивши его залпомъ, повалился ничкомъ на землю. Богдану почудились какіе-то подавленные стоны. Но вотъ въ землянкѣ наступила полная тишина.

Упало тяжелое молчаніе. Кбганецъ то вспыхивалъ, то примеркалъ, мигая по мрачной берлогѣ уродливыми тѣнями; черная ночь заглядывала въ ея дверь, а издалека доносился надорванный умирающій стонъ. Богданъ тяжело дышалъ и чувствовалъ, что его гнететъ и давитъ тяжелая „туга“, словно жерновъ; будущее представлялось ему и загадочнымъ, и мало отраднымъ; за туманами и мглою предвидѣлись страшныя грозы; надежда усмирить хоть на время этихъ мощныхъ, но искалѣченыхъ горемъ людей ускользала изъ рукъ,..

— Охъ, тяжело!—простоналъ, наконецъ, Кривоносъ и, проведши руками по лбу, заломилъ ихъ на затылкѣ.—Слушай, Богдане, друже, никому еще не говорилъ, не повѣрялъ я того, что тебѣ повѣрю... а ты выслушай и пойми, какъ я звѣремъ сталъ, выслушай, хватитъ-ли послѣ всего человѣческихъ силъ, чтобы сдержать бушующую въ душѣ лютость... Выслушай и разсуди меня, брате!

— Кого судить? Себя развѣ, а не другого!—махнулъ рукою Богданъ.

— Нѣтъ, разсуди,—опрокинулъ ковшъ горилки Кривоносъ и отеръ рукавомъ сорочки свои окровавленные усы.—Эхъ, не беретъ! Не зальешь ничѣмъ,—ни кипяткомъ, ни горячей смолой... Да, былъ и я человѣкомъ когда-то, не пугаломъ съ перерубленнымъ на двое носомъ, годнымъ лишь на баштаны, не чортомъ, не порожденіемъ пекла, котораго все живое страшится, а былъ козакомъ удалымъ, хорошей „уроды“, знавшимъ и свѣтлыя радости, и тихое семейное счастье!

Библиотека "Руниверс"

И незлобливъ былъ сердцемъ. Улыбался не сатанинской оскалиной, а хорошей улыбкой, слезу чужую отзывчивымъ сердцемъ встрѣчалъ, а вотъ теперь сталъ я звѣрь звѣремъ: смѣюсь на чужія муки, упиваюсь стономъ врага, тѣшусь крикомъ смертельнымъ... Да, звѣрь! А кто меня имъ сдѣлалъ, кто? Вотъ эти ляхи, да ксензы, да жиды, да этотъ кровопійца, извергъ человѣческаго рода, этотъ отступникъ отъ вѣры отцовъ, этотъ Іуда-Ярема! Дай мнѣ только его одного, его, найстрашнѣйшаго мучителя народа,—натѣшу я свою переполненную ядомъ печенку, напою свою месть и стану ягненкомъ, овцой!

Онъ всталъ и, изгибаясь конвульсивно отъ боли, прошелся нѣсколько разъ по берлогѣ, потомъ сѣлъ на кожухъ и началъ дико стонать, устремивъ въ черную ночь пылавшіе гнѣвомъ глаза.

— Не помню я ни отца, ни матери,—началъ онъ снова,—убиты, конечно, были или заведены въ плѣнъ, вѣрнѣе, что убиты, а меня взялъ въ „годованцы“ дядько Ткачъ, что осѣлся было въ Жовнахъ, вотъ недалеко отсюда, у рѣчки Сулы. Дядькомъ-то роднымъ онъ мнѣ не былъ, а я только величалъ его дядькомъ, а то и батькомъ. Хорошій былъ человѣкъ, добрая душа, перомъ надъ нимъ земля! Жалѣлъ меня, какъ сына родного, не то что, и на разумъ наставлялъ, добру училъ, не пожалѣлъ даже денегъ дьяку за науку, и радовался отъ души, когда я „апостола“ пискливо выкрикивалъ въ церкви, бублики, пряники дарилъ, охъ!... А у него, у Ткача, еще дочечка своя была Орыся, меньше меня. Славненькая такая, вотъ какъ ангелокъ о шести крылахъ: личико бѣлое, нѣжное, волосики кучерявые, словно свѣтлый ленъ, шелкомъ-серебромъ отдаютъ, бровенята черныя, шнурочкомъ, а глазки, какъ теренъ... Эхъ, что тамъ и толковать!—отвернулся онъ отъ Богдана и долго молчалъ, потомъ вздохнулъ глубоко и заговорилъ измѣнившимся голосомъ:—Ну, и шло мое дѣтство яснымъ, солнечнымъ днемъ. Подружились мы съ Орысей, а потомъ побратались, полюбились, а какъ уже до возраста дошли, такъ и „покохались“. Батько Ткачъ, царство ему небесное, радовался на насъ и благословилъ, только требовалъ, чтобы сначала послужилъ я родной землѣ, добылъ себѣ лыцарской славы, а потомъ бы уже и разсчитывалъ на семейную радость. Святое было слово батька, и я ему покорился. Ужъ какъ я любилъ мою зорьку, Господи!—все сердце, всѣ думки въ ней, и она тоже...—словно захлебнулся чѣмъ Кривоносъ и, протянувши руку къ Богдану, произнесъ хрипло;—налей ковшъ, не могу говорить, давитъ...

Богданъ молча налилъ, Кривоносъ выпилъ „оковитой“, передохнулъ и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ я и отправился на Запорожье и нырнулъ въ омутъ тамошней жизни, да ее только, Орысю мою, не забылъ, запряталъ ея образъ подъ самое сердце и носилъ, какъ дорогую святыню, а она молилась все Господу Богу, чтобы Онъ хранилъ, крылъ ризою и мою душу, и тѣло отъ бѣдъ. И, должно быть, молитва ея, праведной, была Богу угодна, потому что сколько разъ я и въ когтяхъ, и въ зубахъ у самой смерти бывалъ, а брать меня она не брала! И сталъ я надъ нею издѣваться, и прозвали меня товарищи „характерникомъ“. Пять лѣтъ я козаковалъ въ Сичи: и въ походахъ, и въ набѣгахъ участвовалъ, и на чайкахъ „гойдался“ по Черному морю... за все это время два раза таки побывалъ я въ Жовнахъ и видѣлся съ моей любой зарей, гостинцевъ ей привозилъ изъ Синопа и изъ Кафы, а она становилась все краше да милѣй. Эхъ, провались эта земля въ пекло, сгори она до тла въ огнѣ, если было когда на ней такое „любое“ созданье, какъ Орыся! Изверги, сатанинскіе выплодки!— выкрикнулъ съ воплемъ Максимъ и, схватившись своими желѣзными руками за дубовый столбъ, подпиравшій крышу землянки, потрясъ его съ такой силой, что дернъ во многихъ мѣстахъ свалился на земь.

— Годи, Максиме, не надо,—остановилъ его Богданъ,—тяжко тебѣ!

— Тяжко!—простоналъ Кривоносъ.—Но... слушай! Ужъ коли переживать муки, такъ до дна. Она меня любила, „кохала“, чахла по мнѣ, а батько Ткачъ хирѣлъ и дряхлѣлъ... Въ послѣдній мой пріѣздъ,—заговорилъ Кривоносъ торопливо,—подозвалъ онъ меня и говоритъ: „Не долго мнѣ, молъ, сынку, осталось жить: чую, зоветъ меня къ себѣ моя „стара“, такъ хотѣлось бы за мою жизнь обвѣнчать васъ... А то неровенъ часъ, можетъ остаться Орыся, дитя мое дорогое, сироткой, безъ защитника... а времена подходятъ лихія... Выпишись ты изъ коша, да и благословись у меня на тихую радость!“ Я такъ и сдѣлалъ. Кошевое „товарыство“ хотя жалѣло меня, а удержать не удерживало. Пріѣхалъ я „отставленнымъ“ въ Переяславъ и приписался въ реестръ, а оттуда уже домой въ Жовны. Вылетѣла ко мнѣ Орыся, какъ ласточка сизокрылая, да съ плачемъ и припала къ груди. „Что такое? Что случилось?“—„Тато умираетъ!“—залилась она дробными слезами. Я съ нею въ свѣтлицу къ батьку. Смотрю, онъ лежитъ на лавѣ желтый-желтый, какъ воскъ, борода, какъ молоко, бѣлая, и только очи блестятъ. Обрадовался онъ мнѣ страшно, одну руку протягиваетъ, а другою крестится, что Господь услыхалъ его молитву. На другой день насъ и обвѣнчали. Батюшка, спасибо ему, и правило церковное нарушилъ, чтобы угодить умирающему, а и вправду, какъ ни тѣшился нашъ покойный батько, что скрѣпилъ намъ счастье на вѣкъ, а черезъ три дня и

Библиотека "Руниверс"

умеръ. Оплакали мы его съ любой „дружиною“ и похоронили возлѣ церкви.

Кривоносъ тяжело дышалъ и судорожно теръ рукою свою могучую, обнаженную грудь; что то жгло и душило его внутри, клокочущіе звуки вырывались труднѣй, рѣчь становилась отрывистѣй.

— Вотъ мы и зажили, какъ голубки, тихо, да любо, да радостно, да счастливо! Ужъ такой рай Господь мнѣ послалъ, какого нѣтъ тамъ, на небѣ, нѣтъ и не было отъ вѣку! Въ хатѣ ли у меня, какъ въ вѣночкѣ—воркотанье, да ласка, да по сердцу „розмова“. Въ церковь ли пойдемъ—душа трепещетъ отъ радости, сама къ Богу просится, не знаетъ, какъ и благодарить Милосерднаго. Нѣтъ, хоть вымети рай, а такого счастья тамъ не найдешь!—вскрикнулъ какъ то болѣзненно Кривоносъ и ухватился руками за горло, а потомъ уже продолжалъ шепотомъ:—Такъ думалось... а Богъ послалъ мнѣ еще большее счастье: „нашлась“ у насъ донечка Олеся, а потомъ, черезъ два года, и сынокъ Стась... Какая же это утѣха! Господи! Посмотришь на „дружину“—солнце красное, взглянешь на дѣтокъ—звѣздочки ясныя... Охъ, не могла выдержать земля такого счастья, не могла!—захлебнулся Кривоносъ и замолчалъ.

Богданъ сидѣлъ все время, склонивъ голову и потупивъ очи въ солому. Разсказъ Кривоноса производилъ на него неотразимое впечатлѣніе, дрожью отзывался на сердцѣ и туманилъ глаза,—каждое его слово падало ему камнемъ на грудь. Вспомнилось Богдану и свое молодое счастье, мелькнувшее дальней зарницей, и въ груди закипѣла жажда отвѣдать радости жизни...

Когда Кривоносъ умолкнулъ, Богданъ взглянулъ на него и ужаснулся: блѣдный, съ сверкающими глазами, устремленными въ темную даль, съ отброшенною назадъ чуприной, съ судорожно-сжатыми на колѣняхъ руками, онъ сидѣлъ камнемъ, словно пораженный какимъ-то видѣньемъ; по его смуглымъ щекамъ катились медленно слезы и свѣшивались крупными каплями съ поникшихъ усовъ...

Богданъ даже отшатнулся при видѣ этого страшнаго горя, что смогло и у такой мощи выдавить слезы, и понялъ, что за каждую эту слезу заплатятъ страшными муками враги.

— Будетъ, будетъ!—сжалъ онъ руку Кривоноса.—Черезъ мѣру тяжело!

— Охъ!—вздохнулъ глубоко Кривоносъ и, обведши землянку мутнымъ взоромъ, произнесъ порывисто:—Нѣтъ, стой, не уходи.., дослушай, дослушай все до конца и тогда осуди... Жили мы, какъ у Христа за пазухой: дѣтки, какъ огурчики, росли, хозяйство отлично велось... жена за всѣмъ присматривала: мнѣ приходилось почасту отлучаться къ сотнѣ. А тѣмъ временемъ всѣми землями по

Библиотека "Руниверс"

Сулѣ завладѣлъ князь Ярема... Сначала-то люди этого и не замѣчали: козаки владѣли своими „грунтами“ невозбранно, продавали ихъ, покупали, мѣняли; „подсусѣдки“ жили при нихъ ласково, услуживали за свои участки, а потомъ стали княжескіе „дозорцы“ брать ко двору небольшой „чиншъ“. Погудѣлъ, погудѣлъ народъ, да и рѣшилъ, что о такихъ пустякахъ нечего спорить, что и князь имъ со своею дружиной пригодится, защититъ по крайности отъ татаръ. Зналъ вѣдь народъ, что Вишневецкіе были греческаго закона, значитъ, свои люди; но отступникъ Ярема скоро показалъ имъ себя!...

Кривоносъ продолжалъ, тяжело дыша и давясь словами:

— Появился въ Жовнахъ ляхъ, экономъ отъ него съ надворной командой и началъ заводить новые порядки: озера, ставки, переправы, лѣса и садки,—все отдалъ въ аренду жидамъ, чиншъ удесятерилъ, началъ сѣять на людскихъ поляхъ, нашими руками жать и косить... Людъ, было, взбудоражился, повѣсилъ одного жида, отнялъ этотъ панскій хлѣбъ и прибилъ экономa... Но налетѣлъ тогда измѣнникъ Ярема и произволъ страшное разореніе: заграбилъ скотъ, пасѣки, душъ пятьдесятъ канчуками запоролъ, душъ двадцать посадилъ на колъ и прогуливался съ экономомъ по этой страшной... улицѣ. Я тогда былъ въ Переяславѣ, а какъ вернулся, да услыхалъ по хатамъ этотъ плачъ и стонъ, да увидалъ мучениковъ несчастныхъ, такъ не знаю, какъ и доскакалъ до своей усадьбы; но, слава Богу, у насъ было благополучно: Господь еще пока хранилъ. Но и эта Божья ласка, и поцаженное извергомъ родное гнѣздышко уже не дали душѣ моей покоя. Развѣ онъ былъ возможенъ среди пекла? Развѣ можно было тѣшиться счастьемъ среди общаго стона и слезъ? Да, тогда въ сердцѣ моемъ закипѣла впервые злоба, и я поклялся стать борцомъ за несчастный народъ и отомстить его кровопійцамъ! Но жилъ я дома недолго: какъ на грѣхъ, меня потянула „войсковая потреба“. А экономъ, песъ лютый, послѣ княжьяго разгрома пустился на всѣ неистовства и безчинства. Ни сестра, ни жена, ни малолѣтняя дочь не были защищены отъ „звѣрюки“. И увидь онъ какъ-то разъ въ этотъ годъ мою „квиточку“ Орысю; ударила его въ сердце краса, и загорѣлся онъ звѣриною страстью: сталъ лѣзть съ любовью, оскорблять... Что было дѣлать ей, горлинкѣ, противъ коршуна? Бросилась она къ ксендзу, чтобы усовѣстилъ аспида, такъ тотъ предложилъ ей принять унію или католичество, тогда, молъ, только она можетъ разсчитывать на защиту. „Пусть меня хоть замучатъ на смерть, а вѣрѣ своихъ отцовъ не измѣню!“—закричала жена и стала запираться на замокъ въ хатѣ; но это не помогло: кромѣ экономa, и ксендзъ сталъ къ ней врываться, да съ волчьими ласками приставать еще къ дытинѣ Олесѣ! Аспидъ, изувѣръ! Служитель алтаря!—

Библиотека "Руниверс"

рванулъ себя за чуприну Максимъ и бросилъ клоки сѣдыхъ волосъ въ сторону.—А!—заскрежеталъ онъ зубами,—проклятая земля держитъ на себѣ такихъ тварей! Жена хотѣла убѣжать въ лѣсъ, да слегла отъ мукъ и обидъ. Мнѣ дали знать, я прискакалъ и хотѣлъ было сразу прикончить ксенза и эконома, но Орыся начала меня молить, чтобъ себя пощадилъ, чтобы ради ея счастья простилъ ихъ... Я бросился въ Лубны, къ князю Яремѣ, молилъ его, заклиналъ защитить неповинныхъ. А онъ, исчадіе ада, только смѣялся на мои кровавыя слезы и ледянымъ голосомъ объявилъ, что схизматы для него хуже псовъ, и что каждый шляхтичъ можетъ издѣваться надъ ними, какъ надъ быдломъ. Передернуло меня это презрѣніе и сказалъ я, что добрый хозяинъ и „быдло“ жалѣетъ. „Вотъ я тебя и пожалѣю,—отвѣчалъ мнѣ на это Ярема,—вмѣсто головы только шкуру сдеру! Взять его, пса!“ Всыпали мнѣ сотню горячихъ и отпустили... А дома уже панъ экономъ разпорядился взять мою больную жену къ себѣ на потѣху, а дытынку Олесю отдать на воспитанье ксензу... Застоналъ я отъ боли, сердце сжалось въ груди... красные круги стали въ очахъ... Задавилъ я вотъ этими руками эконома, такъ стиснулъ ему горлянку, что глаза его вылѣзли вонъ и вывалился языкъ...

Кривоносъ вскочилъ, глаза его свирѣпо вращались и сверкали бѣлками, на искривленныхъ губахъ бѣлѣла пѣна...

— Слушай, слушай до конца,—сжалъ онъ Богдану до боли плечо,—меня таки схватили... десятки ихъ попадали, какъ груши, но сила одолѣла... Повалили, связали... а черезъ два дня налетѣлъ сюда самъ „катъ“—Ярема творить судъ и расправу... Привели меня, связаннаго на „майданъ“, смотрю, а тамъ и жена моя, и дѣтки... а кругомъ сторожа... а тутъ же и костеръ, и колья... Бросился я къ князю въ ноги, чтобы казнилъ меня, какъ хотѣлъ, а ихъ бы отпустилъ неповинныхъ... Но князь топнулъ ногою и крикнулъ: „Всѣхъ васъ—огнемъ и мечемъ!“ И, выхвативъ саблю, ударилъ меня по лицу и разсѣкъ его пополамъ... кровь залила мнѣ глаза, но дьяволъ приказалъ засыпать мнѣ порохомъ рану и привязать меня къ столбу, чтобъ я полюбовался пытками моей „зироньки“ и дѣтей...

— О!—застоналъ Кривоносъ ужасающимъ стономъ и ударилъ себя кулаками въ грудь съ такой силой, что пошатнулся и упалъ бы самъ, еслибъ не поддержалъ его подскочившій Богданъ.

— Не выдержитъ ни одинъ звѣрь такой муки, соберись все пекло и оно не выдумало бъ ее!—задыхался онъ, давясь подступившими къ его горлу слезами.—Жену сожгли живой... Я видѣлъ, какъ огонь побѣжалъ по волнамъ ея свѣтлыхъ волосъ... какъ они чернѣли и сбѣгались въ комки... какъ лопнули ея чудные глаза. Ой, слушай,

Библиотека "Руниверс"

слушай до конца!—почти безумно шепталъ онъ,—сына, дитя малое, раздѣли и посадили на колъ... Какъ оно пронзительно кричало и корчилось отъ муки!... Вотъ тутъ сейчасъ... стоитъ этотъ крикъ... звенитъ въ ушахъ... а ее... ангела Божьяго... моя Олесю... предали звѣрскому поруганію до смерти,—выкрикнулъ съ нечеловѣческимъ усиліемъ Кривоносъ, бросился съ рыданіемъ на землю и долго бился на ней въ конвульсіяхъ.

Богданъ хотѣлъ было утѣшить своего друга, но слова застыли въ его горлѣ, онъ прижалъ только молча къ своей груди козачью несчастную голову.

Кривоносъ осилилъ, наконецъ, муку и поднялся съ хриплымъ дикимъ рычаніемъ:

— Меня собирался особенно замучить Іуда, но я ушелъ... спасъ свою жизнь для того, чтобы мстить за народъ... поклялся страшною клятвой отдать всю эту ненужную, подлую жизнь одной мести и истребленью враговъ... И отдамъ... и поймаю, дастъ Богъ, Ярему съ семьей!—захохоталъ онъ безумно и, вынувъ саблю, подалъ ее Богдану:

— Вотъ, на! Если твоя просьба нужна для Украины-неньки, если она необходима для блага кровнаго люду... такъ возьми этотъ клинокъ и всади его въ мою грудь... иначе у меня не хватитъ силы исполнить ее!..

Богданъ отклонилъ саблю движеніемъ руки и произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Твое горе такъ велико, что передъ нимъ опускаются руки!

Послѣ долгаго рабочаго дня спустился надъ Субботовымъ тихій, мирный вечеръ. Покончены уже всѣ дневныя работы въ панскомъ дворѣ. „Журавель“ у колодца не скрипитъ, а, поднявшись высоко въ воздухѣ, замеръ, словно задремалъ передъ наступающимъ сномъ. Изъ трубъ пекарни подымается прямыми струйками голубоватый дымокъ, готовится „вечеря“. На черномъ дворѣ, у „повитокъ“, толпится только что пригнанный съ поля и напоенный у колодца табунъ, въ сосѣдней „кошарѣ“ мычатъ коровы и блеятъ овцы. На завалинкѣ, у „пекарни“, молча сидятъ утомленные поселяне, флегматично посасывая „люльки“ и поглаживая „оселедцы“ да „чуприны“. По улицѣ возвращаются съ поля запоздавшіе косари и гребцы; слышатся шутки и взрывы задорнаго смѣха. Пыль, поднимаемая ими, стоитъ въ воздухѣ золотыми столбами. Молодой пастухъ, облокотясь на колъ въ „перелазѣ“, остановилъ какою-то ласковою шуткой мимо идущую стройную дивчину съ ведрами на коромыслѣ; дивчина кокетливо усмѣхается, сверкая своими бѣлыми зубами и придерживая коромысло рукой. Солнце только что спряталось за темнымъ лѣсомъ, золотой ореолъ еще блещетъ надъ нимъ, а противуположная сторона

Библиотека "Руниверс"

неба уже медленно покрывается робкимъ розовымъ сіяніемъ. На крылечкѣ сидитъ Ганна съ двумя мальчиками и Оленкой. Андрійко помѣстился на ступенькѣ у ея ногъ съ одной стороны, а Оленка съ другой; Юрась, все еще блѣдный и хилый, лежитъ бѣлокурою головкой у ней на колѣняхъ. Въ сторонкѣ, на муравѣ, сидятъ Катря съ Оксанкой и плетутъ себѣ вѣнки изъ золотыхъ гвоздикъ да синихъ волошекъ.

Ганна разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ томятся невольники на турецкихъ галерахъ, въ полону у татаръ, какъ ихъ „вызволяютъ“ оттуда козаки, какъ они сами спасаются бѣгствомъ, и сколько опасностей и случайностей встрѣчается имъ въ пути. И Оленка, и Андрійко слушаютъ разсказъ, затаивши дыханіе, сжимая свои черныя брови, а Юрко уже задремалъ, убаюкиваемый ровнымъ голосомъ Ганны. Но, несмотря на свой непрерываемый разсказъ, Ганна не перестаетъ думать все объ одномъ: вотъ уже два дня, какъ дожидается дядька здѣсь въ Субботовѣ гонецъ изъ Варшавы съ письмами отъ какого-то важнаго лица, а дядька все нѣтъ... Говорилъ, что вернется черезъ недѣлю, вотъ уже десятый день въ исходѣ, а ихъ все нѣтъ. Каждый вечеръ поджидаютъ ихъ, а все понапрасну... Не случилось-ли чего?..

Взглядъ ея скользнулъ по черному двору, мимо собравшихся уже возлѣ огромнаго козака косарей и остановился на молоденькихъ дивчаткахъ. Сидя на зеленой травѣ съ полными фартуками цвѣтовъ, онѣ сами казались двумя большими цвѣтками, поднявшими свои головки изъ травы. Дивчатки о чемъ-то говорили; Ганна не слыхала ихъ словъ, но, глядя на ихъ молоденькія, оживленныя лица, ей почему-то вспомнилось свое безотрадное дѣтство, подернутое туманомъ, а потомъ пришли на мысль и горячія слова Богуна, его молодое, воодушевленное лицо, и собственныя муки, и слезы, и Ганнѣ вдругъ сдѣлалось жаль чего-то: не то своей уплывающей молодости, не то своихъ развѣявшихся грезъ... Тихая тоска охватила ее, и рука Ганны замерла неподвижно на бѣлокурой головкѣ Юрка.

Въ противуположной сторонѣ неба вырѣзался и словно повисъ въ сиреневато-розовой мглѣ полный, красный мѣсяцъ...

— О, уже „повень!“—замѣтила Катря, подымая къ небу глаза.

— А когда они уѣхали, кончалась только первая квадра!— вздохнула Оксана.

— Значитъ, скоро пріѣдутъ,—отвѣтила тихо Катря, проникаясь необыкновеннымъ почтеніемъ къ грусти подруги, еще недоступной для нея.

Библиотека "Руниверс"

— Охъ, когда-то,—опустила печально голову Оксана,—а, можетъ быть, и случилось что... Ты развѣ не слыхала, какіе только ужасы разсказывалъ тотъ безрукій, что пришелъ вчера на хуторъ?

— Ну, съ батькомъ...—замѣтила увѣренно Катря,—съ батькомъ не можетъ ничего случиться, да и Олекса-жъ не кто-нибудь, а запорожскій козакъ!

— А можетъ онъ не съ панамъ-дядькомъ, а прямо поѣхалъ на Запорожье,—вздохнула опять Оксанка.

— А, что ты „верзешь!“ —вскрикнула даже сердито Катря.— Ну, какъ такое говорить?! И какъ бы это онъ поѣхалъ на Запорожье, не попрощавшись съ тобой?

— А почему бъ же ему непремѣнно прощаться со мной?

— Почему?—переспросила Катря, бросая на Оксану лукавый, выразительный взглядъ.

— Ну, да, почему?—повторила уже несмѣло Оксана, краснѣя и опуская глаза.

— Потому, что онъ „кохаетъ“ тебя!—отрѣзала Катря, но Оксана не дала ей окончить.

— Катруся, голубочка, серденько мое, когда-бъ же тому правда была!—обвивала она шею подруги руками, пряча у ней на плечѣ свое вспыхнувшее лицо.

— Правда, правда!—повторяла настойчиво Катря, стараясь освободиться отъ рукъ подруги и заглянуть ей прямо въ глаза.

— Откуда ты знаешь, откуда ты знаешь?—шептала Оксана, припадая еще крѣпче къ плечу подруги.

— Потому что онъ всегда на тебя только и смотритъ, съ тобою всегда розмовляетъ, гдѣ ты, туда и онъ идетъ,—говорила торопливо Катря.—Потому что онъ тебѣ „дарунки“ всегда привозитъ, потому что,—добавила она рѣшительно,—онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Субботова на Запорожье, а что-жъ бы ему за утѣха была безъ тебя на хуторѣ сидѣть?

— Серденько, рыбонька моя,—прижималась къ ней Оксана,— когда-бъ ты знала, какъ мнѣ „сумно“ безъ него! А когда онъ уѣдетъ на Запорожье, Катруся, голубочка, я .. я... умру безъ него!

— Ну, вотъ ужъ и умру!—развела руками Катруся.

— Да, да, умру,—продолжала горячо Оксана.—Я буду каждую минуту думать, что съ нимъ случилось что-нибудь, что онъ забылъ меня, покохалъ другую, что онъ... Охъ, Катруся, ты не знаешь, какъ я люблю его!

Вдругъ неожиданный рѣзкій дѣтскій крикъ прервалъ слова Оксаны. Дивчатки оглянулись.

Библиотека "Руниверс"

По направленію воротъ бѣжали въ перегонку Андрій и Оленка, отчаянно размахивая руками. „Тато, тато ѣдетъ, и Олекса съ нимъ!“— кричали они, что есть духу.

Дѣйствительно, за живою стѣной зелени плавно опускались и подымались, приближаясь къ воротамъ, двѣ красныя козацкія шапки и два дула рушницъ. Слышался частый топотъ приближающихся коней.

— Они, они!—вскрикнула Оксана не то съ радостью, не то съ испугомъ.—Катруся, голубочка, уйдемъ отсюда: я не могу здѣсь... при всѣхъ... онъ увидитъ, что я плакала... Голубочка, уйдемъ скорѣе, скорѣе!

И дивчата, оставивши свои начатые вѣнки, бросились поспѣшно къ дому.

Топотъ коней раздался явственно, и въ распахнутыя настежь ворота влетѣлъ бѣлый конь Богдана, а за нимъ и гнѣдой Морозенка. Кони лихо пронеслись по двору галопомъ и остановились, какъ вкопанные, передъ крыльцомъ.

— Добрый вечеръ!—поклонилась радостная Ганна, спускаясь съ крыльца.—Что такъ „забарылись?“

— Не по волѣ,—отвѣтилъ угрюмо Богданъ, соскакивая съ коня и передавая поводъ Морозенку.

Дѣти бросились цѣловать его руку.

— Ну, ну, вы, дрибнота,—ласково отстранилъ ихъ Богданъ,— садитесь-ка лучше на коней да поѣзжайте съ Морозенкомъ въ конюшню.

Въ одно мгновенье ока Андрійко очутился уже въ сѣдлѣ отца, а Олекса подсадилъ Оленку на своего коня и торжественно повелъ ихъ по направленію къ конюшнѣ.

— Что-жъ, дома все благополучно?—спросилъ Богданъ, подымаясь вверхъ по ступенямъ.

— Слава Богу,—отвѣтила Ганна и, замѣтивши сумрачное выраженіе лица Богдана, поспѣшила добавить:—безъ васъ, дядьку, пріѣхалъ гонецъ изъ Варшавы и привезъ отъ какого-то магната листы, а отъ кого, не сказалъ.

— Гонецъ изъ Варшавы?—вскрикнулъ Богданъ, сразу мѣняясь въ лицѣ.—Гдѣ же эти пакеты? Скорѣе, скорѣе давай!

Ганна бросилась въ будынокъ и возвратилась съ двумя пакетами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ большой и солидный, запечатанный восковою печатью, а другой небольшой, безъ всякой печати, туго перевязанный красною ленточкой. Богданъ торопливо взломалъ печать. По мѣрѣ чтенія лицо его прояснялось все больше и больше, сжатыя брови расходились, морщины разглаживались на лбу ..

Библиотека "Руниверс"

Богданъ просмотрѣлъ еще разъ бумагу и, сложивши ее, обратился бодро къ Ганнѣ:

— Добрыя вѣсти, Ганнусю, посылаетъ намъ Господь!—Затѣмъ онъ развязалъ съ недоумѣніемъ маленькій пакетъ, глянулъ на подпись, да такъ и замеръ весь.—Марылька?—чуть не вскрикнулъ онъ,—Боже мой, что-жъ это значитъ? отчего?"—и, не давая себѣ отвѣта на тысячу разныхъ вопросовъ, вихремъ закружившихся въ его головѣ, Богданъ жадно принялся читать это письмо.

Сначала отъ волненія и неожиданности онъ могъ только съ трудомъ разобрать нестройныя, кривыя буквы, изукрашенныя множествомъ завитушекъ, но дальше чтеніе пошло уже легче.

„Коханому, любому тату,—начиналось письмо,—нѣтъ, напрасно я называю своего названнаго отца любымъ, коханымъ: онъ недобрый, онъ не любитъ Марылькн, онъ совсѣмъ забылъ свою доню; кинулъ ее и ни разу не пріѣхалъ, не справился даже, какъ ей живется и какая она стала теперь!"

Невольная улыбка освѣтила лицо Богдана: изъ-за этихъ кривыхъ нетвердыхъ строчекъ выплыло передъ нимъ прелестное, кокетливое личико Марылькн, съ капризно надутыми губками.

„А я никогда не забываю тату, потому что люблю... Я всегда думаю о томъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать и забрать свою Марыльку",—стояло въ письмѣ

Дальше шли разсказы о своей жизни. Марылька жаловалась Богдану, что ей живется куда какъ плохо у Оссолинскихъ, что ее держатъ не какъ равную, а какъ „пріймачку". У Оссолинскихъ-де взрослая дочь, и они не хотятъ, чтобы она, Марылька, показывалась вмѣстѣ съ нею, потому что за Марылькой шляхетство больше „упадаетъ", чѣмъ за канцлеровой дочкой. А очень ей нужны эти шляхетскіе „залеты!" Они ее оскорбляютъ, и нѣтъ ни одного „щираго" человѣка, чтобы могъ ее защитить. Она прячется отъ нихъ, она все время вспоминаетъ своего славнаго, „коханаго" тату. Вспоминаетъ о томъ, какъ онъ ее спасъ отъ погибели на турецкой галерѣ. „Тато, конечно, смѣяться будетъ и не повѣритъ Марылькѣ, а она согласилась бы съ радостью всѣ тѣ же ужасы перенести вновь, лишь бы снова встрѣтиться съ татомъ и такъ провести остальное путешествіе, какъ тогда провели они. Только... ахъ! что-жъ бы изъ этого вышло? Недобрый тато опять бы оставилъ ее у чужихъ людей: А если такъ, то пусть тато никогда не ищетъ встрѣчи съ нею, потому что теперь она не перенесла бы этого"... Здѣсь слова обрывались и нѣсколько словъ расплылось въ круглыя пятнышки. „Слезы!—рѣзнуло молніей въ головѣ Богдана.—Она плакала, она скучала

Библиотека "Руниверс"

обо мнѣ! Бѣдняжка, бѣдняжка моя!“ Дальше Марылька желала Богдану всего добраго да хорошаго и просила вспомнить хоть разочекъ бѣдную, маленькую Марыльку, у которой на всемъ широкомъ свѣтѣ остался одинъ только „тато Богданъ“.

Окончивъ чтеніе, панъ сотникъ просмотрѣлъ еще разъ письмо и словно замеръ въ какомъ-то очарованіи. Это маленькое письмецо вызвало передъ нимъ какими-то невѣдомыми чарами тысячи забытыхъ образовъ и картинъ. Они нахлынули на него неожиданно неотразимой толпой. То онъ видѣлъ красавицу Марыльку на рукахъ свирѣпаго запорожца, при пожарѣ турецкой галеры, то она выглядывала, прелестная и воздушная, какъ небесное видѣнье, изъ какой-то туманной дали и словно манила его къ себѣ, то снова сидѣла она передъ нимъ въ роскошномъ нарядѣ на коврѣ въ каютѣ, на атаманской чайкѣ, обдавая его чарующимъ взглядомъ своихъ синихъ очей, то онъ держалъ ее у себя на рукахъ блѣдную, какъ водяная лилія, съ закрытыми глазами и упавшею до земли роскошною, золотистой косой.

Письмо было пропитано душистымъ розовымъ масломъ, и этотъ опьяняющій запахъ вызывалъ въ его воображеніи еще живѣе, еще блистательнѣе ея чарующій образъ. Неподвижный стоялъ Богданъ, сжимая въ рукѣ маленькій желтый листокъ; кровь приливала къ его лицу, къ вискамъ горячею, жгучей волной. Какое-то смутное, темное чувство захватывало его дыханіе, тѣснило грудь. Среди всей его трудной, исполненной тревогъ и опасностей жизни снова появился передъ нимъ такъ нежданно, негаданно этотъ дивный опьяняющій образъ, словно свѣтлый, манящій ручей передъ истомленнымъ въ пустынѣ путникомъ. О, припасть къ его журчащимъ струямъ, утолить свою жгучую жажду и, забывши свой караванъ, свой долгій, утомительный путь, уснуть подъ нѣжный лепетъ его на вѣкъ опьяняющимъ сномъ!

— Добрыя вѣсти, дядьку? — прервала, наконецъ, молчаніе Ганна.

— Счастливыя, счастливыя, Ганнусю! — вскрикнулъ порывисто Богданъ и заключилъ неожиданно въ объятія растерявшуюся и вспыхнувшую Ганну.

Вѣсть о возвращеніи пана быстро облетѣла весь дворъ; всѣ наперерывъ спѣшили привѣтствовать его. Богданъ словно помолодѣлъ и переродился: къ каждому обращался онъ съ ласковымъ словомъ или съ веселою шуткой.

— Ну, панове — господари! Что-жъ это вы насъ все словами потчуете? — заявилъ, наконецъ, весело Богданъ. — Пора бы и вечерять дать, вѣдь мы съ Морозенкомъ добре отощали, ровно собаки въ

Библиотека "Руниверс"

„пашеной“ ямѣ... Ганнусю, а Ганно!—обернулся онъ, но Ганны уже не было на крыльцѣ.

— По хозяйству пошла,—прошамкала баба,— вечерю сейчасъ дадимъ; а тамъ пани дожидается, тоже хотѣла повидаться.

— Сейчасъ, сейчасъ,—согласился Богданъ и вступилъ за старушкою въ сѣни.

Распахнувши дубовую дверь, ведущую въ большой покой, онъ остановился на порогѣ и, осѣнивши себя широкимъ крестомъ, помолился на образа. Столъ въ свѣтлицѣ былъ уже накрытъ къ вечерѣ, и свѣчи въ высокихъ шандалахъ, парадно зажженыя для пріѣзда хозяина, освѣщали установленный оловяными мисками столъ. Богданъ оглянулъ комнату; но Ганны не было и здѣсь. Онъ прошелъ въ открытую дверь и вошелъ въ покои своей больной жены. Тонкій запахъ засушенныхъ травъ сразу пахнулъ на него и навѣялъ какую-то тихую грусть. Здѣсь на простомъ ложѣ, среди высохшихъ травъ и цвѣтовъ, лежала такая же высохшая и желтая, бѣдная, преждевременная старуха.

— Охъ, пріѣхалъ ты, соколъ мой... слава Богу! Еще разъ привелъ Господь увидѣть тебя!—заговорила съ одышкой больная, приподнимаясь навстрѣчу мужу.

— Ого! еще и не разъ увидимся!—постарался ободрить больную Богданъ, здороваясь съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не то... тутъ она у меня,—указала больная рукою на сердце,—чувствую я ее день за день... Скоро уже развяжу тебѣ навсегда руки...

— Что ты, что ты?—остановилъ было больную Богданъ, но она продолжала еще настойчивѣе съ силою, даже непонятною при такой слабости.

— Скоро, скоро... да и благодарю за то Бога... повисла я тебѣ, какъ камень на шею... ты молодой да крѣпкій... тебѣ бы жить надо... а тутъ... только... Стой, стой!.. Я не „нарекаю“,—остановила она Богдана,—и тебѣ, и Господу „дякую“... другой бы можетъ и билъ, а ты...

Здѣсь она остановилась и, взявши съ усиліемъ руку Богдана, поднесла ее къ губамъ. Богданъ хотѣлъ было вырвать свою руку, но больная прошептала тихо: „Нѣтъ, не бери... такъ хорошо“. Богданъ отвернулся въ сторону и началъ разсматривать концы своихъ сапогъ. Казалось, больная замѣтила тяжелое впечатлѣніе, производимое ея словами. Она печально улыбнулась и начала веселѣе, стараясь перемѣнить разговоръ.

— А какъ ѣздилось, все ли благополучно?

Библиотека "Руниверс"

— Слава Богу Милосердному, снова простеръ надъ нами десницу Свою!

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестилась и пани.

— Только мнѣ-то не удастся и отдохнуть,—продолжалъ Богданъ, не поднимая глазъ,—изъ сѣдла въ сѣдло! Сегодня вотъ пріѣхалъ, а завтра снова въ Варшаву скачи!

— Завтра? Въ Варшаву?—вырвалось горько у больной...—Господи, Господи, а я-жъ то думала хоть умереть при тебѣ.

— Да что ты? Богъ съ тобой!—повернулся къ ней Богданъ.—Отслужимъ завтра молебенъ, ворожку призовемъ,—и легче будетъ.

— Поздно!...—махнула безнадежно рукою пани, и въ этомъ слабомъ, надорваномъ голосѣ Богданъ прослышалъ дѣйствительную правду ея словъ,—не поможетъ уже мнѣ ни молебенъ, ни ворожка... Силы моей нѣту жить... Уходитъ она съ каждымъ днемъ, да и лучше,—вздохнула она, утирая слезу,—и вамъ легче будетъ, и мнѣ покой... Не застанешь ты меня...—продолжала она послѣ минутной паузы, снова прижимая Богданову руку къ своимъ губамъ,—жалко только... съ тобою жила... при тебѣ бы хотѣлось и умереть... легче было бъ... да чтожъ, коли справа...—больная остановилась.

— Ты безпокоишь себя понапрасну...—постарался успокоить ее Богданъ.

— Я не плачу, нѣтъ,—отерла она глаза,—спасибо тебѣ за все, за все.., Знаю я, что тебѣ нельзя безъ жинки, безъ хозяйки жить, только какъ будешь выбирать,—голосъ ея задрожалъ и на глазахъ показались слезы,- выбирай такую, чтобы дѣтокъ моихъ бѣдныхъ...—больная остановилась, стараясь побороть подступающія слезы,—жаловала и любила, а я уже буду для васъ тамъ, у Господа, долю просить...

Къ „вечерѣ“ въ комнату вошла и Ганна. Она была блѣднѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго; по сомкнутымъ губамъ, но строго сжатымъ бровямъ видно было, что она только что поборола въ себѣ какое-то сильное душевное волненіе.

Народу вокругъ стола собралось немного. За отсутствіемъ хозяина, гости всѣ почти разъѣхались, остались только постоянные обитатели хутора. Пришелъ Ганджа съ Тимкомъ, пришелъ дѣдъ, Морозенко и еще нѣсколько козаковъ, проживавшихъ почти постоянно въ Субботовѣ. Оксана и Катря вошли въ комнату, когда всѣ уже шумно размѣстились вокругъ стола... Поцѣловавши чинно Богдана въ руку, онѣ поклонились всѣмъ и молча заняли свои мѣста; поймавши на себѣ взглядъ Морозенка, Оксана вспыхнула до корня волосъ, и поспѣшила нагнуться, чтобы скрыть свое пылающее лице.

Библиотека "Руниверс"

За столомъ установилось самое веселое настроеніе. Богданъ былъ такъ искренно веселъ и оживленъ, какъ это бывало многіе годы тому назадъ; это состояніе духа хозяина электрическимъ токомъ передавалось всѣмъ присутствующимъ. Дымящіяся кушанья исчезали съ поразительной быстротой, кубки то и дѣло наполнялись заново.

— А что, батьку, вѣрно добрыя вѣсти получилъ?—оскаблился широко Ганджа.

— Добрыя, добрыя, дѣти!

— Да и пора уже,—замѣтилъ Ганджа, опрокидывая кубокъ.

— Охъ пора, пора!—согласились и другіе.

— Въ Варшаву зовутъ... завтра ѣхать надо,—заявилъ загадочно Богданъ, обводя всѣхъ такимъ орлинымъ взоромъ, что всѣ поняли сразу, что звать то не зовутъ, а „запрошуютъ“.—То-то, Олекса,—продолжалъ онъ весело, отодвигая отъ себя порожнюю миску,—нѣтъ намъ съ тобою отдыха: изъ сѣдла въ сѣдло. Сегодня пріѣхали, а завтра опять. Тебѣ, сынку, завтра же на Запорожье скакать... я „листы“ важные дамъ.

— На Запорожье, такъ и на Запорожье,—вскинулъ удало головою Олекса,—лишь бы дѣло, батьку, то и на край свѣта можно летѣть! Эхъ, обрадуются братчики!—продолжалъ онъ радостно, оживляясь съ каждымъ словомъ,—давай „листы“, батьку, стрѣлою татарскою полечу.

Казалось, восторженное оживленіе козака не произвело ни на кого особеннаго впечатлѣнія; однако, при первыхъ словахъ его Оксана вся вспыхнула вдругъ, а потомъ такъ-же быстро поблѣднѣла, какъ полотно.

— На Запорожье завтра ѣдетъ... и радъ... и ждетъ только, какъ бы скорѣе, а я, дурная, думала, что онъ, что онъ...—Оксана вдругъ съ ужасомъ почувствовала, какъ верхняя губа ея задрожала, вѣки захлопали и къ горлу подкатило что-то давящее, неотразимое.—Господи, Господи!—зашептала она поспѣшно,—только бы не при всѣхъ: какой соромъ, какой позоръ!

Но горло ей сдавливало еще сильнѣе, губы непослушно дрожали, а выйдти изъ-за стола не было никакой возможности. Катря бросила взглядъ на разстроенное лицо своей подруги и обмерла вся.

Между тѣмъ разговоръ за столомъ продолжался еще веселѣе.

— Батьку, пусти меня съ Морозенкомъ на Запорожье,—замѣтилъ несмѣло Тимко,—обабился я здѣсь совсѣмъ.

— Обабился?—покатился со смѣху Богданъ, а за нимъ и остальные,—рано, сынку, рано! А можетъ и ты, Морозенку, обабился у насъ на хуторѣ?

Библиотека "Руниверс"

— Э, нѣтъ, батьку! На хуторѣ хорошо, а если на Запорожье,—хоть сейчасъ понесусь!

Оксана съ отчаяньемъ закусила губу.

— Молодецъ ты у меня, знаю; затѣмъ-то и выбираю тебя. Да и безъ того пора уже до „коша". А ты, сынку, еще погоди,— обратился онъ къ Тимошу,—тебѣ еще на Запорожье рано, а дастъ Богъ побываемъ тамъ съ тобою вмѣстѣ.

— Эхъ, кабы привелъ Господь!—вырвалось у Ганджи и у нѣсколькихъ козаковъ.

— У Бога милости много!—кивнулъ дѣдъ сѣдой головой.— А что, пане-господарю, не слыхалъ ли гдѣ чего? Тутъ къ намъ одинъ безрукій приходилъ, говоритъ, что это его такъ Ярема покаралъ: такое разсказывалъ, чего и мои старыя уши отродясь не слыхали.

— Правда, дѣду, слышалъ и я... ну, да не вѣкъ же королятамъ и своевольничать: „урвется" когда нибудь имъ нитка.

Всѣ эти недоговариваемые намеки интриговали еще больше слушателей.

— Да чтожъ это у насъ „порожніе" кубки? Гей, Ганно, прикажи-ка меду внести!

Ганна поднялась было съ мѣста, но Оксана сорвалась раньше ея.

— Я схожу, панно Ганно,—шепнула она и, не дождавшись даже согласія, опрометью бросилась за дверь.

И было какъ разъ въ пору, потому что слезы висѣли уже у ней на рѣсницахъ. Очутившись въ сквозныхъ сѣняхъ, она бросилась прямо въ садъ, не подумавши даже отдать распоряженіе на счетъ меда. Одно желаніе—скрыться отъ всѣхъ, убѣжать въ такую гущину, гдѣ бы никто не отыскалъ, толкало ее и она бѣжала черезъ садъ такъ поспѣшно, словно ее догонялъ кто-нибудь.

Ночь стояла теплая, лунная, чарующая... Стройная тѣнь дѣвушки быстро мелькала мимо кустовъ и деревьевъ и, наконецъ, остановилась на самомъ краю левады, тамъ, гдѣ она уже примыкала къ открытой степи... И хороша же была степь въ эту лѣтнюю, лунную ночь!

Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба усыпалъ ее всю мелкимъ, ажурнымъ серебромъ. Трещаніе цикадъ и кузнечиковъ наполняло воздухъ какой-то нѣжной, усыпляющей молодіей. Запахъ свѣжихъ травъ и дикихъ цвѣтовъ разливался надъ всею поверхностью теплой волной. Но ничего этого не замѣтила Оксана. Какъ подстрѣленная птичка, упала она ничкомъ въ землю и залилась слезами. Онѣ давно текли уже по ея щекамъ, а теперь хлынули неудержимо съ громкимъ всхлипываніемъ. Оксана плакала, припавши

Библиотека "Руниверс"

головою къ колѣнямъ; иногда она раскачивалась, какъ бы желая сбросить съ себя часть тягости, душившей ее.—Не любитъ, не любитъ, не любитъ!—повторяла она сама себѣ.—А я то, а я то, дурная, повѣрила тому, что онъ любитъ меня! На Запорожье собирается, съ радостью полетитъ... когда-бы хоть „трошечки“ любилъ, „зажурился-бъ“, а то... Охъ, Боже-жъ мой. Боже-жъ мой!—заканчалась снова Оксана, прижимая руки къ лицу.—Да и за что ему любить меня? Что я такое? Онъ козакъ, а я... такъ себѣ, бѣдная дивчына... ни батька, ни матери... сирота „пріймачка“... онъ вѣрно шляхтянку какую возьметъ, а я... Охъ, какая-жъ я несчастная, какая я несчастная! Нѣтъ у меня ни одной своей души на цѣломъ свѣтѣ!—и слезы изъ глазъ Оксаны полились еще сильнѣе, и чѣмъ больше она плакала, тѣмъ все жальче становилось ей самое себя, тѣмъ горьче лились ея слезы. Вдругъ не въ далекомъ отъ нея разстояніи раздались чьи-то поспѣшные шаги.

— Оксано, гдѣ ты?—послышался негромкій окликъ, но Оксана не слыхала его.

— Боже мой, Боже!—шептала она, покачиваясь всѣмъ туловищемъ,—да лучше-жъ мнѣ умереть, чѣмъ такъ жить.

Темная фигура козака уловила направленіе, по которому неслись громкія всхлипиванія, раздвинула кусты и вынырнула на освѣщенную мѣсяцемъ площадку. Дѣвушка сидѣла на травѣ и такъ жалобно всхлипывала, что у молодого козака сжалось сердце.—Оксана!—произнесъ онъ негромко, подходя къ ней и дотрогиваясь до ея плеча.

— Ой!—вскрикнула не своимъ голосомъ Оксана, подымая голову и, замѣтивши Морозенка, въ одно мгновенье закрыла ее снова и фартукомъ и руками.

Олекса замѣтилъ только большіе, черные, полные слезъ глаза и распухнувшее отъ рыданья личико дѣвочки.

— Оксанко, голубочко!—опустился онъ рядомъ съ нею на траву,—я уже давно ищу тебя. Скажи мнѣ, можетъ тебя обидѣлъ кто?

Прошло нѣсколько секундъ, но Олекса не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, изъ подъ фартука раздался голосъ, прерываемый непослушнымъ всхлипываньемъ: „Это я... руку... ударила“.

— Руку?—переспросилъ Олекса и по лицу его пробѣжала лукавая усмѣшка.—Покажи-ка мнѣ, гдѣ?—но такъ [какъ Оксана руки не давала, то онъ взялъ ее силою; но, осмотрѣвши всю смуглую ручку, не нашелъ на ней никакого знака.—Оксано, неправда твоя!.. произнесъ онъ съ укоромъ.—Скажи-жъ мнѣ, чего ты плакала, а?

Библиотека "Руниверс"

Оксана попробовала было вырвать свою руку, но Олекса держалъ ее крѣпко и сильно.

— Пусти меня!—рванулась она, чувствуя, какъ на глаза ея навертываются слезы,—никому до меня дѣла нѣтъ!

— Нѣтъ, не пущу, покуда ты не скажешь!

— Пусти! Баба сердиться будетъ!

— Я вѣдь завтра на Запорожье уѣзжаю!

При послѣднихъ словахъ Олексы плечи Оксаны задрожали снова.

— Слушай, Оксано,—заговорилъ онъ мягко, охватывая ея плечи рукою,—или тебя кто обидѣлъ, или у тебя на сердцѣ есть какое то горе... Отчего же не хочешь ты со мной подѣлиться? Развѣ я чужимъ тебѣ сталъ? Развѣ ты отъ меня „отцуралась?“

— Не я, не я!—вскрикнула, захлебываясь слезами, Оксана.

— Такъ кто же тебя противъ меня наставилъ?

— Ой, Боже мой, Боже мой! Не могу я, не могу!—всхлипывала и ломала руки Оксана.

— Видишь ли, какая правда,—произнесъ Олекса съ горькимъ укоромъ,—я все тотъ же, а ты... вотъ не можешь и правды въ глаза мнѣ сказать... забыла вѣрно то время, когда жили вы еще съ батькомъ въ Золотаревѣ.

Сердце Оксаны забилось быстро и тревожно, какъ у испуганной птички. „Господи, да неужели, неужели?“—пронеслось въ ея головѣ.

Олекса самъ помолчалъ, какъ бы желая преодолѣть охватившую его вдругъ робость. И затѣмъ продолжалъ снова:—Я завтра ѣду на Запорожье; кто знаетъ, когда и вернусь теперь... хотѣлъ „спытать“ тебя, помнишь ли ты то, о чемъ обѣщались мы другъ другу, когда еще были дѣтьми?

И какой-то непонятный ужасъ, и нежданная радость оледенили вдругъ всѣ члены Оксаны; только въ головѣ ея быстро, быстро, какъ блуждающіе огоньки, замелькали пылающія слова: „Господи! Счастье, жизнь моя, радость моя!“

— Оксано, что-жъ ты молчишь, или забыла совсѣмъ?—продолжалъ Олекса, стараясь заглянуть ей въ лицо; но смуглыя ручонки прижались къ лицу такъ судорожно, что онъ оставилъ свою попытку.

— Помню!—раздалось, наконецъ, едва слышно изъ-за сцѣпленныхъ пальцевъ.

— Такъ скажи-жъ мнѣ,—продолжалъ онъ смѣлѣе,—повторишь ли ты теперь то, что сказала тогда?—и въ голосѣ Морозенка послышалось подступившее волненіе.

Оксана молчала.

— Скажи же мнѣ,—продолжалъ онъ уже смѣлѣе,—согласна ли ты ждать меня, пока я вернусь изъ Сѣчи „значнымъ“ козакомъ? Ну, а если... всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, на войнѣ...

Библиотека "Руниверс"

— Умру!—вскрикнула Оксана и судорожно, громко зарыдала, припавши къ его груди.

— Оксано, голубочко, такъ ты любишь меня?—вскрикнулъ Олекса, горячо обнимая ее и хватая за руки. Упрямыя руки уже не сопротивлялись и передъ Морозенкомъ предстало заплаканное личико съ растрепанными локонами волосъ.—Такъ ты любишь, ты любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта личико спряталось у него на груди.

— Скажи-жъ мнѣ, ты любишь, „кохаешь“ меня?—продолжалъ пылко козакъ.

— У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя,—раздалось едва слышно и головка прижалась къ нему еще беззащитнѣй, еще горячѣй.

— Дивчыно моя! Радость моя! Счастье мое!—прижалъ ее къ себѣ Олекса,—такъ ты будешь ждать меня и годъ, и два, и три?

— Цѣлый вѣкъ!—отвѣтила Оксана, отымая голову.

— И никого, кромѣ меня не полюбишь, еслибъ даже я...

— Не говори такъ, Олексо,—вскрикнула Оксана, обвивая его шею руками,—никого, никого всю жизнь, кромѣ тебя!..

Олекса порывисто прижалъ къ себѣ дивчыну и покрылъ горячими поцѣлуями ея смущенное личико.

XXVIII.

Между сбившеюся толпой на понтонномъ мосту черезъ Вислу тихо пробирался на взмыленномъ Бѣлашѣ Богданъ; за нимъ слѣдовали гуськомъ четыре козака, взятые имъ изъ Субботова.

Мостъ гнулся и погружался въ воду; можно было ожидать ежеминутно, что онъ разорвется и сброситъ съ себя въ мутныя, бѣловатыя волны рѣки и всадниковъ, и пѣшихъ, и сидящихъ въ рыдванахъ пышныхъ пановъ и разряженныхъ паней. Понуканья, визги, крики, проклятія и брань висѣли въ воздухѣ и, перекрещиваясь, сливались въ какой-то безпорядочный гулъ.

— Сто дьябловъ имъ рогами въ печенку!—кричалъ посинѣвшій отъ ярости упитанный панъ, стоя въ колымагѣ и грозя кулаками въ пространство.—гоните „лайдаковъ“ „кончуками“, бросайте моею рукой къ „дидьку“ ихъ въ Вислу!

— „На-бокъ! На-бокъ!“—орали усердные панскіе слуги, расталкивая и награждая тумаками прохожихъ.—Дорогу ясновельможному пану Зарембѣ!

— „Езусь—Марія!“ На Бога! Давятъ!—визжали женскіе голоса.

Библиотека "Руниверс"

— „Гевултъ! Проше пана!“—заглушалъ ихъ рѣзкій жидовскій акцентъ.

— Да что вы, псы, прете? Тутъ вамъ не село, не фольварокъ, не дикія поля!—возросталъ грозно впереди ропотъ.—Оттирай ихъ, оттирай!

Толпа колыхнулась назадъ. Началась драка. Движеніе совсѣмъ пріостановилось. Мостъ, напоромъ столпившихся въ одномъ мѣстѣ панскихъ слугъ и прохожихъ, началъ судорожно вздрагивать и трещать. Послышались отчаянные вопли.

Богданъ прижалъ шенкелями коня и продвинулся къ панской колымагѣ.

— Остановите, вельможный пане, вашихъ дворянъ,—поднялъ онъ съ достоинствомъ край своей шапки,—иначе они развалятъ мостъ и вашу мосць потопятъ.

— Но какой подлый народъ,—отозвался панъ, тревожно оглядываясь,—и впрямь потопятъ... Гей, тише тамъ, Перунъ васъ убей!—замахалъ онъ шапкой.

— За позволеньемъ пана, я проѣду впередъ и очищу дорогу,—тронулъ Хмельницкій „острогами“ коня и прорѣзался имъ къ самой сутолокѣ.—Остановитесь!—крикнулъ онъ повелительно.—Всякъ иди своимъ чередомъ, не опережая и не давя другъ друга!

Голосъ Богдана заставилъ всѣхъ вздрогнуть и остановиться.

Видъ и фигура его импонировали на толпу; она съ уваженіемъ разступилась и двинулась, не спѣша и не нарушая порядка, впередъ. Послышались одобрительные отзывы:

— Вотъ это правильно! Видно сейчасъ вельможнаго пана! Не то, что панскіе подножки... въ затылокъ! Нѣтъ, шалишь, и у насъ кулаки есть! Мы тебѣ не хлопы!

Подъѣхавшій панъ Заремба поблагодарилъ Богдана хриплымъ баскомъ:

— Благодарю за услугу, отъ „щирого“ сердца, панскій должникъ! Прошу на „колехъ“ венгржины, улица Длуга, „камяница“ Вацлава Зарембы.

— И я прошу благороднаго рыцаря,—прозвучало вслѣдъ за басомъ пискливое сопрано, и Богданъ замѣтилъ высунувшуюся изъза тучнаго пана тощую фигуру подруги его жизни.—Вельможный панъ не откажетъ, надѣюсь.

— Благодарю, пышное панство,—изысканно поклонился Богданъ, осаживая коня.

Раздалось щелканье бича. Колымага двинулась въ припрыжку съ моста въ гору. Богданъ остановился подождать затерявшихся въ толпѣ козаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ цѣлой недѣли рѣзкаго, почти осенняго холода и надоѣвшихъ въ дорогѣ дождей, погода вдругъ измѣнилась; при въѣздѣ въ предмѣстье города Праги, небо прояснилось, живительные лучи солнца согрѣли лѣтнимъ теплomъ воздухъ и просушили нашихъ путниковъ. Теперь сверкающее солнце обливало яркимъ свѣтомъ замокъ, высившійся на нагорномъ берегу вправо, лучилось на свинцовыхъ крышахъ дворца, искрилось на золотыхъ крестахъ готическихъ храмовъ, поднимавшихъ изъ-за крышъ свои высокіе шпицы и мягко скользило по пестрой вереницѣ разнообразнѣйшихъ домовъ, тянувшихся влѣво по берегу Вислы и громоздившихся по горѣ вверхъ.

„Да,—думалось Богдану,—вотъ оно, это мѣсто гордыни, этотъ Вавилонъ панскій, гдѣ для прихоти одного человѣка бросаются подъ ноги потъ и кровь десятка тысячъ людей, гдѣ утопаетъ обезумѣвшее отъ своеволія и грабежа панство въ чудовищной роскоши и развратѣ, гдѣ собратья мои считаются за псовъ,—что псовъ! хуже, считаются за послѣднихъ звѣрей... и тамъ-то въ мрачныхъ „палацахъ“ закована наша доля въ цѣпяхъ... Что-то сулитъ намъ грядущее: освобожденіе или смерть? Все у подножія престола Всевышняго... Но солнце намъ улыбнулось на встрѣчу... Не ласка ли это милосердаго Бога?“

Богданъ снялъ набожно шапку и перекрестился широкимъ крестомъ.

Цѣлый почти день ѣздилъ Богданъ по мрачнымъ, извилистымъ улицамъ, обставленнымъ стѣною узкихъ и высокихъ домовъ, съ выступившими впередъ верхними этажами. Но нигдѣ въ старомъ мѣстѣ не находилъ для себя онъ угла; всѣ гостинницы и заѣзжіе дома были переполнены наѣхавшимъ панствомъ съ многочисленною челядью и надворною шляхтой. Пришлось переѣхать въ Краковское предмѣстье; но и тамъ, къ несчастью, ни одной свободной свѣтлички не оказалось. На всѣхъ улицахъ, куда ни стучался Богданъ, получалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „пшепрашамъ пана—все занято!“

Только къ вечеру уже удалось Богдану отыскать возлѣ Залѣзной Брамы себѣ мѣстечко, и то въ грязной „халупкѣ“ какого-то котляра жида. Отведенный для вельможнаго пана покой скорѣе напоминалъ собою хлѣвъ, нежели жилье человѣка; крохотное окно, заклеенное пузыремъ, почти не пропускало свѣта; подгнившій „сволокъ“ (балка) лежалъ однимъ концомъ прямо на печкѣ, треснувшей, обвалившейся и пестрѣвшей обнаженными кирпичами; два колченогихъ деревянныхъ стула и на какихъ-то обрубкахъ канапа, да столъ составляли всю меблировку этого помѣщенія. Воздухъ въ немъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ чеснока и спеціальныхъ зловоній,

Библиотека "Руниверс"

къ нему примѣшивался изъ сосѣдней конурки угаръ отъ уголья и минеральныхъ кислотъ, ко всему еще стояла здѣсь адская духота... и за это убійственное помѣщеніе жидъ заломилъ десять злотыхъ въ сутки.

— Съ ума ты, спятилъ, что-ли? — накинулся на него Богданъ,—да у меня свиньи имѣютъ лучшій пріютъ.

— Чѣмъ-зе я виноватъ, ясный грабя,—кланялся учащенно жидокъ.—Лучшаго „помѣшканья“ у меня нѣтъ, да и нигдѣ теперь панъ не найдетъ... такъ почему не заработать?

— Да что это у васъ, ярмарка, похороны, чи сеймъ?

— Нѣтъ, ясный грабя, не ярмарка, не похороны—не дай Богъ! Похороны яснѣйшей крулевы уже отбыли... Ай, вей, какія похороны! Чудо!—улыбнулся жидъ, усердно скребя подъ ермолкой низко остриженную голову, такъ что даже пейсы тряслись.—А пріѣхалъ теперечки сюда его княжья мосць Криштофъ Радзивилъ, и великій канцлеръ литовскій князь Альбрехтъ Радзивилъ, и великій маршалокъ литовскій Александръ Радзивилъ... однимъ словомъ, „алесъ“—всѣ Радзивилы и Сапѣги, и ясновельможный Янъ Кишка, и всякое другое вельможное панство: ждутъ изъ Ясъ польнаго гетмана, ясноосвѣцонаго князя Януша Радзивила.

— А чего онъ тамъ?

— Женился на дочкѣ молдавскаго господаря.

— А! Вонъ оно что!—протянулъ Богданъ.—„Ишь, куда залѣзъ,—промелькнуло у него въ головѣ.—Примащивается bona fide къ коронѣ... Что-жъ? Ловко!“

— А про другія свадьбы не слыхалъ?—обратился онъ къ жиду.

— Почему нѣтъ?—характерно скривился тотъ.—Много пышнаго панства женится. Чего имъ? Ой, вей, вей! Ѣдятъ, пьютъ, живняйте, и женятся. Коли-бъ мнѣ столько добра, ясный грабя, то и я „разъ-у-разъ“ женился-бы!

Въ это время изъ сосѣдней конуры долетѣлъ вопль жиденка, сопровождаемый энергичною бранью „балабусты“ (жены) и хлесткими звуками.

— Какъ-же ты, шельма, женился-бы, когда у тебя есть „балабуста?“—засмѣялся Богданъ.—Да она-бы тебѣ повырывала всѣ пейсы!

— Ой, ой, пане!—закрутилъ головою жидокъ,—дайте только мнѣ дукаты... Ну, такъ какъ, ясный грабя не обидитъ бѣднаго жидка, дастъ заработокъ?

— Да бѣсъ уже съ тобой, коли другого выхода нѣтъ, давись ты десятизлоткой! Только вотъ этотъ пузырь вонъ—проткнулъ онъ окно кулакомъ,—а то дышать нечѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

— Цто ясной мосци угодно, все къ панской услугѣ,—радостно потиралъ руки жидъ и сметалъ полой своего „лапсердака“ со стола и жалкой мебели пыль, которая на всемъ лежала толстымъ слоемъ.

Распорядившись насчетъ помѣщенія коней и ихъ корму, Богданъ заказалъ себѣ у жида фаршированную щуку, добавивъ къ ней добрый окорокъ ветчины. Повечерявши и выпивши домашней голѣлки и меду, онъ разостлалъ на полу двѣ попоны, положилъ подъ голову сѣдло, и, не смотря на нападеніе всякой „погани“, не смотря на крикъ жиденятъ, на стукъ молота, на звякъ мѣди, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Уже солнце ярко играло на черепицахъ высокой крыши сосѣдняго дома, когда на другой день проснулся Богданъ. Потянувшись въ сладкой истомѣ, онъ хотѣлъ-было перевернуться на другой бокъ и доспать недоспанное въ дорогѣ, но тутъ только и вспомнилъ, что онъ въ Варшавѣ и что пріѣхалъ сюда по чрезвычайно важнымъ дѣламъ. Это сознаніе пробѣжало ѣдкой тревогой по успокоенному было мозгу и заставило Богдана вскочить на ноги. Было уже относительно поздно, и его яйцовидные нюренбергскіе „дзыгары“ показывали девятый часъ.

— Фу, ты, „стонадцать“ чертей, какъ по пански заспалъ!— вскрикнулъ Богданъ и началъ торопливо одѣваться.

Не смотря на господствовавшее у козаковъ въ томъ вѣкѣ презрѣніе къ наряду, Богданъ на этотъ разъ измѣнилъ общему принципу и отнесся къ своему туалету внимательно: умывшись и обливши изъ ведра водой себѣ голову и шею, Богданъ тщательно „подголилъ“ свою „чуприну“ и щеки, глядясь лишь въ миску съ водой. Потомъ, перемѣнивши бѣлье, облекшеся въ щегольской костюмъ, мало чѣмъ разнившійся отъ польскаго. Обулъ онъ сафьянные „чоботы“ съ серебряными каблуками и такими же, прикрѣпленными къ нимъ, „острогами“ (шпорами); облекся въ широчайшіе шаровары „шарлатнаго“ (пунсоваго) цвѣта; надѣлъ жупанъ бѣлаго фряжскаго сукна, отороченный золотымъ галуномъ, усаженный въ два ряда золотыми же „гудзями“ (пуговицами) съ аграфами и украшенный на правомъ плечѣ такою же на шнуркѣ кистью (знакъ сотницкаго достоинства); накинулъ сверхъ жупана пышный кунтушъ съ „велетами“ (откидными рукавами) изъ темно-зеленаго венеційскаго бархату— „аксамиту“, „преоздобленный“ дорогимъ „гафтомъ“ (шитьемъ); опоясалъ его роскошнымъ, пестрымъ, шелковымъ поясомъ, полученнымъ отъ побратыма перекопскаго хана, Тугай-бея; заткнулъ за поясъ пару турецкихъ пистолетовъ, а къ лѣвому боку пристегнулъ драгоцѣнную саблю,—почетный даръ нынѣшняго короля Владислава IV,

Библиотека "Руниверс"

и насупулъ еще на бекрень высокую баранью черную шапку, съ выпускною красною верхушкой, украшенной золотою кистью, да и преобразился въ такого молодца-рыцаря, что жидъ только кланялся, да чмокалъ, да разводилъ отъ изумленія руками.

И правда, хотя Богдану и перевалило уже за сорокъ лѣтъ, но статная его фигура хранила еще молодую, бодрую силу, мужественное лицо играло заманчивою свѣжестью, а глаза горѣли пылкимъ огнемъ; въ этомъ блестящемъ нарядѣ онъ положительно былъ красавцемъ и являлъ въ себѣ такую неотразимую мощь, передъ которой всякая панна опускала глаза, а пани вспыхивала яркимъ полымемъ.

Богданъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи козака изъ своей сотни, отправился на замчище, гдѣ въ одномъ изъ зданій жилъ государственный канцлеръ Александръ Оссолинскій.

Узкія, кривыя улицы Варшавы были полны уже народомъ, заставившимъ Богдана пробираться медленно, съ остановками. Солнце уже порядочно жгло и играло яркими пятнами на пестрой толпѣ. Время приближалось ко второму „снѣданку“, и съ каждымъ шагомъ коня возростало у нашего путника нетерпѣніе поскорѣе добраться до покоевъ его княжьей мосци; но ускорить аллюръ коня было невозможно. Склонивъ голову, ѣхалъ Богданъ, не обращая вниманія ни на суету нарядной толпы, ни на красоту зданій, ни на богатства, выставленныя на показъ у дверей „склеповъ“, ни на лестныя на его счетъ замѣчанія встрѣчныхъ; онъ весь погруженъ былъ въ себя и чувствовалъ, какъ непокорная тревога заполоняла его все сильнѣй и сильнѣй...

И въ его жизни, и въ общественныхъ интересахъ минута была серьезна; вершилась судьба горячо любимой имъ родины... Онъ напрягалъ всѣ свои думы, чтобы разрѣшить предстоящія задачи, выбрать вѣрнѣйшій путь, предугадать будущее, но своевольныя думы, мятежно рвались и уносили его изъ тернистаго пути въ сказочныя убѣжища нѣги и райскихъ утѣхъ... Дивный образъ, мимолетно сверкнувшій въ прошедшемъ, вставалъ передъ нимъ, облекался въ чудныя краски, жгучей волной наполнялъ его трепетавшее сердце: и надежда, и мука, и жажда встрѣчи бурлили въ тайникахъ его души и горѣли въ глазахъ непокойнымъ огнемъ.

Хотя изъ письма Марыльки и видно было, что ей не сладко живется у Оссолинскаго, что она тоскуетъ по своемъ татѣ, хотя ни единымъ словомъ не заикнулась она о возможности предстоящаго брака, но кто знаетъ? Дѣвичье сердце измѣнчиво, дѣвичьи слезы — роса, а развѣ въ Вавилонѣ этомъ мало искушеній? Неопытная „дытынка“ можетъ и мишуру, и блестящую цацку принять за „щирое“

Библиотека "Руниверс"

золото. Ужъ изъ-за одного желанія вырваться изъ тюрьмы на широкую волю можетъ она рѣшиться на рискованный шагъ, а то и Оссолинскій можетъ принудить,—иначе, откуда бы могъ пойти такой слухъ?.. Нѣтъ, это совралъ Ясинскій. Двѣ свадьбы? Ну, вотъ дочь свою выдаетъ, да еще этотъ Радзивилъ Янушъ. Нѣтъ, быть не можетъ! А если правда? И въ жаркій іюльскій день, подъ палящими лучами солнца пробѣжала по спинѣ Богдана холодная дрожь, а сердце сжалось до боли...

Онъ сдавилъ шенкелями коня, но благородное животное только поднялось на дыбы, а давить людей отказалось. „Эхъ, скорѣе-бы, скорѣе,—стучало въ вискахъ у Богдана,—узнать все, разрѣшить это мучительное сомнѣніе; но кривымъ улицамъ конца, кажется, нѣтъ! Да что это я, словно „закоханный юнакъ", дрожу отъ жгучаго нетерпѣнія?—мелькало въ головѣ Богдана.—Пристало ли мнѣ, да и къ чему? Вѣдь развѣ я ей, молоденькой, пышной паннѣ, пара?... Эхъ, ты пропасть! Ровно вѣдьма кочергой толкаетъ въ сердце, да пропади ты пропадомъ!"

И Богданъ усердно началъ торопить коня, глазѣть по сторонамъ, желая развлечься и перестать думать о чертовщинѣ; закурилъ даже для острастки козацкую ,,люльку". Но, не смотря на всѣ усилія, чертовщина все лѣзла въ голову и вѣдьма сладкими чарами, что пеленой, обвила его одурманенный мозгъ.

,,А должно быть хороша, охъ, хороша, какъ разсвѣтъ майскаго утра! И тогда еще, дитяткомъ, была обворожительной и прекрасной, а что же теперь? И глядѣть вѣрно на нее страшно—молніей обожжетъ! Что это въ самомъ дѣлѣ раскисъ я, какъ пьяная баба?—дернулъ Богданъ себя больно за усъ,—не хочу о пустяковинѣ думать! Что-то вотъ запоетъ мнѣ про наши ,,справы" панъ канцлеръ? Оправдаетъ ли слова Радзіевскаго? Или вотъ самъ король... Его-то яснѣйшую мосць мнѣ нужно увидѣть... А очи то у нея синія, синія, какъ въ Черномъ морѣ подъ прямымъ лучемъ солнца волна, а кудри... Фу, ты, ,,навожденіе!"—даже плюнулъ Богданъ и выругалъ себя энергической бранью.

Только къ полудню добрался нашъ путникъ до замчища; поручивъ своего Бѣлаша козаку, онъ поспѣшно миновалъ ,,браму" и вошелъ въ двухъ-этажный палацъ налѣво, что стоялъ прямо противъ королевскаго дворца. Оссолинскій, будучи, сравнительно съ другими крезами-сенаторами,—бѣднымъ, помѣщался не въ собственномъ домѣ, а въ казенномъ.

И у внѣшняго входа, и у внутреннихъ дверей стояли тамъ гайдуки, статные и рослые тѣлохранители княжьей мосци, въ своеобразныхъ пышныхъ нарядахъ, представлявшихъ смѣсь французской

Библиотека "Руниверс"

моды (штиблеты и башмаки) со шведской (кафтанъ); комнатные „козачки-джуры“ толпились во внутреннихъ покояхъ.

Богданъ остановился въ какой-то круглой пріемной, пока побѣжали доложить о немъ княжьей мосци. Комната не имѣла обыкновенныхъ оконъ, а освѣщалась только овальными отверстіями, помѣщенными въ самой вершинѣ купола; въ простѣнкахъ между пятью или шестью дверями стояли большіе портреты. Богданъ не обратилъ, впрочемъ, вниманія на оригинальный покой, а почувствовалъ, что его вновь охватилъ непрошенный лихорадочный ознобъ...

— Здѣсь, подъ этою кровлей, быть можетъ, за одной изъ дверей... а, можетъ, и нѣтъ ея? Кто знаетъ?

Козачекъ въ это время отворилъ дверь направо и повелъ Богдана узкимъ, полутемнымъ корридоромъ до другой, распахнувъ которую, онъ почтительно остановился и пропустилъ пана сотника впередъ. Богданъ переступилъ черезъ порогъ и очутился въ обширномъ, роскошномъ кабинетѣ; трое длинныхъ, хотя и узкихъ оконъ пропускали въ него, черезъ многочисленныя круглыя, разноцвѣтныя стеклышки, массу калейдоскопныхъ свѣтовыхъ пятенъ; они то мягко терялись на пушистомъ коврѣ, покрывавшемъ весь полъ, то отражались радугами отъ блестящихъ, изразцовыхъ стѣнъ, на которыхъ изображены были цѣлыя картины историческихъ событій; у стѣнъ стояли громадные застекленные шкафы; посреди комнаты возвышался съ двумя пирамидами письменный столъ.

Богданъ только скользнулъ по всему тревожнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ... Изъ-за пирамидъ-этажерокъ, полныхъ книгъ, поднялась къ нему на встрѣчу знакомая фигура магната и заставила Богдана сосредоточить на себѣ все его вниманіе.

— Здравствуй, съ миромъ пришедшій,—радостно привѣтствовалъ Богдана вельможа.

— Благодарю, много благодарю, ясный княже,—прошепталъ смущенно Богданъ, низко склоняя голову и бережно дотрогиваясь до протянутой вельможной руки.—Будьте здравы къ вящей Божьей славѣ.

— Гдѣ ужъ намъ,—улыбался похудѣвшій и постарѣвшій канцлеръ,—а вотъ я всегда радъ видѣть пана сотника въ добромъ здоровьѣ и бодрымъ: Теперь-то энергія панская намъ и будетъ нужна: „преспѣ убо часъ“—advenit tempus... Однако, прошу, присядь, пане,—указалъ онъ на кресло съ высокою прямою спинкой.—Ну, какъ-же тамъ, спокойно все, благополучно?

— Богъ милосердный хранитъ,—отвѣтилъ Богданъ,—а ласка яснаго князя защищаетъ животы наши отъ напастей.

Библиотека "Руниверс"

— Кабы-то моя была воля, развѣ ласка была-бы такою мизерной?—опустилъ канцлеръ смиренно глаза.—Тутъ болѣе орудуютъ Казановскіе.

— Мы не избалованы, княже, судьба у насъ мачихой была; но отъ всѣхъ козаковъ и отъ себя я приношу благодарность ясноосвѣцоному пану канцлеру и найяснѣйшему королю,—всталъ Богданъ и торжественно поклонился, прижавши руки къ груди,—глубочайшую благодарность за возвращенную намъ хоругвь: эта святыня, это дорогое намъ знамя, тронуло насъ до слезъ и окрылило наши надежды.

— Оно ваше и по праву, и по славѣ, какою вы его покрыли,—произнесъ съ чувствомъ панъ канцлеръ.—Такъ козаки, стало быть, довольны?

— Ожили и молятся за долголѣтіе найяснѣйшаго нашего батька и за упокой души святой нашей „неньки“.

— Да, Богу угодно было осиротить насъ и принять въ свои селенія благороднѣйшее и преданнѣйшее благу отчизны любвеобильное сердце,—вздохнулъ Оссолинскій,—но судьбы Его милосердія неисповѣдимы и, можетъ быть, то, что намъ, темнымъ, кажется горемъ, предусмотрѣно Имъ во спасеніе... Да, такъ, такъ,—вертѣлъ онъ въ рукахъ табакерку,—значитъ довольны... Прекрасно... И панъ полагаетъ, что наши друзья довѣряютъ теперь репрезентанту власти отъ Бога?

— Ждутъ и не дождутся ея проявленія,—улыбнулся Богданъ.

— Такъ что, если бы пришлось вамъ опять отправиться на чайкахъ въ походъ, въ настоящій уже грозный походъ, встряхнуть, напримѣръ, самый Цареградъ?—прищурился Оссолинскій.

— Костьми легли-бы за своего батька короля и за вѣру!—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ.

— Да, мы на васъ, храбрецовъ-рыцарей, полагаемся,—закашлялся слегка Оссолинскій,—панъ сотникъ пусть обнадежитъ ихъ смѣло.

— Возвѣщу къ великой радости; только ясный князь знаетъ,—началъ Богданъ вкрадчиво,—что прошлый разъ намъ фортуна измѣнила на морѣ и много козачьихъ душъ поглотилъ Pontus Euxinus... и не было чѣмъ утѣшить нашей туги великой: обѣщаніями одними вѣдь не согрѣешь, многіе стали нетерпѣливы.

— Да, да, это совершенно вѣрно,—бормоталъ канцлеръ.

— У насъ даже, княже, на этотъ счетъ сложилась пословица: „казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле!“

— Хе, хе, хе!—разсмѣялся панъ канцлеръ,—очень остроумно!—Но кожухъ таки будетъ, хотя и короткій пока, а все таки кожухъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да, еслибы хоть что-либо, если бы дѣти увидѣли хоть малую ласку отъ своего найяснѣйшаго батька.

— Будетъ, будетъ,—ободрилъ канцлеръ и понюхалъ слегка табаку,—я хлопоталъ, настаивалъ даже, и король принимаетъ это къ сердцу; но вѣдь онъ, бѣдный, только отвѣчаетъ, пане, за все, даже государственные расходы покрываетъ изъ своихъ коронныхъ, обрѣзываемыхъ ежегодно владѣній, а распорядиться самостоятельно не можетъ ничѣмъ; надъ нимъ, какъ пану извѣстно, четыре опеки: первая—сенаторы, безъ совѣта которыхъ онъ не властенъ сдѣлать ни шагу, вторая—великіе коронные и литовскіе сановники,—хотя они безъ короля и не уполномочены вчинать что-либо, но за то имѣютъ право отказать ему въ повиновеніи; третья опека—сеймъ, всесильный отмѣнить всѣ распоряженія яснѣйшей воли и, наконецъ, четвертая опека—каждый шляхтичъ, ибо онъ можетъ своимъ безумнымъ, безсмысленнымъ „не позвалямъ“ сорвать всякій сеймъ и уничтожить однимъ крикомъ многотрудную работу для общественнаго блага.

Канцлеръ, вздохнувъ глубоко, обмахнулъ ароматнымъ платкомъ верхнюю бритую губу.

— Да, эти опеки и у насъ за шкурой сидятъ,—сверкнулъ глазами Богданъ,—и когда только Богъ ихъ ослабитъ?

— Будемъ вмѣстѣ молиться,—улыбнулся канцлеръ.—Благоденствіе народа въ Бозѣ, а милости Его нѣтъ предѣла,—поднялъ набожно онъ глаза.—Завтра или послѣ завтра я выхлопочу пану сотнику аудіенцію у короля, и тамъ панъ убѣдится, ято мои хлопоты относительно его собратій не остались втунѣ: Rex Poloniae согласился дать „привилегіи“ на увеличеніе числа рейстровиковъ и ихъ правъ. Только вотъ осталось приложить большую печать,—она у Радзивила.

— Боже, услышь мою молитву за благоденствіе найяснѣйшаго нашего батька!—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Богданъ.—Да исполнятся его дни свѣтлой радости и да сбудутся всѣ его августѣйшія желанія!

— Amen!—подтвердилъ молитву и канцлеръ,—но и твоя панская мосць не забыта, и, быть можетъ, вѣрнаго слугу короля ждетъ булава.

— Куда мнѣ! И думать не смѣю!—смутился, испугался даже Богданъ и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его сердцу.

— Чего смущаешься, пане? Я примѣромъ могу служить: изъ малыхъ, безсильныхъ я шелъ отважно впередъ, неусыпно трудился, боролся, бился съ врагами и со всякими напастями, а сколько ихъ было, сколько ихъ есть и сколько еще будетъ до гробовой доски!

Библиотека "Руниверс"

Но я не изнемогъ, духомъ не палъ и вотъ таки стою у руля, хотя кругомъ и подымаются волны.—Въ словахъ Оссолинскаго звучало искреннее увлеченіе, вызвавшее краску на его блѣдныхъ щекахъ.—Да, смѣлымъ Богъ владѣетъ,—закончилъ онъ увѣренно.

— Въ вашей княжьей мосци,—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ,—избытокъ Божьихъ щедротъ: и мудрость, и сила, и краса добродѣтели! Да развѣ я смѣю дерзать? Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ въ небо.

— Слишкомъ... слишкомъ...—сконфуженно улыбался отъ похвалъ канцлеръ.

— Да и наконецъ,—продолжалъ Богданъ,—связала бы меня эта великая власть, мнѣ же нужно быть вольнымъ, чтобы лучше послужить своему королю.

— Новое доказательство доблести,—прикоснулся къ колѣну Богдана рукой Оссолинскій,—но во всякомъ случаѣ панъ не будетъ забытъ.

Богданъ только прижалъ руки къ груди.

Наступило молчаніе. Оссолинскій медленно покачивалъ головой, задумчиво, даже грустно уставившись въ какую-то точку, словно всмотрѣться хотѣлъ онъ въ туманную даль или разгадать нѣмую загадку. Хмельницкій пораженъ былъ выраженіемъ этого блѣднаго старческаго лица, хранившаго подъ маской свѣтскаго безразличія много пережитыхъ страданій, и не рѣшался прервать молчанія.

Наконецъ, Оссолинскій потеръ рукою свой выпуклый, словно изъ слоновой кости выточенный лобъ и, какъ бы очнувшись отъ забывчивости, торопливо спросилъ у Хмельницкаго:

— А какъ панъ по „щирости“ думаетъ, на кого больше можно положиться,—на Ильяша или на Барабаша?

— По „щирости“...—замялся Богданъ и послѣ небольшой паузы сказалъ:—думаю, на Барабаша: онъ хоть немного и староватъ и медлителенъ, но простъ душой, не съумѣетъ кривить, а прямо какая у него думка сидитъ, ту и пуститъ въ люди.

— Мнѣ онъ и самому показался такимъ,—кивнулъ головой канцлеръ.

Въ это время изъ-за сосѣдней двери донеслись женскіе голоса, и одинъ изъ нихъ пронизалъ своимъ пѣвучимъ звукомъ сердце Богдана; горячая волна прихлынула къ его горлу и залила краской лицо.

— Я хотѣлъ-бы, ясный княже,—началъ было онъ непослушнымъ голосомъ, но канцлеръ перебилъ ему рѣчь.

— Да, разскажите, разскажите, пане, что вообще творится въ вашихъ благодатныхъ краяхъ?

Библиотека "Руниверс"

Съ плохо скрываемою досадой началъ сообщать Богданъ канцлеру о перемѣнѣ политики молодого старосты, руководимаго Чаплинскимъ, объ усиливающейся алчности магнатовъ къ наживѣ, о возростающихъ притѣсненіяхъ народа, о насиліяхъ уніи...

Оссолинскій только грустно качалъ головою и произносилъ со вздохомъ:

— Сами себѣ роютъ могилу!

Когда же Богданъ передалъ канцлеру о циркулирующихъ между магнатами слухахъ про затѣваемую королемъ войну и сопряженное якобы съ ней обузданіе золотой свободы, то Оссолинскій былъ такъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что даже измѣнился въ лицѣ.

— Male, male... отвратительно!—шепталъ онъ поблѣднѣвшими замѣтно губами,—какая неосторожность и какъ худо хранятся у насъ государственныя тайны! У этой шляхты тысяча ушей!... Да и какая клевета, даже гнусная клевета...—понюхалъ онъ какую-то стклянночку и, перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раздражительно, возмущенно:— Кто посягаетъ на свободу? Король желаетъ только ее упорядочить... Наши государственныя учрежденія такъ высоки, что никто не доросъ еще до нихъ въ цѣлой Европѣ.../да, чрезвычайно высоки, ихъ только упорядочить... а воля народа священна... vox populi—vox Dei! И сенатъ, и сеймъ, все это ненарушимо,—торопливо сыпалъ панъ канцлеръ, бросая тревожные взгляды на улыбавшагося Богдана,—а война? Мы хотимъ обезпечить прочно наши южныя и западныя границы, сломить силу разбойничьяго гнѣзда и даже покорить его; безъ этого Польша будетъ вѣчно въ тискахъ. Наконецъ, безъ согласія сейма никто войны не начнетъ. Мы ничего не предпринимаемъ безъ совѣтовъ и указаній. Король глубоко чтитъ всѣ конституціи,—закашлялся онъ сильно и схватился обѣими руками за грудь; на лбу и на вискахъ у него надулись синія жилы.—Эхъ; этотъ Смоленскъ не забудется мнѣ до смерти,—задыхался онъ,—какъ угостили тамъ камнемъ въ грудь, такъ вотъ при малѣйшемъ волненіи и давитъ коломъ. Вмѣстѣ съ паномъ и съ королевичемъ еще тогда Владиславомъ подвизались тамъ... давно было...—вытеръ онъ платкомъ выступившій на лбу потъ и, глубоко вздохнувши, добавилъ.—Теперь при такой болтовнѣ неудобно будетъ просить у Радзивила для вашихъ „привилегій“ большой печати—подыметъ гвалтъ. Ну, что-жъ? Обойдемся и хранящейся у меня малой... Хоть это маленькое нарушеніе... но вѣдь тутъ не ломка закона... a privatus levatio (частное облегченіе).

Отворилась дверь, и „джура“, возвѣстивши о приходѣ его свѣтлости венеційскаго посла, тотчасъ скрылся.

Библиотека "Руниверс"

— А! Тьополо!—засуетился и всталъ Осолинскій.—Я прошу извиненія у пана. Это изъ Венеціи чрезвычайный посолъ... личность значительная и высокая. Завтра мы увидимся и, быть можетъ, завтра же устрою я пану аудіенцію у его королевской мосци. Только помни, пане,—протянулъ онъ съ улыбкою руку,—что я держусь такого незыблемаго правила: согласіемъ возвышаются и малыя дѣла, а несогласіемъ разрушаются и большія.

— Молчаніе—лучшее благо,—пожалъ протянутую руку Богданъ, почтительно склонивши чело.

— Хе, хе, хе!—засмѣялся добродушно канцлеръ, провожая сотника до другой двери.

Затворили дверь, и Богданъ очутился въ полутемномъ корридорчикѣ. Не успѣлъ еще сдѣлать онъ двухъ шаговъ и приноровить свое зрѣніе, какъ послышался вблизи шелестъ и что-то легкое, гибкое, благоухающее бросилось стремительно къ нему на грудь и обвило шею нѣжными, атласными ручками.

Вздрогнулъ Богданъ, словно пронизанный гальваническимъ токомъ, и, не помня себя, прошепталъ одно только слово „Марылька!“

— Тату! Любый, коханый!—обожгла она его поцѣлуемъ и скрылась, какъ сверкнувшій во тьмѣ метеоръ.

Несмотря на раннее утро, въ главномъ королевскомъ дворцѣ кипѣла уже жизнь. Въ аванзалѣ, отдѣланной во вкусѣ „Ренесансъ“, съ сквознымъ свѣтомъ, напоминавшей скорѣе картинную галлерею, стояли уже и прибывали новые нарядные гости, жаждавшіе съ подобострастіемъ пріема. Между группами ихъ можно было видѣть пышные, того времени, итальянскіе костюмы, пестрѣвшіе атласомъ, бархатомъ и шитьемъ, и изящные парижскіе наряды, и роскошно-красивые польскіе, и строгіе шведскіе темныхъ цвѣтовъ, и черныя сутаны и блестящія латы.

Выдѣлялся между всѣми оригинальнымъ длиннымъ покроемъ и богатой парчей, и высокой собольей шапкой нарядъ московскаго посла Алексѣя Григорьевича Львова; важный гость высокомѣрно смотрѣлъ на суетившихся росписныхъ посѣтителей дворца и держался въ сторонѣ.

Въ залѣ стоялъ легкій сдержанный шепотъ; въ немъ слышалась и польская, и латинская, и французская рѣчь, но преобладала итальянская. У дверей въ королевскій кабинетъ стояло два парадныхъ гайдука; по залѣ шныряли и торопливо перебѣгали въ другіе апартаменты королевскіе „джуры“ (пажи).

Раскрылась боковая дверь, и въ нее вошелъ тучный и важный коронный надворный маршалокъ Адамъ Казановскій, одинъ изъ высшихъ сановниковъ и фаворитовъ короля. Маршалка особенно старила

Библиотека "Руниверс"

полусѣдая клочковатая борода и почти бѣлые волосы, не подбритые, а зачесанные космами назадъ; только бѣгающіе глаза изобличали въ немъ еще жизненную силу и юркость. Его мосць вошелъ шумно, въ накинутой на плечи бархатной мантіи, отороченной соболями, съ такимъ же воротникомъ, и окинулъ собравшихся презрительнымъ взглядомъ. Всѣ мертво притихли и занѣмѣли въ почтительно наклоненныхъ позахъ.

Сдѣлавши общій, едва замѣтный поклонъ, Казановскій величественно направился къ дверямъ кабинета, стуча своимъ маршальскимъ жезломъ; но, замѣтивъ въ сторонѣ московскаго посла, сразу измѣнилъ надменное выраженіе своего лица на необычайно привѣтливое, и, подошедши къ нему, протянулъ ласково руку:

— Какая пріятная неожиданность,—заговорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—ясновельможные бояре его царскаго величества самые желательные и самые почетные гости у насъ.

— Спасибо на словѣ, ясный панъ,—отвѣтилъ просто и искренно Львовъ, поглаживая рукой свою русую бороду,—милости просимъ и къ намъ: Москва для враговъ страховата, а для друзей таровата.

— Радъ, радъ,—улыбнулся какъ-то двусмысленно Казановскій,—съ добрыми, надѣюсь, вѣстями?

— Да какъ пану сказать? Всякія есть .. и добрыя, и худыя,—подозрительно оглянулся Львовъ на посѣтителей, съ любопытствомъ останавливавшихъ на немъ взоры.

— О?—изумился сконфуженно Казановскій,—это прискорбно: всякая непріятность для его царскаго величества причиняетъ еще большее огорченіе нашему найяснѣйшему королю. Вѣдь онъ питаетъ братскую привязанность къ пресвѣтлому московскому государю... А какъ, кстати, его здоровье?

— Нашъ пресвѣтлый царь и великій князь всея Руси зѣло немощенъ,—вздохнулъ глубоко Львовъ,—и дни царевы и сердце его въ руцѣ Божіей, но недугъ еще отягчается кручиной, что дружелюбная держава, съ которой закрѣпленъ прочный миръ, воспитываетъ и таитъ для крамолъ въ своихъ нѣдрахъ...—здѣсь Львовъ понизилъ голосъ и началъ шепотомъ вести бесѣду съ паномъ маршалкомъ; послѣдній, встревоженный передаваемымъ извѣстіемъ, видимо старался и жестами, и тономъ успокоить возмущеннаго московскаго посла.

Изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжалъ съ визгомъ королевскій „дурнык“; на немъ былъ надѣтъ особенный шутовской костюмъ представлявшій смѣсь изъ облаченій католическихъ, протестантскихъ, уніятскихъ и греческихъ, а на головѣ надѣта была іезуитская шапочка съ прикрѣпленною къ ней болтавшеюся змѣей; въ одной

Библиотека "Руниверс"

рукѣ онъ держалъ ножъ, а въ другой факелъ, и, звеня бубенчиками, кричалъ: „Угода, угода! Тарновское примиреніе!“ Всѣ улыбались, отворачиваясь изъ вѣжливости въ сторону. А „дурнык“; расхохотавшись и показавши языкъ, крикнулъ всѣмъ: „Ждите, ждите и вамъ будетъ такая угода!“—да и направился, прихрамывая, въ припрыжку, къ кабинету...

Казановскій, поклонившись почтительно Львову, поспѣшилъ къ шуту и остановилъ его у дверей въ кабинетѣ.

— Ты уже слишкомъ, вацпане,—смотри, чтобы не досталось... вѣдь король въ „жалобѣ“ (въ траурѣ).

— Мы уже не въ „жалобѣ“, пане маршалку,—скривился шутъ,—мы уже выгнали ее изъ сердца... ха... ха... ха! Зачѣмъ тамъ долго трупу стоять? Мы уже думаемъ... э-го-го!

— Но ты ужъ черезчуръ, пане дурню.

— Не мы черезчуръ, пане маршалку, мы ничего не можемъ,—сгорбился онъ,—мы боимся... И кусались бы, да зубовъ нѣтъ, а вотъ кругомъ такъ зубатые звѣри, а надъ ними еще позубастѣе. Займите, пане маршалку, подскарбію хоть два злота, а онъ намъ займетъ,—протянулъ шутъ руку.

— Досыть! Довольно!—грозно произнесъ Казановскій, взбѣшенный оскорбительною выходкой шута.—Или и тебя вздую!.. Что, его королевская мосць почиваетъ?

— Потягивается и третъ себѣ руками наиясиѣйшій животъ,—опустилъ шутъ глаза.—Мы вчера катались въ Виляново, пробовали каплуновъ, а потомъ охотились немного и пробовали копченыя „полендвицы“, а потомъ слушали итальянскихъ пѣвицъ и пробовали винцо Лакрима Кристи, ну, такъ вотъ какъ будто и вздулись.

— Эхъ, не бережется онъ!—вздохнулъ Казановскій.

— Да, нужно всѣмъ беречься,—подчеркнулъ шутъ, пристально глянувши въ глаза пану маршалку.—Ой, „угода, угода!“

— Но дури, дурню,—замѣтилъ сурово маршалокъ,—а ступай сейчасъ къ его королевской милости и доложи, что много народу ждетъ аудіенціи и что прибыли чрезвычайные послы изъ сосѣднихъ державъ.

„Дурнык“, крикнувши еще разъ: „угода, угода!“, скрылся за небольшою, спрятанною за портьерами дверью.

Казановскій проводилъ его злобнымъ взглядомъ и сталъ перебирать бумаги, лежавшія въ большомъ безпорядкѣ на кругломъ, роскошно инкрустированномъ столѣ.

Кабинетъ короля бросался въ глаза кичливою роскошью и богатствомъ; онъ былъ убранъ и обставленъ страшно пестро; все въ немъ было полно непримиримыхъ противорѣчій и не выдерживало

Библиотека "Руниверс"

никакого стиля. На плафонѣ, въ рамѣ изъ лѣпныхъ, кружевныхъ арабесковъ, изображены были кистью итальянскихъ художниковъ купающіяся и рѣзвящіяся съ сатирами нимфы и тамъ же изъ медальоновъ въ углахъ смотрѣли угрюмые католическіе святые на шаловливыхъ красотокъ. Стѣны кабинета были покрыты изящнѣйшими гобеленами, составлявшими тогда невиданную рѣдкость, а между этими тончайшими произведеніями искусства грубо и рѣзко возвышались цѣлыя арматуры изъ всевозможнѣйшаго оружія. Съ высокихъ разноцвѣтныхъ оконъ и дубовыхъ дверей спадали мягкими широкими складками бархатныя портьеры, и эти же роскошныя ткани поддерживались простыми стальными подковами и стременами. Въ углахъ и простѣнкахъ, между мраморными и бронзовыми статуями соблазнительно-прекрасныхъ богинь, торчали неуклюжія чучела медвѣдей и вепрей, трофеи его королевской мощи. Среди массы золоченой и инкрустированной мебели, покрытой штофомъ и тисненымъ сафьяномъ, непріятно рѣзали глазъ грубые табуреты изъ спаянныхъ ядеръ.

Межъ серебряныхъ и золотыхъ канделябръ и консолей нѣжной работы грубо возвышались треножники изъ „стрѣльбъ“ и пищалей, на которыхъ водружены были уродливыя свѣтильни. На столахъ между группами многоцѣнныхъ золотыхъ сосудовъ, фарфоровыхъ фигуръ и изящныхъ бездѣлицъ валялись клыки, отдѣланныя копыта, турьи рога. Въ довершеніе всего, посреди кабинета стояла какая то новоизобрѣтенная небольшая пушка, а у нея ютились различные музыкальные инструменты: цитры, торбаны, флейты. Вообще въ этомъ королевскомъ покоѣ не видно было ни комфорта, ни красоты, а сквозила во всемъ и расточительность куртизанки, и суровость солдата.

Два „джуры“ распахнули дверь и въ нее вошелъ Rex-Poloniae, Владиславъ IV. Королю было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать еще больше. Лицо его, чрезвычайно пріятное и симпатичное въ молодости, теперь выглядѣло обрюзглымъ, желтосѣрымъ и пестрѣло морщинами; длинные, полусѣдые волосы, подстриженные спереди, закинуты были назадъ и безпорядочными прядями спадали на плечи и спину; бородка, по шведской модѣ, была подстрижена треугольничкомъ, а усы зачесаны вверхъ. Отяжелѣвшая фигура, при среднемъ ростѣ, казалась мѣшковатой и толстой. Въ подагрической походкѣ и въ движеніяхъ короля замѣчалась болѣзненная вялость, а заполученная имъ въ послѣдніе годы одышка заставляла его часто вздыхать. Одни лишь темные и живые глаза его, обрамленные темными рѣсницами и бровями, горѣли еще и до сихъ поръ огнемъ и изобличали неумершую энергію; но выраженіе ихъ было большею частью грустнымъ; при возбужденіи или какой-либо радости лицо короля сразу преображалось, щеки покры-

Библиотека "Руниверс"

вались румянцемъ, глаза загорались, въ движеніяхъ появлялась бодрость и живость; но это поднятіе силъ погасало такъ же скоро, какъ и вспыхивало. Одѣтъ былъ король, по случаю траура, въ черный кунтушъ съ серебряными аграфами и подпоясанъ чернымъ же шелковымъ поясомъ съ бѣлою бахромой.

Не успѣлъ войти король, какъ изъ-за него выскочилъ „дурнякъ“ и, гремя бубенцами, началъ кружиться по кабинету и кричать:—помахивая факеломъ и ножомъ „угода, угода—вотъ что для народа!“

— Тише, дурню!—топнулъ ногою король, притворно сердясь,—ты мнѣ еще все перепортишь, переломаешь!

— Не бойся, Владю, друзья вотъ эти,—замахалъ онъ іезуитской шапочкой,—все тебѣ здѣсь поправятъ, все склеятъ.

— Да ты, ясный крулю, хлыстомъ потяни этого дурня,—замѣтилъ маршалокъ,—чтобы языкъ привязалъ, а то онъ уже черезчуръ... или мнѣ дозволь попотчивать его этимъ жезликомъ.

— Стоило бы,—улыбнулся король,—да подкупилъ онъ меня своею шапочкой, а особенно ея „кетягомъ“: эмблема то вышла вѣрна... Ну, однако, гайда съ покоя!—ударилъ онъ слегка ногой „дурныка“, и тотъ, завизжавъ по собачьи, выползъ на карачкахъ изъ кабинета.

— Ну, что тамъ, пане Адамe?—протянулъ король теперь небрежно руку маршалку.—Если твои себесѣдники интересны, то я готовъ имъ удѣлить часть своего времени, а если скучны, то избавь: я сегодня чувствую себя скверно, male...

— Твоя королевская мосць,—замѣтилъ нѣсколько фамильярнымъ тономъ Адамъ,—не совсѣмъ внимателенъ къ своей священной особѣ; что печалитъ до слезъ твоихъ „щирыхъ“ друзей... Что же касается просящихъ аудіенціи, то есть между ними важные послы, напримѣръ, отъ герцога Мазарини...

— Отъ герцога... ахъ, догадываюсь,—прервалъ его съ усталой улыбкой король,—онъ предлагаетъ мнѣ то, что рекомендовалъ еще Ришелье...

— О, было бы великолѣпно, мой ясный крулю!... Марія де-Неверъ обладаетъ и красотой, и добродѣтелями, и огромными богатствами.

— Послѣднее самое важное...—вздохнулъ король,—и для меня, и для тебя, пане...

— Да, мое счастье, король, связано съ твоимъ, вѣрно,—отвѣтилъ приподнятымъ тономъ маршалокъ,—при твоей ласкѣ я не буду убогимъ, а безъ нея я не хочу быть богатымъ.

Библиотека "Руниверс"

— Спасибо, другъ,—протянулъ ему руку король,—но безъ „пенензовъ“ это самое счастье и невозможно... Я вотъ,—заговорилъ онъ вдругъ по латыни, такъ какъ языкомъ этимъ владѣлъ лучше польскаго,—прошу денегъ и у тебя и у подскарбія и слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ: „черезчуръ поистратились на похороны“... Но вѣдь я же король? Не могу же я стать ниже Радзивиловъ, Сапѣгъ, Вишневецкихъ? На меня смотритъ весь свѣтъ... да и любилъ я мою бѣдную Цецилію, подарившую мнѣ Сигизмунда...—прервалъ онъ рѣчь нѣсколькими тяжелыми вздохами,—да! А вотъ черезъ то, говорятъ, денегъ нѣтъ... А они нужны, Боже, какъ нужны!—опустился онъ тяжело въ кресло,—и на мои предпріятія, и на.. вооруженіе... и на... Нужно же хоть какъ-нибудь развлечься, а то кисну и подпускаю къ себѣ неотвязнаго врага своего—болѣзнь... Меня только и поддерживаетъ кипучая дѣятельность. Вотъ бы устроить турниръ.. Пригласить рыцарей, дамъ... Торжественныя шествія, состязанія, награды, пиры!—оживился онъ и даже вспыхнулъ слабымъ румянцемъ.—Да, хорошо бы... А знаешь,—всталъ онъ живо и положилъ маршалку на плечо руку,—какого я вчера слушалъ итальянскаго соловья, какіе глаза-а!... Нѣтъ, видно, въ силу государственныхъ соображеній, придется мнѣ принять невѣсту Мазарини...

— Да благословитъ твою королевскую мосць Всевышній, а намъ ниспошлетъ радость!... Унынiе воистину грызетъ душу и тѣло... да и печалиться объ усопшихъ... значитъ роптать на волю Господню...

— Да, это грѣхъ...—произнесъ раздумчиво Владиславъ, - а кто тамъ еще?

— Чрезвычайный посолъ отъ его царскаго величества московскаго государя.

— А что? Можетъ, умеръ уже?—оживился король.

— На одрѣ смерти...

— Ахъ, этотъ московскій престолъ!—потеръ себѣ досадливо лобъ Владиславъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.—Цѣлую жизнь манилъ меня и до сихъ поръ манитъ... хоть и отказались мы отъ него по Поляновскому миру, но сердце мое отказаться не можетъ! Эхъ, если бы не отецъ! Я былъ бы царемъ, достойнымъ Москвы: меня бы тамъ полюбили... Я бы не навезъ туда противныхъ іезуитовъ, какъ этотъ путанникъ Димитрій; фанатиковъ я самъ терпѣть не могу и чту толеранцію да свободу совѣсти... А какой тамъ славный, преданный царю своему народъ! Ахъ, что бы я съ тамошними войсками, да съ козаками надѣлалъ! Езусъ-Марія! Да я бы разгромилъ эту татарву, слилъ бы съ Москвой Рѣчь-Пос-

Библиотека "Руниверс"

политую, уничтожилъ бы произволы, безправья, насадилъ бы вездѣ законную, разумную свободу, науки, художества, а потомъ съ этакою мощною державой покорилъ бы весь свѣтъ... не для того, какъ Александръ Македонскій, не для ярма, не для рабства, а для широкаго блага!

Рѣчь короля звучала теперь бодро и страстно, глаза сверкали огнемъ; облокотившись одною рукой на пушку, простерши другую впередъ, онъ былъ похожъ въ этотъ мигъ на какого то мощнаго генія, несущаго миру новую счастливую вѣсть.

— О, мой найяснѣйшій витязь, непобѣдимый герой,—произнесъ увлеченный Адамъ,—сколько доблестей въ твоей великой душѣ! Но развѣ окружающіе тебя вороны и коршуны могутъ подняться до высокаго полета орла?

— Да, они меня не могутъ и не желаютъ понять,—печально склонилъ король голову,—они знаютъ только самихъ себя и о своихъ животахъ лишь пекутся. Что имъ грядущее, что имъ отчизна? Бился я сколько лѣтъ, чтобы поднять ее, и чужіе знали мой мечъ, но свои опекуны и совѣтчики обрѣзывали постоянно мнѣ крылья, и вотъ такъ прошла жизнь. Одну корону отклонилъ отъ меня мой отецъ, отъ другой наслѣдственной шведской я самъ отказался, третья, теперешняя, оказалась шутовскимъ колпакомъ, а сынъ мой, очевидно, останется уже съ непокрытой головой.

— Не отчаивайся, король,—возразилъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ маршалокъ,—у Бога все готово, лишь бы тебѣ только побольше здоровья и силъ, а истинныхъ друзей, хотя пока и немного, но они вѣрны. Пороху бы только да „пенензовъ“. А когда вооружишься, то и о престолахъ можно будетъ размыслить. Въ Москвѣ царь умираетъ, подготовляется новая смута, такъ тебѣ нужно быть на готовѣ.

— Это превосходно, отлично,— снова заходилъ быстро король по кабинету, потирая руки,—да, нужно спѣшить, жизнь уходитъ, нельзя терять ни минуты,—говорилъ онъ словно самъ себѣ,—нужно рѣшиться на бракъ, совершить его поскорѣе. Кинуть всѣ колебанія и броситься въ борьбу со слѣпою фортуной... Кто тамъ еще ждетъ?—остановился онъ быстро передъ Казановскимъ, дыша порывисто и не замѣчая своей одышки.

— Тамъ еще дожидается Боплант инженеръ, какой то изобрѣтатель новаго ружья, профессоръ иностраннаго университета, два итальянца художника и венеційскій пѣвецъ...

— Все это милые и дорогіе мнѣ гости,—пощипывалъ себя за бородку король,—но, попроси ихъ лучше навѣстить меня вечеромъ... пригласи на „келехъ“ мальвазіи... а сейчасъ я займусь серьезными государственными дѣлами... Можетъ, еще кто ждетъ?

Библиотека "Руниверс"

— Вѣроятно, канцлеръ приведетъ еще своихъ посѣтителей, но онъ отъ меня вѣдь скрываетъ.

— Не сердись, друже,—высшіе интересы требуютъ тайны, а тайна между тремя уже не тайна.

Въ это время отворилась изъ аванзалы дверь и въ кабинетъ вошелъ безъ доклада великій коронный канцлеръ, князь Оссолинскій. Панъ маршалокъ поздоровался съ нимъ вѣжливо но сухо и, поклонившись почтительно королю, поспѣшно вышелъ другою дверью во внутренніе покои.

— Ну, съ какими вѣстями?—протянулъ Оссолинскому обѣ руки король,—съ добрыми вѣдь, съ добрыми? Я сегодня особенно бодро настроенъ, я жду только хорошаго.

— Намъ только и нужно бодрости да здоровья твоей королевской милости, а при нихъ все остальное у яснѣйшихъ стопъ,—поклонился изысканно канцлеръ и, оглянувшись по привычкѣ кругомъ, сообщилъ пониженнымъ голосомъ:—Прибыли изъ Украйны отъ козачества вызванные мною сотникъ Хмельницкій и эсаулъ Барабашъ; ихъ нужно бы сегодня принять.

— Весьма, весьма радъ .. Этотъ Хмельницкій—умная голова и отличный воинъ,—оживился король,—но не знаю, какъ это сдѣлать. Тутъ ждутъ другіе аудіенціи—послы иностранныхъ дворовъ московскаго, французскаго.

— Еще прибылъ съ чрезвычайными полномочіями и посолъ изъ Венеціи Тьеполо... привезъ отраднѣйшія постановленія совѣта десяти.

— Нѣтъ, что ни говори,—воскликнулъ король,—а ты у меня наилучшій другъ, наиприятнѣйшій!... Я просто помолодѣлъ отъ твоихъ сообщеній!—и король въ порывѣ радости обнялъ неожиданно Оссолинскаго.

— Далъ бы только милосердый Богъ,—поцѣловалъ въ плечо короля тронутый ласкою канцлеръ,—сжалился бы надъ нашею несчастною отчизной... О, смирились бы всѣ твои враги, а народъ... не шляхта, что одна присвоивала себѣ имя народа, а всѣ козаки и все поспольство, благословляли бы имя отца своего Владислава... И не въ однихъ костелахъ бы молились за продленіе твоихъ дней, а и въ церквахъ, и въ киркахъ, и въ хатахъ при свѣтѣ лучины... Но пока еще предстоитъ борьба съ врагами порядка и закона, съ врагами величія нашей злосчастной державы, съ врагами народнаго счастья... и они, враги эти, безъ борьбы не уступятъ ни своего золотого разгула, ни своей хищнической неправды... Но если только ты, король, колебаться не будешь и поддержишь своею бодростью и отвагой твоихъ непреложныхъ друзей, то все кичливое, безличное

Библиотека "Руниверс"

упадетъ передъ твоимъ свѣточемъ правды. За праваго и за свѣлаго Богъ!

— Клянусь,—сказалъ торжественно король,—лишь бы мои друзья меня поддержали...

— Жизнь наша за короля и за благо отчизны!—воскликнулъ съ достоинствомъ канцлеръ.

— Вѣрю!—приложилъ руку къ сердцу король и прибавилъ:—Однако, пора начать пріемъ... Присылай перваго московскаго посла Львова.

Оссолинскій вышелъ и черезъ минуту ввелъ въ кабинетъ Львова.

— Всемилостивѣйшій мой государь, царь и великій князь всея Руси и самодержецъ,—поклонился въ поясъ Львовъ,—желаетъ твоему королевскому величеству здравія и преуспѣянія въ державныхъ заботахъ.

Львовъ говорилъ по-русски, такъ какъ Владиславъ IV, еще въ молодости, готовясь быть московскимъ царемъ, изучалъ русскую рѣчь.

— Благодарю отъ души вѣнценоснаго брата по трону за его вниманіе,—отвѣтилъ, тѣмъ не менѣе, по-польски король.—Пусть панъ посолъ передастъ его царской милости, великому московскому государю, что мы молимъ Всевышняго о ниспосланіи ему исцѣленія отъ недуговъ и дарованіи всякихъ благъ, что мы будемъ счастливы, если сможемъ чѣмъ доказать наши дружественныя чувства къ царственному сосѣду.

— Пресвѣтлый мой царь-осударь съ своей стороны питаетъ къ тебѣ, наияснѣйшій король, въ душѣ своей чувства великаго довѣрія и пріязни, и проситъ тебя, осударь, изловить нѣкоего предерзостнаго шляхтенка, именующаго себя якобы сыномъ Димитрія, бывшаго вора и похитителя трона Гришки Отрепьева, каковой воренокъ и подписуется царскимъ именемъ.

И Львовъ разсказалъ подробно, какъ кіевскій попъ досталъ такое крамольное письмо, переслалъ его въ Москву и какъ оно тамъ произвело смуту и соблазнъ, а въ концѣ посолъ билъ челомъ отъ имени московскаго царя, чтобы выдалъ король его царскому величеству этого подлаго воренка для розыска надъ нимъ и для торжественной казни.

— Я позволю себѣ замѣтить,—отозвался канцлеръ,—что это событіе, casus fatalis, или, лучше сказать, шутка, совершенно невѣрно истолкована его царской милости: такой шляхтичъ дѣйствительно существуетъ изъ фамиліи Лубовъ и живетъ на Подлясьи, но совершенно невиненъ—никакихъ мечтаній не имѣлъ и не имѣетъ, просто совершенный дуракъ.

Библиотека "Руниверс"

— Но, однако же, письмо и титулованье?—прервалъ его недоумѣвающій и возмущенный король.

— Это вотъ что,—продолжалъ канцлеръ,—еще при войнахъ съ Московіею покойнаго приснопамятнаго родителя твоей королевской милости, Жигимонта, великій литовскій канцлеръ Сапѣга, для устрашенія воюющей стороны, придумалъ назвать одного молоденькаго хлопчика, вотъ этого Луба, сыномъ умерщвленнаго Дмитрія, что на часъ въ Москвѣ былъ царемъ, да не только назвалъ, а и приказалъ хлопчику, глупенышу еще, подписываться царемъ... Такъ вотъ, вѣроятно, это одно изъ тѣхъ дѣтскихъ писемъ; хлопецъ же знаетъ только свой огородъ и понятія не имѣетъ о царствахъ. Такъ грѣхъ же, не годится своего невиннаго гражданина отдать на мученія.

— Я вполнѣ убѣжденъ,—заключилъ послѣ нѣкоторой паузы король,—что и царственный братъ мой, узнавши объ этой пустой, хотя, быть можетъ, и грубой шуткѣ сошедшихъ уже съ сего міра лицъ,—не будетъ настаивать на казни невинной жертвы... Но для разсѣянія сомнѣній и успокоенія его царскаго величества я могу согласиться на слѣдующее: отправить съ моими послами въ Москву этого шляхтича, какъ неприкосновенное лицо,—пусть онъ тамъ принесетъ свои оправданія.

Король наклонилъ слегка голову, и посолъ съ низкимъ поклономъ удалился; Оссолинскій проводилъ его до дверей, пригласивъ къ себѣ для дальнѣйшихъ распоряженій и разъясненій.

Вслѣдъ за Львовымъ представился королю посолъ кардинала Мазарини. Въ изящной, нѣсколько напыщенной рѣчи, привѣтствовалъ онъ на французскомъ языкѣ короля отъ имени его эминенціи, передалъ всякія благопожеланія и дружескій совѣтъ не питать скорбь свою долгимъ трауромъ, а вступить во второй бракъ; что Маріяде-Неверъ, исполненная всякихъ тѣлесныхъ и душевныхъ красотъ, уже десять лѣтъ мечтаетъ быть подругой перваго рыцаря и коронованнаго героя; что этотъ бракъ, принося королю много матеріальныхъ выгодъ, скрѣпилъ бы союзъ двухъ державъ, а дружба Франціи будетъ искреннѣе и полезнѣе дружбы алчныхъ сосѣдей, такъ какъ она будетъ безкорыстной.

Плохо владѣя французскимъ языкомъ, король ему отвѣчалъ по латыни:

— Я тронутъ до глубины души благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ его яснопревелейшей мосци и благодарю за добрыя пожеланія и совѣты. Извѣстіе, переданное мнѣ яснымъ паномъ, что ея свѣтлость готова меня надѣлить новымъ счастьемъ и уврачевать мои сердечныя раны, до того восторгаетъ меня, что я готовъ молиться за нее, какъ за ниспосланную мнѣ Богомъ отраду. Съ неописанною радостью я

Библиотека "Руниверс"

принимаю совѣтъ его эминенціи, а осуществленіе его почту за великое счастіе... Передай, ваша мосць, ясновелебнѣйшему кардиналу, что я немедленно шлю въ Парижъ почетнѣйшее посольство, которое засвидѣтельствуетъ ея свѣтлости, что она уже владѣетъ моимъ сердцемъ вполнѣ и что я жду ее съ трепетомъ нетерпѣнія въ предѣлы моей державы, чтобы торжественно назвать своею супругой и королевой... А шановному вѣстнику такого счастливѣйшаго для меня извѣстія я предложу на добрую обо мнѣ память вотъ это...— и король, снявши съ пальца драгоцѣнный перстень съ огромнымъ рубиномъ, вручилъ его изумленному отъ неожиданности послу.

Французъ принялъ его, поцѣловалъ край королевской одежды и разсыпался въ нескончаемыхъ благодарностяхъ.

— Я ошеломленъ отъ восторга и радости,—произнесъ, наконецъ, Оссолинскій, не ожидавшій такого скораго и благодѣтельнаго рѣшенія со стороны короля.—Нѣтъ, небо за насъ, коли оно внѣдряетъ въ твое сердце, король, такія счастливыя для всѣхъ и благія чувства... Приношу искреннѣйшее поздравленіе его королевской милости съ ожидаемымъ счастьемъ и предсказываю, что это счастье будетъ счастьемъ его народа.

— Дай Богъ!—пожалъ ему руку король и отпустилъ милостиво посла.

Въ это время вошелъ „джура“ и возвѣстилъ, что въ аванзалу пришолъ венеційскій посолъ.

— Проси!—весело крикнулъ король, а Оссолинскій бросился къ двери, ему навстрѣчу.

Въ кабинетъ вошелъ красивый и изящно одѣтый итальянецъ. Черные вьющіеся волосы и такая же бородка рельефно оттѣняли бѣлизну его лица, а черные, большіе глаза, что маслины, то щурились хитро, то вспыхивали огнемъ. На венеціанцѣ надѣтъ былъ бархатный черный камзолъ съ серебряными аграфами, изъ прорѣзныхъ рукавовъ котораго проглядывали фіолетовыя атласныя полосы; на открытой груди и на шеѣ снѣгомъ сверкали роскошныя, тончайшія кружева; черныя бархатныя шаровары покрывали ноги лишь до колѣнъ, а отъ колѣнъ шли шелковые пунцовые чулки; ноги были обуты въ пунцовые же элегантные башмаки; у лѣваго бока висѣла шпага, а на плечи накинута была мантія фіолетоваго цвѣта съ серебромъ.

— Добро пожаловать,—привѣтствовалъ его король по-итальянски,—сыны царицы морей намъ особенно дороги.

— Несчастная царица, осажденная дикими варварами, протягиваетъ къ тобѣ, наияснѣйшій король, свои руки и уповаетъ, что

Библиотека "Руниверс"

благороднѣйшій витязь поднимет непобѣдимый свой мечъ на защиту сестры своей, на защиту святого креста, на погибель ислама!

— Пока бьется въ груди этой сердце,—отвѣтилъ торжественно король,—пока рука владѣетъ мечемъ, я весь отдаю себя угнетеннымъ. Но для исполненія желанія нужно имѣть возможность, а возможность не всегда зависитъ отъ насъ.

— Для облегченія этой возможности,—опустилъ глаза Тьеполо,—я привезъ рѣшеніе совѣта десяти—отпустить вашей королевской милости на военныя издержки шестьсотъ тысячъ флориновъ.

— Это дѣйствительно развязываетъ намъ руки, свѣтлый пане,—поторопился замѣтить канцлеръ.

— Да,—добавилъ король,—и чѣмъ поспѣшнѣе осуществится это благое рѣшеніе, тѣмъ скорѣе и мы можемъ начать дѣйствовать.

— Я привезъ вашему королевскому маестату часть этой суммы съ собою,—посмотрѣлъ пристально въ глаза королю Тьеполо,—и если морская диверсія, о которой мы говорили, отвлечетъ турокъ отъ Кандіи, то немедленно будетъ выплачена и остальная сумма...

— Все эта такъ,—замялся король,—но набѣгъ козаковъ можетъ вызвать немедленное нападеніе на наши границы татаръ, а потому намъ крайне необходимо быть во всеоружіи.

— Можно и это уладить,—улыбнулся лукаво посолъ,—республика желаетъ быть только увѣренной, что войска готовятся для войны съ невѣрными, а не съ какой-либо другою державой.

— Полагаю, что для этой увѣренности достаточно одного моего слова!—гордо отвѣтилъ король.

— Совершенно достаточно,—нагнулъ голову посолъ,—святѣйшій папа шлетъ свое архипастырское благословеніе и разрѣшаетъ силою, данною ему свыше, всѣ прегрѣшенія тому, кто подъемлетъ брань на враговъ Христовыхъ. Его эминенція нунція вручитъ вашему маестату папскую буллу.

— Съ смиреніемъ лобзаю стопы его святѣйшества,—сложилъ набожно руки король и наклонилъ голову.

— А и время теперь самое удобное,—продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ Тьеполо,—силы турокъ разбросаны. Одинъ отважный ударъ и поднятые рога мѣсяца будутъ сбиты; передъ мечемъ короля-героя и мощныя силы склонялись, а орда будетъ разметана, какъ листья въ бурную осень, и Крымъ со всѣми своими богатствами и роскошами ляжетъ у ногъ побѣдителя... Тогда то исполнится вѣковѣчное стремленіе Рѣчи Посполитой, развернуться отъ моря до моря, тогда то она только и станетъ несокрушимою державой.

— И развернемся,—вскрикнулъ восторженно Владиславъ,—если только Господь не отвратитъ десницы Своей... Завтра,—доба-

Библиотека "Руниверс"

вилъ онъ послѣ небольшой паузы,—мы обо всемъ переговоримъ по-подробнѣе... Я жду свѣтлаго пана къ себѣ на обѣдъ и на „келехъ“ нашего добраго стараго меда...

По уходѣ Тьеполо, король опустился отъ усталости въ кресло и, закрывъ рукою глаза, долго дышалъ тяжело: возбужденное состояніе уступило теперь мѣсто болѣзненной истомѣ.

Оссолинскій смотрѣлъ на него съ тревогой и съ глубокимъ сочувствіемъ; глаза канцлера, блестѣвшіе сейчасъ радостью и надеждой, отуманились вдругъ печалью:

„Эхъ, горе,—думалось ему,—куда твои силы ушли, мой одинокій въ своихъ благородныхъ порывахъ король? Подсѣкла ихъ непосильная борьба съ себялюбивымъ звѣрьемъ, подгрызли разочарованія и обиды! И вотъ теперь, когда колесо фортуны повернулось къ намъ благосклонно, когда именно нужна твоя мощь и энергія, тебя валитъ съ ногъ даже радость!“

— Усталъ я,—вздохнулъ глубоко король, словно отвѣчая Оссолинскому на его мысли,—всякое волненіе, даже отрадное, отнимаетъ у меня силы...

— Побереги ихъ, ясный король,—произнесъ тронутымъ голосомъ канцлеръ,—въ нихъ все упованіе, все спасеніе горячо любимой тобою страны... Я знаю искусныхъ докторовъ...

— Эхъ, что въ нихъ! „Що докторовѣ, якъ смерць на гловѣ“?... Но я поберегусь, да и вся эта суета, и предстоящая кипучая дѣятельность поднимутъ мои жизненныя силы... Но на сегодня, полагаю, довольно... Дай Богъ, чтобы такіе счастливые дни повторялись почаще!

— Еще нужно принять однихъ...—началъ несмѣло канцлеръ.

Король поморщился.

— Пріѣхала вѣдь казачья старшина...—таинственно продолжалъ канцлеръ.—Барабашъ и Хмельницкій, о которыхъ я докладывалъ твоей королевской мосци... Дѣло минуты: обогрѣть ихъ ласковымъ словомъ, вручить клейноды... А о дѣлахъ уже я буду говорить съ ними отдѣльно.

—А!—всталъ король и потеръ рукою крестецъ,—зови ихъ; я этихъ удальцовъ люблю, а особенно стараго знакомаго сотника.

— Вотъ подписанныя твоей властной рукой „привилеи“,—подалъ Оссолинскій свертокъ,—я приложилъ къ нимъ малую печать, не желая возбуждать у Радзивиловъ подозрѣній.

Король засмѣялся беззвучно и уныло покачалъ головой.

Въ боковую дверь вошли Барабашъ съ Хмельницкимъ и молча наклонили свои головы.

— Я радъ васъ видѣть, друзья мои,—подошелъ къ нимъ съ привѣтливою улыбкой король,—къ вашей доблести, преданности и

Библиотека "Руниверс"

чести я питаю большое довѣріе и убѣжденъ, что вы его оправдаете. Въ доказательство-же нашего монаршаго благоволенія мы возводимъ тебя, Барабашъ, въ полковничье достоинство,—подалъ ему онъ перначъ, а—тебя, Хмельницкій, жалуемъ вновь прежнею должностью,—вручилъ онъ ему привѣсную къ груди чернильницу.

— Да хранитъ Богъ нашего найяснѣйшаго короля, нашего „коханаго“ батька!—восторженно воскликнулъ Богданъ, такъ какъ Барабашъ, смущенный неожиданною радостью, что-то невнятно мямлилъ,—и да пошлетъ намъ быть достойными его державной ласки...

— Не сомнѣваюсь,—оживился снова король,—вѣрю, храбрый мой рыцарь! Помнишь-ли, подъ Смоленскомъ вмѣстѣ мы бились... прорѣзались, загорѣвшись отвагой, впереди всѣхъ и очутились въ самомъ пеклѣ... Перуны гремѣли кругомъ... Смерть бушевала... А ты съ улыбкой рубился и защищалъ меня своею грудью. . Эхъ, славное было время! Помнишь-ли?

— Я бы вышибъ изъ этого черепка мозгъ,—дотронулся до своей головы энергично Хмельницкій,—если бы онъ забылъ эти счастливѣйшіе для меня дни! Да вотъ еще свидѣтель—эта драгоцѣннѣйшая для меня сабля, эта святыня, дарованная мнѣ вашею королевскою милостью, и Богданъ обнажилъ саблю и поцѣловалъ ея клинокъ.

— Ахъ, да да! Помню,—волновался воспоминаніями король,—можетъ быть, еще приведетъ Богъ... Передайте и козакамъ мой привѣтъ, и эти „привилеи“,—вручилъ онъ Барабашу пергаментъ.—Его мосць канцлеръ сообщитъ вамъ инструкціи... Я надѣюсь, что найду въ моихъ удальцахъ избытокъ отваги и преданности, и когда я кликну имъ кличъ, то они слетятся орлами.

— Умремъ за короля!—крикнулъ Барабашъ.

— Рабами, псами вѣрными будемъ!—добавилъ Богданъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Наша жизнь и жизнь нашихъ женъ и дѣтей и все наше добро у ногъ твоего величія! Слово скажи, и трупомъ всѣ ляжемъ.. и нѣтъ высшей радости, какъ умереть за такого, Богомъ намъ даннаго, батька!

— Спасибо, товарищъ!—протянулъ король руку, и въ глазахъ его остановилась слеза.

Богданъ наклонился къ протянутой рукѣ и поцѣловалъ ее, какъ святыню.

Изъ подъ тонкихъ пальцевъ Марыльки медленно выплывали по зеленому бархату золотые цвѣты. Иногда она склонялась задумчиво надъ пяльцами, иногда устремляла пристальный взоръ въ глубину комнаты, и тогда иголка съ золотою ниткой застывала неподвижно въ ея бѣлой и тонкой, словно изваянной изъ мрамора рукѣ. Скучная работа подвигалась медленно, а взволнованныя мысли кружились въ

Библиотека "Руниверс"

красивой головкѣ съ неудержимой быстротой. Снова онъ, такъ неожиданно, нежданно! Правда, она пересылала ему письмо, но никогда, никогда не надѣялась, чтобы это исполнилось такъ скоро. Быть можетъ, дѣла призвали его въ Варшаву, а можетъ... У Марыльки сердце замерло на мгновенье. Разъ уже онъ явился на ея пути, разъ вырвалъ ее изъ опасности. И вотъ онъ снова передъ нею и во второй разъ! Ахъ, не указаніе ли это Божіе? Не посланъ ли онъ и въ этотъ разъ вынести ее на своихъ плечахъ изъ этой гадкой тьмы?

Марылька отбросила съ досадой иголку и откинулась на деревянную, обитую кожей спинку кресла. Длинныя соболіи рѣсницы полузакрыли ея синіе глаза, на нѣжныхъ щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ и разлился вплоть до маленькихъ ушекъ, а шелковистая, золотая коса спустилась до самой земли.

„Да, изъ тьмы, изъ гадкой, ненавистной, постылой тьмы“,— прошептала она тихо, полуоткрывъ свои небольшія, но рѣзко очерченныя губы.

Вотъ уже четыре года, какъ она здѣсь, въ этомъ роскошномъ домѣ, но легче ли ей отъ этого? О, нѣтъ, нѣтъ! Правда, она не знаетъ нужды, она не терпитъ особаго униженія, ее даже дарятъ Урсула и пани канцлерова своими обносками, и по лицу Марыльки пробѣжала презрительная улыбка,—но развѣ эта жизнь для нея? Стройная фигура ея гордо выпрямилась и въ широко открытыхъ синихъ глазахъ блеснулъ холодный надменный огонекъ. А сначала, когда ее взяли и думали возвратить отъ Чарнецкаго всѣ ея имѣнія, съ нею обращались не такъ. Ею всѣ тѣшились и любовались, слушали ея разсказы и показывали ее знатнымъ панамъ, а когда съ Чарнецкимъ не удалось дѣло и особенно, когда она стала взрослой панной, а Урсула—невѣстой, о, какъ ловко по могнатски оттерли они ее на задворки и показали, что ея мѣсто, какъ бѣдной „пріймачки“, здѣсь, у этихъ пялецъ, или въ покояхъ Урсулы, смотрѣть за пышными уборами панны или тѣшить ее, когда на панну нападетъ капризная тоска. О, эта Урсула!

Марылька закусила губу и сжала свои соболиныя брови; ея тонкія выточенныя ноздри гнѣвно вздрогнули, а въ синихъ глазахъ блеснулъ снова холодный и злой огонекъ. Всѣ ея муки, всѣ униженія черезъ нее! „Блѣдная, худая, со своими выпуклыми, безцвѣтными глазами, съ волосами ровными и желтыми, какъ и длинное лицо!—перечисляла она съ ожесточеніемъ всѣ достоинства дочери коронаго канцлера,—со своею маленькою головкой и постоянными думками о томъ, что можно, а чего нельзя, да о чемъ говорилъ

Библиотека "Руниверс"

канъ пробощъ". И эта мертвая, бездушная кукла попираетъ ее, заступаетъ ей дорогу къ жизни, къ свѣту, къ красѣ!

Марылька съ ожесточеніемъ оттолкнула отъ себя пяльцы и поднялась во весь ростъ.

Да, именно она! Съ тѣхъ поръ, какъ эта краля стала невѣстой и занялась „полеваньемъ" на жениховъ, затворничество „пріймачки" стало еще строже: имъ страшно выпускать ее въ свѣтъ рядомъ съ Урсулой... У Урсулы приданаго-то немного, и она должна поймать себѣ мужа своею красой,—даже фыркнула Марылька,—и канцлеровскою печатью... Вотъ и ловятъ дурня!

„Ужъ, конечно, ничто иное, какъ эта печать привлекаетъ къ себѣ длинноногую цаплю, этого Самуила Калиновскаго... Отецъ его мечтаетъ стать, при помощи тестя, короннымъ гетманомъ... Ну, и пусть себѣ! Цапля цаплѣ пара! А мнѣ то за что эти вѣчныя будни?"

Марылька прошлась по свѣтлицѣ.

О, эта сѣрая, скучная жизнь!! Ей... ей, Марылькѣ, которая рождена для роскоши, для красы! Да лучше-бъ отпустили ее на волю! Она съумѣла-бъ сама найти себѣ дорогу, при красѣ своей она не побоялась-бы отправиться и съ пустыми руками въ путь! Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! Они оберегаютъ ее, они не выпускаютъ ее никуда, дальше этихъ скучныхъ покоевъ. Жалко имъ, вѣрно, разстаться съ мыслью о ея наслѣдствѣ, держатъ ее на всякій случай.

И зачѣмъ ее спасъ Богданъ на турецкой галерѣ? Попала бы она въ гаремъ къ султану, утопала бы въ нѣгѣ, въ роскоши, въ брилліантахъ, въ парчѣ! Тысячи рабовъ были бы къ ея услугамъ... Одного движенія ея бѣлой руки довольно бы было, чтобъ осчастливить покорныхъ и покарать враговъ! „Ахъ,—задохнулась она отъ горячаго прилива крови.—Голова кружится при мысли о той роскоши, славѣ и поклоненьи, которыя разливались бы у моихъ ногъ!..."

Марылька глубоко вздохнула. Грудь ея вздымалась высоко, на щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, и маленькія прозрачныя ушки пылали словно въ огнѣ. Она снова прошлась по комнатѣ и остановилась у большого венеціанскаго зеркала, которое висѣло на темной, обитой коврами стѣнѣ.

Въ глубокомъ стеклѣ отразилась передъ ней стройная, молодая красавица.

Пушистые золотые волосы стояли вокругъ лба ея, словно какое-то царственное сіяніе; синіе глаза глядѣли смѣло и увѣренно; изъ за полуоткрытаго розоваго рта выглядывали зубы, ровные и бѣлые, какъ жемчужины. Шелковый кунтушъ ложился вдоль ея стройной фигуры красивыми складками, плотно охватывая тонкій станъ и высокую, пышную грудь.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько мгновеній Марылька стояла передъ зеркаломъ молча, не отрывая отъ своего изображенія гордаго, самодовольнаго взгляда. Но вдругъ складка между бровей ея расправилась, взглядъ синихъ глазъ сдѣлался мягче и нѣжнѣе, и плѣнительная, огненная улыбка освѣтила все лицо молодой красавицы. „Нѣтъ,—прошептала она тихо,—куда имъ всѣмъ до меня!“ Послѣдніе слѣды неудовольствія слетѣли съ ея бѣлаго лба, въ глазахъ заигралъ кокетливый огонекъ, и все ея личико сдѣлалось неотразимо обольстительнымъ въ это мгновеніе.

„Найдется-ли во всемъ королевствѣ хоть одинъ рыцарь, который бы устоялъ передъ этой улыбкой?—Марылька повела лукаво бровью и усмѣхнулась своему изображенью. О нѣтъ! Никто! Однако,—остановилась она и сдвинула свои соболиныя брови, изъ подъ которыхъ сверкнули злымъ огонькомъ ея потемнѣвшіе, какъ сапфиръ, глаза,—и для этой красы нужна оправа. А безъ оправы,—усмѣхнулась она ядовитою улыбкой,—это мишурное, изношенное рыцарство не обратитъ и вниманія. О, бездушныя твари,—топнула она ногою,—я испытала на себѣ ваше оскорбительное отношеніе, ваше надутое чванство, вашу мизерію! Какъ презираю я васъ! Какъ бы я хотѣла теперь имѣть силу и власть, унизить васъ и наступить на васъ своимъ башмакомъ! „Да, всѣ они продажны, всѣ ничтожны, всѣ!“

А Богданъ?

Марылька отбросила головку, и, зажмуривши глаза, постаралась вызвать въ своемъ воображеньи статный и величественный образъ козака.

Высокій, „дужій“, съ гордой панской осанкой и пылкой душой!... На него-бъ опереться не страшно! Правда, онъ изъ козаковъ. Но что до того? Гетманъ, настоящій гетманъ! Орлиный носъ, усы черные, а глаза?... О, она помнитъ, какимъ темнымъ огнемъ загорались они, когда онъ глядѣлъ съ восторгомъ на нее! Сердце замирало, разумъ туманился отъ того горячаго взгляда, который пронзалъ ея сердце острою стрѣлой насквозь. А какъ подымалъ онъ ее на своихъ „дужихъ“ рукахъ, словно легкое перышко...

Мысли Марыльки оборвались, и она вся застыла въ какомъ-то сладкомъ, смутномъ воспоминаніи.

Но вдругъ головка ея сдѣлала рѣзкое движеніе, какъ бы желая стряхнуть съ себя обвѣявшій ее сладкій туманъ.

Только вѣдь это было прежде, а какъ онъ взглянетъ на нее теперь?

Синіе глаза Марыльки открылись снова и взглянули съ улыбкой въ зеркало.

Библиотека "Руниверс"

Положимъ, что дѣла призвали его въ Варшаву... но отчего они совпали какъ разъ съ ея письмомъ? А зачѣтъ онъ такъ вспыхнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, когда услыхалъ ея голосъ за дверью. Она вѣдь вскрикнула тогда нарочно и не отрывала отъ скважины глазъ. А отчего онъ весь растерялся, онъ, такой увѣренный и сильный, когда она бросилась къ нему на шею? Отчего онъ прижалъ ее такъ горячо, слишкомъ горячо для батька,—лукаво усмѣхнулась Марылька,—такъ, что она едва выскользнула изъ его рукъ? По лицу Марыльки скользнула снова самоувѣренная улыбка.

„Да, онъ бы могъ и умѣлъ бы любить. Но и тутъ... Охъ, какая-жъ моя горькая доля! Между нами—несокрушимая стѣна! У него жена... семья. Э, да что тутъ разсуждать! Нужно ввѣриться Пресвятой Дѣвѣ, Которая посылаетп его ей на помощь, и пользоваться случаемъ, чтобы вырваться изъ этой темноты!“

Все же она ему дорога... У него отзывчивое сердце, да и будущее еще никому неизвѣстно, а подъ козацкимъ широкимъ и мощнымъ крыломъ жить ей будетъ привольнѣй и веселѣй! Не разъ слыхала она среди магнатовъ его фамилію. Самъ канцлеръ нѣсколько разъ упоминалъ о немъ—говорилъ, что его ждетъ высокая доля... самъ король интересуется имъ. „А!—да что тамъ раздумывать! Хуже здѣшняго не будетъ! Лишь бы увидѣться съ нимъ, упросить, чтобъ вырвалъ меня отсюда.—О!—взглянула она съ гордой улыбкой въ зеркало,—татко Богданъ не откажется быть моимъ опекуномъ!“

Двери тихонько скрипнули, и въ комнату вошла молоденькая служанка съ хорошенькою мордочкой плутоватаго котенка.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она остановилась передъ Марылькой и какъ бы замерла въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ой, панно, какая пышная, гордая краля!—вскрикнула она, всплескивая руками,—когда бы мнѣ хоть половина вашей красы, я бъ не служницей, а пышною панной была!

— А вотъ, видишь, Зося,—вздохнула Марылька,—никто и не видитъ моей красы, такъ и увяну я въ этихъ скучныхъ мурахъ...

— Нѣтъ, кое-кто ее замѣтилъ,—усмѣхнулась лукаво Зося и приблизилась къ Марылькѣ.

Кто? кто?..

— Тотъ красивый козацкій панъ, что былъ у яснаго князя, пана канцлера.

— Ну, и что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Марылька.

— Встрѣтилъ меня у воротъ и разспрашивалъ о паннѣ.

— Ой, Зося, ласточка моя!—вскрикнула рѣзво Марылька, охватывая ея шею руками,—да если бы только удалось то, о чемъ

Библиотека "Руниверс"

моя думка, я бы взяла тебя съ собою, зажили-бъ мы не какъ „пріймачки“, а какъ вельможные паны!... Ну, и что-жъ?... Что ты сказала ему?

— Говорила, что панна скучаетъ, томится, ни съ кѣмъ не хочетъ видѣться.

— Зося! Разумница ты моя!—охватила Марылька снова ея шею руками,—ну, и что-жъ?... что онъ на это?...

— Червопецъ мнѣ далъ... и велѣлъ поредать паннѣ поклонъ.

— Ой! Радость моя! Счастье мое!—вспыхнула вся Марылька и зашептала горячимъ шепотомъ, оглядываясь поминутно на двери:— Когда бы мнѣ только увидѣться съ нимъ хоть на одинъ часокъ... только, чтобы не зналъ объ этомъ никто, кромѣ тебя! Ты не знаешь, Зося, какой онъ панъ важный! Я вѣрю, Зося, что у него высокій таланъ!... А если бы мнѣ только увидѣться съ нимъ, онъ взялъ бы меня съ собою, а я бы упросила панну канцлерову взять съ собой и тебя... Тамъ у него заживемъ какъ вельможныя панны,— золото у него сыпется изъ рукъ, какъ дождь съ неба... Только бы мнѣ удалось увидѣться съ нимъ!

Плутоватая рожица служанки приняла серьезное выраженіе. Ей самой уже надоѣло жить въ строгомъ и скупомъ домѣ пана короннаго канцлера, гдѣ и веселья никто не видалъ, гдѣ и пиры рѣдко бывали.

Здѣсь же у щедрой и не чванной Марыльки, да у такого вельможнаго пана, который даритъ за два слова червонцемъ, ей чулось и привольное житье, и немалая добыча, а потому-то она и отвѣтила, раздумывая:

— Оно бы хорошо и увидѣться... панъ не устоитъ противъ красы панянки... только гдѣ-же и какъ?

— А, любая моя, подумай... ты все можешь устроить,— обняла ее снова Марылька и, снявши со своей шеи намисто, поспѣшно обвила имъ шею Зоси.

— Это намисто тебѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайся... тебѣ, тебѣ! А какая ты въ немъ лялечка, посмотрись въ зеркало, Іосекъ съ ума сойдетъ, какъ увидитъ тебя! Да что я, бѣдная, не могу теперь ничего больше дать тебѣ, а если ты мнѣ это устроишь, вельможный панъ озолотитъ тебя!

— Вотъ что,—заговорила боязливымъ шепотомъ Зося, оглядываясь на дверь,—сегодня вечеромъ вельможное панство будетъ гулять на пиру у короля. Еслибъ панъ пришелъ вечеромъ сюда, въ замчище, черезъ браму, какъ будто по требованію князя, я бы ему сунула въ руки ключъ отъ потайной калитки, что ведетъ къ старой часовнѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Отлично, отлично, Зося,—едва не захлопала руками Марылька,—только какъ же пересказать ему.

— Да какъ?—повторила въ свою очередь и Зося.

Съ минуту обѣ дѣвушки напряженно молчали, но вдругъ Марылька вскрикнула радостнымъ голосомъ:

— Вспомнила, вспомнила, Зося,—сегодня онъ будетъ на пріемѣ у короля, панъ канцлеръ отправляется тоже туда съ нимъ. Если-бы ты, Зося, могла поболтать съ Іосекомъ у брамы, пока панъ рыцарь будетъ выходить со дворца?

— Я съ Іосекомъ,—надула капризно губки Зося,—въ ссорѣ, о чемъ съ нимъ говорить?.. Онъ такой скучный, ревнивый.

— А ты помирись, такъ онъ и растаетъ, тогда тебѣ удобно будетъ увидѣть пана и шепнуть ему обо всемъ.

— Да ужъ развѣ только для панны,—улыбнулась лукаво Зося.

— Ой, Зося! Такъ устроишь, устроишь, моя лялечка? И если мнѣ только удастся вырваться, вотъ тебѣ мое слово гонору... я возьму съ собой и тебя!

Еще нѣсколько мгновеній лукавая рожица служанки оставалась въ нерѣшительномъ замѣшательствѣ; очевидно, рискованность предпріятія смущала ее, наконецъ, заманчивая перспектива выгоды взяла верхъ и, тряхнувши головкою, Зося шепнула рѣшительно:

— Ну, постараюсь, и если Пресвятая Дѣва поможетъ, козацкій панъ будетъ сегодня у вашихъ ногъ.

День тянулся для Марыльки невыразимо долго. Казалось сборамъ и приборамъ панны Урсулы не будетъ конца. Все у ней не клеилось сегодня. И косы не укладывались вокругъ головы, и „сукня“ висѣла на худой и плоской фигурѣ, словно тряпка на палкѣ, и, главное, видя рядомъ съ собою въ зеркалѣ прелестное личико Марыльки, блѣдная, безцвѣтная Урсула приходила еще въ большее раздраженіе. Наконецъ-то все было готово, и вельможное панство двинулось на пышный пиръ короля.

Запершись въ своей свѣтличкѣ, Марылька занялась, наконецъ, и своимъ туалетомъ.

Распустивши пышные золотые волосы, она надушила ихъ дорогими восточными духами, и, свернувши въ небрежный узелъ, приколола ихъ слегка золотою шпилькой. Затѣмъ она набросила торопливо прозрачную турецкую ткань, взглянула въ зеркало и осталась довольна собой.

Волненіе придало ей еще какую-то особую прелесть: щеки ея поблѣднѣли, а расширившіеся зрачки дѣлали глаза глубокими и блестящими, почти черными.

Библиотека "Руниверс"

Часы глухо пробили на башнѣ королевскаго замка. Марылька закрыла поспѣшно лицо прозрачною фанзой и неслышно скользнула изъ комнаты въ корридоръ.

Въ темномъ поворотѣ корридора чья-то маленькая ручка сунула ей большой ключъ, и голосъ Зоси шепнулъ на ухо: „Идите смѣло, ни Іосека, ни стражи не будетъ у входа... Только не очень долго, а то вѣдь мнѣ и надоѣстъ болтать съ ними въ сторожкѣ до пѣтуховъ... Пану я устроила проходъ. Только-жъ, на Бога, возвращайтесь скорѣе... А то, если панство узнаетъ“...

Но Марылька уже не слыхала послѣднихъ словъ; сжавши въ похолодѣвшей рукѣ большой ключъ, она поспѣшно двинулась дальше, затаивъ дыханіе, словно беззвучная тѣнь.

При входѣ „сторожи“ не оказалось, и она проскользнула безпрепятственно въ королевскій садъ.

Часть его, которая примыкала къ дому, занимаемому паномъ канцлеромъ, была совершенно дика и заброшена.

Марылька шла легко и быстро, подвигаясь къ самому концу его, гдѣ внизу у замковой ограды въ зарослях сиреневыхъ кустовъ находилась и маленькая забытая часовня.

Ночь стояла тихая, звѣздная, теплая.

Все было спокойно въ переполненномъ ароматами воздухѣ, городъ спалъ въ темнотѣ. Только съ замковыхъ стѣнъ доносилось протяжно и глухо: „вар-туй!.. вар-туй!“ да издали со стороны королевскаго замка доносились временами волны веселой музыки. Стоя на нѣкоторой возвышенности, онъ казался теперь Марылькѣ какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Онъ весь горѣлъ огнями, и отъ этого остроконечныя башни и спицы его казались еще темнѣе.

Марылька бросилм въ его сторону полный ненависти и зависти взглядъ, стиснула крѣпко свои хорошенькія губки и быстро двинулась впередъ.

Въ глубинѣ сада, у самой замковой стѣны, она замѣтила маленькую часовеньку. Сердце ея забилось усиленно, когда она вложила большой ключъ въ замочную щель; съ трудомъ повернула она его и, толкнувши съ силою дверь, очутилась въ небольшой часовнѣ.

Двѣ большія иконы во весь ростъ человѣка подымались прямо противъ дверей. У распятія горѣла большая красная лампада и освѣщала всю внутренность часовни таинственнымъ и нѣжнымъ полумракомъ. Въ глубинѣ ея стоялъ черный бархатный аналой. Большая подъемная плита съ желѣзнымъ кольцомъ образовывала полъ.

Въ домѣ носился относительно этой часовни какой-то таинственный, романическій разсказъ. Но Марылька теперь не думала о немъ.

Библиотека "Руниверс"

— Придетъ или не придетъ?—вотъ что волновало ее и заставляло биться тревожно ея неробкое сердце. Зося говорила, что устроила ему проходъ сквозь потайную калитку, а что, какъ его замѣтили вартовые, а что, какъ его задержитъ что либо, а что, какъ онъ не захочетъ придти? Это послѣднее предположеніе возмущало всю душу Марыльки. Нѣтъ, нѣтъ,—шептала она,—онъ не забылъ своей Марыльки, онъ придетъ ко мнѣ, какъ и примчался по моему письму.

Такъ прошло полчаса въ тишинѣ и молчаніи, прерываемыхъ только иногда веселымъ взрывомъ скрипокъ, который доносился слабымъ отголоскомъ изъ королевскаго замка въ эту уединенную тишину.

Богдана не было.

Въ высокія, стрѣльчатыя окна часовни смотрѣло звѣздное небо, а сквозь полуоткрытыя двери вливался душистый лѣтній воздухъ. Волшебный замокъ сіялъ издали всѣми своими блистающими огнями...

Слухъ Марыльки до того обострился, что, казалось ей, слышенъ былъ трескъ самой отдаленной вѣтки, падающей въ саду. „О Боже, Боже... неужели не придетъ? Неужели забылъ?—шептала она, опускаясь на колѣни передъ темнымъ распятіемъ,—въ немъ все мое спасеніе; онъ одинъ только можетъ вырвать отсюда меня!“

Но потемнѣвшее распятіе глядѣло, казалось, съ холодною суровостью на молодую красавицу, расточавшую суетныя молитвы у его ногъ.

Вдругъ до слуха Марыльки явственно долетѣлъ шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей... такъ, такъ... еще и еще... шаги! шаги!

Чуть не вскрикнула Марылька, чувствуя, какъ сердце ея замерло на мгновеніе, а потомъ снова забилось горячо и поспѣшно съ неудержимою быстротой.

Однимъ движеніемъ руки она сбросила съ плечъ свое бѣлое покрывало, заложивши руки, сложила ихъ на аналоѣ и опустила на нихъ свою золотистую головку.

Шаги приближались. Теперь она могла уже явственно различать ихъ. Вотъ кто-то остановился въ дверяхъ.

— Любуется, любуется...—пронеслось въ головѣ Марыльки, и она застыла еще неподвижнѣе въ позѣ молящагося ангела.

А въ дверяхъ уже дѣйствительно стояла высокая и статная фигура Богдана.

Заступивши собою весь свѣтъ, проникавшій въ двери, онъ казался какимъ-то могучимъ, темнымъ силуэтомъ и только драгоцѣнное оружіе, парча и камни тускло блистали на немъ при слабомъ свѣтѣ лампады.

Библиотека "Руниверс"

Передъ нимъ, въ глубинѣ часовни, стояла на колѣняхъ Марылька, склонившись на аналой своей усталой головкой. Во всей ея позѣ было столько трогательной простоты и грусти, что Богданъ почувствовалъ снова приливъ необычайной нѣжности къ этому слабому, одинокому существу.

„Голубка моя, дожидалась меня!.. Забылась... или заснула въ молитвѣ... не слышитъ, что я уже тутъ",—пронеслось у него въ головѣ. Вдругъ онъ услышалъ тихій стонъ Марылькн, вырвавшійся съ глубокою болью изъ ея груди.

— Марылька!—вскрикнулъ Богданъ и бросился впередъ. Въ одно мгновеніе поднялась Марылька съ мѣста.

Сначала лицо ея изобразило ужасъ, а потомъ все вспыхнуло искреннею дѣтскою радстью и съ подавленнымъ возгласомъ: тату!— бросилась она къ Богдану.

Не успѣлъ опомниться Богданъ, какъ двѣ гибкія, полуобнаженныя руки крѣпко обвились вокругъ его шеи и что-то нѣжное, молодое, благоухающее прижалось къ его груди.

— Дытыно моя, „зирочка" моя, рыбка моя,—шепталъ онъ порывисто, проводя ласковою рукой по ея плечамъ и спинѣ,—да посмотри-жъ на меня, или ты не хочешь и видѣть своего татуся?

Но Марылька ничего не отвѣчала, а только еще горячѣе прижалась къ Богдану, и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ все ея стройное тѣло начало нервно вздрагивать у него на груди.

— Марылька, Марысю, ты плачешь?—вскрикнулъ онъ, отрывая ее отъ себя и стараясь заглянуть ей въ лицо; но Марылька поспѣшно закрыла его вуалемъ и, опустившись на скамью, прошептала тихо:

— Нѣтъ, я не плачу, не плачу, я такая дурная, глупая, я такъ обрадовалась татусю,—добавила она совсѣмъ тихо, улыбаясь виновато изъ подъ легкой фанзы.

— Рада, рада? Такъ ты не забыла своего тата? Скучала?

— Ахъ, къ чему спрашивать,—опустила печально головку Марылька,—вѣдь тату это все равно: четыре года я не получала отъ него ни вѣсточки, четыре года встрѣчала день Божій слезой, а ночь—обманутой горькой надеждою.

— Дитятко мое!—сжалъ ея тонкую и нѣжную руку Богданъ,— неужели я тебя могъ опечалить? Вѣдь я же тебѣ писалъ не разъ и отдѣльно, и въ „листахъ" къ Оссолинскому.

Марылька слегка покраснѣла.

— Ничего, ничего не получала—заговорила она поспѣшно, закрывая лицо руками и замотала головкой,—разъ только передалъ мнѣ князь отъ пана сухой поклонъ.

Библиотека "Руниверс"

— Не понимаю, почему это и какъ,—развелъ руками Богданъ,—а я самъ оскорбленъ былъ твоимъ равнодушіемъ, твоимъ молчаніемъ. Думки были, что посланная Богомъ мнѣ донька, попавши въ магнатскую семью, опьянѣла отъ роскоши и утѣхъ, да сразу и выкинула изъ головки какого-то козака.

— Ахъ, тато, тато! Какъ тебѣ не грѣхъ такъ обо мнѣ думать?—всплеснула руками Марылька.—Мнѣ только и радости было, чтобы быть съ татомъ, сжиться съ нимъ, дѣлить вмѣстѣ и радости, и горе. Вѣдь мою семью Господь смелъ, вѣдь сирота я на бѣломъ свѣтѣ, а меня тато вырвалъ у смерти и бросилъ на чужія, холодныя руки.

— Бросилъ? Я думалъ, что тебѣ здѣсь лучше будетъ, чѣмъ со мной... что панъ канцлеръ выхлопочетъ у Чарнецкаго твои „маетки“...

— Можетъ, пану тату „маетки“—высшее счастье въ мірѣ, а Марылькѣ...—Марылька остановилась, губы ея задрожали, и она окончила со слезами,—если-бы ее любилъ хоть кто-нибудь на землѣ...

— Бѣдная, бѣдная моя,—проговорилъ съ чувствомъ Богданъ,—такъ тебѣ нехорошо живется у пана канцлера?

— О тату, тату!—вскрикнула съ горечью Марылька,—лучше-бъ мнѣ было въ турецкой неволѣ, чѣмъ здѣсь!

Марылька начала разсказывать Богдану о томъ, какъ она мучилась, сколько она выстрадала за эти четыре года, какъ она молила Бога, чтобы Господь взялъ ее, одинокую, забытую, къ Себѣ. Голосъ ея звучалъ то печально и тихо, когда она говорила о своихъ долгихъ страданіяхъ, то проникался необычайною нѣжностью, когда она вспомнила о томъ, какъ въ долгія, безсонныя ночи думала о своемъ любомъ татѣ Богданѣ и о тѣхъ недолгихъ, счастливыхъ дняхъ, которые она провела вмѣстѣ съ нимъ. Глаза ея то вспыхивали огнемъ, то снова глядѣли на него грустно и печально. Она придвинулась къ нему такъ близко, что ея горячее, порывистое дыханіе обдавало все его лицо... И отъ этой близости прелестнаго молодого созданія, и отъ этого нѣжнаго полумрака, наполнявшаго часовню, и отъ нѣвучихъ отголосковъ музыки, долетавшихъ тихою волной, и отъ чарующаго аромата, наполнявшаго все существо Марыльки,—Богданъ чувствовалъ, какъ кровь приливала къ его сердцу, къ вискамъ, какъ туманилось сознаніе, какъ все выскальзывало изъ его памяти, кромѣ этого дивнаго существа, такъ довѣрчиво льнущаго къ нему. Сегодняшній пріемъ у короля придалъ ему еще больше силы и отваги; гордость и увѣренность переполняли его сердце... Жажда жизни заставляла его биться энергичнѣе и сильнѣе. И ко всему—Марылька... Марылька, являвшаяся ему только

Библиотека "Руниверс"

во снѣ, только въ мечтахъ, какъ мимолетное видѣнье... здѣсь... близко, рядомъ съ нимъ... шепчущая ему нѣжныя слова... склоняющаяся своею душистою головкой къ нему на плечо. Все это опьяняло Богдана и вызывало горячую краску на его красивое, гордое лицо. Отъ взгляда Марыльки не ускользало волненіе козака.

— Ахъ, тату мой, тату мой!—продолжала она еще мягче, еще нѣжнѣе,—всѣ они на меня... и все изъ-за панны Урсулы... говорятъ, что меня нельзя выпускать вмѣстѣ съ нею, потому что все панство засматривается на мою красу... Ахъ, на что мнѣ, на что мнѣ эта краса, и любоваться ею некому, и одно горе мнѣ отъ нея! Ой, тату, тату, какъ надоѣло мнѣ все это чванное панство, всѣ вельможи, всѣ пиры! Ничего-бъ я больше и не хотѣла, какъ жить въ маленькой хаточкѣ, въ вишневомъ садикѣ, въ далекомъ хуторкѣ... Замучилась я тутъ, затосковалась... Нѣтъ, тату, у этого вельможнаго панства ни сердца, ни души.

— Радость моя, горличка! А я думалъ про тебя совсѣмъ иное!—вскрикнулъ горячо Богданъ.

— Что же? Тато меня не знаетъ, а здѣсь, охъ, какъ тяжко, „невымовно“,—вздохнула Марылька и уронила руки на колѣни.— Я хотѣла просить тата вырвать меня отсюда, взять къ себѣ, если... нѣтъ не ждать ужъ мнѣ счастья, лучше умереть!

— Зирочко моя! Богъ съ тобою, какія думки!—прижалъ ея головку Богданъ къ своей широкой груди и поцѣловалъ золотистыя пряди,—да если моей дытыночкѣ не скучно ѣхать къ намъ на тихіе хутора, такъ это же счастье для меня, великое счастье!...

А Марылька продолжала еще болѣе тихо и мягко, прижимаясь къ его груди головою, словно искала у него оплота и защиты.

— Каждая птичка имѣетъ своего защитника, каждый цвѣточекъ ростетъ на родномъ стебелькѣ, одна я не имѣю ни воли, ни доли, сохну и вяну въ этихъ мурахъ. Охъ, на что спасалъ меня тато на турецкой галерѣ? Лучше бы мнѣ умереть тогда сразу съ думкой о немъ... Только вѣдь мнѣ, все равно, не жить долго, если останусь я здѣсь еще,—руки наложу на себя!

— Не останешься ты больше,—перебилъ ее Богданъ,—я возьму тебя съ собою, я попрошу пана канцлера, короля попрошу, они мнѣ теперь не откажутъ,—въ голосѣ Богдана послышалась увѣренность и гордость.—Не будешь ты больше знать ни слезъ, ни горя, какъ дитя родное приму я тебя. Только какъ покажется тебѣ послѣ вельможнопанскихъ покоевъ мой простой козацкій домъ?

— Раемъ!—вскрикнула восторженно Марылька, а потомъ вдругъ прибавила печально,—только что же это я, а какъ еще вельможная пани приметъ меня, можетъ, и не захочетъ? Я, глупенькая, о себѣ только и думала, а вѣдь въ семьѣ главное „пани-господыня“...

Библиотека "Руниверс"

— Ты про жену, Марылько? Квиточко,—началъ смущенно и какъ то неловко Богданъ,—она бы рада была, она бы полюбила тебя, если бы была жива...

— Пани умерла?—вскрикнула Марылька, едва сдерживая захватывающій дыханіе восторгъ и, спохватившись, притихла, постаралась придать и лицу, и голосу выраженіе страшнаго горя.

— Еще не умерла,—поникъ печально головою Богданъ,—но уже совершенный трупъ. Она десять лѣтъ не вставала съ постели, а теперь уже не знаю, застану-ли я ее? Страдалица она, впрочемъ, только и молилась Богу, чтобъ поскорѣе принялъ ее къ Себѣ. Мы всѣ привыкли уже къ этому горю и не смѣемъ на Бога роптать.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный тато!—заломила руки Марылька,—мнѣ теперь еще больше... Впрочемъ, что же могу я, бѣдная?... Охъ, какъ бы я желала утѣшить пана, помочь несчастной пани!—вскрикнула она, и въ ея голосѣ прозвучали искреннія, теплыя ноты, подогрѣтыя такою неожиданною для нея радостью.

— Ангелъ небесный!—прижалъ ее къ сердцу Богданъ,—такъ и лети-жъ къ намъ на утѣшеніе, а мы защитимъ тебя „щирымъ“ сердцемъ.

Наступило молчаніе. Марылька, словно потрясенная горемъ, сидѣла грустно, склонивши головку. Богданъ молча любовался ею.

— Ну, открой же свои ясныя очеиьки, дай мнѣ посмотрѣть на тебя,—обратился онъ, наконецъ, къ ней ласково.

Марылька молчала, опустивши глаза. Стрѣльчатыя рѣсницы бросали вокругъ нихъ темную тѣнь; казалось, нѣсколько мгновеній она еще не рѣшалась поднять на Богдана очей. Но вдругъ длинныя рѣсницы ея тихо вздрогнули, медленно поднялись, и Богдана обдало цѣлымъ моремъ синихъ теплыхъ лучей.

— Ахъ, какая ты стала, Марылька!—невольно отшатнулся онъ, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ.

— Какая-жъ?—усмѣхнулась Марылька по дѣтски, кладя свои руки сверхъ Богдановыхъ рукъ.

— Пышная, гарная, краля, королева!—вырвалось у Богдана слишкомъ пылко.

Марылька почувствовала, какъ сердце ея забилось горячѣй и сильнѣй, а на душѣ стало ясно и покойно.

— Тату до вподобы, и Марылька рада,—проговорила она игривымъ дѣтскимъ голосомъ; въ глазахъ ея вспыхнулъ лукавый, кокетливый огонекъ, углы рта задрожали, и все лицо освѣтилось вдругъ сверкающею, обворожительною улыбкой. Марылька преобразилась. Въ одно мгновеніе грусть и раздумье слетѣли съ ея дивнаго личика: передъ Богданомъ сидѣла молодая, прелестная кокетка, чувствующая и сознающая силу своей красоты...

Библиотека "Руниверс"

— Зиронька ясная!—прошепталъ Богданъ, сжимая ея руки въ своихъ.—Ну, скажи-жъ мнѣ още разъ, скучала-ль ты за татомъ, вспоминала-ль его хоть разокъ?

Марылька нагнула голову и, бросивши на Богдана лукавый взглядъ изъ-подъ соболиныхъ бровей, проговорила съ разстановкой:

— А тато думаетъ какъ?

И отъ этого лукаваго взгляда, и отъ ея звонкаго, дѣтскаго голоска Богдану сдѣлалось вдругъ такъ легко и весело, словно съ плечъ его свалилось двадцать лѣтъ.

— Не знаю,—усмѣхнулся онъ ей также молодцовато,—кто можетъ поручиться за дѣвичью головку?

— А я-жъ тату уже разъ сказала.

— Мало, мало, моя ласточка!

— Ну, такъ вотъ же,—вскрикнула Марылька, обвивая его шею руками,—скучала, скучала, скучала, таточку мой, любый, коханый, о тебѣ одномъ только и думала, тебя только и ждала!..

XXIX

Уже съ часъ добрый сидитъ Богданъ въ кабинетѣ великаго коронаго канцлера и ведетъ съ нимъ бесѣду. Оссолинскій широковѣщательно, хотя и осторожно, рисуетъ Хмельницкому будущіе планы войны, разспрашиваетъ о возможныхъ путяхъ движенія татаръ, совѣтуется объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ пунктовъ, а главнымъ образомъ выѣдываетъ искусными затемнѣніями рѣчи, неожиданными обращеніями, ловкими сопоставленіями про настроеніе козачьихъ умовъ, а найпаче шляхетскихъ: Оссолинскому, видимо, хочется, между прочимъ, выпытать незамѣтно и про себя, не подозрѣваетъ-ли его въ козняхъ шляхетство и не задумываетъ-ли чѣмъ вродить?

Богданъ слушаетъ плавно льющуюся рѣчь Оссолинскаго, отвѣчаетъ ему машинально, а мысли его не здѣсь: онѣ разметались по неизвѣстнымъ ему покоямъ вельможи и ищутъ дорогого образа, и льнутъ къ нему, какъ бабочки къ солнечному лучу. Прислушивается Богданъ, не долетитъ-ли сюда знакомый, мелодическій голосъ, не скрипнетъ-ли дверь, не зашелеститъ-ли глазетный кунтушъ, но вездѣ тихо, методически лишь звучитъ мѣрная рѣчь, словно переливается по камнямъ ручей.

Богданъ ощущаетъ, какъ горячая волна то поднимется къ вискамъ и зажжетъ его щеки румянцемъ, то прихлынетъ къ груди и разольется по ней майскимъ тепломъ, то защекочетъ сладостно въ сердцѣ; онъ чувствуетъ, что каждый фибръ въ немъ дрожитъ и звучитъ, подъ дыханіемъ радости, какъ звучитъ эолова арфа подъ

Библиотека "Руниверс"

дыханіемъ вѣтра, и не можетъ онъ заставить себя оторваться отъ этихъ сладостныхъ впечатлѣній: они опьянили его со вчерашняго свиданія съ Марылькой, отогнали отъ глазъ его сонъ, затуманили высокое чувство, навѣянное ему королемъ, и теперь не даютъ собрать разсѣянныхъ мыслей.

А Оссолинскій ведетъ рѣчь объ осторожностяхъ, какими нужно окружить это великое дѣло; онъ совѣтуетъ даже не объявлять козакамъ привилегій до разрѣшенія предстоящаго сейма, такъ какъ слухъ о нихъ можетъ взбудоражить шляхетство и повредить въ вопросахъ вооруженія, собиранія войскъ и войны.

— А послѣ, когда вопросы эти будутъ утверждены,—забарабанилъ онъ пальцами по столу,—тогда не только оглашайте козакамъ эти „привилеи“, а говорите смѣло, что при вѣрной ихъ службѣ своему королю, они заполучатъ еще гораздо большія...

— О, ясный княже,—замѣтилъ Богданъ,—да съ нами вы всѣхъ сокрушите и создадите единую власть, а она одна лишь сможетъ поднять и правду, и силу, и славу... Но, вотъ, относительно „привилеевъ“, такъ тяжело скрывать отъ обиженныхъ такую милость и радость, но если это необходимо pro bono publico... (для общественнаго блага),—остановился онъ, подавленный назойливою мыслью.—„Нужно переговорить непремѣнно съ нимъ про Марыльку, она такъ просила... Я поклялся отцу ея... ей... Нужно прямо сказать, только бы улучить минуту... а время идетъ“... Да, такъ, если это необходимо,—спохватился онъ,—то все же слѣдуетъ сообщить хотя вѣрнѣйшимъ изъ старшины: они не выдадутъ тайны, а ободрятся и ободрятъ другихъ“.

— Да, пожалуй,—протянулъ неувѣренно Оссолинскій.—Но во всякомъ случаѣ... Сеймъ будетъ черезъ три, четыре мѣсяца,.. при томъ же, тутъ взаимные интересы... Хотя все таки скрытое дѣло—половина побѣды... Придется много поднять... нужно усилій и твердости, зоркаго глаза,—какъ бы про себя произносилъ онъ отрывочно, жмуря глаза.

А Богданъ въ это время рѣшалъ мучительный, неотвязный вопросъ: отпуститъ-ли къ нему въ семью Оссолинскій Марыльку, или удержитъ ее какъ corpus delicti (фактъ преступленія) Чарнецкаго, для новыхъ попытокъ возвратить похищенное имъ наслѣдство? Марылька вѣдь говорила, что онъ эту мысль бросилъ, что оказалось ему не подъ силу тягаться съ Чарнецкимъ... „Ну, и слава Богу,—это мое счастье... У меня спрятана записочка батька ея про кладъ, быть можетъ, когда и найдемъ... Э, да что это все передъ Марылькой? Она сама дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ: какъ расцвѣла, какая невиданная краса!... Просилась, говоритъ, что тоско-

Библиотека "Руниверс"

вала по мнѣ. Господи! Да неужели же? Нѣтъ, не то, не то!... Она любитъ меня, какъ отца, какъ покровителя, а я ее?... Охъ, избави насъ отъ лукаваго и омой мою душу исповомъ... и я ее, какъ отецъ... да и какъ не любить этого ангела?... Покойнику вѣдь поклялся и любить, и лелѣять, и защищать ее отъ напастей... А если не отпуститъ и снова придется разстаться, и разстаться, быть можетъ, на вѣки?... Такъ что же?"—попробовалъ было возразить себѣ Богданъ, но сердце его сжалось томительной тоской.

— Да,—произнесъ рѣшительно Оссолинскій, ударивши рукою по столу,—нужно будетъ съѣздить самому и къ императорамъ, переговорить и съ Мазарини, да и Швецію какъ нибудь успокоить. Знаешь что, пане-писаре генеральный, не поѣдемъ ли мы вмѣстѣ въ чужіе края? Ты вѣдь тамъ бывалъ и мнѣ можешь быть въ помощь.

Богданъ вздрогнулъ съ головы до ногъ и не нашелся сразу, что отвѣтить: словно громъ, поразили его эти слова; они безжалостно, сразу обрѣзывали ему всѣ надежды вырвать отсюда Марыльку, увезти въ свою семью, видѣть ее ежедневно, слышать ея серебристый смѣхъ и обаятельно ласковый голосъ, ловить улыбку. Да, со вчерашняго дня онъ уже свыкся съ этою мечтой, пригрѣлъ ее у самаго сердца— и вдругъ, въ далекія страны, за моря, за горы и на какое время? А что станется безъ него здѣсь? Нѣтъ, это возмутительное предложеніе, непомѣрная жертва и для чего? Для прихоти вельможной, чтобъ его бѣсъ на рога поднялъ!—мелькало у него раскаленными иглами въ головѣ.

— Простите, ясный княже,—овладѣлъ, наконецъ, собою Богданъ,—я такъ взволнованъ этимъ лестнымъ для меня предложеніемъ, что не нахожу словъ благодарности... ѣхать съ княжьей милостью... быть полезнымъ... да отъ этакой чести голова закружится...

— Спасибо, пане писарь,—оживился и повеселѣлъ Оссолинскій,— такъ у меня выходитъ будетъ въ дорогѣ отмѣнный товарищъ... Мы, значитъ, такъ и распорядимся.

— Только вотъ, кому бы поручить, понаблюсти за козаками въ Украйнѣ,—раздумчиво замѣтилъ Богданъ,—время то опасное... чтобы передъ сеймомъ не выкинули штуки?

— Неужели же ихъ не образумитъ Барабашъ?

— Э, княже, куда ему! Онъ въ общихъ войсковыхъ „справахъ" прекрасно распорядится, и порохъ нюхалъ не разъ.. но съ „палыводами" онъ не знается... а они то, при скукѣ, и первые зачинщики „жартовъ"...

— Досадно,—пробурчалъ Оссолинскій, заходивъ по кабинету,— а можетъ быть, панъ знаетъ кого, кто имѣлъ бы тамъ вліяніе?

Библиотека "Руниверс"

— Знаю то я много и разумныхъ головъ, и рыцарей удалыхъ,—улыбнулся Богданъ,—да всѣ то они чертовски „завзяты“, именно тѣ „палыводы“, что въ самое пекло полѣзутъ и бѣса за хвостъ вытащатъ... А, чтобъ они смирно сѣди, какъ бабы за прялку, то врядъ ли!... Меня то до поры, до времени кое-какъ слушали... а вотъ только что выѣхалъ—и догналъ меня слухъ въ дорогѣ, будто кто-то затѣваетъ новый бунтъ.

— Ой, ой!—даже закрылъ уши канцлеръ,—да вѣдь это поднимается цѣлая буря!

— Знаю, ясный княже,—оттого-то меня такъ это все и тревожитъ... положимъ, не безъ того, что и прибрехали,—успокоилъ немного Хмельницкій,—а все-таки, какая-либо пакость да есть...

— Такъ тебѣ, пане, никакъ нельзя ѣхать со мной... тебѣ нужно тамъ быть и употребить всѣ усилія, чтобы воздержать ихъ отъ безчинствъ: это особенно важно передъ сеймомъ... Боже, какъ важно!—заволновался панъ-канцлеръ.—Если будетъ хоть какой-либо поводъ отъ нихъ къ негодованію, подозрѣніе падетъ на насъ, что мы потворствуемъ, и провалятся всѣ наши начинанія... И будетъ ли черезъ выходки этихъ нетерпѣливыхъ безумцевъ желанный исходъ? Вѣдь только конецъ дѣло вѣнчаетъ!

— О, какъ справедливы слова вашей княжьей милости,—отозвался сочувственно Богданъ,—какъ ни жестока ко мнѣ судьба относительно почестей, какъ ни надѣляетъ она взамѣнъ большой радости—тревогами, опасностями, борьбой,—но передъ долгомъ я не смѣю роптать,—вздохнулъ глубоко Богданъ, боясь, чтобы не выдала его дрожавшая внутри радость...

— Нѣтъ, нѣтъ... что дѣлать!—тревожился болѣе и болѣе канцлеръ,—нужно возвращаться домой и найскорѣе... необходимо употребить всѣ усилія, чтобы козаки притихли, притаились, умерли, чтобы можно было приписать ихъ полное смиреніе нашей маленькой ласкѣ... А если случилась какая пакость, то отнести ее къ прежнимъ порядкамъ... Да! Нужно поспѣшить, дать мнѣ обо всемъ знать, а то я и самъ пріѣду, отбывши сеймъ, непремѣнно пріѣду.

— Осчастливитъ ясный князь всѣхъ и меня въ особенности, а если его княжья мосць посѣтитъ еще мою скромную хату, то эта честь будетъ для меня найвышей наградой...

— Непремѣнно, непремѣнно,—улыбнулся привѣтливо канцлеръ,—я прямо къ пану, въ твой знаменитый, слыхали, Субботовъ.

— Нѣмѣю отъ восторга,—прижалъ къ груди руку Богданъ,—вотъ и награда за огорченіе, а я еще роптalъ на судьбу! Значитъ, только молиться Господу Силъ о ниспосланіи намъ святой ласки.

Библиотека "Руниверс"

— Его Панская воля!—поднялъ набожно глаза Оссолинскій.

„Фу, гора съ плечъ!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а то чуть было все не пропало,—думалъ онъ,—теперь, кажись, стрѣла пролетѣла мимо. Можно и про Марыльку спросить“.

— А что, ясный княже,—началъ неувѣренно Хмельницкій,—какъ поживаетъ спасенная мною панна?—Богданъ усиливался придать равнодушный, небрежный тонъ голосу, но это не выходило.—Я вотъ за хлопотами всякими забылъ освѣдомиться... а лѣтъ пять, почитай, не видѣлъ...

— Панъ про Марыльку спрашиваетъ?—словно очнулся канцлеръ,—что-жъ, ничего... поживаетъ... выросла, похорошѣла, всѣхъ плѣняетъ... Но ея красота идетъ, кажется, въ разрѣзъ съ качествами души, отуманиваетъ ее: все чѣмъ-то недовольна панна... работать совсѣмъ не желаетъ... хочется ей изъ Варшавы... Полагаю, что ее гложетъ зависть къ положенію другихъ... жажда къ пышному „малжонству“, чтобы splendere et imperare (блистать и повелѣвать), а такого-то бѣдной дѣвушкѣ не найти—вотъ и раздраженіе и недовольство...

— Неужели эту юную головку обуялъ змѣй честолюбія?—усомнился въ обидныхъ предположеніяхъ княжьихъ Богданъ,—быть можетъ, сиротливое сердце ищетъ просто „щирой“ любви?

— Возможно... только въ нашемъ домѣ она была, какъ равная, какъ шляхтянка... Правда, ей, бѣдняжкѣ, все неудачи... Да, къ свѣдѣнію, и наслѣдство ея совершенно ускользнуло—и вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ и защиты законовъ „баниты“, и вслѣдствіе права перваго захвата, и, наконецъ, вслѣдствіе того, что этого волка Чарнецкаго можно заставить возвратить награбленное лишь силою... вооруженной рукой... Таковы-то порядки въ этой пресловутой Рѣчи-Посполитой!

— Я такъ и думалъ,—печально замѣтилъ Богданъ.

— Ну, такъ вотъ и это обстоятельство ее гнететъ,—продолжалъ канцлеръ, высморкавшись съ достоинствомъ, громко и напоивъ воздухъ ароматомъ своего платка,—однимъ словомъ, она куда-то стремится... вспоминаетъ пана...

— Бѣдняжка,—вспыхнулъ Богданъ,—я далъ клятву умирающему отцу, что приму и воспитаю его дочь, какъ родное свое дитя, сдѣлаю сонаслѣдницей моего скромнаго состоянія... Оттого, быть можетъ, она...

— Это съ панской стороны высокій, шляхетный поступокъ... и если эта сиротка семьи его не стѣснитъ...

— Никогда на свѣтѣ!

Библиотека "Руниверс"

— Да,—протянулъ канцлеръ, пристально взглянувъ на Богдана,—это значитъ можетъ уладить нѣкоторое...—канцлеръ подъискивалъ слово—нѣкоторое недоразумѣніе... Видишь-ли, пане, Урсула, моя дочь, недавно просватана за сына гетмана Калиновскаго Самуила...

— Привѣтствую вашу княжью милость,—поторопился встать и низко поклониться Богданъ,—съ этою семейною радостью. Дай Богъ, чтобъ имъ сіяло вѣчное солнце безъ тучъ и безъ бурь.

— Спасибо, пане-писаре,—протянулъ руку канцлеръ,—такъ вотъ, когда Господь благословитъ и исполнится этотъ союзъ, то Марылька, дѣйствительно, останется здѣсь одна еще на большую тоску и уныніе...

Каждое слово Оссолинскаго ложилось благовоннымъ елеемъ на душу Богдана; въ порывахъ сердечныхъ восторговъ онъ мысленно шепталъ какія-то отрывочныя фразы молитвъ, ровно-бы въ давніе юные годы, стоя на экзаменѣ передъ строгими патерами. „Господи помоги!... Впуши ему... не отринь отъ меня этого счастья!“

— Не отпуститъ-ли князь Марыльку ко мнѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Богданъ.—Клянусь, что она займетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто, наравнѣ съ моими дѣтьми, что вся семья моя почтетъ за соизволеніе Бога...

— Я вполнѣ пану вѣрю,—прервалъ его, видимо довольный этимъ предложеніемъ канцлеръ, хотя и постарался придать своимъ словамъ болѣе небрежный тонъ. Панна теперь стѣсняла его и служила часто предметомъ укоровъ со стороны пани канцлеровой.—И отецъ ея, поручивъ дочь свою пану, такъ сказать, указалъ единственно въ тебѣ ей покровителя, да и веселѣе ей тамъ будетъ... Но мы такъ привыкли, такъ привязались къ этому милому дитятку, особенно жена и Урсула... просто души въ ней не чаятъ... намъ тяжело будетъ съ нею разстаться, но если она сама пожелаетъ къ пану, то мы, конечно, „eo ipso“... должны поступиться своими утѣхами, ради ея счастья... Во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исключительно ей.

— Желательно бы знать,—нерѣшительно заявилъ Богданъ, чувствуя, что у него хочетъ выпрыгнуть изъ груди, отъ охватившей его радости, сердце,—такъ какъ его княжья мосць торопитъ меня выѣздомъ...

— Да, да,—засуетился Оссолинскій,—такъ это можно сейчасъ,—всталъ онъ и остановился противъ Богдана.—Панъ еще не видѣлъ своего пріемыша?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ было Богданъ, но, вспомнивъ, что могъ кто-либо видѣть его здѣсь или въ саду, вмѣстѣ съ Марылькой, а

Библиотека "Руниверс"

то и она сама могла сознаться,—смутился и началъ неловко поправляться,—т. е. видѣлъ случайно, вскользь, выходя изъ дворца.

— Такъ вотъ лучше что,—потеръ руки канцлеръ,—панъ не откажется „поснѣдать“ вмѣстѣ съ моею семьей, выпить „келехъ“ бургунскаго, присланнаго мнѣ въ подарокъ отъ его эминенціи Мазарини. Семья моя будетъ только одна. Панъ тамъ увидится съ своею названною дочкой,—тамъ и столкуемся.

— Много чести,—поклонился Богданъ,—не знаю, какъ и благодарить.

— Пойдемъ, пойдемъ, любый пане,—взялъ слегка подъ руку Богдана Оссолинскій и отворилъ боковую дверь.

Пройдя черезъ амфиладу роскошныхъ покоевъ, ввелъ Оссолинскій Богдана въ столовую, отдѣланную орѣхомъ и дубомъ, и увѣшанную кабаньими, турьими и оленьими головами; направо отъ входныхъ дверей громоздился до самаго потолка чудовищный изразцовый каминъ, украшенный вверху рядомъ синихъ фарфоровыхъ фигуръ, а налѣво, напротивъ, стоялъ огромнѣйшій краснаго дерева буфетъ, изукрашенный рѣзными барельефами и наполненный золотою и серебряною посудой.

Въ столовой сидѣли уже за столомъ ясноосвѣцоная жена канцлера, княгиня Каролина, ея дочь, безцвѣтная блондинка Урсула, и Марылька; послѣдня, замѣтивъ входящаго Хмельницкаго, вспыхнула до корня волосъ и быстро подошла къ буфету, словно желая отыскать что-то, да и прикрылась дверкой, какъ щитомъ...

Оссолинскій представилъ женѣ своей Богдана; та свысока поклонилась и произнесла сквозь зубы:—„Привѣтствую пана.“

— Падаю до ногъ ясноосвѣцоной княгини,—отвѣсилъ Богданъ глубокій, почтительный поклонъ.

Урсула окинула козака высокомѣрнымъ взглядомъ, наклонила завитую, съ претензіей зачесанную голову и процѣдила:—„Пусть панъ сядетъ“.

— Ваше милостивое вниманіе, ясная княжна, вызываетъ въ моемъ козачьемъ сердцѣ порывы благодарности: въ прекрасномъ тѣлѣ душа всегда прекрасна.

Марылька быстро оглянулась на Богдана и снова закрылась дверкой буфета.

— Панъ слишкомъ щедръ на похвалы,—отвѣтила съ кислою улыбкой Урсула,—но я ихъ не могу принять на свой счетъ.

— Однако, я не знала, что козацкіе рыцари такъ же хорошо владѣютъ словомъ, какъ и мечемъ,—снисходительно удивилась княгиня.

Библиотека "Руниверс"

— Красота, ваша княжья мосць,— отвѣтилъ элегантно Богданъ,—дѣлаетъ чудеса и Марсъ слагалъ гимны Кипридѣ.

И мать, и дочь переглянулись, наградивъ козака одобрительною, теплою улыбкой.

— Да онъ всѣхъ здѣшнихъ рыцарей за поясъ заткнетъ... какъ величественъ, элегантенъ... Гетманъ, гетманъ... король!— шептала Марылька, смотря украдкой черезъ щель дверки на Хмельницкаго.

— Виватъ!—воскликнулъ Оссолинскій,—его мосць, выходитъ, такъ же опасенъ и въ салонѣ, какъ и на полѣ битвы... А гдѣ же Марылька?—взглянулъ онъ вокругъ.—А, вонъ гдѣ!

Дѣвушка опустила голову еще ниже, и у нея отъ смущенія блеснули на длинныхъ рѣсницахъ двѣ непослушныхъ слезинки.

— Полно, „ясечка“, не смущайся,—взялъ ее за подбородокъ канцлеръ,—подойди къ его мосци, поздоровайся съ нимъ родственно, какъ со своимъ покровителемъ, вѣдь онъ и до сихъ поръ о тебѣ, сироткѣ, заботится, какъ о родной дочкѣ,—и, взявъ ее за руку, канцлеръ подвелъ къ Хмельницкому, что стоялъ словно на раскаленномъ полу.

Марылька остановилась передъ нимъ смущенная, съ потупленными очами, осѣненными стрѣлами влажныхъ рѣсницъ.

— Здравствуй, ясная панна, ввѣренная мнѣ Богомъ!—промолвилъ Богданъ радостно и привѣтливо.—Какъ ся маешь, какъ поживаешь?

Марылька взглянула на него темною лазурью своихъ чарующихъ глазъ, а въ нихъ сверкнула и теплая признательность, и безконечная нѣга; Богданъ, чтобы скрыть искрившійся въ его глазахъ восторгъ, опустилъ теперь тоже рѣсницы.

— Привѣтствую посланнаго мнѣ Богомъ спасителя,—пропѣла, наконецъ, вкрадчивымъ, мелодическимъ голосомъ панночка,—я счастлива, что привелъ Господь мнѣ снова увидѣть моего покровителя, которому покойный отецъ поручилъ свою сироту...—опустила она снова глаза, блеснувшіе влагой.

— Да развѣ такъ спасителя и благодѣтеля привѣтствуютъ?— отозвалась, хотя и мягко, но съ оттѣнкомъ насмѣшливой надменности, княгиня,—къ отцу подходятъ къ рукѣ.

Марылька сдѣлала движеніе, но Богданъ предупредилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... я, по праву моихъ родственныхъ чувствъ, поздороваюсь лучше такъ...—и онъ, обнявши своими мощными дланями ея головку, поцѣловалъ ее отечески въ лобъ.

Натянутая сцена яко-бы первой встрѣчи была, наконецъ, прервана приходомъ слугъ и размѣщеніемъ снѣдей. За завтракомъ

Библиотека "Руниверс"

завязался общій разговоръ о предстоящихъ торжествахъ и пирахъ въ Варшавѣ, о Радзивилѣ, что своей царской роскошью и великолѣпіемъ сводитъ съ ума столицу и разоритъ многихъ, о томъ, что къ предстоящимъ празднествамъ тратятся на наряды чудовищныя суммы, что „паненки“ и пани не хотятъ ударить лицомъ въ грязь передъ волошками, славящимися своимъ богатствомъ.

Богданъ по этому поводу разсказалъ много интереснаго и поучительнаго про нравы и обычаи молдаванъ, про ихъ семейную жизнь, представляющую смѣсь таинственнаго востока съ вольнымъ западомъ, про роскошь пировъ, про увлекательную игривость волошекъ-красавицъ, про ихъ соблазнительные наряды. Богдану приходилось не разъ тамъ бывать и онъ изучилъ прекрасно страну. Разсказы Богдана заняли и оживили всѣхъ собесѣдниковъ; даже чопорная княгиня съ дочкой спустились съ высоты своего величія и начали восторгаться остроуміемъ и свѣтскою веселостью своего гостя. Марылька же, хотя и молчала, но глаза ея такъ радостно, такъ побѣдно сверкали, что нельзя было и сомнѣваться въ ея восторгѣ. Когда же Богданъ перенесъ свои разсказы изъ Болгаріи въ рыцарскіе замки надъ Рейномъ и началъ описывать пышные турниры, блескъ оружія, трубы герольдовъ, роскошные выѣзды, ложи очаровательныхъ дамъ, награждающихъ побѣдителей и розами, и улыбками, и любовью, то у Марылькн закружилось все въ головѣ какими-то радужными цвѣтами, словно въ блестящемъ калейдоскопѣ, сердце забилось и больно, и сладко, а въ груди поднялись волны, напоявшія ее жаждой извѣдать этотъ міръ блеска, радости и несущихся на встрѣчу восторговъ и поклоненій... въ наклоненной головкѣ ея что то смутно стучало: „Ахъ какой онъ интересный, „эдукованный“, все видалъ, все знаетъ, съ нимъ не стыдно нигдѣ!“

— Панъ до того увлекательно говоритъ, что его заслушаешься,— замѣтила, наконецъ, граціозно княгиня.

— Да, очень занимательно...—прожурчала княжна,— панъ такъ много выѣздилъ.

— Не въ томъ дѣло,— наполнилъ канцлеръ себѣ и Богдану кубки бургунскимъ,—иной исколеситъ весь свѣтъ, а вернется еще глупѣе домой... Тому, кого Богъ отмѣтилъ талантомъ, тому только и чужое все въ прокъ, и онъ собранными сокровищами знанія подѣлится съ другими и принесетъ ихъ на пользу своей отчизны... такъ вотъ...— подлилъ онъ женѣ и паннамъ мальвазіи,—выпьемъ за то, чтобы нашъ „шановный“ гость положилъ свои таланты у ногъ нуждающейся въ нихъ Рѣчи Посполитой.

Дамы охотно поддержали предложенный тостъ. Богданъ былъ тронутъ такимъ почетнымъ вниманіемъ и въ изысканныхъ, искрен-

Библиотека "Руниверс"

нихъ выраженіяхъ благодарилъ яснѣйшихъ вельможъ. Княгиня, подогрѣтая еще мальвазіей, до того оживились, что сообщила даже нѣсколько городскихъ сплетенъ и анекдотъ про княгиню Любомирскую, сказочную яко-бы невѣсту стараго гетмана.

— А его ясновельможная мосць въ Варшавѣ? — освѣдомился Хмельницкій.

— Нѣтъ, пане,—отвѣтила съ насмѣшкой княгиня,—поплелся съ Любомирскими въ Львовъ встрѣчать молодыхъ... Въ подагрѣ, а туда-жъ! Ногу лѣвую волочитъ, а правой притопываетъ въ полонезѣ—умора!

— У всякаго изъ насъ есть свои слабости,—замѣтилъ князь строго,—а человѣческія слабости требуютъ снисхожденія... тѣмъ болѣе, если онѣ покрываются съ избыткомъ доблестями ума и сердца, и обильною любовью къ отчизнѣ...

— Но согласись, княже, что въ его лѣта ухаживанья и затѣи женитьбы смѣшны,—возразила княгиня.

— Вѣдь это все преувеличено,—пожалъ плечами панъ канцлеръ,—и наконецъ,—обратился онъ съ улыбкой къ Богдану,—красота для всѣхъ возрастовъ всемогуща...

Послѣдній почему-то смутился и отвѣтилъ не совсѣмъ впопадъ:

— Да, такого великаго гетмана, какъ его ясная мосць Конецпольскій, съ такимъ прозорливымъ взглядомъ на государственныя задачи, не было еще у насъ, да и не будетъ пожалуй...

Княгиня закусила губу, а княжна перевела сейчасъ разговоръ на другую тему.

— А какая, говорятъ, красавица эта господаревна Елена, дочка Лупула,—заявила она,—такъ просто сказка! Князь Янушъ, говорятъ, чуть-ли не сошелъ съ ума да и все, вѣроятно, вельможное рыцарство наше ошалѣетъ.

— Ты уже сдѣлай маленькое, единичное исключеніе хотя для одного,—подчеркнулъ Оссолинскій игриво Урсулѣ.

Княжна вспыхнула пятнистымъ румянцемъ и закрылась салфеткой.

— Да, красавица у Лупула не эта Елена, а меньшая, дѣвочка еще, Розанда,—промолвила княгиня.

— Не Розанда, мамо, а Розоланда,—возразила Урсула.

— Все равно, милая,—вставилъ князь,—и Розанда, и Розоланда, и Роксанда: это ихъ волошскія ласкательныя отъ Александра, а что она отличается необычайною красотой, такъ это правда, всѣ кричатъ...

Библиотека "Руниверс"

— Но вѣдь ей еще только двѣнадцать лѣтъ,—замѣтила княжна,—а съ этого возраста лица измѣняются очень, да и странно, что о такомъ ребенкѣ кричатъ.

— Ничего нѣтъ страннаго,—взглянулъ на нее отецъ,—все выдающееся, необычайное поражаетъ всякаго съ ранняго возраста... Вотъ, еслибъ у меня былъ сынъ теперь восемнадцати лѣтъ, и я бы могъ помечтать о такой невѣсткѣ...

„Тимко“,—почему то мелькнуло въ головѣ Богдана, но онъ самъ разсмѣялся въ душѣ этому сопоставленію.

А Марылька все время сидѣла нѣсколько въ сторонѣ и не вмѣшивалась въ разговоры: или она взволнована была присутствіемъ тата, или по привычкѣ держалась указанной роли.

Когда явства всѣ были убраны, а на столѣ остались лишь кувшины, да пузатыя фляги, да кубки, а затѣмъ и прислуга ушла, тогда Оссолинскій повелъ, наконецъ, бесѣду про жгучій для Богдана вопросъ.

— Вотъ что, княгине,—обратился онъ серьезнымъ тономъ къ женѣ,—панъ писарь его королевской мосци, нашъ дорогой гость, проситъ, чтобы мы отпустили сиротку Марыльку къ нему, въ его семью, такъ какъ онъ принимаетъ ее за дочь, да и предсмертная воля покойнаго отца ея выразилась въ томъ же, и панъ Хмельницкій далъ клятвенное обѣщаніе ее исполнить... Такъ, какъ ты думаешь, кохана Карольцю?

— Да, я прошу объ этомъ душевно вашу княжью мосць,—всталъ и поклонился Богданъ.

Эта неожиданная просьба обрадовала и мать, и дочь, а наиболѣе, конечно, Марыльку.

— Если такъ, то мы не имѣемъ права удерживать панны, хотя бы это было для насъ и больно,—отвѣтила съ худо-скрываемой радостью княгиня.

Марылька взглянула на Богдана такимъ взглядомъ, отъ котораго затрепетало у него все: въ немъ была и благодарность, и нѣга, и залогъ неисчерпаемаго блаженства.

— Да, и я говорю,—добавилъ канцлеръ,—что съ Марылькой разстаться намъ больно: мы такъ привязались къ ней... но для ея счастья мы должны себя забыть... Здѣсь рѣшающій голосъ принадлежитъ ей... Ergo, согласна-ли ты, Марылька, уѣхать съ паномъ Хмельницкимъ и войти, такъ сказать, въ его семью?

Всѣ обратили взоры на Марыльку. Богданъ, хотя и зналъ возможный ея отвѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, сидѣлъ, какъ на углях.

Марылька подняла, наконецъ, глаза и взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ заявила:

Библиотека "Руниверс"

— Да, я согласна, потому что я вѣрю въ искреннее, безкорыстное расположеніе ко мнѣ вельможнаго пана, порукой этому его доблестное благородное сердце... да и, наконецъ, отецъ мой, страдалецъ, ему меня поручилъ. Великодушный рыцарь спасъ мнѣ жизнь, обласкалъ меня, онъ и его семья единственные мнѣ близкіе люди на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ только остается вмѣстѣ съ моимъ покойнымъ отцомъ молиться за нихъ... и бла...—но голосъ ея оборвался, и изъ ея прекрасныхъ очей вдругъ покатились жемчужныя слезы.

Богданъ до того былъ растроганъ, что чуть не бросился осушать поцѣлуями ея слезы.

— Вотъ какъ!—протянула недовольно княгиня.

— Да ей, мамо, дѣйствительно тамъ будетъ удобнѣе, проще и... болѣе подходяще,—добавила язвительно княжна.

— Ну, значитъ, благодаря Богу, устроилось,—произнесъ сухимъ тономъ и канцлеръ.—Такъ собирайся же поскорѣе, моя панно: его мосць спѣшитъ, ему и одного дня нельзя больше остаться въ Варшавѣ. А какъ же она, мой пане, поѣдетъ?—обратился онъ къ Хмельницкому.

— Пусть ясное вельможество не безпокоится: я достану удобный „повозъ", колымагу, что нужно, обставлю удобствами, почетомъ,—дрожалъ Богданъ, словно въ лихорадкѣ.

— Но удобно ли, что одна?—покосилась на мужа княгиня.

— Я Зосю подарила Марылькѣ,—торопливо сообщила княжна, боясь, чтобы мать въ сердцахъ не затѣяла разстроить этой поѣздки.—Она такъ ей предана и досмотритъ отлично въ дорогѣ, право, мамо!—бросила она въ ея сторону выразительный взглядъ.

— А коли такъ,—кивнула незамѣтно головою княгиня,—то дѣло устраивается, и мы можемъ только сказать нашей бывшей временной гостьѣ: съ Богомъ!

Марылька поблѣднѣла на мигъ, глаза ея вспыхнули гнѣвомъ, выраженіе лица освѣтилось презрѣніемъ.

А Богданъ стоялъ словно очарованный и не слышалъ, и не понималъ, что вокругъ него происходило; въ головѣ у него стоялъ чадъ, въ груди звучала пѣснь жизни, а въ сердцѣ трепетало молодое, неизвѣданное имъ счастье.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ[1].

(1846—1877 г.г.).

26.

Какъ мнѣ возблагодарить Васъ, почтеннѣйшій изъ земляковъ, за все, что вы для меня дѣлаете? Поистинѣ: Prodesse qui vult, nec potest aeque, est miser. Да вже жъ колы-небудь и якъ небудь выплатымо й мы вамъ свій довгъ.

Справедливо все, что Вы изрекли объ Иванѣ IV, но согласитесь, что онъ представляетъ собою любопытный и поучительный примѣръ, какъ несчастенъ человѣкъ съ горячимъ характеромъ, съ испорченнымъ сердцемъ и съ неограниченною властью дѣлать худое! Кромѣ того, интересуютъ меня въ его эпоху нѣкоторые вопросы касательно отношеній низшихъ сословій къ высшимъ: носъ мой чуетъ тутъ издали романтическія комбинаціи. Какъ бы то ни было, всякое новое знаніе дѣлаетъ голову свѣтлѣе и способнѣе къ узнанію неизвѣстнаго еще ей. Благодарю Васъ за каталогъ изданій Историческаго Общества.

На это письмо Вамъ нечего отвѣчать, а при новой книжкѣ „Чтеній“ потрудитесь написать всякой разъ хоть по двѣ строчки о своемъ благоденствіи и еще о чемъ-нибудь, что для меня было бы полезно знать. Вашъ П. Кулѣшъ.

1848, янв. 17 Тула.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 10.

Библиотека "Руниверс"

34 [1]).

Октября 28, 1848. Тула.

Я все ожидалъ разрѣшенія оставить Тулу, чтобъ похвалиться своимъ благополучіемъ Вамъ, почтеннѣйшій землякъ; но ожиданіе мое не исполнилось, и я по другой причинѣ продолжалъ свое молчаніе: не хотѣлось и увѣдомлять Васъ о томъ, что непріятно ни говорить, ни слышать. Теперь изъ одной крайности перехожу въ другую: сбираюсь купить домъ въ Тулѣ и зажить въ немъ такъ спокойно да мирно, чтобъ не хотѣлось и на родину. Меня сперва сильно мучила непривѣтливость и грубость Туляковъ, но нѣтъ зла, съ которымъ не возможно бы было сжиться, и я на это смотрю теперь, какъ суровость климата или другое физическое зло. Есть что-то даже пріятное въ совершенномъ отчужденіи отъ окружающаго насъ народонаселенія: дѣлаешь, что хочешь, распоряжаешься съ собою, какъ заблагоразсудится. Службы мнѣ до сихъ поръ не дали, и будущность съ этой стороны не представляетъ мнѣ ничего утѣшительнаго. Я не пріобрѣлъ ни единаго знакомаго въ теченіе цѣлаго года, а враговъ и ненавистниковъ знаю, что пріобрѣлъ очень довольно, и если мнѣ удастся быть счастливымъ здѣсь въ своемъ уединеніи на зло обстоятельствамъ и людямъ, то я буду истинный герой жизни.

Благодарю Васъ за здравый совѣтъ объ Одиссеѣ. Сбившись съ дороги обычныхъ трудовъ и не зная, за что схватиться, чтобъ не обветшать въ бездѣйствіи, я безъ Вашего совѣта навязалъ бы, можетъ быть, себѣ долгій и безполезный трудъ.

Объ «Исторіи Бориса Годунова и Димитрія Самозванца» я не получилъ еще отвѣта изъ III отдѣленія.

Теперь не занятъ ничѣмъ въ особенности, и большая часть моихъ помышленій устремлена на покупку или постройку дома.

Пишетъ ко мнѣ мой шуринъ изъ Петрозаводска, что старинный реэстръ козацкій отправленъ къ Вамъ давно. Нашли Вы что-нибудь годное для «Чтеній» изъ доставленныхъ мною Вамъ матеріаловъ? Въ Вашемъ университетѣ проходитъ теперь по мытарствамъ праведная душа, именующаяся на землѣ Петромъ Яковлевичемъ Сердюковымъ. Это человѣкъ истинно fato profugus, и если Вы имѣете средства облегчить для него полученіе ученой степени, то сдѣлаете дѣло истиннаго благочестія. И разумный, и ученый, и добрый, и въ высочайшей степени честный человѣкъ этотъ Сердюковъ, но на бѣду себѣ

[1]) Письма подъ №№ 27—38, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

горячъ, и отсюду всѣ его университетскія злострадавія! Ради Бога обласкайте, усладите его душу Вашею дружбою, если можно утвердите даже его въ Москвѣ доставленіемъ какой нибудь службы! Вы въ немъ пріобрѣтете для науки неутомимаго, благороднаго и, безъ всякаго сомнѣнія, полезнаго труженика. До свиданья. Весь Вамъ П. Кулѣшъ.

---

36 [1]).

17 ноября, 1848. Тула.

Получилъ я наконецъ Ваши «Славянскія Древности» и «Исторію Русовъ», почтенный другъ мой Осипъ Максимовичъ. Не нужно и говорить, сколько разъ я облизался послѣ такихъ лакомствъ, да и долго еще буду облизываться. Это все равно, какъ если въ борщъ попадетъ хорошій масолъ: снаружи вкусно, а внутри еще вкуснѣе, лишь бы достало умѣнья туда добраться. Такъ и Ваши книги, а особливо «Славянскія Древности». Что это за Шафарикъ, что это за голова, что это за характеръ, что за душа! У насъ одни Вы наслѣдовали его ревность къ дѣлу науки и правоту ученой дѣятельности: нужно жъ было обстоятельствамъ бросить вамъ камень преткновенія на пути! Неужели дѣлами человѣческими управляетъ игра слѣпаго случая? Неужели неправда тому, что сказалъ поэтъ:

„Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями?“

Если не неправда, то да перенесемъ безъ ропота и этотъ ударъ—какъ ни великъ онъ, какъ онъ ни тяжекъ—и сохранимъ любовь къ истинному и прекрасному на всѣхъ путяхъ жизни, при всей невзгодѣ обстоятельствъ. Лучшее утѣшеніе въ горѣ да будетъ то, что не стяжаніе богатствъ и не удовлетвореніе тщеславія было нашею цѣлью, когда мы для науки и искусства не досыпали ночи, не доѣдали куска хлѣба, добровольно терпѣли разнаго рода лишенія. Насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій—это не наша бѣда, если для человѣка единственная награда и единственное наказаніе существуетъ въ его совѣсти и въ сознаніи правоты или неправоты его дѣйствій. Извѣстіе о постигшемъ Васъ несчастьи сперва сильно меня поразило: мнѣ показалось, что вмѣстѣ съ Вами пала исторія, пала народная словесность, пали, погибли навсегда драгоцѣнные остатки нашей старины. Но, къ счастью

[1]) Письмо подъ № 35, писанное по-малорусски, будетъ помѣщено въ концѣ статьи. — *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

моему, какой-то тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще до высокой степени, и невозможно ничѣмъ убить его. Пускай торжествуютъ Погодины и имъ подобные; не подкопать имъ алтаря, при которомъ Вы служили, какъ подкопали они Васъ. Кто знаетъ? Можетъ быть претерпѣваемыя Вами теперь гоненія пріобрѣтутъ для науки многихъ безкорыстныхъ тружениковъ, а Ваше имя покроютъ новою славою, которую Вы давно заслужили. Да при томъ же, у Васъ не отняты еще средства быть благотворнымъ органомъ просвѣщенія. При Вашей трезвой и дѣятельной жизни Вы можете пріобрѣсть независимыя средства для изданія въ свѣтъ трудовъ своихъ и историческихъ матеріаловъ. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ, присущій въ сердцахъ благородныхъ людей, Вамъ сочувствующихъ! а ихъ безъ сомнѣнія много. Мужайтесь, и да крѣпится сердце Ваше! Вы умѣли быть великимъ труженикомъ при благопріятствовавшихъ Вамъ финансовыхъ обстоятельствахъ; будьте имъ и при недостаткѣ денежныхъ средствъ и въ самой даже бѣдности. Велико и свято дѣло науки, на которое Вы посланы въ жизнь: прощая людямъ закоснѣлость ихъ сердецъ и всѣ причиняемыя Вамъ обиды, творите волю пославшаго Васъ и помните, что Вы соль земли; если и Вы обезсилѣете, то чѣмъ она тогда осолится? Простите мнѣ смѣлость, съ которою принялся я Васъ не только утѣшать и ободрять, но и увѣщевать. Это—дѣйствіе моей любви къ наукѣ и къ Вамъ, достойному ея дѣлателю. Счастливъ я буду, если Вашъ духъ и безъ того крѣпокъ и непоколебимъ; но судя по себѣ, думаю, что и сильному духомъ пріятно, если другая душа принимаетъ его горе, какъ собственное, и рада всѣми средствами пособить ему. Нуждаетесь-ли Вы, или не нуждаетесь въ пособіи, не знаю, но долженъ предложить его, чтобъ не обвинять себя, какъ человѣка и писателя. Итакъ вотъ какъ оно ни слабо—пособіе нравственное; что касается до вещественнаго, то и въ этомъ отношеніи я не такъ бѣденъ, чтобъ не могъ предложить его. Можетъ быть, Ваши финансы теперь разстроились, а Вамъ нужны деньги на то, чтобы безъ службы устроить себѣ какой нибудь источникъ доходовъ, напримѣръ печатать книгу, купить домъ или что нибудь подобное. Знаю по опыту, что въ обстоятельствахъ, подобныхъ Вашимъ, занять денегъ—всего труднѣе. Не хотите ли взять у меня двѣ тысячи ассигнаціями безъ процентовъ на неопредѣленное время? Я собралъ ихъ на покупку домика, но какъ мнѣ, по видимому, скоро дадутъ должность, тогда домика я покупать не буду (тяжко какъ-то на чужой сторонѣ!) и эти деньги будутъ ле-

Библиотека "Руниверс"

жать у меня безъ употребленія. Если-бы Вамъ понадобилось еще двѣ тысячи, то могу служить Вамъ съ удовольствіемъ, хоть и не съ первою почтою.

Теперь благодарю Васъ цырымъ сердцемъ за Ваше желаніе посѣтить меня. Истинно Вы среди филипповки сдѣлали бы для меня велико-день. Хоть я и въ чужой хатѣ живу, но нашлось бы для Васъ мѣсто. Разумѣется, Вы должны напередъ приготовить свое воображеніе къ моей квартирѣ. Я живу въ двухъ комнатахъ, бѣдныхъ и худо убранныхъ, но надѣюсь, это Васъ не оттолкнетъ отъ меня. Еще знаете, что? привозите съ собой и Вашу сестрицу. Я знаю, что она очень бы сошлась съ простымъ нравомъ моей жинки. Мы бъ имъ комнату совсѣмъ отдали, а сами истинными козаками лягли-бъ у покоть у свитлыци. Хоть бы денька три Вы намъ подарили. Все таки одлыгло бъ на серденьку, побалакавшы зъ землякомъ! а то прытьмомъ одъ нудьги погыбаемо!

На всякій случай вотъ гдѣ моя квартира: на Старой Воронежской улицѣ въ домѣ Нечаевой, первый деревянный домикъ отъ «1-й части», если идти изъ центра города, 3 окна на улицу. Хозяинъ этого дома столоначальникъ консисторіи Ив. Мих. Нечаевъ, но домъ записанъ на имя его сестры. До свиданья. Весь Вашъ П. Кулѣшъ.

37.

24 ноября, 1848 Тула.

Предпослѣднимъ письмомъ Вы, Осипъ Максимовичъ, навели на меня тоску и даже досаду, такъ что я не вытерпѣлъ и сказалъ: «чортъ знае що пыше!» За то послѣднее меня успокоило. Истинно, такъ все есть на свѣтѣ, какъ Вы говорите! Плетью обуха не перешибешь, а съ покорностью судьбѣ и терпѣливостью достигнешь благъ, дарованныхъ и здѣсь добрымъ душамъ. Полежимъ на прилавкѣ, какъ Вы прекрасно выразились, и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безпечно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились щиро, работа взята у насъ изъ рукъ: отчего-жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашымъ ворогамъ було тяжко: пускай видитъ весь свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его! Иначе—какая жъ была-бы разница между честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, если тотъ и другой удалены отъ обычнаго поприща? Итакъ не унывайте, мой шановный друже.

Библиотека "Руниверс"

Теперь позвольте попросить Васъ о нѣкоторомъ одолженіи. Жена моя будетъ проѣзжать черезъ Москву въ Петербургъ. Занедужила сердешна на безлюдьи, хоче побачыть родычивъ и прыятеливъ. Такъ если она не найдетъ готоваго къ отходу дилижанса, то прошу дать ей пристанище на нѣсколько часовъ у Вашей сестрицы. Она будетъ въ Москвѣ между воскресеньемъ и понедѣльникомъ, а можетъ быть немного и раньше, такъ ужъ, будь ласка, такъ распорядитесь, чтобъ и въ Ваше отсутствіе ей отворили у Васъ двери странноприимства. Если жъ она застанетъ дилижансъ, то и не будетъ Васъ безпокоить. Но думаю, что первое случится вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ Вы не откажите послать своего хлопця за ея чемоданчикомъ, и потомъ, если понадобится, для покупки мѣста въ почтовой каретѣ, а если нельзя въ почтовой каретѣ, то хоть и въ частномъ дилижансѣ.

Но нѣтъ; сейчасъ я былъ въ почтовой конторѣ и узналъ, что дилижансъ отправится въ пятницу; жена моя (безъ служанки) будетъ къ Вамъ въ субботу, можетъ быть, вечеромъ. Воскресенье пробудетъ у Васъ, а на понедѣльникъ потрудитесь взять для нея въ почтовой каретѣ мѣсто до Петербурга. Я не посылаю денегъ, чтобъ не платить напрасно за пересылку; надѣюсь, что у васъ отыщется 20 руб. серебр. На всякій случай выговорите отсрочку у Управляющаго почтовою конторою: онъ очень добрый человѣкъ и дѣлаетъ это для дамъ. Впрочемъ, я думаю, что она какъ разъ подоспѣетъ къ Вамъ въ назначенное время. Имя моей жены Александра Михайловна. До свиданья. Вашъ П. Кулѣшъ.

NB. Если въ субботу вечеромъ она не будетъ, то потрудитесь отправить часовъ въ 5 или въ 4 послѣ обѣда своего слугу туда, куда приходятъ почтовыя кареты, и ожидать пока придетъ карета изъ Тулы. Ночью жена моя не въ состояніи будетъ одна переѣхать къ Вамъ.

38.

18 дек. 1848 Тула.

Полагая, что моя Александра Михайловна гостила у Васъ и Вашими заботами отправилась далѣе, приношу Вамъ, многоуважаемый землякъ, сердечную мою благодарность. Ожидаю отъ Васъ увѣдомленія, что отъѣздъ ея устроенъ, какъ слѣдуетъ, и что она здорова. Теперь будьте такъ добры, потрудитесь купить и выслать мнѣ слѣдующія книги:

Библиотека "Руниверс"

1. The Vicar of Wakefield, by Goldsmith, avec la prononciation anglaise figurée par des caractères et de sons français, par Cumberworth, ancien professeur d'Anglais de hh. AA. les princes et princesses d'Orleans; Paris, 1839; (4 fr 50). Та же книга en anglais et en français стоитъ 5 fr 50. Если найдете сіе послѣднее изданіе, то предпочтите его первому, безъ французскаго перевода.

2. *Разсказъ кожака Моисея Осьмака* о томъ, какъ онъ хозяйничалъ у себя дома, и о томъ, что онъ сдѣлалъ для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ Гоголевской волости Черниговской губерніи. Изданіе отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ Спб. 1848.

NB. Эту книжку прошу купить въ такомъ только случаѣ, если она писана по малороссійски или хоть и по русски, но содержитъ въ себѣ характеристическія черты малороссійскаго быта и вообще наполнена не сухостями. Я хочу имѣть ее, какъ матеріалъ для изученія нравовъ и обычаевъ народныхъ мѣстныхъ. Если жъ это такъ соби, мана, то цуръ ій.

3. Есть Лейпцигское Tauchnitz edition собранія англійскихъ писателей (Collection of British Authors), котораго каждый томикъ продается отдѣльно по 60 коп. сер. Прошу купить четыре томика романовъ В. Скотта этого изданія.

Я имѣю изъ нихъ слѣдующіе: 1, Quentin Dorward, 2, the Antiquary, 3, Wawerley, 4, Ivanhoe—такъ этихъ романовъ не покупайте, а потщитесь купить четыре другихъ, по собственному выбору. Со временемъ я всѣ пріобрѣту, а теперь купите такіе, которые Вы сами наиболѣе цѣните.

4. Прошу купить Ivanhoe Вальтера Скотта въ нѣмецкомъ переводѣ (если можно готскимъ, а не французскимъ шрифтомъ). Я до сихъ поръ плохо знаю по нѣмецки и хочу подкрѣпить себя такимъ образомъ. Англійскій языкъ убѣдилъ меня, что это лучшій способъ языкоизученія. Я ѣдучи за границу понималъ едва сотое слово въ книгѣ, а теперь читаю книги свободно, рѣдко обращаясь къ словарю.

5. Еще прошу купить Нѣмецко-русско-французско-англійскій словарь Рейфа, т. е. 3-ю часть его четырехтомнаго недавно вышедшаго словаря. Цѣна 2 р. 50 к. сер. за часть. Этотъ словарь прошу отдать въ дешевый, но красивый переплетъ и прислать потомъ вмѣстѣ съ другими книжками. На всѣ эти книги мало 5 ти руб, оставленныхъ у Васъ Александрою Михайловною, такъ потрудитесь увѣ-

Библиотека "Руниверс"

домить, сколько издержите на покупку, переплетъ и пересылку своихъ, а я немедленно вамъ дошлю.

А що жъ коханый земляче, якъ бы теперъ, якъ ось нема моей старой дома, та завытавъ до мене у господу? Самъ нагадавъ, добродію, дакъ не здывуй, що мыни воно *рупыть*(?).

Зъ великымъ пошанованнемъ до послугъ тоби щырый П. Кулѣшъ.

Вотъ еще просьба. Не считайте этого безстыдствомъ, потому что, во первыхъ, я готовъ отблагодарить васъ какими угодно услугами (а мало-ли придется на вѣку испытать нуждъ?), во вторыхъ, исполните эту просьбу только въ такомъ случаѣ, когда ее вамъ очень не тягостно исполнить. Я бы желалъ имѣть всѣ отдѣльные оттиски матеріаловъ для Малоросс. исторіи, печатанныхъ въ Чтеніяхъ, кромѣ Конисскаго, котораго зъ вашей ласки имѣю. Это облегчаетъ трудъ. При томъ эти матеріалы должны быть для нашего брата настольными книгами.— Да ще якъ бы булы ласковы перекынулы книжечку наськихъ казокъ. Дитвора въ Малороссіи уси позачытувала на вики.

---

41 [1]).

11 іюня 1849. Тула.

Не знаю, что Вы подумали о моемъ долгомъ молчаніи, почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, а можетъ быть Вы и ничего худого не подумали. Я жъ объясню Вамъ это простыми обстоятельствами житейскими, которыя вращали мой умъ то сюда, то туда и отвлекали отъ увѣдомленія Васъ о себѣ. Притомъ же я ждалъ какой-нибудь перемѣны въ своей судьбѣ, но, видя, что всѣ надежды одинаково обманчивы, не полагаюсь уже на тѣ, которыя остаются у меня (по благости Провидѣнія, для поддержанія душевной бодрости) въ запасѣ, и не откладываю отзыва къ Вамъ.

Ой хто в лиси озовыся.
Да выкрешемъ огню,
Да покурымъ люльки
Не журыся!

И такъ увѣдомляю Васъ (будучи увѣренъ, что Вы желаете знать о моихъ обстоятельствахъ):

Въ первыхъ, о томъ, что по прежнему живу безъ службы и безъ всякихъ знакомствъ.

---

[1]) Письма подъ №№ 39 и 40, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.— *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Въ вторыхъ, что испыталъ новыя непріятности отъ подлости хозяевъ и на дняхъ перемѣняю еще разъ квартиру.

Въ третьихъ, что переписки не веду почти ни съ кѣмъ, отчасти изъ экономіи, а отчасти для того, чтобъ не подозрѣвали тутъ чего-нибудь дурнаго.

Въ четвертыхъ, что сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ итальянскомъ языкѣ.

Въ пятыхъ, что въ послѣднія недѣли принялся опять за историческій романъ, начатый въ прошломъ году, прерванный для исторіи, потомъ забытый, наконецъ сожженный для того, чтобъ не мѣшалъ мнѣ выдумать основу иначе, такъ какъ я, послѣ исторіи, не былъ доволенъ написаннымъ. Теперь, на мѣсто уничтоженнаго томика, написалъ новый, которымъ я доволенъ больше, и надѣюсь окончить къ осени совсѣмъ свое компонованье. А вы что дѣлаете и какозо живется вамъ?

Прислать ли Вамъ *Новыя Стихотворенія Жуковскаго*, или могутъ еще лежать у меня до желаннаго перевода въ Петербургъ?

Посылаю пять рублей серебромъ и покорнѣйше прошу Васъ положить ихъ въ Опекунскій Совѣтъ на имя Маріи Ильиничны Боголюбцовой, дочери помѣщика Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда Ильи Ѳедоровича Боголюбцова. Это маленькая крестница моей Александры Михайловны. Билетъ прошу Васъ хранить у себя, сообща намъ только номеръ, а при удобномъ случаѣ Вы намъ вручите или передадите.

Какъ бы намъ съ Вами рѣшить дѣло объ *украинскихъ преданіяхъ*? Если общество, въ благодарность за Ваше безпримѣрное усердіе, взвалило на Васъ издержки за всѣ книги, непоявившіяся еще въ Чтеніяхъ, то увѣдомите, сколько начтено за украинскія преданія, я при первой возможности пришлю Вамъ эти деньги, а преданія хоть сожгу, если ихъ впослѣдствіи не позволятъ выпустить въ свѣтъ.

Установимъ писать другъ къ другу о себѣ и обо всемъ, что желаемъ взаимно сообщить, въ извѣстные сроки, не ожидая отвѣта. Назначьте эти сроки по своимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, а я заблаговременно на нихъ соглашаюсь. Писать чаще будетъ зависѣть отъ охоты каждаго, но въ срокъ письмо должно быть отправлено. Это нужно для того, чтобъ не терять другъ друга изъ виду въ пучинѣ житейскаго моря. Я не скоро встрѣчусь въ этомъ морѣ съ такимъ плавателемъ, какъ вы, и радъ бы прикрѣпить къ вамъ свою лодку канатомъ.

Библиотека "Руниверс"

Александра Михайловна моя шлетъ Вамъ и Вашей сестрицѣ усерднѣйшіе поклоны. Она говоритъ, что нигдѣ ей не было такъ затышно, какъ у Васъ. Да и могло-ли быть гдѣ нибудь такъ по малороссійски, какъ у Васъ? П. Кулишъ.

42.

26 іюня, 1849. Тула.

Податель этого письма, Тулякъ, воспитанникъ Моск. университета, Кондратій Михайловичъ Ивановъ. Онъ знаетъ меня немножко въ Тулѣ и можетъ засвидѣтельствовать, что я живъ и здоровъ.

Это письмо примите за условленное, которое я долженъ написать къ Вамъ 1-го числа.

Я очень благодаренъ Вамъ за избавленіе меня отъ платежа за имѣющую въ неизвѣстное время выти въ свѣтъ книгу, т. е. за Украинскія преданія; но еще разъ повторяю, если не сведете концовъ съ концами посредствомъ торговыхъ оборотовъ, то прямо объявите мнѣ; за свое добро я заплачу во всякое время. Очень пріятно мнѣ было узнать, что разсчетъ съ Историческимъ Обществомъ не нанесъ Вамъ неисправимаго денежнаго вреда. Не забывайте всякій разъ упоминать въ отвѣтахъ своихъ (вы очень ловко загнули мнѣ карлючку зъ мого хворосту, заставя меня аукать, а себѣ предоставя откликаться) о движеніи книжной вашей производительности. Вы чреваты теперь нѣсколькими, можетъ быть, драгоцѣнными и для меня изданіями, о которыхъ я думаю съ немалымъ нетерпѣніемъ.

До меня трудно дойти какимъ бы то ни было слухамъ, потому что я веду жизнь затворническую и не веду ни съ кѣмъ, кромѣ Васъ, постоянной переписки. Жаль бѣдныхъ молодыхъ людей, которымъ теперь труденъ будетъ доступъ къ высшему публичному образованію.

Напрасно вы поторопились прислать обратно 5 руб. Можно бъ сперва списаться. Я бы нашелъ имъ мѣсто и въ Москвѣ. На прилагаемые 3 руб. сер. потрудитесь купить для меня два изъ слѣдующихъ романовъ Вальтера Скотта въ хорошемъ нѣмецкомъ (съ подлинника) переводѣ: 1) Айвенго, 2) Квентинъ Дорвардъ, 3) Антикварій, 4) Гей Меннрингъ. 5) Ваверлей; сверхъ того одинъ изъ этихъ романовъ въ итальянскомъ (съ подлинника, а не съ французскаго перевода) переводѣ. Если жъ итальянскаго перевода не найдете, то, мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть есть Донъ Кихотъ на итальянскомъ (не съ французскаго) языкѣ. Если нѣтъ и Донъ Кихота, тогда уже сами изберите какую-нибудь геніально написанную по итальянски въ прозѣ книгу. Всѣ эти книги прошу отправить въ квартиру г. Иванова, о которой сейчасъ освѣдомитесь. Если что переплатите лишняго, увѣдомите—сочтемся послѣ; если же останутся у Васъ деньги, вручите, т. е. доставьте ихъ съ книгами къ г. Иванову, на уплату за пересылку въ Тулу, что, я увѣренъ, онъ охотно для меня сдѣлаетъ, какъ человѣкъ немножко мнѣ обязанный за мужа своей сестры, которому я сочинялъ просительныя письма, доставившія ему мѣсто въ Москвѣ. Вотъ Вамъ и объясненіе, какимъ образомъ сошелся я съ г. Ивановымъ.

Вчера проѣзжалъ черезъ Тулу сенаторъ А. В. Кочубей, всегдашній покровитель Бѣлозерскихъ. Онъ подалъ мнѣ надежду со временемъ получить мѣсто въ Москвѣ при Канцеляріи. Это сдѣлалось бы скоро, еслибъ не какая-то глупая исторія въ Петербургѣ, обезпокоившая правительство.

И такъ есть надежда, что осенью и мы будемъ жителями московскими. Одна мысль, что я могу васъ тогда, когда вздумается, видѣть и слышать, дѣлаетъ меня веселымъ.

Мы въ новой квартирѣ нашли нѣкоторое спокойствіе. Люди здѣсь заѣзжіе и потому какъ-то добрѣе къ намъ, а Туляки до сихъ поръ худо рекомендовали себя передъ нами. Я однако жъ нѣсколько дней передъ, во время и послѣ переѣзда въ новую квартиру, убилъ задаромъ и теперь еще не совсѣмъ оправился въ своихъ занятіяхъ.

Прилагаемую при семъ брошку прошу передать Вашей сестрицѣ на память отъ Александры Михайловны, которая желаетъ хоть вполовину такъ часто приходить ей на мысль, какъ она приходитъ на мысль Александрѣ Михайловнѣ. Нельзя ли сдѣлать изъ этой вещицы по будничамъ повседневнаго употребленія, напримѣръ, для закалыванія платка и т. п? Таково желаніе А. М-ны. Обнимаю васъ П. Кулѣшъ.

Что за пѣсни издалъ М. Максимовичъ въ Кіевѣ? Много-ли? важныя-ли?

43.

27 іюля, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, мой добрый и почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, за итальянскія книги. Онѣ выбраны прекрасно. Сильвіо Пеллико, котораго я уже прочиталъ, наполнилъ мою душу знакомыми

Библиотека "Руниверс"

и незнакомыми, но понятными для меня чувствами. Это одно изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній, какія мнѣ когда-либо случалось читать. Я заставилъ свою Александру Михайловну писать на бумагѣ уроки, которые даю ей каждый день изъ этой книги; я выправляю ея переводъ, и черезъ нѣсколько времени составится такимъ образомъ цѣлая книжка. Потрудитесь увѣдомить меня, не переведены-ли Le mio Prigioni на русскій языкъ и не будетъ-ли эта книга противна желаніямъ русской цензуры? По мнѣ, такъ это христіаннѣйшая книга, которую, кажется, должно-бы одобрять всякое правительство, но у всякаго свой умъ и толкъ. Вы назвали эту книгу «Темничнымъ Сидѣньемъ Сильвіо Пеллико», какъ вы думаете? не назвать-ли такъ нашъ переводъ? или должно сохранить подлинное заглавіе: Мои темницы, воспоминанія Сильвіо Пеллико Саллюсскаго»? Я намѣренъ эту книжку напечатать подъ именемъ переводчицы, потому во первыхъ, что для меня нужно просить разрѣшенія, а во вторыхъ, что какъ-то оно не тово для моей литературной репутаціи—съѣхать съ оригинальныхъ сочиненій на переводы. Отъ меня ждуть чего-то больше. Романъ мой достигъ до 7-ми главъ, но я остановился въ раздумьи, не отбросить ли ему двухъ послѣднихъ главъ и не повести ли повѣсть иначе. Не знаю, чѣмъ еще рѣшу. И тутъ не разминулся я съ запорожцами, да оно и хорошо показать ихъ міру Божьему въ разные періоды ихъ бытія. Какъ-бы мои литературные труды оживились, еслибъ я жилъ у васъ подъ бокомъ! а тутъ совѣтуйся со стѣнами!

Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Не вдалекѣ отъ города, на низменномъ холмѣ, окруженномъ ровчаками, виднѣется пріятно церковка съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церковки кладбище съ сельскими не пышными крестами, за нею и вокругъ—поля и лѣса. Туда мы чаще всего ходимъ. Однажды вечеромъ залаяла на насъ собака церковнаго сторожа. Выходитъ изъ хатыны старикъ и, прогоняя ее, говоритъ: «А сюды, бесурменъ!» Это восклицаніе заставило насъ остановиться. Старикъ этотъ Воронежской губерніи малороссіянинъ, выслужившій въ солдатахъ 27 лѣтъ. Жинка—московка перетащила его изъ Малороссіи въ Тулу, но ему здѣсь плохо живется: онъ съ грустнымъ восторгомъ вспоминаетъ о томъ, что въ Малороссіи можно за шагъ купить кавунъ, и собирается съ деньгами, чтобъ купить себѣ коняку и переѣхать на родину. Онъ шьетъ башмаки; мы поощрили его ремесло, купивши у него пару башмаковъ, хотя они и не отличаются изяществомъ. За то, говоритъ, годъ носить-

Библиотека "Руниверс"

мете, чему отъ души вѣримъ. Съ нами познакомились двѣ бѣдныя дѣвушки, изъ которыхъ одна даетъ уроки А. М-ѣ на фортепьянѣ, а другая — обоимъ намъ въ разговорномъ французскомъ языкѣ. Теперь мы каждый день имѣемъ у себя кого-нибудь за чаемъ и гуляемъ не одни. Хозяева наши очень къ намъ усердны. Словомъ, намъ пошло какъ-то веселѣе жить въ Тулѣ. Вчера мы праздновали день моихъ именинъ, чтобъ не нарушать скоромомъ сегодняшней середы. Играли на фортепьяно, пѣли, танцовали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиною полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ томъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности пейзажъ. Обнимаемъ Васъ обоихъ отъ души П. К.

44.

1 Сентября, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, Осипъ Максимовичъ, за увѣдомленіе о Сильвіо Пеллико. Цѣлая треть его Темничнаго сидѣнья у насъ переведена, но, по полученіи Вашего письма, дѣло отложено впредь до разсмотрѣнія. Покоривши себѣ достаточно итальянскій языкъ, я главную часть своихъ усилій обратилъ теперь на нѣмецкій, который такъ меня проучилъ, что теперь не оставлю его до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ меня своимъ обладателемъ.

Миръ мой съ Туляками нарушенъ самыми возмутительными для души моей подлостями съ ихъ стороны. Не стоитъ описывать этихъ гадостей Вамъ подробно; довольно того, что еще разъ беру пенатовъ и переселяюсь въ новое жилище. Я нѣсколько пріучилъ себя прощать людямъ ихъ злодѣйства, но не могу, прощая, не страдать чувствомъ обиды. Видъ безнравственности заставляетъ во мнѣ всю кровь болѣзненно волноваться. Я однакожъ перенесъ уже самую бурю, и теперь очень спокойно обдумываю переселеніе, долженствующее совершиться, можетъ быть, и завтра. На всякій случай знайте, что новая моя квартира будетъ въ переулкѣ, идущемъ съ старой Дворянской улицы къ конюшнямъ, въ маленькомъ двухъ-этажномъ, по правую руку стоящемъ трехъ-окопномъ домикѣ Горбунова.

На дняхъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ читалъ я «Исторію завоеванія Перу» Прескотта, по переводу *От. Зап.* Это великое, художественное произведеніе. Я удивлялся историку на каждомъ шагу.

Библиотека "Руниверс"

Мы пріобрѣли хорошихъ знакомыхъ въ семействѣ нѣкоего Гусева, пріѣхавшаго сюда недавно изъ Петербурга на службу. Объ этомъ стоитъ Вамъ сказать, потому что въ этомъ семействѣ, къ моей отрадѣ, я нахожу твердыя основанія высокой нравственности, которая больше всего проявляется въ воспитаніи дѣтей. Насъ, кажется, тамъ очень полюбили.

Мы попрежнему здоровы. Какъ ни пошла эта фраза, но я считаю долгомъ помѣстить ее въ дружескомъ письмѣ и самъ того же ожидаю отъ друзей своихъ.

Въ этотъ мѣсяцъ мы вели себя хорошо, но, какъ посмотришь, то какъ будто ничего и не сдѣлано. Впрочемъ, мы собою достаточно довольны, а это главное.

Домашній кругъ нашъ увеличился пріобрѣтеніемъ ученаго кота (служить умѣетъ), который названъ мною Пизарро, и щупыка, именованнаго Инкою въ память исторіи завоеванія Перу. Щупыкъ впрочемъ не обѣщаетъ великихъ радостей, и моя «люба хить» усердно проситъ Вашу добрѣйшую сестрицу образовать для нея юнаго потомка Вашихъ псовъ такъ, чтобъ понималъ, когда скажутъ ему, что пора гулять. Обнимаю Васъ, и жинка моя Вамъ и Вашей сестрицѣ низенько кланяется П. К.

45.

1 ноября, 1849. Тула.

Ну, слава Богу! можетъ быть, перемѣна попечителя и министра повлечетъ за собой перемѣну и Вашего положенія въ Москвѣ. Не забудьте увѣдомить, если что-нибудь хорошее, или хоть и нехорошее съ вами случилось. Но подтвердились ли слухи объ оныхъ перемѣнахъ?

Я же получилъ мѣсто помощника редактора губернскихъ вѣдомостей съ 600 р. асс. жалованья. Пожывьвсь, якъ собака мухою! но я доволенъ этимъ мѣстомъ въ томъ отношеніи, что мнѣ остается только брать жалованье и ничего не дѣлать. Оно пожалуй не честно, но я не прочь и отъ дѣла, если бы понадобилось написать что нибудь для этой важной газеты. А жалованье лучше взять мнѣ, нежели какому-нибудь взяточнику.

Подаютъ намъ изъ Петербурга сильную надежду на переводъ въ Москву, только не вѣрится, что-бъ я могъ видѣть Васъ каждый день: это было бы слишкомъ уже хорошо! Если получу вѣрное извѣстіе, то

Библиотека "Руниверс"

увѣдомлю Васъ не въ урочное время. А до тѣхъ поръ живите себѣ въ мирѣ, здравіи и благоденствіи. У насъ все по старому и мы совершенно здоровы. Я думаю М. А. Максимовичъ уже былъ у Васъ и разсказалъ о нашемъ бытѣ и о прочемъ. Каково Вы съ нимъ сошлись? пріятно или непріятно Вамъ съ нимъ бесѣдовать?—Что дѣлаетъ Гоголь?—Одинъ человѣкъ просилъ меня освѣдомиться о цѣнѣ книги: Enchiridion Medicum, или Руководство къ медицинѣ. Сочиненіе Гуфеланда. Москва 1845.

Обнимаю Васъ П. К.

---

47 [1]).

1850, января 7, Тула.

Нужно ли увѣрять Васъ, что я отъ всей души раздѣлилъ Вашу радость? Я впрочемъ долго на себя досадовалъ, отчего я не радуюсь возвращенію Вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь счастливому какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ, но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ. Всякой разъ, какъ о Васъ вспомню, я чувствую эту проволоку въ душѣ своей и счастливъ столько, сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, который отъ радости не скаче, а отъ бѣды не плаче. Таковъ я, покрайней мѣрѣ съ нѣкотораго времени таковъ. Ну счасты жъ Вамъ Боже и поможи! А наше дѣло пошло опять въ такую проволочку, что я заблагоразсудилъ основаться здѣсь домикомъ, во избѣжаніе тысячи квартирныхъ непріятностей. Мы, слава Богу, здоровы. По мѣрѣ силъ трудимся. Недавно пріѣхалъ къ намъ братъ Александры Мих., оставивши кадетскій корпусъ по непріятнымъ отношеніямъ, въ которыя онъ, какъ мальчикъ вовсе невоспитанный, поставилъ себя къ начальству. Теперь онъ попробуетъ готовиться къ экзамену въ Медикохирургическую Академію. Онъ былъ въ Москвѣ и не заѣхалъ къ Вамъ потому, что ему сказали, будто вы въ Казани. Онъ разсыпалъ свои дорожнія деньги и занялъ 3 р. сер. у родственника своего, которому потрудитесь отправить 3 р. сер. при моей запискѣ, а братъ нашъ Василій, получившій уже разрѣшеніе ѣхать изъ Петрозаводска для свиданія съ родными, возвратитъ Вамъ. Я увѣдомлю его объ этомъ, а вы съ своей стороны на всякій случай покажите ему это письмо и онъ Вамъ тотчасъ возвратитъ 3 р. сер. Не посылаю по почтѣ во

[1]) Письмо подъ №№ 46 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

избѣжаніе безпокойствъ отправки. Василій будетъ ѣхать черезъ Москву не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Родственникъ же оный живетъ у Іоанна Предтечи, у Іоловскаго моста, въ церковномъ домѣ, а зовутъ его Ѳедоръ Артамоновичъ Сорокинъ; ремесломъ-же онъ костоправъ-старикъ. Бувайте здоровеньки та и насъ не забувайте, а мы обое низенько Вамъ кланяемось. Вашъ Панько К.

48.

1850, февр. 15. Тула.

Ахъ, Осипъ Максимовичъ! стоило ли Вамъ хлопотать для такихъ результатовъ? Какъ это Вы, обстоятельнѣйшій изъ смертныхъ, не поняли, чего я хочу? Мнѣ хотѣлось выгадать рублячку сер., а выходитъ, что я еще сверхъ долженъ приложить — смотрите: за 5 томовъ (Всеобщей Исторіи Лоренца).

въ Тулѣ просили у меня 12 р. сер.

Вы прислали 4 тома за.	9 р.	
На пересылку ихъ издержано		50 к.
Я за объявленіе заплатилъ		6
За письмо къ Вамъ съ вопросомъ		10
За письмо съ деньгами.		23
Вы заплатите за объявленіе.		6
Да за простое письмо заплатили		3
Итого. . .	9 р.	98 к.
Да за 3-й томъ.	2 —	50
Итого. . .	12 р.	48 к.

Все таки я благодаренъ Вамъ за высылку мнѣ Лоренца, какъ за доказательство Вашего усердія.

Я же кончаю одинъ романъ на дняхъ. Онъ изъ современной русско-малороссійской жизни, а заглавіе — *Петръ Ивановичъ Березинъ и его семейство, или люди рѣшившіеся, во что бъ ни стало, быть счастливыми.* Какъ то Господь поможетъ ему пройти чрезъ цензурное мытарство.

3 р. сер. лишнихъ посылаю для костоправа, о чемъ я къ Вамъ писалъ мѣсяца полтора назадъ. Братъ нашъ Василій еще не выѣхалъ изъ Петрозаводска.

Библиотека "Руниверс"

Мы живы и здоровы. О прибавкѣ жалованья замолчали, въ чаяніи, вѣроятно, моего поклона, но смѣшно было-бы мнѣ просить о томъ, что имъ приказано изъ столицы. Я себѣ сижу да жду.

Обнимаю Васъ щиро. Подружіе Вамъ и Вашей сестрицѣ усердно кланяется. П. К.

49.

10 мая, 1850. Тула.

Я, кажется, давно просрочилъ время, назначенное для увѣдомленія Васъ о себѣ. Не осудите.

Я здоровъ, обстоятельства мои немножечко поправились: мнѣ прибавили 400 р. асс. жалованья и даже—о чудо! передъ праздникомъ дали 30 р. сер. награды. Теперь я титулуюсь редакторомъ неоффиціальной части Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Мнѣ впрочемъ нѣтъ никакой работы (кажется, приказано редактору работать одному, во избѣжаніе какихъ-нибудь казусовъ); а мнѣ и лучше, я занимаюсь дома своими дѣлами. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы я сдѣлалъ мало: одну часть времени я убилъ на безполезныя занятія съ своимъ швагеромъ ех-кадетомъ, страшнымъ лѣнтяемъ, котораго, наконецъ, я предоставилъ на произволъ судьбы; другую на нѣкоторыя услуги пріятелямъ (въ чемъ не раскаиваюсь), а третья пропала сама собою въ досадахъ на глупаго и грубаго мальчишку. Теперь только я начинаю оправляться, возвратясь въ самого себя, и пріобрѣтать душевное спокойствіе, необходимое для умственной дѣятельности. Между прочимъ я совершилъ новый переѣздъ на квартиру, и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ меня сады и пруды, въ которыхъ распѣваютъ безъ умолку водяные жители, что мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи. Никто меня не видитъ, и если такъ прогуляю я въ немъ все лѣто, то много пріобрѣту пользы. У меня особый, отдѣленный отъ хозяйскаго дворъ, который мы превращаемъ въ цвѣтникъ и огородъ. Намъ очень весело, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя непріятности житейскія. Ожидаемъ пріѣзда новаго губернатора, Козодаева, отъ котораго я надѣюсь улучшенія моего положенія въ Тулѣ. Семейство наше увеличилось: мы выписали изъ Малороссіи семилѣтнюю крестницу и племянницу А—ры М—ны, именемъ Машу, для воспитанія. Она покамѣсть капризна и не до-

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ намъ много удовольствія, но если А—рѣ М—внѣ удастся искоренить въ ней дурныя начала домашняго воспитанія и дать новую форму ея характеру, то съ нею намъ будетъ веселѣе нежели вдвоемъ, по крайней мѣрѣ будетъ веселѣе А—рѣ М—нѣ въ то время, когда я буду занятъ книгами или службою. Братца же ея я жду не дождусь, чтобъ отъ меня взяли, и, кажется, скоро отъ него освобожусь.

А Вы что? пожалуста увѣдомите обстоятельно обо всемъ, что до Васъ касается. Мы же такъ рѣдко стали съ Вами разговаривать.

Мнѣ нуженъ Англійско-Русско-франц-нѣмецкій словарь Рейфа. Пожалуста поручите книгопродавцу выслать мнѣ его съ первою почтою. Если есть, то въ готовомъ переплетѣ, а нѣтъ—безъ. Да вмѣстѣ съ тѣмъ пускай вышлетъ и Opere Compiute di Silvio Pellico da Salluzzo, 2 volumi, $4^1/_8$ thlr. Эта цѣна выставлена на оберткѣ моего Боккаччіо, а если случится другое изданіе дороже, то и дороже. Если же нѣтъ этой книги, то не найдется-ли сочиненій Манцони или части оныхъ. Если же и тѣхъ нѣтъ, то купите итальянскихъ книгъ по своему выбору. За все прошу заплатить деньги, а я вышлю Вамъ, получа книги и увидя, что они стоятъ.

Будьте увѣрены въ неизмѣнной моей и моего подружья къ Вамъ любви. Поклонъ нашъ, самый усердный, Вашей сестрицѣ. П. Кулишъ.

50.

1850, сент. 6.

Податель этой записки, Г. Соколовъ, бывшій студентъ харьковскаго университета, обратился ко мнѣ съ просьбою, не имѣю ли я въ Москвѣ человѣка, который бы принялъ въ немъ участіе, яко въ человѣкѣ, гонимомъ судьбою или, если угодно, людьми, ну, словомъ, въ человѣкѣ бѣдствующемъ. Будучи на Вашемъ мѣстѣ, я бы, кажется, принялъ въ немъ нѣкоторое участіе, а потому и адресую его къ Вамъ. Я его совсѣмъ не знаю, но онъ мнѣ показался человѣкомъ честнымъ уже потому, что не согласился взять у меня взаймы денегъ при всей наружной его бѣдности.

Я, слава Богу, здоровъ. Совершилъ путешествіе на Куликово Поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому и еще нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ для представленія Великимъ Князьямъ, во время проѣзда ихъ черезъ Тулу. Сегодня все это было имъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставлено, при чемъ и самъ я удостоенъ былъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ. Памятникъ будетъ литографированъ, и я пришлю Вамъ одинъ экземпляръ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

51.

1850, дек. 16. Тула.

Наконецъ, добрѣйшій мой Осипъ Максимовичъ, я свободенъ. Мнѣ позволено жить и служить въ Малороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Теперь я ѣду на праздники въ Малороссію, а потомъ туда, гдѣ найдется для меня мѣсто. По министерству Нар. Пр. служить мнѣ не позволено, а я, какъ не окончившій курса въ университетѣ, принадлежу ко 2-му разряду чиновниковъ, а для меня, какъ для разсчитывающаго на службу, очень важно быть чиновникомъ 1-го разряда. Нельзи ли мнѣ выдержать въ Москвѣ экзаменъ на кандидата? Я греческаго языка не знаю, латинскій знаю мало, но за то читаю по польски, по французски, по нѣмецки, по итальянски и по англійски, да ще дещо маракую.

Можно-ли сими знаніями восполнить прорѣхи по программѣ, или устроить такъ, что бы я приготовилъ извѣстные вопросы къ экзамену? На все это ожидаю отъ Васъ отвѣта въ Малороссіи. Не найдется ли для меня порядочнаго мѣста въ Москвѣ? Славно бы пріютиться мнѣ у Васъ полъ бочкомъ. Я сильно расположенъ учиться и знаю, что Вы бы своимъ ученикомъ были довольны. Порадуйтесь же вмѣстѣ съ нами нашему освобожденію и напишите ко мнѣ, на мое имя, въ Борзну. Щыро од серця Васъ обыймаю П. Кулишъ.

Жинка моя нызенько Вамъ и Вашій сестрыци кланяецця.

52.

1851, февраля 1. С.-Петерб.

Навязалъ я Вамъ, добрѣйшій Осипъ Максимовичъ, трудъ: рукопись моего романа «Березинъ» очень нужна мнѣ, и я покорнѣйше прошу Васъ сыскать мнѣ оную съ первою почтою. Это не пустое желаніе. Она непремѣнно должна быть здѣсь, и потому не подумайте обо мнѣ, какъ о человѣкѣ суетномъ, который то проситъ хранить

Библиотека "Руниверс"

его вещь, то требуетъ ее черезъ почту. Нѣтъ, нѣтъ! безъ крайней надобности я бы ее не попросилъ у Васъ. Зачѣмъ? не спрашивайте.

О себѣ не могу еще сказать ничего и долго можетъ быть ничего не скажу; надежды на службу есть, но Вы знаете, что значатъ надежды. Обнимаю Васъ П. Кулѣшъ.

Не поручайте пересылки рукописи Вашему пріятелю, который послалъ книги Никол. Дан. Бѣлозерскому.

Его высокородію, Льву Семенову Кармалѣеву для передачи П. А. Кулѣшу въ С.-Петербургъ. Въ Гороховой, въ домѣ Долгово-Добровольскаго подлѣ московской съѣзжей.

53.

16 апрѣля, 1851. Спб.

Я, наконецъ, нашелъ мѣсто въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства Мин. Гос. Имущ. Меня прикомандировали для усиленія Департамента, предоставя мнѣ исправлять должность редактора въ статистическомъ отдѣленіи и получать его жалованье (715 р. сер.), которое надѣюсь получать съ мая, а можетъ быть и съ іюня. Переводы доставляютъ мнѣ покамѣсть очень мало. Надѣюсь получить работу для Географическаго Общества.

Здравствуемъ оба. Жинка моя посылаетъ Вамъ вмѣстѣ со мною поклонъ и проситъ, да и я тоже, передать его Вашей сестрицѣ.

Въ училищѣ живописи, что противъ почтамта, занимается живописью нѣкто Михайло Ильичъ Бочаровъ. Онъ долженъ прислать мнѣ три картинки (за которыя деньги ему заплачены), но не присылаетъ и не отвѣчаетъ на мои письма. Нельзя ли Вамъ когда-нибудь направить въ ту сторону свою прогулку и, зашедъ въ училище, освѣдомиться о судьбѣ этого молодого человѣка, а потомъ такъ или иначе устроить доставку мнѣ картинъ? Онѣ у него были готовы уже въ проѣздъ мой черезъ Москву, и я только за тѣмъ оставилъ ихъ у него, чтобъ онъ приписалъ на пейзажахъ людей. До сихъ поръ онъ былъ со мною очень честенъ, и я не понимаю, почему онъ не исполняетъ условія.

Съ Срезневскимъ еще нигдѣ не встрѣчался. Дѣла мои идутъ не блистательно, но и не худо. Тружусь довольно. Слава Богу здоровъ, и жинка здорова, чего и Вамъ желаемъ. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: Близъ Владимірской церкви, на углу Загороднаго Проспекта и Щербакова переулка, въ домѣ Костылевой.

Библиотека "Руниверс"

54.

1851, мая 19. Спб.

Сколько ни спрашивалъ я въ книжныхъ лавкахъ памятниковъ, касающихся Воронежской губ. и Азова—нѣтъ ихъ нигдѣ.

Удивительно, какъ могъ пропасть слѣдъ живописца Бочарова, столь извѣстнаго въ училищѣ живописи, гдѣ онъ и воспитывался и гдѣ я самъ нашелъ его въ проѣздъ черезъ Москву. Квартира его была тогда за Москвой рѣкой, въ Татарской улицѣ (или слободѣ?), въ домѣ купца Колобова, въ нижнемъ этажѣ, входъ со двора, подъ навѣсомъ вторая дверь.

Мы, слава Богу, здоровы. Я хожу въ англиканскую церковь для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ, а больше нечего Вамъ и сказать о себѣ.

Скоро Васъ посѣтитъ братъ моей жинки Василій, на возвратномъ пути изъ Малороссіи. Покажите ему Вашъ запасъ историческихъ матеріаловъ. Это его займетъ живѣйшимъ образомъ. Бѣднага долженъ возвратиться въ скучный и безлюдный Петрозаводскъ.

Кланяемось Вамъ и Вашей сестрицѣ низенько обое. Вашъ П. Кулѣшъ.

Здѣсь въ Апраксиномъ дворѣ попадаются иногда хорошія книги Напишите, не нужно-ли Вамъ какихъ. Я часто роюсь въ этихъ лавочкахъ и могу вамъ служить!

55

1851, августа 1. С.-Петербургъ.

Каждый экземпляръ повѣсти «Marja, etc» стоитъ у Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, по 1 р. 20 к. сер. На 10 или 15 экземпляровъ онъ уступаетъ 20 процентовъ съ рубля. За пересылку должно приложить 50 к. сер. Деньги высылайте на его имя въ книжный магазинъ Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Туманскаго «Собраніе записокъ о Петрѣ В. и пр.» я нашелъ у одного такого книжника, въ прочномъ и довольно красивомъ переплетѣ, всѣ 10 книжекъ отдѣльно; но меньше 8 р. не отдаетъ.

«Россійскій же Магазинъ» Туманскаго у него неполный, именно не достаетъ изъ 3-й части 2-й, 4-й, и 5-й книжекъ, но и за непол-

Библиотека "Руниверс"

ный экземпляръ проситъ 5 руб., а полнаго нѣтъ нигдѣ. Есть, правда, у одного старика, но тотъ проситъ 25 р., что совершенно нелѣпо.

Мы, слава Богу, совершенно здоровы. Я регулярно пью на-тощакъ свѣжую воду и потомъ моюсь переночевавшею въ комнатѣ. Хожу много.

Въ Петербургѣ я началъ изучать испанскій языкъ, и теперь уже почти сплошь разумѣю безъ лексикона Донъ-Кихота, а историческія книжки, такъ и геть-то. Но практическаго приложенія изъ своего язычества я еще не сдѣлалъ. При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ. Древними языками не начиналъ еще заниматься, въ ожиданіи возвращенія въ Петерб. Коссовича, которому, если случится, прошу Васъ не преминуть порекомендовать меня въ ученики и попросить его принять меня въ особенную его благосклонность.

Черезъ недѣлю переѣдемъ на другую квартиру. Уже далъ и задатокъ. Ежемѣсячно буду платить по 17 р. сер. безъ дровъ и воды. Адресъ таковъ: въ 5-й ротѣ Семеновскаго полка, въ домѣ Щурова.— Хорошенькія три комнаты, передняя, просторная и свѣтлая кухня, погребъ, сарай для дровъ; квартира во 2-мъ этажѣ, надъ потолкомъ 3-го этажа нѣтъ—стучать никто не будетъ, и что очень важно—въ 5 шагахъ контора омнибусовъ, ходящихъ по Гороховой и потомъ черезъ Васильевскій Островъ на Петербургскую сторону, за 10 к. сер. Эта карета будетъ подвозить меня, въ дурную погоду, очень близко къ Министерству Гос. Имущ., гдѣ я служу. Словомъ—все хорошо.

Не знакомы ли Вы съ Рамазановымъ или другимъ начальствующимъ надъ художественною школою лицомъ? Вы бы могли, при случаѣ, разсказать, какъ Бочаровъ употребилъ во зло мою довѣренность, и получа деньги, не выслалъ картинъ. Можетъ быть, оное лицо усовѣстило бы сего нечестиваго поклонника искусствъ.

Мы съ жинкою нызенько Вамъ кланяемось. Вашъ П. Кулѣшъ.

56.

1851, декабря 30. С.-Петербургъ.

Молчаніе мое происходило отъ однообразія моей жизни и занятій. Со мной не случилось ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что теперь служба отнимаетъ у меня гораздо больше время, нежели прежде. Это разстраиваетъ мои домашнія занятія, и я подвигаюсь въ

Библиотека "Руниверс"

греческомъ языкѣ (по методѣ Робертсона) очень медленно. Съ Коссовичемъ я не познакомился, потому что имѣю знакомаго грека и латиниста, который во всякое время къ моимъ услугамъ. Не знаю, когда я буду въ состояніи явиться на экзаменъ, но, надѣюсь, поздно не будетъ никогда?

Вы вознегодовали на мои занятія арабскимъ языкомъ. Это такъ, между прочимъ. Случай забросилъ ко мнѣ нѣсколько арабскихъ книгъ, и мнѣ хотѣлось понюхать, чѣмъ онѣ пахнутъ. Теперь я чихаю и кручу носомъ, и не знаю, привыкну ли когда-нибудь къ употребленію этого одуряющаго снадобья.

Мы, слава Богу, здоровы и спокойны. Квартирою своею очень довольны. Выѣзжаемъ очень рѣдко, и у насъ бываетъ не болѣе четырехъ-пяти душъ мужеска и женска пола.

Жинка моя вмѣстѣ со мною усердно кланяется Вамъ и Вашей доброй сестрицѣ. Вашъ П. Кулѣшъ.

---

58 [1]).

1852, февр. 27 С.-Петерб.

Сообщите мнѣ пожалуйста, пане замляче, съ первою почтою, какія можете собрать извѣстія о жизни и дѣяніяхъ Гоголя, чѣмъ премного меня обяжете.

Надѣюсь, Вы получили посланный мною Вамъ черезъ Ханенка гостинець.

Мы, слава Богу, здравствуемъ. Осталась ли какая-нибудь рукопись послѣ Гоголя, или все сжегъ? Вашъ П. К.

Я думаю, Вы сами много знаете подробностей, относящихся къ характеру Гоголя. Пожалуйста удружите мнѣ

59.

Я вознамѣрился перемѣститься на службу въ Черниговъ, съ тѣмъ, чтобы, считаясь какимъ-нибудь свехштатнымъ чиновникомъ, приготовиться въ деревнѣ къ экзамену и потомъ искать службы, соотвѣтствующей моимъ познаніямъ. Скоро надѣюсь получить отпускъ и буду переѣзжать черезъ Москву. Потрудитесь увѣдомить меня съ

[1]) Письмо подъ № 57 будетъ помѣщено въ концѣ статьи —*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

первою почтою, то-есть сообщить мнѣ заглавіе изданія Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили. Надобно успѣть еще отдать его въ переплетъ. И такъ, скоро увидимся. Вашъ П. К.

1852. авг. 13 С.-Петерб.

60.

1852, авг. 15 С.-Петерб.

Спрашивалъ я у Васъ, какъ называютъ нѣмецкое изданіе Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили, а о Вашей новой квартирѣ, которой адресъ я потерялъ, и позабылъ спросить. Пожалуйста напишите. Мы скоро увидимся. У насъ обратила на себя вниманіе повѣсть въ Современникѣ: Исторія Ульяны Терентьевны, неизвѣстнаго новаго автора. Я тоже нахожу ее хорошею вещью. Прочитайте.

Вашъ П. К.

61.

1852, октяб. 18 Борзна.

Ѣздилъ я въ полтавскую губернію на Михайлову Гору, заѣхалъ къ Вашему брату въ Прилукѣ—онъ уѣхалъ въ Варшаву; заѣхалъ на возвратномъ пути—ушелъ въ казначейство, а у меня время было разсчитано—обождать было невозможно. И такъ до весны.

Максимовичъ здравствуетъ и медлитъ, медлитъ всегда, вездѣ и во всемъ. Я прожилъ у него трое сутокъ. Удивительная мѣстность. Онъ продаетъ мнѣ 8 десятинъ нагорной лѣсной земли, и я намѣренъ съ весны основать подлѣ него колонію, переселивъ туда полторы души своихъ крестьянъ. Туда буду пріѣзжать для отдохновенія изъ столицы, а подъ старость успокоюсь на лонѣ сельской тишины.

Въ Нѣжинѣ заѣхалъ къ Тулову. Онъ говоритъ, что монетъ вырыто плугомъ до 200, изъ которыхъ большая часть серебряныхъ и носятъ названія Владиміра, Ярослава, другого Владиміра и Глѣба (а по мнѣнію другихъ Святополка). Скоро выйдетъ въ Кіевѣ описаніе сихъ монетъ и тогда увидите.

Я буду (или по крайней мѣрѣ надѣюсь быть) въ Москвѣ около 1 ноября. Что это Вы храните столь необычное для Васъ молчаніе на мои немалочисленные вопросы. Особенно нуждаюсь въ теплыхъ

Библиотека "Руниверс"

калошахъ, которыя, если точно я позабылъ у Васъ, потрудитесь выслать мнѣ на дорогу, а книги придержите. Я заберу ихъ въ Петербургъ.

Въ Малороссіи я довольно таки работалъ при гульнѣ своей, но оставаться здѣсь далѣе незачѣмъ. Я ѣду въ столицу одинъ, съ тѣмъ чтобы въ маѣ направить путь во-свояси. Вашъ П К.

62.

С.-Петербургъ 1852, ноября 8.

Напрасно я поджидалъ въ Москвѣ извѣстія о квартирѣ. Я до сихъ поръ не получилъ ни перваго, ни втораго моего письма. Но знакомство съ домомъ А. меня вознаградило за просрочку нѣсколькихъ дней. До Петербурга я доѣхалъ въ 22 часа съ половиною. Здѣсь шелъ и идетъ дождь. О Москва! ты настоящая русская барыня, разъѣзжающая въ покойныхъ саняхъ и мирно бесѣдующая въ семейномъ кругу, сидя въ теплой, сухой комнатѣ, а здѣсь.

То дождь, то снѣгъ,
То вялица, то мателица
Крутитъ, мутитъ,
Въ глаза несетъ...

Но увы! Осипъ Максимовичъ! я *долженъ* остаться жителемъ Блатенска. Какое бы мѣсто ни нашлось для меня въ Москвѣ, благоразуміе предписываетъ мнѣ состоять на службѣ въ Петербургѣ. Въ этомъ я тотчасъ убѣдился, лишь только сюда пріѣхалъ. Можетъ быть, современемъ можно будетъ служить и въ Москвѣ, ради моего здоровья, страдающаго отъ Петербургскаго климата; но теперь нечего и помышлять объ этомъ. Увѣдомите запискою или на словахъ И. С. Пускай его заботы обо мнѣ останутся только доказательствомъ его благородной симпатіи. Я рѣшительно остаюсь въ Петербургѣ и пробуду здѣсь до весны. Пани моя съ сестрой пріѣдетъ ко мнѣ черезъ мѣсяцъ или болѣе. Пожалуйста «упустите на нічъ» и проводите ихъ на желѣзную дорогу. Скоро будетъ у васъ съ поклономъ Викторъ Бѣлозерскій. Славный я кавалеръ: получилъ отъ своей жинки ворогничекъ для Марѳы Никитичны, да вспомнилъ о немъ только въ Петербургѣ. Прилагаю.

Повѣсти моего друга Н. М. возбудили въ Петербургской публикѣ много споровъ за и противъ, что должно служить для него предвѣстіемъ успѣха. Современникъ за нимъ рѣшительно волочится и

Библиотека "Руниверс"

самъ говоритъ, что они «скрасили намъ журналъ и придали ему интересу». Кр. бѣсится, что выпустилъ изъ своихъ рукъ. Но какой же онъ дуренъ: зачѣмъ было браниться! Я совѣтовалъ Н. М. не оставаться болѣе въ Совр. на прежнихъ условіяхъ, что онъ и сдѣлаетъ, потому что имъ негдѣ взять ничего лучшаго. Теперь онъ оканчиваетъ третью повѣсть въ томъ же родѣ и когда напечатаетъ въ журналѣ, тогда выйдутъ онѣ всѣ три отдѣльными оттисками подъ общимъ заглавіемъ: «Первые мои знакомые, повѣсти Николая М.» Онъ обѣщаетъ и Вамъ прислать экземпляръ. Я не сказалъ ему, что Вы спали, слушая его Якова Яковлевича; а то бы онъ, пожалуй, разсердился. Вѣдь эти авторы, народъ чрезвычайно щекотливый. Это я знаю по себѣ Слава Богу, что я избавился отъ этой «пошести» и вошелъ въ кругъ людей обыкновенныхъ. Вашъ П. К.

Воротничокъ оставляю, потому что надобно отправлять чрезъ почтамтъ, а не черезъ ящикъ, и сегодня мнѣ некогда отправить.

63.

Пишу такъ скоро вслѣдъ за первымъ письмомъ по экстренному случаю. Передайте пожалуста Ив. Сергѣевичу, что Фурманъ продаетъ право изданія Сына Отечества за двѣ тысячи рублей серебромъ. Хорошо бы ему пріѣхать и купить, пока журналъ не попалъ въ руки какому-нибудь кулаку. Вашъ П. К.

1852, ноября 9 С.-Петерб.

Я уже нанялъ себѣ квартиру въ Большой Морской, на углу Гороховой, въ д. Елисеева № 26, ходъ съ Большой Морской.

---

66 [1]).

1853, февр. 17 С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю Васъ за присылку книгъ и за выправку выправки. Въ свое время воспользуюсь Вашими замѣчаніями. Любопытно узнать Вашъ окончательный судъ о новомъ трудѣ моего пріятеля. Мнѣ самому нравится Прокло-Прокловичъ,—тѣмъ болѣе, что онъ не подвергся ни малѣйшему сокращенію со стороны цензора. 3 и 4 части сильно сокращены и измѣнены, 5-я и 6-я опять прошли

---

[1]) Письма подъ №№ 64 и 65 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

безъ большихъ сокращеній, однако въ сложности нѣсколько страницъ выброшено и оттуда.

Увѣдомите пожайлуста меня, или лучше увѣдомляйте, объ успѣхѣ журнальнаго предпріятія г. Леонтьева и его пріятелей. Я отъ всей души желалъ бы видѣть хоть одну путную редакцію на Руси. А то просто курамъ смѣхъ, что за журналисты!

Если найдется путешественникъ, который согласится довести лучшія изъ нашихъ саней до Борзны и оставить тамъ на почтовой станціи, которую содержитъ нашъ родственникъ, то предоставьте ихъ въ его распоряженіе. Намъ бы эта вещь была весьма полезна въ хозяйствѣ на будущее время. Такому путешественнику можно дать наказъ, чтобы онъ сказалъ на станціи, что сани это такого-то и что такой-то просилъ содержателя станціи доставить ихъ для храненія въ хуторъ Николая Даниловича Бѣлозерскаго.

Весною мы намѣрены проѣхать черезъ Москву въ Малороссію. Это будетъ въ маѣ мѣсяцѣ. Тогда ознакомимся съ Москвой основательнѣе, а мнѣ это и нужно: можетъ быть я соберусь съ силами изобразить старинныхъ москвичей въ ихъ столицѣ.

Кланяемся всѣ Вамъ обоимъ усерднѣйше П. К.

Такъ какъ Вы интересуетесь знать, что дѣлаетъ Вашъ пріятель, то довожу до Вашего свѣдѣнія, что въ 1-й кн. Современника его перу принадлежатъ: Прогулки по Петербургу и разборы книгъ: 1, Живописный сборникъ, 2, Исторія Морскаго корпуса, 3, Изюмскій полкъ, 4, Исторія Семеновскаго полка, 5, Исторія Сапернаго Баталіона, 6, Шхеры, 7, Приворотное зелье, 8, Богатая невѣста, 9, Влюбленный въ самого себя; а во второй—Иностранныя извѣстія. Для третьей книжки онъ также пишетъ этотъ фельетонъ.

67.

1853, февр. 24.

Недавно въ Москву прислана изъ Нѣжина книга Тулова объ эстетикѣ. Пожалуйста похлопочите, чтобъ она была похвалена, чего она и заслуживаетъ. Можетъ быть Вы имѣете средства подѣйствовать косвенно, и на Москвитянина. Порученіе Ваше о книгахъ будетъ исполнено.

Библиотека "Руниверс"

68.

1853, марта 9. С.-Петерб.

Присутствовалъ я, по словесн Вашему, ажъ три вечера на аукціонѣ дублетовъ и не купилъ ни одной изъ назначенныхъ Вами книгъ, понеже онѣ превзошли мѣру моихъ ожиданій.

Знаете ли, что я хочу дѣлать? Уѣхать изъ Петербурга навсегда,— по крайней мѣрѣ на долго. Въ маѣ будемъ ѣхать чрезъ Москву. Пора пожить естественною жизнью, на родинѣ. Я, конечно, не старикъ, и мнѣ всѣ добрые люди посовѣтовали бы послужить, до чего-нибудь дослужиться; но тяжко дослужиться въ Петербургѣ могилы! Я еще не жилъ на свѣтѣ; я только дослуживался, самъ не зная чего. Теперь хватился за умъ. Дай Богъ, чтобъ не было поздно! Вашъ П. К.

69.

1853, апр. 2 С.-Петерб.

Рекомендую Вамъ Николая Ив. Катенина какъ человѣка образованнаго и прекраснаго. Пригласите его бывать у Васъ по опредѣленнымъ вечерамъ, чѣмъ его и меня много обяжете.

Хрестоматію Бетлинга посылаю. За нее заплачено 1 р. 70 к. сер., а Сакунталу надобно купить у самого издателя, котораго я два раза не засталъ дома. Вашъ П. К.

70.

1853, апр. 13. С. Петербургъ.

Ж. М. Н. Пр. отдѣльными книжками не продается, но мнѣ дали въ редакціи оттискъ нужной Вамъ статьи, который и посылаю.

Послѣ многихъ незаставаній Бетлинга дома, я наконецъ узналъ, что Kalidasa's King Çakuntala можно достать только въ Лейпцигѣ у тамошнихъ книгопродавцевъ, а въ Петербургѣ нѣтъ этой книги.

Вы получите 205 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ сочиненій Н. М. по желѣзной дорогѣ съ товарнымъ поѣздомъ. Изъ нихъ 100 потрудитесь раздать на коммиссію, 100 оставить у себя до новыхъ требованій отъ книгопродавцевъ, одинъ экземпляръ возьмите для своей библіотеки, одинъ потрудитесь передать Вернадскому, одинъ Леонтьеву, одинъ въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей и одинъ пе-

Библиотека "Руниверс"

реслать Ив. Кирѣевскому, котораго настоящее мѣстопребываніе намъ неизвѣстно.

Мы собираемся во путь во дорогу, съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто: это minimum, а можетъ быть и совсѣмъ тамъ поселимся. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую свою мебель, книги и разныя вещи, а тутъ еще заболѣла Надежда Михайловна и очень опасно холерою. Мы отчаявались въ ея жизни, но усердіе земляка доктора Пушкарева, свояка извѣстнаго Вамъ доктора Григоровича, спасло ее. Теперь она только лежитъ, но опасность миновала. Я простудился, кашляю и сижу дома, что очень досадно, потому что я въ послѣднее время ежедневно отправлялся на ловитву книгъ въ «книжное царство» на толкучкѣ. У меня въ деревенскомъ уединеніи будетъ весьма порядочная библіотека, и я надѣюсь провести время въ Малороссіи съ большою пользою. Надобно наполнить пробѣлы памяти, которыхъ множество.

Не могу назначить съ точностью времени своего проѣзда черезъ Москву, но желательно было бы выѣхать 1-го мая. Впрочемъ, за недѣлю или болѣе Вы получите отъ меня объ этомъ извѣстіе.

Потрудитесь составить для меня на досугѣ списочекъ источниковъ для изученія эпохи самозванщины въ бытовыхъ отношеніяхъ. Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича введетъ меня въ таинства гражданской и семейной жизни москвитянъ предшествовавшей ему эпохи, слѣдовательно не должно придерживаться въ этомъ случаѣ хронологическихъ предѣловъ. Хотѣлось бы эти книги пріобрѣсть и взять съ собою да хорошенько вчитаться въ нихъ на свободѣ. До свиданья. Кланяемось всѣ обоимъ Вамъ низенько.

Почитающій и преданный П. К.

А что дѣлаетъ у Васъ холера!

Алекс. Однор. продавать по 1 руб. сер., а повѣсти по 75 к. сер. Если найдете нужнымъ, можете дать изъ этой цѣны книгопродавцамъ по 20 процентовъ.

71.

185? г. апр. середа С.-Петерб.

Я забылъ сказать Вамъ въ письмѣ, посланномъ дня три тому назадъ, что Словарь арабскаго языка Казимірскаго въ Петербургѣ еще не полученъ весь, книгопродавцы не знаютъ, оконченъ-ли онъ;

Библиотека "Руниверс"

знаютъ только, что вышло 2-го тома десять ливрезоновъ. Съ азіатскими язычниками я не знакомъ, но при случаѣ черезъ своихъ знакомыхъ разспрошу, вышелъ-ли онъ весь въ Парижѣ, гдѣ онъ продается chez Théophile Barrois, libraire Quai Voltaire, B—à la Tour de Babel, какъ сказано на его оберткѣ. Книга эта—1-й томъ и 6 ливрезоновъ 2 го есть у меня. Она принадлежитъ одному путешественнику, котораго возвращеніе въ Россію не извѣстно. Если для Васъ было бы нужно неоконченное изданіе, то оно можетъ храниться у Васъ до востребованія. Стоитъ же оно полное, по словамъ книгопродавцевъ, 16 р. 50 к. сер.

Посылаю Вамъ билетикъ для полученія съ желѣзной дороги или чугунки книгъ, о которыхъ я писалъ въ предъидущемъ письмѣ.

Я все боленъ. Докторъ запретилъ мнѣ выходить до самаго праздника. П. К.

72.

1853, апр. 20. С.-Петербургъ.

Литовскую библію для Васъ отыщу, лишь только начну шляться по городу: теперь же сижу безвыходно дома, по распоряженію моего врача. Между тѣмъ вотъ къ Вамъ покорнѣйшая просьба. Проситъ меня Никол. Дан. Бѣлозерскій купить для него разныя книги. Вѣроятно, многія изъ нихъ есть въ Москвѣ, поэтому выписываю всѣ требуемыя сочиненія и покорнѣйше прошу Васъ, въ случаѣ обрящете гдѣ, тотчасъ и закупить, о тѣхъ же, которыхъ въ Москвѣ не найдется, увѣдомить меня немедленно, чтобъ я имѣлъ еще время поискать здѣсь. Сіи книги суть.

1) Полное собраніе Р. Лѣтописей съ 4-го тома.

2) Временникъ Общ. И. и Др. Р. съ 12-й книжки.

3) Карта Черногоріи съ объясненіемъ Венгріи, изд. Срезневскимъ.

4) Доктора Ридемахера специф. и универсальн. врачебн. средства.

5) Исторія Боголюбцевъ. Св. Ѳеодорита.

6) Путешествіе по Сициліи 1822, А. Норова.

7) Письма покойнаго алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія 2 экземпляра.

8) Историч. чтенія изъ Ветх. Завѣта 2 экземпляра.

9) Чтеніе изъ 4-хъ Евангелист. 2 экземпляра.

Библиотека "Руниверс"

10) Хронологическій циклъ юліанскаго лѣтосчисленія на 11,000 лѣтъ.

11) Шушерина клирика. Записки о. Никонѣ Патріархѣ.

12) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій.

13) Труды и лѣтописи Москов. Истор. Общ. 8 томовъ (непремѣнно *со всѣми* гравюрами).

14) Русскій Истор. Сборн. 7 ч. (съ гравюрами).

15) Исторія Червонной Руси Зубрицкаго.

16) Описаніе древней новгородск. гривны.

17) Предвар. кратк. изслѣдованіе Эверса.

18) Древности Сѣвернаго Понта.

19) Leçont de la litterature et de morale, p. Noël.

20) Хорошую нѣмецкую хрестоматію.

21) Повѣсти и литерат. отрывки Полевого, томы 1 и 2

22) Переводы въ прозѣ. В. Жуковск. Части 1 и 2.

23) Библіотека повѣстей и анекдотовъ изд. Каченовскимъ, части 1 и 5.

24) Московскій Меркурій, журн. 1803 г., части 3 и 4, т. е іюль-декабрь.

25) Вѣкъ Людовика XIV Вольт. т. 1-й.

26) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 3.

27) Московскаго Телеграфа.

1825 г. весь и 1834 сколько вышло.

1827, въ части 13, отд. 1 № 1.

» » » 17 » 2 — 19.

1832 № 11-й въ части 45.

Изъ лавки И. В. Базунова въ Москвѣ дана была записочка, что Вѣстникъ Европы съ 1813 по 1849 (?) г. можно получить по 1 р. 50 к. за каждый годъ.

Не уступятъ ли дешевле, если взять всѣ годы? и сколько именно возьмутъ [1])?

28) Если можно, достаньте комедію: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», которую давали въ бенефисъ Щепкина и которая переведена съ итал. Гоголемъ.

29) Атласъ Барановскаго.

30) Миргородъ, повѣсти Гоголя.

---

[1]) Если найдете хотя разрозненныя части этого журнала до 1813 года, то всѣ купите.

Библиотека "Руниверс"

31) Руководство къ благочестивой жизни Франциски де Саль.
32) Записки Археолог. Общ. по русскому его отдѣленію.
33) Житіе Бориса и Глѣба.
34) Европеецъ.
35) Мнемозина. } журналы.
37) Невскій Зритель.
37) Брошюрки Иванчина Писарева: «Мих. князь Черниговъ. боляр. Ѳодоръ

Сколько Вы истратите на эти книги денегъ, я возвращу Вамъ съ благодарностью при проѣздѣ черезъ Москву. Если Вы найдете выгоднымъ вымѣнять ихъ на свои книги, то все равно я выданъ Вамъ деньги по существующимъ цѣнамъ на означенныя 37 сочиненій, этимъ Вы бы меня значительно облегчили. Я все боленъ и не знаю, много-ли будетъ во мнѣ силъ для хожденія по лавкамъ передъ выѣздомъ отсюда и при проѣздѣ черезъ Москву. Надежда Михайловна поправляется едва замѣтно.

Поздравляемъ Васъ обоихъ съ праздникомъ—хоть въ концѣ письма, коли не въ началѣ, и желаемъ увидѣть Васъ въ добромъ здоровьѣ. У насъ въ Москвѣ есть родственникъ Сорокинъ, къ которому заѣдетъ часть нашей громады (мы и двухъ дѣвушекъ повеземъ до дому), а къ Вамъ—только я, пани моя и Маша. Предвѣстникомъ скораго моего прибытія будутъ небольшой сундукъ съ книгами, который я отправлю впередъ съ товарнымъ поѣздомъ, и еще клуночокъ съ разными разностями.

73.

1853, апр. 29 С. Петербургъ.

Вы угадали: я разумѣлъ Петра, а не Ивана.

Письмо Ваше отправлено, какъ это Вы увидите изъ прилагаемой росписки.

Литовской библіи, ниже Литовскаго Новаго Завѣта въ Синодальной книжной лавкѣ нѣтъ, а у книжниковъ до сихъ поръ не отыскалъ; но я заказалъ отыскать одному знаменитому въ книжницѣхъ мужу отыскать у своей братіи и надѣюсь, что успѣхъ увѣнчаетъ его старанія. Онъ доставилъ мнѣ почти всѣ тѣ книги, которыхъ не оказалось въ Москвѣ, и получивъ отъ меня изрядную мзду, будетъ теперь трудиться ревностно.

Библиотека "Руниверс"

Книгъ, не упомянутыхъ въ Вашемъ письмѣ, то-есть не означенныхъ «въ нѣтахъ», я не покупаю здѣсь и отыскиваю однѣ «нѣтчицы», въ надеждѣ получить прочія въ Москвѣ.

Пожалуйста записывайте трату на извощика для Андрея, получающаго или отправляющаго мои книги.

На Ваше имя пришлютъ, можетъ быть, изъ Малороссіи 1000 руб. сер. Эти деньги назначены для покупки кареты, которую я и куплю проѣздомъ черезъ Москву для Н. Д. Бѣлозерскаго.

Раньше 15 мая едва-ли можно будетъ намъ выѣхать изъ Блатенска. Сборовъ и хлопотъ бездна. Я совсѣмъ оправился, а Надежду Михайловну обѣщаетъ докторъ починить черезъ недѣлю такъ, что она будетъ похожа на здоровую женщину.

Вы получите въ страховомъ письмѣ два билета, по которымъ выдадутъ на чугункѣ Вашему Андрею тюкъ съ книгами и сундукъ съ книгами же. На этихъ посылкахъ означены еще буквы О. Б. для того, чтобъ не смѣшали ихъ какъ-нибудь съ другими, и надписано: книги. Почитающій и преданный П. К.

Это и есть страховое письмо, о которомъ я, минуту назадъ, пророчествовалъ. Прилагаю и билетики—одинъ за № 805, а другой за № 804.

Обѣ посылки пускай обождутъ моего пріѣзда нераскупоренныя. Przepraszam!

74.

С. Петербургъ 1853, мая, 13.

Lukaszewicza Historia szkół w Koronie i wielkiem księstie Litewskiem, etc. стоитъ здѣсь, по послѣдней переторжкѣ, 8 р. 10 к. сер., но цензура вырѣзала первыя 32 страницы во 2-мъ томѣ. Покупать-ли?

Другой польской книги нѣтъ. Покупку нѣмецкихъ я отложилъ до канупа моего выѣзда, въ началѣ кораблей, которые пополняютъ книжные магазины, оскудѣвшіе зимою. Мы будемъ въ Москву 20 мая или немного раньше[1]). Вашъ П. К.

Библиотека "Руниверс"

77 [1]).

Хуторъ Мотроновка подъ Борзною 25 іюля, 1853.

Отдохнувъ дома недѣли полторы, я пустился въ Полтавскую губернію для покупки себѣ хутора. Заѣхалъ къ Вашему брату и обѣщалъ ему быть на возвратномъ пути; но какъ на станціяхъ меня задерживали, то я не могъ разсчитать время своего проѣзда черезъ Прилуку и проѣхалъ черезъ нее ночью, да еще въ дождь. Хуже всего, что я, выѣзжая изъ дому, позабылъ взять книгъ, которыя обѣщалъ ему доставить. Теперь уже откладываю этотъ пріятный для меня долгъ до осенняго переѣзда черезъ Прилуку. Очень виноватъ передъ Вами и передъ нимъ, но постараюсь свою вину загладить.

Хуторъ я купилъ въ 30 верстахъ отъ Лубенъ, близь села Оржицы. У Стороженка быть не могъ. Но погодите: вѣрно Вы интересуетесь знать, что за хуторъ. 80 десятинъ земли степной пахатной и 40 подъ усадьбою, подъ низменнымъ сѣнокосомъ и лѣсомъ. Все въ одномъ отрубномъ кускѣ. Что касается до платы, то о ней не для чего упоминать, потому что это куплено у человѣка весьма близкаго, для котораго важнѣе было услужить мнѣ, нежели сбыть съ рукъ землю. Въ сентябрѣ поѣду устраивать крестьянскія помѣщенія. Зимовать, вѣроятно, буду въ Петербургѣ, если не въ Москвѣ. А весною надобно строить домикъ. Въ осеннюю поѣздку въ хуторъ (ему же имя Зарогъ, общее съ сосѣдними козацкими хуторками) побываю и у Стороженка. Боюсь только, чтобъ онъ не принялъ со мной такого тона, какъ генералъ 12 года съ молодымъ своимъ сосѣдомъ Тентетниковымъ. Кстати: ожидаю отъ Васъ обѣщанныхъ коній по сему предмету. Кланяемся etc.

Вашъ П. К.

78[2]

Хуторъ Мотроновка, 25 августа 1853.

Что Вы скажете, почтеннѣйшій другъ Оспинъ Максимовичъ, о книгѣ, носящей сицевое заглавіе: «Статуть Великого Князтва Литовского отъ наяснейшаго мѫжа Жикгимонта третего на коронацыи

---

[1]) Письма подъ № № 75 и 76 будутъ напечатаны въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

въ Кракове выданный року ҂аф҃пи. Зъ ласки и за привилеемъ короля его м҃ти. Въ Вильни, друковано въ дому Мамоничовъ.»

Сію рѣдкую книгу я не пашелъ и не открылъ, а отрылъ въ такомъ сору, который въ состояніи былъ бы разгребать развѣ Ольдбукъ Вальтера Скотта. Она сохранилась въ цѣлости только благодаря своему плотному кожаному переплету, окружала же ее гниль и мерзость запустѣнія. Куча ненужныхъ книгъ и бумагъ свалена была въ какой-то ящикъ и оставлена безъ вниманія въ амбарѣ лѣтъ на 20. Мыши и крысы, проникнувъ туда единственно изъ любопытства, не удостоили устроить въ этомъ дряннохранилищѣ своихъ гнѣздъ, а обратили его въ свой н.....ъ. Подъ вліяніемъ сего учрежденія, кипы бумагъ, перегнивъ, сбились въ большіе комья и составили съ крысьими ковтяхами нѣчто однородное. То были ученическія записки по части реторики, піитики и другихъ ковтяхоподобныхъ мудрованій, вмѣстѣ съ какими то тактиками, лечебниками и прошеніями—словомъ погодинское дряннохранилище ни дать ни взять. Рою, рою и уже прихожу въ отчаяніе, но подкрѣпляемый Вашимъ добрымъ геніемъ, или, можетъ быть, демономъ, скалящимъ на Васъ зубы изъ за Вашихъ всепоглощающихъ шкаповъ, коснулъ еще разъ—признаки книги. Выставившійся наружу уголъ надгрызенъ мышами. Думаю—видно опять лечебникъ или тактика: мыши попробовали и бросили. Воздвигаю книгу изъ бездны смрадной тлѣни и вижу то, что послѣ подобныхъ трудовъ и самоотверженія можно было бы увидѣть и у Погодина. На заглавномъ листѣ полустертая надпись: «Troph Onieszkiewicz Ano 1633», а по листамъ внизу другая: «Сей Статутъ Госпо—дина Коллеж—скаго регис—тра—тора Григо—рія Яковлева сы—на Богда—нова.» На оборотѣ выпускнаго листа надъ портретомъ Сигизмунда рукописная надпись: «Кролъ п҃оск҃и. На стр. с҃кд, с҃ке и с҃л рукою XVI вѣка по русски означены ошибки въ размѣщеніи артыкуловъ, а на стр. у҃кс другою, современною рукою приписаны по польски краткія поясненія къ тексту. По засаленнымъ угламъ листовъ видно, что книга была въ работѣ не у одного старинаго юриста. На раздѣлѣ «о грабежахъ и о навезкахъ» положена закладка. Когда и кѣмъ? и гдѣ теперь господинъ, которому понадобилось справиться, что присуждаютъ законы за грабежи и навезки... Долго я нюхалъ и ворочалъ на всѣ стороны старый нашъ кодексъ, но ничего не вынюхалъ. Старина отшумѣла, откричала свое и опѣмѣла; слѣдъ ея такъ неясенъ и сбивчивъ, что мое чутье совсѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

беретъ, воображеніе мое заблудилось въ дремучемъ лѣсу невѣдѣнія и стало въ тупикъ, оглядываясь дико на всѣ стороны. Ничего не подсказала мнѣ эта книга; не слѣдуетъ же мнѣ и владѣть ею. Иди, о мой найденышъ, къ Осипу Максимовичу. Онъ тебя оцѣнитъ достойнымъ образомъ и приметъ въ многочисленную семью своихъ захребетниковъ. До свиданья Вашъ П. К.

Хотѣлъ было послать Вамъ этотъ гостинчикъ по почтѣ, но раздумалъ; лучше самъ привезу въ концѣ сентября на пути въ Петербургъ.—Для Васъ не не интересно будетъ узнать, что мнѣ прислалъ одинъ господинъ два предлинныхъ письма Гоголя 1827 года—безцвѣтные матеріалы для біографіи—и записку о родѣ Гоголя. Еще я досталъ письма два заграничныхъ. Подлинники первыхъ, по снятіи съ нихъ копій для употребленія, будутъ принесены въ даръ тому-же, кому и статутъ, на зло демону, смѣющемуся изъ-за шкаповъ. Хочу составить нѣчто вродѣ полной біографіи Гоголя (съ гробовымъ молчаніемъ объ А-выхъ). Имѣйте это въ виду и пораспросите, у коро случится, какъ и гдѣ живалъ Г. за границею. Василій Бѣлозерскій получилъ свободу жить и служить, гдѣ угодно. Костырь умеръ на возвратномъ пути въ Харьковъ.

79.

18 сентября, 1853. Мотроновка.

Нашелъ я книгу рукописную: «Мнѣніе Ѳеофана Архіепископа Великоновгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ удобно отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ. Року 1729 м̃ця.» Переписана она въ 1753 году войсковымъ канцеляристомъ Леонтіемъ Юзефовичемъ, и начинается сице: «Всякому отроку а наипаче к владѣнію народа растущему, и владѣющему духовное наставленіе содержится по моему мнѣнію в слѣдующихъ предложеніихъ или показаніяхъ» Листовъ въ ней 62, in 4. Увѣдомите меня, напечатана-ли она или нѣтъ.

Извѣстите также, интересуетесь-ли Вы книгою, записанною въ каталогѣ Кастерина подъ № 207. Нѣтъ заглавнаго листа и листовъ: 13, 350—354, 357.

Найдена мною большая книга проповѣдей, списанная, судя по почерку, въ 17 в. на польско-славянскомъ языкѣ, безъ начала и конца. Собственно говоря нѣтъ только заглавнаго листа, а прерывается она на листѣ 105.

Библиотека "Руниверс"

Еще Густынская лѣтопись, прекрасно переписанная почеркомъ 17 в., безъ перваго листа, а прервана на раздѣлѣ: «Фундушъ кн. Мих. Корыбута Вишневецкого.» Еще «..... книжка рекомая пчела, в хрупичполѣ (Борз. уѣзда) при храмѣ сл҃я хв҃а Николая през мене многогрѣшнаго Петра виноградскаго переписана року ҂а҃ч҃о҃д҃. и п҃ го». Начинается она статьею: Житіе с҃т҃ое равноапостолнаго вел кн҃зя кіевского владимера всея россіи самодержца... выбрано з лѣтописца русскаго преподобнаго Нестора Печерскаго.» На 28 листкахъ in 4. Затѣмъ слѣдуетъ: «Сказаніе како состави святый Кириллъ философъ азбуку по языку словенску и книги прежде (sic) отъ греческихъ на словенскій.» Потомъ переписанъ «Выкладъ о церквѣ святой и о церковныхъ речахъ»... напечатанный при Печерской Лаврѣ въ҂а҃ч҃з году. Потомъ разныя житія святыхъ. Я остановился на «Словѣ во время бездожлыя» весьма интересномъ. Ораторъ упрекаетъ мірянъ въ политическихъ смутахъ, въ грабежѣ церквей во время воинъ козацкихъ и заключаетъ такъ: «.... воеводъ царскихъ повыгоняли и не только мѣдяными деньгами знехтили, але и срѣбныхъ по копѣйци не приняли, только по чеху и по осмаку.» Далѣе слѣдуетъ сицевое заглавіе: «Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли.» Это вирша на отпаденіе отъ Польши и присоединеніе къ Россіи.

На дняхъ я ѣздилъ въ Сосницкій уѣздъ и записалъ 12 большихъ думъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (о Хмельницкомъ, о гетманѣ Хвеськѣ Кганжѣ Андыберѣ и пр.) совершенно новыя, а другія заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя нравоописательныя и историческія новыя черты и подробности [1]). Кромѣ того мнѣ доставилъ много пѣсенъ черниговскій Бѣлозерскій. Я къ Вамъ явлюсь съ весьма вижнымъ сборникомъ; но когда же наступитъ время изданія Вашей коллекціи? Я слышалъ, что Срезневскій гдѣ то обѣщаетъ выпустить скоро томъ историческихъ думъ. Тамъ, конечно, будутъ и тѣ, которыя онъ у меня укралъ. А мы сидимъ съ своимъ сокровищемъ.

Черезъ 3 или 4 дня я ѣду въ свой хуторъ и буду непремѣнно у Вашего брата. Оттуда ворочусь не раньше 10, слѣдовательно въ

---

[1]) Я разшевелилъ того самаго Андрея Шута, о которомъ пишетъ священникъ Базилевичъ въ этнографическомъ сборникѣ. Дума, напечатанная тамъ, пополнена весьма важными подробностями.

Библиотека "Руниверс"

Москвѣ буду около 14. Отвѣчайте на всякій случай въ нѣсколькихъ словахъ. Можетъ быть что нибудь задержитъ меня долѣе въ Малороссіи. Вашъ П. К.

80.

23 окт. 1853, С. Петербургъ.

Я позабылъ передать Вамъ просьбу Николая Даниловича Бѣлозерскаго, помѣщенную имъ въ данной мнѣ памятной запискѣ, изъ которой лоскутокъ прилагается. Прошу Васъ исполнить ее, если не для него, то для Вашего пріятеля Базунова, къ которому, вѣрно, перейдутъ всѣ деньги, какія Вы получите, по довѣренности Бѣлозерскаго, изъ Опекунскаго Совѣта.

Еще я забылъ сказать Вамъ, что «Житіе Варлаама и Іосафа» принесено Вамъ въ даръ только по моему внушенію, а не отъ меня. Это даритъ Вамъ одинъ изъ Вашихъ почитателей и подражателей, черниговскій Бѣлозерскій.

Потрудитесь, улучивъ свободное время, отобрать для меня отдѣльные оттиски лѣтописей, а если Вы располагаете еще хоть однимъ экземпляромъ «Чтеній», то и этотъ экземпляръ прислать мнѣ вмѣстѣ съ таковыми. Возить съ собою «Чтенія» съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ неудобно, а потому весьма пріятно было бы имѣть ихъ сѣмо и овамо. Вы уже подарили мнѣ ихъ два раза, но не сдѣлаете большого грѣха, подаривъ и въ третій.

Дамы мои позабыли у васъ два пальто, благоволите уложить ихъ въ колясочный сундукъ и хранить до личнаго свиданія, или до увѣдомленія, какъ поступить съ ними.

Въ одинъ изъ будущихъ прекрасныхъ дней соизвольте направить Вашу прогулку къ каретнику Мякишеву и удостовѣриться, что фаетонъ нашъ дѣйствительно стоитъ въ сараѣ, а не подъ открытымъ небомъ. При этомъ передайте Мякишеву мою просьбу, чтобъ онъ исправилъ его, не дожидаясь весны, ибо тогда у него будетъ много работы. Я чувствую, что порядочно надоѣдаю Вамъ разными своими дрязгами, но увѣдомляю Васъ, что знаю всю цѣну Вашимъ одолженіямъ.

Квартирою мы остались довольны,—только очень далеко; почему мы и помышляемъ современемъ перемѣнить ее на болѣе близкую къ Невскому проспекту.

Библиотека "Руниверс"

Непріятные пріятели мои надавали мнѣ разныхъ работъ, отъ которыхъ да избавитъ меня Небо какъ только возможно поскорѣе!

Тяжело рубить дрова тому, кто умѣетъ написать картину или отличить статую! но таково наше время, что вѣрнѣе можно заработать копѣйку рубкою дровъ, нежели произведеніями фантазіи — по крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня. Впрочемъ Петербургъ произвелъ на меня чрезвычайно живительное впечатлѣніе, и я не знаю, когда буду въ состояніи оставить его навсегда! Вашъ П. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ одесскомъ еженедѣльномъ журналѣ „По морю и сушѣ“ былъ напечатанъ разсказъ о бурлакахъ, въ которомъ находимъ описаніе оригинальнаго свадебнаго обряда у этихъ „забиглыхъ душъ.“—„Знаете, вѣдь мы сами и вѣнчались (сказалъ старый бурлака).—Какъ же вы вѣнчались?—„А вотъ видите ли, какъ. Подъ праздникъ идетъ кто нибудь изъ нашихъ—атаманъ, или старшій годами—къ эконому и проситъ дать хлѣбъ, цѣлый хлѣбъ.—На что тебѣ?—спрашиваетъ тотъ.—Да знаете, тамъ надо намъ обвѣнчать!—Вотъ, беретъ тотъ хлѣбъ, втыкаетъ сверху грудочку соли и къ нему подходятъ молодой съ молодою. Выберемъ посаженныхъ отца и мать, молодые кланяются имъ, а они ихъ благословляютъ и учатъ, какъ надо жить; потомъ молодые подходятъ къ тому, что держитъ хлѣбъ, цѣлуютъ тотъ хлѣбъ и обѣщаютъ Богомъ и хлѣбомъ жить дружно. Тѣмъ вѣнчанье и кончается“ [1]). Намъ передавали еще, что при этой церемоніи хлѣбъ клали на дижу и молодыхъ обводили вокругъ дижи (с. Компанѣевка елисаветгр. у.). Замѣчательно, что люди, сбившіеся съ обычной бытовой колеи, очутившіеся въ „невѣнчаной“ губерніи, всетаки считали для себя обязательнымъ изъ всего сложнаго свадебнаго обряда сохранить обрядный хлѣбъ, съ дижою въ качествѣ аксессуара, да благословеніе родителей.

---

[1]) „Изъ прошлаго нашихъ степей“ І. Л. „По морю и сушѣ“ 1895 г. № 12.

Библиотека "Руниверс"

Одного этого уже достаточно, чтобы судить, какое видное мѣсто занимаетъ въ понятіяхъ народа обрядный хлѣбъ въ свадебномъ дѣйствіи.

Обрядному хлѣбу было посвящено у насъ особое изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцовымъ [1]). Но до сихъ поръ не издано рисунковъ малорусскаго обряднаго, въ частности—свадебнаго хлѣба, кромѣ единственнаго рисунка, напечатаннаго въ изданіи Кольберга „Pokucie“, мало распространенномъ въ Россіи [2]). Между тѣмъ, въ вопросѣ о значеніи разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба особенности формъ ихъ должны быть самыми важными показателями. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, предлагаемъ описаніе разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба, по экземплярамъ, доставленнымъ намъ изъ губерній кіевской, подольской и херсонской.

Описаніе свое начнемъ съ болѣе простыхъ формъ, *шишки* и *голубка*, которыя, въ качествѣ украшеній, входятъ также въ составъ коровая, лежня и дивня.

Простая *шишка* приготовляется слѣдующимъ образомъ. Раскатывается продолговатая полоса тѣста, въ видѣ ленты, на одной сторонѣ ея дѣлаются прямыя или косыя насѣчки и потомъ лента сворачивается и внизу стягивается кольцомъ изъ тѣста: такимъ образомъ получается подобіе сосновой шишки, откуда происходитъ и самое названіе хлѣба. Такихъ шишекъ пекутъ къ свадьбѣ очень много. Женихъ и невѣста подносятъ шишки лицамъ, приглашаемымъ на свадьбу; на самомъ *весильи* шишки раздаютъ гостямъ. Иногда приготовляются *шишки* особаго типа, пышнѣе предыдущихъ, преимущественно для подарка старшей дружкѣ. Такъ, изъ с. Константиновки черкасскаго у. намъ доставлена роскошная *шишка*, украшенная голубками и маленькими шишечками и позолоченная, которая представляетъ собою миніатюрное повтореніе *коровая*.

Голубки, похожіе на средопостныхъ *жаворонковъ*, приготовляются изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ тѣста: одинъ изъ нихъ заканчивается головкой съ одной стороны и хвостикомъ съ

[1]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1895.

[2]) Pokucie, I. 226. Указаніемъ этимъ мы обязаны Н. Ѳ. Сумцову.

Библиотека "Руниверс"

другой; другой обхватываетъ снизу первый пониже головки, скрещивается концами вверху и заканчивается крыльями. Въ с. Компанѣевкѣ елисаветгр. у. такими голубками дарятъ свадебныхъ бояръ.

При описаніи способа приготовленія *коровая* пользуемся разсказомъ старухи изъ того же с. Компанѣевки, откуда мы получили два различные экземпляра коровая; у той же женщины заимствуемъ и объясненіе узоровъ на нихъ. По ея словамъ, коровай приготовляется такъ. Въ основаніе кладется большой коржъ, называемый *подошвой* коровая. На него кладутъ „для доли“ монету и три вареника [1]). Потомъ кладутъ *перехрестье*, т. е. двѣ полосы тѣста на подобіе креста. Сверхъ перехрестья ставятъ булку. Подошву опоясываютъ кольцомъ изъ тѣста и противъ концовъ перехрестья прикрѣпляютъ четыре голубка. Наверху булки прикрѣпляется *шишка*, а бока ея украшаются маленькими шишками, изображеніями листьевъ барвинка и *петельками* изъ тѣста. Всѣ эти украшенія прикрѣпляются къ булкѣ тоненькими прутиками.

Очень красивый экземпляръ коровая доставленъ намъ изъ с. Константиновки черкасскаго у. кіевск. г. На немъ шишками украшены только вершина и подошва, четыре голубка посажены на бокахъ булки, а промежутки между ними заполнены рядами зубчиковъ. Вся поверхность коровая обильно покрыта позолотой и украшена живыми листьями барвинка (vinca minor) [2]). На вершинѣ его былъ воткнутъ вѣтвистый прутикъ, украшенный тѣстомъ и также покрытый позолотой; украшеніе это заключалось въ зубчатой полосѣ тѣста, нанизанной на вѣточки, концы которыхъ, кромѣ того, украшены были маленькими голубками.

---

[1]) Объ обрядовомъ употребленіи *сыра* на свальбахъ у Н. Ѳ. Сумцова „О свадеб. обр.,“ 121. Въ лубенск. у. въ середину коровая кладутъ еще 5 сырыхъ яицъ („Кіев. Стар.“ 1890 г., прилож., 152); изъ описанія свадьбы въ бѣльскомъ у сѣдлецк. губ. у Чубинскаго мы узнаемъ, что въ середину коровая кладутъ изображенія солнца и мѣсяца изъ тѣста (IV, 672); но извѣстіе это кажется намъ сомнительнымъ по нецѣлесообразности помѣщенія изображенія свѣтилъ небесныхъ не на верху, а внутри коровая, гдѣ они къ тому же тотчасъ затѣмъ заплывутъ тѣстомъ.

[2]) Барвинкомъ украшаютъ себѣ головы невѣста и *коровайницы*. Въ пѣснахъ барвинокъ—символъ красоты и невинности. Сумцовъ, О свадебн. обр., 184.

Библиотека "Руниверс"

Варіантъ изъ с. Папенки литинскаго у. подольск. губ. украшенъ на вершинѣ звѣздой, быть можетъ—подражаніе цвѣтку,—а по бокамъ петлями изъ тѣста, на подобіе французской буквы S; кромѣ того, поверхность была украшена живыми листьями барвинка, пучками калины [1]), цвѣтами безсмертника и позолотой. Въ середину коровая было воткнуто *гильце*, въ видѣ еловой вѣтки; къ вершинѣ послѣдней прикрѣпленъ былъ также пучокъ калины, боковыя же развѣтвленія украшены были, кромѣ пучковъ калины, цвѣтами безсмертника, листьями барвинка, гусиными перьями, полосками красной бумаги, пучками гаруса краснаго и синяго цвѣта и позолотой.

Оригиналенъ по своей простотѣ экземпляръ изъ м. Глодоссы елисаветградскаго уѣзда. Поверхность его украшена рядами полосокъ изъ тѣста съ зубцами наверху; въ вершину воткнуты въ наклонномъ положеніи къ серединѣ три прутика, такъ называемые *теренки* (отъ слова *теренъ*), обвитыхъ зубчатыми полосками тѣста, въ подражаніе шипамъ терновника, и украшенныхъ наверху изображеніями голубковъ изъ тѣста и пучкомъ живой калины. *Теренки* эти связываются красной заполочью, которая потомъ, „если чесна молода,“ роздается въ понедѣльникъ гостямъ [2]).

Подобный предыдущему *молдаванскій* коровай, привезенный изъ Новоукраинки елисаветградскаго уѣзда, отличался только зубчатой подошвой и еще тѣмъ, что теренки на немъ были вѣтвистые.

Изъ Компанѣевки елисаветградскаго у. намъ доставленъ, кромѣ описаннаго выше, еще одинъ экземпляръ коровая; онъ отличается тѣмъ, что перехрестье на немъ положено *сверхъ* булки; украшенія состоятъ также изъ четырехъ голубковъ, расположенныхъ въ промежуткахъ перехрестья, у подошвы, изъ шишки на верху и изъ зубцовъ, расположенныхъ по пере-

---

[1]) Въ народной поэзіи *калина* служитъ символомъ молодой замужней женщины, символомъ брачной потери невинности. Сумцовъ, О свад. обр., 183.

[2]) Въ бѣльск. у. сѣдлецк. губ. такія вѣтки называются *торочками*. Чубин. IV, 672. Подобныя же вѣточки, также числомъ три, украшаютъ коровай изъ Покутья у Кольберга. Pokucie I, 226.

Библиотека "Руниверс"

хрестью рядами, а въ промежуткахъ между концами его—по два и по три зубца вмѣстѣ. Подобнаго рода хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи называется *верчъ* [1]).

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ мнѣніе, что *коровай*, въ качествѣ свадебнаго жертвоприношенія, замѣнилъ собою *корову*, и самое названіе *коровая* сближаетъ съ словомъ *корова* [2]). Но, разсмотрѣвъ доставленные намъ изъ трехъ губерній варіанты коровая, мы не нашли фактическаго подтвержденія этому мнѣнію въ видѣ украшеній на подобіе коровьихъ головъ, роговъ, хвостовъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны у г. Сумцова. Точно также не видѣли мы среди украшеній коровая и изображеній солнца и луны, которыя могли бы быть сочтены за остатокъ солярнаго культа. Нѣтъ ничего невозможнаго, что подобныя изображенія гдѣ нибудь найдутся, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что такъ какъ коровай, какъ и всѣ вообще свадебные хлѣбы, изготовляется изъ кислаго тѣста, то при печеніи, какъ бы круто ни было замѣшано тѣсто, онъ до извѣстной степени утрачиваетъ первоначальную форму, что можетъ легко подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, въ украшеніяхъ глодосскихъ *теренковъ* не трудно было бы усмотрѣть бараньи головки, если бы сама женщина, изготовлявшая коровай, не утверждала, что это—голубки. Изъ предложенныхъ толкованій слова *коровай* толкованіе Пикте, который производитъ его отъ праарійскаго *кр* (дѣлать), въ смыслѣ просто *хлѣба*, имѣетъ, по нашему мнѣнію, преимущество простоты.

Мы видѣли, что украшенія короваевъ бываютъ двухъ родовъ: съ одной стороны—гильце въ видѣ древесной (на нашемъ экземплярѣ—еловой) вѣтки, съ другой—подражаніе, или замѣна гильца, въ видѣ сухого прутика, украшеннаго тѣстомъ; съ одной стороны—живые листья барвинка, съ другой—подражанія имъ изъ тѣста. Естественно поэтому предположить, что и другіе элементы орнаментики коровая представляютъ собою тоже замѣну предметовъ, когда то имѣвшихъ самостоятельное

[1]) Чубинскій IV, 236. Но въ лубенскомъ у. онъ также называется короваемъ. „Кіев. Стар." 1890 г., прилож., 152.

[2]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣснях, 122—124.

Библиотека "Руниверс"

значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Въ этомъ отношеніи интересна пѣсня, которую поютъ при разрѣзываніи коровая: „Привезено *зилля* зъ трохъ гиръ на весилле, поставлено вилля на столи—престоли..... Що-жъ то за зиллячко?... Ты нашъ святый короваю"; еще интереснѣе другая пѣсня: „Розбирайся короваю зъ зеленого розмаю, зъ червонои калины, зъ зеленого барвинку на тисовую тарилку" [1]).

Среди всѣхъ видовъ свадебнаго обряднаго хлѣба короваю принадлежитъ первое мѣсто по значенію. Для приготовленія его за 1—2 дня до *весилля* въ домъ невѣсты сходятся замужнія женщины, такъ называемыя *коровайницы* и сопровождаютъ свою работу обрядами, танцамя и пѣснями. Во время самаго *весилля* дружко торжественно вноситъ коровай въ хату, разрѣзываетъ его и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ, при чемъ также поются особыя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи передъ началомъ этой церемоніи отецъ молодой, самъ совершивъ крестное знаменіе, креститъ коровай и произноситъ слѣдующія слова: „Благослови Богъ и мы благословимо, щобъ сей хлибъ бувъ благословенный на вашъ викъ, щобъ вы булы щаслывы, одынъ другого шанувалы, отця и матиръ не зневажалы, то васъ буде Богъ благословивъ и добріи люде" [2]). Невѣстѣ даютъ обыкновенно верхнюю шишку, музыкантамъ—подошву Любопытна слѣдующая пѣсня при раздачѣ коровая, по обрядовымъ указаніямъ, заключающимся въ ней: „Ой край, дружбонько, коровай, все хорошенько роздавай, усимъ жиночкамъ шишечкы, молодымъ боярамъ кришечкы, а намъ, дружечкамъ, обручи, щобъ насъ любылы панычи" [3]).

Лежнемъ называется продолговатый хлѣбъ, на который, при входѣ молодого, молода склоняетъ голову или которымъ покрываетъ себѣ голову, откуда, очевидно, происходитъ и названіе его. Въ нашемъ распоряженіи было два экземпляра лежня. Первый изъ нихъ (изъ с. Константиновки черкасскаго у.) представляетъ собою продолговатую булку, по подошвѣ окруженную

[1]) Чубин. IV, №№ 1055 и 1059.
[2]) Тамъ же, стр. 657.
[3]) Чубин., IV. 693.

Библиотека "Руниверс"

поясомъ изъ тѣста и украшенную четырьмя голубками, расположенными крестъ на крестъ, поперечными гладкими и зубчатыми валиками тоже изъ тѣста и позолотой. Второй экземпляръ, изъ с. Ингульской Каменки александрійскаго у. херсонск. губ., составленъ изъ большихъ зубцовъ, раздѣленныхъ на три гнѣзда, по 5 зубцовъ въ каждомъ; обвиваетъ ихъ круглая полоса изъ тѣста, а окружены всѣ они общимъ поясомъ, къ которому прикрѣплены шишки, поочередно. Въ лубенскомъ уѣздѣ въ лежень запекаютъ яйца и деньги [1]).

Дивынь или *калачъ*. Два имѣющіеся у меня экземпляра очень близки по формѣ. Одинъ изъ нихъ (молдаванскій) изъ м. Новоукраинки елисаветгр. у. представляетъ собою большого размѣра бубликъ, украшенный поперечными рядами зубцовъ и валиковъ и окруженный поясомъ изъ тѣста съ крупными зубцами на немъ. Второй (изъ с. Компанѣевки того же уѣзда) отличается тѣмъ, что зубья по поясу расположены то въ одиночку, то гнѣздами по 4 и по 5 въ каждомъ. Сквозь отверстіе дивня молода *дывыцця* на молодого, когда онъ войдетъ въ хату на *весилля*, при чемъ дружки поютъ: „Ой глянь, Оксано, кризь калачъ карымы очыма та й заплачъ“ и пр. [2]). Отсюда, очевидно, происходитъ и названіе *дивынь*.

Борона представляетъ собою изображеніе земледѣльческаго орудія того же названія, всегда зубьями вверхъ. Въ нашемъ распоряженіи было пять экземпляровъ бороны. Экземпляръ, приготовленный женщиной изъ с. Компанѣевки елисаветгр. у., полнѣе другихъ, такъ какъ съ бороною изображены и два вола, и погонычъ; волы представлены безъ ногъ, по технической невозможности изобразить ихъ; налыгачъ во время печенія лопнулъ. Другой экземпляръ, привезенный изъ того же села, былъ безъ погоныча. Третій, изъ с. Губовки александрійскаго уѣзда—съ погонычемъ, но безъ воловъ. Четвертый—изъ м. Гладоссы елисаветгр. у.—составленъ изъ множества зубцовъ, перевитыхъ внизу тѣстомъ и окруженныхъ поясомъ изъ тѣста, снабженъ

[1]) „Кіев. Стар.“ 1890, прилож., 151.

[2]) С. Григоро-Денисовка (Тимковка) александрійск. у. херс. губ. Сообщила А. А. Ильичевская.

Библиотека "Руниверс"

байломъ, т. е. кольцомъ для упряжи, на одномъ изъ угловъ. На пятомъ эклемплярѣ (молдаванскомъ) изъ Новоукраинки, того же уѣзда, байло придѣлано не съ боку, а посединѣ и на передкѣ представленъ бочонокъ, съ шероховатой поверхностью. *Борона* употребляется, какъ подарокъ отцу невѣсты, „щобъ нею волочывъ“ (Гладоссы) [1]).

Матери невѣсты дарятъ *гребень*, а въ иныхъ мѣстахъ (Гладоссы) *пранык*, послѣдній затѣмъ, „щобъ збывала полотно,“ братьямъ—*боченки* изъ тѣста. Но этихъ видовъ свадебнаго хлѣба намъ не доводилось видѣть.

В. Ястребовъ.

[1]) Осиновой бороны боятся вѣдьмы. Чуб. Ш. 13. Ею прикрываютъ мартовскаго щенка въ погребѣ, чтобы не тропула вѣдьма. Ястреб., Матер. по этногр. Новор. кр. 9. Зубъ отъ бороны въ кіевс. губ. кладутъ подъ подушку новорожденнаго мальчика, чтобы родъ не пресѣкся (сообщилъ Е. И. Борисовъ).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО.

(1805—1834 г.г.).

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ (15 марта 1847 г.) умеръ въ Петербургѣ Дан. Мих. Велланскій, бывшій профессоръ медико-хирургической академіи и первый проповѣдникъ философіи Шеллинга въ Россіи. Въ 1824 г. Велланскій писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей: „почти за двадцать лѣтъ передъ симъ я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на феософическомъ понятіи, которое хотя и зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ... Этотъ „первый провозвѣстникъ шеллингизма въ Россіи“ былъ родомъ изъ г. Борзны (род. 1774 г.) и былъ сыномъ тамошняго не то козака, не то мѣщанина—Михайла Кавунника [1]). О дѣтствѣ и юности Велланскаго существуетъ разсказъ одного изъ его учениковъ, Н. И. Розанова, основанный на свѣдѣніяхъ самого Велланскаго [2]). По этому разсказу Велланскій, научившись грамотѣ у дьячка, захотѣлъ учиться дальше; выучился латыни у одного студента кіевской академіи и по совѣту тогдашняго борзенскаго врача Костенецкаго, пробрался въ Кіевъ, гдѣ и поступилъ на пятнадцатомъ году въ тамошнюю академію. Замѣна фамиліи Кавунника на Велланскаго, по сообщенію Розанова, произошла такимъ де образомъ: обижаясь насмѣшками товарищей своего дѣтства надъ прозвищемъ *Ка-*

[1]) Въ замѣткахъ Н. М. Бѣлозерскаго (см. ниже) отецъ Велланскаго называется то козакомъ, то мѣщаниномъ.

[2]) Русск. Вѣстникъ 1869 г., ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

вунника (кавунъ=арбузъ), Данило подѣлился своимъ горемъ тоже съ товарищемъ дѣтства, сыномъ одного изъ борзенскихъ *пановъ* Мих. Вл. Бѣлозерскимъ, который будто бы и назвалъ его Велланскимъ, встрѣтивъ въ этотъ моментъ въ бывшей у него въ рукахъ книгѣ слово—vaillant... Но у насъ подъ руками имѣется другая версія происхожденія этого прозвища. Въ замѣткахъ о Велланскомъ, записанныхъ сыномъ М. В. Бѣлозерскаго—Николаемъ [1]), повидимому со словъ отца, сообщается слѣдующее: „отецъ Велланскаго, козакъ борзенскій Михайло Кавунникъ, отдалъ своего сына въ городническое правленіе въ Борзнѣ. Велланскій былъ едва грамотенъ, не любилъ писать и прятался въ крапиву. Данила (Леонтія?) и Михайла Бѣлозерскихъ везли въ Кіевъ въ академію; Велланскій и сталъ просить дѣда нашего Василія—взять и его; взяли; учился отлично. *Боролись—Велланскій съ Мих. Бѣлозерскимъ; Велланскій и поборолъ папеньку.—Ну, коли такъ, такъ будешъ ты Велланскій.*—(Сказалъ при этомъ М. В. Б—ій), заимствуя названіе отъ франц. слова vaillant—могучій". Эта версія о происхожденіи фамилліи Велланскаго—какъ будто представляется болѣе правдоподобною... Въ тѣхъ же замѣткахъ Ник. Мих. Бѣлозерскаго о Велланскомъ находимъ еще свѣдѣніе, что В—ій изъ желанія учиться, *бѣжалъ* въ Кіевъ: братья Бѣлозерскіе, Михаилъ и Леонтій, желая помочь Велланскому пробраться въ Кіевъ, согласились взять его туда съ собою тайкомъ, для чего посовѣтовали В—ому спрятаться въ день своего выѣзда въ Кіевъ, гдѣ учились въ академіи, за городомъ, въ рожь, откуда Б—іе и взяли его къ себѣ на повозку, выѣхавъ за Борзну... Самъ Велланскій о тогдашнемъ своемъ отъѣздѣ изъ Борзны такъ говоритъ, въ письмѣ къ Мих. Вас. Б—ому: „за сорокъ лѣтъ предъ симъ [2]), *выѣзжая съ вами первый разъ въ жизни, изъ Борзны*, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда-либо въ томъ мѣстѣ... Къ концу моего пребыванія въ оной (въ Борзнѣ) духъ мой такъ стѣснялся, *что*

[1]) См. о немъ „Кіевск. Стар." 1897 г., январь, 146—150.

[2]) См. ниже, письмо 7-е, писанное въ 1828 г., изъ чего видно, что В—ій выѣхалъ въ Кіевъ, учиться, въ 1788 г., т. е. 14-ти лѣтъ отъ роду.

Библиотека "Руниверс"

я былъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ"... Такое состояніе духа у Велланскаго-отрока указываетъ, что бѣгство его изъ родительскаго дома, въ Кіевъ для ученія, было вполнѣ возможно.

Разсказывая о поѣздкѣ Велланскаго заграницу, для окончанія образованія, Розановъ не говоритъ, что В—ій учился въ парижскомъ университетѣ; не говорятъ объ этомъ и другіе его біографы (впрочемъ, большею частью повторяющіе свѣдѣнія Розанова); а между тѣмъ о пребываніи В—аго въ парижскомъ университетѣ въ замѣткахъ Н. М. Б—аго записано слѣдующее: „Велланскому представился случай ѣхать заграницу съ какимъ-то папомъ; панъ опредѣлилъ (?) В—аго въ парижскій университетъ, В—ій прожилъ всѣ деньги и пришелъ въ такую бѣдность, что оставилъ университетъ и нанялся къ какому-то французу—чистить сапоги (?). Однажды французъ засталъ своего лакея за разрѣшеніемъ трудныхъ математическихъ задачъ и страшно удивился. Распросивъ В—аго—кто онъ и что, французъ на свой счетъ отправилъ его въ парижскій университетъ. Изъ Парижа папенька (т. е. Мих. В. Б—ій) получилъ отъ Велланскаго письмо, въ которомъ онъ писалъ: „Велланскій, Велланскій! думалъ ли ты, бывши Кавунникомъ, попасть въ Парижъ!"—Трудно сказать, насколько вѣренъ этотъ разсказъ о подробностяхъ пребыванія В—аго въ Парижѣ, такъ какъ извѣстно, что заграницу онъ былъ посланъ на казенный счетъ.

Печатаемыя здѣсь письма Велланскаго доставлены (въ подлинникахъ) въ редакцію Кіевск. Старины В. И. Бѣлозерскою, вдовою Н. М. Бѣлозерскаго, въ бумагахъ котораго они найдены. Вмѣстѣ съ письмами доставлены и записанныя Н. М. Б—имъ отрывки изъ преданій о В—мъ. Важнѣйшія изъ нихъ приведены нами выше.—Печатаются всѣ полученныя десять писемъ; изъ нихъ одно 1805 г., писано къ сестрѣ, а остальныя девять—къ „другу" Велланскаго—Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому, какъ видно, занимавшему видное мѣсто въ судьбѣ нашего даровитаго шеллингиста. Письмо, писанное къ сестрѣ, заключаетъ въ себѣ довольно подробныя свѣдѣнія о семьѣ Велланскаго и о его къ ней отношеніяхъ. Письма къ Б—ому даютъ

Библиотека "Руниверс"

интересныя дополненія къ тому, что до сихъ поръ мы знаемъ о Велланскомъ, какъ ученомъ и частномъ человѣкѣ.

Монографія о Велланскомъ еще не написана, но матеріала для нея подготовлено уже достаточно. Кромѣ очерка Розанова, обстоятельный сводъ свѣдѣній о Велланскомъ имѣется въ *Кр.-Біогр. Словарѣ* г. Венгерова (V, 215—221), гдѣ приведена и полная библіографія Велланскаго [1]). О значеніи Велланскаго въ исторіи русской философіи подробно говоритъ г. Филипповъ (*Судьбы русской философіи*, Русск. Богатство 1894 г., № 3) и г. Милюковъ (*Главн. теченія русской историч. мысли*, I, 228).

А. Л.

---

1) Любезная сестрица Наталія Михайловна!

Сего августа 25 дня прибылъ я изъ чужихъ краевъ въ Слуцкъ. Здѣсь засталъ я матушку, хотя не совсѣмъ здоровую, которая посылаетъ тебѣ свое благословеніе. Письмо твое отъ 23 декабря 1804 года получилъ я въ чужихъ краяхъ, въ Вирцбургѣ. Пріѣхавши въ россійскія границы, первое попеченіе мое было о тебѣ. Я хотѣлъ послать тебѣ отсюда больше нежели сколько ты просила; но обстоятельства матушки и нашего зятя, отца Петра, требовали тоже моего пособія, почему я теперь болѣе десяти рублей тебѣ послать не могу. Матушка приходитъ въ глубокую старость, на глаза такъ ослабѣла, что едва видѣть можетъ. Сестрица Агафія тоже сдѣлалась почти старухою. Хотя матушка сначала прибытія въ Польшу имѣла желаніе возвратиться въ Малую Россію, однако нынѣ старость и слабое зрѣніе заставляютъ ее остаться при Агафіи до своей кончины. Какъ онѣ разсказали жизнь и поступки покойнаго твоего мужа, то я о твоемъ вдовствѣ не сожалѣю больше, а еще радуюсь, что ты отъ него избавилась. Живи, сестрица, такъ, какъ жила матушка наша. Она осталась вдовою съ пятью дѣтьми и была щастлива и довольна трудами рукъ своихъ. Ежели ты еще не состарѣла и случится честный человѣкъ по твоему состоянію и лѣтамъ, то вы-

---

[1]) Добавимъ указаніе на письма В—аго къ Ив. Р. Мартосу, „Кіевск. Стар.“ 1896 г., октябрь, 81—84.

Библиотека "Руниверс"

ходи замужъ, только берегись пяницы, ибо нѣтъ большаго нещастія въ жизни, какъ жить съ пяницею. Когда же не то, то живи и вдовою. Ты имѣешъ собственный домикъ, отяготительныхъ податей отъ тебя не требуютъ и собственными трудами въ своей родимой сторонѣ пропитаться можешь. Я теперь вижу, что здѣсь, въ Польшѣ, гораздо хуже, нежели въ Малой Россіи, наипаче для новоприбывшихъ. Дороговизна тутъ большая, нежели тамъ, а иновѣріе и различность нравовъ здѣшнихъ жителей пресѣкаютъ всякое пособіе для пришельцевъ. Матушка и сестрица Агафія съ толикими же трудами живутъ, какъ и ты, и не почитаютъ себя нещастливыми. Я совѣтую и тебѣ подражать ихъ примѣру. Что же касается до меня, то я, сколько могу, всегда пособлять тебѣ буду. Получивши сіе письмо, отвѣчай тотъ часъ отцу Петру въ Слуцкъ на оное, которій въ томъ увѣдомитъ меня въ Петербургъ. По нѣкоторомъ времени напишу я тебѣ самъ—куда ты можешь адресовать письма свои ко мнѣ. О Матвѣи не имѣю я здѣсь никакого извѣстія. Онъ кажется пошелъ теперь изъ Бѣлой Церкви въ походъ къ австрійскимъ границамъ и ежели такъ, то пойдетъ... съ полкомъ либо въ Италію, либо въ Германію противъ французовъ. О Василѣ не знаю я также, гдѣ онъ теперь поворачивается. Я надѣялся застать его въ Слуцкѣ у отца Петра и взять его съ собою въ Петербургъ, такъ какъ я ему и писалъ съ чужихъ краевъ въ Кіевъ. Отецъ Петръ получилъ отъ него письмо отъ 7-го іюля, въ которомъ онъ ему объявляетъ, что онъ идетъ пѣшкомъ изъ Кіева въ Слуцкъ. Уже проходитъ два мѣсяца и нѣтъ Василя въ Слуцкѣ, почему мы и заботимся, не случилось ли съ нимъ что нибудь на пути, который онъ по своей глупости осмѣлился предпринять пѣшкомъ. Слуцкъ отъ Кіева отстоитъ почти на 500 верстъ и ему безъ денегъ и безъ повозки никто ѣхать не велѣлъ и не совѣтовалъ. Какъ бы то ни было, ожидать его здѣсь не могу и чрезъ четыре дня отправляюсь въ Петербургъ чрезъ Бѣлую Русь, т. е. Могилевъ и проч. Кланяйся и благодари отъ меня нижайше Василію Дмитріевичу господину Третьякову за его къ тебѣ и сестрицѣ моей Евфросиніи усердіе. Я ему напишу изъ Петербурга особливо. Ежели мужъ Евфросиніи въ состояніи отку-

Библиотека "Руниверс"

питься у своего господина, то я буду просить сына его Іакима, который въ бытность мою въ Петербургѣ служилъ въ гвардіи, оказать человѣколюбіе надъ моимъ сродникомъ о чемъ..... также просить нашего отца Никиту и отца Симеона; и надѣюсь на ихъ великодушіе и доброту, что прозьба моя не будетъ отъ нихъ вовсе отринута. Судомъ и упрямостію искать вольности не можно, ибо сіе противно россійскимъ законамъ. Въ Россіи многіе милioны живутъ подъ игомъ рабства[1])... причины, никто изъ оного освободиться не можетъ. Сверхъ того, для его нужно имѣть въ губерніи и сенатѣ судебную тяжбу. Михайлу Васильевичу (Бѣлозерскому?) напишу изъ Петербурга. Братъ твой Д. Д. (?) Велланскій.

31 августа, 1805 года. Слуцкъ.

2) Дражайшій, любезнѣйшій другъ
Михайло Васильевичъ!

Вчерашній день, въ 7 часовъ вечера, получилъ я письмо ваше. Завтра въ 4 часа послѣ обѣда принимаютъ на почтѣ; и я спѣшу отвѣчать вамъ. Но прежде всего поздравляю васъ искренно, сердечно съ счастливымъ бракомъ. По древности моихъ лѣтъ, я очень еще помню покойнаго дѣдушку вашей супруги, Сотника Рыбу, при которомъ, кажется, былъ городничимъ Барабанъ. Все сіе происходило въ прошедшемъ столѣтіи. А въ нынѣшнемъ, сначала отъ холоднаго вѣтра на полѣ получили вы ревматическую боль въ ухѣ и около шеи, съ воспаленіемъ, и, можетъ, быть съ опухолью въ горлѣ, что и называютъ жабою. Это весьма обыкновенная болѣзнь, излѣчивается грудянымъ чаемъ, теплымъ содержаніемъ и припарками къ болящему мѣсту. Оставшаяся у васъ слабость, при ревностномъ исполненіи новой вашей должности усугубилась, отъ чего появлялась и увеличивалась судорожная боль въ грудяхъ, которая, какъ зависитъ отъ поврежденія нервовъ, при всякомъ возмущеніи духа ожесточается и усиливается.—Ежели она теперь поутихла, нѣтъ кашля и колотья въ грудяхъ, а только разслабленіе и усталость во всемъ тѣлѣ, то сіе означаетъ общее поврежденіе нервной си-

[1]) Точками означены выцвѣтшія слова.

Библиотека "Руниверс"

стемы, а не чахотку, которая состоитъ въ частномъ поврежденіи какой ни есть внутренности, а особливо легкихъ. Но кто легко получаетъ жабу, кашель и колючія боли въ грудяхъ, тому не трудно достать и чахотку, ибо происшедшее воспаленіе въ легкихъ, ежели вскорѣ не будетъ уничтожено посредствомъ припарокъ, нарывныхъ пластырей, или Шпанскихъ мухъ, либо кровопусканія и проч., приходитъ въ нагноеніе, которое и есть чахотка. По вашему описанію, я нахожу у васъ нервную слабость, которая обыкновенно сопряжена бываетъ съ гипохондрическими припадками. На нѣсколько времени, старайтесь избѣгать всѣхъ душевныхъ возмущеній. Физическимъ упражненіямъ предавайтесь какъ можно рѣже.....кіе[1]) три дни употребляйте одинъ разъ теплую ванну, въ которую прежде кладите душистыхъ и горькихъ травъ, какъ то: сушеной мяты, садовой ромашки и полыню, по равной долѣ, къ которымъ прибавляйте еще по четверти фунта столченныхъ въ порошекъ горчичныхъ сѣменъ. Въ пищу употребляйте то, къ чему имѣете аппетитъ, кромѣ жирнаго. Супъ съ цыплятами и овсяною крупою, говяжая студень, желе, или кисель изъ сушеныхъ фруктовъ, какъ то: вишень, сливъ, грушъ и проч., могутъ быть для васъ очень полезны. Вскипятивъ кварту хорошаго пива, положите въ оное четыре яичные желтка, разболтанные съ мелкимъ сахаромъ, и придайте лотъ истолченной въ мелкій порошекъ корицы, или имбиру; все сіе смѣшавши пить по стакану къ вечеру, да и раза два или три въ сутки теплымъ. Либо употребляйте hogel-mogel, то есть: красное вино по равной доли съ водою, и съ маленькимъ количествомъ корицы вскипятить, примѣшать нѣсколько яичныхъ желтковъ съ сахаромъ, и пить по стаканчику. Вмѣсто чаю, употребляйте по утрамъ траву, прописанную въ приложенномъ при семъ рецептикѣ. Наливъ кипяткомъ, сколько нужно, и настоявъ крѣпко, пейте не съ сахаромъ, а съ бѣлымъ медомъ (mel virgineum), который пчелы берутъ изъ липовыхъ цвѣтовъ. Покуда совершенно оправитесь, берегитесь, какъ можно простуды. Почувствовавъ колючую, постоянную боль въ груди,

[1]) Оторвана часть письма.

Библиотека "Руниверс"

прикладывайте на болящее мѣсто синапизмы, т. е. квашеное тѣсто съ толченою горчицею и уксусомъ, и держите покуда покраснѣетъ, при чемъ ставьте ноги въ теплую воду. Читать вамъ медицинскія книги совсѣмъ ненужно, ибо вы, читая тамъ всякой збродъ, только себя разстроите и встревожите напрасно, приспособляя всякіе припадки къ своей болѣзни, какъ сіе обыкновенно случается съ гипохондриками, хотя васъ и не можно считать въ числѣ оныхъ. Вы сами можете чувствовать, что вамъ противно, и что сносно и полезно изъ предписанныхъ здѣсь средствъ. Я наставляя и пользуя столько времени другихъ, никогда еще не имѣлъ нужды мучить самого себя лѣкарствами; и благодаря моему тѣлосложенію и тихому роду жизни, нахожусь совершенно здоровъ. Прошлаго генваря 13-го дня минуло два года, какъ я живу съ моею Анною Николаевною, которая составляетъ наибольшее удовольствіе моей жизни. 6-го ноября истекшаго года родила она сына, Михайла, весьма похожаго на себя, которымъ мы теперь утѣшаемся.

Миру съ англичанами нѣтъ, и не будетъ! Это... Борзнѣ не примѣтно, а здѣсь весьма тягостно. Заплативши 35 рублей за аршинъ сукна, и покупая... вещь въ пять разъ дороже противу прежняго, скоро сдѣлаемся мы здѣсь всѣ банкротами!

Я хотѣлъ вамъ прислать книжицу моего сочиненія о физикѣ, но которая еще изъ цензуры не вышла... когда будетъ готова, то вы получите оную отъ любящаго и почитающаго васъ Данилы Велланскаго [1]).

P. S. Le bruit se fait à Petersburg, que l'empereur de Fransais va èpouser la grande duchesse de Russie.

3 го февраля 1810. С.-Петербургъ.

3) Дражайшій Пріятель
Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше доставило мнѣ великое удовольствіе. Я радуюсь, что друзья мои живутъ еще въ мірѣ семъ! Планета, правда, незавидная, и квартировать здѣсь не слишкомъ сладко;

[1]) Точками означены слова, находившіяся на оторванныхъ частяхъ письма.

Библиотека "Руниверс"

но при всемъ томъ не худо еще поболтаться на оной. Прошлое лѣто, когда пранци (французы) стремились къ Москвѣ, проводили мы въ чрезвычайной тревогѣ. Ужасно было смотрѣть, какъ укладывались на суда и уѣзжали сухимъ путемъ! Но намъ бѣжать было не на чемъ и не съ чѣмъ. При таковой самотохѣ августа первыхъ чиселъ, въ два дня умерло у меня два сына: Мишенька 2-хъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцовъ и Николенка 8-ми мѣсяцовъ. Печаль по онымъ содѣлала меня равнодушнымъ къ предстоявшей опасности. Теперь остаются у меня двѣ дочечки: Катинька двухъ лѣтъ съ половиною, и Анинька 3-хъ мѣсяцовъ. Благодаря плодородію Анны Николаевны и моему сложенію, въ чадахъ недостатка у насъ не будетъ, но мнѣ чрезвычайно жалко первыхъ моихъ молодцовъ!

Я имѣлъ намѣреніе при выгодномъ случаѣ переселиться въ Москву, гдѣ можно бы имѣть лучшую практику, но она, матушка, такъ раззорена, что за нашей жизни не возстановится. Кто не имѣетъ доходу 10000 ф. въ годъ, тому жить теперь въ Петербургѣ съ семействомъ трудно. Получая жалованья 2000 ф., а изъ практики 1000 ф. и имѣя казенную квартиру, дрова, свѣчи и служителя, живу я въ небольшомъ недостаткѣ; и при строжайшей экономіи, не остается у меня ни гроша въ годъ. Бѣднякъ тотъ, кто не имѣетъ такого мѣста, гдѣ бы (могъ?) казну воровать, или другимъ способомъ общество грабить!

Нынѣшняя эпоха самая нещастная, и господствующее состояніе духа людей не подаетъ надежды къ лучшему жребію оныхъ. При всемъ томъ въ нынѣшнемъ теченіи міра можно уже видѣть нѣкоторое предначертаніе къ блаженной эпохи онаго; хотя находится она въ несмѣтной отдаленности отъ настоящей.

Истина, благость и лѣпота не суть общимъ удѣломъ духа человѣческаго, а обитаютъ только въ нѣкоторыхъ, и то весьма не многихъ; посему-то общее мнѣніе и постановленіе суть самыя неистовыя.

Льву Васильевичу мое усерднѣйшее почтеніе! Я думалъ, что онъ находится еще въ арміи. Но не вѣкъ таскаться за Марсомъ; надобно сколько нибудь пожить и въ тишинѣ. Съ того времени, какъ онъ видѣлъ мою Анну Николаевну, родила она

Библиотека "Руниверс"

два сына и три дочери, но не перемѣнилась, а только немного пополнѣла. Я не помню, какая бы это была пѣсня малороссійская, которую слыхалъ у насъ Левъ Васильевичъ? Между нотами Анны Николаевны нѣтъ ни единой; а она играетъ наизустъ: *ѣхавъ козакъ за Дунай, сказавъ дивчино прощай...* Я здѣсь у кого нибудь отыскавши спишу, и при случаѣ къ вамъ пришлю.

Данила Васильевича, дражайшаго моего современника, поздравляю брачнымъ его состояніемъ, и желаю ему и мнѣ прожить еще по 40 лѣтъ. Я столь моложавъ и свѣжъ, что меня никто не считаетъ сорокалѣтнимъ, а полагаютъ мнѣ около 30-ти лѣтъ. Но сѣдина начинаетъ уже украшать главу мою.

Съ нѣкотораго времени слухи о военныхъ дѣйствіяхъ не такъ для насъ пріятны. Сраженія происходили на Элбѣ, и наши принуждены отступать. Говорили и писали, что Австрія вступаетъ въ союзъ съ Россіею и Пруссіею противъ общаго врага; но ничего положительнаго о семъ еще нѣтъ. Боже сохрани теперь проиграть нашимъ! мы пропадемъ.

Господинъ Сенильниковъ въ Петербургѣ; и его стараніемъ выполнена коммиссія вашего батюшки, которому посылается здѣсь копія Сенатскаго Опредѣленія.

Пожелавъ вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, остаюсь навсегда преданнымъ вамъ слугою Данило Веллапскій.

P. S. Прежде сего я никакого письма отъ Васъ не получилъ.

С.-Петербургъ. 19 мая, 1813.

4) Дражайшій мой
Михайло Васильевичъ!

Нынѣшняя окказія есть такого свойства, что нельзя опустить оной безъ всякаго къ вамъ отзыва. Григорій Ивановичъ Кисилевскій возвращается въ Кіевъ чрезъ Борзну, гдѣ вѣрно не проминетъ онъ посѣтить и васъ. Посылаю Вамъ для любопытства мое сочиненійце, показывающее въ тѣснѣйшей краткости обширнѣйшіе, величайшіе предметы, которыми изъ всѣхъ ученыхъ Россіянъ занимается только одинъ Борзенскій урожe-

Библиотека "Руниверс"

нецъ Велланскій,—не изъ какого либо пустого тщеславія, а изъ чистой любви и священной склонности къ истинному и высокому. Мнѣ весьма пріятно помышлять, что проницательный, необыкновенный духъ друга моего Михайла Васильевича можетъ найти въ положеніяхъ моихъ многое для него понятное!

23-го сего сентября, въ 7 часовъ утра, родился у меня сынъ Петръ, при крайней опасности для моей Анны Николаевны, которая страдала 40 часовъ родами. Но благодаря природѣ, дѣло рѣшилось благополучно, какъ для матери, такъ и для младенца!

Леонтію Васильевичу и Данилу Васильевичу свидѣтельствую мое искреннѣйшее почтеніе и вѣрнѣйшую преданность, и желая вамъ съ вашею супругою благополучнѣйшихъ дней щастливой жизни, остаюсь истинный вашъ другъ Данило Велланскій.

P. S. Около трехъ мѣсяцевъ назадъ, какъ писалъ я въ Борзну Ивану Федоровичу Гордѣенку, но не получаю отъ него отвѣта! При случаѣ прошу его попенять, ежели онъ не въ отлучкѣ.

26 сентября, 1815; С.-Петербургъ.

5) Любезнѣйшій дражайшій мой
Михайло Васильевичъ!

Зная Ваше любопытство ко всему необыкновенному, посылаю Вамъ книгу о животномъ магнитизмѣ. Первыя двѣ части будутъ вамъ довольно понятны, а послѣдняя требуетъ предварительныхъ свѣденій въ физическихъ наукахъ. Она отпечатана въ половинѣ прошедшаго августа. Изъ всѣхъ почти мѣстъ въ Россіи приходятъ ко мнѣ требованія на оную; и изъ 1000 экземпляровъ, которые напечатаны, остается у меня только 200. Петербургская и Московская публика весьма довольны оною; а паипаче русскіе врачи изъявляютъ мнѣ благодарность свою.

Братъ мой Матвѣй Велланскій пишетъ ко мнѣ изъ Полтавы, что онъ въ бытность его въ Борзнѣ навѣщалъ васъ и пользовался благосклоннымъ Вашимъ пріятіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Данилу Васильевичу и Леонтію Васильевичу свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, оставаясь навсегда искреннѣйшимъ Вашимъ другомъ Д. Велланскій.

С.-Петербургъ. 14 ноября, 1818.

16 сентября 1826 г. Санктпетербургъ.

6) Любезнѣйшій, дражайшій, благотворительнѣйшій другъ, Милостивый Государь

Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше, отъ 1-го іюля 1826, получилъ я 9 августа. Господинъ Карамалія, доставившій мнѣ оное, не принесъ тогда формулярнаго списка г. Сорокина, который былъ нуженъ для справки по его дѣлу; и спустя три недѣли, я могъ только достать оный. Вотъ причина укоснительнаго моего отвѣта!

По воинскому узаконенію въ Россіи, г. Сорокинъ изъ полку въ городъ переведенъ быть не можетъ. Костоправы и фельдшеры въ арміи суть равнаго достоинства.—Въ семъ низшемъ медицинскомъ званіи, солдатскій сынъ долженъ прослужить, по прежнему постановленію 25, а по новому 22 года. За двадцатилѣтнюю, безпорочную службу фельдшеръ и костоправъ производятся въ 14 й классъ. Подлѣкарскаго званія, какъ въ арміи, такъ и въ гражданской медицинской службѣ, теперь нѣтъ; а въ каждомъ уѣздѣ, или въ повѣтѣ, положена должность врача, который можетъ имѣть при себѣ, для услуги по должности, двухъ лѣкарскихъ учениковъ, избираемыхъ имъ самимъ и утверждаемыхъ Губернскою Медицинскою Управою.

Я очень сожалѣю о непріятномъ обстоятельствѣ съ Леонтіемъ Васильевичемъ! но таковыя встрѣчи должны быть весьма обыкновенны между людьми, коимъ чужды: лѣпота, истина и благость духа человѣческаго. Мы живемъ въ области двухъ односущественныхъ, но противоположныхъ міровъ: Натуры и Культуры, и тѣмъ различаемся отъ животныхъ, пребывающихъ только подъ вліяніемъ Натуры. Весь процесъ жизни человѣческой состоитъ въ трехъ *актахъ*: въ чувствованіи, знаніи и хотѣніи, коихъ идеалы, или законы, сообразные творческой цѣли суть: лѣпота, истина и благость, какъ предметы эстетики, фи-

Библиотека "Руниверс"

лософіи и этики, составляющихъ божественную область культуры. Пилипенко, Долинскій и подобные имъ, не понимая законнаго содержанія сей области, живутъ въ ней такъ, какъ Корсеры въ Африкѣ, или звѣрь въ дикихъ лѣсахъ; и дѣянія ихъ жизни весьма натуральны. Но Давидъ написалъ справедливо: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе! зане яко трава скоро изсхутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ“. Нарушеніе законовъ Культуры никогда и никому не остается безъ наказанія, въ которомъ только и состоитъ все несчастіе людей. Кто наиболѣе страждетъ въ общественномъ состояніи? Конечно тотъ, кто наименѣе культированъ, или просвѣщенъ, т. е. черной народъ. Простые люди суть естественные грѣшники; и единственный источникъ ихъ грѣховъ есть темное невѣжество, за которое они должны страдать во всю ихъ жизнь C'est pourquoi, la vie de vulgair n'est autre chose, que l'assemblage des malheurs!

Бонапарте столько же былъ просвѣщенъ, сколько и Пилипенко.—Духъ его, увлекаясь одними чувственными занятіями, удалялся отъ истины и благости; посему онъ оглупѣлъ до такой степени, что теряя власть свою надъ 75 милліонами людей, лучше захотѣлъ погибнуть, нежели остаться владѣтелемъ 25-ти милліоновъ однихъ Французовъ! Недавно богатѣйшій банкиръ въ Австріи, Гольдшмидъ, застрѣлился, потерявши, по какимъ-то причинамъ, нѣсколько милліоновъ гульденовъ; и хотя у него оставалось еще 60 милліоновъ, однако онъ не хотѣлъ жить, не бывши богатымъ такъ, какъ прежде. Другой такой же банкиръ въ Лондонѣ повѣшенъ за то, что потерпѣвши уронъ на нѣсколько милліоновъ, надѣлалъ множество фальшивыхъ облигацій, въ надеждѣ уничтожить оныя со временемъ; но подлогъ хищнаго богача узнали, и по аглинскимъ законамъ его повѣсили: sic transit gloria mundi!

Общая цѣль всѣхъ нынѣшнихъ стремленій есть: быть богатымъ и сильнымъ; и достиженіе оной, какими бы то способами ни было, почитается верховнымъ благополучіемъ! Посему сцена общественной нашей жизни столь трагическа, и представляется одинакимъ образомъ: какъ въ Борзнѣ, такъ въ Петер-

Библиотека "Руниверс"

бургѣ, такъ Лондонѣ, такъ въ Парижѣ, такъ въ Константинополѣ, такъ въ Испаганѣ, Пекинѣ, Каирѣ и на всѣмъ лицѣ земномъ! Я, будучи космополитъ (гражданинъ всего міра), привыкъ смотрѣть на таковую сцену равнодушно; и хотя случалось и мнѣ самому проходить здѣсь колючія тропинки, однако я пробѣгалъ оныя, какъ можно, скоро и увертливо, не получивъ—gloria sit Deo!—слишкомъ ощутительныхъ язвинъ на стопы моя. Живу очень весело, и можетъ быть такъ, какъ жилъ Платонъ въ Аѳинахъ,—онъ бесѣдовалъ со своими учениками въ рощѣ, называемой Академія. Подобнымъ образомъ и я преподаю въ академическомъ амфитеатрѣ физіологическія наставленія: о сущности всей природы и человѣка, коими юные слушатели мои, стекающіеся сюда изъ всѣхъ провинцій Россіи, бываютъ восхищены до крайности.

Моя Анна Николаевна, первые двѣнадцать лѣтъ рождала каждый годъ, но дѣти умирали или въ самыхъ родахъ, или послѣ году, отъ труднаго выхожденія зубовъ; и остались только двѣ дочери: одной 13, а другой 15 лѣтъ, кои воспитываются въ пансіонѣ.

Почтеннѣйшему отцу Евфимію Ковалевскому прошу отъ меня кланяться! Свидѣтельство о его дворянствѣ еще не вышло изъ герольдіи; хотя Степанъ Тимоѳѣевичъ и я хлопочемъ за него усердно. По закону слѣдуетъ ему выдать оное; но здѣсь трудно ѣхать, когда оси не подмажешъ! Мои знакомцы и земляки, служащіе въ Сенатѣ, по моей прозьбѣ, обѣщали непремѣнно выхлопотать свидѣтельство протоіерею Ковалевскому. Поклонъ мой отцу Петру Семироду и женѣ его! Мнѣ очень желательно побывать въ Малороссіи! но удобнѣйшее для сего время, іюль и августъ, занято въ нашей академіи публичными экзаменами и производствами, гдѣ я долженъ участвовать непремѣнно. По новому штату Академіи, который еще не вышелъ, экзамены полагаются въ іюнѣ. Тогда я могу отлучиться на іюль и августъ, и заѣхать изъ Кіева въ Борзну, чтобы посѣтить васъ, повидѣть Семирода, и взглянуть на мѣсто, гдѣ я родился. Отъ Троицкой церкви провесть прямую линію къ болоту, подлѣ коего родился в. п. слуга Д. Велланскій.

Библиотека "Руниверс"

7) Итакъ, почтеннѣйшій, любезнѣйшій другъ Михайло Васильевичъ! желаніе мое, видѣть родимую страну, должно оставаться и теперь безъ удовлетворенія! Греки думали основательно: что боги, управляющіе міромъ, сами управляются судьбою, и трепещутъ отъ всякаго покушенія къ преступленію ея опредѣленій! За 40 лѣтъ предъ симъ, выѣзжая съ вами, первый разъ въ жизни, изъ Борзны, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ, и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда либо въ томъ мѣстѣ. Въ дѣтскихъ лѣтахъ, и не зная другихъ обстоятельствъ жизни, я, по настоящему, не имѣлъ причины быть столь недовольнымъ Борзною; но къ концу моего пребыванія въ оной, духъ мой такъ стѣснялся, что я жилъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ! Таковое стѣсненіе напечатлѣлось глубоко въ моей памяти; и мнѣ часто приходитъ теперь желаніе повидѣть Борзну, но не удается исполнить оное.

По разсказамъ г. Косенка, у котораго распрашивалъ я о всѣхъ борзенскихъ обстоятельствахъ, непримѣтно никакой перемѣны въ физическомъ положеніи и нравственномъ образованіи Борзняковъ. Каковыми были они за полвѣка, таковыми остаются и теперь. Физическій свѣтъ пробѣгаетъ въ одну секунду 40000 геометрическихъ миль (изъ коихъ въ одной содержится 7 нашихъ верстъ), а психическій ползетъ медленнѣе улитки; и въ провинціяхъ могущественной, огромной Россіи едва ли появляется утреннее мерцаніе европейскаго просвѣщенія! Мнѣніе сіе весьма не многіе признали бы основательнымъ; поелику наибольшая часть людей имѣютъ совсѣмъ другое понятіе о просвѣщеніи: такъ какъ о добрѣ и злѣ, о блаженствѣ и несчастіи, о совершенствѣ и недостаткѣ всякъ думаетъ по своему.

Мнѣ очень жалко, что въ теченіе толикаго времени не имѣлъ я случая видѣться съ вами лично. Нашимъ разговорамъ не было бы конца; но въ одинъ часъ разсказалъ бы я вамъ болѣе, нежели можно написать въ цѣлый годъ. Г. Косенко слишкомъ простъ. Раціональныя понятія для него чужды; и я немогъ ему растолковать всемірнаго механизма земли: какъ она ежедневно поварачивается колесомъ, и въ годъ обходитъ вокругъ солнца. Мнѣ хотѣлось сообщить ему, хотя самое поверх-

Библиотека "Руниверс"

ностное, знаніе о физическомъ мірѣ; mais il en etait incapable. Однажды я ему сказалъ, по секрету, что чорта нѣтъ на свѣтѣ, и что онъ выдуманъ только для того, дабы пугать имъ простой народъ. Это привело его въ нѣкоторое смущеніе, и хотя онъ мнѣ на то не возражалъ, но внутренно не повѣрилъ. Мы говорили о вѣдьмахъ, о ворожкахъ и знахаркахъ, о колдунахъ и упыряхъ. Я ему изъяснялъ физическимъ образомъ, что таковыя проказницы и проказники дѣйствительно не существуютъ, и что чортъ въ ихъ дѣяніяхъ не участвуетъ ни малѣйше.

Кажется, что г. Косенко изъ разговоровъ моихъ мало почерпнулъ пользы; но разсказы его много удовлетворяли моему любопытству. Бесѣдуя съ нимъ часто о Горознѣ, я столько получилъ о ней свѣденій, что какъ будто-бы съѣздилъ въ оную. За то я старался доставить ему, сколько можно болѣе, познанія о Петербургѣ; хотя онъ, по чрезвычайнымъ своимъ работамъ въ Сенатѣ, не могъ пріобрѣсть значительнаго свѣденія въ эстетическомъ вкусѣ, топографическомъ величіи и политическомъ тонѣ блестящей европейской столицы. Ни разу не удалось ему побывать въ русскомъ театрѣ, ни въ итальянской оперѣ, ни въ музыкальномъ концертѣ. Едва одинажды зимою успѣлъ я свезти его въ Олимпійскій циркъ Турніера, гдѣ на лошадяхъ, бѣгающихъ во всю прыть кругомъ, дѣлаютъ весьма ловкія пляски и скачки мужчины и женщины, такъ что Косенко сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ и думалъ, что плясуны пускаютъ *ману*. Хотѣлось еще повести его къ Кіарини, гдѣ чудеснѣйшія штуки дѣлаютъ на канатахъ, но онъ за сенатскими хлопотами не успѣлъ воспользоваться симъ зрѣлищемъ. При концѣ пребыванія его въ Петербургѣ, я совѣтовалъ ему настоятельно, чтобы онъ побывалъ еще въ Парижѣ, т. е. посмотрѣлъ панораму Парижа, которая сдѣлана съ превосходнѣйшимъ искусствомъ перспективной живописи, гдѣ взирающему представляется весь городъ Парижъ, въ натуральной величинѣ, фигурѣ и цвѣтѣ домовъ и другихъ зданій, мостовъ на рѣкѣ Сенѣ, улицъ, площадей и садовъ; весьма явственно въ той части города, гдѣ живописецъ снималъ видъ онаго.

Библиотека "Руниверс"

Братъ мой хвалился вашею благосклонностію и гостепріимствомъ, коими онъ пользовался, будучи въ Борзнѣ, что я почитаю доказательствомъ дружескаго Вашего ко мнѣ расположенія. Г. Косенко разсказывалъ мнѣ о счастливыхъ обстоятельствахъ домашней и фамильной вашей жизни, чему я сердечно радуюсь, имѣя къ вамъ неограниченную преданность и доброжелательство.

Данилъ Велланскій.

30 мая, 1828. С.-Петербургъ.

8) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Извѣстіе о новорожденномъ вашемъ Олимпіи было для меня восхитительно! Поздравляя васъ съ полученіемъ такового дара небесъ, возношу мольбу мою къ онымъ о ниспосланіи благой судьбы на прозябшую отъ васъ новую отрасль!

Между тѣмъ, за физическіе ваши подвиги, приношу вамъ плодъ психическихъ моихъ занятій, который, можетъ быть, доставитъ сколько-нибудь удовольствія любопытному вашему духу.

Леонтію Васильевичу, другу и любезнѣйшему моему товарищу въ юныхъ лѣтахъ, свидѣтельствую искреннѣйшій мой поклонъ! Да хранитъ его десница Всевышняго въ тихой и мирной сельской жизни!

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и безмѣрною преданностію. Д. Велланскій.

22 марта, 1832. С.-Петербургъ.

9) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Причиною медленнаго сего отвѣта на письмо ваше, отъ 5-го мая 1832 г., есть податель онаго г. Шкляревичъ. Онъ былъ у меня только одинъ разъ; въ другой разъ зашелъ еще и посидѣлъ минуты три, сказывая, что онъ скоро уѣзжаетъ изъ Петербурга. На прозьбу мою онъ обѣщалъ побывать у меня предъ своимъ отъѣздомъ и назначилъ день своего посѣщенія, но не удостоилъ меня онаго!

Библиотека "Руниверс"

Наканунѣ того дня приготовилъ я къ вамъ письмецо, которое здѣсь и прилагается. Дикій поступокъ г. Шкляревича со мною показываетъ, что я ему весьма не понравился. Но какъ я не подалъ ни малѣйшаго повода къ его неудовольствію, а паче старался, откровенно и притворно, пріобрѣсть его пріязнь, то онъ долженъ имѣть антипатію къ людямъ одинакаго со мною качества.

Вы желаете, чтобы сынъ вашъ Викторъ успѣлъ быть профессоромъ физики и химіи. Это будетъ зависѣть отъ его способности и склонности къ физическимъ наукамъ, которыя, хотя весьма обширны и разнообразны, однако требуютъ познанія ихъ цѣлости. Физика и химія имѣютъ предметомъ неорганическую или мертвую природу, которой познаніе неважно безъ понятія объ органической или живой природѣ. Не можно быть великимъ физикомъ или химикомъ, не имѣя довольнаго свѣдѣнія въ фитологіи (наука о растительномъ царствѣ), зоологіи (о царствѣ животныхъ) и антропологіи (о человѣкѣ).

Посему желающій посвятить себя ученому роду жизни долженъ проходить медицинскій факультетъ, въ которомъ преподаются всѣ физическія науки; и степень доктора медицины получаютъ только по строгомъ испытаніи изъ оныхъ наукъ. Докторъ медицины имѣетъ много выгодъ на своей сторонѣ. Онъ можетъ заниматься практикою, которая составляетъ главнѣйшій способъ къ пріобрѣтенію хорошаго куска хлѣба. Но кто не имѣетъ терпѣнія, особливой способности и свѣтской ловкости, необходимыхъ для практическаго врача, тотъ, по его склонности къ какой-либо изъ физическихъ наукъ, можетъ легко сдѣлаться профессоромъ оной. Для гимназическихъ и народныхъ учителей есть педагогическій институтъ, а для профессоровъ нѣтъ предуготовительнаго заведенія, и они, какъ члены высшихъ училищъ, т. е. академій и университетовъ, должны приготовлять сами себя къ избираемой ими профессурѣ, для которой нужно курсировать не малое время въ высшихъ училищахъ и карабкаться чрезъ многія ступеньки, покуда всунешься въ профессорскую каѳедру.—Хотя у насъ на Руси многіе лѣзутъ въ оную напро-

Библиотека "Руниверс"

ломъ другою дорогою и берутся учить тому, о чемъ сами не имѣютъ настоящаго понятія.

Если вы хотите опредѣлить вашего сына въ ученое состояніе, то по окончаніи словесныхъ и математическихъ наукъ въ гимназіи или въ лицеѣ, пошлите его въ университетъ, гдѣ бы онъ занялся предметами медицинскаго факультета столько, чтобы могъ получить степень доктора медицины, къ чему потребно 6 или 9 лѣтъ. Тутъ вы должны потрясти нѣсколько своею худобою, для содержанія его на собственномъ иждивеніи, ибо казенныхъ студентовъ, послѣ трехъ или четырехлѣтняго курса, дѣлаютъ лѣкарями и посылаютъ въ армію или во-флотъ на службу, гдѣ должно разстаться навсегда съ тихими и покойными музами. Но паче всего долженъ онъ изучиться совершенно нѣмецкому языку, который теперь необходимъ для учености, ибо важнѣйшія философическія и физическія сочиненія нынѣшняго времени писаны только на нѣмецкомъ языкѣ, безъ котораго не можно пріобрѣсти глубокихъ свѣдѣній ни въ какой физической наукѣ. Я всѣмъ моимъ знаніемъ одолженъ нѣмцамъ, которыхъ и считаю только истинно учеными. Умственныя произведенія всѣхъ европейскихъ націй мнѣ также извѣстны но я не нахожу въ оныхъ ничего важнаго, путнаго и основательнаго.

Вашъ искреннѣйшій Д. Велланскій.

18 ноября, 1832. С.-Петербургъ.

10) Милостивый государь, дражайшій, великодушный другъ мой Михайло Васильевичъ!

Искренній, дружескій вашъ пріемъ, оказанный мнѣ въ проѣздѣ моемъ чрезъ Борзну, возобновилъ въ духѣ моемъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое произведено тамъ благотвореніями вашими съ юныхъ лѣтъ моихъ! Поѣздка моя въ Малороссію, хотя по привычкѣ моей къ сидячей жизни была для меня довольно тягостна, однако доставила мнѣ чрезвычайное удовольствіе видѣть васъ со всѣми вашими домочадцами, имиже благословилъ васъ Господь! Кіевъ произвелъ во мнѣ живое воспоминаніе о жизни моей, проведенной тамъ въ моленіи и бла-

Библиотека "Руниверс"

говѣніи, необыкновенномъ отроческому юношескому возрасту. Но въ нынѣшнемъ состояніи моего духа показался онъ мнѣ чуждымъ. Москва удивила меня внѣшнимъ своимъ видомъ. Это фениксъ, возродившійся изъ своего пепла, и выросшій такъ скоро до совершенной величины. Я пробылъ въ Москвѣ 4 дня. Академическіе и университетскіе профессоры приняли меня, принца ученаго свѣта! Они дѣлали для меня торжественный обѣдъ и съ пелицемѣрнымъ усердіемъ восклицали за шампанскимъ: да здравствуетъ Велланскій, Русскій нашъ Философъ! Послѣ обѣда бесѣдовалъ я съ ними часовъ шесть о физическихъ предметахъ, излагалъ имъ трудныя проблемы въ моей физикѣ, которую они мало поняли, потому что основанія Натуральной Философіи, изъ которыхъ она выведена, имъ вовсе неизвѣстны; однако они столь прозорливы и правдолюбивы, что могли тотчасъ видѣть всю силу моихъ доказательствъ, и не оспаривали ихъ пустыми возраженіями. Они просили меня остаться хотя на одинъ мѣсяцъ въ Москвѣ и дать имъ нѣсколько лекцій изъ Умозрительной Физики. Но я долженъ былъ спѣшить въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ августа, ибо 1-го сентября начинается академическій курсъ лекцій.

Москва есть настоящее сердце Россіи, и жители, какъ самой Москвы, такъ и всей московской губерніи, составляютъ цвѣтъ Русскаго народа. Простой московскій народъ отличается отъ всѣхъ народовъ другихъ провинцій своею живостію, веселостію, красотою тѣла, особливо мужчинъ, и наружнымъ самодовольствіемъ. Люди высшаго и средняго класса вездѣ почти одинаковы, а настоящій характеръ и состояніе націи можно только видѣть въ простомъ народѣ. Какая разница между Бѣлорусцами, Малороссами и Москалями! Тѣ вообще бѣдны, печальны и глупы; а послѣдніе хотя не богаты, но довольны, веселы и чрезвычайно смѣтливы.

Въ началѣ прошлаго декабря московскіе профессоры приглашаютъ меня пріѣхать въ Москву на одинъ генварь или февраль мѣсяцъ для преподаванія тамъ публичныхъ лекцій изъ Натуральной Философіи. Они предлагали мнѣ за 20 лекцій 20 тысячъ рублей, которыя, на случай моего согласія, хотѣли они

Библиотека "Руниверс"

собрать отъ 200 добровольныхъ слушателей, по 100 рублей съ каждаго. Но я, не имѣя адъюнкта или помощника, не могу во время курса отлучиться и на два дня изъ академіи. Въ году одинъ августъ имѣемъ мы свободнымъ, или вакаціоннымъ временемъ; и ежели въ слѣдующемъ августѣ отыщутся 50 слушателей для моихъ лекцій въ Москвѣ, то я поѣду на 28 дней. Лѣтомъ богатые студенты и роскошные дворяне уѣзжаютъ изъ Москвы на вакаціи и въ деревни, а посему не много слушателей подпискою собрать можно.

Братъ мой не рѣшился еще оставить службу и жить въ Борзнѣ.—Да я ему совѣтовалъ доканчивать вѣкъ свой въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ привыкъ заниматься лѣченіемъ больныхъ, и безъ чего ему вездѣ будетъ скучно. Онъ пишетъ ко мнѣ, что Семиродъ купилъ для него домъ, еще недодѣланный, и что онъ просилъ васъ поставить его на томъ дворикѣ въ *замкѣ*[1]), гдѣ мы пили воду изъ криницы. Но онъ вѣрно не знаетъ, что къ дворику нѣтъ проѣзда, и только могутъ проходить къ нему свиньи, да пѣшіе люди. Посему мнѣ кажется лучше поставить домъ на Семиродовомъ дворѣ подлѣ его жилища, тамъ гдѣ мы предполагали; и ежели братъ жить въ Борзнѣ не будетъ, то не обдѣлывать дома понапрасну, а продать его такъ, какъ онъ купленъ. Я совѣтовалъ брату купить у Семирода домикъ прежняго нашего жилища въ *замкѣ*, дабы приписать къ оному его людей, которые послѣ его смерти должны достаться мнѣ. У него 4 души мужеска пола: парнишка лѣтъ тринадцати и три мальчика, рожденные его дѣвкою. Мнѣ хочется развести колонію въ Борзнѣ! Когда они возрастутъ, куплю для нихъ землю, поженю ихъ, буду снабжать всѣмъ нужнымъ, и платить за нихъ всю казенную повинность.

Недавно познакомился со мною здѣсь кандидатъ Харьковскаго Университета, бывшій долго въ Лондонѣ и нынѣ назначаемый профессоромъ въ Кіевскій Университетъ св. Владиміра. Онъ постарается опредѣлить вашего Виктора Михайловича при Университетѣ. Но онъ пробудетъ еще здѣсь нѣсколько мѣся-

[1]) Часть города Борзны.

Библиотека "Руниверс"

цевъ; ибо долженъ выдержать экзаменъ въ здѣшнемъ Университетѣ, сдѣлаться магистромъ философіи. Почтеннѣйшей вашей супругѣ и любезнѣйшимъ дѣтямъ свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, и остаюсь преданнѣйшій Вашъ

Д. Велланскій.

P. S. Третьяго дня извѣстилъ меня Николай Даниловичъ о смерти Леонтія Васильевича. Онъ перешелъ только изъ частнаго бытія въ общее существованіе, откуда мы возникаемъ рожденіемъ и куда возвращаемся смертію!

20 марта, 1834. С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Въ сѣверовосточной части гадячскаго уѣзда, полт. губ., лежитъ небольшое с. Беевъ, иначе называемое Чернышевка или Чернышевая слобода, основанное извѣстнымъ Ив. Чернышемъ въ бытность его гадяцкимъ полковникомъ (1709—1714 гг.). Въ приходской церкви этого села хранится небольшой образъ Б. Матери, украшенный старинной серебряной ризой, на краяхъ которой, на каждой изъ четырехъ сторонъ, вырѣзаны славянскія вирши. Немногіе изъ грамотныхъ людей въ состояніи прочесть эти старинныя силлабы, испещренныя надстрочными знаками и сокращеніями, смыслъ же ихъ остается совсѣмъ непонятнымъ для мѣстныхъ грамотѣевъ, ибо въ нихъ идетъ рѣчь о лицахъ и событіяхъ давно минувшихъ: о гетманѣ Мазепѣ, о полковникѣ Чернышѣ и о томъ, какъ заступленіемъ Богородицы послѣдній былъ избавленъ отъ «лютости» перваго. Въ свое время этотъ эпизодъ былъ настолько общеизвѣстенъ, что виршеслагатель могъ ограничиться однимъ намекомъ на постигшее Черныша злоключеніе, имѣя въ виду лишь увѣковѣчить въ памяти грядущихъ поколѣній «лютую злобу» Мазепы и невинное терпѣніе его жертвы; но въ наше время намекъ этотъ понятенъ только лицамъ хорошо знакомымъ съ данной эпохой, поэтому прежде чѣмъ приведемъ текстъ виршей, припомнимъ читателямъ небезъинтересный эпизодъ, послужившій поводомъ къ ихъ составленію.

Иванъ Чернышъ былъ типичнымъ представителемъ малороссійской старшины XVIII ст. въ ея главныхъ качествахъ: искательствѣ, ненасытномъ стяжательствѣ и неразборчивости въ средствахъ для

Библиотека "Руниверс"

достиженія намѣченной цѣли. Подобно большинству своихъ собратій, онъ стремился выдвинуться въ войсковой службѣ не военными доблестями, а службой въ генеральной канцеляріи, гдѣ скорѣе можно было выслужиться, служа не столько дѣлу, сколько лицамъ. Уже въ 1701 г. Чернышъ былъ «войсковымъ канцеляристой» и неоднократно ѣздилъ къ царю съ порученіями отъ гетмана. Въ 1703 г. онъ является сверхъ того „господаремъ“ замка Батурпнскаго и управляющимъ ранговыми имѣніями Мазепы. Когда въ мартѣ 1706 г. былъ убитъ въ Несвижѣ Стародубскій полковникъ Михайло Миклашевскій, Чернышъ, все еще остававшійся въ скромномъ званіи войсковаго канцеляриста, задумалъ занять вакантный урядъ. Не знаемъ, потворствовалъ ли этому домогательству гетманъ, только извѣстно, что Чернышъ отправился въ Москву, гдѣ находился тогда царь, и пользуясь лично пріобрѣтенными связями и знакомствами въ средѣ царедворцевъ, сталъ настойчиво, именемъ Мазепы, добиваться стародубскаго полковничества и, какъ кажется, заручился настолько серьезными обѣщаніями, что когда Мазепа представилъ на тотъ же урядъ болѣе угоднаго ему кандидата, генеральнаго есаула Ив. Скоропадскаго, то Чернышъ, возвратясь въ Малороссію, разглашалъ, будто онъ, помимо гетмана, на тотъ урядъ пожалованъ, но при этомъ, вѣроятно, не стѣсняясь поносилъ Мазепу за его вѣроломство и криволушіе. Раздраженный гетманъ неоднократно писалъ графу Головкину и Шафирову, будто Чернышъ при этомъ «всѣвалъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристойства къ возмущенію народа малороссійскаго», а въ бытность въ Москвѣ гетманъ лично жаловался о томъ царю, и царь велѣлъ ему судить и карать дерзкаго канцеляриста «по воинскимъ правамъ». Но, вѣроятно, вины Черныша были не очень серьезны или же онъ успѣлъ вымолить у Мазепы прощеніе; по крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы онъ былъ преданъ суду. Но въ 1708 году возникло извѣстное дѣло Кочубея и Искры, и въ розыскѣ по этому ужасному дѣлу вдругъ промелькнуло имя Черныша. Этого было достаточно, чтобы самъ царь, въ грамотѣ къ Мазепѣ отъ 20 апрѣля, писалъ слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чернышъ, того ради повелѣваемъ... дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлѣнно взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну... пока привезены будутъ отсюда

Библиотека "Руниверс"

вышепомянутые воры Кочубей и Искра»; а черезъ три дня послѣдовалъ новый царскій указъ съ подтвержденіемъ того же повелѣнія. Мазепа по особымъ разсчетамъ выгородилъ Апостола, но съ Чернышемъ не церемонился: онъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму Бѣлоцерковскаго замка, гдѣ въ то время находился Мазепа. Передъ нимъ прошли всѣ ужасы суда и казни Кочубея и Искры, а безстрашный экс-канцелярист, сидя въ оковахъ, твердилъ одно, что Головкинъ и Шафировъ по личной немилости къ нему на погибель ему указы посылаютъ, о чемъ гетманъ троекратно извѣщалъ послѣднихъ. Присланъ былъ и самый розыскъ о Чернышѣ, въ которомъ его прикосновенность къ дѣлу Кочубея и Искры выразилась въ слѣдующемъ: 1) На допросѣ 19 апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ подлинно, кто изъ старшинъ, знающихъ объ измѣнѣ гетмана, не доноситъ о томъ изъ «преклонности» къ нему или изъ страха, «а ежели бъ былъ Чернышъ, то бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то бъ и онъ былъ съ ними». 2) 21-го апрѣля Петръ Яценко показалъ, что въ концѣ 1707-го года присылалъ Чернышъ къ полтавскому протопопу Тимоѳею своего человѣка съ письмомъ, въ которомъ и «цидула» была вложена, а въ ней написано, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чернышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Конечно, улики были крайне слабы и никакого отношенія къ дѣлу Кочубея и Искры не имѣли; но если припомнимъ, что ни одно изъ лицъ, такъ или иначе соприкосновенныхъ къ этому злосчастному дѣлу, не было пощажено, что даже писаря и слуги доносчиковъ по особымъ политическимъ соображеніямъ были удалены изъ предѣловъ Малороссіи, если ктому же вспомнимъ, что всесильные Шафировъ и гр. Головкинъ были сильно раздражены противъ Черныша за его нареканія, то становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ ему удалось выйти благополучно изъ этого крайне опаснаго дѣла. По всей вѣроятности, Черныша спасъ не кто другой, какъ отчимъ его жены[1]), стародубскій полковникъ Ив. Скоропадскій, съ которымъ Мазепа поддерживалъ постоянно наилучшія отношенія, разсчитывая

[1]) Чернышъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на Евдокіи Голубъ, дочери генеральнаго бунчужнаго Конст. Голуба и его жены, знаменитой Настасьи Марковичевны, по второму браку Скоропадской, будущей гетманши.

Библиотека "Руниверс"

(ошибочно) имѣть въ немъ вѣрнаго соучастника въ задуманномъ политическомъ переворотѣ. Самъ Чернышъ приписывалъ свое «избавленіе отъ бѣдъ» исключительно чудесной помощи Б. Матери. По его словамъ, въ то время, когда онъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ, возлагалъ единственную надежду на помощь свыше, а его жена, томимая страшнымъ безпокойствомъ о судьбѣ мужа, изливалась въ слезахъ и молитвахъ, ей «въ тонкомъ снѣ» явилась сама Пресвятая Дѣва и утѣшила ее обѣщаніемъ, что ея супругъ получитъ свободу. И точно, въ тотъ самый день Чернышъ неожиданно для него самого былъ освобожденъ. Это случилось 18 іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры.

Годъ спустя Чернышъ, какъ жертва гоненія измѣнника-гетмана и какъ близкій родственникъ Скоропадскаго, получилъ урядъ гадячскаго полковничества и въ благодарную память о чудесномъ избавленіи отъ бѣдъ сдѣлалъ серебряную ризу на ту самую фамильную икону Б. Матери, предъ которой молилась о немъ его жена въ роковые дни, когда онъ томился въ оковахъ, а на краяхъ этой ризы велѣлъ вырѣзать слѣдующія вирши:

Полковництвомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютѣйша звѣрных
Мазепи, полковництва ради от безмѣрных
Сылъ царя наданого Стародуба града
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Нейже взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, воньже мя избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Аки птенецъ, изиде из руки губища
Твой господінь воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злым отмстітель, Богу Отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, усліщахъ сей глас торжественій,

Библиотека "Руниверс"

Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ,а҃ѱ҃і (1710), міца юля дня ҃ні (18).

Этотъ образъ до послѣдняго времени хранился въ родѣ потомковъ Черныша, въ с. Беевѣ, и лишь въ 1860-хъ годахъ послѣдняя представительница этой семьи Н. В. Чернышъ († 1871 г.) передала его въ мѣстную приходскую церковь.

Остается лишь прибавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ив. Черныша. За стяжательность онъ потерялъ въ 1714 г. полковничество въ Гадячѣ и былъ переведенъ на должность генеральнаго судьи, на которой былъ извѣстенъ своей подкупностью. Когда въ 1719 г. освободился стародубскій полковничій урядъ, Чернышъ, добивавшійся этого уряда, какъ мы видѣли, еще въ 1706 г., употреблялъ крайнія усилія, чтобы получить его; между прочимъ, съ этою цѣлью онъ, года еще за два до смерти прежняго полковника, началъ скупать земли въ Стародубовскомъ полку, желая сдѣлаться своимъ человѣкомъ между тамошними полчанами. Но въ Петербургѣ давно знали о его стяжательности, и его кандидатура потерпѣла неудачу. Мало того, гетману Скоропадскому приказано было отобрать у Черныша всѣ насильственно скупленныя имъ козачьи грунты и возвратить прежнимъ владѣльцамъ. Съ тѣхъ поръ слѣдствіе о земельныхъ захватахъ Черныша въ Старод. полку продолжалось до его смерти, послѣдовавшей 30 ноября 1728 г. Умеръ онъ въ Москвѣ и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

О. Левицкій

Литовская метрика, давно ожидающая *обстоятельнаго* своего изданія, готовится къ появленію въ свѣтъ въ значительной по крайней мѣрѣ своей части. Директоръ московскаго архива минист. юстиціи г. Самоквасовъ перечисляя настоящія работы своихъ сослуживцевъ [1]), между прочимъ говоритъ: «одному изъ вольнослужащихъ въ архивѣ поручена выборка и печатанье образцовыхъ (?) и особо важныхъ въ научномъ отношеніи документовъ отдѣленія «Литовской метрики», относящихся къ литовскимъ сеймамъ и экономическому состоянію народонаселенія литовскаго государства. Эта послѣдняя работа въ объемѣ около сорока печатныхъ листовъ, заканчивается печатаніемъ».

[1]) Журн. М. Н. Пр., августъ, стр. 65.

Библиотека "Руниверс"

Хотя изъ этого указанія и трудно уразумѣть—какого именно рода документы изъ литовск. метрики нынѣ печатаются, но думается, что документы послѣдней всѣ «важны въ научномъ отношеніи», а потому слѣдуетъ желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ этого изданія.

Дьячки старой Малороссіи такъ описывали свое неприглядное положеніе:

Хто въ N... не бувавъ
Той и лыха не знававъ;
А я въ N прожывавъ
И много бидъ прыймавъ:
Дякувавъ, паламарувавъ,
И попа до церкви рано пробуждавъ;
И ще жъ до того людямъ угождавъ:
И М... панщыну работавъ.
Бо чуть-свитъ свитае,
То есаулъ Кирюсъ до школы прыхожае
И глашае:
Дьяче, на панщыну, косить!
Або будешь брусья носить..
Ще крыпче гонить
На ленъ панъскій
Иванъ Пивторацкій...
Лыде говорять:
„Горе тоби, горе, дьяче!
Згынешь ты въ насъ небораче"..
Здѣ читатель мене изрини
И назадъ листокъ переверни...

Далѣе, вѣроятно тотъ же авторъ говоритъ еще и слѣдующее:

Хто хоче лыха зазнаты,
Нехай иде въ N дякуваты:
То буде панщыну въ будни робыты,
А въ субботу ходыть звоныты,
Сала по сели прохаты
И скризь за хлибомъ шмаруваты.
Въ церкви же горшка (для угольевъ) не маемъ,
И покрышку для вогня позычаемъ.
Сіе вамъ изображаю
И самъ въ N утикаю.

Этотъ интересный голосъ прошлаго записанъ въ «Ирмологіи», изд. 1757 г. (Вѣстн. И. Геогр. Общ. 1858 г., № 7, стр. 52, и Подольск. Епарх Вѣд. 1897 г., № 39, стр. 1035).

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ узоровъ писанокъ. «Въ Кіевской Старинѣ» въ свое время сообщалось о предположенномъ г-жею Скаржинскою изданіи рисунковъ писанокъ. Еще въ 1895 году «Лубенскимъ Музеемъ» г-жи Скаржинской была издана брошюрка, въ которой Музей, сообщая о томъ, что онъ обладаетъ значительной коллекціей писанокъ (болѣе тысячи экземпляровъ), приглашалъ «всѣхъ любителей народнаго искусства» помочь ему въ еще большемъ пополненіи этой коллекціи присылкою новыхъ экземпляровъ.

Въ брошюркѣ предлагалась подробная программа для собиранія писанокъ и всякаго рода свѣдѣній о нихъ; программа эта могла показаться инымъ собирателямъ, пожалуй, даже черезчуръ подробной: рекомендовалось присылать при экземплярахъ писанокъ не только свѣдѣнія о томъ, кто, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ способомъ и орудіемъ, для какой цѣли раскрашивалъ писанку, но даже высказывалось желаніе знать общественное и семейное положеніе мастера, или мастерицы, отъ которыхъ была пріобрѣтена писанка... Правда, при этомъ въ программѣ говорилось, что «и отрицательные отвѣты имѣютъ для Музея цѣну почти равную съ положительными» (?) и что «если не всегда можно дать отвѣты даже на немногіе изъ предложенныхъ вопросовъ, то для Музея будетъ знаменательна уже самая такая невозможность»...

Очень интересно было бы знать, много-ли Музей нашелъ корреспондентовъ, много-ли было прислано экземпляровъ писанокъ и относящихся къ нимъ свѣдѣній.—Какъ-бы то ни было, черпая-ли матеріялъ изъ своего запаса, или пополняя его присланнымъ, г-жа Скаржинская предприняла большое хромолитографированное изданіе узоровъ писанокъ.

Намъ пришлось видѣть двѣ первыя таблицы этого сборника, уже отпечатанныя; оставляя болѣе подробный отчетъ до выхода всего сборника, мы скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу этихъ первыхъ таблицъ. Каждая таблица представляетъ собою довольно большой листъ, на которомъ помѣщено 16 рисунковъ писанокъ въ натуральную величину, отлитографированныхъ соотвѣтствующими красками; части узора, которыя не могли помѣститься на рисункѣ, при нѣкоторыхъ писанкахъ помѣщены отдѣльно.

Изданіе обѣщаетъ быть очень солиднымъ: намъ сообщаютъ, что оно будетъ состоять изъ 30-ти такихъ таблицъ. Солидно оно и по содержанію,—матерьялъ въ немъ собранъ обширный и разнообразный, что и должно было оказаться, такъ какъ узоры писанокъ для сбор-

Библиотека "Руниверс"

ника собраны въ 13-ти губерніяхъ. Но если коллекція собиралась на такомъ большомъ районѣ, то вѣроятно, рисунки принадлежатъ различному по національности населенію; если такъ, то нужно, чтобы это было подробно отмѣчено въ примѣчаніяхъ, иначе интересъ матеріала въ значительной мѣрѣ будетъ утраченъ.

При несомнѣнномъ разнообразіи матеріаловъ, въ сборникѣ г-жи Скаржинской будетъ, очевидно, много варіантовъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ, о чемъ можно судить уже и по первымъ двумъ таблицамъ: такъ, на табл. I-й—рисунокъ писанки съ фигурой цвѣтка, (такъ называемой «повной рожи»), изображенъ восемь разъ, при чемъ на нѣкоторыхъ рисункахъ варьируется только *раскраска*, а именно,—на одномъ рисункѣ изображена «рожа» красная на коричневомъ фонѣ, на другомъ тотъ же цвѣтокъ на томъ же фонѣ—зеленый, на третьемъ тотъ же точно рисунокъ, на томъ же полѣ—бѣлый и т. д. Мы не знаемъ, для какой именно публики предназначается сборникъ; если имѣется въ виду обычная публика, покупающая вообще «узоры», то для такой публики сборникъ съ обиліемъ варіантовъ покажется однообразнымъ, а такъ какъ при томъ варіанты увеличиваютъ объемъ изданія, а слѣдовательно и цѣну экземпляровъ, то сборникъ можетъ показаться и слишкомъ дорогимъ.

Но если сборникъ предназначается для спеціалистовъ, ученыхъ этнографовъ, то они скажутъ г-жѣ Скаржинской большое спасибо, такъ какъ обиліе варіантовъ даетъ возможность судить какъ о степени распространенія извѣстнаго мотива, такъ и о подробностяхъ обработки; это наблюдается при изслѣдованіи словесныхъ этнографическихъ матеріаловъ (сказокъ, пѣсенъ); то-же самое должно быть, конечно, и въ области орнаментики. Нужно только прибавить, что если сборникъ долженствуетъ быть этнографическимъ, то надо, чтобы онъ былъ систематическимъ.

Что касается до внѣшняго вида, то сборникъ, судя по первымъ таблицамъ, будетъ имѣть довольно хорошій видъ. Печатается онъ на хорошей, плотной бумагѣ, краски тоже хороши. Но литографная работа нѣсколько грубовата и не отчетлива,—на что мы совѣтуемъ издательницѣ обратить вниманіе и имѣть въ виду при печатаніи слѣдующихъ таблицъ: контуры нѣкоторыхъ писанокъ не совсѣмъ ровны (рис. 4-й, 5-й, 7-й на I-й табл. и первый на II-й табл.); надписи,—представляющія на писанкахъ большой интересъ, сдѣланы такъ неотчетливо, что даже долго нельзя разобрать, надпись ли это, или

Библиотека "Руниверс"

случайный разводистый орнаментъ. Мы совѣтуемъ—въ примѣчаніяхъ всѣ надписи повторить печатными буквами.

Нельзя не пожалѣть, что изданіе г-жи Скаржинской печатается не въ Кіевѣ, а въ московской типографіи: можно думать, что напр. типографія г-на Кульженка исполнила бы ту же работу лучше, такъ какъ еще 20 лѣтъ назадъ г. Кульженко печаталъ образцы писанокъ гораздо изящнѣе и отчетливѣе, а вѣдь за 20 лѣтъ литографія г-на Кульженка еще усовершенствовалась.

То обстоятельство, что сборникъ г-жи Скаржинской печатается въ Москвѣ, наводитъ насъ даже на одно сомнѣніе: на нѣкоторыхъ писанкахъ стоятъ въ надписяхъ слова—«ково», «тово», и опять—*«каво* люблю, *таво* дарю». Для малорусскихъ писанокъ такая фонетика странна; не есть ли это, такъ сказать, діалектическая погрѣшность литографа-москвича? Что въ типографіяхъ московскихъ подобныя ошибки возможнѣе, приведемъ примѣръ: въ текстѣ при одной иллюстраціи, относящейся къ извѣстной малорусской пѣснѣ и отпечатанной въ одной изъ лучшихъ московскихъ типографій, намъ пришлось прочесть: «військо йде, *коровиньки* мають».... Очевидно, кіевскій корректоръ такого не пропустилъ бы, а московскій рѣшилъ, что «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно»... Поэтому-то мы совѣтуемъ обратить больше вниманія на печатаніе всей работы, относящейся къ сборнику, въ московской типографіи.

Вотъ все, что можно сказать по поводу первыхъ образцовыхъ таблицъ сборника. Повторяемъ—въ общемъ и внѣшній видъ его довольно хорошъ, и внутреннее содержаніе богато и интересно, такъ что изданіе г-жи Скаржинской обѣщаетъ быть очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей этнографіи.

Гоголь и В. Я. Ломиковскій. Читателямъ нашего журнала извѣстна личность Вас. Як. Ломиковскаго. Въ только что вышедшемъ четвертомъ томѣ сочиненія В. Шенрока «Матерьялы для біографіи Гоголя». (Москва 1898 стр. 215) встрѣчаемъ упоминаніе о немъ, особенно интересное, такъ какъ оно относится къ дѣятельности Гоголя. Г. Шенрокъ приводитъ письмо къ Гоголю друга и земляка его А. С. Данилевскаго, отъ 1842 года, по поводу выхода перваго тома «Мертвыхъ душъ», гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее:

«Ты спрашиваешь меня, что здѣсь говорятъ о твоей поэмѣ? Я не вижу почти никого и никуда не выѣзжаю. Тѣ немногіе, съ ко-

Библиотека "Руниверс"

торыми имѣю сношеніе, не нахвалятся ею. Патріоты нашего уѣзда, питая къ тебѣ непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадилъ Миргородъ. Я слышалъ между прочимъ мнѣніе одного, который можетъ служить оракуломъ этого класса господъ, осыпавшаго такими похвалами твои «Мертвыя души», что я сначала усомнился было въ его искренности: но жестокая хула и негодованіе на твой «Миргородъ» помирили меня съ нею. «Какъ!»—говорилъ онъ: Миргородскій уѣздъ произвелъ до тридцати генераловъ, адмираловъ, министровъ, путешественниковъ вокругъ свѣта (чортъ знаетъ гдѣ онъ ихъ взялъ!) проповѣдниковъ (не шутка!), водевилиста, который началъ писать водевили, когда ихъ не писали и въ Парижѣ!» (это относилось къ Нарѣжному, какъ послѣ объяснилъ онъ) и пр. и пр.—всѣхъ припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противникъ не кто таковскій, какъ Василій Яковлевичъ Ломиковскій.»

Ошибка миргородцевъ, даже такихъ почтенныхъ, какъ Ломиковскій, состояла въ томъ, что они не поняли, что гоголевскій Миргородъ есть обобщеніе, а не реальный Миргородъ и его уѣздъ. Населеніе этой мѣстности дѣйствительно отличается особенной даровитостью и во всѣхъ отрасляхъ произвело много крупныхъ дѣятелей, имена которыхъ всѣмъ извѣстны. Ломиковскій не зналъ еще тогда Гоголя послѣдняго періода его жизни, съ которымъ у него такъ много близкаго, общаго во всемъ міросозерцаніи и во взглядахъ.

О впечатлѣніи «Мертвыхъ Душъ» на родинѣ автора Данилевскій прибавляетъ еще слѣдующее:

«Всего болѣе тѣшило меня, что мошенникъ М. (эпитетъ, безъ котораго никто не можетъ произнести его имени), но котораго *чортъ не взялъ*, какъ говорилъ мой зять, хохоталъ до упаду, читая «Мертвыя души» (вѣроятно, отъ меня косвенными путями дошедшія) въ кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. «Ревизоръ» ему очень извѣстенъ и нерѣдко, говорятъ, перечитывается въ томъ же кругу и надрываетъ бока смѣшливымъ молодымъ попамъ и попадьямъ...»

Судя по письму Данилевскзго, Гоголь несомнѣнно лично зналъ Ломиковскаго, такъ какъ Данилевскій считаетъ достаточнымъ назвать лишь фамилію говорившаго, защитника Миргорода, чтобъ Гоголь дополнилъ и выяснилъ себѣ заочно всѣ подробности и смыслъ его рѣчи.

Библиотека "Руниверс"

Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда *(5 октября 1897 г.)* Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, при секретарѣ М. Н. Ясинскомъ, присутствовали члены: П. В. Владиміровъ, П. В. Голубовскій, В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, И. М. Каманинъ, И. Н. Корольковъ, В. А. Кордтъ, Ю. А. Кулаковскій, П. А. Лашкаревъ, О. И. Левицкій, В. Г. Лясковронскій, І. А. Малиновскій, В. П. Науменко, Н. И. Петровъ, Т. Д. Флоринскій, Ѳ. Я. Фортинскій и В. И. Щербина.

1) По открытіи засѣданія, секретаремъ Отдѣленія былъ прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія 20 іюня настоящаго года, каковой затѣмъ и былъ подписанъ всѣми присутствовавшими въ означенномъ засѣданіи.

2) Слушали сообщеніе г. предсѣдателя о полученіи напечатанныхъ уже правилъ будущаго XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 17 Мая 1897 г., а равно и списка вопросовъ и запросовъ, предложенныхъ на обсужденіе XI-го Археологическаго съѣзда; вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдатель пояснилъ, что означенный списокъ можетъ быть пополненъ новыми вопросами и запросами, о которыхъ и будетъ своевременно доведено до всеобщаго свѣдѣнія въ одномъ изъ ближайшихъ изданій Московскаго Предварительнаго Комитета.

Постановлено: Всѣ имѣющіе быть предложенными членами Отдѣленія новые вопросы и запросы доводить до свѣдѣнія секретаря Отдѣленія для занесенія ихъ, по мѣрѣ поступленія, въ протоколы засѣданій Отдѣленія и сообщенія затѣмъ Московскому Предварительному Комитету.

3) Слушали предложеніе г. предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ о приглашеніи къ содѣйствію трудамъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и участію въ нихъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ и учрежденій: 1) Общества древностей и искусствъ (въ г. Кіевѣ), 2) Историко-филологическаго общества при Нѣжинскомъ институтѣ, 3) Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета и 4) Черниговской архивной коммиссіи, а равно и слѣдующихъ лицъ: профессора Нѣжинскаго института М. Н. Сперанскаго, 2) профессора Кіевскаго университета Н. П. Дашкевича, 3) вице-предсѣдателя Кіевскаго Общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенка, 4—6) владѣльцевъ коллекцій древностей: Н. Я. Тарновскаго,

Библиотека "Руниверс"

В. В. Тарновскаго и І. А. Хойновскаго, 7) Секретаря Херсонскаго Статистическаго комитета В. Г. Гошкевича и 8) живущаго въ г. Ровно С. С. Гамченко.

Постановлено: Принявъ и одобривъ всѣ эти предложенія, обратиться къ вышеозначеннымъ учрежденіямъ съ просьбой оказать всяческое содѣйствіе трудамъ мѣстнаго Отдѣленія Комитета, вышепоименованныхъ же лицъ избрать въ члены комитета и просить ихъ принять участіе въ занятіяхъ Отдѣленія, а тѣхъ изъ нихъ, которые владѣютъ коллекціями древностей,—прислать, сверхъ того, свои коллекціи на предполагаемую при Съѣздѣ Археологическую выставку.

4) Г. предсѣдатель сообщилъ, что онъ обращался съ просьбой о содѣйствіи трудамъ Отдѣленія въ дѣлѣ предстоящихъ ему предварительныхъ работъ по устройству Съѣзда между прочимъ въ г. Житомиръ къ имѣющемуся тамъ Волынскому Церковно-Археологическому Обществу. На это обращеніе распорядительный Комитетъ означеннаго общества отвѣтилъ полнымъ своимъ согласіемъ всячески содѣйствовать трудамъ предварительнаго Комитета по устройству Съѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: если Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета составитъ программу для собиранія свѣдѣній о памятникахъ Волынской старины и обратится къ содѣйствію Высокопреосвященнаго Архіепископа Волынскаго Модеста, то таковыя свѣдѣнія можно собрать и довольно скоро получить черезъ посредство духовенства Волынской епархіи.

Постановлено: Принять съ благодарностью вышеупомянутое предложеніе, выработать соотвѣтственную программу, напечатать ее и обратиться къ Высокопреосвященному Архіепископу Волынскому Модесту, какъ предсѣдателю Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, съ покорнѣйшею просьбою разослать эту программу всѣмъ священникамъ Волынской губерніи съ предложеніемъ имъ доставить всѣ свѣдѣнія въ возможной полнотѣ и возможно скорѣе.

5) Обсуждался вопросъ о составѣ вышеназванной программы Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса рѣшено: 1) составить программу изъ 3-хъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) древности первобытныя b) древности историческія (памятники архитектуры и прочія вещественныя, древнія не позже XVII в. рукописи и книги и с) древности церковныя; 2) просить составить программу по собиранію свѣдѣній о древностяхъ первобытныхъ – В. Б. Антоновича, – объ историческихъ памятникахъ—П. В. Голубовскаго, О. И. Левицкаго и И. М. Каманина, и о церковныхъ древностяхъ—П. А. Лашкарева, Н. И.

Библиотека "Руниверс"

Петрова и В. З. Завитневича и 3) черезъ 2 недѣли, т. е. 19 октября, къ каковому сроку всѣ поименованныя лица нашли возможнымъ исполнить возложенное на нихъ порученіе, разсмотрѣть составленныя программы въ общемъ собраніи Отдѣленія Комитета и, по одобреніи, напечатать ихъ

6) Въ дополненіе къ постановленію Отдѣленія Комитета, изложенному выше въ пунктѣ 4-мъ, проф. Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ слѣдующее приблизительно предложеніе: желательно не ограничиваться разсылкой составленной программы одними лишь предѣлами Волынской губерніи при посредствѣ Архіепископа Модеста, а слѣдуетъ распространить программу и въ другія мѣстности, въ какія Отдѣленіе Комитета найдетъ нужнымъ.

Постановлено: Принять это предложеніе и въ виду этого напечатать программу въ достаточномъ количествѣ экземпл.

7) Слушали прочтенные г. предсѣдателемъ краткіе отчеты Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, г-жи Е. Н. Мельникъ и В. Б. Антоновича о произведенныхъ ими нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, изслѣдованіяхъ и раскопкахъ въ предѣлахъ Волынской губерніи. Изъ этихъ отчетовъ видно: 1) что Н. Ѳ. Бѣляшевскій, вслѣдствіе краткости времени, которымъ онъ располагалъ, ограничился лишь осмотромъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ предѣлахъ Ковельскаго и Владиміръ-Волынскаго уѣздовъ, при чемъ описалъ и сфотографировалъ тамъ памятники старины, снялъ планы съ нѣкоторыхъ земляныхъ укрѣпленій и раскопалъ 3 кургана въ могильникѣ, лежащемъ близъ м. Устилуга Владиміръ-Волынскаго уѣзда; 2) что г-жа Е. Н. Мельникъ занималась разслѣдованіями и раскопками въ Ровенскомъ уѣздѣ, при чемъ ею было раскопано 120 кургановъ, расположенныхъ въ 4-хъ могильникахъ близъ с.с. Пересопницы, Стараго-Жукова и Бѣлева, изслѣдовано 16 могилъ на 2-хъ древнихъ кладбищахъ у с. Пересопницы, открыто двѣ стоянки неолитическаго періода, сняты планы 3-хъ городищъ и описана древняя утварь нѣсколькихъ церквей и 3) что В. Б. Антоновичъ раскопалъ нынѣшнимъ лѣтомъ 18 кургановъ въ 3-хъ могильникахъ у с. Суражи близъ Шумска и у с. Зимно, а также изслѣдовалъ и собралъ планы 24 городищъ въ уѣздахъ: Житомірскомъ, Новоградволынскомъ, Заславскомъ и Кременецкомъ. Послѣ прочтенія упомянутыхъ отчетовъ, г. предсѣдатель сообщилъ, что на производство археологическихъ экскурсій онъ издержалъ 200 руб., а г-жа Мельникъ 250 рублей, ассигнованныхъ Отдѣленіемъ, и что, сверхъ того, предстоитъ уплатить еще 7 руб.

Библиотека "Руниверс"

19 коп. за пересылку 4-хъ ящиковъ съ предметами, добытыми г-жей Мельникъ при ея раскопкахъ; что же касается г. Бѣляшевскаго, то имъ изъ высланной ему суммы въ 200 руб. издержано только 50 руб. въ виду того, что истекшимъ лѣтомъ онъ выполнилъ лишь самую небольшую часть предположенныхъ имъ изслѣдованій и раскопокъ (остальные же 150 руб. удержаны пока г. Бѣляшевскимъ въ надеждѣ, что ему еще въ теченіе текущаго года удастся произвести раскопки въ Сѣдлецкой или Люблинской губ.).

8) Г. предсѣдатель представилъ соображенія о необходимости составленія каталога будущей археологической выставки, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ списокъ тѣхъ извѣстныхъ ему археологическихъ коллекцій, какія имѣются въ юго-западномъ краѣ и ближайшихъ къ нему губерніяхъ и какія желательно привлечь на предполагаемую Археологическую выставку во время съѣзда въ г. Кіевѣ.

Коллекціи эти слѣдующія:

А. Въ предѣлахъ юго-западнаго края:

1) барона Ѳедора Рудольфовича Штейнгеля въ с. Городкѣ, близъ г. Ровно.

2) г. Людвига Житинскаго въ с. Лагодовкѣ близъ г. Луцка.

3) Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства.

4) г. Сигизмунда Любы-Радзиминскаго въ с. Сивкахъ близъ г. Острога.

5) Эдуарда Руликовскаго въ с. Высоцкѣ Ровенскаго уѣзда.

6) Владиміръ—Волынскаго братства.

7) Ивана Александровича Орлова въ окрестностяхъ г. Кременца.

8) Волынскаго епархіальнаго древлехранилища.

9) Каменецъ-Подольскаго епархіальнаго древлехранилища.

10) Казиміра Адамовича Пуласкаго въ Завадинцахъ Каменецкаго уѣзда.

11) Григорія Александровича Венгржиновскаго, служащаго контролеромъ на Северинскомъ сахарномъ заводѣ въ Гайсинскомъ уѣздѣ.

12) Евг. Алекс. Зноско-Боровскаго въ с. Берестнягахъ Каневскаго уѣзда.

13) Н. Я. Тарновскаго въ с. Тростинцѣ Каневскаго уѣзда.

14) Кн. Лопухина-Демидова въ м. Корсуни.

Б. Въ Полтавской и Харьковской губ.:

15) С. А. Мазараки въ с. Талалаевкѣ Роменскаго уѣзда.

16) Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ.

Библиотека "Руниверс"

17) П. И. Тиховскаго въ г. Харьковѣ.

В. Въ г. Кіевѣ:

1) Университетскій музей 2) музей Духовной Академіи 3) музей г. Хойновскаго 4) коллекція В. В. Тарновскаго 5) коллекція Б. И. Ханенка, 6) коллекція Ч. В. Хвойки и 7) коллекція В. Б. Антоновича.

Постановлено: Отнестись посредствомъ печатнаго циркуляра къ вышеупомянутымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой прислать принадлежащія имъ коллекціи на Археологическую выставку, имѣющую быть устроенной ко времени XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ. Кромѣ того, въ виду того, что обширной коллекціи церковныхъ древностей музея Кіевской Духовной Академіи удобнѣе и цѣлесообразнѣе оставаться на своемъ обычномъ мѣстѣ и фигурировать во время Съѣзда отдѣльно отъ предполагаемой Археологической выставки, а равно и въ интересахъ единства и полноты какъ этой выставки, такъ и музея Духовной Академіи,—рѣшено ходатайствовать передъ начальствомъ Духовной Академіи, чтобы она передала на выставку лишь свою сравнительно небольшую коллекцію первобытныхъ древностей, а передъ начальствомъ Университета, чтобы оно, взамѣнъ того, разрѣшило передать на время Съѣзда въ музей Духовной Академіи свою небольшую коллекцію церковныхъ древностей.

9). Въ дополненіе къ постановленію, изложенному въ предыдущемъ пунктѣ, Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ предложеніе о напечатаніи въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ объявленія или обращенія ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ археологическими коллекціями, съ просьбой сообщить Кіевскому Отдѣленію свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и составѣ своихъ коллекцій.

Постановлено: Принять это предложеніе.

10) Членъ Отдѣленія и редакторъ «Кіевской Старины» В. П. Науменко выразилъ готовность напечатать въ редактируемомъ имъ журналѣ выработанную Отдѣленіемъ Комитета программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ, а равно помѣщать тамъ же протоколы засѣданій Отдѣленія или извлеченіе изъ нихъ и извѣщенія или объявленія отъ имени Отдѣленія Комитета.

Любезное предложеніе это принято съ благодарностью.

11) Послѣ обсужденія вопроса о каталогѣ будущей Археологической выставки, по предложенію Т. Д. Флоринскаго, поддержанному и г. предсѣдателемъ, рѣшено избрать коммиссію, на которую и возложить дѣло устройства выставки и детальное обсужденіе вопроса о

Библиотека "Руниверс"

классификаціи каталога, порядкѣ описанія коллекцій и способахъ составленія каталога, а равно и самое составленіе каталога и руководство этимъ дѣломъ.

Въ составъ означенной коммиссіи избраны слѣдующія лица: В. Б. Антоновичъ, В. З. Завитневичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. Г. Лясковскій, П. В. Владиміровъ, Н. И. Петровъ, И. М. Каманинъ и В. А. Кордтъ.

12) Г. предсѣдатель, указавъ на значительность предстоящихъ въ будущемъ году расходовъ по составленію и печатанію каталога археологической выставки, на производство новыхъ археологическихъ раскопокъ и изысканій и на другія предварительныя работы по устройству Съѣзда 1899 г., предложилъ Отдѣленію ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи на будущій годъ достаточной суммы.

Постановлено: Ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи Кіевскому Отдѣленію достаточной суммы на составленіе и печатаніе каталога выставки, на производство раскопокъ и изысканій и на прочія мѣстныя предварительныя работы по устройству XI-го Археологическаго Съѣзда.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) Отъ *конотопцевъ* во время земскаго собранія—*70 руб.*; 2) изъ *Звенигородки*—Котляревская *2 р.*, Захарьевичъ, П. А. Славинскій, М. Цытовичъ—по *1 руб*, Антоніковскій, Д. С. Лосовицкій и Мартыновскій—по *50 коп.*; 3) изъ *Новограда-Волынска*—Волынецъ *2 р. 20 к.*, А. А. Косачъ, Вѣра Молосъ, И. А. Шафарукъ—по *1 руб.*, А. Ѳ. Домбровскій—*50 коп.*, П. А. Ж. и М. М. Х.—по *30 коп.*, А. С. Б—*20 коп.*; 4) отъ *отдѣльныхъ лицъ*—Гребенюкъ—*5 руб.*, М. Лободовскій—*2 руб.*, Д. Дорошенко, Г. Осинскій,—по *1 руб.*—а *всего 92 р.*, что, вмѣстѣ съ прежними *725 р. 77 к.* (см. №. 10), составитъ—*817 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. *Спб. 1896. 8 д. л. 297+31 стр.*

Мы уже говорили о первыхъ трехъ томахъ писемъ И. С. Аксакова, изданныхъ его вдовою [1]). Настоящій томъ изданъ И. Публичною библіотекою, куда поступили бумаги И. С. Аксакова, послѣ смерти его вдовы. Въ этомъ томѣ напечатаны письма Аксакова къ М. Ф. Раевскому, къ А. Ф. Тютчевой, къ гр. А. Д. Блудовой, къ Н. И. Костомарову и къ Н. П. Гилярову—Платонову. Большая часть изъ напечатанной переписки заключается въ письмахъ къ А. Ф. Тютчевой, писанныхъ лѣтомъ 1865 г., во время путешествія по Россіи. Переписка эта въ высшей степени интересна уже по одному тому, что въ этотъ моментъ Аксаковъ видѣлъ въ Тютчевой свою невѣсту, съ которою онъ повѣнчался въ январѣ 1866 г.—Проѣзжая Малороссію, Аксаковъ передаетъ Тютчевой свои впечатлѣнія о послѣдней, какъ и прежде, восторженныя.—«А что за прелесть Малороссія! Вотъ она должна вамъ понравиться. Въ ея природѣ нѣтъ ничего яркаго, рѣзкаго, но столько мирнаго, мягкаго, ласковаго, такой поэтическій колоритъ подернулъ ее всю, что въ ней есть неотразимая прелесть».. Изъ переписки съ Костомаровымъ здѣсь напечатано лишь одно письмо Аксакова съ отвѣтомъ Костомарова. Изъ обоихъ этихъ писемъ приводимъ здѣсь значительныя выдержки въ виду того живого интереса, съ которымъ гг. Аксаковъ и Костомаровъ относились къ спору южанъ съ сѣверянами».

Въ письмѣ Аксакова читаемъ:

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г. № 10.

Библиотека "Руниверс"

«М. Г. Николай Ивановичъ! Я получилъ ваше письмо. Я не сталъ бы отвѣчать на него, еслибъ оно не было подписано вами. Оно написано въ такомъ тонѣ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, которыя дѣлаютъ споръ невозможнымъ. Я бы могъ легко на дерзости отвѣчать еще сильнѣйшими дерзостями—браниться дѣло не головоломное—но это было бы недостойно дѣла, которому мы оба служимъ. Охотно извиняя ваши выраженія раздраженіемъ племеннаго самолюбія, и полагая, что вы сами не желаете дѣлать споръ невозможнымъ, не уклоняетесь отъ спора, я отвѣчаю вамъ sine ira et studio.

Вы говорите, что моя газета задираетъ двѣ родственныя народности, южно-русскую и польскую... На малорусскую народность никто не нападалъ, а если напали такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ «патріотовъ», касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мною и вами та существенная разница, что я стою на сторонѣ исторіи и народа, а вы противъ исторіи и противъ народа. Какъ противорѣчащее народу, вашѣ ученіе можетъ быть названо аристократическимъ. Такъ, напр., вы хотите игнорировать вопросъ вѣры, столь важный для народа южнорусскаго и полагающій несокрушимую преграду между имъ и католиками-поляками; вы, или авторъ статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться подъ нею), утверждаете, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права «угашаются послѣднія искры» вражды между малороссами и поляками (это вы даже пишете въ вашемъ письмѣ), забывая о борьбѣ вѣроисповѣданій—двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ. Народъ этого не забываетъ—и я также... Вы идете наперекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ 3-хъ миліоннаго народа въ Галиціи. Страданія, влеченія, ожиданія всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и «патріотовъ» малорусской петербургской колоніи! Относительно Малороссіи и Галиціи вотъ мое profession de foi. Малороссіи я не только вполнѣ сочувствую, но люблю ее всею душой, любовью вполнѣ свободной и такъ сказать объективной, не только физіологической. Съ этою любовью я остаюсь вполнѣ русскимъ и великороссомъ, не жалуя себя въ малороссы, какъ мой пріятель Жемчужниковъ. Я не постигаю полноты русскаго развитія—безъ Малороссіи. Слѣдовательно—послѣднее соединеніе съ Малороссіей, во всѣхъ отношеніяхъ, есть по моему мнѣнію такая же историческая необходимость для Россіи, какъ головы и сердца въ организмѣ, или придумайте другое сравненіе. Это соединеніе есть и будетъ, и безъ нашихъ

Библиотека "Руниверс"

хлопотъ, но вотъ мое убѣжденіе, которое проводить и высказывать, хотя бы и не въ полемической формѣ, вы не можете поставить въ вину человѣку убѣжденному. Что касается до народа Малорусскаго, то, при всей нелюбви къ москалю и кацапу, народъ своимъ историческимъ смысломъ остается и останется всегда вѣрнымъ однажды данному имъ изволенію: для него, хотя бы и несознательно, такъ же, какъ и для великоросса, дорого единство земли Русской; для него царь православный имѣетъ то же значеніе, что для рязанца или владимірца. Я жилъ въ Малороссіи, и хорошо это знаю.—Козаки, превратившіеся такъ охотно въ высокоблагородныхъ, и принявшіе отъ русскаго правительства подачку—крѣпостное право, стали въ глазахъ малорусса-крестьянина на одну степень со всѣми московскими панами. Точно также какъ и велилорусскій народъ видитъ въ русскомъ царѣ демократическое нивелирующее начало, точно такъ же и малороссъ видитъ въ немъ свой оплотъ противъ пановъ и другихъ налегающихъ на него сословій. Во сколько ошибаются оба, это другой вопросъ, но и вѣрятъ, и видятъ, и ошибаются они одинаково. Что касается до языка, то я не вѣрю въ возможность образованія малорусскаго общаго литературнаго языка,—кромѣ чистонародныхъ художественныхъ произведеній,—не вижу къ этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность общерусскаго развитія, отклонить малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы «Мертвыхъ Душъ»; вы бы или Кулишъ наложилъ бы на него путы племеннаго эгоизма и съузилъ бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени! И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота. Вотъ и теперь два малоросса, Максимовичъ и Кулишъ, спорятъ между собой о малороссѣ Гоголѣ, писавшемъ по русски, и о великороссіянкѣ (Маркѣ Вовчкѣ), пишущей по малорусски!! Чувствуете ли вы, какъ все это противорѣчитъ жизни и исторіи! Но разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ мѣшать вамъ. Пишите, сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и греческихъ боговъ въ малороссійскій кожухъ и очипокъ,—вольному воля! Но не можетъ же русская литература пройти молчаніемъ такое явленіе. О томъ, что мы враги всякой репрессивной мѣры, всякаго стѣсненія свободы, всякаго безпрепятственнаго самообличенія лжи—говорить нечего. Только сознающіе всю несостоятельность и слабость

Библиотека "Руниверс"

своихъ основаній, могутъ насъ обвинять въ этомъ, хватаясь за это, какъ за единственное свое оружіе или способъ для менѣе постыдной ретирады. Въ Галиціи я былъ. Нужно имѣть каменное или польское, но не малорусское сердце, чтобъ несочувствовать стремленіямъ народа, который страданіями своими выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе, потопить узкій племенной эгоизмъ въ эгоизмѣ всерусскаго народа, созданнаго изъ разныхъ русскихъ племенъ исторіей. А вы его подчуете племенными «особностями»! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ «Современника», идущей наперекоръ тенденціямъ, которыя я признаю за истинныя, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи. Будь эта статья подписана полякомъ, появись она въ польскомъ журналѣ, появись даже въ «Основѣ», значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобы голосъ польскій самозванно, исподтшика прикидывался русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшей низостью для всякаго истиннаго русскаго»...

Во второй половинѣ этого письма, нами опускаемой, Аксаковъ распространяется о Польшѣ.

Вслѣдъ за письмомъ Аксакова напечатанъ и отвѣтъ Костомарова. Приводимъ изъ него начало, касающееся того же вопроса.

М. Г. Иванъ Сергѣевичъ. Прежде всего я почитаю обязанностью просить у васъ извиненія, мало того прощенія въ моихъ выраженіяхъ, которыя вы находите дерзкими. Я имѣлъ дѣло не съ личностью вашею, а со школою и съ ученіемъ. Во всякомъ случаѣ, буду воздержнѣе. Вы находите, что стремленіе писать по малорусски и создавать особую литературу противно исторіи и жизни. Да, противно исторіи, но какой? — Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкамъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и грядущихъ въ земной жизни. Но оно не противно исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственной физіономіей, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни, и его своеобразное развитіе. Вы не видите возможности. Я, признаюсь, не вижу впереди ни условій неизбѣжной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависитъ отъ послѣдующей исторіи. Будьте логичны и вѣрны

Библиотека "Руниверс"

себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ...

Вы пишете, что знаете малорусскій народъ; да, вы знаете край, его внѣшность; это доказываетъ ваше превосходное сочиненіе о «Ярмаркахъ». Но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея у каждаго почти думающаго не глупаго южнорусса спитъ Выговскій, Дорошенко, Мазепа—и проснется, когда наступитъ случай. Душа чистаго южнорусса совсѣмъ не такая распашная, какъ великорусская. Это высказывается постоянно и въ обыденной жизни. Не вѣрьте южноруссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы ему ни открываете вашу душу. Не расчитывайте на народъ въ той степени, въ какой вы подмѣтили его. Онъ выскажется только тогда, какъ, оглядѣвшись вокругъ, увидитъ и убѣдится, что его спрашиваютъ не затѣмъ, чтобъ надѣть на него веревку, если онъ отвѣтитъ не въ тотъ тонъ...»

Повидимому, оба корреспондента, и А—въ, и К—въ, горячо относились къ спору «южанъ и сѣверянъ» ... Споръ этотъ вообще очень интересовалъ А—ва и онъ нерѣдко касался его на страницахъ своего «Дня». Одна изъ статей, напечатанная здѣсь въ 1862 г., вызвала не менѣе интересныя два письма—Н. С. Соханской (Кохановской) и Аксакова, напечатанныя въ майской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» за настоящій годъ. Думаемъ, что будетъ *кстати* привести здѣсь отрывки и изъ этихъ двухъ писемъ.

Въ февралѣ 1862 г. Соханская писала Аксакову:

«...Воротившись домой, я прочла разомъ 5 №№ вашего *Дня*—пріемъ довольно великъ, чтобы вполнѣ почувствовать терпкій вкусъ и острую соль, и количество перца, очень и очень достаточное для разгоряченья многихъ умовъ. «Если *меня День* бѣситъ иногда», говорилъ мнѣ Потебня, занимающій каѳедру славянскихъ древностей въ (харьковскомъ) университетѣ, «какъ же этотъ *День* долженъ бѣсить другихъ.» и не расположенныхъ такъ много къ основамъ и убѣжденіямъ Дня, и болѣе горячихъ, чѣмъ кроткій и благородно-скромный Потебня. Мы разговорились о вопросѣ отдѣльной малорусской литературы. «Любопытно было бы знать, какъ самъ Аксаковъ смотритъ на этотъ вопросъ? сказалъ онъ. И вполнѣ ли онъ раздѣляетъ мнѣніе Ламанскаго?»—«А вы какъ смотрите?» спросила я.—«А вотъ какъ: литературный русскій языкъ становится все болѣе и болѣе *великорусскимъ*. Это его шагъ въ развитіи; посудите: что, напр., произведенія Островскаго имѣютъ общерусскаго для малорусса?

Библиотека "Руниверс"

Ничего... И вотъ, чтобы пополнить этотъ оказывающійся недостатокъ, который впослѣдствіи, вѣроятно, во многомъ скажется, и должна существовать отдѣльная малорусская литература, на сколько у нея станетъ силъ для отдѣльнаго существованія. Изъ этого не слѣдуетъ ожидать непремѣнно ослабленія общаго народнаго языка русской литературы. Можно почти утвердительно сказать, что пройдетъ еще вѣрныхъ *сто лѣтъ*, въ теченіе которыхъ всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе въ научномъ отношеніи и вообще сознающее себя развитіемъ общечеловѣческой мысли никакъ не явится на *малорусскомъ*, а непремѣнно на *великорусскомъ* языкѣ. А что будетъ за предѣлами *тѣхъ ста лѣтъ*, намъ думать и гадать нечего! Человѣческимъ выводамъ и заключеніямъ, ни малорусскимъ, ни великорусскимъ, не дано заходить въ такую даль. А между тѣмъ развитіе отдѣльной малорусской словесности живѣе и благодѣтельнѣе всего подѣйствуетъ на простой народъ. Оно прямѣе и полнѣе дастъ ему живую родную грамоту, дастъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Далѣе этого первоначальнаго образованія отдѣльная малорусская литература, по крайней мѣрѣ, долго еще не въ состояніи будетъ вести, и вотъ столько людей съ врожденнымъ, поэтическимъ чувствомъ малоруса, съ его тонкимъ умомъ, поставленные на дорогу просвѣщенія зачатками своего частнаго образованія, чтобы разширить и пополнить его, обратятся никуда же болѣе какъ къ всенародно-русской, т. е. великорусской литературѣ». Это разумѣется только тѣнь разговора, который я слышала почти мѣсяцъ тому назадъ, и вы можетъ быть скажете, что для васъ здѣсь нѣтъ ничего новаго. Очень можетъ быть, уважаемый Иванъ Сергѣевичъ, ничего новаго въ *мысли*,—а въ приложеніи къ дѣлу?... Хомяковъ встрѣтилъ горячимъ привѣтомъ проповѣди Гречулевича на малорусскомъ языкѣ. *Русская Бесѣда* объявила, что ей дорога всякая народность; вы сами и вашъ *День* думаете быть (и должны быть) преемниками и распространителями идей Русской Бесѣды и высокаго чувства Хомякова. А между тѣмъ что выходитъ на дѣлѣ? Вы и *День* въ открытой непріязни съ представителями заявляющей себя малорусской народности; у васъ завязалась перебранка чуть-чуть не словами: «бісовъ москаль» и «проклятый хохолъ», и какъ это тяжело, какъ неумѣстенъ въ высшей степени этотъ раздоръ! Конечно, Кулишъ, немножко по жидовски—самъ бьетъ и самъ кричитъ; но вы то, Иванъ Сергѣевичъ—вамъ этого простить нельзя, что вы не уберегли вашего *Дня* отъ криковъ г. Кулиша! Съ вашей стороны, со стороны братскаго всеславян-

Библиотека "Руниверс"

скаго значенія вашей гаазеты, это такая недальновидность—такая неполитичность въ вашемъ положеніи ввязаться вамъ въ оборону по вѣстей Гоголя и поднять на себя всю *Основу*. Но и *Основа* во многомъ права. Она права именно въ томъ, въ чемъ виновата предъ нею вся наша текущая литература газетъ и журналовъ. Эта родная литература по извѣстному камертону, выводитъ «верхнія нотки» и твердитъ: народность! Всѣ права—итальянской народности! и вотъ на глазахъ родная славянская народность заявила свое литературное существованіе—и въ какомъ общественномъ органѣ слова встрѣтила она сочувствіе и дружный привѣтъ? Ни даже въ вашемъ, а напротивъ славянофильскій *День* съ первыхъ же №№ ввязался въ укоры и перекоры, забывъ то исключительное обстоятельство, что не всегда бываетъ возможно отдѣлить *дѣло* отъ *лица*, и вотъ, поссорившись съ г. Кулишемъ, *День* открыто и непріязненно разошелся съ *Основой*. Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ сожалѣніемъ я выставляю на видъ эти ошибки вашего бурнаго *Дня*– именно—бурнаго....

На это письмо А—въ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее.

«...Я не знаю г. Потебню и даже вовсе не слыхалъ о немъ, я воображалъ себѣ, что каѳедру славянскихъ древностей занимаетъ Лавровскій. По крайней мѣрѣ въ ученомъ мірѣ имя его еще неизвѣстно. Но не въ томъ дѣло. Я не вижу причинъ, почему *День* можетъ иногда бѣсить его, когда его слова (Потебни) не только не представляютъ ничего новаго, но были неоднократно выражены въ *Днѣ*. Онъ говоритъ о томъ, что развитіе малорусской словесности даетъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Кто жъ противъ этого споритъ? Развѣ *Русская Бесѣда* не привѣтствовала прежде и горячѣе всѣхъ– проповѣди Гречулевича? Развѣ въ отвѣтѣ Кулишу (на его статью противъ Максимовича) я не выразилъ ту же самую мысль? Развѣ не тоже говоритъ и Ламанскій? Еслибы кто издалъ на мордовскомъ языкѣ проповѣди и т. п., я былъ бы не менѣе радъ. Даже, можетъ быть, болѣе, потому что мордвинъ вовсе лишенъ возможности понимать напр. литургію,—тогда какъ для малоросса и для великорусса это возможно въ одинаковой степени.

Но внѣ этой области литературы сельской, для первоначальнаго образованія и т. п., я считаю усилія малороссовъ создать особую отъ нашей литературу праздным препровожденіемъ времени. Незачѣмъ... Вы указываете на Островскаго, что онъ чуждъ малороссу. Совершенно согласенъ, и я первый сдѣлалъ это указаніе въ своемъ введеніи по описанію украинскихъ ярмарокъ. Но Хома Брутъ, Черевикъ, типы

Библиотека "Руниверс"

Гоголевскихъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, развѣ они близки великоруссу? Однако жъ русское общество сочло ихъ себѣ близкими и родными,—потому именно, что наше общество свободнѣе отъ племенной узкости, въ какую непремѣнно хотятъ упрятать себя Кулишъ и К°, не относится непріязненно къ чужимъ особенностямъ, можетъ, наконецъ, относиться объективно ко всѣмъ явленіямъ. У насъ общество должно быть едино. Жалко видѣть, что тупоуміе Кулиша и прочихъ стремится добровольно ограничить развитіе малороссійской народности, указывая ей тѣсныя племенныя границы, сузить ея горизонтъ, лишить достоянія, лишить доли въ общемъ достояніи русскаго самосознанія. Если бы школа *Основы* привела къ тому, напр., чтобы лишить Россію Гоголя, она принесла бы зло, а не добро. Я удивляюсь, что вы порицаете меня за полемику съ Кулишемъ. Неужели вы въ состояніи признать въ нападеніяхъ Кулишовыхъ на Гоголя хоть каплю смысла и правды? Хомяковъ въ рѣчи, произнесенной въ обществѣ любителей руской словесности, назвалъ эти нападки Кулиша—актерствомъ народности. Кому же какъ не *Дню* слѣдовало вступиться за Гоголя? Благодарности я заслуживаю за это, а не порицанія. Къ тому же статьи Максимовича написаны такимъ спокойнымъ, умѣреннымъ тономъ, что только чудовищное самолюбіе Кулиша можетъ ими раздражаться. Развѣ вы не чувствуете всю узкость воззрѣнія, критики и оцѣнки Кулишовой? Вотъ что значитъ упорствовать въ малороссійскомъ племенномъ партикуляризмѣ! Для меня малороссъ и великороссъ одно—Русскій. И поэтому никакого союза или федераціи и т. п. я тутъ не предполагаю. Семья съ семьей можетъ заключать союзы, русская семья съ польской,—но мы одна семья: у насъ одно общество, одинъ общій подвигъ самосознанія.. Я знаю лично всю колонію петербургскихъ малороссійскихъ «патріотовъ». Это именно «патріоты», а не народные люди... А между тѣмъ я очень люблю *Основу*, какъ чистый, честный и безкорыстный журналъ въ грязной петербургской литературѣ; я уважаю любовь къ народности всякую, какъ поглощающую личный индивидуальный эгоизмъ; *основцы* очень забавны и милы лично, какъ и вообще хохлы. Малороссію, ея ласковую природу, ея поэтическій колоритъ—я люблю не менѣе малороссовъ. И знаете ли кто больше получаетъ и выписываетъ *Основу*? Великоруссы. *Основа* падаетъ, т. е. почти лишена возможности продолжаться отъ равнодушія малороссовъ. Почему же это такъ? Отъ того, что тенденція, выражающаяся ва *Основѣ*, противорѣчитъ историческому инстинкту малороссовъ, отъ того—что какъ ни не любитъ хо-

Библиотека "Руниверс"

холъ москаля, но чувство единства русской земли живетъ въ немъ сильно, но русскій царь—рѣшительно то же самое для малороса изюмскаго уѣзда, что и для мужика костромскаго уѣзда... Я намѣренъ написать цѣлую статью объ *Основѣ* и выразить ей откровенно свое мнѣніе; я посовѣтую ей воспользоваться малороссійскою племенною особенностью для того, чтобы въ западныхъ губерніяхъ подъемомъ мѣстнаго элемента противодѣйствовать польской цивилизаціонной стихіи точно такъ, какъ въ Бѣлоруссіи надо возбудить въ народѣ чувство бѣлорусской племенной особенности. Все это, разумѣется, касается простаго народа, а отнюдь не общества, которое вооружено всѣми орудіями народнаго всерусскаго самосознанія. Пусть возникаетъ *сельская* литература если нужно; можетъ быть, дѣло пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ попытки создать *литературно-общественный* языкъ...»

Всѣ эти пререканія Аксакова съ его оппонентами представляютъ во всякомъ случаѣ интересный матеріалъ для исторіи «Спора»...

А. Л.

„Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета“. *Выпускъ восьмой. Подъ редакціей Н. И. Яворскаго и свящ. Е. Сѣцинскаго. Каменецъ-Подольскій. 1897 стр. 497.*

На страницахъ «Кіевской Старины» уже упоминалось объ изданіяхъ Подольскаго историко-статистическаго Комитета и указывалось на научное значеніе этихъ изданій въ дѣлѣ разработки мѣстной церковно-исторической жизни. Изслѣдованіе и изданіе богатаго мѣстнаго архивнаго матеріала мѣстными же силами и средствами является крупною научною заслугой Комитета. Настоящій, VIII-й, выпускъ «Трудовъ» не имѣетъ, впрочемъ, того строго-научнаго характера, какимъ отличались предыдущіе выпуски изданій Комитета. Изданный въ память исполнившагося въ 1895 году столѣтія учрежденія подольской епархіи и возсоединенія подольскихъ уніатовъ съ православною церковью, выпускъ этотъ имѣетъ юбилейный характеръ и содержитъ въ себѣ нѣсколько популярно-историческихъ очерковъ, имѣющихъ въ виду ознакомить въ общихъ чертахъ мѣстное духовенство съ указанными событіями. Почти всѣ статьи сборника имѣютъ компилятивный характеръ, но, при опытномъ и умѣломъ редактированіи, читаются съ большимъ интересомъ и вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли.

Библиотека "Руниверс"

Въ обширной статьѣ свящ. И. Викула «Подольскіе архипастыри» (стр. 1—160) содержится 15 очерковъ жизни и дѣятельности подольскихъ архипастырей за столѣтній періодъ существованія самостоятельной подольской епископской каѳедры (1795—1895). Авторъ настоящаго очерка имѣлъ, по его словамъ, въ виду «на рубежѣ двухъ—протекшаго и настоящаго—вѣковъ жизни Подольской епархіи прослѣдить историческій ходъ ея жизни, проявившійся въ развитіи и благоустроеніи административныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій епархіи, а также въ развитіи религіознаго самосознанія русскаго населенія и утвержденіи его въ православной вѣрѣ и нравственности. Но такъ какъ личная воля архипастырей, стоявшихъ во главѣ духовнаго управленія, имѣла важное значеніе въ ходѣ событій, давала имъ такое или другое направленіе и такимъ образомъ несомнѣнно вліяла на жизнь епархіи въ протекшее столѣтіе», то авторъ очерка задался цѣлью «указать главныя черты въ характерѣ архипастырей, и ихъ святительскіе труды и добрыя дѣянія на пользу отечества и во славу православія въ Подоліи, и вообще, какъ подъ ихъ архипастырскимъ руководительствомъ протекла религіозная жизнь Подольской епархіи въ минувшее столѣтіе, съ 1795 по 1895 годъ». Къ сожалѣнію, эта широкая задача едва-ли достигается авторомъ. Очеркъ жизни подольскихъ архипастырей имѣетъ житійно-хвалебный характеръ, при чемъ личности самихъ архипастырей выступаютъ болѣе со стереотипными чертами угодившихъ Богу подвижниковъ, чѣмъ духовно-административныхъ дѣятелей въ епархіи. Характерно, что въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія авторъ не упомянулъ даже объ извѣстной борьбѣ этого архипастыря съ генералъ-губернаторомъ Безакомъ, который въ годичномъ своемъ отчетѣ Государю Императору представлялъ, что православное духовенство во ввѣренномъ ему краѣ никуда не годится и должно быть удалено во внутреннія губерніи имперіи, а на мѣсто его должны быть вызваны священники изъ великорусскихъ епархій; на этотъ важный фактъ въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія указала уже редакція. Впрочемъ, нѣкоторые очерки написаны очень полно и живо (жизнеописанія архипастырей—Іоанникія, Кирилла и Димитрія)

Гораздо менѣе удачною должна быть признана вторая статья, принадлежащая перу свящ. В. Якубовича: «Учрежденіе викаріатства и викарные преосвященные подольской епархіи» (стр. 161—194). Всѣ очерки жизни подольскихъ викарныхъ архіереевъ очень кратки и имѣютъ сухой, протокольный характеръ; но справедливость требуетъ сказать, что вина въ этомъ случаѣ падаетъ отнюдь не на ав-

Библиотека "Руниверс"

тора: роль викарныхъ преосвященныхъ въ епархіи была до послѣдняго времени такъ незначительна, что они вовсе не могли заявить себя здѣсь какою нибудь дѣятельностью; при томъ, нѣкоторые изъ нихъ числились викарными лишь номинально и даже не видали своихъ епархій. Во всякомъ случаѣ, авторъ могъ бы больше сказать о преосвящ. Іосифѣ (Баженовѣ), памятъ о которомъ чрезвычайно популярна въ Подоліи и до настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что и матеріала для этого можно бы найти достаточно.

Съ удовольствіемъ читается небольшой очеркъ Н. И. Яворскаго: «Религіозная жизнь въ Подоліи въ концѣ прошлаго вѣка, предъ возсоединеніемъ ея съ Россіей (стр. 195—221). Къ статьѣ, написанной съ обычною для этого автора живостью, приложены нѣкоторые, неизвѣстные еще, архивные документы, рисующіе тяжелое положеніе православныхъ священниковъ въ прошломъ вѣкѣ.

Несомнѣнное научное значеніе и большой интересъ представляетъ статья С. С. Дложевскаго: «Попытка преобразовать управленіе православною церковью въ бывшей Польшѣ, предъ возсоединеніемъ юго-западныхъ областей ея съ Россіей въ 1793 г. и учрежденіемъ здѣсь православныхъ епархій». Пинская конгрегація 1791 г., имѣвшая цѣлью прервать всякую связь православныхъ въ Польшѣ съ заграничною православною церковью и устроить для нихъ свое церковное управленіе въ предѣлахъ Польши, привела къ учрежденію Богуславско-Житомірской консисторіи въ Богуславѣ. Послѣдняя существовала съ 14 сентября 1791 г. до половины 1793 г. Непродолжительная дѣятельность этого православнаго административнаго пункта, учрежденнаго польскимъ правительствомъ, совершенно не выяснена, между тѣмъ она представляетъ чрезвычайный интересъ какъ въ отношеніи своей организаціи, такъ и со стороны того двойственнаго положенія, какое занимала она между интересами православнаго населенія и руководящими требованіями польско-католическаго правительства. Извлеченные г. Дложевскимъ архивные данные въ значительной степени проливаютъ свѣтъ на неизвѣстную доселѣ дѣятельность Богуславско-Житомірской консисторіи. Къ очерку приложено 9 №№ архивныхъ документовъ.

Совершенно компилятивный характеръ имѣютъ статьи: «Краткій очеркъ исторіи возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. В. Пясецкаго и «Дѣятели возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. Е. Василевскаго. Обѣ статьи читаются легко и съ интересомъ, а послѣдняя, кромѣ того, можетъ служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Протоіерей Петръ Орловскій, извѣстный, между прочимъ, нѣсколькими статьями о дѣятельности Грановскаго протопопа Іоанна Строцкаго, напечаталъ въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» рукописи, принадлежавшія этому дѣятелю православія въ Подоліи («Матеріалы для исторіи православія и уніи въ Подоліи во второй половинѣ прошлаго вѣка»). Рукописи эти извлечены изъ сборника, хранящагося въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, и заключаютъ въ себѣ много характерныхъ подробностей изъ исторіи религіозной борьбы въ Подоліи во второй половинѣ XVIII в. Жаль только, что о. Орловскій ограничился простою перепечаткою рукописей (въ переводѣ) въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ одна за другою слѣдуютъ въ рукописномъ сборникѣ; можно было бы ожидать болѣе систематическаго изданія этихъ матеріаловъ, съ установленіемъ необходимыхъ хронологическихъ датъ, но этого, къ сожалѣнію, о. Орловскій не сдѣлалъ.

Много интереснаго заключаетъ въ себѣ статья г. Н. Г. «Духовенство подольской епархіи конца прошлаго и первой половины текущаго столѣтій (по поводу ревизіи прот. Іоанна Скворцова)». Въ 1831 г., въ видахъ поднятія православія въ Подоліи, по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ для обозрѣнія подольской епархіи проф. кіевской духовной академіи, прот. І. М. Скворцовъ, обозрѣвавшій приходы и церкви Подоліи въ продолженіи почти цѣлаго года и изучавшій жизнь подольскаго духовенства во всѣхъ подробностяхъ. На основаніи данныхъ ревизорскихъ вѣдомостей, а также по личнымъ впечатлѣніямъ и разсказамъ лицъ, близкихъ къ ревизіи, главнымъ образомъ и написана настоящая статья. Она состоитъ изъ двухъ главъ. Первая глава, представляющая сводъ весьма интересныхъ данныхъ для характеристики подольскаго духовенства въ прошломъ вѣкѣ, страдаетъ излишнею растянутостью и отступленіями въ сторону; во второй главѣ, трактующей объ образованіи, жизни и характерѣ подольскаго духовенства въ первой половинѣ XIX в., автору слѣдовало бы дѣлать указанія, какія свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ ревизіонныхъ данныхъ прот. Скворцова и какія представляютъ результатъ личныхъ наблюденій. Очень пріятное впечатлѣніе оставляетъ спокойно-безпристрастный тонъ изложенія, чуждый религіозной и національной вражды по поводу давнопрошедшихъ и измѣнившихся событій. Авторъ вполнѣ объективенъ и не закрываетъ глазъ предъ хорошими и полезными сторонами уніи.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволимъ себѣ высказать, что редакціи слѣдовало бы, для полноты изображенія религіозной и

Библиотека "Руниверс"

культурной жизни Подоліи въ настоящемъ вѣкѣ, упомянуть и о болѣе извѣстныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ бѣлаго духовенства, хотя-бы, напр., объ извѣстномъ проповѣдникѣ прот. В. Грегулевичѣ, а также представить очеркъ развитія народнаго образованія въ епархіи.

А. Лотоцкій.

Першій русско-американскій календарь. *Коштомъ тов. «Союзъ». Впорядивъ Несторъ Дмитровъ. Mt. Carmel, Pa. 1897. Спол. Державы повн. Америки. 8 д. л. 32 ненум.+172+26 ненум. стр. Съ портретомъ Шевченка, Ивана Франка и др. и рисунками церквей.*

Въ *Историческ. Вѣстн.* за настоящій годъ (№№ 4—6) помѣщена обширная статья Е. Н. Матросова — *Заокеанская Русь*, гдѣ разсказана судьба *двухсотъ тысячъ* галичанъ-малороссовъ, выгнанныхъ нуждою изъ отечества за океанъ и основавшихъ тамъ уже нѣсколько городовъ. Здѣсь, между прочимъ, указано, что колонисты образовали «Русскій народный союзъ», который и даетъ направленіе ихъ общественной жизни. На средства этого «Союза» изданъ и настоящій первый календарь американскихъ малороссовъ. Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) *Исторія Руси* (*Мир. Кордуба*), заключающая въ себѣ коротенькую исторію Малороссіи; 2) *Найновѣйши вѣсти въ Угорской Руси* содержатъ свѣдѣнія о печальномъ положеніи общественной жизни въ послѣдней; 3) *Положене русиновъ въ сполученыхъ державахъ полночной Америки* (*ір. Леливы, т. е. Е. Н. Матросова*) представляетъ сокращеніе статей, напечатанныхъ въ *Историч. Вѣстн.* Есть въ календарѣ нѣсколько литературныхъ разсказовъ, Франка (*Панщизненый хлѣбъ*), Тимкевича (*По дрова*) и др. Есть и стихи; между послѣдними можно отмѣтить «Американскимъ братямъ поклонъ», Д. Млаки, гдѣ авторъ совѣтуетъ переселенцамъ—не забывать «родного слова». Кромѣ портретовъ Шевченка, Ал. Духновича [1]), Франка, въ книгѣ помѣщены рисунки нѣсколькихъ «русскихъ» церквей (уніатскихъ); большая часть ихъ построена по типу католическихъ костеловъ, но «греко-кат. русска церковь въ Олифантѣ» сохранила типъ сельской малорусской церкви, съ прибавкою изящества въ деталяхъ. Календарь заканчивается перечнемъ «русско-американскихъ братствъ въ спол. державахъ повночнои Америки». Цѣль братствъ—«боронити свою вѣру, народность

[1]) Извѣстный патріотъ Угорской Руси.

Библиотека "Руниверс"

и спомогати членъ наслучай хоробы, скалѣченя, займатися похоронами...» Такихъ братствъ перечислено—107.

Какъ видно, американскіе малороссы энергически повели общественную свою жизнь на *новыхъ мѣстахъ*. Жаль только, что Америка, по замѣчанію Гарибальди, есть страна забвенія родины...

А. Л.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. *Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897. 8 д. л. XV+466 стр.*

Пятый томъ словаря г. Венгерова, какъ и предыдущіе, состоитъ или статей несоразмѣрныхъ между собою. О нѣкоторыхъ писателяхъ или ученыхъ помѣщены цѣлыя изслѣдованія (напр. о Дружининѣ), а о другихъ—совсѣмъ коротенькія, а о нѣкоторыхъ—и совсѣмъ ничего нѣтъ. Перечислимъ болѣе замѣтныя статьи, относящіяся къ южнорусскимъ уроженцамъ. *Бодянскій О. М.*, статья Н. Сумцова (стр. 51—75) съ подробною библіографіей; *Борисовъ Евг. И.*, авторъ статьи «Малорусское сельское общество», (Слово, 1879 г., №№ 1 и 3); *Борисякъ Н. Д.*, геологъ, харьковскій профессоръ, статья П. Отоцкаго; *Величко Самуилъ*, лѣтописецъ, В. Боцяновскаго; *Велланскій Д. М.*; *Бурачковъ Пл. Ос.*, археологъ, и друг. мелкія. Изъ перечисленныхъ статей главное мѣсто занимаетъ статья г. Сумцова о Бодянскомъ, дающая обстоятельный сводъ всего, что до сихъ было напечатано объ этомъ приснопамятномъ ученомъ, которому такъ много обязана малорусская исторіографія. Изъ печатающихся въ «К. Стар.» писемъ Кулиша къ Бодянскому видно, какую обширную переписку вели между собою эти два малороссіянина, главнымъ образомъ по вопросамъ, касавшимся южнорусскихъ историческихъ памятниковъ. Читая письма Кулиша, самъ собою напрашивается вопросъ—а гдѣ же письма Бодянскаго къ Кулишу?—Неужели погибли?... Вообще писемъ Бодянскаго, писанныхъ къ лицамъ, доставлявшимъ ему для напечатанія южнорусскіе памятники (къ братьямъ Ханенкамъ, къ Н. А. Маркевичу и друг.), до сихъ поръ почти не появлялось, а между тѣмъ въ этихъ письмахъ особенно явственно должна выступать та «красная нить», о которой говоритъ г. Сумцовъ. Будемъ надѣяться, что не всѣ же эти письма растеряны и уничтожены.—Мы замѣтили, что о нѣкоторыхъ писателяхъ словарь Венгерова совсѣмъ не упоминаетъ, при чемъ къ числу ихъ принадлежитъ, напр., поэтъ тридцатыхъ годовъ И. П. Бороздна.

Библиотека "Руниверс"

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Гапна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Библиотека "Руниверс"

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Оповіданя С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Белоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повиздь. 3) Петро Мирошныченко. Оповіданя. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Переясловицкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

Библиотека "Руниверс"

*** Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Перекпав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

*** Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський Михайло. Пятизлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий выходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

*** Левицький І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

*** Левицький Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

*** Левицький Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

*** Левицький Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатись на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

*** Левицький Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

*** Левицький Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

*** Левицький Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

Библиотека "Руниверс"

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ ияты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. II. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Сандатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

Библиотека "Руниверс"

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшік направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Стороженъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховикъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Позиси. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцьчо. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пидпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мисоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Библиотека "Руниверс"

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе пожара, бывшаго въ типографіи, гдѣ печатается журналъ „Кіевская Старина“, *ноябрьская* и *декабрьская* книги запоздали своимъ выходомъ; по этой-же причинѣ и *январьская* книга выйдетъ только въ половинѣ мѣсяца. Съ *февраля*-же мѣсяца редакція разсчитываетъ опять выпускать книги журнала *1-го числа.*

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, окончаніе статьи *„Письма П. А. Кулиша къ О. М. Бодянскому“* не могло быть включено въ составъ декабрьскаго номера, но тѣ подписчики 1897 года, которые не повторятъ подписки въ 1898 году, получатъ окончаніе этой переписки въ *отдѣльныхъ листахъ.*

Какъ редакторъ журнала и одновременно съ тѣмъ редакторъ „Малороссійскаго Словаря“, первые два тома котораго были обѣщаны подписчикамъ 1896 года (1-ый томъ) и 1897 года (2-ой томъ), я считаю себя обязаннымъ извиниться въ томъ, что не успѣлъ выполнить даннаго обѣщанія, но постараюсь въ теченіе 1898 года выслать прежнимъ подписчикамъ *оба тома.*

Редакторъ *В. Науменко.*

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ.

(Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.).

Есть поговорка, гласящая, что каждый баронъ имѣетъ свою фантазію. Съ полнымъ основаніемъ эта поговорка могла бы быть примѣнена и къ польскимъ магнатамъ—разумѣется, не теперешнимъ, а временъ минувшихъ. Въ исторіи послѣднихъ вѣковъ трудно отыскать сколько-нибудь извѣстное польско-магнатское имя, съ которымъ не были бы связаны преданія о самыхъ диковинныхъ проявленіяхъ фантазёрства или чудачества; можно сказать даже, что большинство вельможныхъ пановъ потому только и попали въ исторію, что обезсмертили себя въ памяти потомства необыкновенными чудачествами (dziwactwami).

Въ ряду такихъ чудаковъ магнатовъ видное мѣсто должно принадлежать помѣщику подольской губ. Игнатію Марховскому, жившему въ концѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Его причуды настолько поражали воображеніе современниковъ, что едва минуло двадцать лѣтъ со дня его смерти, какъ его личность послужила сюжетомъ для романа, въ свое время очень увлекавшаго читателей, благодаря необыкновеннымъ приключеніямъ главнаго героя [1]). Многіе изъ польскихъ мемуаристовъ болѣе или менѣе подробно упоминаютъ о Мар-

[1]) Разумѣемъ изданный въ 1848 г. въ Варшавѣ Сильвестромъ Грозою романъ въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ: Grabia Scibor na Ostrowcu.

Библиотека "Руниверс"

хоцкомъ, а среди мѣстнаго населенія память о его причудахъ жива и по настоящее время, но въ такомъ извращенномъ, на половину легендарномъ видѣ, что въ ней съ трудомъ уже можно отличить былое отъ выдуманнаго [1]). Въ 1884 г. извѣстный польскій историкъ А. Ролле издалъ интересный очеркъ, посвященный Мархоцкому; но, какъ намъ кажется, онъ нѣсколько идеализировалъ его личность, изобразивъ его какимъ-то дѣятелемъ-прогрессистомъ, почти реформаторомъ, лишь временно подвергавшимся припадкамъ мономаніи подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія и неудачъ. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь подробное извлеченіе изъ статьи Ролле, тѣмъ болѣе, что еще недавно на страницахъ одного изъ русскихъ журналовъ сдѣлано такое извлеченіе и при томъ съ нѣкоторыми фактическими дополненіями и съ болѣе вѣрнымъ, какъ намъ кажется, освѣщеніемъ личности Мархоцкаго [2]). Достаточно будетъ, если мы напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности этого чудака, безъ знанія которыхъ читателю могли бы показаться непонятными тѣ изъ его причудъ, о коихъ мы намѣрены подробно разсказать со словъ современника-мемуариста Фр. Ковальскаго, почему-то обойденнаго молчаніемъ какъ самимъ Ролле, такъ равно и его русскимъ пересказчикомъ.

Предки Игнатія Мархоцкаго, незначительные шляхтичи изъ Малой-Польши, зашли въ Украину въ началѣ XVIII ст. Его отецъ, Михаилъ, чашникъ брацлавскій, имѣлъ всего лишь три деревеньки въ нынѣшнемъ сквирскомъ у. Братъ послѣдняго, Войцѣхъ, занимавшійся отдачей денегъ взаймы подъ залогъ имѣній, этимъ путемъ составилъ себѣ изрядное состояніе и впослѣдствіи пріобрѣлъ сенаторскій титулъ каштеляна санокскаго. Рано потерявъ отца, молодой Мархоцкій былъ вынужденъ личными усиліями пробивать себѣ дорогу въ жизни: служилъ въ прусской военной службѣ подъ знаменами Фридриха II, затѣмъ

---

[1]) См., напр., воспоминанія Подолянина, помѣщенныя въ малор. альманахѣ „Нива“, изд. въ 1895 г.

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1895 г., кн. 1 и 5.

Библиотека "Руниверс"

состоялъ въ польской арміи, но карьеры не сдѣлалъ и въ 1783 г. вышелъ въ отставку всего лишь съ чиномъ майора. Скоро послѣ того умеръ его бездѣтный дядя Войцѣхъ, и отставной майоръ унаслѣдовалъ его значительное состояніе: м. Миньковцы (новоушицк. у. под. губ.) съ тремя фольварками и 12000 морговъ земли въ плодороднѣйшей и необыкновенно живописной мѣстности. Молодой помѣщикъ, еще въ ожиданіи этого наслѣдства, придумалъ цѣлую программу преобразованій, которыя должны были радикально измѣнить прежніе порядки въ имѣніи; но ему мѣшали спокойно заняться этимъ дѣломъ тогдашнія политическія тревоги и смуты. То были послѣдніе годы существованія Рѣчи-посполитой, ознаменованные, съ одной стороны, энергическими усиліями лучшихъ ея гражданъ путемъ общественныхъ и политическихъ реформъ спасти погибавшее отечество, а съ другой—упорнымъ противодѣйствіемъ этому движенію со стороны приверженцевъ стариннаго шляхетскаго самовластія, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать неприкосновенность прежнихъ порядковъ. Нашъ Мархоцкій ухитрился одновременно числиться въ томъ и въ другомъ лагерѣ: онъ открыто заявлялъ сочувствіе идеямъ Четырехлѣтняго сейма и въ то же время принялъ званіе „совѣтника“ Тарговицкой конфедераціи въ подольскомъ воеводствѣ и гражданско-военнаго комиссара въ своемъ повѣтѣ. Когда же Польша совсѣмъ уже стояла на краю гибели и болѣе пылкіе изъ ея сыновъ рѣшились погибнуть вмѣстѣ съ нею подъ знаменами Костюшка, Мархоцкій также захотѣлъ оказать „ойчизнѣ“ послѣднюю услугу—послалъ королю проектъ защиты отечества: онъ совѣтовалъ сжечь города, села и деревни и населеніе всего государства выслать въ поле противъ непріятеля; въ первый огонь поставить старцевъ, калѣкъ и немощныхъ, которымъ нечего уже терять въ жизни; за ними должны пойти матери, жены, сестры, невѣсты и младенцы: ихъ гибель должна воодушевить отцевъ, братьевъ, жениховъ и т. под. Къ несчастью, короля увезли въ Вильну, и онъ не успѣлъ воспользоваться геніальнымъ предложеніемъ отважнаго экс-майора; послѣднему же ничего не оставалось, какъ безропотно подчиниться судьбѣ и всѣ силы

Библиотека "Руниверс"

своего смѣлаго ума и организаторскаго таланта посвятить устройству принадлежавшаго ему громаднаго имѣнія. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ въ краѣ, по присоединеніи его къ Россіи, и полнымъ невмѣшательствомъ русскаго правительства въ патримоніальныя права польскихъ помѣщиковъ, Мархоцкій могъ теперь безпрепятственно заняться осуществленіемъ тѣхъ фантастическихъ проектовъ, съ какими онъ вступилъ во владѣніе нежданно доставшимся ему помѣстьемъ и какимъ онъ остался вѣренъ до самой смерти. Въ основаніи этихъ проектовъ лежали не одни экономическіе интересы и соображенія, не одна забота хозяйственнаго помѣщика объ увеличеніи своего благосостоянія, или филантропическое попеченіе о благоденствіи крестьянъ; нѣтъ, въ странныхъ затѣяхъ Мархоцкаго видна оригинальная политико-экономическая система, основанная на своеобразномъ представленіи его о роли и положеніи владѣльца въ его вотчинѣ и развитая съ тою прямолинейною послѣдовательностью, къ какой способны лишь мономаны. Передъ его взоромъ, окрыленнымъ буйной фантазіей, носился миражъ ни болѣе ни менѣе, какъ *собственнаго государства* (Mińkowieckiego państwa), въ которомъ онъ будетъ царовать, какъ добрый круль, „кохаючій“ своихъ подданныхъ и заботящійся объ ихъ благоденствіи. Въ этой маленькой Рѣчи-посполитой онъ заведетъ новые порядки въ духѣ Ж. Руссо и французскихъ энциклопедистовъ, идеями которыхъ онъ увлекался, и на практикѣ осуществитъ тѣ мечтанія, какими были одушевлены вожди „великаго сейма“ и творцы Майской конституціи. Мархоцкій началъ съ того, что завелъ у себя въ Миньковцахъ собственную типографію, изъ-подъ станковъ которой и вышелъ затѣмъ въ свѣтъ цѣлый рядъ sui generis законодательныхъ памятниковъ, каковы: „Право м. Маньковецъ“—для мѣщанъ; „Договоръ владѣльца съ подданными“—для крестьянъ; „Право шляхетское“—для однодворцевъ; „Право для чужеземцевъ“—раскольниковъ-великороссовъ, поселившихся въ его имѣніяхъ; „Уставы для управленія земель дѣдичныхъ“ и т. под. То были, по большей части, обширные трактаты, велерѣчиво трактовавшіе объ основахъ общежитія, о правахъ человѣка, о долгѣ подданныхъ, о договорномъ началѣ, какъ источникѣ права,

Библиотека "Руниверс"

и другихъ высокихъ матеріяхъ. Какъ послѣдователь французскихъ энциклопедистовъ, Мархоцкій великодушно даровалъ своимъ иновѣрнымъ „подданнымъ“ (православнымъ, раскольникамъ, евреямъ) право безпрепятственно исповѣдывать свою религію, отмѣнилъ „панщину“ и натуральные въ пользу владѣльца поборы и замѣнилъ все это умѣреннымъ чиншемъ. Для управленія своимъ обширнымъ „панствомъ“ Мархоцкій завелъ очень сложную и многочисленную администрацію, учредилъ правильный судъ съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ, а для осужденныхъ „подданныхъ“ придумалъ даже особое мѣсто ссылки въ въ предѣлахъ собственнаго „панства“—степное имѣніе на берегу Чернаго моря. Кто имѣлъ къ нему нужду, тотъ обязанъ былъ подать просьбу на особой, только въ „панствѣ Миньковецкомъ“ употреблявшейся, гербовой бумагѣ, цѣною отъ двухъ до шести грошей за листъ; но купчіе и дарственные акты, совершавшіеся въ Миньковецкомъ „гродѣ“, писались на бумагѣ высшаго достоинства. Лицамъ постороннимъ, обращавшимся къ нему по дѣлу, онъ давалъ формальныя аудіенціи, для чего въ его палацѣ имѣлась особая зала, куда онъ появлялся въ обстановкѣ владѣтельной особы, окруженный своими вассалами. Существуетъ даже такой анекдотъ, будто въ 1812 году, по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, Мархоцкій приказалъ поставить на межахъ своего помѣстья пограничные столбы и на нихъ прибить таблицы съ надписями: Granica państwa neutralnego Mińkowieckiego od państwa Rossyjskiego.

При такихъ непомѣрныхъ претензіяхъ, владѣльцу „нейтральнаго государства“ странно было бы довольствоваться скромнымъ фамильнымъ прозвищемъ, какимъ именовались его отецъ и дядя, каштелянъ санокскій. То было время, когда рѣдкій польскій панъ, если не въ обществѣ, то по крайней мѣрѣ у себя дома, хотя-бы собственной прислугой, не титуловался pan hrabia. И сколько такихъ „кредансовыхъ“ графовъ впослѣдствіи въ-серьезъ присвоило себѣ этотъ титулъ! Слѣдуя общей модѣ, и нашъ Мархоцкій съ 1796 года сталъ писаться „графъ Сциборъ-Мархоцкій“, а къ 1815 г. самъ пожаловалъ себѣ еще болѣе громкій титулъ: grabia Redux. И какъ же онъ

Библиотека "Руниверс"

дорожилъ этимъ самодѣльнымъ титуломъ! Бывало, противникъ по тяжебнымъ дѣламъ пришлютъ ему судебный позовъ и въ немъ не пропишутъ ни „графа“, ни „Редукса“. И что же? Упрямый Мархоцкій ни за что не пріймета позва—и проиграетъ дѣло.

Не довольствуясь ролью полудержавнаго владыки въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, Мархоцкій думалъ, что его назначеніе—быть не только добрымъ „паномъ“, отцемъ подданныхъ, но и „патріархомъ“ общины „своего народа“. Подъ старость онъ оставилъ обычный костюмъ и сталъ носить широкія одежды въ родѣ священническихъ, отростилъ бороду, вмѣсто палки употреблялъ пастораль. Еще въ 1796 г. онъ учредилъ въ Миньковцахъ религіозныя церемоніи 31 декабря (конецъ года) и 1-го января (начало года), въ которыхъ должны были принимать участіе всѣ его „подданные“ и жившая на его земляхъ чиншевая шляхта. Эти церемоніи состояли въ томъ, что въ мѣстномъ костелѣ совершалось торжественное богослуженіе, во время котораго самъ „дѣдичъ“, въ одеждѣ патріарха, всходилъ на амвонъ и произносилъ проповѣдь собственнаго сочиненія. Тексты этихъ проповѣдей сохранились въ рукописяхъ самого Мархоцкаго; онѣ довольно шаблонны и отличаются лишь тѣмъ, что, на ряду съ именами святыхъ, въ нихъ упоминаются въ почтительномъ тонѣ и имена Сенеки, Плинія, Тертулліана, Лукреція и даже Вольтера.. Каменецъ-подольскій бискупъ Мацкевичъ употреблялъ крайнія усилія, чтобы заградить уста непосвященному проповѣднику. Однажды, по его настояніямъ, была прислана въ Миньковцы команда солдатъ съ тайнымъ приказомъ—окружить костелъ во время богослуженія и лишь только помѣщикъ взойдетъ на амвонъ, заиграть въ трубы и ударить въ барабаны. Узнавъ о такомъ наказѣ, Мархоцкій перехитрилъ властей: велѣлъ подпоить солдатъ и въ назначенный часъ безпрепятственно произнесъ проповѣдь. Черезъ годъ снова являются трубачи и барабанщики, но уже подъ началомъ строгаго офицера, не поддающагося ни на какія искушенія. Едва Мархоцкій показался на амвонѣ съ тетрадкой, какъ за стѣнами деревяннаго костела раздался нѣмстовый грохотъ и визгъ. Ни

Библиотека "Руниверс"

мало не смущаясь, ретивый проповѣдникъ прочелъ орацію до конца, хотя присутствовавшіе, конечно, не могли слышать ни одного слова. За то, выходя изъ костела, помѣщикъ приказалъ забрать всю костельную утварь, какъ его полную собственность, и отправить въ палацъ. Такъ какъ безъ утвари не могло быть совершаемо богослуженіе въ костелѣ, то бискупу пришлось уступить—и Мархоцкій могъ безпрепятственно забавляться въ роли церковнаго оратора.

Въ 1797 году онъ придумалъ новое „свято"—праздникъ „*обжинокъ*". Первоначально это празднество состояло въ томъ, что въ день Успенія Божьей Матери (15 августа), по окончаніи обѣдни въ костелѣ, совершался торжественный ходъ въ поле, куда заранѣе должны были прибыть изъ сосѣднихъ селъ православные священники съ прихожанами, и здѣсь происходило освященіе плодовъ оконченной жатвы, послѣ чего на особо устроенный амвонъ всходилъ панъ „дѣдичъ" и произносилъ приличную случаю проповѣдь. Вслѣдъ за тѣмъ изъ-за окружавшей толпы выступалъ рядъ плуговъ, украшенныхъ цвѣтами и колосьями. За первый, самый нарядный изъ такихъ плуговъ становился самъ помѣщикъ или его сынъ, за остальные—болѣе почетные изъ крестьянъ, и по данному сигналу начиналась оранка, при чемъ духовенство въ облаченіяхъ кропило св. водой свѣжія борозды. Въ такой формѣ новое „свято обжинокъ" не заключало ничего, противнаго религіи, и высшая духовная власть въ первое время относилась къ нему безразлично. Но Мархоцкій не удовольствовался первоначальной простотой обряда. Страстный любитель театральныхъ эффектовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до страсти увлекался классической миѳологіей, хорошо зналъ Гомера, Горація, Лукреція, сочинилъ басню о происхожденіи рода Мархоцкихъ отъ какого-то римскаго патриція и въ свою обиходную жизнь стремился ввести многія черты древне-римскаго быта. И вотъ праздникъ „обжинокъ", первоначально посвященный чествованію Пресвятой Дѣвы, сталъ постепенно принимать характеръ полуязыческаго празднества въ честь Цереры, богини жатвы и плодородія. Ритуалъ его значительно осложнился. На челѣ процессіи выѣзжалъ плугъ, запряженный четырьмя парами

Библиотека "Руниверс"

чорныхъ воловъ съ позолоченными рогами, въ ярмахъ, обитыхъ бронзовыми бляхами и украшенныхъ разноцвѣтными лентами. На плугѣ сидѣлъ сынъ помѣщика, въ платьѣ аркадскаго пастушка; его окружали восемь красивыхъ дѣвушекъ въ крестьянскихъ нарядахъ. Въ центрѣ процессіи торжественно подвигалась высокая колесница, убранная дорогими тканями; тамъ на тронѣ возсѣдалъ Юпитеръ въ образѣ графа Редукса, въ длинной пурпурной мантіи, держа въ рукѣ жезлъ съ трезубцемъ. На ступеняхъ трона стояла молодая дѣвушка (чаще всего дочь Мархоцкаго) съ серпомъ въ рукѣ, въ костюмѣ Цереры. Колесницу окружали 12 дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. За колесницей шелъ хоръ изъ паробковъ, нарочито обученныхъ въ существовавшей въ Миньковцахъ „Музыкальной академіи“; они несли въ рукахъ косы, цѣпы, грабли и др. земледѣльческія орудія и пѣли особыя пѣсни, сочиненныя „паномъ дѣдичемъ“. А за ними двигался огромный возъ, запряженный волами; тамъ помѣщался дворовый оркестръ; его игра поперемѣнно смѣнялась пѣніемъ хора. Вся эта оригинальная процессія была окружена цѣлымъ лѣсомъ разноцвѣтныхъ хоругвей, на которыхъ были написаны тексты изъ свящ. писанія, относящіеся къ земледѣлію. Шествіе замыкалось огромной массой экипажей и безчисленной толпой народа. Что ни годъ, то появлялись новыя детали въ этой церемоніи, все болѣе приближавшія ее къ полуязыческому празднеству, и самое названіе праздника „обжинокъ“ въ устахъ шляхты, съѣзжавшейся на него въ огромномъ числѣ, постепенно замѣнялось „праздникомъ Цереры“.

Около 15-ти лѣтъ Мархоцкій безпрепятственно забавлялся устройствомъ этого диковиннаго праздника, пока не поссорился съ мѣстнымъ бискупомъ, послѣ чего этотъ послѣдній сталъ преслѣдовать его какъ за проповѣдничество въ костелѣ, такъ равно и за чествованіе Цереры. Въ 1814 г. бискупъ Мацкевичъ прислалъ Мархоцкому формальное запрещеніе „справлять языческое празднество и тѣмъ вкоренять идолопоклонство среди вѣрныхъ католиковъ, ибо праздникъ Цереры вовсе не принадлежитъ къ числу христіанскихъ праздниковъ.“ Мархоцкій

Библиотека "Руниверс"

остро отвѣтилъ бискупу и отказался исполнить его требованіе. Бискупъ обратился за содѣйствіемъ къ губернатору, каковымъ въ то время состоялъ Сан-При, католикъ. Послѣдній потребовалъ отъ Мархоцкаго выдачи подписки въ томъ, что онъ языческаго праздника справлять не будетъ. Мархоцкій отказался дать требуемую подписку и ближайшаго 15-го августа отправилъ обычную церемонію съ особенною торжественностью. Правда, мѣстный ксендзъ отказался принять участіе въ празднествѣ, но его охотно замѣнили два капуцина, приглашенные изъ сосѣдняго Дунаевецкаго кляштора. Оскорбленный ослушаніемъ губернаторъ потребовалъ Мархоцкаго въ Каменецъ для объясненій, но онъ не пріѣхалъ. Тогда бискупъ понялъ, что губернаторъ—плохой для него союзникъ, и обратилъ вниманіе подольскаго преосвященнаго Іоанникія на то, что въ празднествѣ Цереры принимаютъ участіе православные священники изъ имѣній Мархоцкаго и тысячи православныхъ его крестьянъ. Это такъ взорвало графа Редукса, что онъ написалъ бискупу оскорбительное письмо съ рѣзкимъ укоромъ за обращеніе къ содѣйствію „особъ, вѣрѣ нашей неприхильныхъ“, и назвалъ его не бискупомъ, а „духовнымъ генералъ-майоромъ“. Архіерей велѣлъ произвести дознаніе, въ результатѣ котораго всплыло дѣло, крайне характерное для личности Мархоцкаго: оказалось, что этотъ почитатель Вольтера и Руссо еще въ 1793—94 годахъ самоуправно разобралъ двѣ православныя церкви въ своихъ имѣніяхъ и отказался строить новыя, а колокола изъ нихъ велѣлъ передать въ костелы. Пока архіерей сносился съ синодомъ по этому дѣлу, Мархоцкій успѣлъ и въ 1816 г. отпраздновать безпрепятственно праздникъ Цереры. Но въ слѣдующемъ году въ самый день 15-го августа въ Миньковцы пріѣхалъ исправникъ съ полицейскими чинами и потребовалъ именемъ высшихъ властей, чтобы обычная въ этотъ день церемонія не была совершена. Мархоцкій отвѣтилъ, что онъ очень радъ пріѣзду исправника и непремѣнно исполнитъ церемонію, чтобы тотъ лично убѣдился, что въ ней нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и законамъ. Послѣ долгихъ безполезныхъ пререканій, исправникъ обратился къ собравшимся на торжество громадамъ крестьянъ съ приказаніемъ

Библиотека "Руниверс"

разойтись по домамъ; но они не послушались. Обычное торжество совершилось безъ помѣхи. Исправникъ уѣхалъ, но на другой день возвратился съ сотней козаковъ и арестовалъ упорнаго „дѣдича“. Его привезли въ Каменецъ и обязали подпискою о невыѣздѣ изъ города. Но онъ не давалъ покоя ни губернатору, ни бискупу, ни другимъ властямъ, ходилъ по городу въ своемъ костюмѣ патріарха и благословлялъ сопровождавшую его толпу. Его недолго подержали и отпустили домой съ угрозой строжайшаго взысканія въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Но и въ 1817 году, несмотря на всѣ препятствія, праздникъ Цереры состоялся, хотя безъ участія духовенства; роль жреца исполнилъ самъ „панъ грабья.“ За это его снова увезли въ Каменецъ и на этотъ разъ уже посадили подъ стражу. Тутъ онъ, сидя въ заключеніи, послалъ бискупу формальное прошеніе о посвященіи его въ ксендзы: имѣетъ-де онъ съ молодыхъ лѣтъ призваніе къ апостольскимъ трудамъ и остатокъ дней своихъ желаетъ посвятить на служеніе св. церкви. Мицкевичъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ такого „ставленика“.

Не извѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, но тутъ случился царскій пріѣздъ въ Каменецъ. Отъ родни и друзей Мархоцкаго посыпались жалобы, просьбы о защитѣ. Государь узналъ все дѣло, лично выслушалъ узника—и повелѣлъ оставить въ покоѣ старца, который хотя и чудачитъ, но оказывается хорошимъ помѣщикомъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ.

Съ тѣхъ поръ и до конца жизни Мархоцкій безпрепятственно отправлялъ ежегодно праздникъ Цереры съ участіемъ ксендзовъ и православныхъ священниковъ. Онъ такъ дорожилъ этимъ празднествомъ, что и сыну завѣщалъ, подъ угрозой неблагословенія, неизмѣнно совершать его. Умеръ Мархоцкій въ 1827 году.

Приводимъ теперь въ извлеченіи подробное описаніе праздника Цереры, заимствованное изъ воспоминаній польскаго мемуариста Фр. Ковальскаго, бывшаго въ 1823 году очевидцемъ

Библиотека "Руниверс"

этого оригинальнаго торжества [1]). Предупреждаемъ лишь читателей, что Ковальскій, слѣдуя общей всѣмъ польскимъ мемуаристамъ манерѣ идеализировать свое магнатство, рисуетъ личность Мархоцкаго такими чертами, которыя вовсе не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Приближался (разсказываетъ Ковальскій) день 15-августа, и мнѣ очень хотѣлось побывать въ Миньковцахъ и увидѣть блестящій и оригинальный праздникъ Цереры, о которомъ я давно слышалъ, какъ о дивѣ. Это—праздникъ *обжинокъ* (окончанія жатвы) и вмѣстѣ день Успенія Богородицы, которую старый графъ (Мархоцкій) чествовалъ нарочито торжественной службой, благодаря Ее за обильную жатву и молясь о ниспосланіи будущаго урожая. Понравилось ему этотъ христіанскій праздникъ назвать миѳологическимъ именемъ Цереры, богини жатвы, и это не укрылось отъ вниманія властей, которыя стали чинить ему разныя препятствія въ отправленіи этого празднества; тѣмъ не менѣе графъ Мархоцкій до самой смерти чествовалъ этотъ день подъ именемъ Цереры.

Мѣстечко Миньковцы расположено въ мѣстности живописной. Уже за милю видны красивыя ущелья и поросшія лѣсомъ горы Миньковецкія. Дорога постепенно понижается и наконецъ тонетъ въ живописномъ яру, очень похожемъ на то ущелье, которымъ въѣзжаютъ въ Кременецъ. На днѣ огромной долины, обрамленной отвѣсно спадающими высотами, разомъ показывается мѣстечко, съ одной стороны окаймленное быстрою рѣчкою Ушицею, приводящею въ движеніе большія мельницы, отъ которыхъ не осталось теперь и слѣда, а съ другой оттѣненное высокими горами, съ вершины которыхъ далеко виднѣется обширное плоскогоріе, перемежаемое зелеными лѣсами и пшеничными нивами. Не доѣзжая плотины, дорога, обсаженная тополями, поднимается вправо на возвышенный холмъ съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ и огромными

[1]) Wspomnienia. Pamiętnik Franciszka Kowalskiego, t. I—II. Kiiow, 1859.

Библиотека "Руниверс"

воротами, на которыхъ пестрѣли латинскія надписи изъ Цицерона, Порція, Катона, Виргилія, Горація и др. Это—*Бэльмонтъ* (Belmont). Здѣсь стоялъ въ то время небольшой замокъ, въ которомъ давались балы въ праздникъ Цереры. За Бэльмонтомъ по дорогѣ, выходящей въ поле, снова стояла арка съ надписями. На горѣ, влѣво отъ дороги, среди огромнаго лана сжатой уже пшеницы, стоялъ сложенный изъ камня какъ-бы памятникъ, формой напоминающій римское *rostrum*: мнѣ объяснили, что то былъ олтарь въ нѣсколько ступеней, или каѳедра, съ которой старый Мархоцкій, во время церемоній праздника Цереры, говорилъ рѣчи къ крестьянамъ, съ латинскими цитатами, заоочивая ихъ къ земледѣльческому труду. Надо замѣтить, что графъ Мархоцкій никогда не называлъ своихъ подданныхъ *хлопами*, гнушаясь этимъ унизительнымъ именемъ, а величалъ ихъ *rolnikami*, т. е. хлѣбопашцами, а вмѣсто „панщины“ употреблялъ терминъ *robocizna*. Любилъ онъ своихъ крестьянъ, былъ для нихъ отцемъ, а не паномъ, и они его искренно любили. Каждое село его (а было ихъ у него болѣе десятка) имѣло при въѣздѣ каменныя ворота, на которыхъ крупными буквами было означено названіе села и имя владѣльца, а въ Миньковцахъ существовала типографія, изъ которой выпускались печатные приказы экономамъ, управителямъ и крестьянамъ.

Наканунѣ 15-го августа, вечеромъ, мы прибыли въ Миньковцы, гдѣ все уже было готово къ завтрашнему празднику. Мѣстечко показалось мнѣ довольно благоустроеннымъ, съ порядочнымъ базаромъ и значительнымъ числомъ каменныхъ домовъ; костелъ лишь былъ малъ и непоказной. Въ данное время въ Миньковцахъ было полно народа, собравшагося съ разныхъ сторонъ; сельскія громады со всѣхъ имѣній Мархоцкаго расположились обозами на базарной площади и на предмѣстьяхъ; почти всѣ дома были заняты приглашенными обывателями шляхтичами и ихъ семействами, и многіе изъ гостей размѣстились въ Бэльмонтѣ. Купцы, съѣхавшіеся изъ м. Дунаевецъ, Каменца и даже изъ Бердичева, разложили въ лавкахъ свои товары, и съ разныхъ концовъ мѣстечка слышна была музыка. Едва наступила ночь, какъ все мѣстечко, предмѣстья, замокъ Бэльмонтъ

Библиотека "Руниверс"

и даже сосѣднія скалы запылали огнями, между которыми смоляныя бочки, пылавшія на декорированныхъ зеленью воротахъ и башняхъ и на многихъ, болѣе выдающихся скалахъ, казались солнцами. Въ „Рыцарскомъ замкѣ“ на Бельмонтѣ данъ былъ для гостей блестящій ужинъ; здѣсь я былъ представленъ почтенному хозяину, съ молодымъ сыномъ котораго познакомился раньше.

Графъ Якса-Сциборъ-Мархоцкій, семидесятилѣтній старикъ, владѣлецъ большихъ имѣній, славился по цѣлому Подолью своей ученостью, радушіемъ, патріархальностью и полнымъ отсутствіемъ аристократической спеси. Почтенная его наружность, знаніе свѣта, гостепріимство и привѣтливость снискали ему всеобщее уваженіе. На его приглашенія съѣзжалось въ Миньковцы безчисленное множество гостей; кто не могъ помѣститься въ „Рыцарскомъ замкѣ“, для тѣхъ отводились, по его приказу, заранѣе очищенные дома въ самомъ мѣстечкѣ и его предмѣстьяхъ. Все, что было нужно для содержанія гостей, ихъ слугъ и лошадей, доставлялось изъ его экономіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока продолжались празднества, его слуги съ ранняго утра навѣщали всѣхъ гостей, разнося и развозя имъ, что нужно: чай, кофе, шеколадъ и т. под. Никто не бывалъ забытъ, каждый получалъ все, чего хотѣлъ; ибо какъ самъ владѣлецъ былъ неисчерпаемымъ кладеземъ разума, знанія, сочувствія къ ближнему, такъ его дворъ былъ неисчерпаемымъ рогомъ изобилія для всѣхъ.

Въ тотъ вечеръ гости, послѣ ужина въ Бельмонтскомъ замкѣ, разошлись по квартирамъ для отдыха, чтобы быть готовыми къ завтрашнему празднеству. Лишь наступило утро, начался рядъ торжествъ фантастическаго праздника *обжинокъ*, день, памятный въ исторіи Миньковецъ подъ именемъ Цереры. Съ разсвѣта началось движеніе. Прибывшее съ разныхъ мѣстъ духовенство готовилось къ службамъ и церковнымъ обрядамъ; костелъ былъ окруженъ народомъ. Молодой Карлъ Мархоцкій объѣзжалъ всѣхъ гостей и отъ имени отца приглашалъ ихъ въ „Рыцарскій замокъ“, чтобы вмѣстѣ отправиться оттуда въ костелъ къ обѣднѣ, которая имѣла начаться въ десятомъ часу.

Библиотека "Руниверс"

Тотчасъ всѣ отправились въ замокъ въ своихъ или графскихъ экипажахъ, такъ какъ нѣсколько его каретъ и колясокъ всегда было къ услугамъ гостей.

Къ восьми часамъ богослуженіе въ церквахъ было окончено. Крестьяне со всѣхъ графскихъ селъ двигались правильными колоннами подъ предводительствомъ своихъ экономовъ и войтовъ и становились двумя шеренгами по обѣ стороны дороги, ведущей отъ костела до самаго Бэльмонта. На челѣ этой живой улицы, при выходѣ изъ „Рыцарскаго замка", стали, также въ двѣ шеренги, сто самыхъ красивыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ; всѣ онѣ были одѣты въ лучшія платья и каждая имѣла въ рукахъ огромный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а на головѣ вѣнокъ изъ пшеничныхъ колосьевъ. Далѣе за ними стояли въ двѣ шеренги молодыя замужнія женщины, держа въ рукахъ серпы и корзины съ фруктами; за ними—молодые паробки, у которыхъ на плечахъ были грабли, косы, цѣпы; наконецъ, уже вблизи костела, стояли ряды пожилыхъ и старыхъ крестьянъ съ палками въ рукахъ. За шеренгами толпились остальныя крестьянскія массы, держа укрѣпленные на длинныхъ палкахъ разноцвѣтные бумажные фонари; каждое село имѣло фонари особаго цвѣта: розовые, пунцовые, желтые, зеленые, голубые и проч.

Черезъ нѣсколько времени по этой живой и пестрой улицѣ двинулся изъ Рыцарскаго замка въ костелъ огромный караванъ изъ пятидесяти съ чѣмъ-то экипажей: каретъ, колясокъ, фаетоновъ, переполненныхъ гостями, а на челѣ каравана ѣхалъ самъ графъ Сциборъ-Якса-Мархоцкій въ бархатной малиновой тогѣ съ широкими рукавами, расшитой золотыми пчелами. Почтенный старецъ съ бѣлой длинной бородой въ этомъ фантастическомъ костюмѣ своимъ величественнымъ видомъ напоминалъ іудейскаго первосвященника или же римскаго sacerdos flaminius. Онъ возсѣдалъ на высокой фантастической колесницѣ, декорированной коврами и дорогими тканями, держа въ рукѣ длинный позолоченный жезлъ въ родѣ того, какой носятъ бискупы. Рядомъ съ нимъ сидѣла его дочь Эмилія, которая въ этотъ день изображала богиню Цереру.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время въ костелѣ отправлялась тихая мша; но едва вступило въ нее прибывшее блестящее общество, тотчасъ заиграла музыка и началась торжественная обѣдня, во время которой Миньковецкое *братство* пѣло псалмы Давида, переведенные съ еврейскаго языка самимъ графомъ, который, при всей учености, отличался великимъ благочестіемъ. Послѣ приличной случаю проповѣди и по окончаніи обѣдни, вышла изъ костела торжественная процессія, обошла его три раза и направилась за мѣстечко, на почтовую дорогу, къ тому мѣсту, гдѣ среди поля, на одной изъ господствующихъ надъ мѣстечкомъ возвышенностей, стоялъ каменный алтарь въ нѣсколько ступеней, о которомъ выше упомянуто. За процессіей, посреди двухъ рядовъ крестьянъ, установленныхъ въ томъ же порядкѣ, какъ раньше по пути изъ Бѣльмонта въ костелъ, медленно подвигалась графская колесница и за ней длинный рядъ экипажей. Прибывъ на мѣсто, сельскія громады сомкнутыми колоннами расположились вокругъ алтаря по лѣвой сторонѣ дороги; по правой же, на другомъ лану, стояло множество возовъ съ яствами и напитками, и на разложенныхъ кострахъ готовился обѣдъ для народа. Шляхетная же публика, въ числѣ которой находились и военные, приглашенные графомъ,—генералъ, полковникъ и много офицеровъ,—оставались въ экипажахъ, чтобы удобнѣе было видѣть происходившій предъ ними фантастическій обрядъ. Начались молитвы и церковное пѣніе; ксендзы торжественно освящали сложенные на алтарь цвѣты, фрукты и вѣнки изъ пшеничныхъ колосьевъ. По окончаніи этой церемоніи графъ Мархоцкій поднялся по ступенькамъ алтаря и оттуда, будто съ каѳедры, среди торжественной тишины громкимъ голосомъ началъ рѣчь, обращаясь ко всѣмъ собравшимся, преимущественно же къ крестьянамъ. Онъ говорилъ о важномъ значеніи настоящаго праздника, о долгѣ благодарности по отношенію къ Богу за всѣ плоды земные, за богатые урожаи, которые Онъ благоволитъ ниспосылать намъ грѣшнымъ; о трудѣ, безъ котораго не можемъ пользоваться милостью Божьей; объ обязанностяхъ крестьянъ по отношенію къ господамъ и господъ по отношенію къ подданнымъ; о трезвости, согласіи и взаимной любви; говорилъ

Библиотека "Руниверс"

также о земледѣліи, какъ главномъ источникѣ богатства и счастья народовъ, и убѣждалъ своихъ *rolników* быть усердными и трудолюбивыми земледѣльцами; а въ подтвержденіе своихъ доводовъ ставилъ имъ въ примѣръ Римлянъ, какъ народъ земледѣльческій, и цитировалъ Порція, Катона, Виргилія и даже нѣсколько стиховъ изъ *георгикъ*, что для многихъ слушателей было весьма мало, а для крестьянъ и вовсе не понятно. Окончилъ свою рѣчь колѣнопреклоненной молитвой къ Пресвятой Дѣвѣ, которую собраніе выслушало благоговѣйно, съ обнаженными головами.

Въ ту же минуту, по данному знаку, разступилась толпа народа, и глазамъ зрителей показалось великое множество, около сотни, шести-воловыхъ плуговъ, а на челѣ ихъ изящный, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ и запряженный шестью черными волами съ позолоченными и расцвѣченными рогами плугъ, за которымъ шелъ молодой графъ Карлъ, одѣтый въ крестьянское платье, съ сумкой черезъ плечо. Тотчасъ всѣ *плугачи* крикнули громкое: *гей!* и начали пахать. Молодой Карлъ провелъ первую борозду, и разомъ на полѣ появилась сотня бороздъ, правильно проведенныхъ, подъ надзоромъ экономовъ и войтовъ. Въ прежнее время, пока старый графъ былъ помоложе, онъ лично велъ первый плугъ, но въ старости передалъ эту роль сыну.

Обратившись еще разъ съ рѣчью къ крестьянамъ, которые отвѣчали на нее сердечными возгласами, графъ Мархоцкій перешелъ съ гостями на другойланъ, черезъ дорогу, гдѣ уже были приготовлены столы съ яствами и напитками для народа, и прежде всего провозгласилъ тостъ за здоровье Монарха, подъ благополучнымъ правленіемъ котораго такъ процвѣло земледѣліе и край наслаждается счастливымъ миромъ. Массы крестьянъ съ энтузіазмомъ повторили этотъ тостъ и чинно принялись за ѣду. Цѣлый день продолжалось ихъ угощеніе, но пьянства не было. Простившись наконецъ съ своими подданными, которые должны были вечеромъ и на всю ночь прибыть въ замокъ Бэльмонтъ, графъ пригласилъ всѣхъ гостей къ себѣ на завтракъ и обѣдъ и сѣлъ въ ожидавшую его на дорогѣ коляску. Всѣ гости также размѣстились по экипажамъ и тронулись къ мѣстечку; лишь са-

Библиотека "Руниверс"

мая малая часть ихъ разъѣхалась по домамъ. Тѣмъ и закончилась, около двухъ часовъ по-полудни, первая, церковная часть программы празднества.

Вторая, исключительно свѣтская и фантастическая, происходила на Бэльмонтѣ, въ Рыцарскомъ замкѣ. Пока въ полѣ крестьяне ѣли, пили, забавлялись и распѣвали пѣсни, превознося до небесъ добраго пана, который ихъ жаловалъ и теперь такъ щедро кормилъ и поилъ, въ Бэльмонтѣ происходилъ роскошный, изысканный завтракъ, продолжавшійся почти до вечера, послѣ чего гости осматривали замокъ, башни и арки, украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ, и небольшой садъ, спускавшійся до самой рѣки, на мѣстѣ котораго теперь остались однѣ голыя скалы. Среди замковаго двора былъ построенъ громадныхъ размѣровъ, сложенный изъ досокъ, крытый павильонъ, куда вечеромъ долженъ былъ собраться народъ.

Лишь только наступили сумерки, изъ оконъ замка открылось великолѣпное зрѣлище: на склонѣ горы, на которой происходила утренняя церемонія, показались безчисленныя разноцвѣтныя звѣздочки. Казалось, будто волшебные рои свѣтляковъ, причудливо сплетаясь и развиваясь, огненнымъ потокомъ медленно текли въ долину и затѣмъ поднимались на гору, по направленію къ замку: то громады народа съ зажженными разноцвѣтными фонарями возвращались съ поля, гдѣ происходило цѣлодневное для нихъ угощеніе, и тихо, безъ шума, среди пылавшихъ по дорогѣ смоляныхъ бочекъ, среди торжественныхъ звуковъ нѣсколькихъ оркестровъ, подвигались къ замку, котораго башни, арки, стѣны и даже карнизы разомъ освѣтились плошками, лампами, фонарями и смоляными бочками. Всѣ гости вышли на балконъ и на дворъ, любуясь восхитительнымъ зрѣлищемъ. Массы народа вошли въ дворъ замка и чинно расположились вокругъ приготовленныхъ для нихъ столовъ съ напитками: пивомъ, водкой, медомъ, наливками, а въ нѣкоторомъ отдаленіи стояло два или три оркестра. Почтенный хозяинъ вышелъ привѣтствовать своихъ крестьянъ; они его окружили съ криками радости. Спросилъ онъ ихъ затѣмъ: не голодны ли они и довольны ли его угощеніемъ?

Библиотека "Руниверс"

— „Довольны, довольны, нашъ пане, нашъ батьку!"—закричали всѣ въ неописанномъ восторгѣ радости, умиленія и благодарности, какими были къ нему проникнуты.

— Дѣти мои!—сказалъ онъ имъ далѣе.—Первое дѣло—это Богъ и Его святой промыслъ, а второе—трудъ! Если вы съ Божьей милостью будете трудиться, Богъ вамъ поможетъ, вы все будете имѣть и будете счастливы.

Въ отвѣтъ на эти слова уважаемаго и любимаго помѣщика на лицахъ честныхъ селянъ отразилось необычайное волненіе; они цѣловали ему руки, ноги, колѣни, и онъ, растроганный, освободившись изъ ихъ объятій, вошелъ въ павильонъ и за нимъ всѣ, сколько могли въ немъ помѣститься. Мы, гости, уже раньше ожидали въ павильонѣ. То была, какъ мы сказали, громадныхъ размѣровъ зала, сложенная изъ досокъ, безъ потолка, съ высокой кровлей на столбахъ, обвитыхъ цвѣтами и вѣтвями зелени; въ ней помѣщалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Вся она была залита свѣтомъ отъ множества люстръ, канделябръ и лампъ; однихъ люстръ, по сотнѣ свѣчей въ каждой, было въ ней 8, а вдоль стѣнъ, уставленныхъ зеркалами и убранныхъ разнообразными цвѣтами и листьями, горѣло безчисленное множество свѣчей. Со стороны входа павильонъ былъ открытъ, а противоположная сторона сверху донизу была задрапирована, какъ въ театрѣ, занавѣсью, на которой нарисовано было миѳологическое изображеніе жатвы. Полъ въ павильонѣ покрытъ былъ сѣрымъ сукномъ—издѣліемъ Миньковецкой фабрики.

Когда зала наполнилась гостями и крестьянами, нашимъ глазамъ представилась пышная, фантастическая сцена. Передъ занавѣсью оставленъ былъ небольшой свободный полукругъ, въ центрѣ котораго сталъ самъ графъ Сциборъ съ важнымъ видомъ, въ своей величественной тогѣ. По данному имъ знаку взвился занавѣсъ—и мы увидѣли подъ злато-пурпуровымъ балдахиномъ блестящій тронъ, на которомъ возсѣдала одна изъ дочерей графа, Эмилія, дама необычайной въ то время красоты, въ миѳологическомъ нарядѣ, изображавшая собою богиню Цереру, съ приличными этой роли символами. Передъ ней стоялъ покрытый пурпуровымъ бархатомъ съ золотой бахромой, кистя-

Библиотека "Руниверс"

ми и позументами столъ, на которомъ лежали цѣлые бунты прекрасныхъ лентъ и нѣсколько кучъ серебряныхъ рублей. Ея прекрасное лицо съ выраженіемъ важности и какой-то задумчивости внушало зрителямъ невольное почтеніе и уваженіе. Черезъ нѣсколько минутъ двѣнадцать красивѣйшихъ крестьянскихъ дѣвушекъ въ очень красивыхъ деревенскихъ нарядахъ, съ вѣнками изъ пшеничныхъ колосьевъ на головахъ, съ почтительнымъ видомъ подошли къ трону богини; каждая по очереди, преклонивъ предъ ней колѣно, цѣловала ея руку, а богиня съ очаровательной улыбкой у каждой снимала съ головы вѣнокъ, слагала его на столѣ предъ собой и, взявъ ленту, сама повязывала дѣвушкамъ головы и дарила каждой по серебряному рублю. Осчастливленныя этимъ дѣвушки, вручивъ каждая свою дань богинѣ и получивъ отъ нея награду, по очереди возвращались на свои мѣста; а во время всей этой сцены сельскіе хоры распѣвали *обжиночныя* пѣсни. Невозможно выразить всей прелести этой восхитительной, театральной картины!

Наконецъ, когда удалилась послѣдняя изъ дѣвушекъ, графъ Сциборъ приказалъ подать ему большой бокалъ съ виномъ, поднялъ его вверхъ и громко возгласилъ:

— Теперь я пью за здоровье моихъ трудолюбивыхъ, честныхъ и kochanych rolników! Да здравствуютъ они, работаютъ и будутъ счастливы!

Онъ выпилъ бокалъ, а громады отвѣтили ему громкими криками:

— Да здравствуетъ нашъ добрый панъ, нашъ батько!—и затѣмъ стали пить и гулять въ теченіе цѣлой ночи, а музыка оживляла ихъ сердца и ноги. Веселые крестьяне съ женами и дѣтьми наводнили всю залу, старшіе засѣли вокругъ столовъ съ яствами и напитками, а молодые танцовали до упаду, съ соблюденіемъ, однако, полной благопристойности, безъ криковъ и галасовъ. А хозяинъ, простившись съ ними и предоставивъ имъ полную свободу веселиться, пригласилъ своихъ гостей въ покои замка. Мы подали руки дамамъ и вошли въ замокъ гдѣ насъ ожидалъ чай, пирожное, конфекты, варенье, фрукты, оркестръ и затѣмъ самый блестящій балъ, продолжавшійся до

Библиотека "Руниверс"

шести часовъ утра. Лишь послѣ восхода солнца крестьяне разошлись съ пѣснями, а гости стали разъѣзжаться по квартирамъ для сна и отдыха.

Такъ происходилъ въ Миньковцахъ праздникъ Цереры, который я самъ нѣкогда видѣлъ и въ которомъ, кромѣ имени богини, ничего не было миѳологическаго или языческаго. Съ тѣхъ поръ минуло болѣе 30-ти лѣтъ [1]), я могъ позабыть какія-либо мелкія подробности, такъ какъ трудно быть вполнѣ точнымъ, повѣствуя о событіяхъ давно минувшихъ, но главнѣйшіе моменты празднества, которые произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, я старался точно передать въ моемъ описаніи.

Но празднество этимъ не окончилось. Когда гости оставляли балъ и разъѣзжались по квартирамъ, достопочтенный хозяинъ привѣтливо просилъ, чтобы они, отдохнувъ, благоволили ласково принять его визиты, которые онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать всѣмъ, благосклонно принявшимъ его приглашенія, чтобы онъ могъ лично убѣдиться въ томъ, были ли предоставлены имъ всѣ удобства, какъ онъ того желалъ, и чтобы поблагодарить ихъ за доставленное ему удовольствіе посѣщеніемъ его дома. Едва гости пробудились отъ долгаго сна, графскіе слуги развозили имъ утренній чай и кофе, а въ третьемъ часу по-полудни графъ съ дочерью и сыномъ всѣхъ навѣстили, не позабывъ ни о комъ. Но гости, хотя и собирались разъѣзжаться по домамъ, должны были исполнить усильныя просьбы любезнаго хозяина и остались еще на два дня. Въ тотъ день онъ сдѣлалъ для нихъ блестящій балъ въ Отроковѣ, а на другой—въ Побуйной или въ залахъ Притулійскаго палаца, гдѣ гости видѣли много прекраснаго, въ особенности любовались большимъ паркомъ и садомъ съ фонтанами, водопадами, скалами; все это было устроено съ большимъ вкусомъ. Этотъ Притулійскій садъ славился по цѣлому Подолью и привлекалъ туристовъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ все это исчезло: на мѣстѣ садовъ остались дикіе пустыри, а каменныя стѣны превратились въ грузъ и щебень.

[1]) Ф. Ковальскій писалъ свои „*Воспоминанія*“ въ 1850-хъ годахъ.

Библиотека "Руниверс"

Тихій, скромный, добрый, полный патріархальныхъ доблестей и богато одаренный талантами и знаніемъ, графъ Сциборъ самъ былъ учителемъ своихъ дѣтей, училъ ихъ всѣмъ наукамъ, рисованію и музыкѣ. Сынъ его Карлъ, котораго я близко знаю, вышелъ настоящимъ ученымъ и хорошимъ піанистомъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти Мархоцкій приказалъ построить для себя въ Притулійскомъ паркѣ сельскую хату объ одномъ покоѣ, перегороженномъ на двѣ половины; переселившись сюда изъ роскошныхъ палатъ, онъ въ этомъ скромномъ жилищѣ спокойно и съ чистымъ сердцемъ ожидалъ смерти. Мебель для этой хаты онъ приказалъ сдѣлать простому столяру; красное дерево, сандалъ и черное дерево уступили мѣсто скромному дубу. На дворѣ, покрестьянски огороженномъ простымъ плетнемъ, было двѣ собаки, двѣ коровы, нѣсколько куръ и пѣтухъ, который возвѣщалъ ему время полуночи и восхода солнца. Это сельское хозяйничанье, этотъ новый строй своей жизни старый философъ называлъ *„примиреніемъ съ натурой и возвратомъ къ естественному состоянію человѣка“*. Надъ дверями своей хаты онъ прибилъ каменную таблицу съ надписью: *Inveni portum. Spes et fortuna valete! Stat me lusistis, ludite nunc alios* [1]).

Въ этой хатѣ семидесятилѣтній съ чѣмъ-то старецъ окончилъ свою честную жизнь. Похоронили его въ Притулійскомъ саду, гдѣ находятся могилы и его семьи.

О. Л.

[1]) Я нашелъ пристань. Прощайте, надежда и счастье! Довольно меня вы обманывали, обманывайте теперь другихъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

VII.

Уставъ объ управленіи малороссійскими козаками отъ 17 января 1834 г.—Инструкція главной хозяйственной конторѣ „о порядкѣ производства дѣлъ."—Инструкція „о произведеніи переписей козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей."—О дозволеніи козакамъ поступать въ духовное званіе.—Князь Н. Г. Репнинъ требовалъ отъ попечителей высказывать мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.—Попечитель переяславской конторы Н. Г. Краснокутскій.—Увольненіе князя Н. Г. Репнина отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора.—Измѣненія въ уставѣ 1834 г.—Причина паденія князя Н. Г. Репнина.

Князь Н. Г. Репнинъ еще въ 1832 г. въ приведенномъ вами выше всеподданнѣйшемъ рапортѣ[2]) настаиваетъ на необходимости „усовершенствованія внутренняго управленія козаковъ" и упоминаетъ о томъ, что онъ „*составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія.*"

Въ вышепомѣщенномъ письмѣ[3]) къ князю В. П. Кочубею князь Репнинъ говоритъ также между прочимъ слѣдующее: „повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ болѣе или менѣе доступныхъ и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ *особую конто-*

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 11.
[2]) „Кіев Стар." 1897 г., октябрь, стр. 123.
[3]) Кіев. Стар. 1897 г. ноябрь, стр.

Библиотека "Руниверс"

ру, на подобіе департамента удѣловъ—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ за одно съ ними „пановъ."

На этотъ разъ настоянія князя Репнина были приняты во вниманіе, и 17 января 1834 г. былъ обнародованъ новый „уставъ объ управленіи малороссійскими козаками." [1])

Согласно этому уставу главное попеченіе о малороссійскихъ козакахъ ввѣрялось малороссійскому генералъ-губернатору, который дѣлалъ свои распоряженія въ отношеніи общаго гражданскаго управленія чрезъ посредство общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ отношеніи суда, по дѣламъ гражданскимъ, козаки, сохраняя права, прежде имъ дорованныя и подтвержденныя указомъ 25 іюня 1832 г., пользовались тѣми-же судебными учрежденіями, что и до обнародованія новаго устава; по дѣламъ уголовнымъ, козаки, не состоявшіе на дѣйствительной военной службѣ, подлежали общему уголовному суду, причемъ признанные по суду виновными въ преступленіи и подлежащими ссылкѣ въ Сибирь, или зачисленія въ солдаты, исключались изъ козачьяго сословія, лишались правъ и преимуществъ, дарованныхъ этому сословію, и отданные въ солдаты продолжали уже военную службу на общихъ основаніяхъ.

Ближайшее завѣдываніе всѣми дѣлами козачьяго сословія было поручено особому вновь учрежденному присутственному мѣсту, подъ названіемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ; въ эту контору были переданы всѣ дѣла, касавшіяся козаковъ, изъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ, и она, наравнѣ съ этими послѣдними, состояла въ вѣдѣніи министерства финансовъ, будучи въ тоже время подъ ближайшимъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора; для большаго удобства въ отношеніи этого надзора ей было назначено мѣстопребываніе въ Полтавѣ, мѣстѣ оффиціальнаго жительства генералъ-губернатора.

Главная хозяйственная контора состояла изъ предсѣдателя, трехъ совѣтниковъ и секретаря; кромѣ того, при конторѣ нахо-

[1]) П. С. З. № 6727.

Библиотека "Руниверс"

дились бухгалтеръ, землемѣръ съ помощникомъ и нужное число чиновниковъ.

Главной конторѣ были подчинены попечительныя конторы, которыя учреждались по мѣрѣ надобности въ уѣздныхъ городахъ въ мѣстахъ наибольшаго разселенія козаковъ; въ завѣдываніи каждой попечительной конторы находилось около 40000 ревизскихъ душъ мужескаго пола. Конторы эти состояли изъ попечителя, его помощника, стряпчаго и четырехъ канцелярскихъ служителей.

Попечительнымъ конторамъ были подчинены козачьи волостныя правленія, въ вѣдѣніи которыхъ состояло отъ 4000 до 6000 душъ; въ составъ этихъ правленій входили голова, два старшины, два добросовѣстныхъ судьи, волостной казначей и писарь. Волостныя правленія были учреждены въ мѣстахъ постоянной осѣдлости козаковъ, по возможности въ центральныхъ селеніяхъ, по имени которыхъ и назывались.

Хотя волостныя правленія были непосредственно подчинены попечительнымъ конторамъ, но они обязаны были исполнять всѣ требованія общей полиціи, хотя-бы и стѣснительныя для козаковъ; въ послѣднемъ случаѣ, по исполненіи требованія, они могли просить защиты и покровительства у подлежащей попечительной конторы.

Каждому волостному правленію были подчинены станы, заключавшіе въ себѣ одно или нѣсколько селеній, или хуторовъ, приблизительно около 300 дворовъ, съ территоріей болѣе 10 верстъ въ поперечникѣ; дѣлами становъ завѣдывалъ становой-староста, его помощниками были сборщикъ податей, смотритель запаснаго магазина и десятскій при каждыхъ десяти дворахъ; всѣ они были въ полной зависимости отъ головы.

Въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы входили слѣдующія дѣла: собираніе статистическихъ свѣдѣній о числѣ козаковъ, ихъ имуществѣ и занятіяхъ; наблюденіе за сохраненіемъ во владѣніи козачьяго сословія наслѣдственныхъ козачьихъ земель; разрѣшеніе обмѣна этихъ земель въ случаѣ черезполосности, согласно указу отъ 25 іюня 1852 г.; организація переселеній козаковъ на окраины; увольненіе изъ козачьяго со-

Библиотека "Руниверс"

словія для перехода въ купечество; собираніе свѣдѣній объ урожаяхъ и о количествѣ имѣющагося въ запасныхъ магазинахъ хлѣба; снабженіе козаковъ продовольствіемъ въ случаѣ неурожая; устройство приходскихъ училищъ, госпиталей и богадѣленъ; веденіе очередныхъ списковъ и ежегодный нарядъ козаковъ въ военную службу; водвореніе на жительство возвращающихся изъ службы по истеченіи пятнадцатилѣтняго срока, или сдѣлавшихся неспособными отъ ранъ и болѣзней; наблюденіе за исправнымъ взносомъ податей въ казначейство; ассигнованіе денежныхъ сборовъ на земскія повинности и на содержаніе козачьяго управленія; равномѣрное роспредѣленіе податей и налоговъ; охраненіе козачьяго сословія отъ какихъ либо притѣсненій при расквартированіи войскъ и при выполненіи ими какихъ либо личныхъ повинностей; огражденіе козачьяго наслѣдственнаго имущества при тяжбахъ; оказаніе содѣйствія козакамъ въ порядкѣ веденія тяжбъ; веденіе списковъ козаковъ, судимыхъ за какія-либо преступленія, и въ особенности, содержащихся подъ стражей, и возбужденіе ходатайствъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи; веденіе всякаго рода отчетности.

Въ кругъ вѣдѣнія попечительныхъ конторъ входили всѣ вышеперечисленныя дѣла, и онѣ имѣли вообще наблюденіе, чтобы козаки исполняли всѣ свои обязанности, платили въ срокъ подати и не подвергались какимъ-либо притѣсненіямъ.

Попечителя назначалъ генералъ-губернаторъ изъ кандидатовъ, представленныхъ губернаторами по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства; они избирались изъ числа мѣстныхъ дворянъ, извѣстныхъ своею опытностью въ веденіи хозяйства и пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ; ихъ служба считалась государственной.

Вѣдѣнію волостныхъ правленій предоставлялись слѣдующія дѣла: поддержаніе общаго порядка въ козачьихъ селеніяхъ; наблюденіе, чтобы козаки неуклонно выполняли всѣ повинности и своевременно вносили подати; нарядъ козаковъ къ исполненію повинностей натурою; охраненіе козачьихъ земель отъ перехода въ руки представителей другихъ сословій; общее попеченіе о благосостояніи козаковъ и ходатайство о ихъ нуждахъ чрезъ

Библиотека "Руниверс"

попечительную контору; забота о казачьихъ вдовахъ и сиротахъ; опека надъ послѣдними, какъ личная, такъ и имущественная; полицейское дознаніе и наказаніе въ проступкахъ маловажныхъ, первоначальный разборъ во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ между козаками и стараніе о прекращеніи ихъ миромъ безъ формальнаго производства.

Волостной голова считался начальникомъ всѣхъ козаковъ, входившихъ въ вѣдѣніе данной волости, и избирался на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа наиболѣе уважаемыхъ козаковъ, занимавшихъ уже какія-либо общественныя должности и извѣстныхъ хорошимъ веденіемъ собственнаго хозяйства; согласно уставу, онъ долженъ былъ „обходиться со всѣми своими подчиненными дружески, выслушивать и принимать терпѣливо всѣ ихъ просьбы и, внимая ихъ нуждамъ, быть прямымъ ихъ ходатаемъ у правительства чрезъ посредство попечителей".

По усмотрѣнію головы и съ разрѣшенія попечителя, козаки имѣли право собираться на сельскіе и волостные сходы; если сходъ нужно было собрать для выясненія злоупотребленій головы, то разрѣшеніе на созывъ козаковъ на сходъ нужно было получать непосредственно изъ попечительной конторы.

Согласно § 31 устава, высочайшимъ указомъ отъ 18 мая 1834 года предсѣдателемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Репнинѣ, коллежскій совѣтникъ князь Баратовъ, о чемъ увѣдомилъ князя Репнина министръ финансовъ графъ Канкринъ отъ 21 мая 1834 г., съ извѣщеньемъ, что согласно § 32 устава, съ своей стороны онъ назначилъ совѣтниками конторы бухгалтера генералъ-губернаторской канцеляріи 7-го класса Лантухова и титулярныхъ совѣтниковъ—полтавскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Гака и секретаря полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія Любомирскаго.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ уставу сказано, что министръ финансовъ, по сношеніи съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, составитъ надлежащія руководства, какъ относительно подробностей отчетности, сроковъ представленія отчетовъ и книгъ, такъ и касательно порядка взиманія съ козаковъ установленныхъ денежныхъ сборовъ".

Библиотека "Руниверс"

Эти „руководства", подъ названіемъ „наставленія главной хозяйственной конторѣ малороссійскихъ козаковъ о порядкѣ производства дѣлъ", были составлены въ канцеляріи князя Репнина, судя по сохранившейся въ его бумагахъ черновой этого „постановленія" съ собственноручными помѣтами князя [1]). Этимъ „наставленіемъ" устанавливался точный канцелярскій порядокъ въ конторѣ до мельчайшихъ подробностей. Въ общемъ это наставленіе по существу мало чѣмъ отличается отъ самаго устава, и потому мы считаемъ излишнимъ приводить его здѣсь.

Добившись надѣленія малороссійскихъ козаковъ нѣкоторыми особыми сословными правами и преимуществами и учрежденія отдѣльнаго управленія ими, князь Репнинъ стремился къ тому, чтобы эта реформа наиболѣе благодѣтельно отразилась на бытѣ козаковъ, и потому выработалъ для руководства конторѣ особыя правила „о произведеніи переписей малороссійскихъ козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей [2])".

Изъ сохранившейся въ бумагахъ князя Репнина черновой этихъ правилъ съ его собственноручными отмѣтками видна вся заботливость, все гуманное отношеніе его къ интересамъ козачьяго сословія.

Такъ какъ подати и повинности возлагались на козаковъ соотвѣтственно имуществу и составу семейства каждаго козака, то должна была быть произведена подробная перепись всего сословія, съ обозначеніемъ противъ каждой семьи имущества, ей принадлежащаго, и противъ каждаго члена семьи лѣтъ и занятій.

Въ виду того, что козаки должны были платить подати и исполнять всѣ повинности въ возрастѣ отъ 16—до 55 лѣтъ (только въ военную службу они наряжались по очереди съ 21 года до 35 лѣтъ), то дѣлалась ежегодная повѣрка посемейныхъ списковъ чрезъ посредство волостныхъ правленій, подъ надзоромъ попечительныхъ конторъ, при участіи особо командированныхъ отъ генералъ-губернатора чиновниковъ. Одновременно съ повѣркой посемейныхъ списковъ производилась и по-

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

[2]) Рукоп. Яготин. архива.

Библиотека "Руниверс"

вѣрка имуществъ, путемъ опроса старѣйшихъ членовъ каждой семьи въ присутствіи особо избранныхъ на сельскомъ сходѣ четырехъ старожилыхъ козаковъ и двухъ сосѣдей.

При составленіи описей имущества, козачьи семьи разбивались на четыре категоріи: достаточныя, посредственнаго состоянія, бѣдныя и ничего неимѣющія.

За всякую медленность при составленіи описей, а тѣмъ болѣе за злоупотребленія и притѣсненія козаковъ, всѣ должностныя лица подлежали строжайшей отвѣтственности; особое наблюденіе въ этомъ отношеніи возлагалось на попечителя, который самъ лично, или чрезъ посредство своего помощника и стряпчаго, долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ во время производства ими переписей.

Чтобы измѣненія, происходившія въ теченіе года въ личномъ составѣ и въ имуществѣ козаковъ были постоянно извѣстны главной конторѣ, устанавливался цѣлый рядъ срочныхъ вѣдомостей.

Козаки, въ возрастѣ отъ 16 до 55 лѣтъ, вносились въ особый окладной реестръ и назывались *реестровыми козаками*; изъ числа этихъ козаковъ имѣвшіе отъ 20 до 35 лѣтъ записывались отдѣльно въ концѣ реестра и считались *очередными* для поступленія въ военную службу.

Козаки, поступившіе въ военную службу, исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ на время службы, лишенные же правъ и преимуществъ козачьяго званія по суду на всегда исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ.

Въ отношеніи отбыванія воинской повинности строго наблюдалось, чтобы списки очередныхъ козаковъ, наряжаемыхъ въ службу по приговору общества, были тщательно разсматриваемы попечителями и главной конторой, затѣмъ, чтобы были зачисляемы на службу преимущественно холостые безземельные козаки, кромѣ одиночекъ, а изъ „хозяйственныхъ семей“—изъ тѣхъ семей, въ которыхъ наибольшее число реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ денежные сборы съ козаковъ заключались въ подушной подати, опредѣленной указомъ отъ 25 іюня 1832 г.,

Библиотека "Руниверс"

въ общихъ налогахъ на земскія повинности, въ спеціальномъ налогѣ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ по управленію козачьимъ сословіемъ и во взносѣ особой суммы для выдачи по 12 рублей каждому принятому въ военную службу козаку, то главная контора стремилась къ возможно болѣе справедливому распредѣленію общихъ и спеціальныхъ налоговъ между волостями. Это можно было выполнить безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и подати, и налоги не считались на отдѣльныхъ лицахъ, въ правильномъ поступленіи ихъ были отвѣтственны цѣлыя общества или селенія.

Въ облегченіе взноса податей и налоговъ предоставлялось козачьимъ обществамъ право отдавать въ аренду шинки козакамъ же или дворянамъ, только не евреямъ, при чемъ, если арендная плата превышала ту сумму, которая должна была поступить съ общества въ казну за право продажи вина, то разница могла быть зачисляема въ уплату слѣдуемыхъ съ общества податей и налоговъ.

Чтобы не было злоупотребленій при сборѣ податей и налоговъ, каждому козаку-хозяину выдавалась выписка изъ окладной книги, въ которой было обозначено, сколько нужно было ему платить за весь годъ по числу реестровыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ его семейства и за принадлежавшую ему землю; по отношенію къ козакамъ безземельнымъ практиковалось, чтобы токовые взносы вручались хозяину „наймита“, который бы и удерживалъ окладные платежи изъ его жалованья. По мѣрѣ полученія окладныхъ платежей, сборщикъ давалъ печатныя росписки на соотвѣтствующія суммы, которыя, будучи наклеены на „картузной“ бумагѣ, имѣли различный внѣшній видъ, такъ что безграмотный плательщикъ легко могъ расчесть, сколько онъ взнесъ. Въ концѣ года печатныя росписки отбирались, а на предварительно выданной выпискѣ отмѣчалось, что уплата произведена сполна.

Особенную заботливость къ козакамъ имѣлъ Н. Г. Репнинъ проявилъ въ отношеніи отбыванія ими натуральныхъ повинностей.

Въ § 68 правилъ сказано: „огражденіе малороссійскихъ козаковъ отъ излишняго отягощенія противъ другихъ поселян-

Библиотека "Руниверс"

скихъ сословій въ исполненіи личной земской повинности есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей попечительной конторы".

Въ видахъ этого, при нарядѣ пѣшихъ работниковъ или подводъ, а также при расквартированіи войскъ по селеніямъ, конторы должны были имѣть въ виду, чтобы тягость исполненія натуральныхъ повинностей ложилась возможно равномѣрнѣе на козаковъ, сравнительно съ казенными и помѣщичьими крестьянами, а чтобы одинъ козакъ предъ другимъ не былъ болѣе отягощаемъ, волостныя правленія должны были вести точные очередные списки работниковъ, подводъ и квартиръ и строго отвѣчали за всякое нарушеніе разъ установленнаго въ спискахъ порядка и за всякое притѣсненіе одного козака предъ другимъ. Чтобы не было злоупотребленій со стороны низшихъ козачьихъ урядниковъ, попечительныя конторы должны были представлять главной конторѣ ежемѣсячныя вѣдомости о числѣ наряженныхъ работниковъ и подводъ, съ обозначеніемъ, сколько починено ими дорогъ, мостовъ, гатей, и сколько козачьихъ домовъ было занято подъ войсковой постой. Если главная контора усматривала изъ этихъ вѣдомостей какое-либо отягощеніе козаковъ натуральными повинностями, то она доносила объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору, какъ „главному блюстителю благосостоянія козаковъ".

При перечисленіи дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы, упоминалось между прочимъ объ увольненіи изъ козачьяго сословія для перехода въ купечество. Вѣроятно, случаи такого перехода были сравнительно часты, почему о немъ и упомянули, но были случаи перехода козаковъ и въ привилегированныя сословія.

Въ 1834 г. князь Н. Г. Репнинъ входилъ съ рапортомъ [1]) въ сенатъ о разрѣшеніи вопроса, могутъ ли козаки и на какихъ основаніяхъ поступать въ духовное званіе. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе соотвѣтствующихъ представленій полтавской и черниговской казенныхъ палатъ, ссылавшихся на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 11 февраля

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

Библиотека "Руниверс"

1826 г., коимъ изъяснялось, на какомъ основаніи могутъ поступать въ духовное званіе отпущенные на волю помѣщиками дворовые люди и крестьяне [1]).

Князь Репнинъ писалъ въ своемъ рапортѣ между прочимъ слѣдующее:

„По представленіямъ казенныхъ палатъ въ прошломъ 1833 году о дозволеніи перечисленія козаковъ въ мѣщанство или купечество я далъ имъ знать, что на основаніи указа отъ 25 іюня 1832 г. невозможно позволить козакамъ перечисленіе въ купечество или мѣщанство, но имъ не должно возбранять право пользоваться выгодами торговли и промышленности, при уплатѣ опредѣленной суммы за свидѣтельство. Принимая же въ соображеніе, что случаи перехода козаковъ въ духовное званіе, по самымъ правиламъ и законнымъ на сей предметъ постановленіямъ, могутъ быть весьма рѣдки, а потому, при согласіи обществъ на увольненіе кого-либо изъ среды оныхъ и при необходимости въ замѣщеніи причетническихъ мѣстъ, если на счетъ сего послѣдуетъ удостовѣреніе духовнаго правленія, можно бы позволить козакамъ вступать въ духовное званіе“.

При этомъ князь Рѣпнинъ находилъ, что, при увольненіи козаковъ въ духовное званіе, необходимо поставить на будущее время за правило, что „если козакъ, получившій отъ общества своего увольнительное свидѣтельство, будетъ просить о томъ, то увольнять его съ тѣмъ, чтобы имѣющіяся у него наслѣдственныя земли, грунты и всякія угодія, онъ долженъ продать кому-либо изъ козачьяго сословія или оставить навсегда во владѣніе ближайшихъ своихъ родственниковъ козачьяго же званія, а когда оныхъ не будетъ имѣть и желающихъ на покупку недвижимаго имущества въ теченіе одного года не окажется, въ такомъ случаѣ оное должно поступать въ пользу общества, изъ коего онъ выходитъ, въ противномъ же случаѣ перечисленій не дозволять“.

Въ своихъ заботахъ о козакахъ князь Н. Г. Репнинъ не ограничивался только мѣропріятіями по собственной иниціативѣ

[1]) П. С. 3 № 139.

Библиотека "Руниверс"

но требовалъ, чтобы попечители, ближе стоявшіе къ козачьему сословію, высказывали свои мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.

Образчикомъ дѣятельности попечителей въ этомъ отношеніи можетъ служить нижепомѣщаемый нами рапортъ попечителя переяславской конторы, маіора Николая Григорьевича Краснокутскаго [1]) къ князю Репнину, отъ 28 Августа 1834 г., въ высшей степени любопытный по высказываемымъ въ немъ пожеланіямъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что это говорилось болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ, задолго еще до крестьянской реформы 1861 г., можно сказать, въ эпоху самаго расцвѣта крѣпостного права. Вотъ этотъ рапортъ [2]).

„Вашему Сіятельству благоугодно было предоставить право каждому изъ попечителей конторъ для малороссійскихъ козаковъ входить съ представленіемъ, что, по мнѣнію ихъ, можетъ служить къ улучшенію благосостоянія ввѣряемыхъ ихъ попеченію козаковъ, какъ изъяснено въ указѣ изъ главной конторы отъ 18 іюля за № 94.

Не довѣряя опытности моей и почти оставаясь увѣренъ, что предусмотрительность Ваша, Сіятельнѣйшій князь! все предвидѣла и излишне въ нижеизложенномъ сказанное отвергнетъ или по недостатку средствъ, или по невозможности къ общему государственному или края управленію, но, какъ частный начальникъ, не все понимающій, осмѣливаюсь, и то только по данному мнѣ праву, мысли мои представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства:

1) Съ наивозможною поспѣшностію устройство школъ, предложенное Вашимъ Сіятельствомъ, какъ первый цвѣтъ блага государства и края, желательно было-бы въ тоже время приводить въ возможное усовершенствованіе, для чего полагаю сверхъ школъ въ каждомъ волостномъ правленіи устроить для перваго начала таковыя по одной въ центральной волости попечительства для познаній нужныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, куда соби-

---

[1]) Н. Г. Краснокутскій жилъ и владѣлъ д. Пайками въ Пирятинскомъ уѣздѣ.
[2]) Рукоп. Ятотин. архива.

Библиотека "Руниверс"

рая отличнѣйшихъ учениковъ школъ изъ попечительства преподавать имъ правила овцеводства и пчеловодства, руководствуясь для перваго издаваемымъ журналомъ, а для второго системою Прокоповича, имѣть въ сихъ школахъ земледѣльческую газету и журналы, которые имъ прочитывать и заставлять учениковъ что покажется достойнымъ замѣчанія и удобнымъ къ приведенію въ исполненіе на опытѣ, записывать въ свои тетради; смотрѣніе за симъ вмѣнить въ строгую обязанность учителямъ и наблюденію попечителей. Есть-ли возможно, то желательно бы было, чтобъ въ сихъ школахъ преподавались хотя первоначальные уроки механики и гидравлики, нужные для сельскаго хозяина, ибо какъ часто у насъ въ Малороссіи мы видимъ образующіеся таланты къ строенію мельницъ и плотинъ и остающіеся въ посредственности отъ неимѣнія средствъ къ образованію по сему предмету. Желательно бы было, чтобы въ сей школѣ читаемы были права Высочайше предоставленныя краю, въ коемъ живутъ учащіеся и что для нихъ можетъ быть нужнѣе изъ своду законовъ, изданныхъ при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Сильные геніи, пробивая кору невѣжества, въ преподаваніи всѣмъ вообще учащимся полезнаго, найдутъ пищу, и есть ли, подобно Ломоносову, не изъ хижины рыбака, то изъ-за плуга шагнутъ въ Академію, но, какъ дознано вѣками, что и сіи дѣти Провидѣнія оставляютъ по себѣ тѣнь не пріобрѣтеннаго ученіемъ, то для усовершенствованія оныхъ въ высшихъ наукахъ средство зависитъ отъ намѣстника Царя, или можетъ и отъ Высочайшей только власти, и что будетъ весьма необходимо для великихъ талантовъ.

2) Желательно бы устроить заведенія, первоначально хотя по одному въ попечительствѣ, для дѣвокъ, на первый разъ сиротъ Будущія матери семейства, по сей обязанности ближайшія къ дѣтямъ въ юности ихъ, нежели отецъ, онѣ посѣваютъ первыя сѣмена нравственности, почему въ сихъ заведеніяхъ преподавать съ наивозможнымъ попеченіемъ Законъ Божій и есть ли возможно чтеніе, потомъ рукодѣліе для усовершенствованія существующаго въ Малороссіи, напримѣръ: прядѣніе на самопрядкахъ, тканіе полотенъ и суконъ, простое, но лучшее, шитье

Библиотека "Руниверс"

бѣлья, и протчее женское рукодѣліе. О рукодѣліи говорю по опытности хозяина.

3) Въ пребываніе мое въ Малороссіи, но болѣе еще во время командованія полкомъ, бывшимъ мнѣ Высочайше ввѣреннымъ по благодѣтельному предстательству Вашего Сіятельства и состоявшему изъ одного сословія козаковъ, замѣчено мною, что многіе изъ нихъ были съ способностями къ майстерствамъ, но какъ видно по недостатку средствъ не пришедшіе въ зрѣлость до того, что во всемъ полку не было ни изряднаго кузнеца, ни плотника, ни сапожника, ни портного, не говоря уже о столярѣ и слесарѣ, что самое, по мнѣнію моему, поставляетъ козаковъ въ нѣкоторую зависимость отъ помѣщика, съ крестьянами коего они совокупно жительствуютъ. Для устраненія сего и могущаго вмѣстѣ съ тѣмъ служить образованьемъ края, можно бы, по примѣру помѣщиковъ, отдавать дѣтей козаковъ, особенно изъ сиротъ, къ разнымъ майстерствамъ на годы, что дѣлается безъ платы за изученіе и за содержаніе. Для сего можно снестись съ полиціями обѣихъ столицъ и главнѣйшихъ городовъ Россіи и чрезъ нихъ спросить майстеровыхъ разныхъ ремеслъ, не возьмутъ ли они мальчиковъ и на сколько лѣтъ на условіяхъ вышесказанныхъ. Отправку мальчиковъ можно произвести по примѣру практическихъ походовъ кадетъ, довольствуя ихъ въ пути на положеніи солдатъ изъ общихъ козачьихъ суммъ, которыя впослѣдствіи должны быть имиже возвращены.

4) Склонность къ пьянству многихъ изъ козаковъ доводитъ до крайнѣйшей нищеты, желательно бы было для обузданія таковой употребить примѣрную надъ ними строгость въ урокъ прочимъ, но, истребляя вѣтви зла, по правилу Екатерины II, надобно уничтожить и корень онаго, для сего мнѣніемъ полагаю:

Снять съ козаковъ подать за право винокуренія и по примѣру казенныхъ крестьянъ отдать у нихъ на откупъ винную торговлю. Какъ по сему предмету доходъ государственный,— сколько могу понимать, не только не будетъ увеличенъ, но напротивъ много уменьшится, то для уравненія съ существующимъ можно недостачу разложить на козаковъ, но непремѣнно

Библиотека "Руниверс"

по деревнямъ и къ нимъ приписаннымъ хуторамъ, ибо гдѣ меньше будетъ откупной цѣны, значитъ тамъ жителямъ козакамъ болѣе средствъ имѣть вино вольною продажею. Въ семъ налогѣ не будетъ по мнѣнію моему ни малѣйшей несправедливости, ибо если козаки и не будутъ пользоваться правомъ свободной покупки вина въ дома свои, то мелкая чарочная продажа въ помѣщичьихъ шинкахъ уравниваетъ невыгоду государственнаго дохода съ дешевизною сей послѣдней покупки. Симъ средствомъ полагаю уменьшится пьянство, ибо болѣе всего мы видимъ впадающихъ въ сей порокъ людей на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ и т. п., и на сей разъ козакъ, не имѣя права взять вина иначе какъ изъ откупного шинка, по дороговизнѣ въ томъ не возьметъ большого количества; помѣщиковъ же обовязать не увеличивать шинковъ противъ существующихъ теперь, каковые и должны быть переписаны до введенія таковаго правила, за чѣмъ наблюдаетъ попечительная контора и откупщикъ.

5) По малоземелію у козаковъ необходимо усилить переселеніе таковыхъ въ пустопорожнія земли, исключая городскихъ, проживающихъ кое-какими майстерствами, промыслами и небольшими торгами, но изъ сихъ буде кто не знаетъ майстерства и не занимаемся промыслами, не имѣя къ тому достаточно земли, побуждать также къ переселенію.

6) По мнѣнію моему необходимо взыманіе подводъ у козаковъ сдѣлать сколь возможно ограниченнѣе и дачу таковыхъ производить средствомъ законнѣйшимъ. Для сего полагаю, дабы изъ попечительныхъ конторъ были выдаваемы открытыя предписанія въ родѣ тѣхъ, кои даютъ гражданскіе губернаторы, и безъ коихъ никто не имѣетъ права требовать подводъ отъ козаковъ. Въ нижніе земскіе суды по числу членовъ должны быть препровождаемы отъ конторы срочные билеты—исправникамъ на три, засѣдателямъ на двѣ лошади, равно и для всѣхъ тѣхъ выдавать билеты изъ конторы, кои имѣютъ право ѣздить на обывательскихъ лошадяхъ, а сельскимъ старшинамъ подъ строгою отвѣтственностью воспретить дачу подводъ безъ таковаго билета. За незаконную выдачу билета изъ конторы отвѣтствуетъ

Библиотека "Руниверс"

попечитель. Въ которой деревнѣ берутъ лошадей, билетъ должно вносить въ книгу, краткую выпись изъ которой контора ежетретно препровождаетъ въ главную контору. Въ какой деревнѣ равное количество козаковъ и казенныхъ крестьянъ, или менѣе, тамъ взыманіе подводъ для членовъ нижняго земскаго суда отъ козаковъ воспретить, чѣмъ и уравняются казенные крестьяне съ козаками, ибо первые будутъ давать лошадей для нижняго земскаго суда, а другіе для членовъ попечительной конторы, но самое лучшее бы было воспретить всѣмъ кому бы то ни было взыманіе для разъѣздовъ обывательскихъ лошадей, а выдавать, какъ то было въ недавнее время, деньги.

7) Желательно бы было, чтобы попечительныя конторы, въ вѣдѣніе которыхъ поступаютъ два, три или болѣе уѣздовъ, были помѣщены, какъ возможно центральнѣе, напримѣръ, помѣщеніе переяславскаго попечительства было бы самое удобное въ м. Яготинѣ.

8) Въ заключеніе мнѣ остается прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше испрашивая милостиваго снисхожденія къ тому, что есть въ изложенномъ мною невѣрнаго, и судить меня только по искреннему желанію моему быть полезнымъ на мѣстѣ мною занимаемомъ по возможности и силамъ. Честь и совѣсть порукою въ томъ, что перомъ моимъ водило не своекорыстіе, а одно желаніе благовѣряемыхъ попеченію моему козаковъ, и ошибки въ средствахъ здѣсь излагаемыхъ происходятъ отъ недостатка опытности, незнанія дѣлаго, отъ коего происходятъ частности въ управленіи. Маіоръ Краснокутскій".

Рапортъ этотъ интересенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, изъ него мы можемъ почерпнуть, отчасти со словъ ближайшаго очевидца, нѣкоторыя данныя о тогдашнихъ условіяхъ быта малороссійскихъ козаковъ, во-вторыхъ, въ лицѣ Н. Г. Краснокутскаго мы знакомимся съ подборомъ лицъ, стоявшихъ во главѣ реформированныхъ козаковъ, умѣло и заботливо сдѣланномъ радѣтелемъ о судьбѣ козаковъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, что можетъ служить одной изъ данныхъ для болѣе подробной характеристики его дѣятельности въ Малороссіи, которая ждетъ еще своего изслѣдователя.

Библиотека "Руниверс"

Насколько Краснокутскій являлся передовымъ для своего времени человѣкомъ, можно судить по тому, что возбужденные имъ вопросы объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ училищъ, объ обученіи грамотѣ и рукодѣліямъ сельскихъ дѣвочекъ, объ обученіи сельскихъ дѣтей ремесламъ, объ упорядоченіи земской почты, о переселеніи безземельныхъ и понынѣ составляютъ злобу дня. Нельзя не пожелать, чтобы нашлись гдѣ-нибудь рапорты и прочихъ попечителей князю Н. Г. Репнину.

Тотъ же Краснокутскій въ своей докладной запискѣ отъ 27 іюня 1834 г. [1]) ходатайствовалъ объ упрощеніи способовъ выдачи плакатныхъ билетовъ или паспортовъ козакамъ, такъ какъ „беззатруднительность полученія билетовъ увеличитъ число промышленниковъ и чрезъ то способъ къ уплатѣ государственныхъ повинностей не однимъ лицомъ, но нѣсколькими, ибо болѣе средствъ остающимся для заработка у самихъ отлучившихся, а таковые суть большею частью изъ достаточнѣйшихъ, пускающихся на промыслы рыбою и солью, обыкновеннѣйшіе въ Малороссіи.“

Недолго пришлось князю Н. Г. Репнину радоваться достигнутыми имъ успѣхами въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ: 6-го декабря 1834 г. князь Репнинъ былъ уволенъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Оставшись не у дѣлъ, князь Н. Г. Репнинъ все-таки продолжалъ интересоваться судьбою козаковъ, но голосъ его, конечно, не имѣлъ уже прежняго значенія; это видно изъ нижеслѣдующаго проекта [2]) Высочайшаго повелѣнія по докладу о малороссійскихъ козакахъ, Высочайше одобреннаго 1-го августа 1835 г.

„Государь Императоръ, по прочтеніи сего доклада и приложеннаго проекта, а также всеподданнѣйшаго письма съ запискою князя Репнина отъ 29 іюля, соизволилъ отозваться, что *званіе малороссійскаго военнаго губернатора замѣщено не будетъ*; относительно-же самаго управленія козаковъ, то Его Величеству

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

[2]) Приводимъ по копіи, сохранившейся въ Яготин. Архивѣ.

Библиотека "Руниверс"

угодно, чтобы оно было отдѣлено въ каждой губерніи въ непосредственномъ вѣдѣніи полтавскаго и черниговскаго гражданскихъ губернаторовъ, каждаго по принадлежности, на такомъ основаніи, какъ оно находилось при управленіи обѣими губерніями военнымъ губернаторомъ, учредивъ для сего, вмѣсто общей главной хозяйственной конторы, хозяйственныя отдѣленія въ каждой губерніи *безъ всякаго въ обязанностяхъ ихъ измѣненія*.

Самихъ гражданскихъ губернаторовъ подчинить военному министерству по департаменту военныхъ поселеній [1]) въ отношеніи предметовъ, касающихся собственно до козаковъ, какъ-то: до ихъ устройства и благосостоянія, отправленія ими рекрутской повинности, отчетности въ ихъ народонаселеніи, взиманія съ нихъ государственныхъ податей и повинностей.

Государю Императору угодно, чтобы на сихъ основаніяхъ составлено было комитетомъ положеніе объ управленіи малороссійскими козаками и представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Въ комитетѣ семъ Высочайше повелѣно присутствовать дѣйствительному статскому совѣтнику Брискорну вмѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Позена за его отъѣздомъ.

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія были составлены „измѣненія устава о малороссійскихъ козакахъ“, [2]) которыя главнымъ образомъ коснулись вопроса о „главномъ общемъ надзорѣ за благосостояніемъ козаковъ“, каковой былъ порученъ полтавскому и черниговскому гражданскимъ губернаторамъ, съ присвоеніемъ имъ званія „главныхъ попечителей“; они управляли козаками при посредствѣ двухъ хозяйственныхъ отдѣленій, учрежденныхъ вмѣсто главной хозяйственной конторы и состоявшихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства по департаменту военныхъ

---

[1]) По уставу 1834 г., главная хозяйственная контора, находясь подъ главнымъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора, была въ вѣдѣніи министерства финансовъ.

[2]) Эти „измѣненія“ сохранились въ копіи въ Яготин. архивѣ.

Библиотека "Руниверс"

поселеній. Кругъ вѣдѣнія отдѣленій остался, согласно вышеприведенной высочайшей волѣ, „безъ всякаго въ обязанностяхъ измѣненія", сравнительно съ главной конторой, и вообще уставъ 1834 г. не подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ прочихъ пунктахъ, но съ упраздненіемъ единоличной власти генералъ-губернатора онъ утрачивалъ все свое первоначальное значеніе, весь свой прежній духъ, а козачье сословіе теряло самостоятельный характеръ, подчиняясь общегражданскому управленію, которому оно подчинено и понынѣ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать мнѣнія, что самой причиной паденія князя Н. Г. Репнина, той немилости, которой онъ подвергся со стороны императора Николая Павловича, несмотря на свои многолѣтніе доблестные и безкорыстные труды на государственномъ поприщѣ, была та благородная горячность, съ которой онъ отстаивалъ интересы козаковъ, крестьянъ, вообще непривилегированныхъ сословій, съ чисто гуманной, отнюдь не политической подкладкой, которая была не по душѣ Кочубею и прочимъ сановникамъ, нарочито обвинявшимъ его предъ Государемъ въ видахъ достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, чуть не въ сепаратизмѣ.

„Кто бы могъ подумать, говоритъ г. Ст. фонъ-Носъ [1])—что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга простола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ". Вспомнили тутъ и то, что княгиня Варвара Алексѣевна, жена князя Николая Григорьевича, урожденная графиня Разумовская, и что онъ въ родствѣ съ графомъ Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство.

Нужно было лишь добиться удаленія князя Н. Г. Репнина отъ управленія Малороссіей, чего и достигли „паны", непосильную борьбу съ которыми, какъ видно изъ его же письма къ

[1]) „Кіев. Стар." Т. IV, стр. 561. 1882 г.

Библиотека "Руниверс"

кн. В. П. Кочубею, предпринялъ князь Н. Г. Репнинъ, ставившій всегда интересы общественные выше личныхъ, а 31-го декабря того-же 1834 г., несмотря на вышеприведенное мнѣніе императора Николая Павловича, былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графъ А. Д. Гурьевъ и самое генералъ-губернаторство существовало до 1856 года.

Н. С.

Библиотека "Руниверс"

Изъ исторіи Кіевской Академіи

(*В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897*).

Исторія Кіевской академіи во второй половинѣ прошлаго и въ первые годы истекающаго столѣтія разработана до сихъ поръ была еще мало. Два труда по исторіи академіи, въ которыхъ затронутъ и этотъ періодъ ея существованія—„Исторія Кіевской академіи“ іером. Макарія Булгакова (впослѣд. митроп. Московскаго). Спб. 1843 и „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей“ В. Аскоченскаго. К. 1856,—не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки, сверхъ того, изданные въ позднѣйшее время матеріалы (особенно дневникъ и переписка митр. Серапіона Александровскаго), равно какъ и рукописные источники (дѣла архивовъ Кіево-Братскаго монастыря и Кіевской дух. консисторіи) проливаютъ новый свѣтъ на судьбы академіи въ переходную пору ея существованія, когда постепенно разрушались старые устои академической жизни. Г. Серебренниковъ поставилъ себя задачей пересмотръ исторіи академіи за указанный выше періодъ на основаніи, какъ старыхъ, такъ и новыхъ матеріаловъ. Въ его книгѣ довольно полно обрисованы строй и матеріальныя условія академической жизни и характеръ академическаго курса. Въ виду интереса, представляемаго судьбой старѣйшей изъ нашихъ высшихъ школъ, мы рѣшились ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этой книги.

Въ половинѣ XVIII в. вершителемъ всѣхъ академическихъ дѣлъ является митрополитъ. Правда, академія ежегодно посы-

Библиотека "Руниверс"

лѣтія при академіи началъ образовываться изъ пожертвованій гл. обр. бывшихъ ея питомцевъ неприкосновенный капиталъ, къ 1817 г. возросшій до 264,716 р. 75 к. асс. и приносившій 13,225 р. 83 к. ежегоднаго дохода.

Съ 1766 г. академія стала получать по 500 р. въ годъ изъ губернской канцеляріи, которые должны были дѣлиться пополамъ на учащихъ и учащихся, хотя обыкновенно на долю первыхъ доставалось больше. Послѣ отобранія въ Малороссіи церковныхъ имуществъ въ 1786 г. академія получила штатный окладъ въ 9000 р., изъ которыхъ 500 р. должна была выдавать на содержаніе Переяславской семинаріи. Сумма этого оклада въ 1797 г. была увеличена до 12000 р., а въ 1807 г. до 24,000 р.

Доходы академіи пополнялись еще и случайными пожертвованіями, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ. Болѣе постоянный характеръ имѣли пожертвованія кіевскихъ митрополитовъ, которые не разъ обращались отъ своего лица съ просьбами о пожертвованіяхъ на академію и къ частнымъ благотворителямъ. Особый характеръ имѣли ежегодные сборы въ пользу академической (конгрегаціонной) церкви. Студенты изъ своей среды выбирали двухъ представителей, называвшихся префектами, которые въ теченіе всего года ходили за сборами по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ. Деньги эти не всѣ шли на конгрегаціонную церковь, часть ихъ шла на содержаніе бурсы и устройство академическихъ праздниковъ, а часть дѣлилась между учителями. Собиралось въ годъ рублей 60—80. Былъ еще въ академіи обычай „ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ 9-го числа до 1 числа сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся и вовся никакого же питанія ни откуда не имущихъ для испрошенія себѣ милостыни.“ Случалось, что такіе ученики расходились по селамъ и нанимались на сельскія работы. Въ 1763 г. во избѣжаніе злоупотребленій со стороны учениковъ, которые, пользуясь такими отпусками, уклонялись отъ ученія, повелѣно было выдавать паспорты только дѣйствительно нуждающимся и отпускать ихъ „въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а дальше никуды ходить не дозволять“. Митр. Самуилъ Миславъ

Библиотека "Руниверс"

скій вовсе запретилъ такіе сборы. Въ пользу академіи шли еще штрафы съ лицъ духовнаго званія за провинности и за уклоненіе отъ обученія дѣтей, половина доходовъ съ вакантныхъ приходовъ и иногда плата со ставленниковъ. Деньги эти употреблялись на ремонтъ академическихъ зданій, которыя не отличались благоустройствомъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія академіи принадлежало двухэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго было 6 комнатъ, занятыхъ классами, а въ верхнемъ зала, конгрегаціонная церковь и 2 комнаты, гдѣ помѣщались философскій и богословскій классы. Учителя жили въ „чуланахъ“, находившихся частью въ общемъ монастырскомъ помѣщеніи, частью въ пристройкѣ къ академическому зданію. Для неимущихъ учениковъ былъ особый, построенный на средства митр. Іоасафа Кроковскаго „студентскій домъ“, иначе „бурса“ или „великая бурса“. Еще въ 1755 г. зданія эти требовали „не малой репараціи“, на которую было употребенол 100 руб., но черезъ полгода ректоръ снова доносилъ о крайней обветшалости школъ. Въ 1758 г., префектъ доноситъ, что въ верхнемъ этажѣ академическаго корпуса „во время ненастья превеликая бываетъ течь“. Еще печальнѣе было состояніе зданія бурсы. Сеньоръ бурсы ученикъ философіи Михаилъ Павловскій съ товарищами подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ жаловался, что „сиротскій домъ, вообще называемый бурса, пришелъ въ такую обветшалость, что жить въ ономъ крайне невозможно; ибо въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пушаки поперегнивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ продѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю ввойшли, что подъ часъ вейсны и другихъ мокротныхъ временъ нельзя воспятить, дабы в оніе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, но еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные вапори таковіе болѣзни приключились, что миновавшей зими више тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало“. Митрополитъ велѣлъ составить смѣту на постройку новой бурсы и починить старую. Смѣта на постройку была составлена въ суммѣ 1054 р. 70 к., а на починку израс-

Библиотека "Руниверс"

ходовано 8 р. Митрополитъ распорядился составить новую смѣту, пожертвовалъ 400 р. самъ и приказалъ подвѣдомственнымъ ему монастырямъ доставить часть матеріаловъ для постройки. Бурса эта была выстроена въ 1765 г. и обошлась въ 5523 р. 37 к. Зданіе было деревянное на каменномъ фундаментѣ, съ помѣщеніемъ на 380—400 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1766 г. пожаръ уничтожилъ старую бурсу со всѣми ея міазмами. Въ томъ же году покрыли, наконецъ, заново и академическій корпусъ. Но и новая бурса просуществовала недолго—въ 1775 пожаръ истребилъ и ее. Черезъ три года для нея было построено каменное зданіе. Нѣсколько лѣтъ спустя академія опять пострадала отъ пожара. На этотъ разъ сгорѣла библіотека.

Въ 1786 г. академіи стала угрожать большая непріятность. 10 апрѣля послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось „академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ и Кіево-Печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь обратить въ главную госпиталь". Но академіи не пришлось разстаться съ мѣстомъ, на которомъ она просуществовала болѣе полутораста лѣтъ. Въ 1787 г. Кіевъ посѣтила имп. Екатерина и по ходатайству митрополита Самуила отмѣнила распоряженіе о переводѣ академіи. Впродолженіе четверти столѣтія послѣ этого академія, благодаря увеличившимся доходамъ, успѣла обстроиться, но въ 1811 году ей пришлось испытать сильное бѣдствіе. Пожаръ, испепелившій почти весь Подолъ, уничтожилъ и всѣ зданія внѣ Братскаго монастыря, принадлежавшія академіи, кромѣ каменнаго сиротскаго дома. Пострадали и монастырскія постройки. Впрочемъ ученіе не было прервано. Пожаръ случился въ каникулярное время и къ началу учебныхъ занятій успѣли кое-какъ размѣститься въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ. Возстановленіе пострадавшихъ отъ огня зданій продолжалось до самаго преобразованія академіи въ 1819 г.

Матеріальное благосостояніе академическихъ учителей не было особенно завидно, жили они большею частію въ зданіи академіи, такъ какъ женатыхъ между ними было очень немного. Учителя—монахи помѣщались вмѣстѣ съ монастырскою братіею, а свѣтскимъ отводились особыя келіи или „чуланы", причемъ въ

Библиотека "Руниверс"

одномъ чуланѣ жили иногда по двое учителей. Сверхъ квартиръ учителя получали отъ монастыря и съѣстные припасы. Количество и качество ихъ зависѣло отъ обстоятельствъ: медъ, сыръ, масло, свѣжая рыба выдавались тогда, когда монастырь располагалъ достаточнымъ ихъ запасомъ [1]). Эти припасы и были главнымъ источникомъ содержанія учителей, такъ какъ денежные оклады были и малы, и весьма неопредѣленны по размѣру. До митрополита Тимоѳея Щербацкаго учителя опредѣленнаго жалованья не получали. Имъ выдавались только митрополичьи консоляціи, ежегодныя и случайныя, и деньги, собираемыя съ учениковъ. При Рафаилѣ Заборовскомъ учителя изъ ежегодной консоляціи получали отъ 12 р. 50 к. до 25 р. на человѣка. Съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ постоянныя консоляціи прекратились. До конца прошлаго столѣтія всѣ ученики должны были являться изъ дому къ префекту „съ поклономъ и знатною консоляціею". Дѣти богатыхъ родителей привозили такую консоляцію и учителямъ.

При митр. Арсеніи Могилянскомъ стали дѣлить между учителями 200 р., получаемые изъ малороссійскаго скарба. Ректоръ (онъ же учитель богословія) получалъ изъ нихъ 16 р., префектъ, преподававшій философію 14 р. 50 к., прочіе учителя отъ 4 р. 20 к. до 12 р. 40 к. Съ 1766 г. жалованье учителей значительно увеличилось; сверхъ того нѣкоторые учителя стали получать прибавки изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. При митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ стали платить за произносимыя учителями проповѣди, по 2 р. за каждую. Еще до закрытія Братскаго монастыря митр. Самуилъ приказалъ замѣнить выдачу учителямъ продовольствія натурой отпускомъ имъ

---

1) Обыкновенно учителя получали пищу въ общей трапезѣ съ монастырской братіей; жившимъ внѣ академіи припасы выдавались въ сыромъ видѣ. О количествѣ выдаваемыхъ припасовъ можно судить по порціи, которую получалъ учитель французскаго языка Василій Люппа: „житней муки дойницъ 8, пшеничной дойницу 1, гречаной дойницъ 2, крупъ гречаныхъ дойницу 1, пшена дойницу съ половиной, гороху ½ дойницы, сала пудовъ 2, соли пудовъ 2, рыбы пенги 500, олѣи ведеръ 4, масла коровьяго пудовъ 2, пива бочку, сивухи ведеръ 8, на опалъ (отопленіе) колодъ 30".

Библиотека "Руниверс"

денегъ на покупку провизіи „по собственному ихъ изобрѣтенію и произволенію“ въ размѣрѣ 13—15 к. въ день, а дрова, хлѣбъ и овощи велѣно отпускать въ началѣ недѣли или мѣсяца. Съ назначеніемъ академіи штатнаго оклада выдача провизіи прекратилась; хотя не всѣ учителя сразу получили увеличенный окладъ, за то монашествующихъ учителей позволено было зачислять въ монахи Лавры съ назначеніемъ имъ жалованья. Съ этого времени учительское жалованье все продолжаетъ возрастать: въ 1789 г. учителя получали отъ 50 до 400 руб., въ 1802 г. за преподаваніе каждаго предмета полагалось отъ 30 до 350 р. (т. к. обыкновенно каждый учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ, то сумма жалованья въ общемъ увеличилась), въ 1813 г. ректору положено было 1000 р., префекту 600 р., учителямъ отъ 100 до 860 р. въ годъ.

Средства содержанія учащихся, жившихъ въ сиротскомъ домѣ, число которыхъ въ 70-хъ гг. доходило до 400 чел., отличались еще меньшимъ постоянствомъ. Ученики эти имѣли „пропитаніе и содержаніе себѣ отъ доброхотныхъ дателей“ или „спрошенною милостынею“. Крупныя доброхотныя даянія были рѣдки и случайны. Питомцы академіи „по обыкновенію и нуждѣ своей“ расхаживали по Кіеву и пѣли передъ домами зажиточныхъ гражданъ, выпрашивая подаяніе. Первой постоянной суммой на содержаніе учащихся были 250 р., ассигнованные въ 1766 г. Этихъ денегъ впрочемъ хватало только на то, чтобы выдавать „простыя шубки“ да по парѣ сапогъ на зимнее время. Въ 1779 г. митр. Гавріилъ Кременецкій завѣщалъ 30,000 р., на проценты съ которыхъ должно было содержаться по 50 учениковъ піитики, риторики, философіи и богословія; на нихъ отпускалось въ мѣсяцъ отъ 40 к. (ученикамъ піитики) до 1 р. (богословамъ). Ученики младшихъ классовъ не могли пользоваться этимъ пожертвованіемъ. Только въ 1784 г. митр. Самуилъ велѣлъ варить для живущихъ въ бурсѣ учениковъ низшихъ классовъ на счетъ процентныхъ денегъ ежедневно щи и кашу, въ мясоѣдъ съ саломъ, а въ постъ съ постнымъ масломъ, и выдавать хлѣбъ и соль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещено было ходить по городу за сборомъ подаянія. Для прикрытія грѣшнаго тѣла ака-

Библиотека "Руниверс"

демія выдавала бѣднѣйшимъ изъ своихъ воспитанниковъ только по шубѣ и по парѣ сапоговъ. О прочихъ принадлежностяхъ костюма они должны были заботиться сами. Насколько первобытна была одежда учениковъ можно судить по отвѣту академическаго начальства на распоряженіе митрополита о наймѣ прачекъ для стирки бѣлья учащихся. Академія доносила, что „нѣкоторые изъ живущихъ въ сиротскомъ домѣ совсѣмъ почти не имѣютъ рубахъ, особливо же другого бѣлья“ и потому полагала, что лучше, вмѣсто найма прачекъ, пошить неимущимъ бѣлье. Митрополитъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Въ 1797 г. на содержаніе учащихся было ассигновано изъ штатной суммы 4000 р. въ годъ. На эти деньги, по росписи правленія, можно было воспитывать 50 чел. на полномъ содержаніи и 150 чел. на одной пищѣ. Одежду для воспитанниковъ, пользовавшихся отъ академіи только пищею, должны были доставлять ихъ родственники или попечители. Но, несмотря на рядъ мѣръ къ понужденію этихъ родственниковъ и попечителей доставлять одежду ихъ питомцамъ, многіе „получали изъ домовъ своихъ подлое одѣяніе“, а другіе „и вовся всего лишены были“. Впрочемъ въ бурсѣ жило всегда болѣе положеннаго числа воспитанниковъ. Такъ, въ 1804 г. въ бурсѣ жило 258 чел. Въ 1807 г. число живущихъ въ бурсѣ было увеличено и къ 1812 г. дошло до 400. Около $^2/_3$ учащихся жили внѣ академіи. Дѣти болѣе состоятельныхъ родителей жили на наемныхъ квартирахъ, при нихъ, въ качествѣ репетиторовъ или т. наз. инспекторовъ, жили бѣдные студенты высшихъ классовъ. Иногда ученики съ цѣлью добыть себѣ пропитаніе нанимались въ услуженіе. Обладавшіе хорошимъ голосомъ попадали въ митрополичій хоръ, иные пристраивались къ школамъ, существовавшимъ при церквахъ. Митр. Іероѳей Малицкій приказалъ выдавать жившимъ внѣ академіи сиротамъ по 90 к. въ мѣсяцъ кормовыхъ, а митр. Серапіонъ завелъ для нихъ общій столъ. На академическую больницу сначала не отпускалось вовсе никакихъ средствъ. Не было и постояннаго лѣкаря. Только при Гавріилѣ Кременецкомъ стали отпускать на больныхъ по 2 к. въ день на человѣка. Митр. Самуилъ увеличилъ эту сумму до 3 к. и велѣлъ устроить сѣнники,

Библиотека "Руниверс"

отхожія мѣста, ванну, очищать воздухъ куреніемъ уксуса и въ случаяхъ заразительныхъ болѣзней приглашать лѣкаря. Хотя потомъ и былъ приглашенъ постоянный лѣкарь съ жалованьемъ въ 50 р. въ годъ, но больница была въ плохомъ состояніи до тѣхъ поръ пока ее не принялъ въ свое завѣдываніе Х. Г. Бунге. Благодаря его заботамъ, больница была приведена въ сносное положеніе.

Въ первой половинѣ XVIII в. общихъ программъ академическаго курса не было, было только раздѣленіе на классы—ординарные и экстраординарные. Первыхъ было 8: аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе, вторыхъ 3: классы языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго. Провѣрка занятій заключалась въ томъ, что учителя ежегодно представлялиотчеты, а ректоръ лично посѣщалъ классы. Въ 1751 г. архидіаконъ Манассія Максимовичъ представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому проектъ упорядоченія академическаго преподаванія путемъ совмѣстной выработки членами академической корпораціи программъ для каждаго изъ классовъ. Митрополитъ отослалъ проектъ въ академію, а черезъ годъ ректоръ Георгій Конисскій и префектъ Георгій Щербацкій представили инструкцію для преподаванія, которую митрополитъ и утвердилъ съ нѣкоторыми добавленіями. По этой инструкціи въ школѣ аналогіи ученики получали первоначальное знакомство съ русскимъ и латинскимъ языками. Въ инфимѣ и грамматикѣ ученики продолжали занятія латинскимъ языкомъ. Въ синтаксимѣ латинская грамматика оканчивалась и читались: исторія Сульпиція, Іустинъ и Цицероновы эпистолы. Въ высшихъ школахъ, начиная съ піитики, ученики изучали регулы и формы піитической и риторической рѣчи. Здѣсь изъ авторовъ преобладали Цицеронъ и Горацій. Ученики занимались переводами, заучивали рѣчи и произносили ихъ наизустъ. Философія и богословіе не были стѣснены опредѣленными программами. До половины XVIII в. въ кіевской академіи господствовала философія Аристотеля. Префектъ академіи Давидъ Нащинскій, учившійся въ западно-европейскихъ школахъ, представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому мнѣніе о необходимости ввести въ курсъ преподаванія систему Баумейстера, одного изъ

Библиотека "Руниверс"

умѣреннѣйшихъ представителей Лейбнице-Вольфіанской философіи. Митрополитъ обратился за совѣтомъ къ Георгію Конисскому, тогда уже бѣлорусскому епископу. Георгій вполнѣ одобрилъ выборъ Нащинскаго. Тотъ же Давидъ Нащинскій пытался опредѣлить объемъ преподаванія богословія. Неудовольствія между ректоромъ Нащинскимъ и учителями выдвинули вопросъ объ упорядоченіи, какъ отношеній между ректоромъ и преподавателями, такъ и самаго преподаванія. Выработать подробную инструкцію пришлось уже преемнику Нащинскаго Самуилу Миславскому. Новая инструкція забраковала прежніе учебники и ввела новые, измѣнила порядокъ въ преподаваніи латинскаго языка и обязала изучать польскій языкъ наряду съ русскимъ и латинскимъ. Уже въ аналогіи польскій языкъ былъ постояннымъ разговорнымъ, а въ другихъ классахъ переводы съ латинскаго дѣлались на русскій и на польскій языки. Латинскіе стихи переводились на „россійскій языкъ“ стихами же, а риторы должны были составлять орацію и произносить ихъ съ каѳедры, философы произносили проповѣди собственнаго сочиненія и участвовали въ диспутахъ. При переводахъ предписывалось обращать вниманіе на то, „чтобы тотъ переводъ былъ чистый и россійскому языку свойственный, а не простый и грубый, съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный, какой прежде сего бывалъ“. Выработана была и подробная программа богословія и двухлѣтній богословскій курсъ замѣненъ четырехлѣтнимъ. Инструкція обратила вниманіе и на изученіе языковъ: еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго (введеннаго въ 1753 г.). На преподаваніе ихъ положено по два года и велѣно „богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естьли они не будутъ языкамъ разнымъ обучаться, то и мѣстами никакими не будутъ снабжены“. О преподававшихся уже тогда въ академіи другихъ экстраординарныхъ предметахъ—ариѳметикѣ, исторіи и географіи,—инструкція не упоминаетъ. Занятія распредѣлялись такъ: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 7 до 10 час. утра и отъ 1 до 5 час. по полудни, по вторникамъ и четвергамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час., а по субботамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час. На ординарные классы назначалось по 20 час. въ

Библиотека "Руниверс"

недѣлю, на языки греческій и французскій по 9, нѣмецкій—6 и еврейскій—5.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія академическое преподаваніе было реформировано. Реформаторомъ явился тотъ же Самуилъ Мисловскій, занимавшій теперь митрополичью каѳедру. Въ основу реформы положено было сближеніе академическаго курса съ курсами, выработанными для свѣтскихъ школъ. Введено было изученіе русскаго языка и словесности, общеобразовательныхъ предметовъ и усилено преподаваніе новыхъ языковъ. Особенное вниманіе митрополитъ обратилъ на русскую словесность. Для преподаванія ея вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи студентъ богословія Дмитрій Сигиревичъ, уроженецъ Воронежской губ. Учителя новыхъ языковъ должны были преподавать ихъ на русскомъ языкѣ „съ наблюденіемъ выговора, который употребляется въ Великороссіи". Учителя и ученики обязаны были соблюдать русское правописаніе подъ страхомъ увольненія изъ академіи въ свѣтскую команду. Для домашняго упражненія учениковъ въ русской грамотѣ былъ назначенъ въ бурсу особый репетиторъ. Въ 90-хъ гг. въ академіи уже два учителя—одинъ для русской грамматики, другой для россійской поэзіи и риторики. Изъ новыхъ языковъ Самуилъ обратилъ особое вниманіе на французскій, для преподаванія котораго назначены были также два учителя. Съ цѣлью введенія въ преподаваніе новыхъ методовъ, получившихъ право гражданства въ свѣтской школѣ конца XVШ в., митрополитъ назначалъ въ академію учителями лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ коммиссіею народныхъ училищъ для образованія учителей. Приняты были и изданные тою же коммиссіею учебники, которые замѣнили господствовавшія до того рукописныя записки. По рапорту академіи въ Св. Синодъ отъ 24 марта 1798 г. въ ней преподавались: богословіе, философія, риторика и поэзія латинская и россійская и было три грамматическихъ класса (классъ аналогіи былъ упраздненъ еще въ 1773 г.). Экстраординарными предметами были: математика чистая и смѣшанная, исторія и географія, языки греческій, нѣмецкій, еврейскій и польскій и рисованье. Классъ французскаго языка былъ закрытъ въ 1794 г.

Библиотека "Руниверс"

по слѣд. письму петерб. митрополита Гавріила: „семинаристы ваши обучаются французскому языку, но какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніемъ сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобы благоволили сей классъ оставить". Въ 1798 г. академія рѣшила вновь открыть классъ французскаго языка, если на это согласится Синодъ.

Указомъ 31 октября 1798 г. духовно-учебныя заведенія раздѣлены были на 4 округа по числу академій, въ которыя рѣшено было высылать каждые два года лучшихъ учениковъ семинарій для четырехлѣтняго обученія въ академіи съ цѣлью приготовленія учителей семинаріи. Такимъ образомъ академіи становились высшими духовно-учебными заведеніями. Измѣнена была и программа академическаго курса. Богословскій курсъ былъ расширенъ, велся на латинскомъ языкѣ и продолжался три года. Философскій курсъ продолжался два года и въ него, сверхъ краткой исторіи философіи, логики, метафизики и нравоученія, входили натуральная исторія и физика. Философы писали диссертаціи, а богословы проповѣди. И философамъ и богословамъ вмѣнялось въ обязанность изучать въ классѣ высшаго краснорѣчія рѣчи лучшихъ авторовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ и сочинять собственныя „имитаціи". Языки еврейскій и греческій были обязательны для всѣхъ, а изъ новыхъ обязателенъ былъ только одинъ—французскій или нѣмецкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не обременять малолѣтнихъ учениковъ изученіемъ многихъ предметовъ, поднять знаніе латинскаго языка, упавшее въ послѣднее время, обратить вниманіе на то, чтобы ученики умѣли читать церковныя книги, пѣть церковныя пѣсни и знали уставъ, и, наконецъ, велѣно было пріучать учениковъ къ сельской и домашней экономіи и врачеванію болѣзней. Впрочемъ послѣдніе два предмета не были введены въ кругъ академическаго преподаванія. Экономіи ученики обучались путемъ обязательнаго чтенія книгъ, а медицинѣ практически путемъ назначенія лѣкарю помощниковъ изъ учениковъ.

Введеніе, въ силу этого указа, новыхъ предметовъ привело въ Кіевской академіи къ увеличенію числа учебныхъ часовъ. Распо-

Библиотека "Руниверс"

ряженіе о необремененіи учениковъ низшихъ классовъ вызвало новое распредѣленіе предметовъ въ этихъ классахъ. Въ низшемъ грамматическомъ классѣ обучали польскому языку, „яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ губерніяхъ употребляемому“, въ среднемъ продолжался польскій яз. и начиналась ариѳметика, въ высшемъ, сверхъ этихъ предметовъ, прибавлялся французскій или нѣмецкій яз. Въ піитикѣ къ перечисленнымъ выше предметамъ прибавлялась исторія, географія и греческій языкъ. Въ риторикѣ начинали математику. Кромѣ чистой математики, раздѣлявшейся на два курса, преподавалась смѣшанная, къ которой отнесены были: „гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, хорометрія, гидравлика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, начала астрономіи, географія, гидрографія, гномика и математическая хронологія“. Вся эта премудрость была втиснута въ два класса, а съ 1802 г. въ одинъ. Курсъ исторіи и географіи дѣлился съ 1802 г. на 4 класса, къ которымъ въ 1807 г. прибавленъ былъ 5-й—институтный. Медицинскій классъ былъ открытъ въ томъ же 1802 г. и лекціи въ немъ читались 2 раза въ недѣлю по 2 часа каждая на латинскомъ языкѣ. Около того же времени открытъ особый классъ „нотнаго и ирмойнаго пѣнія“. Для неосиливавшихъ латыни при академіи съ 1800 г. была учреждена особая русская школа, вскорѣ преобразованная въ трехклассную съ пятилѣтнимъ курсомъ. Изъ искусствъ въ академіи процвѣтали рисованіе, для котораго при Самуилѣ Мисловскомъ былъ открытъ особый классъ, и музыка инструментальная и вокальная. Академическій хоръ состоялъ иногда изъ 300 чел. Для оркестра былъ особый капельмейстеръ.

Въ классахъ ученики сидѣли по успѣхамъ. Первая скамья носила почетное названіе „senatus“. Уроки выслушивались избраннымъ изъ учениковъ же аудиторомъ, который отмѣчалъ отвѣты въ своихъ нотатахъ и эрратахъ; auditor auditorum выслушивалъ самихъ аудиторовъ. Впрочемъ аудиторы были только до риторики. Учитель провѣрялъ отмѣтки аудиторовъ и затѣмъ объяснялъ слѣдующій урокъ. По субботамъ сдавали все пройденное за недѣлю. Въ концѣ мѣсяца были публичные экзамены.

Библиотека "Руниверс"

И академическое начальство, и учителя заботились о томъ, чтобы пріохотить воспитанниковъ къ чтенію книгъ. Нѣкоторые изъ учителей въ свободное время звали къ себѣ избранныхъ учениковъ и устраивали совмѣстныя чтенія. Въ 1792 г. учитель поэзіи Ириней Фальковскій учредилъ „Вольное піитическое общество", члены котораго взносили рубль единовременно или 50 к. въ годъ и имѣли право пользоваться выписываемыми этимъ обществомъ книгами. Еще около 1768 г. при академіи была основана спеціальная ученическая библіотека, которая въ самомъ началѣ получила въ даръ значительное количество книгъ, главнымъ образомъ отъ бывшихъ питомцевъ академіи. Въ фундаментальной библіотекѣ въ 1780 г. числилось до 12,000 книгъ. Въ 1784 или 1785 г. библіотека эта сгорѣла. Но, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ и покупкѣ, библіотека скоро пополнилась и въ 1804 г. въ ней числилось до 8,000 книгъ. Въ 1811 г. она снова пострадала отъ пожара.

Воспитательныя средства не отличались мягкостью. Правда, инструкція 1763 г. нѣсколько ограничивала наказанія. Такъ, за невыученный неоднократно урокъ учителю предписывалось „малолѣтнему кромѣ трехъ ударовъ, а большаго возраста кромѣ пяти никогда не давать и то имѣя разсужденіе о состояніи, о здравіи и о слабости дитины", а за проступокъ, „который произошелъ приватно межлу учениками отъ взаимной ссоры, или ребячей шалости, а не касается къ обидѣ сторонніхъ людей, то и тогда учителю давать не болѣе, какъ 20, а за проступки, вящшаго еще наказанія достойные, всегда доносить префекту, а самому учителю не наказывать". Размѣръ наказанія, налагаемаго префектомъ, ограниченъ не былъ, хотя предлагалось наказывать „малыхъ розгою, а большихъ и среднихъ первѣе словомъ угрозительнымъ, другой разъ переведеніемъ съ высшей школы въ низшую, третій лишеніемъ кондиціи или мѣста опредѣленнаго и инымъ наказаніемъ по разсмотрѣніи дѣла и вины, а наконецъ на неисправляющихся доносить ректору". Гавріилъ Кременецкій запретилъ учителятъ сѣчь учениковъ розгою, но это предписаніе, какъ и предписаніе инструкціи о количествѣ ударовъ, не соблюдалось.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, въ 1790 г. одинъ ученикъ риторики жаловался митрополиту, что, „получивъ не по заслугамъ, но по злобѣ отъ учителя риторики въ классѣ наказаніе очень чувствительное, состоящее около 50 ударовъ, болѣе уже ученія продолжать не намѣренъ". Убѣдившись въ справедливости жалобы, митрополитъ велѣлъ уволить жалобщика для поступленія въ медико-хирургическій институтъ. Увольняли изъ академіи крайне рѣдко.

Часты бывали въ академической жизни и различныя торжества. Храмовые праздники на Крещенье и Благовѣщенье, вечерня въ день кончины Петра Могилы (31 декабря) отличалось торжественнымъ богослуженіемъ. Въ Лазареву субботу устраивалась торжественная процессія. Въ праздники Рождества, Пасхи и въ дни именинъ митрополита студенты приносили ему поздравленія и привѣтствовали его на разныхъ языкахъ въ стихахъ и въ прозѣ. Въ маѣ устраивались такъ наз. рекреаціи, т. е. гулянья за городомъ на Шулявкѣ, Глубочицѣ, около Кирилловскаго монастыря, рѣже въ Борщаговкѣ. Рекреаціи сопровождались пѣніемъ, музыкой и иногда драматическими представленіями. Особенно торжественный характеръ имѣли академическіе диспуты. Наканунѣ митрополитъ уѣзжалъ въ лавру, куда утромъ съѣзжались почетнѣйшіе кіевскіе обыватели. Часовъ въ девять вереница экипажей направлялись изъ лавры въ Братскій монастырь. Процессія эта растягивались такъ, что когда экипажъ митрополита былъ уже на Александровскомъ спускѣ, послѣдніе экипажи еще выѣзжали изъ лавры. При входѣ въ монастырь митрополита встрѣчали пѣніемъ, музыкой и рѣчами. Гостямъ раздавались программы диспута. Учитель произносилъ краткую рѣчь и начинался споръ между двумя студентами, состоявшій въ доказываніи и опроверженіи какого-нибудь философскаго или богословскаго тезиса. При посѣщеніи академіи высокопоставленными особами устраивались экстренныя торжества. Такъ, въ 1781 г. при посѣщеніи Братскаго м-ря вел. княземъ Павломъ Петровичемъ съ супругою высокіе гости были встрѣчены у входа учащимъ персоналомъ и монастырскою братіею, а студенты „отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда, пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ лав-

Библиотека "Руниверс"

рами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы, по сторонамъ шли и пѣли кантъ". Въ помѣщеніи академіи „академисты мальчики привѣтствія сказывали по единому сими языки по русску, по польску, по латыни, по нѣмецки, по французску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ графу Понятовскому и графу Румянцеву и генералитету тутъ бывшему—зеленою тафтою". Подобныя встрѣчи устраивались Екатеринѣ II въ 1787 и Александру I въ 1816 г.

До половины XVIII ст. Кіевская академія была общесословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Но уже во второй половинѣ столѣтія она мало по малу начинаетъ превращаться въ заведеніе духовно-учебное. Съ одной стороны открытіе новыхъ школъ отвлекаетъ воспитанниковъ свѣтскаго званія, съ другой епархіальное и академическое начальство начинаетъ заботиться о томъ, чтобы въ академіи преобладали дѣти духовенства. Митрополиты дѣлаютъ рядъ распоряженій относительно обязательной высылки духовенствомъ своихъ дѣтей въ академію и въ то же время стараются затруднить выходъ изъ академіи до окончанія курса. Окончившимъ курсъ отдавалось предпоченіе при назначеніи на священническія мѣста. Такъ, въ указѣ 1760 г. духовнымъ властямъ Кіевской епархіи предписывалось: „дабы отдавали въ замужье дочерей своихъ священники и діаконы, желающіе зятей имѣть на своихъ парохіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется приходскихъ домовъ отъ 80 до 100 и выше, за учительныхъ дѣтей академіи Кіевской богословіи, а гдѣ отъ 60 до 80 дворовъ, по крайности, когда изъ богослововъ не сыщутся, за философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ большему не могли затѣмъ пріискаться люди учительные къ дочерямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о томъ старательству, то имъ представлять о томъ доношеніями по порядку, а безъ того священникамъ и діаконамъ, равно

Библиотека "Руниверс"

какъ протопопамъ и наместникамъ дочерей своихъ за неучительныхъ, проповѣдывать слова Божіе не могущихъ, въ надежду рукоположенія ихъ на свои парохіальныя мѣста не выдавать." Въ 1770 г. Синодъ также предписываетъ предпочитать учившихся неучившимся при „произвожденіи въ священные чины," а Самуилъ Миславскій даже вовсе запретилъ представлять неучившихся въ высшихъ классахъ академіи къ священническимъ и діаконскимъ мѣстамъ.

Всѣ указанныя выше обстоятельства способствовали тому, что во второй половинѣ XVIII ст. число дѣтей духовныхъ родителей постепенно возрастало, число же свѣтскихъ воспитанниковъ уменьшается. Такъ, въ 1744 г. первыхъ было 380, вторыхъ 722, въ 1778 число тѣхъ и другихъ одинаково по 418, къ концу столѣтія, въ 1799 г., воспитанниковъ духовнаго званія 544, свѣтскаго 234, наконецъ, въ 1811 г. цифры эти достигаютъ 1069 и 129.

Пріемъ въ академію учащихся производился въ концѣ августа и началѣ сентября. Возрастъ для поступленія не былъ опредѣленъ точно—принимали отъ 7-лѣтняго до 15-лѣтняго возраста. Въ самыхъ школахъ различіе учениковъ по возрасту было очень велико: въ школѣ богословія ученики были отъ 19 до 34 лѣтъ, философіи 17—30, риторики 14—29, поэзіи 13—26, синтаксимы 12—24, грамматики 12—23, инфимы 11—20, аналогіи 9—19. Огромное большинство учащихся были уроженцами нын. Черниговской и Полтавской губ., но бывали и изъ отдаленныхъ мѣстностей, даже изъ-за границы. Академическій курсъ продолжался 13 лѣтъ, но въ концѣ XVIII ст. былъ сокращенъ до 11. Въ каждомъ классѣ можно было оставаться нѣсколько лѣтъ. Неуспѣвавшихъ или провинившихся часто переводили въ низшій классъ. Иногда вмѣсто перевода въ низшій классъ увольняли изъ академіи и опредѣляли на причетническія мѣста. Многіе сами увольнялись изъ академіи, а иные просто не являлись изъ отпуска. Нерѣдко уходили изъ академіи и лучшіе воспитанники. Съ открытіемъ Московскаго университета многіе студенты академіи перешли туда. Многихъ соблазняла медицинская

Библиотека "Руниверс"

служба и они отправлялись въ Москву, гдѣ получали при тамошнемъ госпиталѣ и аптекѣ медицинское образованіе, пользуясь казенной субсидіей. Не мало уходило и въ заведенныя коммиссіей народныхъ училищъ школы. Конечно, оставленіе академіи лучшими воспитанниками печально отражалось на ея состояніи и было одной изъ причинъ ея упадка въ началѣ текущаго столѣтія.

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXX.

На высокомъ берегу Сулы расположился грознымъ вѣнцомъ гордый и неприступный замокъ князя Іереміи. Уже издали виднѣется онъ острыми шпицами своихъ башенъ и зубцами красныхъ стѣнъ.

Вокругъ замка идетъ широкій и глубокій ровъ, наполненный до краевъ водою; надъ въѣздомъ три башни, а подъ ними на цѣпяхъ тяжелый и крѣпкій подъемный мостъ. Стѣны тянутся острыми выступами и на каждомъ изъ нихъ грозно усѣлась тяжелая, круглая башня; осматриваетъ она черными щелями своихъ амбразуръ всю окрестность, растянувшуюся у подошвы горы. Изъ узкихъ отверстій выглядываютъ длинныя жерла „гаковницъ“.

А за зубцами стѣнъ подымаются еще болѣе высокія башни самого княжьяго замка, заключеннаго въ замковомъ дворѣ. По стѣнамъ медленно ходятъ стражники; караулъ стоитъ у воротъ.

За замкомъ пріютился, вдоль по горѣ и у подножья ея, княжій городъ Лубны. Высокія крыши тѣсно-тѣсно сплотились и прижались другъ къ другу, стремясь укрыться отъ дикихъ нападеній татаръ подъ охрану грознаго замка. Вокругъ города тянутся также и ровъ, и деревянныя стѣны, набитыя, между двухъ рядовъ колоссальныхъ бревенъ, глиной и землей.

Съ правой стороны замка, саженей двѣсти, не дальше, тянется безконечный дѣвственный лѣсъ. Онъ спускается до самаго дна обрыва,

---

[1]) См „Кіевск. Сарт.“ 1897 г. № 11.

Библиотека "Руниверс"

отдѣляющаго отъ замка, густою, непроходимою стѣной, а слѣва и прямо обогнула подножье горы тихая Сула. За Сулой, сколько око хватитъ, протянулись ровною, зеленою пеленой, топкія болота и заливные луга. Къ берегу Сулы ведетъ изъ замка „тайникъ“, а на случай, если бы враги даже и отвели рѣку, выкопанъ въ замкѣ глубокій колодезь. Правда, трудно было копать его на такой высотѣ, да у князя Яремы есть на всякую его прихоть тысячи даровыхъ, послушныхъ рукъ.

И гордо смотритъ замокъ со своей высоты на распростершуюся у его ногъ окрестность, потому что нѣтъ и не было еще такой силы, которая могла бы сломить его.

Въ замчищѣ шумъ, суматоха, движеніе...

Изъ множества конюшенъ, устроенныхъ подъ замковыми стѣнами, слышится храпъ, ржанье и фырканье лошадей. По двору снуютъ толпы разнородныхъ слугъ и надворной команды, одѣтыхъ въ самые пестрые цвѣта, съ расшитыми гербами своихъ господъ. Кое гдѣ подъ навѣсами, у деревянныхъ, грубыхъ столовъ, собрались за кружкой добраго пива старые рубаки. Они вспоминаютъ пережитыя битвы и каждый превозноситъ своихъ вождей. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ въ кости и въ „четъ и не четъ“; любопытные окружаютъ стѣной играющихъ, принимая живое участіе въ ходѣ игры и подзадоривая то ту, то другую сторону. Передъ самою выѣздною „брамой“ группы подвыпившихъ слугъ забавляются чехардой; взрывы дружнаго хохота сопровождаютъ каждый неудачный скачокъ. И сторожа при башнѣ, и воротарь, и мостовничій не отводятъ глазъ отъ играющихъ.

Между тѣмъ, со стороны въѣздной „брамы“ раздался звукъ трубы, но за шумомъ и гамомъ никто его не разслышалъ. Спустя немного времени затрубили опять. Дѣйствительно, къ противоположной сторонѣ замковаго рва подъѣхалъ чей то пышный поѣздъ. Впереди всѣхъ подскакалъ на горячемъ конѣ, окруженный небольшою свитой, статный молодой шляхтичъ въ роскошной шляпѣ, съ развѣвающимся длиннымъ перомъ. За нимъ подъѣхало десять высоко-нагруженныхъ возовъ, окруженныхъ слугами и „погоничами“.

— Ну, что-жъ вы поснули тамъ, что ли?—крикнулъ по польски громко и нетерпѣливо молодой шляхтичъ, когда и послѣ третьяго сигнала не появлялся на башнѣ никто.

Какъ бы въ отвѣтъ на его гнѣвное восклицаніе, показалась, наконецъ, въ окнѣ надъ воротами тощая фигура вахмистра, и крикливый голосъ спросилъ:

— Кто идетъ и откуда?

Библиотека "Руниверс"

— Панъ Адамовичъ-Шпорецкій, посолъ отъ князя Конецпольскаго.

— Откуда и куда?—раздался снова тотъ же крикливый вопросъ.

Въ отвѣтъ не него молодой шляхтичъ разразился такою энергичною бранью, что тощій вахмистръ, убѣдившись теперь вполнѣ въ высокомъ назначеніи пана, кубаремъ спустился съ башни и поспѣшилъ отдать надлежащій приказъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелыя желѣзныя цѣпи жалобно заскрипѣли, и огромный мостъ началъ медленно опускаться; наконецъ, чудище съ грохотомъ упало, и всадники въѣхали на него попарно.

Молодой шляхтичъ приблизился къ самому его краю и измѣрилъ глазами ширину рва, наполненнаго почти до краевъ темнѣющею водой.

— Ишь ты, бѣсова „копанка“,—проговорилъ онъ вполголоса,—пожалуй и не переплывешь!

— Въ зброѣ и думать нечего!—отвѣтилъ ему ближайшій изъ сопровождавшихъ его пяти слугъ; четыре остальные ѣхали за огромнымъ возомъ, напакованнымъ грузными мѣшками, въ которыхъ очевидно заключались вещи богатаго шляхтича. Шляхтичъ бросилъ на него многозначительный взглядъ и молча сталъ разсматривать грозную крѣпость.

„Да, это чортовое гнѣздо почище Кодака будетъ,—мелькали у него мысли,—ее простыми зубами не угрызешь... этакую твердыню можно добыть лишь подкопомъ... да голодомъ... Не пустое-ли дѣло задумалъ Максимъ? Впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ“! Попался въ руки Адамовичъ-Шпорицкій,—такъ и воспользуемся его бумагами... Они думали насъ изловить и живьемъ зажарить, а мы попробуемъ ихъ... Лишь бы князя выманить, да завесть къ „дидьку“ въ болото... Вѣрно: „утикъ—не втикъ, а побигты можна“! и онъ двинулся рѣшительно въ браму...

Въ самомъ замкѣ, освѣщенномъ сверху до низу тысячью сіяющихъ огней, собралось самое пышное панство. Идутъ шумные толки, споры, дебаты,—передъ большимъ варшавскимъ сеймомъ панство устраиваетъ свой маленькій, приватный сеймикъ.

Большой двухсвѣтный залъ князя Яремы, напоминающій скорѣе внутренность какого-то гигантскаго храма, освѣщенъ весь безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Съ высокаго потолка, разрисованнаго на подобіе неба и украшеннаго мѣсяцемъ и золотыми звѣздами, спускаются на длинныхъ цѣпяхъ три круглыя люстры, усаженныя восковыми свѣчами; свѣчи горятъ по стѣнамъ въ сере-

Библиотека "Руниверс"

бряныхъ „свѣчницахъ“, горятъ и въ тяжелыхъ шандалахъ, разставленныхъ на длинныхъ столахъ. Зала полна свѣта и блеска, и пышностью не уступаетъ королевскому дворцу. На стѣнахъ прибиты щиты, ключи и знамена добытыхъ княземъ и его предками замковъ и городовъ. Золоченые, штофные стулья и лавки тянутся рядами вдоль стѣнъ и столовъ. Пиръ уже оконченъ, но драгоцѣнные кувшины и кубки покрываютъ еще всѣ столы. Неслышно скользятъ по мраморному полу разодѣтые слуги и доливаютъ ихъ мальвазіей, венгерскимъ и старымъ медомъ.

Панство группируется кружками и вокругъ столовъ. Молодые шляхтичи увиваются подлѣ прелестныхъ паненокъ княгини Гризельды. Сдержанный гулъ стоитъ въ залѣ отъ множества голосовъ. За главнымъ столомъ, въ сторону котораго устремляются то и дѣло глаза собравшагося панства, раздаются громкіе и властные голоса.

Во главѣ стола, рядомъ съ княземъ Яремой, сидитъ прелестная молодая женщина. Волнистые вороньяго крыла волосы обрамляютъ ея бѣлый небольшой лобъ. Черныя брови лежатъ на немъ бархатными шнурками, а глаза, темные и блестящіе, кажутся еще темнѣе и больше отъ матовой бѣлизны лица. Все въ ней дышетъ необычайною тонкостью и изяществомъ, но сжатыя тонкія губы показываютъ и силу, и страстность характера. По лѣвую руку княгини сидитъ молодая пани, жена стараго магната Корецкаго, давняя подруга Гризельды.

Нельзя было назвать пышную пани красавицей, но въ ея наружности было что-то обольстительное. Роскошные волосы были взбиты въ высокую прическу надъ гордо посаженною головой; густыя черныя брови почти сходились надъ переносицей, а темные съ поволокой глаза то потухали въ истомѣ, то искрились дерзкимъ огнемъ. На припухлыхъ, чувственныхъ розовыхъ губкахъ бродила насмѣшливая улыбка.

Подъ прозрачной, какъ алебастръ, кожей разливался нѣжный румянецъ, касаясь открытой шеи и розовыхъ ушей, а на лѣвой щекѣ выдѣлялась темнымъ пятнышкомъ маленькая бархатистая родинка. По правую руку княгини расположился панъ ксендзъ, въ одеждѣ Іезуитскаго ордена. Онъ зорко слѣдитъ за разговоромъ, незамѣтно направляя его туда, куда хочется ему самому. За паномъ ксендзомъ, молча и пыхтя, тянетъ венгржину необъятный князь Заславскій; за нимъ вытянулся неподвижно, словно проглотилъ желѣзный аршинъ, высокій и тонкій панъ Остророгъ. Несмотря на свое знатное имя и извѣстную всей Рѣчи Посполитой ученость, онъ кажется среди собравшагося кичливаго панства человѣкомъ, попавшимъ не въ свое общество. Голубые близорукіе глаза его расте-

Библиотека "Руниверс"

рянно переходятъ съ одного магната на другого; движенія неловки и неувѣренны, и только по высокому умному лбу, окруженному свѣтлыми волосами, можно замѣтить, что это не загнанный бѣдный шляхтичъ, попавшій неожиданно въ роскошную среду, а кабинетный ученый, очутившійся вдругъ въ непривычномъ для него обществѣ женщинъ, воиновъ и кичливыхъ, кричащихъ вельможъ. Вокругъ стола тѣсною стѣной сплотились менѣе важные паны. Всѣ слушаютъ разговоры съ живымъ интересомъ, но, между тѣмъ, въ головѣ каждаго мелькаютъ быстрыя соображенія, на чью сторону выгоднѣе стать и что съ какой стороны можно заполучить?

— Такъ,—говоритъ рѣзко и отрывисто князь Ярема, подкручивая ежеминутно свои тонкіе черные усы,—до насъ доходятъ смутные слухи... говорятъ о какомъ то заговорѣ... упоминаютъ объ Оссолинскомъ и королѣ; набираются де войска... артиллерія. Козачья сволочь снова подымаетъ голову, и я мечомъ моимъ клянусь, что между этими новыми повстанцами и тайными замыслами короля есть какая то скрытая связь. Нѣтъ!—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—мы не можемъ теперь быть покойными даже за свою вольность! И это будетъ такъ вѣчно, говорю я вамъ, пока Рѣчь-Посполитая будетъ „обирать“ на тронъ свой чужихъ, чуждыхъ ей королей. Развѣ среди насъ мало князей, ведущихъ родъ отъ Витовта, Ольгерда? Шляхтѣ угодно „обирать“ чужеземца, такъ не къ чему и ждать отъ него любви къ нашей отчизнѣ... Насъ предаютъ... И кто предаетъ? Самъ король! Что ему Рѣчь-Посполитая? Она не была и не будетъ ему никогда отчизной! Не такъ ли домогался онъ и московской короны?!... А сколько пролилъ шляхетской крови за шведскій престолъ? Но досыць, досыць! говорю я... Рѣчь-Посполитая не подножье королевскаго трона и хлопскихъ затѣй!

— Совершенно вѣрно, ясный княже!—прогудѣла въ отвѣтъ ближайшая шляхта.

— Князь Вишневецкій — „уродзоный круль“,—выкрикнулъ кто то въ заднихъ рядахъ, послѣ горячей рѣчи князя Яремы.

— Этотъ законъ, панове,—отдуваясь, сообщилъ Заславскій,—постановленъ въ огражденіе нашей золотой вольности, чтобы короли не имѣли въ Рѣчи Посполитой ни собственности, ни родственныхъ связей.

— Однако, тѣмъ не менѣе,—возразилъ горячо Вишневецкій,—и отъ чужеземца идутъ подкопы подъ насъ, а поддержку находитъ онъ тоже.

— Да, да,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій,—всѣ эти приготовленія къ войнѣ не даромъ... ужъ что-то они навѣрно

Библиотека "Руниверс"

задумали съ этой лисой, купившей себѣ княжье достоинство въ Римѣ, съ этимъ нашимъ великимъ канцлеромъ!

— Бѣса кривого мнѣ въ его войнахъ!—воскликнулъ пышный панъ Заславскій, отставляя свой „келехъ“.—Ему хочется войсковой славы, а я за нее своими боками плати? Не будетъ! Подати снова, „мыта“, поборы, татары, грабежъ, разоренье. Не „позволямъ“, да и только! Хочешь воевать—въ пограничное войско иди!

Въ группахъ, окружившихъ столъ, раздались одобрительные возгласы.

— Послѣ послѣдняго повстанья мои украинные „маентки“ до сихъ поръ „облогомъ“ лежатъ, хлопство разбѣжалось, рукъ нѣтъ—продолжалъ онъ съ отдышкой.—На милость короля не надѣйся! И каштелянство, и староства онъ раздаетъ своей новой шляхтѣ, Осссолинскимъ, Казаковскимъ, а старой самой за плугомъ, что-ли, идти?—и тучный панъ Заславскій весь побагровѣлъ отъ благороднаго гнѣва и шумно отодвинулся отъ стола.

— Не въ хлопахъ дѣло!—возразилъ раздражительно Іеремія.—Это наше „быдло“ и съ нимъ мы расправимся сами... позорно для шляхты обращаться къ королевской ласкѣ въ этомъ дѣлѣ, а вотъ обуздать этого чужеземца слѣдуетъ. Объ этомъ нужно подумать.

— Обуздать, обуздать!—загалдѣли кругомъ.

— Да, — продолжалъ Вишневецкій, — если мы — правящій классъ въ Рѣчи Посполитой, такъ намъ и должно принадлежать исключительное право входить въ договоры съ иностранными державами, собирать войска, объявлять войну, заключать миръ, назначать подати и поборы, а этой коронованной иноземной куклѣ для почета достаточно и тысячи душъ стражи да доходу съ коронныхъ имѣній.

— Ха, ха, ха!—закачался отъ смѣху князь Заславскій,—коронованной куклѣ! Виватъ!

— Виватъ, ясноосвѣщенному князю!—подхватила и стоявшая шляхта, опорожняя „келехи“ и наполняя ихъ вновь старымъ медомъ.

— Отчего ты, Викторія, сегодня скучна?—обратилась къ своей подругѣ, между тѣмъ, княгиня Гризельда,—глаза твои такъ вяло, такъ безжизненно скользятъ по нашему пышному рыцарству?

— Не люблю я, признаться,—улыбнулась та,—этихъ разговоровъ про королей, да про хлоповъ... тоска! А рыцарство твое совсѣмъ не интересно!

— Какъ?!—изумилась Гризельда,—а присмотрись къ пану Раймунду, да къ пану Яну

— Экъ, невидаль!—сдѣлала презрительную гримасу подруга.

Библиотека "Руниверс"

— Ты ужъ очень разборчива,—пожала плечами Гризельда,—никто тебѣ у насъ не нравится... Или заполонилъ твое сердце „малжонокъ“,—бросила она насмѣшливый взглядъ,—или...

— Или что?—вспыхнула полымемъ пани.

— Или оно всецѣло принадлежитъ кому-нибудь другому.

— Гризельда!—вскрикнула, какъ-бы прося пощады, Викторія,—на Бога!

— Или,—продолжала лукаво Гризельда,—оно совсѣмъ не способно къ любви.

— Послѣднее самое вѣрное,—улыбнулась, подавивши вздохъ, подруга, и темный взоръ ея ушелъ самъ въ себя.

А за столомъ между шляхтою опять поднялся оживленный говоръ. Вопросъ зашелъ о религіи, и Гризельда вся обратилась въ слухъ, а пани Викторія, воспользовавшись минутой, встала отъ стола и подошла къ паненкамъ.

— Да и здѣсь его королевская мосць оказалъ намъ услугу,—выкрикивалъ непріятнымъ и рѣзкимъ голосомъ князь Вишневецкій.

— Кто, какъ не онъ, хлопоталъ о греческой схизмѣ, кто отдалъ имъ епархіи? Мало того, хотѣлъ посадить схизматскаго митрополита съ нами въ сенатъ.

— O tempora, o mores!—промолвилъ іезуитъ.—Схизма на вѣрной землѣ, посвященной Папскому престолу и Пресвятой Дѣвѣ!

— Король хотѣлъ примирить вѣроисповѣданія во имя мира и спокойствія въ панствѣ,—вставилъ негромко Остророгъ.

— Только тотъ миръ и проченъ, который предписанъ мечемъ,—произнесъ гордо Іеремія, бросая въ сторону Остророга полный презрѣнія взглядъ.

— Ха, ха, ха, миръ съ хлопами!—разразился дикимъ смѣхомъ Чарнецкій.—Такъ можно разсмѣшить и мертваго: мирить меня съ тѣмъ, кто самъ съ головой и съ ногами въ моихъ рукахъ? Да послѣ этого мнѣ могутъ предложить помириться и съ моимъ надворнымъ псомъ!

— Однако,—поднялъ Остророгъ свои голубые глаза,—панъ забываетъ...

Но слова его перебилъ рѣзкій и надменный голосъ Іереміи.

— Но не бывать тому, панове!—крикнулъ онъ запальчиво.—Я не допущу этого, и если панство не пойдетъ за мной, самъ сорву сеймъ!

— Да и къ чему вмѣшательство короля въ наши религіозныя дѣла?—просопѣлъ багровый Заславскій —Мы сами надъ собою паны, а въ помощь еще намъ могутъ стать святые отцы.

Библиотека "Руниверс"

— И они бы давно сдѣлали свое дѣло, если-бы его милость король не былъ такъ ослѣпленъ склонностью къ схизмѣ,—вздохнулъ смиренно патеръ.—При покойномъ королѣ Жигимондѣ, пока не вмѣшивалась свѣтская власть въ дѣла церкви, нашъ орденъ не подвергался гоненію, и заблудшія въ схизмѣ овцы мирно возвращались въ лоно святой церкви, а нынѣ разогнаны слуги святѣйшаго отца, въ небреженіи дѣло вѣры, но..—іезуитъ поднялъ глаза къ потолку и произнесъ совсѣмъ тихо и смиренно:—Пока живу, надѣюсь, а надежда—въ Бозѣ!

При послѣднихъ словахъ патера на блѣдномъ лицѣ княгини вспыхнулъ горячечный румянецъ, черные глаза загорѣлись затаеннымъ огнемъ и, обращаясь къ мужу, она замѣтила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Неужели князь допуститъ и дальше такое насиліе надъ вѣрными служителями вѣры нашихъ отцовъ?—Неужели позволитъ схизмѣ множиться и распространяться на нашей землѣ?

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ съ паѳосомъ іезуитъ.—Ты избираешь себѣ достойныхъ служительницъ на этой грѣшной землѣ.

Іеремія взглянулъ на княгиню... и вдругъ все лицо его, надменное, кичливое и холодное, преобразилось отъ несвойственнаго ему выраженія нѣжности и любви, оно сдѣлалось даже почти красивымъ.

— Нѣтъ, княгиня, клянусь,—воскликнулъ онъ гордо и увѣренно,—покуда я живъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ владѣніяхъ измѣнѣ и схизмѣ не удастся свить своего гнѣзда!.. Размечу, съ лица земли сотру всѣ ихъ селенія, но водворю тишину и спокойствіе и истинную вѣру вотъ этимъ мечомъ!..

— И прославится имя твое отъ вѣка до вѣка и народы преклонятся передъ нимъ,—заключилъ торжественно патеръ.

Князь Остророгъ хотѣлъ было что-то сказать, но голосъ его покрыли громкіе и дикіе крики окружающаго панства: „Vivat! vivat! vivat!“

— Ба! кого я вижу, панъ ротмистръ?—воскликнулъ громко молодой уланскій поручикъ, сталкиваясь въ дверяхъ съ сѣдымъ офицеромъ въ формѣ коронныхъ гусаръ.

— Онъ самый,—отвѣтилъ тотъ съ радостною улыбкой, освѣтившею сразу его угрюмое на видъ лицо.

— Откуда? какъ? какимъ образомъ здѣсь?

Встрѣтившіеся знакомцы отошли въ амбразуру окна

— Я-то съ письмомъ отъ великаго польскаго гетмана, а ты, панъ-товарищъ, какимъ образомъ здѣсь?

Библиотека "Руниверс"

— А развѣ панъ не слыхалъ, что я перешелъ въ войска князя Іеремія?.. Надоѣло стоять тамъ на „кресахъ“ (границахъ)! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, жизнь, пышность, веселье, да и опаски нѣтъ никакой, а тамъ что за радость? Каждую минуту подставляй свою голову...—и онъ добавилъ, взявши пана ротмистра за руку:— Ну, а какъ пану нравится замокъ?

— Крѣпость неприступна. Гарнизонъ на мѣстахъ, порядокъ вездѣ безпримѣрный... Больше нечего и желать.

— Нѣтъ, я не о томъ!—усмѣхнулся снова панъ-товарищъ.— Какъ пану нравится самъ замокъ, пріемы, дворъ? Вѣдь по кролевски? Въ Варшавѣ не встрѣтишь такой красоты.

— Объ этомъ не знаю, въ королевскомъ дворцѣ не бывалъ, а что шуму много, то правда.

— Ха, ха!—перебилъ его панъ-товарищъ,—впрочемъ, панъ ротмистръ самой красы еще не видалъ. Я могу показать ему настоящій цвѣтникъ; но если панъ къ женщинамъ относится такъ-же сурово, то, быть можетъ, не стоитъ и огорчать нашихъ дамъ.

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся добродушно панъ-ротмистръ подъ своими гигантскими усами, и подмигнулъ молодцовато бровью,— панны никогда не могли пожаловаться на мое равнодушіе.

— Въ такомъ случаѣ прошу пана слѣдовать за мной,—сказалъ панъ товарищъ, пробираясь осторожно сквозь снующее безпрестанно панство къ концу залы, гдѣ въ полукругломъ выступѣ, образовывавшемъ родъ гостинной, съ гигантскими окнами, протянувшимися почти отъ самаго потолка до самаго пола, размѣстились на шелковыхъ табуретахъ знатныя панны, проживавшія въ замкѣ князя Іеремія и составлявшія нѣчто въ родѣ свиты княгини Гризельды; между ними сидѣла теперь и пани Викторія. Пушистый турецкій коверъ покрывалъ весь полъ гостинной. Свѣчи въ высокихъ консоляхъ горѣли по угламъ, а въ открытыя окна вливался лѣтній воздухъ, такой душистый, теплый да неподвижный, что даже не колебалъ ни одного пламени свѣчи. Вокругъ вельможныхъ паненокъ суетились молодые магнаты, офицеры изъ княжьихъ, коронныхъ и другихъ хоругвей. Слышался сдержанный говоръ и веселый смѣхъ.

— Ну, а что, какъ пану ротмистру это понравится?—остановился панъ-товарищъ, любуясь издали блестящимъ видомъ залитыхъ золотомъ и каменьями красавицъ; но панъ-ротмистръ почему-то сурово молчалъ, не сочувствуя, очевидно, похваламъ, расточаемымъ его юнымъ собесѣдникомъ.

— А вотъ эта пани,—видитъ панъ-ротмистръ?—вонъ та, съ рыжеватыми волосами,—указалъ онъ на одну изъ дамъ, сидѣвшую

Библиотека "Руниверс"

у раскрытаго окна, возлѣ которой увивалась цѣлая толпа.—Это пани Викторія, красавица, „малжонка“ стараго, престараго дѣда Корецкаго, ищущая утѣшителя... По ней сходитъ съ ума весь замокъ, даже, говорятъ, вельможный панъ Остророгъ забываетъ свою латынь, глядя на нее.

— Ну, что-же, хороша?—спросилъ замирающимъ отъ восторга голосомъ панъ товарищъ.

— Къ сухому пороху такую не подпускай,—усмѣхнулся ротмистръ, подмигивая бровью.

— А панъ?

— Отсырѣлъ, пане брате, отсырѣлъ... теперь „безпешно“ хоть въ самую печь положи—не вспыхну! А вѣдь въ былое время трепетала меня всякая панна на Литвѣ,—закрутилъ ротмистръ свой богатырскій усъ, сверкнувъ изъ-подъ нависшихъ бровей глазомъ, и хотѣлъ было уже разсказать пану товарищу какую-то молодцоватую исторію, но послѣдній перебилъ его:

— Однако же, иди, пане, я тебя представлю панству.

Панъ-ротмистръ послѣдовалъ за своимъ юнымъ проводникомъ и остановился передъ очаровательною Викторіей, окруженною цѣлою толпой пышныхъ пановъ.

— „За позволеньемъ“ ясноосвѣцоной пани,—склонилъ изящно товарищъ передъ красавицей голову,—я представляю: вотъ мой пріятель! Панъ ротмистръ стоитъ съ коронными войсками на „кресахъ“; но и туда, въ такую глушь, достигла слава о красѣ пани, и вотъ панъ ротмистръ просилъ меня представить его...

— Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ всѣ люди лгутъ?—спросила, насмѣшливо пани Викторія,—не правда ли?

— Я не могу, пани, на людей взвесть такую напраслину,—панъ ротмистръ, и звякнулъ шпорами.

— Панъ очень снисходителенъ къ людямъ,—улыбнулась обворожительная Викторія...—Да, кстати,—перемѣнила она вдругъ разговоръ,—панъ-ротмистръ стоитъ на „кресахъ“, онъ можетъ разрѣшить намъ споръ.

Да, да—зашумѣли кругомъ и паны, и пышныя панны.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ панъ-товарищъ.

— Пани увѣряетъ—заговорило въ одинъ голосъ нѣсколько молодыхъ пановъ,—что эта дикая козацкая сволочь умѣетъ любить.

— Да, да,—подхватили паны, пересмѣиваясь между собой,—грязные, пьяные, дикіе звѣри—и вдругъ любить!..

— А я говорю, что умѣютъ, и такъ горячо, какъ не съумѣетъ никто изъ нашихъ пресыщенныхъ пановъ,—произнесла

Библиотека "Руниверс"

пани Викторія необычайно твердымъ тономъ, бросая въ сторону панства вызывающій взглядъ своихъ темныхъ глазъ.

— Пани говоритъ это такъ увѣренно,—усмѣхнулся почтительно одинъ изъ разряженныхъ магнатовъ,—что, можно думать, она извѣдала это на опытѣ. Впрочемъ, я самъ готовъ честью своей поклясться, что не только козакъ, но и дикій буй-туръ не останется равнодушнымъ подъ взглядомъ глазъ пани; но какъ онъ объ этомъ скажетъ ей,—развелъ вельможный руками,—да какимъ образомъ сдѣлаетъ, такъ сказать, декларацію любви?

— Ха, ха, ха!—разразились веселымъ смѣхомъ вельможныя панны.—Хлопское быдло и—декларація любви!

Пани Викторія закусила губу и, нахмуривши свои густыя брови, обратилась нетерпѣливо къ ротмистру.

— Что-жъ это панъ-ротмистръ не скажетъ ничего?

— Къ большому моему сожалѣнію, дѣла любви не находятся теперь въ моей компетенціи, но что касается того, что панство называетъ козаковъ хлопскимъ быдломъ и буйною сволочью, то смѣю завѣрить, что это такіе храбрые воины, съ какими не стыдно стать въ ряду.

Нѣсколько паненокъ хихикнуло, закрывшись вѣерами, вельможи бросили полный изумленія взглядъ на дикаго чудака.

— Удивляюсь, почему же панъ ротмистръ не перешелъ въ ихъ шайки, тамъ бы онъ сразу гетманомъ сталъ?—вставилъ насмѣшливо одинъ изъ драгуновъ Іереміи.

— Благодарю сердечно пана ротмистра,—протянула Викторія руку,—за правдивое слово и предлагаю за это свою дружбу.

— Падаю къ ногамъ пани,—поцѣловалъ ротмистръ протянутую руку,—головой лягу за ея ласковое слово.

— Конечно,—подхватилъ поспѣшно важный магнатъ, увивавшійся подлѣ пани Викторіи,—и остервенившійся звѣрь защищается храбро; но что же это? Все таки табунъ какихъ-то дикихъ коней.

— Дикій конь горячѣй объѣзженнаго!—бросила небрежно съ вызывающимъ взглядомъ пани Викторія.

— Но онъ не понесетъ такъ покорно пани, какъ выѣзженный, кровный конь!—усмѣхнулся изысканно магнатъ.

— Ну, чтожъ?—окинула его дерзкимъ взглядомъ пани Викторія,—умчитъ бурею, а тамъ пусть и затончетъ на вѣкъ.

— А, вотъ какъ думаетъ пани!

— Вино съ водою мѣшать не люблю!

— Браво, браво!—захлопали кругомъ магнаты.—Слова пани мѣтки, какъ стрѣлы татарина.

Библиотека "Руниверс"

— Бьюсь объ закладъ на двадцать арабскихъ коней,—продолжалъ магнатъ,—что въ пани былъ влюбленъ какой-нибудь изъ этихъ дикарей, быть можетъ, и самъ Гуня или Павлюкъ. Если-бы пани была добра, она бы разсказала намъ этотъ интересный случай; я увѣренъ, что это было бы нѣчто въ родѣ Геркулеса, прядущаго по приказанію нимфы

Пани Викторія небрежно улыбнулась, хотя по лицу ея разлился нѣжный румянецъ.

— Почему панъ такъ думаетъ?—спросила она игриво, склоняясь головой на руку.—Но хорошо, что панъ вспомнилъ о приключеніяхъ. Я попрошу пана разсказать что-нибудь; разсказы его такъ остроумны и забавны, а я устала. Ну, я жду!—окончила она нетерпѣливо.

Панъ началъ разсказывать какое-то безконечное приключеніе.

Пани Викторія слушала разсѣянно и небрежно. Тихая ли ночь, обнявшая сквозь открытое окно ея пылающую головку, или какое то сладкое давнее воспоминаніе, выплывшее вдругъ неожиданно среди этой роскоши, пышности и суеты,—навѣяли на нее нѣжную мечту,—только рѣсницы ея опустились; по лицу разлился тихій покой, а полуоткрытыя уста такъ и застыли въ нѣжной, задумчивой улыбкѣ.

Между тѣмъ разговоръ у княжьяго стола принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ.

— Не надо войны, никакой войны ни съ какимъ бѣсовымъ батькомъ, не надо, да и баста!—кричалъ уже подвыпившій князь Заславскій, стуча своимъ келехомъ по столу.—Всѣ войны къ бѣсу, онѣ намъ въ убытокъ!

— Но государство имѣетъ свои интересы, которые стоятъ выше интересовъ частныхъ людей,—заявилъ негромко панъ Остророгъ.—Политика требуетъ...

— Какого мнѣ бѣса въ ихъ политикѣ!—перебилъ его князь Заславскій.—Мало ли чего они тамъ съ этою тонкою лисой понакрутятъ!—Долой война!

— Такъ, такъ! Згода, згода, не надо войны!—зашумѣли кругомъ магнаты.

— Однако, панство, позвольте!—поднялъ надменно голову князь Іеремія, и при звукѣ его холоднаго голоса умолкли всѣ взбушевавшіеся возгласы.

— Война есть рыцарская потѣха, и наши славные предки не прятали своего меча и не уклонялись отъ чужого. Война войнѣ рознь. Если она принимается за расширеніе границъ государства,

Библиотека "Руниверс"

за усиленіе его, я первый предложу мечъ свой. Но если это подвохъ, такъ я подниму мечъ на измѣнниковъ.

— Правда, правда!—зашумѣло панство.

— Если бы король поднялъ мечъ для завоеванія Крыма, чтобы Рѣчь Посполитая уперлась ногами въ Черное море, я бы благословилъ его.

— А къ чему намъ этотъ Крымъ? Что въ немъ?—допытывался совсѣмъ захмѣлѣвшій Заславскій.

— Ко всему! Въ немъ наше спасенье!—запальчиво отвѣтилъ Іеремія.—Если Крымъ ляжетъ у нашихъ ногъ, тогда эти подлые стражи козаки намъ не нужны. Мы ихъ сметемъ. А когда ихъ не станетъ, тогда и ваши хлопы умолкнутъ на вѣки и смирно будутъ вамъ землю пахать.

— По моему проще,—заявилъ съ конца стола толстый панъ,—вырѣзать козаковъ, выпороть хлоповъ и баста!

— Да, да!—подхватили не совсѣмъ, впрочемъ, дружно нѣкоторые голоса.

— Да благословитъ Господь благія намѣренія, освѣщающія головы панства!—провозгласилъ торжественно іезуитъ.

На лицѣ пана Остророга отразилось не то смущеніе, не то страданіе.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вельможнаго панства,—началъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, опуская глаза,—что такими жестокими мѣрами наша междоусобная война, такъ сказать, „bellum civile“, не прекратится, а возгорится еще сильнѣе. Козаки, терпящіе и такъ не малыя утѣсненія, возстанутъ съ еще большею горячностью и соединятся съ народомъ. Жестокость выкуетъ имъ мечъ.

При первыхъ словахъ Остророга панство оглянулось въ его сторону съ едва скрываемымъ недоброжелательствомъ и нетерпѣніемъ: Казалось, у каждаго въ головѣ промелькнула одна и та же мысль. „И какія еще тамъ добродѣтельныя сентенціи начнетъ распускать эта латинская машина?“—но при послѣдней его фразѣ шумъ негодованія поднялся кругомъ.

— O, Dei!—воскликнулъ патеръ,—кто станетъ слушать жалобы Гракховъ?

— Но Гракхи, велебный ксендже, подымали возмущеніе изъза хлѣба,—возвысилъ уже голосъ панъ Остророгъ, подымая свои голубые глаза, загорѣвшіеся теперь возмущеніемъ,—въ дѣлахъ, касающихся цѣлыхъ народовъ, нужно разсуждать спокойно, такъ сказать, „aequo animo“.

Библиотека "Руниверс"

— Не „aequo animo“, а „forti animo“. Это единственный способъ, достойный рыцарей и вельможъ!—перебилъ его громко князь Іеремія.

— Правда, правда!—загремѣло кругомъ панство.

Панъ Остророгъ окинулъ всѣхъ своими свѣтлыми вдумчивыми глазами и молча опустилъ голову.

— Посолъ отъ старосты Чигиринскаго, ясновельможнаго пана на Конецполѣ, Конецпольскаго, панъ Адамовичъ-Шпорицкій!—провозгласилъ въ это время громко слуга, распахивая широкія дубовыя двери.

Всѣ заинтересовались, притихли.

— Отлично!—буркнулъ пану-товарищу ротмистръ.

— А что?—не понялъ тотъ.

— Да вотъ, прибывшій гость—мой землякъ, литвакъ, я всю фамилію Адимовичей-Шпорицкихъ знаю.

— А!—протянулъ товарищъ и бросился къ какой-то паннѣ поднять упавшій платокъ.

Въ большой залъ князя Іереміи вошелъ стройный молодой шляхтичъ. Драгоцѣнная, залитая каменьями одежда лежала на его высокой стройной фигурѣ свободно и изящно; красивая свѣтловолосая голова была гордо отброшена назадъ, а синіе глаза глядѣли увѣренно и смѣло. При входѣ молодой магнатъ слегка остановился и окинулъ весь залъ пристальнымъ взоромъ; казалось, одно мгновеніе онъ взвѣшивалъ что-то. Одобрительный шепотъ пробѣжалъ по залѣ при входѣ молодого красавца. Гость сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, замѣтивши князя, приложилъ правую руку къ груди, а лѣвую опустилъ со шляпой почти до самой земли, отвѣсивъ полный достоинства и изящества поклонъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ его князь Ярема, вставая съ мѣста и опираясь рукой на высокую спинку кресла.—Надѣюсь, панъ привезъ намъ добрую вѣсть?

— Князю Іереміи не страшны и злыя вѣсти!—отвѣтилъ звонкимъ молодымъ голосомъ шляхтичъ и, вынувши толстый пакетъ бумаги, двинулся впередъ.

— Ахъ, кто это? Кто?—раздался громко встревоженный голосъ панны Викторіи, когда молодой шляхтичъ поравнялся съ круглою нишей, занятою паннами.

При звукахъ этого голоса молодой шляхтичъ вдругъ вздрогнулъ и остановился; по лицу его пробѣжало какое то мучительное выраженіе; онъ быстро оглянулся въ ту сторону, откуда донесся знакомый голосъ,—смертельная блѣдность покрыла его молодое лицо. Передъ нимъ въ глубинѣ амбразуры окна стояла, приподнявшись

Библиотека "Руниверс"

съ своего стула, блестящая пани Викторія. На одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, пани тихо вскрикнула и, закрывши глаза рукою, опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Отъ присутствующихъ не ускользнула эта непонятная сцена.

— Чтожъ это панъ остановился? — обратился нетерпѣливо Іеремія.

— Засмотрѣлся на нашихъ красавицъ,—усмѣхнулся князь Заславскій.

Молодой шляхтичъ сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе.

— Прошу прощенія у ясноосвѣщонаго князя и вельможнаго панства,—отвѣчалъ онъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ, подходя къ столу,—послѣ нашей тьмы, пышность и блескъ княжьяго двора ослѣпляютъ непривычное око.

— Однако, что съ княгиней?—засуетился подлѣ Викторіи молодой магнатъ.—Бьюсь объ закладъ, что это какой нибудь старый знакомецъ.

— Онъ такъ и замеръ на мѣстѣ, при видѣ ея ясной мосци, вставилъ другой.

— Удивительно было-бы, если-бы прошелъ равнодушно мимо,— вскрикнулъ горячо панъ товарищъ.

— Панство шутитъ все,—улыбнулась принужденно Викторія, отнимая отъ глазъ руку; на лицѣ ея еще видны были слѣды неулегшагося волненія.—Просто напомнилъ мнѣ панъ одного стараго пріятеля,—заговорила она нервно, стараясь придать своему голосу самый небрежный тонъ,—да, пріятеля, котораго уже нѣтъ, который умеръ давно.

— Тысячу перуновъ!—вскрикнулъ рѣзко Іеремія, бросая распечатанный пакетъ на столъ.—Не моя ли правда была, когда я панству толковалъ, что война съ татарами необходима уже потому, чтобы уничтожить эту буйную орду до тла!... Панъ Конецпольскій пишетъ мнѣ въ этомъ „листѣ“,—протянулъ онъ величаво руку, указывая на брошенный пакетъ,—что хлопство снова бунтуетъ, шайки Кривоноса, этого бѣглаго хлопа, разсѣялись въ моихъ владѣніяхъ, а самъ онъ засѣлъ въ моихъ плавняхъ.

— Мало того, осмѣлюсь доложить ясноосвѣщоному князю,— вставилъ громко молодой шляхтичъ,—подлый хлопъ поклялся и распускаетъ повсюду слухи, что до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ головы князя Іереміи и не сошьетъ себѣ изъ его благородной кожи сапогъ, онъ не остановитъ своего буйнаго движенія и обречетъ смерти всѣхъ и каждаго, попавшагося на его пути.

Княгиня Гризельда вскрикнула и почти упала на стулъ.

Библиотека "Руниверс"

— Панъ могъ-бы оставить и про себя эту гнусную новость,— метнулъ взбѣшенный Іеремія въ сторону шляхтича стальной взглядъ.

— Прости, ясноосвѣцоный княже, за передачу продерзостныхъ словъ подлаго хлопа,—поклонился посолъ,—но они показываютъ только, до чего возросла дерзость разбойника,—дерзость, требующая немедленной поимки этого звѣря и примѣрной кары надъ нимъ.

— Неслыханная дерзость! На „палю“ быдло!—зашумѣла кругомъ разгоряченная толпа.

— На меня, на Іеремію, осмѣлился подняться дерзкій хлопъ,— продолжалъ князь, выкрикивая слова,—на Іеремію, имени котораго дрожитъ Турція, Московія и Бахчисарай! Что-жъ ожидаютъ всѣ ваши „маѣтки“? Если онѣ еще не лежатъ пепелищемъ, то будутъ сожжены завтра, сегодня. Ваши жены будутъ проданы въ Крымъ. Вы сами попадете къ „быдлу“ на пали!..

— In nomen Patri et Fili et Spiriti sancti, да охранитъ насъ Святая Дѣва отъ вторженія исчадій ада!—поблѣднѣлъ патеръ.

— Быть можетъ, разбойникъ уже близко,—пропыхтѣлъ растерянно князь Заславскій, оглядываясь по сторонамъ.

— Проклятіе всякому, кто еще заступается за эту шайку, изъ-за которой никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Цѣлуйтесь теперь съ Кривоносомъ!—стукнулъ рукой по столу панъ Чарнецкій.

Бомба, упавшая среди залы, не произвела бы большаго смятенія, чѣмъ это слово „Кривоносъ“, раздавшееся теперь въ тысячѣ мѣстахъ. Панны, молодые магнаты, всѣ столпились вокругъ стола.

— Прошу панство не тревожиться,—остановилъ всѣхъ гордо и пренебрежительно князь Іеремія,—замокъ неприступенъ, жизнь моихъ гостей подъ моимъ кровомъ неприкосновенна. Въ оборонѣ замка 500 моихъ непобѣдимыхъ драгунъ, столько же возвратится изъ Жовновъ завтра,—по лицу молодого шляхтича пробѣжала какая то темная тѣнь,—всѣ они останутся въ замкѣ. На это быдло я выѣзжаю съ псарями и хлыстомъ!

— Князь слишкомъ увѣренъ,—вставилъ гордо молодой шляхтичъ, едва сдерживая какое-то непонятное волненіе,—не совѣтовалъ бы я выѣзжать на шайку Кривоноса съ псарями и хлыстами— они многочисленны.

Іеремія прищурилъ глаза и смѣрилъ своимъ надменнымъ взглядомъ съ ногъ до головы молодого шляхтича.

— Панъ или слишкомъ боится Кривоноса,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—или преклоняется передъ нимъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ тотъ спокойно,—я слишкомъ хорошо знаю эти буйныя головы, такъ какъ часто дрался съ

Библиотека "Руниверс"

ними, да и задача князя требуетъ многочисленнаго войска: нужно вѣдь окружить огромное пространство плавней и не дать уйти звѣрю!

— Да, да, упаси, Господи!—раздались тревожные голоса.

— Панъ съ ними дрался, но и князь Іеремія билъ ихъ нерѣдко,—подчеркнулъ Вишневецкій,—однако, если панъ знаетъ ихъ такъ близко, то, я надѣюсь, онъ не откажетъ мнѣ принять участіе въ облавѣ, которую я объявляю на завтра.

На лицѣ молодого шляхтича отразилось невольное смущеніе.

— За честь для себя почту выступить съ княжьими войсками,—произнесъ онъ съ легкою запинкой,—но я тороплюсь поскорѣе въ Чигиринъ: панъ староста наказалъ мнѣ возвратиться къ нему завтра обратно... Если ясный князь приметъ на себя ослушаніе мое передъ паномъ-старостой, то я могу указать княжьимъ войскамъ, гдѣ скрывается этотъ песъ.

— Хорошо!—кивнулъ головой Іеремія, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена.

Шляхтичъ отошелъ къ группѣ молодежи.

— Не узнаетъ меня панъ, что-ли?—протянулъ къ нему широкую руку панъ ротмистръ.

— Кажется,—смѣшался шляхтичъ,—гдѣ-то встрѣчались.—„Масловъ-Ставъ!“—мелькнуло у него молніей въ мозгу,—а, можетъ быть, я похожъ на кого-либо изъ панскихъ знакомыхъ?

— Да, какъ же, какъ же... знакомое лицо... земляки вѣдь,—трясъ руку шляхтичу длинноусый панъ ротмистръ.—Панъ вѣдь изъ Литвы?

— Изъ Литвы,—какъ-то тихо и робко отвѣтилъ посолъ.

— Изъ моей родины... Я панскій родъ весь знаю... со многими другъ и пріятель, панъ, вѣроятно, сынъ Януарія?

— Гм... вѣроятно,—процѣдилъ сквозь зубы посолъ.. „А, чтобъ тебя вѣдьма подрала съ твоимъ знакомствомъ... и прицѣпился же чортовый литвинъ!“—ругалъ онъ его мысленно, не зная, какъ отойти, улизнуть.

— Да?—обрадовался ротмистръ,—а какъ же поживаетъ панна Ядвига?

— Ничего себѣ,—осматривался по сторонамъ молодой шляхтичъ, подыскивая предлогъ отойти дальше —„Да помоги же святой Юръ!—напрягалъ онъ мозгъ свой съ мольбой,—вывези: свѣчку поставлю!—Э, впрочемъ, была,—не была!“—повернулся онъ рѣшительно къ пану ротмистру.

— Прости, пане, тутъ какое-то недоразумѣніе: я сейчасъ немного разсѣянъ, думаю все про этого пса Кривоноса, а панъ мнѣ повторяетъ незнакомыя имена.

Библиотека "Руниверс"

— Панъ какихъ Адамовичей знаетъ? Изъ какихъ мѣстъ? Изъ Боровки, Сосницы, что на Вилейкѣ, недалеко отъ Вильны, фамиліи—пана Януарія, пана Антося, пана Эдуарда, кажется, всѣ?

— Э, панъ ошибается,—засмѣялся небрежно шляхтичъ,—я не изъ тѣхъ, слышалъ про Вилейскихъ тоже, но они даже не родственники, а только одного герба.

— Странно,—пожалъ плечами панъ ротмистръ,—а мнѣ Антось божился, что во всей Рѣчи-Посполитой только и есть единственная вѣтвь фамиліи Адамовичей-Шпорицкихъ—это ихъ... а вотъ выходитъ и другая нашлась, а гдѣ же панская сидитъ?—любопытствовалъ таки панъ ротмистръ.

— Моя... далеко, пане, за Могилевомъ...

— А гдѣ-же именно? Тамошнія мѣста мнѣ тоже знакомы.

— „Провались ты въ тартары, „литовская бочка!“—ругнулъ почти вслухъ новаго, нежданаго пріятеля шляхтичъ,—“чтобъ ему выдумать?“—Изъ Рудни!—выпалилъ, наконецъ, онъ отчаянно.

— Изъ Рудни?—вытаращилъ глаза ротмистръ.—Изъ Рудни? Изъ моего роднаго села?

— Не изъ Рудни, а изъ Рудницъ,—поправился нагло шляхтичъ, и потомъ, не давши придти въ себя ротмистру, пожалъ ему руку, пробормотавъ, отходя,—во всякомъ случаѣ радъ, весьма радъ... А вотъ еще мой знакомый,—показалъ онъ неопредѣленно головою въ противоположный конецъ залы и скрылся между толпой.

Панъ ротмистръ такъ и остался, застывшій отъ изумленія, съ разставленными руками:

— Эй, что-то, голубчикъ, хвостомъ ты вертишь и улизываешь, какъ вьюнъ! Адамовичъ ли ты? Вотъ что!

Къ пану ротмистру подошли нѣкоторые изъ шляхты.

А молодой шляхтичъ пробирался безцѣльно впередъ и очутился незамѣтно возлѣ амбразуры окна, у котораго стояла пани Викторія, какъ окаменѣлая статуя; грудь ея вздымалась высоко и медленно, глаза не отрывались отъ молодого шляхтича, рука судорожно теребила платокъ... глубокое, необоримое волненіе охватывало всю ее властно.

Когда молодой шляхтичъ, потупивъ голову, подошелъ къ ней близко, она не удержалась и порывистымъ шепотомъ бросила къ нему лово: „Михасю!“

Это милое, давно забытое слово ударило шляхтича, какъ стрѣла, и заставило обернуться и вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Ты! Ты! Узнала!—прошептала Викторія, и на ея красивомъ лицѣ вспыхнулъ такой огонь радости и восторга, что у мо-

Библиотека "Руниверс"

лодаго шляхтича что-то дрогнуло въ груди и разлилось горячею волной по всѣмъ жиламъ.

— Я пани не знаю!—пересилилъ онъ все таки свое волненіе и отвѣтилъ холодно и небрежно.

— На Бога! Панъ по лезвію ходитъ,—шептала, смотря по сторонамъ, Викторія,—я... я... не врагъ...

— А, пани другъ? — улыбнулся презрительно шляхтичъ, но въ это время обратился къ нему рѣзкимъ голосомъ князь Ярема:

— Проше, пане посолъ!—махнулъ онъ рукою.

Молодой шляхтичъ подошелъ безпечно и элегантно.

Пани Викторія двинулась тоже и остановилась за княземъ Вишневецкимъ, между толпой молодежи.

— Панъ давно изъ Чигирина?—спросилъ, прищуривъ глаза, князь Ярема.

— Третьяго дня выѣхалъ, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ бойко шляхтичъ.

— И панъ Конецпольскій былъ дома?—улыбнулся князь.

— Куда-то собирался... мнѣ неизвѣстно,—замялся шляхтичъ.

— Странно, что онъ послу своему не сообщилъ, гдѣ будетъ находиться... Мнѣ могла придти мысль навѣдаться къ нему...

— Да, вѣроятно, дома, ясный княже! — снова ободрился шляхтичъ.

— Еще страннѣе!—нахмурилъ брови Іеремія.—Развѣ пану не извѣстно, что Чигиринскій староста выѣхалъ въ Варшаву на свадьбу Радзивила, и, кажется, не три дня назадъ... а болѣе?..

Одно мгновеніе шляхтичъ почувствовалъ, какъ сердце его перестало биться, а кровь замерла въ жилахъ, но это было лишь мгновеніе.

— Панъ-староста не считаетъ нужнымъ сообщать подчиненнымъ о своихъ намѣреніяхъ...—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою наглостью.—Быть можетъ, потому панъ-староста и потребовалъ моего немедленнаго возвращенія, чтобы въ его отсутствіе было вѣрное лицо у подстаросты.

— Возможно...—протянулъ князь Іеремія, пронизывая шляхтича насквозь своими сѣрыми, злыми глазами.—Хорошо, увидимъ!.. Во всякомъ случаѣ панъ у меня останется гостемъ,—подчеркнулъ князь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Потомъ, поднявшись со стула, громко заявилъ всѣмъ:

— Панове! на утро походъ! Кто желаетъ принять участіе въ нашей облавѣ, прошу всѣхъ подъ мою хоругвь!

Громкіе бурные возгласы покрыли оглушительнымъ шумомъ его слова.

Библиотека "Руниверс"

Гости двинулись за княземъ въ другіе покои.

Блѣдная, съ искаженными отъ ужаса чертами лица, съ блуждающими глазами, стояла въ сторонѣ пани Викторія, готовая крикнуть кому-либо: „На помощь! Во имя Бога!“ Она чувствовала, какъ все кружилось въ ея головѣ, какъ внутри ея жгло, и, ломая себѣ безсознательно руки, шептала только: „Что дѣлать? Что дѣлать! Погибъ!“. Вдругъ глаза ея замѣтили сѣдого ротмистра, остановившагося невдалекѣ.

— На Бога!—рванулась она къ нему и заговорила прерывистымъ шепотомъ:—Вамъ я могу довѣриться, какъ новому другу, отъ васъ зависитъ спасеніе моего добраго имени... Но моя честь... моя жизнь...

Панъ-ротмистръ взглянулъ на блѣдное, взволнованное лицо пани и не заставилъ повторить просьбы.—Положитесь на меня,—шепнулъ онъ,—головы лишусь, а не выдамъ!

— Спасибо!—произнесла она, сдавивъ ему руку.—Остановите поскорѣе... вонъ того новаго посла.. во имя Матки Найсвѣнтшей, остановите!.. Пусть онъ пойдетъ ко мнѣ только на два слова... отъ этого зависитъ... да, моя жизнь!

— Все будетъ сдѣлано!—увѣренно сказалъ ротмистръ и скрылся въ толпѣ.—„Однако,—кружились у него въ головѣ мысли,—посолъ-то этотъ, видно, штучка: и относительно деревни вретъ, и такую „сличную“ пани пугаетъ до смерти... Нѣтъ, братъ, я тебя не спущу съ глазъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ смертельно взволнованною паней Викторіей молодой шляхтичъ въ почтительно-насмѣшливой позѣ, а въ глубинѣ залы за колоннами виднѣлась на стѣнѣ безобразно-длинная колеблющаяся тѣнь пана ротмистра.

— Чѣмъ могу служить пани?—спросилъ холодно и церемонно молодой шляхтичъ.

— Вотъ ключъ,—протянула она судорожно руку,—во имя всего святого, Михась, будь въ сѣверной башнѣ... черезъ годину... я буду тамъ .

— Таинственное свиданіе!—захохоталъ беззвучно посолъ.

— Не оскорбляй!—съ мольбой протянула Викторія руки.

— А! испугалась за свое имя?—оледенилъ онъ ее презрительнымъ взглядомъ.

— Не обо мнѣ рѣчь, но о тебѣ,—задыхаясь отъ волненія, но годдо отвѣтила пани,—о твоемъ спасеніи... жизнь твоя на волоскѣ! Завтра будетъ поздно!

Какъ окаменѣлый, стоялъ Чарнота посреди отведенной ему комнаты, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, что предпринять?

Библиотека "Руниверс"

Мысли у него мѣшались: тысячи различныхъ плановъ и предположеній росли, подымались въ мозгу, словно волны прибоя, но, какъ волны прибоя, онѣ и разбивались о скалы, при одномъ воспоминаніи о несомнѣнной западнѣ, въ которую онъ попалъ. Одно было, какъ Божій день, ясно, что нападеніе на замокъ при наличномъ числѣ гарнизона и прибывшихъ командъ было невозможно, безумно! Мысль о бѣгствѣ изъ замка сегодня же, ночью, приходила ему нѣсколько разъ, но какъ ни изощрялъ Чарнота своего остроумія, а долженъ былъ, наконецъ, согласиться, что сдѣлать это при всей предосторожности, при самой отчаянной храбрости было немыслимо. Оставалась одна только надежда на завтра: и то, если возьметъ съ собою въ походъ князь,—тогда бы можно было завести куда-нибудь панство въ непролазную пущу или въ такое болото... А батька Максима натравить на застрявшаго въ болотѣ Ярему .. Вотъ была-бъ потѣха,—ужъ на что лучше! Конечно, меня-бы онъ велѣлъ искромсать, да за такое дѣло—любо! А то еще, чего добраго, въ суматохѣ и улизнуть-бы было возможно... Да, да,—оживился Чарнота,—птицу на волѣ, а козака въ полѣ кто поймаетъ? Но возьметъ-ли Ярема съ собой?—вотъ въ чемъ рѣчь! Да, эта рѣчь съ гвоздемъ!... А теперь, какъ дать знать товарищамъ, чтобы сидѣли тихо, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдали себя „вартѣ“... Имъ-то наказалъ я строго, чтобы до выстрѣла не смѣли и писнуть, а поили-бы до мертва „варту“, а главное воротаря, чтобъ послѣ сигнала могли сами спустить мостъ и отворить „браму“... А тѣмъ, тѣмъ въ мѣшкахъ какъ сказать... задохнутся, пожалуй... Нѣтъ, выдержатъ .. не въ такихъ передѣлкахъ бывали... Но вѣкъ-же сидѣть нельзя... Нападеніе ночное невозможно... Кривоносъ стоитъ подъ замкомъ... ему нужно дать знать... иначе завтра его могутъ обойти... я то могу и остаться; „разъ, вѣдь, умирать, а не двичи“, а товарищамъ нужно дать знать... Ахъ, Господи, что дѣлать?... только бы передать... шепнуть два слова, но какъ? На дверяхъ стража... Въ окно!—почти вскрикнулъ онъ.—Высоко... ничего... ночь темная... можно связать поясъ...—Чарнота началъ поспѣшно разматывать огромный шелковый поясъ, обвивавшій нѣсколько разъ его фигуру.

„Хватитъ, хватитъ...—шепталъ онъ тихо, лихорадочно,—а тамъ и спрыгнуть можно... треснутъ немножко кости,—не бѣда!“ Чарнота подошелъ къ окну, распахнулъ осторожно раму, перегнулся, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣлявшее его отъ земли, и отскочилъ съ проклятіемъ назадъ: подъ окномъ, при слабомъ мерцаніи одинокихъ звѣздъ, онъ замѣтилъ тяжелую и неподвижную фигуру латника съ длиннымъ копьемъ. Сердце замерло у Чарноты,

Библиотека "Руниверс"

и морозъ пробѣжалъ по спинѣ до самыхъ пятъ... Западня!... Западня.

Прошло нѣсколько минутъ мучительнаго, безсильнаго оцѣпенѣнія.

— А, проклятье!—воскликнулъ онъ, наконецъ, сжимая рукоятку своей сабли,—что-жъ теперь дѣлать? Что предпринять?...

Положимъ, онъ приказалъ Вернигорѣ не начинать ничего до его появленія... Но кто можетъ поручиться за ихъ буйныя, неудержимыя натуры? А Кривоносъ?... О, тысячи тысячъ чертей и столько-же лысыхъ вѣдьмъ!... какъ ихъ увѣдомить?... какъ дать имъ знать? Нѣсколько разъ прошелся онъ въ волненіи по комнатѣ... А пани Викторія?... Какъ расцвѣла, похорошѣла, какъ пышный макъ! Узнала... и поблѣднѣла... У! панская лядская душа!... Что-жъ, тѣшится теперь съ своимъ старымъ чортомъ! Ха, ха, ха! И онъ могъ когда-то „кохать ее“?... Думалъ назвать своею „дружиной“?... Ухъ!... Гадина... съ горящими глазами: за „почтъ“, за роскошь продала и сердце, и красу!

Чарнота снова обвязался поясомъ, засунулъ за него дорогой пистолетъ и остановился у окна. Тихій вѣтеръ пахнулъ ему прохладой въ разгоряченное, взволнованное лицо и приподнялъ взъерошенную „чуприну“. Нѣсколько минутъ козакъ стоялъ молча, закусивши губу и скрестивши на груди руки... На лицѣ его, всегда безпечномъ и удаломъ, отразилось теперь выраженіе глубокой и тяжелой муки. Казалось, какія-то давнія, забытыя воспоминанія нахлынули бурею на молодое сердце козачье... Наконецъ, глубокій вздохъ вырвался изъ его груди... „Минуло!—произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Одна ты теперь у меня и „дружина“ и „пора́дница“!—опустилъ онъ руку на эфесъ своей сабли.—Ты не измѣнишь, не промѣняешь на пана „щираго коханца“!... Чарнота снова прошелся по комнатѣ и снова остановился у окна. „Однако, просила придти, молила, говорила, что должна сказать что-то. Что это, неужели новая слабость?“—отступилъ онъ.

„Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ козакъ, усмѣхнувшись горькою улыбкой.—Что разъ похоронено, того не воскресить никогда! Только-жъ тутъ больно какъ,—сжалъ онъ свое сердце руками,—охъ, обида, обида!... Да что тамъ вспоминать?“ Чарнота безнадежно махнулъ рукой и устремилъ глаза въ темную даль сада; на концѣ его мрачнымъ силуэтомъ вырѣзывалась круглая замковая башня съ острымъ высокимъ шпилемъ, на которомъ свѣтлою красноватою точкой виднѣлся фонарь.

„Ахъ, тамъ они!—сказалъ, подойдя къ окну ближе, Чарнота,—и ничего не знаютъ, надъ ними мечъ, а я тутъ безсильно злобствую и

Библиотека "Руниверс"

ничего этой башкой не придумаю. Стой!—ударилъ онъ себя рукой по лбу,—она говорила что-то о спасеніи, быть можетъ, знаетъ ,,лехъ", тайный ходъ, пойти спросить, не для себя,—вскинулъ онъ гордо голову,—для нихъ, для товарищей. Да, пойти, пойти,—сверкнули глаза Чарноты въ темнотѣ,—и сказать ей, панской продажницѣ, какъ онъ, ,,козакъ-нетяга", ненавидитъ ее, презираетъ".

Чарнота быстро повернулся и распахнулъ тяжелую дверь. Въ замкѣ все спало. Утомленное крикомъ и пьянствомъ вельможное панство храпѣло безпечно подъ охраной башенъ, рвовъ и ,,гарматъ". Затаивъ прерывистое непослушное дыханіе, двинулся Чарнота по корридору, вспоминая дорогу, указанную ему Викторіей. Въ одномъ мѣстѣ ему показалось, что на высокихъ сводахъ корридора заволновалась какая-то посторонняя тѣнь, но, оглянувшись пристально, онъ рѣшилъ, что это лишь глупая игра воображенія. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной башнѣ, волненіе поднималось въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ его усилія, сердце въ его груди бьется все тревожнѣе, неудержимѣе, горячѣе...

,,Да цыть ты, подлая ,,ганчирка!"—сказалъ, сцѣпивши зубы, козакъ и ударилъ себя со всей силы въ грудь кулакомъ,—или я пройму тебя тутъ-же своей карабелой. Слышишь, подлое? Цыть"!

Но не слушалось молодое сердце.

Вотъ онъ остановился у маленькихъ низкихъ дверей. Слабый свѣтъ фонаря вырывался изъ замочной скважины тонкою предательскою полоской. Здѣсь!—пронеслось въ головѣ козака. На минуту онъ еще остановился и распахнулъ, наконецъ, настежъ дверь.

Небольшой потайной фонарикъ тускло освѣщалъ маленькую, сводчатую комнату. Въ глубинѣ ея, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу окна, стояла пани Викторія.

При первомъ стукѣ она вздрогнула и быстро повернулась. Чарнота притворилъ дверь и остановился при входѣ. Нѣсколько минутъ они молча стояли, не отрывая глазъ другъ отъ друга. Наконецъ, Чарнота отвѣсилъ низкій и церемонный поклонъ, и, смѣривши Викторію холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, спросилъ насмѣшливо:

— Ну? что-жъ вельможной пани угодно было сказать мнѣ?.. Я жду.

Викторія поблѣднѣла.

— Оставь!... Не будемъ играть другъ съ другомъ!—проговорила она прерывисто, едва держась за подоконникъ окна.—Михайло, я узнала тебя!...

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ ничего мудренаго, я все тотъ-же, ,,лядскія“ прикрасы не измѣнятъ меня,—усмѣхнулся Чарнота.

— Стой! Не язви! Время идетъ... Скажи, зачѣмъ ты здѣсь?—продолжала Викторія съ возрастающимъ волненіемъ.—Я знаю твою безумную голову: твой пріѣздъ... твой уборъ, все это не даромъ... ты рискуешь жизнью...

Чарнота смѣрилъ ее взглядомъ и, забросивши гордо голову, произнесъ холодно и надменно:

— А что-жъ до этого вельможной пани?

— Пресвятая Дѣва!—прошептала Викторія, сжимая съ мольбой руки.—Я слыхала, какъ Іеремія отдалъ распоряженіе не спускать тебя съ глазъ,—продолжала она снова задыхающимся шепотомъ.—Знаешь-ли ты, что это значитъ? Знаешь-ли ты князя Іеремію? Жизнь твоя на волоскѣ!

На лицѣ козака не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Ну, что-жъ, посадятъ на палю!... Ужъ не пани-ли будетъ печалиться обо мнѣ?

— Михайло! вырвалось у Викторіи съ горечью,—не говори такъ, я отъ муки умру!

— Ха, ха!—усмѣхнулся козакъ и насмѣшливо, и горько.—Что-жъ это вельможная пани такъ поздно стала жалѣть обо мнѣ? Или вельможный панъ уже пріѣлся, или слишкомъ старъ?

Викторія взглянула на него своими расширившимися отъ волненія и ужаса глазами и отступила назадъ. Плечи ея задрожали: изъ груди вырвалось судорожное рыданіе. ,,За что?... за что? за что?“—прошептала она надорваннымъ, безсильнымъ голосомъ, прислоняясь къ стѣнѣ.

Нѣсколько мгновеній длилось тяжелое молчаніе, нарушаемое лишь порывистымъ дыханіемъ козака.

Наконецъ, Чарнота заговорилъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ, стараясь превозмочь охватившую его дрожь:

—За что? Ты еще спрашиваешь, за что? А за что ты играла со мной? За что ты дурила меня? За что ты ,,зневажыла“ мою первую и послѣднюю любовь?

— Я любила тебя... тебя одного,—прошептала тихо Викторія, отнимая руки отъ лица.

— Любила? Ха-ха-ха!—разсмѣялся горько козакъ,—любила и отдалась за ,,гроши“ другому.

— Михайло, ты знаешь... Богъ видитъ, не я .. принудили...

— А, ,,лядская“ вѣрность,—продолжалъ горячо козакъ,—любила и не посмѣла ослушаться батька? Побоялась уйти со мной и довѣриться мнѣ? ,,Жартуешь“ ты, вельможная пани... Тебѣ-ли

Библиотека "Руниверс"

кого-нибудь ,,кохать“? Да знаешь-ли ты,—продолжалъ онъ съ загорающеюся страстью,—знаешь-ли ты, бѣдная, въ самоцвѣты закутанная кукла, что если-бы ты мнѣ сказала только тогда: ,,Михайло, люблю тебя, бери меня съ собой!“—изъ пекла бы вырвалъ, со дна моря бы вынесъ, у Бога въ раю, слышишь, пани, нашелъ бы я тебя, и не разлучилъ бы меня съ тобой никто ни на жизнь, ни на смерть.

— Михайло!—рванулась къ нему Викторія.

— Годи!—отступилъ Чарнота, тяжело дыша и отстраняя ее рукой,—то было, пани, было, но прошло.

Лицо Викторіи сначала вспыхнуло горячимъ румянцемъ, затѣмъ поблѣднѣло, какъ полотно. Мгновеніе она боролась съ собой, но, наконецъ, заговорила снова глубокимъ и печальнымъ тономъ:

— Охъ, повѣрь же мнѣ, повѣрь мнѣ хоть въ этомъ словѣ,—забросила она свои бѣлыя руки и сжала ими пылающую голову.—Какую муку вынесла я, когда узнала, что ты на Запорожье ушелъ! Словъ нѣтъ разсказать тебѣ, сколько тяжкихъ слезъ пролила я! Я думками за тобой всюду летала, я отъ тоски извелась... Охъ, Михасю, Михасю! Когда бы не люди, которыхъ ко мнѣ приставилъ батько, я бы давно нашла свою смерть!

— И нашла вмѣсто нея мужа! Ха-ха-ха!—разразился глухимъ смѣхомъ Чарнота.—Что-жъ это, пани, отъ слезъ или отъ тоски?

— Не своею волей, что-жъ было дѣлать мнѣ? Меня принудилъ батько.

— Покорная, ,,слухьяная“ дочка. Коханца утеряла и замужъ за стараго магната пошла для батька!—крикнулъ Чарнота яростно.—А знаешь-ли ты,—заговорилъ онъ вдругъ, задыхающимся, безумнымъ шепотомъ, хватая ея руку и сжимая до боли.—Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ наши дивчата, когда ихъ противъ воли тянутъ въ панскій покой? Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ онѣ потомъ съ собой? Подъ лозы въ тихій омутъ, арканъ на шею. А ты?—оттолкнулъ онъ ее съ силою,—ну, что-жъ не спѣшишь къ старому мужу?

Викторія гордо выпрямилась, въ глазахъ ея блеснулъ оскорбленный огонь и, отступивши назадъ, она заговорила твердо и смѣло:

— Что-жъ, и вышла. Да, своею волей пошла! Когда у человѣка отнимутъ любовь, остается еще одна страсть, сильная и могучая, какъ и она! Жажда власти! Тебѣ-ли не знать ее? Да, я вышла за стараго магната, вышла для того, чтобы имѣть власть и силу, чтобы отомстить имъ всѣмъ за то униженіе и безсиліе, которое я несла до сихъ поръ!—и на щекахъ Викторіи вспыхнулъ горячій румянецъ.—Теперь я сильна и свободна! Жизнь свою продала я мужу, но сердце не продамъ никому!

Библиотека "Руниверс"

Чарнота молчалъ, не отрывая глазъ отъ Викторіи. Два разнородныя чувства боролись мучительно въ немъ: презрѣніе, ненависть и непобѣдимый восторгъ передъ этою смѣлою, дерзкою красотой. Нѣсколько разъ онъ бросалъ бѣглый взглядъ въ высокое окно, изъ котораго видно было въѣздную башню и красный фонарь, но что-то могучее и бурное уже овладѣвало безраздѣльно его мыслями, отуманивая и память, и мозгъ.

— Не бойся, Михайло. Любви твоей я не требую!—продолжала еще горячѣе Викторія!—Одно только говорю тебѣ: я любила тебя, люблю и не перестану любить!

— Втайнѣ отъ магната, чтобъ не узнали паны?—стиснулъ зубы Чарнота.

— Что мужъ? Что панство? Да я не боюсь всему міру сказать... Тебя люблю, тебя одного,—почти шептала она, протягивая къ нему руки.

— Годи, пани!—отступилъ еще разъ Чарнота, чувствуя, что теряетъ волю надъ собой, но было уже поздно.

Охватило козака полуденнымъ зноемъ, обвились вокругъ его шеи руки Викторіи.

— Желанный мой, ,,коханый'' мой, не мучь, не мучь меня больше,—шептала она, прижимаясь къ его лицу пылающими щеками.—Ты любишь, ты любишь меня! Вѣдь, любивши такъ, невозможно забыть. О, нѣтъ, довольно, не отстраняй меня, не хмурь бровей, зачѣмъ отталкивать свое счастье? Сегодня нашъ рай, а кто знаетъ, что принесетъ намъ завтрашній день?

— Оставь, пусти!—слабо уже вырывался Чарнота, но бѣлыя цѣпкія руки охватили его шею еще страстнѣе, и гибкое тѣло Викторіи прильнуло еще горячѣе къ его груди.

— Забудь, забудь все на свѣтѣ,—продолжалъ молодой, опьяняющій голосъ.—Ты первый, ты и послѣдній. Въ моемъ сердцѣ не было и не будетъ другой любви. Смотри, вотъ уходитъ тихая ночь, тамъ настанетъ шумное утро... Ахъ, день несетъ съ собою такъ много золъ и хлопотъ! Михасю, быть можетъ, это единая ,,мыть'' счастья, которая блеснула намъ за всю нашу жизнь? О, милый, ненаглядный, ,,коханый'' мой!—закинула она свою огненную головку.—Хоть взгляни-жъ на меня ласковымъ окомъ. Неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни жалости, ни ласки?—и на глазахъ ея блеснули слезы.—Смотри, я люблю тебя, я умираю отъ любви!

— Викторія,—произнесъ страстно Чарнота,—да пропадай же пропадомъ все!—и онъ покрылъ ее всю порывистыми, жгучими поцѣлуями...

— Ахъ, что я? Пусти!—рванулся Чарнота, приходя наконецъ, въ себя, но безумныя объятія Викторіи гипнотизировали его волю.

Библиотека "Руниверс"

— Ты опять?—отстранила она головку отъ его груди и, глянувши ему въ глаза, съ безконечно нѣжною улыбкой прошептала тихо:

— Да развѣ ты не видишь, жизнь моя, счастье, что теперь ты моя жизнь... одинъ, одинъ... въ тебѣ мое дыханье!

— А мужъ?

— О, нѣтъ!... ты—мой мужъ, ты—мой „коханый“!—воскликнула горячо Викторія, изгибаясь, какъ кошка, и ища жадными устами лобзаній.

Нѣсколько минутъ козакъ молчалъ, тяжело дыша; грудь высоко подымалась, казалось, что въ немъ происходила послѣдняя мучительная борьба. Наконецъ, онъ заговорилъ клокочущимъ, рвущимся голосомъ:

— Викторія, Викторія! Я все забываю... я вѣрю тебѣ... Что обманывать? Люблю тебя безъ ума, безъ души. Но если ты меня любишь, уйдемъ отсюда... отъ мужа, отъ панства навсегда, навсегда... Ты знаешь какой-то лазъ, уйдемъ со мной... ввѣрься мнѣ! Я буду любить тебя, какъ только возможно любить человѣку. Я окружу тебя роскошью, нѣгой, я вѣтру на тебя дохнуть не дамъ... Отъ огня солнца укрою. Уйдемъ, Викторія, скорѣе!—сжималъ онъ ее порывисто въ своихъ объятіяхъ.—Будь мнѣ вѣрной и честной „дружиной“ на всю жизнь, на всю жизнь!

— Богъ мой! Счастье мое! Утѣха моя!—охватила его голову Викторія и прижалась къ его горячимъ устамъ.

Чарнота покрылъ безумными поцѣлуями ея лицо, ея плечи, ея грудь...

— Идемъ, идемъ скорѣе!—шепталъ онъ, бросая тревожные взгляды на башенный фонарь.—Оставь это подлое панство, будь моею безраздѣльно и передъ Богомъ, и передъ людьми! Мы уйдемъ такъ далеко, гдѣ никто насъ не догонитъ и не отыщетъ... Разстанься съ своимъ панствомъ, довѣрься мнѣ!...

— Зачѣмъ уходить?—прильнула къ нему еще страстнѣе Викторія.—Милый мой, коханый, хорошій! Я тебя выгорожу и такъ. Ты знаешь, что князь обожаетъ Гризельду. Гризельда—моя подруга: два слова скажу, и ты будешь свободенъ.

Чарнота вздрогнулъ, отшатнулся и пристально взглянулъ на Викторію, но она не замѣтила его взгляда и продолжала еще нѣжнѣе, ласкаясь и прижимаясь къ нему:

— Милый мой, ненаглядный, ты поступишь въ наши хоругви. Теперь сеймы, потомъ усмиренія хлоповъ. Мужъ мой рѣдко бываетъ дома, да и кто знаетъ, что намъ готовитъ на дальше судьба?

— Что-о?—прошепталъ, задыхаясь, Чарнота и лицо его страшно поблѣднѣло, а синіе глаза сдѣлались почти черными.—Опять предлагаешь обманъ и шельмовство? Мало, осмѣлилась пред-

Библиотека "Руниверс"

ложить „зраду“! А, теперь то я тебя вижу! Но ты промахнулась, вельможная пани, не на такого напала! „Геть“ отъ меня,—оттолкнулъ онъ ее гадливо и съ такою силой, что Викторія пошатнулась и едва удержалась за подоконникъ окна.—„Геть“!—крикнулъ онъ яростно,—лядская у тебя кровь и лядская душа!

— Михайло!—рванулась было Викторія

— Ни слова! Гадина!—перебилъ ее бѣшено Чарнота.—Я ненавижу, я презираю тебя!

— А, такъ-такъ? Постой, Михайло, не торопись на „зневагу“, на униженіе,—заговорила она медленно глухимъ, дрожащимъ голосомъ, выпрямляясь во весь свой ростъ, блѣдная, съ горящими глазами, съ оскорбленнымъ, дышащимъ гнѣвомъ лицомъ.—Не торопись, говорю тебѣ, подумай. Знаешь ли ты месть отвергнутой женщины?—впилась она въ него глазами.—Знаешь ли ты, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ?

— Угроза?—улыбнулся, прищуривъ презрительно глаза, Чарнота.

— Нѣтъ, не угроза, а правда... я не пощажу, коли такъ, и себя. Ужъ коли такая обида, коли мое сердце разбито, такъ что мнѣ жизнь?—И она быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ выхватила у него изъ-за пояса пистолетъ и, выставивши въ незастекленную желѣзную раму, выстрѣлила на воздухъ.—Пусть накроютъ меня съ тобой!

— Проклятье!—вскрикнулъ Чарнота, бросаясь къ окну.—Что ты надѣлала?

Онъ быстро взглянулъ въ окно, и снова крикъ ужаса вырвался у него изъ груди: фонарь, висѣвшій на вершинѣ башни, судорожно заколебался и полетѣлъ съ высоты внизъ, и въ то же время донесся до него поднявшійся у „брамы“ крикъ и звукъ сабель.

— Они погибнутъ!—вырвался у него вопль изъ груди.

— Ага, измѣнникъ!—вскрикнула бѣшено Викторія, хватая его за руку —Теперь ты не уйдешь отъ меня!

— Мало!—отступилъ отъ нея гордо Чарнота, и произнесъ громко и смѣло.—Я Чарнота, разбойникъ, товарищъ Кривоноса. Ну, спѣши-жъ теперь къ своему князю и скажи ему, что мы прибыли сюда для того, чтобы выжечь весь замокъ и истребить всѣхъ васъ до единаго.

— Ай, Матка Свѣнта!—воскликнула съ невыразимымъ ужасомъ Викторія, какъ подстрѣленная птица, зашаталась и, хватаясь за стѣну, опустилась на полъ.

Окна башни начали мигать огнями. Послышалась тревога.

— Проклятье!—шепталъ Чарнота, задыхаясь и потрясая съ усиліемъ рѣшетчатое окно,—все погибло! Смерть, ужасъ, безчестье! А!..—трясъ онъ съ остервенѣніемъ желѣзную раму. Лицо его по-

Библиотека "Руниверс"

крылось багровымъ румянцемъ, на лбу надулись жилы.—Проклятье! пекло!—крачалъ онъ бѣшено, но рама не поддавалась. Крикъ и шумъ въ „замчищѣ“ принимали все болѣе угрожающіе размѣры. Вотъ по двору замелькали фонарики.

— Куда ты? Я не пущу тебя!—вскрикнула Викторія, приходя въ себя и замѣтивъ, что Чарнота стоитъ на окнѣ.—На Бога! Тамъ вѣрная смерть, я спасу, я спрячу тебя!—поползла она къ нему.

— Не подходи, змѣя!—оглянулся на нее изступленный Чарнота, потрясая съ нечеловѣческимъ усиліемъ раму.—Позоръ! Предательство!

— На Бога, на Панну!—захлебывалась съ рыданьемъ Викторія, ломая руки и ползая у ногъ Чарноты.—Я спасу тебя, я спрячу! Князь—„катъ“, пекельныя муки!

— Пусти!—Я товарищей не брошу! вырвался отъ нея Чарнота, но цѣпкія руки судорожно охватывали его, мѣшая свободѣ движеній.

— Ай! не удержу тебя! Ты уйдешь, ахъ, смотри, то князь Іеремія!—вскрикнула обезумѣвшимъ голосомъ Викторія, увидѣвши князя во главѣ своихъ латниковъ, быстро мчавшагося къ воротамъ.—Смерть, смерть, смерть!—закричала она, цѣпляясь въ безпамятствѣ за одежду Чарноты.

— Прочь или я убью тебя!—оттолкнулъ ее Чарнота съ такою силой, что она плашмя упала на полъ.

— Езусъ-Марія! „Ратуйте!“—взвизгнула Викторія съ послѣднею отчаянною надеждой, протягивая руки къ Чарнотѣ, но онъ уже былъ на окнѣ. Рама, наконецъ, распахнулась и сорвалась со звономъ. Освѣщенный огненнымъ заревомъ, козакъ готовъ былъ ринуться внизъ, какъ вдругъ чьи то сильныя, тяжелыя руки схватили его сзади за плечи, и онъ, потерявъ равновѣсіе, грохнулся замертво со всей высоты головою объ полъ.

XXXI.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богданъ вернулся домой и Марылька водворилась въ семьѣ. За это время уже къ ней попривыкли немного, а сначала пріѣздъ польской панны поразилъ было всѣхъ и послужилъ на цѣлую недѣлю матеріаломъ для всевозможныхъ хуторскихъ толковъ. Хотя Богданъ и объяснилъ съ первыхъ словъ, что великій канцлеръ и наияснѣйшій круль принимаетъ въ этой сироткѣ большое участіе, даже просили его, Богдана, взять ее подъ свое покровительство, какъ спасенную имъ же отъ

Библиотека "Руниверс"

смерти, но всѣмъ казалось страннымъ, во-первыхъ, то, что дочь польскаго „можновладца“ поручается въ опеку козаку, а во-вторыхъ, что объ этомъ спасеніи до сихъ поръ никому не было извѣстно.

Жена Богдана встрѣтила Марыльку привѣтливою улыбкой, довольная тѣмъ, что ея мужъ почтенъ довѣріемъ и лаской наияснѣйшихъ особъ, а главное, что онъ вернулся, что Царица Небесная сжалилась надъ ея мольбами, послала ей въ послѣднія минуты скорбной жизни отраду увидѣть дорогого Богдана, сказать ему прощальное слово и сомкнуть при немъ на вѣки глаза.

Положеніе больной уже было смертельно. Удушье не давало ей ни сна, ни минутнаго даже покоя; высохшее до ужасающей худобы желтое лицо ея почти утопало въ высоко взбитыхъ подушкахъ, руки неподвижно лежали, какъ тонкія плети, на „колдрѣ“; подъ складками его обрисовывался вспухнувшій непомѣрно животъ и протянутыя бревнами ноги, только теплящійся огонь блуждающихъ очей, глубоко запавшихъ въ орбиты, да судорожно подымавшаяся грудь обнаруживали въ этомъ немощномъ тѣлѣ послѣднюю борьбу угасающей жизни.

Марылька подошла благоговѣйно къ страдалицѣ, опустилась на колѣни и поцѣловала ей почтительно руку; больная съ страшнымъ усиліемъ положила обѣ руки на голову панночки и прошептала слабо:

— Спасибо, панно... они тебя полюбятъ... У него,—повела она на Богдана глазами,—золотое сердце.

— А я то,—закрыла руками свои очи Марылька,—уже всѣмъ сердцемъ люблю васъ и всѣхъ... всѣхъ. Вѣдь я сирота, никого нѣтъ у меня... и ласки я не видала. Да наградятъ васъ Богъ за нее...

Голосъ ея порвался, и она, вздрагивая и всхлипывая, отошла къ окну.

Всѣ были тронуты. Неласково и недоброжелательно устремленные на Марыльку взоры засвѣтились болѣе теперь теплымъ чувствомъ. Ея вкрадчивый, чарующій голосъ и прорвавшееся горе подкупили всѣхъ сразу, а Марылька, распросивши потомъ про болѣзнь своей новой мамы, заявила, что она сможетъ, при помощи Божіей, облегчить ей страданія, что такою же болѣзнью была больна и теща Оссолинскаго, при которой она состояла неотлучною сидѣлкой, и что она припрятала многія травы и „ліки“, привезенныя чужеземными знахарями для ея княжьей мосци.

Баба воспротивилась было вмѣшательству въ сферу ея дѣятельности, протестуя, что всякое чужеземное зелье, собранное безъ

Библиотека "Руниверс"

надлежащей молитвы, не чисто; но утопающій хватается вѣдь за соломенку, да и Богданъ притопнулъ на бабу.

Марылька сварила траву и дала выпить больной раза три этой настойки, подсунувши маму, при помощи Богдана, повыше; и полусидячее, болѣе удобное положеніе, и новое снадобье облегчили видимо страданія умирающей: она вскорѣ затихла и заснула спокойно.

Баба, глядя на это, только качала головой да бросала исподлобья сердитые взгляды на эту новую ляшскую знахарку, а Марылька торжествовала, да и Богданъ вмѣстѣ съ ней,—онъ былъ умиленъ ея горячею заботливостью и смотрѣлъ на нее, какъ на ниспосланнаго ему ангела-утѣшителя; про больную и говорить нечего: она сразу привязалась къ Марылькѣ, какъ къ спасительницѣ, не находя словъ, какъ и благодарить ее...

Проходили дни. Больная привыкала и привязывалась все больше къ Марылькѣ, послѣдняя высказывала съ каждымъ днемъ и умѣнье ухаживать за больной, и свою беззавѣтную преданность, и свой откровенный, простой, веселый характеръ. Въ минуты облегченія страданій, она развлекала свою маму интересными разсказами изъ своихъ приключеній и умѣла иногда разными прибаутками вызвать даже улыбку на безжизненно-блѣдномъ лицѣ.

Оленка и Катра, смотрѣвшія сначала исподлобья на новую, навязанную имъ сестру, начинали мало-по-малу любить ее и сходились въ свѣтлицу матери слушать разсказы панночки. У одной только Оксаны крѣпко росло недружелюбное чувство къ Марылькѣ, и она все избѣгала ее да отводила съ бабой накипавшую злость: Оксана видѣла, что такъ или иначе, а Марылька оттерла незамѣтно отъ больной пани и Ганну, и бабу. Хотя Ганна не показывала и вида, что чѣмъ либо огорчена, но Оксана замѣчала, что она стала молчаливой и печальной, а баба, такъ та втихомолку и плакала, да жаловалась Оксанѣ,—до чего дожила: цѣлый вѣкъ де „упадала“ за паней, какъ за родною „дытыной“, а вотъ прибилась какая-то „ляховка прычэпа“, да и завладѣла и сердцемъ ея, и насиженныхъ въ этой хатѣ хозяйствомъ.

И дѣйствительно, Марылька становилась полною госпожей въ этой свѣтлицѣ, пропитанной запахомъ ладона, васильковъ да оливы, горѣвшей въ неугасаемой лампадѣ передъ ликомъ Матери всѣхъ скорбящихъ. Все здѣсь дѣлалось только ею или по ея приказанію; никто уже не могъ угодить больной: и подушки не такъ перебьютъ, и не подвернутъ безъ боли ноги, и не такъ подадутъ „кухоль“, только Марылька умѣла во всемъ угодить, и умирающая не могла даже дохнуть безъ Марыльки.

Библиотека "Руниверс"

Съ пріѣздомъ этой панночки, она не только чувствовала себя физически лучше, но и душой была безконечно счастливѣе. Богданъ теперь почти не отходилъ отъ жены и былъ безгранично къ ней нѣженъ.

Ему только тяжело было носить личину печали и удерживать рвущуюся изъ груди радость; но и тутъ облегченіе страданій больной давало приличный мотивъ. Особенный тактъ Марыльки и умѣнье ея себя поставить и очаровать всѣхъ простотой и сердечностью своего нрава вывели Богдана изъ ложнаго положенія и возвратили ему прежнюю увѣренность и спокойствіе.

Въ эти двѣ недѣли Богданъ почти никуда не выѣзжалъ и не давалъ знать никому о своемъ пріѣздѣ; ему хотѣлось хотя на время укрыться въ своемъ хуторѣ и пожить личными радостями; онъ дорожилъ этимъ кратковременнымъ покоемъ, предчувствуя, что за предѣлами хутора опять поднимутся бури и человѣческія стенанія.

Ганна неоднократно сообщала Богдану про наплывъ новыхъ поселенцевъ, про то, что они поселены временно въ „куреняхъ“, но что нужно имъ пріискать новыя мѣста для поселковъ; но онъ долго отказывался выѣхать на осмотръ, ссылаясь на больную жену.

Ганна была поражена такимъ необычайнымъ горемъ, охватившимъ Богдана до оцѣпенѣнія, до полнаго даже равнодушія къ наступающимъ со всѣхъ сторонъ бѣдамъ. Этотъ взрывъ чувства къ отходящей въ вѣчность страдалицѣ глубоко бы тронулъ отзывчивое сердце Ганны, если-бы ее не смущала игравшая въ глазахъ дядька радость.

Только одно извѣстіе потрясло Богдана, извѣстіе, переданное дѣдомъ, про гибель Чарноты.

— Эхъ, не выдержалъ!—рванулъ себя Богданъ за „чупрыну“,— а какъ я просилъ, какъ молилъ! Прямо на погибель пошелъ, тяжело, видно, было носить свою голову... Чарнота, голубь мой сизый! А какой рыцарь былъ изъ тебя славный!—утеръ Богданъ набѣжавшую слезу.

— Да, перомъ надъ нимъ земля!—покачалъ „сивою“ головой дѣдъ.

— Ну, а какъ тамъ, что добраго?—спросилъ подошедшій съ Золотаренкомъ Ганджа.

— Да что, братцы, все слава Богу... Можетъ, и увидимъ ласку Господню, вотъ скоро, скоро услышите про королевскія милости,—хотѣлъ отдѣлаться общими фразами Богданъ.

— Да какія-же милости—допытывался Золотаренко.—Все про эти милости гудутъ, а ихъ и не видно. По моему, лучше „синица въ жменѣ, чѣмъ журавель въ небѣ“.

Библиотека "Руниверс"

— А можетъ быть уже и „журавель“ въ жменѣ, мои друзья... Я не имѣю права оповѣстить васъ раньше уряда, а говорю только, какъ близкимъ своимъ, что „журавель“ есть.

— Ну, слава Богу,—мотнулъ головой дѣдъ,—а вотъ что еще, пане господарю, хотѣлось бы мнѣ, да вотъ и добрымъ людямъ знать, что это ты за ляховку къ намъ привезъ? Положимъ, дѣло хозяйское, а все-таки откуда она и на что?

Золотаренко и Ганджа присоединились тоже къ просьбѣ дѣда.

И Богданъ вынужденъ былъ для успокоенія умовъ разсказать про батька Марыльки, про этого „можновладца“—„баниту“, ставшаго потомъ завзятымъ запорожцемъ, его побратимомъ, принявшаго, наконецъ, во спасеніе „товариства“ добровольную смерть и завѣщавшаго на освобожденіе Украйны половину закопанныхъ „скарбовъ“. Разсказъ этотъ очень тронулъ слушателей и сразу же измѣнилъ ихъ расположеніе къ новой субботовской гостьѣ.

— Такъ ты, пани господарю, съ того бы и началъ, что она дочь товарища,—замѣтилъ дѣдъ, кивая головою,—а кѣмъ былъ этотъ товарищъ раньше,—намъ „байдуже“.

— А и вправду такъ,—подхватилъ и Ганджа,—на Запорожье, вѣдь, къ славному товариству доступъ всѣмъ воленъ,—ляхъ-ли ты, татаринъ-ли, турокъ,—приди, прочитай „Вѣрую“ да „Отче Нашъ“, да перекрестись... вотъ и все!

— На томъ и стоитъ Запорожье,—замѣтилъ Золотаренко,—оттого-то и переводу нѣтъ нашимъ орламъ, что оберегаютъ родной край и отъ татарина, и отъ лихого пана, не прошеннаго гостя, такъ вотъ и эта панна Марылька выходитъ уже не панна и не Марылька, а вольная козачка, дочь нашего товарища, значитъ, должна носить христіанское имя, Марина, что-ли,—баста!

— Я ей пока не сообщалъ истины про ея отца,—замялся какъ-то Богданъ,—вѣдь она была плѣнницей у татаръ и про своего батька, про смерть его не знаетъ. Я скрылъ отъ малой еще „дытыны“, натерпѣвшейся и безъ того лиха въ неволѣ, это тяжкое горе; потомъ ее пріютилъ у себя Оссолинскій, а я отправился, какъ вамъ извѣстно, по королевскимъ „справамъ“ въ чужія края... Такъ она, значитъ, и думаетъ до сихъ поръ, что батько ея только запропастился куда то, что его можно и разыскать... Вотъ почему я васъ, панове, и прошу не разглашать этой исторіи, пока я не приготовлю Марыльки къ смерти батька.

Всѣ согласились съ Богданомъ и отнеслись съ теплою похвалой къ его сердцу, откликнувшемуся съ безкорыстнымъ участіемъ на предсмертный завѣтъ побратима.

Библиотека "Руниверс"

— Что и толковать,—заключилъ дѣдъ,—Божье дѣло! И спасена душа та, что осушитъ сиротскія слезы?

Хотя Богданъ и видѣлъ разрушительное шествіе болѣзни своей жены, хотя и сознавалъ, что приближаются уже послѣднія мгновенія ея страданій, но все-таки его радовали и тѣшили эти временныя облегченія, дававшія женѣ и забытье, и покой.

Заснетъ, подъ вліяніемъ наркотическаго питья, больная, и Марылька позволитъ себѣ выйти въ большую свѣтлицу, а Богданъ уже сидитъ тамъ и передаетъ своей дѣтворѣ какой-либо случай изъ его боевыхъ „пригодъ“, или разсказываетъ про чужія страны, про цвѣтущіе города, про высокія горы, прячущія въ облакахъ свои бѣлыя вершины, про широкія моря, играющія нѣжною лазурью...

А молодые хлопцы и подлѣтки „доньки“ по прежнему льнутъ къ своему тату и просятъ все разсказывать побольше да подлиннѣе; Марылька тоже присядетъ, бывало, скромно къ этой группѣ, цѣлуетъ и ласкаетъ своихъ новоприобрѣтенныхъ сестеръ, расчесываетъ имъ головки по Варшавской модѣ и не сводитъ очей съ своего любаго тата. Одна только Ганна не принимала живого участія въ этихъ бесѣдахъ; она вся отдалась дѣламъ благотворительности: устраивала пріюты бѣглецамъ, калѣкамъ, ухаживала за больными и по цѣлымъ днямъ не бывала дома, а если случайно и заставала иногда въ свѣтлицѣ такую нѣжную семейную сцену, то съ опущенными глазами уходила назадъ. Богданъ ловилъ иногда грустный серьезный взглядъ ея лучистыхъ очей, и ему становилось жутко и непокойно на сердцѣ, онъ читалъ въ нихъ какой-то нѣмой, но заслуженный имъ укоръ. А то, бывало, пригласитъ Богданъ и дѣтей своихъ, и Марыльку на свою половину, чтобы не безпокоить уснувшей жены. Дѣти были въ восторгѣ отъ такой рѣдкой для нихъ ласки и съ веселымъ шумомъ бѣжали черезъ широкія сѣни въ батьковскіе покои: хлопцамъ была великая радость полюбоваться дорогимъ отцовскимъ оружіемъ и другими диковинками, развѣшенными по стѣнамъ, разставленными по „полицамъ“, а дивчатъ особенно привлекала бандура. Здѣсь уже можно было попросить батька ударить по струнамъ, а какъ онъ игралъ! Мертвый, кажись бы, всталъ изъ могилы послушать его „шумки“ и „думки“.

Теперь Богданъ не заставлялъ себя и просить; только придутъ къ нему, сейчасъ онъ сниметъ со стѣны „розважницу туги“ и запоютъ, заговорятъ струны, да такъ заговорятъ выразительно, что Марылька вся вспыхнетъ румянцемъ и опуститъ на нѣжныя щеки тонкія стрѣлы темныхъ рѣсницъ.

— Иногда Богданъ заставлялъ Катрю спѣть пѣсню подъ переливы тихаго звона бандуры. Голосъ ея, не совсѣмъ еще окрѣпшій,

Библиотека "Руниверс"

звучалъ тѣмъ не менѣе серебромъ, задушевная, безъискусственная мелодія лилась прямо каждому въ сердце, заставляя отзывчиво звучать его струны.

— Ахъ, какія ваши пѣсни!—всплеснетъ, бывало, руками Марылька.—Въ нихъ и слезы, и ласка, и безконечная жалость, словно матери передаетъ кто свое горе! Катруся, милая, дорогая моя, научи меня этимъ пѣснямъ, научи,—покроетъ ее поцѣлуями панна,—а я тебя научу своимъ пѣсенкамъ.

— Вотъ и отлично, отзовется трепещущій отъ восторга Богданъ,—учитесь, доньки, одна у другой, перенимайте лучшее, всякаго вѣдь Богъ надѣлилъ особымъ добромъ, такъ нужно имъ и дѣлиться. Да полюбите, мои любыя, дружка дружку, безъ хитрости и „щыро“. По волѣ Божьей, Марылька въ нашей семьѣ, а она тебѣ, Катрусю, и тебѣ, Оленка, можетъ быть, Господи, какъ полезна! Марылька видѣла большой свѣтъ, магнатскіе звычаи и обычаи, а вы, хуторянки, кромѣ Субботова, ничего не видали.

— Я всему, всему, что знаю, буду учить тебя, Катруся, и тебя, Оленка,—обнимала сестеръ своихъ Марылька,—черезъ годъ увидите, и въ королевскій дворецъ можно будетъ выѣхать смѣло.

Катря обняла Марыльку, а Оленка надула губы и, отвернувшись, проговорила:

— На чорта намъ дворецъ, мнѣ лучше на „скобзалку“.

— Вотъ тебѣ и на!—засмѣялся Богданъ,—и давай ей „эдукацію“! Ты бы промѣняла на дворецъ и коровникъ.

— А что жъ, тату,—посмотрѣла исподлобья Оленка,— и въ коровникѣ весело, особенно когда придутъ Марта, Ликера, Явдоха и Явтухъ.

Марылька бросила въ ея сторону презрительный взглядъ, но спохватившись, смѣнила его снисходительною улыбкой.

— Нельзи такъ, Оленка, судить, погладила она ее по головкѣ,—кто знаетъ, а можетъ придется и тебѣ быть во дворцѣ,—и она бросила украдкой на Богдана пламенный, вызывающій взглядъ.

— Куда имъ!—засмѣялся Богданъ и взяль нѣсколько аккордовъ.—А ну, Марылько,—поднялъ онъ на нее восхищенныя очи,—а ну, моя квиточко, пропой какую либо пѣсенку, а я подберу „прыгравання“.

Марылька начала напѣвать веселенькую мазуречку; вскорѣ подъ звонъ бандуры раздалось увлекательное пѣніе. Зажигательный мотивъ, исполненный сильнымъ, сочнымъ голосомъ, производилъ неотразимое впечатлѣніе, наполнялъ серебромъ рулладъ свѣтлицу, а глаза Марыльки искрились такимъ зноемъ страсти, что Богданъ въ порывѣ восторга взялъ такъ сильно аккордъ, что струны взвизгнули и лопнули.

Библиотека "Руниверс"

Дверь тихо отворилась и на порогѣ стала незамѣтно Ганна. Звуки бандуры и пѣніе давно привлекли ея вниманіе и изумили несказанно; въ то время, когда надъ этимъ „будынкомъ“ вѣяло черное крыло смерти, они казались ей святотатствомъ. Ганна бросила строгій взглядъ на застывшую въ увлекательной позѣ Марыльку, перевела его на опьяненнаго восторгомъ Богдана, на озаренныя живою радостью лица дѣтей и занѣмѣла, глубоко потрясенная и возмущенная сценой.

— Титочка стонутъ и плачутъ,—сказала она тихо, хотя въ ея голосѣ послышалась непослушная дрожь горькой укоризны.

— Боже! Неужели мы ее разбудили?—всполошился Богданъ.

— Пѣніе и бандура долетали и туда,—еще тише проговорила Ганна.

— Но не черезъ нее же, надѣюсь, она плачетъ,—съ досадой и тревогой возразилъ Богданъ.

— Вообще, появленіе и сообщеніе Ганны непріятно задѣло его; онъ увидѣлъ въ немъ какой то ригоризмъ, накидывающій узду на его волю.

— Нѣтъ, не черезъ пѣніе,—уже увѣренно заявилъ онъ.—Кого можетъ оскорбить пѣсня и дума? никого и никогда. Мамѣ можетъ быть хуже, такъ пойдемъ, дѣтки, къ ней!

— Я даже думаю, тато,—отозвалась скромно Марылька,—что музыка на такую больную должна дѣйствовать успокоительно и для больной бы слѣдовало, въ минуты облегченія, нарочито съиграть или спѣть что либо; это бъ, кромѣ всего, подняло у нея бодрость духа, а, значитъ, и силы... Больной именно нужно показать, что близкіе не убиты тоской, что, значитъ, положеніе ея улучшилось, а показное горе,—подчеркнула Марылька,—убило бы ее оразу.

— Правдивое твое слово, моя дытыно,—поцѣловалъ Богданъ въ лобъ Марыльку и отправился въ сѣни.

Ганна поблѣднѣла замѣтно, и ея расширившіеся глаза потемнѣли.

Въ сѣняхъ Богданъ остановилъ ее ласковымъ словомъ:

— Голубко Ганнуся, „упадницe“ моя любая!

Марылька, услыхавши эту фразу, остановилась было на порогѣ и въ свою очередь поблѣднѣла, но Катря увлекла ее къ матери.

Ганна задрожала, и если бы сѣни были свѣтлѣе, то можно бы было замѣтить, какъ говорящіе глаза ея переполнились слезами.

— Вотъ еще къ тебѣ моя просьба,—наклонившись къ ней, продолжалъ тихо Богданъ.—Не можешь ли ты пріютить у себя эту Марыльку, а то въ большой свѣтлицѣ съ „дивчатами“ ей неудобно, да и больная постоянно то тѣмъ, то другимъ тревожитъ... панночка видимо поблѣднѣла... да и ея покоевка валяется по кухнямъ...

Библиотека "Руниверс"

Онѣ вѣдь обѣ привыкли къ роскоши, къ нѣгѣ, не то, что мы, грубые... Да и то еще не хорошо, что Марылька, по своей ангельской добротѣ, приняла на себя роль сидѣлки возлѣ больной", а мы словно обрадовались этому, „напосѣли"... совсѣмъ „зкарнила" и извелась бѣдная дѣточка...

— Я ужъ думала, дядьку, объ этомъ,—отвѣтила взволнованнымъ голосомъ Ганна,—я совсѣмъ уступлю этой панночкѣ съ ея покоевкой свою верхнюю горенку, а сама помѣщусь съ дѣтьми: мнѣ тѣсно съ ними не будетъ, а если придется услужить чѣмъ моей второй матери, такъ я всякій трудъ посчитаю за радость, за счастье.

— Святая душа у тебя... вотъ что!—промолвилъ съ чувствомъ Богданъ.—Вся то ты для другихъ, вся въ людскомъ горѣ, а про себя и не думаешь... Эхъ, даже жутко намъ, грѣшнымъ, стоять рядомъ съ тобою!

— Дядьку, за что вы смѣетесь?

— Провались я на этомъ мѣстѣ, коли слово мое не идетъ отъ „щираго" сердца!—воскликнулъ Богданъ.—Чиста ты сердцемъ, а мы духомъ „буяемъ"...—вздохнулъ онъ,—однако, твоимъ предложеніемъ воспользоваться—это ужъ было бы для тебя обидно... Ты такъ привыкла къ своему гнѣздышку... и уступить его... Я полагалъ, что вдвоемъ вы могли бы помѣститься... тамъ вѣдь просторно...

— Нѣтъ, дядьку, не „турбуйтесь"... мнѣ будетъ съ дѣтьми удобнѣе и ближе къ больной, а вдвоемъ мы могли бы стѣснить другъ друга.

— Ну, быть по твоему... Спасибо, моя „порадо!"—и Богданъ поцѣловалъ Ганну въ высокій, словно выточенный изъ слоновой кости, лобъ.

Вечеромъ „покоевка" варшавская, Зося, уже суетилась въ новомъ, отведенномъ для ея панны покоѣ; взбила ей пуховики на кровати, закрыла ее шелковымъ одѣяломъ, убрала столикъ вывезенными изъ Варшавы игрушками, установила посерединѣ, поддерживаемое амурами, зеркало, поставила на окна роскошные букеты цвѣтовъ, а у изголовья кровати прибила небольшой образокъ Остробрамской Божіей Матери. Для себя же устроила постель на канапкѣ, стоявшей у дверей.

Чистенькая комнатка, убранная цвѣтами и изящными бездѣлушками, выглядывала уже не строгою кельей затворницы, а кокетливымъ гнѣздышкомъ птички.

Въ отворенныя окна смотрѣла теперь съ неба блистательная южная ночь; подъ ея волшебнымъ сіяніемъ открывалась серебристымъ

Библиотека "Руниверс"

пологомъ даль; темныя линіи и пятна дремучихъ лѣсовъ пестрили ее причудливыми арабесками. Прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ гречихъ, вливался тихою струей въ эту горенку... Даже Зося, несклонная вовсе къ поэзіи, залюбовалась и этою ночью, и этою чарующею картиной.

— Панночко, любая, милая!—не удержалась она вскрикнуть на встрѣчу входившей Марылькѣ.—Посмотрите, какъ здѣсь хорошо, какъ здѣсь пышно!

— Да,—обвела усталыми глазами свѣтлицу Марылька.—Хоть и недвѣжій, а все-таки уголокъ. Уйти хоть есть куда, отдохнуть...

— Ужъ именно насилу добились какого-нибудь угла,—проворчала Зося, вынимая изъ „скрыньки“ для панны бѣлье.—Мнѣ и не доводилось отъ роду валяться по такимъ хлѣвамъ, какъ тутъ отвели, съ „быдломъ“ въ одной хатѣ.

— Ничего, потерпимъ немного,—улыбнулась Марылька.—Это бывшая келья той... какъ ее... чернички, что ли?

— Чернички!—засмѣялась Зося.—Этой преподобницы схизматской, Ганны.

— Какъ же это выгнали хлопскую святошу и ради кого? Ради шляхетной католички!

— Значитъ, наши святые посильнѣе!—подмигнула бровью Зося.—Панъ-господарь приказалъ мнѣ вынесть просто Ганнины вещи, а свѣтлицу приготовить для панны со мной.

— То то она сегодня зелена, какъ жаба, а ехидна, то какъ ужъ!—вздумала было пустить яду Богдану... Меня укорить! Ну, нѣтъ!—гордо подняла голову Марылька, сверкнувъ надменно очами.—Меня то легко не повалишь!

— О, съ ними нужно, моя паняночка, строго, а то народъ здѣсь такой,—осмотрѣлась Зося осторожно кругомъ.—Езусъ-Марія! Такой грубый, да дикій, не „быдломъ“, а звѣремъ глядитъ, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь, ругаютъ въ глаза ляхами, „католиками“... Ненавистники этакіе!—докладывала обиженно Зося.

— Здѣсь ихъ, кажется, притѣсняютъ „можно-владцы поляки“, промолвила, Марылька сбросивши кунтушъ и спенсеръ, и начала выпутывать изъ волосъ передъ зеркаломъ нити мелкаго жемчугу.—Самъ канцлеръ говорилъ, но вообще они...

— Ненавидятъ всѣхъ насъ,—перебила Зося.—И васъ, и меня, а за что? За то, что католики.

— Да,—задумалась Марылька, глядя куда-то въ даль.—Распусти мнѣ косу,—оттянула она голову.—Да,—повторила она медленно,—разная вѣра—это порогъ, чрезъ который легко не переступишь.

Библиотека "Руниверс"

— Да и не перескочишь, а голову разобьешь,—сдвинула плечами Зося—Я не знаю, какъ вамъ это не пришло въ голову тамъ еще, въ Варшавѣ.

— Ты на счетъ чего?—повернулась къ ней быстро панянка, и, сдвинувъ брови, добавила:—Марылька разъ что задумала—назадъ не отступитъ, и если порога нельзя переступить, такъ разрубить его будетъ можно...

— Да,—не поняла Зося своей паняночки,—а вотъ только та черничка не допуститъ распоряжаться въ домѣ, не позволитъ пороговъ рубить.

— Какъ не допуститъ?—встрепенулась Марылька.

— Да вотъ, я сама слыхала, что она говорила и этой цыганкѣ Оксанѣ, и бабѣ,—что, говоритъ, вѣрить, молъ, этой ляховкѣ нельзя... якъ Бога кохамъ! На показъ то она съ раскрытою пазухой, а въ глазахъ „дьяблы“ играютъ, а баба и пошла ругаться ругательски...

— Ахъ, эта тощая святоша!—вскочила Марылька, и притопнула ногою. Неужели она осмѣлится стать мнѣ на дорогѣ?

— Но, моя „цяцяна“, панно здѣсь Ганна все—и хозяйка, и совѣтница, и мать; ее и дѣти считаютъ за родную мать, а дворня гомонитъ что по смерти старой пани она займетъ ея мѣсто.

Послѣ минутной вспышки, Марылька, уже саркастически улыбаясь, слушала докладъ своей наперстницы: отраженное изображеніе въ зеркалѣ видимо успокаивало ея тревогу и разливало по лицу выраженіе торжества и побѣды.

— Посмотримъ,—процѣдила она съ улыбкой сквозь зубы и, потянувшись, какъ кошечка, томно добавила.—Устала я за эти дни: вѣчная осторожность и вниманіе къ каждому шагу, все меня стѣсняетъ,—сбросила она съ стройныхъ, словно выточенныхъ ножекъ шитыя туфельки.

Зося расплела ей косу и отбросила на спинку кресла роскошныя волны золотистыхъ волосъ.

Теперь Марылька осталась лишь въ легкой сорочкѣ изъ турецкой тафты, сквозившей на нѣжномъ алебастровомъ тѣлѣ чарующими округлостями линій и таинственными полутѣнями.

— Ну, что-жъ,—любовалась собой Марылька, спуская небрежно съ обольстительнаго плечика прозрачную ткань.—Думаешь, что я передъ этой святошей безсильна?

— Ай, ай!—всплеснула руками Зося.—Мнѣ даже больно смотрѣть, а что-жъ то хлопцамъ?

— Будто?—вспыхнула Марылька и, поправивъ шаловливо свою воздушную одежду, заговорила игриво, по дѣтски:—Вотъ не-

Библиотека "Руниверс"

ревели насъ уже изъ „быдлятника“ въ хатку, а изъ хатки переведутъ въ свѣтлицу, а изъ свѣтлицы—въ палацъ.

— Когда то еще будетъ, а пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ,—махнула Зося рукой.

— Но, но!—вскрикнула капризно Марылька.—Не смѣй мнѣ противорѣчить!—и, вставши, она подошла къ раскрытому окну, передъ которымъ разстилался прилегавшій къ „будынку“ „гаекъ“, окутанный таинственными тѣнями и облитый фосфорическимъ блескомъ.—Ахъ, какъ хорошо тамъ въ лѣсу и вонъ на той свѣтлой опушкѣ, гдѣ сверкаетъ серебромъ рѣчка!—заломила Марылька за голову руки и стала медленно вдыхать ароматный прохладно-живительный воздухъ.

— А вы осторожнѣе, моя „яскулечка“, тамъ какая то тѣнь двигалась въ „гайку“.

— Нѣтъ, все глухо и мертво,—пододвинулась еще ближе къ окну Марылька.—А какія еще новости?—спросила она, не поворачиваясь лицомъ и впиваясь глазами въ тѣни „гайка“.

— Старшій панычъ сегодня пріѣхалъ,—сообщила Зося.

— О! Тымко! Какой же онъ?

— Начего себѣ, только рябоватый... все лицо будто мелкимъ просомъ „подзюбано“, а самъ изъ себя статный, здоровый, молодой, только еще хлопецъ и меня испугался даже,—расхохоталась Зося,—вытаращилъ глаза, покраснѣлъ, какъ ракъ, словно дѣвица... Такіе здѣсь глупые хлопцы! У насъ бы не пропустилъ не обнявши, а тутъ—стыдятся...

— А вотъ ты позаймись „эдукаціей“—перегнулась даже въ окно Марылька,—такъ выйдутъ изъ нихъ пылкіе рыцари.

— Стоитъ возиться,—надула презрительно губки Зося,—развѣ ужъ съ большой тоски да съ дьявольской скуки.

— Терпѣніе, терпѣніе, моя Зосюня,—скука не вѣчна, тоску можетъ смѣнить и веселье, и радость, и блескъ.

— Да, ждите! Старуха то еще, можетъ, и другой десятокъ протянетъ, и для чего только панна старалась помочь?—укоризненно покачала она головой,—уже этого я и въ толкъ не возьму.

— Глупенькая ты,—чѣмъ-же я ей помочь могла, потянулась сладко Марылька—на счетъ старухи, я тебѣ скажу, будь покойна,—ея дни сочтены: отъ такой вѣдь болѣзни умерла и мать Оссолинской, я знаю. Опухоль у нея съ каждымъ днемъ подымается, и какъ только дойдетъ подъ ложечку, такъ и задушитъ.

— Дай то Богъ,—вздохнула наивно Зося,—а вотъ что до пана,—улыбнулась она лукаво,—такъ ужъ и видно, что совсѣмъ очумѣлъ, глазъ не сводитъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, полно,—остановила ее Марылька,—ты черезчуръ болтлива.

Освѣщенная съ одной стороны свѣтомъ восковой свѣчи, а съ другой—краснымъ отблескомъ лампады, фигура ея роскошно обрисовывалась на темномъ фонѣ окна. Даже Зося залюбовалась своею паночкой, стоя у другого окна, но, взглянувши случайно въ „гаекъ", она замѣтила подъ тѣнью липы неподвижно стоящую, словно въ оцѣпенѣніи, высокую, статную фигуру.

— Панночка! Отойдите!—вскрикнула она,—вѣдь я говорила, кто то смотритъ изъ сада, не панъ ли господарь?

— Гдѣ, гдѣ?—не довѣряла Марылька, перегибаясь изъ окна и присматриваясь.

— Да, вонъ посмотрите, подъ липой!...

Марылька вскрикнула и бросилась на кровать, зарывши свое лицо въ подушки.

Ночь. Луна высоко стоитъ въ небѣ и задумчиво смотритъ съ зеленовато-прозрачной выси на Субботово, на Тясминъ, на „гаекъ", на будынокъ... Вездѣ тихо; въ чуткомъ воздухѣ слышенъ даже отдаленный шумъ падающей съ „лотоковъ" воды... Сонный вѣтерокъ вздрогнетъ, зашелеститъ нѣжно въ листвѣ и замретъ... Все оковалъ сонъ: иныхъ, утомленныхъ дневною работой, онъ обнялъ по дружески, крѣпко, другихъ, удрученныхъ болѣзнью, успокоилъ хоть мимолетною лаской, третьихъ, смущенныхъ страстями и счастьемъ, обвилъ прозрачною сѣтью чарующихъ грезъ... только не могъ онъ дать забвенья наболѣвшему сердцу, не могъ утолить его жгучихъ страданій...

Въ нижней свѣтлицѣ, гдѣ спятъ Катря и Оленка съ Ганной, таинственный полусвѣтъ. Черезъ небольшія два окна, приподнятыя вверхъ на подставкахъ, лунное блѣдное сіяніе падаетъ серебристыми столбами внизъ и ложится яркими квадратами на глиняномъ желтомъ полу; въ противоположномъ углу, увѣшанномъ иконами кіевскаго и переяславскаго письма, передъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ теплится кротко лампадка; ея нѣжный, красноватый отблескъ, обливая лики угодниковъ, смѣшивается дальше съ луннымъ свѣтомъ, производя эффектныя сочетанія тоновъ.

На кроваткѣ, уступленной Катрею, сидитъ Ганна; она обняла колѣни руками, поникнувъ въ безъисходной тоскѣ головой; распущенные волосы ея, тронутые слегка теплыми свѣтовыми пятнами, падаютъ на плечи, на спину черною волной, свѣшиваются шелковистыми прядами напередъ, закрывая отчасти лицо.

Ганна сидитъ неподвижно, уставившись въ какую то яркую точку на полу, и не сознаетъ даже, гдѣ она,—такъ задумалась,

Библиотека "Руниверс"

такъ глубоко ушла въ самое себя; она только чувствуетъ тупую, зудящую боль въ сторонѣ сердца и необозримую „тугу“.

Откуда взялъ онъ эту ляховку? Зачѣмъ привелъ сюда, что будетъ она здѣсь дѣлать?... кружатся въ ея головѣ ѣдкіе, болѣзненные вопросы. Осолинскій поручилъ ее ему. Но почему же онъ поручилъ ее не какому нибудь шляхтичу, а Богдану, войсковому писарю, схизмату? Развѣ могла прійдти ему самому такая думка? Нѣтъ, нѣтъ! Значитъ Богданъ просилъ его. О, да, не иначе? Да и сама Марылька, какъ могла-бъ она безъ особаго желанія промѣнять пышную магнатскую жизнь на такую жизнь въ безвѣстномъ козацкомъ хуторѣ. Она такая безсердечная, пустая ляховка! Да, безсердечная, лукавая,—даже прошептала настойчиво Ганна, —я это вижу по ея кошачьимъ глазамъ... она никогда прямо въ очи не глянетъ, все у нея притворство... Чужая она намъ, чужая!... Развѣ ея панское сердце отзовется на людскія слезы? Развѣ ей можетъ быть дорогъ этотъ тихій край? Она воспитана на роскоши, въ магнатскомъ чаду, такъ ее туда и тянетъ... Я не разъ подмѣчала въ глазахъ ея презрѣніе и скуку... О, когти ея, какъ она ихъ ни прячетъ, видны!—и, несмотря на лѣтнюю, душную ночь, Ганна дрожитъ, словно ей сыпетъ мелкимъ снѣжкомъ за спину...

Но что нибудь привлекало же ее, если она согласилась пріѣхать сюда? Что же, что?! Зачѣмъ она пріѣхала! Что будетъ здѣсь дѣлать холодная, пустая, злая? И словно боясь дать отвѣтъ на эти мучительные вопросы, Ганна не останавливается на нихъ, а идетъ дальше и дальше. А онъ ей вѣритъ, онъ тѣшится ею, дытыной зоветъ, ловитъ каждый ея взглядъ, улыбается каждому слову. Все съ нею, да съ нею! Все забылъ для нея. Какъ хлопецъ, какъ мальчишка готовъ угождать ей, сегодня даже комнату отнялъ у нея для Марылькі! ту комнату въ которой она провела столько лѣтъ! На губахъ Ганны появилась горькая улыбка. Ахъ, нѣтъ сомнѣнья, сердце не обманываетъ ее: оно видитъ, оно чуетъ, онъ любитъ, любитъ ее!... чуть не вскрикнула Ганна и ухватилась рукой за сердце; мысли ея понеслись горячечно, возбужденно. Онъ, Богданъ, первый лыцарь, первый орелъ Украины, опора, надежда всего края и закохался, какъ неразсудливый хлопецъ, въ пустую, глупую, надменную ляховку! О. Боже, кто-бъ могъ думать это. Кому-жъ послѣ этого можно вѣрить? Никому, никому! Всѣ на одинъ ладъ и онъ не лучше другихъ!—повторяла съ горечью, съ болью Ганна. Герой, спаситель отчизны, и первая смазливая ляховка заставляетъ его забывать о всемъ. Ха—ха! А она еще такъ вѣрила ему, такъ надѣялась на него. Но что это? поднялась сразу

Библиотека "Руниверс"

съ мѣста Ганна и остановилась, какъ вкопанная. Она кажется готова въ своей злобѣ и ярости осудить его, Богдана?!. Что-же пробуждаетъ въ ней эту ярость? что? что?. О, Господи, спаси меня, спаси его, спаси всѣхъ насъ, вскрикнула Ганна, падая на колѣни передъ иконой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ: За что попустилъ ты,Милосердный, такое поруганіе надъ душей Твоего раба! О, спаси его, отврати его душу, вѣдь тебѣ все возможно, все, все! Ганна склала на груди свои руки и вся застыла въ нѣмой молитвѣ и кажется ей, что кроткіе глаза Спасителя вспыхиваютъ нѣмымъ укоромъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не могу я молиться! Сорвалась она съ колѣнъ и закрыла рукою глаза. Душа моя смятена... Ослѣплены очи мои лукавымъ... Нѣтъ, не могу я молиться... Въ сердцѣ нѣтъ чистоты, нѣтъ смиренія!... Оно кипитъ завистью и хулой... Ахъ, что со мной?... Обида жжетъ, обида!... замолчала она и провела рукой по холодному лбу; мысли ея приняли болѣе покойное теченіе.—А, можетъ быть, это мнѣ только кажется?—мелькнулъ у нея вопросъ.—Вѣдь она противъ него дитя, да и католичка... ужъ одно это... свѣтъ бы перевернулся!—улыбнулась даже Ганна и, отбросивъ назадъ волосы, повела вокругъ свѣтлицы глазами и остановила ихъ на открытомъ окнѣ. За грядами „чернобривцевъ“ она замѣтила на зеленой полянѣ подъ липой, высокую и статную фигуру.

— Богданъ? Онъ!—сверкнуло у нея молніей въ головѣ и молніей же ударило въ сердце; она схватилась за него обѣими руками и слабо вскрикнула, скорѣй застонала. Первымъ порывомъ ея было броситься къ окну, разсмотрѣть, онъ-ли? А если нельзя, если ночью трудно замѣтить, одѣться и самой выйти..! но потомъ она устыдилась этого шпіонства и осталась пригвожденной къ своей кровати.

— Онъ, онъ! Кому бы по ночамъ тамъ стоять? Съ ея окна глазъ не сводитъ... Такъ значитъ правда, правда все! Это она, ляховка околдовала его какими то чарами, приворотъ зелье дала чаровница, чаклунка литовская. Отобрала, украла у насъ наше лучшее сердце. Охъ, проклятая, ненавистная! вскрикнула Ганна и вдругъ замерла. Ненавистная... словно прислушалась она къ звуку этого слова... Что-жъ это говоритъ во мнѣ—ревность? Ревность, повторила она съ ужасомъ и, выпрямившись гордо, вскрикнула: нѣтъ! мнѣ стыдно, мнѣ больно за него, за нашу несчастную родину, за его бѣдную умирающую жену!

Ганна упала на колѣни передъ образомъ и заломивши руки зашептала горячо и страстно слова молитвы.

Часъ уплываетъ за часомъ. Не отводитъ глазъ отъ лика пречистаго Ганна, слезы струятся по ея блѣднымъ щекамъ.—Уйти,

Библиотека "Руниверс"

уйти отсюда,—мелькаетъ смутно въ ея головѣ,—уйти и отъ нихъ, и отъ людей, далеко въ келью, въ Кіевъ. Тамъ хорошо, тихо, монашки поютъ, колоколъ звучитъ. Тамъ только и можно вылить слезами тоску. Но какъ бросить бѣдную титочку? Охъ, силы, силы мнѣ дай, Матерь скорбящихъ!—страстно шепчетъ Ганна, сжимая молитвенно руки, а слезы, капля за каплей, бѣгутъ, беззвучно падая на полъ, и голубой разсвѣтъ ложится нѣжно и мягко на складкахъ ея бѣлой сорочки...

А Марылька спитъ въ своей горенкѣ, на новой, мягкой постелѣ, спитъ долго и сладко. Уже солнце давно заглянуло къ ней въ окна и наполнило свѣтличку золотыми и радужными лучами; но паненка, разметавшись въ истомѣ, не можетъ открыть своихъ глазъ; надъ ними еще рѣютъ дивные образы и чарующія картины: грезятся ей райскіе сады, разубранные невиданными цвѣтами; между изумрудною зеленью сверкаютъ прозрачныя голубыя озера, съ дномъ, усыпаннымъ золотомъ; въ глубинѣ ихъ тихо плаваютъ рыбы, а между ними одна въ серебряной чешуѣ, большая, пышная... Марылька раздѣвается, обаятельная нагота ея отражается и дрожитъ въ прозрачной водѣ, даже рыбы всѣ замерли и остановились, но это не смущаетъ Марыльки; она бросается къ серебряной, большой рыбѣ, схватываетъ ее за жабры и вытаскиваетъ огромную, сѣрую, съ выпученными глазами жабу. Марылька хочетъ вскрикнуть, бросить жабу, но ни того, ни другого не можетъ.

На лѣстницѣ послышались торопливые шаги; вбѣжала Катря въ свѣтличку, всплеснула руками и бросилась тормошить Марыльку:

— Марылько, Бога бойся! До сихъ поръ спать! Да уже „сниданокъ“ второй подали... И Зося спитъ?—оглянулась она,—ото!

— Ахъ, это ты, Катрусе?—проснулась Марылька и обняла Катрю,—какъ я рада, что ты меня разбудила: мнѣ такое страшное снилось...

— Вставай, вставай!—торопила Катря,—и ты, Зосю, го-го! И мама ждетъ, не дождется своей знахарки,—поцѣловала она звонко въ щеку новую сестру,—и пріѣхалъ къ татѣ подстароста нашъ, панъ Чаплинскій. Хочетъ видѣть варшавское диво... Ей-Богу, такъ и сказалъ...

— Ой, ой!—схватилась Марылька съ постели,—правда, какъ мы заспались, Зосю! „Прендзей“ одѣваться!... А что онъ, какой изъ себя, этотъ подстароста, гарный, молодой—спросила она Катрю небрежно.

— Фе! Какой тамъ гарный?—скривилась Катря,—по моему такъ поганый, толстый, все отдувается и глазами мигаетъ...

Библиотека "Руниверс"

— Ну, ну!—засмѣялась Марылька,—такъ скажи, моя ясочка, мамѣ, что я сейчасъ.

Катря спустилась внизъ, а Марылька принялась тщательно за свой туалетъ. Взбила свои пепельно-золотистые волосы какимъ-то ореоломъ вокругъ бѣлоснѣжнаго лба, заплела ихъ въ двѣ роскошныхъ косы, обула краковскіе высокіе башмачки, надѣла „адамашковую“ бронзоваго цвѣта сподницу, а сверхъ нея синій бархатный кунтушъ, отороченный соболемъ, и вышла въ нижнюю свѣтлицу, блистая неотразимымъ обаяніемъ дивной красы.

Встрѣтившись съ Богданомъ, Марылька зардѣлась алой розой, ожгла его кокетливымъ взглядомъ и стыдливо опустила глаза, а онъ и самъ вспыхнулъ огнемъ до самой чуприны. Какой-то сладостный ядъ, одуряющій, опьяняющій чарами, проникъ во все его существо, и Богданъ, чувствуя себя въ его власти, сознавалъ смутно, что эта отрава коснулась и его дочки Марыльки, и что эта болѣзнь сближаетъ ихъ еще больше...

Когда увидѣлъ Чаплинскій Марыльку, то не донесъ до рта даже чарки, уронилъ ее на полъ, и, разставивши руки да вытаращивъ глаза, изобразилъ довольно смѣшную фигуру.

Марылька взглянула на него и чуть не прыснула со смѣху; но салонный тактъ заставилъ ее сдержаться, и она только улыбнулась очаровательно вельможному пану на его любезное изумленіе.

— Езусъ-Марія!—вскрикнулъ, наконецъ, въ порывѣ восторга Чаплинскій,—гдѣ я? Въ чистилищѣ или въ самомъ раю? На землѣ такой красоты быть не можетъ!

— Панъ насмѣхается,—отвѣтила, покраснѣвъ отъ удовольствія Марылька.

— Клянусь рыцарскою доблестью, клянусь моею властью и славой!—подкрутилъ онъ вверхъ свои подбритые усы.

— Панъ слишкомъ расточителенъ на клятвы,—взглянула на него игриво Марылька,—такъ можно и сбанкротовать.

— Что удивительнаго?—приложилъ къ сердцу руку Чаплинскій,—передъ паненкой все сбанкрутуетъ.

— Я даю своей красотѣ слишкомъ малую цѣну,—скромно отвѣтила Марылька,—да и что вообще она передъ красой сердца и разума?—сверкнула она молніей своихъ глазъ на стоявшаго тутъ же въ нѣмомъ восторгѣ Богдана.

— O sancta Mater!—воскликнулъ Чаплинскій,—панна похитила у неба всѣ сокровища!

— Тато!—подбѣжала Марылька къ Богдану въ обворожительномъ смущеніи.—Панъ обвиняетъ меня въ ужасномъ преступленіи, неужели за бѣдную Марыльку никто не заступится?

Библиотека "Руниверс"

— И эта грудь, и эта сабля,—тебѣ, моя зорька, защитой,—отвѣтилъ съ нѣжной улыбкой Богданъ и обратился къ Чаплинскому,—она сама не похитила, а небо ее всѣмъ надѣлило...

— Намъ на погибель!—вздохнулъ Чаплинскій.

— О, если бы все это было правдой, то я была бы самою несчастной,—вздохнула печально Марылька,—но панство шутитъ, а шутка сестра веселью... Такъ и мнѣ остается только поблагодарить пышное панство,—поклонилась она изысканно.

— Да скажи мнѣ, сватъ,—подошелъ къ Богдану Чаплинскій,—чѣмъ ты угодилъ Богу, что Онъ тебѣ послалъ такую дочку?

— Долготерпѣніемъ.—улыбнулся Богданъ,—это награда свыше за всѣ ваши „утиски“...

— О, такъ ради Бога обдери меня до костей!—съ напускнымъ пафосомъ крикнулъ Чаплинскій.

— Пусть панъ не рискуетъ,—погрозила кокетливо пальцемъ Марылька,—можно и обмануться въ наградѣ.

Катря вбѣжала въ свѣтлицу и, сконфузившись, сообщила, что мама проситъ заглянуть къ ней.

Всѣ двинулись къ спальнѣ больной, а Марылька побѣжала первая.

— Нѣтъ, безъ шутокъ,—шепталъ на ходу Богдану Чаплинскій,—эта паненка—восторгъ, очарованіе! Пану можно позавидовать.

Богданъ, будучи опьяненъ самъ прелестью своей дорогой дочки, тѣмъ не менѣе былъ раздраженъ уже чрезмѣрными нахальными похвалами Чаплинскаго, а потому и постарался измѣнить тему бесѣды, заговоривъ съ нимъ о серьезныхъ дѣловыхъ „справахъ“.

Сначала Чаплинскій разсчитывалъ быть въ Субботовѣ одну лишь минуту, такъ что съ трудомъ удалось оставить его на „снѣданокъ“; теперь же онъ, очевидно, забылъ о своемъ намѣреніи: разговорился съ Богданомъ о мѣстныхъ событіяхъ, передалъ нѣсколько тревожныхъ слуховъ про князя Ярему, про Ясинскаго, упрекалъ козаковъ въ разбойничьихъ выходкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заносчивой политики „можновладцевъ“, возбуждавшихъ народныя страсти и безсильныхъ подавить ихъ въ концѣ; увѣрялъ, что въ его старостве никогда ничего подобнаго быть не можетъ. Между своими сообщеніями онъ выпытывалъ у Богдана про Марыльку: откуда она родомъ, какъ попала сюда, по чьей прихоти?

Эти допросы бросали Богдана въ жаръ, и онъ отвѣчалъ на нихъ односложно, не скрывая даже неудовольствія. А Чаплинскій, замѣтивъ его смущеніе, перескакивалъ неожиданно отъ Марыльки къ политикѣ, ошарашивая разспросами про Варшаву, про короля, про канцлера, про Радзивилловъ. Богданъ, однако, былъ на сто-

Библиотека "Руниверс"

рожѣ и не далъ себя ни разу поймать; сообщалъ съ подробностями о столичныхъ новостяхъ, о ходячихъ того времени сплетняхъ, но о политикѣ—ни слова: не было де съ кѣмъ поговорить о ней, по братерски, интимно.

Марылька появлялась еще раза два въ свѣтлицѣ, но мимолетно: блеснетъ метеоромъ, ожжетъ пламеннымъ лучемъ своихъ сапфировыхъ глазокъ, подаритъ улыбкой, кокетливымъ словомъ и исчезнетъ. Чаплинскаго все это приводило въ большій и большій экстазъ, и Богданъ для усмиренія этихъ порывовъ отвелъ гостя на свою половину, потребовалъ меду и занялся серьезными дѣлами съ подстаростой.

Время шло. Наступила обѣденная пора, и хозяинъ долженъ былъ предложить гостю отвѣдать борщу и каши; тотъ не заставилъ себя дважды просить, а охотно остался „потрапезовать“ у пана генеральнаго писаря.

Къ обѣду Ганна не явилась,—она сказалась больной; Андрій, Юрась и Оленка тоже остались при матери; сѣли за столъ только Богданъ, Чаплинскій, Марылька да Тимко. Послѣдняго привелъ насильно Богданъ и заставилъ „витать“ дорогого гостя и названную сестру.

Тимко, красный, какъ ракъ, вспотѣвшій даже отъ смущенія, стоялъ букой, словно приросшій къ мѣсту.

— Эхъ ты, дикій, дикій!—укоризненно качалъ головою Богданъ.—Сколько еще тебѣ эдукаціи нужно!... Подойди же, „привитай“ вельможнаго пана...

Тимко, наконецъ, промычалъ что то въ родѣ: „Здоровъ будь, пане-дядьку“, и мотнулъ, какъ степной конь, головою.

— А я и сама „прывитаюсь“ съ своимъ братомъ,—подбѣжала Марылька.—Ну, здравствуй, Тимко, взгляни-ка на свою сестричку, полюби ее...

Тимко взглянулъ исподлобья и такъ растерялся, что хотѣлъ было удрать, но Богданъ взялъ его за руку и внушительно сказалъ:

— Поцѣлуй же, увалень, ручку у вельможной паненки, у своей сестрицы!

— Не хочу, буркнулъ Тимко, утирая рукавомъ потъ, выступившій у него на лбу крупными каплями.

— Ахъ, ты, „неукъ“!—притопнулъ Богданъ ногою,—да ты бы почитать долженъ за счастье.

— Я бѣднаго хлопца выручу, замѣню,—двинулся было къ Марылькѣ Чаплинскій, но послѣдняя остановила его граціознымъ жестомъ и промолвила нѣжнымъ голосомъ:

Библиотека "Руниверс"

— Я сама, какъ сестра, выручу Тимка,—и, подбѣжавъ къ нему, неожиданно поцѣловала его въ щеку.

Тимко побагровѣлъ, смѣшался въ конецъ и, не сознавая даже, что ему дѣлать, бросился къ Чаплинскому и поцѣловалъ его въ усы. Поднялся страшный хохотъ, заставившій Тимка опрометью удрать и запрятаться въ бурьянахъ, гдѣ никакіе розыски не открыли его убѣжища; такъ онъ и остался тамъ безъ обѣда и безъ вечери.

За обѣдомъ Чаплинскій, несмотря на „принуку", ѣлъ мало, а утолялъ все внутренній жаръ запеканками, да наливками, да мальвазіями, да старымъ венгерскимъ. Марылька, по просьбѣ Богдана, разыгривала роль хозяйки и угощала гостя съ обворожительною любезностью и изысканнымъ кокетствомъ. Чаплинскій пилъ и все разсыпался въ комплиментахъ, хотя тяжеловѣсныхъ, литовскихъ, но вырывавшихся бурно изъ его воспаленнаго сердца.

Марылька, замѣтивъ съ восторгомъ, что они будили у Богдана вспышки ревности, умѣла тонко отпарировать ихъ, накинуть узду на опьяненнаго и охмѣлѣвшаго пана подстаросту. Фигура и наружность пана подстаросты не могли назваться красивыми, особенно же они теряли при сравненіи съ Богданомъ. Но бурные восторги шляхетнаго пана, вызываемые ея красотой, льстили самолюбію женщины и подкупали ея сердце невольно: она смягчала свой приговоръ и находила подъ конецъ пана подстаросту даже виднымъ и ловкимъ.

— Нѣтъ, возмущался Чаплинскій,—это ужасная жертва, моя пышная панна! Ея мосць не взвѣсила еще, какъ, привыкши къ роскоши, къ нѣгѣ... воспитавшись, такъ сказать, какъ лучшій райскій „квятекъ" въ теплицѣ, и вдругъ изъ Эдема—въ глушь, въ дикій „гай", въ хуторскую трущобу!

— Напрасно панъ тревожится обо мнѣ,—отвѣтила, взглянувъ на Богдана любовно, Марылька,—та теплица, гдѣ я росла, была для меня лишь тюрьмой, а эта, какъ панъ выражается, глушь и трущоба для меня рай... всякому дорого то, что говоритъ его сердцу, что грѣетъ лаской.

— Что ни слово у панны, то новый перлъ!—пожиралъ ее маслянными, слипающимися глазками Чаплинскій.—„Якъ маме кохамъ", это неисчерпаемый кладъ сокровищъ,—икнулъ онъ.—Но неужели паненкѣ не жаль роскошныхъ варшавскихъ пировъ, гдѣ блескъ, великолѣпіе, пышное рыцарство?—подкручивалъ онъ свои подбритые усы.

— Моя красота не имѣетъ на панскомъ рынкѣ цѣны,—улыбнулась нѣжно Марылька,—а всѣ эти пиры, весь этотъ блескъ—одна лишь лукавая суета; голова только кружится отъ чада, а на

Библиотека "Руниверс"

сердцѣ—пустота и тоска. Повѣрь, пане, что въ безъискусной природѣ больше красы, что въ неизнѣженномъ сердцѣ больше любви и правды.

— Такъ, панна моя „коханна", такъ!—ухватился Чаплинскій за сердце и покачнулся.—Здѣсь больше ласки, а если панна любитъ природу, такъ вотъ у меня она въ моихъ „маетностяхъ", безконечныхъ въ Литвѣ, кромѣ староства.

— Ого!—взглянулъ Богданъ насмѣшливо на подстаросту.—У свата такіе страшные „маетки", а онъ бросилъ свое добро и заѣхалъ сюда искать счастья.

— Такъ, заѣхалъ,—кивнулъ усиленно головою Чаплинскій.—Заѣхалъ потому, что мнѣ все мало... Дай мнѣ полсвѣта, такъ я и за другою половиной протяну руки, „дали Бугъ"!

— Ой, свате,—засмѣялся Богданъ,—не „зазихай" на весь свѣтъ!

— Какой же панъ ненасытный!—укоризненно взглянула на него Марылька.—Развѣ его „маетки" литовскіе мизерны?

— Мизерны, „Матка найсвѣнтша"! Они богаты восхитительны, какъ сказка!—воскликнулъ панъ подстароста.—Боръ, сосны, ели одна на другую насѣли и подъ ними вода, а на зеленыхъ вѣткахъ качаются зеленыя русалки, „мавки".

— Ой, я бы ни за что туда не пошла!—закрыла глаза руками Марылька.—Я ихъ боюсь: онѣ заласкочутъ; да и въ водѣ жабы...

— Панна, не бойсь! Вотъ этою рукой тридцать рыцарей косилъ,—такъ мы и жабъ, и „мавокъ" канчуками къ панскимъ ножкамъ...

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ,—неужели косилъ? Я не подозрѣвалъ въ сватѣ такого Самсона.

— Я скрываю силу... пане... чтобы не пугать, „не полохать"... Но для паненки...

— Панъ разгонитъ весь свѣтъ? Ой, страшно!—залилась серебристымъ смѣхомъ Марылька.—Да и тоскливо бы было...

— И разгоню... и сгоню къ паннѣ... арканомъ...—„цалуе ручки"!—потянулся было Чаплинскій, но опять сѣлъ.

Марылька, замѣтивъ, что поведеніе Чаплинскаго начинало уже коробить Богдана, поспѣшила незамѣтно уйти, не попрощавшись даже съ подстаростой.

А Богданъ было предложилъ ему отдохнуть на своей половинѣ, но тотъ упорся ѣхать.

Когда колымага Чаплинскаго была подана, и Богданъ вывелъ подъ руки своего гостя, то послѣдній началъ обнимать его и изъясняться въ любви:

Библиотека "Руниверс"

— Я тебя, свато, такъ люблю... такъ, что теперь мнѣ этотъ Субботовъ сталъ самымъ дорогимъ мѣстомъ... Я это и самому старостѣ скажу... Ей Богу, скажу. А эта твоя дочка... это „крулевна... просто... околдовала меня!...

— Больше наливка да ратафія,—замѣтилъ Богданъ,—а къ паненкѣ я бы просилъ пана относиться скромнѣй: она терпѣть не можетъ комплиментовъ и обижается... Для сироты всякое „заличанье“ обидно. Я ей поставленъ Богомъ за отца,—сверкнулъ онъ невольно глазами,—такъ клянусь, что въ обиду ее не дамъ никому.

— Убей меня громъ, коли я что, свате... вѣдь, пойми ты, друже мой... возразилъ слезливымъ голосомъ Чаплинскій, цѣлуя Богдана,—я вдовъ... одинокъ... такъ отчего же мнѣ нельзя помечтать о счастьи?

— Стары ужъ мы для него.

— Не говори, сватъ, про старость...—замахалъ Чаплинскій руками, усѣвшись въ свой „повозъ“,—цуръ ей!.. А я у тебя теперь вѣчный гость... радъ ли, не радъ... а гость...

— Много чести, нахмурилъ брови Богданъ,—такъ много, что врядъ ли и поднять мнѣ на плечи... Ну, съ Богомъ!—махнулъ онъ рукой кучеру, и колымага съ пьянымъ и влюбленнымъ Чаплинскимъ громыхая покатилась за „браму“.

А Марылька давно уже сидѣла на скамеечкѣ въ самомъ уютномъ мѣстѣ „гайка“, гдѣ сплетались вверху зыбкимъ куполомъ изумрудныя, широкія вѣтви и откуда виднѣлась дуга ясной рѣки.

Обѣдъ утомилъ панночку, и она сѣла тамъ отдохнуть и задумалась,—не о Чаплинскомъ, конечно,—а о себѣ, о своемъ положеніи... Богданъ ей нравился и лицомъ, и своимъ увлеченіемъ, и своею мощью: эта сила, что вскорѣ должна была открыть ему всюду широкія двери, особенно была привлекательна для „паненки“. Честолюбивая съ дѣтства, имѣющая всѣ данныя для власти, она до сихъ поръ играла въ жизни самую ничтожную роль; это терзало ее и раздражало еще больше; и вотъ появляется на ея горизонтѣ Богданъ, которому всѣ предсказывали такое высокое будущее. Марылька страстно ухватилась за этотъ способъ возвышенія. Но... любила ли она Богдана? Объ этомъ она и не думала да и сама не могла разобраться: такъ какъ до сихъ поръ сердце ея не знало пылкой любви, то она искренно поклялась бы, что одного Богдана лишь любитъ, что онъ для нея все. Особенно теперь, при напряженной борьбѣ за него съ Ганной, Марылька ощущала ѣдкое раздраженіе, поднимавшее теплоту ея чувства.

Уже были сумерки, когда Зося, бѣгая по „гайку“, натянулась на Марыльку.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ гдѣ моя кохана паненка, а я по всей левадѣ ищу!

— А что такое, Зося?—вздрогнула та,—вѣрно къ больной? Это становится скучно.

— Нѣтъ, я не оттуда...—съ трудомъ переводила духъ запыхавшаяся Зося,—а отъ пасѣки... думала, что тамъ панычъ, хотѣла позабавиться, да и наткнулась на разговоръ дѣда съ Ганджой.

— На какой?—заинтересовалась Марылька.

— Да вотъ рѣчь у нихъ шла про паненьку.

— Ну, ну!—даже привстала Марылька и съ тревогой оглянулась кругомъ.

— Они говорили про то, что паннѣ не подобаетъ быть католичкой, что козачка повинна быть греческаго закона, а то ляховку и семьѣ козачьей держать грѣхъ... что они объ этомъ сказывали и больной пани и что та встревожена, хотѣла просить Богдана, такъ Ганна заступилась: „Зачѣмъ, молъ, принуждать? Вѣдь намъ же, говоритъ, больно, если ляхи насъ заставляютъ приставать къ уніи... такъ и имъ. Да и на что это намъ? Она чужая... и никогда съ нами не побратается... вотъ, молъ, какъ оливы съ водой не соединишь, такъ и ее съ нами. Такъ пусть-де она и остается чужой".

— А, ехидна!—поблѣднѣла и прикусила себѣ губу Марылька.—Прямо ставитъ порогъ... накидаетъ на горло арканъ. Значитъ, медлить нельзя: тамъ цѣлая стая волковъ, а я одна... Ахъ, какъ тяжело быть одной на свѣтѣ!—вздохнула она и, опустившись на скамью, прислонила свою голову къ липѣ.

Въ это время вблизи раздались торопливые шаги, и Зося, вскрикнувши: „панъ-господарь", убѣжала въ глубь рощи; Марылька же встрепенулась было, какъ вспугнутая газель, но не убѣжала, а снова усѣлась на скамью, принявъ еще болѣе грустную позу.

— Такъ и думалъ, что здѣсь мою доньку найду... сердце подсказало,—подошелъ торопливо Богданъ и вдругъ остановился:—но что съ тобой моя любая „квиточка?" Ты грустна... ты плачешь... Ужъ не обидѣлъ ли тебя кто?

— Ахъ, тато, тато!—вздохнула глубоко Марылька и отвела руку отъ влажныхъ, повитыхъ тоскою очей.—Какъ мнѣ не грустить? Вѣдь одна я на этомъ холодномъ свѣтѣ... Одна сирота!.. Нѣтъ у меня близкихъ... всѣмъ я чужая!

— Какъ? И мнѣ?—опустился даже отъ волненія на скамью Богданъ.—Тебя обидѣлъ вѣрно этотъ литовскій пьяница?

— Нѣтъ, нѣтъ, тато,—перебила его грустно Марылька, всѣ мнѣ эти „можновладцы" противны... я презираю ихъ пьяную дерзость... а ты, тато мой любый... ты одинъ у меня на всемъ свѣтѣ,

Библиотека "Руниверс"

одинъ, одинъ!—залилась она вдругъ слезами и припала къ нему на грудь.

— И ты у меня одна,—вскрикнулъ Богданъ, опьяненный и близостью дорогого существа, и созвучіемъ охватившаго ихъ чувства,—одна, одна!.. Весь міръ... все... только бы тебя оградить... только бы осушить эти слезы... дать счастье, шепталъ онъ безсвязно, осыпая и душистые ея волосы, и дрожащія руки ея не отцовскими поцѣлуями...

— Тато!—выскользнувъ незамѣтно изъ его объятій, сказала Марылька и посмотрѣла на него пристальнымъ, печальнымъ до безконечности взглядомъ,—у меня такая тоска на душѣ, а неизвѣстность еще больше гнететъ. Я слыхала про смерть отца... онъ завѣщалъ меня тебѣ; но я не знаю его послѣднихъ минутъ, его послѣднихъ желаній... Разскажи мнѣ, дорогой, все про него, все, безъ утайки.

— Не растравляй своей тоски,—погладилъ ее нѣжно по головкѣ Богданъ,—ты и безъ того сегодня разстроена...

— Нѣтъ, нѣтъ, тато, разскажи на Бога!—сложила на крестъ руки Марылька.—Дай мнѣ съ нимъ побыть хоть немного мгновеній; это меня успокоитъ.

— Ой, смотри, моя „квиточка“,—хотѣлъ было еще уклониться Богданъ, но не могъ устоять передъ ея неотразимымъ, молящимъ взоромъ. И началъ разсказывать про отца, про его удаль и отвагу, про его самоотверженіе за товарищей, про его послѣднюю волю...

Марылька слушала Богдана съ трогательнымъ вниманіемъ; хотя слезы и набѣгали крупными каплями на ея собольи рѣсницы, но въ глазахъ ея отражалась не скорбь, а скорѣе горделивая признательность за доблести отца и благоговѣйная къ нему любовь.

— Ахъ, спасибо, спасибо,—шептала Марылька, сжимая свои тонкіе пальцы.—Тато мой! Если ты видишь свою доню съ высокаго неба, то благослови ее, сироту! Любила я тебѣ вѣчно, а теперь боготворю тебя... Значитъ, тато мой былъ козакъ? — обратилась она оживленно къ Богдану,—удалой запорожецъ, „щырый“ товарищъ?... Значитъ, и я козачка, а не ляховка?... Да, не ляховка, какъ меня дразнятъ... только вотъ что, зачѣмъ же мнѣ быть католичкой?

— Какъ, Марылька?... Ты сама хочешь стать...—развелъ руками Богданъ, устремивъ на свою дочку изумленные глаза.

— Не только хочу, но даже требую,—сказала серьезно и твердо Марылька.—Это оскорбленіе, что дочь со своимъ отцомъ разнаго закона. Я не хочу быть католичкой, я хочу быть одного съ вами обряда.

Библиотека "Руниверс"

— Господи! Святая ты моя, хорошая!... Козачка „щирая!“— цѣловалъ Богданъ ея руки, и Марылька теперь ихъ не отнимала.— Самъ Богъ тебѣ вдохнулъ такую думку. .—Вотъ радость мнѣ; такъ ужъ такая, что „сказиться“ можно... Ну, теперь „утнемъ“ всѣмъ языки... Ахъ ты, бей его сила Божія!...

— Тато! Скорѣй меня окрести,—прижималась къ нему Марылька,—скорѣй успокой мою душу!... Ты мнѣ будешь и крестнымъ батькомъ, еще больше породнишься...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Богданъ,—крестнымъ батькомъ тебѣ я ни за что не буду, да и не нужно,—ты не еврейка...

— А отчего же ты, тато, не хочешь?—вздохнула печально Марылька.

— Оттого...—посмотрѣлъ на нее Богданъ пристально,—сама догадайся...

Марылька взглянула на него лукавымъ, кокетливымъ взглядомъ и вдругъ вся залилась яркимъ румянцемъ.

Желаніе Марыльки присоединиться къ греческой церкви надѣлало много шуму; всѣ обитатели двора и „будынка“ были рады этой новости и ободряли Марыльку; одна только Ганна не вѣрила искренности ея желанія и подозрѣвала въ этомъ новый подвохъ, но она никому не высказала своихъ тайныхъ мыслей, а замкнула ихъ въ самой себѣ.

Отецъ Михаилъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ новой овцы въ свое духовное стадо, сталъ ежедневно приходить къ Марылькѣ и наставлять ее въ правилахъ греческаго закона.

Долетѣла объ этомъ вѣсть и до Чигирина; Чаплинскій возмутился страшно, предполагая здѣсь насиліе со стороны Богдана, и прилетѣлъ въ Субботовъ.

Богданъ встрѣтилъ его церемонно, но холодно, и на его разспросы сухо отвѣтилъ, что это желаніе самой Марыльки, а такъ какъ она полноправна, то никто и не можетъ тѣснить ея воли. Марылька на этотъ разъ обошлась съ Чаплинскимъ въ высшей степени сдержанно и заявила ему, что она сама пламенно желаетъ присоединиться къ греческому обряду, къ которому подъ конецъ жизни принадлежалъ и ея отецъ, и что всякія увѣщеванія и совѣты здѣсь безполезны. Чаплинскій пригрозилъ было старостой, но на эту угрозу Марылька отвѣтила гордою, презрительною улыбкой. Такъ онъ и уѣхалъ, не солоно хлебавши, затаивъ въ своей душѣ на Богдана страшную злобу.

Прошло нѣсколько дней. Марылька, присоединенная уже торжественно къ греческой церкви и нареченная Еленой, неотлучно сидѣла у изголовья своей умирающей матери, силы которой уга-

Библиотека "Руниверс"

сали съ каждымъ днемъ... Всѣ окружающіе, а особенно больная, относились теперь къ новой единовѣркѣ, Еленѣ, чрезвычайно тепло и любовно, словно желали загладить бывшіе недружелюбные о ней отзывы.

— Ахъ, какъ я рада, что ты теперь совсѣмъ наша, моя донечка! — шептала задыхаясь пани Хмельницкая. - Хотѣлось бы тебя пристроить, дѣтокъ довесть до ума.., да уже и думки мои оборвались... Чую, что смерть за плечами.

— Что вы, мама?—встревожилась Елена.— Господь милостивъ... Выпейте вотъ зелья, уснете... силы наберетесь,—подала она приготовленный въ горшечкѣ напитокъ.

— Нѣтъ ужъ, пора...—хлебнула все-таки лѣкарства больная,—и то всѣмъ надокучила. Охъ, худо мнѣ!... Моченьки нѣтъ! Покличь, родненькая, скорѣе Богдана,—упиралась она костлявыми руками въ подушки, желая присѣсть.

Елена побѣжала въ тревогѣ за Богданомъ, но его на этотъ моментъ не было дома; пока побѣжали звать пана, она вернулась къ больной и замѣтила, что та начинала дремать подъ вліяніемъ наркоза. Измученная пережитыми за послѣдніе дни волненіями, тревогами и физическою усталостью, Елена воспользовалась тоже минутнымъ успокоеніемъ больной, и сама прикурнула за пологомъ кровати на какихъ то мѣшкахъ съ сушеными яблоками.

На долго ли забылась Елена, или нѣтъ,—она не помнила; но ее разбудилъ стукъ тяжелыхъ сапогъ и сдержанный говоръ. Въ комнатѣ было уже совершенно темно, и Елена по голосу только узнала, что говорилъ съ умирающей женой ея мужъ Богданъ.

— „Дружино“ моя любая,—шептала едва слышно, рвущимся голосомъ умирающая,— отпустило мнѣ немного... такъ я хочу тебѣ... сказать мое послѣднее желаніе... Спасибо тебѣ, соколъ мой... за счастье, что далъ мнѣ... за все!... Тамъ я за тебя и за дѣтокъ буду Бога молить. Десять лѣтъ уже я тебѣ не жена... а калѣка, „нахаба“... Прости, что такъ долго мучила... не моя на то воля...

— Голубка моя, что ты?—промолвилъ растроганнымъ голосомъ Богданъ,—да мнѣ и думка такая не приходила!

— Борони, Боже!... Развѣ я на тебя нарекаю?... Только постой...—съ страшнымъ усиліемъ старалась она вдохнуть широко раскрытымъ ртомъ воздухъ,—дай мнѣ договорить... а то духъ забиваетъ... Ты еще молодъ... силенъ... тебѣ нужно жить въ парѣ... да и сиротамъ моимъ нужна мать... Такъ я прошу тебя... „благаю“: женись послѣ моей смерти... и женись на Ганнѣ: она тебя любитъ.. она для моихъ дѣтокъ будетъ наилучшею матерью... Я тогда буду покойна... за нихъ...

Библиотека "Руниверс"

Богданъ молчалъ, но по нервному, порывистому дыханію можно было судить, что онъ сильно взволнованъ.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу?—допытывалась, дыша тяжело, съ хрипомъ, пани.

— Моя „люба“,—послѣ долгой паузы отвѣтилъ, наконецъ, Богданъ,—мнѣ больно слушать... и думка про это—кощунство! Можетъ, Господь еще исцѣлитъ тебя... вѣдь всякое чудо въ рукѣ Божьей...

— Нѣтъ... „годи“: я молюсь, чтобъ прибралъ,—закашлялась пани, судорожно хватаясь руками за грудь.—Воды... Воды!—прохрипѣла она, опрокидываясь на подушки.

Богданъ бросился за „кухлемъ“ въ свѣтлицу, а Елена, воспользовавшись его отсутствіемъ проскользнула незамѣтно въ дверь, убѣжала въ свою горенку и упала со слезами въ подушки.

Припадокъ больной, впрочемъ, прошелъ, и она, напившись зелья, снова успокоилась и заснула. Богданъ вышелъ на цыпочкахъ изъ ея комнаты въ свѣтлицу, заглянулъ въ „панянскую“ и не нашедши въ ней Елены, пошелъ искать ее въ садъ. Но, не смотря на усердные поиски и окликанія, не нашелъ ее ни въ саду, ни въ „гайку“; въ волненіи и тревогѣ онъ направился въ ея горенку. Елена услыхала приближающіеся къ ней тяжелые, хотя и сдержанные шаги и затрепетала, какъ въ лихорадкѣ, забившись въ уголъ кровати.

— Оленочко, зирочко, ты здѣсь?—спросилъ шепотомъ Богданъ, подвигаясь въ темнотѣ ощупью.

— Здѣсь, одна...—едва слышно, дрожащимъ голосомъ отозвалась Елена.

— Гдѣ-же ты?—подходилъ осторожно къ кровати Богданъ.

— Ахъ, не подходи, тато!—всхлипнула она, ломая руки, такъ что пальцы ея захрустѣли.—Я такая несчастная, я не могу этого перенесть! Увези меня отсюда, забрось куда-нибудь далеко, не то я руки на себя наложу!

— Дитятко мое, что съ тобой?—стремительно подошелъ къ ней Богданъ.—Ты плачешь? Ты вся дрожишь?—обнялъ онъ ее и осыпалъ поцѣлуями ея голову и руки.

— Не могу, не могу я здѣсь оставаться,—билась она у него на груди, какъ подстрѣленная птица.—Я была въ маминомъ покоѣ, я слыхала ея просьбу.

— А, вотъ что!—задрожалъ, въ свою очередь, Богданъ: лихорадочный жаръ заражалъ и его.—Я не далъ слова, а тебѣ же, мое дитятко, что?—прижималъ онъ ея головку къ своей груди,

Библиотека "Руниверс"

нагнувшись къ ней такъ близко, что ощущалъ даже зной ея порывистаго дыханія.

— Какъ что?—затрепетала Елена,—и вдругъ, приподнявшись на кровати, вскрикнула страстно—прости мнѣ Боже, не властна я надъ сердцемъ!—вѣдь я люблю тебя! и, обвивши его шею руками, она упала къ нему на грудь и примкнула своимъ разгорѣвшимъ лицомъ къ его лицу.

— Ты? Меня?—даже задохнулся отъ прилива страсти Богданъ.—Какое счастье!... Я только мечталъ о немъ, только и думалъ! Не перенесть такой утѣхи: она жжетъ меня полымемъ... Да вѣдь и я тебя, моя ненаглядная зирочко, моя рыбонько, безумно, „шалено“ люблю, „кохаю“ тебя одну, какъ никого еще не любилъ, до потери разума, до потери жизни!—обнималъ онъ ее порывисто и страстно, обнималъ и цѣловалъ всю, забывая все окружающее, забывая весь міръ

— Да, да, соколъ мой, радость моя!—прижималась къ нему все ближе и горячѣе Елена.—Такъ пропадай все! Нѣтъ для меня больше блаженства, какъ быть твоею...

— Такъ и будь же моею на вѣки!—прошепталъ обезумѣвшій отъ страсти Богданъ.

Мрачно въ Субботовскомъ домѣ; словно чернымъ саваномъ покрыла его налетѣвшая „туча“.

Съ печальными лицами, съ влажными глазами, на цыпочкахъ, осторожно всѣ ходятъ и прислушиваются къ шороху, къ малѣйшему шуму; встрѣтятся два лица, вопросительно, тревожно взглянутъ другъ на друга и молча разойдутся въ разныя стороны, иногда только тупое безмолвіе нарушится слабымъ стономъ, заставивъ всѣхъ вздрогнуть.

Уже третій день, какъ пріобщилась Св. Таинъ пани Хмельницкая и почти третій день, какъ лежитъ она въ безсонательномъ состояніи; придетъ немного въ себя, застонетъ отъ невыносимой боли, поманитъ умоляющими жестами, чтобъ ей дали успокоительнаго питья, и снова впадетъ въ предсмертный, изнурительный сонъ. Ей уже и не отказывали въ этомъ напиткѣ, видя неотразимую, безъисходную развязку ея страданій и желая хоть этимъ облегчить агонію.

Елена тоже третій день не сходитъ со своей горенки внизъ, сказавшись больной. Приходила навѣстить ее Катря, но Елена, блѣдная и смущенная, уклонилась отъ всякихъ разговоровъ о своей болѣзни, отъ всякихъ ухаживаній за ней и отъ лѣкарствъ, прося лишь, чтобы ее оставили въ покоѣ. Катря ушла отъ нея, обиженная этимъ пріемомъ. Вообще болѣзнь и поведеніе Елены возбудили

Библиотека "Руниверс"

бы въ иное время много недоразумѣній и пересудовъ, если бы всѣ не были пришиблены висящимъ надъ головой горемъ.

Зося, придя утромъ къ своей коханной панянкѣ, была поражена ея видомъ.

— Ой, панно „цо̀ то есть?“—не удержалась она отъ восклицанія.

— То, что и должно было быть,—отвѣтила сквозь зубы, не глядя на Зосю, Елена.

— То „скутки“ (послѣдствія) греческаго обряда?

— То „скутки“, глупая, моей воли,—прищурила презрительно глаза Елена.—То порогъ къ моей власти и силѣ, то цѣна паденія Ганны.

— А! такъ, значитъ...—хотѣла было пояснить Зося.

— Такъ значитъ,—перебила ее съ раздраженіемъ панна,—что тебѣ нечего совать свой носъ, коли ни „дьябла“ не понимаешь, значитъ, что я теперь госпожа и приказываю тебѣ молчать и не разсуждать.

Зося закусила языкъ и съ рабскою покорностью начала убирать постель и комнату панны.

Богданъ, волнуемый тревогой, укоромъ совѣсти и страстью, былъ почти неузнаваемъ; внутренній огонь словно пепелилъ его и подрѣзывалъ силу, благо агонія больной давала приличное этому объясненіе; Ганна даже останавливала на немъ умиленный, лучистый свой взоръ; но Богдану казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него съ страшнымъ укоромъ и пронизываютъ его сердце насквозь.

Богданъ приходилъ къ умирающей и чувствовалъ, что въ душѣ у него росло, какъ прибой, обвиненіе, что онъ передъ ней виноватъ, что даже стыдно высказызать здѣсь свое горе, такъ какъ все это будетъ притворствомъ, святотатствомъ... и отъ непослушной внутренней боли онъ сжималъ до хруста пальцевъ свои сильныя руки и уходилъ... уходилъ въ „гай“, разобраться наединѣ съ своимъ сердцемъ. Но и тихій, задумчивый „гай“ не могъ усмирить бушевавшей въ немъ бури.

„Да, и дѣти тоже,—ходилъ онъ по извилистымъ, узкимъ дорожкамъ, заложивъ за спину руки и думалъ, склонивъ чубатую голову,—смотрятъ такъ трогательно на убитаго горемъ отца, а онъ...“—язвительно усмѣхнулся Богданъ и опустился на скамейку.—„Но что же дѣти?—поднялъ онъ голову.—Да развѣ я обязался быть чернецомъ? Развѣ я переставъ ихъ любить? Да и передъ кѣмъ я поклялся отречься отъ счастья? Я и безъ того десять лѣтъ волочусь бобылемъ. Меня не упрекнула бы и жена,—успокоивалъ онъ

Библиотека "Руниверс"

себя,—не упрекнула бы эта „кроткая голубица“,—и обвиненія, и оправданія, и лукавые афоризмы, и искреннія угрызенія совѣсти кружились ураганомъ въ его головѣ, давили его сердце тоскою, а образы, блѣдные, изнуренные трудомъ, искалѣченные насиліемъ, стояли передъ нимъ неотступно.

— Да что это!—произнесъ, наконецъ, вслухъ раздраженный Богданъ,—съ ума схожу я, что ли? Развѣ я забылъ свой народъ? Откуда-жъ этотъ вздоръ, кто укорять меня смѣетъ? Вотъ передъ кѣмъ,—всталъ онъ въ приливѣ страшнаго возбужденія,—вотъ передъ кѣмъ я единственно виноватъ, передъ горлинкой, передъ этимъ ангеломъ небеснымъ!—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Какъ воръ я подкрался къ ней, беззащитной, какъ коршунъ заклевалъ довѣрчиво прильнувшаго ко мнѣ птенчика!.. Одна она только жертва, и ей въ искупленіе—вся моя жизнь!

Онъ направился къ своей любимой липѣ и взглянулъ пристально въ окна мезонина! но онѣ были закрыты и сквозь ихъ стекла бѣлѣлись спущенныя занавѣски.

— Что-то съ ней, моей радостью, моимъ солнышкомъ? Не выходила... Здорова ли? Хоть бы взглянуть, замолить... Но сейчасъ всѣ слѣдятъ, пойдутъ сплетни, люди вѣдь такъ злы!

И онъ отправляется снова въ свѣтлицу, заходитъ къ умирающей, молча терпитъ тайную муку и ждетъ не дождется удобнаго момента.

Елена цѣлый день провела въ страшномъ волненіи и неумолкаемой тревогѣ: она поставила теперь на карту все и съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала, куда падетъ выигрышъ? И стыдъ, и проблески зарождавшейся страсти, и невѣдомый страхъ за исходъ, и даже мимолетные порывы отчаянія заставляли ея сердце трепетать тоской, кипятили кровь до головной боли.

„Отчего не приходитъ до сихъ поръ Богданъ? Неужели онъ такъ покоенъ? Неужели не можетъ для меня хоть на мигъ оставить этотъ трупъ?“—задавала она себѣ сто разъ эти вопросы, прислушивалась къ шуму, стояла у входныхъ дверей и ждала.

Но внизу было тихо, безмолвно; никто не приходилъ къ ней, и Елена въ нервномъ раздраженіи плакала, проклинала себя, проклинала весь міръ.

Къ вечеру только, въ сумерки, услыхала она знакомые, крадущіеся шаги по своей лѣстницѣ.

Елену забила лихорадка: она схватилась и сѣла у окна, неподвижно склонивъ свою голову и прикрывши рѣсницами лазурь своихъ глазъ.

Библиотека "Руниверс"

Богданъ взглянулъ на нее и въ порывѣ терзаній, разившихъ его мощную грудь, бросился передъ ней на колѣни и осыпалъ поцѣлуями.

Вздрогнула Елена, оглянулась и зардѣлась вся до тонкихъ ушей густымъ румянцемъ.

— Прости, прости меня, ангелъ небесный, ненаглядная моя, счастье мое, рай мой!—шепталъ Богданъ дрожащимъ отъ страсти голосомъ,—потерялъ я разумъ и волю, ты все сожгла!... Ахъ, какъ безумно люблю я тебя!

— Такъ за что же ты просишь прощенія, мой любый, мой коханый?—провела она нѣжной рукой по его львиной чупрынѣ и прильнула губами къ его губамъ,—вѣдь ты любишь меня? Такъ какого мнѣ еще блаженства желать? Ты меня не обманешь...

— Клянусь всѣмъ, прервалъ ее и поднялъ порывисто руку Богданъ,—честью моей, жизнью, благомъ моей родины; только лишь минетъ время, и я тебя передъ лицомъ церкви и свѣта назову своею „дружиной“.

— Я тебѣ вѣрю... доказала, что вѣрю...—обвила она горячо его шею руками и прильнула къ нему упругою, трепещущею грудью.— И я тебѣ клянусь, добавила она послѣ паузы, съ приподнятымъ чувствомъ,—быть вѣрною, нѣжною и пылкою женой до самой, до самой смерти...

— О, моя радость!...—ласкалъ и прижималъ ее опьянѣвшій снова Богданъ,—посланная мнѣ Богомъ подруга!... Ахъ, какое счастье! Умереть бы въ такую минуту..

— Тсс!—отстранилась въ испугѣ Марылька,—подъ лѣстницей шаги... Нехорошо... Нехорошо, если тебя застанутъ здѣсь... поспѣши туда. Что же дѣлать?... Потерпимъ недолго,—прошептала она, и глаза ея вспыхнули зноемъ.

— Ахъ... вотъ она, жизнь...—простоналъ даже Богданъ,— кричитъ, требуетъ... хоть одинъ еще торопливый поцѣлуй на прощанье!

— На, вотъ какой!—впилась она въ его губы и страстно прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.—Ну, пока будетъ!...—отшатнулась она и, взглянувши кокетливо на Богдана, взяла его слегка за ухо и пропѣла:—у, тато! хорошъ тато!—а потомъ, опустивши стыдливо глаза, вырвалась изъ его объятій и убѣжала.—Что-то непріятное полоснуло по сердцу Богдана при этой шуткѣ, но, опьяненный восторгомъ, онъ почти не замѣтилъ ее.

Точно очумѣвшій отъ чада, сошелъ онъ съ лѣстницы безсильный даже скрыть игравшую во всемъ его существѣ радость.

Библиотека "Руниверс"

На счастье его, раздававшіеся внизу шаги оказались принадлежащими Морозенку, пріѣхавшему изъ Сѣчи съ запросами и порученіями отъ Нечая; Богданъ бросился съ такимъ увлеченіемъ обнимать его, что удивилъ своимъ восторгомъ не только Олексу, но даже и бывшихъ при свиданіи свидѣтелей, особенно Ганну; послѣдняя взглянула на него пристально и изумилась: ни тѣни бывшей тоски на лицѣ, ни капли печали, а одна лишь утѣха да сладость.

Ганна вспыхнула сначала огнемъ, а потомъ поблѣднѣла. „Нѣтъ, не обманешь,—пронеслось стрѣлой въ ея головѣ,—не Морозенку радъ ты, а не можешь скрыть своей радости. Разъ и меня ты обнялъ“,—рѣзнуло ее страшной болью это воспоминаніе, и она, прошептавъ неслышно: „Ой, украли у насъ солнце красное“,—схватилась за притолку двери, чтобъ не упасть.

Богданъ поспѣшилъ увесть Морозенко на свою половину, чтобы самому поскорѣй уйти отъ непрошенныхъ наблюденій.

Выскочила въ сѣни вся раскраснѣвшаяся, взволнованная Оксанка и чуть не расплакалась, что не застала Олексы. Потомъ, обведя глазами, она увидала свою любую Ганночку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ, едва державшуюся на ногахъ, увидала и подбѣжала къ ней съ непритворнымъ участіемъ.

— Что съ вами, родненькая?—взяла она ее за холодныя руки и прижала ихъ къ своимъ губамъ.—Вы нездоровы?

— Проведи меня... въ дѣтскую... простонала слабо Ганна,—прилягу... пройдетъ.

Оксана едва ее довела, такъ она шаталась изъ стороны въ сторону, и почти уронила ее на постель... Ганна упала и разразилась истерическими рыданіями.

Когда Морозенко встрѣтился съ Оксанкой, то, послѣ пламенныхъ поцѣлуевъ, послѣ нѣжныхъ ласкъ и объятій, послѣ безсвязныхъ безсмысленныхъ, но счастливыхъ обрывковъ рѣчей, прерываемыхъ шепотомъ, вздохами и нѣмыми моментами непереживаемаго дважды блаженства,—послѣ всего этого началъ онъ, наконецъ, разспрашивать Оксану про причину какой-то придавленности всѣхъ въ Субботовѣ, про значеніе скрываемой радости и нескрываемыхъ слезъ.

— Развѣ ты не знаешь?—Титочка, мамо наша... вотъ, вотъ умретъ...—простонала Оксана.

— Слыхалъ, слыхалъ,—сочувственно вздохнулъ и Олекса,—но что-жъ? Давно вѣдь всѣ это знаютъ... тутъ благодарить нужно Бога, что беретъ ее къ Себѣ, прекращаетъ муки... Но только помѣчаю я,—качнулъ онъ головою,—что, помимо пани-господарки, что-то затуманило, замутило всѣхъ здѣсь.

Библиотека "Руниверс"

— Да! Ты не знаешь развѣ? Правда, правда, безъ тебя возвратился сюда панъ-господарь изъ Варшавы съ какою-то панянкой...

— Съ Марылькой?—вспыхнулъ Олекса.

— А ты почемъ знаешь?—всполошилась Оксана.

— Какъ же не знать? Вмѣстѣ съ батькомъ „выратовали“ ее, вмѣстѣ „гайдались“ на морѣ, вмѣстѣ ѣхали верхомъ ажъ до Каменца... Она такая ласковая, славная, красавица писаная!

— И тебя околдовала?—устремила Оксана съ ужасомъ на Олексу свои большіе, черные, готовые брызнуть слезами глаза.—Ты „закохался?“ Охъ, пропалъ же ты, пропала и я!—всплеснула она въ отчаяніи руками.

— Господь съ тобой!—перекрестилъ ее Олекса, отступивъ на шагъ,—что тебѣ въ думку пришло?

— Да, да...—оглянулась она трусливо и, нагнувшись къ его уху, прошептала съ глубокимъ убѣжденіемъ:—она вѣдьма, она знахарка, „чаклунка“... Она испортила своимъ колдовствомъ нашего батька, она ускорила своимъ зельемъ смерть пани-титочки, она обидѣла кровно голубку Ганнусю... и та черезъ нее сколько разъ плакала, а теперь и совсѣмъ уѣзжаетъ отсюда... Я ее не люблю... и баба не любитъ... Хоть она и приняла нашу вѣру, а я, хоть и грѣхъ, а не повѣрю ей ни въ чемъ, ни въ чемъ!

— Такъ она уже и вѣру перемѣнила?—задумался Олекса.

— Перемѣнила, перемѣнила, а послѣ этого,—добавила серьезнымъ шопотомъ Оксана,—у насъ еще хуже стало...

Оксанку позвали къ умирающей; послѣдняя просила къ себѣ Елену, но Богданъ остановилъ Оксанку и сказалъ, что панна больна отъ безсонныхъ ночей и что ей нужно дать еще отдыхъ. Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ: умирающая то металась на постели въ тоскѣ, то лежала неподвижно, безъ памяти.

Богданъ, узнавши, что Ганна захворала, зашелъ съ тревогою къ ней.

— Что съ тобой, моя ясочко?—присѣлъ онъ на ея кровати, положивъ ласково на ея голову руку.—Ты истомилась, извелась возлѣ несчастной больной, давно замѣчаю, какъ ты блѣднѣешь.

Ганна ничего не отвѣтила, а только задрожала вся, какъ въ ознобѣ, и заплакала тихо, беззвучно.

— Ты за титочкой „побиваешься“—смутился ея слезами Богданъ. Онѣ зажгли его гдѣ-то далеко въ тайникахъ сердца, всполохнули трепетавшую тамъ радость и холодомъ побѣжали къ „чурынѣ“. Ахъ, какое у тебя сердце золотое, святое!—вздохнулъ онъ и поцѣловалъ ее въ голову.

Библиотека "Руниверс"

Вздрогнула отъ этого поцѣлуя Ганна и встала порывисто съ кровати; встала и отошла въ уголъ, устремивъ на Богдана такой всепрощающій, такой печальный взглядъ, что тотъ не выдержалъ этого кроткаго укора и отвернулся въ смущеніи.

— Отпустите меня, дядьку,—едва слышно прошептала она, хватаясь рукой за стѣну,—тяжело, тяжело мнѣ, невыносимо. Вотъ это святое сердце,—улыбнулась она грустно—видите, какъ извело меня, и что его золото,—подчеркнула она,—стоитъ?... Однѣ безполезныя муки.

— Что ты? О чемъ ты?—обернулся взволнованный, потрясенный ея словами Богданъ.

— Къ брату хочу... въ Золотарево.

— Въ такую минуту насъ хочешь кинуть?

— Ахъ, правда!—заломила она руки,—хоть титочка, мама моя, „порадница“ моя, уже почти на Божьихъ рукахъ, но уйти отъ нея...

— А отъ меня, отъ дѣтей-сиротъ ушла бы?—промолвилъ огорченнымъ голосомъ Богданъ.

— Ай, дядьку мой, батько нашъ единый!—всплеснула она руками и скрестила пальцы,—не спрашивайте... не нужно. И вамъ, и всѣмъ тяжело, больно!

Она, шатаясь, ушла къ титочкѣ и опустилась передъ ней на колѣни.

Къ вечеру больной сдѣлалось видимо лучше; она открыла глаза и поманила Ганну рукой.

— Всѣхъ хочу видѣть, всѣхъ, проститься,—беззвучно прошептала она, но Ганна, по движенію губъ, поняла ея желаніе.

Тихо, торжественно, съ благоговѣйною печалью начали входить всѣ ближайшіе члены семьи въ комнату умирающей; вошла теперь въ нее и Елена.

Вошла она съ поникшею головой, тихая, робкая, умиленная общею печалью; вошла и окаменѣла.

Передъ страшнымъ таинствомъ смерти и гордые духомъ смиряются, а слабые трепещутъ и падаютъ ницъ; видъ человѣка, стоящаго на рубежѣ вѣчности, поражаетъ все наше чувство и смущаетъ слабый умъ роковымъ вопросомъ: что онъ, догорающій нашъ собратъ, за этимъ мрачнымъ пологомъ черезъ мгновеніе увидитъ? И этотъ безотвѣтный, неразрѣшимый вопросъ наполняетъ холодомъ наше сердце, робостью—душу, ничтожествомъ—мозгъ.

Такія же, быть можетъ, мысли освѣтили ледянымъ блескомъ головку Елены и заставили ее затрепетать; она подняла глаза на умирающую, и ей показалось, что это лежитъ передъ ней не на-

Библиотека "Руниверс"

званная мать ея, а грозный судья, и что чрезъ мигъ этотъ судья броситъ къ подножію Бога свои чувства, оскорбленныя безпощадной рукой, не пощадившей даже послѣднихъ страданій.

Елена нервно вскрикнула и упала къ ногамъ умирающей. Богданъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Катря, Оленка и Андрійко опустились на колѣни передъ матерью... Это смягчило нѣсколько и сгладило отчаяніе Елены, поразившее всѣхъ своимъ непонятнымъ порывомъ; Богданъ тоже подошелъ къ изголовью своей жены.

Послѣдняя лежала неподвижнымъ пластомъ, безъ дыханья; грудь ея почти не шевелилась, глаза были полузакрыты, по коченѣвшимъ мускуламъ пробѣгала изрѣдка холодная дрожь.

Крикъ Елены вызвалъ ее на мгновеніе изъ летаргіи; она съ страшнымъ усиліемъ открыла глаза и обвела всѣхъ сознательнымъ взглядомъ.

Какъ догорѣвшая лампада вспыхиваетъ въ послѣдній разъ яркимъ огнемъ, такъ и въ этомъ, почти безжизненномъ трупѣ вспыхнула на мигъ жизненная энергія и освѣтила неописанною радостью лицо, зажгла свѣтильники глазъ, подняла голосъ...

— Какое счастье Господь мнѣ грѣшной послалъ,— прошептала умирающая медленно, но довольно внятно; казалось только, что голосъ у нея не вылеталъ изо рта, а оставался внутри и оттуда глухо звучалъ.— Какая ласка, что я васъ всѣхъ вижу... всѣ дорогія мнѣ лица,—всматривалась она пристально,—вокругъ меня, вотъ я всѣхъ и запомню и возьму вмѣстѣ съ собой эту „память“ и запрячу ее у Бога... Простите же меня,—повела она вокругъ напряженнымъ взоромъ.—Если я кого обидѣла, „пробачьте“ мнѣ, грѣшной... ты первый,— положила она на голову Богдана дрожащую руку,—прости меня...

— Меня, меня прости!—захлебнулся слезами Богданъ и припалъ къ ея холодной рукѣ.

— Молиться буду...—все тише и труднѣе произносила она слова.—И вы, дѣтки, благословляю васъ...—старалась она коснуться рукой каждой головки.—Доглядайте ихъ, моихъ „зирокъ“... Господь вамъ за это... Ганна!... замѣни имъ...—деревенѣлъ звукъ ея голоса, совершенно теряясь.—И ты, Елена,—снова поднялся онъ до ясности,—не обижай ихъ и его, его...—перевела она глаза на Богдана.—Берегите, „шануйте“... Его сердце всѣмъ несчастнымъ нужно, а я за васъ... вѣкъ... вѣдь ласка Его безъ конца... Устала... про...—замеръ вдругъ звукъ, занѣмѣло въ послѣднемъ напряженіи тѣло и остановились расширенные глаза, стекло ихъ помутилось, померкло.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ вздрогнули, почуявъ вѣянье крыла смерти, и опустились съ смиреніемъ на колѣни... Сдерживаемыя рыданья прорвались, наконецъ, и понеслись волной изъ покоя усопшей въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы во дворъ, изъ двора разлились по Субботову, по поселкамъ, смѣшавшись съ волнами заупокойнаго, печальнаго звона...

Какъ во снѣ промелькнула тяжелая церемонія похоронъ. Всѣ ходили, всѣ двигались, хлопотали, но какъ то машинально, не давая себѣ отчета, зачѣмъ и къ чему исполняютъ они всѣ эти обряды, обычаи, помня только одно, что все это нужно, что всегда это бываетъ такъ.

Ганна даже рада была этимъ хлопотамъ, она вся отдалась имъ: ходила, обмывала покойницу, не присѣдала ни на мгновенье, даже читала надъ ней по цѣлымъ ночамъ,—казалось, что физическое утомленіе давало ей какое-то успокоеніе души: она забывалась, она отвлекалась механически отъ своихъ думъ. Когда же ночью она оставалась одна у изголовья покойницы и всѣ засыпали кругомъ, а въ открытыя окна заглядывало только звѣздная ночь, Ганна тихо и долго плакала, не спуская глазъ съ застывшаго измученнаго лица. Она смутно чувствовала, что со смертью этого существа все порвалось, все измѣнилось въ Субботовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, больное, измученное созданіе, неспособное принять никакого участія въ жизни, служило здѣсь все-таки крѣпкимъ, связывающимъ звеномъ, а теперь всѣ были свободны. Еще и не схоронили покойницу, а слѣды ея смерти уже сдѣлались замѣтны всѣмъ. Правда, Елена видимо раздѣляла общую скорбь, но прежней покорной, услужливой и любезной дѣвочки не было и слѣда. Обращеніе ея сдѣлалось сдержаннымъ и надменнымъ, и Ганна ловила на себѣ не разъ презрительный взглядъ ея холодныхъ синихъ очей.

— Титочко, титочко,—шептала она, прижимаясь головой къ холоднымъ, скрещеннымъ на груди рукамъ покойницы, и слезы тихо сплывали одна за другой изъ глазъ Ганны на эти окаменѣвшія руки, и Ганна чувствовала, что больше уже не нужны „титочкѣ“ ни ея заботы, ни услуги, да и вообще, что она, Ганна, не нужна больше въ Субботовѣ никому. Дѣти выросли... одинъ только Юрась, да и тотъ льнетъ охотно къ Еленѣ... „титочка“ умерла, а Богданъ... Охъ, ему теперь утѣхи довольно! И гдѣ то былое время, когда онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ нею надъ хуторами, надъ пріемомъ бѣглецовъ, когда дѣлился съ нею каждою думой, каждою мыслью своей? Минуло, прошло! Все, все прошло безвозвратно, какъ осенній туманъ надъ водой. Картины прошлой жизни проходили, какъ живыя передъ ея глазами, и Ганна невольно прерывала свое чтеніе, такъ какъ слезы застилали ей глаза. Одна мысль стояла передъ ней

Библиотека "Руниверс"

ясно и неоспоримо: Субботовъ умеръ для нея, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и ея жизнь!

Богданъ сносилъ свое горе сдержанно и спокойно, но видимо какая-то другая мысль угнетала его; онъ избѣгалъ встрѣчи съ Ганной, избѣгалъ ея взгляда, грустнаго и тихаго, словно подавленнаго безвыходною тоской.

Въ домѣ было мрачно и тихо. То и дѣло прибывали толпы крестьянъ и сосѣдней шляхты поклониться покойницѣ. Всѣ входили безшумно, прикладывались къ мертвой рукѣ и, разспросивши шепотомъ о подробностяхъ смерти, грустно покачивали головами и отходили къ сторонѣ. Два раза въ день служились панихиды. Запахъ ладона проникалъ въ самые отдаленные уголки. Наконецъ, насталъ и третій день; схоронили покойницу и возвратились домой.

Опустѣла маленькая комнатка, гдѣ за столько лѣтъ всѣ привыкли видѣть неизмѣнно больное, но доброе лицо хозяйки и слышать ея слабый, прерывающійся голосъ. Теперь можно было и ходить и говорить громко, но несмотря на это, всѣ двигались безшумно и вырвавшійся нечаянно громкій возгласъ пугалъ всѣхъ, словно смерть еще не покинула этотъ домъ. Такъ насталъ и девятый день.

Съ самаго ранняго утра и даже съ вечера началъ прибывать въ Субботово народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Вѣсть о смерти жены пана генеральнаго писаря и о томъ, что онъ дастъ на девятый день большой поминальный обѣдъ, успѣла уже облетѣть всѣхъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Хлопоты и заготовленія къ обѣду начались еще за три дня. Между прибывающими толпами виднѣлось множество нищихъ, калѣкъ, слѣпцовъ и бандуристовъ. Въ ожиданіи панихиды и обѣда люди группировались кружками, то сообщая о своемъ житьѣ-бытьѣ, то разспрашивая о новостяхъ у захожихъ бандуристовъ и слѣпцовъ.

Оксана, Катря, Олекса и дворовыя дивчата суетились во дворѣ, устанавливая на столахъ огромные полумиски съ нарѣзанными ломтями хлѣба, оловяные стаканы, ложки, солонки и все, что нужно было для обѣда.

Среди собравшихся нищихъ одинъ только не принималъ участія во всеобщихъ разговорахъ. Судя по внимательнымъ взорамъ, которые онъ бросалъ по сторонамъ, можно было бы заподозрить его въ какомъ нибудь зломъ умыслѣ, кстати и гигантская фигура незнакомца, почти закрытая всклокоченною бородой, съ надвинутою на самые глаза шапкой могла внушать большія опасенія, но гигантскій нищій, казалось, не имѣлъ никакихъ злостныхъ намѣ-

Библиотека "Руниверс"

реній,—онъ держалъ себя весьма странно и нѣсколько разъ, отвернувшись отъ всѣхъ, утиралъ глаза рукавомъ.

— Дивчыно, какъ звать тебя?—обратился онъ, наконецъ, къ Оксанѣ, останавливаясь передъ нею и опираясь руками на палку.

— Оксаной,—отвѣтила та, смотря съ изумленіемъ на нищаго и вслушиваясь въ его глухой и неестественный голосъ.

Странный нищій давно уже обратилъ на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что Морозенко, она замѣтила это, видимо обрадовался его приходу и нѣсколько разъ шепталася и переговаривался съ нимъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ задумчиво нищій, покачивая грустно головой.—А выросла ты, дивчыно, и расцвѣла, какъ пышный макъ!

— Развѣ вы знали меня?—изумилась Оксана.

— Мнѣ ли не знать? Зналъ, зналъ.

— А я васъ, дядьку, не помню.

Да куда-жъ тебѣ,—маленькой была... А что, хорошо ли тебѣ здѣсь, у пана-писаря?

— Хорошо, слава Богу,—отвѣтила Оксана, смотря съ еще большимъ изумленіемъ на страннаго нищаго.—Любятъ, „титочка“ любила, Ганна, ну, и другіе тамъ,—опустила она глаза и снова подняла.

— Ты, дивчыно, не дивись,—поспѣшилъ онъ успокоить ее.—Вѣдь я тебѣ почитай что родной, вѣдь я товарищъ твоего батька.

— Батька? Такъ вы, быть можетъ, знаете что нибудь о немъ?—вскрикнула Оксана и хотѣла было разспросить неизвѣстнаго товарища, но голосъ бабы призвалъ ее.

Дивчына побѣжала поспѣшно, а нищій бросилъ въ сторону ея удаляющейся стройной фигурки долгій и любовный взглядъ.

Болѣе знатные гости изъ старшины или вельможныхъ сосѣдей подъѣзжали на колымагахъ къ рундуку будынка.

Въ отдѣленіи господаря, въ средней свѣтлицѣ и въ свободной теперь комнатѣ покойницы, толпились именитые гости. Среди нихъ въ отдѣльной кучкѣ таинственно бесѣдовалъ о чемъ-то панъ Чаплинскій со своимъ зятемъ Комаровскимъ; всѣ окружающіе, очевидно, близкіе люди, поляки, наклоняли и вытягивали головы, чтобы услышать интересныя сообщенія пана-подстаросты, но среди шопота и недомолвокъ долетали до заднихъ рядовъ только отрывочныя фразы.

— Клянусь вамъ, панове,—только тихо, и лисица будетъ въ капканѣ. Уже слѣды открыты. Гончихъ и доѣзжачихъ у нашего вельможнаго панства—не счесть... хвостомъ долго не поманешь... и цапъ-царапъ!... Ха, ха, ха! Только дождемся сейма, а тогда,... але тихо!

Библиотека "Руниверс"

Въ господарскомъ отдѣленіи Золотаренко велъ между тѣмъ интимную бесѣду съ Ганджей.

— Что то у васъ тутъ дѣется?—говорилъ угрюмо Золотаренко, глядя въ сторону.

— Да что, какъ видишь. Хозяйку похоронили... Обѣдъ „справляемъ“.

— Смерть, это что! Самый вѣрный другъ: не обманетъ. А вотъ сумно тутъ стало.

— Да чудной ты! Оттого-то и сумно. Что-жъ, на похоронахъ плясать, что ли? Вотъ ты и „ушкварь“!

— Да я не о томъ,—тряхнулъ раздражительно головой Золотаренко,—а о новыхъ порядкахъ... ляхи какіе-то завелись... Богданъ что-то какъ будто...

— Стой! Что ты?—отступилъ Ганджа.—Никакого ляха, а батько, какъ есть батько. Ну, и какіе-жъ теперь порядки? Извѣстно, какіе, по завѣту, какъ слѣдъ.

— Э, да что съ тобой толковать!—махнулъ Золотаренко рукою съ досадой и потомъ добавилъ торопливо:—Ну, а что про дѣла? Я вѣдь въ отлучкѣ былъ, доходила глухая чутка, а доподлинно не знаю, что новаго, хорошаго, да такого, чтобы чувствовала ладонь?

— А вотъ обѣщалъ, что торжественно объявитъ, може, сегодня,—улыбнулся Ганджа своею широкою, волчьей улыбкой.

Въ просторной дѣвичьей свѣтлицѣ хлопотали уже съ самаго утра Ганна съ бабой и другими помощницами; она рѣзала хлѣбъ, укладывала въ миски пироги, разливала наливку и водку.

Елена, войдя въ свѣтлицу, слегка прищурила глаза, обвела всю комнату бѣглымъ взглядомъ и остановила ихъ на Ганнѣ. Ухъ, до чего опротивѣла ей эта тощая святоша! И почему это она до сихъ поръ распоряжается здѣсь всѣмъ?

— Столы для старшины, панно Ганно, гдѣ разставлять?—спросила торопливо Оксана, вбѣгая въ комнату.

— А гдѣ-жъ, голубка? Тамъ вмѣстѣ на „гапкѣ“ и возлѣ дома въ тѣни,—отвѣтила Ганна, стоя на колѣняхъ возлѣ большой сулеи наливки, которую она разливала въ кувшины.

— Какъ это, и старшину, и вельможную шляхту посадить вмѣстѣ съ нищими и калѣками?—спросила Елена, и въ голосѣ ея послышался какой то насмѣшливый и пренебрежительный тонъ.

Ганна подняла голову и отвѣтила сдержанно, хотя краска залила ей все лицо до самыхъ ушей:

— У насъ всегда такъ бывало.

Библиотека "Руниверс"

— Мало ли чего не бывало, да миновало, панно,—подчеркнула едва замѣтно Елена.

— Еще при жизни „титочки“ я привыкла здѣсь всѣмъ распоряжаться сама,—отвѣтила гордо Ганна,—и дядько довѣрялся мнѣ во всемъ.

— Но вѣдь „титочка“—Елена усмѣхнулась при этомъ словѣ,—умерла, а „дядько“,—подчеркнула она опять,—просилъ и меня показывать всѣ „звычаи“, такъ какъ я выросла при Варшавскомъ дворѣ.

Ганна встала:

— Панна хочетъ сказать этимъ,—произнесла она глухимъ голосомъ, блѣднѣя, какъ полотно,—что я здѣсь лишняя теперь, что она можетъ распорядиться всѣмъ и сама.

— О, нѣтъ! Ха, ха, ха!... Сохрани, Пресвятая Дѣва! Богъ съ тобой, панно,—разсмѣялась Елена своимъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ,—я не ищу отнять твою власть отъ „леховъ“ и коровъ!

— Не для коровъ и „леховъ“ прибыла я въ Субботовъ,—заговорила Ганна прерывающимся голосомъ, отступая назадъ и обдавая Елену гордымъ взглядомъ своихъ расширившихся глазъ.—Не разсчетъ и не коварство привели меня сюда! Я бросила для семьи дядька единственнаго брата; я была матерью дѣтямъ Богдана; я была дядьку другомъ „щирымъ“ и вѣрнымъ...

— А я... усмѣхнулась ѣдко Елена,—стала „татку“ коханою дочкой!—и, смѣривъ Ганну холоднымъ, торжествующимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, она гордо повернулась къ дверямъ.

Во время разговора Ганны съ Еленой, Оксана едва удерживала свое негодованіе, но когда она замѣтила, что Елена, вся сіяющая довольствомъ, вышла горделиво изъ комнаты, а панна Ганна, блѣдная, едва сдерживающая слезы, направилась, шатаясь, къ дверямъ сѣней, она бросилась и сама опрометью изъ дома во дворъ, чтобы отыскать Морозенка и передать ему весь слышанный ею разговоръ.

— Олексо,—зашептала Оксана, найдя молодого козака у бокового крыльца, выходящаго въ садъ, гдѣ не было видно никого.

— Что, моя любая?—протянулъ къ ней козакъ обѣ руки.—Что съ тобою?—произнесъ онъ съ тревогой, замѣтивъ, что лицо молодой дѣвушки было сильно взволновано.

— Тамъ панно Елена—заговорила Оксана, моргая усиленно рѣсницами,—такъ обижаетъ панну Ганну. Говоритъ, что ей пора уже выѣзжать отсюда... смѣется надъ ней.

— Голубко моя,—поцѣловалъ Олекса поспѣшно черноволосую головку, замѣтивши, что никто не видитъ ихъ въ этомъ уголкѣ.—Что-жъ, правда, нечего паннѣ Ганнѣ оставаться здѣсь больше.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, такъ и я не останусь здѣсь безъ нея ни за что!— вскрикнула Оксана.—Лучше наймычкой наймусь!

— Ты и такъ не останешься здѣсь больше,— шепнулъ ей Олекса на ухо, притягивая дѣвушку къ себѣ и покрывая ея голову поцѣлуями.—И наймычкой не наймешься никуда.

Оксана вспыхнула и прижалась головкой къ его груди.

— Однако, подожди меня здѣсь,—отстранился онъ быстро, замѣтивъ, что къ нимъ подходитъ гигантскій нищій.—Я только оповѣщу пана Золоторенка. да сейчасъ и прибѣгу сюда.

Оксана вытерла лицо фартукомъ и присѣла на ступеньки крыльца.

— А что, славный козакъ, дивчино?—обратился къней нищій, останавливаясь у крылечка.—Давно ты, дивчино, его знаешь?

— Давно, еще какъ батько мой былъ со мной.

— А гдѣ-же твой батько?

— Ушелъ на Запорожье.

— А хотѣла бы ты увидѣть его?

На глазахъ Оксаны показались слезы.

— Олекса говоритъ, что онъ живъ, да что ему нельзя никогда возвращаться сюда... Если бы я знала, гдѣ могу увидѣть его, я бы сама пошла туда.

— Тебѣ это не треба, дытыно моя!—вскрикнулъ вдругъ нищій, срывая свою косматую бороду.

— Батько!—вскрикнула въ свою очередь Оксана, не вѣря своимъ глазамъ.

— Батько, батько,—повторилъ нищій, прижимая къ себѣ дѣвушку и цѣлуя ее и въ щеки, и въ лобъ, и въ глаза.

— Такъ это ты тато, тато мой?—шептала со слезами Оксана, обвивая вокругъ его шеи руки и цѣлуя щетинистые рыжіе усы отца. Нѣсколько минутъ они не могли произнести ни единаго слова.

— Дытыно моя,—заговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ,— ты простила-ль меня за то. что я оставилъ тебя тогда?

— Батьку, батьку!—вскрикнула она съ укоромъ, прижимаясь губами къ его жилистой грубой рукѣ.

— Что это значитъ?—изумился притворно вернувшійся Морозенко

— Ты зналъ, зналъ,—подняла голову Оксана и взглянула на него съ укоромъ счастливыми, еще влажными отъ радостныхъ слезъ глазами,—недобрый, зналъ и не сказалъ.

— Ну, а теперь, не „гаючи часу“, такъ какъ батько съ нами,— заговорилъ Олекса, беря Оксанину руку въ свою,—признаемся мы ему, что покохали другъ друга „щыро“ и вѣрно и что просимъ батька благословить насъ.

Библиотека "Руниверс"

Оксанка вся вспыхнула и закрылась фартукомъ, а старый звонарь растрогался въ конецъ.

— Истинно глаголю,—заговорилъ онъ, овладѣвая собою,— Господь печется о единомъ отъ малыхъ сихъ. Любитеся, дѣти, будьте счастливыми, да не забывайте горемычнаго батька. Тебѣ, Оксано, Олекса измалу былъ за батька, ему и отдаю я тебя, онъ тебѣ будетъ и „чоловикомъ", и другомъ и батькомъ... Золотое у него сердце и честная душа,—говорилъ дзвонарь уже дрожащимъ голосомъ, чувствуя приближеніе позорной слабости.—Это тебѣ счастье отъ Бога: вѣрно его вымолила тамъ покойная твоя мать...

Сычъ остановился. Оксана стояла, опустивши голову низко, низко... Олекса сжималъ тихо ей руку...

Ну теперь поцѣлуйтесь-же, дѣти мои, по христіанскому закону,— произнесъ уже совершенно растроганнымъ голосомъ Сычъ.

Олекса горячо обнялъ смущенную дивчыну, а дьякъ возложилъ на ихъ головы руки и заключилъ торжественнымъ тономъ, утирая глаза: „Будьте счастливы, дѣти мои, много, много лѣтъ!..."

Между тѣмъ Золотаренко, оповѣщенный Морозенкомъ, отправился торопливо отыскивать Ганну. Ему уже давно чуялось что-то недоброе въ домѣ, но послѣднее извѣстіе Морозенка взорвало его въ конецъ. Въ своемъ горячемъ волненіи онъ и не замѣтилъ пріѣзда какого-то знатнаго козака, прибытіе котораго встрѣтилъ радостными криками весь народъ.

Пройдя весь домъ, Золотаренко нашелъ Ганну въ самой послѣдней свѣтлицѣ. Она стояла, отвернувшись лицомъ къ окну.

— Ганно!—окликнулъ ее ласково Золотаренко.

Ганна вздрогнула и обернулась къ нему. На лицѣ ея не видно было и слѣда слезъ; казалось, она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько минутъ. На блѣдномъ, какъ полотно, лицѣ ея глаза горѣли сухимъ, горячечнымъ огнемъ.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко,—я знаю все... Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Тебѣ дольше не годится оставаться здѣсь.

— Брате мой!—словно всхлыпнула тихо Ганна, склонясь къ нему головой на грудь, и въ звукѣ ея голоса послышалась такая наболѣвшая горечь что сердце у Золотаренка сжалось отъ обиды, отъ жалости къ своей единой сестрѣ.

— Замучили они тебя,—произнесъ онъ глухо, сквозь зубы, нахмуривъ сумрачно брови.

— Замучила себя я сама,—прошептала она, подымая на брата свои лучистые, безконечно-печальные глаза.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько минутъ они стояли молча, не говоря ни слова, но чувствуя какъ горе однако, покоряло въ свою власть и другого... Наконецъ, Золотаренко произнесъ угрюмо:—Завтра-же уѣдемъ отсюда, и нога моя здѣсь не будетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!—встрепенулась Ганна,—Боже храни тебя подумать что злое на дядька... Дядько здѣсь не причемъ!

— Можетъ быть... можетъ статься, заговорилъ отрывисто, ворчливо Золотаренко, шагая по комнатѣ,—только ты... и я... мы теперь лишніе здѣсь... и оставаться нечего...

Снова наступило молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ Золотаренка; видно было, что ему стоило большого труда удерживать свое волненіе.

— Брате мой,—заговорила, наконецъ, съ трудомъ Ганна; Золотаренко остановился передъ ней.—Я хочу просить тебя объ одномъ... Я знаю, что тебѣ это будетъ тяжко, такъ тяжело, какъ и мнѣ... только я много думала объ этомъ и рѣшилась уже навсегда...

— Ганно!—произнесъ съ тревогою Золотаренко, беря ее за руку.—Что ты задумала?

— Брате,—проговорила она тихимъ и молящимъ голосомъ, не поднимая головы,—отпусти меня въ монастырь...

— Что ты, что ты?—произнесъ онъ, отступая, словно не въ силахъ будучи понять ея словъ.

— Друже мой,—продолжала Ганна,—я знаю, что тебѣ это тяжко, но иначе неможно, неможно...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко и заговорилъ глухимъ, рвущимся голосомъ;—я знаю, что ничего не говоришь ты на вѣтеръ и ничего не дѣлаешь на обумъ, но подумала-ли ты о томъ, что нѣтъ у меня ни матери, ни жены, ни дѣтей, что всего роду у меня—одна ты, на всю жизнь одна ты—и утѣха, и гордость...

— Родный мой, любимый, „коханый“,—склонилась къ нему на плечо головой Ганна,—думала я обо всемъ... насъ съ тобой монастырь не разлучитъ..—добавила она, беря его ласково за руку.

— Э, что ужъ тамъ говорить,—махнулъ безнадежно рукой Золоторенко, отворачиваясь въ сторону:—монастырь—это смерть!

Ганна молчала и только тихо прижимала къ своей груди его руку. Молчалъ и Золотаренко.

— А думала-ли ты о томъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгой паузы, не поворачивая къ ней лица, что мнѣ лишиться тебя—все равно, что лишиться полъ-жизни?

— Думала, думала, „коханый мой, любый мой!“...

— И горе твое перемогаетъ тебя?

Библиотека "Руниверс"

— Брате,—почти простонала шопотомъ Ганна,—оно хуже смерти во сто кратъ...

— Иди!—произнесъ съ усиліемъ Золотаренко, не поворачивая головы.

Ганна прижала къ губамъ его руку крѣпко, крѣпко, и на нее упала съ рѣсницъ тяжелая слеза ..

Вдругъ двери неожиданно распахнулись, и на порогѣ появился Богунъ. Послѣдняя сцена не ускользнула отъ его вниманія.

— Бувай здоровъ, друже! Будь здорова, Ганно!—остановился онъ у дверей, сбрасывая шапку и оглядывая ихъ взволнованнымъ взглядомъ. Ганна и Золотаренко поклонились ему.

— А какимъ родомъ прибылъ ты сюда?—спросилъ Золотаренко, все еще не выпуская руки сестры.

— Услыхалъ о смерти господыни... да видно тутъ есть что-то хужее, чѣмъ смерть.—Богунъ провелъ рукою по волосамъ.—Встрѣтила меня какая-то ляховка... ляховъ полонъ будынокъ... Ты, Ганно, одна и въ слезахъ... Скажи мнѣ, что сдѣлалось здѣсь, скажи мнѣ, кто здѣсь обидѣлъ тебя? Будь то мой первый другъ и пріятель,—я клялся и клянусь, что голову разможжу!

Золотаренко махнулъ рукою и проговорилъ, отворачиваясь въ сторону:—Эхъ, я бъ и самъ разможжилъ, да что ужъ теперь толковать! Умерла она, друже, для насъ!

— Ганно, Ганно... Какъ? что случилось? что сталось?—вскрикнулъ Богунъ, подходя къ нимъ.

— Въ монастырь идетъ,—произнесъ Золотаренко тихо.

— Что?—отступилъ Богунъ.—Ты? Ганно? Ты? Въ монастырь? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!—заговорилъ онъ горячо.—Ты не захочешь осиротить насъ... Ганно, Ганно! Ты наша порадница, сестра наша, гордость наша.. Охъ, Ганно!.. Ганно!

— Друже мой, перебила его Ганна:—сестрой вашей я останусь и тамъ... Если-бъ могла я сдѣлать для васъ что-либо здѣсь, я бъ не ушла, я бъ осталась... но что я? къ чему мои ничтожныя силы? А молитвы мои будутъ и тамъ, какъ и здѣсь,—о васъ и за васъ...

— Нѣтъ, Ганно, нѣтъ!—возразилъ горячо Богунъ,—молиться ты можешь вездѣ и широка для твоей молитвы дорога.. Но уйти отъ міра, отъ его горя и слёзъ за „муры“, отречься отъ борьбы за долю своей поруганной родины—это значитъ—снять съ нищаго послѣднюю рубаху,—прости на словѣ: оно вотъ отсюда, изъ самой глубины,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Ты помнишь, когда я съ раздавленнымъ сердцемъ хотѣлъ пронзить себя турецкимъ клинкомъ,—ты удержала меня, ты крикнула мнѣ: „Стой!

Библиотека "Руниверс"

сердце твое принадлежитъ не тебѣ,—оно должно служить и роднѣ и Богу"! И я его ношу, съ пекельной мукой, а ношу и терплю... Такъ если мнѣ—а такихъ вѣдь, какъ я, у насъ хвала Богу, безъ счету... такъ вотъ, если мнѣ нужно для Украйны носиться съ этимъ глупымъ, стучащимъ въ груди молоткомъ, то какъ-же тебѣ „ховать" его въ власяницу, тебѣ—единой, единой на всей нашей широкой землѣ?!

Ганна смятенная бурей его пылкихъ рѣчей, стояла, опустивши голову и едва замѣтно дрожала; по выступавшимъ алымъ пятнамъ на ея нѣжныхъ щекахъ и по смѣнявшей ихъ смертельной блѣдности, можно было видѣть, какая въ глубинѣ ея души происходила борьба: Ганна порывисто, тяжело дышала и хранила молчаніе. Нѣсколько минутъ и Богунъ смотрѣлъ молча на Ганну; наконецъ, онъ снова заговорилъ клокотавшимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ Золотаренку и Ганнѣ:

— Друже мой, отъ тебя мнѣ нечего крыться: люблю я, „кохаю" твою сестру, больше всего на этомъ свѣтѣ... „Не поталанило" мнѣ... Что-жъ, такая ужъ щербатая доля! Да и стою-ли я кохання? Я уже давно о своемъ счастьѣ и „гадку закинулъ"... Эхъ, я былъ-бы и тѣмъ счастливъ безъ мѣры, если бы Ганна дозволила мнѣ хоть защитникомъ ея стать по праву: воля ея была-бы для меня волей Бога, каждое слово ея, взглядъ—райской утѣхой, всякая за нея мука—блаженствомъ... батькомъ, братомъ, рабомъ бы я сталъ ей, вѣрной „незрадной" собакой... и за право стеречь лишь ее—перевернулъ бы весь свѣтъ!

Ганна молчала; но становилась блѣднѣй и блѣднѣй...

— Ганно!—дрожащимъ голосомъ прошепталъ Богунъ и ему показалось, что передъ нимъ стоитъ три Ганны и что всѣ онѣ словно колеблятся на высокихъ крестахъ:—ты вѣдь говорила, что не пришло только время... что твое сердце пока мертвое...

Ганна подняла руку, словно желая остановить Богуна и что-то прошептала, но губы ея пошевелились беззвучно...

— Я лукавила,—произнесла она, наконецъ, съ страшнымъ усиліемъ.—Да, лукавила,—продолжала она, овладѣвши собою.—У меня было свое горе, тяжкое, невыносимое, которое пригнетало меня до самой земли... оно меня и теперь гонитъ въ келью. Но ты Богунъ—лыцарь нашъ первый... тебя я какъ брата Ивана, люблю... передъ Богомъ говорю... и ты правъ...—она задыхнулась и прижала обѣ руки къ бьющемуся примѣтно сердцу.

Богунъ впился въ нее глазами, и въ нихъ вспыхнуло пламя надежды; а Золотаренко, слѣдя за каждымъ словомъ сестры, не могъ удержаться, чтобъ не подтвердить:

Библиотека "Руниверс"

— Да, лучшаго лицаря нѣтъ во всей Украйнѣ! Спасибо тебѣ, друже... я бъ отдалъ съ радостью сестру, если-бъ она... Господи, сколько-бъ счастья!

Ганна сдѣлала надъ собой послѣднее усилiе:

— Друзья, братья!!—зашептала она прерывисто.—Не говорите про это: мнѣ больно... Взгляните на меня, какая я невѣста! Но ты, Богунъ, правъ... и если мой голосъ ничтожный и эти дрожащiя руки нужны будутъ для моей родины, то я не спрячу ихъ „за мурами“,—подняла она голосъ,—а понесу ей, Украинѣ моей, на послугу!

— Если выпустятъ,—замѣтилъ угрюмо Богунъ.

— Я послушницей буду... права не потеряю,—добавила поспѣшно Ганна,—меня никто не удержитъ! — подняла она высоко руку. Но теперь, если любите меня, братья, дайте исполнить мнѣ то, къ чему меня тянетъ душа: я хочу забыться отъ боли... на „самотѣ“, въ молитвѣ... подъ тихое пѣнье сестрицъ... Козаче мой, орле сизый!—обратилась она, вся потрясенная, къ Богуну,—Я безъ вины, безъ воли моей „розшарпала“ твое „юнацкое“ сердце... простиже мнѣ, „пробачъ“! И ты брате родный,—давилась она подступившими къ горлу слезами,—прости, что причиняю и тебѣ горе... Но не сила моя, не сила!... Не такъ думала... простите-же меня, простите,—и она съ рыданьемъ поклонилась до земли...

— Ганно, сестра! Въ чемъ прощать? Ты—святая! —вскрикнули горячо Богунъ и Золотаренко, бросившись къ ней, помочь встать.

Но въ это время двери раскрылись, и появившаяся въ нихъ Катря объявила торжественно, что батюшки пріѣхали, началась панихида, и батько просили, чтобы заразъ послѣ панихиды всѣ шли къ столу.

Всѣ двинулись на террасу, гдѣ торжественно была отслужена панихида.

Послѣ нея общество раздѣлилось: нѣкоторые изъ значныхъ козаковъ, какъ напр. Золотаренко съ сестрой, Богунъ, дѣти Богдана, остались трапезовать вмѣстѣ, по старому обычаю, съ темнымъ народомъ, а самое избранное общество, преимущественно именита шляхта, помѣстилась въ свѣтлицѣ Богдана. Мрачная обстановка ея, завѣшенныя чернымъ сукномъ окна, двери, иконы, горящiя лампадки, восковыя зеленыя свѣчи, смирна и ладанъ, печальныя рѣчи, тяжелыя воспоминанiя, и не заздравицы съ веселыми криками, а заупокоицы съ щемящимъ припѣвомъ „вѣчная память“,—все это давило сотрапезниковъ, навѣвало на всѣхъ тоску и унынiе... даже поляки сочувствовали горю Богдана, считая писаря совершенно

Библиотека "Руниверс"

своимъ... Помянули тихо за трапезой и погибшаго безвременно Чарноту...

Когда, послѣ трапезы, разъѣхались всѣ именитые гости, Богданъ, усталый и разбитый, отправился, наконецъ, въ свою комнату отдохнуть и освѣжить люлькой отуманенную голову. Во всей этой суетѣ и сутолокѣ онъ замѣтилъ, однако, какъ Елена держала себя и царицей, и привѣтливѣйшею хозяйкой, какъ умѣла она сказать каждому ласковое слово и возбудить въ каждомъ восторгъ. Воспоминаніе это пріятно щекотало самолюбіе Богдана. Вотъ такую-то, такую жинку и надо было ему давно!

Мало-по-малу въ комнатѣ собрались всѣ товарищи, желавшіе попрощаться передъ отъѣздомъ съ хозяиномъ, пришла съ братомъ и Ганна. Елена только удалилась къ себѣ.

— Ну, кажись, свои тутъ,—окинулъ Богданъ зоркимъ глазомъ свѣтлицу,—чужого чертъ ма! Такъ гукни-жъ, Олексо, чтобъ намъ подали сюда добраго меду батьковскаго: выпьемъ на проща-ніе уже за живое и за живыхъ.

— Да тамъ еще въ погребѣ и дѣдовскій найдется,—замѣтилъ дѣдъ, улыбаясь и тряся головой,—а сошлись то еще не всѣ, не всѣ: тамъ еще у меня на пасикѣ сидитъ „мацапура“.

— Кто-жъ бы это?—изумился Богданъ, да и всѣ переглянулись между собой.

— А, вотъ кто!—словно вынырнула съ этими словами изъ сѣнныхъ дверей колоссальная фигура и почти уперлась чубатою головой въ сволокъ.—Вотъ кто!—отбросилъ вошедшій всѣ завертывавшіе его платки и тряпки.

— Кривоносъ!—вскрикнули всѣ и радостно, и словно растерянно.

— Друже мой!—бросился къ нему Богданъ и обнялъ щыро, по братски.

Послышались разспросы и разсказы, прерываемые шумными изъявленіями радости и восторга.

Морозенко вбѣжалъ въ свѣтлицу и сообщилъ, что къ батьку пріѣхалъ какой-то бей.

— Не Тугай ли, мой побратимъ?—схватился Богданъ.

Всѣ всполошились.

Въ это мгновеніе въ двери вошелъ богато одѣтый турокъ. Роскошная чалма была надвинута почти на глаза, а расшитымъ зеленымъ плащемъ онъ закрывалъ нижнюю часть лица.

— Селимъ-ай-Лекимъ! — привѣтствовалъ всѣхъ новоприбывшій, приложивъ правую руку къ сердцу и къ челу.

Библиотека "Руниверс"

— Гомъ-гелды!—отвѣтилъ Богданъ и почувствовалъ, что въ его сердцѣ что-то екнуло.

Таинственный гость обвелъ изъ-подъ чалмы всѣхъ присутствующихъ внимательнымъ взглядомъ и, отбросивши въ сторону и плащъ, и чалму, крикнулъ восторженнымъ голосомъ, распростерши руки: „Да здоровы же будьте, друзя-товарищи! Не узнали, что ли, Чарноты?“

— Чарноты?—вздрогнули всѣ и отшатнулись невольно. Одинъ только Кривоносъ при этомъ имени покачнулся было, какъ оглушенный громомъ, а затѣмъ бросился стремительно къ этому выходцу съ того свѣта.

— Чуръ меня, кто-бы ты ни былъ, хоть сатана изъ пекла, но если ты взялъ на себя обликъ моего лучшаго друга, то я обниму тебя! Сожги меня на уголь пекельный, а обниму!—и онъ охватилъ Чарноту за плечи и началъ пристально вглядываться ему въ лицо.

— Онъ, друзи, онъ самый, вражій сынъ!—крикнулъ Кривоносъ и началъ душить Чарноту въ своихъ объятіяхъ.

Всѣ, подавленные сначала невольнымъ трепетомъ при видѣ сверхъестественнаго появленія мнимаго мертвеца, теперь вдругъ ожили и радостно зашумѣли: „Чарнота! Голубе! Вотъ такъ радость!“

— Да хоть перекрестись-же ты, сатано!—то всматривался, то снова обнималъ его Кривоносъ,—може съ чертями уже накладаешь,—шельма, проклятый песъ, каторжный? Чтобы тебѣ вѣдьма съ помеломъ въѣхала въ глотку... Сколько муки изъ-за него, аспида!—улыбался Красноносъ, сіялъ счастьемъ, и по рытвинамъ его щекъ катились замѣтныя слезы.

— Да стой-же, Максиме, дай и мнѣ „привитаться“,—отнималъ Богданъ отъ Кривоноса Чарноту, заключалъ его въ свои объятія,—и послѣдній, награждаемый трогательной бранью, сталъ переходить изъ однихъ объятій въ другія.

— Горилки!—крикнулъ, наконецъ, Кривоносъ,—тащи ее, Олекса, скорѣе! Да и кухли тащи съ твою голову! У меня отъ радости кипитъ все, такъ заливать нужно пожаръ.

Когда голодъ Чарноты и жажда Кривоноса были удовлетворены, Богданъ предложилъ своимъ гостямъ по кубку стараго меду. „За нашу дорогую „справу“ и за живыхъ друзей - борцовъ!“—поднялъ высоко кубокъ Богданъ и опорожнилъ его при общихъ крикахъ: „хай жіютъ!“

— А что, есть ли синица въ „жменѣ“, или только все „обицянки?“—спросилъ Кривоносъ, закуривая люльку.

— Есть, друже мой, есть, братцы! Король намъ далъ „привилеи“ и возвращаетъ намъ всѣ наши старыя права: рейстрови-

Библиотека "Руниверс"

ковъ двадцать тысячъ, свое атаманье, земли, запорожцамъ новыя вольности и „непорушность“ вѣры.

— О, вотъ такъ радость! Вотъ такъ король! За его здоровье!

— Отчего-жъ „привилеевъ“ этихъ не оповѣщаютъ такъ долго?— спросилъ скептическимъ тономъ Золоторенко.

— Хе! тутъ то и „ковинька“,—подмигнулъ Богданъ.—Его королевская мосць вручилъ эти привилеи нашему полковнику Барабашу, схожему во всемъ больше на бабу, чѣмъ на лицаря. Такъ вотъ этотъ храбрецъ, напуганный ляхами, все выжидаетъ какого-то сейма и припрятываетъ королевскія милости.

— Гай-гай!—махнулъ Золоторенко рукой,—такъ поминай эти привилеи, какъ звали!

— Онъ перевертень, измѣнникъ, Іуда!—закричали грозно со всѣхъ сторонъ.

— Успокойтесь, панове,—поднялъ руку Богданъ,—клянусь, что не пропадетъ ни одного слова, и что я вырву эти привилеи.

— Эхъ, все это басни,—отозвался со стономъ молчавшій до того времени мрачно Богунъ,—для дѣтей они „забавки“, а вотъ для тѣхъ, чьи плечи не выходятъ изъ ранъ, что изнываютъ въ панской неволѣ,—для тѣхъ они плохое утѣшенье! Вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше затягивается узелъ! А эти „привилеи?“ Да развѣ сеймъ ихъ допуститъ? Барабашъ и правъ, что ихъ прячетъ.

— Не быть добру,—прорычалъ глухо и Кривоносъ,—пока хоть одинъ жидъ, или ляхъ будетъ топтать нашу землю.

Слова Богуна и Кривоноса произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, братья мои и други, не будемте Бога гнѣвить!— поднялъ голосъ Богданъ, и въ немъ зазвучала прежняя мощь.— Развѣ можно сравнить наше теперешнее положеніе съ прежнимъ? Вспомните ужасный разгромъ нашихъ послѣднихъ, изнеможенныхъ силъ подъ Старицей. Лучшіе атаманы или убиты, или казнены, или пропали безъ вѣсти; ни людей, ни оружія не осталось; села разграблены, народъ на колахъ, на висѣлицахъ или звѣремъ въ трущобѣ. О сопротивленіи врагу можно было только мечтать съ отчаянія. Наконецъ, насъ созываютъ какъ быдло, на Масловъ Ставъ и объявляютъ „баницію“, лишеніе всѣхъ стародревнихъ вольностей, лишеніе всѣхъ человѣческихъ правъ!...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ широкихъ грудей и пронесся тихимъ стономъ по свѣтлицѣ.

— Да, то была могила, широкая и глубокая для всѣхъ насъ могила,—продолжалъ Богданъ, переводя духъ,—но ласка Го-

Библиотека "Руниверс"

сподня блюла насъ, милосердіе Его не истощилось. Онъ внушилъ королю мысль не дать насъ на истребленіе, и король, хоть слабымъ голосомъ, а сдерживалъ буйство пановъ, ободрялъ насъ надеждой, соединялъ насъ воедино и вотъ прошло семь лѣтъ медленной, незамѣтной работы, и скажите же по совѣсти, братья, развѣ мы такіе же безсильные, какъ тогда? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—поднялъ руку Богданъ.—Запорожье наше укрѣплено, до четырехъ тысячъ лицарей по камышамъ, по островамъ, по затонамъ; двѣсти чаекъ „гайдается“ на Днѣпрѣ, тутъ у каждаго изъ насъ,—только свистни,—такъ слетится не мало орлятъ! Не забывайте, что съ нами теперь наше знамя и клейноды, а будутъ съ нами и „привилеи“, и охрана, и воля найяснѣйшаго!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Богданъ, смутившіяся было лица начали проясняться снова, глаза зажигались огнемъ и бодрая радость овладѣвала всѣми. Даже Ганна, забывъ свое горе, улыбнулась восторженно этой вѣсти.

— Такъ съ такими силами, да „клейнодами“,—звучалъ между тѣмъ побѣдоносно его голосъ,—коли ежели что... такъ мы такую кашу заваримъ, что зашатается и Рѣчь Посполитая!

— Слава, слава Богдану!—закричали всѣ возбужденно и весело, потянувшись къ кубкамъ.

— На погибель врагамъ, а намъ и люду на счастье!

И полился темною ароматною струей въ кубки старый медъ, и усилилъ, и усладилъ еще больше это радостное настроеніе, окрыленное радугой пышныхъ надеждъ.

Всѣ вѣрили въ эту минуту, что уже налетѣло желанное всѣми затишье, что оно открыло уже свои убѣжища... многіе мечтали о личномъ счастьи, многіе мирились съ неизбѣжной судьбой, многимъ рисовалась картина народнаго благополучія...

— Браты мои и друзи!—наполнилъ Богданъ снова всѣ кубки,—много пережили мы вмѣстѣ и горестей, и бурь, и несчастій; но во всѣхъ нашихъ „злыгоднихъ“ поддерживала насъ до сихъ поръ та крѣпкая любовь и згода, которая соединяла насъ противъ враговъ и давала намъ, слабымъ, силу и мощь. Теперь мы разстанемся, всякій пойдетъ своею дорогой, и кто знаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ сведетъ насъ снова Господь? Выпьемъ-же на прощанье, друзи мои, за нашу братскую любовь, за нашу вѣру другъ къ другу и „згоду“, чтобы она вѣчно между нами жила, чтобы мы стояли всѣ одинъ за одного и каждый за всѣхъ!

— Будемъ, бу емъ!—раздались отовсюду восторженные крики.

— Ганна, прощаешь?—притянулъ къ себѣ за руки ожившую дѣвушку Богданъ и заглянулъ ей въ глаза.

Библиотека "Руниверс"

— Дядьку—вспыхнула она вся—вамъ до вѣку... защитнику нашему...

— Объятія, поцѣлуи и клятвы смѣшались съ радостными слезами.

И никто изъ присутствовавшихъ не могъ и подумать въ это мгновеніе о той страшной бурѣ, которая уже подымалась надъ ихъ головой...

М. Старицкій.

КОНЕЦЪ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.).

81.

2 Ноября, 1853, С.-Петерб.

Покорно благодаримъ Васъ за присылку забытыхъ у Васъ вещей; что же касается до прочихъ моихъ надобностей, то я просилъ объ исполненіи ихъ Сорокина. Будучи совершенно увѣренъ, что Вы не потяготитесь для меня снити даже и во адъ, не только въ Опекунскій Совѣтъ, я ужъ написалъ къ Н. Д. Бѣлозерскому, чтобъ онъ прислалъ на Ваше имя довѣренность. Получивъ оную, потрудитесь только доставить Сорокину (Яузской части, 3-го квартала, въ домѣ купца Ларіонова, близь Покровскихъ Казармъ). Я ужъ написалъ къ нему, чтобъ онъ освободилъ Васъ отъ всякаго труда по предмету передачи ему данной или сдѣланной на Ваше имя довѣренности, и онъ попроситъ Васъ приложить только, гдѣ нужно, Вашу руку. На него же возложилъ я и фаэтонное упованіе.

Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ Вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается подобно эфирному маслу, а съ Вашими существенными выгодами. Я знаю, что я могу быть Вамъ полезенъ во многихъ случаяхъ, какъ предвидимыхъ, такъ и непредвидимыхъ; думаю, сверхъ того, что Вы понимаете отчасти и цѣните

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 11.

Библиотека "Руниверс"

тѣ мои свойства, которыя такъ или иначе могутъ Вамъ пригодиться; и потому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, буду обращаться къ Вамъ такъ запросто, какъ будто мнѣ и во снѣ не снилось Ваше незабвенное письмо отъ 27 октября. Одинъ изъ этихъ нѣкоторыхъ случаевъ представляется и теперь.

У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя, которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копію онаго господамъ А—мъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что, или по крайней мѣрѣ что-нибудь въ моей рукописи дополнятъ и исправятъ. Потрудитесь отвѣчать мнѣ, согласны-ли Вы передать имъ лично мою рукопись, попросить, чтобъ они сдѣлали для нея то, что могутъ, немедленно, и потомъ опять переслать ее мнѣ. Дѣло пошло у меня быстро, такъ что Вы получите отъ меня цѣлый томъ. Надѣюсь, что въ рукахъ А—выхъ онъ будетъ безопасенъ отъ разныхъ непріятныхъ случайностей и что они ни подъ какимъ видомъ не выпустятъ его изъ своего дома.

Квартира моя, *съ 10 ноября*, будетъ находиться въ Малой Морской, въ домѣ г-жи Телешовой, а до тѣхъ поръ я могу еще получить отъ Васъ письмо по прежнему адресу, разсчитайте сами.

Потрудитесь увѣдомить, какую книгу я заказалъ для Васъ выписать въ англійской лавкѣ, тогда я вспомню и самую лавку, а то совсѣмъ забылъ, въ чемъ прошу извиненія.

Преданный Вамъ П. К.

82.

9 ноября, 1853. С.-Петерб.

Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ—буду бесѣдовать съ Вами о томъ, что важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ *оным* копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза *можетъ* быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу отъ нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви. Что же касается до ихъ мнѣнія, что чѣмъ позже будетъ сдѣлана оцѣнка сего крѣпкаго мужа, тѣмъ лучше, то, между нами сказать—это мнѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніе мелкое и недостойное уваженія. Оно цахнетъ тѣмъ временемъ, когда еще не родился Гуттербергъ. Можно-ли добраться до оцѣнки, когда я думаю свою думу въ Петербургѣ, вы свои въ Москвѣ, а кто-нибудь еще свою въ Лондонѣ или въ Нью-Іоркѣ, и не знаемъ взаимно о томъ, что именно каждый изъ насъ думаетъ? Будущее время постоитъ само за себя, не бойтесь—его не собьете ранними воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit. Но отказываться, изъ какого-то старушечьяго опасенія за благосостояніе мозга нашихъ потомковъ,—отъ наслажденія мѣняться мыслями и даже фактами—просто глупо и тупо. Притомъ же, моя книга написана (или будетъ написана) въ самомъ умѣренномъ духѣ; я не говорю въ ней, что это nec plus ultra анализа и синтезиса. Сохрани Богъ! Я, напротивъ, широко распахиваю цѣлину въ это поле каждому человѣку, волу и даже ослу. Идите обработывайте его и унаваживайте для будущей запашки. А въ доказательство приведу Вамъ послѣднюю страницу перваго періода жизни поэта (она естественно дѣлится на три).

Вотъ все, что можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слилъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ простомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою, въ какомъ они были открываемы мною, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи нанесутся цвѣтъ и тѣни, и что, если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ «организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ», [1]) и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ [2]). Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ

[1]) Слова Альфьери.

[2]) Замѣчаніе д'Израэли.

Библиотека "Руниверс"

извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ; но далеко еще то время, когда можно будетъ произнести о немъ послѣднее слово и когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать «Полная Біографія». Что́ касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вообще, должна быть очевидна для каждаго».

Итакъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, опоясшитесь готовностью передать кому слѣдуетъ мое рукописаніе и даже скажите онымъ страннымъ ревнителямъ словесности заблаговременно объ этомъ. Угодно ли, дескать, имъ будетъ снизойти на мою покорнѣйшую просьбу прочитать то-то и удостоить мой трудъ поправокъ и дополненій. Музыка Вашей рѣчи будетъ зависѣть отъ тону, которымъ Вы ее исполните, а вѣдь Вы знаете, что отъ музыки двигались древле и камни. Времени у насъ довольно. Первый періодъ выйдетъ 1-го янв., 2—1-го ф., а 3—1-го марта; слѣдовательно дополненія и приложенія можно будетъ вклеить какъ слѣдуетъ. Впрочемъ Вы симъ доблестнымъ мужамъ объявите девизъ: «Кто даетъ скоро,—тотъ даетъ вдвойнѣ». Копія списывается для нихъ дѣятельно и, пока Вы сообщите мнѣ отвѣтъ ихъ, будетъ готова. Вашъ П. К.

О Вашей книгѣ справлюсь у Киртона или Кертона или Кертона, а можетъ быть—Чартона или просто Чорта. Они, эти Англо-Саксы, такъ коверкаютъ свои имена, что и самъ сатана, записывая ихъ грѣхи на воловой шкурѣ, не всегда будетъ точенъ.

83.

13 Декабря, 1853. С.-Петербургъ.

Давно бы пора уже писать къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, да все откладывалъ, чтобъ сообщить Вамъ кой-какія литературныя новости, которыми Вы интересуетесь. Да будетъ же первою новостью извѣстіе, что Киртонъ требуемой Вами книги о шотландской церкви до сихъ поръ не выписалъ, потому что это должна быть брошюра, которою книгопродавцы не интересуются. Уже въ третій разъ послалъ онъ повтореніе своего требованія.

Библиотека "Руниверс"

Вторая новость: Макаровъ окончилъ «Опытъ біографіи Гоголя», но какъ Вы увѣдомили меня, что А-вы зимуютъ не въ Москвѣ, то онъ писалъ къ (С. И.) въ деревню и получилъ отъ его отца отвѣтъ, что онъ уѣхалъ на годъ въ южныя губерніи по порученію Географическаго Общ. Это, однако жъ, дѣла не испортило, потому что самъ старикъ вызвался прочитать рукопись, исправить и, можетъ быть, дополнить. Вслѣдствіе чего она ему и отправлена. Между тѣмъ первый отдѣлъ сочиненія поступилъ уже въ типографію для первой кн. Совр. на 1854 г. Зная, что Вы принимаете искреннее участіе въ дѣлахъ или лучше въ обстоятельствахъ моего пріятеля, считаю не лишнимъ увѣдомить Васъ, что ему заплатятъ за печатный листъ по 65 руб. сер. съ правомъ напечатать 500 отдѣльныхъ оттисковъ въ пользу редакціи, а 50 экз. для автора даромъ. Изъ этого числа и мы съ Вами получимъ по экземпляру. Но что-то скажетъ цензура,— это еще не извѣстно.

Въ первой же книгѣ будетъ напечатано и «Лѣто въ Малороссіи» того же автора. Условія его съ редакціею мнѣ еще неизвѣстны; знаю только — намъ съ Вами по экземпляру будетъ. *(Сбоку помѣчено:* «не будетъ въ 1-й»).

Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, Левъ Мих. Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, шлялся по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и теперь помышляетъ о новомъ путешествіи весною. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и словесности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ показалъ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выдетъ отличный историческій живописецъ. Меня онъ занялъ до такой степени, что я хочу написать собственно для него книгу, въ которой опишу по воспоминаніямъ свои встрѣчи съ разными Харками Цехмистрами и вставлю въ свои бесѣды съ ними преданія въ такой послѣдовательности, которая бы живо рисовала его воображенію исторію послѣднихъ временъ заднѣпровскаго казачества. Онъ хочетъ рисовать акварелью рядъ эскизовъ, которые олицетворятъ все, что сохранено отъ забвенія въ преданіяхъ. Это укрѣпитъ его силы для будущихъ картинъ изъ исторіи Малороссіи, потому что тутъ на каждомъ шагу буду учить его живописной техникѣ. Нельзя ли

Библиотека "Руниверс"

перекинуть одного экземпляра преданій по сему нарочитому случаю, ибо моя рукопись заключаетъ не всѣ? Пожалуйста не откажите.

А вотъ къ Вамъ еще покорнѣйшая просьба. Пускай Базуновъ вышлетъ экземпляръ «Исторіи Руссовъ» на имя Андрея Николаевича Маркевича, на углу двухъ Почтамтскихъ, въ д. Лончинова, въ квартирѣ Кочубея, а деньги запишетъ на мой счетъ, если только цѣна не возвысилась выше 2 (или даже 2 съ полтиною) рублей. Мы всѣ, слава Богу, здравствуемъ и кланяемось Вамъ обомъ низенько. Вашъ П. К.

Литературныя прибавленія.

М. не поладилъ съ Современниками за статью о Малороссіи и взялъ ее назадъ, съ тѣмъ чтобы или напечатать ее такъ, какъ она написана, или же совсѣмъ не печатать. Послѣдняя мысль получила для него особенную привлекательность потому, что здѣсь являются поползновенія къ изданію Сына Отечества со стороны людей, близкихъ къ автору, и онъ собирается съ запасами, чтобъ было чѣмъ поддержать журналъ. Впрочемъ это еще вилами писано, какъ и всѣ предположенія человѣческія. А славно бы, если бы нѣкій господинъ былъ хозяиномъ журнала. Тогда бы и къ Вамъ бы была просьба объ отдѣлѣ матеріаловъ. Тутъ былъ бы одинъ хозяинъ по части денежной и одинъ распорядитель по части литературной, а не десять, какъ хотѣли сдѣлать въ Москвѣ.

84.

Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, я увѣренъ, что искреннимъ обращеніемъ къ кому то ни было изъ достойныхъ людей можно сдѣлать то, что сдѣлалъ съ камнемъ жезлъ Моисеевъ. Аксаковъ пишетъ къ М. между прочимъ слѣдующее: «Ко второму изданію Вашей книги, я надѣюсь написать исторію моего знакомства съ Гоголемъ. Она напишется не для печати; но я охотно предложу Вамъ взять изъ нея все, что будетъ нужно для третьяго періода». Что касается до содѣйствія въ настоящій моментъ, то онъ, по прочтеніи рукописи, говоритъ вотъ что: «Ваше сочиненіе возбудило во мнѣ сильное участіе, и я прилежно началъ заниматься составленіемъ замѣчаній и поясненій. Все это дѣлаю съ полной откровенностію; черезъ недѣлю надѣюсь выслать вамъ рукопись и тетрадку замѣтокъ». Похваламъ его нѣтъ мѣры. «Вы означили—говоритъ онъ—образъ поэта такъ истинно,

Библиотека "Руниверс"

что всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ будутъ только дополненіями, доказательствами», и проч. и проч.

Что касается до уступчивости М., то это доказываетъ только, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ издателямъ Современника. Когда ему говорятъ, что мы, дескать, въ затруднительномъ положеніи, у него отнимается рѣчь, и онъ не знаетъ, что сказать имъ на это: онъ забываетъ о собственномъ положеніи, которое несравненно хуже положенія этихъ повѣсъ. Но въ то время, когда онъ дѣлаетъ для нихъ все, они плутуютъ передъ нимъ самымъ наглымъ образомъ. Долго было бы разсказывать всѣ ихъ продѣлки. Довольно съ Васъ будетъ знать, что, можетъ быть, начало біографіи не явится въ 1-й книжкѣ; если же и явится, то сомнительно, чтобъ явилось продолженіе. М. раздраженъ имъ въ такой степени, что хочетъ потребовать впередъ всѣ деньги и притомъ въ бо́льшемъ (немного) количествѣ противъ условія (для круглаго счету). Это еще тайна, которая обнаружится для Современниковъ на дняхъ. Въ случаѣ разрыва, немедленно будетъ приступлено къ отдѣльному изданію; я вызвался держать корректуру.

De Cosmographia Etici ни у кого изъ книгопродавцевъ нѣтъ. Одинъ изъ нихъ, новый, A. Münz берется выписать скоро, потому что лѣтомъ и зимою ежемѣсячно получаетъ по пакету книгъ изъ за границы. Вашъ П. К.

85.

1854, янв. 12. С.-Петербургъ.

Извините, ради Бога, что я прозѣвалъ дня три по полученіи отвѣта отъ Минкса (Münx). Въ это время происходили со мной разныя разности, о которыхъ сообщу Вамъ лично. Я былъ озабоченъ до зѣла, и потому—изъ памяти вонъ, что надобно писать къ Вамъ. Теперь—что бы вы думали я дѣлаю? Собираюсь въ дорогу. Надѣюсь выѣхать отсюда 25 января—развѣ какія нибудь особенныя надобности помѣшаютъ. Сдѣлайте одолженіе, прикажите Андрею, чтобъ онъ осмотрѣлъ наши сани и сказалъ Вамъ, можетъ-ли починка ихъ быть произведена во время пребыванія нашего въ Москвѣ, или же надобно отдать ихъ мастеру заблаговременно. Въ Москвѣ я намѣренъ прожить цѣлую недѣлю, потому что ѣду домой не къ спѣху и хотѣлось бы видѣть на сценѣ Щепкина и другихъ хорошихъ актеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь ихъ, кромѣ иностранцевъ, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, я не хожу смотрѣть, потому что видѣть Рашель одинъ разъ стоитъ тысячи представленій разныхъ Воронцовыхъ, Леоновыхъ и т. п.—выхъ. На этотъ разъ насъ будетъ ѣхать всего двое, я да жинка; ибо Н. М. и Варвара остаются при Василіѣ Михайловичѣ, который теперь обрѣтается въ Петербургѣ. Надѣюсь, что мы не обременимъ Васъ своимъ присутствіемъ; если же у Васъ кто-нибудь боленъ, или явилось въ домѣ какое-нибудь особенное неудобство, то сдѣлайте одолженіе—извѣстите меня. Тогда я остановлюсь у Шевалдышева. Кланяемся всѣ и всѣмъ низенько. Вашъ П. К.

Васъ, вѣроятно, интересуетъ, чѣмъ кончилась пря моего пріятеля съ великими литераторами. Они должны были положить ему на столъ 1000 руб. и тогда только получили рукопись. Не смѣйтесь надъ его мягкосердечіемъ. Тутъ много разныхъ и разныхъ было обстоятельствъ, по которымъ нельзя было иначе дѣйствовать. Писать обо всемъ было бы слишкомъ долго; лучше я Вамъ перескажу на словахъ.

А, о Минксѣ еще разъ забылъ. Онъ говоритъ, что теперь ужъ не прежде получитъ книгу, какъ въ началѣ марта, что можно было бы выписать ее отдѣльно, но въ такомъ случаѣ дорога будетъ пересылка, и при томъ онъ не знаетъ, сколько брать съ меня денегъ за книгу. Поэтому я и не подписывался. Если же Вы сообщите мнѣ цѣну Этюка по каталогу, то онъ берется доставить Вамъ ее черезъ мѣсяцъ.

---

88 [1]).

3 апрѣля 1854. х. Мотроновка.

Не могу понять причины Вашего молчанія, мой дорогой Осипъ Максимовичъ! Я послалъ Вамъ посылку и письмо, а отъ Васъ ничего же. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ,—тѣмъ болѣе, что послѣ праздника недѣли черезъ двѣ собираюсь удалиться въ степи. Я слышалъ, что Вы обѣщали черезъ Павлова Галагану быть у него лѣтомъ. Это даетъ намъ надежду видѣть Васъ у себя въ Зарогѣ, который находится только въ 15 верстахъ отъ Стороженка, у котораго Вы, безъ сомнѣнія, побываете. Пріѣзжайте поюнисты хочъ галушокъ пидъ чистымъ небомъ, бо на хату ще може не зберемось до того часу. А писать до мене у степъ треба на имя моего прикащика, сице: Унтеръ-Офицеру Василію Марковичу Цибенку для передачи П. А. К. Въ Лубны, Полтавской губ., а оттуда въ хуторъ Зарогъ.

[1]) Письма подъ №№ 86 и 87, писанныя по малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

О себѣ не скажу на этотъ разъ ничего новаго, кромѣ развѣ того, что Высоцкій, къ которому два письма Гоголя я подарилъ Вамъ, отыскался, наконецъ, и предлагаетъ къ моимъ услугамъ всѣ свои бумаги, только бы я пріѣхалъ къ нему и отыскалъ въ нихъ, что относится къ Гоголю. Онъ надѣется доставить мнѣ разные памятники ученическаго періода Гоголя и письма его изъ Италіи.

Кланяемся Вамъ обоимъ низенько и просимъ насъ не забывать.

Да! вотъ еще новость. Мать Гоголя жалѣетъ въ письмѣ къ Н. М., что не могла помочь ему въ составленіи его статьи, потому что «всѣ ея письма до сихъ поръ еще не возвращены ей» (Писано 30 генв. 1854). Есть надежда, что эти письма будутъ, наконецъ, въ нашихъ рукахъ.

Не осудите за небрежность моего письма. Я все работаю рубанками, такъ, право, перо какъ-то не повинуется.

Весь Вашъ П. К.

Что Москвитянинъ? все еще въ рукахъ безсмертнаго Кощея? Я думаю, Вы обратили вниманіе на обертку моей посылки?

89.

Іюля 2, 1854 г. с. Байвщина.

Ого, какой прорѣхъ въ нашей корреспонденціи! Но видно оно такъ и слѣдуетъ. Между малороссійскимъ панкомъ и профессоромъ университета какая можетъ быть переписка? А я въ послѣднее время погрузился по шею въ мелочь самой ничтожной панской жизни. Не буду вамъ описывать, въ чемъ она состояла; скажу только, что франтъ, окунутый въ помойную яму, вышелъ бы оттуда съ болѣе веселой физіономіей, нежели съ какой Вашъ покорнѣйшій слуга пишетъ къ Вамъ сіе посланіе. Меня мѣсяца два не было на свѣтѣ, былъ только человѣкъ, носившій мое имя. Но этому человѣку чужды были всѣ мои привычки и стремленія. Наконецъ, деревенскія мерзости мелкопомѣстнаго хозяйства въ глухой степи дошли до послѣдней крайности; я плюнулъ на все и обратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Теперь ужъ ничто не вовлечетъ меня въ дрязги деревенщины; я откуплюсь отъ нихъ жалованьемъ прикащику и позволю ему украсть у меня даже платокъ изъ кармана—только такъ, чтобъ я этого не замѣтилъ. Самъ же обращу свои мысли на дѣло жизни, какъ говаривалъ землякъ нашъ Гоголь. Кстати о Гоголѣ. А—въ прислалъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

драгоцѣнные матеріалы для втораго изданія «Опыта»; Высоцкій сообщилъ новыя свѣдѣнія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища. Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границею, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи. Остается получить что-нибудь только отъ Васъ. Мнѣ извѣстно, что Вамъ посланъ экземпляръ «Опыта». Передайте его отъ меня Тихонравову, чтобъ я не показался ему неблагодарнымъ; а Вамъ я готовлю экземпляръ съ приписками, какъ было обѣщано. Передайте жъ немедленно. Я знаю, что Вы неохотно выпускаете попавшую Вамъ въ руки книгу; но прошу Васъ убѣдительно — отдайте свой экземпляръ Тихонравову. Не удивляйтесь, что Вамъ не прислано болѣе: одному Плетневу отдано 15 экз., а потомъ какъ обдѣлилъ Макаровъ Кочубеевъ и разныхъ другихъ особъ, то на мою долю досталось только 10 экз., которые отчасти уже и предназначены разнымъ лицамъ. Щепкину подарю экз. 2-го изданія, въ которое войдутъ его письма, т. е. письма къ нему Гоголя.

Увѣдомите меня, намѣрены-ли Вы быть въ Малороссіи и у Галагана и когда? Тамъ Васъ ожидаютъ. Недавно посѣтилъ меня Ригельманъ и, между прочимъ, сказалъ, что будто-бы Вы отказались отъ предложенія Галагана. Я просилъ его быть посредникомъ между Вами обоими и разрушить Ваши обоюдныя недоразумѣнія, въ которыхъ, какъ кажется, Вы находитесь.

Будетъ у Васъ нѣкто Симоновъ. Я просилъ его доставить мнѣ фаетонъ. Благоволите вручить ему ящики и баулы, а на случай Вашего отсутствія, распорядитесь, чтобъ онъ не встрѣтилъ отказа.

Съ Стороженкомъ я не видался и, вѣроятно, не увижусь до самаго выѣзда своего въ Москву, гдѣ намѣренъ провести зимою мѣсяца три одинъ; а пани моя останется у своей матери или съ сестрою въ нашемъ хуторѣ. Кланяемся Вамъ и Маріѣ Никитичнѣ.

Вашъ П. К.

---

91 [1]).

Мотроновка. 1854, ноября 12.

Если не отправили Вы ко мнѣ полученныхъ изъ Лубенъ посылокъ, то прошу Васъ адресовать ихъ къ С. Т. Аксакову, къ которому я скоро надѣюсь выѣхать. Снѣгъ уже выпалъ на мерзлую землю,

[1]) Письмо подъ № 90 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

но еще маленькій, а лишь только выпадетъ большой, тотчасъ мы въ сани да и въ дорогу!

Порядочно Вы подразнили меня, сказавши о корректурахъ, о спѣшной и большой работѣ, но не объявя, въ чемъ дѣло! Въ отмщеніе объявляю Вамъ, что когда отпечатанъ шкафъ Гоголя въ Москвѣ, въ немъ собраны были лоскутки изорванной рукописи. Эти лоскутки вложены были въ пакетецъ и надписаны рукою Шевырева: «Клочки чего-то изорваннаго». Во время пребыванія своего въ Васильевкѣ, онъ какъ то прозѣвалъ этотъ пакетецъ, и теперь онъ врученъ мнѣ сестрами поэта. Я соединяю клочки, и что же оказывается? Это отвѣтъ Бѣлинскому на его оскорбительное письмо. Цѣлыя фразы этого отвѣта вошли въ авторскую исповѣдь, но много въ немъ есть такого, что и не вошло туда, а это многое—прекрасно!

Получилъ я 40 новыхъ писемъ Гоголя отъ Плетнева и 28 отъ Александра Данилевскаго. Какія въ этихъ письмахъ есть вещи о Булгаринѣ и Кукольникѣ, такъ просто прелесть!

Отъ матери Гоголя я получилъ два превосходныхъ начала повѣстей изъ періода «Портрета» и «Невскаго Проспекта».—Что, Васъ разбираетъ? Но погодите, я Васъ еще не такъ припеку.

Мать Гоголя сообщила мнѣ содержаніе и нѣкоторыя мѣста изъ комедій Василія Гоголя. Эпиграфъ Сорочинской ярмарки: «Ой лыхо, Романъ иде! теперь же винъ наробыть колоту»—произносится нѣкоею Параскою, у которой пируетъ дякъ Хома Григорьевичъ и называетъ ее сладкоустою Парасковіею Охримовной.

Г. И. Высоцкій сообщилъ мнѣ извѣстіе о большой сатирѣ Гоголя, написанной въ Нѣжинѣ: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Я, кажется, писалъ Вамъ о первыхъ стихахъ Гоголя:

„Се образъ жизни нечестивой
Пугалище монаховъ всѣхъ...

подписанныхъ имъ подъ сатирическимъ транспорантомъ собственнаго сочиненія и рисованья.

А что Вы скажете о 26 большихъ письмахъ, въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца? Эти письма у меня.

У меня также кипа другихъ писемъ, не столь замѣчательныхъ, хотя между ними есть письма Жуковскаго, Бѣлинскаго, живописца Иванова и семейства Вельгорскихъ.

Библиотека "Руниверс"

Журналъ надзирателей въ лицеѣ временъ Гоголя въ моемъ распоряженіи. А недавно мнѣ сообщили изъ Нѣжина отмѣтки Гоголевскихъ успѣховъ за 1828 годъ, въ которыхъ Бѣлевичъ аттестовалъ его такъ: «Непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ и грубъ».

Надѣюсь, что всего этого достаточно для раздраженія Вашего аппетита, не говоря о кой чемъ другомъ, какъ напримѣръ о новыхъ историческихъ думахъ, которыя я готовъ вручить первому вызывающемуся печатать. И въ томъ Вы не должны строго судить меня. Я Вамъ служилъ вѣрою и правдою по этой части, пока не явились люди, которые нашли средства обнародовать эти драгоцѣнные памятники нашей старины. А приступайте Вы къ печатанію Вашего сборника—я Вашъ покорнѣйшій слуга, и уже тогда никому не дамъ. Вѣдь я сперва давалъ Максимовичу—медлитъ и медлитъ; потомъ Срезневскому—медлитъ и грабитъ, потомъ Вамъ—выжидаете и выжидаете. Я вездѣ суюсь съ своими находками, я не жадничаю, не придерживаю у себя, у меня нѣтъ того, чѣмъ бы я не готовъ былъ снабдить каждаго, работающаго для общей пользы,—и потому не смотрите на меня, какъ на нѣкоего отступника. Я все тотъ же, что и въ 1846 году. И вчора Кулишъ и сиогодни Кулишъ.

92.

Думка-то, бачъ, була така, щобъ исты паску у Блатенсци, та ще не все зробывъ, що треба, то вже ничого на сало кванытысь, а треба дило кинчаты.

Книжокъ у мене до—господа: одного Москвытянына за 4 годы. Раздобрывсь, бачъ, Мыхалко Плетневъ прытьмомъ прохавъ, щобъ я переказавъ іому дещо, мусывъ я йхаты на те репъяхове, чы дивоцьке поле; а винъ и раздобрывсь. Тай не знаю теперъ, де диватысь изъ симъ добромъ. Колыбъ у сели, то греблю бъ загатывъ, а тутъ выкынь на юлыцю, то ще калавуяный потягне патерыцею.

Спасыби жъ, що прислалы. Ще побачымось.

Панько Казюка.

Подумавши и поразмысливши, какова моя будетъ рецензія Лѣтописи Грабянки, я отложилъ свое намѣреніе. Трудно удержаться въ предѣлахъ умѣренности тона, непремѣнно прорвется гдѣ-нибудь гадкое движеніе—унизить себѣ подобнаго. Я же при томъ ничего не люблю дѣлать прихваткомъ и, пожалуй, преслѣдуя легкомысліе, самъ

Библиотека "Руниверс"

представлю примѣръ легкомысленнаго увлеченія. Но положимъ, что я напишу свои нѣсколько строкъ, какъ знатокъ дѣла. Какой же изъ этого результатъ? Кіевская Коммиссія, право, не сдѣлается ни умнѣе, ни нравственнѣе; профаны отъ частности заключатъ къ цѣлому и заподозрятъ всѣ ея труды болѣе должнаго; а молодой авторъ предисловія къ Лѣтописи (онъ же и неисправный и даже несвѣдущій корректоръ оной) упадаетъ во мнѣніи своихъ начальныхъ людей, и первая оплошность будетъ, можетъ быть, стоить ему очень дорого. Богъ съ ними! спасибо, что хоть такъ издали. Мудрому не повредятъ ихъ ошибки и заблужденія, а дураковъ моя рецензія не сдѣлаетъ мудрыми. Я просилъ бы также и Васъ не писать ничего. Намъ надобно заниматься дѣлами посолиднѣе этого и не развлекаться мелочами. Вашъ П. К.

1855, марта 27.

93.

Байвщина, 1855, іюня 26.

Здравствуйте, Осипъ Максимовичъ! Надѣюсь, что Вы здравствуете. Я тоже здравствую, но моя пани, къ крайней моей горести, хвораетъ. Занятія мои очень обыкновенны и состоятъ преимущественно въ чтеніи, не говоря о садоводствѣ и т. п. Ни съ кѣмъ не вижусь, но ни мало не скучаю, и день всегда кажется мнѣ короткимъ. Ложусь спать съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ утра. Но не объ этомъ *нужно* мнѣ писать къ Вамъ, а вотъ о чемъ. Просятъ у меня подаренной Вамъ рукописи о Воспитаніи, соч. Ѳеофана Прокоповича; а я отвѣчаю, что не могу располагать ею и не надѣюсь даже выпросить у Васъ обратно. На что получаю прилагаемые упреки отъ единственнаго человѣка, которому я говорю *ты*.

Если можете, уважьте его и мою просьбу и вышлите ему рукопись въ Черниговъ на имя смотрителя уѣзднаго училища Антона Даниловича Карвасовскаго, для передачи П. Е. Чуйкевичу.

Увѣдомьте о себѣ, какъ Вы поживаете и что подѣлываете и что у Васъ хорошаго слыхать о цензурѣ и о прочемъ. Я не читаю никакихъ газетъ и ничего не знаю, что дѣлается за предѣлами моего хутора.

Адресовать на мое имя въ Лубны, Полтавской губерніи.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Библиотека "Руниверс"

94.

Сентября 16. 1855. Хуторъ Байвщина.

Не знаю, какъ Вамъ живется, Осипъ Максимовичъ, а намъ wcale niezle! Не мѣшаетъ намъ увѣдомлять другъ друга немножко пообстоятельнѣе о себѣ, нежели какъ у насъ съ нѣкотораго времени завелось. Увѣдомляю Васъ, на всякій случай, что судьба послала мнѣ въ руки: 1, Новгородъ-Сѣверскую лѣтопись, подлинникъ компиляціи, какія дѣлали въ прошломъ столѣтіи многіе Малороссіяне. Въ концѣ тою же рукою переписана мистерія въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Воскресеніе Мертвыхъ, въ пользу чающимъ оного всѣмъ неотмѣнно будущое, но страждущимъ неповѣнно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибленно, въ пяти дѣйствіяхъ показанное учителемъ Академіи Кіевской Георгіемъ Конѣскимъ, *нынѣшнимъ* епископомъ могилевскимъ», да еще стихи на Мазепу, начинающіеся сице:

«Горе ти, горе, второму Каину!» да еще: «Нравоученіе умного отца къ сыну», начинающееся тако:

«Хотя я надѣюсь, что ти добрыхъ совѣтовъ и наставленія учителей своихъ не забилъ».

Не знаю, извѣстны-ли Вамъ сіи три послѣднія пьесы. Напишите.

2. Гисторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ, начинающуюся страницею 5-ою, а оканчивающуюся тѣмъ.

3. Месію Голятовскаго, полный экземпляръ, только нѣтъ конца указателя.

Послѣдняя строчка на послѣднемъ листкѣ онаго: «Талмутъ блюзнѣрства и».

4. Дѣянія и посланія Апостоловъ, переписанныя въ 16 д. листа уставомъ съ узорами въ началахъ и заглавными буквами, разрисованными золотомъ, и съ изображеніемъ на византійскій манеръ апостола Луки. Письмо чрезвычайно искусное и тщательное, особенно золоченая вязь. Нельзя насмотрѣться досыта!

5. 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Сіе послѣднее сокровище навело меня на мысль: Когда же оный мужъ совѣта передастъ тисненію свои сборники? Пора, пора! Я слышу, что у инспектора нѣжинскаго лицея Морачевскаго есть большое собраніе пѣсенъ, и что черниговскій Бѣлозерскій мнитъ присоединить его къ своему сборнику, который сгараетъ нетерпѣніемъ напечатать во славу своего имени. А Вы когда? Напишите, не думаете ли Вы соперничать въ быстротѣ своихъ на-

Библиотека "Руниверс"

мѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертія мѣшкотностію. Однимъ словомъ, я хочу знать, что Вы думаете объ изданіи своихъ пѣсенъ, и есть-ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или ужъ прочитаемъ на томъ?

Хоть Вы и ближе меня къ Николаю М., но я прежде Васъ узналъ, что онъ приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. Если только цензура пропуститъ, то въ этой книгѣ нашлись бы и для Васъ интересныя страницы. Давно бы слѣдовало Николаю М. заняться подобнымъ изданіемъ, чтобы оживить и разшевелить изслѣдователей Малороссіи, но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуютъ еще одиниадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло дѣйствительно на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано, разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и Вы пожалуйста не покивайте главою, что человѣкъ, не подождавши Васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ. Николай М. очень желаетъ снискать своему труду благосклонную улыбку московскаго земляка своего, и, если бъ только было можно, то все бы подвергъ предварительной его критикѣ. Но у Васъ свои хлопоты, а время бѣжитъ. Ars longa, vita brevis. Надобно хоть что-нибудь успѣть сдѣлать, пока есть охота трудиться. Когда она пройдетъ, тогда ее не вдохнете и Вы никакими планами и предпріятіями. Итакъ склонитесь на сторону дѣла, хотя бы и несовершеннаго, а не неопредѣленнаго выжиданія, которое ужъ надоѣло Николаю М. до омерзѣнія.

Я скоро переѣду въ Кіевъ для своихъ литературныхъ студій и вѣроятно проведу тамъ, съ перерывами, всю зиму. Теперь для меня ни Москва, ни Петербургъ не годятся, и, кажется, не скоро я пожелаю въ нихъ заглянуть. Весною хочется начать основательное путешествіе для всевозможнаго изученія Малороссіи. Это наше дѣло, и стыдно намъ его не исполнить. Аминь.

Жинка Вамъ и М. Ник. кланяется вмѣстѣ со мною. Вашъ П. К.

Адресъ: Ивану Дан. Юскевичу-Красковскому, для передачи П. А. К. Въ Кіевъ, въ собственный домъ, близъ Софійскаго собора.

Библиотека "Руниверс"

95.

Охъ, Осипъ Максимовичъ! почтеннѣйшій и любезнѣйшій Осипъ Максимовичъ! гдѣ тутъ везетъ!? *Я* долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку выскочившему изъ рельсовъ; а я все-таки буду самимъ собою—вотъ Вамъ и все тутъ.

Живу, пишу не для похвалъ..... т. е. не для печати, а потому что хочется жить и писать. Я попалъ въ Средніе Вѣка, когда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе, и тружусь надъ своими рукописями, какъ трудились алхимики. Можетъ быть, и мои труды, подобно ихъ, не достигнутъ своей цѣли, но какъ алхимія пригодилась для химіи, такъ и мои рукописи къ чему-нибудь да пригодятся же. «Поспи насъ не буде насъ, будутъ люди, да не мы!» вотъ почему должно трудиться.

Посылаю Вамъ ключикъ отъ моего портфеля. Поищите въ немъ моего аттестата и, буде онъ тамъ, вышлите по прежнему адресу; ключикъ же заверните въ пакетецъ и надпишите, що се не кавунъ, а свыня.

Да еще вышлите собственно для меня ненужную Вамъ ни на что подаренную мною вамъ рукопись, сочиненіе Ѳеофана, руки нѣкоего Юзефовича. Теперь ужъ она *мнѣ* пригодится, а черезъ меня и другимъ, такъ нехай съ воза не падае.

Напишу когда-нибудь Вамъ о здѣшнихъ ученыхъ людяхъ и ихъ занятіяхъ, а также и о тѣхъ, которые, не называясь учеными, грѣются у чужого огонька. Теперь же я еще не оглядѣлся вокругъ себя и очень озабоченъ всякою всячиною. Обнимаю Васъ. Вашъ П. К.

1855, окт. 26, Кіевъ.

96.

Кіевъ. 1855, ноября 25.

Почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ!

Въ отношеніяхъ нашихъ давно ужъ чувствуется что-то не прежнее, и, наконецъ, это *что-то* высказалось слишкомъ рѣзко въ письмѣ Вашемъ отъ 11 ноября. Когда я прочиталъ его, мнѣ въ первыя минуты казалось, что я долженъ прекратить съ Вами навсегда переписку, но людямъ, сколько-нибудь другъ друга уважающимъ, не слѣ-

Библиотека "Руниверс"

дуетъ затаивать оскорбленіе. Вы говорите, что я Васъ какъ то *задираю*. Клянусь Богомъ, у меня не было этого намѣренія. Можетъ быть, слова мои показались Вамъ задирательными оттого, что Вы предполагали во мнѣ нѣчто, мнѣ несвойственное. Вѣдь это бываетъ иногда съ самыми добрыми и умными людьми. Я не помню своего письма, но знаю, въ какомъ настроеніи чувствъ писалъ его къ Вамъ. Я обращался къ Вамъ, распахнувши душу настежъ. Неужели Вы думаете, что много есть на свѣтѣ людей, съ которыми бы я сталъ говорить подобнымъ образомъ? А Вы, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ доказательство моей любви къ Вамъ, осыпали меня самыми грубыми насмѣшками. Если бы мои безкорыстныя побужденія и показались Вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности, Вы не должны были такъ грубо надо мною смѣяться. Видно, что Вы находились подъ вліяніемъ какого-то недостойнаго Васъ чувства, которое помѣшало Вамъ сочувствовать моему письму. Какъ бы то ни было, но Вашъ слишкомъ ужъ надменный юморъ оскорбилъ меня до глубины души. Если Вы этого желали, то радуйтесь, если же Вы не знали, какъ я почувствую Ваше письмо, то знайте: можетъ быть Вы примете это къ свѣдѣнію и будете впередъ внимательнѣе къ двигателямъ пера Вашего, сирѣчь къ Вашимъ чувствамъ, которыя не рѣдко играютъ съ нами роль чертей. Намъ изъ-за какихъ-нибудь недоразумѣній или недостатковъ (Вы ли, или я ихъ больше имѣю,—все равно) расходиться не слѣдуетъ. Вы дѣлали и дѣлаете свое дѣло, а я свое—каждый въ свою моготу, и не намъ рѣшать, кто изъ насъ больше сдѣлалъ. Каждый знаетъ себѣ и другимъ цѣну, но странно это высказывать. Вы для меня во первыхъ Осипъ Максимовичъ, во вторыхъ—Бодянскій: видя Ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и Ваши заслуги литературныя или ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить Васъ: я знаю Вамъ цѣну независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у Васъ явились такія фразы, какъ: «И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ»! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо,—сознайтесь хоть передъ самимъ собою. Но во всякомъ случаѣ прошу вѣрить, что я остаюсь къ Вамъ съ готовностью служить Вамъ, если только Вамъ понадобятся мои услуги, и ни въ какомъ случаѣ не поступлю такъ, какъ Вы этотъ разъ поступили со мною. Я подарилъ Вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ Вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣны, одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и Вы имѣете без-

Библиотека "Руниверс"

стыдство отвѣчать мнѣ: «что съ возу упало—пропало». Покажите эти мои строки кому угодно изъ общихъ нашихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали искренно: имѣю ли я право называть Вашъ отвѣтъ безстыднымъ? Оно, конечно, извинительно, какъ антикварское чудачество; оно составляетъ забавный анекдотъ, и я первый готовъ имъ восхищаться въ этомъ смыслѣ; но уважать Вашего поступка не могу, при всемъ моемъ уваженіи къ другимъ Вашимъ поступкамъ въ отношеніи ко мнѣ и къ другимъ людямъ. Напрасно Вы безпокоились возвращать мнѣ ключикъ: я для того и просилъ Васъ оставить его у себя, чтобъ не доводить Васъ до хлопотъ, связанныхъ съ пересылкою по почтѣ.

Я остаюсь въ Кіевѣ на всю зиму съ женою, которая Вамъ кланяется. Адресъ на мое имя, у Золотыхъ Воротъ, въ домѣ Мартынока.

Хотѣлось бы мнѣ потолковать съ Вами о моемъ собраніи пѣсенъ и о томъ, что я съ ними хочу дѣлать, да послѣ Вашихъ писемъ и послѣ непріятныхъ, грустныхъ для меня объясненій съ Вами по поводу ихъ, какъ-то и не хочется. Дѣло въ томъ, что многіе собиратели пѣсенъ по Харьковской, Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніямъ ввѣрили мнѣ свои сборники, и я имѣю намѣреніе (не говоря о разныхъ разностяхъ при этомъ) напечатать огромный сборникъ съ надписью: *собранныя такимъ-то, такимъ-то, такимъ-то* и т. д., чтобы всякому воздано было должное въ семъ достохвальномъ дѣлѣ, т. е. въ дѣлѣ собиранія. На Вашъ сборникъ я не имѣю и надежды, чтобы Вы ввѣрили его мнѣ, но если-бы между нами существовало доброе согласіе и еслибъ Вы не пугали меня Вашимъ правиломъ: *Что съ возу упало—пропало*, я бы отдалъ Вамъ свой трудъ (въ чемъ тутъ трудъ—долго и, можетъ, быть, напрасно говорить), я бы согласился помѣстить свое имя только въ числѣ собирателей и закончить ихъ списокъ словами: *и изданныя О. Бодянскимъ*. Но Вы не дадите мнѣ и понюхать своего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть сперва въ рукахъ все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ (объ этомъ не распространяюсь), и потомъ печатай и пишись издателемъ, кто угодно. Я сдѣлаю болѣе: добуду денегъ на изданіе и вышлю ихъ Вамъ, не требуя никакого обязательства. Знаю, что Вы способны усумниться въ томъ, чтобы ввѣрить мнѣ Ваше собраніе, и очень жалѣю; но то, что я обѣщаю—могу исполнить и исполню. Поступайте, какъ хотите, а я во всякомъ случаѣ буду дѣлать свое дѣло, какъ хватитъ моихъ силъ и какъ поможетъ мнѣ Богъ. П. Кулишъ.

Библиотека "Руниверс"

100 [1]).

Уже не въ первый разъ письмо мое принимается Вами съ такимъ чувствомъ, которое, по моему, не должно бы имѣть въ Васъ мѣста. Во первыхъ, Вы какъ будто не вѣрите, что именно такъ написано ко мнѣ по вопросу о Вашемъ изданіи, какъ я написалъ Вамъ Во вторыхъ, Вы какъ будто обидѣлись заочнымъ выраженіемъ о Васъ Галагана и перенесли часть его вины на меня. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ письма Галагана, въ которомъ о Васъ не сказано больше ни слова. Если Галаганъ называетъ Васъ *крутенькимъ* по панскому лукавству, а не по дѣйствительности, то чѣмъ же я виноватъ, передавши точныя слова его безъ всякаго намѣренія Васъ обидѣть? Но Вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ. Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для Вашего изданія ищутъ другіе, то Вы не вправѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о Васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ Васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ-бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то Вы тутъ ни сколько не будете мнѣ обязаны. Я дѣлаю дѣло *свое*, а не Ваше. *Мнѣ* собственно Вы имѣете право сказать: «Оставьте меня въ покоѣ! знайте себя—свои книги!», но Вы не имѣете права сказать этого публикѣ, которая раздѣляетъ со мной интересъ. А Вы всѣмъ говорите: «Оставьте меня въ покоѣ!», отказываясь входить со мной въ какія бы то ни было объясненія. Неужели Вы не считаете меня способнымъ чувствовать такъ же, какъ и Вы, обиду? а согласитесь, что отвѣтъ Вашъ оскорбителенъ. Я и чувствую, но это оскорбляетъ меня Бодянскій, а предметъ мой остается все тотъ же, и я черезъ личное неудовольствіе никакъ не охладѣю къ нему. Поэтому я преодолѣваю свое нежеланіе писать къ человѣку, не отдающему мнѣ справедливости, и пишу къ Вамъ уже не какъ къ Осипу Максимовичу, а какъ къ владѣльцу невыпущенной въ свѣтъ книги, и прошу Васъ объявить мнѣ не какъ Кулишу, а какъ человѣку, интересующемуся Вашимъ изданіемъ и предлагающему свои услуги,—условія, на которыхъ Вы согласны взять деньги на уплату типографіи ея издержекъ. Вы предпочли сноситься съ Кіевомъ черезъ Сердюкова, и вотъ посмотрите, какъ удаченъ Вашъ выборъ. Прилагаю двѣ вырѣзки изъ письма корреспондента Сердюкова. Я потому до сихъ поръ не брался за дѣло по Вашимъ изданіямъ, что не пришла пора, что не устано-

[1]) Письма подъ №№ 97—99 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

вились у меня такія отношенія съ людьми, чтобы я могъ прямо говорить: *Дайте! вамъ стыдно не дать!* Повторяю, что, и кромѣ Галагана и Тарновскаго, есть у меня люди, готовые на доброе дѣло. Поступайте, какъ Вамъ угодно, но я счелъ нужнымъ представить Вамъ все, какъ оно есть и какъ я понимаю.

Преданный Вамъ землякъ П. Кулишъ.

1857, февр. 25. С.-Петербургъ.

Выписки изъ писемъ 1) *Галагана*: «Може чи не сберусь и самъ. Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете трошки крутенькій, то Богъ знае, чи погодиться на яке небудь діло».

2) Корреспондента *Сердюкови*: « . . . . Недавно я получилъ изъ Москвы отъ Сердюкова, близкаго знакомаго Бодянскаго, письмо, въ к. онъ проситъ меня предложить Тарновскому или Судіенку издавать рукописи, принадлежащія Бодянскому, на условіяхъ для нихъ выгодныхъ; съ первымъ я не имѣю удовольствія быть знакомымъ, а второму говорилъ, но онъ промолчалъ; говоритъ, что самъ на слѣдующій годъ собирается въ Москву».

(На послѣдней страницѣ письма сбоку приписано): Ошибаешься ты, серденько, на счетъ изданія Гоголя. Обожди конца.

---

105 [1]).

Проѣзжая черезъ Москву съ юга на сѣверъ, хотѣлъ я видѣть почтеннѣйшаго земляка Осипа Максимовича, но на двукратное мое звоненіе не послѣдовало никакого отвѣта. Вчера я зашелъ въ Вамъ вмѣстѣ съ Александрой Михайловной,—та же исторія! Тутъ какой-то сѣрый человѣчекъ, видя, что мы удаляемся, дверемъ затвореннымъ выразился о Вашемъ обычаѣ такъ: «Баринъ капризный: иногда и вовсе будетъ дома, а скажетъ нѣту». Не зная, до какой степени вѣрно сіе народное преданіе и до какой степени Вы утонули въ Вашихъ занятіяхъ, я прибѣгаю къ послѣднему средству дать Вамъ знать о своемъ желаніи видѣть Васъ. Если Вамъ это угодно, благоволите увѣдомить меня по городской почтѣ. Я живу на Никитской, на углу Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Мы пробудемъ въ Москвѣ не меньше мѣсяца для нѣкоторыхъ книжныхъ дѣлъ.

Преданный Вамъ душою П. Кулишъ.

1859, окт. 12.

---

[1]) Письма подъ №№ 101—104 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

107 [1]).

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, новое издѣліе моей типографіи и старое—моего суетнаго воображенія. Хотя сему издѣлію и жутко будетъ стоять у Васъ на полкѣ въ сообществѣ книгъ основательныхъ, но за грѣхи свои пускай его страдаетъ молча.

Освѣдомляется у меня нѣкій философствующій мужъ: имѣетъ-ли уже кого-нибудь въ виду Московскій университетъ на каѳедру философіи? Сдѣлайте одолженіе, удѣлите минутъ пять Вашего драгоцѣннаго времени для отвѣта на сей мой вопросъ, адресуя въ мою типографію, на Обуховскій проспектъ. У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно, а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ Вами. Подписка на журналы идетъ тихо, въ томъ числѣ и на *Основу*, которой 1-я книжка уже набирается. Я вздумалъ попробовать писать по украински нашу исторію. Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я ужъ написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только въ цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное! Впрочемъ утікъ не втікъ, а побігти можно.

Что Ваши Чтенія? щадитъ ли ихъ цензура? Да позвольте еще спросить: къ кому изъ собесѣдниковъ обратиться за полученіемъ одной итальянской рукописи, которую я когда-то имѣлъ глупость послать Константину Аксакову (посольство къ Ивану IV)?

Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ земляка

П. Кулиша.

1860, дек. 5 С.-Петербургъ.

108.

Можетъ быть Вамъ и неизвѣстно еще, что Константинъ Аксаковъ умеръ. Ольга Семеновна писала сюда къ своимъ роднымъ. Такъ славянофилы падаютъ одинъ за другимъ не только морально, но и физически. Жаль бѣднаго Консты: онъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественнаго, какъ и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу. Кто-то напишетъ о немъ въ журналѣ или газетѣ! Вотъ бы Вамъ написать, если бъ Вы были свободнѣе. Вы коротко

[1]) Письмо подъ № 106 будетъ напечатано въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

знали его. А то, чего добраго, еще и тутъ не отдадутъ ему должной справедливости, займутся только его ошибками и увлеченіями.

Отъ всей души благодарю Васъ за 3-й томъ безцѣнныхъ Вашихъ *Чтеній* и съ нетерпѣніемъ жду выхода 4-го. Вы строите себѣ несокрушимый временемъ памятникъ. Хоть бы и не хотѣло потомство, то проторитъ къ нему дорогу, потому что безъ *Чтеній* шагу нельзя будетъ сдѣлать въ исторіи.

Въ бумагахъ Гоголя случайно отыскалъ я слѣды существованія драмы его изъ украинской исторіи. Неважные впрочемъ наброски. Но мы ихъ печатаемъ въ *Основѣ*, которая, по цензурнымъ причинамъ, никакъ не можетъ выдти къ 1-му числу. Вы будете получать книжку за книжкою тѣмъ же путемъ, что и мои повѣсти получили. Особеннаго нетерпѣнія у Васъ, я думаю, нѣтъ читать Основу; то два—три дня лишнихъ для Васъ ничего не будутъ значить, а пожалуй этакъ иногда и скорѣй получите, чѣмъ черезъ почтамтъ, потому что изъ типографіи немедленно передается книжка книгопродавцу.

Всею душою преданный Вамъ П. Кулишъ.

1860, дек. 22 С.-Пб.

109.

Основа снуется Богъ знаетъ какъ, чему я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себя быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ. Записку Вашу передамъ въ редакцію, но не ручаюсь ни за что въ этомъ хаосѣ. Вскорѣ предстану предъ Васъ лично, летючи въ вырей, и тогда повѣмъ Вамъ вся чудеса Основская.

За гостинцы отъ всей души благодарю П. Кулишъ.

1861, апр. 24 С.-Петербургъ.

---

111 [1]).

Пишу къ Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, вотъ по какому случаю.

А. Н. Драшусовъ къ моему поклону, по добродушію своему, прибавилъ нѣсколько словъ о *Чтеніяхъ* не въ томъ смыслѣ, въ какомъ упоминалъ я о нихъ. Я просто выражалъ сожалѣніе, что въ Варшавѣ не имѣю подъ рукой *Чтеній* Вашихъ, а онъ сдѣлалъ изъ этого

[1]) Письмо подъ № 110 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

просьбу, на которую я не рѣшился бы и въ величайшей крайности, видя, что Вы взираете на меня почему-то неблагосклонно. Такъ какъ Вы, въ письмѣ къ Драшусову, совѣтуете мнѣ поразмыслить о нашихъ отношеніяхъ въ послѣдніе пять лѣтъ, то я даю себѣ право сообщить Вамъ результатъ моихъ размышленій. До половины этого печальнаго періода Вы удостоивали меня присылкою *Чтеній*. Къ сожалѣнію, я не могъ отвѣчать Вамъ ничѣмъ подобнымъ, будучи занятъ литературными бездѣлушками. Предполагая весною 1862 года ѣхать черезъ Москву, я послалъ Вамъ книжечку своихъ стиховъ и выразилъ надежду бесѣдовать съ Вами лично. Но случилось, что два раза я не засталъ Васъ дома, а когда толкнулся въ канцелярію унив. типографіи, то меня не только къ Вамъ не допустили, но даже не осмѣлились доложить Вамъ во время Вашего разговора съ кѣмъ-то въ директорской комнатѣ. Признаюсь откровенно, что это меня раздосадовало, а какъ часы моего пребыванія въ Москвѣ были сочтены, то я и уѣхалъ, не видавшись съ Вами. Потомъ я сидѣлъ въ захолустьѣ и не писалъ къ Вамъ потому, чтобъ Вы не объяснили этого желаніемъ получить gratis *Чтенія*. Да и грустно было, по правдѣ сказать; все опошлилось вокругъ меня, все показало мнѣ свою изнанку; я вообще сократилъ свою корреспонденцію до самыхъ прозаическихъ нуждъ. Отношенія мои къ Вамъ могли показаться Вамъ странными потому, что разныя непріятности, имъ же нѣсть числа, довели меня до молчаливой хандры, отъ которой насилу излечился я хуторскимъ зодчествомъ, огородничествомъ и садоводствомъ. Но не буду утомлять Васъ дальнѣйшимъ о себѣ повѣствованіемъ. Прошу передать Марѳѣ Никитишнѣ поклонъ отъ меня и отъ Александры Михайловны, которая и Вамъ усердно кланяется. П. Кулишъ.

1865 года, 1 февраля Варшава.

---

113 [1]).

Дорогая Марфа Никитишна!

Берегите себя, моя добрая. Мы съ большой грустью узнали о Вашей и нашей потерѣ. Такъ живы въ памяти тѣ пріятные вечера, которые мы, бывши въ Москвѣ у Васъ, проводили. Напишите, что съ Вами? Гдѣ думаете жить! Опишите все, что можете и не забывайте друзей Вашихъ, искренно уважавшихъ покойнаго Вашего мужа.

[1]) Письмо подъ № 112 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Искренно всегда преданная Вамъ, цѣлую Васъ крѣпко Александра Кулишъ.

Искренно уважаемая
Марѳа Никитична!

Въ великой утратѣ Вашей пускай утѣшитъ Васъ мысль, что Вы свою жизнь посвятили для спокойствія такого благороднаго подвижника науки. Покуда люди будутъ изучать русскую исторію, все будутъ вспоминать Бодянскаго, который такъ великодушно служилъ ей, а вмѣстѣ съ Бодянскимъ будутъ вспоминать и Васъ, потому что безъ Вашей къ нему любви и дружбы не могъ бы онъ совершить своего славнаго подвига, и давно бы прервалась его жизнь. Онъ служитъ всѣмъ намъ образцомъ безкорыстнаго трудолюбія на пользу общую, а Вы, достойнѣйшая Марѳа Никитична, должны служить образцомъ всѣмъ женщинамъ, которымъ судьба указала сопутствовать великимъ трудолюбцамъ и великимъ характерамъ.

Прошу вѣрить моему душевному къ Вамъ уваженію и преданности П. Кулишъ.

1877, сентября 17, хуторъ Мотроновка подъ Борзною.

P. S. Прошу Васъ, напишите о себѣ, не оставьте насъ въ безызвѣстности. Съ нетерпѣніемъ жду Вашего письма. А мы лѣтомъ все выглядывали и распрашивали, не пріѣхали ли Вы въ Прилуку къ Вашимъ роднымъ. Смотримъ на Ваши портреты, и такъ грустно дѣлается. Помню, какъ онъ заботился обо мнѣ, какъ я была больна, и Вы съ нимъ такое участіе выказывали.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Кн. Николай Григорьевичъ Репнинъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ портрету князя Николая Григорьевича Репнина.

Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти князя Николая Григорьевича Репнина, этого безкорыстнаго благороднаго государственнаго дѣятеля, не щадившаго ни силъ, ни способностей, ни даже личныхъ матеріальныхъ средствъ для общественной пользы, а между тѣмъ полезная служебная дѣятельность его не получила еще надлежащей оцѣнки. Мало того, появляющіяся иногда въ печати данныя для его жизнеописанія бываютъ большею частью ошибочны и, кромѣ того, иногда представляютъ въ совершенно превратномъ свѣтѣ нѣкоторые факты изъ его жизни и дѣятельности.

Такъ какъ въ исторіи малороссійскихъ козаковъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ занималъ видное мѣсто, то мы полагали умѣстнымъ приложить къ нашей статьѣ его портретъ и помѣстить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ фамильныхъ документовъ князей Репниныхъ, за пользованіе которыми, а равно за любезное разрѣшеніе сдѣлать фототипическій снимокъ съ портрета мы приносимъ нашу глубокую признательность его внуку, г. кіевскому губернскому предводителю дворянства гофмейстеру князю Николаю Васильевичу Репнину.

Князь Николай Григорьевичъ родился въ 1778 году. Родители его были генералъ-адъютантъ князь Григорій Семеновичъ и статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская. Мать его была урожденная княжна Репнина, дочь одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей времени императрицы Екатерины II, генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ былъ посломъ въ Варшавѣ, участвовалъ въ войнѣ съ турками 1773—1774 гг., за-

Библиотека "Руниверс"

ключалъ въ 1774 г. кучукъ-кайнарджійскій миръ, въ 1778 г. былъ посломъ на тешенскомъ конгрессѣ, предводительствовалъ русскими войсками во время второй турецкой войны и въ 1791 г. одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Мачиномъ, за что и былъ награжденъ орденомъ Георгія 1-ой степени; въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II былъ генералъ-губернаторомъ виленскимъ, гродненскимъ, эстляндскимъ и лифляндскимъ, а при императорѣ Павлѣ I получилъ званіе генералъ-фельдмаршала и былъ посломъ въ Берлинѣ; въ 1798 г. вышелъ въ отставку и 12 мая 1801 г. скончался въ Москвѣ 67 лѣтъ отъ роду. Отъ брака съ княжной Натальей Александровной Куракиной онъ имѣлъ только трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была княгиня Александра Николаевна Волконская, а такъ какъ другія линіи рода князей Репниныхъ были безпотомныя и со смертью князя Николая Васильевича родъ пресѣкся, то императоръ Александръ I указомъ отъ 12 іюня 1801 г. повелѣлъ второму сыну князя Григорія Семеновича и княгини Александры Николаевны Волконскихъ, князю Николаю Григорьевичу, именоваться княземъ Репнинымъ, взамѣнъ прежней своей фамиліи, во вниманіе къ государственнымъ заслугамъ дѣда.

Приведемъ самый указъ:

„Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтели его и любви къ отечеству, коими въ мирѣ и на войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи, до самаго конца жизни своей, былъ онъ преисполненъ, и въ свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобы родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнинымъ. Да родъ князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“.

Библиотека "Руниверс"

О мѣсторожденіи и первоначальномъ воспитаніи князя Николая Григорьевича мы не нашли никакихъ свѣдѣній. Мать его владѣла имѣніями въ московской, ярославской, нижегородской, саратовской и костромской губерніяхъ, всего въ количествѣ 2956 душъ, и домомъ въ Петербургѣ; отъ отца онъ получилъ имѣнія въ московской и нижегородской, въ количествѣ 1682 душъ. Что касается образованія, то въ формулярномъ спискѣ его сохранилась слѣдующая запись: „грамотѣ по россійски, по нѣмецки и по французски читать и писать и математики знаетъ."

Князь Николай Григорьевичъ поступилъ на службу, будучи 14 лѣтъ отъ роду, 9 октября 1792 года, прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Дальнѣйшую службу онъ проходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1 Января 1796 г. онъ произведенъ въ подпоручики, 12 декабря 1796 г. въ поручики, 14 апрѣля 1797 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, 29 сентября 1797 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, 25 сентября 1798 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, 20 сентября 1799 г. въ ротмистры, 27 сентября 1800 г. въ полковники, 26 января 1802 г. ему повелѣно состоять по арміи, 17 сентября 1802 г. онъ былъ зачисленъ въ кавалергардскій полкъ, 11 сентября 1806 г. уволенъ отъ службы по болѣзни отъ ранъ генералъ-маіоромъ, въ декабрѣ 1806 г. нижегородскимъ дворянствомъ избранъ въ уѣздные командиры земскаго войска и въ кандидаты на должность губернскаго начальника, 11 ноября 1808 г. вновь принятъ на службу и ему повелѣно состоять по арміи, 7 января 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при вестфальскомъ королевскомъ дворѣ, въ 1810 г. перемѣщенъ на такую-же должность при испанскомъ дворѣ, 15 марта 1812 г. назначенъ командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, 8 марта 1813 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, 8 октября 1813 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, въ каковой должности пробылъ до конца 1814 г., 5 марта 1814 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 22 іюля 1816 г. назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданской частью, въ каковой

Библиотека "Руниверс"

должности состоялъ по 1 января 1835 г., 25 іюня 1828 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, 1 января 1835 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, 16 іюня 1836 г. уволенъ отъ службы въ отставку.

Изъ орденовъ князь Николай Григорьевичъ имѣлъ всѣ русскіе до св. Александра Невскаго включительно, въ томъ числѣ св. Георгія 4-ой и 3-ей степени и много иностранныхъ.

Боевая дѣятельность князя Николая Григорьевича выразилась въ слѣдующемъ:

Въ 1795—96 г. г. онъ числился въ составѣ арміи, расположенной въ Польшѣ; 6-го іюня 1799 г. былъ переведенъ въ корпусъ, находившійся подъ командой генерала Германна. Этотъ корпусъ былъ посаженъ на суда, входившія въ составъ эскадры адмирала Ханыкова, въ томъ числѣ на корабль „Михаилъ“, а потомъ на англійскій корабль „Омгейстенъ“, для высадки на берегахъ Голландіи, каковая и произошла 30 августа 1799 г., а затѣмъ былъ цѣлый рядъ авангардныхъ дѣлъ, закончившихся 8 сентября генеральнымъ сраженіемъ при д. Бергонѣ въ алькмаарскомъ округѣ сѣверной Голландіи между русско-англійскими и французско-голландскими войсками, при чемъ первыя одержали блестящую побѣду. Послѣ этой побѣды русскій десантъ былъ посаженъ на англійскомъ кораблѣ „Сенсибль“ для крейсированія вдоль французскихъ береговъ и около о. Жерзее до 30 августа 1800 г. Въ 1805 г. князь Николай Григорьевичъ участвовалъ въ походѣ въ австрійскія владѣнія и въ сраженіи подъ Аустерлицемъ 2 декабря 1805 г. былъ раненъ. Въ 1812 г. князь Репнинъ состоялъ въ корпусѣ подъ начальствомъ графа Витгенштейна и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Клястицами 20 іюля, подъ Свольнымъ 30 іюля подъ Полоцкомъ 5 и 6 августа, при взятіи Полоцка 6 и 7 октября, подъ Чашниками 20 октября въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ за-границу, до Данцига, командуя авангардомъ арміи Витгенштейна, онъ переправился чрезъ р. Одеръ у крѣпости Кюстринъ и занялъ Берлинъ, вытѣснивъ оттуда и преслѣдуя передовыми отрядами до р. Эльбы корпусъ французскихъ войскъ подъ предводительствомъ вице-короля италіанскаго, въ томъ же 1813 году, состоя при особѣ императора Александра I, онъ участвовалъ въ

Библиотека "Руниверс"

сраженіяхъ подъ Дрезденомъ 14 и 15 августа, подъ Кульмомъ 19 августа, подъ Лейпцигомъ 4, 6 и 7 октября. Въ 1814 г. князь Николай Григорьевичъ, будучи генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, командовалъ на правахъ отдѣльнаго корпуснаго командира русскими и саксонскими войсками, находившимися въ предѣлахъ королевства, въ 1815 г., состоя при особѣ императора Александра I, участвовалъ во второмъ походѣ во Францію.

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что князь Николай Григорьевичъ долѣе всего занималъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора, а именно, около двадцати лѣтъ. Неудивительно, что онъ изучилъ край и нужды всѣхъ классовъ населенія во всѣхъ народностяхъ (подъ), полюбилъ Малороссію, считалъ ее какъ-бы своею родиной и снискалъ всеобщую любовь и уваженіе.

Еще болѣе закрѣпилъ его связь съ Малороссіей бракъ съ дочерью министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, графиней Варварой Алексѣевной, внучкой послѣдняго малороссійскаго гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, получившей въ приданное 5342 души въ полтавской губерніи, 4553 души въ черниговской и домъ въ Полтавѣ (кромѣ того, она владѣла 4172 душ. въ нижегородской губ. и 1837 душ. въ костромской.)

По выходѣ въ отставку, князь Николай Григорьевичъ прожилъ около десяти лѣтъ тяготясь своей бездѣятельностью и въ огорченіи, что его многолѣтніе безкорыстные труды на пользу общественную не нашли справедливой оцѣнки со стороны высшаго правительства. Онъ умеръ 7 января 1845 г. въ м. Яготинѣ пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи и погребенъ, согласно выраженному имъ желанію, въ Густинскомъ монастырѣ прилуцкаго уѣзда той-же губерніи.

И въ печати, и въ устныхъ преданіяхъ, сохранились различныя версіи разсказа о причинахъ выхода его въ отставку.

Приведемъ здѣсь два отзыва людей, близко къ нему стоявшихъ.

Г. Ст. фонъ-Носъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Н. Г. Репнина, слышали о происках и клеветѣ нѣкоей партіи на

Библиотека "Руниверс"

дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ въ 31-мъ году энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усомнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Государственныя заслуги Репнина были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ концѣ 1834 г. отъ службы, тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института графомъ Строгановымъ“ [1])...

И. И. Сердюковъ, служившій въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ [2]) слѣдующее:

...„Дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ, поэтому была назначена коммиссія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа А. Х. Беккендорфа и д. с. с. Лубяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ“...

Главной причиной немилости императора Николая Павловича къ князю Николаю Григорьевичу, какъ видно, была та широкая популярность, которой онъ пользовался среди всѣхъ классовъ населенія Малороссіи и причины которой партія са-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1882 г., т. IV, стр. 561 сл.

[2]) „Кіев. Стар.“ т. IV, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

новниковъ, относившаяся вообще несочувственно ко взглядамъ князя на управленіе Малороссіей и не прощавшая ему его прямодушія, старалась объяснить Государю въ опасномъ для цѣлости государства свѣтѣ. Особенно безпокоило его противниковъ, а еще болѣе было имъ на руку, то нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на малороссійскихъ козаковъ, искренно любившихъ его и готовыхъ исполнять всѣ его велѣнія, о чемъ упоминаетъ, какъ мы видѣли выше, и г. Фонъ-Носъ, въ благодарность за его заботы объ ихъ благоустройствѣ [1]). Подкапываясь подъ князя Репнина, противники его выдвигали ему и премника въ лицѣ зятя князя В. П. Кочубея, графа А. Г. Строганова, который, будучи посланъ въ Полтаву для производства разслѣдованія о расходованіи казенныхъ суммъ при постройкѣ полтавскаго института, о чемъ подробно разсказываетъ Сердюковъ въ своихъ запискахъ, представилъ все дѣло въ своемъ докладѣ Государю въ превратномъ видѣ. Графъ А. Г. Строгановъ и былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ съ 12 ноября 1836 г. по 1 января 1840 г.

Два фамильныхъ преданія объясняютъ намъ отчасти, почему императоръ Николай Павловичъ давалъ вѣру несправедливымъ обвиненіямъ, взводимымъ на князя Репнина его противниками.

Однажды, въ бытность князя генералъ-губернаторомъ Саксоніи, имѣлъ проѣзжать черезъ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. Князь Репнинъ испросилъ у императора Александра I на этотъ случай соотвѣтствующихъ инструкцій, при чемъ повелѣно было принимать великаго князя, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ военной іерархіи и дисциплины, не обращая вниманія на его высокое званіе по рожденію, что и было въ точности исполнено и не могло, конечно, понравиться юному великому князю.

Князь Николай Григорьевичъ, глубоко огорченный ссылкой въ Сибирь его младшаго брата, князя Сергѣя Григорьевича

[1]) „Родственники разсказывали намъ,—читаемъ въ запискахъ Сердюкова—„что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости.“

Библиотека "Руниверс"

Волконскаго, извѣстнаго декабриста, не могъ присутствовать на коронованіи императора Николая Павловича. Отсутствіе его было, конечно, замѣчено и истолковано не въ его пользу.

Судьбѣ было угодно, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти князя Николая Григорьевича, вознаградить этого благороднаго государственнаго дѣятеля, въ лицѣ его потомства, за всѣ испытанныя имъ огорченія, соединивъ узами брака его единственную правнучку, княгиню Ольгу Николаевну Репнину съ правнукомъ императора Николая Павловича, герцогомъ Георгіемъ Николаевичемъ Лейхтенбергскимъ.

Помѣщенный нами здѣсь портретъ князя Николая Григорьевича относится къ 1814 году и принадлежитъ кисти неизвѣстнаго намъ, по всей вѣроятности, нѣмецкаго художника. Князь изображенъ въ формѣ генералъ-адъютанта стоящимъ на знаменитой Брюлевской террассѣ [1]) въ Дрезденѣ, имъ сооруженной и представляющей одну изъ достопримѣчательностей города; сзади видѣнъ возстановленный имъ „старый“ мостъ или „мостъ короля Августа III“ черезъ Эльбу.

Кромѣ этого портрета, который мы выбрали, какъ изображающій его въ самомъ расцвѣтѣ его дѣятельности и почти наканунѣ назначенія его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, сохранилось еще нѣсколько портретовъ князя: 1) 1805 г., эпохи Аустерлица, 2) 1810 г., въ бытность его испанскимъ посломъ, сдѣланный французской художницей, m-me Напуе, въ Парижѣ, въ то время, когда Наполеонъ I удерживалъ его при себѣ, находя излишними непосредственныя сношенія русскаго двора со своимъ братомъ, королемъ испанскимъ Іосифомъ Бонапартомъ, 3) 1830-хъ годовъ, исполненный какимъ-то доморощеннымъ художникомъ въ Полтавѣ (не кисти-ли юнаго тогда Шевченка?) и 4) 1841 г., кисти швейцарскаго художника Hornuny'a, исполненный во время пребыванія князя Николая Григорьевича въ Швейцаріи послѣ отставки. Н. С.

---

[1]) На этомъ мѣстѣ былъ разведенъ роскошный садъ любимымъ министромъ короля польскаго Августа III, графомъ Брюлемъ, почему и самая террасса называется Брюлевской. Она тянется вдоль р. Эльбы, къ ней ведетъ отъ дворцовой площади широкая лѣстница, украшенная аллегорическими группами, изображающими Ночь, Утро, День и Вечеръ. Главнымъ фасадомъ на террассу выходитъ величественное зданіе академіи художествъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. [1]) Когда въ началѣ сентября 1762 г. императрица Екатерина прибыла въ Москву для коронаціи, то, остановившись предварительно въ Петровскомъ, она здѣсь и «допускала къ рукѣ всѣхъ знатныхъ обоего пола на то время ко двору собравшихся,» причемъ и запорожскій атаманъ кошевой (имъ въ это время былъ Калнишевскій), услышавъ о благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ, скоропоспѣшно явился въ Москвѣ со многимъ числомъ старшинъ войсковыхъ, и просилъ черезъ шефа своего его с-ва ясн-наго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, чтобъ и онъ щастіе имѣлъ допущенъ быть, съ своей помянутой старшиной, изъявить отъ всего войска радость и усердіе вѣрноподаннической, съ рабскимъ повиновеніемъ къ ея императорскому величеству. Государыня, какъ скоро ей доложено о томъ было, соизволила помянутаго атамана кошевого со всею его старшиною на третій день допустить къ себѣ въ большую галлерею. И какъ помянутой атаманъ кошевой, такъ и всѣ старшины, падъ къ стопамъ ея величества, говорили чрезъ писаря своего запорожскаго, яко чрезъ первѣйшаго войсковаго старшину, слѣдующую рѣчь, чрезъ все время стоя на колѣнахъ.— «Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня императрица и самодержица Всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ,

[1]) Намъ неизвѣстно, кто былъ въ 1762 г. войск. писаремъ въ Запорожьи. Глоба имъ въ это время еще не былъ, такъ какъ онъ былъ выбранъ писаремъ только въ 1765 г. См. Истор. Нов.-Сѣчи, изд. 3-е, ч. II, стр. 265-267.

Библиотека "Руниверс"

солнцу западъ, намъ же человѣкамъ учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣко понуждаетъ, и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижалѣхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благополучіе и похвалу предъ Богомъ; и его преступленіе приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія насилія, междуусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно жизнь наша и все наше щастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти Богомъ надъ нами опредѣленной; за что мы божественному Его о насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ, которыхъ Онъ самъ богами и сынами Вышняго называетъ; а паче еще, что какъ они на высочайшей степени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, а ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы ихъ почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себѣ пользуемъ, и предъ Богомъ себя оправдаемъ. Чего всего въ разсужденіи, когда и Царь небесный ваше императорское величество на престолъ Всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ сыны и питомцы низоваго Днѣпровскаго запорожскаго коша, какъ пригоманные дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истинной матери нашей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти вашего императорскаго величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла, дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долголѣтствіемъ да оградитъ! Господь силъ, крѣпокъ во бранѣхъ, свѣтъ державы твоея въ силѣ своей и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ всѣхъ враговъ твоихъ подъ ноги тебѣ сокрушитъ Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непремѣнно пребывати на земли, дондеже солнце и луна пребудутъ на небеси.—Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! съ симъ искренно-усерднымъ желаніемъ и вѣрноподаннѣйшимъ привѣтствіемъ священнѣйшему вашего императорскаго величества лицу, Низовое Запорожское войско являться дерзаетъ, и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокоматернимъ стопамъ вашего цесарскаго величества раболѣпно повергаемъ. («С.Петербургскія Вѣдомости» 1762 г., № 82).

Библиотека "Руниверс"

Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. Замѣтки взяты изъ присланной въ редакцію тетрадки, озаглавленной—«Записка оставшимся по насъ о разныхъ въ Малой Россіи отмѣнахъ». Авторомъ ея былъ Хоружій Нѣжинской поповой канцеляріи Василій Осиповичъ Бѣлозерскій, дѣдъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ бумагъ котораго тетрадка вдовою его и взята. Вся тетрадка состоитъ изъ 10 стр. въ 4—ку и заключаетъ въ себѣ нѣсколько выписокъ изъ хроникъ к. XVIII в., въ родѣ Симоновскаго, а затѣмъ помѣщено въ ней нѣсколько замѣтокъ, принадлежащихъ, повидимому, самому В. О. Б—ому. Эти замѣтки мы здѣсь и приводимъ, какъ заключающія въ себѣ свѣдѣнія, могущія имѣть интересъ въ лѣтописаніи Малороссіи.

«Въ 783 году, по переписѣ ревизіи съ половины года, начали подушніе денги братись съ козаковъ и изъ мѣщанъ по 1 руб. 20 к., съ казенныхъ по 1 р. 40 к., а изъ господскихъ по 70 коп. А въ 1794 годѣ повелѣно брать зъ мѣщанъ, зъ душѣ, по 2 р.

Въ 787 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, монархиня Екатерына Алексѣевна чрезъ Малую Россію на Чернѣговъ слѣдовала...

По проездѣ ея, въ 788-мъ годѣ была неслыханная во всей Малой Россіи дороговизна хлѣба: жита одинъ четверичокъ платился подъ-гребло 1 р. 25 к., а четверть государева 10 р.; по такой же ценѣ мѣра вверхъ, и ячмѣнь, греча—четверть 8 р., овесъ четверичокъ 55 к., а четверть государева—4 р. 40 к.

Въ томъ же 788 годѣ началась съ турками баталѣя. Помирившися съ турками въ 1792 годѣ, армия пошла въ Полщу—ляховъ билп, а въ 793 году часть Полщи подъ Росію присовокупленна.

Въ 1793 годѣ зима была весма снѣжная и долгая, ибо и на самое Благовѣщание да и посля еще такіе били морози, что иногда и въ генварѣ такихъ небываетъ, а потому сѣно было очень дорого: продавался пудъ по 30 и 35 коп. Въ семъ годѣ Георгія било на страстную субботу, а на другой день Воскресеніе, и на Георгия нетолко и малѣйше паши не било, но и дерево еще не роспукивалось.

1796 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, государиня Екатерина Алексѣевна умре, а царство принялъ государь Павелъ Петровичъ и отъ него хотя послѣдовалъ било указъ, что Малая Россия возвращается на прежние права, но посля того великіе дани положенны: вомѣсто четверичковъ борошна положено платить денгами по 30 к., да на кормъ артилерійскихъ лошадей еще по 26 к.; а посля еще на козаковъ прибавлено на каждую душу по 7 р. (?) на бумагу гербовую прибавлено по 20 к., еще по 10 к. На содержаніе суда генеральнаго

Библиотека "Руниверс"

зъ дворянъ 80 тысячъ рублей, чего никогда небывало; но за покойной государынѣ всѣ присудствующіе по судамъ на жалованѣ были и имъ жалобщики пересудового неплатили, а вносили толко въ Казну пошлини; а за государя и пошлины велѣно взыскивать и пересудовое суддямъ платить. И такъ вдвое бѣда людямъ наложенна.

1798 била суша безмѣрная и въ іюлѣ мѣсяцѣ гречка ранняя, которая цвѣсти зачинала, инде мѣстами, а другіе совсѣмъ нивы цѣліе вымерзли, а инде толко долини. Зима настала рано и была прелютая зъ снѣгомъ, вѣтромъ и морозами до Благовѣщенія; и людей много померзло.

1799 года сарана виплодилась и поила въ яринѣ совсѣмъ: ячменѣ, овси и пшеницю, а жита Богъ миловалъ. Лѣто било сухое, но осень преспілно дощовита и весма грязкая била; по 13 ноября и холоду небило, а зъ сего числа начало мерзнуть.

1800 года также саранча поила мѣстами жито, пшеницю, а сентября 17-го снѣгъ випалъ и холодно; а 1806 года сараны нестало.

1808 года, сентября 20 д., въ неделю дулъ болшой вѣтеръ, а въ 4-мъ часу сполдня такая силная бура была, что не толко хороми пообдирала, но и млины вѣтранне зъ самого фундамента нѣкоторне попереворочала; а всего удивительнѣе, что зъ Оленовского длинного магазейна [1]) крышку зъ трома деревями зрубу совсѣмъ скинула. И между тою бурею такая темность наступила била, бурею гнатая, что въ день здѣлалось какъ ночь. Въ той же темнотѣ, бурею гнатой, видимо было синіо, блакитно и жолтовато; сія темность била какби съ полчетверти часа; а какъ тую темность бура перегнала, то и паки стало ясно такъ какъ и било. Чумаки которие ходили на Донъ за рибою говорили что и тамъ также было.

1811 года, сентября 2 числа, въ Борзнѣ запаленно днемъ пустую хату отчего здѣлался силной пожаръ и церковъ деревянная Рождества Богородици зъ двумя еще престолами апостола и первомученика Стефана и великомученицы Варвари совсѣмъ згорѣла; а другая церковъ каменная Рождества—обгорѣла. Посля того и въ другое сентября 7, въ день же, коморку пустую на базарѣ стоячую, подъ самую сушь и силній вѣтеръ, запалено, отчего много домовъ погорѣло и церковъ Николая обгорѣла. А въ оба пожарѣ до двохъ сотъ домовъ згорѣло.

---

[1]) С. Оленовка, борзенск. уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. Въ редакцію доставлено Г. С. В-емъ 13 подлинныхъ писемъ матери Н. В. Гоголя къ Кулишу и Каменецкому, касающихся главнымъ образомъ денежныхъ счетовъ по изданію сочиненій знаменитаго писателя. Письма обнимаютъ періодъ времени съ 28 января 1858 г. по 12 октября 1859 г. Кромѣ увѣдомленій о полученіи денегъ за сочиненія и «за литургію»[1] (всего 6515 р. билетъ на неуказанную точно сумму) и благодарности за хлопоты Кулиша и Каменецкаго по этому дѣлу, въ письмахъ есть нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей, рисующихъ внутреннюю жизнь родныхъ покойнаго писателя, въ связи съ извѣстнымъ завѣщаніемъ его.

Сообщая отъ 28 января 1858 г. о полученіи 1000 р., М. И. Гоголь пишетъ Кулишу: «100 р. я отдала меньшой дочери моей Ольгѣ для раздачи; каждая хочетъ въ своемъ мѣстѣ быть полезной, а я уже свои получила и изъ нихъ удѣляю очень осторожно съ большимъ разсмотрѣніемъ, прося молиться за упокой доставившаго эту помощь... Билеты я буду складывать получаемые отъ васъ, покуда наберется такая сумма, что можно отдать каждому слѣдуемую ему часть съ общей суммы—и тогда успокоюсь».

Въ письмѣ Каменецкому отъ 19 февраля 1858 г. М. И. Гоголь проситъ прислать ей 4 экземпляра сочиненій сына и прибавляетъ: «Вы вѣрно удивитѣсь такому странному писанью моему стакими ошибками и приписками, но если вспомнитѣ, что у насъ въ Малороссіи назадъ тому 60 лѣтъ некасался лучъ просвѣщенія, то извените миня и притомъ имѣя столько хлопотъ въ моей жизни, и частые отвѣты на многія получаемыя письма, неуспѣваю чище писать, бывъ увѣренна въ достоинствѣ вашемъ судя по выбору дружескаго сношенія вашего съ почтеннѣйшемъ Пантелеймономъ Александровичемъ (т. е. Кулишомъ), надѣюсь, что вы миня извенитѣ» ...Издѣнигъ за литургію вамъ остается только выслать сто рублей, а остальные полторы тысячи оставить въ билетѣ для другихъ распоряженій дитѣй моихъ».

1 марта 1858 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша отдать въ переплетъ экземпляръ сочиненій сына, не слишкомъ дорогой, но порядочный, для отсылки одному семейству, любившему покойнаго ея сына. Получивъ книгу въ красивомъ переплетѣ, М. И. Гоголь пишетъ Каменецкому: «я буду очень довольна, что не буду въ долгу добрымъ моимъ знакомымъ, услужившимъ мнѣ при доставкѣ разныхъ вещей въ военное время, избавляя меня отъ хлопотъ; они ни въ чемъ не

[1]) „Размышленія о божественной литургіи“, соч. Н. Гоголя.

Библиотека "Руниверс"

нуждаются и только этой маленькой услугой доставлю имъ удовольствіе... О второмъ изданіи сочиненій моего сына нечего и помышлять скоро, не только въ большомъ количествѣ, но и въ маломъ, когда и это такъ медленно идетъ, какъ вы пишете, и наслѣдники нуждаются въ деньгахъ».

По поводу литературныхъ трудовъ Кулиша М. И. Гоголь пишетъ 28 января 1858 г.: «Воображаю себѣ, какъ вы углубились въ ваши занятія. Оно бываетъ и пріятно, когда покойно на душѣ и никто не мѣшаетъ, но во время отдохновенія пріятно видѣть участіе въ любимой насъ особѣ, вполнѣ цѣнящей трудъ, доставляя пріятныя минуты за часы трудовъ въ нашей жизни». Въ письмѣ 19 мая 1859 года: «Съ большимъ удовольствіемъ окончила я вашего Маёра: одно лицо въ немъ очень странное, живутъ же на свѣтѣ такого роду люди, хотя и не темно имъ на немъ; теперь остаюсь въ пріятномъ ожиданіи читать въ будущемъ годѣ вашу *Хату*, если доживу до того пріятнаго времени.—Видно сочиненія моего Ангела сына трудно расходятся, не такъ, какъ вы полагали, почтенный П-нъ А-чъ, обѣщая въ прошломъ еще годѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ выслать всѣ сполна вырученныя за нихъ деньги. Досадно, что не исполнилось ваше обѣщаніе и ожиданіе дѣтей моихъ, нуждающихся въ нихъ.—Вы писали, что ваше теперешнее пребываніе въ С. П. гораздо спокойнѣе для васъ прежнихъ временъ. Дай Богъ, чтобъ горе къ вамъ никогда не возвращалось и вы были всегда въ душѣ спокойны. Это есть истинное счастіе на землѣ»... Весна оканчивается, а я нахожусь въ пріятнѣйшемъ ожиданіи видѣть хотя въ началѣ лѣта дорогого гостя графа Александра Петровича Толстово, по письму вашему.»

Въ письмѣ 6 іюня 1859 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша поговорить съ гр. А. П. Толстымъ о ея дѣлѣ: «не знаю, соберуся ли я написать къ нему особо о томъ дѣлѣ; надѣюсь, что ваши слова, подѣйствуютъ лучше моего письма. О себѣ не могу сказать вамъ ничего утѣшительнаго: горе и хлопоты не оставляютъ меня... Дочь моя поѣхала въ Диканьку помолиться Чудотворцу Николаю, внукъ мой украшаетъ дворъ цвѣтами. Я радуюсь, что его хоть что нибудь занимаетъ. Когда-то вы къ намъ пріѣдете и обрадуете насъ?»

Въ послѣднемъ письмѣ настоящей коллекціи (отъ 12 октября 1859 г.) М. И. Гоголь извиняется предъ Кулишемъ за долгое молчаніе, ссылаясь на большія непріятности, бывшія у нея все время. Зятю своему Влад. Ив. Быкову «я передала право получать отъ васъ (т. е. Кулиша) билеты за сочиненія покойнаго моего сына, во избѣ-

Библиотека "Руниверс"

жаніе горькихъ обидъ и подозрѣній. И прошу васъ покорнѣйше высылать вмѣсто меня упомянутому моему зятю Владиміру Ивановичу Быкову, котораго я считаю не иначе, какъ роднымъ своимъ сыномъ» (адресъ другой рукой: «Влад. Ив. Быкову, командиру 4-го понтоннаго парка въ Кіевѣ»). «Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ходатайство ваше у почтеннаго Г. А-ра П-ча Толстого о переводѣ къ намъ просимаго мною священника... мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ устройства подку въ нашей церквѣ. Полагаю, что это событіе удивило нашего Архіерея и что еще все медлитъ (съ присылкой указа), видно ожидаетъ моего отзыва съ прилагательнымъ, но я не нахожу нужнымъ отзываться къ нему, когда все безъ него устроено Богомъ и благодѣтельными людьми.» Сбоку письма приписка: «Священникъ объявилъ, что онъ получилъ уже отъ благочиннаго присланный ему указъ.» На томъ же листѣ бумаги особая приписка за подписью А. Г. (Анны Вас. Гоголь, сестры поэта): «Сколько непріятностей намъ было отъ зятя Головни. Слава Богу, что Вла-ръ Ив-чъ беретъ на себя денежныя дѣла, и вы потрудитесь къ нему обращаться. Вообразите, что Головня хотѣлъ лишить его части, пользуясь его болѣзнью, на томъ основаніи, что въ духовной сказано сестрамъ, а не племяннику, какъ будто онъ не сынъ сестры; потомъ началъ придираться, по какому праву Машенька брала у васъ деньги, даже зачѣмъ она себѣ купила коляску, что это прихоть. Все подозрѣваетъ, что его хотятъ обмануть, что мы себѣ утаиваемъ деньги (вѣрно судитъ по себѣ), и придирается ко всякой копѣйкѣ. Теперь слава Богу хоть на время мы отъ него избавились. Онъ кажется васъ струсилъ, потому что не смѣлъ требовать тогда у васъ никакихъ объясненій и сказалъ, что все хорошо; а насъ мучилъ. Какой это невыносимый человѣкъ. Извините ради Бога, что я такъ безпорядочно пишу, но я ужасно растревожена».

Къ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи. Извѣстный епископъ Порфирій (Успенскій), проѣзжая въ 1846 г. изъ Бессарабіи въ Петербургъ, имѣлъ возможность видѣть нѣкоторыя поселенія что и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, нынѣ изданномъ, подъ заглавіемъ «Книга бытія моего» (ч. III. СПБ. 1896. стр. 53).

«По дорогѣ до Кременчуга—говоритъ еп. Порфирій—я видѣлъ нѣсколько военно-населенныхъ деревень. Онѣ выстроены весьма красиво, даже съ кокетствомъ. Но поселенцы говорили мнѣ, что прежде

Библиотека "Руниверс"

они были хозяева, а теперь стали бобылями. Одинъ изъ нихъ въ селѣ Павлышъ, жалуясь, сказалъ:

Я козакъ,—душа въ тили.
А рубашку вони сняли,

По словамъ ихъ, государь приказалъ имъ работать три дня на казну и три дня на себя. А царевы приставники заставляютъ ихъ работать шесть дней на казну и два на себя. Бѣдный народъ! Когда онъ дождется своего Моисея? Но рано или поздно настанетъ время, когда людъ Божій зароетъ своихъ притѣснителей въ зыбучій песокъ и притопчетъ его своими чоботами. Великій, умный и добрый народъ не можетъ быть вѣчнымъ холопомъ» ...

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить это цѣнное наблюденіе почтеннаго епископа, такъ какъ оно теряется въ массѣ матеріала иного содержанія, а между тѣмъ можетъ представлять интересъ для спеціальнаго изслѣдователя исторіи новороссійскихъ военныхъ поселеній.

Сообщ. **Н. С.**

Обычай ломать скорлупу яйца. Обычай ломать скорлупу встрѣчается въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ среди простонародья. Многіе изъ интеллигентныхъ людей придерживаются этого обычая, не давая себѣ отчета въ его цѣлесообразности: ломаютъ скорлупу по привычкѣ съ дѣтства. Въ Малороссіи существуютъ разныя толкованія обычая; чаще всего приходится слышать замѣчаніе, что ломка яицъ содѣйствуетъ здоровью курицы, снесшей яйцо, или здоровью человѣка, съѣвшаго яйцо. Точно такой-же обычай и также съ различными толкованіями распространенъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, Бельгіи. Цѣлью ставятъ, чтобы яйца не портились (въ Вѣнѣ), чтобы не было лихорадки или зубной боли (въ Ольденбургѣ), чтобы куры неслись (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи). Надлежащее объясненіе можно услышать во многихъ мѣстахъ Франціи: скорлупу ломаютъ, чтобы въ пустомъ яйцѣ не поселились черти. «Если вы не разобьете яйца, говорятъ въ Вандеѣ, и оно попадетъ къ колдуну, то колдунъ соберетъ въ него росы (украинскія вѣдьмы дѣлаютъ то же) и начнетъ колоть черной шпилькой, что причинитъ смерть. Какъ высыхаетъ роса, такъ и человѣкъ начинаетъ сохнуть отъ болѣзни. Въ старину въ Бельгіи на судебныхъ процессахъ вѣдьмъ снимали допросъ,—ѣздили вѣдьмы въ Англію въ мельничномъ ковшѣ или въ

Библиотека "Руниверс"

яичной скорлупѣ. (*Rolland*, Faune populaire, VI, 98; *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 375). Вполнѣ согласно съ этими повѣрьями во Франціи въ XVII в. существовалъ оберегъ отъ колдовства въ формѣ троекратнаго ломанія скорлупы: «ceux qui pour se preserver de malefice frappent trois fois sur les cocques des oeufs qu'ils ont mangés, et les remettent ensuite dans le plat (*Liebrecht*, Des gervasius Otia Imperialia.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. Печатаемое ниже письмо проф. Алекс. Карл. Деллена представляетъ маленькую страничку изъ жизни Кіевскаго Университета 50-хъ годовъ. А. К. Делленъ, въ 60-е годы одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-классиковъ въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1839 году назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ римской и греческой словесности въ Кіевѣ, имѣя только степень магистра, а затѣмъ сейчасъ-же въ 1840 году былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, и въ этомъ званіи пробылъ до 1850 г., когда онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго професора, но, какъ магистръ, не имѣлъ права на утвержденіе въ этой должности до полученія степени доктора. Очевидно, не видя въ близкомъ будущемъ возможности для себя докторизоваться, А. К. Делленъ выискивалъ способъ обойти законъ и, опираясь на данныя ему раньше обѣщанія, обратился между прочимъ за содѣйствіемъ къ извѣстному профессору-коллегѣ П. В. Павлову походатайствовать о немъ въ Петербургѣ объ утвержденіи его въ званіи ординарнаго профессора внѣ правилъ. Эта-то просьба и составляетъ главное содержаніе прилагаемаго письма. Оказалось, впрочемъ, что желанныхъ результатовъ эта просьба не принесла, т. к. въ ординарные профессора попалъ онъ только черезъ 10 лѣтъ, въ 1864 году, т. е. по полученіи степени доктора. Въ письмѣ этомъ сообщены многія автобіографическія справки, пополняющія тѣ свѣдѣнія о А. К. Делленѣ, которыя мы находимъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра» (Кіев. 1884 г.).

Вы были такъ добры, Платонъ Васильевичъ, что не только не отказали мнѣ при Вашемъ отъѣздѣ въ С. Петербургъ взять съ собою два мои сочиненія для передачи Г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, но даже изъявили свою готовность содѣйствовать къ утвер-

Библиотека "Руниверс"

жденію меня въ исправляемой мною уже 4 года должности Ординарнаго Профессора. Оцѣняя вполнѣ Ваше участіе, я останусь всегда благодарнымъ, еслибы даже Ваши старанія не возымѣли успѣха. Хотя Вы довольно хорошо знаете, что со стороны нашего факультета и Совѣта я до сихъ поръ не представленъ къ утвержденію въ должности Ординарнаго Профессора только потому, что они опасаются отказа, а не потому, что не признаютъ меня достойнымъ представленія; но я считаю долгомъ сообщить Вамъ, на чемъ именно основываются мои претензіи на ординарство.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года я, состоявши въ должности старшаго учителя нѣмецкаго языка при Рижской Гимназіи, приглашенъ былъ бывшимъ въ то время Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, Генераломъ фонъ-Брадке, для занятія мѣста адъюнкта по каѳедрамъ латинскаго и греческаго языковъ при Кіевскомъ Университетѣ. Обѣщанія и увѣренія Его Превосходительства произвести меня въ теченіи трехъ лѣтъ въ Орд. Профессоры, по пріобрѣтеніи мною до этого времени степени Магистра, и надежда занимать болѣе соотвѣтствующее моимъ занатіямъ мѣсто побудили меня оставить занимаемую мною должность, выгоднѣйшую въ денежномъ отношеніи даже мѣста Ординарнаго Профессора даже въ Кіевѣ, и покинуть Ригу и пріятный для меня кругъ моихъ родственниковъ. Дабы устранить всѣ препятствія, я рѣшился тотчасъ въ Дерптѣ подвергнуться испытанію на степень Магистра философіи и имѣлъ счастіе защищать свою диссертацію въ присутствіи тогдашняго Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, который 29-го сентября 1839 года утвердилъ меня Адъюнктомъ при Университетѣ Св. Владиміра. А какъ въ слѣдствіе двухмѣсячнаго отсутствія моего изъ Рижской Гимназіи и долговременной болѣзни одного изъ учителей ея тамъ были безпорядки въ преподаваніи, и какъ за это полугодіе лекціи по моей каѳедрѣ при Кіевскомъ Университетѣ уже поручены были одному изъ Адъюнктовъ, то мнѣ приказано было оставаться въ Ригѣ до конца года для исправленія должности учителя Гимназіи. По этимъ обстоятельствамъ я прибылъ въ Кіевъ только въ январѣ мѣсяцѣ 1839 года, и уже не могъ воспользоваться даннымъ на текущій 1838 годъ всѣмъ преподавателямъ университетскимъ облегченіемъ къ полученію степени доктора однимъ только защищеніемъ диссертаціи, хотя я къ этому готовился. Чрезъ два же мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ фонъ-Брадке подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, и Университетъ Св. Владиміра

Библиотека "Руниверс"

на время былъ упраздненъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 года Совѣтомъ Университета единогласно избранъ я былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Римской словесности и 30-го ноября того-же года Г-мъ Министромъ утвержденъ былъ въ этой должности. А какъ новый Уставъ, по которому только имѣющіе степень доктора могли быть произведены въ экстра-ординарные и ординарные профессоры, долженъ былъ воспріять свое дѣйствіе съ 15-го іюля 1842 года, до котораго срока было еще годъ и восемь мѣсяцевъ, и какъ въ Кіевскомъ Университетѣ тогда еще не было ни одного случая, чтобы экстра-ординарные профессоры послѣ годоваго срока не были представлены и утверждены въ ординарные проф., поэтому я, надѣюсь быть произведеннымъ въ ординарные профессора послѣ года, не думалъ приготовляться къ испытанію на степень доктора, и предпочиталъ всѣми силами стараться удовлетворить требованіямъ хорошаго и совѣстнаго преподавателя. Къ несчастію моему товарищъ мой Ник. Дмитр. Иванишевъ, который по службѣ только двумя недѣлями былъ старше меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1841 года былъ представленъ Совѣтомъ Университета въ ординарные профессоры, но не былъ утвержденъ Г-мъ Министромъ, вѣроятно только потому, что онъ 15-го іюля тогоже года въ торжественномъ собраніи во время Акта Университетскаго произнесъ рѣчь, не хорошо принятую Кіевскимъ Митрополитомъ. А какъ въ отвѣтѣ Г на Министра сказано было, что Иванишевъ не утверждается по молодости въ службѣ, то Совѣтъ, имѣя это въ виду, не осмѣлился представить и меня по истеченіи годоваго срока. Потомъ 15-го іюля 1842 года введенъ былъ въ дѣйствіе новый Уставъ—прежде, чѣмъ я сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, и я только вторично утвержденъ былъ профессоромъ экстра-ординарнымъ, хотя этимъ касательно меня нарушенъ былъ § 76 (стр. 19) нашего Устава, гдѣ сказано, что никто не можетъ быть ординарнымъ или экстра-ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора. Въ слѣдствіи того я рѣшился подвергнуться испытанію настепень доктора; разсужденіе мое было готово и я уже хотѣлъ подать прошеніе объ испытаніи, какъ вдругъ 6-го апрѣля 1844-го года вышло новое положеніе о производствѣ въ ученыя степени, по которому я принужденъ былъ испытываться и въ философіи, отъ каковаго впрочемъ испытанія я какъ магистръ философіи, по прежнимъ правиламъ о томъ былъ свободенъ. Встрѣтивъ къ достиженію цѣли новое препятствіе, я рѣшился не искать болѣе степени доктора и напечатать только написанное мною разсужденіе, чтобы тѣмъ устранить могущія возникнуть о мнѣ

Библиотека "Руниверс"

невыгодныя мнѣнія. Книга моя: Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des Juvenalis. Кіевъ 1864" весьма хорошо была принята за границею, какъ это видно изъ трехъ рецензій, напечатанныхъ въ Парижѣ (Revue de philol. etc. auriennes. Vol. II. 1847. pag. 373), въ Берлинѣ (Literat. Zeitung. 1847. pag. 464.) и въ Геттингенѣ (Gelehrt. Anzeig. 1847. Stük 81. pag. 810—816) профессоромъ Германномъ, корифеемъ филологовъ въ Германіи. Такъ какъ въ нашемъ Уставѣ § 31, (стр. 20.) сказано, что: Экстраординпрофессоръ не прежде удостоивается званія проф., какъ по пріобрѣтеніи достаточной извѣстности или отличнымъ преподаваніемъ или учеными сочиненіями и изысканіями", и такъ какъ я по мнѣнію Совѣта вполнѣ удовлетворилъ этимъ требованіямъ, Совѣтъ представилъ меня ординарнымъ профессоромъ, но Г-нъ Министръ Народн. Просвѣщенія утвердилъ меня въ январѣ мѣсяцѣ 1850-го года только исправляющимъ должность Ординарнаго проф. Теперь, состоявши 17 лѣтъ на службѣ и будучи въ такомъ уже возрастѣ, въ которомъ трудно и даже вредно не только для дальнѣйшаго собственнаго образованія, но и для моихъ слушателей, перемѣнить занятія и бросить на долгое время всѣ начатые мною литературные труды, я безъ значительнаго ущерба уже не могу думать объ испытаніи на степень доктора, и надѣюсь, что долголѣтняя, добросовѣстная служба моя и отзывы ученаго міра о моихъ литературныхъ трудахъ, если не даютъ мнѣ полное право на полученіе Ординарства, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ начальниковъ и товарищей удостоятъ меня этого званія. Даже и форма утвержденіемъ меня въ должности Ординарнаго Профессора не нарушится, поелику § 76 (стр. 19) нашего Устава уже не касался меня, бывшаго экстраординарнымъ профессоромъ почти двумя годами раньше введенія этого Устава и долженствующаго только удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ въ томъ-же Уставѣ въ § 31. (стр. 20).

Вотъ что я имѣлъ объяснить Вамъ, Платонъ Васильевичъ, въ дополненіе того, что Вамъ обо мнѣ извѣстно. Не стану хвастаться предъ Вами своимъ прилежаніемъ и усердіемъ въ службѣ; Вы, какъ долголѣтній добрый товарищъ мой, довольно хорошо меня знаете. Притомъ письмо это уже такъ длинно, что пора кончить, дабы Вамъ не наскучить. И такъ имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ

Вашъ покорн. слуга А. Делленъ.

Кіевъ. 4-го Января 1854-го года

Библиотека "Руниверс"

Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. Въ виду наступающаго въ 1898 году столѣтія со времени появленія «Энеиды» извѣстнаго малорусскаго писателя И. П. Котляревскаго, желательно бы было почтить эту знаменательную годовщину въ исторіи малорусской литературы, между прочимъ, и изданіемъ литературнаго сборника, посвященнаго памяти ея начинателя. Вслѣдствіе этого обращаюсь съ призывомъ ко всѣмъ малорусскимъ писателямъ, какъ украинскимъ, такъ и галиційскимъ, и прошу ихъ принять участіе въ предполагаемомъ сборникѣ. Для этого, исключительно беллетристическаго, сборника требуются произведенія всѣхъ родовъ изящной словесности,—драмы, комедіи, повѣсти, разсказы, стихотворенія, а также и переводы классическихъ писателей. Пока составится редакція Сборника, о составѣ которой я письменно извѣщу каждаго сотрудника, я принимаю на себя обязательства собирать и хранить присылаемыя произведенія, прося уважаемыхъ авторовъ направлять ихъ въ Редакцію «Кіевской Старины» для передачи мнѣ. Желательно-бы было, чтобъ это мое заявленіе перепечатано было и въ Галиційскихъ періодическихъ изданіяхъ.

М. П. Старицкій.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ М. Ф. Комарова—*6 руб.*; 2) отъ В. И. Ковальскаго—*3 руб.*; 3) отъ Д. И. Мѣрнаго—*4 руб.*; 4) отъ А. Г. Сластіонова—*5 руб.*;—всего *18 руб.*, что вмѣстѣ съ прежними *817 р. 77 к.* (см. № 11), составитъ *835 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. *Томъ третій. Спб. 1897. 8 д. л. IV+646 стр. Съ рис.*

Издавая второй томъ своей работы, г. Эварницкій жаловался, что онъ былъ «написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ», такъ какъ авторъ въ это время «находился вдали отъ столицы болѣе чѣмъ на 5000 верстъ разстоянія, живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ»... «Третій томъ И. З. К., говоритъ авторъ, написанъ имъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели второй: съ началомъ весны 1894 г. и до начала весны 1895 г., авторъ имѣлъ возможность жить въ Москвѣ и пользоваться тамъ не только печатными матеріалами, относящимися до И. З. К., но и весьма значительнымъ количествомъ архивнаго богатства, находящимся въ первопрестольной столицѣ Россіи. Такимъ образомъ, главнымъ и наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ для третьяго тома исторіи послужили неизданные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ трехъ московскихъ архивахъ: архивѣ мин. ин. дѣлъ, архивѣ мин. юстиціи и отдѣленіи архива гл. штаба. Кромѣ матеріаловъ московскихъ архивовъ, авторъ пользовался также нѣкоторыми документами казеннаго архива при Варшавской Казенной Палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ»... Какъ видимъ, у автора въ распоряженіи находился обширный матеріалъ, который его предшественниками совсѣмъ не трогался. «Третій томъ обнимаетъ собою періодъ времени съ 1686 по 1734 г. и касается такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками въ Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра В. на турецкій городъ Азовъ; походы подъ турецкіе городки Тавань, Кызыкермень и другіе, на низовье (?) Днѣпра; участіе въ полтавскомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепою, удаленіе въ предѣлы

Библиотека "Руниверс"

Крымскаго ханства и наконецъ продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣстъ агарянскихъ» въ разныя мѣста.» Вотъ содержаніе третьяго тома, говоря словами самого автора.

Какъ сводъ свѣдѣній объ участіи Запорожья въ событіяхъ, представлявшихъ внѣшнюю исторію Малороссіи въ указанное время, книга г. Эварницкаго является очень полезнымъ научнымъ вкладомъ. По множеству фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ перечисленныхъ имъ архивовъ, третій томъ И. З. К., конечно, будетъ необходимою книгою для занимающихся исторіей Малороссіи. Но, какъ *исторія*, книга г. Эварницкаго заставляетъ желать многаго... Разсказывая подробно всѣ тѣ походы к. XVII и нач. XVIII в., въ которыхъ принимало участіе Запорожье, авторъ не даетъ возможности уразумѣть—что же такое было Запорожье въ это время, чѣмъ оно обособлялось отъ остальной Малороссіи, какія цѣли оно преслѣдовало?—Эти вопросы авторъ, какъ будто иногда и пытается разрѣшить, но разсужденія его въ этихъ мѣстахъ отличаются неясностью, напр.—желая, обрисовать отношенія Запорожья къ московскому правительству во второй половинѣ XVII в., авторъ говоритъ слѣдующее: «между кошемъ войска З. К. и правительствомъ московскихъ царей уже въ теченіе 30-ти предшествовавшихъ лѣтъ (т. е. до 1686 г.) сложились отношенія, въ силу которыхъ запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положеніе. О равномѣрности силъ въ этой борьбѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: запорожское войско отъ одного рѣшительнаго прикосновенія къ нему московскихъ войскъ сразу и навсегда перестало бы существовать. Но такихъ рѣшительныхъ мѣръ Москва не могла предпринять въ силу различныхъ причинъ, не зависящихъ отъ нея. Въ этомъ отношеніи московское правительство находилось, въ полномъ смыслѣ слова, между двухъ огней. Съ одной стороны оно не могло допустить рядомъ съ собою такого явленія, какъ община запорожскихъ козаковъ, которая основана была на слишкомъ широкихъ началахъ, неслыханныхъ ни въ одной республикѣ ни въ древнее время, ни въ средніе вѣка. Съ другой стороны—оно находило весьма полезнымъ для себя существованіе запорожскаго войска... Запорожскіе козаки прикрывали южную границу московскаго государства отъ бусурманъ и давали возможность русскимъ царямъ сосредоточить всѣ боевыя силы на южной границѣ для борьбы съ польскимъ королемъ. Далѣе. Рѣзкая противоположность между Запорожьемъ и Малороссіей, съ одной стороны, и Великороссіей—съ другой, наиболѣе стала сказываться во второй поло-

Библиотека "Руниверс"

винѣ XVII в. Въ теченіе всего этого времени въ московскомъ государствѣ идетъ сильное развитіе идеи государственности; въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это же время наиболѣе проявляется стремленіе къ удержанію вѣковѣчныхъ правъ и вольностей и, чрезъ нихъ, къ сохраненію индивидуальности народа. Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго, по понятію малороссійской массы, считалось козачество» ...

Изъ приведенныхъ мѣстъ нельзя не видѣть нѣкоторой неясности въ представленіи автора объ исторіи Запорожья и отношеніяхъ послѣдняго какъ къ московскому правительству, такъ и къ гетманщинѣ... Вообще, такъ называемыя обобщенія въ книгѣ г. Эварницкаго не занимаютъ виднаго мѣста. Сбивчивы у автора и характеристики историческихъ личностей, хотя они и нечасты въ его книгѣ. Въ этомъ отношеніи характеристика Мазепы обращаетъ на себя особое вниманіе. Желая обрисовать отношенія Запорожья къ новопоставленному на гетманство Мазепѣ, г. Эварницкій говоритъ, что Запорожцы «написали новому гетману письмо, поздравили его съ полученіемъ булавы, желали много лѣтъ оставаться на гетманскомъ урядѣ, быть полезнымъ своей отчизнѣ-Украинѣ и своему малороссійскому народу, оказывать ласку войску запорожскому»... А затѣмъ *вслѣдъ* читаемъ: «но напрасны были старанія (?) запорожцевъ: Мазепа не могъ быть истинно національнымъ дѣятелемъ. Не могъ быть потому, что по воспитанію и понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ простонародныя стремленія и традиціи малороссіянъ. Скрывая, однако, до поры до времени, свои настоящіе инстинкты, Мазепа, какъ ловкій, воспитанный и превосходно образованный человѣкъ, прекрасно поддѣлался подъ тонъ Москвы и старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи... Такимъ образомъ Мазепа, прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска. Но малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія Мазепы, всѣми мѣрами противились ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ»... Читатель ждетъ указаній на факты относительно тѣхъ «простонародныхъ стремленій и традицій малороссіянъ», которыя противны были натурѣ Мазепы, или—относительно борьбы «малороссійской массы» противъ стремленій Мазепы, и—ничего не

Библиотека "Руниверс"

находитъ... Обрисовавъ Мазепу сначала такими мрачными красками, г. Эварницкій далѣе говоритъ о немъ нѣсколько уже иначе, причемъ этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда Мазепа присоединился къ Карлу XII.—«Въ общемъ въ характерѣ Мазепы сочетались черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Мазепа видѣлъ, что Малороссія еще со времени гетмана Б. Хмельницкаго была въ постоянномъ шатаніи, что въ ней немало находилось людей, недовольныхъ правительствомъ Москвы и что самыя важныя лица, присланныя отъ Москвы для управленія Малороссіей (?), вели себя далеко не всегда умѣренно и съ подобающимъ тактомъ. Видѣлъ Мазепа и то, какъ печальны были успѣхи русскаго царя въ первомъ столкновеніи его подъ Нарвой со шведскимъ королемъ. Онъ хорошо, наконецъ, былъ освѣдомленъ и о томъ, каковъ былъ шведскій король и какова была его слава, какъ полководца. И старый гетманъ впалъ въ раздумье по поводу будущаго въ Малороссіи: какъ сохранить ему Украйну на случай пораженія Русскаго царя шведскимъ королемъ? А пораженіе такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранѣе войти въ тайныя сношенія со шведскимъ королемъ. Тогда только, и именно черезъ шведскаго короля, можно добиться для Украины независимыхъ правъ. И Мазепа рѣшился на такой страшный шагъ... Поэтому нѣтъ основаній согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, которые характеризуютъ Мазепу только какъ чудовищнаго эгоиста и ненасытнаго честолюбца, совершенно забывавшаго ради личныхъ выгодъ и интересовъ положеніе управляемаго имъ народа и будущее его родины. Вся бѣда для Мазепы состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Малороссіи польскіе порядки и при управленіи Украйной старался брать за образецъ государственное устройство въ Польшѣ»... Послѣднія строки возбуждаютъ въ читателѣ особое недоумѣніе... Свои разсужденія о личности Мазепы г. Эварницкій продолжаетъ и далѣе и все въ такомъ же родѣ, что, вѣроятно, и дало автору основаніе для его окончательнаго вывода, что «гетманъ Мазепа—натура весьма сложная и потому трудно доступная для пониманія»...

Еще одно замѣчаніе. Зная со словъ теперешняго хранителя варшавскаго «архива короннаго скарба» Н. Ф. Бѣляшевскаго о находящихся въ послѣднемъ матеріалахъ для исторіи Малороссіи, мы полюбытствовали—какія же свѣдѣнія извлекъ г. Эварницкій изъ этого

Библиотека "Руниверс"

архива?—Просмотрѣвъ ссылки по всему тому И. З. К., мы нашли всего двѣ ссылки на «архивъ короннаго скарба». На стр. 2-й, изъ этого архива приведено слѣдующее свѣдѣніе: «Для сношенія короля съ Украйной и Запорожьемъ въ то время (при Собескомъ) установленъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой-Церкви. Оттуда посылались гонцы въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украйны и въ Запорожье. Добытыя вѣсти (?) привозились обратно въ Бѣлую Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ». Это малопонятное извѣстіе вброшено въ текстъ книги послѣ извѣстія о томъ, что на королевскомъ листѣ къ запорожцамъ съ приглашеніемъ ихъ помогать въ походѣ противъ татаръ, имѣется приписка «короннаго регента», чтобы листъ короля сообщенъ былъ на Донъ и къ прочимъ, кому касаться будетъ»... При чемъ тутъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой Церкви, какой это былъ пунктъ, какія при Собескомъ могли быть сношенія польскаго короля съ городами *лѣвобережной Украины*—никакихъ объясненій нѣтъ... А вотъ и другое свѣдѣніе изъ того же архива. Разсказавъ о посылкѣ запорожцами въ 1687 г. въ Москву плѣнныхъ татаръ и о просьбѣ запорожцевъ—взять съ Кодацкаго острова «въ Сичу» [1]) двѣ пушки, г. Эварницкій тутъ же добавляетъ: «Въ это же время запорожцы отправили своихъ посланцевъ съ «поганскимъ языкомъ» и въ Польшу. Съ 26 сент. по 10 окт. въ городѣ Злочовѣ находились 10 человѣкъ запорожскихъ козаковъ со старшиною Вышетравцемъ и имъ выдано было за все время пребыванія въ Злочовѣ—523 злот. и 15 грошей».—Почему говорится о пребываніи этихъ запорожцевъ въ одномъ только Злочовѣ—неизвѣстно.

Неужели только два эти свѣдѣнія г. Эварницкій и нашелъ годными для своей работы среди тѣхъ «документовъ» варшавскаго архива, на пользованіе которымъ онъ обращаетъ вниманіе въ предисловіи?... Думаемъ, что другихъ свѣдѣній изъ этого архива въ книгѣ

---

[1]) Г. Эварницкій разно склоняетъ слово „Сичь“ (Сѣчь); винит. падежъ этого слова онъ пишетъ иногда „въ Сичь“, а иногда „въ Сичу“ (стр. 64, 102, 103, 106, 371 и т. д.). Разумѣется, ставить въ винит. падежѣ слово Сѣчь—*въ Сѣчу* такъ-же неправильно, какъ сказать вмѣсто въ печь—*въ печу*. Не скажетъ же какая нибудь полтавская селянка, что она посадила хлѣбъ *въ пичу*... Г. Эварницкій, повидимому, смѣшиваетъ слова *Сѣчь и Сѣча;* первое въ парицательномъ смыслѣ обозначаетъ—лѣсной порубъ (отчего и происходитъ слово *Сѣчь*), а второе—сраженіе, битву. Къ этому можно добавить, что слово *сѣчь*, или *сичь*, одинаково склоняется какъ по-русски, такъ и по малорусски, а поэтому нельзя по малорусски сказать—ѣхать въ *Сичу*, а нужно—въ *Сичь*.

Библиотека "Руниверс"

г. Эварницкаго нѣтъ—на томъ основаніи, что нѣтъ болѣе на него ссылокъ, а относительно послѣднихъ г. Эварницкій точенъ до мелочей [1]).

А. Л.

Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. (*Lwów, 1897*):

1) Tom I, zesz. 1: *B. A. Baranowski* i *Dr. T. Pilat.* Wstęp geograficzno-statystyczny. *J. Starkel* i *dr. T. Dwernicki.* Historya i organizacya Wystawy (gr. in—4. Стр. 314+карта+2 плана. Иллюстраціи въ текстѣ).

2) Tom II, zesz. 1: *Dr. Wł. Pilat.* Własność ziemi i stosunki posiadania. *Prof. Wł. Lubomęski.* Uprawa ziemiopłodów (gr. in —4. Стр. 86).

3) Tom IV, zesz. 1: *Prof. K. Skibiński.* Drogi i koleje (gr. in—4. Стр. 70+2 карты+9 таблицъ рисунковъ).

Въ майской книгѣ «Кіев. Старины» за 1896 г. (отд. библіогр. стр. 66—69) указаны задачи и предполагаемый объемъ полезнаго львовскаго изданія, три новыхъ выпуска котораго указаны въ заголовкѣ, и данъ отчетъ о 7-мъ выпускѣ II-го тома, посвященномъ охотѣ и рыболовству въ Галичинѣ.

Обширный выпускъ 1 тома I, кромѣ исторіи, организаціи и описанія галицкой областной выставки 1894 г., имѣющей второстепенный интересъ для неспеціалистовъ, даетъ общій географическо-статистическій очеркъ Галичины, гдѣ предложена краткая характеристика края въ отношеніяхъ географическомъ, историческомъ, этно-

[1]) Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ то мѣсто книги г. Эварницкаго, гдѣ онъ говоритъ о Паліѣ (стр. 215). Источниками этого мѣста книги указаны: Исторія Соловьева, Лѣтопись Величка и кромѣ того—„Сынъ Отечества, 1848, VIII“ и „Московскій Наблюдатель, 1838“). При этомъ авторъ не называетъ статей указанныхъ журналовъ, но мы можемъ сказать, что обѣ статьи о Паліѣ, какъ въ С. От., такъ и въ Моск. Набл., принадлежатъ къ числу тѣхъ безсодержательныхъ компиляцій, изъ которыхъ *ничего взять нельзя.* Статья въ С. Отеч. принадлежитъ Савельеву-Ростиславичу, а статья въ Моск. Набл. написана должно быть Срезневскимъ, который помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои коротенькія компиляціи по Исторіи Малороссіи (напр., о *Барабашѣ*, 1835 г., апр., 597—611 стр., о *Брюховецкомъ*, т. ж., ноябрь, 133—151 с.). Обращаясь къ подобнымъ статьямъ для пополненія свѣдѣній о Паліѣ, г. Эварницкій почему то опускаетъ диссертацію о послѣднемъ В. Б. Антоновича...

Библиотека "Руниверс"

графическомъ, общественномъ и экономическомъ. Вступительная статья г. Барановскаго написана очень живо, но не даетъ ничего новаго. Углубляясь въ туманъ вѣковъ, авторъ ограничивается лишь намеками (стр. 1—33). Болѣе содержательна статья д-ра Ю. Старкеля (стр. 35—47), посвященная статистическому очерку населенія. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1890 г. въ Галичинѣ числилось 6.607.816 чел. Приростъ населенія въ теченіе 10 лѣтъ до 1890 г. составлялъ 10,89% или 1,8% въ годъ. Эмиграція превысила за тотъ же періодъ иммиграцію на 67.460 чел. Въ томъ же 1890 г. на кв. километръ приходилось въ Галичинѣ по 84 чел. (Пруссія въ 1890 г.—86 чел., Франція въ 1891 г.—71 чел.). Такимъ образомъ, по густотѣ населенія Галичина уступала лишь Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Италіи и нѣкоторымъ германскимъ землямъ. До 84% всего галицкаго населенія кормилось отъ земли, но изъ нихъ лишь 26,4% занимали самостоятельное положеніе, остальные 73,6%—рабочее земледѣльческое населеніе.

Статистической характеристикѣ землевладѣнія посвящена статья д-ра Вл. Пилята въ 1 выпускѣ II-го тома. Конечные выводы автора мало утѣшительны, хотя основаны на данныхъ 1890—1893 г. На долю крупнаго землевладѣнія (свыше 1000 морговъ) приходилось 32,64%, средняго (200—1000 морговъ)—6,10%, мелкаго (главнымъ образомъ менѣе 25 и даже 10 морговъ)—54% поверхности края. Такимъ образомъ, крупное и мелкое, даже карликовое, землевладѣніе занимаютъ $^5/_6$ земли, и при этомъ быстрая мобилизація земель идетъ въ направленіи, неблагопріятномъ для средняго землевладѣнія. Крупныя имѣнія увеличиваются новыми покупками, мелкіе участки еще болѣе дробятся путемъ раздѣловъ. Результатомъ такого движенія долженъ быть конечный упадокъ средняго землевладѣнія (50—200, 200—1000 морговъ). Слѣдуетъ удивляться, что авторъ не приводитъ болѣе подробныхъ данныхъ для статистической характеристики земельнаго пролетаріата, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, его крайней парцелляціи (въ среднемъ менѣе 4 морговъ), бездоходности, податного обремененія и крайней задолженности, при невозможности имѣть посторонніе заработки вслѣдствіе слабаго развитія промышленности [1]).

[1]) Ср. напр. В. Будзинскаго „Аграрні відносини Галичини“ въ Зап. наук. товар. ім. Шевченка, т. IV, стр. 29—123. Его же „Хлопска посілість в Галичині суспільно-реформаторскі змагання“. Львив. 1885.—Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что программа настоящаго изданія, только что начатаго, даетъ возможность вновь возвратиться къ этому печальному сюжету и высказаться болѣе опредѣленно и рѣшительно.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ не менѣе, и указываемыя г. Вл. Пилятомъ общія цифры рисуютъ экономическое положеніе галицкаго мужика въ самомъ грозномъ видѣ. Такою же недоговоренностью отличается и статья г. Вл. Любоменскаго, посвященная характеристикѣ отдѣльныхъ отраслей земледѣлія въ Галичинѣ (стр. 24—70). По словамъ автора, мелкіе земледѣльцы съ надеждою смотрятъ на заботы областнаго сейма въ этомъ направленіи: къ сожалѣнію, изъ статьи не видно осязательныхъ результатовъ такихъ заботъ, ибо рѣчь идетъ больше о благодѣтельныхъ проектахъ, нежели о дѣйствительной помощи, а совѣты автора позаботиться о поднятіи народнаго образованія лишь свидѣтельствуютъ о печальномъ положеніи послѣдняго. Подобная манера трактовать жизненные вопросы страны сама по себѣ представляется достаточно печальнымъ симптомомъ.

Весьма интересна работа г. Скибинскаго (т. IV, вып. 1), посвященная очерку шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ въ Галичинѣ къ 1894 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ центральное, такъ и областное правительство тратятъ на улучшеніе дорогъ сравнительно крупныя суммы и что дорожное дѣло въ Галичинѣ стоитъ безъ всякаго сравненія выше, нежели, напр., въ сосѣднемъ юго-западномъ краѣ Россіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на приложенныя къ работѣ г. Скибинскаго карты дорогъ и на списки послѣднихъ, приведенные въ текстѣ, съ разсчетомъ ежегодныхъ расходовъ на содержаніе и устройство дорогъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ приходится отмѣтить достойную удивленія лаконичность автора, когда рѣчь подходитъ къ вопросу о положеніи и порядкѣ содержанія дорогъ, содержимыхъ натуральною повинностью населенія или мѣстными взносами: можно подумать, что для этого вопроса во Львовѣ нѣтъ почти никакихъ точныхъ данныхъ. Вслѣдствіе этого, работа г. Скобинскаго, при всѣхъ своихъ техническихъ достоинствахъ, въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ цѣнность: неполнота ея слишкомъ бросается въ глаза для непредубѣжденнаго читателя. Въ заключеніе отмѣчу, что о финансовыхъ результатахъ львовской выставки 1894 г. очень трудно дать себѣ отчетъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ исторіи выставки, принадлежащей перу г. Дверницкаго. Тѣмъ не менѣе, обширный очеркъ этого автора, съ приложеніемъ документовъ in extenso, заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ въ отношеніи техническомъ. Недавній опытъ кіевской с. хозяйственной выставки достаточно научилъ цѣнить техническую сторону подобныхъ предпріятій Н. М.

Библиотека "Руниверс"

„Койросъ Подолія“ (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. *Часть 1. Одесса, 1895. (Стр. 68. Цѣна 50 к. На еврейскомъ языкѣ).*

Въ началѣ своей брошюры авторъ даетъ краткій очеркъ историческихъ судебъ Подоліи до 1793 г. съ древнѣйшихъ временъ. Очеркъ этотъ, къ сожалѣнію, изобилуетъ фактическими и хронологическими ошибками даже при изложеніи событій слишкомъ общеизвѣстныхъ (напр., вѣщій Олегъ освобождаетъ въ 907 г. Русь отъ аваровъ, подъ монгольское иго Русь подпадаетъ по смерти Ярослава I, соединеніе русскихъ княжествъ съ Литвой въ XIV и XV в. происходитъ, будто-бы, исключительно путемъ браковъ князей, «безъ всякаго давленія», на началахъ полной свободы, по оливскому миру къ Москвѣ присоединена Малороссія). Не лишено интереса враждебное отношеніе автора къ исторической Польшѣ. По его выраженію, жители Подоліи, переходя изъ рукъ въ руки, особеннымъ угнетеніямъ подвергались подъ владычествомъ іезуитско-католической Рѣчи Посполитой и «жестокаго, неслыханнаго въ исторіи деспотизма ея властителей, продолжавшагося вплоть до раздѣла 1793 г.» Нѣсколько странною кажется характеристика кор. Станислава-Августа: онъ былъ добродушенъ, любилъ науку и ея представителей и во всемъ отвѣчалъ своему назначенію! Если вѣрить, далѣе, автору, населеніе Подоліи и въ особенности евреи, освободившись отъ болѣзненной Польши и господства іезуитовъ, почувствовали себя совершенно свободными и пр. Вообще должно сказать, что общія историческія характеристики не принадлежатъ къ сильнымъ сторонамъ автора.

Переходя затѣмъ собственно къ исторіи евреевъ въ Подоліи, авторъ вкратцѣ излагаетъ противорѣчивыя мнѣнія о времени появленія въ краѣ евреевъ. Возражая противъ мнѣнія о положеніи здѣсь евреевъ лишь съ XV в., авторъ ссылается на старыя кладбища и найденные имъ почти во всѣхъ городахъ надгробные памятники (изъ коихъ многіе уже совершенно разрушены временемъ, а остальные обветшали до того, что невозможно разобрать надписи на нихъ), будто-бы удостовѣряющіе, что еще задолго до XIII в. Подолія была населена евреями. Отсутствіе еврейскихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этой ранней эпохѣ авторъ объясняетъ постоянными войнами и

Библиотека "Руниверс"

смутами. Къ сожалѣнію, ссылки автора на свидѣтельства лѣтописей и позднѣйшихъ писателей (Каганъ, Левензонъ, Іостъ, Грецъ, Финъ, Гаркави и др.) не имѣютъ никакого отношенія собственно къ Подоліи. Единственное относящееся прямо къ вопросу указаніе принадлежитъ нашему автору: по его словамъ, въ м. Тывровѣ (Винниц. у.) онъ нашелъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ «нѣсколько сохранившуюся и по возможности реставрированную надгробную надпись. Она составлена въ формѣ акростиха въ 1240 г., 2-го числа мѣсяца адаръ, весною, на смерть раввина Самуила Галеви.

Итакъ, не только Тывровъ существовалъ въ 1240 г., но тогда были тамъ и раввины. Какое блистательное подтвержденіе для бывшаго когда-то въ модѣ сопоставленія Тыврова съ таинственными тиверцами. Къ великому сожалѣнію, крайне сомнительно, чтобы акростихъ на смерть Галеви былъ составленъ въ 1240 г.: по всей видимости, при реставраціи памятника авторъ нѣсколько увлекся и впалъ въ ошибку столѣтія, примѣрно, на четыре.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ авторъ все никакъ не можетъ сосредоточиться на Подоліи вплоть до эпохи возстанія Хмельницкаго. Разсказавъ исторію съ Чаплинскимъ, г. Литинскій говоритъ, что Хм. обрушилъ свою ярость на евреевъ за то, что (какъ устанавливаютъ нѣкоторые еврейскіе писатели) нѣкій еврей Захарій Забѣлинскій былъ причиной разоренія Хм. въ дѣлѣ съ Чапл. и затѣмъ узналъ и донесъ полякамъ о союзѣ Хм. съ крымскимъ ханомъ. «Зажигая своими рѣчами страсти козаковъ, Хм. имъ доказывалъ, что они будто-бы проданы поляками въ руки евреевъ. Этихъ словъ было вполнѣ достаточно, чтобы произвести желаемый эффектъ среди козаковъ, неразвитыхъ и никогда особенно несимпатизировавшихъ евреямъ».

Слѣдуетъ перечисленіе ужасовъ 1648 и 1649 г. Ссылаясь на свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ различныхъ еврейскихъ книгъ, хранимыхъ въ городахъ Подоліи, авторъ заявляетъ, что изъ еврейскаго населенія этой мѣстности осталось тогда не болѣе десятой части; остальные частью истреблены, частью уведены въ татарскій плѣнъ. Причиною волненій и звѣрствъ въ Подоліи послѣ 1664 и до 1672 г. авторъ считаетъ разрытіе могилъ Хмельницкихъ регементаремъ Чарнецкимъ! Упоминанія автора о согоризмѣ, франкизмѣ и хасидизмѣ въ Подоліи лаконичны. Весьма сомнительно, чтобы споры и диспуты послѣдователей Бешту изъ Межибужья и Нахмана изъ Брацлава съ приверженцами Сабатая Цви и Франка и другими противниками со-

Библиотека "Руниверс"

дѣйствовали (какъ думаетъ г. Литинскій) дѣйствительному подъему умственной жизни подольскихъ евреевъ: по крайней мѣрѣ, на то нѣтъ доказательствъ.—Изложеніе событій коліевщины не представляетъ ничего новаго. Для нынѣшняго столѣтія авторъ ограничивается перечнемъ законовъ о евреяхъ въ хронологическомъ порядкѣ. По его словамъ, въ царствованіе имп. Александра II евреи умственно двинулись сильно впередъ, но интеллигентный классъ евреевъ, увлеченный общимъ теченіемъ цивилизаціи, совершенно забылъ о своемъ народѣ и ничего не дѣлалъ въ общую его пользу съ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному преуспѣянію массы. Безпорядки 80-хъ годовъ, по мнѣнію нашего автора, принесли свою пользу, убѣдивъ еврейскую интеллигенцію въ необходимости серьезно подумать о мѣрахъ къ болѣе раціональному устройству жизни еврейской массы.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе брошюры г. Литинскаго, которое я считалъ неизлишнимъ указать здѣсь, въ виду малой распространенности языка, на которомъ она написана. Какъ видно, очеркъ г. Литинскаго не составляетъ цѣннаго вклада въ исторію подольскихъ евреевъ, такъ какъ собственно Подоліи онъ почти не касается.

Въ концѣ брошюры помѣщены: краткое письмо о бѣдствіяхъ караимовъ, привилегія 1775 г. (на польск. яз.) Маеру Гершковичу на центральное раввинство русское и брацлавское, надгробныя надписи, некрологи, заупокойныя молитвы, гдѣ оплакивается мученическая смерть разныхъ лицъ. Всѣ эти памятники, найденные авторомъ въ Подоліи въ старыхъ книгахъ или на старинныхъ кладбищахъ, относятся къ 1648, 1649 и 1768 годамъ. Многіе изъ памятниковъ этого рода сильно испорчены временемъ и съ трудомъ разобраны авторомъ. Содержаніе ихъ довольно однообразно: нескончаемый плачъ, безутѣшное горе по погибшимъ въ годины народныхъ волненій.

Н. М.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. *Томъ четвертый М. 1898. Стр. VIII+978.*

Мы уже имѣли случай въ свое время дать въ «Кіевской Старинѣ [1]) отчетъ о выходѣ въ свѣтъ трехъ предшествующихъ томовъ

[1]) О I томѣ въ 1892 году № 4, о II томѣ въ 1893 № 3, о III томѣ въ 1895 № 4.

Библиотека "Руниверс"

этого замѣчательнаго сочиненія г. Шенрока, посвященнаго біографіи одного изъ величайшихъ нашихъ писателей. Въ настоящее время съ выходомъ IV тома заканчивается этотъ капитальный трудъ, на который авторъ положилъ огромный запасъ знанія, вдумчивости и безграничной любви къ избранному предмету. Энергія, съ которой велось дѣло г. Шенрокомъ, не только не ослабѣвала, но, напротивъ, пріобрѣтала все большую и большую силу: сочиненіе вначалѣ задумано было лишь на три тома, но потомъ ихъ оказалось четыре, при чемъ каждый послѣдующій томъ превосходилъ въ объемѣ всѣ предшествующіе (I 385 стр., II 403 стр., III 546 стр. IV 978 стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концу, сочиненіе выигрывало и въ содержаніи: внесеніе излишняго полемическаго тона, особенно невыгодно отразившееся на II томѣ, въ двухъ послѣдующихъ томахъ уже въ такой мѣрѣ не замѣчается, а между тѣмъ критическое отношеніе къ разнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ о Гоголѣ, не только не ослабляется, но и пріобрѣтаетъ еще особую авторитетность, спокойствіе и зрѣлость; вниманіе ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ подробностямъ изъ жизни Гоголя, положенное въ основу «Матеріаловъ» съ самаго начала, выдержано и до конца труда съ замѣчательной послѣдовательностью. Такимъ образомъ, что касается пріемовъ автора въ своей работѣ и вообще отношенія его къ принятому на себя труду, только что вышедшій IV томъ ни въ чемъ не уступаетъ томамъ предшествующимъ, а въ иномъ даже и превосходитъ ихъ. По содержанію своему онъ обнимаетъ послѣдніе десять лѣтъ жизни великаго писателя, съ 1842 по 1852 годъ, при чемъ авторъ съ особенной внимательностью останавливается на анализѣ болѣзненнаго процесса упадка физическихъ и духовныхъ силъ Гоголя, приведшаго его къ предсмертному уничтоженію своихъ бумагъ и, наконецъ, къ смерти, обставленной такими величавыми и поистинѣ трагическими подробностями; въ вышедшемъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока читатель найдетъ обстоятельнѣйшее съ неизвѣстными доселѣ данными, описаніе послѣднихъ дней Гоголя (стр. 840—865), до сихъ поръ не имѣвшееся въ нашей литературѣ; впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ этого тома можно найти не мало цѣнныхъ, впервые самимъ г. Шенрокомъ опубликованныхъ данныхъ, въ родѣ переписки Гоголя въ 1850 году съ монахами Оптиной пустыни (стр. 824 и слл.) или выдержекъ изъ дневника сестры Гоголя Елизаветы Васильевны Быковой, относящихся къ 1848—51 гг. (стр. 703—705) и т. п. При такомъ богатствѣ матеріала и объемѣ вышедшаго тома можно поставить въ поло-

Библиотека "Руниверс"

жительный упрекъ автору совершенное отсутствіе оглавленія, которое дало бы возможность осмотрѣться въ содержаніи книги ранѣе ея чтенія, да и послѣ чтенія облегчило бы отысканіе въ ней нужнаго.

Впрочемъ, несмотря на свою великую цѣну, «Матеріалы для біографіи Гоголя» г. Шенрока остаются все-таки лишь матеріалами и оставляютъ желать послѣ себя труда о жизни и сочиненіяхъ Гоголя не менѣе полнаго, но болѣе систематическаго, который можно было бы уже назвать «біографіею». Для такого труда г. Шенрокомъ собранъ, приготовленъ и изслѣдованъ весь имѣющійся въ извѣстности (и во многомъ сдѣлавшійся извѣстнымъ благодаря самому г. Шенроку) матеріалъ; поэтому, и для написанія біографіи Гоголя онъ является лицомъ самымъ подготовленнымъ. Въ виду этого, мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ обѣщаніе г. Шенрока дать въ будущемъ подобный трудъ, выраженное имъ такъ въ предисловіи къ вышедшему тому: «Настоящимъ томомъ заканчивается нашъ трудъ, къ которому, однако, мы предполагаемъ со временемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ... Мы предполагаемъ не столько расширить размѣръ его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ, томѣ» (стр. III—IV). Кромѣ того, г. Шенрокъ въ томъ же предисловіи обѣщаетъ дать черезъ нѣкоторое время «сокращенное изложеніе біографіи Гоголя въ одномъ томѣ, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго» (стр. VIII).

Отъ души желаемъ, чтобы оба эти намѣренія какъ можно скорѣе были приведены въ исполненіе авторомъ.

Е. П.

Брошюры за послѣдніе годы.

Много изъ печатающихся брошюръ, какъ извѣстно, въ продажу не поступаютъ и потому попадаются въ руки библіографа, очень часто, лишь случайно. Такъ точно нѣкоторыя и изъ нижеуказываемыхъ брошюръ, изданныя до настоящаго года, стали намъ извѣстны лишь теперь. Помѣщая здѣсь перечень брошюръ, появившихся въ послѣд-

Библиотека "Руниверс"

ніе два—три года, о содержаніи ихъ говоримъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно не вполнѣ объясняется заглавіемъ.

1. Опытъ программы для собиранія народныхъ математическихъ свѣдѣній. К. Щ—ны Изд. Полт. Губ. Статист. Комитета. Полтава. 1893. 8 д. л. 18 стр.

2. Къ исторіи Западно-русскаго просвѣщенія. Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія. К. Харламповича. (Изъ Литовск. Епарх. Вѣд. 1897 г.) Вильна. 1897. 16 д. л. 67 стр.

Виленская православная братская школа открыта ок. 1585 г. Съ этого момента и до 1635 г.—подробно разсказана ея исторія, при чемъ авторъ пользовался не только печатными свѣдѣніями, но и архивными.

3. Кудрицкій М. Климатъ Коростышева, по наблюденіямъ метеорологической станціи при Коростышевской учительской семинаріи. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 200 стр. Съ таблиц.

4. Обзоръ дѣятельности Кіевской Комиссіи Народныхъ чтеній 1882—1897. Кіевъ. 16 д. л. 45 стр.

5. Маруся Чураивна. Историческа поэма 1652 року. Скомпоновала Е Озерская-Нельговская. Кіевъ. 1896. 16 д. л. 33 стр.

Переработка извѣстной легенды, составляющей содержаніе пѣсни: «Ой не ходи, Грицю...» Первая переработка этой легенды принадлежитъ кн. Шаховскому, въ его разсказѣ «Маруся». (Сто Русск. Литер., т. I).

6. Церковно-приходская лѣтопись церкви Казанскія иконы Божія Матери села Иваничъ, Владиміръ-волынскаго уѣзда, Волынской губерніи. Владиміръ-Волынскъ. 1896. 16 д. л. 32 стр.

Хорошій примѣръ—въ какомъ видѣ могутъ появляться труды сельскихъ священниковъ по собранію историческихъ свѣдѣній объ ихъ приходскихъ церквяхъ съ добавленіемъ—извѣстныхъ преданій о селахъ и церквяхъ. Интересно, что въ с. Иваничахъ фамилія Гуцевичей непрерывно священствуетъ съ *1704* г. Брошюра составлена и издана *80*-тилѣтнимъ свящ. Ал. В. Гуцевичемъ, послѣднимъ представителемъ этой фамиліи.

7. В. М. Скворцовъ. Богуславское Общество трезвости и борьба со штундою. Кіевъ. 1895. 8 д. л., 81+22 стр.

8. Фридрихъ Мельхіоровичъ Енни, первый учредитель товариществъ свеклосахарныхъ заводовъ въ Юго-Западномъ краѣ. Соч. Павла Клебановскаго. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 46 стр.

Библиотека "Руниверс"

Обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи свеклосахарной промышленности въ Юго-Западномъ краѣ, начиная съ 50-хъ годовъ.

9. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Е. В. Пѣтухова. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 56 стр.

Рукописный отдѣлъ Института заключаетъ въ себѣ свыше 100 номеровъ, разнаго содержанія, XVI—XIX в. в.; въ числѣ рукописей—52 номера профес. С. П. Шевырева, пріобрѣтенныхъ Институтомъ въ 1876. Есть рукописи и письма Гоголя, но ими уже пользовалось нѣсколько ученыхъ.

10. И. А. Сребницкій. Очерки изъ Исторіи Лицея князя Безбородко. (1832—1875). Нѣжинъ. 1895. 8 д. л. 39 стр.

Самъ авторъ говоритъ, что его «Очерки» представляютъ вновь передѣланный очеркъ, помѣщенный во втор. изд. Гербеля—«Гимназія Высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко». (Сб. 1881).

11. О разверстаніи и упраздненіи пастбищнаго сервитута въ Юго Западномъ краѣ. Д. О. Кишки. Кіевъ. 1894. 16 д л. 67 стр.

12. Десятилѣтняя земская давность по литовскому статуту и по общимъ законамъ имперіи (Истор.-юрид. справка) С. Ф. Рубинштейна. (Оттискъ изъ Виленск. Вѣстн. 1896 г.). Вильна. 1896 16 д. л. 22 стр.

Опроверженіе мнѣнія Змирлова (Журн. мин. юст. 1895 г., стр. 124) по вопросу объ источникѣ закона, изложеннаго въ Полн. Собр. зак., 1783 г., № 15654.

13. Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Е. Д. Пѣтухова. Юрьевъ. 1896. 8 д. л. 55 стр. (Оттискъ изъ «Ученыхъ Запис. Имп. Юрьевскаго У—та, № 1, 1896 г.)

Подлинники напечатанныхъ бумагъ хранятся въ Чешскомъ національномъ музеѣ, въ Прагѣ. Здѣсь напечатаны письма къ Ганкѣ—Бодянскаго, Хомякова, С. М. Соловьева, Греча. Писемъ Бодянскаго 15, обнимающ. время 1841—1848 г. г.

14. Николаевскій свекло-сахарный заводъ наслѣдниковъ Ив. Серг. Курдюмова. (1845—1896). Изд. по поводу 50-тидесятилѣтія завода. Состав. директоръ завода К. Ф. Абрагамъ. Кіевъ. 1896. 8 д. л. 33 стр.

Заводъ находится въ конотопск. уѣздѣ, на границѣ путивльскаго уѣзда, при х. Вовчикъ. Ближайшіе къ заводу села—Козацкое и Бочечки, курск. губ.

Библиотека "Руниверс"

15. О результатахъ геологическихъ изслѣдованій въ окрестн. Канева, лѣтомъ 1896 года. Г. А. Радкевича. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 16 стр.

16. Гидрогеологическое изслѣдованіе верхнеднѣпровскаго уѣзда екатеринославской губ., въ виду обводненія и орошенія края, съ прилож. замѣтки о полезныхъ ископаемыхъ. (Отчетъ Екатеринославскому губ. земству, снарядившему гидрогеологическую экспедицію подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова). П. И. Пятницкаго. Харьковъ. 1895. 8 д. л. 217 стр., карта и табл.

17. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Программа для собиранія народныхъ писанокъ. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 7 стр.

18. Старинныя публики. Матеріалы для этнологіи и быта. Черниговъ. 1897. 16 д. л. 23 стр. (Оттискъ изъ Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1239).

Въ числѣ старинныхъ публикацій, заимствованныхъ изъ архива Брянск. нижн. земск. суда (П. Тихановымъ), одна заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе церковной утвари и одежды, украденной въ 1800 г. изъ церкви с. Лыщичъ, стародубск. у.

19. Чѣмъ вызвано сооруженіе въ Вильнѣ въ 1597 году православнаго храма во имя Святаго Духа. (Изъ Виленскаго календаря» на 1897 г.) А. Бѣлецкаго. Вильна. 1896. 8 д. л. 27 стр.

20. Хронологическая перечень фактовъ и документовъ съ комментаріями по дѣлу о тайномъ замежеваніи и присвоеніи помѣщикомъ І. Фр. Ярошинскимъ Романовскаго инструкціоннаго участка земли генер. Павлова. (Вмѣсто рукописи). Кіевъ 1896. 8 д. л., 41 стр.

Перечень обстоятельствъ дѣла по спору г. Павлова съ Ярошинскимъ за Романовское имѣніе, купленное первымъ у П. А. Антоновича.

21. Пинскій Богоявленскій бывшій братскій монастырь. (Изъ исторіи православія на Полѣсьѣ). Изъ Виленскаго календаря на 1897 годъ. (А. Миловидова). Вильна. 1896. 8 д. л. 29 стр.

Авторъ пользовался кромѣ печатныхъ и архивными источниками.

22. Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ. Въ защиту исторической правды. (По поводу реферата проф. В. Б. Антоновича «по вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала») (Т. Кибальчича) Кіевъ. 1895. 16 д. л. 105 стр.

Отдѣльные оттиски изъ кіевск. газеты «Кіевское Слово», гдѣ эта статья была помѣщена съ нѣкоторыми рисунками.

Библиотека "Руниверс"

23. Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская Старина. (Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры). I. Харьковъ. 16 д. л. 304 стр.

Отдѣльные оттиски изъ Харьк. губ. вѣд. за 1896 г. Содержаніе: 1. Наказы харьковскаго дворянства въ екатерининск. комис. 1767 г. 2. Харьковскій городск. голова Е. Е. Урюпинъ и 3. Священники В. Фотіевъ и Андр. Самборскій.

24. Збирникъ Украиньскихъ писень. Упорядкувавъ Александра Хведоровичъ. Зъ котами. Одесса. 1896. 16 д. л. 112+17+III стр. Цѣна 30 к.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 101 пѣсню, каждая съ нотами.

Д. Мордовецъ. Козаки и Море. Поэма. *Сбп. 1898 г.*

Это давнее и, кажется, единственное стихотворное произведеніе талантливаго автора перепечатано отдѣльною книжкою изъ «Саратовскаго Сборника», гдѣ оно появилось ровно сорокъ лѣтъ назадъ. Впрочемъ, и безъ этой справки видно сейчасъ, что это произведеніе молодости. Его залихватскій тонъ, усиленное прославленіе козацкаго геройства и даже козацкихъ звѣрствъ составляетъ отличительное достояніе и молодого сочинительства, и ранней поры словесности. Съ тѣхъ поръ взглядъ на многія явленія прошлаго сталъ трезвѣе, ухарскій тонъ сталъ безполезенъ и досаденъ, задачи малороссійской словесности стали труднѣе и серьезнѣе. Переиздавая ее, авторъ, конечно, и самъ смотритъ на свою поэму лишь какъ на личное, молодое воспоминаніе.

Поэма вдохновлена нѣкоторыми изъ раннихъ произведеній Шевченка, но ихъ сжатые образы распространены и усилены на цѣлыя страницы и десятки страницъ описаній. Образы условны, намѣчены по извѣстному типу. Козаки непрерывно проявляютъ геройство, а если нѣтъ, то поютъ и мечтаютъ. Подлинная народная поэзія рисуетъ ихъ не такъ односторонне, а болѣе сдержанно и правдиво. Въ народныхъ думахъ это люди борьбы, мучительной и тяжкой, а не люди удалыхъ приключеній. Большая часть поэмы наполнена картинами военныхъ схватокъ, нападеній и осадъ, гдѣ всевозможнѣйшіе ужасы нагромождены въ такомъ изобиліи, что переходятъ мѣру и впечатлѣнья не дѣлаютъ. Да и слишкомъ видно, что ноты эти взяты

Библиотека "Руниверс"

авторомъ намѣренно. Тонъ ихъ не скрываетъ присущаго писателю добродушія.

Рѣзня съ турками идетъ отчаянная, сцены одна жесточе другой смѣняются въ поэмѣ Дорошъ; главный герой кричитъ въ вступленіи «Бый о камень ихъ младенцы!.. Былы—утомылысь», прибавляетъ авторъ. Чтобъ воспѣть подвиги Богдана Ружинскаго, у него просто не хватаетъ словъ:

Богданъ зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы
Надъ пекломъ пануе...
„До чайки!“... Не чуе...
Торохъ!.. Зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы,—
И уси зъ чубамы,—
И муры и брамы...
Земля застогнала
Ничого не стало,
Не стало, не стало...

Козаки нападаютъ на турецкую галеру: «Громада гуляе, гуляють ножи по шыяхъ турецькыхъ»... Отецъ спрашиваетъ сына: Остапе, де ты?—Ось де батьку.—Шо, ризавъ?—Ризавъ.—А чимало?—Чимало, тату.—Добре сынку!.»..

Въ описаніи взятія Прусы тѣ-же картины, вновь и вновь повторенныя. «Горыть Пруса, горыть червоніе... Скризь бороды посмалени, паши, янычары, валяютця, рубаютця у поломъи гынуть, старе, мале, скаличене и гарныхъ до сына»...

А вечеромъ, на своемъ кораблѣ, лежа на взятыхъ у турковъ «златоглавыхъ шатахъ», козаки превращаются въ мирныхъ овечекъ и сентиментальныхъ мечтателей.

Де не де якій співае
Про чорныи бровы,
Про Вкраину, про родыну,
Про гай зеленевькый...

Такихъ переходовъ не знаетъ правдивая, подлинная поэзія народа, гдѣ никогда ужасъ войны не обращенъ въ потѣху, а истинное чувство въ маниловскія фантазіи.

Козаки вездѣ нещадно бьютъ турокъ, рѣзня идетъ такая, что отъ «больного человѣка», казалось, должно бы остаться одно мокрое мѣ-

Библиотека "Руниверс"

сто. А онъ живетъ себѣ да поживаетъ! Самое обиліе недоброжелателей идетъ ему въ прокъ, и еще на дняхъ онъ снискалъ себѣ симпатіи эгоистической Европы въ борьбѣ съ христіанской Греціей.

Какъ память прошлаго, какъ одинъ изъ пунктовъ литературной карьеры автора, поэма, иллюстрированная нѣсколькими удачными рисунками г. Сластіона, любопытна. Но современной поэзіи и этотъ тонъ, и эти образы надо оставить. Она должна направить свой взоръ на основы народности, видѣть не чубы и сабли, а творящую душу народа. Тогда станетъ она не развлеченіемъ, а дѣломъ и найдетъ образы и слова, чуждые напряженности и поддѣлки.

W.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предисловіемъ*. **Н. И. Стороженка**. . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича**. (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ**. (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго**. (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. . . . . 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова**. . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . . 289—310

Библиотека "Руниверс"

стр.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.). О. Л. . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА Н. С. . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная коммиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Угличскаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. Н. М. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Ѳ. Левицкаго. л) Литовская метрика, м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

Библиотека "Руниверс"

отр.

Новороссіи Сообщ. И. С. к) Обычай ломать скорлупу яйца. Н. Ѳ. Сумцова. ц) Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. М. П. Старицкаго. ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). Н. М. б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). Н. М. в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. Н. М. г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. Ѳ. Титова. д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. А. Л. е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». А. Лотоцкаго. ж) Першій русско-американскій календарь. А. Л. з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. i) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Н. М. к) «Койросъ Подолія» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. Н. М. л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Е. П. м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовецъ, Козаки и Море. Поэма. W. 21—32, 49—62. . . . . 76—94

Библиотека "Руниверс"

стр.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).

Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА»

(*въ концѣ книги*)

Библиотека "Руниверс"

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Неоконченная повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII вѣка.

Александра Михайловича Марковича.

Библиотека "Руниверс"

Неоконченная повѣсть А. М. Марковича, (найденная въ его бумагахъ), какъ видно, основана—какъ на тщательномъ изученіи дневника его дѣда Якова Андреевича Марковича, такъ и на разсказахъ тѣхъ стариковъ, переживавшихъ вторую половину XVIII в., которыхъ авторъ долженъ былъ лично знать въ своей молодости. Хотя задуманная Марковичемъ повѣсть, осталась не оконченною, но, по своимъ бытовымъ подробностямъ, она имѣетъ значеніе историческаго мемуара, почему редакція и нашла полезнымъ напечатать этотъ отрывокъ. Судя по бумагѣ, повѣсть писана въ двадцатыхъ годахъ. Объ авторѣ повѣсти см. „Кіевск. Стар.“ 1897, январь и февраль.

Библиотека "Руниверс"

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

ГЛАВА I.

Лѣтъ 30-ть тому назадъ жилъ еще 80-ти лѣтній бунчуковый товарищъ Горбачевскій, и старики помнятъ еще его веселый нравъ и любопытные разсказы о давно минувшихъ происшествіяхъ. Онъ родился и умеръ въ Глуховѣ, служилъ въ малороссійской войсковой и гражданской службахъ и давно уже жилъ въ отставкѣ. Единственнымъ удовольствіемъ его въ сіе послѣднее время были воспоминанія о прежней славѣ Глухова и достопамятностяхъ той эпохи, и никакія великія происшествія нашего времени его столько не занимали, какъ тѣ, которыя въ глазахъ его проходили въ прежней гетманской резиденціи. Всѣ событія со времени императарицы Елисаветы Петровны сохранились живо въ его памяти: зналъ онъ многое, что и до того времени случилось, ибо отецъ его въ числѣ прочаго, впрочемъ не слишкомъ богатаго наслѣдства, оставилъ ему и нѣкоторой запасъ для разсказовъ еще изъ временъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола. Но панъ Горбачевскій любилъ преимущественно разсказывать то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Нельзя сказать, чтобы повѣствованія, въ наслѣдство ему доставшіяся, были менѣе любопытны, какъ тѣ которыя могъ онъ назвать своимъ благоприобрѣтеннымъ имѣніемъ. И я можетъ быть при досугѣ, сообщу оныя моимъ читателямъ; но на сей разъ приступаю къ разказу одного изъ происшествій, которое преимущественно любилъ разсказывать покойный панъ Горбачевскій, потому можетъ быть, что онъ самъ игралъ въ ономъ роль. Роль сія конечно была не важна и происшествіе сіе могло и совершиться, и расказано быть— безъ воспоминанія о его имени, но меня могли бы упрекнуть неблагодарностью, если бы я умолчалъ о томъ, что панъ Горбачевскій считалъ такъ важнымъ въ отношеніи себя и что при всякомъ повтореніи повѣсти, не упущалъ съ важностію сообщить своимъ слушателямъ. Какъ послѣ читатель увидитъ, я не отниму у него принадлежащаго ему въ сей драмѣ мѣста. Мы сравнили выше разсказы пана

Библиотека "Руниверс"

Горбачевскаго съ имѣніемъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ. Да не подумаютъ читатели, что мы сіе сдѣлали или желая пошутить надъ покойнымъ добрымъ паномъ Горбачевскимъ или показать свое остроуміе. Нѣтъ! Панъ Горбачевскій дѣйствительно щиталъ всѣ достопамятныя произшествія своею собственностію. Онъ овладѣвалъ ими со всѣмъ деспотизмомъ азіатскаго владѣльца и не позволялъ никому нарушать права своего владѣнія. Правда, онъ имѣлъ и многіе документы на сіе право: записки, копіи съ любопытныхъ всякаго рода бумагъ, акты и прочіе документы (чѣмъ мы въ семъ воспользовались), которые иногда останавливали дерзновенныхъ вступать въ его предѣлы. И никогда, должно сказать, смѣльчаки сіи не оставались безъ отмщенія. Имъ обыкновенно возмездіемъ было или сатирическая замѣтка или малороссійская пословица, или колкое словцо, которое всегда бывало довольно чувствительно. Но послѣ, однако, къ всему этому привыкли и безпрекословно признали пана Горбачевскаго въ полномъ правѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. И если иногда другіе позволяли себѣ при немъ вспомнить и разказывать минувшія бы́ли, то сіе дѣлали проказники, которые хотѣли заставить пана Горбачевскаго пуститься на поприще слова.

Съ кончиною императрицы Анны, Малороссія начала отдыхать отъ всякаго рода тягостей, которыми она была обременена. Но не утвердившееся правленіе и перемѣны въ оном держали еще всѣхъ въ неизвѣстности. Съ восшествіемъ императрицы Елисаветы Петровны Малороссія такъ сказать воскресла. Всѣ знали добрыя и милостивыя свойства императрицы и всѣ надежды въ душѣ малороссіянъ ожили. Уже не боялись ни фельдмаршала Миниха, котораго проѣздъ бывалъ такъ страшенъ, ни министерской канцеляріи, ни—слова и дѣла государева. Военные сержанты и капралы, правда, все были еще страшны, но они нѣсколько присмирѣли; а малороссіяне нѣсколько пріосанились. Надобно сказать, что мои земляки не столько боялись офицеровъ рускихъ, сколько нижнихъ чиновъ; вѣроятно отъ того, что первые были въ поступкахъ своихъ благороднѣе и въ требованіяхъ умѣреннѣе. Правда, иногда и московскій панъ (такъ называли офицеровъ) бывалъ тяжелъ, но все таки капраловъ боялись больше.— Вездѣ говорили о будущихъ перемѣнахъ; ожидали что великороссійскіе члены въ коллегіи будутъ уничтожены, что гетманъ будетъ избранъ и пр. и пр. Это обыкновенныя слѣдствія новаго правленія. Конечно, большая часть народа или сама не знаетъ чего хочетъ или ничего не желаетъ, и судя по пословицѣ *что панъ, то батько*, кажется

Библиотека "Руниверс"

малороссіяне равнодушны, какъ ни называется ихъ начальникъ и какія права онъ ни имѣетъ; однако перемѣны въ правленіи были такъ тяжелы и такъ утѣснительны и не сообразны съ духомъ народа, что для этого одного желать могли гетманства. Теперь, можетъ быть, не очень бы порадовались назначенію выбора гетмана, и не послали бы депутаціи просить о семъ государя; но тогда съ избраніемъ гетмана уничтожался настоящій порядокъ правленія и этого было довольно; надобно правду сказать, что всегда и вездѣ о подобныхъ перемѣнахъ заботятся люди въ государствахъ высшаго класса, иные изъ чистыхъ видовъ, ожидая улучшенія состоянія страны, большая же часть по личнымъ отношеніямъ: иной ищетъ собственнаго возвышенія, другой счастливаго оборота въ своихъ дѣлахъ, третій паденія непріятелей. Больше всего всзродило надежды малороссіянъ возвышеніе Разумовскаго, о которомъ узнали почти въ тоже время, какъ получили извѣстіе о восшествіи императрицы на прародительскій престолъ. Еще это былъ первый примѣръ возвышенія малороссіянина при россійскомъ дворѣ; народъ же, на особыхъ правахъ присоединенный къ государству, всегда радуется могуществу своего земляка при особѣ государя. Сколько онъ надѣется имѣть въ немъ предстателя, столько же и поставляетъ ему въ обязанность заботиться о благосостояніи земляковъ своихъ. Отчасти сей образъ мыслей основателенъ, ибо въ подобномъ случаѣ когда въ составъ государства вошелъ народъ на особыхъ правахъ состоящихъ, то безъ всякаго сомнѣнія много пріобрѣтетъ завистниковъ изъ тѣхъ, которые сими правами не пользуются. Къ сожалѣнію, природа человѣка такова, что если онъ и ничего не теряетъ черезъ то, что другому лучше, но онъ не менѣе отъ того досадуетъ и неперестаетъ желать, чтобы другой потерялъ, хоть самъ чрезъ то ничего не пріобрѣтаетъ. Въ доказательство тому служитъ существовавшая долгое время народная непріязнь между дѣтьми одной матери Россіи, великороссіянами и малороссіянами, не смотря на то, что исторія сихъ послѣднихъ не представляетъ ни одного примѣра вражды или непріязни противъ своихъ единовѣрцевъ и одноземцевъ. Непріятели Малороссіи только и помнятъ измѣну гетмана Мазепы; но сія измѣна человѣка, во первыхъ не природнаго малороссіянина, именно не удалось ему по причинѣ оказанной вѣрности войска и народа. И если въ теченіи можетъ быть ста лѣтъ земляки пана Горбачевскаго не показывали довѣрія и боялись москалей, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что русскіе ихъ не любили Теперь, благодареніе Богу, все сіе давно уже миновалось. Всѣ мы, и

Библиотека "Руниверс"

великороссіяне и малороссіяне, русскіе, дѣти единаго отца и любимъ другъ друга, сколько люди способны любить другъ друга. Если мы оправдываемъ въ одномъ отношеніи требованія малороссіянъ, которыя они простираютъ къ возведеннымъ судьбою на степень могущества и славы землякамъ своимъ, то въ другомъ не можемъ не сознаться, что сіи требованія простираются иногда за предѣлы умѣренности и безпристрастности. Малороссіяне поставляютъ таковымъ вельможамъ въ обязанность не только быть защитниками всего края вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, такъ какъ родственники возвысившагося человѣка требуютъ отъ него исключительныхъ себѣ мѣстъ и наградъ, забывая, что благоразумный вельможа долженъ токмо смотрѣть на достоинства человѣка и на ту пользу, которую употребленный на службу можетъ приносить обществу. Отъ сего сохранились доселѣ пріязнь къ однимъ и ненависть къ другимъ вельможамъ изъ малороссіянъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастныхъ; а поелику тѣхъ изъ нихъ, которые заслужили первую гораздо меньше, нежели послѣднихъ, то не отъ того ли возродилось въ Малороссіи невыгодное мнѣніе на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые возвысились. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится ко временамъ минувшимъ. Теперь малороссіяне радуются возвышенію не земляка своего, но человѣка достойнаго и интересы ихъ одни со всею Россіею. Но оставляю дальнѣйшее разсужденіе объ одномъ изъ такихъ предметовъ, о которомъ мнѣнія людей будутъ всегда различны, приступаю къ разсказу происшествія, желаю читателямъ моимъ столь удовольствія при чтеніи, сколько добрый панъ Горбачевскій доставлялъ утѣшенія своимъ слушателямъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы желаніе мое исполнилось, ибо хотя я соблюдалъ (sic) весьма строго вѣрность историческую, и не позволилъ себѣ прибавить ни одного обстоятельства сверхъ того, что точный и правдивый п. Горбачевскій намъ оставилъ, однако тотъ оригинальный разсказъ, та національная веселость, особенный образъ изъясненій, движенія комическія п. Горбачевскаго, что доставляло слушателямъ столько удовольствія, все это къ сожалѣнію погибло для читателей. Мы постараемся однако сколько возможно замѣнить сей недостатокъ историческими мѣстными извѣстіями и замѣчаніями, которыя не нужны были для тогдашняго времени, ибо всѣмъ были извѣстны, но которыя нужно сообщить нашимъ читателямъ.

Городъ Глуховъ не то значилъ прежде, что онъ значитъ въ наше время. Теперь проѣдешь иногда черезъ городъ и не увидишь на улицѣ

Библиотека "Руниверс"

живой души; а прежде, какъ старики разсказывали, не разминешься бывало съ берлинами, колясками и тарадайками; кареты были еще рѣдки, однако знатнѣйшіе люди имѣли оныя. Множество пановъ жило въ городѣ по должности, другіе же и безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ хоть не имѣли постояннаго пребыванія, но живя въ сосѣдствѣ, пріѣзжали весело проводить время въ малороссійской резиденціи; къ сему надобно прибавить великороссійскихъ чиновниковъ, военныхъ; такъ что все это составляло общество многолюдное и разнообразное. Бывали часто обѣды, банкеты, которые продолжались...(?) цѣлый день, на которыхъ не жалѣли ни водки, ни венгерскаго вина. Вечеромъ бывали собранія для игры, въ которой участвовали и дамы, равно и въ банкетахъ играли въ пикетъ, въ памфилъ, въ ломберъ. Танцовали рѣдко, ибо дѣвицы выѣзжали токмо на свадьбы; но со времени гетмана Разумовскаго начали давать балы и дѣлали собранія менѣе утомительныя. Къ гетману съѣзжались на обѣды, потомъ разъѣзжались, а вечеромъ снова собирались на балъ. Въ это время завелся въ Глуховѣ и французскій театръ. Декабря 19, 1751-го года открыли представленіе комедіей *La foire de Hizin*. Панъ Горбачевскій сказывалъ, что, какъ слыхалъ онъ отъ одного старика, Глуховъ въ древности Васильковымъ назывался и что, до раззоренія, однихъ церквей въ ономъ было 70 [1]). Послѣ же разоренія, когда начали селиться въ немъ люди, они прозвали новый городъ Глуховымъ—отъ глуши. Извѣстно по исторіи, что Глуховъ былъ разоренъ Батыемъ, который чрезъ него возвращался. Извѣстно также, что во время моровой язвы въ немъ не осталось ни одного человѣка живого. Глуховъ здѣлался резиденціей и правленія со времени избранія Скоропадскаго. Послѣ измѣны Мазепы, Батуринъ, прежнее мѣсто пребываніе гетмановъ, былъ взятъ приступомъ и разоренъ. Глуховъ, какъ и теперь, раздѣлялся собственно на городъ и на предмѣстія—Верпгинъ, Бѣлоголовка Усовка и Красная-Горка, названная вѣроятно по красотѣ своихъ видовъ. Улицы были не прямы и дома строили, какъ и гдѣ хотѣлъ. Но когда въ 1748 году, въ маѣ, послѣ пожарей, пять дней возобновлявшихся, почти весь городъ выгорѣлъ, то указомъ сената 1748 года, 23 числа іюня и сентября 16, повелѣно—разширять улицы въ городѣ и строить порядочно. Въ городѣ были; домъ малороссійской коллегіи, домъ гетмана, близъ церкви Анастасіевской, монастырь дѣвичій, значительнѣйшія церкви, канцелярскій курень, торговые ряды, базаръ, который назывался въ Малороссіи *мѣсто*, домы казенные и нѣкото-

[1]) Это свѣдѣніе взято изъ дневника Як. Марковича.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

рыхъ частныхъ людей. Въ городѣ было четверо воротъ: кіевскіе, московскіе, путивльскіе и бѣлополовскіе. Впрочемъ, по тѣснотѣ мѣста, богатые люди начали послѣ строить домы на предмѣстіяхъ. Гетманъ Скоропадскій имѣлъ домъ на Бѣлополовкѣ, который назывался *напастовнику*, т. е. на огородѣ. Гетманъ Апостолъ тоже выстроилъ на семъ предмѣстіи домъ, но не долго въ ономъ пожилъ. Въ день коронаціи императрицы, 28-го апр. 1733 г., ясновельможный далъ огромный банкетъ, на которомъ самъ больше всѣхъ гостей подгулялъ и тутъ же занемогъ; отъ сего болѣе не вставалъ. Другіе вельможные паны имѣли домы на Бѣлополовкѣ и на Веригинѣ, гдѣ былъ и министерскій дворъ. Тутъ построили послѣ новый домъ, въ которомъ жилъ гетманъ Разумовскій. Еще и теперь есть остатки прудовъ и садовъ гетманскаго жилища. Глуховъ имѣетъ довольно хорошее мѣстоположеніе. Городъ собственно называемый, предмѣстіе къ селу Сваркову и Красная-Горка, какъ уже и сіе названіе показываетъ, поселены на возвышеніи, а прочія предмѣстія—на низменностяхъ. Городъ соединяется съ Веригинскимъ предмѣстіемъ посредствомъ широкой плотины: при въѣздѣ на оную воздвигнуты великолѣпныя каменныя кіевскія ворота. Плотина сія теперь не очень пріятна для проѣзжающихъ, но прежде всегда содержалась въ порядкѣ и въ старыя времена высыпалась пескомъ и служила мѣстомъ гулянья для всего города. На правой сторонѣ оной—обширной и красивой прудъ, въ которой вдался отъ стороны Веригина низменный мысъ. На семъ мѣстѣ фельдмаршалъ Румянцовъ-Задунайскій построилъ было для себя дворецъ, выкопалъ пруды и разсадилъ садъ. Нѣкоторые старые козаки помнятъ еще и теперь, что они довольно потрудились строивши, какъ они говорятъ, домъ на болотѣ. Подобныя работы были одною изъ причинъ, заставлявшихъ козаковъ переходить въ посполитые, то есть въ состояніе собственно земледѣльческое. На главной улицѣ города, между воротъ московскихъ и кіевскихъ, построенно было великолѣпное каменное зданіе въ три этажа, украшенное многими статуями (правда не весьма красивыми). Тутъ помѣщались: малороссійская коллегія, генеральный судъ и другія присутственныя мѣста. Въ полдень, когда оканчивались занятія по присутствіямъ, выходила на балконъ войсковая музыка и раздавались громкіе звуки литавръ и трубъ. Все приходило въ движеніе: чиновники и канцелярскіе служители и множество зрителей на улицѣ, все это смѣшивалось и говоръ заглушалъ иногда самую музыку. Всѣ расходились потомъ обѣдать.

Библиотека "Руниверс"

Въ 178... году [1]) отъ пожара, который истребилъ большую часть города, сгорѣло и сіе огромное зданіе, остатки онаго долгое время представляли великолѣпныя руины. Къ 180... сдѣлали изъ онаго три корпуса для присутствій, которые черезъ нѣсколько лѣтъ обратились въ безобразныя развалины; немногія же оставшіеся статуи попали къ охотникамъ: еще и теперь видна одна въ впадинѣ постоялого двора на большой дорогѣ. Такъ преходитъ слава міра сего!—Гдѣ теперь гаубтъ-вахта, которая вѣроятно скоро умножитъ число городскихъ развалинъ, былъ канцелярскій курень, тоесть домъ, гдѣ помѣщались канцелярскіе служители. Тогда въ Глуховѣ служили молодые люди и всѣхъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Домъ сей былъ жилищемъ веселостей и позволительныхъ шалостей рѣзвой молодежи. Однако эта молодежь знала и свое дѣло, многіе молодые люди учились основательно (особливо для того времени) въ кіевской академіи и не перемѣняли ежегодно потомъ мѣста своей службы. Еще иногда и теперь слышимъ, что если говорятъ про какого знающаго дѣльца, то во первыхъ упоминаютъ, что онъ служилъ въ малороссійской коллегіи и съ патріотическою гордостью разсказываютъ, что когда одинъ губернаторъ изъ великороссіянъ отзывался о малороссійской коллегіи невыгодно въ присутствіи фельдмаршала Задунайскаго, то графъ сказалъ: знаете-ли, батюшка, что тамъ есть канцеляристы умнѣе насъ! Въ малороссійской коллегіи началъ службу Безбородко, Трощинскій и другіе люди, которые въ послѣдствіи преходили важныя государственныя должности. Но приступимъ къ повѣствованію.

ГЛАВА II.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки,
Топтаны стежечки подъ оконечки
Малорос. пѣсня.

Въ верстахъ 15 отъ города, жилъ отставной ея царскаго пресвѣтлаго величества малороссійскаго войска полковникъ [2])... Онъ служилъ долго, былъ въ походахъ противъ турокъ при императрицѣ Аннѣ и наконецъ 55-ти лѣтъ вышелъ въ отставку. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ потерялъ жену. Семейство его состояло изъ одной дочери. Надежда, такъ звали ее, была 18-ти лѣтняя прекрасная,

[1]) Пожаръ этотъ случился въ 1784 г.

[2]) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи.

Библиотека "Руниверс"

свѣжая, румяная дѣвушка. Черные волосы возвеличивали бѣлизну ея лица и блестящій румянецъ на щекахъ. Теперь, можетъ быть, красавицу съ такимъ живымъ румянцемъ нашли бы слишкомъ деревенскою; но въ старыя времена здоровье почитали въ дѣвицахъ первою красотою; и женихи, и родственники ихъ заботились, чтобы избираемая ими въ семейство свое дѣвушка была совершенно здорова. Тогда не знали бы что дѣлать съ спазмами и первическими припадками, при которыхъ, какъ мужья утверждаютъ, часто не одна больная страждаетъ. Надобно однако сказать, что молодые люди, сохраняя въ то время свою молодость и здоровье весьма строго, имѣли болѣе права и основательныхъ причинъ, нежели нынѣшніе, такъ много заботиться о здоровьи тѣхъ, коихъ избирали себѣ въ подруги. Весьма часто случалось, что женихъ вступалъ въ бракъ такъ же невиннымъ, какъ и любезныя ихъ невѣсты. Третье лице, составлявшее семейство полковника, была тоже молодая дѣвица, однихъ почти лѣтъ съ Надеждой. Она была съ-родни полковнику и оставшись въ дѣтскихъ лѣтахъ сиротою, бѣдною и безпріютною, взята была въ домъ полковника, двоюроднаго своего дяди Софія была прелестная дѣвица. Она не имѣла блестящей наружности Надежды, ни ея веселости, была нѣсколько блѣдна и томна. Голубыя ея глаза являли нѣжность ея сердца и доброту души. Полковникъ называлъ ее овечкою. Хоть таковымъ названіемъ не хотѣлъ онъ ее совершенно обидѣть, однако показывалъ симъ, что недоволенъ ея тихостію, молчаливостію и томностію Онъ часто говорилъ, что изъ нея не будетъ доброй хозяйки, ибо хозяйка должна быть бойчѣе, подвижнѣе и проворнѣе. Въ старину болѣе всего заботились, чтобы дѣвица, особенно бѣдная, подавала надежду о себѣ, что будетъ въ своемъ домѣ хорошею хозяйкою, и потому заранѣе препоручали имъ разныя обязанности хозяйственныя и смотрѣніе въ домѣ родительскомъ. Такъ и въ домѣ полковника дочь его имѣла на рукахъ своихъ все женское хозяйство; но она, такъ сказать, была почетная хозяйка. Труднѣйшія же и существенныя части домоводства были дѣломъ Софіи. Полковникъ часто ей твердилъ, что ненадобно даромъ хлѣба есть; нельзя сказать, что бы онъ сіе дѣлалъ изъ жестокости или желая ее оскорбить, но тогда менѣе были отчетливы и въ словахъ, и въ поступкахъ. Напротивъ, онъ бы считалъ себи виноватымъ, если бы ее баловалъ и пріучилъ къ праздности. Какъ бы то ни было, Софія большую часть дня проводила въ хозяйскихъ трудахъ; всѣ амбары и кладовыя находились въ ея владѣніи: огромная связка ключей всегда была у ней или въ

Библиотека "Руниверс"

рукахъ или подъ полою ея кофты; ночью же они почевали они подъ ея подушкой. Самыя дорогія вещи были подъ смотрѣніемъ Надежды, напримѣръ, серебро, гардеробъ ея покойной матери, сахаръ, водки и закуски; однако Надежда или будучи занята съ гостями или лѣнясь сама пити, не рѣдко дѣлала довѣренность Софіи поуправиться и въ своемъ департаментѣ. Когда нужно было имъ вывѣсить, при хорошей погодѣ, бархатные и аксамитные кунтуши, шубы, стеганыя одѣяла ея матери, или же къ какому празднику вынуть изъ кладовой серебро или налить въ графинчики изъ сулѣй [1]) водки, то обыкновенно поручаемы ей были ключи, которые по окончаніи порученія возвращались Надеждѣ обратно. Надежда во время сихъ операцій навѣдывалась въ кладовую, и даже безъ оныхъ почти ежедневно бывала тамъ, большею частію послѣ обѣда, ибо въ это время она всегда запасалась тамъ павидломъ, т. е. медовымъ варенъемъ, на полдникъ, для котораго обыкновенно, при шествіи ея въ кладовую, слѣдовала за нею служанка съ *тальркою* [2]) и ложкою. Дворъ полковника состоялъ изъ значительнаго числа служителей обоего пола. Тогда въ панскихъ дворахъ не было такъ много дворовыхъ, какъ то бывало въ послѣдующее время, ибо, какъ извѣстно, въ эпоху нами описываемую, помѣщики не имѣли крѣпостныхъ людей; поселяне, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтать свою землю и назывались не крестьянами, но подданными. Однако полковникъ,—по примѣру прочихъ знатныхъ пановъ, имѣлъ значительную дворню: домоправителя, повѣреннаго, комнатныхъ служителей, изъ которыхъ холостые назывались молодиками и хлопцами, кучеровъ, масталѣровъ, охотниковъ, трубачей, которые въ торжественные и веселые дни составляли музыку, бояръ, то есть верховыхъ, которые, во время поѣздокъ полковника, скакали впереди и проч. Сверхъ того, при дворѣ полковника находился домовой священникъ и дьячекъ, ибо въ то время богатые паны имѣли въ селахъ особыя домовыя или придворныя церкви, для которыхъ содержали священно и церковнослужителей изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Въ то время малороссійскіе паны были очень набожны. Въ нѣкоторыхъ домахъ придворный дьячекъ ежедневно приходилъ въ комнаты читать заутреню, часы и вечерню, и часто сопровождалъ пана въ его поѣздкахъ, во время которыхъ сіе обыкновеніе не на-

[1]) Большія бутыли.

[2]) Почерпнуто въ полтинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

рушалось. Дворовые служителя, особенно повѣренный и писарь, присоединялись къ дьячку, попеременно съ нимъ читали и громогласно пѣли священныя пѣсни. Священники, особенно духовники, весьма были уважаемы; духовные дѣти безпрекословно повиновались налагаемой на нихъ эпитеміи. Правду сказать, что духовники налагали оныя съ снисхожденіемъ и уваженіемъ, и эпитеміи почти всегда заключались въ чтеніи псалтыри или молитвъ опредѣленныхъ. Дворовые люди лучшіе имѣли какъ и всегда и вездѣ, преимущество предъ другими; но въ то время они пользовались почестію, которая послѣ вышла изъ обычая. Въ свѣтлый праздникъ тѣ изъ людей сихъ, которые поведеніемъ своимъ и заслугами пріобрѣли уваженіе, пользовались правомъ обѣдать за однимъ столомъ съ панами. Домъ полковника въ деревнѣ былъ въ числѣ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ. Тогда по большей части строили дома деревянные, которые имѣли немного выгодъ и не защищали довольно отъ холода, что мы и теперь къ удивленію видимъ, хоть по климату нашему и должно было бы ожидать большей о семъ заботы. Въ домахъ обыкновенно бывало много холодныхъ сѣней. Комнаты имѣли названія отличныя отъ теперешнихъ. Гостиная называлась парадною, или середнею; посему, большею частью, она была въ срединѣ другихъ комнатъ; буфетъ—крейденцомъ, дѣтская... (?) [1]), была зала, боковыя и проч. Предъ главнымъ входомъ обыкновенно было большое крыльцо и крыши всегда высокія, и часто въ два яруса. У полковника домъ украшенъ былъ, какъ не у многихъ изъ тогдашнихъ пановъ. Въ гостиной были заграничные шелковые обои, которые называли плахтами, зала была выштукатурена и потолокъ украшенъ былъ узорчатыми фигурами лѣпной работы, полы были хоть не паркетные, но штучные. Двери изъ сѣней въ различныя комнаты были одноштучныя, выкрашенныя темнозеленою краскою, на которыхъ нарисованы были различныя эмблемы, почерпнутыя большею частію изъ книги изданной при Петрѣ I въ... году подъ заглавіемъ [2])... Не далеко отъ дому полковника была огромная каменная кладовая, со сводами, крытая желѣзомъ. Эта кладовая служила главнымъ украшеніемъ двора, ибо паны поставляли свое честолюбіе въ томъ, чтобы имѣть огром-

[1]) Трудно прочесть; мож. быть—*мамкиною*.

[2]) Можно предполагать, что Марковичъ имѣлъ здѣсь въ виду, изданную въ 1705 г. книгу: „Символы и Емблемата,“ состоящую изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, эмблемъ и символическихъ изображеній, которыхъ всѣхъ числомъ 840. См. Пекарскій, „Наука и Литература при Петрѣ В.“ II, 142. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ныя кладовыя. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій и погребовъ и была въ два яруса, изъ коихъ на второмъ находилась комната, въ которой часто лѣтомъ полковникъ гулялъ съ пріятелями. Погребъ былъ тутъ же, слѣдовательно недалеко было ходить за венгерскимъ, фортиньякомъ и разными наливками, которыя нѣкоторые гости предпочитали самымъ лучшимъ винамъ. Близъ дому былъ садъ регулярной и цвѣтникъ. Аллеи въ ономъ, какъ и въ болѣшей части прочихъ садовъ, обсажены были липами, а въ куртинахъ были плодовитыя деревья. У полковника была и оранжерея, хотя не весьма богатая, но и та служила предметомъ удивленія и доказательствомъ богатства пана, ибо подобныя заведенія были еще очень рѣдки.

Въ домѣ полковника жилъ съ давнихъ лѣтъ п. Бандура-Галошкевичъ, хотя изъ бѣдной, но старинной фамиліи шляхтичъ. Предки его, по преданіямъ, сохраняемымъ съ большимъ стараніемъ п. Бандурой, назывались прежде Галошкевичами, но одинъ изъ нихъ мастерски игралъ на бандурѣ и гетманъ Мазепа любилъ забавляться его музыкой. Ясновельможный пожаловалъ его войсковымъ товарищемъ, и въ одну изъ веселыхъ минутъ сказалъ, что для сохраненія въ «потомные часы» памяти о его мастерствѣ, онъ придаетъ къ прежней фамиліи его *пршидомокъ* Бандура. Съ тѣхъ поръ все потомство славнаго музыканта сохраняло съ благоговѣніемъ сіе прозваніе. Нѣкоторые люди, вѣроятно, по непріязни, утверждали, что п. Бандура произвольно перемѣнилъ свою фамилію, и что предки его назывались не Галошкевичами, а Галушкевичами; но сіе п. Бандура считалъ всегда великою себѣ обидою и никога не прощалъ, если кто и неумышленно превращалъ его прозваніе. Къ несчастію сходство сей фамиліи съ названіемъ весьма употребительнаго въ Малороссіи кушанья, затрудняло весьма многихъ и невольно заставляло многихъ ошибаться въ произношеніи. Дворовымъ людямъ полковника это обстоятельство было настоящимъ камнемъ преткновенія: они охотно бы желали называть взыскательнаго полковника п. Бандурой, но п. Галошкевичъ весьма не любилъ, чтобы отдавали преимущество новѣйшей фамиліи предъ древнѣйшею. Требованія его на сей счетъ сдѣлались особенно настоятельны съ тѣхъ поръ, какъ п. асаулъ генеральный, который учился въ кіевской академіи и зналъ латинскій и французскій языки, сообщилъ п. Бандурѣ Галошкевичу свои догадки о томъ, что фамилія его по всѣмъ соображеніямъ происходитъ отъ галловъ и совѣтовалъ ему писать оную чрезъ латинское G, что п. Галошкевичъ принялъ весьма основательнымъ и охотно послѣдовалъ совѣту п. асаула ге-

Библиотека "Руниверс"

неральнаго, котораго учености онъ съ того времени еще болѣе довѣрять началъ.

П. Бандура-Галошкевичъ—былъ *все* въ домѣ полковника, а наиболѣе его собесѣдникомъ. Онъ имѣлъ неограниченную въ домѣ власть и всѣ ему безпрекословно повиновались. Онъ участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ забавахъ п. полковника. Во всѣхъ важныхъ и малыхъ дѣлахъ спрашивалось его мнѣніе. Всѣ закупки на ярмаркахъ и въ городѣ совершались Галошкевичемъ. Домоправитель, войтъ [1]) и другія должностныя (лица?) не предпринимали ничего безъ его совѣта и голосъ его всегда былъ уважаемъ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней ожидали возвращенія п. полковника изъ города, куда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхмлъ. По сему случаю п. Галошкевичъ всталъ раньше обыкновеннаго, т. е. прежде восхожденія солнца. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ, отправился онъ въ людскія, мастерскія, на кухню и конюшню, вездѣ разнесъ съ собою пробужденіе, сопровождаемое то ласкою, то угрозами, смотря съ кѣмъ имѣлъ онъ дѣло. На другой половинѣ дома происходили подобныя явленія, хоть главное дѣйствующее лице было другое. Послѣ п. Галошкевича безспорно значительнѣйшая особа въ домѣ была ключница. Трудно даже рѣшить, кто изъ нихъ былъ важнѣе. Прежде называли ее Дарьей; но когда п. полковникъ назначилъ ее въ ключницы, то изъ почтенія къ новому званію начали величать ее Одаріей Семеновной. Не смотря на то, что панночки сами смотрѣли отчасти за хозяйстомъ и имѣли ключи, можно сказать, что Одарія Семеновна была настоящая хозяйка въ домѣ. Панночки ничего не смѣли сдѣлать, не испоривъ прежде ея совѣтовъ или лучше сказать приказаній. Безъ ея опытности и напоминананій онѣ часто не знали бы что дѣлать, и если дочь и племянница заслуживали иногда гонку отъ п. полковника, то это всегда было послѣдствіемъ того, когда онѣ, по молодости, уклонялись отъ пути, предназначеннаго опытною домоводкой. Сверхъ того, Одарія Семеновна смотрѣла за ними еще съ самой колыбели, а это одно могло сдѣлать, что онѣ имѣли бы къ ней невольное почтеніе, если бы она и не заслуживала онаго своею къ нимъ привязанностію и ласковымъ угожденіемъ ихъ прихотямъ, когда она, разумѣется, была къ тому расположена. Одарія Семеновна встала немного позже п. Голошкевича и, какъ опытная домоправительница, не менѣе показала въ сей день усердія и заботливости, ожидая п. полковника. Все утро

[1]) Позднѣе—„приказчикъ", распоряжавшійся работами крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

она, какъ говорится, не присѣдала, и языкъ ея, который можно сказать былъ неутомимъ, не болѣе оставался въ покоѣ, какъ и ея ноги. Она уже нѣсколько разъ обходила и кухню, и пекарню, и кладовую. Во время сихъ заботъ, переходовъ и обильныхъ разсказовъ, съ перерывами, она была (безпокоима?) частыми требованіями служителей, особенно поварчуковъ, которые присылали къ ней за столовой провизіей. Надобно сказать, что бережливая домовка имѣла правило никогда не отпускать за однимъ разомъ столько провизіи на кухню, сколько отъ ней требовали, хоть бы требованія сіи были весьма умѣрены. Это дѣлала она изъ расчетливости экономической, соображая весьма справедливо, хотя и не сознаваясь въ томъ, что повара п. полковника скорѣе готовы будутъ сдѣлать возможное изъ не возможнаго, нежели обратиться къ ней съ новыми требованіями провизіи, такъ боялись они грому и крику, которыми обыкновенно Одарія Семеновна поражала служителей кухни. Не успѣла она узнать причину прихода поварчука, какъ обильныя рѣчи, подобно лавѣ, лились на бѣдную его голову. Хоть она послѣ принималась за ключи, но симъ не прекращался шумный ея разговоръ, крикъ ея раздавался и на дворѣ и на кухнѣ, куда она за поварчукомъ слѣдовала, когда тотъ получилъ отъ нея нужное, бѣгомъ уходилъ, опасаясь, чтобы она, не довольствуясь тѣмъ, что дала полную волю своему языку, не дала оной и рукамъ. И когда Одарія Семеновна уходила изъ кухни, то подобно, какъ на театрѣ изумленному зрителю мнится еще слышать разъяренную Клитемнестру, хотя она уже скрылась за сцену, такъ пораженнымъ служителямъ кухни казалось, что грозная ключница все еще мещетъ на нихъ громъ и молнію и тогда, какъ неутомимая домодовка уже на другомъ концѣ двора избрала мѣсто дѣйствія. Во время сихъ утреннихъ прогулокъ часто случалось, что п. Галошкевичъ встрѣчался съ трудолюбивою ключницею. При этомъ случаѣ они обыкновенно останавливались и сообщали другъ другу всѣ важныя происшествія и распоряженія, каждый по своему вѣдомству. Нельзя сказать однако, чтобы встрѣчи его всегда были дружественныя. Что касается до п. Галошкевича, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, невольно всѣми въ домѣ полковника принятое, что безъ трудолюбивой Одаріи Семеновны не могъ бы существовать домъ и слыша часто отъ самаго п. полковника, что онъ, оставшись безъ жены, существенно ей обязанъ за порядокъ и сбереженіе своего имущества, п. Галошкевичъ считалъ необходимостію жить въ добромъ ладу съ экономкою и заслуживать ея дружбу. Но Одарія Семеновна, которая никогда не покорялась совершенно

Библиотека "Руниверс"

никакимъ политическимъ видамъ, весьма не жаловала п. Голошкевича. Впрочемъ, уважая волю своего пана, она никогда не позволяла себѣ ни сдѣлать, ни сказать ему всего того, чѣмъ бы она иногда желала его попотчивать, и это принужденіе, котораго она во всякомъ случаѣ была великій врагъ, едва ли не побудительнѣйшею причиною было той пріязни, которую она питала къ п. Галошкевичу. П. Бандура былъ не безъ ума и не безъ хитрости; и въ отношеніи къ Одаріи Семеновнѣ онъ употребилъ всѣ расчеты и искусство стараго дипломатика, чтобы разгадать ея характеръ и узнать слабую онаго сторону; но въ теченіи многихъ лѣтъ всѣ старанія его оставались напрасными. Какъ часто, думалъ онъ, видя свой успѣхъ сегодня, что наконецъ достигъ своей цѣли, но на завтра разрушились всѣ его надежды. Что удавалось и годилось вчера, то сегодня не служило ему ни къ какой пользѣ, а часто имѣло для него и невыгодныя послѣдствія. Все зависѣло отъ внутренняго расположенія трудолюбивой домодовки и отъ ея произвола. Самыя лестныя для нее слова, самыя явственныя знаки уваженія иногда худо принимались; въ другой разъ и съ меньшими пособіями удавалось смягчить ея гнѣвъ или заслужить ея привѣтливость. Когда Одарія Семеновна была въ ладахъ съ п. Галошкевичемъ, то она, хоть неохотно и съ трудомъ, но производила его прозваніе отъ галловъ; въ противномъ случаѣ давала оному другой корень. Часто одного этого затрудненія въ произношеніи достаточно было, чтобы вывести ее изъ терпѣнія, и хотя, п. Голошкевичъ одной ей не показывалъ негодованія своего за сіе оскорбленіе, однако Одарія Семеновна обыкновенно, подъ видомъ извиненія, прерывала разговоръ сими или подобными словами: воля ваша п. Галошкевичъ, я понѣмецки не училась и позаморски васъ называть не умѣю! Прошу не погнѣваться, п. Галошкевичъ, а мнѣ право кажется, что вы напрасно трудите христіанскій міръ, заставляя его называть васъ не по нашему! И развѣ стыдно вамъ называться п. Галушкевичемъ? Развѣ наши галушки такая вещь, что и называть стыдно? Вы сами видите, что иногда и вельможные паны и панія ихъ кушаютъ. И послѣ этого, казалось бы, не кстати вамъ спмъ обижаться! Прибудетъ ли вамъ чести отъ того, что вы происходили отъ какихъ то нехристовъ? Воля ваша п. Галушкевичъ, я сему не вѣрю. И дѣдъ, и прадѣдъ вашъ, благодаря Бога были христіане, и за моремъ никогда, можетъ быть, по нашему не бывали, такъ зачѣмъ вамъ гоняться за нѣмецкими прозвищами?—П. Галошкевичъ выслушивалъ это иногда съ терпѣніемъ, а иногда и съ усмѣшкою. Онъ старался увѣ-

Библиотека "Руниверс"

рить Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашаясь съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одинадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.—П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.—Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,—слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но все жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галушкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ. — Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя конечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжитъ туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

Библиотека "Руниверс"

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одарiи Семеновнѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарiя Семеновна должна бы изъ уваженiя къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одарiи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарiя Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей п. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время послышалъ, что Одарiя Семеновна подходила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водкою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и сребренными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печоную рыбу и пироги. Панночки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ пили, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, п. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одарiи, которая намъ такiя славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарiя Семеновна, которой на ту пору понравилась похвала водкѣ и которая слышала послѣднiя слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, п. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго пріѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полынную настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помагаю. При старой панiи, вѣчная ей память, продолжала Одарiя Семеновна, выпивая водку, я также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хоть и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

Библиотека "Руниверс"

видно не всѣ туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчить мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я именинникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому я и самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяцъ. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣзавтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесять человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой панiи случилось тоже, что нежданно наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну п. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ пироговъ не худо. Одарiи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна къ старому креденцарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобъ прибрать завтракъ, я думаю, что п. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ п. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отвѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого п. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ п. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

Библиотека "Руниверс"

— Правда ваша, Одарія Семеповна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчитъ.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчитъ. Ты думаешъ, черезъ кого выходятъ во дворѣ каламутини? Черезъ кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно кошту. Что жъ будешь робить съ панами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водилось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слишкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимою Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ея стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои домы на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставались хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по-крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всякой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребляли самые драгоцѣнные приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

Библиотека "Руниверс"

раньше, и хоть они отправлялись на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковый товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній! — П. полковника симъ упрекать нельзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопріѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо принимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепріимствомъ Одаріи Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ поздняго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи — Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчужный Даміанъ Оболонскій, асаулы: Петръ Валькевичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостолъ, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоропадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибыли: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челищевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, *съ люцами и кантарами*. Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова [1]) и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

[1]) Назначенъ правителемъ Малороссіи весною 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императорица Елисавета въ Глуховъ, попути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Днев. Зап. Як. Марковича, II, 223.

Библиотека "Руниверс"

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двуличнаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась запонкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные чорные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Неизвѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторыя пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждили, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакомства выигривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣянія и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни корабликa, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіяне произносятъ букву *ѣ* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ѣ* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Черньювъ*, *кибьтка*, *зьма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряду. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ живали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Боратинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ... [1])

---

[1]) На этихъ словахъ рукопись кончается.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКА

О

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Библиотека "Руниверс"

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги“, хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „геральдія“ сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ *записки*: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепою, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего“. *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевскаго университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ [1]).

---

[1]) „Кіевск. Старина“ 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепою. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдіи, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотами. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій [1]). Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православную вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія [2]) военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины [3]).

---

[1]) Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимвровъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагаютъ ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень изъ далека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетьманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. маія, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковѣчною отчизною ихъ, а славныхъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

[2]) 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

[3]) Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществѣ сущихъ, елико кто имяше отъ

Библиотека "Руниверс"

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а иногда одинъ, хоружій, бунчужній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ [1]), судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городовые и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

---

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ россійскомъ наданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержаще и пагуби я не допускающе".

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи обѣщанія царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написанно: „большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и князят древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте". Изъ упомянутаго универсала гетьмана Хмельницкаго, 1648 года, маія 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примѣчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ устововъ [2]) и привилегій князей рускихъ и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, после Хмельницкаго бывшихъ, ныне утрачены а ныне измѣнникомъ Мазепою со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присилаіе отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги боярин Бутурлинъ, окольничій Алферовъ да думной дьякъ Лопухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніе Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копіи, можетъ быть всѣ они отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственой иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копіи съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

[1]) Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ слулбъ и достоинствъ.

[2]) Г. А. господинъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генваря 31.

Библиотека "Руниверс"

соблюющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллеріею, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллеріею. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждомъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человѣкъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливыя способности и заслуги главнѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетствомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многимъ пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя вожделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣваемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданными всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персіею, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничныхъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

Библиотека "Руниверс"

лонили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой линіи, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государыни императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, находясь по высочайшему опредѣленію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣнію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимыми и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и имуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онымъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной конной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человѣкъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовыя мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную коммисію, въ полковыя счетныя же коммисіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ коммисіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для писма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были паипаче бунчуковые, войсковые

Библиотека "Руниверс"

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимались службою, не должны были обовязываться постороннимъ дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемилостивѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, коею подтверждены малороссійской войсковой старшинѣ, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго имяннаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по геролдіи послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійскую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣнія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оные высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенствованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленные;

2, удостоены высочайше уравненія между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

Библиотека "Руниверс"

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижимыми имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маетности и прочія недвижимыя имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстьевъ, имѣли [1]) ранговыя деревни даже до открытія троихъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ уридовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелику тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному пи-

[1]) Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

Библиотека "Руниверс"

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ городскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избираемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По именному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго классные военные чины: одинъ генералъ и два флигели адьютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины — наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 маія 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понынѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухопутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій — св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи трехъ намѣстничествъ, покойная государыня императрица Екатерина Вторая реченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщила, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на оном, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи имѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были выбираемы, какъ должно, подъ

Библиотека "Руниверс"

надзираніемъ господъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтную службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣлнемы были въ коронную службу губернаторами, вице-губернаторами, экономій директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарями.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привилегіямъ и высочайшимъ грамотамъ, имъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями троихъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (кои по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генералъ маіора или бригадира, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчучному—ранги подполковничьи; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-порутчика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпорутчика или прапорщика; сотенной и городовой старшинѣ, тоесть атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

Библиотека "Руниверс"

только упослѣждающее чины малороссійскіе осталось и по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло быть введено.

2-е. Главнокомандовавшій въ Малой Россіи генералъ аншефъ графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, въ предложеніи въ войсковую генеральную канцелярію, 16 декабря 1738 года, предписалъ: «войсковому канцеляристу Максимовичу быть въ товарищахъ капитану глуховского гарнизона Протопопову при отдачѣ высочайше пожалованныхъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ имѣній; и впредь, гдѣ войсковые канцеляристы съ оберъ-офицерами къ какимъ либо дѣламъ опредѣляемы будутъ, должны быть въ товарищахъ, какъ то и прежде обыкновенно исполняемо было, ибо объ нихъ, войсковыхъ канцеляристахъ, не такъ разумѣть, какъ о ротныхъ писаряхъ и прочихъ надлежитъ, но всегда содержаны быть должны въ обсерваціи и достоинствѣ, какъ дѣйствительно и самимъ имъ главнокомандующимъ исполняется».

3-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 10 день ноября 1764 года, по случаю увольненія графа Разумовскаго отъ гетманства, учрежденія малороссійской коллегіи и прочая, повелѣно: «желая, чтобы между опредѣленными въ коллегію членами никакого различія не было, а каждый мѣсто свое по чину и старшинству занимать могъ, всемилостивѣйше жалуемъ: сихъ малороссійскихъ членовъ уравненіемъ въ классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: генеральнаго обознаго Кочубея — генералъ-маіорскимъ, писаря Туманскаго — чиномъ статскаго совѣтника, асаула Жоравку [1]) и хоружого Апостола—полковниками».

И на четвертое. 1-е. Вышереченный главнокомандующій малороссійскими войсками господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій представлялъ малороссійскихъ чиновниковъ по заслугамъ не только къ награжденію деревнями, но и великороссійскими чинами; и по предстательствамъ его чинимы были всемилостивѣйшія удовлетворенія. Такъ, по представленію его, императрица Екатерина Вторая пожаловала малороссійскихъ полковниковъ Забѣлу и Заньковскаго въ бригадиры, сказавъ: «полковникъ единожды уже здѣланъ полковни-

[1]) Г. Жоравка подписывался: „Генеральный асаулъ, статскій совѣтникъ Иванъ Жоравка“. О другихъ не помню.

Библиотека "Руниверс"

комъ», слова подтверждающія достоинство малороссійскихъ чиновъ, подлежащіе написаннымъ въ табели о рангахъ.

2-е. Въ теченіи времени оной главнокомандующій имѣлъ особливое стараніе, чтобы малороссійскіе чины были перемѣнованы въ россійскіе. Безъ сумнѣнія, была на сіе высочайшая воля императрицы. И такъ они, по представленіямъ его, производимы были: бунчуковые товарищи, полковые старшины и даже войсковые товарищи—въ коллежскіе ассесоры; прочіе чины—по соразмѣрности ихъ заслугъ и степеней, о чемъ правительствующему сенату изъ дѣлъ во все протекшее время извѣстно. Иные же изъ нихъ принимаемы были въ регулярную россійскую службу прямо штабъ и оберъ офицерскими чинами, тоже соразмѣрно ихъ заслугамъ. Когда же правительствующій сенатъ вопросилъ реченнаго главнокомандующаго о объясненіи порученностей и заслугъ, какія здѣланы представленными отъ него къ награжденію малороссійскими чиновниками, то онъ писалъ къ господину генералъ прокурору князю Вяземскому, отъ 3-го маія 1774 года, что «чиновники таковые въ прежнія времена пользовались награжденіями въ полной мѣрѣ въ службахъ ихъ—раздаваемыми отъ гетмановъ недвижимыми имѣніями, приносящими великіе доходы, и чинами въ сей земли довольно почитаемыми, а прибывали большею частію въ вѣдомствѣ между собою, не имѣя надобности искать сравненія съ великороссійскими».

И наконецъ 3 е. Когда высочайшимъ именнымъ вѣчной памяти государыни императрицы Екатерины Второя указомъ государственной военной коллегіи, въ 28 день іюля 1783 года даннымъ, о преобразованіи малороссійскихъ полковъ въ регулярные повелѣно: «находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы увольнить, перемѣновавъ для опредѣленія къ дѣламъ», то во исполненіе того чины малороссійскіе чрезъ бывшаго ихъ главнокомандующаго реченнаго господина генералъ-фельдмаршала сенатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, по особо послѣдовавшему къ нему высочайшему именному рескрипту, и перемѣнованы въ армейскіе, какъ бунчуковые товарищи—въ примееръ маіоры, полковые асаулы, хоружіе и писари—въ секундъ маіоры, сотники—въ ротмистры, войсковые товарищи—въ порутчики, значковые товарищи и сотенные атаманы, писари, асаулы

Библиотека "Руниверс"

и хоружіе—въ корнеты. Все сіе явствуетъ по дѣламъ и послужнымъ спискамъ сихъ чиновъ въ государственной военной коллегіи. Нѣкоторые же изъ тѣхъ чиновъ, почитая заслуженные малороссійскіе чины надежнымъ увѣреніемъ о принадлежащихъ имъ шляхетскихъ преимуществахъ, не просили о переименованіи и хотя въ маломъ числѣ, но остались въ оныхъ.

3-е.

Права, привилегіи и высочайшія грамоты, коими малороссійскому рыцарству или войсковымъ чинамъ утверждены преимущества шляхетскія и сравненіе съ онымъ, суть слѣдующія:

1. Грамоты короля польскаго Сигизмунда 1563, іюня 7, и 1569 годовъ, іюня 5 чиселъ, «краю сему (русской кіевской землѣ) быть при своихъ правахъ, вольностяхъ и обычаяхъ и какъ чину рыцарскому и шляхетству изъ между себя избирать въ воинскіе, граждан кіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою статутъ».

2. Въ договорныхъ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ польскою республикою, учиненныхъ подъ Зборовымъ [1]): «малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска запорожскаго наровнѣ считаться съ шляхетствомъ».

3. Грамота государя царя Алексѣя Михайловича (одна изъ двухъ) 1654 года, марта 27 дня, гетману Хмельницкому и старшинѣ войсковой генеральной, полковникамъ, асауламъ и сотникамъ, при принятіи ихъ со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, въ свое подданство, коею пожаловалъ [2]): «всему Войску Запорожскому обѣихъ сторонъ (Днѣпра) и старшинѣ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ войсковыхъ и по своимъ правамъ и обычаямъ судиться». А согласно тому въ статьяхъ его гетмана Хмельницкаго—первою и тринадцатою утверждено.

4. *четвертое.* Въ статьяхъ гетмана Ивана Игнатовича, 8-й пунктъ [3]): «какъ напредъ сего заслуженные были пожалованы честію шляхетскою, то чтобы они при томъ же чину и чести пребывали».

5. Въ статьяхъ гетмана Ивана Самойловича, 17 пунктъ [4]): «малороссійскаго Войска Запорожскаго посланцы, при разграниченіи съ

---

[1]) 1649 года, 17 августа.

[2]) 7162 года, въ Москвѣ.

[3]) 7177 года, въ Глуховѣ.

[4]) 7180 года.

Библиотека "Руниверс"

Польшею, должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ, за польскаго владѣнія, бывали и равно съ ними сидѣли».

6. Въ статьяхъ гетмана Ивана Мазепы 19-й пунктъ: «чтобы никто изъ великороссійскихъ не привозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ старшинъ гетманскаго регименту не унижалъ и не укорялъ, яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властію пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи».

7. Въ рѣшеніи верховнаго тайнаго совѣта, по волѣ государя императора Петра Втораго, 1728 года, августа 22, на пункты гетмана Апостола, на 3-й: «выбирать въ генеральную старшину и полковники изъ заслуженныхъ и знатныхъ, представлять объ нихъ его императорскому величеству и ожидать указа, а опредѣленныхъ его величествомъ безъ указа не отставлять. Полковую старшину и сотниковъ выбирать изъ людей заслуженныхъ, а гетману утверждать и писать къ его императорскому величеству, описавъ службы и годность ихъ». На 15-й: «маетности и другія недвижимыя имѣнія великороссіянамъ въ Малой Россіи покупать и малороссіянамъ въ Великороссіи свободно и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ».

8. Въ утвержденномъ Малороссіи польскомъ правѣ, книгѣ Статутъ постановленны преимущества шляхетскія, коими малороссійское рыцарство или чины войсковые всегда пользовались суть слѣдующіе:

1. Рыцарство, шляхта должны служить военно. Раздѣла 2, по артикулу 7-му.

2. Простой человѣкъ, оказавшій явныя знаменитыя рыцарскія услуги, мужествомъ противъ непріятелей, имѣетъ право получить отъ короля привилегію на вольности шляхетскія и на гербы. Раздѣла 3, по артикулу 26-му.

3. Распоряжать по желанію своими имѣніями, выслуженными, купленными и другимъ образомъ благопріобрѣтенными. Раздѣла 3, по артикуламъ 4 и 43.

4. Давнихъ ихъ привилегій, преимуществъ и обычаевъ не нарушать и не перемѣнять безъ соизволенія сейма. Раздѣла 3, по артикуламъ 2 и 10, § 1, и артикулу 15, § 1.

5. Достоинствъ и урядовъ простымъ людямъ не давать, а давать только шляхтѣ и каждому рыцарскаго состоянія человѣку, при-

Библиотека "Руниверс"

родным, осѣдлым, по способностям и заслугам их. Раздѣла 3, по артикулу 18.

6. Всѣх—сохранять въ их достоинствѣ урядах чести, какъ кому опредѣленно. Раздѣла 3, по артикулу 13-му. Оных безъ оправданія не отнимать. Раздѣлъ 3, по артикулу 14.

7. Рыцарство шляхта имѣютъ право выбирать:

— короля, разд. 3, по артикулу 3, § 1.

— пословъ въ генеральный сеймъ и сеймики. Розд. 3, по артикулу 6-му.

— подкомораго, разд. 9, по артикулу 1-му.

— судей земских и писаря, розд. 4, по артикулу 1, § 1, и артикулу 4, § 1.

— военнаго чиновника хоренжего, разд. 2, по артикулу 5.

— возных, разд. 4, по артикулу 8.

8. Рыцари и шляхту безъ призыва въ судъ и обличенія въ въ тюрьму не садить. Разд. 3, по артикулу 10.

9. Выѣзжать имъ въ чужія земли, кромѣ непріятельской. Разд. 3, по артикулу 16, § 1.

10. Всѣ вышеупомянутыя права и привилегіи подтверждены высочайшими и всемилостивѣйшими грамотами государей царей Феодора Алексѣевича, 7184, февраля 1, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, 7190, маія 30, императоровъ и императрицъ: Петра Великаго 1708, ноября 1 и 3, 1709, февраля 3, 1711, февраля 5, и 1717, генваря 8, Петра Втораго, 1727, іюня 25, и въ рѣшительных пунктах верховнаго тайнаго совѣта, на 1-й пунктъ, 1728, августа 22, Анны Іоановны, 1730, маія 15, Елисаветъ Петровны, 1746, декабря 15, и 1751, маія 22, Екатерины Вторыя, 1764, ноября 10, Павла Перваго, 1796, ноября 30, и нынѣ благополучно царствующаго Александра Перваго, 1802 года, декабря 29 дня.

4-е.

Иностранцы, водворившіеся въ Россіи на поселеніе, не только греки, но грузинцы, молдоване и сербы, признаны въ их иностранномъ дворянскомъ достоинствѣ и даже въ их княжескихъ титулахъ, а истая братія русскихъ, коренные русскіе малороссійскіе, большею частію съ давнихъ временъ отъ предковъ своихъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, чиновники, которые въ теченіи 244 лѣтъ, въ томъ числѣ 155 лѣтъ подъ всероссійскою державою, по высочайшимъ и всемилости-

Библиотека "Руниверс"

вѣйшимъ подтвержденіямъ пользовались правами и преимуществами шляхетскими, служили вѣрою и правдою, не щади живота своего,— лишены стали указомъ правительствующаго сената, по герольдіи, всѣхъ тѣхъ преимуществъ и кровію заслуженной чести, сочтены ничего не значущими, потому только что они не такіе чины, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство. И тогда, когда тотъ же сената департаментъ герольдіи внеслъ уже въ россійскій гербовникъ, въ 1-е отдѣленіе, гербы чиновъ малороссійскихъ Лагодъ, Лазаревича и Хильчевскаго (оные удостоены высочайшей конфирмаціи), хотя изъ описаній сихъ гербовъ видно, что предки тѣхъ родовъ служили въ малороссійскихъ только чинахъ.

И такъ, малороссійскіе чины имѣютъ причины повергнуться къ подножію престола его императорскаго величества и всеподданнѣйше просить: 1-е, о отмѣнѣ помянутаго указа правительствующаго сената по герольдіи, которымъ уничтожены и въ ничто поставлены малороссійскіе чины и тѣмъ умалена личная честь и преимущества потомковъ ихъ, произшедшихъ не только отъ полковой и сотенной старшины, но и отъ поколѣній гетмановъ и генеральныхъ старшинъ— коимъ не доставало только украшенія титулами, присвоенными въ европейскихъ державахъ подобнымъ достоинствамъ и властямъ; 2, о всемилостивѣйшемъ признаніи родовъ малороссійскихъ чиновъ, служившихъ въ оныхъ съ дѣда съ прадѣда и высше, и лично выслужившихъ чины въ дворянскомъ достоинствѣ и о внесеніи въ ту часть родословной дворянской книги, въ которую одни по древности ихъ принадлежатъ, а другіе, выслужившіе лично оные и кто изъ нихъ пожалованъ въ секретари или переименованъ въ россійскій военный чинъ, какъ въ статьяхъ 78-й и 92-й высочайшей грамоты о дворянствѣ узаконенно, во вторую часть той же родословной книги и 3, о переименованіи, остающихся въ маломъ числѣ, прежнихъ малороссійскихъ чиновъ въ великороссійскіе военные, въ точное исполненіе высочайшаго именнаго указа, въ 28 день іюля 1783 года состоявшагося.

Сіе ихъ прошеніе основано на ихъ правахъ, привилегіяхъ и высочайшихъ грамотахъ. Ежели бы они не имѣли сихъ правъ, присвоевающихъ имъ шляхетскія преимущества, то службы ихъ всероссійскому престолу при употребленіи й пользованіи тѣхъ преимуществъ съ такихъ отдаленныхъ временъ, подаютъ имъ надежду получить всемилостивѣйшее подтвержденіе ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, по примѣру какъ въ прежнія времена россійскіе дворяне бывшіе только

Библиотека "Руниверс"

чины, но чрезъ умноженіе заслугъ сдѣлались названіемъ благороднаго состоянія и преимуществами поровнялись съ русскими родословными людьми.

Царь Алексѣй Михайловичъ, чрезъ посланныхъ его, обѣщалъ гетману Хмельницкому и войсковой старшинѣ, какъ видно изъ прошенія Хмельницкаго 1654 года, февраля 17 дня, «таково бо государское твоего царскаго величества слово намъ тотъ же ближній твоего царскаго величества бояринъ съ товарищи обѣщалъ и больше сихъ дѣлъ рече: одержите отъ великаго царя его царскаго величества, егда вопросите, большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ княжатъ древнихъ россійскихъ, точію челомъ бійте».

А государь императоръ Петръ Великій въ высочайшей грамотѣ 1709, февраля въ 3 день, къ малороссійскимъ чинамъ и войску, написалъ: «а особливо малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца нашего блаженныя памяти великаго государя его царскаго величества руку свято содерживали и впредь содержать будемъ; и оные вѣрные наши подданные по прежнему на правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ, отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ». Поелику сердце царево въ рукѣ божіей, то слова его святы и непреложны. Просите и дастся вамъ!

Библиотека "Руниверс"

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ.

Записка, составленная по архивнымъ источникамъ, въ 1865 году, есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся, въ к. XVIII в., на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ матеріаловъ для исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи Черноморцевъ въ частности. Въ ряду этихъ изданій Е. Д. Фелицынъ началъ печатать (въ Кубанск. областн. вѣдом.) собранные имъ *Матеріалы для исторіи Кубанскаго козачьяго войска.* Въ числѣ этихъ матеріаловъ издана [1]) и настоящая *Записка*, первая часть которой (до изданія Положенія 1801 г.) перепечатывается нами здѣсь съ любезнаго согласія Е. Д. Фелицына.

---

[1]) Куб. обл. вѣд. 1896 г., №№ 186, 188 и 190.

Библиотека "Руниверс"

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленію.

О народонаселеніи.

Черноморское козачье войско [1]), существовавшее подъ именемъ запорожскихъ козаковъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ разныхъ состояніяхъ и видахъ, и испытавшее многоразличныя перемѣны, получило настоящее свое бытіе въ началѣ войны Россіи съ Оттоманскою Портою въ 1787 году. Затѣмъ, войско это, на основаніи всемилостивѣйшей грамоты, дарованной оному блаженной памяти императрицею Екатериной Второй [2]) въ 30-й день іюня 1792 года, переселено на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, съ нижеименованнымъ правительствомъ и въ указанномъ здѣсь въ числѣ штабъ и оберъ-офицеровъ и козаковъ, а именно: кошевой атаманъ, арміи бригадиръ Захарій Чепѣга, войсковой судья, арміи полковникъ Головатый [3]), войсковой писарь арміи, подполковникъ Котляревскій, войсковой есаулъ 1, войсковой пушкарь 1, войсковой довбишъ 1, куренныхъ атамановъ 40, войсковыхъ полковниковъ 12, старшинъ: премьеръ-маіоровъ 5, секундъ-маіоровъ 9, бунчуковый товарищъ арміи секундъ-маіоръ 1, капитановъ 5, войсковой товарищъ арміи поручикъ 1, поручиковъ 21, подпоручиковъ 4, прапорщиковъ 32, есауловъ 34, сотниковъ 97, хорунжихъ 32, полковыхъ хорунжихъ (?), арміи прапорщиковъ 3, полковыхъ старшинъ 82, квартирмистровъ 6, сотенныхъ есауловъ 296, канонировъ 162, козаковъ 16173. Итого—17021.

При войскѣ состояла войсковая флотилія, въ которой было канонирскихъ лодокъ 50 и 1 яхта. На флотиліи этой было орудій:

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII за 1802—1803 года.

[2]) Полное соб. зак., т. XXIII за 1789 по 6-е ноября 1796 года.

[3]) Изъ дѣлъ Черн. войсков. правител., въ арх. по 8 опис., № 48 и 71.

Библиотека "Руниверс"

двадцатифунтовая 1, двѣнадцатифунтовыхъ 14, шестифунтовая 1, трехъфунтовыхъ 8, двадцати трехъ фунтовая 1, двадцати фунтовая 1, восемнадцатифунтовыхъ 8, двѣнадцатифунтовыхъ 12, восьмифунтовыхъ 3, всего 49.

Изъ числа означенныхъ чиновъ находилось постоянно на службѣ на флотиліи, охранявшей въ Кизильташскомъ лиманѣ и у береговъ Чернаго моря войсковые предѣлы: начальникъ флотиліи войсковой полковникъ 1, полковыхъ старшинъ 10, сотниковъ 50, каноniръ 51 и козаковъ 912; всего—974.

По ордеру генералъ-фельдцейхмейстера [1]) Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора графа Зубова, данному правителю Екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору Хорвату, отъ 23 марта 1794 года за № 549, перечислены въ козаки Черноморскаго войска изъ Екатеринославскаго намѣстничества, служившіе въ Запорожской Сѣчи и по уничтоженіи оной поселившіеся было въ томъ намѣстничествѣ: секундъ-маіоровъ 2, поручиковъ 5, полковыхъ есауловъ арміи поручиковъ 5, подпоручиковъ 2, прапорщиковъ 1, арміи прапорщиковъ 5, старшинъ 4, есауловъ, неимѣющихъ армейскихъ чиновъ 6, полковыхъ хорунжихъ 6, губернскій регистраторъ 1, козаковъ—4803. Итого—4840.

По отношенію малороссійской черниговской казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 15 ноября 1802 года за № 8720, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи Сосницкаго повѣта, села Карпльскаго, малороссійскіе козаки—48 чел. [2]).

По отношенію малороссійскаго черниговскаго губернскаго правленія и тамошней казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 3 и 29 іюля 1804 года за № 8759 и 4555, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи, Сосницкаго, Глуховскаго, Нѣжинскаго и Козельскаго повѣтовъ, малороссійскіе козаки—253 челов. [3]).

По предписанію Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье черноморской войсковой кан-

---

[1]) Изъ дѣла Черноморскаго войскового правительства, хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 8 описи 1794 г., подъ № 45.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войсков. канцеляріи 1802 года, хранящагося въ войсков. арх., по какой описи—не означено.

[3]) Изъ дѣла Черн. мор. войсков. канцеляріи 1804 года, хранящ. въ войск. арх. по 24 описи, подъ № 3.

Библиотека "Руниверс"

целяріи, отъ 5 мая 1806 года за № 1818, зачислены въ Черноморское козачье войско турецкіе выходцы изъ бывшаго Запорожскаго и Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска сто двадцать два человѣка козаковъ [1]). По предписанію Херсонскаго и Одесскаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье къ войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 4 апрѣля 1808 года за № 338, зачислены въ Черноморское козачье войско изъ упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска: оберъ-офицеровъ 7, урядниковъ 5, козаковъ 423. Итого 435 чел. [2]) Для пополненія убыли черноморскихъ козаковъ, происходившей отъ безпрерывныхъ набѣговъ черкесъ и отъ обыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, на основаніи высочайше утвержденнаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, въ 17 день марта 1808 года, за № 22902, вслѣдствіе представленія Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье, переселены и зачислены въ число козаковъ Черноморскаго войска изъ Полтавской и Черниговской губерній двадцать три тысячи восемьдесятъ восемь малороссійскихъ съ ихъ семействами козаковъ [3]).

По предписанію войскового атамана Черноморскаго войска, генералъ-маіора Бурсака, войсковой канцеляріи, отъ 5 мая 1810 года за № 998, основанному на таковомъ къ нему Таврическаго гражданскаго губернатора, генералъ-лейтенанта Бороздина, отъ 18 апрѣля того же года за № 624, зачислены въ Черноморское козачье войско упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска 50 козаковъ [4]).

По разрѣшенію командира войска 13 дивизіи генералъ-лейтенанта Рудзевича, данному войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 13 февраля 1815 года за № 121, зачисленъ въ Черноморское войско бѣжавшій отъ горцевъ рядовой 12 егерскаго полка, Афанасій Гайденко, согласно высочайшаго повелѣнія, даннаго министру юстиціи въ дополненіе къ всемилостивѣйшему манифесту, состоявшемуся въ 30 день августа 1814 года [5]).

---

[1]) Изъ дѣла Черноморской войсковой канцеляріи 1806 г., хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 15 описи, подъ № 120.

[2]) Изъ дѣла Черном. войск. канцеляр. 1808 г., хранящ. въ войсков. архивѣ по 17 описи, подъ № 63.

[3]) Полное собраніе законовъ, т. XXX, 1808 и 1809 г.г.

[4]) Изъ дѣла Черн. войск. канц. 1810 г., хранящ. въ архив. по 35 описи, подъ № 29.

[5]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1815 г., хранящ. въ арх. по 17 описи, подъ № 27.

Библиотека "Руниверс"

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, семь малорссійскихъ дворянъ и тридцать козаковъ; всего тридцать семь человѣкъ [1]).

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, два малороссійскихъ дворянина, восемь козаковъ и одинъ отставной солдатъ, всего 11 душъ [2]).

По высочайше утвержденному докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 18 день апрѣля 1820 года, за № 28241, вслѣдствіе обозрѣнія, произведеннаго Черноморскому козачьему войску начальникомъ главнаго штаба 2 арміи генералъ-маіоромъ Киселевымъ, для умноженія Черноморскаго козачьяго войска, переселены изъ Полтавской и Черниговской губерній малороссійскихъ козаковъ съ ихъ семействами двадцать пять тысячъ душъ мужескаго пола [3]).

По положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному въ 25 день февраля 1827 года за № 908, зачислены въ козаки Черноморскаго козачьяго войска 62 человѣка малороссійскихъ козаковъ [4]).

По высочайшему повелѣнію, сообщенному департаментомъ военныхъ поселеній командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, отъ 13 апрѣля 1842 года за № 1278, зачисленъ въ Черноморское козачье войско одинъ малороссійскій дворянинъ.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска зачислены въ козаки Черноморскаго войска, въ 1842 году, четыре малороссійскихъ козака.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска, въ 1848 году, зачислено въ козаки Черноморскаго войска крестьянъ и малороссійскихъ козаковъ двадцать девять душъ мужескаго пола.

По Высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 28 января 1848 года за № 415, для пополненія убыли козаковъ Черноморскаго войска зачислены въ оное изъ Полтавской,

---

[1]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канцел. 1817—1818 гг., хранящ. въ арх. по описи 35, № 58.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1820 г., хран. въ арх. по 35 описи, № 68.

[3]) Полное собр. закон., томъ XXXVII, 1820—1821 годовъ.

[4]) Полное собран. закон., томъ II, 1827 года.

Библиотека "Руниверс"

Черниговской и Харьковской губерній 2000 семействъ малороссійскихъ козаковъ, всего мужского пола семь тысячъ семьсотъ восемьдесятъ семь душъ.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра къ главноначальствующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 16 апрѣля 1848 г. за № 1576, зачислены въ козаки Черноморскаго войска, изданна пріобрѣвшіе въ войскѣ осѣдлость отставные солдаты, въ числѣ сто одного человѣка мужескаго пола [1]).

По отношенію войскового правленія Черноморскаго козачьяго войска, послѣдовавшему въ войсковое дежурство сего войска, отъ 17 іюля 1858 года за № 7436, зачислены въ козаки Черноморскаго войска дворовые люди чиновниковъ и дворянъ того войска, сначала пріобрѣтенные покупкою, а потомъ, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго въ 16 день іюня 1833 года, находившіеся во владѣніи чиновниковъ и дворянъ, согласно высочайшаго повелѣнія, объясненнаго въ отзывѣ военнаго министра къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 31 мая 1847 года за № 1810, 25 лѣтъ въ видѣ драбантовъ съ ихъ семействами; всего мужескаго пола триста семьдесятъ три души [2]).

По отношенію войскового правленія Кубанскаго козачьяго войска въ войсковое дежурство того же войска, отъ 31 іюля 1863 года за № 19142, зачислены въ козаки Черноморскаго войска 5 малороссійскихъ козаковъ, 1 выкрестъ изъ калмыковъ, 1 мѣщанскій сынъ и 1 священническій сынъ; всего мужескаго пола восемь душъ [3]).

Указомъ правительствующаго сената, отъ 10 мая 1834 года за № 7069, объявлено высочайшее повелѣніе: уволенныхъ изъ военной службы регулярной службы нижнихъ чиновъ изъ малороссійскихъ козаковъ водворять на земляхъ Черноморскаго войска при родственникахъ ихъ, по высочайшему повелѣнію переселенныхъ изъ Полтавской и Черниговской губерній въ Черноморію и, записавъ въ число козаковъ, не употреблять ни въ какія повинности, по уваженію выслуги ими въ регулярной службѣ 25 лѣтняго срока. Дѣтей же сихъ чиновъ мужескаго пола, рожденныхъ до отставки тѣхъ чиновъ, при-

---

[1]) Изъ дѣла войск. дежур. Черн. коз. войска 1848 года, хранящ. въ войск. арх. по описи 1848 г., № 107.

[2]) Изъ дѣла войск. дежур. Черномор. козач. в., хран. въ войск. арх. по описи 1847 года, № 86.

[3]) Изъ дѣла войс. дежур. Куб. к. в., хран. въ войск. арх., по описи 1863 г., № 112.

Библиотека "Руниверс"

числять къ категоріи военныхъ кантонистовъ, а дѣтей, кои родятся во отставкѣ ихъ отцовъ, записывать въ Черноморское козачье войско. Высочайшее повелѣніе это принять правиломъ и на будущее время [1]).

Кромѣ показаннаго выше увеличенія народонаселенія въ трехъ округахъ бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачьяго войска, были случаи ежегоднаго зачисленія въ одиночку изъ разныхъ званій въ козачье сословіе, исчисленіе коихъ и отысканіе самихъ документовъ, по которымъ происходило зачисленіе ихъ въ козаки, потребовало бы слишкомъ много времени.

Всего же народонаселенія, не включая сюда припращенія послѣ зачисленія въ войско вышепоказанныхъ людей, во всѣхъ округахъ бывшаго Черноморскаго козачьяго войска по 1864 годъ было семьдесятъ девять тысячъ шестьсотъ девяносто двѣ душъ мужескаго пола.

На основаніи проекта, утвержденнаго главнокомандующимъ кавказскою арміею по высочайше предоставленной ему власти, 4-го октября 1860 года, о преобразованіи Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго козачьихъ войскъ, разосланнаго по управленіямъ кавказской арміи при приказѣ отъ 13 числа того же октября за № 464 и высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ военнаго министра 22 апрѣля 1861 года, для большаго единства управленія, сообразно съ положеніемъ сѣвернаго Кавказа и съ общею системою администраціи, въ положеніи козачьихъ войскъ Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго, Черноморское козачье войско переименовано въ Кубанское и къ составу онаго присоединены со всѣмъ народонаселеніемъ 6 бригадъ бывшаго Кавказскаго ленейнаго войска. Въ бригадахъ этихъ, по присоединеніи, равно и во вновь сформированной 7 бригадѣ, было мужескаго пола сто три тысячи триста сорокъ четыре души [2]).

Въ грамотѣ, всемилостивѣйше дарованной Черноморскому козачьему войску, блаженныя памяти императрицею Екатериною Второю, въ 30 день іюня 1792 года, изображено: «Усердная и ревностная войска Черноморскаго намъ служба, доказанная въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманской, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того вре-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ IX, отдѣленіе первое 1834 года.

[2]) Изъ дѣла канцеляріи наказн. атамана Кубанскаго козачьяго войска 1860—1863 г.г.

Библиотека "Руниверс"

мени, какъ сіе войско по волѣ нашей, покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣло особливое наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе, состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію, со всею землею, лежащею по правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска Донскаго и Черноморскаго».

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящей войску и особливо на случай военный безопасный сооружены быть имѣютъ. Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ».

«На производство жалованья кошевому атаману и войсковымъ старшинамъ, по прилагаемой росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочіи по войску нужные расходы, повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублей на годъ».

«Желаемъ мы, чтобы земское управленіе сего войска для лучшаго порядка и благоустройства, сооружаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы представляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе, впалающихъ въ погрѣшности въ войскѣ; но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому».

«Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ. Всемилостивѣйше жалуемъ войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя

Библиотека "Руниверс"

ному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей доставлены».

«Губернатору Таврическому указали мы доставить войску Черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и преподавать всѣ нужнѣйя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіе двухъ недѣль могутъ приключатся, для донесенія намъ» [1]).

«Роспись жалованью ежегодно полагаемому на войско Черноморское козачье: кошевому атаману 1000 р., войсковому судьѣ 800 р., войсковому писарю 500 р., войсковому есаулу 500 р., протопопу 200 р., попу 100 р., діакону 80 р., на причетъ церковный 120 р., 40 куреннымъ атаманамъ, каждому по 40 рублей,—1600 р., пушкарю и довбишу по 40 р.—80 руб.; итого 4680 руб.»

«На содержаніе артиллеріи и жалованье козакамъ, на дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по разсмотрѣнію войскового правительства, расходы—15,020 р. Всего—20000 р.».

«Войсковымъ старшинамъ или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія войска Черноморскаго на службу отряжены, производитъ въ годъ каждому по 100 руб. Сотникамъ, есауламъ, квартирмистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска Черноморскаго, каждому по 50 р. Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по 12 руб. и провіантъ указанный, а коннымъ и фуражъ» [2]).

По прибытіи первой колонны Черноморскаго козачьго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, подъ начальствомъ бригадира Пустошкина и премiеръ-маіора Бѣлаго, по распоряженію и личному указанію бывшаго въ маѣ мѣсяцѣ 1793 года въ Усть-Лабѣ командира грузинскаго корпуса, генералъ-аншефа Гудовича, разставлены и устроены по теченію рѣки Кубани, отъ Усть Лабинскаго редута къ Бугазскому лиману, впадающему въ Черное море, слѣдующіе кордоны: 1) Воронежскій—18 в., 2) Константиновскій 9 в., 3) Александринъ 6 в., 4) Павловскій 8 в., 5) Великомарьинскій 8 в., 6) Главно-Екате-

[1]) Полн. собр. зак., т. XXIII, 1789 г. по 6 ноября 1797 г.

[2]) Полн. собр. зак., т. XLIII—ч. 12, кн. штат., отдѣл. 1, съ 1711 по 1800 г.

Библиотека "Руниверс"

ринодарскій 7 в., 7) Александровскій 6 в., 8) Елисаветинъ 7) в., 9) Елинскій 7 в., 10) Марьянскій 7 в., 11) Ново-Екатериновскій 10 в., 12) Ольгинскій 7 в., 13) Славянскій 7 в., 14) Протоцкій 8 в., 15) Копылскій 2 в., 16) Петровскій 20 в., 17) Андреевскій 19 в., 18) Григорьевскій 22 в., 19) Платоногорскій 21 в., и 20) Фанагорійскій 12 в., [1]).

Въ каждый изъ означенныхъ кордоновъ тогда же назначено по 100 вооруженныхъ козаковъ при исправныхъ чиновникахъ, а дабы имѣть большую возможность строгаго соблюденія дисциплины и порядка въ задержаніи черкесъ отъ покушеній прорываться въ Черноморію, вся кордонная линія раздѣлена на двѣ части, для завѣдыванія коими назначены начальники изъ двухъ войсковыхъ полковниковъ, которые равно, какъ и вся кордонная линія, состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи войсковаго есаула; послѣднему поручался надзоръ и за всѣми куренными управленіями. Но для пресѣченія всякихъ злыхъ замысловъ постоянно враждебныхъ сосѣдей-черкесъ и чтобы вполнѣ обезопасить кордонную линію и дать возможность спокойно водворяться и обзаводиться жителямъ ближнихъ и отдаленныхъ отъ кордонной линіи куреней домоустройствомъ и хозяйствомъ, по прибытіи послѣднихъ колоннъ черноморскихъ козаковъ, подъ начальствомъ кошевого атамана, всѣ войсковые штабъ и оберъ-офицеры и козаки, по распоряженію кошеваго атамана, водворены во вновь занятыхъ 40 куреняхъ (станицахъ), подъ тѣми же наименованіями, какія до переселенія этого существовали въ Запорожскомъ войскѣ, а именно: Екатериновскомъ, Кисляковскоиъ, Ивановскомъ Канеловскомъ, Сергіевскомъ, Динскомъ, Крыловскомъ, Каниискомъ, Батуринскомъ, Поповичевскомъ, Васюринскомъ, Низамаевскомъ, Ирклієвскомъ, Щербиновскомъ, Татаровскомъ, Шкуринскомъ, Кореновскомъ, Роговскомъ, Корсунскомъ, Калниболотскомъ, Уманскомъ, Деревянковскомъ, Нижнестебліевскомъ, Вышестебліевскомъ, Джереліевскомъ, Переяславскомъ, Полтавскомъ, Мышастовскомъ, Минскомъ, Тимошовскомъ, Величковскомъ, Леушковскомъ, Пластуновскомъ, Дядьковскомъ, Брюховецкомъ, Медвѣдовскомъ, Платнировскомъ, Кущевскомъ, Березанскомъ и Паш-

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о кордонахъ не вполнѣ согласуются съ документальными данными Кубанскаго войскового архива, а также съ тѣми болѣе точными, которыя помѣщены въ извѣстномъ сочиненіи уважаемаго исторіографа П. П. Короленка подъ заглавіемъ „Черноморцы“. Е. Ф.

Библиотека "Руниверс"

ковскомъ, а часть козаковъ поселена куренями на границѣ, при кордонахъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: Воронежскомъ 250 дворовъ, 685 муж. пола, 546 женск. пола, Константиновскомъ 195 дв. 480 м. 406 ж., Александровскомъ 107 дв., 316 м. 269 ж., Павловскомъ 109 двор., 320 м. п., 275 ж. п., Великомарьинскомъ 289 дв., 768 м. п. 646 жен. п., въ гор. Екатеринодарѣ 365 дв., 916 м. 769 ж., Александровскомъ 50 дв., 132 м. п., 116 ж. п., Елисаветинскомъ 39 дв., 93 м. п., 62 ж. п., Елинскомъ 47 дв., 119 м. п., 91 ж. п., Марьянскомъ 125 дв., 306 м. п., 221 жен. п., Ново-Екатеринославскомъ 226 дв., 630 муж. 597 жен., Ольгинскомъ 39 двор. 95 муж. п. 70 жен. п., Славянскомъ 54 дв., 129 муж. 98 жен. п., Протоцкомъ 43 дв., 97 муж. п., 81 жен. п., Копыльскомъ 76 дв., 211 муж. п. 173 жен. п., Петровскомъ 65 дв., 175 муж. п., 116 ж. п., Андреевскомъ 77 дв., 174 муж. п., 110 ж. п., Григорьевскомъ 112 дв., 313 муж. п. 267 жен. п., Платоногорскомъ 119 дв., 350 муж. п., 293 жен. п., Фонагорійскомъ 34 дв., 91 муж. п., 59 жен. п., Итого 2421 дв., 6400 муж. п. и 5265 жен. п. Главное управленіе въ войскѣ тогда называлось войсковымъ кошомъ и находилось подъ главнымъ начальствомъ кошевого атамана. Въ немъ присутствовали: кошевой атаманъ, войсковой судья и войсковой писарь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ съ войсковыми старшинами, полковниками, бунчуковыми товарищами и куренными атаманами, для лучшаго и удобнѣйшаго соблюденія строгаго порядка по управленію войскомъ въ общемъ совѣтѣ, состоявшемся 1 января 1794 года, постановили нижеслѣдующій протоколъ: Вѣрнаго императорскаго войска Черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску [1]).

Порядокъ общей пользы.

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійсеой, монаршимъ благоволеніемъ блаженныя и вѣчно—достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ фельдмаршаломъ священныя Римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска Черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными ко

[1]) Изъ дѣла Черномор. войскова. капит. 1796—1816 г.г., хранящ. въ войсковомъ архивѣ.

Библиотека "Руниверс"

управленію имъ въ начальники, нынѣ воспоминая первобытное сего войска подъ названіемъ Запорожцевъ состояніе и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества материнскимъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ нечаяннаго новаго почтеннѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, и съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, поставляемъ отнынѣ навсегда: первое—по Божіему и монаршему правосудію, за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ воображать, а второе, ощущая Божія и монаршія благодѣянія, излиянныя на насъ и войско Черноморское, яко неоцѣненный даръ, свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества грамоты въ 30 день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь изданному отъ ея императорскаго величества учрежденію о управленіи губерній устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1. Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

2. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ при рѣкѣ Кубанѣ, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнедательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его Екатеринодаръ.

3. По войсковой дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, во градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ: Екатерининскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергіевскій, Динской, Крилевскій, Каневскій, Батурынскій, Поповичевскій, Васюренскій Незамаевскій, Ирклѣевскій, Щербиновскій, Титаревскій, Шкуренскій, Корнѣевскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболоцкій, Уманскій, Джереліевскій, Деревянковскій, Нижнестебліевскій, Вышестебліевскій, Переяславскій, Полтавскій, Мышастовскій, Мѣнскій, Тимошевскій, Велич-

Библиотека "Руниверс"

ковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведьмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущевскій, Небержанскій, по плану, да и войско поселить при границѣ куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куренію, по жребію, принадлежать будетъ.

4. Въ куренѣ избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года іюня 29-го числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5. Куренные атаманы долженствуютъ въ куренихъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выставленіе и случающіяся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженой сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное осужденіе войсковому правительству.

6. Всѣ обрѣтающіеся у войска старшины безъ должности, какого бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариществу, напротивъ чего и атаманы съ товариществомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность, старшинъ и козаковъ въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество Всероссійскаго престола дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ—да почитаютъ.

7. Для заведенія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгодѣйственному спокойствію благоустроеннаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завести окружныя правленія подъ названіемъ таковымъ: первое при р. Кубани, между козачьимъ ерикомъ и Усть-Лабинской крѣпостью, въ г. Екатеринодарѣ—Екатеринодарское; второе, отъ Чернаго моря до Чернаго ерика на Фанагорійскомъ островѣ называемой Таманѣ,—Фанагорійское; третье, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Челбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, Бейсугское; четвертое, отъ рѣки Челбасъ до рѣки Еи, при устьѣ ея, Ейское, и пятое, при границѣ отъ стороны Кавказскаго намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ за способнѣе будетъ, Григорьевское.

8. Для управленія округами, въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и, на должность приведя ихъ къ присягѣ, велѣть имъ, исключая перваго Екатерино-

Библиотека "Руниверс"

дарскаго округа, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко-то: Фанагорію, Бейсу, Ейской и Григорьевской, а села всѣ населить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимся изъ разныхъ мѣстъ сего войска военными людьми и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружные печати съ гербами, по приличію округовъ свойственными, яко-то: на Екатеринодарской, такъ такъ на границѣ противу врага имени христіанскаго,—козакъ водрузившій ратище въ землю, и приложа къ нему вмѣсто присошковъ, ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющій, на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсуговской—рыба; на Ейской—козакъ, при границѣ единовѣрныхъ, съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу,—въ пикетѣ козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9. Окружныя правленія и командиры долженствуютъ по насылаемымъ отъ атамана кошевого и войскового правительства письменнымъ повелѣніямъ, чинить непремѣнное и немедленное исполненіе, безъ малѣйшаго упущенія.

10. Окружныя правленія имѣютъ попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ. А имѣющіеся лѣса и родючее дерево да сохранятъ отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ, въ цѣлости къ общей войсковой пользѣ. Также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовольствія; свирѣпыхъ укрощать, злонравныхъ исправлять, сироть и вдовъ защищать и во всемъ имъ помогать; лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію; для распространенія семейнаго житія, холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, непокоряющихся власти и непочитающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія, штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному осужденію присылать въ войсковое правленіе.

11. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневные, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12. Окружныя правленія долженствуютъ имѣть прилежное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и ко-

Библиотека "Руниверс"

заки, имѣя въ себѣ на каждую мужескаго пола душу военное оружіе во всякой чистотѣ и исправное, на случай наглаго военнаго времени или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей, непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а неимущественные пѣше къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности, чтобы на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ, ѣздить, ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонять, безъ военнаго орудія никто недерзалъ, и кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать.

13. Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ, и гдѣ надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности.

14. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ, сохраняема была чистота, и на случай пожара имѣли къ тушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры долженствуютъ, съ подчиненными имъ старшинами и козаками, стараться всѣхъ переловить и стослать къ законному осужденію, какъ и передержателей въ войсковое правительство при рапортѣ.

16. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотчасъ, зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностью, дабы зараженные съ здоровыми отнюдь не совокуплялись и съ подробнымъ объясненіемъ, откудова таковое зло возымѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17. При случаяхъ, въ тѣхъ округахъ, скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное зло истребить, чрезъ кого слѣдуетъ увѣдавъ о томъ, подробно тотчасъ рапортуютъ атаману кошевому и войсковому правительству, и, отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, а съ палаго кожи не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы, и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ, выѣзжать, такъ и въ оное со стороны съ здоровымъ скотомъ, въѣзжать запретить, покудова отъ заразы тое мѣсто освободится.

Библиотека "Руниверс"

18. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла. А ежели съ сихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполнителями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безпорочны, то таковыхъ, уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время. А которые окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ не дожидаясь года, въ то самое время когда увѣдано будетъ перемѣна другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19. Съ начала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю недавно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну, за вѣру, отечество и сію землю дѣйствительно лично служившимъ, кровь проливавшимъ и тѣмъ вольность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы; при тѣхъ дворахъ, хуторахъ и мельницахъ заводить лѣса, сады, виноградъ, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ-наставникамъ и попечителямъ о общихъ сего войска благахъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить позволяется и опредѣлить имъ земли, по прилагаемой у сего росписи.

21. Старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ волп выйтить дондеже долгъ хозяину возвратитъ.

22. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни, не употреблять.

23. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобы до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землю не утѣснялъ.

Библиотека "Руниверс"

24. Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей и постороннихъ россійскихъ людей, отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служившіе старшины, съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ искалѣченныхъ и малолѣтнихъ, къ службѣ не годныхъ, словомъ сказать, всѣ безъ изъятія долженствуютъ, со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ пораженію непріятеля имущественные конно, а неимущественные пѣше, быть на каждый часъ во всей готовности.

25. Войсковой есаулъ долгъ имѣетъ, на границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ округныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошевого и войскового правительства были выполняемы въ точности безъ малѣйшей отмѣны. И ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, съ подробнымъ поясненіемъ его винности, для чего отъ кошевого давать ему о томъ полныя наставленія.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству и любовію ко всему нашему обществу, почитая для долгоденственнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ на войсковой землѣ возстановляя, надѣемся, что наше войсковое общество приметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея императорское величество благодарственныя молитвы, посвятить себя въ непремѣнномъ исполненіи на всегда благополучной градъ Екатеринодаръ. 1794 года, января... Подлинное подписали: атаманъ кошевой, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковой судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковой писарь, арміи подполковникъ Тимофей Котляревскій».

Въ каждомъ куренѣ (станицѣ) мѣстное управленіе составляли: куренной атаманъ, сельскій атаманъ и сельскій смотритель. Первый изъ нихъ, равно какъ и всѣ прочіе, отъ сорока куреней, куренные атаманы участвовали во всѣхъ совѣщаніяхъ кошевого атамана и войсковаго правительства, какъ-то: командированіе козаковъ на пограничную службу и флотилію и всѣ вообще по войску наряды внутренней службы; эти же куренные атаманы приводили въ исполненіе всѣ дѣлаемыя имъ порученія и предписанія чрезъ сельскихъ смотрителей и сельскихъ атамановъ. Для занятія сихъ послѣднихъ и куренныхъ

Библиотека "Руниверс"

сходокъ въ каждомъ куренѣ существовало мѣстное управленіе подъ именемъ куренной или сельской избы.

Порядокъ куреннаго управленія существовалъ сначала поселенія войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1-го числа апрѣля 1801 года, а сего числа назначенный по высочайшему повелѣнію первоприсутствующимъ въ войсковую канцелярію, генералъ-лейтенантъ Кирѣевъ, предложилъ войсковой канцеляріи за № 106: «такъ какъ всѣ куренные атаманы отъ 40 куреней, вопреки своего назначенія, отвлечены отъ своихъ жилищъ и лежащихъ на нихъ обязанностей, проживаютъ въ г. Екатеринодарѣ безъ всякой надобности, то немедленно отправить куренныхъ атамановъ въ курени по принадлежности, со строгимъ приказаніемъ смотрѣть за благоустройствомъ и трудолюбіемъ козаковъ, такъ какъ они находясь въ Екатеринодарѣ, отвлекаются отъ своего назначенія». Распоряженіе это по журналу войсковой канцеляріи 2 числа того же апрѣля приведено въ исполненіе. Но и по возвращеніи куренныхъ атамановъ въ свои курени составъ куреннаго управленія остался прежней, т. е. изъ куреннаго атамана, сельскаго атамана и сельскаго смотрителя до высочайше утвержденнаго въ 26 день апрѣля 1827 года положенія объ управленіи Черноморскимъ козачьимъ войскомъ [1]).

При вышеприведенномъ протоколѣ «Порядка общей пользы» приложенъ слѣдующій штатъ: «Штатъ по должности атамана кошевого и войскового правительства къ исполненію письменныхъ дѣлъ должнаго служенія опредѣленнымъ чинамъ съ положеніемъ имъ въ жалованье и на канцелярскіе расходы 2000 р. денегъ. Учиненъ 1 января 1794 г.

Экспедиціи и чины—число людей и жалованье имъ въ годъ.

1) По должности атамана кошевого письмоводитель 200 руб., повытчикъ 100 р., писарей 2 по 50 р.—100 р., въ войсковомъ правительствѣ:—секретарь 200 р. Въ отдѣленіи, въ которомъ паспорты и билеты: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Въ разныхъ воинскихъ, казенныхъ и гражданскихъ дѣлахъ: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Уголовнаго преступленія дѣла: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. У дѣлъ по разнымъ публикаціямъ: повытчикъ 100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Архи-

[1]) Изъ дѣла черноморской войск. канцеляріи за 1801 г., хранящ. въ войск. архивѣ по 10 описи, № 66.

Библиотека "Руниверс"

варіусъ—100 руб. Для канцелярскихъ расходовъ, на покупку дровъ и на сторожа 500 р. Итого 18 чел.; всѣмъ—2000 руб.

Именемъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 18-го октября 1799 года адмиралтейской коллегіи [1]) предписано: построить вновь при войскѣ черноморскихъ козаковъ гребную флотію, а именно: 50 лодокъ, 1 яхту и 5 баркасовъ. На постройку эту и вооруженіе опредѣлено изъ суммъ государственнаго казначейства отпустить 620103 р. 40 3/4 к. и на содержаніе флотиліи ежегодно отпускать 31621 р. 41 к., но былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ указъ и когда—свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ бывшей Черноморской войсковой канцеляріи, находящихся въ войсковомъ архивѣ, не отыскано, по случаю уничтоженія войсковымъ правленіемъ Кубанскаго войска многихъ дѣлъ прежняго времени въ 1863 и 1864 годахъ. Нѣтъ также свѣдѣній объ этомъ и въ полномъ собраніи законовъ съ 1799 года по настоящее время.

Послѣ этого Новороссійскій военный губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, ордеромъ отъ 12 іюля 1802 г. за № 554, далъ знать войсковому атаману Черноморскаго войска полковнику Бурсаку, что такъ какъ войсковая флотилія отъ давняго и постояннаго употребленія оной пришла въ ветхость и къ употребленію негодна, то по всеподданнѣйшему его представленію для охраненія войсковыхъ береговъ Чернаго моря и предупрежденія покушеній морскихъ разбойниковъ изъ черкесъ на приморскіе войсковые предѣлы, всемилостивѣйше подарены Черноморскому козачьему войску десять новыхъ канонирскихъ лодокъ, вновь выстроенныхъ при Николаевскомъ адмиралтействѣ въ полномъ вооруженіи, съ 20 на нихъ орудіями, со всѣми принадлежащими къ нимъ зарядами и снарядами. Лодки эти, по распоряженію начальника Черноморскаго флота адмирала Мордвинова, 18 августа того же года флота капитанъ-лейтенантомъ Делегатомъ доставлены въ г. Тамань и сданы назначенному войсковою канцеляріею для принятія ихъ капитану Животовскому и затѣмъ употреблены по высочайшему назначенію [2]).

Когда именно войсковая флотилія уничтожена и по какому случаю—свѣдѣній въ дѣлахъ, нынѣ находящихся на храненіи въ войсковомъ архивѣ, не отыскано и упомянутая флотилія въ годовомъ от-

---

[1]) Полное собр. закон., т. XXV 1798—1799 годовъ.

[2]) Изъ дѣлъ черном. войск. канц. 1802 г., хранящ. въ войск. арх. по 11 описи, подъ № 226.

Библиотека "Руниверс"

четѣ о состояніи Черноморскаго козачьяго войска, представленномъ наказнымъ атаманомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства при рапортѣ отъ 1 февраля 1836 года за № 251, уже незначилась.

По переселеніи Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1803 г. въ войскѣ штатныхъ полковъ и командъ не было, а таковыя составлялись по военнымъ обстоятельствамъ и по высочайшимъ повелѣніямъ. Такъ, напримѣръ, были составлены въ 1794 году два конныхъ полка пятисотеннаго состава каждый, по образцу полковъ войска Донскаго, и командированы, подъ начальствомъ кошевого атамана арміи бригадира Чепѣги, для участвованія въ послѣдней польской компаніи; въ 1796 году, по случаю войны Россіи съ Персіею, были составлены два пятисотенные пѣшіе полка и командированы въ Персію подъ начальствомъ войскового судьи арміи бригадира Головатаго. Полки эти по окончаніи войны возвращены въ войско.

Всемилостивѣйше дарованною Черноморскому козачьему войску императоромъ Павломъ I-мъ въ 16 день февраля 1801 года грамотою, предписано по войску Черноморскому, вмѣсто войскового правительства, учредить войсковую канцелярію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1-е) въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска Черноморскаго: войсковому атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, по высочайшимъ повелѣніямъ назначеннымъ; 2-е) отъ сей канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ за благоустройствомъ, правосудіемъ и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ; 3-е) учредить зависящія отъ канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для дѣлъ гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для дѣлъ казенныхъ, четвертую для дѣлъ межевыхъ, пятую для полиціи и шестую — ссыскнаго начальства, соотвѣтствующую земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ Черноморскаго войска пристойному числу членовъ; 4-е) экспедиціи сіи, производа дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и высочайше довѣренной особѣ и, доколѣ утверждены не будутъ, исполнять оные не долженствуетъ; 5-е) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ установленій Россійской имперіи; 6-е) дѣла по гражданской части на апелляцію вносить въ правительствующій сенатъ, а по военной относиться въ военную кло-

Библиотека "Руниверс"

легію; сообразно съ этимъ и уголовныя дѣла вносить на ревизію, по роду ихъ и принадлежности, того или другаго правительства, представляя прежде приговоры по нимъ на разсмотрѣніе высочайше довѣренной особѣ; 7-е) къ судейскимъ должностямъ опредѣлять способныхъ и благонадежныхъ людей на годъ; 8 е) канцелярію и ея экспедиціи снабдить по распоряженію войсковой канцеляріи служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго дѣлопроизводства потребно; 9-е для охраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ законнаго удовлетворенія высочайше повѣлено быть при войсковой канцеляріи прокурору.

Библиотека "Руниверс"

ЛАНКАСТЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ВЪ КІЕВѢ.

(ок. 1820 г.)

ЗАПИСКА

Ивана Романовича Мартоса.

Библиотека "Руниверс"

Печатаемая здѣсь *Записка* Ив. Ром. Мартоса [1]) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о введеніи въ Кіевѣ Ланкастероваго метода обученія въ низшей школѣ. Изъ этой записки видно, что едва ли не въ Кіевѣ былъ сдѣланъ и первый опытъ обученія по этому методу, причемъ послѣдній былъ введенъ здѣсь извѣстными генералами Н. Н. Раевскимъ и М. Ф. Орловымъ, которые, повидимому, познакомились съ Ланкастеровымъ методомъ во время похода во Францію въ 1814 году. Записка Мартоса написана, какъ кажется, послѣ 1819 г., когда введена была Ланкастерова метода въ Петербургскихъ училищахъ, трудами главнымъ образомъ Герда.

---

[1]) О Мартосѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., октябрь, 48—71.

Библиотека "Руниверс"

Ланкастерское училище въ Кіевѣ (ок. 1820 г.). Записка Ивана Романовича Мартоса.

Любопытство, соединенное съ чувствомъ благоговѣнія, привело меня въ городъ Кіевъ, знаменитый своею древностію какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ гражданскомъ. Я не стану описывать здѣшнихъ древностей, заключающихся въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ мощахъ и въ прочихъ достопамятностяхъ, составляющихъ исключительно священную принадлежность Кіева. Для сего нужно имѣть досужество и отличныя дарованія, дабы въ достойныхъ чертахъ изобразить картину первобытныхъ временъ христіанства нашего, совокупно съ обожаемыми сподвижниками онаго; но признаюсь чистосердечно, что потребныхъ для таковаго произведенія качествъ у меня недостаетъ. Я коснусь перомъ моимъ нѣкотораго новаго предмета, обворожившаго меня при первомъ его обозрѣніи: это есть кіевское военно-сиротское отдѣленіе, или, лучше сказать, введенный въ оное *порядокъ взаимнаго ученія*, Ланкастеромъ изобрѣтенный, приспособленный весьма удачно нетокмо къ чтенію и письму, но и къ ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, катехизису и священной исторіи. Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя несказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную благотворный свѣтъ солнца.

Пріятно было бы мнѣ служить читателямъ подробнымъ описаніемъ порядка сего въ самомъ его выполненіи, переходя отъ первой степени, въ которой начинается ученіе, до послѣдней, въ которой приготовляются избранные къ учительскимъ должностямъ; какія

Библиотека "Руниверс"

важныя дѣйствія совершаютъ въ ономъ самыя простыя вещи, какъ-то: песокъ, свистокъ, прутикъ, колокольчикъ, походъ и хлопанье въ ладоши; но сверхъ того, что все сіе описано уже предварительно, частію въ прежнихъ листахъ русскаго инвалида, а частію въ особыхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для распространенія порядка взаимнаго ученія,—человѣкъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на короткое время для богомоленія, столько имѣетъ развлеченій, что долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не углубляясь въ сокровенныя подробности оныхъ.

Съ перваго взгляду показывается, будто видишь предъ собою большое число машинъ, движущихся по звукамъ свистковъ, колокольчиковъ и прочаго, а не собраніе школьниковъ, приходящихъ въ учебный домъ для продолженія своихъ наукъ, числомъ до 1800 человѣкъ. Но когда по опытамъ я замѣтилъ, что лучшій ученикъ, примѣрно въ 11 лѣтъ, каковыхъ тамъ есть очень много, управляетъ другими, гораздо большій возрастъ имѣющими, тогда легко мнѣ было увѣриться, что сей образъ ученія, машинальнымъ кажущійся, никакъ нестѣсняетъ врожденныхъ дарованій; а вмѣсто того, чрезъ соревнованіе, награжденіемъ и постыдѣніемъ возбуждаемое, споспѣшествуетъ развитію оныхъ по всей возможности. Учащійся пользуется купно и наукою и движеніемъ, обращая вниманіе на разные предметы, кои взаимно помогаютъ ему вскрывать свои душевныя способности. Отличный ученикъ можетъ пройти въ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ восемь классовъ, оставляя прочихъ на половинѣ пути своего, и сіи не въ состояніи препятствовать ему въ его преспѣяніи. Не безъ удовольствія можно видѣть въ этой школѣ нѣсколько человѣкъ служивыхъ, пожилыхъ уже лѣтъ, чертящихъ на пѣскѣ буквы на ряду съ прочими школьниками, по изъявленному ими желанія пріобрѣсти искусство читать и писать: они хотятъ оправдать собственнымъ опытомъ извѣстное мнѣніе, что никогда не поздно начинать хорошее дѣло, сколь скоро надобно приводить его въ дѣйствіе. Удобность, съ каковою мальчикъ, вступающій въ школу сію, начинаетъ пріучаться къ правильнымъ оборотамъ и прочимъ тѣлеснымъ движеніямъ, успѣвая въ оныхъ свободно, безъ принужденія, нечувствительнымъ образомъ, играючи, позволяетъ сказать, что едва-ли другая какая либо наука можетъ съ большею удачею приспособлять молодыхъ людей къ военному строю, какъ наука взаимнаго ученія. А поспѣшность, съ каковою здѣсь научаются читать, писать, считать и рисовать, также играючи, также безъ большихъ пожертвованій, представляетъ способъ взаимнаго ученія

Библиотека "Руниверс"

самымъ выгоднымъ для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ, по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ. Дѣйствительно теперь наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землѣпахарей, бывъ удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго. Кажется, медленной ходъ ученія, по селеніямъ нынѣ преподаваемаго приходскимъ причтомъ, съ одной стороны можетъ содѣлывать всякое расположеніе, къ образованію поселянъ относящееся, недѣйствительнымъ; а съ другой, допускаетъ признавать Ланкастеровъ порядокъ быстротекущимъ источникомъ народнаго просвѣщенія, которое весьма много требовало пожертвованій въ обширныхъ нашихъ провинціяхъ.

Обратимся къ виновникамъ сего новаго введенія. Ежели справедливо, что *порядокъ взаимнаго ученія*, принятой въ Россіи въ 1817 году, первоначально показался въ Кіевѣ, потомъ уже въ С:П:бургѣ и въ другихъ губерніяхъ, какъ русскій инвалидъ въ № 85-мъ увѣряетъ насъ, то сіе можно брать въ разсужденіе съ весьма выгодной стороны. Кому неизвѣстно, что христіанское ученіе, равномѣрно заимствованное изъ внѣ, также получило свое начало въ Кіевѣ при великомъ Владимірѣ, который разліялъ сей свѣтъ отъ береговъ Днѣпра до береговъ Волхова, нелишая спасительныхъ лучей онаго ни малыхъ, ни большихъ областей своея великія державы? Подобно тому въ наши дни разлилось обильными струями народное просвѣщеніе при Александрѣ, который далъ ему чрезвычайное превосходство противу прежняго, содѣлавъ его всеобщимъ для своихъ подданныхъ, неисключая ни рода, ни пола, ни состоянія, ни возраста. Самое введеніе Ланкастерова порядка никогда не могло бы быть допущено, ежели бы непослѣдовало на сіе высочайшаго соизволенія. И такъ, да будетъ успѣхъ народнаго просвѣщенія столь же счастливъ при Александрѣ, сколь счастливъ былъ успѣхъ христіанскаго просвѣщенія при Владимірѣ!

При таковыхъ желаніяхъ очевидцы достойную честь приписуютъ корпусному генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генеральнаго штаба генералъ-маіору М. Ф. Орлову, яко главнымъ основателямъ здѣсь новыхъ правилъ взаимнаго ученія. Поводомъ къ тому служило, говорятъ, жалостное состояніе, въ какомъ нашли они сіе отдѣленіе по принятіи начальства, гдѣ солдатскія дѣти, въ наукахъ своихъ упражнявшіеся по нѣсколько лѣтъ, неумѣли ни читать, ни писать поря-

Библиотека "Руниверс"

дочно. До чувствительности тронутый таковою оплошностію генералъ Раевскій, какъ человѣкъ, одушевляемый и въ мирныхъ упражненіяхъ по службѣ тою же любовію къ отечеству, каковою пламенѣлъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля, призналъ онъ удобнымъ случаемъ найденную неисправность обратить въ пользу учащихся такимъ образомъ, чтобы тотъ же часъ ввести въ употребленіе *порядокъ взаимнаго ученія*, вывезенный изъ Франціи. Наука сія съ начала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ, а послѣ того получены изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на руской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ въ 1817 году. Недовольно сего: надобно было хлопотать о людяхъ, кои могли бы вмѣстить новыя впечатлѣнія, для преподаванія наукъ по новымъ правиламъ. Все сіе составляло чрезвычайную заботу для начальника генеральнаго штаба, наипаче при недостаткѣ способныхъ людей, въ которыхъ настояла необходимая надобность. Но какъ начинаніе добрыхъ дѣлъ никогда неостается безъ увѣнчанія хорошимъ успѣхомъ, то подобнымъ образомъ и генералъ-маіоръ Орловъ, послѣ многихъ пожертвованій своими трудами, своимъ просвѣщеніемъ и самымъ иждивеніемъ своимъ, достигъ наконецъ до той вожделѣнной цѣли, что возвелъ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе на желанную степень совершенства. Кто не повѣритъ, что безъ таковыхъ усилій новый порядокъ взаимнаго ученія могъ бы существовать здѣсь въ одномъ только умозрѣніи? Но кто-жъ и не порадуется, когда узнаетъ что по поводу сему кіевское военно-сиротское отдѣленіе выиграло найлучшее положеніе, составляя нынѣ въ Россіи, такъ сказать, матку взаимнаго ученія, сколь скоро взять во вниманіе нижеслѣдующія причины: 1-е, что правила сей науки здѣсь показались прежде, нежели въ другихъ нашихъ провинціяхъ, 2-е, что сюда присылаются изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ ученики, для приготовленія ихъ къ новымъ таковымъ же заведеніямъ и 3-е, что здѣсь же приготовленные учители открыли уже классы по новому порядку взаимнаго ученія въ Москвѣ, въ Могилевѣ и въ Херсонѣ. Какъ пріятны должны быть таковыя распространенія для трудившихся въ первомъ начинаніи!.. При семъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость инженерному штабсъ-капитану Прасолову, надъ всѣми классами дирекцію имѣющему, который столько благопріятствуетъ посѣтителямъ въ наблюденіяхъ, что совершенно удовлетворяетъ ихъ любопытству; да и прочіе учители, кажется, преисполнены ревнованіемъ содѣйствовать благодѣтельному

Библиотека "Руниверс"

намѣренію высшей власти, въ разсужденіи просвѣщенія своихъ учениковъ, яко будущей, несомнѣнной надежды отечества.

Надѣюсь подобные мнѣ посѣтители города Кіева, послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ, увлекаемы будучи силою своего любопытства, придутъ въ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ Печерской крѣпости, дабы видѣть въ самомъ дѣйствіи тотъ быстрый потокъ ученія, который въ ономъ разливается по новымъ правиламъ. Они могутъ видѣть его и заимствовать нужное. Но да не помыслятъ, чтобы я предложилъ изъясненіе сіе по какимъ либо личнымъ видамъ. Одно чувство признательности къ виновникамъ сей общеполезной новости, свойственное всякому сыну отечества, управляло слабымъ перомъ моимъ. Да съ умноженіемъ добрыхъ дѣлъ въ наши достопамятныя времена, пусть умножается въ нѣжныхъ сердцахъ и чувства живѣйшей благодарности къ тѣмъ отличнымъ особамъ, которые того достойны бываютъ.

Библиотека "Руниверс"

Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведеніе XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ пінтикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventuti Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata)[1]), помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой,—тоже пінтикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году[2]),—оно находится непосредственно послѣ текста пінтическихъ правилъ de poësi tragica et comica (л. л. 67—75 на обор.). Declamatio состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій)[3]) и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудріи*, *чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *господствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *кичанія Бахусова пьянства*.

---

[1]) По каталогу семинарской библіотеки, составленному въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ Б. 867. О. 2.

[2]) По тому же каталогу, подъ значкомъ Б. 868.

[3]) Въ самой Declamatio нѣтъ дѣленія на дѣйствія, и ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Библиотека "Руниверс"

Первую часть составляетъ продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемыя ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ Цѣломудріемъ. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомлянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ Цѣломудріе и Чистоту въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вездѣсущій зритъ ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пьяницъ. Онъ развертываетъ картину широкаго пьянства.

Какъ бы къ большему огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ Бахусъ, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америки и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. Бахусъ, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ паѳосомъ перечисляетъ свои услуги человѣчеству, и особенно распространяется о своемъ превеликомъ праздникѣ-маслинѣ, во время которой его наиболѣе почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпилогъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южнорусскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741—2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ за-

Библиотека "Руниверс"

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ [1]). Туже цѣль имѣетъ и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ—«Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года» [2]). Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ кіевская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистеріальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью [3]).

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе пріемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудріи въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Канисскаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескораго воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ [4]).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаетъ ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, какимъ слѣдовала южно-русская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею,—и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

[2]) Издана проф. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. III, с. 39—58.

[3]) Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

[4]) См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43: 46—47; 55—58.

Библиотека "Руниверс"

нашей Declamatio былъ Мануилъ Базилевичъ [1]), питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Конисскаго [2]), написавшій ее, будучи профессоромъ піитики въ Смоленской коллеліи, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателеи, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
О предложенныхъ вещахъ обявить имѣемъ.
А обявить хощемъ не о чесомъ иномъ,
Но о добродѣтели, каи господиномъ
Есть великимъ всякому всегда человѣку,
Еиже кто держится до своего вѣку,—
Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
Сіестъ здраваго ума егда кто бываетъ,
Кнейже и чыстота прысовокупленна,
Отъ нечыстоти суще весма обиженна,
И о удивленіи великаго пьянства
Такожъ о киченіи Бахусова панства.
Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
О семъ быть внимательнымъ покорно вмоляемъ.
(Выходятъ ангели и поютъ канты) [3]).

Цѣломудріе

обиженное отъ гордости внутрной печалится и ускаржается.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весма унываю!
Горе жъ, яко боліе уже жыть не чаю!

---

[1]) Піитика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его піитика 1754—5 г.

[2]) По всей вѣроятности, Базилевичъ вмѣстѣ съ другими былъ присланъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[3])См. ниже.

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, горе, какъ въ несносной зостаю печали,
Ибо жалъ серце мое пронзаетъ немалый,
Пронзаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
Ахъ! недоумѣваю, что чынитъ съ собою?—
Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
Которы истѣкаетъ з пекелнаго ада.
Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
Откуду мнѣ ключися сіа перемѣна?
Не цѣломудралъ была, ничимъ осквернена?
Нынижъ, аки изгребіе есмь уничтоженна...
Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
Была, но, аки слонца липота всезрима
Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
Но днесъ пребываю, якъ скверна тынъ попранна:
Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмъ отвсюду,
Не точію же отвнѣ, но и сквозъ внутръ уду.
Не была лъ въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
Первымъ баше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
Лики превозхождаше вся во оной славѣ,
Юже по превосходству имѣяше явѣ,
Слава же ему баше,-слава бысть толика,
Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ баше владика.
Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
Какъ имѣти жылище въ Херувимскомъ неби?
Но покусися еще болшой искать славы:
Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
Аки бы не трезвеннымъ умомъ пребываше,
Что недостойно ему, всегда то желаше.
Возимѣ себѣ злую толъ гордостъ премногу—
Рещы не устыдыся: равенъ буду Богу,
Сожизду престолъ горѣ и сяду въ чертозѣ,
И вся мнѣ власты будутъ корытысъ подъ нозѣ.
Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тои дары,
Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
Посрамленъ же погрязе въ пренсподнимъ морѣ,
И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоежде мыслящымъ,
Въ равенствѣ жизнъ з господемъ имѣти хотящымъ,
Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

Библиотека "Руниверс"

Въ глубину неисходну адскую пріидоша;
За кую гордость будутъ в вѣкъ тамъ пребывати,
По своей отдалившесъ воли благодати.
Ахъ, горе мнѣ! не была лъ въ первомъ человѣцѣ,
Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
Надъ всякимъ животнымъ. на земли живущимъ,
Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущымъ?
Въ его же власти были не точію скоты,
Но которіе биху и вящшей доброты
Высоко парящые небесные птицы,
Различнаго естества бываютъ колицы.
Бысть же райскому жителъ прекрасному саду,
Въ немъ же имѣлъ паче всѣхъ веливу отраду,
Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ бише земнымъ богомъ.
Но мя, цѣломудріе, оный отрынувый
Обрытеся ко гневу Бога воздвигнувый,
Зане прелстися онымъ врагомъ гордолювымъ,
Иже предъ создателемъ явися строптивымъ,
Покусися отъ древа краснаго вкусити,
З зависты болшу хотяй славу улучити.
Ахъ, горе! не разсудивсъ и сей такъ съ собою,
Чтобы неявитися гордости злобою!
Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доволный,
Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
Довлѣло ему было знать, что естъ преблаго,
А не высокоумить, довѣдуясъ злаго.
Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
Но пребысть не отмѣненъ знать добро и злы;
Тѣмже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
За что всея радости райскія лишыся.
Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
Что мене обиждаетъ гордостъ возносима,
Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
Почти не вси начали мене оставляти!
Не родъ ли Божи бише Израилъ реченны,
Но безъ цѣломудріи и сей ослипленъ

Библиотека "Руниверс"

Іисусъ. Вспиль пресладчайшу имѣяше манну,
Пречудеснымъ образомъ съ небесе поданну,
Чрезъ море не мокренно преидоша по суху,
Чуднѣе летающихъ отъ птицъ по воздуху;
И не отъ камени ли живу воду пиша,
И во всякомъ довольствѣ насыщенны быша?
Но не благодарніи явилисъ и сими,
Господеви своему рабы неключимы,
Уклонившеся въ гордость, идолы почтыли;
Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
Телца единодушна почтили за Бога,
Иже бысть изліянни отъ злата премнога;
И Богу сотворенны за вражды такія
Отъ зміевъ себѣ, смерти достигнули злыя.
Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
А нынѣ обыватель бываетъ геенны!
Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
Зане суть человѣцы еще въ то злой воли:
Боговъ мертвыхъ множайшыхъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
Отъ гордости вражіей имуть то на мнозѣ,
Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
Не толкожъ сіи правди Господа незнаютъ,
Но и хрыстіяне суще не такъ почытаютъ,
Какъ требѣ; о прочіихъ зказати есть диво:
Въ православіи суще держатъ вѣру криво:
Называютъ рускую вѣру весма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту.
Правда, хочаи предано во оной есть много,
Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
А въ рымской-литаніи есть едина толко,
Да еще прыдается и пацѣръ [1]) посколко?
Спрежджъ сего не было: бысть вѣра едина
Съ нами; но ихъ отвела самая гордыня
Отторгнутисъ восточной отъ церквѣ Христовой,
И бытъ въ своей ересной злобѣ непстовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже, окруженны

[1]) По рукописи второй: „патеръ“.

Библиотека "Руниверс"

Многою гордистію, сутъ ума лишенны!..
Не отрынувше лъ мене, панство потерали
Греки, что церкви Божой на прагъ вдезжали:
Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно ириступати,
Но гордостно не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?
И прочіи такожде, егда мя забыша,
Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудише,
Денно нощно думаютъ паче о маммонѣ,
Нежели авраамли почити на лонѣ,
Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
Что злюбилосъ въ оного, толко бы добыти;
И аще бѣдный станетъ за свою обиду,
Но никоего правды неизыщетъ виду,
Зане гордъ богачъ речетъ: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
Кого аще съ житіемъ хощу разорити,
Ибо на пріятелей надежду имѣю;
Со мною спорящаго вовся одолѣю;
И не толко что много пріятелей маю,
Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣшенный;
Будутъ же судить мои единомышленныи,
Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
А буди станетъ на мя аппелловатъ вышше,
И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излишше;
Пущай кто толко схощетъ правду защытати,
Денгою доволною могу доказати,
Ослѣплю очы дарми, руцѣ плѣню мздою,
Хотя бъ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
Ахъ, горе! на маммону свою уповаютъ,
А судію истынны Бога отвергаютъ!
Развѣ сіи нечаютъ на судъ страшны стати,
И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
Что з гордости ближняго имутъ за ничтоже?
Ихъ же исправи сердца, Ты, едины Боже!

Библиотека "Руниверс"

Чистота,

обиженна отъ внѣшней нечистоты, ускаржается цѣломудрію.

Кая здѣ ти, о сестро, вина предстояти
И такъ велѣимъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати и не вопить: горе!
Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранна,
Нынѣ же, аки мерзостъ кая, есмъ попранна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутрностехъ моихъ акибы согнила,
Противъ мя воюющимъ изчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудростъ отринувъ, весма омылися,
Женъ многихъ едною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явилисъ мерски содомляне,
Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне.
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
За что сквозь землю въ Адско езеро упали.
И мнози не избигнутъ тосяжде части,
Неудаляющеся отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
Всимъ людемъ по естеству никако прожити!
По мысли исполняется не въ бози жывущымъ,
Праздно житіе свое повсегда ведущымъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
Тою нечистою сіи сутъ плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковыи ходятъ,
Но по злой своей воли, яко хотятъ, бродятъ!
Ахъ, горе, что не толко себѣ позволяютъ,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучити!

Библиотека "Руниверс"

Довлѣло бъ врага плоти на мя повставати,—
Но еще имъ естъ къ сему злое пьянство мати,
Еже на безстудіе оныхъ поощраетъ,
Забытъ себе и Бога разумъ помрачаетъ.
Толко какъ угодити плоти своей тщатся,
А о вѣчности потщытысь и думать гордятся!
Се зрыши, о другине, и мя какъ велика
Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
Токмо милосердіе Божіе одежда.
(Цѣломудріе глаголетъ):
И откуду надежда намъ бут(д)етъ премногa,
Яко отъ Создателя милостива Бога.

Л и ц е

отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чысто жывущихъ яко не временну, но вѣчну радость, а высоко умствующіи и не чысто жывущіи пагубу улучать.

(И ангели выходятъ съ вѣнцами).
Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
Не бойтесь: увеселитъ Богъ васъ сотворивый!
(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):
Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
Яко отвсюду есмы, аки тынъ, попрати!
(Лице отрады):
Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, вспять будете красны;
Обоихъ бо зритъ дѣла окомъ не дремлющымъ
И гласъ вашъ слышытъ слуг(х)омъ вездѣ Богъ присущій.
Но что просите, вскорѣ не имать вамъ дати;
Дастъ конечно, но требѣ мало почекати:
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая,
Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
А ось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчынній;

Библиотека "Руниверс"

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
Не заразъ же и благихъ обыклъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую отдати
Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
Отъ нечыстыхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
Васъ, какъ непорочныхъ, прыведетъ во славу,
Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
И удостоитъ тамо высочайшей чести,
Коея недостанутъ участницы лести;
Васъ отвращающыись и по своей воли
Ходящіи пребудутъ въ плачевномъ удолѣ,
Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никая отрада.
В нечыстотѣ жъ сущіи огнемъ негасимымъ
Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
Вы же плачъ отрыните и отрите слезы
Даже милости Божой получите стези!
Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ бѣдствій покрыетъ
И отъ всякія скверны Господь Богъ омыетъ.
И за сію скорбь вашу будите готовы
Внити во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, ти, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
Но печалящусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаетъ.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
Избавляшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Библиотека "Руниверс"

Старый человѣкъ выходитъ удивляющися временнѣ и вѣчно погибающымъ отъ пьянства.

Здѣ мя пріити понуди не инна причина,
Но сія: не послѣдня-ль наступи година,
Въ ней же извѣствуется мерзость, прорекома
Пророкомъ Даніиломъ, въ пагубу ведома,
Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
Имже всякъ поступаетъ на все зло широко.
Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
Отъ своихъ дщерей бяше на грѣхъ искушенны!
Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
Не помыслитъ на добро, но паче на злая...
Лишается богатства сему присѣдящый,
Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящый;
И честъ уже не честію, толкобь чаша полна,
Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
Возъможетъ памятствовать о душевной ползѣ?
Дивлюся непомалу: такъ себе вглубиша
Многіи въ оно, яко о себѣ забыша,
И временну жызнь какъ бы добрѣ проводити
Не мыслятъ, но какъ полной чашы не пролити.
Вину дая, что весма на жывотѣ тощно,
Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха рады, немощы ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жызни,
А паче всего сего—небесной отчызны,
Пущай в кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
Да то бѣда, что егда полной несполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
И такъ дружка за другш(ж)ку мусить выпивати:
«Любви и впредъ пить вмѣстѣ бы не потерати»;
А любовъ не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
Въ любви бъ исполнятъ всегда и тщытся отое;
О, любви сей премерской, любви окаяной,
Что о Божой немыслятъ любви неска(за)ной!

Библиотека "Руниверс"

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
Въ пьянство такъ, яко ему дни опредѣлили
Празденства, которіе преданы святими
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кои въ путь спасителны имѣть бы дорогу...
Но многѣ во злом пьянствѣ сія провождаютъ,
Бахуса, аки отца, весма ожыдаютъ,
Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставляютъ красно,
И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
Лобызаетъ искренно, оныхъ поздравляя,
Приговоруя: «теперъ намъ повеселитысь».
Выпивая пугары, хочь бы разлучытысь
Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Кои уже се со лики градетъ и тымпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесь друзи»!
Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
Но всѣхъ въ цѣломудріи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на ввесь свѣтъ имѣетъ власть.

Имя мое бываетъ славно и велико,
И не изобрящется другое толико!
Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
Вси бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
И кланятымутся даже окончатся лѣта.
А во первыхъ Азію во власти имѣю,
И ея всѣмъ богатствомъ всячески владѣю;
Прыноситъ мнѣ многое предрагое злато,
За вино сокровище даетъ пребогато.

Библиотека "Руниверс"

(A s i u s).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Зане, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(Б а х у с ъ).

Вся комуже извѣстно, всячески естъ явѣ,
Яко естъ и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и сильна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моея длани.

(A f r i c u s).

Правда естъ, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(Б а х у с ъ).

И въ Америки мене почитаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(A m e r i c u s).

Такъ, просимъ ти и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрипляембося, и мы тобой бодры»!

(Б а х у с ъ).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простираю.

(E u r o p u s).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися друзи,
Но кланяемся ти, какъ подчиненны слузи.

(Б а х у с ъ).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учрежденъ,
Ни крезбины, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, илъ Господина честна и велика...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводись на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудетъ;
Суще въ бидахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпости изъ ногъ извалюю,

Библиотека "Руниверс"

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
По моей воли ходитъ, еже ми достоитъ;
И глупъ, мнѣ прыхнлившысь, разуменъ бываетъ,
И убогій богатымъ себе называетъ;
Паче жъ сего бываетъ праздникъ мой превелій,
Егоже съ усердіемъ всяки чтить веселый,
Маслину, до которой свободно порогу
Добру вси безъ препятствія имѣютъ дорогу,
Отъ всякой зъ охотою страны пріежжаютъ,
Хочь была бъ кая пропасть, ничто невважаютъ.
Премнози отъ человѣкъ въ немъ мя почитаютъ,
Чашами, пугарами весма величаютъ.
Всегда бо, паче жъ въ оной, не сутъ заключенны
Врата, ни караулы кія утвержденны,
Въ мене гулять свободно и пити доволно,
Но все выдить скармана, хочь было бы полно;
Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
Для его жъ политики, чести же и славы
А приговариваю: «гуляй себѣ, пане,
Дотолъ, поки на тебѣ рубища не стане!
И сказую по полной чаши выпивайте,
Маслину же весело вездѣ прославляпте»!
Тако жъ: «да возыграютъ лпки и тымпаны!
Возвеселитесь сердцемъ, вси мои подданы!
Прызываю васъ къ себѣ—прыбывать на сіе:
Спорожняти до конца бочки виновые,
На тое естъ маслина, дабы веселитысь!
Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожми покрипитисі;
И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
Выпите, толко веселы сей намъ праздникъ буди!

Кантъ.

Какъ внишній миръ сей зрится человѣку,
Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Иже и самъ кончится.
Се, елика суть намъ въ немъ пожелапна,
Вся кратка, вся непостоянна

Библиотека "Руниверс"

На всяку годину,
Пріемлютъ измѣну.
И кто имъ увѣрится?

Взыщу ли въ немъ славы,
Власти ль и державы;
Но когда смерть прыйдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кіими имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Егда ли вѣчна
Тварь краснолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красны созижду палати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возъимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ямы
Проведшы, мя забудутъ.

Чыли мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣди
Отъ чрева утучена.

Составлю ли лики
Весь день до музыки?
Но въ день ли остатни
Будутъ пріятны

Библиотека "Руниверс"

Гласъ трубы ужасный,
Шумъ и троскотъ страшный
Мира огнемъ зажжена?
Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зпскъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!
Лучше отъ мира къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ ономъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.
Потерпимъ въ сей жизни
Бѣды, укоризны,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай насытимся
Нехай насладимся
Безконечно о Бози.
Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часы:
Придетъ рукояти
Радости пожати;
Тогда пожнетъ тая,
Не ослабѣвая,
Въ небесномъ чертози [1]).

Epilogus.

Вашему любомудрству нами предложено,
Которое бысть дѣло тое изреченно,
О коемъ изволили милости внимати

---

[1]) Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункти по прологу гарно пѣть, а остальніе два предъ выходомъ старика". Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже приписано: Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum camenda sunt, reliquas vero duas ante introitum veteris hominis dispositis.

Библиотека "Руниверс"

Вашы. О семъ же просимъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашыхъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.
Смоленскъ.

Библиотека "Руниверс"

ИНТЕРЛЮДІИ
МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСКАГО
XVIII ВѢКА.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1865-мъ году впервые открыты были неизвѣстныя до того времени интерлюдіи учителя піитики въ Кіевской Академіи *Митрофана Довгалевскаго*, сочиненныя имъ въ 1736—7 г.г. Тогда-же даны были о нихъ сообщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» проф. Н. И. Петровымъ [1]). Эти сообщенія давали право предполагать, что въ піесахъ Митр. Довгалевскаго заключается много очень интереснаго для изслѣдователей малорусской старой письменности вообще, и для изучающихъ любопытныя страницы въ развитіи малорусской драмы—въ частности. Но такъ какъ эти интерлюдіи считались потомъ затерянными, то въ полномъ видѣ съ ними никто въ печати не могъ и ознакомиться. Оказалось, впрочемъ, что рукопись Довгалевскаго не затеряна и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря за № 1710-мъ. Въ настоящее время, благодаря любезному сообщенію намъ Н. И. Петровымъ списка съ этихъ интерлюдій, мы рѣшили напечатать ихъ, при чемъ сохраняемъ правописаніе подлинника въ общемъ характерѣ, но безъ надстрочныхъ знаковъ. Н. И. Петровъ, въ письмѣ къ намъ, высказываетъ по поводу интерлюдій Митр. Довгалевскаго слѣдующія свои соображенія. «Пересматривая и описывая въ 1893 году рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, я обратилъ вниманіе и на эту рукопись, снялъ копію съ интерлюдій и пересмотрѣлъ остальныя статьи, находящіяся въ ней. При этомъ я убѣдился, что интерлюдіи сочинены не М. Довгалевскимъ, какъ я предполагалъ прежде, а ученикомъ его, ученикомъ піитики *Саввой Лебединскимъ*. Во 1-хъ, въ этой рукописи, принадлежавшей самому М. Довгалевскому, интерлюдіи переписаны съ ошибками. Во 2-хъ, въ приложенномъ къ рукописи спискѣ учениковъ піитики значится, въ числѣ другихъ, Савва Лебединскій, сынъ козака изъ Украины, изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, который еще въ синтаксическомъ спискѣ аттестованъ у М. Довгалевскаго такъ: «Magister comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, debilis studio, lassatus incuria, extinctus labore, nonnisi propter annos detur commendatio». Такой только человѣкъ и могъ сочинить интерлюдіи».

Считая съ своей стороны этотъ вышеприведенный домыслъ уважаемаго профессора не окончательно убѣждающимъ насъ въ авторствѣ Саввы Лебединскаго въ данномъ случаѣ, мы помѣщаемъ эти интерлюдіи, озаглавивъ ихъ, по старому мнѣнію, *интерлюдіями Довгалевскаго*, думая, что печатный текстъ дастъ возможность большему числу спеціалистовъ сдѣлать свои болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Авторъ интерлюдій пользовался въ нихъ по мѣстамъ и румынскимъ языкомъ. Исправленіе этого румынскаго текста и переводъ его на русскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ Н. И. Петрова, г-номъ Гроссу.

Извѣстно, что Митр. Довгалевскому принадлежатъ двѣ драматическихъ піесы «Комическое дѣйствіе» на Рождество Христово (1736 г.), и «Властотворный образъ человѣколюбія Божія», пасхальная піеса (1737 г.). Къ обѣимъ этимъ драмамъ, въ видѣ приложеній къ каждой, примыкаютъ по пяти интердюдій.

[1]) 1865 г., февраль; 1866 г., ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Первая.

Выходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до которою выходятъ два мужика, литвинъ, цыганъ, и проженутъ.

Ehey dla Boga iak-iem utrapiony
Z natury będąc szlachcic urodzony
Ktore szlachecstwo gdy matka wrodzila
Panno wżdy będąc we wszystcich nażyla
Rozum Katona mężność Hektorowa
S panienskiey krwi iest mnie statura owa
Znam co się dzieię y w piekle y w niebie
Fortuny nie mam y na-krok u sobie
Butow sukienki a czapki nie pitay
We wszystkim iestem tak jak widzisz witay
Iednak że tego niechce explikowac
Mam glowe mądre znam złotem sżafowac.
Mam prespektywo astronomskiey sztuki.

Муж. О бодай же в кузнѣ бувъ коли змерзъ у руки.
О сежи ми и к вашецъ стали прихожати
І скажи не соромся якъ маемо звати

Астро. Jestem szlachcic wrodzony, lub bez drogiey szaty.

Муж. А якуюж ти тутъ вашецъ човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти нас тилко вернуть на менѣю.

Астро. Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie czyni
Rozmowie moie słowo nigdy nie omini
Y ia zawsze zgadnie kiedy y orać do chleba

Муж. Пархумъ идижъ сюда ос чортъ принѣсъ с неба
Чоловѣка, сюди до насъ почуешь розмови.

Библиотека "Руниверс"

Пархомъ. Чи не вивести до іого своеи корови
Рабои то вѣнъ чого чи не знае
З манацѣи, якое буде теля може и вгадае
Ну кажи якъ Бога боишся
Муж. От не иметь вѣри также придивися.
Пархом. А що бакъ ти у чорта искажи за птиця
Чи мишь чи кажанъ чи перепелиця.
Астро. A ja iestem Polskiey nauki ostrolog.
Муж. Е се бачу той, що бавлят остронугъ
Що вѣнъ наперед летючую хватае
Около неба звѣзди избирае.
Цыган. О сежъ и я тута в мене ест кобила
Три роки жеребна да ще не родила
Лошати, чи не вгадаешъ дядку
Яке буде чи вороне чи яке на взглядку
Коли вороне дамъ добру заплату
Памятатимешъ и до смерти тату
Литвин. Га га кабузнѣкъ о пчолкахъ чи знаешъ
Въ мшанѣку іост сколко чи въгадаешъ
А въ борцях чи живи чи не рушивъ недзведзь
Кажи чи знаешъ або уже не бредзь
Албо висеяць горохъ колѣ треба.
Астро. Czekay no trocha rzusie się clo niebie
Gwiazdy powidze iak toczosię kołem.
Парх. А моеж нива чи буде вже полемъ
Астро. Patrżcie iak wpadnie znak planety Raka.
Муж. Швиденко становись остроному рака.
Астро. O summam injuria rusticorum
O tyrandem ztych wozowykorum
O jakiems dostal dzis u chlopskie ręki
Juźem nie cierpial takiey wielkiey męki
Lepiey bylo w Polszcze recreandi
Муж. О я кажу що вѣнъ надувсь до оранди
Цыган. Ось ми коло тебе тепер погуляемъ
Муж. І скроз спектива все всѣ поотбираемъ
Лит. А я проводнѣка подамъ на дорогу
Што починѣвъ у насъ такую тривогу
Каже што дожчу не будзе нѣ трохѣ

Библиотека "Руниверс"

Муж. А тижь не знашь крутохвоста здохи
Озмѣмъ лишь его въ руки хорошенко
То вѣнъ перестане крутитця швиденко.

2.

Виходитъ мужикъ сонъ росказуе и прикликае до себе еще двохъ. Потому призоветъ бабу и цыганку; цыганъ пріиде за цыганку всѣхъ пропудит.

Що се прошу такее на свѣтѣ човпется
Чи во снѣ чи на евѣ се диво плетется
Ужеж питався дика въ книзѣ чи не мае
Написано, або такъ хто чи не вгадае
І всѣ так читали та не начитали
І всѣ отгадовали да не отгадали.
А такіи сонъ приснився що боюс казати
Що далибѣгъ припало нс хати втѣкати
Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
А схватився з опалу такъ дуже швиденко
Стою якъ опапленній такъ дуже злякався
Ажъ бачця Анголикъ з рогамы до мене прибрався
Тай кажет такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво
Я бачця гулкъ на небо ажно небо сиво
А звезда велицузна да з мѣсяцемъ бется
Мѣсяцъ не пуска сюда вона къ мѣнѣ прется
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищус молюс Богу
Якъ злякався да и назад лѣзу и къ порогу
Ажъ бачится мене за руку Хувра да и на пулъ
Дакъ у мене нс правои ногы испавъ постулъ
А дале якъ загримит якъ блисне зненацка
Дакъ то и тогди и по всіому почала рѣзачка
Ризати штурмовати колити избоку
Якъ було мнѣ осталос у кума з уроку.
Колиб бакъ хто сей снище заразомъ отгадавъ
Ябъ остатню корову перѣстую отдавъ
Лишь пакъ сподѣваюсъ що Пархумъ може отгадати
Пархумъ годѣ лишь тамъ ходи лишь до хати
2. А що тамъ, іо що пакъ тамъ сонъ иди отгадай
Буцѣмъ ти не кобзуешъ цур пекъ тобѣ бѣгдай

Библиотека "Руниверс"

Кажиж що тамъ за сонъ а юже отгадаемъ
Бо ми ту було лихословицю було также знаемъ
1. Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
Ажно приснився мнѣ сонъ сей да и швиденко
Бачится Янголъ з рогами прибрався до мене
Сѣпае, торкае, кличе: устань лишь Семене!
Я швиденко кинувся всюди озираюс
А тутъ що хивра хвата я не сподѣваюсъ
За руку, якъ же шпурне мною якъ мячикомъ на пулъ
Дакъ у мене ис правой погы испавъ постул
А мѣсяць на небѣ и звѣздами бется
А одна звѣзда з неба да до мене пре тся
О мы сіого не вмѣтимъ якъ би отгадати
Хиба Кузюберду мусмо позвати.
Кузюбердо, га ходи сюда! чого?—Иди швидко!
3. Ужежъ бо мнѣ до васъ и ходити стало гидко
1. От чи не знаешъ сну сего отгадати
3. Атъ чортъ его знае да и чортова мати
От хиба Настя баба що вгадуе всюди
2. Алеж бо братчику вона хорошаяж юда.
1. Поидижъ ти лишь по ей да кланяися низенко
Щоб пріишла, бо пѣдемъ въ оранду швиденко.
Баба. Памагайбѣ сподарѣ дайте милостину.
Глянтес на старост который отцкіи сину.
3. Об вовку мова вовкъ тутже, и вона якъ сакомъ пала
Що мы хотѣли кликать вона якъ все знала.
2, Угадаетъ же вона сеи и сонъ що бути мае
Уже жъ нѣкого не турбуй певне угадае.
Баба. Що тамъ за сонъ дѣточки голосно кажѣте
Коли що якій зліи то и не говорѣте.
1. Оттъ бачится до мене янголѣ ходилы
Да и такъ приснилось бачится збудили
А звѣзда з неба в ротъ тилко не влетѣла
Дакъ я швидко истуливъ дакъ вонаж не вспѣла
А мѣсяцъ зъ звѣздами таке чинивъ диво
Якъ журавля нарадивъ усе небо сиво.
Баба. О сежъ вамъ пдетъ на хлѣбъ на пуд да на дѣты
Будетъ за кимъ на старость споконно сидѣты.

Библиотека "Руниверс"

Цы. Помагайбѣ пани чи здорови жадани
Маешъ тугу на сердцу своему
Що снилосъ во снѣ тезкови твоему
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшое сало
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до васъ ангелы и звѣзды ходилы
І всяку потѣху до васъ приносили.
1 О сеж братця циганка якая изліха
На память до слова беретъ з торби якъ з мѣха.
Цы. Уже жъ бо я не змилю якъ баба от тая
Що вона брехала якъ сука старая
(*Баба*). А ти вже не слухаи тоей мантачкы сыну
Вона въ тебе зъ пазухи витягла хустину
2 Чи справди, бабочко? дакъ вона и злодѣйка
Да не згирша з неи бачу лементѣйка
Я казавъ лучше було послухати баби
Якъ вдарю по виденю дакъ чи мощъ у жабы
очи повилѣзают.
Цыган. Соли мунзже дахътъ куриче ха, ха, ха
Тацкуры намури жда истули дракури та шушкутъ
Мушкутъ нахлавде тараба цавдубѣ жиберинту
Здристиста перъдулицу линдра попардечка
На мандро наждала са що великая була в мого батка
Ковбаса ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Що тутъ панове моеи жони голосъ чути.
Хоревъ Маждала.
А тебе чи катъ унѣсъ що дѣшъ тут ты.
Чи тобѣ користь даютъ чи яку заплату
Муж. І мы не кликали еи сюда в хату
А вона пришовши да вкрала хустину
Буде и тобѣ тое негыдному сыну
Цыган. Дакъ вамъ за тее з неи наругатся
Да коли бъ не нахвативсь то бъ ви збили братця.
Муж. Ище ми и до вѣта еи суку попремо
Да и тамъ драла доброго дамо.
І в громадску колоду ногами забемо.
Цы. В нашимъ роду того не мае щобъ у колодкахъ сидѣти
Чого ваши не дождутъ и всы псѣи дѣты
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

3—tium interludium

Виходитъ коваль с пъснею, до которою виходит лях на влови коваль схоронится, потомъ виходят к тому жъ ляху подданніи с поклономъ.

Ков.

Мати моя старенкая, чи ти мнѣ раденкая
Моеи молодости 2.
Бувъ у турка под рукамы, а в татаровъ з кайданамы
У самои жалости 2.
Дадже правда тепера нема добра всюди
Дармо працуемъ виставляемъ груды
Богъ вируччвъ мя оттуду, а тепер мѣсця не найду
В дому не сидѣти
Лѣсы поля спустошенни лугы сѣна покошенни
Пороспускавъ дѣты 2.
Толкож правда що треба взираты на Бога
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчъ маты, пойду долѣ внизъ шукаты
Козацкая доле 2.
Аче й буду потугою а въ москаля заслугою
Матиж моя Оле 2.
Спитаю чи не буде хочъ на низу добра
Чи не трапится де поимати лиса або бобра
Буду турковъ воеваты мечемъ слави добувати
Буду воевати 2.
Кармазини з луданамы шати драты зъ сутанамы
Совсѣмъ буду брати: з очей не спускаты 2.
Егей колиб вият якъ була козацкая слава
Щобъ роспустилась всюди якъ пѣрамы пава
І щоб зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣты
Або ляховъ на тои час трапится поиматы
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесах дати.

Ляхъ.

Ляхъ.

Padła, Padła, Padła, tu Padła kus kus hałapiur
Teraz że mam czas k memu Polowaniu
V przepiułek wraz pstrych ku łapaniu
Choc ia pstrego mam iastremba chciwa

Библиотека "Руниверс"

Do przepiuleczek nie barzo leniwa;
Jednak że żądam od poddanstwa swego
Gdyby przyniesli iastremba drugiego,
Ktoren by mogl złapac drugo albo trzecie
Albo y więcey choc do dwoch set przedzcie.

Лит. Глядзѣце жъ, якъ будзеце передъ паномъ гавариць,
Я васъ старосцю своею магу науиць.

Всѣ. Харошо гуторишь, бацюхно старенкій,
Харошо 2. гето лебедзікъ беленкій.

1. Слухайце жъ всѣ братѣце якъ буду навчаць:
А ви панове звольце мои слова внѣмаць,
От такъ буду гавариць: на здорове тобе пане
Нехай и панеи стане: і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ
Нехай станіесе гето тут приходомъ нашимъ.

Лях. Cu ż to, chlopowie, teraz wy mniè mowicie,
A panskiego gniewu iuż nie wicie?

Лит. Нетъ моспане мы къ тобіе с поклономъ пришлѣ
І саколю маць до твоіеи мѣлосцѣ приніеслѣ.

Лях. Jakie ż to mnie poklony juz teraz bywaią,
Kiedy dzis mi chlopowie w oczy narzekaią.
Wez tylo chlopcze postronki drotowej. *Chopiec*: iuż gotowe.
Wez no chlopcze tylo sam woyta iak starżego.
Biy tlucz wal, pal, biy dobże tamże y drugiego.
Cu ż to za dziwo do mnie y iaka przyczyna
Chlopa zabic-ubic, iak skurwego syna.

Лит. Нужъ моспане и менie еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши та и до дому пусцѣ.

Лях. Dobrże, ydz chlopcze! day że dobrże y temu
Sto kijow odmieri, tak iak y drugiemu
Y day go Bogu iaka to chlopska odwaga,
Znać że to moskał abo kozak iemu dopomaga.
Ja poddannych wyrombam karki wszystkim do pniaka
Z Ukrainy tego kpa kozaka,
Ot tylo szlachte swoie na głowe pobudze
Po naszych tu granicach nie mieszkaią ludzie
Lecz nie tyłko w granicach także y na Ukrajnie
Niech że po wszystkich stronach połska sława słynie.

Библиотека "Руниверс"

Y to moie poddanstwo w Kijowie bywało,
Gdzie byl gubernatorem szłachce załeciało;
A do Hłuchowa miasta ktore wsi należą
Y to ich mosci Guwnowie do siebie odbierżą.
To wszystko mieczem ogniem zwoiowac możemi,
A Leszczynskiego Kroła znowu odbierzemi,
A wnet zaciągnemi tu mężnego Hektora
Y na pomoc przyszle nam od swego też Dwora
Król Francuzki że tysiąć drugie trzecie
My się zbierżemy wkoło do sto tysiąc przedzcie
Będziemy tez woiować do samey Poltawy,
Aby odebrac pierwszy honor naszey sławy.
Mospane Zdupypadskiy, panowie Guwnowie!
Schodciesię do porady, bierżcie arme swoię,
Klaniam iegomosci panu Sraczkowskiemu,—
Ja sługa nayniższy Komputu calemu.
Co będziemy czynic? już wiełka gromada,
Tyłko ż by nie byla b z waspanstwa zrada;
Gdy kozacy będą napadać surowo,
Stoycie, nie buyciesię kładcie glowo z glowo.
Nie buysię wac (waszmość?) gdyby tu kozacy przyszli
My by tu ich kanczukiem w lasy wprowadzili.

Коз. А докижъ вы бестелюгы будете звегати
Чи то ми васъ не зможемъ кіямы прогнаты.
Земку о земку швидко давай поратунку
Ос тутъ добичи озмемъ не одну вже сунку.

Москал. Што они тебя гасладинъ панъ казак не ругают ли?

Коз. Деж павъ не лаютъ? от такъ лают що ажъ лихо!

Мос. Дабро ти казакъ, вос ми убіеромъ ихъ тихо

Поляк. Numy też bracia chwytac do swego oręża
Aby nie utracic żadnego żołnerża.

Мос. Казакъ, пріймайся, небоися, бери з плечеи двоихъ,
А я тотъ часъ уберу далгополих от тих.
А што здезъ о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшонки Украйну въ областях держали,--
Дабро, вотъ покажемъ рубежи кнутамы на спинѣ.

Коз І добре земочку, щобъ другій памятавъ
Да и дѣдчои своеи дитинѣ заказавъ.

Библиотека "Руниверс"

4—tum interludium

Виизднтъ мужик з жидомъ на ярмарокъ до которою виходят ксонзи три езуита, Крижакъ да и Барнадимъ до всѣхъ ихъ пріидетъ москаль и запряжет двохъ а с третьмъ сядет и отидут.

Муж. Геи собъ якій катъ, воле, тобѣ тепер стався
Жид. Поганяй зе свиденко, в дорозѣ не гайся,
Ну, поспѣсайся скоро в ярмарокъ, Іванце.
Муж. Сиди жъ бо коли сѣдишь, осттилій поганче
Якъ покину то озмет даволова мати
Жид. Якъ покинес, то не дамъ твоеи заплати
Коли цѣло привезесъ я платити буду
Муж. Я из горла видеру якъ року лобуду
Отъ бачишь якъ хватався на ярмарокъ дуже
Жид. Сцобъ наперед с тасою розобратись друже
Муж. Ужеж бо тутъ роспинай, олендару, ташу,
А мы вашець бика поведемъ на пашу
Жид. Скоро зъ вертаися с пасѣ будесъ глядѣть ташѣ.
Муж. А тамъ же хто будетъ доваровать кашѣ.
Отъ еще я тобѣ щось забувъ исказати
Бо Одарка велѣла дещо куповаты
Жид. Сцо жъ такое казала дай же на паперу
Муж. От же якъ тамъ еси бувъ казала и бумберу
Купити галку муштукову и перцю,
Ладану, воску калѣи и курки да и ложечку черцю
Жид. Кази зъ сцо есце треба и к васему святу
(Муж). Го люлку и чубукъ добріи купити моему свату.
Ксон. Niech będzie Iesus Christus pochwalony!
Bądzcie już zdrowy oycowie wielbiony
Жид. Prose na wudecke, prose zwołte pyty
Ксон. Day no żysiu sam na ci szostak bity
My nie taki lud iak syzma przeklęta
2. Prosze, oycze, powied, zkąd ta wiara wzięta
3. A co tut będziesz o wiarze dyszkurować
Slysze, ydzie moskał tu będzie szturmować
Мос. Што здес за шумъ што за крик да нет ли раздіоровъ
1 Ксон. Czekay no, waspan, my nie w twojm dworu

Библиотека "Руниверс"

Мос. Што болтаешь скурвои синъ ти меня называеш воромъ
Да ище хвалисся здеся своимъ дворомъ
Полно балтать мне нада дать скоро падводу.
Ксон. My mospanie iestesmy nie takiego rodu.
Мос. Какъ тіе завутъ гавари, кака въ тіе манѣта
Ксон. Ja mospanie iestem wczony jezuita.
Мос. А тебіе другъ какъ завутъ знать ли ти палякъ.
2. Dobrżes zgadnol mospanie że ja iestem Krżyżak
Мос. Тіебіе третои какъ завутъ да и ти ли з нѣмъ.
Ксон. O ja iestem polskeigo zakonu Barnadym.
(*Мос.*) Побратимъ? садись погоняй вить мніе ніе даліоко
В Броварах почту сміенѣмъ или въ Платавіе
Тамъ васъ пущу кармитця на доброй отавіе

5—tum interludium.

Виходить жид, и тужить за кобилою, що згубивъ, до которою приходить грекъ и насмѣвается жиду, до которих виходит волохъ и звелит своему хлопцю вывести кобилу; жид привнается до кобили и якъ заговорят одинъ до едного незнат буде, цыганъ толмачъ буде миж нимы, всѣхъ проженетъ.

Жид. Охъ о вей мир якій мнѣ теперь смутокъ стався,
Сцо в дорозѣ до мене капарникъ прибрався;
Цорній год на іого голову нехай іому смутокъ,
А цим зе буде издивъ у мене хомутокъ
Капарникъ бравъ кобилу та забувъ взяти узду;
Я знаю, сцо вѣнъ пріпде, я троски позду.
Охъ мир, зал зе бо буде; хороса була кобила:
Хоцъ вѣдьки иду, то вона не зблудила
Зна и в ноцѣ оранду, цуе пахъ великій,
Сѣна не показуи, поки не дамъ горѣлки
Взе зъ тепер нѣ до Сари сцо маю цинити,
Колибъ на такую серсть кобилу купити
І на обицай така сцобъ була в дорозѣ:
Нѣ на пяд не оступит, все стоптъ при возѣ
А взе якъ дома, то з оранди не вѣдбиты
Медъ горѣлку й пиво умѣетъ було пити
Охъ о вей мир капара на мою голову стало,
Сцо моеи кобилы тепера не стало.

Библиотека "Руниверс"

Грекъ Гей цорта на матара цорта заловала
Цо такъ дурна твой голова на кобилъ поклала
Цортъ пропавъ головъ цѣлъ а кобила була.
Будемъ купилъ на два червона пошелъ на Стамъбула
А ти дурна плачъ кобила грекъ купилъ не плачь
Ти копійка жаловати на кобила не трать
Гей дурна твоя головъ тако учинила
Будемъ поигалъ на Мигаила и щенка кобила купила.

Жидъ. Охъ мир! не знаешь ти мого тепер фрасунку,
Сцо за кобилою плацуци попловавъ у трунку.
А ти сце, капарнику, мене зневазаесъ,
А смутку моего не розвазаесъ.
Сцо така втѣсная то була кобила:
Вона якъ цоловѣкъ то такъ говорила.

Грекъ. Гей дѣдко кобила цорта на матара говоривъ.
Сцо такъ зал великій на кобила покладивъ
Цуза земля знаемъ поступити
Наса грекъ земля кобил твоя не хотѣлъ купити
І матара на цорта будимъ самъ пропадимъ
Така цорта многа въ ярмарка купимъ.

Жид. Узе зъ минѣ тепер нарай якого цоловѣка,
Сцобъ мене одвузъ до мѣста Олика.

Волох. Азиць ши акултаць чинева си пера асмеяне
Буне, евціецво винде делта буне муне, каре лифостъ
Шилвъ умблатъ инъ цара руменяскіе каре де мулте
Щіевъ вестъ цара греческіе, катудевій сій пера петине
Цітева пуртадинъ цара руменяскіе пине цара турческіе.

Грекъ. Преки мъши греку тенкабе деяне дуте буне дуте туне сецхіе дебоне.

Волох. Інъ цара греческіе. *Грекъ*: акумдоя грекъ куче.
Некацъ австростъ. *Волох*: Ку карокатиця ку табакъ
Ку ле луле, ку чубуче, ку куцате, ку мстра хиде ку аче ку
Елитоне ши куфелде фелде недоць.

Грекъ. Даре мутъ ацтеръгустъ.

Волох. Осуте цинзечь делеи.

Библиотека "Руниверс"

Грекъ. Фарте бѣне ацтируить румоне [1]).

Жид.) Охъ мир сцо вѣнъ казе
Ци не хоце продати
Кобили? я мусу гроси готови дати

Грекъ. Тото коли хотѣла то купила.

Жид. Охъ добрій мир годъ и моя була такая кобила

Волох. Кушъ тера девій вра евъ ну съ кушь цвой виндe [2]).

Грекъ. Продала твоя тута не де инде
Коли гебреосъ добри гросѣ дала
О така кобила добра продала.

Жид. Сцо зъ вѣнъ хоце за тую кобилу я буду плативъ

Грекъ. Гей хорошъ кобилъ швидко грошѣ заплативъ

Волох. Петъ рубле пегасте яне [3]).

---

[1]) Такъ—какъ этотъ румынскій текстъ очень испорченъ, то мы пробуемъ возстановить его по слѣдующей догадкѣ.

Волохъ: *Азицъ*] (?) ши аскултацъ, чине ва кумпера ачесто яна буна? (Обращаясь къ греку) Еу ціе цивой виндe дела а та буна мина (яна), каре ау фостъ ши ау умблатъ инъ цара румыниска, каре де мулте ци ва вести (динъ) цара греческа; ка ту ди вей кумпера не тине тева пурта динъ цара руманеска пан инъ цара турческа.

Грекъ: *Прекумъ ти греку тенкабе де яна дуте буне дуте туне сец хіе де бине (?)*

Волох: Інъ цара греческа.

Грекъ: аминдой?

Грекъ: Ку че негоцъ ац фостъ?

Волох: Ку каракатица, ку табакъ, ку лулеле, ку чубуче, ку куцыте, ку страфиде, ку аче, ку *елитоне*, ши ку фелъ де фелъ де негоцъ

Грекъ: Даръ мултъ ацъ тыр гуитъ?

Волох: О сута чинзечь де лей.

Грекъ: Форте бине ац тыргуитъ, румыне.

[2]) *Волох*: Кумпера де врей, ну скумпъ цивой виндe.

[3]) *Волох*: Пять рубле не ачеста яна.

Вол... Послушайте, кто купитъ у меня эту хорошую кобылу?... Я съ твоей легкой руки продамъ тебѣ кобылу, которая исходила всю страну румынскую и многое можетъ сообщить тебѣ о землѣ греческой; если ты ее купишь, она будетъ везти тебя отъ Румыніи до самой Турціи.

Грекъ: текстъ испорченъ совершенно. Вѣроятно, грекъ спрашиваетъ, гдѣ волохъ путешествовалъ и бывалъ съ кобылой.

Волох: въ странѣ греческой.

Грекъ: вдвоемъ (съ сыномъ)?

Отвѣтъ волоха пропущенъ.

Грекъ: Съ какимъ же товаромъ вы были?

Волох: Были у насъ рыба, табакъ, трубки, чубуки, ножи, винныя ягоды, иголки и разные другіе товары.

Грекъ: А много вы заработали?

Волох: 150 лей (франковъ).

Грекъ: Значитъ, прекрасно торговали, румынъ.

Волох: Покупай, если хочешь; не дорого возьму съ тебя.

Волох: 5 рублей за эту кобылу.

Библиотека "Руниверс"

Жид. Сцо зъ бо я не знаю твоей мови, пане брате!
Грекъ. Гей твоя моя жиде мины червона заплатила;
Моя добра розумѣла што онъ говорила,
Жид. Скази зъ ему будь ласкавъ сцо за кобилу хоце
Да вже нехай болсе моей голови не клопоце.
Грек. Она хотѣла квадри рубли о не.
Жид. Нехай зе сѣмъ возме пане Симеоне.
Волох. Бини бини дала твоя мини.
Жид. О тепер зе хвалю Бога сцо такую кобилу купивъ
А сце не дорого за неи заплативъ
Узе зъ тепер Сора еи не познае
Бо и вона такъ якъ тая хвостомъ кивае.
І ся бацу буде добре медокъ затинаты,
Сцобъ цигане взе ей не доздалы браты
Якъ ту кобилу сами з рукъ ухватилы
І до свого сатра очевисне всадили.
Циган: Чхаве кирики чивасе родя памелешь намуравѣ назе
Леной хархали намандро.
А хто тутъ бачу мене зневажае
І злодѣемъ великимъ мене називае
А в мене самого кобила пропала
Колибъ где познати то бъ и родина его памятала
Ха ха! Але бачу и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдних циганъ злодѣствомъ порочатъ
Ось якъ і сей жидъ власную кобилу у мене вкрав.
Жид. Я въ волосина купивъ, будесъ ти на тое брехав
Циган. А сежъ моя кобила я здамся на люде
Коли въ неи пятна под хвостомъ не буде.
Жид. Такъ сцо хоць пятно естъ? ти ходи до пана,
То мозе ти избудесъ от того зупана.
Циган. А твое око коле на циганскіе жупани
Да може насъ знаютъ лучше тебе паны:
Кому гуляти, кому веселитись съ паномъ.
А ти хочешь еще що скурати с цыганомъ
Лахло, ходи ось свого злочинця зловивъ.
Жид. Бресесъ ти якъ собака есце ти мене не оходивъ
Циган. Озмы, хлопче, кобилу до шатра поведи
А я старому собацѣ урѣжу бороди
Або запряжу іого в хомутъ скурвого сина

Библиотека "Руниверс"

Щоб памятала до смерти іого дитина,
Щоб вѣнъ заказавъ роду своему куповаты,
Циганскаго добра в себе не держаты.
А тепер придатку дамъ сергѣмъ по плечах,
А ти, собачій сину, щоб знався на речах.

ПАСХАЛЬНЫЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Виходитъ два мужика заставляти тенета, до котирих виходитъ третій для поради, оставивши тенета скріются; потомъ виходитъ литвинъ и упадетъ в тенета, и напавши мужикы литвина убютъ. Потомъ виходятъ синки шукаючи батка и знайшовшы воскресятъ. Еще к нимъ виходитъ Ксонзъ питатися що на томъ свѣтѣ дѣется и литвинъ ксонза прожене.

Interludium—1 mum.

Гай, гай, Грицку братухо, іосъ пожался Боже,
Що то за мѣсце було, от близку пригоже,
Не одного се хлѣбомъ попогодовало,
Да не за великій часъ якъ не тее стало.
Тутъ бувало стовпище лучшого звѣрати,
Якъ свѣтъ свѣтомъ такого не було видати
Бацця бъ колиб умѣло, тоб проговорило,
Що не одному паршѣ нащинцу обмило.
Першенкій Пархѣмъ Жижа, мовляла жъ Дроздиха,
Отсѣлъ схвативсь на ноги не з якого лиха.
Такъ же Понаскій Спаскій у злиднях купався
Ни свѣтъ, было, ни зоря той потелѣпався.
Все бувало, якъ Марко по пеклу товчется,
Гледи, той пре, ажъ у тры погибелѣ гнется,
А тепер сидитъ собѣ, якъ журавель у просѣ,
Тилко жъ що хочь говори, есть щось в іого в носѣ;
Нащож якъ и нащинецъ отъ лиха пряцює,
Що въ Бога день на ступѣ и въ жорнахъ танцює.
А коли попадешь той осмакъ и лядскую,
Або шелягъ зламаній, копѣйку якую,
Не збагнешь куди вткнути—всіого душа хоче.

Библиотека "Руниверс"

А що дай да й кождому-то таки опроче:
Жунка гризе голову, а тутъ дѣти в крики,
Хочь би вже якого, то зобютъ с полетыки;
Хиба еще и сіого хлѣба запитаю,
Коли жъ недво, то и прощай, брате Николаю!
Жунку з дѣтми з блеску гдесь зауприкую,
А самъ пручъ куди очи и почемчикую.
Шкода балагурити и свѣтомъ нудити—
Нумо тилко спитаймо тенета розбити;
Дававъ Богъ братци людямъ, и намъ обицався.
Я бъ таки бачця тута чогось сподѣвався.

Муж. 2. Не имимъ я грѣхъ, щобъ тутъ було що такое;
Якъ бачишь, то все от се ничого светое.
От я бъ тобѣ раявъ...
Идавъ хлѣбъ и без того, твуй батко да и маты,
Я жъ кажу, що ти скрутишь, що тобѣ без працѣ
Нащож було наперед брехат; якъ собацѣ,
Якіись тебе катъ тягнувъ сюда воловодомъ;
Мнѣ и трапилос зойтись из дурнимъ удодомъ
Чого ти за се годенъ? якъ би на лихого,—
Вреренав бы до смерти, якъ фица якого.

3. Стуйте! за яку трасцю сплелися ви битись?
Плюнте на мару, згинте, покинте казитись!

2. Тху на тебе все лихо, якъ злекавъ проклятій;
Старій вже, якъ собака, да отъ глуповатій.
Тиб казавъ: бугай дурній верещить, рикае,—

3. Я бо казавъ; хто тебе в шію попирае?

1 Да де в лиха пре в шію? тут соромъ казати:
Дала мнѣ товариша Іродова мати.
Чи не мѣсцеж, от якъ бачишь, чимъ воно благее.

3. Чи еще, жъ! матчинъ сину, се хиба бъ такее.

1. От же вунъ не те човпетъ, скрутивсь да звертѣвся;
Що не верчу покинуть, да годѣ—насѣвся.

3. Чи справдѣ? ну перестань, к кату не казися!
Атъ покинувши сунку, за крило берися.

2. Етъ же, коли намоглись, дакъ и закидаймо,
Атъ закидавши, тут же и позасѣдаймо,
Бо заразъ треба глушить, тѣлко бъ що упало,
Щобъ к матерѣ спаленуй те(не)тъ не порвало.

Библиотека "Руниверс"

Литвинъ. Хвалю цiебiе, Господзѣ, зо всiема Святога
Што даждався вiесiолаго цiепiер дня такога!
Нумо жъ ми цiепiер усiе в куніе веселѣтца;
Нiехай Юда Хварышнѣкъ в пiекліе засмуцѣця;
Калѣ нiе хацiевъ в нiебiе зъ Богомъ лѣковаца.
Восъпознаецъ злодзiей, якъ Бога продавацѣ!
Колѣ бъ iонъ бувъ по-моiму барцми забавлявся,
З дзiеруномъ пагуляцѣ, атуб в гiетакую бiеду
нiе папався;
А я цiепiер исцiенно да душѣ нiе дбаю,
Пчолкѣ ужо выставляць часъ хароши маю.
Гдзiе поидзiешь—усяго iосць и глядзiець пригоже,
I з дзiеруномъ любо граць, хрест на менiе Боже.

Муж. Илку, сюда! ось щось за лихо ввертѣлось.

2. Глуд зуй по головѣ, щобъ с тенет не проилось.

3. Стуйте, брашнѣ, що се ми встукали такее?
Звѣрь не звѣръ, щось такъ собѣ нѣ сее, нѣ тее.
Се ми изроду такого не видали дива:
Тамъ чорне, тамъ бѣле, голова вся сива;
Коли бъ ми от за сее в лихо не попали,—
Чомусь у мене разомъ литки задрижали
Чует духъ, що не лапшiй се вже якис дѣдко.
Нумо ми въ ногы, от якъ тепер людей рѣдко.

Сынъ. Бацка во бацка, залоцянѣкъ, гдзiе ти заховався?

2. Да глядзѣ, чи не к пчолкамъ на сосну взодрався!

1. Ахъ цiе мнiе, штожъ вотъ гето ляжиць за нярище,
Цѣ кошка боровая, чи цѣio сцiервище.

2. Гето жъ, бацка, хварышнѣкъ тута кулѣкаець;
Гдзiе, гдзiе падзiевсь, ажь вотъ iонъ гуліочки
справляець.

1. Чи ягожъ лѣхо унiесло у гетiе сiецѣ!
Вотъ то здура не пазнавъ iонъ! казавъ, што паiецѣ
Може, на борць лiезць хацiвъ. 1. Ахъ, лѣха!
Гето жъ бацка адубiевъ, нiекомъ ляжицъ цѣха;
Ци iонъ тута з якимъ дзiедкамъ барукався,
Ці iонъ зъ сосни з гетими сецмы отарвався.

2 Вот то яго дзярнула соколяя мацѣ

1. Требаж би гаспадзѣна до яго пазвацѣ,
Ачеи бис апяць к нiему духъ цѣ нiе вiернувся.

Библиотека "Руниверс"

2. Дай-мо лягушку, то іонъ з голоду адувся.
Баць. Вохъ, Христосъ аскріосъ, синки, я с ніеба ціепера.
Сынъ. Скажижъ намъ, бацюгна, цѣ бачивъ Лѣхвіера.
Баць. Вохъ, синки, вѣдзіавъ в ніебіе кошки баравіе.
Да такъ вжо ніе такіе усіо палавіе.
А на Божомъ гумніе святіе малоцаць,
А Пятро съ Павломъ всіо снапочки валочаць.
Калѣ жъ я пашовъ туда, гдзіе сонце заходзѣцъ,
Ажъ вот тамъ проклятая зміея с агніомъ ходзѣцъ.
Толко жъ што забачила, якъ шмаргніецъ за мною,—
Я вціеки, ажъ Кузма-Дзіемян кричиць: Богъ с табою!
Вот то мы хуціенка тамъ в кузню захавалѣсь,
А яна, ну калацѣць, штоб мы отчинѣлѣсь;
Всіо кричицъ: дай злачинцу, бо мніе его треба,
А колѣ ніе дасѣ, сапхнѣжъ яго съ ніеба.
Толка жъ што Кузма-Дзіемян мніе зъ ніеба спусцѣлѣ,
Ажъ тутъ вы з лягушкою ка мніе й загасцѣлѣ.
Благодариць же Бога, што вкупку сплялѣся,
А то булѣ, какъ пчолки по міодъ разбрилѣся.
Ксок. Niech będzie Jesus Chrystus pochwałony, czemuś milczą, na wieki wiekom amen.
Ktoś tu dzis duchownego potrzebował w płacze?
Лит. Здоровъ паніе дзяче.
Ксок. Ktoś, mówie, Spowiednika żądał tey godziny?
Лит. Богъ дасцъ, саколъ, мы и сами іомци до бацвѣни.
Ксок. Widze... głupi ten stary niewiedziec co prawi,
Лит. Да таки вотъ ціепіера пришовъ я из навы
Ксок. Thu przepadni: nie będe juz y gadał do cibie.
Лит. Пахадзѣвъ благодарю Бога и на небіе.
Ксок. Żebis ty był na niebie? tżesz, iak niepotsciwy!
Лит. Вицже ніе хто Богъ —міеніе насѣвъ мѣласцѣвій.
Ксок. Kedy że-s był na niebie, zmów co się tam dzieie?
Лит. Брешешь ти, тамъ всіо святцѣ, то въ піеклѣ зладзіее.
Ксок. Jak że się tam naszemu Papiżu powodzi?
Лит. Памѣнай ужо якъ звалѣ: прапавъ іонъ да и годзѣ.
Яму ніеба и ніе снѣлось ва свіе,—смажиць дошку,

Библиотека "Руниверс"

Ксон. Swięty żeby był w piekłe? szczekasz ty, staruszku
Przy nim ieszcze była łaska Chrystusowa.

Лит. Правда, правда угадав ти:
Сагнувшис, саматужки прецъ до пѣкла дрова,
А хваришнѣки акругъ скачуцъ и играюцъ,
Гетакимы дубцямы вотъ такъ поганяюцъ.

Выходитъ чортъ и несетъ жида за плечима, и приказуетъ ему чинити; потомъ выйдетъ цыганъ и диспутуется з жидомъ, и проженетъ жида цыганъ.

Interludium 2—tum.

Чортъ. Се уже обрѣтохомъ сожителя сѣни,
Котораго азъ ношу на раменах нинѣ;
Се й мнѣ завсегда во всемъ послушливъ бываетъ
І всю мою заповѣдь в себѣ сохраняетъ,
І азъ его сохраню во моей державѣ,
І пребудетъ со мною во единой славѣ,
І дамъ ему владѣти огнемъ негибнущимъ,
Да явится сожител во адѣ живущимъ.

Жид. Дай зе, васець, писмецко, сцобъ мнѣ узе знати,
То взе не буду пана другого сукати;
А якъ росписесся, то одного буду знавъ
І сцо тѣлко приказесъ, то буду слухавъ.

Дiявол. Я никогда же не имѣ, ничто же пію;
Даю и ти заповѣдь, даби хранил сію.

Жид. Охъ мир, добрій годъ на тебе звол, зе мнѣ звѣстити,
То я того не буду николи цинити.

Дiявол. Яждь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе.

Жид. Охъ и мнѣ нѣ капара, сцо зъ буду цинити?
Сцо бъ то уже минѣ на свѣтѣ не зити.

Дiявол. Не ужасайся,—азъ ти рекохъ слово;
Аще что воспросишь, будетъ ти готово. (отходитъ)

Жид. Елей, горній годъ іому, хоце поддурити!
А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ оранцовати,
Горѣлку, мед, и пиво буду продавати,

Библиотека "Руниверс"

Або по ярмаркахъ производитисъ буду
З одного да на другій съ тимъ цого не збуду;
А вунъ, капарникъ, казавъ, сцобъ хлѣба не исти
Та все горнувъ на тое, сцобъ тамъ з нимъ засѣсти.
Елей, порній годъ, хотѣвъ мене осукати,—
Неказавъ хлѣба исти, сцобъ з свѣта зогнати.
Цорнѣ гзерѣ, нехай вунъ не зиветъ на свѣтѣ,
А я все буду исти да якъ панъ сидѣти,
Толко не буду исти одно свинини;
Ухъ, тилко сцо спомянувъ, та не вдерзу слини!

Цыган. Чхаве на мурди прекуренди, на хрля вдере дати!
Диво мнѣ тимъ людямъ, що вмѣютъ махлюваты;
А я заховай Боже, якъ того пураюсь;
Таки бо я на тому махлярству не знаюсь
Що тилко загорую сліожнимы рукамы,
Тимъ и симъ зъ жаданкою, да и з жаданамы,
Якъ попишу симъ перомъ на клячинѣ паси,
То тутъ и ест порося, сало и ковбасы.
А ти старе, заткало, що тут поробляешъ?
Чи витришки продаешь, чи кунми мѣняешь?

Жид. Мы не того роду, сцобъ кѣнми мѣнати;
Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати.

Цыган. А сала албо ковбас продавать не лучалось?
Коли бъ вони тепер, тоб то смаковалось!

(*Жид.*) Не кази скоромнаго, я и и слухать не хощу.
Якъ бѣлзе будешъ казать, то навтеки скощу.

Цыган. А ти тепер не иси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй пост ниволи не зійде;
А Сергѣевой же ти не вдавъ звѣрини?

Жид. Насъ равъ бо намъ приказавъ не исти свинини,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора;
Тамъ вѣнъ тепер истъ въ небѣ вола соробора.

Цыган. Коли жъ такъ, вже й іого дѣдко къ собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ в небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ.
А и ти тута не хочешь исти кабанини,
Дакъ мандруй з дѣдкомъ туда жъ до своей родини,
Албо иди в подводу къ царю Фараону,—
Будешь возить, якъ прежде, на собѣ квадрону.

Библиотека "Руниверс"

Віиздитъ мужикъ на торъ изъ сыномъ и, оставивши сина, поидетъ торіовати, потомъ до сина пріидутъ три ярми и обикрадутъ сина, и скоро пріидетъ батко до сина, будетъ ятло скорбѣти, потомъ иній ярма пріидетъ, продаючи шляпу, и за той торъ побются.

Interludium 3—tium.

Бат. Не заиздѣмъ далеко, станмо и к дорозѣ,
Та я пойду на мѣсто, а ты сад на возѣ.

Синъ. Добре, татку, будемо на возѣ сидѣти,
Тулко не забуд к святѣмъ де-що покупити,

Бат. А я того найбарзе, що сама казала:
Вона и благовѣсного яица споминала.
Сѣди жъ синку да и гледи от на возѣ мѣхи.

Синъ. Казала еще мати, щоб продавъ орѣхи.

Батко. Чи не казала ще чого на мѣстѣ купити?

Синъ. К светому воскресенію чи не купишъ свити?

Бат. О то еще казала шахрану на паску.

Синъ. То то, татку, купи и запаску.

Бат. Добре, синочку, куплю, ос озму свитище.

Синъ. Ужеж заразомъ купи Солосѣ и днище,
Гребѣнъ и веретено, и люлку для Яця,
Черцю, курки, галуну покрасити яйца (к свяу),
А минѣ на чоботи кармазину, тату,
Горщокъ, макутру, мяло и соли у хату.

Бат. Ну вжеж пойду на мѣсто, щоб намъ не баритись.

Синъ. Та вже тебе я знаю, що ти рад напитись.

Бат. Не буйсъ, синокъ, не тее веремя тепера.

Синъ. Та я знаю, що тее буде, якъ и вчера (Батко solutа oratione)
І о такій пяній бувъ, що в ротѣ нѣ зуба,
Що якъ вдаривъ по мармузѣ, такъ ще болит губа.

Бат. От я сіого, Пелипку, нѣчого не знаю,
Що я чиню пяній; чи бю, чи полаю.
Ну не бѣся, дитятко, не буду вже питы;
Коли бъ тѣлко до дому де-що покупиты.

Ярм. Ек ана, братъ, какіе оченъ срядни рагѣ.
Аврюха, сматри з саду вотъ в міеху перагѣ,
А мы вотъ вжо начніомъ чупруна вбѣратѣ.
Ну братъ, Кирпичовъ, с вала рагѣ та снемать!

Библиотека "Руниверс"

Еехъ, срадніе рагі и намъ би здалися!
Ну—ста, братъ, Авруха за вала берися,
Да вотъ, братъ, оба рагі с вала поздемаемъ,
А снявши да поніесіомъ, в карманъ пахаваемъ.

Синь. Що ви таке робите, не руште бичати,
Бо онъ батко на мѣстѣ,—я буду кричаты.

Ярих. Не ври многа хахол,—рожу растаскаю,
І з голови валаса всіе те позриваю.
Пріими ево харашо, блядиново сина,
Щтобъ онъ віедалъ, скурвои синъ, каковъ я детина.

Синь. Я, моспанство, пентачка не жалую дати,
Тѣлко будте ласкавы, не руште бичати.

Ярих. Да вотъ мы сами денегъ имѣемъ даволно;
Снеми та рагі с вала,—ужо болтат полно.

Бат. А шо, синокъ, сиди жъ ти? чи не змерзъ у ногы?

Синь. І от замалимъ з вола не пропали роги.

Бат. Що такее, синочку, з нашого бичати?

Синь. Едъ не що, зіомочки хотѣли знѣмати.

Бат. Се ж ти, бачу, калачѣвъ не встерѣхъ на возѣ;
Я то казавъ, щоб саму и повезти небозѣ
Я сподѣвався на его, негѣдного сина,
Ажно воно придбало, чортова дитина.
Якъ би взявъ, щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно пометало, якъ то догледати
Отцевского доброго, а іому все смѣхи,
А того не зна, блазня, що из воза мѣхы
Пропалы, та вже сидит дѣдча собѣ тихо.
Якъ би рѣзнувъ по мурзѣ, щоб напало лихо,
Ачей би вже тетюха іого потрусила,
Тобъ дѣдча детина такъ вдруге не чинила.
Батко бѣдній товчется всюди головою,
А его воза глядѣт покинувъ з бедою,
Такъ вунъ того нѣчичиркъ, щоб того доглядѣвъ.
Лишь я куди вичакнувъ, то вѣнъ к чорту грянувъ.
Тобъ я камъ ся де подѣвъ, а воно нѣдбае;
Щоб худубки доглянувъ, того нѣгадае.
Нехай же, хотѣвъ купит и к святѣмъ шапчину
Ходиж тепер без шапки, нетецкій сину!

Библиотека "Руниверс"

Ярих. Ека шлика оченъ срядна,—изволь покупати;
Ветъ такой на базаріе не мошна сискаты.

Муж. О скурви синека з блазнямъ, щасливе якое:
Нѣ гадавъ купит шъличку, а тут, акъ на тое
Чортъ принюс ис товаромъ сюда къ мнѣ ста;
Щож мусит батко с тими? отсердится въ ката.
А що дамъ, пане капраній, за сю шапчину?
Колиб не дорожився, тоб я купивъ сину.

Ярих. Да нет, сватъ, не дарага: толко што полтина.

Муж. Ну лишне не калантир озми повъ алтина

Ярих. Да нет, што ти вріошъ, невіежа, да вет ето шляпа.

Муж. І жеб то мы купили тулко но почата: (помала)

Ярих. Какъ жя, чупрун, не купишъ ти етоей шляпы?

Муж. І пѣди, пестелюго, не видали шкапы.

Ярих. Да што ти, безтолковой, меня здесъ ругаешъ?
Какъ пападу за хихол, дакъ ти меня взнаешь.

Муж. Ось яж тебе наперед хлудиною gречѣ!
Якъ писаночку спишу помаленку плечѣ.

Ярих. Какъ чупрунъ мне тронешъ, глаза растаскаю
І валаса з галавы всіе повириваю.

Муж На, колы хочь з денгою алтинъ за шапчину,
А придачку до копи колякою в спину.

Виходят пиворѣзы перѣе единъ, а потомъ другій, которіи и малярство оумѣють; къ нимъ вїидетъ мужикъ, и его отмалюютъ пиворѣзы, за которое малярство приведетъ на нихъ вѣйта и ктитора, и проженутъ пиворѣзовъ.

Interludium 4—tum.

Пив. Где бъ то, вашецѣ проше, мѣсце пропскати:
Жившы без кондиціи, потяжко на шаты,
А и ещебъ думалось набрати тузинку,
Бо велце докучают студенти у зимку;
А приодягшис мало, пошол би въ Березну,
Но для совѣта граду ко другу любезну,
Іже въ Претиской школѣ криласа правитель
Лѣвого, горѣлицы и бражны любитель.
Паче бо в Коропѣ градѣ корысты [illegible]бивают

Библиотека "Руниверс"

І соборніи нашѣ тамо учащаютъ
Всѣмъ той камен прибѣжище заицемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждет скончевати,
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,
Въ немъ же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовалы
І по шагу изъ дыму рокового брали
І тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Под нашу милость, даби клиру сопричтити
І собор миж братію добре утвердиты.
Не толкожъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще кунштн разніе писати.

2 Пив. Хто здѣ таковъ хвалялся себе величаше?
Аще пріидетъ кто къ нему, нѣчого не даше.
А мы було якъ когдась на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни в школу прихождалы;
Ми бо бувало всіого подостатку маемъ
І хто прійдетъ к намъ в школу, любезно вгощаемъ.
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы з подтрубной криницы
І всего слава Богу бяше подостатку,
Що у людей, то и в насъ всякого статку
Да и тепер богати маемъ воли и телицы,
Іже купно мандруют по стѣнѣ к трубницѣ.

1. Не хвалѣтесь, бо и мы блощичного роду.
Маемо подостатку и всякого плоду
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса
Все ходячи по школѣ справляемъ труса,
Потрясши кучерами да спати лѣгаемъ,
А уставши раненко бражку попиваемъ.
Може вар(ш)ецъ ремество вмѣете робиты,
Бо и я умѣю, тоб вкупѣ сталибъ собѣ жити.

2. Скажѣть варецѣ проше окуду грядѣшы
Да и азъ ис тобою аможе идешы.

1 Грядемо мосцѣ пане з Середнои Буди

2. І мы толко що пріишли, було нас усюды
Гдеж намѣриваете нинѣ шествовати

Библиотека "Руниверс"

1. Ходѣмъ до Березнои, где и дяковаты
Будемъ, бо вже давно к мнѣ присилали
Всѣ титарѣ до мене, и болшъ поступалы
Роковщины, та боюсъ, бо построивъ штукы,
Такъ щобъ не попастися прото(по)пѣ в рукы.
2. Скажѣте, пане Власе, що то тамъ такое
Сто барбаръ занесли такъ диво самое (Ей ей)
2. Перестанмо сіого, ну—мо маліоватись,
Якъ пойдемъ до Коропа добре залѣцатись
Будемъ, наперед мене зволте вмаліоваты
А потомъ мы варецѣ будемъ рисовати.
Муж. Скажѣть панове декы, мудріи вы люде,—
Чи Кавел Кавеля вбивъ кому брехня буде
Чи минѣ бъ то ис кумомъ, чи моему свату?
Все не дает просвѣтку дай же его кату
Пив. Не бойся, о нагрику, кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положишы
Муж. Мы тобѣ пане дяче и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы пшона и гороху
Пив. О курвами о награ и з іого крупамы,
Або то мы без круповъ не звонимъ зубамы!
Муж. Также мы вамъ и шажокъ викинемъ до ката.
Пив. Грядп в школу для толку тамъ до номѣната
(моего).
А мы свое, пане Власъ, о чомъ була мова
2. Добре варецѣ проше и фарба готова.
Муж. А ну и мнѣ компердь пердъ умалюйте дяче.
Бо що пріиду до дому, то моя и плаче
Дохна, що не купили гостинця из мѣста
Серегъ або перстеня и низки намиста.
Пив. Добре варець говоришь, мы служит охочѣ
Омалюемъ усіого, толко заплющъ очы.
Пив. От такъ ти того бре(а)те дури знишка скота,
Толкожъ дурно учинивъ не залѣпивъ рота;
Якъ пѣйде до громады да воиту искаже,
То й намъ кіямы ктитар пекарню помаже.
Муж. Що се тобѣ Артюше сталося такее,
Щеж мы вперше из роду видимо от сее
Що такъ от легкодуха терпѣтимут люде

Библиотека "Руниверс"

Едже якъ не вибемо, то из насъ смѣхъ буде.
Гледи лишь, Тарасе, да стань от порога,
То мы легкобитовѣ припиляемъ рога.
И іонъ скурвій синъ поднявъ смѣхъ з нашого брата
Коли бъ що добре таки, а то шарапата.

Пив. Забівают нищету нашу, и печал нашу: обіидоша мя псы мнозы, жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста; о Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну: сонмъ лукавих обдержаша мя

Вивовитъ лях мужика въ клѣтцъ и війдетъ до нвю жид и заорендует мужиковъ. Потом до них війдетъ козак и визволивши мужиковъ запряжет ляха и жида отидет.

Лях. Gdy by mnie kto takiy chłopow potargował
Zayscie syzmatyckiey krwi bym nie żałował.
Nech że kiedy iuż taka odmiana się stała
Co do tych czas wolnosc swięta trwała
A teraz nasi chlopy na nas się buntuią
Y z kozacy na polskie koronę wotuią,
Zeby ią wykorżenic y wszystkie iey cnoty
Y odebrać do siebie szlachecke kleynoty.
Y takie to porade sobie wseymowali,
Zeby nasi poddani na nas y powstali.
Nie doczekaią tego żeby to tak bylo
A będziemy woiowac by szczęscie pluzyło
Poddanstwo swoię przedam już teraz nie trzeba
A u woysku gdzie kolwiek popadne szmat chleba
Y będę sam woiował poki siły stanie.

Жид. Добре васецъ говорисъ, Пердінцкій моспанie,
А я цувъ сцо подданнихъ хоцесъ продаваты;
Не продавай зе васецъ, зволь заорандоваты

Лях. Dobrże Żysiu powiadasz, uczynic to moge
Tylko niewim czy kupisz, bo poddanstwo droge.

Жид. А сцоб васецъ за них проп(х)авъ, я буду вистацавъ
І взе от сіого разу буду гросѣ збиравъ.

Лях. Nie wiele ia, Żysiu, chce za swoie poddane.

Жид. А якъ много цирвонихъ казы васецъ пане.

Лях. Żeby się nie targowac, day, Żysiu, sto złotych

Библиотека "Руниверс"

A kiedy się woyna mini, przyiade
Y żeby w ten czas byli piniędzy gotowe
Wraz czyrwonemi płacić biędziesz głowe w głowe.

Жид. Ховай Боже я пане не стану за плату
коли цого не стане, я продамъ и хату.

Лях. Day że, Żysiu, zawdatek y postaw mi człeka

Жид. Насцозъ васецѣ свѣдокъ? зне и дейнека.

Лях. A czy wicie, chlopowie, tego orędara?

Муж. Знаю, як була въ іого велика кошара
Овець, дакъ мы помалу те все прибпралы
Чи сита, чи худенка—не перебиралы.

Жид. У ноцѣ, о вей пане, сцоб и мене не вкравъ.
То я имъ буду на ницъ руки ногы вязавъ.

Лях. Я орендаржу tobie tak y przykazuię
Niech ieden y drugi z nim związani nocuią.

Муж. А буд ласкавъ паночку змилуйся над намы,
Хочь самы мы будьмо володать рукамы.
А то несвѣцкій соромъ прійшлося терпѣты,
Несподѣване лихо ось в турмѣ сидѣти
Пріишлос, а тепер моя нещасная доле
Тилко що бувъ бичаткомъ вихавъ у поле
Ажъ ось ти пане бѣжишь до мене на ниву,
Да и казав взят у мене кобилчину сиву,
А минѣ зказалы бика запрягати,
Дакъ я вже то сюд то туд да и покинув жаты
І посовтавъ до дому, да всовстався въ лихо
Нѣкуды вже будчати тѣлко сидѣт тихо.

Коваль. Щоб то се за причина и якъ розважати,
Що ляхы шилихвости людій продавати
Почали, да не знаю що то с того вийде,
Якъ на ляха година нещаслива пріиде
За те, що хрестянску кровь жидамъ орендуютъ
Десь то на себе лихо якее вѣщуютъ.
Да ще будет имъ лихо, нехай пождутъ трохы,
Бо мы вже взнали добре ляховецкы здохы;
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати
То вони заречутся хрестянъ продаваты.

Муж. Ей будь ласкавъ, козаче, визволь з сего лиха
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха.

Библиотека "Руниверс"

Козакъ. А тебе то сеи ляшуга узавъ у кандалы?
Муж. Едже такъ, козаченку, ти(ут) и ночовалы.
Козакъ. А защо ти шевлюго людей даешь въ муку?
Лях. Jako żywo nie daie...
Козакъ. Або не чувъ гуку,
Якъ отъ тебе хрестане отсіи кричалы.
Муж. Ще ото маю: хотѣвъ заслать на каналы
Якъ на роботу, такъ іого стали мы просити
Щобъ неславъ туди, ажъ жид пришовъ щобъ купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною знучавсь собачая лаца
Да ще упер у турму, щоб тут намъ сидѣти.
Козакъ. Не буйся, чоловѣче, буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважится людей продавати.
Лях. A mospanie kozacze nade mno zmiłuysię
Y takiey mey głuposci prosze nie dziwuysię
Ja y w pamięci tego nie miałem trafunku.
Жид. Едже васець и мене привѣвъ до фрасунку,
Сцо хоць людій продавати такъ я сіого не знавъ,
Я вїихавъ на мѣсто так ти самъ сказавъ.
Козакъ. Дакъ ти сіого нехристе не знаешь нѣчого?
Муж. І вже заплативъ усѣ сѣмь без золотого тараля
Козакъ. Вїйми ляше ис турмы сіого чоловѣка
Да самъ клады и з жидомъ голову без крика.
(*Жид.*). О минѣ пане козаце треба до Олика мѣста на ярмарокъ
Лях. A bądz łaskaw mospanie na mnie swego sługe
Już dalebog nie będę tego czynic wdruge.
Козакъ Годѣ калантурит, звол шію в ярмо класты
Да поидем до мене з жидомъ овецъ пасты.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ книгъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ при № 10 и въ дополненіи къ нему при № 11, вновь поступили въ складъ слѣдующія названія:

1 **Береженого Богъ береже.** Оповиданне про скотську чуму. Екатеринодаръ, 1896. Стр. 1—16. Цѣна 10 к.

2. **Дикаревъ.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Изданіе Воронеж. Губернск. статистич. комитета. Воронежъ, 1891. Стр. 1—314. Цѣна 2 р.

3. **Ол. Кырпатый. На панському обиди.** (Бувальщына). Харьковъ, 1890. Стр. 1—18. Цѣна 5 коп.

4. **Ол. Кырпатый.** Чумацьке лыхо (Зъ народнихъ устъ). Оповиданне. Харьковъ, 1890. Стр. 1—27. Цѣна 5 коп.

5. **Макаровскій. Наталя** або дви доли разомъ. Поэма. Харьковъ. 1890. Стр. 1—39. Цѣна 7 коп.

6. **Ѳ. И. Уманецъ.** Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. С.-Петерб. 1897, стр. 1—455. Цѣна 2 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"